N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 9

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

СЕНТЯБРЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1908.

Союзъ русскихъ писателей и Л. Н. Толстой.

Въ 1901 году происходили, какъ извѣстно, во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, такъ называемые, „студенческіе безпорядки“. Для противодѣйствія этимъ „безпорядкамъ“ правительство вздумало заимствовать тогда мѣру изъ приснопамятныхъ временъ царствованія императора Николая Перваго: оно издало „временныя правила“, въ силу которыхъ виновные въ участіи въ безпорядкахъ студенты подлежали сдачѣ „въ солдаты“. Всѣмъ еще памятно то впечатлѣніе, которое произвело на общество изданіе „временныхъ правилъ“. Многіе считали эти правила лишь угрозою для учащейся молодежи и не хотѣли вѣрить, чтобы они были приведены въ исполненіе. Жизнь вскорѣ показала, однако, обратное: нѣсколько десятковъ студентовъ кіевскаго университета подверглись дѣйствію „временныхъ правилъ“ и были зачислены рядовыми въ армію. Это вызвало бурный протестъ части русскаго общества и въ особенности учащейся молодежи. Въ Петербургѣ произошла 4 марта извѣстная демонстрація на Казанской площади, окончившаяся свирѣпымъ избіеніемъ полиціей демонстрантовъ и многочисленными арестами. Въ числѣ пострадавшихъ на Казанской площади были и русскіе писатели: побоямъ подвергся Н. Ф. Анненскій, аресту—П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій и другіе. Всѣ эти событія подняли общественное настроеніе еще на большую высоту. 9 марта состоялось общее собраніе членовъ Союза русскихъ писателей, на которомъ единогласно было принято рѣшеніе (протоколъ собранія былъ подписанъ 155 писателями) обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ протестомъ противъ дѣйствій властей на Казанской площади и тѣхъ условій, которыя вызываютъ такія событія, какія имѣли мѣсто 4 марта. Въ отвѣтъ на посланное Союзомъ писателей въ этомъ смыслѣ министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе уже 12 марта отъ петербургскаго градоначальника Клейгельса въ Комитетъ Союза поступила бумага такого содержанія: „По распоряженію господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, изложенному въ предложеніи отъ 12 сего марта за № 2814, союзъ взаимопомощи русскихъ писателей закрытъ, о чемъ объявляю комитету для свѣдѣнія и соотвѣтствующихъ распоряженій“.

Такъ окончилъ дни свои Союзъ писателей. По поводу этого факта на имя уже отдѣльныхъ членовъ Союза (общее собраніе не было разрѣшено даже для ликвидаціи дѣлъ Союза) стали притекать изъ разныхъ мѣстъ Россіи привѣтствія съ выраженіемъ сочувствія Союзу. Одно изъ такихъ привѣтствій Союзу, полученное изъ Москвы, нынѣ покойнымъ П. И. Вейнбергомъ (онъ былъ тогда предсѣдателемъ Комитета Союза), гласило:

„Съ искреннимъ сочувствіемъ узнали мы о протестѣ петербургскихъ писателей противъ звѣрскихъ поступковъ полиціи 4-го марта и послѣдовавшемъ отъ Союза Русскихъ Писателей заявленіи. Заявленіе это повлекло за собою закрытіе Союза. Мы думаемъ, что закрытіе это будетъ скорѣе полезно, чѣмъ вредно для тѣхъ цѣлей, которыя дороги русскимъ писателямъ. Закрытіемъ Союза администрація признала себя виновной и, не будучи въ состояніи оправдать свои незаконные поступки, совершаетъ еще новый актъ насилія, тѣмъ самымъ еще болѣе ослабляя свое и усиливая нравственное вліяніе борящагося съ ней общества. И потому мы отъ всей души благодаримъ васъ за то, что вы сдѣлали, и надѣемся, что дѣятельность ваша, несмотря на насильственное закрытіе Союза, не ослабнетъ, а окрѣпнетъ и продолжится въ томъ же направленіи свободы и просвѣщенія, въ которомъ она всегда проявлялась среди лучшихъ русскихъ писателей“.

Привѣтствіе это, покрытое многими подписями, было открыто подписью:

Далѣе слѣдовали подписи графини С. А. Толстой, И. Л. Толстого, г-на и г-жи Крандіевскихъ, г-жи Маклаковой, князя С. И. Шаховскаго, С. А. Скирмунта и многихъ другихъ.

Покойный П. И. Вейнбергъ долго хранилъ этотъ историческій документъ у себя и затѣмъ подарилъ его въ собранные нами большія коллекціи документовъ историческаго и историко-литературнаго характера. Съ своей стороны мы, конечно, передадимъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами въ устраиваемый въ Петербургѣ Литературный Домъ—Музей имени Л. Н. Толстого. Документъ съ подписью Льва Николаевича Толстого подъ такимъ обращеніемъ къ русскимъ писателямъ, содержаніе котораго воспроизведено выше съ буквальною точностью, долженъ будетъ, конечно, занять въ музеѣ Толстого надлежащее мѣсто.

В. Богучарскій.

Л. Н. Толстой и „Толстовство“ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Въ восьмидесятыхъ годахъ всѣ сознательные слои русскаго общества болѣе чѣмъ когда-либо сознавали, что только усилія самого народа могутъ спасти его отъ всѣхъ ужасовъ нищеты, невѣжества и рабства. Хотѣлось вѣрить, что Россія не погибнетъ, и потому вѣрили въ народъ; вѣрили, что въ немъ заложены огромныя потенціальныя силы; нужно лишь сумѣть вызвать ихъ къ жизни.

Въ то время еще не было русской соціалъ-демократіи, возложившей свои надежды, преимущественно, на фабрично-заводскій пролетаріатъ. Рабочій народъ мыслился какъ одно цѣлое, гдѣ бы онъ ни трудился на своемъ ли убогомъ надѣлѣ, въ батракахъ ли у помѣщика или въ городѣ на фабрикѣ. Вѣрили въ мощь всего трудящагося народа, и эта вѣра, какъ лучъ свѣта въ капляхъ воды, отражалась различными переливыми и оттѣнками въ призывахъ нашихъ писателей-народниковъ. Всѣ они звали туда—въ народъ, для того чтобы, слившись съ трудящимся народомъ, воспринять въ себя мощь его духа и передать ему въ свою очередь научное знаніе.

Нѣкоторые изъ писателей, призывавшихъ интеллигенцію въ деревню, какъ, напримѣръ, Энгельгардъ въ „Письмахъ изъ деревни“, особенное значеніе придавали именно этимъ знаніямъ и тому, чтобы народъ воспринялъ ихъ въ себя; для этого они и звали молодежь на землю.

Другіе же на первый планъ выдвигали тѣ духовныя сокровища, которыми, по ихъ мнѣнію, обладаетъ народъ, и пріобщиться къ которымъ должна интеллигенція, чтобы не оставаться безпочвенной, безплодной и безсильной.

Объ этомъ писали Глѣбъ Успенскій и Златовратскій; но съ особою яркостью и съ особой страстностью сталъ настаивать на этомъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Златовратскій, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, совершенно вѣрно отмѣтилъ, что къ Толстому привлекала его проповѣдь необходимости идти на землю для того, чтобы тамъ въ трудѣ понять то, чѣмъ живетъ народъ и, понявъ это, найти новый смыслъ жизни.

Проповѣдь Толстого о непротивленіи злу насиліемъ не останавливала на себѣ вниманія: къ ней относились какъ къ чудачеству, которое можетъ позволить себѣ великій человѣкъ.

Въ 1886 году ни я, ни мой пріятель, жившій со мной А. Б. не составили себѣ опредѣленныхъ взглядовъ и рѣшеній. Было ясно, что слѣдуетъ кончить медицинскій факультетъ, а тамъ будетъ видно. Во всякомъ случаѣ, если пойдемъ въ деревню, то не съ пустыми руками, а съ знаніями, внѣ сомнѣнія, необходимыми для народа.

Мы были на 2-мъ курсѣ. Въ это время А. Б. получилъ письмо изъ Сибири отъ своего, высланнаго административно старшаго брата Анатолія, въ которомъ тотъ писалъ, что на него произвели громадное впечатлѣніе послѣднія произведенія Толстого; что еще раньше, не познакомившись съ этими произведеніями, подъ вліяніемъ всего пережитаго и передуманнаго за годы ссылки, онъ пришелъ къ тѣмъ же мыслямъ, которыя находилъ теперь въ сочиненіяхъ Л. Н.

На моего пріятеля это письмо произвело огромное впечатлѣніе; оно ему было непріятно: ему казалось, что братъ чему-то измѣняетъ.

Скоро предстояло свиданіе: лѣтомъ Анатолій долженъ былъ вернуться въ Россію.

Покончивъ съ экзаменами, мы отправились съ А. Б. въ Тулу, чтобы оттуда ѣхать къ нему въ имѣніе.

Въ Тулѣ мы встрѣтили вернувшагося изъ ссылки Анатолія Б.

Стоило немного познакомиться съ нимъ, чтобы понять, что онъ не могъ быть революціонеромъ. Это былъ человѣкъ, по преимуществу, созерцательнаго склада ума. Въ его натурѣ не было ничего боевого. Во всѣ времена такіе люди уходили въ сторону отъ жизненныхъ бурь. Революціонеромъ онъ могъ быть лишь временно, пока способенъ былъ поддаваться гипнозу убѣжденій, чуждыхъ его душѣ.

На другой же день послѣ пріѣзда въ Тулу мы отправились въ Ясную Поляну и прибыли туда около полудня. Л. Н. мы не застали дома. Онъ былъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ дочерью, Марьей Львовной, и еще однимъ молодымъ человѣкомъ, проживающемъ на деревнѣ въ Ясной Полянѣ И. Ф., Левъ Николаевичъ пололъ лугъ, т. е. выдергивалъ изъ него стебли конскаго щавеля.

Наскоро поздоровавшись съ нами, Л. Н. предложилъ помочь намъ

дополоть лугъ, что мы охотно исполнили. Общими усиліями работа скоро была окончена, и всѣ мы отправились въ домъ.

Толстой не сталъ намъ излагать своихъ взглядовъ, а лишь спросилъ, читали ли мы его послѣднее произведеніе „Въ чемъ моя вѣра". Анатолій не читалъ этой книги, а мы съ А. Б. рѣшили перечитать ее еще разъ, болѣе внимательно, и Л. Н. вручилъ намъ единственный, бывшій у него, печатный экземпляръ съ тѣмъ, чтобы мы вернули его черезъ 2 недѣли.

Толстой много и подробно разспрашивалъ Анатолія о его жизни въ ссылкѣ, о политическихъ, а потомъ сталъ разсказывать о Джоржѣ Кенанѣ, который заѣзжалъ къ нему проѣздомъ изъ Сибири.

На насъ произвело громадное впечатлѣніе не столько содержаніе самого разговора, сколько чарующая простота обращенія, атмосфера душевной теплоты, та страстность, съ которой обсуждались затрагиваемые вопросы.

Когда разговаривали о революціонерахъ, то Л. Н. замѣтилъ: „Русскій народъ по своей природѣ не склоненъ къ революціи. Если въ Россіи и будетъ когда-нибудь революція, то это будетъ революція пассивная".

Признаюсь, что только теперь, послѣ октябрьскихъ дней 1905 года, я понялъ всю глубину этой фразы.

И. Ф. дополнялъ и усиливалъ общее впечатлѣніе. Видно было, что этотъ человѣкъ ничему не умѣетъ отдаваться наполовину. Новое ученіе всецѣло завладѣло его страстной, сильной душой. Онъ хотѣлъ воплотить въ жизни евангельское ученіе во всей его чистотѣ и цѣлости. Поселившись въ пустой хатѣ, въ деревнѣ, съ женой и маленькимъ ребенкомъ, онъ работалъ тамъ, гдѣ видѣлъ, что въ его работѣ нуждаются, о пищѣ же для себя и семьи онъ не заботился. Онъ былъ увѣренъ, что они будутъ сыты; и дѣйствительно, сердобольныя сосѣдки приносили кто молока, кто хлѣба, но все же семья Ф. жила впроголодь, а сосѣдки, дѣлая свои приношенія, возмущались на Ф. за то, что онъ сильный, здоровый мужчина, оставляетъ жену и дѣтей безъ хлѣба.

Эти подробности мы узнали впослѣдствіи, а тогда при первомъ знакомствѣ мы были поражены тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который наблюдался въ Ф. Казалось, что этотъ подъемъ есть лучшее доказательство того, что тутъ, дѣйствительно, найдена истина.

Анатолій уѣхалъ отъ Толстого совсѣмъ очарованнымъ, А. Б. утверждалъ, что нельзя измѣнить своихъ взглядовъ въ одинъ день. Но у него уже не было охоты спорить. Меня все видѣнное и слышанное заставило сильно задуматься о такихъ вещахъ, о которыхъ я раньше вовсе не думалъ. Прежде всего я поставилъ себѣ вопросъ: правъ ли Толстой въ своемъ объясненіи Евангелія? Дѣйствительно ли въ Евангеліи излагаются тѣ пра-

вила, слѣдуя которымъ можно теперь, сейчасъ же, стать на путь, ведущій къ безусловному счастью всѣхъ людей?

Если это такъ и если все то, о чемъ говорится въ Евангеліи, практически легко выполнимо, тогда должно быть обязанностью каждаго изучить Евангеліе, воплотить его въ своей жизни, научить этому возможно большее число людей. Самое заманчивое, какъ казалось, было то, что на этомъ поприщѣ не будетъ взаимнаго непониманія между нами и народомъ. Напротивъ, мы будемъ взаимно учиться другъ у друга. Народъ у насъ будетъ учиться новому, болѣе простому, но и болѣе осмысленному пониманію Евангелія, а мы будемъ стараться заразиться способностью народа ставить выше всего религіозные интересы.

Когда я читалъ въ первый разъ „Въ чемъ моя вѣра" Толстого, еще не будучи лично съ нимъ знакомъ, эта книга не произвела на меня почти никакого впечатлѣнія. Въ Евангеліи, подъ вліяніемъ гимназіи и офиціальнаго его изученія, я привыкъ видѣть что-то въ родѣ сборника невѣроятныхъ легендъ въ перемѣжку съ непонятными разсужденіями о Богѣ Отцѣ и нравственными поученіями, совершенно неприложимыми къ обыденной жизни. Первое чтеніе „Въ чемъ моя вѣра" не перемѣнило моего взгляда. Мнѣ казалось, что Толстой видѣлъ въ Евангеліи не то, что тамъ есть, а то, что онъ хотѣлъ тамъ видѣть.

Личное знакомство съ Толстымъ и не столько сила его доводовъ, сколько обаяніе его личности поколебало это мнѣніе. Я рѣшилъ основательно познакомиться съ Евангеліемъ.

Пріѣхавъ въ деревню, я сталъ читать Евангеліе параллельно съ краткимъ изложеніемъ Евангелія Толстого. И по мѣрѣ того, какъ я читалъ и вдумывался въ прочитанное, передо мной, какъ живая, выростала могучая личность Христа, всецѣло завладѣвавшая воображеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Евангеліе становилось все болѣе понятнымъ, и казалось, что стоитъ только рѣшиться, и легко можно выполнить всѣ заповѣди Христа, согласно тому, какъ онѣ понимаются Толстымъ. Но все же были и сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, казался страннымъ поступокъ Христа, изгонявшаго бичемъ торгующихъ изъ Храма. Какъ примирить это съ проповѣдью о непротивленіи насиліемъ. Приходилось допустить, что или Христосъ противорѣчилъ на дѣлѣ своему ученію,—но тогда пропадало все обаяніе его могучей личности, или же допустить, что этого факта не было на самомъ дѣлѣ,—но тогда гдѣ же критерій вѣрности того, что излагается въ Евангеліи? Наконецъ, можно было сдѣлать и еще одно допущеніе, именно то, что Христосъ вовсе не проповѣдывалъ непротивленія насиліемъ, и что Толстой въ этомъ пунктѣ совершенно не правъ.

Въ связи съ такимъ допущеніемъ стояло и то мѣсто въ Евангеліи,

гдѣ Христосъ говоритъ ученикамъ, чтобы они запаслись оружіемъ. Было еще одно мѣсто въ Евангеліи, которое меня сильно смущало. Это именно запрещеніе Христомъ развода. Мнѣ казался болѣе нравственнымъ взглядъ Бѣлинскаго, который писалъ, что бракъ безъ взаимной любви превращается въ развратъ. Запрещая безусловно разводъ, Христосъ, значитъ, наталкивалъ на развратъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было любви между супругами.

Съ этими недоумѣніями я рѣшилъ обратиться непосредственно къ Л. Н.

Представился хорошій случай: надо было возвратить взятую у Толстого книгу и я взялся ему ее доставить. Я рѣшилъ сдѣлать путь пѣшкомъ. Надо было пройти около 40 верстъ. Вставъ рано утромъ, часамъ къ 5-ти вечера я уже былъ въ Ясной Полянѣ. Былъ дождливый день; я по дорогѣ сильно измокъ. Меня сейчасъ же переодѣли, накормили, а послѣ обѣда я, оставшись вдвоемъ съ Л. Н., предложилъ ему свои вопросы. Относительно изгнанія торгующихъ изъ храма бичемъ онъ, на основаніи греческаго текста Евангелія, сталъ доказывать, что бичемъ былъ изгнанъ лишь мелкій скотъ, что же касается того мѣста, гдѣ Христосъ совѣтывалъ ученикамъ запасаться оружіемъ, то Толстой отрицалъ возможность такого факта и думалъ, что здѣсь искаженіе подлиннаго текста, тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ приводится только у одного Евангелиста Луки. И. Б. Ф. объяснялъ это мѣсто иначе: онъ говорилъ, что Христосъ, какъ человѣкъ, поддался временной слабости и хотѣлъ посредствомъ борьбы избѣжать своей участи. Онъ говорилъ, что подобная слабость, проявленная Христомъ, дѣлаетъ его болѣе человѣчнымъ и болѣе близкимъ и потому еще болѣе плѣняетъ.

На вопросъ о разводѣ Толстой сталъ отрицать реальность того, что называется любовью между мужчиной и женщиной. Онъ говорилъ, что этой любви придаютъ излишнее значеніе, что это происходитъ отъ сытой и праздной жизни, что ничего подобнаго нѣтъ въ народѣ. Повидимому, этотъ отвѣтъ не удовлетворялъ и его самого. Я заключаю объ этомъ потому, что въ одно изъ нашихъ слѣдующихъ свиданій Л. Н. самъ возвратился къ этой темѣ и сталъ разсказывать о томъ, что ему недавно пришлось говорить объ этомъ съ однимъ посѣтителемъ, по мнѣнію котораго критерій истинной любви заключается въ томъ, что мужчина и женщина только тогда рѣшаются на бракъ, когда будутъ увѣрены, что этотъ бракъ принесетъ любимому человѣку наибольшее счастье.

Разъясненія Толстого меня не удовлетворили, но обаяніе его личности и всей атмосферы, создавшейся тогда вокругъ него, дѣйствовали сильнѣе доводовъ разсудка. Казалось, что, идя по его указаніямъ, отдаешься чему-то великому.

Тогда начали уже появляться интеллигентныя земледѣльческія общины. Объ одной изъ такихъ общинъ, гдѣ-то въ приволжскихъ губерніяхъ, разсказывалъ Толстой и тутъ же совѣтовалъ бросить университетъ и ѣхать туда. Этотъ совѣтъ казался мнѣ непрактичнымъ. Что сталъ бы я дѣлать въ общинѣ, не умѣя работать, и почему же, поселившись въ деревнѣ, не запастись медицинскими знаніями?

Я рѣшилъ кончить университетъ и на каникулахъ учиться земледѣльческимъ работамъ.

Толстой въ своихъ разсужденіяхъ часто проводилъ ту точку зрѣнія, что многія вещи недоступны для пониманія не трудящемуся человѣку, и что, ставъ въ условія труженика, начинаешь видѣть новые широкіе горизонты. Эта идея все болѣе завладѣвала мною. Начавъ изысканія—нельзя было остановиться на полу-пути; надо было идти до конца. Какія бы трудности не встрѣтились, но ради отысканія истины надо было стать въ условія жизни крестьянина-землепашца, своимъ трудомъ добывающаго себѣ хлѣбъ. Кромѣ того, казалось безспорнымъ и такое разсужденіе: „мы хотимъ принести людямъ пользу, хотимъ научить чему-то народъ, просвѣтить его, а начинаемъ съ того, что беремъ себѣ плоды народнаго труда и пользуемся ими еще прежде, чѣмъ начнемъ приносить кому-либо пользу; и невъ правѣ ли народъ отвергнуть наше просвѣщеніе, сказавъ: „чему вы можете научить насъ, тунеядцы?“

Подобные доводы казались неотразимыми.

Въ то лѣто намъ не пришлось больше увидѣться съ Л. Н. Мы заѣзжали на обратномъ пути въ Ясную Поляну, но Толстого не видѣли, потому что онъ былъ боленъ.

Зимою я занялся, помимо медицины, чтеніемъ всѣхъ критическихъ статей, какія появлялись тогда по поводу послѣднихъ произведеній Толстого. Все, что выставлялось тамъ противъ идей Л. Н., мнѣ казалось очень мало убѣдительнымъ. Я думаю, это происходило отъ того, что въ этихъ статьяхъ совсѣмъ почти не касались тѣхъ сторонъ ученія Толстого, которыя меня особенно привлекали, именно: его глубокаго народничества. Полемика шла по преимуществу по вопросу о непротивленіи злу насиліемъ. По этому вопросу у меня сложилось слѣдующее мнѣніе: человѣкъ долженъ работать надъ собой въ томъ направленіи, чтобы сдѣлать какое-либо насиліе для него было столь же немыслимо, какъ, напримѣръ, ѣсть человѣческое мясо. Если человѣкъ дойдетъ въ этомъ направленіи до того, что не въ состояніи будетъ употребить насиліе даже для защиты своей жизни, то только въ этомъ случаѣ онъ будетъ правъ, не прибѣгнувъ къ насилію для защиты другого человѣка.

Въ тѣхъ полемическихъ статьяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, я не на-

ходилъ возраженій противъ такого воззрѣнія на непротивленіе злу насиліемъ, такъ что полемика противъ Толстого не могла пошатнуть моихъ симпатій къ его ученію. Однако, въ воззрѣніяхъ Толстого былъ одинъ пунктъ, съ которымъ я никогда не могъ согласиться, именно: его пренебрежительное отношеніе къ естественнымъ наукамъ. Мнѣ всегда казалось, что оно проистекаетъ въ силу того, что Толстой знакомъ съ ними лишь поверхностно.

При первомъ же свиданіи зимою въ Москвѣ съ Л. Н. у насъ съ нимъ возникъ на этой почвѣ очень длинный ожесточенный споръ. Какъ ни старалась Софья Андреевна успокоить Л. Н., напоминая ему, что уже поздно и уговаривая не спорить, онъ горячился все больше и больше. Мы проспорили часовъ до 2-хъ ночи, оставшись каждый при своемъ. Надо замѣтить, что въ Москвѣ Л. Н. не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія неотразимой обаятельности, какъ въ деревнѣ. Противная его натурѣ городская жизнь и обиліе навѣщавшихъ посѣтителей дѣйствовали на его нервы и дѣлали его, видимо, раздражительнымъ. Послѣ такого спора навѣстить Толстого въ эту зиму еще разъ мы не рѣшились.

Перейдя на 4-й курсъ я уѣхалъ на лѣто въ глухой хуторъ моего знакомаго въ Смоленской губерніи и тамъ учился работать.

Но это обученіе подвигалось впередъ туго. Физическій трудъ мнѣ не былъ пріятенъ. Меня больше тянуло къ книгамъ и я бывалъ радъ, когда проливные дожди позволяли уйти въ комнату и засѣсть за чтеніе. Однако я рѣшилъ переломить себя. По цѣлымъ днямъ я косилъ, корчевалъ и взрыхлялъ мотыгой землю. Къ концу лѣта я сталъ немного свыкаться съ физическимъ трудомъ.

Осенью, по пріѣздѣ въ Москву, я познакомился съ М. А. Н., восторженнымъ поклонникомъ Толстого.

Поводомъ для знакомства послужила изданная имъ на гектографѣ брошюра Толстого „Николай Палкинъ“. М. Н. говорилъ мнѣ, что книга „Въ чемъ моя вѣра“ произвела на него потрясающее впечатлѣніе,—ему казалось, что всѣ вопросы рѣшены, что вся истина найдена. Страшно общительный по характеру, Н. скоро сходился съ людьми. Онъ любилъ новыя знакомства. Мы очень скоро съ нимъ сблизились.

У него въ квартирѣ я встрѣчалъ много толстовцевъ. Тутъ былъ и З., который только что отбылъ 2-хъ годичный срокъ заключенія въ дисциплинарномъ баталліонѣ за свой отказъ отбывать воинскую повинность. Здѣсь же я познакомился и съ Л. П. Н., бывшемъ нечаевцемъ, уже немолодымъ, но очень горячимъ. Его горячность въ спорахъ даже ошеломляла. Впрочемъ, больше всѣхъ любилъ говорить А. В. А., большой пріятель М. Н., бывшій народоволецъ. Часто встрѣчалъ я у Н. еще его товарища по гимназіи Л. Н. М. Онъ не былъ послѣдователемъ Толстого, но го-

рячо симпатизировалъ идеѣ интеллигентныхъ земледѣльческихъ поселковъ—общинъ. Самъ онъ въ такой общинѣ селиться не хотѣлъ, потому что ему, по его словамъ, какъ теоретику-ученому нечего будетъ дѣлать въ общинѣ. Но если въ общинѣ сойдутся врачъ, юристъ, учитель или учительница, то они могутъ принести громадную пользу населенію. Трудясь физически, они будутъ ближе къ народу и лучше поймутъ его нужды, лучше сумѣютъ отвѣтить на его запросы. Былъ тутъ и еще одинъ, почти постоянный посѣтитель, нѣкто Ѳ. А. К. Онъ ушелъ изъ университета, сталъ отбывать воинскую повинность и теперь кончалъ срокъ. Это былъ человѣкъ съ очень глубокимъ, философскаго склада умомъ, обладавшій необыкновенно сильною волей. Мы знали, что его уходъ изъ университета и отбываніе воинской повинности былъ актъ самопожертвованія, и уважали его за это, не менѣе чѣмъ З. за отказъ отъ воинской повинности. К. не былъ послѣдователемъ Т.; онъ относился къ Л. Н. отрицательно и даже не хотѣлъ съ нимъ познакомиться, несмотря на всѣ доводы и просьбы М. Н.

Большинство собиравшихся у М Н. намѣревались въ скоромъ времени поселиться въ земледѣльческихъ общинахъ. Намѣчалось двѣ общины. одна въ Тверской губ. на землѣ, купленной Н., другая въ Смоленской губ. на землѣ, принадлежавшей А. В. А.

Съ Толстымъ нашъ кружокъ связывало, главнымъ образомъ, народничество Л. Н. Вышедшее тогда въ свѣтъ сочиненіе Бондырева „Торжество земледѣлія“ съ предисловіемъ Толстого до такой степени намъ нравилось, что А. В. А. даже говорилъ, что онъ Бондарева ставитъ выше Толстого.

Вопросъ о непротивленіи злу рѣшался въ нашемъ кружкѣ приблизительно такъ же, какъ понималъ его я. Мы не хотѣли участвовать ни въ какомъ насиліи и потому ушли въ сторону отъ революціонной дѣятельности; но съ другой стороны, мы не хотѣли участвовать и въ насиліи государственномъ и потому признавали для себя невозможнымъ участіе въ военной службѣ, въ судахъ и т. п.

Съ этой-то стороны, со стороны отрицанія государственнаго насилія, намъ и было дорого ученіе о непротивленіи насиліемъ. Мы считали, что наши убѣжденія болѣе революціонны, чѣмъ убѣжденія революціонеровъ, что, впрочемъ, не мѣшало намъ относиться къ нимъ съ большой терпимостью и симпатіей.

Такъ, напримѣръ, М. Н. долго, съ большимъ восторгомъ, читалъ *всѣмъ своимъ знакомымъ* письмо одного ссыланнаго революціонера къ Л. Н. Это письмо было написано очень горячо, въ немъ въ каждой строчкѣ сказывалась великая, любящая душа автора, который полемизировалъ тамъ съ ученіемъ Т. о непротивленіи злу насиліемъ. По разсказамъ Л. П. Н.,

знавшаго его лично, авторъ этого письма до такой степени обладалъ любящей душой и до такой степени вѣрилъ въ силу добра, что жилъ въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, извѣстнымъ ему за шпіона. Онъ хотѣлъ силою добра довести шпіона до раскаянія. И когда этотъ господинъ, которому онъ сдѣлалъ много добра, все же на него донесъ, то онъ повторялъ лишь одно: „я былъ съ нимъ недостаточно добръ“.

Въ ту зиму какъ-то вошло въ обыкновеніе собираться по вторникамъ у Толстого. Приходилъ и весь нашъ кружокъ, за исключеніемъ лишь Л. Н. М. и Ф. А. К., которые, какъ я сказалъ, не раздѣляли воззрѣній Толстого и не хотѣли съ нимъ знакомиться.

Въ эти дни происходили жаркіе споры между Толстымъ и нами. Застрѣльщиками были обыкновенно М. Н. и А. В. А.

Какъ сейчасъ я помню Л. Н., выпрямившагося во весь ростъ съ сверкающими глазами, упорно отстаивающаго свою точку зрѣнія противъ нашихъ нападеній. Какъ поразителенъ онъ былъ въ эти мгновенія и какъ жаль, что тутъ не было художника, который срисовалъ бы его въ это время.

Въ Толстомъ совмѣщается вмѣстѣ, съ одной стороны, народникъ и политическій мыслитель съ оттѣнкомъ анархизма, и, съ другой стороны, философъ-моралистъ, отыскивающій пути для новой, очищенной отъ всѣхъ суевѣрій религіи. Самъ Толстой болѣе всего цѣнилъ свои религіозно-философскія идеи. Народническія и политическія воззрѣнія лишь вытекали у него изъ его религіознаго міросозерцанія и не были на первомъ планѣ. Для насъ же въ то время важнѣе всего были именно эти народническія и анархическія идеи. Его же религіознымъ воззрѣніямъ мы не придавали особенно большого значенія. Эта-то разница и служила причиною всѣхъ нашихъ споровъ. Мы съ своей точки зрѣнія не могли допустить, чтобы послѣдователь Толстого, сдѣлавшись таковымъ, продолжалъ жить прежнею, барскою жизнью. Л. Н. отстаивалъ ту точку зрѣнія, что важнѣе всего сохранить хорошее отношеніе къ окружающимъ тебя въ настоящій моментъ людямъ, и если для этого требуется остаться въ условіяхъ прежней богатой жизни, то слѣдуетъ лучше принести въ жертву свой душевный покой, чѣмъ причинить зло и огорченіе окружающимъ тебя близкимъ людямъ.

А. В. съ особенной рѣзкостью возражалъ Толстому. „Враги человѣку близкіе его“—приводилъ онъ текстъ Евангелія. „А если для спокойствія этихъ близкихъ людей понадобится, чтобы я участвовалъ въ разбоѣ, неужели же я долженъ въ немъ участвовать?“ задавалъ онъ негодующій вопросъ. Напрасно возражалъ Толстой, что все опредѣляется степенью религіознаго сознанія. Мы оставались при прежнемъ воззрѣніи и при каждой новой встрѣчѣ споръ возгорался съ новой силой.

Такимъ образомъ, все яснѣе намѣчались два теченія въ толстовствѣ. Одно, на сторонѣ котораго стоялъ нашъ кружокъ, собиравшійся у Л. Н., можно было назвать народническимъ. Другое было скорѣе религіозное.

Сторонники этого послѣдняго теченія были духовно ближе къ Толстому; онъ считалъ, что они лучше его понимаютъ, чѣмъ сторонники перваго ученія. Въ свою очередь и представители религіознаго теченія относились къ Толстому съ большимъ уваженіемъ, доходящимъ до благоговѣнія. Для нихъ была безспорной, истинной почти всякая мысль, выраженная Л. Н.

Въ то время какъ народники-толстовцы, не взирая ни на какія трудности, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы воплотить въ жизнь ученіе Толстого, представители другого направленія, по большей части, не измѣнили своей прежней внѣшней жизненной обстановки, за исключеніемъ лишь того, что тѣ, кто служилъ въ военной службѣ, вышли въ отставку. За то они очень много сдѣлали для распространенія идей Толстого. Я не буду въ дальнѣйшемъ изложеніи говорить о толстовцахъ этого направленія; ихъ жизнь, съ внѣшней стороны, мало отличалась отъ жизни заурядныхъ обывателей, а въ ихъ писаніяхъ на всѣ лады варіировались мысли, уже высказанныя Толстымъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсказу замѣчу, что послѣдователи Толстого, близкіе къ нему по его религіозно-философскимъ воззрѣніямъ, и до сихъ поръ остались вѣрны своимъ взглядамъ; не такъ обстоитъ дѣло съ народниками-толстовцами: лишь не многіе изъ нихъ и теперь еще стоятъ на томъ же пути, по которому пошли 20 лѣтъ тому назадъ, большинство же измѣнило свои воззрѣнія и пошли другими путями.

Къ плану устройства интеллигентныхъ земледѣльческихъ общинъ Л. Н. относился довольно сочувственно. Впрочемъ, не довѣряя всему создающемуся искусственно, онъ предупреждалъ о могущей постигнуть насъ неудачѣ.

Собираясь почти ежедневно у М. Н., мы много толковали объ устройствѣ будущихъ общинъ; но все же у насъ не было выработано еще ничего опредѣленнаго; отчасти потому, что мы не хотѣли заранѣе что-либо предрѣшать. Впрочемъ, наши собранія прекратились совершенно внезапно и неожиданно.

Н. посѣщалъ одинъ молодой телеграфистъ, считавшій себя революціонеромъ по убѣжденіямъ, М. И. Т. Съ революціонерами онъ знакомъ не былъ и въ ихъ дѣлахъ никакого участія не принималъ. Кто-то познакомилъ его съ Сергѣемъ Зубатовымъ, который тогда еще ловилъ на свою

удочку неопытныхъ юнцовъ. М. И. Т. былъ въ восторгѣ отъ этого знакомства. Зубатовъ ему страшно понравился. Онъ хотѣлъ познакомить съ нимъ меня и А. Б. Я отъ знакомства уклонился, а А. Б. пошелъ и проспорилъ съ Зубатовымъ цѣлый вечеръ; причемъ Зубатовъ разыгрывалъ изъ себя убѣжденнаго революціонера и А. Б. стоялъ за толстовское ученіе о непротивленіи насиліемъ; вернувшись домой, А. Б. разсказалъ мнѣ о спорѣ и при этомъ сообщилъ, что Зубатовъ ему очень не понравился. М. И. Т. передалъ Зубатову одинъ экземпляръ „Николая Палкина" и при этомъ имѣлъ неосторожность сообщить, что эту брошюру издалъ М. Н.

Вскорѣ М. Н. былъ арестованъ. Его мать была этимъ страшно потрясена. Она, со слезами на глазахъ, просила меня сходить къ Толстому и попросить его, чтобы онъ показалъ, если его спросятъ, что брошюра была издана съ его согласія. Я зналъ, что этого не было: М. Н. письменно обращался къ Л. Н. съ просьбой разрѣшить изданіе брошюры; но отвѣта на свое письмо не дождался и издалъ брошюру, не получивъ согласія Толстого. Порученіе было тяжелое. Но я все же пошелъ къ Толстому и передалъ ему просьбу матери М. Н. Съ замѣчательной мягкостью и тактичностью Л. Н. поспѣшилъ разсѣять мое смущеніе. „Конечно, съ моего согласія, заявилъ онъ, я всегда радъ, когда распространяютъ мои сочиненія". „Передайте матери Н., что я такъ и скажу, если кто-нибудь меня спроситъ".

Черезъ нѣсколько дней Толстой получилъ приглашеніе явиться къ какому-то высокому сановнику (не помню къ какому именно), Л. Н. отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакого дѣла къ этому господину, и что если тотъ его хочетъ видѣть, то онъ самъ можетъ къ нему придти. Сановное лицо само не пошло, а послало своего чиновника, молодого человѣка. Послѣдній былъ принятъ любезно, какъ и всякій посѣтитель; причемъ Толстой все время говорилъ ему о безнравственности его службы [1]).

Вскорѣ М. Н. былъ освобожденъ; но ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губ. искать подходящаго для общины имѣнія.

А. В. А. къ этому времени уже поселился въ своемъ хуторѣ въ Смоленской губ. вмѣстѣ съ семьей своего двоюроднаго брата А. Е. А.

Такимъ образомъ, нашъ кружокъ распался.

Былые споры у Л. Н. прекратились. Я продолжалъ бывать у него

---

[1]) Я потому такъ подробно остановился на этомъ инцидентѣ, что со стороны офиціальныхъ представителей православія много позднѣе эта исторія излагалась въ искаженномъ видѣ и, хотя М. Н. писалъ опроверженіе, но врядъ ли многіе его прочитали. *В. Р.*

довольно часто. Онъ тогда писалъ свою книгу „Ученіе о жизни“. Какъ-то разъ онъ зашелъ къ намъ (я жилъ вмѣстѣ съ А. Б.) и принесъ корректурный оттискъ этой книги. „Даю вамъ, сказалъ онъ, всего на два дня“. Я читалъ его книгу не отрываясь; она произвела на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ его другія произведенія. Въ ней совмѣщалась удивительная простота изложенія съ глубиною содержанія. Когда я отдавалъ книгу Толстому, онъ спросилъ: „Ну, какъ вы думаете, пропуститъ цензура?“

„Тутъ есть мѣста, которыя слѣдовало бы измѣнить, чтобы ихъ пропустила цензура“, отвѣтилъ я. „Нѣтъ я не измѣню ни строчки“, сказалъ Л. Н. и прибавилъ: „Да что же тутъ такого, чтобы можно было запретить?“

Черезъ нѣсколько дней, когда опять я былъ у него, книга уже была уничтожена. Л. Н. съ сокрушеніемъ разсказывалъ объ этомъ. „Я видѣлъ сонъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ и улыбаясь, будто бы всѣ власти изгнаны изъ страны и стало такъ хорошо и я такъ радовался во снѣ, а утромъ узнаю, что мою книгу уничтожили“.

Въ эту зиму въ университетѣ были большіе безпорядки. Университетъ былъ закрытъ на два мѣсяца. Начались усиленныя репрессіи. Атмосфера была сильно сгущенная и настолько тягостная, что нѣкоторые студенты не выдерживали и уходили изъ университета.

Было сильное искушеніе сдѣлать то же самое, бросить университетъ, но благоразуміе взяло верхъ, и я остался, тѣмъ болѣе, что приближалось лѣто, а потомъ надо было пробыть въ Москвѣ еще одинъ годъ.

Лѣтомъ, живя въ имѣніи брата въ Калужской губ., я сдѣлалъ значительный успѣхъ въ искусствѣ косьбы и пахоты и даже сталъ находить въ полевой работѣ нѣкоторое удовольствіе.

На пятомъ курсѣ приходилось усиленно готовиться къ выпускнымъ экзаменамъ. Впрочемъ, съ Л. Н. видались довольно часто.

Много говорили объ образовавшихся уже тогда общинахъ. Толстой относился къ нимъ попрежнему съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ, но все же не особенно вѣрилъ въ успѣхъ.

Нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Москву М. Н., который уже устроился въ купленномъ хуторѣ. У него жили сначала З., недавно женившійся, и врачъ П. Но они скоро не поладили другъ съ другомъ. П. угнеталъ М. Н. своей необыкновенной молчаливостью. Кончилось тѣмъ, что и З. и П. уѣхали. Потомъ у Н. поселились Ф. А. К., уже отбывшій срокъ своей службы, и нѣкто Е. И. П. По складу своего характера Е. И. примыкалъ скорѣй къ толстовцамъ съ религіозно-аскетическимъ оттѣнкомъ.

Физическая работа его очень тяготила; онъ переходилъ изъ общины въ общину, вездѣ оставался недолго, работалъ мало и въ концѣ концовъ уѣхалъ куда-то на югъ.

Ѳ. А. К. тоже на первыхъ порахъ не удовлетворяла жизнь въ общинѣ; проживъ въ ней мѣсяца два, онъ уѣхалъ, о чемъ мы съ М. очень сожалѣли.

Толстому хотѣлось встрѣтиться съ М. Н. Рѣшили свидѣться у насъ на квартирѣ. Въ назначенное время пришли М. Н., Ѳ. А. К., Л. Н. М., а потомъ я Л. Н. и съ нимъ еще двое или трое его знакомыхъ. Л. Н. былъ очень радъ увидѣть, наконецъ, Ѳ. А. и Л. М., т. к. много объ нихъ отъ меня слышалъ и, видимо, ими интересовался. Онъ тотчасъ же къ нимъ подсѣлъ и завязалъ съ ними бесѣду. Между тѣмъ М. Н. въ разговорѣ съ другимъ гостемъ, молодымъ писателемъ изъ народа, сказалъ какую-то неодобрительную фразу объ одномъ изъ изъ тѣхъ толстовцевъ, которые продолжали жить прежней барской жизнью. Къ несчастью, эту фразу Толстой услыхалъ; онъ тотчасъ же съ жаромъ вступилъ въ разговоръ, и опять разгорѣлся прежній споръ. На этотъ разъ горячились особенно сильно. Доходили почти до колкостей. Уходя съ своими спутниками, Л. Н. сказалъ: „Мы пойдемъ и по дорогѣ не будемъ плохо о васъ отзываться, смотрите же и вы тутъ не говорите о насъ плохо". Эта фраза нѣсколько облегчила то непріятное тягостное чувство, которое получилось у всѣхъ присутствующихъ послѣ этого спора.

Приблизительно около этого времени Толстой бросилъ курить и выступилъ походомъ противъ алкогольныхъ напитковъ. Онъ написалъ очень горячую статью въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", съ призывомъ къ студенчеству не праздновать 12-е января поголовнымъ пьянствомъ въ московскихъ трактирахъ. Какъ извѣстно, этотъ призывъ успѣха неимѣлъ. Однако Толстой этимъ не смутился,—онъ даже началъ организовывать общество трезвости.

Въ нашемъ кружкѣ это новое настроеніе Л. Н. не встрѣтило сочувствія. Мы боялись, что Толстой погрузится въ тину мелкой будничной морали. Какъ-то разъ Л. П. Н. откровенно высказалъ это опасеніе самому Толстому. „Мы русскіе, сказалъ онъ, привыкли говорить: „Мы плохи, но у насъ есть великій старецъ, и на этого старца мы уповаемъ",—а этотъ старецъ занимается какими-то обществами трезвости". Услыхавъ эту отповѣдь, я думалъ, что Л. Н. вскипитъ, и начнется споръ, но онъ въ отвѣтъ только весело расхохотался.

Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ печати мнѣніе, что въ то время мысли Толстого приняли явно аскетическое направленіе.

Я лично никогда не могъ подмѣтить у Л. Н. наклонности къ аскетизму. Мнѣ кажется, что аскетизмъ совершенно чуждъ его натурѣ. Если

онъ возставалъ противъ куренія, противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, противъ мясной пищи, то въ основѣ этой проповѣди лежалъ не аскетизмъ, а требованія гуманности и морали. Вѣдь все это приносило такъ очевидно и такъ много непосредственнаго зла.

Къ половому вопросу въ бесѣдѣ съ Толстымъ возвращались довольно часто. Онъ, попрежнему, относился отрицательно къ половой любви. Я помню, какъ-то разъ онъ сказалъ такую фразу: «Жениться изъ за любовной страсти не хорошо, а жениться по холодному расчету, въ основу котораго положены даже лучшія намѣренія, еще хуже».—„Но какъ же жениться?", спросилъ я его. Онъ ничего не отвѣтилъ. Въ то время онъ уже начиналъ обдумывать тему „Крейцеровой Сонаты", но еще не пришелъ къ своимъ крайнимъ выводамъ: къ проповѣди абсолютнаго воздержанія.

Въ эту-то зиму Л. Н. задумалъ писать свой знаменитый романъ „Воскресеніе". Онъ сообщилъ намъ объ этомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: какъ-то разъ вечеромъ у него, кромѣ другихъ посѣтителей, былъ проф. Массарикъ и Эртель. Среди разговора Толстой, обратясь къ Эртелю, сказалъ: „вотъ вы, молодые писатели, все жалуетесь, что нѣтъ темъ, тогда какъ ихъ очень много; вотъ, напримѣръ, тема — случай изъ дѣйствительной жизни, который сообщилъ мнѣ одинъ знакомый юристъ" [1]). И затѣмъ Л. Н. разсказалъ содержаніе „Воскресенія". Эртель отвѣтилъ: „куда ужъ намъ браться за такія темы; съ ней могъ бы справиться развѣ только Достоевскій, да вотъ вы, Л. Н." Толстой на это ничего не отвѣтилъ. Мнѣ съ А. Б. пришлось идти домой вмѣстѣ съ проф. Массарикомъ и всю дорогу мы говорили о томъ, какъ хорошо было бы, если бы Толстой дѣйствительно написалъ повѣсть на эту тему. Черезъ нѣсколько дней, придя съ А. Б. къ Л. Н., мы стали разсказывать ему нашъ разговоръ съ Массарикомъ. Потомъ недѣли двѣ спустя, когда мы опять были у Толстого, онъ сообщилъ намъ: „а вѣдь я уже рѣшилъ писать повѣсть и уже написалъ письмо, прося разрѣшенія использовать тему".

На Страстной недѣлѣ Толстой съ нѣсколькими друзьями ушелъ изъ Москвы пѣшкомъ въ Ясную Поляну.

Сдавъ выпускные экзамены [2]), я тотчасъ же уѣхалъ въ Тверскую губ. къ М. Н., который въ это время жилъ одинъ въ своемъ хуторѣ. Докторъ П., живя въ общинѣ, купилъ на средства Н. медикаменты и наиболѣе необходимые инструменты. Ближайшая земская больница была въ 17 верстахъ. И потому, какъ только узнали, что пріѣхалъ докторъ, стало приходить много больныхъ.

---

[1]) Теперь извѣстно, что этотъ юристъ былъ А. Ф. Кони, разсказавшій недавно самъ объ этомъ фактѣ въ печати.

[2]) Мы кончали еще по старому университетскому уставу.

Мое положеніе сразу стало очень тяжелымъ. Не было опытности, чувствовались пробѣлы въ знаніяхъ; надо было бы читать, пополнять эти пробѣлы, а тутъ спѣшныя полевыя работы: пашня, сѣвъ гречихи и ячменя, участвовать въ которыхъ я считалъ своею обязанностью. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я чувствовалъ необходимость въ основательномъ пополненіи своихъ медицинскихъ познаній.

Вскорѣ къ намъ пріѣхали двѣ учительницы—барышни, которыя сначала хотѣли пробыть у насъ только лѣто. Вслѣдъ за ними явился П. Н. Г., семинаристъ изъ Твери, очень симпатичный молодой человѣкъ; онъ объявилъ, что рѣшилъ бросить семинарію и навсегда у насъ поселиться. Работа пошла успѣшнѣе. Это лѣто мы жили дружно и весело. Въ серединѣ августа пріѣхалъ опять Ѳ. А. К., чему мы всѣ были очень рады. Онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за работу. Глядя со стороны, можно было подумать, что она доставляетъ ему громадное наслажденіе. Двѣ спѣшныхъ и большихъ работы сѣнокосъ и жатву мы не рѣшились выполнить своими силами, а нанимали для этого крестьянъ. Всѣ остальныя работы производили сами.

Скотъ пасъ маленькій, нанятый М. Н., пастушокъ, лѣтъ 9-ти. Но съ нимъ намъ было много хлопотъ. Бывало, пойдемъ звать его обѣдать и не находимъ ни скота, ни пастуха. Разыщешь по кустамъ коровъ и телятъ, но никакъ не можемъ отыскать пастуха. Оказывается, что онъ спитъ гдѣ-нибудь, свернувшись въ клубочекъ, и пройдешь нѣсколько разъ мимо него, не замѣчая и принимая его за камень.

Осенью одна изъ учительницъ, В. П. П., уѣхала въ свою школу, а другая, М. В. Ч., рѣшила остаться у насъ.

Покончили со всѣми полевыми работами, съ молотьбой и выкопали картофель. Времени свободнаго стало оставаться больше. Меня, какъ занятаго медициной, вовсе освободили отъ всякихъ работъ. Но теперь, когда можно было уже всецѣло отдаться медицинѣ, я сталъ еще больше тяготиться своей недостаточной подготовленностью. Однако, я не рѣшался бросить общину и уѣхать учиться въ Москву. Наконецъ, я не выдержалъ и уѣхалъ изъ общины, чтобы вдали отъ больныхъ принять то или другое рѣшеніе.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, я отправился въ Ясную Поляну. Былъ октябрь, стояла чудная осенняя погода. Кромѣ меня, въ Ясной полянѣ въ это время не было никакихъ гостей. Вставали въ 8 часовъ утра и послѣ утренняго чая Л. Н. уходилъ работать въ свой кабинетъ, а я или читалъ наиболѣе интересныя изъ получаемыхъ имъ писемъ, или переписывалъ для общины „Крейцерову Сонату“, которую Л. Н. тогда окончательно отдѣлывалъ. Такъ длилось до завтрака—въ 12 ча-

совъ,—послѣ чего мы съ Л. Н. отправлялись въ лѣсъ; распиливали повалившіеся или сухостойныя деревья и затѣмъ привозили ихъ домой, справляясь вдвоемъ со всей работой. Мы работали до обѣда, т. е. до 5 часовъ. Трудно передать содержаніе нашихъ бесѣдъ во время этого продолжительнаго совмѣстнаго пребыванія.

Болѣе всего Л. Н. очаровывалъ своей искренностью, тѣмъ, что онъ, казалось, дѣлился самыми своими интимными мыслями.

Послѣ обѣда Л. Н. любилъ оставаться одинъ. За вечернимъ чаемъ, въ 9 часовъ вечера, собиралась вмѣстѣ вся семья; послѣ чая не расходились до 11—12 часовъ. Въ это время, по большей части, Л. Н. что-нибудь громко читалъ. Преимущественно читали „Обломова“; иногда Л. Н. садился за піанино и что-нибудь игралъ.

Время шло чрезвычайно пріятно.

Я былъ въ атмосферѣ обаянія личностью Л. Н. и того громаднаго впечатлѣнія, которое производило на меня чтеніе „Крейцеровой Сонаты“.

Я мало еще зналъ жизнь и не могъ судить, насколько правъ Толстой. Былъ ли несчастный бракъ Позднышева лишь спорадическимъ случаемъ или же всякій бракъ несетъ за собою разочарованіе, горечь и страданіе. Являлся вопросъ: любовь, столь опоэтизированная романистами, не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, лишь иллюзія, которая проходитъ вслѣдъ за удовлетвореніемъ?

Мнѣ кажется, что идея „Крейцеровой Сонаты“, особенно послѣсловія, съ необходимостью вытекаетъ изъ нежеланія Толстого придавать какое-либо значеніе половой любви. Допуствивъ ту ложную точку зрѣнія, что эта любовь есть только иллюзія или выдумка праздныхъ господъ, онъ неминуемо долженъ былъ придти къ положеніямъ, высказаннымъ въ послѣсловіи.

Въ общинахъ „Крейцерова Соната“ произвела громадное впечатлѣніе и породила много споровъ, особенно въ Смоленской общинѣ, гдѣ у А. В. А. въ это время собралось болѣе 20 человѣкъ общинниковъ. Самъ А. В. А. очень увлекся идеей общинъ; онѣ, по его словамъ, должны быть тѣми свѣточами, къ которымъ, какъ къ кострамъ въ степи въ темную ночь, отовсюду будутъ приходить люди.

Но необходимо устроить ихъ на болѣе прочныхъ началахъ. Для этого онъ хотѣлъ ввести въ общинахъ что-то въ родѣ обязательнаго устава. Абсолютное половое воздержаніе предполагалось, какъ непремѣнное условіе пребыванія въ общинѣ. Съ этими планами А. рѣшилъ объѣхать всѣ бывшія тогда общины [1]). Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и разсказалъ свои планы Л. Н. М—у, тотъ пришелъ въ ужасъ, потому что ни минуты не сомнѣ-

[1]) Кромѣ Смоленской и Тверской еще были общины въ Харьковской и Тамбовской губ.

вался въ томъ, что если подобныя предложенія будутъ приняты въ общинахъ, то общины въ очень скоромъ времени прекратятъ свое существованіе. У М. была одна надежда на меня, онъ думалъ, что я помѣшаю А убѣдить доводами своего краснорѣчія нашихъ тверскихъ общинниковъ. М. написалъ мнѣ въ Ясную Поляну самое отчаянное письмо, прося немедленно вернуться въ общину, что, какъ писалъ онъ, необходимо для ея спасенія.

Мнѣ дѣйствительно пора было уѣзжать и на другой же день я распростился съ Толстымъ. Когда я пріѣхалъ въ общину, А. В. А. тамъ уже не было. Было большое оживленіе. П. Г., М. Н. и Ф. А. К. всѣ трое наперерывъ разсказывали мнѣ то, о чемъ говорилъ А—й, но при этомъ сильно другъ другу противорѣчили.

Вскорѣ я получилъ отъ А—ія письмо, въ которомъ онъ выставлялъ свои главныя положенія: 1) утвержденіе истины жизнью, 2) подчиненіе личной воли общему дѣлу, 3) подчиненіе плоти духу. Въ своемъ отвѣтѣ на его письмо я напалъ, преимущественно, на второе положеніе и проводилъ ту мысль, что мы подчиняемъ личную волю не общему дѣлу, а волѣ Бога, и что это подчиненіе и есть наше общее дѣло, но что оно должно совершаться вполнѣ свободно, что не должно быть никакого давленія со стороны—ни моральнаго, ни логически философскаго.

Мое письмо, кажется, всѣмъ понравилось и всѣхъ успокоило, за исключеніемъ М. В. Ч., которая не хотѣла допустить въ своемъ лексиконѣ слова „Богъ“.

А. В. А. подъ этимъ словомъ разумѣлъ истину. Федоръ вѣрилъ мистически въ живаго Бога. Михаилъ говорилъ: „Богъ есть любовь и истина“. Петръ же отмалчивался и утверждалъ, что все это темно, а ясны и понятны только пять заповѣдей, выставленныхъ Толстымъ, и для него этого вполнѣ достаточно.

Лично я развивалъ слѣдующую теорію: Богъ есть истина, только не та истина, которую мы видимъ, а абсолютная истина, полноты которой мы знать не можемъ, а видимъ только отблескъ ея, вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ— это любовь и первопричина всего сущаго.

Но мы не можемъ имѣть никакого отношенія къ Богу, понимаемому какъ отвлеченная идея. Я вѣдь не знаю сущности вещей, но я знаю мое отношеніе къ вещамъ и принимаю это отношеніе въ повседневной жизни такъ, какъ будто бы оно и есть самая сущность вещей. Точно также, я, не зная сущности Божества, могу относиться къ нему только какъ къ лицу и принимать это отношеніе, какъ сущность. Это разсужденіе всѣмъ нашимъ очень понравилось, и даже М. В. начало примирять съ словомъ „Богъ“.

Смыслъ жизни я хотѣлъ найти въ постепенномъ совершенствованіи своего духа. Я писалъ объ этомъ Л. Н., прося его высказать свое мнѣніе.

Онъ очень скоро прислалъ отвѣтъ; онъ писалъ, что ростъ духа, вѣроятно, бываетъ, но что дѣлать это цѣлью и смысломъ жизни нельзя. Что цѣлью жизни можетъ быть только исполненіе воли Бога, которая всегда ясна.

Въ это время были длинные ноябрьскіе вечера, которые мы проводили за чтеніемъ.

У М. Н. была очень недурно подобранная библіотека.

День уходилъ у меня на медицину, у другихъ на работу по уходу за скотомъ, на пилку и колку дровъ и т. п.

Окружающіе крестьяне сначала относились къ намъ отчасти недовѣрчиво, отчасти насмѣшливо. Но осенью, когда мы принялись за работу очень серьезно, это недовѣріе смѣнилось нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Мы въ это время, послѣ уборки картофеля, занялись очень тяжелой работой.

Земля въ общинѣ была по преимуществу песчаная; и вотъ мы рѣшили навозить на нее перегноя изъ сосѣдняго болота. Землю изъ болота вывозили по доскамъ на тачкахъ, потомъ наваливали въ телѣги и везли на поле. Эта работа, по своей трудности и очевидной полезности, особенно удивляла крестьянъ. Ихъ удивляло то, что мы сразу взялись за такую работу, которая имъ не приходила и въ голову.

Какъ-то разъ пріѣхалъ становой, посмотрѣлъ на эту работу и сказалъ: „Ну, васъ не испугаешь каторгой, вы сами тутъ себѣ устроили каторжныя работы". Къ моему лѣченію относились съ благодарностью, и эту благодарность распространяли на всѣхъ.

Невдалекѣ жилъ молодой сектантъ, крестьянинъ-пашковецъ. Онъ часто къ намъ приходилъ и очень съ нами сблизился. Это былъ очень симпатичный и стойкій юноша. Общее у насъ съ нимъ отрицаніе внѣшняго богопочитанія заставило крестьянъ считать насъ за пашковцевъ. Что такое пашковщина, объ этомъ они не имѣли, конечно, ни малѣйшаго понятія, и объ этомъ ходили у нихъ самые разнообразные толки.

Были такіе крестьяне, которые приходили, толковали съ нами, старались намъ поддакивать, но все это въ надеждѣ, подольстившись къ намъ, чѣмъ-нибудь поживиться. Наконецъ, было нѣсколько человѣкъ болѣе развитыхъ. Они составили себѣ о насъ такое мнѣніе: „Хотятъ спасти свою душу, на свой собственный манеръ". При встрѣчѣ, они выказывали къ намъ большое уваженіе, вообще же насъ сторонились.

Въ то время у насъ шла переписка съ нѣкіимъ В., который хотѣлъ переселиться къ намъ изъ Донской области съ своимъ семействомъ. Начали уже заготовлять лѣсъ подъ постройку. Деревья вывозили изъ своего лѣсного участка десятинъ въ 30, который принадлежалъ къ имѣнію и находился въ отдѣльномъ кускѣ въ 3-хъ верстахъ отъ усадьбы.

Для переговоровъ пріѣхалъ братъ В. Ему у насъ не понравилась

скудость земли (почти голые пески, дававшіе всего самъ третей урожая). Такимъ образомъ, планъ поселенія В. разстроился. Тогда крестьяне ближняго села Перхова стали просить, чтобы мы продали имъ заготовленный лѣсъ. Но тутъ я поднялъ такой вопросъ: „Мы считаемъ своимъ лишь то, надъ чѣмъ трудились и что необходимо намъ для труда. Этотъ лѣсъ, взятый изъ участка, отстоящаго отъ нашего имѣнія за 3 версты, развѣ намъ нуженъ? А если онъ намъ не нуженъ, то на какомъ основаніи мы считаемъ его своимъ? Онъ принадлежитъ тѣмъ, кому онъ нуженъ, т. е. перховскимъ крестьянамъ, которые хотятъ его купить. Но если такъ, то этотъ лѣсъ надо отдать даромъ. Пусть только выплатятъ тѣ деньги, которые мы потратили на его вывозку“.

Разсуждая такъ, я хотѣлъ быть послѣдовательнымъ до конца, а главное, изъ опыта жизни узнать, куда приведутъ насъ наши взгляды: „Всякая собственность, не необходимая для личнаго труда, говорилъ я, поддерживается и сохраняется лишь насиліемъ и потому, признавая ее, мы тѣмъ самымъ признаемъ и поддерживаемъ принципъ насилія. Но что же такое вся наша жизнь, какъ не протестъ противъ насилія? И если мы станемъ признавать и поддерживать принципъ насилія актомъ продажи совершенно ненужнаго намъ лѣса, то какой смыслъ будетъ имѣть вся наша жизнь?“

Этими разсужденіями я убѣдилъ моихъ товарищей.

Мы собрали всѣхъ перховцевъ, желавшихъ купить лѣсъ, и въ краткихъ, но ясныхъ словахъ сказали имъ, что такъ какъ лѣсъ ростили не мы, а Богъ, такъ какъ лѣсъ намъ не нуженъ, а нуженъ имъ, то пусть они его и берутъ, только съ тѣмъ, чтобы отдали по 20 коп. за бревно, которые мы истратили на вывозку и очистку лѣса.

Крестьяне, убѣдившись, что мы не сошли съ ума и говоримъ серьезно, крайне обрадовались и не замедлили увезти бревна. Но они были тоже логичны: „Значитъ, и тотъ участокъ, изъ котораго привезенъ лѣсъ, вамъ не нуженъ; онъ Божій и изъ него можетъ всякій рубить сколько кому надо“. Не могли же мы сказать: „Нѣтъ“. „Да, и всякій можетъ рубить, кому сколько надо“, отвѣтили мы.

Результатъ этихъ словъ былъ поразителенъ.

Въ тотъ годъ (1890) весна была ранняя, зима подходила къ концу. Въ нашъ лѣсъ поѣхали крестьяне со всѣхъ деревень; всѣ спѣшили воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ. Кто пріѣхалъ на одной подводѣ, кто на пяти. Вскорѣ прибѣжалъ крестьянинъ изъ сосѣдней деревни и съ ужасомъ сталъ разсказывать, что въ лѣсъ съѣхалось такое множество народа, что уже началась изъ-за него свалка, что необходимо устроить очередь и не пускать всѣхъ разомъ. Признаюсь, мы струхнули, мы боялись,

чтобы не дошло дѣло до драки и до убійствъ. Было очень стыдно и досадно; получилось ощущеніе чего-то пошлаго и гадкаго. Пришлось попятиться назадъ. Назначили этого крестьянина сторожемъ и стали пускать въ лѣсъ по очереди. Но сами въ лѣсъ не ѣздили, намъ было стыдно. А крестьянинъ-сторожъ, какъ мы узнали потомъ, пускалъ въ лѣсъ лишь тѣхъ, кто ему платилъ. Нами были всѣ недовольны. Кто уже взялъ—былъ недоволенъ, что взялъ мало, кто не взялъ—былъ недоволенъ, что не успѣлъ взять... Крестьяне толпами приходили и просили дать пропускъ въ лѣсъ. Приходилось имъ отказывать, но это было очень мучительно. Лучшіе изъ крестьянъ насъ осуждали. „Если хотѣли сдѣлать доброе дѣло, говорили они, то раздѣлили бы лѣсъ бѣднѣйшимъ. А то теперь богатые, у которыхъ много лошадей, вывезли много, а бѣднякамъ ничего не досталось".

Нашъ поступокъ логически вытекалъ изъ нашихъ принциповъ, и если онъ привелъ къ нежелаемымъ результатамъ, то въ чемъ кроется причина этого? Доказываетъ ли это несостоятельность нашихъ убѣжденій? или же нами была допущена какая-нибудь ошибка? Эти вопросы не давали намъ покоя.

Въ это время П. Н. Г. получилъ телеграмму о смерти своего отца и уѣхалъ къ своимъ роднымъ поддержать ихъ въ горѣ.

Н. М. съ Ѳ. А. К. рѣшили поѣхать въ Смоленскую общину подѣлиться своими впечатлѣніями и думами. Въ душѣ Федора опять совершался какой-то мучительный разладъ. Я на время остался одинъ и съ помощью М. В. Ч. и В. П. П. [1]) управлялся со всѣми работами и лѣчилъ попрежнему больныхъ.

Теперь вопросъ о лѣсѣ приходилось рѣшать мнѣ одному; попрежнему приходили просить пропуска въ лѣсъ. Я рѣшилъ никого больше въ лѣсъ не пускать: „Пусть тѣ, у кого есть срубленныя деревья, ихъ увезутъ, но новыхъ рубщиковъ я больше не пущу". Такъ заявлялъ я тѣмъ, которые приходили просить пропуска въ лѣсъ.

Мое одиночество продолжалось не долго. Недѣли черезъ двѣ явился Г., а потомъ и Н. съ К. Съ ними пріѣхала изъ Смоленской губ. еще дѣвушка, М. Ф. С., очень молодая и наивная, и М. И. П., бывшій управляющій имѣніями. Онъ говорилъ, что признаетъ въ толстовствѣ только ученіе о томъ, что надо жить трудами своихъ рукъ, „а все остальное метафизика и чепуха", добавлялъ онъ.

Начались разсказы о Смоленской общинѣ. Тамъ собралось нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ. Жила семья С., но они уѣхали.

А. В. А. все старался „поднять, по его словамъ, какъ можно выше

[1]) Она около Рождества бросила школу и пріѣхала къ намъ съ тѣмъ, чтобы навсегда у насъ остаться. *В. Р.*

тонъ". Онъ много толковалъ о безбрачіи. Причемъ настаивалъ на томъ, что безбрачіе должно быть непреложнымъ условіемъ пребыванія въ общинѣ. Нѣкоторые члены общины возмущались этой попыткой насиловать свободную волю личности, и потому отношенія въ общинѣ были натянутыя; нѣкоторые изъ общинниковъ уходили, какъ, напримѣръ, М. Ѳ. С. и М. И. П. Эти вѣчные разговоры о бракѣ были неумѣстны. Одна дѣвушка въ Смоленской общинѣ даже признавалась, что она до этихъ поръ никогда объ этомъ не думала, а теперь послѣ разговоровъ о половомъ воздержаніи мысль о бракѣ неотступно ее преслѣдуетъ. И она вскорѣ потомъ вышла замужъ за человѣка, котораго не любила, даже не уважала, просто потому, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе; въ своемъ замужествѣ она была очень несчастлива.

Въ общемъ идеи, положенныя въ основу „Крейцеровой Сонаты", вліяли разрушающе на общинную жизнь. Было много неестественнаго въ этомъ стремленіи къ безбрачію тамъ, гдѣ жили вмѣстѣ молодые люди обоего пола, которымъ ничто не мѣшало вступить въ бракъ. Мое душевное состояніе въ это время было очень тяжелое. Не говоря уже о томъ, что исторія съ лѣсомъ меня порядочно измучила, я все больше убѣждался, что нельзя одновременно и заниматься медициной и работать физически. „Нельзя служить двумъ господамъ", какъ я говорилъ. Но зарабатывать себѣ пропитаніе медициной при той малой степени знаній, которыя у меня были, я считалъ недобросовѣстнымъ. Надо было или бросить медицину или ѣхать куда-нибудь учиться, пополнять свои знанія. Я рѣшилъ лѣто проработать въ общинѣ, а на зиму поѣхать куда-нибудь заняться медициной, подъ руководствомъ опытнаго врача. Но жить лѣтомъ въ Тверской общинѣ я рѣшительно не хотѣлъ; это значило разрываться еще цѣлое лѣто между работой и медициной. Въ виду этого я въ концѣ марта направился въ Смоленскую общину. Ѳ. А. К., о настроеніи котораго уже было упомянуто, какъ-то заявилъ, что уходитъ отъ насъ.

Онъ уѣхалъ въ Москву еще раньше меня. Со мною вмѣстѣ рѣшилъ уйти М. И. П., которому у насъ не понравилось. Я хотѣлъ заѣхать въ Москву и въ Ясную Поляну. До Торжка верстъ 80 мы шли пѣшкомъ вмѣстѣ съ М. И. П., а потомъ разъѣхались: я поѣхалъ въ Москву, а онъ въ Смоленскую общину. Въ Москвѣ я встрѣтился съ Ѳ. А. К. „Жить разумомъ,—говорилъ онъ, — мнѣ нельзя. И неудовлетворенность общинной жизни, которая у насъ ясно чувствовалась, происходила оттого, что мы свое міровоззрѣніе построили на доводахъ одного только разума. Нашъ разумъ ограниченъ и заблуждается. Въ основу жизни можно положить лишь вѣру въ Бога живаго. Только при непосредственной вѣрѣ въ Бога, при непосредственномъ съ нимъ общеніи въ молитвѣ, возможна религіозная жизнь.

Вѣра не вытекаетъ изъ разума, напротивъ: разумъ разрушаетъ вѣру, а потому онъ долженъ быть низвергнутъ съ своего пьедестала. Необходимо подчинить разумъ авторитету высокихъ нравственныхъ личностей, каковы отцы церкви". Такимъ образомъ, Ѳ. А. К. считалъ отцовъ церкви лучшими авторитетами въ дѣлѣ религіи, а православіе считалъ необходимымъ въ дѣлѣ вѣры.

Меня все это страшно поразило. Православіе я зналъ лишь изъ катехизиса Филарета, который еще въ гимназіи казался мнѣ явно лживой книгой. „Легко сказать, думалъ я, подчинить разумъ вѣрѣ, но какъ это сдѣлать?"

На Ѳ. К. оказалъ большое вліяніе В. Ѳ. О. Онъ былъ уже старикъ, но обладалъ большимъ краснорѣчіемъ. Ѳ. свелъ меня къ нему. Мы проговорили нѣсколько часовъ подрядъ. Говорилъ, впрочемъ, исключительно В. Ѳ. О.; его краснорѣчіе вліяло почти неотразимо. Я чувствовалъ, какъ онъ убѣждаетъ меня помимо моей воли. Онъ говорилъ на тему о вѣрѣ въ евангельскія чудеса, причемъ правдивость написаннаго доказывалъ совершенно новымъ для меня аргументомъ, именно художественностью Евангелія.

Для примѣра онъ передалъ разсказъ о воскрешеніи Лазаря. Дѣйствительно, съ его комментаріями этотъ разсказъ показался мнѣ исполненнымъ самой высокой художественности.

Невѣріе современнаго намъ общества онъ приравнивалъ къ невѣрію Марѳы, которая послѣ всего того, что видѣла раньше, все-таки плачетъ и ни минуты не думаетъ о томъ, что Христосъ можетъ воскресить Лазаря. Невѣріе современнаго общества онъ объяснялъ его невѣжествомъ, „т. к. оно вѣритъ въ матеріальныя гипотезы о происхожденіи міра, лишенныя всякаго смысла".

„Возможно ли жить спокойно, говорилъ онъ, зная, что вся наша жизнь куплена цѣною десятковъ тысячъ мученій и смерти лучшихъ людей, если не думать, что всѣ они воскреснутъ къ новой лучшей жизни". Я вышелъ отъ него съ головой, полной думъ.

На Ѳ. А. К. эти разсужденія вліяли такъ сильно, что вскорѣ послѣ Пасхи онъ рѣшилъ пойти въ какой-нибудь монастырь съ тѣмъ, чтобы тамъ пожить, а можетъ быть, и совсѣмъ остаться.

Я распростился съ нимъ тотчасъ послѣ Пасхи и отправился пѣшкомъ въ Ясную Поляну, такъ какъ у меня не было денегъ на билетъ по желѣзной дорогѣ.

Ходить по Россіи пѣшкомъ хорошо можетъ быть только лѣтомъ, когда можно ночевать гдѣ-нибудь въ сараѣ, на чистомъ воздухѣ.

Въ остальное время года ночевки представляютъ изъ себя порядоч-

ное мученіе. Несмотря на страшную усталость, вы не можете уснуть отъ ужаснаго воздуха въ крестьянской хатѣ и отъ цѣлой арміи насѣкомыхъ. Кромѣ того одолѣваютъ распросы: „Куда же это ты, милый, идешь?“ Не могу же я сказать, что я, докторъ, иду изъ одной толстовской общины въ другую. Ничего бы не поняли и не повѣрили бы; приходилось выпутываться изъ неловкаго положенія, переплетая правдоподобную дѣйствительность съ правдоподобными выдумками: „Иду, молъ, къ родственникамъ“.— „А ты по какой же части будешь? мастеровой?“—„Я лѣчу людей“.— „Значитъ фельдшеръ“, догадывается собесѣдникъ. „Что-жъ, мѣста идешь искать?“—„Да“. „А въ Москвѣ-то у тебя есть ли родные?“.—„Есть дядя родной“.—„И что же это онъ тебѣ на дорогу денегъ не далъ?“ Дальше слѣдуютъ соболѣзнованія и брань по адресу всѣхъ моихъ родственниковъ. И это повторялось, съ небольшими варіаціями, на каждомъ ночлегѣ. Въ концѣ пути я немного попривыкъ къ этой роли враля. А сначала было очень неловко.

Въ Ясную Поляну я пришелъ очень усталый. Когда я разсказалъ Л. Н. о нашемъ свиданіи съ В. Ѳ. О. и объ разговорахъ съ Ѳ. А. К., онъ только замѣтилъ: „Какъ васъ этотъ К. разстроилъ“.

Потомъ я разсказалъ исторію съ лѣсомъ. Я думаю, что я былъ слишкомъ утомленъ дорогой и безсонными ночами и не могъ толково передать Толстому руководившихъ нами мотивовъ. По крайней мѣрѣ, онъ видимо меня не понялъ и замѣтилъ, что нами, вѣроятно, руководило тщетное желаніе того, чтобы насъ хвалили за щедрость. Это замѣчаніе въ устахъ Толстого мнѣ показалось прямо таки обиднымъ и я, кажется, отвѣтилъ какой-то рѣзкостью, такъ что мы разстались довольно холодно.

Прежде чѣмъ идти дальше, я нуждался въ отдыхѣ и потому остался недѣли на двѣ въ имѣніи у А. Б. За двѣ недѣли полнаго отдыха я достаточно окрѣпъ и опять пѣшкомъ отправился въ Смоленскую общину. Пройдя полъ пути и убѣдившись, что моихъ денегъ хватитъ на остальную дорогу, я сѣлъ на поѣздъ и на другой день уже былъ въ Смоленской общинѣ.

Идеи мистицизма были совсѣмъ чужды моей натурѣ. Отдыхая въ имѣніи у А. Б., я разобрался въ нихъ и совершенно пересталъ думать о православіи. Я не могъ отказаться отъ разума и не хотѣлъ насиловать и ломать себя. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что можно и должно жить не разумомъ и не вѣрой, а любовью ко всѣмъ людямъ, той любовью, какъ она изображена у ап. Павла въ посланіи къ Коринфянамъ, той любовью, которая не ищетъ своего, а заставляетъ всецѣло переселяться въ другого человѣка въ его страданія и радости, забывая при этомъ о себѣ. Научиться

такой любви, думалъ я, можно посредствомъ непрерывнаго упражненія и это гораздо легче и естественнѣй, чѣмъ научиться подчинять свой разумъ велѣніямъ вѣры.

Когда я, на обратномъ пути, зашелъ къ Толстому и подѣлился съ нимъ этими мыслями, онъ отнесся къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ.

Въ Смоленскую общину я пришелъ 1-го мая. По этому поводу въ общинѣ не работали. Обо мнѣ всѣ уже слышали и встрѣтили меня какъ человѣка давно знакомаго.

А. В. А. не было дома, онъ уѣхалъ въ Полтавскую губ., чтобы перевести оттуда къ себѣ въ общину И. Б. Ф. съ семьей.

Въ общинѣ были слѣдующія лица: во-первыхъ, знакомая мнѣ еще въ Москвѣ Т. В. Т.; она въ своей жизни испытала уже много перемѣнъ, была и революціонеркой, пробовала заниматься серьезно наукой и ничто ее не удовлетворяло. Въ общину она пришла просто съ отчаянія, какъ въ послѣднее прибѣжище. Полной ея противоположностью была А. П. О., всегда жизнерадостная, улыбающаяся; она уже была въ одной толстовской общинѣ на Кавказѣ, но осталась ею очень недовольна. Уйдя изъ общины, она поселилась на фабрикѣ въ качествѣ простой работницы, гдѣ пользовалась общей любовью своихъ товарокъ. Ее розыскалъ А. В. А. и убѣдилъ пріѣхать въ свою общину.

Мужчинъ было 6.

М. И. П., о немъ уже была рѣчь. Затѣмъ бывшій студентъ-юристъ С. Д. Р., онъ ушелъ добровольно изъ университета во время послѣднихъ студенческихъ волненій, не вынеся гнета сгустившейся асмосферы наступившихъ репрессій. Это былъ мягкій, молчаливый человѣкъ. Онъ собирался уходить изъ общины, потому что непріятно чувствовать на себѣ, какъ онъ говорилъ, нравственный гнетъ А. В. А.

Затѣмъ С. И. Р.—изъ мелкихъ чиновниковъ. Пока что онъ наслаждался деревней и физической работой, дававшей отдыхъ измученнымъ неправильной сидячей жизнью нервамъ. Но непривычная работа давала себя знать. Онъ весь былъ покрытъ чирьями, которые переносилъ довольно стойко. Не особенно развитой, застѣнчивый, но очень чуткій и добрый, онъ съ благоговѣніемъ слушалъ разглагольствованія А. В. А.

Затѣмъ тутъ былъ еще братъ А. В. А., бывшій ученый, почти уже профессоръ. Усомнившись въ томъ, имѣетъ ли онъ право заниматься наукой, когда для этого его ближній долженъ на него работать, онъ бросилъ свою лабораторію и, пріѣхавъ въ общину, сразу сталъ такъ работать, какъ будто бы работалъ всю свою жизнь. Онъ очень мало говорилъ, но то, что онъ говорилъ, имѣло всегда большое значеніе. Замѣчательнѣе всего была его улыбка, которая сразу всѣхъ очаровывала.

Еще были два брата, Н. Г. и П. Г. Х., всегда молчаливые, всегда державшіеся въ сторонѣ отъ другихъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Н. раньше былъ сельскимъ учителемъ, а П. студентомъ-техникомъ.

Въ Смоленской общинѣ старались очень тщательно провести принципъ управляться со всей работой самимъ. Впрочемъ, этого принципа приходилось держаться и поневолѣ, такъ какъ денегъ въ общинѣ почти не было. Поэтому работали очень много, съ большимъ напряженіемъ. А между тѣмъ питаніе было довольно скудное.

Хотѣли скопить масло на продажу, чтобы имѣть хоть какія-нибудь деньги для необходимыхъ хозяйственныхъ надобностей. Кашу ѣли съ постнымъ масломъ, молоко пили только снятое, но его было не особенно много. Главнымъ питаніемъ былъ ржаной хлѣбъ. Чай пили только по субботамъ, даже не чай, а ячменный кофе съ молокомъ и это считалось большою роскошью. Въ общинѣ рабочій день, за вычетомъ отдыховъ, былъ не менѣе 12-ти, 13-ти часовъ.

По воскресеньямъ не работали.

Я рѣшительно не могъ подмѣтить, чтобы кого-нибудь угнеталъ этотъ суровый режимъ.

Недовольны были совсѣмъ другимъ: женщины были больше всего недовольны постоянными пріѣздами новыхъ лицъ, которые, поживъ немного, уѣзжали; во-первыхъ, имъ прибавлялось много лишняго непріятнаго дѣла въ стряпнѣ, а во-вторыхъ, получалось, какъ онѣ говорили, впечатлѣніе, что живешь не дома, а какъ будто на постояломъ дворѣ.

Кого здѣсь только не перебывало. Недѣли черезъ двѣ послѣ моего прихода вернулся А. В. А. и съ нимъ пріѣхалъ, со своей семьей, И. Б. Ф., съ которымъ я раньше видѣлся у Толстого, когда Ф. еще жилъ въ Ясной Полянѣ. Онъ жилъ передъ этимъ въ Полтавской общинѣ вмѣстѣ съ Анатоліемъ Б.

Община распалась отчасти по недостатку въ матеріальныхъ средствахъ, а отчасти потому, что нѣкоторые изъ общинниковъ заявляли, будто бы Ф. всѣхъ слишкомъ подавляетъ, какъ бы гипнотизируетъ и подчиняетъ себѣ. Эти-то заявленія и заставили Ф. уѣхать изъ общины, которая затѣмъ вскорѣ совсѣмъ распалась. Б. уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и сдѣлался здѣсь пчеловодомъ.

Гостилъ у насъ недѣли двѣ и Л. Н. М., потомъ пришелъ Ѳ. А. К., который все-таки не попалъ въ монастырь. Пройдя верстъ 150, онъ нашелъ, что не готовъ для монастырской жизни и пошелъ въ Смоленскую общину. Но здѣсь ему не понравилось, онъ нашелъ, что всѣ слишкомъ духовно подчинены А. В. А. Приходило еще много и другихъ молодыхъ людей изъ Петербурга и Москвы; кто оставался на нѣсколько дней, кто

жилъ по недѣлямъ и больше. Пріѣзжалъ еще одинъ братъ А. В. А., М. В. А., художникъ по профессіи. Онъ жилъ въ общинѣ въ Харьковской г. съ двоюроднымъ братомъ А. Е. А. Объ этой общинѣ я знаю мало. Нѣкоторыя изъ общинницъ Смоленской губ. туда ѣздили, но ужиться тамъ не могли.

Съ пріѣздомъ А. В. А. и И. Б. Ф. начались безконечные разговоры и споры. Больше всѣ говорилъ А.,—онъ могъ, кажется, говорить нѣсколько сутокъ подрядъ.

Онъ былъ увлеченъ теперь аскетизмомъ и говорилъ, что Будду ставитъ выше Христа. Эти взгляды мнѣ были очень тяжелы. Къ аскетизму я относился крайне отрицательно, и потому не было свободной минуты, когда бы мы не спорили съ А. Но общинники все болѣе и болѣе съ нимъ соглашались и не потому, какъ мнѣ казалось, чтобы онъ ихъ убѣждалъ, а потому, что они, дѣйствительно, были духовно ему подчинены. Меня все это очень тяготило и я съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія лѣтнихъ работъ, когда хотѣлъ уйти.

Лѣчить мнѣ здѣсь не приходилось, потому что окрестное населеніе не знало, что въ общинѣ есть врачъ, и я просилъ всѣхъ никому объ этомъ не говорить. Я ушелъ раньше, чѣмъ думалъ. Въ серединѣ іюля я получилъ письмо отъ своей сестры, которая была замужемъ за А. Б., что М. И. П. [1]) у нихъ и что онъ почти убѣдилъ ихъ переселиться въ Закавказье, такъ какъ тамъ земледѣліе можетъ дать гораздо больше и прожить въ матеріальномъ отношеніи легче.

Но я по опыту зналъ, что Б. рискуетъ погубить тамъ своихъ дѣтей благодаря закавказской лихорадкѣ. Поэтому я тотчасъ же поѣхалъ къ нимъ, чтобы отговорить ихъ отъ этого шага.

А. Б. съ семьей поселился на хуторѣ въ имѣньи отца, чтобы тамъ самому работать. Я скоро уговорилъ ихъ не уѣзжать на Кавказъ и тогда принялись за озимый сѣвъ. М. И. П. вскорѣ уѣхалъ опять въ Смоленскую общину, а я, покончивъ съ сѣвомъ, отправился въ Тверскую общину съ тѣмъ, чтобы, побывъ тамъ нѣсколько дней, уѣхать въ г. Крестцы, Новгородской губ., гдѣ я думалъ работать въ больницѣ, подъ руководствомъ знакомаго опытнаго врача.

Къ сожалѣнію, у меня было немного денегъ, и я ихъ очень берегъ, а потому отъ станціи желѣзной дороги въ Крестцы пришелъ пѣшкомъ съ котомкой за плечами. Это былъ неосторожный шагъ съ моей стороны. На другой же день весь маленькій городокъ узналъ и говорилъ съ тревогой о томъ, что въ городъ пришелъ пѣшкомъ докторъ, и хочетъ работать въ

[1]) Онъ ушелъ изъ Смоленской общины вскорѣ послѣ моего туда прихода.

больницѣ. „Навѣрное соціалистъ", рѣшилъ предсѣдатель управы и категорически запретилъ пускать меня въ больницу.

Поселиться въ Москвѣ или Петербургѣ съ моими средствами было немыслимо и я вернулся по-неволѣ въ Тверскую общину.

Вскорѣ сюда пришелъ и Ѳ. А. К. Его православіе никого не задѣвало, и мы жили съ нимъ очень мирно. Сюда пріѣхали новые люди, именно семья С. съ тремя дѣтьми. Присутствіе дѣтей всѣхъ оживило. В. И. С. лѣтъ 30, очень сильный, хорошій работникъ. Онъ работаетъ съ 16 лѣтъ. Устраивалъ общину у себя въ имѣніи въ Псковской губ., но она была не долговѣчна, работалъ у Энгельгардта, потомъ на Кавказѣ; былъ въ Смоленской общинѣ и теперь рѣшилъ устроить свою общину. Вскорѣ онъ нашелъ подходящее имѣніе верстахъ въ 12 отъ насъ и переѣхалъ въ него.

Его пріѣздъ внесъ большое оживленіе въ нашу жизнь. Въ свободное время навѣщали другъ друга; приходили помогать другъ другу въ трудныхъ работахъ,—такъ, напримѣръ, совмѣстно набивали ледники.

Смоленская община въ это время распалась. А. В. А. былъ недоволенъ общиной, онъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы „слить, какъ онъ выражался, свою жизнь съ общей народной жизнью". Онъ заходилъ къ намъ, а потомъ ушелъ на югъ.

Послѣ того А. много ходилъ по разнымъ сектантамъ, былъ на Афонѣ, въ Одессѣ работалъ на пристаняхъ. За А. стали расходиться и другіе. Послѣднимъ ушелъ его молчаливый братъ: онъ поселился у С.

Всѣ мы уже втянулись въ работу, и наша жизнь шла довольно гладко; но въ это время одно обстоятельство опять заставило насъ задуматься надъ вопросомъ о противленіи злу насиліемъ. Насъ стали обкрадывать: украли сбрую, украли двухъ лошадей. Надо было что-либо предпринять. Скрѣпя сердце, завели большіе крѣпкіе замки, цѣпную собаку; но мы понимали, что становимся на скользкій путь компромиссовъ. Опять началась тяжелая внутренняя работа. Я по опыту зналъ, что физическая работа и медицина не дадутъ мнѣ времени думать и потому рѣшилъ пойти познакомиться къ доктору Таирову, который жилъ въ качествѣ вольнаго врача въ деревнѣ въ 130-ти верстахъ отъ насъ. Я шелъ не спѣша и дорогой много думалъ.

Я пришелъ къ тому выводу, что Толстой въ своемъ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра" неправильно толковалъ нагорную проповѣдь Христа: „Христосъ не давалъ никакихъ заповѣдей. Во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ Онъ училъ лишь достиженію Царствія Божія, „которое внутри насъ есть", и въ нагорной проповѣди онъ объяснялъ лишь сущность этого Царствія Божія. То, что Толстой называлъ заповѣдями, было лишь идеаломъ, ука-

зывающимъ путь, по которому надо идти". Съ этой точки зрѣнія все Евангеліе становилось понятнѣе и проще. Я написалъ объ этомъ новомъ своемъ пониманіи Евангелія письмо къ Л. Н. Онъ очень скоро мнѣ отвѣтилъ, что не только онъ самъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, но получилъ еще письмо отъ своего друга П. И. Б. и Д. А. Х., которые склоняются къ тому же. Это письмо меня очень обрадовало. Я думалъ, что окончательно расхожусь съ своемъ пониманіи съ Толстымъ, а между тѣмъ оказывалось, что эти опасенія не оправдались.

Моихъ товарищей эти вопросы, впрочемъ, волновали мало. Ѳ. А. К., какъ я сказалъ, былъ увлеченъ православіемъ. М. Н. въ это время хотѣлъ осуществить новый планъ устройства жизни. Онъ говорилъ, что земледѣліе слишкомъ сложное дѣло и слишкомъ поглощаетъ человѣка; онъ рѣшилъ поселиться отдѣльно съ М. В. Ч. и жить сапожничествомъ. „У меня не будетъ, говорилъ онъ, ни сбруи, ни лошадей, ни телѣгъ; нечего у меня будетъ красть, и я буду чувствовать себя болѣе свободнымъ".

Меня такое рѣшеніе не удовлетворяло, я искалъ общаго принципіальнаго разрѣшенія вопроса, а не только личнаго, частнаго.

Молчаливый братъ А. попрежнему молчалъ, и мы не знали, что онъ думаетъ по этому поводу; а В. И. С. говорилъ, что звать полицію, чтобы искать вора онъ не будетъ, но если воръ попадется ему въ руки, то онъ за себя не ручается.

Совершенно особенный взглядъ защищалъ П. Н. Г. Онъ былъ всецѣло увлеченъ чарующей личностью Сютаева [1]), который доказывалъ, „что надо спасаться міромъ, а не въ одиночку" или, говоря другими словами, что долженъ быть переустроенъ весь укладъ государственной общественной жизни на коммунистическихъ началахъ.

П. Н. Г. самъ ходилъ къ Сютаеву, жившему въ 80 верстахъ отъ насъ, и вернулся къ намъ съ Сютаевымъ, который гостилъ у насъ три дня. Вскорѣ наше вниманіе было отвлечено очень серьезной болѣзнью П. Н. Г., его пришлось отвезти въ Тверь въ больницу. Я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Здѣсь въ Твери жилъ съ своей семьей нашъ старый знакомый Л. П., съ которымъ я встрѣчался въ Москвѣ у М. Н. Я остался въ Твери и сталъ ходить работать въ губернскую земскую лѣчебницу.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ, и я чувствовалъ, что мои медицинскія знанія становятся болѣе прочными.

Въ маѣ мѣсяцѣ Л. П. Н. переѣхалъ съ семьей въ свой хуторъ, только что имъ купленный, въ которомъ былъ небольшой домъ, располо-

---

[1]) О Сютаевѣ см. статью „Крестьянинъ-коммунистъ", „Мин. Годы" Августъ.

женный очень живописно межъ двухъ горъ, и всего 5 десятинъ земли. Мнѣ пришлось уѣхать изъ Твери, хотя П. Н. Г. все еще былъ боленъ.

Въ нашей общинѣ за мое отсутствіе произошли большія перемѣны: Ѳ. А. К. и В. П. П. уѣхали на Кавкакъ въ Криницу.

Изъ Петербурга пришли пѣшкомъ два новыхъ общинника: И. Д. Р. и О. А. С., которые оба раньше были уже въ Смоленской общинѣ. Кромѣ того, пріѣхалъ съ дочерью и внукомъ Сютаевъ. Тогда М. Н. съ М. В. Ч. перебрались опять въ общину. Къ нимъ же присоединился и молчаливый братъ А.

У С. жилъ теперь одинъ изъ братьевъ Х.—Н. Х. и еще А. И. К., бывшая раньше тоже въ Смоленской общинѣ. Это былъ прямо таки необыкновенный человѣкъ. Замѣчательно кроткая, она обладала громадной силой воли и способностью къ поразительной самоотверженности. Она была очень прямолинейна, слово и мысль у нея никогда не расходились съ дѣломъ.

Вернувшись, я нашелъ, что С. труднѣе будетъ справляться съ работами, чѣмъ у насъ въ общинѣ, такъ какъ Н. Г. Х., по слабости здоровья, не могъ быть настоящимъ работникомъ. Потому я остался работать у С.

Опять началась эта жизнь, когда приходилось разрываться между работой и медициной. Я не хотѣлъ больше мириться съ этимъ и, проживъ у С. до конца покоса и жатвы, уѣхалъ въ село Богородское, Нижегородской губ., гдѣ рѣшилъ поселиться въ качествѣ вольнопрактикующаго врача. Тутъ было много молоканъ, которые меня давно интересовали. Между ними я нашелъ нѣсколько выдающихся людей. Съ однимъ изъ нихъ, старикомъ лѣтъ 70, Иваномъ Егоровичемъ, я даже очень сблизился, часто къ нему заходилъ, и мы подолгу съ нимъ бесѣдовали.

Наступилъ голодный 1891 годъ. Толстой, думая сначала заняться въ небольшихъ размѣрахъ кормленіемъ голодныхъ въ одной столовой, гдѣ онъ могъ бы помогать преимущественно своимъ личнымъ трудомъ, ходомъ событій принужденъ былъ взять въ свои руки громадное дѣло кормленія голодающихъ. И вотъ къ нему на помощь съѣхались всѣ бывшіе общинники. Тутъ были и братья А. и М. А., и М. Н., и выздоровѣвшій П. Н. Г., даже В. И. С., оставивъ на время семью, пришелъ сюда. Сюда пріѣхалъ и Ѳ. А. К. и многіе другіе. Начались безконечные разговоры по вечерамъ. А. В. А., побывши у разныхъ сектантовъ, сталъ вдругъ на сторону православія. Къ нему присоединились, кромѣ Ѳ. А. К., еще и М. Н., М. В. Ч. и В. Н. П. На нихъ большое вліяніе, повидимому, имѣлъ докторъ, живущій не подалеку отъ нихъ, убѣжденный православный, человѣкъ очень начитанный, съ очень глубокимъ пытливымъ умомъ.

Безконечные споры, повидимому, сильно утомляли Л. Н. Между нимъ

и тѣми толстовскими общинниками, которые склонялись къ православію, все болѣе росло отчужденіе.

М. Н. и М. В. Ч. вернулись послѣ закрытія столовыхъ въ общину. Вернулся также В. И. С. и Н. Г.

Осенью, послѣ холеры 1892 года, я заѣзжалъ въ общину и, они даже просили меня у нихъ остаться, но я твердо рѣшилъ поселиться въ деревнѣ, въ качествѣ вольнопрактикующаго врача. Я хотѣлъ поѣхать въ лукояновскій уѣздъ, гдѣ въ прошлую зиму кормилъ голодающихъ.

Кромѣ того, было такое чувство, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Ѳ. А. К. послѣ недолгой и неудачной попытки устроиться на отдѣльномъ хуторѣ самостоятельнымъ хозяйствомъ, поступилъ на медицинскій факультетъ.

Вскорѣ наша бывшая община прекратила свое существованіе.

Тогда В. И. С. рѣшилъ перебраться въ Закавказье вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ В. Къ нимъ присоединился и М. В. А. На Кавказѣ же они встрѣтились съ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Дадіани.

Объ этихъ новыхъ попыткахъ устройства земледѣльческихъ поселеній на Кавказѣ я уже писалъ въ своемъ очеркѣ: „Воспоминанія о князѣ Георгіи Александровичѣ Дадіани“ и потому говорить о нихъ здѣсь больше не буду; прибавлю только, что С. и П. Н. Г. и до сихъ поръ живутъ земледѣльческимъ трудомъ на Кавказѣ. Дѣти С. стали уже взрослыми, довольны своей жизнью и не хотятъ ее мѣнять.

В. Р.

Іюль, 1908.

Болѣзнь Л. Н. Толстого въ 1901—1902 годахъ.

Помню, какъ 22 года тому назадъ я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ потерялъ тестя, ждалъ потери жены, которой доктора предсказывали неблагополучные роды, и затѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія потерялъ сына, скончавшагося въ страшныхъ мученіяхъ.

Я былъ молодъ, полонъ вѣры въ себя, жизнерадостенъ, но тутъ какъ-то все у меня померкло, жизнерадостность куда-то улетучилась и передо мной вставало все то, о чемъ я раньше не думалъ, вставали самые естественные вопросы о жизни, о цѣли существованія моего, и, какъ будто бы я взбирался куда-то по узенькой каменистой тропинкѣ, подъ моими ногами вырывались, скользили камешки, падали въ бездну и мнѣ казалось, что вотъ, вотъ и я соскользну туда.

На столѣ стоялъ маленькій гробикъ, я собирался сегодня хоронить моего первенца, единственнаго сына, съ которымъ я прожилъ мѣсяцъ, наблюдая, какъ въ этомъ маленькомъ, невинномъ существѣ жизнь боролась со смертью. Страдалъ я ужасно. Я чувствовалъ, что я виноватъ во всемъ, чувствовалъ, что жизнь не то, что я такъ легкомысленно радостно рисовалъ себѣ раньше и, безъ слезъ, я мучительно страдалъ. Вопросы вырывались за вопросами, а отвѣты къ нимъ не приходили, и этотъ грозный, мрачный рядъ вопросовъ, казалось, сейчасъ задавитъ меня, задавитъ и уничтожитъ безслѣдно, и я съ отчаяніемъ глядѣлъ въ окно на улицу, видѣлъ толпы прохожихъ, видѣлъ, что вокругъ совершается еще жизнь, но мнѣ все было чуждо. Я глядѣлъ на этотъ совершенно чуждый мнѣ міръ, ничего не замѣчалъ и чувствовалъ, что надо отсюда уйти и этимъ прекратить дальнѣйшее зло, которое я дѣлалъ жизни, превращая ее изъ радости въ страданіе, изъ красоты въ мерзость.

Подъ окномъ стоялъ почтальонъ и, очевидно, долго уже обращалъ безуспѣшно мое вниманіе на себя. Наконецъ, я взялъ у него квадратный синій конвертъ, надписанный совершенно незнакомымъ мнѣ размашистымъ, длиннымъ почеркомъ, вскрылъ его и, не понимая отъ кого бы это могло

быть, розыскалъ на послѣдней четвертой страницѣ подпись имени того человѣка, который такъ дорогъ мнѣ сталъ въ теченіе остальной моей жизни—Левъ Толстой.

Эта мрачная шеренга тяжелыхъ, грозныхъ вопросовъ, которые съ такимъ упрямствомъ и настойчивостью наступали на меня, какъ будто заколебалась. Я поднялъ голову, я вдругъ увидѣлъ, что я, безоружный и совершенно обезсиленный, получилъ подкрѣпленіе и въ мои руки вложили мечъ и, кажется, мечъ добрый, и, когда я поднялся и встряхнулся окончательно, врага не было. Оставалась мучительная, разламывавшая меня тяжесть напряженія, но я готовъ былъ идти дальше, готовъ былъ бороться...

И вотъ прокатилось уже 22 года, какъ я знаю этого человѣка. И когда я вспоминаю эти годы, вспоминаю разныя событія, время отъ времени встряхивавшія меня, погружавшія иногда въ пучину отчаянія, безвыходности, снова встаетъ предо мною тотъ же человѣкъ. Когда, казалось, я долженъ былъ задохнуться отъ грязи и мерзости, въ которую попалъ, когда все, казалось, ужъ отвернулось отъ меня, дышать было нечѣмъ, просвѣта не было и спасенія тоже, я опять услыхалъ голосъ того же человѣка, пробуждавшій меня къ жизни, снова ее чувствовалъ и начиналъ жить.

За эти 22 года я пережилъ періоды близости къ тому, кто неизгладимо, неразрывно вплелся въ мою жизнь такъ, что иногда, мнѣ казалось, я не чувствовалъ своей жизни и за это время я часто и неоднократно могъ наблюдать интимную жизнь, день за днемъ, часъ за часомъ того человѣка, котораго весь міръ называлъ великимъ. Говорятъ, что когда наблюдаешь вблизи великаго человѣка, его повседневную жизнь, то величіе это значительно исчезаетъ. Великій человѣкъ является обыкновеннымъ, съ недостатками, страстями, мелочами и т. п., и постепенно перестаешь цѣнить тотъ брилліантъ, которымъ онъ умѣетъ сверкать передъ другими при особенномъ освѣщеніи.

Тогда, слѣдовательно, Л. Н. Толстой не былъ этотъ великій человѣкъ.

И дѣйствительно, я не могъ и не могу относиться къ этому человѣку, какъ къ тому великому, какимъ его считаетъ міръ. Та удивительная, кристальная чистота его души, то высокое напряженіе духовной жизни въ немъ, которое приходилось мнѣ наблюдать и, наблюдая, какъ бы нечаянно заглядывать въ лучшій, невѣдомый еще намъ міръ духа, не позволяютъ мнѣ уже видѣть того величія, которое видятъ другіе.

Въ величіи, которое одни приписываютъ другимъ, кроется всегда та фальшь отношеній, при которой возможно всегда отдалиться отъ этого „великаго“ человѣка, считать его чуждымъ, считать, что то, что онъ говоритъ, недосягаемо для

насъ. Величіе это патентъ на то, чтобы отдалить отъ насъ этого человѣка. Но не то со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Онъ такъ страстно шелъ къ источнику жизни, такъ вѣрилъ и видѣлъ въ людяхъ одну высшую жизнь, что, идя самъ къ ней неизмѣнно, неуклонно, каждый моментъ своей жизни, открывалъ и другимъ ее, каждому старался отдернуть ту завѣсу, которая скрываетъ этотъ другой, высшій въ насъ міръ, видя который мы только и можемъ быть счастливы. Раздувая въ себѣ этотъ огонь Божеской жизни, онъ спѣшилъ къ каждому помочь сдѣлать то же. Онъ страдалъ, когда видѣлъ, что другіе не дѣлаютъ этого. И чѣмъ онъ выше, чище становился, тѣмъ тѣснѣе вплетался своей жизнью въ жизнь другихъ.

Каждый день, каждый часъ, каждый моментъ своей жизни этотъ удивительный человѣкъ уходилъ отъ себя, и когда бывалъ съ нами, какъ бы боялся показаться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ только что пришелъ, въ которомъ онъ только что былъ, потому что, если бы мы увидали его такимъ, намъ стало бы нестерпимо стыдно за свою мерзость и грязь. И въ особенности это было поразительно и ярко, когда онъ хворалъ, хотѣлъ совсѣмъ оставить насъ здѣсь, а мы, не видя и не зная, куда онъ идетъ, какъ безсмысленныя букашки копошились около него, „помогали" ему и не понимали того, чѣмъ онъ живетъ и что видитъ.

Болѣзнь представляетъ для огромнѣйшаго большинства людей несчастье, страданіе, а приближеніе къ смерти—еще худшее бѣдствіе. Но эти-то пробные камни были тѣмъ точиломъ, которое только оттачивало у Л. Н. Толстого его мечъ, съ которымъ онъ безбоязненно разрубилъ препятствія этой временной тѣлесной жизни и шелъ къ другой—внѣвременной.

И вотъ одинъ изъ такихъ періодовъ жизни его, когда чистота и высота его духовной жизни особенно отдаляли его отъ людей, мнѣ и хотѣлось бы припомнить теперь насколько можно подробнѣе.

Въ іюнѣ 1901 года я находился въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы быть за Орломъ въ имѣніи Кочеты у Сухотиныхъ, куда меня приглашала дочь Льва Николаевича Толстого, Татьяна Львовна, находившаяся замужемъ за Сухотинымъ, и гдѣ въ это время гостилъ Левъ Николаевичъ. Но дѣла меня задержали, и я все собирался выѣхать, хотя боялся, что не застану въ Кочетахъ Льва Николаевича. Тогда я рѣшилъ выѣхать, по крайнѣй мѣрѣ, навстрѣчу Льву Николаевичу,—я зналъ, что онъ былъ не совсѣмъ здоровъ и хотѣлъ доставить

ему хотя бы удобный переѣздъ по дорогѣ, такъ какъ имѣлъ возможность пользоваться при проѣздѣ по этой дорогѣ отдѣльнымъ вагономъ.

Съ этой цѣлью я написалъ Татьянѣ Львовнѣ просьбу извѣстить меня о днѣ предполагаемаго выѣзда Льва Николаевича и каждую минуту поджидалъ отъ нея телеграммы. Но отвѣта не было и, какъ-то утромъ я заглянулъ къ женѣ Льва Николаевича, Софьѣ Андреевнѣ, бывшей въ то время въ Москвѣ, узнать, въ чемъ дѣло. Софья Андреевна только что получила изъ Кочетовъ отъ дочери письмо, которая писала, что Левъ Николаевичъ въ этотъ день выѣзжаетъ и тутъ же объясняла, что не сообщила мнѣ объ этомъ потому, что Левъ Николаевичъ, зная о томъ, что я начну хлопотать доставить ему удобства въ дорогѣ, запретилъ ей это. Мнѣ было очень грустно, что, по своей обычной скромности и щепетильности, Левъ Николаевичъ отклонялъ мои услуги, а между тѣмъ онъ чувствовалъ себя настолько нехорошо, что Татьяна Львовна не знала, какъ его доставить на станцію желѣзной дороги въ 15 верстахъ отъ ихъ имѣнія: въ экипажѣ было для него мучительно вслѣдствіе колчеватой дороги, верхомъ тоже боялись.

— Ну, вотъ вамъ, сказала Софья Андреевна, Лёвочка опять разстроилъ ваши планы, я такъ и знала заранѣе. Теперь ужъ дѣлать нечего.

Но я сообразилъ, что еще возможно было кое-что сдѣлать, возможно было встрѣтить его станціи за двѣ до Орла и, по крайней мѣрѣ, доставить ему спокойную ночь, которая, вѣроятно, въ общемъ вагонѣ была бы мучительна, тѣмъ болѣе, что опять изъ этой же скромности Левъ Николаевичъ поѣхалъ бы въ 3-мъ классѣ или, самое большее, во 2-мъ.

Не теряя времени, я поѣхалъ на вокзалъ, далъ телеграмму въ Орелъ, предупреждая, что я буду ждать Льва Николаевича за нѣсколько станцій отъ Орла, такъ какъ въ Орлѣ я уже не успѣлъ бы его встрѣтить, взялъ отдѣльный вагонъ и немедленно выѣхалъ.

Въ 10 ч. вечера я былъ на станціи своего назначенія, а черезъ полчаса подошелъ и встрѣчный поѣздъ, въ которомъ долженъ былъ ѣхать Левъ Николаевичъ. Хотя я и вышелъ разыскивать его по вагонамъ, боясь, что онъ не получилъ моей телеграммы, но оказывается онъ ее получилъ и облегчилъ мое затрудненіе, самъ выйдя изъ вагона съ своей спутницей, художницей И. Видъ его. былъ крайне измученъ, кромѣ того, на пальцѣ руки я замѣтилъ перевязку.

— А вы все-таки перехватили меня—сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, вѣрный признакъ волненія или физическаго страданія,—и я очень радъ сейчасъ, очень благодаренъ, и нездоровится и очень усталъ...

Оказалось, путешествіе Льва Николаевича отъ Кочетовъ

до станціи желѣзной дороги было очень тяжело и мучительно. Въ виду того, что ѣхать въ экипажѣ было очень болѣзненно, Левъ Николаевичъ предпочелъ пойти на станцію пѣшкомъ, выйдя заблаговременно. Провожатаго онъ отказался взять, не желая стѣснять другихъ, и, разпросивъ дорогу, пустился въ путь. Но пройдя часа полтора, онъ усталъ и кромѣ того, желая взять прямое направленіе, которымъ онъ сократилъ бы версты 3—4, сбился съ дороги. Наступали сумерки. Левъ Николаевичъ карабкался съ холма на холмъ, терялъ силы, видѣлъ, что сбивается совсѣмъ съ первоначальнаго направленія. Спустилась ночь, и невдалекѣ отъ себя Левъ Николаевичъ услыхалъ лай собакъ, онъ направился туда и нашелъ пастуховъ на заброшенномъ хуторѣ. Здѣсь онъ узналъ, что значительно отклонился отъ дороги, что до станціи еще верстъ шесть. Тогда онъ сталъ просить достать гдѣ-нибудь лошадь,—лошади не было. Не возмется ли кто-нибудь проводить его до станціи или, по крайней мѣрѣ, вывести на дорогу? Никто не соглашается, боятся,—въ этой мѣстности много волковъ и рисковать выходить въ эту темень никто не хотѣлъ. Указали направленіе и съ Богомъ.

Въ темную ночь, усталый уже, не зная дороги, но полагаясь на свои старыя охотничьи привычки, Левъ Николаевичъ пустился въ путь, снова выбираясь и спускаясь по холмамъ. Наконецъ, ноги его нащупали наѣзжанную дорогу. Онъ остановился и сталъ оріентироваться въ темнотѣ. Видно было, что онъ попалъ на скрещеніе нѣсколькихъ дорогъ. Куда теперь было идти? Зная, что земство въ этой мѣстности ставило на перекресткахъ дорогъ столбы съ надписями направленій, онъ нащупалъ столбъ, но надписи прочесть нельзя было. Къ счастью, оказались въ карманѣ спички, и, зажегши спичку, Левъ Николаевичъ узналъ, наконецъ куда надо было идти.

Пройдя немного по найденной дорогѣ, Левъ Николаевичъ услыхалъ стукъ экипажа по дорогѣ и сталъ ждать, надѣясь, что ѣхавшій подвезетъ его къ станціи. Оказалось, что это везли на станцію его же багажъ, и, сѣвъ на линейку, онъ „благополучно“ добрался черезъ полчаса до станціи. Измученъ онъ былъ ужасно. Разболѣлся животъ отъ тряски, все болѣло. Отправившись въ уборную на станціи, онъ къ тому же какъ-то неловко облокотился на дверь съ блокомъ, палецъ попалъ въ дверную щель, и дверь съ тяжелымъ блокомъ захлопнулась и размозжила палецъ. Ко всей усталости и прежнимъ болямъ прибавилась еще мучительная боль раненнаго пальца. Вотъ почему была перевязана рука, перевязку сдѣлали уже черезъ нѣсколько станцій въ Орлѣ.

Какъ я и предполагалъ, Левъ Николаевичъ не поѣхалъ въ I классѣ и его уговорили, чтобы послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудностей въ пути, онъ поѣхалъ, хотя бы, во второмъ

классѣ. Но и тутъ ѣхать было очень неудобно, какъ разсказывала сопровождавшая его И. Вагонъ былъ полонъ, спинки для спанья были уже приподняты, оставалось нѣсколько мѣстъ внизу, и Левъ Николаевичъ кое-какъ примостился на одномъ изъ такихъ мѣстъ въ ногахъ у лежавшей на диванѣ дамы, сгорбившись въ этой дырѣ съ поднятой надъ нимъ спинкой дивана. Объ отдыхѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Кромѣ того, лежавшая пожилая, но молодящаяся дама, самымъ пошлымъ образомъ кокетничала съ сидѣвшимъ напротивъ господиномъ. Было накурено, душно и гадко.

— Но, разсказывала И., мы очень терпѣливо къ этому относились, получивъ въ Орлѣ вашу телеграмму и зная, что намъ осталось терпѣть всего часа полтора.

Когда Левъ Николаевичъ вошелъ въ ожидавшій насъ вагонъ, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Видимо, онъ сильно страдалъ, но, какъ и всегда, не показывалъ этого. Съ удовольствіемъ раздѣлся онъ, снова промыли и перевязали раненный палецъ, и тотчасъ же онъ ушелъ и легъ въ своемъ отдѣленіи.

Нашъ вагонъ отцѣпили въ Ясенкахъ, и Левъ Николаевичъ могъ провести спокойно остатокъ ночи, хотя, какъ оказалось, онъ не спалъ. Рано утромъ мы перевезли его, больного, въ Ясную Поляну, и въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ въ Москву.

Сказался ли данный случай или вообще болѣзнь уже прокрадывалась ко Льву Николаевичу, но послѣдующія извѣстія о немъ изъ Ясной Поляны были самыя тревожныя.

1 іюля 1901 г. я получилъ въ Москвѣ письмо отъ второй дочери Льва Николаевича, Марьи Львовны Оболенской, которая находилась тѣмъ лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. Она писала, что вообще послѣ пріѣзда изъ Кочетовъ Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя нехорошо. Хотя онъ и перемогался, хотя старался не поддаваться, повидимому, происходившей уже въ немъ болѣзни, все время занимаясь своею статьею „Единственное средство", но ему, очевидно, было дурно. Дальше она добавляла, какъ была напугана въ тотъ же день (письмо писано 29 іюня): Левъ Николаевичъ, по обыкновенію, послѣ завтрака пошелъ гулять и отправился по аллеѣ, ведущей отъ дома къ башенкамъ на выѣздъ изъ усадьбы. Дойдя туда, онъ почувствовалъ сильную слабость, и подоспѣвшая Марья Львовна постелила ему тутъ же пальто и уговорила его лечь отдохнуть. Что являлось тревожнымъ признакомъ,— это неправильная дѣятельность сердца, пульсъ былъ частъ, съ перебоями и слабъ.

Письмо это очень взволновало меня. Хотя послѣ этого припадка слабости прошло уже два дня и неполученіе извѣстій изъ Ясной Поляны могло указывать на то, что тамъ сравнительно благополучно, я съ ночнымъ поѣздомъ выѣхалъ туда.

На станціи Козловка Засѣка первый вопросъ мой къ встрѣтившему меня кучеру изъ Ясной Поляны: не слыхалъ ли онъ чего-нибудь про здоровье графа?

— Чтой-то, говорятъ, графъ дюже плохъ. Гулять не выходютъ, вчера за доктуромъ въ Тулу ѣздили, отвѣчалъ онъ.

Въ Ясной Полянѣ я былъ пораженъ унылой обстановкой. Вышедшая въ столовую Софья Андреевна показалась очень измученной и взволнованной, она разсказала, что Левъ Николаевичъ очень слабъ, совсѣмъ почти не спитъ, жаръ у него и, очевидно, лихорадка, что бывшій вчера докторъ ничего опредѣленнаго не сказалъ, нашелъ, что у него сильный упадокъ дѣятельности сердца, что повышена температура и вообще это состояніе можетъ быть слѣдствіемъ ревматизма и бывшей раньше лихорадки, но въ его годы такая неправильная дѣятельность сердца, съ повышеніемъ температуры, убійственна.—Хотя Левъ Николаевичъ не хотѣлъ звать доктора, жаловалась Софья Андреевна, но нельзя же было и я выписала изъ Тулы; теперь нуженъ покой, уходъ.

Отказъ Льва Николаевича отъ доктора, несмотря на то, что ему становилось все хуже, людямъ, близкимъ къ нему, былъ вполнѣ понятенъ и во всякомъ случаѣ его нельзя приписать тому сектанству, которое многіе, не знающіе Льва Николаевича, склонны въ немъ видѣть. Въ призываніи доктора, въ томъ, что обыкновенно мѣшаютъ болѣть, онъ при напряженной духовной дѣятельности во время болѣзни, видѣлъ досадную помѣху человѣку отдаться вполнѣ уносившимъ волнамъ новой, высокой, духовной жизни. И, обыкновенно, отказывался онъ отъ доктора не потому, что, какъ говорится, „не вѣрилъ въ докторовъ“, а потому, что вѣрилъ въ жизнь, въ посланничество человѣка на землѣ, въ то, что человѣкъ, при всякихъ обстоятельствахъ, долженъ стараться исполнять волю пославшаго, и если воля эта заключалась въ томъ, чтобы тѣло страдало, то побороть въ себѣ подчиненіе тѣлу, возвысить свой духъ и воспользоваться этими страданіями тѣла для лучшей дистилляціи духа. И если за страданіями должна была слѣдовать гибель тѣла, то воспользоваться ими, чтобы очистить свой духъ и передать его въ руки Отца чистымъ, не запятнаннымъ остатками тѣлесной жизни, волненій, желаній, страстей.

Когда я вошелъ ко Льву Николаевичу, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Голосъ былъ у него совсѣмъ слабый и надо было нагибаться къ нему, чтобы слышать то, что онъ говорилъ. Но лицо было спокойное и ласковое, трогательная улыбка. Онъ все-таки нашелъ силы проговорить мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, говоря, что ему хорошо: „чувстую, что ужъ на пути“... У меня подступила къ горлу спазма, и я поспѣшилъ выйти.

Марья Львовна разсказала мнѣ, что, придя съ прогулки 29 іюня, когда ему стало плохо, Левъ Николаевичъ слегъ и ужъ больше не вставалъ; ночь на сегодня была очень тревожна, но сегодня ему какъ будто лучше,—очевидно, это былъ пароксизмъ лихорадки, и я попалъ въ хорошій день.

Дѣйствительно, днемъ Левъ Николаевичъ позвалъ меня и слабымъ голосомъ, держа дрожавшими руками листы рукописи, продиктовалъ мнѣ небольшую поправку къ „Единственному средству". Это продолжалось минутъ десять, онъ, очевидно, очень усталъ, и я, взявъ у него рукопись, ушелъ занести эти поправки.

Домъ сталъ, какъ говорится, полонъ народа. Пріѣхали не только сыновья, но и внуки. Льву Николаевичу это было извѣстно. Видѣть больного нельзя было всѣмъ, необходимо было давать ему въ этомъ положеніи полный покой. И всѣ, обыкновенно, толпились въ большой залѣ Яснополянскаго дома и съ жадостью набрасывались на то лицо, которое побывало въ комнатѣ больного и могло сообщить какія-нибудь свѣдѣнія, впечатлѣнія о немъ. Левъ Николаевичъ, очевидно, волновался тѣмъ, что онъ является источникомъ такого интереса и у стольких остается неудовлетвореннымъ желаніе повидать его. И одного за другимъ онъ просилъ къ себѣ въ комнату и каждому находилъ сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, каждаго утѣшить, узнавъ про какое-нибудь огорченіе. Выходившіе отъ него бывали очень растроганы и передавали остальнымъ подробности свиданія. Когда его разспрашивали, какъ онъ чувствуетъ себя, онъ, обыкновенно, говорилъ съ доброй улыбкой: „все хорошо, все какъ надо"...

Марьѣ Львовнѣ онъ сказалъ какъ-то, когда ему стало немного лучше: „Уже экипажъ былъ поданъ и оставалось только сѣсть и уѣхать, но вдругъ лошади повернули, и экипажъ былъ отосланъ, а жаль, путь былъ прекрасный, санный, а теперь, когда снова придется ѣхать, дорога можетъ оказаться колчеватая".

Но хотя, повидимому, и наступило улучшеніе, оно было слишкомъ временнымъ. Пріѣзжавшій снова врачъ не скрылъ того, что считаетъ положеніе его крайне опаснымъ. И дѣйствительно, 3 іюля утромъ Левъ Николаевичъ былъ особенно слабъ, говорить почти не могъ, пульсъ былъ очень частъ, ходившей за нимъ Софьѣ Андреевнѣ онъ сказалъ, что „стоитъ на перепутьи и что по той и по другой дорогѣ одинаково хорошо идти". Но послѣ полудня ему снова стало лучше, и онъ прочелъ нѣсколько полученныхъ писемъ, при чемъ одно письмо индуса-брамина особеннно тронуло и заинтересовало его, и онъ много говорилъ о немъ съ окружающими.

Для всѣхъ окружающихъ его состояніе его здоровья было тяжело и даже безнадежно, зналъ и онъ объ этомъ и

для его сильнаго, здороваго организма положеніе слабости и дурноты еще ярче обнаруживало, чѣмъ для насъ, эту безнадежность, и при всемъ этомъ въ немъ шла, очевидно, самая напряженная жизнь, независимо отъ тѣхъ страданій и слабости, которыя наблюдали окружающіе. Ему ярко рисовалось положеніе тѣхъ милліоновъ людей, которыхъ отъ рожденія и до смерти обманываютъ, насилуютъ и грабятъ, и въ тишинѣ своей комнаты, вдали отъ суеты и, благодаря болѣзни, еще болѣе ушедшій въ чистую высшую жизнь, онъ обдумывалъ лучшее выраженіе того, какъ формулировать этотъ ужасный обманъ, какъ ярче представить его обманываемымъ людямъ, какой выходъ изъ него указать имъ. И въ то время, когда всѣмъ казалось, что ему дурно, что онъ слишкомъ плохъ, вѣроятно, въ душѣ его шла работа, вѣроятно, мысль неустанно работала, такъ какъ тотчасъ же, какъ у него наступало то, что мы назвали „лучше", передышка отъ болѣзни, онъ звалъ кого-нибудь и диктовалъ поправки и дополненія къ статьѣ „Единственное средство", какъ будто оставляя этимъ свое завѣщаніе людямъ [1]).

Въ одинъ изъ дней, когда Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя получше, онъ позвалъ пріѣхавшаго 6—7 лѣтняго внука, который съ удивленіемъ, тихо уставился на своего больного дѣдушку. Тогда дѣдушка сталъ выдумывать и говорить ему сказки. Но скоро усталъ и объявилъ, что продолженіе будетъ въ слѣдующій разъ. Внукъ, очевидно, слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ, придя къ намъ, съ блестѣвшими глазенками, передалъ очень подробно всю услышанную имъ часть сказки.

Такъ какъ положеніе Льва Николаевича не улучшалось, а если и были временныя улучшенія, то за ними слѣдовало чрезвычайно опасное ухудшеніе, грозившее его жизни, то всѣ семейные и близкіе, очень волнуясь и страдая за него, рѣшили выписать изъ Москвы врача, лѣчившаго его въ предыдущую трудную болѣзнь въ Москвѣ въ 1899 году и хорошо изучившаго свойства организма больного. Пріѣхавшій врачъ нашелъ положеніе очень серьезнымъ и склоненъ

---

[1]) И дѣйствительно, если припомнить то, что Левъ Николаевичъ писалъ въ это время, а также во время послѣдующей болѣзни въ Крыму, то можно видѣть, что онъ писалъ настоящее завѣщаніе людямъ. „Для того, чтобы рабочіе избавились отъ своего угнетенія и рабства, имъ надо воспитать въ себѣ религіозное чувство, запрещающее все то, что ухудшаетъ общее положеніе ихъ братьевъ, хотя бы это ухудшеніе было и незамѣтно имъ. Имъ надо религіозно воздерживаться... во-первыхъ, отъ работъ на капиталистовъ, если только онъ можетъ прожить безъ этого; во-вторыхъ, отъ предложенія работы по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ она установилась; въ-третьихъ, отъ улучшенія своего положенія переходомъ на сторону капиталистовъ, служеніемъ имъ; и въ-четвертыхъ, главное, отъ участія въ правительственномъ насиліи—будетъ ли это полицейская, таможенная или общая военная служба".

(Единственное средство).

былъ къ опредѣленію грудной жабы и къ тому, что единственнымъ леченіемъ, въ данномъ случаѣ, было—увезти больного въ теплый климатъ за границу или, въ крайнемъ случаѣ, на южный берегъ Крыма. По его мнѣнію, Левъ Николаевичъ долженъ былъ быть окруженъ самымъ тщательнымъ уходомъ, избѣгать всякаго напряженія, волненія, вести „старческій" образъ жизни, на что больной такъ трудно поддавался. Ему необходимъ былъ воздухъ, легкое движеніе, прогулки, но, при его болѣзни, врачъ находилъ, что оставаться здѣсь было крайне неудобно и вредно. Къ тому же лѣто было холодное и дождливое, приближалась осень. Ясная Поляна окружена была запущеннымъ паркомъ, сырости было хоть отбавляй, гулять и пользоваться воздухомъ, какъ совѣтовалъ врачъ, при этихъ условіяхъ, было бы трудно здѣсь.

Всѣ эти изслѣдованія и совѣты уѣхать, лѣчиться были мучительны для Льва Николаевича, и я помню, какъ онъ неоднократно и мнѣ, и другимъ своимъ близкимъ друзьямъ жаловался на то, что не дадутъ спокойно умереть; помню, какъ завидовалъ судьбѣ мужика, у котораго нѣтъ средствъ звать ни докторовъ, ни думать о теплыхъ краяхъ и только одно средство—готовиться хорошо умереть и думать объ этомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Смерть витала уже въ Ясной Полянѣ, всѣ чувствовали какъ-то невольно ея присутствіе, всѣмъ намъ жутко было и невыразимо больно, а Левъ Николаевичъ этого не только не чувствовалъ, а говорилъ о „ней", называлъ уже ее и готовился къ ней.

Быстрая и рѣшительная, энергичная Софья Андреевна, послѣ одного изъ припадковъ у Льва Николаевича, когда мы всѣ боялись, что онъ не переживетъ этой ночи, рѣшила ѣхать въ Крымъ. Ѣхать за границу и думать было нечего, во-первыхъ, очень долгая дорога, которую трудно было представить, чтобы больной могъ перенести, а во-вторыхъ, на заграничное путешествіе труднѣе было склонить и Льва Николаевича.

Начали обдумывать, въ какое мѣсто въ Крыму ѣхать. Это было одно изъ затрудненій и довольно большихъ. Обычная курортная жизнь была бы невыносимо мучительна для Льва Николаевича, привыкшаго въ Ясной Полянѣ къ тишинѣ и уединенію. Но, къ счастью, вспомнили о милой графинѣ Паниной, у которой было имѣніе около Ялты, и рѣшили обратиться къ ней, не можетъ ли отдать въ наймы домъ въ немъ. Я же взялъ на себя всю, такъ сказать, перевозочную часть.

Съ этого момента стали говорить ужъ открыто о поѣздкѣ въ Крымъ и, такъ какъ всѣ какъ будто сговорились видѣть въ этомъ спасеніе Льва Николаевича, то онъ тихо и покорно подчинился, отдался въ руки своихъ близкихъ и старался равнодушно относиться къ тому, что хотятъ дѣ-

лать съ нимъ. „Я такъ живо чувствую, говорилъ онъ, большое путешествіе, которое совершаю и въ которомъ проѣзжаю послѣднюю станцію, что эти измѣненія въ способѣ путешествія мало занимаютъ меня".

Но, разумѣется, перевозить его въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, и думать нельзя было. Числа 11-го іюля онъ всталъ съ постели и могъ „бродить" по комнатамъ. Всѣ оживились въ домѣ, когда Левъ Николаевичъ появился, наконецъ, въ большой залѣ, у всѣхъ промелькнула невольная мысль: слава Богу, выздоравливаетъ, но Левъ Николаевичъ назвалъ это выздоровленіе только отсрочкою и даже нѣсколько морщился на эту отсрочку, говоря, что такъ было хорошо, когда онъ съ такой легкостью взобрался на высокую гору и пріотворилъ уже дверь „туда"...

Возможность ходить и сидѣть, двигаться, прибыль силъ Левъ Николаевичъ тотчасъ же использовалъ, сталъ много заниматься и 12 іюля совершенно закончилъ и отослалъ за границу въ печать „Единственное средство", сталъ отвѣчать на письма, которыхъ скопилось у него много за эту болѣзнь, при чемъ его особенно трогало отношеніе къ нему его старшаго брата. Въ письмахъ и разговорахъ сквозило одно искреннее удовлетвореніе (чтобы не сказать удовольствіе) пережитой болѣзнью, въ теченіе которой сознаніе духовной жизни, освобожденной отъ обычныхъ заботъ о тѣлѣ, было особенно радостно ему, и когда все то, что прежде казалось ему трудно разрѣшимымъ, такъ легко и хорошо разрѣшалось для него всеобщей духовной панацеей: осужденіемъ себя, смиреніемъ и любовью. Это настроеніе было особенно дорого ему, и онъ боялся, выздоровѣвъ, потерять его. Во время болѣзни онъ особенно часто вспоминалъ любимый стихъ изъ Ев. Луки: „отвергнись себя, возьми крестъ свой *на каждый день* и слѣдуй за мной". И это кроткое, умиленное, высокое настроеніе Левъ Николаевичъ старался поддержать въ себѣ, когда почувствовалъ себя здоровѣе, старался какъ бы не расплескать его.

Болѣзнь Льва Николаевича, какъ помнятъ многіе, стала извѣстна всему читающему міру, скоро также стало извѣстно намѣреніе перевезти его на южный берегъ Крыма. Со всего міра сыпались запросы о ходѣ болѣзни, предложенія ѣхать за границу и, судя по тому сердечному сочувствію, съ которымъ иностранцами дѣлались предложенія ѣхать за границу, можно было заключить, что всякая страна гордилась бы тѣмъ, что такой больной отправится туда, и сдѣлала бы все возможное, чтобы доставить ему всякія удобства.

Скоро получился отвѣтъ отъ графини Паниной, которая съ величайшей радостью предоставляла свое имѣніе въ распоряженіе семьи Льва Николаевича и уже сдѣлала распоряженіе о томъ, чтобы домъ былъ приготовленъ для поселенія

въ немъ больного. Получилъ и я любезное разрѣшеніе отъ бывшаго тогда министра путей сообщенія кн. Хилкова взять любой удобный для перевозки больного вагонъ и прицѣпить его къ любому поѣзду, чтобы безпересадочно доѣхать до Севастополя и, въ случаѣ надобности, отцѣплять его отъ поѣзда и жить въ немъ въ дорогѣ. А это являлось крайне важнымъ, такъ какъ положеніе Льва Николаевича было такъ плохо, что никто не могъ съ полной увѣренностью сказать, что онъ вынесетъ этотъ длинный путь.

Весь этотъ періодъ (іюль и августъ) Левъ Николаевичъ изрѣдка только покидалъ постель. Припадки болѣзни и мучительной слабости чередавались съ короткими періодами сравнительнаго улучшенія. Всѣ вокругъ суетились и отдались планамъ устройства поѣздки, устройства на новомъ мѣстѣ, но Левъ Николаевичъ продолжалъ жить обычной напряженной духовной жизнью и въ обычной своей трудовой обстановкѣ. Если онъ бывалъ въ силахъ, то самъ писалъ, если же не было для этого силъ, диктовалъ свои мысли большею частью своимъ двумъ дочерямъ Марьѣ и Александрѣ Львовнѣ, много читалъ и справлялся съ своей обширной корреспонденціей. Какъ казалось ни было трудно послѣднее, такъ какъ у него никогда не было секретаря, но онъ бывалъ чрезвычайно аккуратенъ въ отвѣтахъ на письма, если видѣлъ, что искренность, сердечность корреспондентовъ требовали отвѣта. Въ смыслѣ работы, общенія съ другими для него не существовало болѣзни и страданій и, думаю, что тѣ его корреспонденты, которые получали въ это время письма отъ Льва Николаевича, не могли бы никакъ представить себѣ, что человѣкъ этотъ не только былъ нездоровъ, но постоянно въ это время находился на рубежѣ смерти.

Кончивъ свою статью „Единственное средство“, Левъ Николаевичъ, очевидно, сталъ думать о продолженіи своей работы. Еще въ іюлѣ Левъ Николаевичъ сталъ читать разные источники по вопросу о религіи, а какъ-то въ серединѣ августа, выйдя къ друзьямъ, онъ особенно долго и трогательно говорилъ о томъ, что такое истинная религія и истинно религіозный человѣкъ. Этотъ ходъ его мыслей можно прослѣдить и по перепискѣ, которую онъ велъ, и по тому, напр., что онъ особенно много вниманія посвящаетъ письмамъ къ священникамъ, какъ къ представителямъ господствующей религіи. Въ это время онъ получилъ два письма,—одно отъ православнаго священника, другое отъ французскаго пастора. Обоимъ онъ отвѣчаетъ длинными письмами и, какъ видно изъ послѣдняго письма, писаннаго почти наканунѣ выѣзда изъ Ясной Поляны въ Крымъ (26 авг. 1901 г.), въ немъ уже совершенно созрѣлъ планъ его новаго произведенія „О религіи“. „По моему, глав-

нѣйшій смыслъ христіанскаго ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ“, писалъ онъ. Эта мысль легла въ основу написаннаго уже въ Гаспрѣ произведенія „О религіи“, и это онъ обдумывалъ во время царившей вокругъ него суеты, приготовленій къ отъѣзду и самого отъѣзда.

Въ одну изъ темныхъ, холодныхъ ночей августа, одѣвъ Льва Николаевича въ шубу, отправились въ Тулу, за 15 верстъ отъ Ясной Поляны. Дорога была ужасна, небольшое разстояніе отъ усадьбы до шоссе съ версту пришлось ѣхать, освѣщая дорогу факелами. Со Львомъ Николаевичемъ отправились: Софья Андреевна, дочь его Марья Львовна съ своимъ мужемъ кн. Оболенскимъ, третья дочь Александра Львовна и ходившая за Львомъ Николаевичемъ во время болѣзни его въ 1899 г. художница И., близкій другъ семьи.

Часовъ въ 10 вечера пріѣхали, наконецъ, на станцію и тотчасъ же перевели Льва Николаевича въ ожидавшій вагонъ. Здѣсь собрались проститься съѣхавшіяся остальныя дѣти его. Поѣздъ отходилъ часа въ 3 ночи. Вспоминаю ясно, какая это была мучительная ночь. Отъ дороги Льву Николаевичу стало значительно хуже, онъ сталъ задыхаться, снова появился жаръ, и мы всѣ съ тревогой составили спѣшный консиліумъ: что дѣлать, можно ли рискнуть везти больного въ такомъ состояніи дальше. Рѣшили въ 12 ч. ночи вызвать изъ города врача, который пришелъ, посмотрѣлъ и отнесся неопредѣленно. Какая-то, однако, вѣра таилась у меня, что если больному необходимо тепло и солнце, то завтра мы будемъ за Курскомъ и увидимъ вмѣсто этого дождя, холода и тумана, мрака, яркое солнце, тепло и больному будетъ лучше. Я, кажется, заразилъ своей вѣрой остальныхъ, а затѣмъ подумали также о томъ, что везти сейчасъ обратно 15 верстъ по этой отвратительной дорогѣ, хуже, чѣмъ провезти 500 верстъ въ тепломъ, сухомъ вагонѣ. Рѣшили ѣхать.

Никто почти не спалъ эту трудную, памятную ночь и со страхомъ прислушивались къ малѣйшему шороху въ отдѣленіи, которое занималъ Левъ Николаевичъ. Къ утру ему стало немного лучше, а въ 10 часовъ мы были въ Курскѣ, гдѣ, дѣйствительно, было и тепло, и сухо, и свѣтло. Стало гораздо лучше и больному, и всѣ мы повеселѣли, явилась надежда благополучно доѣхать до мѣста.

Въ такомъ бодромъ и приподнятомъ настроеніи, надѣясь на все лучшее, подъѣхали мы къ Харькову, гдѣ всѣ надѣялись хотя немного поѣсть во время долгой 20-минутной остановки поѣзда. Мы распредѣлили уже между собой роли, кто пойдетъ на станцію, что принести въ вагонъ, кто останется со Львомъ Николаевичемъ. Стоя въ отдѣленіи Льва Николаевича и глядя въ окно на платформу станціи,

когда останавливался поѣздъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ скопленіемъ народа на платформѣ. Что больше всего поразило меня, такъ это то, что даже на перекладинахъ навѣса надъ платформой какимъ-то чудомъ торчали люди съ напряженными, возбужденными лицами, вглядываясь въ нашъ поѣздъ.

Вдругъ меня осѣнила мысль.

— Левъ Николаевичъ,—сказалъ я,—да вѣдь эта толпа на вокзалѣ, должно быть, собралась по случаю вашего проѣзда.

— Что вы? не можетъ этого быть,—возразилъ онъ. Потомъ, подумавъ мгновеніе, сказалъ:—задерните, пожалуйста, на всякій случай окно. Вѣдь это было бы ужасно.

И я увидѣлъ, какъ какая-то тревога мгновенно охватила его, и онъ сразу ослабѣлъ.

Между тѣмъ, снаружи, сквозь гудѣніе толпы, раздавались иногда голоса: Толстой, Толстой... въ этомъ поѣздѣ... послѣдній вагонъ и т. д. Когда я вышелъ изъ отдѣленія и хотѣлъ пройти на платформу, то сдѣлать этого ужъ было невозможно: все было забаррикадировано толпой. Возбужденныя лица стояли на площадкѣ вагона, на ступенькахъ, что-то говоря Софьѣ Андреевнѣ, и толпа обратила взоры на нашъ вагонъ. Какой-то студентъ умолялъ допустить его ко Льву Николаевичу передать привѣтъ депутаціи, за нимъ стоялъ господинъ въ штатскомъ и одновременно съ нимъ что-то говорилъ, а за этими виднѣлась фигура офицера, тоже пытавшагося что-то говорить. Софья Андреевна умоляюще просила ихъ успокоиться, говорила имъ, что Левъ Николаевичъ очень плохъ, очень слабъ, что онъ взволнуется, если приметъ ихъ, а волненіе для него убійственно. Мнѣ жалко было смотрѣть на этихъ волнующихся людей, очевидно, искренно жаждавшихъ увидѣть человѣка, котораго горячо чтили. Снова пошелъ я въ отдѣленіе ко Льву Николаевичу. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это ужасно,—проговорилъ онъ.—Зачѣмъ это они? Послушайте, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы мы поскорѣе тронулись дальше...

Но это было невозможно, мы ѣхали съ добавочнымъ курьерскимъ поѣздомъ, и пока первый курьерскій поѣздъ не дошелъ до слѣдующей станціи, насъ не могли отправить. Я сказалъ объ этомъ ему, а также и о томъ, что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы принять просившихъ объ этомъ.

— Ахъ зачѣмъ это, зачѣмъ, все это лишнее, и я просто не могу, простоналъ онъ, какъ-то безпомощно еще глубже забившись въ уголъ дивана.

Оставалось минутъ десять до отхода поѣзда. Толпа какъ-то растерянно смотрѣла на нашъ вагонъ и по ней проносилось: боленъ, заболѣлъ опасно, лежитъ... Въ тамбуръ ва-

гона проникло нѣсколько человѣкъ и снова умоляли Софью Андреевну допустить ихъ къ больному, клялись, что они не взволнуютъ его и т. д. Графиня отправилась ко Льву Николаевичу и уговорила его принять. Ихъ впустили и, путаясь въ выраженіяхъ, они пробормотали нѣсколько словъ, что явились привѣтствовать его, какъ представители огромнаго числа его почитателей, что онъ всѣмъ дорогъ, что всѣ крайне взволнованы извѣстіями о его болѣзни, жаждутъ услышать хорошія вѣсти о его поправленіи на благо всего человѣчества и т. п.

Левъ Николаевичъ спросилъ ихъ, кто они, и, узнавъ что одинъ изъ нихъ студентъ, пожелалъ, чтобы они сохранили въ себѣ тотъ чистый юношескій пылъ, которымъ горятъ теперь, попросилъ благодарить за участіе къ нему тѣхъ, кто ихъ послалъ.

Едва они вышли изъ вагона, какъ еще нѣсколько человѣкъ просили впустить и ихъ, допустили и этихъ. Когда же они ушли и передали свои впечатлѣнія окружавшимъ ихъ, послышались голоса: „просимъ Льва Николаевича на минуту, хоть на минуту показаться у окна, просимъ, просимъ...“ Все затихло вокругъ, все заволновалось.

Уговорили Льва Николаевича показаться у окна. Слабый, взволнованный, онъ приподнялся, оперся о подоконникъ и раскланялся. Мгновенно все стихло, головы обнажились и всѣ почтительно и благоговѣйно глядѣли на этого слабаго, больного, безпомощнаго человѣка, который такъ титанически будилъ самое лучшее въ душахъ людей. Это была такая картина, которая по своей величественности, торжественности, по той дисциплинѣ душевнаго напряженія, сковывшаго всю эту толпу, врѣзалась у меня въ памяти на всю жизнь. Раздался третій звонокъ. И какъ будто изъ однихъ устъ раздалось тысячеголосное „ура“. Всѣ махали платками, шапками, кричали: „поправляйтесь, возвращайтесь здоровымъ, храни васъ Богъ“... поѣздъ нашъ медленно тронулся и, наконецъ, мы снова остались одни.

Проводникъ вагона держалъ три бутылки молока и спрашивалъ, что дѣлать съ ними. Увидавъ молоко, я понялъ, откуда эта манифестація. Узнали о проѣздѣ Льва Николаевича только благодаря этому молоку.

Когда я подошелъ ко Льву Николаевичу, онъ сидѣлъ совершенно ослабѣвшій, разстроенный, глаза были влажны, какъ всегда въ моменты сильнаго душевнаго напряженія.

— Откуда могли узнать о моемъ проѣздѣ? проговорилъ онъ вопросительно. Вѣдь, кажется, никто не зналъ объ этомъ, и мы сами не знали.

Дѣйствительно, трудно было узнать о проѣздѣ Льва Николаевича ужъ по одному тому, что русское правительство распорядилось въ это время черезъ цензурные комитеты,

чтобы въ газетахъ не писалось ничего о его болѣзни, и распоряженіе это было отмѣнено уже значительно позже, теперь же никто не могъ узнать изъ газетъ о проѣздѣ. Тогда мнѣ пришла догадка (и это, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно было такъ). Когда стало окончательно извѣстно, что мы выѣзжаемъ изъ Ясной Поляны на слѣдующій день и когда, обдумывая питаніе Льва Николаевича въ дорогѣ, безпокоились, что не достанутъ ему въ дорогѣ на станціяхъ свѣжаго молока, я написалъ въ Харьковъ моей знакомой писательницѣ Е. просьбу доставить къ извѣстному поѣзду молоко для Льва Николаевича. Письмо она могла получить только въ день его пріѣзда. Такимъ образомъ, я оказался невольнымъ виновникомъ этой манифестаціи.

Когда я вспоминаю теперь объ этомъ, не могу не удивляться предъ тѣмъ жаднымъ и страстнымъ интересомъ къ личности Толстого, бывшимъ у русскаго общества, при которомъ только и можно объяснить появленіе толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, когда о проѣздѣ было извѣстно только въ тотъ день и только совершенно частному человѣку. Я разсказалъ Льву Николаевичу обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, вызвали эту толпу. Левъ Николаевичъ долго ахалъ и корилъ меня и спрашивалъ, на какихъ станціяхъ еще будетъ молоко. Стали шутить, я успокаивалъ его, говоря, что теперь путь до Севастополя свободенъ и т. п., но черезъ нѣсколько времени больному стало хуже и хуже, начались перебои сердца, стала ползти температура, и мы всѣ опять пріуныли. Всѣ были голодны, никто не успѣлъ запастись въ Харьковѣ пищей и подкрѣпиться, но все это, разумѣется, были пустяки въ сравненіи съ мрачными мыслями о томъ, что дѣлать, если ухудшеніе будетъ продолжаться. Везти въ безнадежномъ состояніи не рѣшались, но кто опредѣлитъ, насколько безнадежно состояніе. Доктора можно было достать только въ Лозовой, да и можно ли? Если есть тамъ докторъ, то желѣзнодорожный, который всегда можетъ быть въ отлучкѣ. И такъ какъ Льву Николаевичу становилось все хуже, то мы рѣшили, поискать въ Лозовой доктора, дать телеграмму въ Екатеринославъ моему знакомому врачу, чтобы онъ выѣхалъ въ Синельниково, за 40 верстъ отъ Екатеринослава, и посовѣтовалъ намъ, что дѣлать, продолжать поѣздку или вернуться.

Но подъѣзжая къ Лозовой, Льву Николаевичу стало опять лучше, пульсъ сталъ ровнымъ, температура понизилась, и онъ даже могъ выпить молока. Снова мелькнула надежда доѣхать до Севастополя, и мы, перекусивъ на станціи, провели послѣ мучительно напряженныхъ сутокъ спокойную ночь.

Когда проснулись на слѣдующій день, въ окна глядѣло ослѣпительно яркое южное солнце, а внизу по обѣимъ сто-

ронамъ пути разстилался Сивашъ. Было тепло, даже жарко. Подъѣзжая къ Симферополю открыли окна вагона и жадно дышали теплымъ, нѣжнымъ воздухомъ. Левъ Николаевичъ провелъ ночь сравнительно хорошо, видъ у него былъ хорошій, и онъ, видимо, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ воздухъ и уже думалъ о томъ, чтобы, по усвоенной имъ за всю жизнь привычкѣ, сѣсть заниматься въ эти бодрые, утренніе часы. Онъ досталъ свою записную книжку, сталъ вписывать туда; затѣмъ попросилъ достать листки своей послѣдней работы и удалился къ себѣ работать. Но очевидно шумъ и тряска поѣзда, непривычная обстановка и безпокойство близкихъ, что, послѣ пережитыхъ волненій, онъ дѣлаетъ опять вредное напряженіе, заставили его скоро покончить работу и присоединиться къ намъ.

Въ Симферополѣ мы купили прекраснаго винограда, шасла и изабелла, и соблазнили Льва Николаевича принять участіе въ нашемъ пиршествѣ. Всѣ оживились, были веселы и Левъ Николаевичъ также раздѣлялъ наше настроеніе, и когда мы проѣзжали станціи, напоминавшія ему по названіямъ севастопольскую кампанію, онъ вспоминалъ прошлое и подробно разсказывалъ намъ событія, происходившія тутъ во время Севастопольской обороны и эпизоды изъ своей жизни въ то время.

Въ Севастополѣ насъ ждала снова манифестація, но на этотъ разъ очень скромная, собрались почти исключительно дамы, которыя разсказали, что вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ толпы народа ежедневно собирались на вокзалъ, ожидая встрѣтить Льва Николаевича, но наконецъ, извѣрившись въ его пріѣздѣ, перестали мало-по-малу собираться и только эти остатки были вѣрны себѣ и дождались. Но когда я выглянулъ изъ окна станціи, то увидалъ, что и передъ станціей была толпа, а передъ толпой расхаживало нѣсколько полицейскихъ офицеровъ. Когда мы вышли садиться въ экипажъ, то одинъ изъ нихъ, полицмейстеръ, сѣлъ въ свою коляску и понесся впереди насъ. Очевидно, полиція работала во всю, показывая свое усердіе, и представитель ея поспѣшилъ дальше, чтобы предупредить „незаконное сборище толпы“.

Теплый, нѣжный, безвѣтренный день, ослѣпительное солнце, казавшееся еще болѣе ослѣпительнымъ отъ бѣлыхъ домовъ, известковыхъ камней мостовой и темное синее бездонное небо, бодрость больного, который старался даже не пользоваться помощью другихъ, когда выходилъ изъ коляски, все было такъ хорошо, такъ ободрительно дѣйствовало, что, казалось, можно было пуститься въ дальнѣйшій путь въ Ялту безъ передышки. Но такъ какъ было уже поздно, мы не могли бы доѣхать на лошадяхъ до сумерекъ, то рѣшено было, если все также будетъ благополучно, двинуться въ дальнѣйшій путь завтра въ 10 час. утра.

Часовъ около двухъ дня всѣ вышли погулять. Это былъ обычный часъ прогулокъ Льва Николаевича и, почувствовавъ въ себѣ силы, онъ захотѣлъ пройти хотя бы въ расположенный около гостиницы Киста, гдѣ мы остановились, приморскій бульваръ. Отдохнувъ немного на бульварѣ, Левъ Николаевичъ захотѣлъ попробовать прогуляться по городу и, опираясь на мою руку, пошелъ по улицѣ вверхъ по направленію къ музею Севастопольской обороны. Когда мы дошли до музея, который хотѣлось посмотрѣть Льву Николаевичу, то оказалось, что мы опоздали уже, онъ открытъ только до 2-хъ часовъ и насъ не пустили. Возвращаясь назадъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ музея, повстрѣчался офицеръ, который сначала изумленно взглянулъ на Льва Николаевича, потомъ вдругъ остановился, отдалъ честь и, подойдя къ нему, попросилъ позволенія представиться.

— Позвольте, графъ, представиться, капитанъ N.

Левъ Николаевичъ подалъ ему руку и сталъ припоминать—Вы N? да вы не сынъ ли того N?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Да, да, помню, проговорилъ Левъ Николаевичъ, мы еще съ вашей матушкой танцевали тутъ же въ Севастополѣ... какъ же помню... что же вы дѣлаете здѣсь?

N. оказался очень любезнымъ и, узнавъ, что насъ не пустили въ музей, вызвался проводить туда, и мы повернули обратно и поднялись по отлогимъ ступенькамъ величественной колонады зданія, посвященнаго воспоминаніямъ о защитникахъ, одинъ изъ которыхъ теперь спустя 45 лѣтъ послѣ пережитыхъ и описанныхъ имъ ужасовъ, подымался теперь въ совершенно иной обстановкѣ.

Капитанъ водилъ по комнатамъ Льва Николаевича, дѣлая разныя объясненія. Въ свою очередь и Левъ Николаевичъ припоминалъ разные эпизоды, расположеніе батарей, нѣкоторыхъ защитниковъ. Въ одной изъ комнатъ былъ его портретъ, капитанъ съ особымъ удовольствіемъ обратилъ на него вниманіе, но Левъ Николаевичъ съ видимымъ неудовольствіемъ отвернулся отъ портрета, какъ-то сразу притихъ,— очевидно, другая группа воспоминаній и другое настроеніе замѣнили первоначальное возбужденіе, и онъ, жалуясь на утомленіе, предложилъ вернуться въ гостиницу.

— Какъ это жалко, говорилъ онъ дорогой, зачѣмъ это дорогое зданіе, это тщательное собираніе всѣхъ старыхъ пуговицъ, осколковъ. Забыть надо весь этотъ ужасъ, это озвѣреніе, этотъ позоръ, а они стараются разжигать воспоминанія... ужасно, ужасно...

Вернулся онъ въ гостиницу измученнымъ, усталымъ и какимъ - то увядшимъ. Но, немного отдохнувъ, принялся за работу, сталъ писать, а мы, видя, что ему хорошо, стали готовиться къ путешествію въ экипажахъ на завтра, заказали

лошадей, двѣ коляски и остатокъ дня спокойно провели въ гостиницѣ.

Утро слѣдующаго дня было великолѣпно, мы успѣли запастись свѣжимъ молокомъ, хлѣбомъ, виноградомъ, фруктами и къ 10 ч. утра уже двинулись на двухъ экипажахъ въ Ялту. Левъ Николаевичъ оглядывалъ проѣзжаемую нами мѣстность и объяснялъ намъ расположеніе редутовъ, войскъ во время Севастопольской обороны. Чувствовалъ онъ себя хорошо и во время первой перемѣны лошадей около Балаклавъ пошелъ немного пѣшкомъ по шоссе размяться. Въ Байдарахъ мы сдѣлали часовой привалъ, чтобы приготовить незамысловатый обѣдъ Льву Николаевичу. Всѣ энергично принялись за дѣло: кто топилъ плиту въ сосѣдней съ почтовой станціей пристройкѣ, кто спѣшно все распечатывалъ и доставалъ, а Софья Андреевна была энергичной кухаркой. Мы торопились и всѣ работали дружно, боясь, что опоздаемъ пріѣхать къ мѣсту до захода солнца, а везти его послѣ захода солнца было опасно, при его расположеніи къ лихорадкѣ, это время считалось въ Крыму самымъ опаснымъ для больныхъ.

Наконецъ, мы перевалили Байдарскія ворота. Подъѣзжая къ нимъ, повстрѣчались двѣ коляски, и, очевидно, ѣхавшіе были предупреждены о проѣздѣ Льва Николаевича, такъ какъ вмѣстѣ съ шумными привѣтствіями его забросали цвѣтами. Внизу подъ Байдарскими воротами тоже ожидали группы любопытныхъ.

На первой остановкѣ послѣ Байдарскихъ воротъ, пока перемѣняли лошадей, Левъ Николаевичъ пошелъ снова размяться вдоль шоссе и сталъ припоминать мѣстность. Онъ нѣкогда возилъ сюда больного князя Урусова, своего большого друга и извѣстнаго, между прочимъ, своимъ прекраснымъ переводомъ „размышленій Императора Марка Аврелія". Такъ какъ Левъ Николаевичъ не могъ въ точности припомнить лежавшихъ внизу по берегу мѣстъ, то обратился къ остановившемуся на шоссе молодцу, не то приказчику, не то изъ мелкихъ торговцевъ или арендаторовъ. Тотъ, видя бѣдно одѣтаго въ странную блузу старичка, сталъ съ достоинствомъ и нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣчать на вопросы. Я наблюдалъ эту сцену, и меня чрезвычайно смѣшило такое высокомѣрное достоинство этого молодца, видно было, что онъ дорого цѣнилъ то, что снизошелъ до разговора съ этимъ сѣренькимъ человѣкомъ. Наконецъ, подъѣхала коляска съ Софьей Андреевной, и Левъ Николаевичъ, поблагодаривъ незнакомца, сѣлъ и уѣхалъ, а я остался подождать слѣдующей коляски. Незнакомецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ уѣхавшей коляски.

— Не знаете, кто такой—этотъ старичокъ? спросилъ онъ меня.

— Это графъ Толстой, отвѣчалъ я.

— Какъ, воскликнулъ онъ, это тотъ самый графъ Толстой, писатель?

— Тотъ самый.

— Боже мой, Боже мой! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ и, почему-то схвативъ съ головы фуражку, швырнулъ ее на пыльное шоссе.—И я такъ говорилъ съ нимъ! Все бы, кажется, отдалъ въ жизни, чтобы только повидать его и вотъ... и я, подлецъ, такъ говорилъ съ нимъ, думалъ, такъ странничекъ какой-нибудь, ой, ой, ой...

Я сѣлъ въ подъѣхавшій экипажъ, и мы долго видѣли, какъ этотъ несчастный стоялъ безъ фуражки на шоссе и все смотрѣлъ вслѣдъ экипажу, увозившему человѣка, съ которымъ онъ „такъ говорилъ".

Подъѣзжая къ Мисхору, солнце зашло и быстро спускались крымскіе сумерки или, вѣрнѣе, ночь. Мы попросили кучеровъ не мѣнять лошадей на этой станціи и ѣхать поскорѣе въ Гаспру, имѣніе гр. Паниной, которое было уже недалеко, верстахъ въ 3—4. Наконецъ, и Гаспра, ворота открыты, ждутъ, большой домъ, „дворецъ" освѣщенъ и милый, любезный нѣмецъ, управляющій К. Х. Классенъ, столько заботливости и услугъ оказавшій затѣмъ и Льву Николаевичу и его семьѣ, стоялъ съ хлѣбомъ-солью у дверей дома.

Любопытно вспомнить, съ какимъ до нѣкоторой степени страхомъ глядѣлъ Левъ Николаевичъ на этотъ домъ. Это былъ богатый, хорошо отдѣланный и оборудованный домъ, одинъ изъ тѣхъ палаццо, который считаетъ долгомъ имѣть всякій богатый европеецъ на берегу Средиземнаго моря или иномъ курортѣ. Но Левъ Николаевичъ, привыкшій къ скромной, простой, чтобы не сказать, бѣдной обстановкѣ Ясной Поляны, гдѣ полы были во многихъ комнатахъ некрашеные, изношеные, рамы въ окнахъ подгнили, краска сошла и надо было обсуждать вопросъ, смѣнять ли ихъ сейчасъ или еще можно подождать до слѣдующаго года,—и вдругъ здѣсь необыкновенное великолѣпіе и чистота по сравненію съ яснополянскимъ домомъ. Дѣйствительно, чувствовалось какъ-то не по себѣ, и всѣ ходили, растерявшись, по этимъ огромнымъ заламъ. Левъ Николаевичъ, глядя со страхомъ на огромныя вазы по угламъ, предупреждалъ насъ, чтобы мы были осторожны, и видно было, что ему совсѣмъ не по себѣ. Помѣстился онъ въ нижнемъ этажѣ направо, въ комнатѣ, прилегавшей къ залѣ и окнами выходившей на западъ и на югъ, но съ юга была крытая терраса, защищавшая отъ солнца. Это была не вполнѣ подходящая комната, но самая покойная въ нижнемъ этажѣ, въ верхнемъ же этажѣ было неудобно потому, что туда неизбѣжно было подниматься по лѣстницѣ, которая для больного была вредна.

Слѣдующіе ясные, солнечные дни крымской чудной

осени были великолѣпны, и у Льва Николаевича не было ни лихорадки, ни неправильной дѣятельности сердца. Онъ сталъ совершать небольшія прогулки, при чемъ въ виду трудности вездѣ въ Крыму избѣжать горныхъ прогулокъ и несносности пыльнаго шоссе, онъ полюбилъ въ особенности прогулку по, такъ называемой, „горизантальной тропинкѣ", проложенной отъ сосѣдняго съ Гаспрой дворца великаго князя Александра Михайловича (Ал. Тодоръ) почти до самой Ливадіи. По этой тропинкѣ любилъ гулять покойный государь Александръ III, и, кажется, она и была проложена для него. Она, дѣйствительно, шла все время, на протяженіи верстъ 5, горизонтально и съ нея отрывался чудесный видъ на Ялту. Такъ какъ нужно было ходить черезъ владѣнія Александра Михайловича и удѣльныя, то Классенъ попросилъ соотвѣтствующее разрѣшеніе, и оно было дано. Упоминаю объ этомъ потому, что впослѣдствіи, когда болѣзнь Льва Николаевича привлекла особое вниманіе правительства, разрѣшеніе это было взято обратно, и ему было запрещено пользоваться этой „горизонтальной тропинкой".

Черезъ нѣсколько дней Льва Николаевича посѣтилъ жившій въ то время въ Ялтѣ А. П. Чеховъ. Левъ Николаевичъ любилъ его произведенія и очень цѣнилъ художественный талантъ Чехова. Впослѣдствіи, когда онъ составлялъ „Кругъ чтенія", онъ включилъ въ него разсказъ Чехова „Душечка", снабдивъ его своимъ предисловіемъ.

Это свиданіе было какое-то натянутое. Милый, остроумный Чеховъ чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ, разговоръ былъ вялый, и онъ вскорѣ уѣхалъ. Чеховъ, вообще съ уваженіемъ и любовью относившійся къ Толстому, слегка иронизировалъ надъ его моральнымъ отношеніемъ къ жизни, желая подъ этой формой скрыть то, что безъ сомнѣнія мучило его самого въ неразрѣшимости жизненныхъ вопросовъ, въ отсутствіи центральной идеи, въ отсутствіи Бога.

Послѣ свиданія съ Чеховымъ (съ которымъ онъ, между прочимъ, снятъ въ этотъ пріѣздъ на верхней террасѣ дома) Левъ Николаевичъ говорилъ, что ему очень жаль Чехова именно потому, что въ немъ, при всемъ его недюжинномъ художественномъ дарованіи, не было религіознаго сознанія, и отъ этого все писанное имъ покрыто какимъ-то пессимистическимъ флеромъ, скрывавшимъ пустоту содержанія. Чеховъ въ то время былъ тяжело боленъ туберкулезомъ, всѣ это знали, невольно глядѣли на него съ состраданіемъ и, видя рядомъ этихъ людей, стучавшихся въ другую жизнь или, вѣрнѣе, къ которымъ смерть протягивала свои объятья, невольно напрашивались сравненія. Одинъ готовъ былъ идти безтрепетно, видя за скрытой дверью что-то лучшее, привлекательное и старавшійся благоговѣйно прислушиваться къ своему внутреннему голосу, прибрать свой внутренній

храмъ,—другой съ какимъ-то недоумѣніемъ глядѣлъ туда и цѣплялся за эту внѣшнюю оболочку, не хотѣлъ даже представить себѣ того, что онъ близокъ къ этому послѣднему этапу жизни, послѣднему столбику у нея.

Жизнь стала входить въ свою колею. Левъ Николаевичъ принялся за свои занятія, въ это время онъ снова принялся за свою повѣсть Хаджи Муратъ и какъ-то въ одну изъ прогулокъ, осматривая въ Алупкѣ дворецъ кн. Воронцова, съ особымъ вниманіемъ останавливался на портретахъ Воронцовыхъ и разсказывалъ намъ разныя подробности о нихъ. Его острый взглядъ какъ бы запечатлѣвалъ всѣ штрихи и оттѣнки глядѣвшихъ изъ рамъ портретовъ лицъ и затѣмъ мастерской рукой онъ передавалъ эту живопись въ Хаджи Муратѣ, оживляя, дѣлая ее одухотворенной.

Но занимался онъ Хаджи Муратомъ какъ бы въ видѣ отдыха отъ другихъ работъ, болѣе важныхъ. Онъ даже какъ будто стыдился этого своего занятія „художественнымъ" произведеніемъ, за которымъ ему дышалось должно быть также легко и свободно, какъ орлу въ поднебесьѣ. Душа его была занята все тѣмъ же вопросомъ, который сталъ передъ нимъ уже давно—обманомъ людей подъ видомъ религіи, соблазненіемъ ихъ участвовать въ насиліи-солдатчинѣ и т. п. И онъ одновременно съ „Хаджи Муратомъ" пишетъ статью „О религіи", а прочтя присланную кѣмъ-то изъ друзей „Солдатскую Памятку" генерала Драгомирова, составляетъ свою „солдатскую памятку". И въ эти работы онъ входитъ весь, нить мыслей о нихъ ужъ не рвется ни на минуту, какъ бы потомъ ему ни было плохо.

Когда затѣмъ онъ прочелъ въ газетахъ рѣчь М. Стаховича на миссіонерскомъ съѣздѣ, которая затрагивала такой дорогой для него вопросъ, вопросъ жегшій ему душу—о религіи, терпимости, онъ не могъ удержаться, чтобы не откликнуться на то ложное положеніе, въ которомъ находились и Стаховичъ, и съѣздъ миссіонеровъ—и пишетъ статью „О вѣротерпимости".

И Крымъ, принеся Льву Николаевичу сравнительное улучшеніе здоровья, далъ ему, кромѣ того, и больше возможности уединиться и спокойнѣе работать, такъ какъ здѣсь не было той массы посѣтителей, какая бывала въ Ясной Полянѣ, и онъ могъ больше предаваться *своей* жизни.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ къ себѣ на сѣверъ, съ счастливымъ сознаніемъ и вѣрой въ то, что Левъ Николаевичъ избѣгъ угрожавшей ему опасности и теперь на пути къ поправленію. Мое настроеніе, кажется, раздѣлялось и всѣми другими. Когда я уѣзжалъ, то Левъ Николаевичъ попросилъ меня заѣхать по пути въ Кочеты къ его дочери Татьянѣ Львовнѣ и успокоить ее, передавъ, какъ благополучно доѣхалъ и что теперь „здоровъ, какъ всегда".

Послѣдующія извѣстія изъ Гаспры были самыя утѣшительныя. Приступы болѣзни грудной жабы не повторялись, Левъ Николаевичъ работалъ, какъ обыкновенно, наслаждался природой, бывалъ у моря и публикѣ извѣстна одна фотографія, снятая съ него съ младшей дочерью въ ту осень 1901 г. на берегу моря; совершалъ довольно большія прогулки, хаживая пѣшкомъ въ Ялту—это верстъ 12 отъ Гаспры—навѣщать жившую тамъ съ мужемъ свою вторую дочь Марью Львовну Оболенскую и вообще на горизонтѣ не было никакихъ зловѣщихъ тучъ.

Въ декабрѣ 1901 г. на Рождество я отправился въ Гаспру навѣстить Льва Николаевича и засталъ его совершенно поправившимся, окрѣпшимъ, бодрымъ и много работавшимъ. Въ это время онъ кончилъ уже „Солдатскую памятку". Онъ весь, казалось, горѣлъ волненіемъ и негодованіемъ, какъ могли найтись люди, какъ Драгомировъ, такъ кощунственно пользовавшіеся текстами Евангелія и извращавшіе ихъ для проповѣди убійства и насилія.

— Нѣтъ, вы посмотрите, говорилъ онъ мнѣ съ особымъ волненіемъ и съ характерной спазмой голоса, какъ будто рыдая,—можно ли это написать и безъ стѣсненія распространять рядомъ съ трогательными словами Христа о любви, о братствѣ. Вы прочтите вотъ это: и Левъ Николаевичъ показалъ мнѣ мѣсто солдатской памятки Драгомирова: „Всегда бей, никогда не отбивайся. Сломался штыкъ, бей прикладомъ; прикладъ отказалъ—бей кулаками; попортили кулаки—*вцѣпись зубами*"... Нѣтъ, это ужасно, говорилъ онъ, это что-то до невѣроятія звѣрское... „вцѣпись зубами".

Это волненіе, съ которымъ Левъ Николаевичъ относился къ тому, о чемъ писалъ, это страданіе за жизнь другихъ, въ которую онъ такъ чутко и полно переносился, отражались, несомнѣнно, на его здоровьи. Онъ *не могъ* вести тотъ „старческій" образъ жизни, о которомъ говорилъ докторъ лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. И пульсъ его нѣтъ-нѣтъ, да и указывалъ на то, что здоровье его не находится внѣ опасности, что каждый день можно ждать взрыва. Каждая его прогулка вызывала безпокойство у всѣхъ близкихъ, тѣмъ болѣе, что Левъ Николаевичъ старался всегда уходить одинъ,—только такъ онъ использовалъ лучшимъ образомъ свое общеніе съ природой, которая щедро и ярко открывала ему то, что было закрыто намъ.

Помню, что какъ разъ въ день Новаго года, когда мы отправились на прогулку въ горы и вернулись уже передъ сумерками, мы застали всѣхъ въ большомъ волненіи: Левъ Николаевичъ не возвращался еще съ своей прогулки и боялись, что съ нимъ могло быть дурно. Мы тотчасъ же разошлись по разнымъ направленіямъ, и одинъ изъ насъ встрѣтилъ Льва Николаевича недалеко отъ Гаспры на шоссе, онъ

дѣйствительно усталъ, и опоздалъ потому, что почувствовалъ на прогулкѣ дурноту и долго отдыхалъ.

Послѣ такихъ дней, если здоровье позволяло Льву Николаевичу остаться съ нами, вечеромъ кто-нибудь читалъ вслухъ въ большой гостиной, освѣщенной только двумя лампами и потому бывшей всегда полутемной, и среди чтенія Левъ Николаевичъ вставлялъ иногда свои замѣчанія, или кто-нибудь изъ присутствовавшихъ начиналъ вспоминать прошлое и увлекалъ его въ эти воспоминанія, и онъ начиналъ живо и образно передавать цѣлые эпизоды изъ своей жизни. Или, случалось, иногда пріѣзжалъ московскій піанистъ Г., очень любившій Льва Николаевича, и игралъ ему мастерски его любимыя пьесы, и Левъ Николаевичъ сидитъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу, и я вижу, какъ онъ волнуется, слезы выступаютъ у него на глазахъ. И въ музыкѣ онъ видѣлъ тѣ же душевныя движенія, жилъ тогда. И когда затѣмъ начинался разговоръ о музыкѣ, когда говорили объ „интересной“ музыкѣ, о новѣйшей, Левъ Николаевичъ замѣчалъ, что „истинная музыка не можетъ быть интересна“, а можетъ или трогать, или возвышать душу, или просто доставлять удовольствіе, успокоеніе и тогда она исполняетъ своё назначеніе“...

Наступало 10 часовъ и начинали расходиться по своимъ комнатамъ. Каждый уносилъ съ собой тихое, возвышенное настроеніе...

На другой день Новаго года я поѣхалъ обратно на сѣверъ. Почему-то въ особенности грустно было уѣзжать въ этотъ разъ. Грустно было покидать эту мирную, хорошую, возвышающую душу обстановку, грустно было и то, что, несмотря на всѣ благопріятныя условія, у Льва Николаевича прорывалась сердечная болѣзнь и была угроза, отъѣхавши далеко, разстаться съ нимъ навсегда. Я условился съ окружавшими Льва Николаевича, что мнѣ дадутъ знать, если ему будетъ сколько-нибудь плохо. Уѣзжалъ я часовъ въ 8 утра на дилижансѣ, который проходилъ изъ Ялты мимо Гаспры, но Левъ Николаевичъ захотѣлъ проводить меня до Мисхора пѣшкомъ и говорилъ все о томъ, что жить осталось мало, а дѣлать надо много. Говорилъ о нашемъ посланничествѣ на землѣ, о томъ, что жизнь наша тогда только можетъ быть полна, когда мы узнаемъ волю пославшаго насъ сюда и будемъ стараться ее исполнять, а исполнять надо много.

Въ Мисхорѣ насъ догналъ дилижансъ, я сѣлъ въ свое мѣсто и долго еще растроганный и умиленный провожалъ глазами этого удивительнаго человѣка, полнаго любви къ людямъ, страдавшаго ихъ страданіями, такого чистаго и возвышеннаго душой, такъ строго глядѣвшаго на остатокъ своей жизни, на свое посланничество...

Числа 27 января 1902 г. я получилъ письмо отъ кн. Марьи Львовны Оболенской, которое меня совсѣмъ напугало. Она

сообщала, что Левъ Николаевичъ провожалъ одного изъ сыновей на пароходъ, очень усталъ, тѣмъ не менѣе пѣшкомъ пришелъ къ нимъ отдохнуть, еще болѣе усталъ, идя въ гору, и съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ сердцебіенія и удушья, бывавшій лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. Онъ былъ очень плохъ, всѣ напугались, вызвали лѣчившаго Марью Львовну врача, гинеколога Альтшуллера, больной былъ слишкомъ слабъ и его нельзя было перевезти даже въ Гаспру.

Въ ту же ночь я получилъ телеграмму изъ Гаспры, съ извѣщеніемъ, что Левъ Николаевичъ очень боленъ, и тотчасъ же выѣхалъ въ Гаспру.

Пріѣхалъ я въ Ялту 30-го января и встрѣтившій меня у парохода Классенъ сначала успокоилъ: всѣ эти дни, говорилъ онъ, было графу очень плохо, но сегодня лучше и стали надѣяться, что все обойдется благополучно. Отъ него же я узналъ, что у Льва Николаевича стали появляться припадки сердцебіенія и слабости уже недѣли три тому назадъ, но послѣ нихъ наступали и дни здоровья, и онъ, нисколько не остерегаясь, по обыкновенію, много гулялъ.

Дѣйствительно, какъ я узналъ уже потомъ въ Гаспрѣ отъ семьи, настоящее сердечное положеніе Льва Николаевича только явилось сильнымъ обостреніемъ болѣзни, отъ которой онъ страдалъ—грудной жабы. Это обостреніе особенно сильно стало проявляться съ начала января. Почти не было ни одного дня, когда бы онъ чувствовалъ себя бодро и здорово. Повышенная температура и неправильная дѣятельность сердца часто не позволяли ему подняться съ постели, но первое улучшеніе его положенія,—и онъ старался вести обычный образъ жизни здороваго человѣка, дѣлалъ напряженіе, которое, какъ, напр., въ послѣднихъ числахъ января въ Ялтѣ, чуть не стоило ему жизни.

Разумѣется, Левъ Николаевичъ самъ сознавалъ, что онъ боленъ, это видно и изъ письма, которое онъ писалъ въ это время одному знакомому: „Физически здоровье мое все плохо, но душевно мнѣ очень хорошо и могу работать и работаю какъ умѣю, болѣе серьезно, въ виду близкаго конца". Но это сознаніе болѣзни и опасности нисколько не измѣняло, какъ и лѣтомъ, привычнаго образа его жизни и даже въ мелочахъ онъ оставался вѣренъ себѣ [1]).

[1]) Деликатность не позволяла ему оставлять безъ отвѣта писемъ и обращеній къ нему и еще до января, когда ему было очень плохо, онъ все-таки отвѣтилъ шведскому обществу, возмущенному тѣмъ, что не ему была присуждена Нобелевская премія и обратившемуся къ Л. Н. по этому поводу съ адресомъ. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ:

„Милостивые государи. Назначеніе не мнѣ Нобелевской преміи было вдвойнѣ мнѣ пріятно: во-первыхъ, тѣмъ, что избавило меня отъ тяжелой необходимости такъ или иначе распорядиться деньгами, которыя считаются всѣми очень нужными и полезными предметами, мною же—источникомъ всякаго рода зла; во-вторыхъ, тѣмъ, что послужило поводомъ къ выраженію мнѣ своего сочувствія уважаемыхъ мною людей, за которое ото всей души благодарю".

Въ Гаспрѣ я засталъ всѣхъ очень взволнованными, и у всѣхъ сквозь волненіе, пережитое эти дни, проглядывала сегодня надежда на лучшее. Измѣнился домъ, не было уже того удивительно спокойнаго состоянія, которое такъ недавно еще царило здѣсь. Теперь была какая-то растерянность, недоумѣніе, что дѣлать. Вотъ уже недѣли двѣ, какъ серьезно болѣнъ Левъ Николаевичъ, но что за болѣзнь, трудно было понять [1]). Началось у Марьи Львовны, какъ я и сказалъ выше, съ продолжительнаго припадка сердцебіенія съ высокой температурой. Навѣщающій докторъ Альтшуллеръ нашелъ воспаленіе легкихъ, и подъ этимъ впечатлѣніемъ всѣ продолжали находиться, но въ день моего пріѣзда болѣзнь какъ будто бы остановилась, температура стала нормальной, пульсъ хорошъ и всѣмъ не хотѣлось вѣрить въ правильность поставленнаго діагноза. Въ это время, кромѣ Альтшуллера, за Львомъ Николаевичемъ наблюдалъ и земскій врачъ въ сосѣднемъ съ Гаспрой Кореизѣ, Волковъ.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда я пошелъ навѣстить больного. Онъ лежалъ въ большой комнатѣ, рядомъ съ той, которую обыкновенно занималъ. Снова онъ измѣнился ужасно,—только изъ-подъ нависшихъ бровей, изъ впадинъ горѣли тѣ же глаза.

— Опять васъ понапрасну напугали, мой другъ, заговорилъ онъ слабо, едва слышно,—а мнѣ снова лучше. А, главное, хорошо быть въ такомъ положеніи... всегда надо готовиться и надо только радоваться этому...

Предупрежденный о томъ, что больному нельзя давать много говорить, я прервалъ его, передалъ ему нѣкоторыя новости о друзьяхъ и поспѣшилъ выйти, скрывая душившее меня волненіе и слезы. Снова я видѣлъ дорогого человѣка въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ заставлялъ такъ волноваться и бояться за его жизнь прошлымъ лѣтомъ.

Однако, черезъ часъ Левъ Николаевичъ снова позвалъ меня записать кое-что подъ диктовку, но долго писать не пришлось, онъ усталъ и, указывая мнѣ на пачку писемъ,

---

[1]) Любопытно отмѣтить здѣсь это недоумѣніе передъ опредѣленіемъ болѣзни Льва Николаевича. Когда-нибудь, вѣроятно, появятся воспоминанія врачей, лѣчившихъ его и слѣдившихъ за болѣзнью. Я, какъ профанъ въ этомъ дѣлѣ, такъ же, какъ и многіе другіе, относился съ полнымъ недоумѣніемъ къ врачебнымъ опредѣленіямъ болѣзни его. Насколько мнѣ не измѣняетъ память, докторъ Усовъ опредѣлилъ у него въ Ясной Полянѣ лѣтомъ 1901 г. грудную жабу, затѣмъ въ началѣ 1902 г. врачи въ Ялтѣ, а за ними пріѣхавшій изъ Москвы Щуровскій, нашли воспаленіе легкихъ, затѣмъ весной 1902 г. онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, но помню навѣщавшій его въ Гаспрѣ весной 1902 г. докторъ Бертенсонъ скептически относился къ этимъ опредѣленіямъ.

Какъ бы то ни было лѣченіе болѣзни состояло главнымъ образомъ только въ любовномъ, тщательномъ уходѣ врачей и благодаря сопротивленію Льва Николаевича къ пріему разныхъ лекарствъ и уваженію врачей его воли, это лѣченіе, даже при неправильномъ опредѣленіи болѣзни, не могло имѣть вредныхъ послѣдствій для его здоровья.

лежавшихъ на столикѣ, просилъ меня отвѣтить на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ это время онъ почти закончилъ „О религіи“ и „О вѣротерпимости“ и, по свойственной ему строгости къ своимъ произведеніямъ, продолжалъ отдѣлывать ихъ. Лежа одинъ, онъ, очевидно, вновь все передумывалъ и съ удивительной памятью того, что и гдѣ онъ писалъ, дѣлалъ поправки и вставки, не имѣя передъ глазами рукописи.

Этотъ интересъ къ жизненнымъ дѣламъ, къ дѣятельности, утѣшалъ насъ больше всего. Страшило всѣхъ его окружавшихъ эти дни полное его равнодушіе ко всему,— онъ даже равнодушно относился къ приходу докторовъ и ихъ выслушиванію, что всегда ему было непріятно въ другое время. Онъ уходилъ совершенно въ другой міръ. Это равнодушіе смущало и лѣчившихъ его докторовъ, которые видѣли въ немъ дурной признакъ.

Но послѣ этого сравнительно хорошаго дня, поселившаго въ насъ надежду на то, что онъ станетъ поправляться, слѣдующіе дни разсѣяли ее и ни у кого ужъ не оставалось сомнѣнія, что положеніе не только не улучшается, а наоборотъ, надо считаться съ затяжной болѣзнью, крайне опасной въ возрастѣ Льва Николаевича. На слѣдующій день, 31 января, температура снова повысилась, доктора ясно и опредѣленно говорили о воспаленіи легкихъ, хотя и пульсъ и общее состояніе были сравнительно удовлетворительны, только былъ сильный упадокъ силъ. Оставалось терпѣливо ожидать разсасыванія воспаленія и больше всего бояться неправильной дѣятельности сердца и упадка ея. За Львомъ Николаевичемъ теперь былъ организованъ правильный уходъ. Нанимать когонибудь для ухода нечего было и думать, такъ какъ посторонній человѣкъ крайне стѣснялъ бы больного и заставлялъ бы его все время конфузиться принимать его услуги. Мы всѣ обратились въ сидѣлокъ и сестеръ милосердія и распредѣлили между собой денное и ночное дежурство. Къ этому времени переселилась изъ Ялты въ Гаспру Марья Львовна съ мужемъ и матерью мужа, и пріѣхалъ изъ Москвы старшій сынъ Сергѣй Львовичъ. Ночное дежурство выпало мнѣ и Сергѣю Львовичу и, кромѣ насъ, былъ еще кто-нибудь изъ мужчинъ, который спалъ, и мы будили его только въ случаѣ необходимости переворачивать больного и т. п. Впослѣдствіи, когда положеніе Льва Николаевича стало еще серьезнѣе и тревожнѣе, къ дежурившимъ ночью присоединился и врачъ. Къ двумъ упомянутымъ мною врачамъ прибавился и Елпатьевскій, и каждый изъ нихъ съ необыкновенной любовью и готовностью, какъ близкіе, родные люди пріѣзжали и ходили за этимъ дорогимъ человѣкомъ.

Когда опредѣлилось, что у Льва Николаевича одна изъ самыхъ тяжелыхъ и затяжныхъ формъ воспаленія легкаго—ползучее, семья рѣшила пригласить изъ Москвы врача

Щуровскаго, и лѣчившіе доктора поддержали эту мысль, очевидно, страшась брать на себя всю отвѣтственность и сами желая использовать все, что возможно.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Щуровскій, но не обрадовалъ, не подалъ никакой надежды, нашелъ положеніе крайне серьезнымъ, болѣе того—опаснымъ и сказалъ, что теперь все будетъ зависѣть отъ того, насколько у больного будетъ силъ бороться съ жаромъ и съ постоянной слабостью дѣятельности сердца. Почти ежедневно около 4 часовъ дня происходили консиліумы всѣхъ находившихся около больного врачей и почти ежедневно переходили отъ надежды къ отчаянію: разрѣшался фокусъ, воспаленіе стало разсасываться, температура понижаться, но на слѣдующій день появлялся новый фокусъ, снова начиналось воспаленіе, снова повышалась температура, снова также угроза жизни.

Левъ Николаевичъ большую часть времени испытывалъ такую слабость, что не могъ даже говорить. Иногда ночью, заслыша стонъ его, войдешь къ нему въ комнату и не поймешь сразу, спитъ ли онъ или нѣтъ, подойдешь и увидишь слабое движеніе губъ или вѣкъ. Поправишь подушки, подашь питье, увидишь глаза, въ которыхъ свѣтится ласка, благодарность, и уйдешь совершенно растроганный. Иногда, бывало, нужно что-нибудь перемѣнить у больного, оправить его, сдѣлать то, для чего требовалась помощь другого дежурившаго, и Левъ Николаевичъ начиналъ просить, нельзя ли не будить другого, а обойтись безъ него, самъ начиналъ стараться помочь, и, помню, какая необходима бывала „строгость", чтобы запретить ему это напряженіе. Стараешься въ такихъ случаяхъ щадить его доброту къ другимъ, сдѣлать ему все, не безпокоя другого, и зная, какъ этотъ другой и прочіе, будутъ упрекать тебя завтра за это.

Помню эти ночи. Спать, конечно, не можешь, не спитъ и Левъ Николаевичъ, и часы медленно, медленно тянутся. Надо дать лѣкарство), даешь и Левъ Николаевичъ справляется, который часъ. Часа 3 ночи. Наконецъ, снаружи засѣрѣло, чирикнула какая-то птичка, и Левъ Николаевичъ говоритъ, что должно быть разсвѣтаетъ, проситъ открыть штору, чтобы встрѣтить новый, нежданный уже имъ день жизни. Наступаетъ утро, и Левъ Николаевичъ старается при помощи другихъ (женское дежурство) умыться, причесаться, привести себя въ порядокъ, какъ будто ничего нѣтъ, нѣтъ этой болѣзни, постели и онъ сейчасъ начнетъ свою обычную работу или заканчивать ту, которая творилась въ немъ въ этой ночной тиши...

Онъ никакъ не могъ видѣть въ болѣзни того ужаса, который видѣли мы всѣ, его окружающіе, какъ можно видѣть изъ того, что онъ записывалъ (т. е. диктовалъ) въ это время.

„Огонь и разрушаетъ и грѣетъ, также и болѣзнь. Когда здоровый старается жить хорошо, освобождается отъ пороковъ, соблазновъ, то это дѣлаешь съ усиліемъ и то какъ бы приподнимаешь одну давящую сторону, а все остальное давитъ. Болѣзнь же сразу приподнимаетъ всю эту грязную чешую и сразу дѣлается легко и такъ страшно думать, что, какъ знаешь это по опыту, какъ только пройдетъ болѣзнь, она (эта чешуя) опять наляжетъ всей своей тяжестью“.

Иногда, когда сидишь вечеромъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ полутемной комнаты и наблюдаешь за малѣйшимъ движеніемъ больного, чтобы помочь, или когда кажется, что онъ уснулъ и ждешь его пробужденіе, чтобы дать ему лекарства, и подходишь съ лекарствомъ, когда видишь слабое движеніе руки, Левъ Николаевичъ вдругъ остановитъ.

— Не надо пока этого, говоритъ онъ, указывая на лѣкарство. И, видя умоляющій взглядъ, добавляетъ: потомъ, возьмите, другъ мой, бумаги, запишите.

И начинаетъ диктовать вдругъ поправки или дополненія къ своимъ послѣднимъ произведеніямъ. Какъ-то въ февралѣ уже, когда его статья „О вѣротерпимости“ была отослана за границу для печати, онъ продиктовалъ длинную поправку, прося отослать ее вслѣдъ за статьей и, если успѣется, то, чтобы печатали ее съ исправленіями [1]).

Въ часы улучшенія Левъ Николаевичъ просилъ читать ему получаемыя письма, говорилъ, что отвѣчать, и записывалъ свои мысли въ дневникъ, диктуя ихъ обыкновенно Марьѣ Львовнѣ. Я помню, какъ однажды вечеромъ, когда ему было плохо, онъ подозвалъ меня и попросилъ, записать въ дневникъ. Когда онъ сталъ диктовать своимъ слабымъ,

---

[1]) Насколько велико было напряженіе его въ эти минуты слабости, можно судить изъ этой поправки. Вотъ она: „церковь, соединенная съ властью, всегда употребляла насиліе,—скрытое насиліе,—но тѣмъ не менѣе самое опредѣленное и дѣйствительное: она собирала подати со всѣхъ насильно, не справляясь съ ихъ согласіемъ или несогласіемъ съ государственнымъ вѣрованіемъ, но требовала отъ нихъ исповѣданія его.

Собравъ насильно деньги, она этимъ путемъ устраивала сильнѣйшую гипнотизацію для утвержденія только своей вѣры среди дѣтей и взрослыхъ. Если же этого средства не доставало, она употребляла прямо насиліе власти. Такъ что въ церкви, поддерживаемой государствомъ, не можетъ быть никакой рѣчи о вѣротерпимости. И это не можетъ быть иначе до тѣхъ поръ, пока церкви будутъ церквами.

Скажутъ: церкви въ родѣ квакеровъ, весле янцевъ, шекеровъ, мормоновъ и въ особенности теперь католическія конгрегаціи—безъ насилія власти собираютъ деньги со своихъ членовъ и потому, поддерживая свои церкви, не употребляютъ насилія. Но это несправедливо: тѣ деньги, которыя собраны богатыми людьми, а въ особенности католическими конгрегаціями въ продолженіе вѣковъ гипнотизаціи посредствомъ денегъ, не суть свободныя жертвы членовъ церкви,— а результатъ самаго грубаго насилія. Деньги собираются посредствомъ насилія и всегда суть орудія насилія. Для того, чтобы церковь могла считать себя вѣротерпимой, она должна быть свободна отъ всякихъ денежныхъ вліяній. „Даромъ получили,—даромъ и давайте“ („О вѣротерпимости“).

невнятнымъ голосомъ и я, волнуясь, что онъ въ такомъ трудномъ состояніи, когда ему нуженъ полнѣйшій покой, дѣлаетъ напряжяніе,—записывалъ за нимъ и, не разслышавъ одного слова, пропустилъ его, отчего смыслъ сталъ совершенно неясенъ и мнѣ показалось, что онъ бредитъ. Я съ испугомъ остановился, сталъ глядѣть на него, но онъ, спокойно заставивъ меня перечитать, нашелъ пропущенное мною, и когда я снова перечиталъ, то увидѣлъ, что это былъ вопль души его, тотъ вопль, который въ послѣднее время все прорывался въ томъ или иномъ видѣ, когда онъ писалъ объ угнетенномъ классѣ людей.

Во время болѣзни Левъ Николаевичъ совершенно не занимался художественными произведеніями. Чѣмъ труднѣе было его положеніе, тѣмъ онъ дѣйствительнѣе „жилъ", т. е. уходилъ отъ той иллюзіи, которой жили другіе, къ источнику истинной жизни. Только этимъ можно объяснить его спокойное состояніе, состояніе кротости и любви, при самыхъ мучительныхъ боляхъ. И въ этомъ состояніи вопросы жизни являлись ему проще, яснѣе и, находясь на рубежѣ жизни, когда клапанъ чуть-чуть мерцавшей въ немъ жизни могъ захлопнуться въ немъ навсегда, онъ занятъ все однимъ,— какъ бы открыть другимъ людямъ ясно то, что представлялось яснымъ ему.

Ему ясенъ былъ обманъ жизни и несчастье какъ обманываемыхъ, такъ и обманывающихъ людей. Уходя изъ этой жизни, онъ дѣлалъ усиліе открыть глаза другимъ на этотъ обманъ и, написавъ свое „Завѣщаніе" людямъ, онъ пишетъ другое „Завѣщаніе" — письмо на самый верхъ государства россійскаго. Въ этомъ письмѣ онъ указывалъ на необходимость отдать землю крестьянамъ, тѣмъ людямъ, которые на ней работаютъ, которымъ она принадлежитъ...

Когда прошло достаточно времени для того, чтобы судить, что письмо не возымѣло своего значенія, а положеніе Льва Николаевича становилось все хуже и хуже, около часу дня 8 февраля онъ позвалъ меня и продиктовалъ мнѣ предисловіе къ солдатской и офицерской памяткамъ. Послѣ этой диктовки онъ до такой степени ослабѣлъ, что какъ бы впалъ въ полную прострацію. Всѣ окружающіе приходили въ ужасъ отъ того, что онъ теряетъ послѣднія силы. До 9 ч. вечера онъ находился въ такомъ состояніи, но въ это время опять позвалъ меня, попросилъ меня прочесть продиктованное днемъ, и, боясь очевидно, что ему не суждено уже сказать людямъ того, что его такъ мучило, собралъ послѣднія силы и продиктовалъ поправки и измѣненія къ тому, что было написано днемъ.

Вотъ это:

„Всякій мыслящій человѣкъ нашего времени не можетъ не видѣть, что изъ того тяжелаго и угрожающаго положенія,

въ которомъ мы находимся, есть только два выхода: первый, хотя и очень трудный—кровавая революція, второй — признаніе правительствами ихъ обязанности не идти противъ закона прогресса, не отстаивать стараго или, какъ у насъ, возвращаться къ древнему,—а, понявъ направленіе пути, по которому движется человѣчество, вести по немъ свои народы.

„Я попытался указать на этотъ путь въ двухъ письмахъ. . . . .
Первое было написано въ періодъ самыхъ напряженныхъ волненій 1900—1901 г.г., второе я писалъ теперь, въ началѣ января, но, къ сожалѣнію, мысли, выраженныя мною въ первомъ письмѣ, были приняты какъ легкомысленная мечта не знающаго жизни и глубокомысленной науки государственнаго управленія, фантазера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о томъ, что кромѣ представленія народу возможности свободнаго религіознаго движенія и таковаго же свободнаго общенія мысли, по моему мнѣнію, единственный путь къ разрѣшенію соціальнаго вопроса состоитъ у насъ въ Россіи въ уничтоженіи права собственности земли (что уничтоженіе это возможно переводомъ всѣхъ податей на землю, прекрасно изложено и разработано Генри Джорджемъ и его послѣдователями). Очень можетъ быть, что я ошибаюсь,—вопросъ этотъ касается всѣхъ и потому долженъ быть разрѣшенъ всѣми, — одно несомнѣнно, что дѣло правительства не заботиться только о томъ, чтобы не измѣнилось его положеніе, а смѣло взять центральную идею прогресса и всѣми силами, которыми оно обладаетъ, проводить ее въ жизнь. Только тогда правительства получатъ въ наше время какой-нибудь смыслъ и перестанутъ быть предметами ненависти, отвращенія и презрѣнія всѣхъ тѣхъ людей, которые или не пользуются ихъ привиллегіями, или не понимаютъ значенія правительственной дѣятельности.

А такіе люди теперь почти всѣ.

„Я сдѣлалъ попытку во второмъ письмѣ открыть глаза
. . . .
Но до сихъ поръ у меня нѣтъ данныхъ надѣяться на то, что попытка эта не только достигла своей цѣли, но и была бы принята во вниманіе. И потому, въ виду неизбѣжности перваго выхода, т. е. революціи, представляю къ распространенію теперь эти двѣ памятки, надѣясь на то, что мысли, содержащіяся въ нихъ, уменьшатъ братоубійственную бойню, къ которой ведутъ теперь правительства свои народы“ [1]).

Это было задолго до конституціи, до Думъ...

И когда, бывало, выходишь изъ комнаты Льва Нико-

---

[1]) Предисловіе это, насколько извѣстно, не было напечатано вмѣстѣ съ солдатской и офицерской памяткой, которыя были изданы въ Англіи и текстъ его остался неизвѣстнымъ публикѣ.

лаевича растроганный тѣмъ, что передъ тобой открылась часть завѣсы, скрывавшей отъ другихъ истинно великую душу, когда совершенно забываешь, что находился у тяжко больного, а чувствуешь одно, что былъ у того, въ которомъ бьется пульсъ всего человѣчества, то, помню, какое горькое разочарованіе всегда ожидало. Сейчасъ же разспрашивали, что Левъ Николаевичъ и, узнавъ о томъ, что онъ диктовалъ, приходили въ волненіе, и докторъ отправлялся потихоньку щупать пульсъ больного и давать укрѣпляющее для сердца лѣкарство.

Обыкновенно давалась настойка корня digitalis, но скоро вынуждены были отказаться и отъ этого. Дѣятельность сердца все падала, мучительные поты все изнуряли больного, начали вспрыскивать камфору и давать по глотку шампанское. Для всѣхъ было очевидно, что минуты больного сочтены, дальше ужъ не было средствъ поддержать дѣятельность сердца, а воспаленіе было все въ томъ же видѣ: прежніе фокусы разрѣшались, появлялись новые. Въ Гаспру собрались всѣ дѣти, и катастрофа ожидалась съ часу на часъ.

Опасное положеніе, въ которомъ находился Левъ Николаевичъ, стало извѣстно, разумѣется, и публикѣ и, я помню, была получена уже одна англійская газета, въ которой былъ напечатанъ некрологъ о немъ. Было извѣстно это положеніе и русскому правительству. Въ семьѣ обсуждался вопросъ о погребеніи. Считались съ волей Льва Николаевича, который не желалъ, чтобы были какія-нибудь хлопоты съ его тѣломъ, и поэтому пришли къ заключенію, что погребеніе должно было совершиться тутъ же въ Крыму, а, въ виду послѣдующихъ событій, для этого былъ купленъ по сосѣдству небольшой участокъ земли.

Узнавъ о возможности близкой смерти Льва Николаевича, Побѣдоносцевъ принялъ самыя неожиданныя и невѣроятныя мѣры. Нужно сказать, что къ дому въ Гаспрѣ, который занималъ Левъ Николаевичъ съ семьей, прилегала домовая церковь, которая, разумѣется, могла посѣщаться духовенствомъ. И вотъ въ самыя тревожныя минуты, которыя переживались окружающими, послѣдній актъ Побѣдоносцева, который показалъ этимъ, какъ мало онъ стѣснялся средствами, состоялъ въ томъ, что онъ отдалъ распоряженіе мѣстному духовенству, чтобы, какъ только станетъ извѣстно о кончинѣ Льва Николаевича, священникъ вошелъ въ домъ, занимаемый имъ (а на это онъ имѣлъ право, какъ я только что сказалъ) и, выйдя оттуда, объявилъ окружающимъ его и дожидающимся у воротъ лицамъ, что графъ Толстой передъ смертью покаялся, вернулся въ лоно православной церкви, исповѣдался и причастился; и духовенство, и церковь радуются возвращенію на лоно церкви блуднаго сына.

Эта чудовищная ложь должна была облетѣть всю Россію

и весь міръ и сдѣлать то дѣло, котораго не могла сдѣлать за десятки лѣтъ ни русская цензура, ни гоненія на сочиненія Льва Николаевича.

Распоряженіе Побѣдоносцева по этому поводу стало извѣстно окружающимъ Льва Николаевича, и я не могу передать здѣсь того чувства негодованія, возмущенія, которыя мѣры эти вызвали у всѣхъ, въ особенности въ эти тяжелыя минуты. Много думали надъ тѣмъ, какъ помѣшать совершиться этому возмутительному акту лжи, нѣкоторые горячіе люди не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы насильно помѣшать духовенству проникнуть въ усадьбу и домъ, но, наконецъ, остановились на слѣдующемъ: если свершится катастрофа, скрыть кончину Льва Николаевича ото всѣхъ и въ это время дать условныя телеграммы за границу и въ столицы Россіи и объявить о смерти только тогда, когда получится извѣстіе объ опубликованіи вездѣ совершившагося. Только такимъ образомъ, казалось, и возможно было предотвратить готовившійся памяти Льва Николаевича ударъ.

Помню одну бурную, тревожную ночь, въ концѣ февраля, когда я не былъ дежурнымъ и спалъ у себя въ комнатѣ. Ночью я былъ разбуженъ громкимъ топотомъ ногъ нѣсколькихъ человѣкъ. Мнѣ показался этотъ шумъ слишкомъ необычнымъ въ той тишинѣ, которая всегда соблюдалась въ домѣ, и я въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ вскочилъ, сердце выскакивало изъ груди, чувствовалось ужасное... Когда я выскочилъ изъ комнаты и наткнулся на кого-то, причина шума объяснилась: у невѣстки Льва Николаевича наступили неожиданно роды, потребовалась помощь акушерки, доктора.

Но эта тревожная, бурная ночь, когда въ городскомъ саду въ Ялтѣ вырвало съ корнемъ деревья, была какъ бы окончательнымъ переломомъ въ болѣзни Льва Николаевича.

Могучій организмъ его поборолъ болѣзнь и вышелъ побѣдителемъ. Воспалительные фокусы въ легкихъ стали прекращаться, начался процессъ разсасыванія и, хотя при этомъ была страшная слабость, но появилась надежда на выздоровленіе. Наконецъ, явилась возможность перенести больного на верхъ, гдѣ было больше свѣта, воздуха и покоя. Левъ Николаевичъ сталъ выздоравливать, но былъ въ высшей степени слабъ, съ неправильной дѣятельностью сердца, нуждался въ постоянномъ досмотрѣ врача. Семья рѣшила, несмотря на противодѣйствіе больного, пригласить постояннаго врача, который жилъ бы у нихъ въ домѣ и слѣдилъ за Львомъ Николаевичемъ, и когда, въ началѣ марта, я уѣзжалъ на сѣверъ, то съ порученіемъ семьи пріискать такого врача, который вскорѣ и нашелся въ лицѣ Д. В. Никитина, проведшаго со Львомъ Николаевичемъ остатокъ года.

Послѣдующія извѣстія изъ Гаспры были утѣшительны и, наконецъ, я получилъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ передвигался въ креслѣ и могъ такимъ образомъ совершать прогуки по парку. Мнѣ любопытно отмѣтить при этомъ одну черту Льва Николаевича, что даже и въ этомъ состояніи безпомощности и физической слабости, когда помощь спеціально нанятаго лица для того, чтобы возить его въ креслѣ, не могла бы, кажется, никакъ подать ему повода къ осужденію себя, онъ не могъ согласиться на нее и пользовался только услугами своихъ родныхъ и друзей, которые наперерывъ готовы были услужить ему.

Вскорѣ на Пасху я пріѣхалъ снова навѣстить Льва Николаевича. Онъ могъ уже ходить самъ, опираясь на палку, былъ бодръ и ясенъ и много работалъ. Однажды часа въ 2 дня я отправился съ нимъ совершить маленькую прогулку въ экипажѣ, поѣхавъ въ Оріанду. Погода была великолѣпная, и Левъ Николаевичъ, видимо, наслаждался природой, наслаждался зеркальной поверхностью моря, легкой дымкой тумана, заволакивающей Ай-Петри. Изъ Оріанды мы возвращались домой рано и, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи оставалось еще болѣе получаса, а самочувствіе у Льва Николаевича было превосходное, жалко было ѣхать къ себѣ, и я уговорилъ его проѣхать въ Олизъ, гдѣ мы могли бы быть у самаго берега моря. Когда мы пріѣхали туда, то вышли изъ экипажа и подошли къ самому берегу. Стояла удивительная тишина. На берегу старикъ рыбакъ турокъ съ своимъ молодымъ товарищемъ возились надъ лодкой, и у меня, подъ вліяніемъ чудесной прогулки, этой удивительной тишины и спокойствія моря, возникла смѣлая мысль—прогуляться со Львомъ Николаевичемъ въ лодкѣ, чего онъ еще не пробовалъ въ Крыму. Онъ, очевидно, заразился отъ меня тѣмъ же настроеніемъ и быстро согласился. Старикъ турокъ, подхвативъ ловко Льва Николаевича, какъ перышко перенесъ его въ лодку, и мы отчалили. Чѣмъ дальше мы отплывали, тѣмъ очаровательнѣй, красивѣй становилась панорама. Никакой качки, никакихъ звуковъ, только изъ-подъ лодки доносился шумъ плескавшейся о борты лодки воды, при взмахѣ веселъ. Мы сидѣли словно очарованные. — „Надо поворачивать назадъ, сказалъ Левъ Николаевичъ, мы, пожалуй, опоздали и о насъ будутъ безпокоиться, и такъ, кажется, достаточно нашалили“.

Въ этотъ мой пріѣздъ стали обдумывать и планъ возвращенія въ Ясную Поляну. Хотя Льву Николаевичу и нравилась крымская природа, тѣмъ не менѣе его замѣтно тянуло въ Ясную Поляну, гдѣ все было проще и ближе. Да къ тому же надо было воспользоваться и наиболѣе подходящимъ временемъ года, когда переѣздъ на сѣверъ не отразился бы вредно на его здоровьѣ. Я снова взялъ на себя хлопоты по доставленію удобствъ переѣзда, и снова любез-

ный князь Хилковъ предоставилъ больному отдѣльный вагонъ для обратнаго путешествія.

Я сидѣлъ въ Москвѣ и поджидалъ извѣстія, когда Левъ Николаевичъ настолько окрѣпнетъ, чтобы можно было его перевезти. Но вмѣсто этого я въ началѣ мая получилъ письмо, что Левъ Николаевичъ снова захворалъ и, кажется, на этотъ разъ брюшнымъ тифомъ. И прошло около мѣсяца, когда наконецъ-то онъ сталъ оправляться и отъ этой болѣзни и можно было его перевозить.

Въ началѣ іюня я получилъ извѣщеніе, что готовы выѣзжать и тотчасъ же отправился въ Севастополь. Льва Николаевича я засталъ недавно оставившимъ постель, совершенно слабаго, съ трудомъ двигавшагося и, разумѣется, нельзя было и думать совершить этотъ длинный путь до Севастополя на лошадяхъ. Надо было ѣхать на пароходѣ. Около недѣли прошло въ томительномъ ожиданіи: то море было не спокойно, то Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя хуже. Наконецъ, мы тронулись въ путь. На пароходѣ капитанъ предоставилъ больному удобную каюту, хотя море было тихо, покойно и погода была такъ хороша, что въ ней не было надобности и Левъ Николаевичъ провелъ все время на палубѣ, сидя въ креслѣ. По пріѣздѣ въ Севастополь, для избѣжанія тряски во время переѣзда отъ пристани до вокзала по ужаснѣйшей мостовой, перевезли больного въ лодкѣ и, наконецъ, часовъ около 4 дня благополучно достигли ожидавшаго насъ вагона, и Левъ Николаевичъ легъ отдохнуть; до отхода поѣзда оставалось часа четыре.

Стояла нестерпимая жара, крыша вагона ужасно накалилась, дышать было нечѣмъ, и Левъ Николаевичъ захотѣлъ выйти на воздухъ. Я зналъ, что рядомъ со станціей былъ тѣнистый желѣзнодорожный садикъ, и еще раньше спросилъ у станціоннаго начальства, можно ли будетъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться этимъ садикомъ. Начальство было очень любезно: все, что хотите, вездѣ, куда хотите, все къ вашимъ услугамъ.

Взявъ подъ руку Льва Николаевича, мы тихонько побрели къ этому садику, достигли, наконецъ, его, и Левъ Николаевичъ съ удовольствіемъ присѣлъ на скамейку отдохнуть подъ тѣнью. Хотя мы прошли и небольшое разстояніе, онъ очень усталъ, и я уже сталъ обдумывать, какъ бы устроить ему возможность прилечь тутъ. Но едва мы просидѣли тутъ нѣсколько минутъ, какъ съ балконана ходившагося въ саду дома сошла дама, съ очень серьезнымъ, важнымъ видомъ и попросила насъ удалиться.

Я запротестовалъ, говоря, что намъ позволили побыть въ этому саду.

Но дама съ очень внушительнымъ видомъ замѣтила

мнѣ: „это садъ начальника дистанціи и здѣсь не позволяется шататься всякимъ“.

— Но позвольте же, взмолился я, указывая на Льва Николаевича, больному-то хоть немного отдохнуть.

— Проходите, проходите, продолжала она безапелляціоннымъ тономъ, иначе я позову сторожа.

Я не хотѣлъ сдаваться, но Левъ Николаевичъ поднялся и усталымъ голосомъ замѣтилъ мнѣ: „Оставьте, зачѣмъ дѣлать ей неудовольствіе, я могу идти“.

Дѣлать было нечего, побрели мы изъ садика и остатокъ времени провели въ душномъ вагонѣ. Ко времени отхода поѣзда на вокзалъ набилось очень много народа, хотѣли въ послѣдній разъ посмотрѣть его, проводить. Около вагона была невообразимая давка, трудно было пройти и приходилось пробираться къ себѣ въ вагонъ черезъ другіе вагоны. Минутъ за 5 до отхода поѣзда въ дверяхъ вагона стояли двѣ дамы и умоляли впустить ихъ повидать гр. Толстого. Проводникъ вагона позвалъ меня. Лицо одной дамы показалось мнѣ знакомымъ. Я спросилъ, что имъ нужно. Тогда эта дама стала съ мольбой, униженно объяснять мнѣ: „Я хочу просить у него прощенія, ахъ, какъ это ужасно, поймите, онъ былъ у насъ сегодня въ саду и вы вѣдь, кажется, были съ нимъ? и я же сама сказала ему, что въ саду нельзя быть. Я простить себѣ не могу“, говорила она съ отчаяніемъ, „но я никакъ не могла думать, что это былъ самъ Толстой“.

Мнѣ было смѣшно и досадно, я узналъ теперь эту важную даму, видъ ея былъ жалокъ. Но пройти ей ко Льву Николаевичу нельзя было: въ вагонѣ была суета, давка, стояли вещи, черезъ которыя и намъ трудно было перебираться. Наконецъ, пробилъ второй звонокъ, и я безнадежно развелъ передъ ней руками. „Такъ, по крайней мѣрѣ, передайте хоть этотъ букетъ изъ нашего сада и попросите отъ меня прощеніе“.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уѣзжали изъ Севастополя, и черезъ два дня Левъ Николаевичъ благополучно прибылъ въ Ясную Поляну.

Б—е.

Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей.

(Изъ біографическихъ матеріаловъ [1]).

Очеркъ.

I.

Я намѣренъ въ этомъ небольшомъ очеркѣ разсказать свои воспоминанія и привести нѣкоторые документы, рисующіе намъ знакомство, переписку и вообще отношенія Л. Н-ча Толстого и Вильяма Фрея, человѣка очень замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго русской публикѣ.

Говоря объ отношеніи двухъ людей, я долженъ бы былъ сначала нарисовать образъ каждаго изъ нихъ. Но личность Л. Н-ча Толстого я принимаю уже какъ извѣстную русскимъ людямъ, по крайней мѣрѣ, настолько извѣстную, что лишь краткая характеристика, допустимая въ настоящемъ очеркѣ, ничего не прибавитъ новаго къ уже хорошо сложившемуся образу Льва Николаевича Толстого. [2])

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка я пользовался слѣдующими матеріалами:

1) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, изд. Элпидина, Женева, 1887.

Въ этой брошюрѣ помѣщёно только 1-ое письмо Фрея къ Л. Н-чу; при этомъ есть введеніе В. Фрея, написанное имъ для заграничнаго русскаго журнала „Общее Дѣло“.

2) Письма Фрея къ Толстому, хранящіяся частью въ оригиналѣ, частью въ копіяхъ въ библіотекѣ Импер. Академ. Наукъ.

3) Статьи объ Огюстѣ Контѣ и о В. Фреѣ въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

4) Статьи о позитивизмѣ Миля, Льюиса и Спенсера, изд. „Книжнаго Дѣла“. СПБ.

5) Célestin de Blignières. Exposition de la philosophie et de la religion positives. Paris. 1857.

6) Частныя письма Л. Н. Толстого о Фреѣ и др. матеріалы, хранящіяся въ моемъ біографическомъ архивѣ. *П. Б.*

[2]) Желающимъ поближе ознакомиться съ жизнью и писаніями Л. Н-ча Толстого я могу указать на составляемую мною полную біографію въ 3 томахъ Л. Н-ча, I и II томы которой уже изданы „Посредникомъ“.

О личности же Фрея я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, считая ихъ не лишними.

Вильямъ Фрей, настоящее имя котораго было Владимиръ Константиновичъ Гейнсъ, русскій по рожденію, воспитанію и по началу своей общественной дѣятельности, воспитывался въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, служилъ въ финляндскомъ полку, прошелъ двѣ военныя академіи, артеллерійскую и генеральнаго штаба; уже съ молоду онъ отличался выдающимися способностями, исполнялъ порученія по самымъ точнымъ математическимъ работамъ и, кромѣ своего спеціальнаго образованія, обладалъ всесторонними научными познаніями. Пренебрегши открывавшейся ему блестящей карьерой, онъ, движимый высшими нравственными побужденіями, эмигрировалъ въ 1868 году въ Сѣверную Америку, гдѣ основалъ земледѣльческую ферму на коммунистическихъ началахъ. Коммуна Фрея черезъ нѣсколько лѣтъ распалась; тогда онъ перешелъ въ новую коммуну, основанную въ 70-хъ годахъ въ Канзасѣ русскими эмигрантами: Чайковскимъ, Маликовымъ, В. И. Алексѣевымъ и другими. Въ этой коммунѣ, кромѣ сильнаго, нравственнаго вліянія своей личности, Фрей проявилъ себя и какъ лекторъ-популяризаторъ научныхъ знаній. Эта коммуна тоже распалась, и Фрей, послѣ долголѣтнихъ скитаній, во время которыхъ онъ прошелъ самыя разнообразныя стадіи, т. наз., «чернаго труда», переселился въ Англію.

Поѣхавъ въ Америку соціалистомъ-коммунистомъ, онъ вернулся оттуда ортодоксальнымъ позитивистомъ, т. е. послѣдователемъ Огюста Конта, основателя «религіи человѣчества». Фрей принялъ не только положенія Конта въ его позитивной философіи и классификаціи наукъ, но и всѣ положенія его позитивной политики, морали и религіи, отвергаемыхъ большей частью европейскихъ ученыхъ и раздѣляемыхъ теперь небольшой группой людей, составляющихъ особую церковь, сохранившую, къ сожалѣнію, подъ новыми названіями почти весь католическій культъ и католическую іерархію.

Въ фактѣ принятія этой религіи Фреемъ сказалась его сильная нравственная потребность подчинить всю современную науку общественнымъ стремленіямъ и религіозно-нравственнымъ идеаламъ. Въ этомъ стремленіи согласовать субъективный, по существу, методъ религіозный съ объективнымъ, по существу же, методомъ положительной науки и въ невозможности достигнуть этого, лежитъ весь трагизмъ безпримѣрно чистой и сильной души этого замѣчательнаго человѣка.

Мы полагаемъ, что это же неразрѣшимое противорѣчіе и вытекающая изъ этого безплодность его пропаганды заставила его обратиться за помощью къ Льву Николаевичу Толстому.

Вотъ что говоритъ Фрей объ обстоятельствахъ этого обращенія въ предисловіи къ женевскому изданію его перваго письма ко Л. Н. Толстому.

«Еще въ Америкѣ, извлекая изъ этой соціальной лабора-

торіи въ теченіе 17 лѣтъ добровольной ссылки все, что могло вмѣститься въ мою душу,—я успѣлъ освѣтить и усилить религіей человѣчества мои лучшія симпатіи и стремленія. Я имѣлъ случай видѣть громадное нравственное вліяніе этой религіи на многихъ русскихъ, проживающихъ въ Америкѣ. И чѣмъ болѣе выяснялась въ моихъ глазахъ готовность русскихъ принять новую религію и нравственность въ руководство своей жизни, тѣмъ мучительнѣе становилось при мысли, что такъ много энергіи и жизни тратится порою почти безплодно въ борьбѣ съ правительствомъ, въ то время, когда самоотверженіе и альтруизмъ борющихся такъ необходимы для другой борьбы (болѣе дѣйствительной, по моему), гдѣ надо бороться противъ зла не его орудіями, но гдѣ надо противопоставлять этимъ орудіямъ смѣлую и непоколебимую рѣшимость посильно служить человѣчеству, несмотря ни на какія послѣдствія, ни на чьи предписанія. Разумѣется, я никогда не разсчитывалъ переубѣждать людей, всецѣло и беззавѣтно кинувшихся въ революціонное движеніе; но я зналъ по опыту, что многіе стоятъ въ рядахъ ихъ только потому, что не знаютъ другого лучшаго пути для осуществленія своего идеала. И вотъ, чтобы облегчить такимъ людямъ выходъ изъ разъѣдающей ихъ тоски и раздвоенія, я рѣшился оставить Америку, побывать въ Россіи, если возможно, и во всякомъ случаѣ поселиться гдѣ нибудь поближе къ Россіи, чтобы быть ближе къ несчастнымъ соотечественникамъ.

«Лѣтомъ прошлаго года я поѣхалъ въ Россію и тамъ только впервые узналъ о дѣятельности Л. Н. Толстого, о его громадномъ вліяніи на живую часть русскаго общества, о его рукописяхъ, распространяющихся въ тысячахъ экземпляровъ въ Россіи. До этого времени я не зналъ ничего. Изъ трактатовъ Л. Н. Толстого я могъ только смутно догадываться о его міросозерцаніи, но игнорировать такой силой я не могъ ни въ какомъ случаѣ. Я написалъ ему а) исповѣданіе моей религіи, чтобы уже оттуда вывести б) мой критицизмъ его ученія. Письмо мое, вопреки моимъ ожиданіямъ, стало быстро распространяться въ публикѣ, и Л. Н. Толстой, немедленно по полученіи его, просилъ меня пріѣхать къ нему» [1]).

II.

Письмо это во многихъ отношеніяхъ замѣчательно, и мы позволяемъ себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ.

Во-первыхъ, Фрей даетъ намъ нѣкоторыя автобіографическія данныя, искренность которыхъ прибавляетъ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ къ его характеру.

Мы видимъ изъ нихъ, что онъ не безъ колебаній вступилъ въ переписку со Л. Н—чемъ. Когда онъ прочелъ его Исповѣдь,

[1]) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, Geneve. M. Elpidine. Librairi-editons, 1887 г., стр. 4.

онъ написалъ ему письмо, предупреждая его объ опасности, которая грозила ему, по мнѣнію Фрея, отъ мистицизма, куда онъ, казалось ему, приближается; но прочитавъ «Въ чемъ моя вѣра», Фрей увидалъ, что мистицизма Толстому бояться нечего.

Тогда Фрей уничтожилъ написанное письмо и хотѣлъ, было, совсѣмъ не обращаться къ Льву Николаевичу, но потомъ все-таки рѣшилъ написать ему новое большое письмо.

«Вы лучше поймете состояніе моего духа, говоритъ Фрей въ этомъ письмѣ, обращаясь ко Л. Н—чу, когда узнаете, что я тоже принадлежалъ къ числу людей ищущихъ разрѣшенія вопросовъ жизни, что я еще 27-ми лѣтъ (въ 1866 году) пришелъ къ тому же заключенію, которое душило и васъ кошмаромъ въ теченіе долгаго времени, а именно, что жизнь есть безсмыслица, и что самоубійство—лучшій исходъ изъ нея. Къ счастью, мы оба, повинуясь высшимъ инстинктамъ, не убили себя и продолжали искать другого исхода.

«Разница между нами заключалась въ томъ, что вы, какъ глубокій психологъ, рѣшили вопросъ съ чисто личной точки зрѣнія. «Что нужно для моего счастья?»—спрашивали вы,—а я, только что вышедшій изъ рядовъ соціалистовъ, рѣшалъ вопросъ: какимъ путемъ возможно осуществленіе наилучшей жизни для массы страждующихъ и угнетенныхъ? Вы, работая въ психическихъ сферахъ, могли оставаться въ Россіи; за то, оставаясь какъ бы въ глухой тюрьмѣ, вы не могли познакомиться со многими фазисами подобной же работы въ Европѣ и, несмотря на гигантскія усилія своего духа, остановились на очищенномъ, возобновленномъ христіанствѣ. Я же, понявши невозможность разрѣшить поставленный себѣ вопросъ въ Россіи, бросилъ свое общественное положеніе, карьеру, друзей, родныхъ и поѣхалъ въ 1868 г. въ Америку, чтобы самому пройти всѣ степени тяжелаго, чернаго труда. Быть можетъ, я повредилъ себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отрываясь отъ родины, за то я очутился въ великой соціальной лабораторіи всѣхъ идей и стремленій, волнующихъ современный міръ, я имѣлъ случай критически отнестись ко всевозможнымъ проявленіямъ человѣческаго духа въ этомъ направленіи и, несмотря на свое относительное ничтожество, имѣлъ болѣе матеріаловъ для разрѣшенія своихъ сомнѣній. Черезъ девять, десять лѣтъ и я нашелъ свой спасительный якорь въ ученіи Огюста Конта.

«Работая въ различной обстановкѣ, повидимому, подъ различныя знамена, мы имѣемъ много общаго. Мы оба пришли къ тому убѣжденію, что религія есть единственный ключъ для разрѣшенія вопросовъ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества; мы оба пришли къ ученію альтруизма и нашли рѣшеніе нашихъ сомнѣній въ жизни другихъ, не нуждаясь ни въ легендарныхъ погремушкахъ, ни въ приманкѣ вѣчной жизни. Да-

же въ мелкихъ деталяхъ этики мы имѣемъ много общаго, поэтому мы можемъ понять другъ друга» [1]).

Конечно, все это было достаточнымъ поводомъ и давало Фрею нравственное право искать сближенія съ Толстымъ.

Предпосылая различныя оговорки, вполнѣ рисующія необычайную скромность, даже робость этого человѣка, Фрей приступаетъ къ изложенію своихъ религіозныхъ взглядовъ.

На многихъ страницахъ онъ обстоятельно излагаетъ эволюцію различныхъ религіозныхъ системъ и такимъ образомъ подходитъ къ изображенію картины нашего переходнаго времени по отношенію къ его религіозному сознанію:

«Разумѣется, если переходъ отъ одного міросозерцанія къ другому не можетъ совершаться легко и скоро у отдѣльныхъ личностей, то въ обществѣ переходъ отъ одной религіозной системы къ другой тянется иногда столѣтія и сопровождается мучительными симптомами. Мы переживаемъ теперь время, когда передовая часть человѣчества не можетъ болѣе удовлетвориться легендами и фантазіями прежнихъ монотеистическихъ религій. Онѣ были подвергнуты критикѣ чистаго разума и рухнули безповоротно; онѣ могутъ еще удовлетворить міросозерцанію лицъ, находящихся на теологической степени развитія, но онѣ уже отвергнуты истинно-образованною частью общества. Для европейской цивилизаціи наступило время подобное тому, которое переживалось Римскою имперіею въ послѣдніе вѣка ея существованія. Люди, отрѣшившись отъ старыхъ религіозныхъ формъ, не создаютъ еще новыхъ, а вмѣсто того, чтобы, въ силу умственнаго превосходства, быть во главѣ прогресса, все болѣе падаютъ нравственно, все глубже погрязаютъ въ болотахъ индивидуализма (т. е. служенія личному я). Погоня за личнымъ счастіемъ, богатствомъ, почетомъ такъ ослѣпила ихъ, что они не видятъ пропасти, къ которой стремятся. Даже страшные признаки общественнаго разложенія—всеобщее недовольство, нищета массъ, безпрерывно возрастающая цифра сумасшествій и самоубійствъ—даже такіе факты кажутся имъ какъ бы результатомъ дурныхъ правительственныхъ формъ.

«Многіе изъ индивидуалистовъ, чтобы какъ-нибудь удовлетворить высшимъ стремленіямъ, къ счастью, никогда не исчезающимъ совершенно, со всею злобою узкаго фанатизма, накидываются на правительства, обвиняютъ ихъ, требуютъ перемѣны политическихъ и экономическихъ формъ; но они не видятъ, что причина зла заключается не въ формахъ жизни, а въ нихъ самихъ, въ нравственной негодности людей, составляющихъ общество. Да, мы переживаемъ страшное время. Утѣшаться нужно только тѣмъ, что періоды нравственной неустойчивости не могутъ продолжаться долго. Даже въ современномъ Бедламѣ можно видѣть лучи восходящаго спасенія» [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

Затѣмъ Фрей приводитъ выдержки изъ «Основныхъ Началъ» Спенсера, въ которыхъ этотъ ученый преклоняется передъ непостижимой тайной первопричины; наконецъ, Фрей приходитъ къ Огюсту Конту и къ его основнымъ принципамъ.

Высшее органическое существо или Человѣчество въ его цѣломъ—есть предметъ культа позитивной религіи или религіи человѣчества.

Все ученіе «религіи человѣчества» сконцентрировано ея основателемъ въ слѣдующую формулу:

«Во имя Человѣчества—любовь нашъ принципъ, Порядокъ—основаніе и Прогрессъ—цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Жить открыто» [1]).

Далѣе идетъ развитіе каждаго положенія этой формулы.

Любовь исключаетъ насиліе:

«...Насиліе противъ отдѣльнаго человѣка, говоритъ Фрей, становится такъ же ужасно, какъ надъ той или другой частью любимаго существа.

Братство, полное, безусловное братство всѣхъ людей, замѣняетъ для насъ то половинчатое братство, которое было реализировано христіанствомъ.

Равенство перестаетъ быть отдаленною возможностью будущаго: оно становится несомнѣннымъ фактомъ въ настоящемъ для всякаго, кто понимаетъ, что всѣ отправленія общественнаго организма одинаково необходимы и полезныя для жизни цѣлаго» [2]).

Это, казалось бы, абсолютное отрицаніе насилія сейчасъ же, впрочемъ, ослабляется оговоркой, что онъ несогласенъ съ нѣкоторыми крайними положеніями Толстого и признаетъ насиліе, какъ средство для защиты слабаго; этимъ признаніемъ онъ, конечно, разрушаетъ всю силу своего положенія и даетъ широкій просторъ всяческому «вмѣшательству» во имя защиты слабаго.

Порядокъ означаетъ подчиненіе законамъ природы, независимо отъ того, нравятся ли они намъ или нѣтъ.

Легко понять, что это правило, на первый взглядъ весьма естественное, легко можетъ повести къ полному индиферентизму въ сферѣ общественной.

И дѣйствительно, Фрей дѣлаетъ изъ этого положенія такой выводъ: «Наши антипатіи къ суду, къ современному экономическому строю, къ войнѣ должны умѣряться историческими и психологическими соображеніями, отчасти высказанными раньше. Мы видимъ въ нихъ факторы общественнаго воспитанія, безусловно необходимые вначалѣ, условно полезные теперь и долженствующіе перейти въ другія, высшія формы» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.
[2]) Тамъ же, стр. 24 и 25.
[3]) Тамъ же, стр. 29.

Къ соблюденію «Порядка» относится правило о цѣлесообразномъ употребленіи умственныхъ способностей и знаній и исполненіе на дѣлѣ тѣхъ принциповъ, которые проповѣдуются на словахъ.

Наконецъ, къ «Порядку» относится и дѣятельность вообще научная, выработка новыхъ законовъ, утвержденіе несомнѣнныхъ истинъ и безусловная терпимость въ тѣхъ областяхъ, гдѣ наука еще не пришла къ безспорнымъ и безусловнымъ утвержденіямъ.

Прогрессъ — цѣль нашей дѣятельности. Каждый человѣкъ долженъ участвовать въ общемъ прогрессѣ, способствовать ему и одно изъ главныхъ средствъ къ этому есть нравственное самоусовершенствованіе.

Жить для другихъ: въ этомъ принципѣ Фрей считаетъ себя совершенно солидарнымъ со Львомъ Николаевичемъ и полемизируетъ уже не съ нимъ, а съ тѣми европейскими учеными и философами-индивидуалистами, которые, видя неосуществимость непосредственную даннаго идеала въ практической жизни, откидываютъ его какъ безполезную мечту.

Наконецъ, онъ переходитъ къ послѣднему положенію—«*Жить открыто*».

«Это значитъ, говоритъ Фрей, что каждый, исповѣдующій религію человѣчества, долженъ прежде всего стараться о соотвѣтствіи своихъ словъ съ поступками, съ тѣмъ, чтобы никогда не унижаться до уровня современныхъ «дѣятелей», которые, подобно ворамъ и мошенникамъ, стыдятся и прячутъ свою частную жизнь отъ другихъ. Самая святость частной жизни, о которой такъ много говорятъ индивидуалисты, служитъ только добавочнымъ аргументомъ для того, чтобы она по возможности ярче свѣтилась для блага и назиданія другихъ. Такимъ образомъ, жизнь каждаго искренняго слуги человѣчества должна быть переведена изъ темныхъ тайниковъ индивидуализма въ свѣтлый, прозрачный домъ позитивной нравственности и стать открытою для взора каждаго. Но этого мало.

Если человѣкъ желаетъ искренно поддержки и совѣтовъ отъ другихъ, чтобы узнать отъ нихъ оцѣнку своей жизни и своихъ поступковъ, онъ долженъ открыть двери своего прозрачнаго дома для всѣхъ, которые могутъ быть ему полезны, исповѣдь перестанетъ тогда быть частнымъ дѣломъ между Богомъ и человѣкомъ; она станетъ его обязанностью передъ обществомъ. И чѣмъ болѣе люди сходятся въ своемъ міросозерцаніи, въ своихъ стремленіяхъ и взглядахъ на неразрѣшенные вопросы жизни, тѣмъ полнѣе они должны открываться другъ другу, потому что только при этомъ условіи они сумѣютъ поддерживать другъ друга и наилучшимъ образомъ опредѣлять границы возможнаго осуществленія ихъ общаго идеала» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 52.

Изъ этого положенія естественно вытекаетъ стремленіе къ самому широкому общенію:

«Первые христіане, продолжаетъ Фрей, привлекали къ себѣ массы чистотою личной жизни, выработанной духовнымъ общеніемъ въ церквахъ и братствахъ вѣрующихъ. То же самое мы замѣчаемъ при распространеніи всякаго религіознаго ученія, и позитивная заповѣдь общенія, констатируя факты прошлаго, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ на лучшій способъ осуществленія этого ученія въ настоящемъ и пропаганды его въ будущемъ» [1]).

III.

Изложивъ, такимъ образомъ, сущность позитивной религіи, Фрей переходитъ къ критикѣ взглядовъ Л. Н-ча. И надо сознаться, что критика эта очень слаба.

Во-первыхъ, часть этой критики занята рѣшеніемъ вопроса, къ какой стадіи развитія принадлежитъ Л. Н—чъ: къ теологической, метафизической или позитивной. Отрицаніе Л. Н-чемъ божественности Христа кажется Фрею достаточнымъ основаніемъ, чтобы перевести Л. Н-ча изъ класса теологіи въ классъ метафизики, затѣмъ онъ колеблется, оставить ли Л. Н-ча въ классѣ метафизиковъ или перевести въ классъ позитивистовъ, и вопросъ этотъ такъ и остается нерѣшеннымъ.

Затѣмъ критика его направлена на самое названіе взглядовъ Л. Н-ча христіанскими. Для Фрея христіанство есть историческій фактъ, дѣло прошлаго; возстановленіе христіанства, хотя бы въ самомъ чистомъ видѣ, есть анахронизмъ и, стало быть, тормазъ прогресса.

Религія человѣчества, говоритъ Фрей, относясь съ большимъ уваженіемъ къ христіанству, включаетъ его въ себя, дополняя всѣмъ тѣмъ, что пережило и выработало съ тѣхъ поръ человѣчество.

Затѣмъ онъ нападаетъ на идеализмъ Христа, считая его непрактичнымъ, и утверждаетъ уже совершенно противно Толстому, что если христіанство дало что-нибудь міру, то только благодаря тому, что апостолъ Павелъ приспособилъ его къ жизни.

Мы знаемъ совершенно противоположный взглядъ Толстого, выражающій ту мысль, что если истинное христіанство еще такъ мало распространено въ мірѣ, такъ это благодаря искаженію его апостоломъ Павломъ, который, не понявъ и не усвоивъ хорошенько мало знакомое ему ученіе Христа, сталъ проповѣдывать какую-то новую государственную религію подъ именемъ христіанства съ требованіемъ безусловнаго подчиненія властямъ, и со всѣми тѣми компромиссами, которые вытравили изъ него весь

---

[1]) Тамъ же, стр. 55.

духъ Христова ученія и привели человѣчество къ ужаснымъ извращеніямъ христіанства.

Наконецъ, Фрей, коснувшись пагубнаго вліянія субъективизма въ ученіи Л. Н-ча, снова предлагаетъ ему взамѣнъ его объективный методъ религіи человѣчества.

Разбирая затѣмъ нѣкоторыя болѣе распространенныя возраженія противъ религіи человѣчества, Фрей, защищая агностицизмъ позитивистовъ, приводитъ интересную аналогію, заимствуя ее у Спенсера.

«Мы отказываемся навсегда отъ фамильярныхъ отношеній къ Богу, отъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ, отъ приписыванія ему какихъ-либо человѣческихъ качествъ; но мы совершенно отрицаемъ общераспространенное мнѣніе, будто съ развитіемъ науки уменьшается значеніе Бога: напротивъ, мы видимъ въ наукѣ самое лучшее средство для постепеннаго выполненія идеи Бога во всей чистотѣ и мощи. Пользуясь прекраснымъ уподобленіемъ Спенсера, мы можемъ сравнить науку съ шаромъ, растущимъ въ безпредѣльномъ пространствѣ неизвѣстнаго. Какъ бы быстро ни росъ этотъ шаръ, онъ никогда не заполнитъ безконечности; но съ ростомъ шара будетъ увеличиваться его поверхность, т. е. точки его соприкосновенія съ непостижимымъ. Такимъ образомъ, сознаніе о тайнѣ, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ, не только не уменьшается съ прогрессомъ науки, а напротивъ, увеличивается.

Мало того. Прежде, когда наука въ метафизическомъ обольщеніи стремилась постигнуть сущность вещей, люди думали, что силы сцѣпленія, притяженія, электричества и другія свойства міровой энергіи вполнѣ объясняютъ явленія природы, и тайна считалась какъ бы отступающею передъ наступательнымъ движеніемъ науки. Но позитивная наука ясно показала намъ, что всѣ эти силы суть только научные термины для прикрытія нашего полнаго невѣжества. При настоящемъ положеніи человѣческихъ знаній, мы ясно видимъ, что тайна не только окружаетъ науку со всѣхъ сторонъ, но и остается полнымъ владыкою, такъ называемыхъ, разъясненныхъ истинъ. «Въ простомъ паденіи камня мы видимъ необъяснимую тайну», говоритъ Спенсеръ. Въ настоящее время мы можемъ повторить слова Христа, хотя и исправленныя отъ антропоморфизма: «Ни одинъ волосъ не падетъ съ нашей головы безъ участія безконечной силы и ея законовъ» [1]).

Обращаясь въ заключеніи снова ко Льву Николаевичу съ убѣдительной просьбой прочесть внимательно его письмо и высказывая свое полное уваженіе къ нему, Фрей заканчиваетъ письмо слѣдующими словами:

«Окажемся ли мы идущими по одной дорогѣ или сочтемъ за лучшее идти къ нашей общей цѣли различными путями—вы

---

[1]) Тамъ же, стр. 82.

всегда разсчитывайте на меня, какъ на глубокопреданнаго и почитающаго васъ брата въ человѣчествѣ» [1]).

С.-Петербургъ, 5-го сентября, день смерти Огюста Конта.

IV.

Получивъ это большое письмо Фрея, Л. Н-чъ поспѣшилъ пригласить его въ Ясную Поляну.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Фрей въ слѣдующемъ большомъ письмѣ своемъ, обращенномъ уже не ко Л. Н-чу, а къ русскому обществу, съ отчетомъ о свиданіи и бесѣдѣ съ Толстымъ. Письмо это названо имъ: «Дополненіе къ первому письму Л. Н-чу Толстому».

«Вскорѣ послѣ полученія моего письма, Левъ Толстой написалъ мнѣ братское приглашеніе пріѣхать къ нему, чтобы словесно разобраться въ недоразумѣніяхъ, всегда сопровождающихъ сжатое изложеніе новаго мнѣнія. Я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ и провелъ съ нимъ пять незабвенныхъ для меня дней (отъ 7—12-го октября), въ теченіе которыхъ мы ясно поняли другъ друга и отчетливо увидали, что большая часть нашихъ несогласій имѣетъ временный, несущественный характеръ. Немногія различія, стоящія до сихъ поръ какъ бы препятствіемъ къ полному духовному объединенію, должны быть приписаны только индивидуальнымъ качествамъ и своеобразнымъ ходамъ развитія мысли у каждаго изъ насъ, и вовсе не представляютъ тѣхъ несоизмѣримостей, которыя происходятъ отъ различія въ преобладающемъ мотивѣ» [2]).

И далѣе въ той же главѣ:

«Пять дней было достаточно, чтобы разъяснить наши сходства и различія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Мы не только поняли другъ друга, но разстались скрѣпленные духовнымъ родствомъ, взаимнымъ уваженіемъ и глубокою симпатіей, при которой разница во мнѣніяхъ не только перестаетъ раздражать другъ друга, но, напротивъ, признается естественнымъ и необходимымъ факторомъ въ усиліяхъ человѣчества разрѣшить жизненные вопросы нашего времени» [3]).

Разсказывая далѣе о своихъ бесѣдахъ съ Толстымъ, Фрей, по своей добросовѣстности, кается въ томъ, что, не зная достаточно его и проповѣдуемаго имъ ученія, онъ просилъ Толстого, въ первомъ письмѣ къ нему, прекратить свою проповѣдь.

«Послѣ свиданія съ Толстымъ», пишетъ Фрей, «я съ удовольствіемъ и радостью отказываюсь отъ этого выраженія».

Говоря о сочувствіи Толстого нѣкоторымъ, выраженнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 92.
[2]) Библіот. Импер. Академіи Наукъ. Отдѣлъ рукописей. № 53. 7. 6.
[3]) Тамъ же.

Фреемъ, основнымъ положеніямъ религіи Человѣчества, Фрей замѣчаетъ:

«Онъ и теперь видитъ въ ученіи позитивистовъ великое пособіе для нравственнаго возрожденія людей, онъ и теперь отъ всей души одобряетъ и соглашается съ великимъ изреченіемъ Конта, когда тотъ, въ противность общераспространенному мнѣнію, сказалъ: «Существованіе Человѣчества есть реальный фактъ, существованіе же отдѣльнаго человѣка есть не больше, какъ абстракція». И вотъ за такое сочувственное, братское отношеніе къ позитивизму, за согласіе въ самыхъ существенныхъ чертахъ нашего ученія, мы должны быть навсегда и глубоко признательны Л. Толстому, если бы онъ и не пошелъ далѣе по пути сближенія съ нами» [1]).

Переходя къ изложенію мнѣнія Толстого объ отдѣльныхъ нравственныхъ принципахъ, Фрей передаетъ интересное мнѣніе Л. Н—ча объ этическомъ правилѣ Конта: «жить открыто».

«До какой степени ученіе Толстого отличается отъ общепринятаго христіанства, какъ далеко оно отъ узкой исключительности и нетерпимости теологическихъ и метафизическихъ системъ, какъ сильно бьется въ его истолкователѣ живая потребность критически и научно относиться ко всему окружающему и постоянно совершенствоваться, можно видѣть изъ того, что Л. Толстой почти съ первыхъ словъ нашего свиданія заявилъ свою признательность Конту за этическое правило «жить открыто», такъ какъ имъ (далѣе я почти буквально приведу слова Толстого) превосходно пополняется пробѣлъ въ нравственномъ ученіи Христа и потому послѣдняя заповѣдь позитивизма должна стоять рядомъ съ пятью заповѣдями Христа. Человѣкъ, который съ готовностью пополняетъ свое ученіе изъ другихъ источниковъ, который видитъ въ духовномъ общеніи людей высшій контроль частной жизни и лучшее средство для опредѣленія границы возможно полнаго осуществленія законовъ нравственности, который признаетъ въ братскомъ общежитіи вѣрующихъ лучшую школу для самоусовершенствованія—такой человѣкъ не можетъ быть упрекаемъ въ попыткѣ воскресить прежнее іерархическое окаменѣлое христіанство» [2]).

И въ заключеніи этого письма Фрей снова призываетъ Толстого къ проповѣди религіи Человѣчества.

V.

Л. Н—чъ также остался очень доволенъ свиданьемъ и знакомствомъ съ Фреемъ. Вотъ въ какихъ словахъ онъ выражаетъ это въ письмѣ къ сестрѣ жены своей, Т. А. Кузминской.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

... Безъ тебя былъ Фрей,—ты слышала—онъ интересенъ и хорошъ не однимъ вегетарьянствомъ. Жаль, что ты не была при немъ. Ты бы многое узнала. У меня отъ него осталось самое хорошее воспоминаніе. Я много узналъ, научился отъ него и многое—мнѣ кажется—не успѣлъ узнать. Онъ интересенъ тѣмъ, что отъ него вѣетъ свѣжимъ, сильнымъ, молодымъ, огромнымъ міромъ американской жизни...

... Онъ 17 лѣтъ прожилъ большею частью въ русскихъ и американскихъ коммунахъ, гдѣ нѣтъ ни у кого собственности, гдѣ всѣ работаютъ не «головой», а руками и гдѣ многіе, и мужчины и женщины, счастливы очень» [1]).

Еще интереснѣе отзывъ Л. Н—ча о Фреѣ въ письмѣ ко мнѣ, въ которомъ Л. Н—чъ говоритъ о Фреѣ, какъ о будущемъ цѣнномъ сотрудникѣ предполагавшагося тогда къ изданію народнаго журнала.

«Поблагодарите А. М. за Фрея. Какъ мнѣ кажется, она оцѣнила его больше всѣхъ. Онъ пробылъ 4 дня и мнѣ жаль было и тогда, и теперь всякій день жалко, что его нѣтъ. Во-первыхъ, чистая, искренняя, серьезная натура, потомъ, знаній не книжныхъ, а жизненныхъ, самыхъ важныхъ о томъ, какъ людямъ жить съ природой и между собой—бездна.—Я его просилъ быть сотрудникомъ нашего фантастическаго пока журнала—и онъ обѣщалъ. Онъ могъ бы вести три отдѣла: 1) Гигіена народная для бѣдняковъ, практическая гигіена—какъ съ малыми средствами въ деревняхъ и особенно въ городахъ людямъ здорово жить.—По моему, онъ знаетъ по этой части больше, чѣмъ всѣ медицинскіе факультеты. Онъ обѣщалъ это. 2) Техника первыхъ орудій работы, топора, пилы, кочерги, стиральныхъ прессовъ, снарядовъ для мѣшенія хлѣбовъ и т. п. Мы говорили съ вами про это. Этого онъ не обѣщалъ, и, по моему, надо искать такого человѣка, только не теоретика, а такого, который бы, какъ Фрей, самъ все передѣлывалъ, употребляя самъ тѣ снаряды и пріемы, которые онъ описываетъ. 3) Это его записки о жизни въ Америкѣ, о трудѣ, пріученіи себя къ нему, жизни фермерской, о жизни въ общинахъ. Онъ обѣщалъ, но сомнительно, чтобы онъ написалъ это скоро. Онъ былъ въ школѣ со мной на вечернемъ чтеніи и началъ разговоръ съ мужиками. Надо было видѣть, какъ разинули рты на его разсказы» [2]).

Съ обѣихъ сторонъ, повидимому, установилась прочная дружба, основанная на уваженіи другъ къ другу и на чувствѣ личной симпатіи.

Послѣ этого свиданія Фрей отправился на югъ Россіи, откуда вернулся черезъ 2 мѣсяца и засталъ Л. Н—ча уже въ Москвѣ.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Арх. П. И Б—ва.

VI.

Въ это время Л. Н—чъ съ увлеченіемъ писалъ о наукѣ и искусствѣ въ послѣднихъ главахъ своей книги: «Такъ что же намъ дѣлать?»

Въ 29-й главѣ этой книги Л. Н—чъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ религіозныхъ и философскихъ системъ, удовлетворявшихъ требованію толпы, т. е. потакавшихъ, оправдывавшихъ ея уклоненія отъ праведной жизни.

Такою системою было ученіе о грѣхопаденіи и искупленіи человѣка, ставшее на мѣсто обличительнаго ученія Христа, такой же замѣною было въ области философіи распространеніе системы Гегеля, съ ея принципомъ «все существующее разумно», восторжествовавшей надъ обличительными ученіями Руссо, Паскаля, Спинозы, Шопенгауера и другихъ.

На смѣну гегельянству явилась новая научная система позитивной философіи.

И вотъ вся 30-я глава посвящена уничтожающей критикѣ этого ученія.

Когда Фрей снова пришелъ ко Л. Н—чу въ Москвѣ, Л. Н—чъ прочелъ ему эти главы.

Такъ какъ одно изъ главныхъ положеній того ученія, которому слѣдовалъ Фрей, было подчиненіе научной дѣятельности религіозно-нравственнымъ принципамъ, то Л. Н—чъ надѣялся встрѣтить сочувствіе Фрея къ изложенію своихъ мыслей о томъ, какъ научная система заняла мѣсто религіи и уничтожила руководящій нравственный принципъ.

И Фрей, дѣйствительно, весьма сочувственно отнесся къ 29 главѣ, т. е. къ той, гдѣ подвергаются критикѣ вообще всѣ религіозныя и научныя системы, исключающія нравственное руководство людей, но при чтеніи 30 главы, въ которой Л. Н—чъ причисляетъ Огюста Конта къ числу такихъ же основателей, оправдывающихъ заблужденія толпы, ученій, какъ Мальтусъ, Дарвинъ, Спенсеръ и др.—Фрей возмутился и, оставшись ночевать у Л. Н—ча въ кабинетѣ, всталъ на другой день рано утромъ и тутъ же, за столомъ Л. Н—ча, написалъ ему 2-ое письмо съ убѣдительной просьбой уничтожить всю 30 главу и исправить 29, не называя «позитивной» царствующую, оправдательную научную теорію и выдѣливъ Огюста Конта изъ числа основателей такихъ теорій.

Но доводы Фрея не убѣдили Л. Н—ча, и 29 и 30 главы остались въ книгѣ «Такъ что же намъ дѣлать?» въ прежнемъ видѣ.

У насъ случайно сохранились двѣ редакціи этихъ главъ, та, которую читалъ Фрей, и позднѣйшая редакція, со многими исправленіями, но не одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ доводамъ Фрея.

Къ счастью, это теоретическое разногласіе Толстого и Фрея, хотя отчасти и разочаровало послѣдняго, но не повліяло на ихъ дружескія отношенія.

Дѣло въ томъ, что Л. Н—чъ цѣнилъ во Фреѣ сердечнаго, умнаго, нравственнаго человѣка, только по какому-то недоразумѣнію основывшагося всѣ свои религіозно-нравственныя воззрѣнія на позитивной философіи. А Фрею, цѣнившему во Л. Н—чѣ также эти качества и преклонявшемуся, кромѣ того, передъ его художественнымъ геніемъ, именно и хотѣлось подставить подъ взгляды Толстого основы позитивной философіи, въ чемъ онъ совершенно искренно видѣлъ залогъ успѣха его проповѣди нравственнаго обновленія человѣчества.

Послѣ этого Фрей вернулся въ Петербургъ.

Здѣсь мнѣ пришлось много разъ видѣть его и бесѣдовать съ нимъ и испытать на себѣ доброе вліяніе его мягкой, привлекательной личности.

VII.

Въ февралѣ 1886 года Фрей уже сталъ собираться уѣзжать въ Англію. Миссія его въ Россіи была окончена, хотя и не дала большихъ видимыхъ результатовъ. Онъ успѣлъ заинтересовать небольшой кружокъ интеллигенціи своими взглядами и, вѣроятно, посѣялъ добрыя сѣмена, такъ какъ онъ вездѣ вызывалъ къ себѣ большую личную симпатію и, уѣзжая изъ Россіи, оставилъ тамъ много друзей.

Но главная цѣль его пріѣзда въ Россію—привлеченіе Толстого къ пропагандѣ религіи Человѣчества—не была достигнута, и вотъ онъ, передъ отъѣздомъ, дѣлаетъ еще одну, послѣднюю попытку и пишетъ Толстому третье большое письмо, въ которомъ онъ съ новою силою и обстоятельностью излагаетъ свои взгляды и, доказывая ихъ превосходство, убѣждаетъ Толстого примкнуть къ нимъ.

Въ концѣ письма онъ резюмируетъ все высказанное имъ въ нѣсколькихъ тезисахъ и проситъ Толстого категорически отвѣтить на эти тезисы или согласіемъ на нихъ и, въ такомъ случаѣ, принять ихъ, или отмѣтить и мотивировать свое разногласіе.

Письмо это Фрей просилъ меня отвезти Л. Н—чу и для этого просилъ меня письмомъ отложить мой отъѣздъ въ Москву, куда я собирался ѣхать.

Я отложилъ свой отъѣздъ, но Фрей такъ долго писалъ письмо, что я не могъ дождаться и уѣхалъ безъ письма, которое уже было послано по почтѣ или привезено однимъ изъ друзей Фрея.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву я получилъ отъ Фрея слѣдующее письмо:

Понедѣльникъ. 8-го февраля 1886 г.

«Только что получилъ вашу postal card. Жалѣю, что не зналъ раньше объ вашей отсрочкѣ, а то, быть можетъ, и окончилъ бы свою работу къ завтрашнему числу. Поклонитесь отъ меня Л. Н—чу, скажите, что скоро онъ получитъ отъ меня письмо... и главное, узнайте отъ него, насколько можно, обстоятельнѣе, какого онъ мнѣнія по поводу моего дополненія къ первому письму (которое было послано изъ Крыма). Согласенъ ли онъ со всѣмъ, что я говорю въ немъ? Повезите съ собой копію, если нужно, и прочтите ему это дополненіе, если нужно. Затѣмъ перейдите ко второму письму, которое было писано у него въ кабинетѣ, и спросите, не лучше ли ему прежде чѣмъ отдавать другимъ прибавочныя главы къ ему послѣднему трактату—измѣнить 30 и отбросить совсѣмъ 31 главу [1]). Право, будетъ много лучше. До свиданья. Желаю Вамъ здоровья и успѣха въ вашихъ дѣлахъ» [2]). W. F.

Я не помню теперь, въ какой полнотѣ я исполнилъ порученіе Фрея, но, вѣроятно, я сообщилъ ему благопріятный отзывъ о его «Дополненіи къ третьему письму», такъ какъ во введеніи къ женевскому изданію своихъ писемъ Фрей говоритъ, что онъ получилъ отъ лица, передававшаго Толстому его запросъ, письмо и изъ этого письма цитируетъ въ ковычкахъ слова Толстого:

«Что онъ это дополненіе прекрасно помнитъ, что вездѣ, гдѣ его цитируютъ, цитаты вполнѣ ему симпатичны, что онъ не только никогда не отречется отъ нихъ, но, напротивъ, радъ имъ и дороги онѣ ему» [3]).

VIII.

Третье и послѣднее письмо Фрея къ Толстому начинается такой характеристикой ихъ отношеній:

«Нашъ первый рядъ свиданій въ Ясной Полянѣ окончился моимъ полнымъ примиреніемъ съ вашимъ ученіемъ, но для того я долженъ былъ убѣдиться, что вы чужды міра теологіи и абсолюта. Нашъ второй рядъ свиданій въ Москвѣ окончился вашимъ полнымъ примиреніемъ съ религіей Человѣчества, послѣ того какъ вы убѣдились, что это ученіе не только чуждо высокомѣрнаго преувеличенія значенія науки, но даже борется съ этимъ заблужденіемъ, считая развитіе и усиленіе нравственныхъ и религіозныхъ импульсовъ неизмѣримо выше и важнѣе развитія ума или образованія.

Мы оба поняли другъ друга, мы оба стремимся къ одной цѣли, одинаково работаемъ за реформу изнутри и противъ ре-

[1]) Фрей упоминаетъ здѣсь, какъ и въ большомъ письмѣ, о 30 и 31 главѣ. Но въ позднѣйшей редакціи Л. Н—чемъ измѣнены номера главъ, и эти главы считаются 29 и 30; эту нумерацію мы и приняли въ нашей статьѣ.

[2]) Архивъ П. И. Б—ва.

[3]) Письма В. Фрея къ Л. Н. Толстому, изд. М. Элпидина. Женева, стр. 6.

формы насильно прививаемой извнѣ. Наше духовное объединеніе, одинаковость взглядовъ на жизнь, даже личная дружба, крѣпко установившаяся между нами—все, повидимому, показываетъ, что намъ остается только одно: разставшись другъ съ другомъ, продолжать каждому свою работу еще съ большей бодростью и вѣрою въ скорое торжество нашихъ идей, потому что каждый изъ насъ видитъ въ другомъ пособника тому же святому дѣлу нравственнаго возрожденія, на которомъ построены всѣ надежды на улучшеніе будущаго» [1]).

Л. Н—чъ внимательно прочелъ это письмо и, исполняя просьбу Фрея, испещрилъ поля письма цѣлымъ рядомъ помарокъ, возраженій и выраженій согласія и одобреній на высказанныя тамъ мысли.

Кромѣ того, Л. Н—чъ написалъ заключеніе, объясняющее разность ихъ взглядовъ.

Оригиналъ этого письма съ автографическими замѣтками Л. Н—ча хранится въ архивѣ Академіи Наукъ.

Мы приведемъ здѣсь наиболѣе существенныя изъ этихъ замѣтокъ, яснѣе выражающихъ разность и согласіе этихъ двухъ друзей.

1) «Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ,—говоритъ Фрей,—вы высказались о пользѣ, вытекающей изъ разнообразныхъ методовъ, которыми мы доходимъ до почти тождественныхъ выводовъ». На поляхъ рукою Льва Н—ча написано: *справедливо.*

2) Продолжая убѣждать Л. Н—ча въ необходимости выступить ему съ проповѣдью религіи человѣчества, Фрей говоритъ:

«Будь мы оба одинаково рядовыми людьми, обязанными только выполнять обыкновенныя, выпадающія на нашу долю задачи жизни, для насъ было бы достаточно повѣрить другъ друга въ элементарномъ знаніи ариѳметики жизни и повѣрить ровно настолько, насколько оно необходимо для полученія одинаковыхъ результатовъ». На поляхъ надпись Л. Н—ча: *Признаніе себя или другого—не рядовымъ—ложно по существу.*

3) Далѣе Фрей говоритъ:

«Личные интересы, какъ болѣе ясные въ нашемъ сознаніи, кажутся намъ сильнѣе общественныхъ, но на дѣлѣ они гораздо слабѣе безсознательной, но могучей потребности служить обществу». На поляхъ надпись: *Очень хорошо, вѣрно.*

4) Говоря о современномъ паденіи христіанства, Фрей выражаетъ такую мысль:

«Для всѣхъ уже открытый секретъ, что настоящее время—есть время упадка христіанской религіи и не потому, что люди забыли великія слова Христа, а потому, что потеряна вѣра въ Бога, какъ идеальнаго отца, потеряна вѣра въ сверхъестественное». Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Оно-то, т. е. сверхъестественное и разрушило вѣру, откинь его и будетъ вѣра.*

---

[1]) Библ. Имп. Акад. наукъ, отд. рукописей, № 53, 7, 7.

5) Продолжая разборъ христіанской религіи, Фрей говоритъ:

«Взамѣнъ поблекшаго образа Христа подымается теперь образъ Человѣчества, который, не нуждаясь въ миѳическихъ преувеличеніяхъ и ярко-освѣщенный наукой, затмеваетъ своимъ блескомъ всѣ бывшія до того религіозныя представленія». Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Не нужно никакого образа—ни Христа, ни Человѣчества—для религіи.*

6) Настаивая на томъ, что Л. Н—чъ долженъ выступить на проповѣдь религіи Человѣчества съ художественными произведеніями, Фрей въ такихъ словахъ опровергаетъ полезность нравственнаго ученія:

«Положимъ, что доводы, изложенные мною въ 1-мъ и 2-мъ отдѣлѣ, не убѣдительны для васъ, и вы все-таки видите главный смыслъ религіи не въ ея симпатической художественной сторонѣ, а въ ея нравственной философіи и потому считаете дѣломъ первостепенной важности разработку и пропаганду извѣстной схемы нравственности. Но какъ я уже говорилъ, въ дополненіи къ моему первому письму, предлагать нравственныя схемы людямъ, не имѣющимъ еще желанія жить нравственно, значитъ полагать, что люди могутъ сдѣлать второй шагъ раньше перваго». Л. Н—чъ отвѣчаетъ ему: *Никакой схемы нравственности, а откинуть соблазны.*

7) Желая дать Л. Н—чу новое, правильное опредѣленіе науки, Фрей говоритъ:

«Обыкновенно подъ наукой понимаютъ систематическое, связное изложеніе законовъ природы, которое начинается съ изслѣдованія самыхъ общихъ и потому самыхъ простыхъ законовъ (законовъ численныхъ отношеній) и проходитъ по убывающей прогрессіи общности и по возрастающей прогрессіи сложности явленій—чрезъ естествознаніе, біологію и психологію—до изслѣдованія законовъ общественной жизни и вытекающихъ оттуда законовъ нравственности».

На это Л. Н—чъ замѣчаетъ: *Эту-то я отрицаю, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ словъ.*

8) Въ противоположность этому, удивляясь, что Л. Н-чъ называетъ истинной наукой или истиннымъ знаніемъ знакомство съ ученіемъ великихъ мудрецовъ древнихъ и новыхъ, какъ, напр., Конфуція, Будды, Руссо, Паскаля и т. д., Фрей возражаетъ такъ:

«Называть же наукой рядъ догматическихъ бездоказательныхъ изрѣченій—значитъ вводить новое совершенно произвольное понятіе». На поляхъ замѣтка: *Напротивъ, на той (нашей наукѣ) строилась вся жизнь.*

9) Продолжая отрицать цѣлесообразность проповѣди христіанства, Фрей говоритъ:

«Такимъ образомъ, ваша аудиторія можетъ быть составлена только изъ людей, которымъ хоть сколько-нибудь понятна христіанская мораль; но однимъ, пережившимъ христіанство, ваша

схема нравственности представляется недостаточной и узкой; другимъ, искреннимъ христіанамъ, она безполезна, а всѣмъ остальнымъ совершенно непригодна.» Л. Н-чъ отмѣчаетъ: *И для всѣхъ неизбѣжно обязательна, какъ 2×2=4.*

10) Взывая снова къ Толстому о необходимости художественнаго, симпатическаго вліянія на людей, Фрей замѣчаетъ:

«Когда нѣтъ этихъ вліяній и спитъ чувство—всегда будутъ скептики, вопрошающіе: почему они должны слѣдовать тому или другому правилу? И ваше голословное утвержденіе, что «такъ лучше», разумѣется, не будетъ убѣдительно для нихъ.» Л. Н-чъ пишетъ на поляхъ: *Нигдѣ нѣтъ: «такъ лучше», а вездѣ сводится къ простой, понятной и несомнѣнной для каждаго истинѣ, какъ, напр., та, что если я буду дѣлать зло, я пострадаю отъ этого зла, оно вернется на меня.*

11) На новое настойчивое утвержденіе Фрея: «Прекратите работу мыслителя, ищущаго невозможнаго, и, вмѣсто составленія общей для всѣхъ схемы нравственности, учите людей «какъ художникъ»,—Л. Н-чъ уже отвѣчаетъ шутливо: *Никакой схемы, а только указаніе на то, что если человѣкъ бьется головой объ стѣну, у него будутъ шишки на головѣ.*

12) «И вы, продолжаетъ Фрей, какъ альтруистъ и художникъ, не можете не облагородить и не выразить въ чудной картинѣ это общее и объединяющее начало (т. е. служеніе человѣчеству). На это отвѣчаетъ Л. Н-чъ такъ:

Да, но выражаю его такъ, какъ оно умно и убѣдительно поставленно въ ученіи Будды, Сократа и послѣдняго—Христа, а не такъ, какъ оно очень не умно и не основательно выражено у Конта.

13) Далѣе говоритъ Фрей: «Когда Вамъ понадобятся чарующіе образы, чтобы смягчить сердца людей и сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми къ добру, вы не можете не пользоваться великимъ образомъ человѣчества». На поляхъ замѣтка: *Такого образа нѣтъ.*

14) Наконецъ, исчерпавъ всѣ доводы, Фрей восклицаетъ: «Отчего же вы не идете по единственно-возможному для васъ пути съ рѣшимостью и послѣдовательностью, достойными вашихъ талантовъ?»

Л. Н-чъ пишетъ на поляхъ: *Оттого, что не могу лепетать по-дѣтски, когда умѣю говорить по-человѣчески.*

15) Думая привлечь Толстого со стороны эклектизма позитивной религіи, Фрей пускаетъ въ ходъ еще такой аргументъ:

«Ученіе, долженствующее обнять весь міръ, признающее всѣхъ людей братьями, черпающее силы для прогресса изъ всѣхъ источниковъ свѣта и знанія, способное охватить сердца всѣхъ людей, не насилуя ихъ склонностей, ихъ схемъ жизни, не прививая къ нимъ мертвящаго однообразія.» На послѣднія слова Л. Н-чъ отвѣчаетъ такъ: *Если оно не будетъ разрушать ихъ схемы жизни и не будетъ приводить ихъ къ живящему единству, то оно ни на что не нужно.*

16) На новое утвержденіе Фрея о предпочтеніи религіи человѣчества, Л. Н-чъ, замѣчая искусственность доводовъ Фрея и видя, что онъ хочетъ извнѣ навязать ему свою религіозную систему, дѣлаетъ короткую, но строгую замѣтку на поляхъ: *Религію не дѣлаютъ, а религіей живутъ.*

17) Наконецъ, Фрей напоминаетъ Л. Н-чу, какъ онъ ему сказалъ въ первый день свиданія въ Ясной Полянѣ, что ученіе Христа имѣетъ пробѣлы и должно быть дополнено нѣкоторыми положеніями Конта (рѣчь шла о заповѣди Конта: жить открыто). Л. Н-чъ поправляетъ это утвержденіе Фрея слѣдующей замѣткой:

То же, да не то. Я сказалъ, что это положеніе Конта есть религіозное и могло бы быть присоединено къ положеніямъ Христа.

18) Наконецъ, Л. Н-чъ соглашается со слѣдующимъ доводомъ Фрея: «Новое христіанство не можетъ строго разграничиться отъ стараго и вслѣдствіе мѣшанины двухъ христіанствъ вы, борецъ противъ нетерпимости и насилія, невольно играете въ руку насильникамъ.»

На поляхъ замѣтка: *Это справедливо.*

19) На основаніи этого Фрей убѣждаетъ Толстого измѣнить названіе своего ученія и говоритъ:

«И если вы говорите совсѣмъ не то, что говорятъ бывшіе до васъ и современные вамъ проповѣдники христіанства, то вы должны, во избѣжаніе путаницы, окрестить свое ученіе инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ именемъ и вліять на сердца людей иными, болѣе чарующими образами, такъ какъ имя и образъ Христа идутъ теперь на защиту существующаго зла и насилія.»

Но Левъ Н-чъ протестуетъ такими словами: *Не могу, потому что все, что знаю—отъ Христа и постоянно узнаю новое отъ него же и потому думаю, что еще узнаю.*

20) Затѣмъ Фрей подходитъ къ вопросу еще съ новой стороны и пытается доказать Л. Н-чу, что его раціонализированное христіанство не будетъ доступно народу, и говоритъ такъ:

«Но выше всѣхъ этихъ споровъ о мелочахъ у всѣхъ стоитъ одинаково крѣпко и незыблемо вѣра въ личнаго (человѣкоподобнаго) Бога, въ Христа, какъ божественнаго Спасителя, въ безсмертіе души, въ загробныя блаженства или наказанія. А потому ваша голая философія, разбивающая ихъ любимѣйшія грезы, никогда не будетъ принята теологически настроеннымъ народомъ.»

На поляхъ возраженіе: *Неправда, въ народѣ сильно нравственное ученіе.*

21) Наконецъ, Фрей пробуетъ убѣдить Л. Н-ча со стороны пропаганды и организаціи и, настаивая на объединенныхъ усиліяхъ, говоритъ: «Не такъ поступаетъ начальникъ, когда съ желаніемъ одержать побѣду, онъ соединяетъ способности полководца.» На это Л. Н-чъ дѣлаетъ ироническую замѣтку: *Избави Богъ отъ генеральства.*

22) Въ приложеніи къ письму, въ статьѣ подъ названіемъ: «Религіозные аффекты позитивнаго представленія о человѣчествѣ», Фрей говоритъ:

«Мы знаемъ, что предметомъ поклоненія всякой религіи должно быть существо 1) стоящее неизмѣримо выше отдѣльныхъ людей и 2) представляющее прекрасное и живое воплощеніе альтруизма. Безъ перваго условія чувство, питаемое къ объекту поклоненія, перестаетъ быть религіознымъ, а снисходитъ на уровень чувствъ, питаемыхъ къ обыкновеннымъ, равнымъ намъ, смертнымъ. Безъ второго условія—люди, хотя съ пробужденнымъ религіознымъ чувствомъ, не могутъ прививать къ себѣ, путемъ симпатическихъ вліяній, хорошія качества. Посмотримъ, насколько удовлетворяетъ этимъ двумъ условіямъ Человѣчество, какъ органическое цѣлое.»

На это Л. Н-чъ замѣчаетъ: *Христосъ откинулъ поклоненіе (Самарянка), насколько вы назади его.»* И далѣе прибавляетъ: *рецептъ, какъ составить религію, полезную для употребленія.*

23) Продолжая развивать ту же мысль, Фрей утверждаетъ: Поклоненіе посредникамъ въ другихъ религіяхъ было основано на идеализаціи ихъ личностей. На это Л. Н-чъ возражаетъ: *Да личности-то на чемъ сами строили религію, не на поклоненіи же себѣ?* [1]).

IX.

Окончивъ письмо, Фрей резюмируетъ всѣ свои доводы въ семи тезисахъ, и Л. Н—чъ отвѣчаетъ на каждый изъ нихъ:

Тезисы Фрея.	Отвѣты Л. Н—ча Толстого.
1) Нравственность не прививается къ людямъ ни наукой вообще, ни той наукой, которая изслѣдуетъ законы нравственности.	Мнѣ дѣла нѣтъ, какъ она прививается; а кстати же, я не могу этого знать.
2) Нравственные инстинкты пробуждаются въ людяхъ чисто симпатическими вліяніями: въ частной жизни вліяніями нравственныхъ людей и обстановки; въ жизни массовой вліяніями существа (реальнаго или фиктивнаго, все равно), которое религія облекаетъ въ конкретныя формы и ставитъ по силѣ, высотѣ и яркости нравственныхъ совершенствъ неизмѣримо выше отдѣльныхъ людей.	Религія совсѣмъ не то дѣлаетъ.

[1]) Тамъ же.

3) Человѣчество есть единственное существо (все равно, будетъ ли оно фиктивнымъ, гипотетическимъ или реальнымъ, органическимъ), способное вызвать въ передовыхъ, по умственному развитію, классахъ Европы религіозное чувство, такъ какъ оно одно безспорно обладаетъ всѣми человѣческими совершенствами.

Такого существа нѣтъ.

4) Религія будущаго есть поэтому религія Человѣчества, она сохраняетъ все хорошее прежнихъ религій (т. е. любовь и самоулучшеніе), но свободна отъ ихъ недостатковъ, будучи религіей Прогресса, Науки, Соціализма и Терпимости.

Дай Богъ имѣть религію, а какая она будетъ, не знаю, знаю только, что религіи прогресса, науки, соціализма и терпимости быть не можетъ.

5) Художникъ обязанъ дѣлать людей воспріимчивыми къ добру и потому не пренебрегать ихъ религіознымъ чувствомъ.

Такихъ особенныхъ людей, называемыхъ художниками, не знаю, потому и обязанностей ихъ не знаю, знаю обязанность каждаго жить разумно.

6) Здравый смыслъ и практика жизни одинаково требуютъ, чтобы желающіе радикальныхъ перемѣнъ обособляли свое ученіе и дѣятельность отъ ученія и дѣятельности людей, поддерживающихъ существующій порядокъ.

Побочное соображеніе, рѣшеніе вопроса неподлежащаго.

7) А потому Вы, Левъ Николаевичъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, обязаны стать открытымъ проповѣдникомъ религіи Человѣчества, предоставляя себѣ и каждому ея послѣдователю полную свободу въ опредѣленіи пути въ сферахъ невполнѣ или вовсе неизслѣдованныхъ наукой [1]).

А потому постараюсь прожить до смерти какъ можно меньше грѣша, т. е. не отступая отъ разума.

---

[1]) Тамъ же.

X.

Разсматривая всѣ эти утвержденія Фрея, мы видимъ, что онъ какъ бы пытается всѣ извѣстные ему хорошо изслѣдованные и описанные признаки и проявленія религіознаго чувства, разсмотрѣнные объективно,—собрать вмѣстѣ и сдѣлать изъ нихъ религію.

Ему не достаетъ только души религіи, т. е. той силы, которая создаетъ и самую религію и всѣ признаки и проявленія ея, наблюдаемые имъ со стороны. Онъ говоритъ, между прочимъ, что сначала бываютъ слабыя проявленія религіознаго чувства—и если его поддержать, то оно усилится. На самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ. Религіозное чувство начинается часто неудержимымъ восторгомъ—экстазомъ, и всякая помощь извнѣ можетъ только охладить, образумить, дать практическое осуществленіе этому чувству, но не усилить его. Хорошо понялъ это и Л. Н—чъ и, прочитавъ до конца послѣднее большое письмо Фрея, самъ резюмируетъ свои возраженія и приписываетъ въ концѣ письма слѣдующее:

«Все недоумѣніе зиждется на томъ, что вы, говоря о религіи, совсѣмъ не то понимаете подъ нею, что понимаю я, и что понималъ Конфуцій, Лаодзе, Будда, Христосъ. У васъ религію надо выдумать или, по крайней мѣрѣ, придумать—и такую, которая бы хорошо дѣйствовала на людей и сходилась бы съ наукой и какъ бы совокупляла и обнимала все, согрѣвая людей, поощряя ихъ къ добру, но не нарушала бы ихъ жизни. Я же понимаю (льщу себя надеждою, что не я одинъ) религію совсѣмъ не такъ. Религія есть сознаніе тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны всѣмъ людямъ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣ времена и несомнѣнны, какъ $2 \times 2 = 4$. Дѣло религіи есть нахожденіе и выраженіе этихъ истинъ и, когда истина эта выражена, то она неизбѣжно измѣняетъ жизнь людей. И потому то, что вы называете схемой—не есть вовсе произвольное утвержденіе кого-нибудь, а есть выраженіе тѣхъ законовъ, которые всегда неизмѣнны и чувствуются всѣми людьми. Дѣло религіи подобно дѣлу геометріи.

Отношеніе катетовъ къ гипотенузѣ всегда было, и люди знали, что есть какое-то, но когда Пиѳагоръ указалъ и доказалъ его, то оно стало достояніемъ всѣхъ. И говорить, что схема нравственности не хороша, п. ч. она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ не хороша, п. ч. она нарушаетъ другія ложныя предположенія.

Оспаривать схему (какъ вы называете), истину (какъ я называю) Христа нельзя тѣмъ, что она не подходитъ въ выдуманной религіи человѣчества и исключаетъ другія схемы (по вашему) ложь (по моему), а ее надо оспаривать, прямо показавъ,

что она не истинна. Религія слагается не изъ набора словъ, которыя могутъ хорошо дѣйствовать на людей, религія слагается изъ простыхъ очевидныхъ, ясныхъ, несомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ, которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій, и таковы истины Христа. Если бы я нашелъ такія истины у Каткова, я сейчасъ же бы ихъ принялъ. На этомъ вашемъ непониманіи того, что я, да и всѣ люди религіозные считаютъ религіею и на желаніи поставить на мѣсто этого извѣстную форму пропаганды—зиждется недоразумѣніе» [1]).

Но всѣ эти разногласія не могли измѣнить дружескаго чувства Толстого къ этому искреннему исповѣднику своихъ убѣжденій.

Отъ природы слабаго здоровья, изнуренный трудными пережитыми имъ условіями американской рабочей жизни и до конца жизни остававшійся бѣднымъ, Фрей скончался въ 1889 г. въ Англіи. Л. Н—чу объ этомъ сообщилъ одинъ изъ друзей Фрея; при этомъ былъ посланъ подписной листъ для сбора пожертвованій на памятникъ Фрею. Л. Н—чъ отвѣчалъ этому другу Фрея такимъ письмомъ:

«Благодарю васъ, уважаемая Е. П., за сообщеніе адреса М. Фрей. На памятникъ я посылать денегъ не буду, но хотѣлъ воспользоваться адресомъ, написать ей, прося свѣдѣній о жизни ея мужа, глубоко уважаемаго и горячо любимаго мною человѣка, о которомъ, если буду живъ, напишу, какъ умѣю съ тѣмъ, чтобы познакомить русскихъ людей съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего и не только нашего времени по нравственнымъ качествамъ. До сихъ поръ не было времени, но осенью надѣюсь это сдѣлать, п. ч. это дѣло лежитъ у меня на совѣсти, и я за него возьмусь прежде многаго другого» [2]).

Намъ остается только пожалѣть, что Л. Н—чу не удалось осуществить этого намѣренія.

Да будетъ нашъ краткій очеркъ той лептой, которой и мы пожелали почтить этого истиннаго друга человѣчества.

П. Бирюковъ.

С. Ивановское.
іюль 1908 г.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Арх. П. П. Б—ва.

Эйльнеръ Моодъ о Л. Н. Толстомъ.

I.

Въ англійской и американской литературѣ существуетъ не мало журнальныхъ статей и отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ жизни и дѣятельности Л. Н. Толстого. Къ сожалѣнію, это обиліе только кажущееся, ибо въ сущности и критическія оцѣнки и біографическія свѣдѣнія представляютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ повторенія, очень часто не свободныя отъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и искаженій. Еще хуже обстоитъ дѣло съ „воспоминаніями" о немъ различныхъ досужихъ англійскихъ и американскихъ туристовъ, обтекающихъ міръ съ бедекеромъ въ рукахъ и относящихъ Толстого къ числу тѣхъ русскихъ „достопримѣчательностей", которыя непремѣнно нужно „осмотрѣть". Такъ, воспоминанія обыкновенно ограничиваются описаніемъ Ясной Поляны, наружности Л. Н. Толстого и членовъ его семьи, затѣмъ нѣсколько реторическихъ фразъ о „великомъ ясно-полянскомъ пророкѣ и учителѣ"—и статья готова.

Среди этихъ шаблонныхъ туристскихъ „воспоминаній" очень выгодно выдѣляется статья Эйльнера Моода, напечатанная въ 1900 г. въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ и вошедшая потомъ въ книгу Моода о Толстомъ [1]. Статья эта носитъ заглавіе „Разговоры съ Толстымъ" (Talks with Tolstoy [2]) и не лишена нѣкотораго интереса для русскихъ читателей, какъ изложеніе взглядовъ Толстого по нѣкоторымъ вопросамъ, сдѣланное человѣкомъ искреннимъ и относящимся съ глубокимъ уваженіемъ къ личности и дѣятельности нашего геніальнаго писателя.

„Около десяти лѣтъ тому назадъ (статья напечатана въ маѣ 1900 г.),— говоритъ г. Моодъ,—мой зять, д-ръ Алексѣевъ, предложилъ мнѣ навѣстить Л. Н. Толстого, который въ то время написалъ предисловіе („Зачѣмъ люди одурманиваются") къ книгѣ д-ра Алексѣева о вредѣ пьянства. Очу-

---

[1]) Tolstoy and Bis Problems. Essays by Aylmer Maude. London. Grant Richards. 1901.

[2]) Ibid., стр. 32—36.

тясь за чайнымъ столомъ какъ разъ напротивъ Толстого, съ произведеніями котораго я въ то время былъ мало знакомъ, я сказалъ, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ является противникомъ обогащенія и что меня интересуетъ этотъ вопросъ, такъ какъ я пріѣхалъ въ Россію именно съ цѣлью нажить деньги.

„Это повело къ разговору, который въ то время не повліялъ на мои взгляды. Я чувствовалъ за собой авторитетъ политической экономіи и мнѣ казалось, что разъ я вполнѣ ознакомлюсь съ почвой, на которой стоитъ Толстой, мнѣ не трудно будетъ указать на его основныя ошибки.

„Нашъ разговоръ вскорѣ былъ прерванъ, но когда я уходилъ, Толстой проводилъ меня очень ласково и просилъ навѣстить его опять. Я не спѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ отчасти вслѣдствіе присущей мнѣ застѣнчивости, отчасти думая, что мнѣ не приходится учить Толстого начаткамъ политической экономіи, отчасти будучи увѣреннымъ, что не узнаю отъ него ничего новаго въ этомъ отношеніи.

„Проходили годы, въ теченіе которыхъ мнѣ вспоминался разговоръ съ Толстымъ и хотя торговое дѣло, которымъ я былъ занятъ, процвѣтало, тѣмъ не менѣе тяжесть и безпокойство коммерческой жизни съ ея неустанной конкурренціей отзывались на моихъ нервахъ и здоровьи. Я началъ понимать, что политическая экономія требуетъ приспособленія къ другимъ сторонамъ жизни и началъ со вниманіемъ вчитываться въ позднѣйшія произведенія Толстого.

„Наконецъ, я опять очутился за тѣмъ же чайнымъ столомъ, но теперь я подходилъ къ Толстому съ иными чувствами. Я былъ убѣжденъ, что его ученіе важно и заключаетъ въ себѣ много истиннаго, но... почему онъ самъ живетъ въ такомъ комфортабельномъ домѣ? Почему онъ не осуществляетъ цѣликомъ своего ученія? Вспоминаю со стыдомъ, что, невзирая на присутствіе гостей, я прямо задалъ ему соотвѣтственный вопросъ. Я былъ искрененъ и какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, я позабылъ не только о всякаго рода условной вѣжливости, но и о чувствахъ иныхъ людей. Толстой въ то время не далъ никакого отвѣта на мой вопросъ, но при прощаньи—хотя онъ и не былъ увѣренъ въ моей искренности—онъ опять пригласилъ меня заходить къ нему. На этотъ разъ я не замедлилъ воспользоваться его приглашеніемъ. Наединѣ, въ своемъ кабинетѣ Толстой объяснилъ мнѣ его положеніе (о чемъ я упомянулъ въ моей статьѣ „Л. Толстой") и съ того времени вплоть до моего отъѣзда изъ Россіи я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы получить отъ него указанія и совѣты.

„Я былъ болѣе развитъ въ умственномъ, чѣмъ въ духовномъ отношеніи и вначалѣ былъ болѣе склоненъ обсуждать вопросы внѣшняго ха-

рактера, чѣмъ вопросы внутренней духовной жизни, но обсужденіе однихъ вело и къ другимъ.

„Помню, какъ однажды Толстой, говоря о томъ, что нѣкоторые люди влекутся къ добру дѣятельностью сердца, а другіе—дѣятельностью головы, замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣдній процессъ предпочтительнѣе.

„—Вы можете устать,—замѣтилъ онъ,—и пожелать вернуться назадъ, но когда вы распутали для себя узелъ жизни, вы ясно видите, что нѣтъ пути назадъ и вы должны идти впередъ...

„Въ настоящей статьѣ я стремлюсь лишь сохранить нѣкоторыя obiter dicta. Не будучи сами по себѣ первостепенной важности, они, тѣмъ не менѣе, связаны съ великими задачами жизни и кажутся мнѣ заслуживающими сохраненія.

„Мнѣнія Толстого не являются результатомъ случайныхъ симпатій и антипатій, но связаны его представленіями о значеніи и цѣляхъ жизни. Трудно предвидѣть, что именно онъ скажетъ по данному поводу (даже по вопросамъ, съ которыми я былъ знакомъ, его взгляды часто являлись для меня неожиданностью), но, выслушавъ его мнѣніе, вы убѣждаетесь, что его умозаключенія совпадаютъ съ его воззрѣніемъ на жизнь.

„Когда онъ находится среди симпатизирующихъ ему друзей, связь между его общими взглядами и частнымъ мнѣніемъ по какому-либо обсуждаемому вопросу бываетъ особенно ясно видна, и разговоръ съ ясностью переходитъ къ обсужденію великихъ жизненныхъ задачъ. Онъ будетъ приспособлять разговоръ къ интересамъ слушателей, но съ кѣмъ бы и о чемъ бы онъ ни говорилъ, всякій, знакомый съ его ученіемъ, легко можетъ убѣдиться, что всѣ его мнѣнія являются выводами изъ общей схемы. Литература, искусство, наука, политика, экономика, соціальныя задачи, половой вопросъ и мѣстныя новости—все это въ разговорѣ Толстого не является чѣмъ-то оторваннымъ одно отъ другого, какъ въ умахъ многихъ людей; всѣ эти вопросы разсматриваются имъ какъ части упорядоченнаго цѣлаго.

„Въ хорошей шахматной партіи, когда игрокомъ является экспертъ, имѣется логическая послѣдовательность между ходами, такъ что цѣль самыхъ неожиданныхъ на первый взглядъ coups можетъ быть выяснена, и этимъ игра эксперта отличается отъ обычной обывательской игры въ шахматы, въ которой ходы являются серіями случайностей, управляемыхъ случайными идеями. Подобное же различіе имѣется между разговоромъ человѣка, обладающаго ясной идеей о цѣляхъ человѣческой жизни, и разговоромъ людей, имѣющихъ спутанныя понятія по этому вопросу.

„Я не знаю, насколько замѣтна будетъ эта особенность разговоровъ

Толстого въ приводимыхъ ниже отрывкахъ изъ его разговоровъ объ различныхъ авторахъ и книгахъ. На многихъ первое впечатлѣніе разговора съ Толстымъ это—несходство его мнѣній съ мнѣніями другихъ людей, кажущаяся вслѣдствіе этого эксцентричность. Боюсь поэтому, что моя попытка воспроизвести его взгляды на нѣкоторыхъ авторовъ и на нѣкоторыя книги поразитъ читателей скорѣе необычностью (unorthodoxy) этихъ мнѣній, чѣмъ ихъ справедливостью".

II.

Далѣе г. Моодъ переходитъ къ изложенію взглядовъ Толстого на современное положеніе литературы въ Европѣ.

„Беллетристика, по словамъ Толстого, стоитъ и въ Англіи и во Франціи на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ, по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ. Диккенсъ и Викторъ Гюго были тогда въ расцвѣтѣ ихъ творческихъ силъ, а кого же можно теперь поставить на одинъ уровень съ ними? Они вырабатывали сюжеты, имѣвшіе жизненное значеніе, и при томъ обрабатывали ихъ такимъ образомъ, что читатели заражались чувствами авторовъ. Они выражали въ своихъ произведеніяхъ эмоціи сострадонія, нѣжности и симпатіи, были заступниками бѣдныхъ и угнетенныхъ, выказывали негодованіе по поводу установившихся золъ въ такой формѣ, что это негодованіе затрагивало сердца читателей.

„Теперешніе писатели, по мнѣнію Толстого, занимаются всякаго рода соціальными проблемами, психологическими изученіями, тщательнымъ копированіемъ природы, этическими и псевдо-научными шарадами, но въ большинствѣ случаевъ они не обладаютъ искусствомъ такимъ образомъ касаться сущности вопроса, чтобы затронуть сердца читателей. Среди современныхъ англійскихъ беллетристовъ, съ произведеніями которыхъ онъ знакомъ, онъ выше всѣхъ ставитъ произведенія М-рсъ Гемфри Іордъ [1]) (Humphrey Ward). Она знаетъ, чего добивается, и не расточаетъ своихъ симпатій и антипатій наудачу.

„Я спросилъ его—говоритъ г. Моодъ,—не чувствуетъ ли онъ большой симпатіи къ повѣсти Оливіу Шрейнеръ „Рядовой Питеръ Галкетъ въ Матоналэндѣ" (Trooper Peter Halket of Marhonaland), несмотря на тѣ страницы, въ которыхъ явившійся Христосъ посылаетъ просьбу къ королевѣ Англіи, прося ея „достойнымъ образомъ *пользоваться ея солдатами*"? Оказалось, что Толстой не читалъ этой повѣсти. Что же касается „Грезъ" (Dreams), то Толстой не былъ высокаго мнѣнія объ

---

[1]) Произведенія М-рсъ Іордъ (племянницы знаменитаго историка Грина) почти всѣ переведены на русскій языкъ. Большинство ихъ помѣщалось въ „Книжкахъ Недѣли" („Отщепенецъ", „Давидъ Гривъ" и др.).

этомъ сборникѣ. Не нравилось ему главнымъ образомъ, что Оливъ Шрейнеръ касалась нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, не обладая такимъ яснымъ и твердымъ пониманіемъ ихъ значенія, которое позволило бы ей правильно руководить читателями, привлеченными ея поэтической обработкой сюжетовъ и ея симпатической склонностью ко всему доброму. „Грезы" Шрейнеръ придутся наиболѣе по вкусу тѣмъ читателямъ, идеи которыхъ отличаются извѣстной опредѣленностью [1]).

„Я подумалъ—замѣчаетъ г. Моодъ,—что, если бы Толстой читалъ „Рядовой Питеръ Галкетъ", онъ измѣнилъ бы свое мнѣніе о произведеніяхъ Шрейнеръ и поставилъ бы эту книгу наряду съ „Хижиной дяди Тома", среди, такъ называемыхъ имъ, произведеній „религіознаго искусства",— т. е. среди книгъ, возбуждающихъ въ читателяхъ чувства, согласованныхъ съ наилучшими пріобрѣтеніями мысли нашей эпохи.

По поводу произведеній Золя Толстой замѣтилъ:

„Мы все толкуемъ о „народѣ", о его правахъ, о способѣ поднять его уровень и т. д., и вотъ Золя изображаетъ простой народъ (Common people) и показываетъ намъ—глядите на „народъ", о которомъ вы толкуете!

„Съ другой стороны, реализмъ Золя, поскольку онъ заключается въ фотографированіи массы деталей, вовсе не представляетъ искусства, передающаго одному человѣку чувствованія другого. Человѣкъ долженъ различать между существеннымъ и ничтожнымъ въ жизни, не насыпать цѣлыхъ горъ неперевариныхъ фактовъ—и это въ одинаковой степени относится къ художнику, какъ и къ человѣку.

„Сенкевичъ, по мнѣнію Толстого, всегда удобочитаемъ, но все написанное имъ носитъ католическую окраску. Въ „Quo vadis" христіане блистаютъ излишней бѣлизной, а язычникъ окрашенъ въ черезчуръ черный цвѣтъ: они должны незамѣтными оттѣнками переходить одни въ другихъ и сливаться, какъ это мы видимъ теперь въ отношеніяхъ между преслѣдуемыми штундистами и православными.

„Откровенность и ясность очень привлекаютъ Толстого. Ошибки и недосмотры ясносознающаго человѣка могутъ быть болѣе полезны, чѣмъ полу-правды людей, предпочитающихъ оставаться въ неопредѣленности. Во всѣхъ отношеніяхъ и по всякому поводу выраженіе вашихъ мыслей та-

---

[1]) Большинство произведеній крупной южно-африканской писательницы О. Шрейнеръ были переведены на русскій языкъ. Ея первая повѣсть „Исторія одной африканской фермы" (Story of an African Farm) была напечатана въ „Вѣст. Иностр. Литер."; повѣсть „Рядовой П. Галкетъ" въ 1890 г. была напеч. въ „Сынѣ Отеч." (въ переводѣ В. Батуринскаго) и вышла въ изданіи „Посредника". Ея „Грезы и сновидѣнія" появились въ изд. „Знанія" въ переводѣ В. Винеръ.

кимъ образомъ, что васъ не понимаютъ,—плохо. Главный недостатокъ Уота Уитмана (Waet Uhitman) заключается въ томъ, что онъ, несмотря на весь свой энтузіазмъ, не обладаетъ ясной философіей жизни. Относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ жизни онъ стоитъ на распутьи и не указываетъ намъ, по какому пути должно слѣдовать [1]).

„Великая литература возникаетъ при всякомъ великомъ нравственномъ пробужденіи. Возьмите, напр., эмансипаціонный періодъ, когда въ Россіи шла борьба за освобожденіе крестьянъ и существовало аболиціонистское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Посмотрите, какіе писатели появились: Гарріетъ Бичеръ Стоу, Торо, Эмерсонъ, Лоуэллъ, Уиттье, Лонгфеллоу, Вилльямъ Ллойдъ Гэррисонъ, Теодоръ Паркеръ и другіе—въ Америкѣ; Достоевскій, Тургеневъ, Герценъ, Гоголь, Некрасовъ, Надсонъ и др.—въ Россіи.—Слѣдовавшій за тѣмъ періодъ, когда люди не понуждали себя къ матеріальнымъ жертвамъ ради нравственныхъ цѣлей, представлялъ бы очень пустынную эпоху, если бы нѣкоторые писатели, воспитавшіеся и сформировавшіеся въ героической періодъ, не продолжали въ литературѣ традиціи этого періода.

„Толстой съ большой похвалой отзывается о произведеніяхъ Мэтью Арнольда, посвященныхъ религіи. Онъ говорилъ, что въ обычной оцѣнкѣ обыкновенно на первый планъ выдвигаютъ поэтическія произведенія Арнольда, вслѣдъ затѣмъ ставятъ его критическія произведенія, а его трудамъ въ области религіи отводятъ послѣднее мѣсто; по его же мнѣнію, при оцѣнкѣ необходимо установить какъ разъ обратный порядокъ. Труды Арнольда, посвященные религіи, представляютъ его наиболѣе важныя и лучшія произведенія. Насколько вѣрно Толстой схватилъ „обычную оцѣнку" Арнольда, подтверждается недавно появившейся критико-біографической оцѣнкой Мэтью Арнольда, сдѣланной проф. Сэнтсбюри [2]), въ которой „Литература и Догма" (Literature and Dogma), „Богъ и Библія" (God and the Bible), „Комментаріи къ Рождеству" (A Comment on Crhistuos [3]) и т. д. классифированы, какъ „злополучныя книги" и, по мнѣнію критика, „никому на нужна религія этого сорта".

---

[1]) Книжку переводовъ изъ Уитмана со своей вступительной статьей выпустилъ въ 1907 году г. Чуковскій.

[2]) Извѣстный англійскій историкъ литературы. *В. Б.*

[3]) Мэтью Арнольдъ (1822—1888) извѣстенъ въ англійской литературѣ, какъ поэтъ, литературный критикъ и писатель по религіознымъ вопросамъ. Онъ долго былъ школьнымъ инспекторомъ и написалъ нѣсколько работъ по педагогикѣ („Народное образованіе во Франціи", „Школы и университеты континента" и др.). Какъ поэта, его ставятъ наряду съ Теннисономъ, Броунингомъ и Россети. Его работы по религіознымъ вопросамъ имѣютъ раціоналистическую окраску, и взгляды его во многомъ совпадаютъ въ этомъ отношеніи со взглядами Л. Н. Толстого. Работы эти, дѣйствительно, не пользуются большимъ вниманіемъ въ Англіи (напр., въ біографич. очеркѣ, посвященномъ Арнольду въ „Enci-

„По мнѣнію Толстого, критическій этюдъ Арнольда, посвященный его собственнымъ, Толстого, произведеніямъ, заключаетъ въ себѣ здравую и справедливую критику. На долю Толстого выпало счастье быть представленнымъ читателямъ въ Англіи и Америкѣ такими „крестными отцами“, лучше которыхъ трудно было бы выбрать. Не маловажной заслугой со стороны Мэтью Арнольда и Вилльяма Діана Гоуэлльса [1]) является тотъ сердечный пріемъ, который они много лѣтъ тому назадъ оказали на разныхъ берегахъ Атлантическаго океана автору, взгляды котораго даже теперь очень мало понимаемы нѣкоторыми, высказывающими свое восхищеніе его произведеніями.

„Желая заставить Толстого признать достоинства нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній Арнольда, я отмѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „Часовые въ Рогби“ (Rugby Chapel), „Другу-республиканцу“ (To a Republican Friend), „Божественность“ (Divimty), „Прогрессъ“ (Progress), „Революція“ (Revolution), и „Нравственность“ (Morality) и послалъ книгу Толстому. Онъ, спустя нѣсколько дней, возвратилъ мнѣ стихотворенія Арнольда и замѣтилъ, что они очень хороши, но... „какая жалость, что они не написаны стихами“.

„Вообще, Толстому очень трудно понравиться въ области поэзіи. Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—нужно людямъ затемнять ясное выраженіе ихъ мыслей, прибѣгая къ такому стилю, который заставляетъ ихъ выбирать не тѣ слова, которыя наилучше выражаютъ мысли, а тѣ, которыя наиболѣе пригодны для риѳмы и скандировки? Если то, что мы желаемъ выразить, можно высказать въ трехъ словахъ, зачѣмъ употреблять пять? Или же, если нужно для большой ясности прибавить два—три слова, зачѣмъ избѣгать ихъ? Люди писали цѣлыя вещи стихами, но въ большинствѣ случаевъ они еще лучше могли бы выразить ихъ въ прозѣ. А какая масса безполезнаго хлама находится въ обращеніи лишь благодаря искусству выраженія!

---

clopedya Mitaunica“, о нихъ лишь мелькомъ упоминается); но это объясняется промежуточнымъ положеніемъ, занятымъ Арнольдомъ въ области религіи. Онъ жилъ и работалъ въ переходную эпоху, и его этико-религіозные взгляды для однихъ недостаточны ортодоксальны, а для другихъ лишены строго-научной обосновки, часто замѣняемой призывомъ къ „чувству“. *В. Б.*

[1]) Вилльямъ Діанъ Гоуэлльсъ (род. 1837)—извѣстный американскій беллетристъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ представителей реалистической школы въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Россіи онъ почти неизвѣстенъ и, если мы не ошибаемся, по-русски былъ переведенъ (въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“) лишь одинъ—правда, лучшій—его романъ „Въ невѣдомой странѣ“ („Au undiscovered outry“). Романъ этотъ, какъ намъ сообщали, былъ переведенъ по рекомендаціи Л. Н. Толстого и представляетъ очень яркое описаніе жизни въ коммунистической общинѣ американской религіозной секты шакеровъ, очень сочувственно относящихся въ общемъ къ ученію Л. Н. Толстого. *В. Б.*

„Аналогичныхъ взглядовъ онъ держится и относительно краснорѣчія. Однажды одинъ изъ его гостей говорилъ объ обоятельности краснорѣчія.

„—О, да,—замѣтилъ Толстой,—но какой это *опасный* даръ,—и вслѣдъ затѣмъ онъ разсказалъ, какъ ему пришлось слышать рѣчь знаменитаго адвоката и какъ трудно было ему охранить ясность собственнаго сужденія отъ вліянія наемнаго краснорѣчія юриста.

„Толстой—черезчуръ правдивъ, чтобы не высказывать своего истиннаго мнѣнія о литературныхъ произведеніяхъ авторовъ, обращающихся къ нему за оцѣнкой или совѣтомъ; но въ то же время онъ старается не обидѣть ихъ. Такъ какъ требованіе его и по отношенію къ самому себѣ, и по отношенію къ другимъ очень высоки, ему нерѣдко приходится попадать въ затруднительныя положенія.

„Я помню, какъ однажды онъ пришелъ къ вечернему чаю на открытомъ воздухѣ въ Ясной Полянѣ и разсказалъ намъ, что у насъ былъ посѣтитель, старый отставной чиновникъ, который показывалъ ему длинную поэму. Толстой попросилъ его прочесть вслухъ нѣсколько стиховъ изъ этого произведенія и, прослушавъ ихъ, несмотря на боязнь вызвать гнѣвъ старика, принужденъ былъ сказать ему, что его поэма представляетъ страшный вздоръ. И, дѣйствительно, судя по отрывкамъ, которые со смѣхомъ Толстой процитировалъ намъ, поэма была необычайно плоха. Къ счастью, посѣтитель оказался однимъ изъ добродушнѣйшихъ въ мірѣ людей и лишь замѣтилъ:

„— Не можетъ быть! Я вѣдь десять лѣтъ сочинялъ ее и былъ увѣренъ, что она хороша!—и вслѣдъ затѣмъ распрощался съ Толстымъ.

„Я спросилъ однажды Толстого, чѣмъ онъ объясняетъ то доминирующее положеніе среди авторовъ, которое отводится Шекспиру въ Россіи и другихъ странахъ. Онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, объясненіе лежитъ въ томъ, что „культурная толпа", которой нравятся подобныя произведенія, не обладаетъ ясной идеей о цѣляхъ и назначеніи жизни. Поэтому эта толпа можетъ съ такой готовностью и такъ искренно восхищаться авторомъ, подобнымъ ей самой, т. е. не обладающимъ центральнымъ штандпунктомъ, съ высоты котораго можно было бы измѣрить отношенія ко всему. Шекспиръ обязанъ своей громадной извѣстностью тому факту, что онъ былъ великимъ художникомъ, обладающимъ разнообразіемъ таланта; но, помимо этого, наравнѣ со своими обожателями страдаетъ величайшей слабостью—онъ не нашелъ отвѣта на вопросъ: для чего мы живемъ? [1])

[1]) Интересно сравнить съ этимъ отзывъ Л. Н. Тольстого о Шекспирѣ, относящійся къ 1884 г. „Л. Н. Толстой однажды сказалъ при насъ, что совсѣмъ не любитъ Шекспира, что въ молодости онъ это скрывалъ, а теперь го-

„Переходъ отъ Шекспира къ „Review of Reviews“ [1]), пожалуй, рѣзокъ, но то же представленіе Толстого о необходимости для людей руководства (и о возможности подобнаго хорошаго руководительства, на подобіе даннаго Сократомъ, Лао-Тзе, Буддой и другими, болѣе знакомыми намъ моралистами, если только мы готовы слушать и концентрировать наше вниманіе, главнымъ образомъ, на дѣйствительно важномъ) лежитъ въ основѣ его взгляда на этотъ журналъ. Должно принять во вниманіе, что Толстой не сравнивалъ „Review of Reviews“ съ другими періодическими изданіями, но скорѣе противополагалъ его тому, что онъ находилъ необходимымъ въ текущей литературѣ. Одинъ посѣтитель замѣтилъ, что „Review of Reviews“ (книжка котораго случайно лежала на столѣ) всегда причиняетъ ему головную боль, и Толстой сказалъ, что подобное же вліяніе оказываетъ чтеніе этого журнала и на него, хотя онъ и не сообразилъ этого, пока не услышалъ вышеприведеннаго замѣчанія. Каша фактовъ и мнѣній всякаго рода, не координированныхъ какой-либо послѣдовательно развивающейся центральной идеей, причиняетъ умственное утомленіе. Даже читая оригинальныя статьи этого журнала, что дѣлать читателю съ этой смѣсью патріотизма и христіанства, текущихъ въ различныя стороны, но разсматриваемыхъ редакторомъ каждая въ отдѣльности, какъ нѣчто доброе? Какъ примирить любовь къ свободѣ и восхваленіе самодержцевъ? Любовь къ миру и желаніе видѣть карту Африки окрашенной въ красный цвѣтъ? и т. д.

„В. Стэдъ говоритъ о существованіи двухъ патріотизмовъ: плохого, который онъ называетъ джингоизмомъ, и хорошаго; но онъ никогда не опредѣляетъ каждаго изъ нихъ такимъ образомъ, чтобы было ясно, когда нарушается справедливость. Всякій патріотизмъ (т. е. предумышленное предпочтеніе *нашей родной* страны) заставлялъ насъ быть завистливыми и подозрительными по отношенію къ людямъ другихъ націй, или стремиться причинить имъ вредъ, тѣмъ самымъ является зломъ.

„Конечно, этого рода сужденіе примѣнимо къ большинству журналистики, и Толстой рѣшительно настаиваетъ на необходимости предпочтенія книгъ предъ эфемерной литературой. Я слышалъ, какъ Толстой, показывая экземпляръ брошюры Стэда „Война противъ войны“ (War agaiust War),

---

воритъ; что ему не нравится полная объективность Шекспира, что его трагедіи нравственныхъ основъ не имѣютъ и, кромѣ сказки, ничего ему не даютъ". (В. Стасовъ „Н. Н. Ге", біографич. очеркъ. „Книжки Недѣли", 1897, № 6).

В. Б.

[1]) Ежемѣсячный журналъ (представляющій болѣе или менѣе систематизированныя выдержки изъ англійскихъ, американскихъ и европейскихъ журналовъ), издаваемый извѣстнымъ англійскимъ публицистомъ В. Стэдомъ и пользующійся громаднымъ распространеніемъ въ Англіи.

В. Б.

говорилъ о ней съ одобреніемъ, замѣтивъ, что, хоть у него не было времени прочесть ее съ должнымъ вниманіемъ, все же онъ можетъ сказать, что брошюра является попыткой въ настоящемъ направленіи.

„Говоря о крестовомъ походѣ, вызванномъ статьей Стэда „Дѣвичьи жертвоприношенія современнаго Вавилона“, [1]) я упомянулъ, что многіе осуждали Стэда за приданіе широкой гласности, но, что, поскольку можно оцѣнивать подобнаго рода эпизоды, достигнутое добро перевѣшиваетъ причиняемый гласностью вредъ: злосчастія, которыя приходится переносить нѣкоторымъ женщинамъ, заслуживаютъ вниманія и съ ними должны ознакомиться всѣ, если гласность является средствомъ къ уничтоженію зла. Толстой выслушалъ меня до конца, поглядѣлъ на меня и спросилъ:

„—Значитъ, вы одобряете и обманъ, практиковавшійся при собираніи свѣдѣній и заманиваніи дѣвушекъ?

„Не будучи въ состояніи защищать принципъ „цѣль оправдываетъ средства“, мнѣ не оставалось ничего иного въ отвѣтъ на этотъ простой вопросъ, какъ лишь прекратить мою защиту нѣкоторыхъ сторонъ этого „крестоваго похода“, предпринятаго Стэдомъ.

„Вообще Толстой обладаетъ замѣчательной способностью дѣлать совершенно ясныя по смыслу замѣчанія, которыя остаются въ умѣ слушателя и дѣлаютъ для него невозможнымъ оставаться при прежнемъ мнѣніи по данному вопросу.

III.

Значительную часть своей статьи г. Моодъ отводитъ „регистраціи“ мнѣній Л. Н. Толстого по различнымъ соціальнымъ вопросамъ.

„Особенно нравится Толстому,—говоритъ г. Моодъ,—компиляція, носящая названіе „Рабочаго календаря“ (Labour Annual), издаваемая Бтозефомъ Эдуардсомъ и дающая свѣдѣнія о различнаго рода „передовыхъ“ движеніяхъ. Я подозрѣваю, что нѣкоторыя изъ этихъ движеній выглядятъ болѣе внушительно на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни, и что нѣкоторыя „передовыя“ группы, при ближайшемъ ознакомленіи, поразили бы Толстого своей устарѣлостью въ области мнѣній. Но, во всякомъ случаѣ, подчеркиваніе, дѣлаемое подобной работой, того факта, что наша система землевладѣнія и фабричнаго производства является не болѣе конечнымъ

---

[1]) В. Стэдъ, стремясь остановить постыдную торговлю несовершеннолѣтними дѣвушками, которыхъ покупали богатые англійскіе и континетальные аристократы (между ними и Бельгійскій король), выступилъ въ роли „покупателя“, увѣдомивъ объ этомъ заранѣе полицію, и былъ судимъ и приговоренъ къ минимальному наказанію. Цѣлью его было создать процессъ, во время котораго онъ сдѣлалъ свои разоблаченія.

В. Б.

фазисомъ развитія, чѣмъ были рабство и феодализмъ, очень ободрительно дѣйствуетъ на реформатора, окружающая котораго обстановка производитъ, по наружному виду, впечатлѣніе гнилого застоя.

„По тѣмъ же причинамъ Толстой былъ обрадованъ громаднымъ распространеніемъ книги Роберта Блэтгфорда „Веселая Англія" (Merry England [1]), хотя онъ и не былъ вполнѣ согласенъ съ ея содержаніемъ.

„Къ соціализму школы Карла Маркса и теоріи, утверждающей, что судьба предопредѣлила, чтобы контроль надъ орудіями производства сосредоточивался все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ, прежде чѣмъ наступитъ улучшеніе положенія массъ, Толстой относится со столь же малымъ уваженіемъ, какъ и къ закону Мальтуса. Подобнаго рода попытки—опредѣлить и объявить, въ качествѣ конечныхъ и неизмѣнныхъ, нѣкоторые „законы человѣческой природы", открытые не субъективно—путемъ изученія человѣческаго сердца, но лишь путемъ внѣшняго наблюденія, не вызываютъ одобренія Толстого. Въ особенности онъ протестуетъ противъ того требованія, что мы должны приноравливать наши дѣйствія къ подобнымъ воображаемымъ законамъ и подчинять этимъ законамъ ту нравственную совѣстливость, которая является частью нашего внутренняго сознанія. Люди, сознающіе, что наши соціальныя условія—плохи и въ то же время не желающіе измѣнить свой образъ жизни или признать, что они поступаютъ скверно, охотно пользуются подобнаго рода „научными законами" для самозащиты. Они говорятъ: „положеніе плохо; но это—Божья вина и такое положеніе неизбѣжно. Если мы будемъ поступать согласно указаніямъ совѣсти, ничего хорошаго изъ этого не получится. Единственный разумный путь это продолжать жизнь попрежнему, идя по направленію, которое вызвало всѣ эти ложныя соціальныя условія, пока, наконецъ, соціалъ-демократія не реорганизируетъ общества путемъ парламентскаго большинства". Многіе церковники говорятъ нѣчто подобное: они лишь предлагаютъ намъ ждать наступленіе „тысячелѣтняго Царства Божія" вмѣсто соціалъ-демократическаго парламентскаго большинства. Въ противоположеніе подобнымъ взглядамъ, Толстой держится того мнѣнія, что если мы пожелаемъ познать волю Божію и быть Его соработниками, для насъ открытъ лишь одинъ путь—быть настолько *хорошими*, насколько это въ нашихъ силахъ. Если бы мы всѣ поступали подобнымъ образомъ, собственность и средства производства *не* скоплялись бы въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ, люди не принуждены были бы рождаться на подобіе кроликовъ въ зависимости отъ количества пищи и намъ не приходилось бы дожидаться внѣшняго

[1]) Блэтгфордъ,—крупный англійскій соціалистъ, редакторъ пользующейся большимъ распространеніемъ соціальной газеты „Clarion".

В. Б.

осуществленія Царства Божія, которое должно проявиться внутри насъ раньше, чѣмъ оно можетъ привиться извнѣ.

„Не будучи лично знакомъ съ П. А. Кропоткинымъ, Толстой имѣетъ очень высокое мнѣніе о немъ, считая его честнымъ и искреннимъ, достойнымъ глубокого уваженія работникомъ въ дѣлѣ созиданія братства людей и человѣкомъ крупнаго таланта. Но Толстой не останавливается предъ указаніемъ слабыхъ сторонъ даже въ людяхъ, переносящихъ страданія ради дѣла свободы, и онъ очень сожалѣетъ, что Кропоткинъ не высказывается съ рѣшительностью противъ всякаго рода насилія—будетъ ли послѣднее направлено противъ правительствъ или употреблено правительствами. Онъ думаетъ, что ошибочное чувство наклонности по отношенію къ товарищамъ и традиціямъ юности удерживаетъ Кропоткина въ рядахъ людей, оправдывающихъ или извиняющихъ методъ физическаго насилія.

„— Онъ вѣдь долженъ видѣть, что, извиняя насиліе, онъ подрываетъ почву у себя подъ ногами,—говоритъ Толстой.

„Если бы теперешняя борьба въ Россіи,—говоритъ Толстой,—велась между людьми, стоящими у власти и пытающимися осуществить свою волю путемъ насилія, и реформаторами, проповѣдывающими и дѣлающими, по ихъ мнѣнію, справедливое дѣло, отрицая насиліе, то симпатіи всякаго хорошаго человѣка были бы направлены противъ правительства. Но употребляя силу и оправдывая это употребленіе, анархистъ затемняетъ положеніе дѣлъ и заставляетъ людей выбирать между двумя группами людей, каждая изъ которыхъ ругаетъ другую, причемъ каждая утверждаетъ, что справедливо убивать „нѣкоторыхъ“ людей и употреблять насиліе „иногда“. Вслѣдствіе этого многіе колеблются въ своихъ симпатіяхъ къ каждой изъ этихъ группъ.

„Относительно работы Кропоткина „La Conquéte du Pain“ Толстой говоритъ, что та часть книги, которая касается современнаго базиса продукціи и распредѣленія,—хороша; въ равной степени хорошо и объясненіе удобствъ устройства общества на болѣе братскихъ началахъ. Но Кропоткинъ не поясняетъ, какимъ образомъ совершится *переходъ* отъ стараго къ новому порядку вещей. Онъ не наступитъ. постепенно, какъ результатъ измѣненія нашихъ воззрѣній, характеровъ и цѣлей, но будетъ введенъ революціей, противъ которой часть общества будетъ протестовать. Какъ это будетъ достигнуто? При помощи насилія! Но употребленіе насилія вызываетъ ненависть и стремленіе къ отомщенію. Такимъ образомъ, анархисты-коммунисты, силой опрокинувъ существующій общественный строй, должны будутъ ограждать себя отъ попытокъ возстановленія его путемъ новаго насилія; значитъ, появятся снова люди, управляющіе другими людьми не путемъ ихъ убѣжденія, а путемъ принужденія.

„Толстой внимательно слѣдитъ за литературными работами на ино-

странныхъ языкахъ (въ особенности предпочитая краткія, отличающіяся ясностью изложенія и оригинальностью), которыя годились бы для перевода на русскій языкъ. Часто выбранныя имъ произведенія не пропускались русской цензурой; но въ такихъ случаяхъ съ перевода дѣлается нѣсколько копій на пищущей машинѣ, и работа обращается среди читателей въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, сохраняясь, такимъ образомъ, отъ опасности быть всецѣло уничтоженной полиціей (которая часто обыскиваетъ помѣщенія лицъ, подозрѣваемыхъ въ пропагандѣ идей Толстого). Кромѣ того, она готова для напечатанія, когда наступитъ день ослабленія цензурнаго гнета. Несмотря на дѣятельность тайной полиціи, слѣдящей за друзьями Толстого, арестующей ихъ бумаги и высылающей толстовцевъ изъ центральныхъ губерній, работы, рекомендуемыя Толстымъ для перевода, обыкновенно тотчасъ же переводятся. Такъ было, по крайней-мѣрѣ, съ нижеперечисленными произведеніями.

„Анатомія Нищеты" (Anatomy of Misery), написанная Д. Кенворти и представляющая небольшую брошюру политико-экономическаго характера, очень понравилась Толстому своей краткостью, ясностью изложенія и систематичностью, съ которыми авторъ обнажилъ самые корни трактуемаго вопроса. Но, по мнѣнію Толстого, дальнѣйшія произведенія этого автора, несмотря на такія хорошія качества, уступаютъ вышепоименованной его брошюрѣ.

„Лучшимъ изъ произведеній Торо Толстой считаетъ его „Этюдъ о гражданскомъ неповиновеніи" (Essay on Civil Disobedience). Великая заслуга автора этого этюда заключается въ томъ, что онъ съ большой ясностью указалъ на права человѣка отвергать и отказываться какимъ-либо образомъ поддерживать правительство, которое поступаетъ безнравственно. Штатъ Массачузетсъ потворствовалъ поддержкѣ рабства. Торо не чувствовалъ никакой склонности къ занятіямъ политическими вопросами, но онъ въ равной степени не чувствовалъ склонности поддерживать правительство, которое онъ осуждалъ. Вслѣдствіе этого онъ, отказываясь отъ платежа поголовнаго налога (poll-tax), далъ арестовать себя и написалъ „Этюдъ о гражданскомъ неповиновеніи", который можетъ служить источникомъ могущественнаго протеста противъ войны и другихъ золъ, насильно навлекаемыхъ правительствомъ. Ни произведеніе Торо, ни брошюра Кенворти не могли быть напечатаны въ русскомъ переводѣ.

„Среди другихъ книгъ, переведенныхъ по совѣту и съ одобренія Толстого, упомяну о слѣдующихъ: Морлея „О компромиссѣ" [1]), Саббатье

[1]) Кажется, что Моодъ въ этомъ случаѣ ошибается. Переводъ книги Морлея „О компромиссѣ", сдѣланный М. К. Цибриковой, появился еще въ концѣ 70-хъ годовъ (въ изданіи Солдатенкова) и былъ предпринятъ помимо совѣта Толстого. В. Б.

„Vie de S. Trangoise d'Assise", нѣкоторые разсказы Мопассана и отрывки изъ дневника Аніеля Journal intime (отрывки эти были переведены графиней М. Льв. Толстой, дочерью Льва Николаевича, въ замужествѣ княгиней Оболенской). Для послѣдней изъ упомянутыхъ нами работъ Толстой написалъ имѣющее важное значеніе предисловіе; такимъ же предисловіемъ снабженъ переводъ „Этики пищи" (The Ethics of Diet) Гоуарда Вилльямса; краткое предисловіе Толстого сопровождаетъ переводъ „Токологіи" (Tokology) д-ра Элисъ Стокгемъ. Произведеніемъ, переводъ котораго (Вѣрой Джонсмонъ) хотя и не былъ сдѣланъ по его внушенію, но вызвалъ его горячее одобреніе, были философскія произведенія Шанкаракаріи [1]), недавно Толстой рекомендовалъ для перевода работу Оллена Кларка „Послѣдствія фабричной системы" (Effects of the Factory System), которая очень ему понравилась.

„Кромѣ книги Гоуарда Вилльямса, по совѣту и съ одобренія Толстого, были переведены и другія книги о вегетаріанизмѣ, какъ, напр., Солта (H. Salt) „Гуманитаризмъ, его принципы и прогрессъ (Humanitarianism its Principles and Progress) и его же „Мясо или фруктъ" (Flesh ov Fruit); д-ра Энни Кингсфордъ „Научный базисъ вегетаріанизма" (Scientific Basis of Vegetarianism).

„Вспоминаю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ о молодомъ англичанинѣ, посѣтившемъ Ясную Поляну и бывшемъ, по его словамъ, единственнымъ вегетаріанцемъ въ семьѣ.

— Не бываетъ ли у васъ въ семьѣ по этому поводу шкваловъ?— спросилъ его Толстой.

— Шквалы!—воскликнулъ молодой англичанинъ—у насъ бываютъ ураганы!

— Такъ и должно быть, замѣтилъ по этому поводу Толстой, который не вѣрилъ въ то, что мы должны скрывать наши свѣтильники подъ спудомъ или допускать, чтобы соціальные предразсудки мѣшали внѣшнимъ проявленіямъ нашей вѣры. Но все же Толстой, по мѣрѣ того, какъ онъ старѣетъ, видимо смягчается, хотя его пламенная приверженность къ реформамъ не охладѣваетъ; онъ научился признавать—и это не легко далось ему,—что „кроткіе наслѣдятъ землю" и что для того, чтобы достигнуть наилучшихъ результатовъ при ограниченности дарованныхъ намъ силъ, мы должны по возможности избѣгать столкновеній.

„Современная Наука" (Modern Science), представляющая одинъ изъ

---

[1]) Вѣроятно, Моодъ имѣетъ въ виду ученіе древняго индійскаго мудреца Шанкар—Агаріи (Shankar Acharya).

В. Б.

этюдовъ въ книгѣ Эдуарда Карпентера [1]) „Цивилизація: ея источникъ и ея врачеваніе“ (Civilisation: tis Cause and Cure) было напечатано въ Россіи съ предисловіемъ Толстого. Въ этомъ эпизодѣ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: Имѣютъ ли дѣло люди науки, изслѣдуя природу, съ абсолютной истинной, „фактами“ и достигаютъ ли сущности вещей? Или же они лишь изучаютъ отношеніе феноменовъ къ нашимъ воспріятіямъ? Толстой соглашается съ Карпентеромъ, что мы не должны надѣяться „объяснить человѣка при помощи механики“, что мы можемъ знать о природѣ лишь ея отношеніе къ намъ самимъ. Толстой соглашается также съ тѣмъ, что говоритъ Карпентеръ о существующихъ соціальныхъ условіяхъ и съ его замѣчаніемъ, что „прогрессъ цивилизаціи“ всегда велъ (какъ въ Египтѣ, Греціи и Римѣ) постепенно къ совершенному распаду и что не имѣется достаточныхъ основаній для предположенія, что нашъ современный „прогрессъ“ въ Европѣ и Америкѣ не поведетъ къ тому же.

„— Не понимаю,—замѣчаетъ по этому поводу Толстой,—какъ я самъ не пришелъ къ этой мысли, она—очевидность.

„Но относительно полового вопроса Толстой и Карпентеръ представляютъ два различные полюса мысли.

„Оба они согласны въ томъ, что серьезное обсужденіе этого вопроса заминается, особливо въ Англіи и Америкѣ, что ни одинъ вопросъ не затемненъ до такой степени ложными условностями и что результатомъ всей этой лжи и укрывательства является крупное зло. Но на этомъ и заканчивается ихъ согласіе.

„Толстой скажетъ, что направленіе, по которому долженъ идти истинный прогрессъ, ясно различимо не только „въ твоихъ устахъ и въ твоемъ сердцѣ“, но и въ ученіяхъ всѣхъ великихъ пророковъ и религіозныхъ вождей человѣчества. Одна сторона твоей природы (такъ какъ ты и животное) будетъ тянуть тебя по одному пути. Другая сторона твоей природы (ибо ты божественнаго происхожденія и сознаешь идеалъ) потянетъ тебя по другому пути. Добродѣтелью, къ которой должно стремиться, является цѣломудріе. Основатели всѣхъ великихъ религій признавали это положеніе молчаливо и частично, если не цѣликомъ, и совершенно открыто. Тѣ изъ нихъ, которые дали опредѣленныя правила поведенія провели черту, не отдаляющуюся отъ идеала цѣломудрія, но скорѣе болѣе приближающуюся къ нему, чѣмъ это было въ обычаѣ въ ихъ эпоху и въ ихъ странѣ. Полигамія является несомнѣнно шагомъ впередъ по сравненію съ предшествовавшимъ ей положе-

[1]) Эдуардъ Карпентеръ — извѣстный современный англійскій писатель по вопросамъ философіи и этики; авторъ многихъ стихотвореній, обличающихъ недюжинный талантъ, хотя и отражающихъ сильное вліяніе Уита Уотмана.

В. Б.

ніемъ вещей, но даже строгая моногамія не разрѣшаетъ всѣхъ затрудненій, не достигаетъ наивысшаго пункта чистоты, доступной разумѣнію человѣка.

„По взглядамъ Карпентера, цѣломудріе вовсе не представляетъ добродѣтели. Судя по тому, что было имъ написано по этому поводу, людямъ не возможно дать никакого указанія въ этомъ вопросѣ, путемъ ли указазанія идеала, къ которому должно стремиться, или указанія опредѣленныхъ правилъ поведенія. Люди должны производить сами „эксперименты“, за свой страхъ. Какимъ образомъ вести себя въ этомъ отношеніи людямъ „за неимѣніемъ болѣе точныхъ физіологическихъ познаній, чѣмъ какими мы обладаемъ теперь, является вопросомъ, разрѣшеніе котораго представляется здравомыслію и добрымъ чувствамъ заинтересованныхъ“,—говоритъ Карпентеръ. Такимъ образомъ, бѣдному человѣчеству приходится блуждать въ пустынѣ недоумѣнія, пока учителя физіологіи не укажутъ ему путь, который не могли найти учителя нравственности.

„По поводу романа Грэнъ Аллена „Женщина, которая осмѣлилась“ Толстой замѣтилъ, что, если авторъ желалъ показать намъ, какъ его теорія будетъ примѣняться въ дѣйствительной жизни, онъ не долженъ былъ убивать героя такъ рано. Недоразумѣнія возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ половомъ союзѣ одинъ желаетъ измѣнить, а другой желаетъ остаться попрежнему вѣрнымъ—но если вы убьете одного изъ нихъ, вы такимъ образомъ ускользнете отъ разрѣшенія задачи. Что же касается теоріи, согласно которой женщина должна быть свободна въ выборѣ отца ея будущаго ребенка, съ цѣлью произведенія „наилучшаго“ потомка, то Толстой замѣтилъ мнѣ по этому поводу:

„— Если дѣло идетъ о размноженіи лошадей—теорія эта прекрасна. Въ этомъ случаѣ вы можете имѣть вполнѣ опредѣленную идею о желательной для васъ лошади: точеныя копыта, тонкія ноги, широкая грудь, извѣстная форма спины и бедеръ, головы и т. д., но вы не можете имѣть столь же опредѣленной идеи о ребенкѣ, котораго вы желаете произвесть—долженъ ли онъ быть Шекспиромъ, Паскалемъ, Платономъ или мученикомъ?

„Писатель, къ которому Толстой относится съ очень большой симпатіей, это—Генри Джорджъ. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ произведенія Джорджа „Соціальныя Задачи“ (Social Problems) и „Прогрессъ и бѣдность“ очень нравятся ему. Къ первой половинѣ XIX столѣтія великимъ вопросомъ въ Россіи являлось уничтоженіе крѣпостного права, а въ Соединенныхъ Штатахъ—уничтоженіе рабства негровъ. Наступающимъ „великимъ вопросомъ“ является освобожденіе земли. Генри Джорджъ обратилъ общее вниманіе къ этой задачѣ; онъ не только разработалъ его съ ясностью, оригинальностью и убѣдительной аргументаціей, но и далъ практическую схему для его разрѣшенія при существующихъ политическихъ условіяхъ,

при чемъ эта схема кажется Толстому наилучшей изъ предложенныхъ и вполнѣ осуществимой.

„Въ данномъ случаѣ,—замѣчаетъ г. Моодъ,—мы на первый взглядъ какъ бы наталкиваемся на странное противорѣчіе. Толстой является противникомъ употребленія насилія надъ людьми. Ни императоръ, ни правительство, выбранное большинствомъ, не имѣетъ права, по его мнѣнію, казнить кого-либо или заточить въ тюрьму. Толстой—мирный анархистъ. И въ то же время онъ въ восхищеніи отъ Генри Джорджа, система котораго предполагаетъ существованіе правительства, насильственно налагающаго рѣшенія большинства на меньшинство, которое можетъ съ недовольствомъ относиться къ подобнымъ рѣшеніямъ; болѣе того, онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы введеніе въ Россіи единаго поземельнаго налога (Sinple Tax).

„Но это противорѣчіе допускаетъ объясненіе. Предположимъ, что человѣкъ, живущій въ Квебенѣ, рѣшилъ отправиться возможно скорѣе на островъ Ванкувера и поселиться тамъ. Онъ встрѣчается съ другимъ человѣкомъ, знающимъ какъ можно наилучше и возможно скорѣе достигнуть Монтреаля. Первый человѣкъ присоединяется ко второму и, убѣдившись, что Монтреаль является ближайшимъ пунктомъ на пути къ острову Ванкувера, онъ выказываетъ живѣйшій интересъ къ приготовленіямъ сотоварища по путешествію, сердечно восхищаясь его искусствомъ въ упаковкѣ вещей и подготовленію къ путешествію, хотя все время онъ самъ стремится къ острову Ванкувера и лично придаетъ очень мало цѣны городамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

„— Разъ большинство людей все еще вѣритъ въ правительства и законодательство—пусть они, по крайней мѣрѣ, обзаведутся хорошими законами,—говоритъ Толстой.

„Однажды онъ спросилъ меня, когда я возвратился изъ кратковременной поѣздки въ Англію, объ успѣхахъ движенія въ пользу введенія единаго поземельнаго налога (Sinple Tax).

„Я отвѣтилъ, что это—незначительное движеніе, не имѣющее большого успѣха.

„— Чѣмъ же объяснить это? Вѣдь вопросъ этотъ громадной важности,—замѣтилъ онъ.

„Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, большинство англичанъ черезчуръ консервативно для воспріятія этой теоріи, а соціалисты и другія передовыя партіи опередили Генри Джорджа и смотрятъ на частное владѣніе собственностью, какъ на зло.

„— Какъ жаль,—замѣтилъ Толстой,—если консерваторы черезчуръ

консервативны, чтобы воспріять эту теорію, а передовыя партіи ушли дальше—кто же выполнитъ эту настоятельно необходимую работу.

„Говоря по тому же поводу, Толстой замѣтилъ, что нѣкоторые люди рождаются одаренные способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ *ограниченіями*, которыя позволяютъ имъ концентрировать ихъ силы на какомъ-либо одномъ предметѣ, требующемъ вниманія видѣть все, относящееся къ нему, не замѣчая въ то же время ничего иного, могущаго направить ихъ энергію въ иную сторону. Таковъ былъ Кобданъ въ борьбѣ за свободу торговли и Генри Джорджъ въ его стремленіи разъяснить земельный вопросъ. Богъ также нуждается въ подобныхъ работникахъ, какъ и въ людяхъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ.

„Помимо болѣе извѣстныхъ и важныхъ работъ Г. Джорджа, Толстой любитъ указывать на его тщательное изслѣдованіе перемѣны взглядовъ Спенсера по земельному вопросу, сдѣланное въ брошюрѣ Джорджа „Запутавшійся философъ“ (A Perplexad Philosopher). На вопросъ, изучалъ ли онъ внимательно многотомныя сочиненія Герберта Спенсера, Толстой отвѣтилъ:

„— Я принимался за эту работу много разъ, но это всегда производило на меня впечатлѣніе какъ будто я жую мякину.

„Основное различіе взглядовъ Спенсера и Толстого лежитъ въ томъ, на что я уже указывалъ и что часто окрашиваетъ мысли Толстого. Для Герберта Спенсера и его школы (хотя онъ и протестуетъ противъ наименованія его матеріалистомъ) *реальными* вещами являются внѣшніе феномены, наблюдаемые при посредствѣ нашихъ чувствъ. Онъ ссылается на нихъ для объясненія всего, даже для объясненія нашего субъективнаго сознанія нравственнаго закона. Для Толстого же это сознаніе представляетъ наиболѣе вѣрное и основное ощущеніе, какимъ мы обладаемъ. То обстоятельство, что мы различаемъ разницу между добромъ и зломъ, представляетъ отправной пунктъ всего мышленія и дѣятельности.

„Добро,—говоритъ Толстой,—въ дѣйствительности представляетъ основное метафизическое понятіе, которое составляетъ сущность нашего сознанія; понятіе это не можетъ быть опредѣлено разсудкомъ; оно не можетъ быть опредѣлено ничѣмъ и въ то же время само опредѣляетъ все; это наивысшая, вѣчная цѣль жизни. Каково бы ни было наше пониманіе добра, наша жизнь представляетъ лишь стремленіе по направленію къ добру, т. е. Богу. Добро это то, что мы называемъ Богомъ“.

„Но въ то же время Толстой охотно признаетъ сильныя стороны синтетической философіи. Наши чувства знакомятъ насъ съ внѣшними феноменами, и наши представленія о феноменахъ подчинены опредѣленнымъ законамъ, могущимъ быть изслѣдованными. И пока мы не забываемъ, что

мы занимаемся лишь изслѣдованіемъ отношенія нашихъ представленій къ феноменамъ, подобное изслѣдованіе законно, и матеріалистическая философія можетъ давать прекрасные, солидные результаты.

„Въ „Что такое искусство?“ Толстой суммируетъ физіологически-эволюціонное опредѣленіе искусства такимъ образомъ: „искусство есть возникшая еще въ животномъ царствѣ отъ половогQ чувства и отъ склонности къ парѣ дѣятельность (Шиллеръ, Дарвинъ, Спенсеръ [1]). Но, говоритъ онъ, это опредѣленіе далеко не точно, „ибо оно говоритъ не о самой дѣятельности, составляющей сущность искусства, а о происхожденіи искусства“ [2]). Подобнымъ же образомъ и въ другихъ вопросахъ, Толстой стремится касаться проблемъ, *поскольку и какъ онѣ затрагиваютъ насъ,* а эволюціонная философія все еще стремится, по словамъ Эдуарда Карпентера, „дать объясненіе феномена, долженствующее быть дѣйствительнымъ само по себѣ, не упоминая объ умственномъ состояніи лицъ, дающихъ это объясненіе“.

„Упомянувъ объ упрекахъ, дѣлаемыхъ Толстымъ физіологически-эволюціонной школѣ эстетики, называемой иногда англійской школой, я позволю себѣ упомянуть, что слышалъ отъ него и похвалы „характеристически практической и законченной работѣ“, выполненной англійскими писателями по эстетическимъ вопросамъ.

„По его мнѣнію, Гомъ (лордъ Кэймсъ) въ XVIII столѣтіи въ его опредѣленіи красоты далъ цѣлыя указанія; Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Грантъ Олленъ и Джемсъ Сюлли, если и были односторонними, все же избѣжали метафизическаго тумана германской школы и дали много цѣннаго въ смыслѣ опредѣленности.

„Замѣчаніе Дарвина, что происхожденіе музыки можно наблюдать въ перекличкѣ птицъ, зовущихъ другъ друга, кажется Толстому особенно удачнымъ.

IV.

Переходя къ мнѣніямъ Л. Н. Толстого о различныхъ философскихъ системахъ, г. Моодъ говоритъ:

„Среди китайскихъ философовъ Толстой отдаетъ предпочтеніе Лао-Тзе и онъ однажды самъ началъ переводъ его „Tao-Tihking“, пользуясь существующими европейскими версіями этогQ произведенія.

„Изъ произведеній Джона Стюарта Милля Толстому больше всего нравится его „Автобіографія“.

[1]) Л. Толстой. „Что такое искусство?“. Москва. 1898, стр. 44.
[2]) Ibid.

— „Поразительно,—замѣтилъ Толстой,—что человѣкъ этотъ, обладая такимъ громаднымъ житейскимъ опытомъ, ставя жизненный вопросъ такъ ясно и хорошо, въ то же время не нашелъ на него отвѣта. Милль спрашивалъ самого себя: сдѣлало ли бы его счастливымъ осуществленіе всѣхъ тѣхъ проэктовъ на пользу человѣчества, которыми онъ былъ занятъ? и откровенно отвѣтилъ, что это не дало бы ему счастья. Такимъ образомъ, онъ очутился предъ вопросомъ: какова же действительная цѣль моего существованія?

„Толстой отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ:

„—Цѣль моей жизни—пониманіе и, насколько возможно, исполненіе воли той Силы, которая послала меня на землю и которая одушевляетъ мой разумъ и мое сознаніе.

„Но Милль не нашелъ отвѣта и жилъ, чувствуя, что радость жизни потеряна для него.

„Толстой проэктировалъ не мало работъ, на выполненіе которыхъ у него не хватило времени. Ему бы очень хотѣлось написать краткую работу по философіи и онъ думаетъ, что эту работу можно было бы выполнить такимъ образомъ, чтобы сдѣлать изложенные въ ней философскіе взгляды доступными для пониманія не глупаго извозчика.

„По мнѣнію Толстого, работы Канта въ философіи необходимы для насъ, живущихъ послѣ него. Намъ некуда уйти отъ основной разницы между субъективными и объективными ощущеніями. Но стиль Канта—ужасенъ, и Кантъ не выполнилъ всей необходимой работы. Продолжателемъ Канта явился русскій философъ А. Спиръ (A. Spir), пишущій по-французски и по-нѣмецки. Толстой рекомендуетъ небольшую книгу (меньше 200 стр.) „Esquises de Philosophie Critique“, въ которой сжато изложены умозаключенія Спира. Работа эта не вполнѣ удовлетворяетъ Толстого, но онъ согласенъ въ основѣ съ ея выводами.

„Тому теченію мысли, представителемъ котораго является Ницше, Толстой приписываетъ большое и злополучное значеніе. Во время Ренессанса въ Европѣ возникло теченіе животнаго характера (animaligus), но это возстаніе низшей стороны человѣка разбилось, благодаря хранившемуся еще тогда въ церкви серьезному христіанству. Подобная же тенденція возродилась теперь, найдя себѣ выраженіе въ философіи Ницше и въ декадентскомъ искусствѣ, но оно на этотъ разъ не встрѣчаетъ серьезнаго сопротивленія—Церковь черезчуръ прогнила для такого сопротивленія.

„Чувствую, что единственной силой, способной сопротивляться атакамъ матеріализма и анимализма, является „внутренній свѣтъ“, проявляющій себя въ разумѣ и совѣсти человѣка, Толстой всегда радостный встрѣчаетъ всякія доказательства, указывающія на слабость положенія, зани-

наемаго церковниками, которое они все еще пытаются отстоять и на недостовѣрность фактовъ, на которые имъ приходится опираться. Нижеслѣдующій эпизодъ можетъ иллюстрировать этотъ взглядъ Толстого. Онъ какъ-то читалъ книгу одного нѣмецкаго профессора, пытавшагося доказать, что Христосъ никогда не существовалъ, какъ историческая личность. Это восхитило Толстого.

„—Они атакуютъ послѣднія позиціи,—сказалъ онъ,—и если имъ удастся доказать, что Христа никогда не было, тѣмъ болѣе будетъ очевидно, что крѣпость религіи неприступна. Отбросьте церковь, предайте библію и даже самого Христа и все же въ концѣ концовъ останется фактъ познанія человѣкомъ добра, т. е. Бога, непосредственно при помощи разума и сознанія; фактъ этотъ будетъ столь же ясенъ и несомнѣненъ, какъ и прежде, и будетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ неопровержимой истиной,—истиной, съ которой никогда не можетъ разстаться человѣчество.

Нельзя не привести замѣчательныя слова Толстого, сказанное имъ г. Мооду.

„—Я раздѣляю людей на два класса: они или свободомыслящіе (Frecthinkers) или же не свободомыслящіе. Я, конечно, не говорю о „свободомыслящихъ“, составляющихъ политическую партію въ Германіи и не имѣю въ виду англійскихъ агностиковъ, но употребляю этотъ терминъ въ его простѣйшемъ значеніи. Свободомыслящими являются тѣ, кто готовы пользоваться своимъ разумомъ безъ предразсудковъ и не боясь придти къ такому пониманію вещей, которое противорѣчило бы ихъ постояннымъ привычкамъ, привиллегіямъ и вѣрованіямъ. Такое состояніе ума далеко не обычно, но оно существенно необходимо для правильнаго мышленія; при его отсутствіи обсужденіе любого вопроса безполезно. Человѣкъ можетъ быть католикомъ, французомъ, капиталистомъ и въ то же время быть свободомыслящимъ, но, если онъ ставитъ свой католицизмъ, свой патріотизмъ или свою выгоду выше выводовъ разума и не дозволяетъ ему свободно обсуждать вопросы, онъ не свободомыслящій,—его умъ въ узахъ.

„По другому поводу, когда мы говорили о религіи, Толстой сдѣлалъ слѣдующее, поразившее меня замѣчаніе:

„—Имѣются два Бога...

„Вслѣдъ затѣмъ онъ пояснилъ свою мысль:

„—Богъ, въ котораго обыкновенно люди вѣрятъ, Богъ, *который имѣетъ цѣлью служить имъ* (иногда очень утонченнымъ образомъ, давая имъ душевное спокойствіе). Этотъ Богъ не существуетъ. Но Богъ, о которомъ люди забываютъ, Богъ, *которому мы всѣ должны служить*,—существуетъ и является первопричиной нашего существованія и всѣхъ нашихъ воспріятій“.

V.

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ о Л. Н. Толстомъ является другой очеркъ г. Моода, напечатанный въ одномъ англійскомъ журналѣ [1]) уже послѣ выхода вышеупомянутой книги г. Моода о Толстомъ. Очеркъ этотъ носитъ аналогичное съ первымъ заглавіе „Разговоръ съ миссъ Джейнъ Эддамсъ и Львомъ Толстымъ" (A. Tolk with miss Gane Addams and Leo Tolstoy) и очень интересенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ на реальномъ примѣрѣ степень вліянія идей Л. Н. Толстого въ Соединенныхъ Штатахъ.

„Въ одинъ прекрасный день въ іюлѣ 1896 г. въ Москвѣ,—говоритъ г. Моодъ,—я получилъ записку отъ миссъ Эддамсъ, при которой было приложено рекомендательное письмо отъ одного изъ моихъ друзей въ Англіи, съ выраженіемъ надежды, что мнѣ удастся познакомить миссъ Эддамсъ съ Толстымъ.

„Гостиница, въ которой остановилась миссъ Эддамсъ, была неподалеку отъ нашей торговой конторы и, отправившись позднѣе туда, я нашелъ двухъ очень милыхъ американокъ: старшая изъ нихъ была миссъ Эддамсъ, недавно перенесшая очень серьезную и опасную операцію, а младшая была ея племянница миссъ Мэри Смитъ, увезшая свою тетку для отдыха въ Европу.

„Въ то время я ничего не зналъ о чикагскомъ соціальномъ поселеніи (Settlement), носившемъ названіе „Hulle House", ни о личности, стоявшей въ главѣ учрежденія. Впослѣдствіи я ознакомился съ работой миссъ Эддамсъ. Она происходила изъ старинной демократической американской семьи, богобоязненной и искренней. Будучи еще совсѣмъ молодой, она долго хворала и одно время предполагали, что она никогда не будетъ способна къ какой-либо активной дѣятельности, но, укрѣпившись здоровьемъ, она и ея ближній другъ, миссъ Старъ, рѣшили вмѣсто того, чтобы употребить свои скромныя средства на улучшеніе собственной жизни, поселиться въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Чикаго и попытаться вступить въ дружескія отношенія съ населяющими кварталъ бѣдняками, съ цѣлью оказать имъ возможную помощь. Миссъ Эддамсъ и ея другъ не задавались при этомъ никакой формальной программой, которая могла бы ограничить кругъ ихъ дѣятельности или же оказаться сверхъ силъ. Онѣ вѣрили въ братство людей и были по духу демократками. Какъ оказалось впослѣдствіи, миссъ Эддамсъ была надѣлена крупными организаторскими способностями, умѣньемъ опредѣлить характеръ и находить под-

---

[1]) The Human Revisu, octobor 1902, стр. 201—218.

ходящую работу для людей, желавшихъ помочь ей въ ея дѣлѣ. Помимо этого, она была одарена тѣмъ духомъ смиренія, который такъ цѣненъ и такъ рѣдко встрѣчается среди людей, очень искренно преданныхъ дѣлу. Это смиреніе позволяло ей охотно пользоваться уроками опыта, исправлять собственныя ошибки и распознавать хорошія стороны дѣятельности тѣхъ, которые работали въ другихъ направленіяхъ.

„Въ теченіе немногихъ лѣтъ вокругъ миссъ Эддамсъ и ея друга сгруппировался большой соціальный „поселокъ“, со многими отдѣленіями и развѣтвленіями. Въ ихъ распоряженіе былъ предоставленъ безплатно большой домъ, съ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ носилъ названіе „Hull House“, по имени построившаго домъ человѣка. Онѣ по возможности избѣгали въ своей дѣятельности какихъ-либо „правилъ“... Дѣло разросталось: посѣщали больныхъ и ухаживали за ними, устраивали вечерніе классы, мыли грязныхъ дѣтей, читали лекціи, устроили дешевую пекарню, ресторанъ и квартиры для бѣдняковъ, обучали мастерствамъ, основали переплетную, бюро для собиранія свѣдѣній и т. д., словомъ, вокругъ „Hull Hous-'a“ собралась группа искреннихъ людей, желавшихъ приносить посильную пользу.

„Миссъ Мэри Смитъ жила съ родными, но внимательно слѣдила за состояніемъ здоровья своей тетки и принимала живѣйшее участіе въ ея филантропической дѣятельности; обладая крупными средствами, она помогала различнымъ „опытамъ“, производившимся въ „Hull Hous-'ѣ“, какъ, напр., устройство дешевой пекарни и т. п.

„Считаю не лишнимъ упомянуть, что ни одно изъ предпріятій „Hull Hous-'a“ никогда не нуждалось въ средствахъ, хотя миссъ Эддамсъ не считала удобнымъ или разумнымъ обращеніе къ широкой публикѣ за помощью. Для добычи средствъ ей нужно бывало лишь переговорить съ нѣкоторыми изъ ея богатыхъ друзей среди чикагскихъ финансовыхъ и промышленныхъ дѣятелей, знакомыхъ съ дѣятельностью „Hulle Hous-'a“. Въ общемъ, этотъ „поселокъ“ представляетъ одно изъ самыхъ демократическихъ и радикальныхъ по духу учрежденій.

„Но объ этой дѣятельности въ Чикаго я имѣлъ лишь смутное представленіе при первомъ моемъ знакомствѣ съ американскими путешественницами лѣтомъ въ Москвѣ. Онѣ пріѣхали въ Россію, главнымъ образомъ, въ надеждѣ повидать Толстого, книги котораго (въ особенности замѣчательное изученіе соціальныхъ дѣлъ въ „Такъ что же намъ дѣлать?“) произвели очень сильное впечатлѣніе на миссъ Эддамсъ.

„Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ онѣ могли пробыть въ Москвѣ лишь нѣсколько дней. Но Толстой въ это время былъ въ Ясной Полянѣ и вслѣдствіе медленности русской почты нельзя было снестись съ нимъ

я получить отвѣтъ письмомъ. Случилось кстати такъ, что я (знакомство котораго съ Толстымъ въ то время ограничивалось посѣщеніями его въ Москвѣ во время предшествовавшей зимы) какъ разъ около этого времени получилъ впервые приглашеніе отъ Толстого — провести пару дней въ Ясной Полянѣ и не поѣхалъ туда немедленно лишь вслѣдствіе болѣзни дѣтей, не позволявшей женѣ оставить домъ.

„При подобныхъ обстоятельствахъ самое естественное, казалось бы, послать телеграмму Толстому, спросивъ его, могу ли я захватить съ собой моихъ новыхъ друзей. Но въ то время я имѣлъ спеціальное отвращеніе къ телеграммамъ. Я зналъ, что телеграфная контора находится въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Ясной Поляны, и не былъ увѣренъ въ томъ, что телеграмма не надѣлаетъ хлопотъ. Болѣе того, я незадолго передъ тѣмъ читалъ уничтожительныя тирады Толстого по поводу того, что телеграфъ, подобно прочимъ „тріумфамъ цивилизаціи“, употребляется лишь для удобства богатыхъ, оставаясь безполезнымъ или даже становясь вреднымъ для бѣдняковъ. Въ виду всего этого мнѣ казалось, что телеграфировать Толстому или вызывать его на отвѣтную телеграмму лишь по поводу моего посѣщенія,—было бы гнусностью. То обстоятельство, что я „проглатывалъ верблюда“, путешествуя по желѣзной дорогѣ и „отцѣживалъ комара“, не рѣшаясь послать телеграмму, иллюстрируетъ ту утрату равновѣсія, которое часто бываетъ результатомъ внезапнаго воздѣйствія могущественнаго нравственнаго увѣщанія на интеллектъ, не ознакомленный до тѣхъ поръ съ предметомъ, вызвавшимъ увѣщаніе. Въ концѣ концовъ я рѣшился довѣриться счастливой звѣздѣ и взять съ собой американокъ въ Ясную Поляну безъ предувѣдомленія.

„Въ день, назначенный для посѣщенія, я далъ себѣ праздникъ,—событіе рѣдкое для меня въ тѣ дни, ибо моя коммерческая совѣсть была столь же чувствительна, какъ недоразвита соціальная совѣсть, и мы отправились съ Курской станціи въ медленномъ поѣздѣ, благодаря чему у насъ было достаточно времени для дальнѣйшаго обсужденія сравнительныхъ достоинствъ экономики, какъ она понимается Толстымъ и какъ практикуется въ Hull Hous-'ѣ. Главная разница между нами была та (хотя я въ то время и не сознавалъ этого отчетливо), что миссъ Эддамсъ въ теченіе многихъ лѣтъ подвергала свои теоріи и надежды огню практическаго испытанія, пытаясь найти, въ какой степени она и ея помощники могутъ упорядочить положеніе дѣла вокругъ нихъ, я же, теоризируя и не осаживаемый тяжелымъ балластомъ опыта, настаивалъ на болѣе радикальной программѣ.

„Я въ то время еще не сознавалъ, какъ многому она меня научила, но кое-что въ образѣ мыслей и способѣ выраженія моего новаго друга произвело

на меня большое впечатлѣніе и впечатлѣніе это съ годами лишь усиливалось.

„Прежде всего въ ней наблюдалось очевидное доброжелательство и готовность понимать точку зрѣнія собесѣдника и симпатизировать ей. Помимо этого, была необычайная ясность и откровенность относительно занимаемаго ею и ея друзьями по работѣ положенія, ихъ работы, надеждъ и интересовъ, а равнымъ образомъ откровенная оцѣнка работы или характера людей, съ которыми мы встрѣчались. Вмѣстѣ съ тѣмъ новые друзья твердо „стояли, на собственныхъ ногахъ“, что создавало пріятное чувство равенства, котораго никогда не чувствуешь съ людьми, не обладающими или не желающими выслушивать спокойно нѣчто новое для нихъ и несогласное съ ихъ обычными взглядами, будетъ ли рѣчь о принципахъ или о людяхъ.

„Ближайшей станціей къ Ясной Полянѣ является Козловская Засѣка, но такъ какъ тамъ нельзя достать лошадей и такъ какъ миссъ Эддамсъ по слабости здоровья не могла много ходить, мы отправились на слѣдующую станцію, Ясенки.

„Въ Ясенкахъ мы наняли экипажъ въ Ясную Поляну, но узнали, что ямщикъ долженъ сначала доложить жандарму, обязанностью котораго было записываніе именъ всѣхъ посѣтителей, направлявшихся къ Толстому. Жандармъ, какъ и вообще большинство чиновниковъ, исполнялъ свои обязанности спустя рукава, кромѣ того его, очевидно, смущали иностранныя имена, и когда онъ, наконецъ, записалъ требуемыя свѣдѣнія, запись эта носила библейско-археологическій оттѣнокъ, а именно, что „Адамъ“ отправился навѣстить Толстого, что звучало несомнѣннымъ анахронизмомъ.

„Послѣ этого маленькаго эпизода мы пустились въ путь, и поѣздка хотя была довольно тряской, но пріятной; мы еще не успѣли закончить спора по интересовавшимъ насъ вопросамъ, какъ уже достигли имѣнія Толстого, проѣхали по нѣсколько запущенной аллеѣ, ведущей къ дому и, по прибытіи, увидали, что графиня и другіе члены семьи расположились подъ сѣнью дерева за чаемъ. Къ нашему огорченію, мы узнали, что Толстого нѣтъ дома—онъ уѣхалъ въ Тулу. Оставивъ миссъ Эддамсъ и миссъ Смитъ въ экипажѣ у дверей дома, я отправился пояснить положеніе дѣлъ графинѣ Толстой. На наше несчастье, семья Толстого какъ разъ страдала отъ изобилія посѣтителей, особенно иностранцевъ. Отъ одного изъ нихъ графиня просто не знала, какъ избавиться и она совершенно откровенно, несмотря на обычное гостепріимство и сердечность, заявила, что графа нѣтъ дома, что домъ переполненъ и что ей некуда больше дѣвать гостей, они не должны являться безъ предувѣдомленія!.. Для меня она дѣлала исключеніе, говоря, что она знаетъ, что Левъ Николаевичъ ожидалъ моего

пріѣзда. Пришлось пережить непріятный моментъ, но когда я объяснилъ, что это была моя вина, и что я страшно сожалѣю о случившемся и указалъ, что американки останутся лишь до отхода слѣдующаго поѣзда въ Москву, графиня нѣсколько смягчилась и послала меня пригласить ихъ къ чаю. Въ самомъ непродолжительномъ времени мои друзья завоевали ея расположеніе, и она и ея дочери пустились въ разговоры съ пріѣзжими, какъ будто онѣ были знакомы съ ними цѣлые годы.

„Оказалось, что Толстой отправился въ Тулу съ цѣлью встрѣтить тамъ американскаго путешественника, который нѣкоторое время гостилъ у Толстого и взялся доставить письма Толстого къ князю Хилкову, который жилъ тогда въ ссылкѣ въ глухомъ городишкѣ одной изъ прибалтійскихъ губерній, въ которомъ вся получаемая имъ корреспонденція подвергалась цензурѣ.

„Немного погодя возвратился и Толстой. Онъ сердечно поздоровался съ нами и съ добрымъ смѣхомъ разсказалъ о своихъ послѣобѣденныхъ приключеніяхъ. Молодой путешественникъ-американецъ, который, по замѣчанію одного изъ присутствовавшихъ, велъ себя у Толстыхъ, „какъ дома“ (насмѣхаясь, между прочимъ, надъ вегетеріанствомъ Толстого), извѣстилъ Льва Николаевича, что онъ будетъ на Тульской станціи съ такимъ-то поѣздомъ и просилъ Толстого встрѣтить его. Толстой отправился, надѣясь получить отвѣтное письмо отъ Хилкова, но вмѣсто того онъ лишь получилъ назадъ свои письма къ Хилкову, при томъ распечатанныя и прочтенныя властями! Американецъ счелъ нужнымъ представить ихъ американскому послу (или консулу,—не помню)—съ цѣлью узнать, имѣетъ ли онъ право доставить ихъ по адресу. Посолъ съ соотвѣтственнымъ запросомъ передалъ письма русскимъ властямъ, которыя, конечно, отдали письма и, по прочтеніи, отказали въ разрѣшеніи доставить ихъ адресату. Молодой американецъ, которому Толстой довѣрилъ доставку писемъ Хилкову, ѣдучи на югъ, воспользовался случаемъ возвратить письма Толстому и для этой цѣли вызвалъ его въ Тулу.

„Этотъ эпизодъ былъ хорошей пробой для испытанія хладнокровія Толстого, но онъ, казалось, нисколько не былъ возмущенъ, хотя благодаря случившемуся его сношенія съ Хилковымъ дѣлались еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде.

Я забылъ, ѣздилъ ли онъ тотъ день верхомъ или на велосипедѣ, но во всякомъ случаѣ, хотя ему въ то время было около 65 лѣтъ, ни его утреннія занятія литературой, ни послѣобѣденная 25-мильная поѣздка не утомили его, и онъ предложилъ отправиться купаться.

Всѣ мы направились къ маленькой рѣкѣ, находящейся неподалеку отъ дома. Теперь, во время прогулки, Толстой пожелалъ ознакомиться по-

ближе съ своими гостями: откуда онѣ пріѣхали, чѣмъ занимаются, и каковы ихъ взгляды.

„Когда миссъ Эддамсъ разсказала ему о Hull Hous'ѣ и о страшной бѣдности людей живущихъ въ этомъ кварталѣ Чикаго, Толстой легко прикоснулся къ широкому, раздувающемуся, шелковому пуфу ея платья (обѣ американки были очень хорошо одѣты) и спросилъ ее:

„—А зачѣмъ это?

„Миссъ Эддамсъ улыбнулась и сказала, что люди, среди которыхъ онѣ работаютъ, любятъ видѣть ихъ одѣтыми хорошо.

„Толстой замѣтилъ:

„—Вамъ самимъ должно было бы быть непріятно одѣваться отлично отъ нихъ.

„Миссъ Эддамсъ со смѣхомъ отвѣтила, что къ нимъ стекаются эмигранты многихъ національностей—ирландцы, итальянцы, греки, армяне — и что ей мудрено было бы одѣваться, какъ они!

„Толстой сказалъ по этому поводу:

„—Тѣмъ болѣе вы должны одѣваться въ какой-либо простой и дешевый костюмъ, который могли бы носить и они, а не выдѣлять себя костюмомъ изъ среды тѣхъ, кому вы хотите служить!

„Между иными людьми подобнаго рода разговоръ могъ бы принять непріязненный оттѣнокъ, но въ данномъ случаѣ не замѣчалось съ обоихъ сторонъ ни малѣйшаго намѣренія обидѣть или обѣдиться. Миссъ Эддамсъ не упомянула, что въ ея методу входитъ стремленіе не оскорбить предразсудковъ тѣхъ, которыхъ родственники работаютъ въ „поселкѣ", и что для нея легче, будучи хорошо одѣтой, отправляться къ зажиточнымъ людямъ, которыхъ она хочетъ заинтересовать дѣломъ „поселка", чѣмъ если бы она, избравъ какой-либо спеціальный костюмъ, отрѣзала себя отъ общенія съ собственнымъ классомъ, подчеркнувъ, что она не похожа на нихъ. Впрочемъ, если бы она даже и сказала объ этомъ, положеніе не измѣнилось бы, такъ какъ Толстого сила и слабость заключались въ томъ, что, дойдя до корня какого-либо вопроса и выяснивъ его въ простѣйшей и наиболѣе суровой формѣ, онъ не будетъ затемнять вытекающихъ изъ рѣшенія послѣдствій колебаніями и уступками. Для цѣлей изолированнаго пророка, глядящаго въ будущее, такая суровая послѣдовательность чрезвычайно полезна, но она заключаетъ въ себѣ тенденцію относиться съ осужденіемъ къ дѣйствіямъ тѣхъ, кто стремится не исключительно въ цѣляхъ послѣдовательности или личнаго подвига принести пользу людямъ, страдающимъ отъ избытка или недостатка матеріальныхъ благъ жизни.

„Услыхавъ, что гости направляются въ Байрейтъ для присутствія на представленіи Вагнеровскаго опернаго цикла (которымъ въ сущности онѣ

мало интересовались), Толстой не сказалъ ничего, но это обстоятельство едва ли содѣйствовало ему оцѣнить надлежащимъ образомъ скрытое отсутствіе эгоизма въ натурахъ его гостей. Знаменитая глава о Вагнерѣ въ „Что такое искусство?“ тогда еще не была написана, но когда года два спустя мнѣ пришлось переводить ее и я дошелъ до мѣста, гдѣ говорится:

„Въ Байрейтъ, гдѣ начались эти представленія, съѣзжались со всѣхъ концовъ свѣта, расходуя около тысячи рублей на человѣка для того, чтобы видѣть эти представленія, люди, считающіе себя утонченно-образованными и четыре дня сряду высиживая каждый день по шести часовъ, ходили смотрѣть и слушать эту безсмыслицу и фальшь“, — эти слова напомнили мнѣ нашу поѣздку въ Ясную Поляну и неохоту Толстого оцѣнить дѣятельность чикагскаго соціальнаго „поселка“.

„Когда, идя по лѣсной дорожкѣ и переѣзжавъ луговину, мы приблизились къ рѣкѣ, дамы направились въ одну сторону, а меня и другихъ мужчинъ Толстой повелъ къ деревяной купальнѣ, построенной на берегу рѣки. Толстой плаваетъ хорошо, какъ, впрочемъ, онъ выполняетъ и всѣ физическія упражненія, начиная ѣздой верхомъ и кончая лаунъ-теннисомъ на площадкѣ съ неукатанной травой, лежащей вблизи дома.

„Тогда же онъ разсказалъ мнѣ исторію его собственныхъ усилій поступать правильно въ денежныхъ дѣлахъ. Въ то время, когда онъ усиленно изучалъ экономику и писалъ по этому поводу, а также старался быть особенно строгимъ въ отношеніи къ собственнымъ расходамъ, пытался всячески освободиться отъ роскоши и дорогихъ привычекъ, ему пришлось поѣхать въ гости къ своему другу, князю N., жившему невдалекѣ по желѣзной дорогѣ. Пріѣхавъ къ нему, Толстой узналъ, что князя нѣтъ дома, но онъ встрѣтилъ малознакомаго ему уѣзднаго исправника, который оказался чрезвычайно услужливымъ и настоялъ на томъ, чтобы онъ проводитъ „его сіятельство“ обратно на станцію. Онъ каждую минуту повторялъ о своей готовности сдѣлать все возможное для „его сіятельства“ и отъ него нельзя было никоимъ образомъ отдѣлаться. На станціи исправникъ не хотѣлъ и слышать, чтобы „его сіятельство“ утруждалъ себя и самъ бы взялъ себѣ билетъ—онъ, исправникъ, будетъ счастливъ, если „его сіятельство“ позволитъ ему сдѣлать это.

„—Въ какомъ классѣ Ваше Сіятельство изволите ѣхать?—спросилъ исправникъ такимъ тономъ, какъ будто подразумѣвалъ, что для „его сіятельства“ самое меньшее—надо заказать спеціальный поѣздъ.

„Добрыя намѣренія Толстого не выдержали этого испытанія. Онъ чувствовалъ, что если отвѣтитъ—въ третьемъ классѣ, онъ причинитъ черезчуръ сильное потрясеніе услужливому полицейскому и пошелъ на компромиссъ, отвѣтивъ со вздохомъ:

„—Во второмъ классѣ.

„По возвращеніи, мы нашли ужинъ, накрытый на свѣжемъ воздухѣ, и довольно большое общество,—помимо семьи Толстого были еще и гости. Миссъ Эддамсъ заняла мѣсто рядомъ съ Львомъ Николаевичемъ, и я не знаю, о чемъ они бесѣдовали; миссъ Смитъ графиня Толстая усадила возлѣ себя и она должна была подвергнуться экзамену—почему она до сихъ поръ не вышла замужъ? Графиня не одобрила новаго обычая оставаться долго не замужней, при чемъ какъ примѣръ такого запозданія указала на своихъ дочерей, Татьяну и Марью Львовну (которыя обѣ потомъ вышли замужъ). Миссъ Смитъ приводила въ свою защиту то обстоятельство, что ей до сихъ поръ никто не сдѣлалъ предложенія, но графиня не вѣрила этому.

„Графиня, которая настояла на томъ, чтобы мы отослали нашего ямщика, такъ какъ ей все равно придется посылать лошадей на станцію, чтобы захватить почту, приходящую съ одиннадцатичасовымъ ночнымъ поѣздомъ, теперь уговаривала американокъ оставаться до слѣдующаго дня. Убѣдившись, что онѣ не могутъ выполнить ея желанія, она стала просить ихъ какъ-нибудь увлечь съ собой одного изъ гостей, отъ котораго она хотѣла избавиться, устроить такъ, чтобы онъ сопровождалъ американокъ на станцію. Но эта попытка не удалась, и гость уѣхалъ лишь на слѣдующій день. Рѣшено было, что я провожу американокъ и усажу ихъ въ московскій поѣздъ, а самъ вернусь въ Ясную Поляну погостить еще пару дней. Графиня простила мнѣ мою ошибку и на слѣдующій день сказала, что она была очень довольна, что я привезъ съ собой „этихъ милыхъ американокъ“ и лишь сожалѣла, что онѣ не остались дольше.

„Люди, симпатизирующіе взглядамъ Толстого, часто не отдаютъ должнаго многимъ превосходнымъ качествамъ характера графини Толстой, такъ какъ, являясь въ домѣ Толстыхъ въ качествѣ почитателя демократическаго графа, посѣтитель склоненъ относиться съ нѣкоторымъ предразсудкомъ къ болѣе аристократической графинѣ, не раздѣляющей взглядовъ мужа и, съ своей стороны, ожидающей, что люди, являющіеся къ ней въ домъ, отнесутся къ ней съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ хозяйкѣ. Перемѣна взглядовъ Толстого, когда ему уже исполнилось 50 лѣтъ, несомнѣнно поставила графиню въ очень затруднительное положеніе. Она считала себя обязанной заняться управленіемъ имущества и изданіемъ сочиненій мужа, при чемъ, помимо хлопотъ, неизмѣнно связанныхъ съ большой семьей, ей пришлось постоянно имѣть дѣло съ цѣлымъ потокомъ гостей, нѣкоторые изъ которыхъ были ей не по душѣ, нѣкоторые же не имѣли дѣйствительныхъ симпатій со взглядами ея мужа или какого-либо иного оправданія своей неделикатной навязчивости. Ея энергія, талантливость и прямодушная откровенность дѣлали ея положеніе менѣе затрудни-

тельнымъ, чѣмъ оно было бы для другой женщины, но всякій долженъ понимать, что если она очень рѣзко отзывается о взглядахъ своего мужа, это происходитъ отъ сознанія тѣхъ непріятностей и хлопотъ, которыя они навлекаютъ на нее, и что подобные отзывы не представляютъ съ ея стороны безпристрастной оцѣнки этихъ взглядовъ.

„Жизнь Толстого носитъ настолько открытый характеръ и вызываетъ такой большой и общій интересъ, что это обстоятельство — расхожденіе графини Толстой во взглядахъ съ ея мужемъ—давно сдѣлалось извѣстнымъ.

„Говоря однажды съ ней, я упомянулъ о мягкости ея мужа и внимательномъ отношеніи къ чувствамъ другихъ, которое онъ умѣетъ соединить съ откровенностью. Графиня замѣтила по этому поводу:

„—Да, это вы теперь видите его такимъ, но десять или двадцать лѣтъ тому назадъ было нѣчто иное.

„И, дѣйствительно, внимательное изученіе произведеній Толстого, начиная съ „Моей исповѣди“ (1879), показываетъ въ немъ постепенное смягченіе и тенденцію обращать все меньше вниманія на внѣшнія правила и все болѣе на работу духа.

„Сравните, напр., грубый коммунизмъ „Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ“ (1888)—въ этомъ произведеніи люди переходятъ отъ дурной жизни къ хорошей простымъ процессомъ присоединенія къ земледѣльческой христіанской колоніи,—съ той осторожной традиціей процесса совершенствованія, который анализировалъ въ „Христіанскомъ ученіи“, появивившемся десятью годами позднѣе. Но дабы не увлечься далеко этимъ сравненіемъ, необходимо помнить, что „Ходите въ свѣтъ“ представляетъ лишь незаконченный очеркъ, который самъ Толстой не хотѣлъ публиковать, недовольный слабостью художественной обработки, и не придавалъ ему большой цѣны. Популярность этого произведенія объясняется его недостаткомъ; замѣной *сложности* человѣческой жизни *простымъ контрастомъ* между истиннымъ и ложнымъ—таковъ этотъ недостатокъ. Это своего рода tendenz-Schrift, какого мы не найдемъ больше среди произведеній Толстого. Онъ принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и произведеніе Чарльза Кингелея „Wertward Ho!“ [1]), въ которомъ добродѣтельные герои, протестанты-англичане, изображены дѣтьми Бога, а скверные — католики-испанцы—дѣтьми діавола, съ такимъ рѣзкимъ контрастомъ, какой не встрѣчается въ дѣйствительной жизни...

---

[1]) „Tolstoy and His Problems“, ly Aylmev Mood, стр 128—148.

VI.

Не лишена интереса для русскихъ читателей и та глава книги г. Моода, въ которой онъ говоритъ о послѣднемъ романѣ Льва Николаевича—„Какъ Толстой написалъ „Воскресеніе“ (How Tolstoy wrote „Resurrection“) и въ которой приведены свѣдѣнія о судьбѣ романа въ Европѣ и Америкѣ.

„Начиная съ 1895 г. Толстой строго осуждалъ въ иностранной печати правительственныя преслѣдованія духоборовъ, дѣлая общеизвѣственными факты, которые русское правительство всячески старалось скрыть и упоминаніе о которыхъ было воспрещено въ русской печати. И теперь Толстой, отрицавшій силу денегъ, не безъ колебанія рѣшился напечатать „Воскресеніе“ съ цѣлью употребить полученныя отъ издателя деньги на помощь духоборамъ.

„Произведеніе было продано Марксу, издателю петербургской иллюстрированной еженедѣльной газеты, при чемъ согласно условію издатель платилъ деньги впередъ. Но здѣсь автору пришлось столкнуться съ новыми препятствіями. Онъ въ теченіе двадцати лѣтъ отказывался работать за плату и заявилъ, что онъ отказывается впредь отъ авторскихъ правъ— все, что онъ печатаетъ, можетъ быть свободно перепечатываемо всякимъ. Кромѣ того, онъ всегда избѣгалъ срочной работы, т. е. доставленія извѣстной части вполнѣ исправленнаго манускрипта къ опредѣленной датѣ. И вотъ теперь все, что ему было противно, обрушилось на него. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что Марксъ, платя деньги, какъ всякій издатель, желалъ точно опредѣлить свои права. Онъ давалъ 30.000 руб., если единственно ему будутъ предоставлены хотя бы въ теченіе только нѣсколькихъ недѣль по окончаніи печатанія въ „Нивѣ“ права продажи романа, и лишь 12.000 руб. за право печатанія въ „Нивѣ“. Толстой, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился взять меньшую сумму. Но тутъ опять начались непріятности. Другіе издатели стали перепечатывать романъ по мѣрѣ его появленія въ „Нивѣ“. Марксъ протестовалъ, говоря, что онъ надѣялся, что будетъ огражденъ отъ перепечатокъ до окончанія романа. Толстому пришлось напечатать открытое письмо, въ которомъ онъ обращался къ добрымъ чувствамъ издателей, прося ихъ впредь до окончанія романа воздержаться отъ перепечатокъ. Эта сторона уладилась, но выплыли новыя осложненія.

„Прежде всего, конечно, начались придирки со стороны петербургской цензуры. Все, что „подкапывало авторитетъ церкви и государства“ и вообще все казавшееся опаснымъ цензору, исключалось. Понятно, что

III часть, въ которой описывается обращенiе съ арестантами на пути въ Сибирь и въ самой Сибири, пострадала наиболѣе. Но вообще, на протяженiи всей книги цѣлыя главы, страницы и отдѣльныя фразы попали подъ красный карандашъ цензора.

„Въ первой части изъ главъ XXXIX и XL остались лишь слова: „Церковная служба началась“; равнымъ образомъ вся глава XIII, описывающая влiянiе военной службы, исчезла. Во 2-й части главы XXVII, въ которой описывается посѣщенiе Торопова, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, также была вычеркнута. Можно сказать, что если бы подобная книга принадлежала бы другому автору, а не Толстому, такое жизненно вѣрное изображенiе архигонителя Побѣдоносцева вызвало бы запрещенiе всей книги и арестъ автора. Среди другихъ главъ особенно пострадали во 2-й части гл. XIX, описывающая коменданта Петропавловской крѣпости, гл. XXX, описывающая классификацiю преступниковъ, и гл. XXXVIII, описывающая отбытiе арестантскаго поѣзда изъ Москвы.

„Но въ общемъ русскiе читатели удивлялись, что книга и въ такомъ видѣ прошла сквозь цензуру. Но, хотя ничего иного и нельзя было ожидать, авторъ, конечно, не могъ равнодушно относиться къ изуродованiю его дѣтища, въ особенности, когда оказалось, этотъ процессъ происходитъ и за границей, но ужъ не ради требованiй деспотическаго правительства, а просто, чтобы угодить вкусамъ публики.

„Такъ, напримѣръ, французскiй переводчикъ Вызѣва (Wysewa [1]), превосходно владѣющiй французскимъ языкомъ, не довольствуясь полированiемъ простого и прямого стиля Толстого и обращенiя его въ чрезвычайно плавную книжную рѣчь, выбросилъ, изъ боязни оскорбить католиковъ, описанiе церковной службы и нападки на армiю, изъ боязни возбудить неудовольствiе антидрейфусаровъ.

„Вообще переводчики Толстого не рѣдко вольно и невольно грѣшили въ своихъ переводахъ. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ переводовъ „Анны Карениной“ переводчикъ передалъ библейское мотто романа: „Мнѣ отмщенiе и Азъ воздамъ“—словами: „Месть сладка и я хожу съ туза“. Въ одной американской версiи одного изъ философскихъ произведенiй Толстого вездѣ двойное русское отрицанiе переведено по англiйски какъ утвержденiе и такимъ образомъ, по винѣ переводчика, Толстому приходится усиленно утверждать какъ разъ то, что онъ хотѣлъ отрицать.

„Но помимо русской цензуры и иностранныхъ переводчиковъ, надо было еще считаться съ редакторами и издателями...

„Echo de Paris“, въ которомъ появлялось „Воскресенье“, начало

---

[1]) Офранцуженный полякъ. *В. Б.*

получать массу писемъ отъ читателей, которые жаловались, что Нехлюдовъ, по ихъ мнѣнію, „недостаточно занимается Катюшей“. Вообще, по ихъ мнѣнію, въ романѣ было недостаточно любовнаго элемента. Редакторъ, зная, что его дѣло угождать требованіямъ и вкусамъ публики пропустилъ нѣсколько главъ и перешелъ прямо къ сценѣ, гдѣ Нехлюдовъ опять „занимался Катюшей“, хотя, можетъ быть, и нежелательнымъ для читателей газеты образомъ.

Какъ извѣстно, въ Америкѣ „Воскресеніе“ также потерпѣло не мало въ рукахъ лицемѣрныхъ редакторовъ. Романъ былъ изуродованъ исключеніемъ мѣстъ, говорящихъ противъ милитаризма и земельной собственности. Вся глава (XVII), изображающая паденіе Катюши, была исключена и т. д.

Въ нѣмецкомъ изданіи (переводъ Hauff'a) также было исключено все „оскорбительное“ для церкви и арміи.

Характерно, что не обошлось безъ комическихъ эпизодовъ и въ Англіи, гдѣ также оказались добродѣтельные господа, нашедшіе книгу Толстого „безнравственной“. Одинъ почтенный квакеръ, прочтя сцену паденія Катюши, поспѣшилъ сжечь книгу...

„Когда, наконецъ, рѣшено было печатать „Воскресеніе“, Толстой энергично взялся за окончательную обработку романа. Эта „обработка“ заключалась въ совершенной передѣлкѣ всей книги, нѣкоторыя части романа были нѣсколько разъ передѣланы заново. Толстой настолько расширилъ свое произведеніе, что Марксъ добровольно прибавилъ еще 10.000 руб. гонорара.

„Толстой никогда не оставался доволенъ написаннымъ. Всякая корректура возвращалась съ новыми и новыми измѣненіями, такъ что переводчики не могли получить своевременно окончательной версіи нѣкоторыхъ главъ, пока онѣ не появились въ „Нивѣ“. Это увеличивало опасность появленія неавторизованныхъ переводовъ, которые не принесли бы денежной выгоды дѣлу, побудившему Толстого разрѣшить появленіе книги въ печати.

„Толстой настолько былъ требователенъ по отношенію къ самому себѣ и такъ щедръ въ „исправленіяхъ“, что нѣсколько разъ, по полученіи уже „окончательной“ версіи нѣкоторыхъ главъ, которыя были уже переведены и даже набраны, приходили новыя и новыя версіи, такъ что переводчикамъ и наборщикамъ приходилось начинать работу наново.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Толстой жаловался въ частномъ письмѣ, что раньше, когда онъ продавалъ свои работы обычнымъ путемъ, появленіе ихъ въ печати доставляло ему всякій разъ удовольствіе; теперь же, когда онъ стремится къ лучшему и отказывается отъ платы за свой литературный трудъ, онъ находитъ, что печатаніе всякой его новой книги приноситъ ему массу хлопотъ и затрудненій, многіе остаются недовольны имъ и вмѣсто удовольствія онъ получаетъ лишь огорченія.

„Воскресеніе“ принесло ему, въ общемъ, еще больше огорченій. Пламеннѣйшимъ стремленіемъ Толстого является желаніе жить въ мирѣ со всѣми людьми, не дѣлать ничего такого, что могло бы вызвать злобу или недоброжелательство и напротивъ, поступая такъ, чтобы вызвать гармонію въ отношеніяхъ какъ къ нему самому, такъ и въ отношеніяхъ другъ къ другу. Между тѣмъ его рѣшеніе свернуть, ради помощи духоборцамъ, съ намѣченнаго имъ пути вызвало массу непріятностей для автора.

„Занятый своимъ трудомъ и совершенно незнакомый съ коммерческимъ образомъ мысли и дѣйствія, Толстой поручилъ иностранныя (не русскія) изданія своего романа другимъ и, если затрудненія въ Россіи были не маловажны, онѣ оказались еще болѣе крупными за границей. Въ Германіи начались непріятности вслѣдствіе того, что Марксъ посылалъ корректурные оттиски романа въ нѣкоторыя нѣмецкія газеты, въ то время, какъ другія газеты получали манускриптъ отъ представителя Толстого въ Англіи. Каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ требовала, чтобы Толстой защищалъ ея интересы. Въ Америкѣ печатаніе романа въ „Cosmopolitan“ прекратилось и одно время грозилъ возникнуть процессъ между издателемъ этого журнала и литературнымъ агентомъ, представителемъ интереса Толстого.

„Но все же, въ концѣ концовъ, романъ былъ напечатанъ въ неизуродованной формѣ. Въ Германіи романъ пользовался громаднымъ успѣхомъ и выдержалъ около дюжины изданій. Во Франціи вышло новое полное изданіе. Полный русскій текстъ романа былъ опубликованъ въ Германіи и Англіи.

Въ заключеніе статьи г. Моодъ приводитъ нѣкорые отрывки изъ писемъ Толстого, относящихся къ этому періоду его жизни:

Въ письмѣ отъ 24 января 1899 г., когда романъ былъ уже проданъ Марксу и обсуждался вопросъ объ авторскихъ правахъ въ Россіи и за границей, Толстой писалъ г. Мооду:

„Во всемъ этомъ предпріятіи имѣется нѣчто неопредѣленное, спутанное и, *повидимому,* (seemingly) идущее въ разладъ съ принципами, которые мы исповѣдуемъ. Иногда—въ скверныя минуты—это дѣйствуетъ на меня, что я желаю отдѣлаться отъ всего этого возможно скорѣе, но когда я въ добромъ серьезномъ настроеніи—я радуюсь непріятностямъ, связаннымъ съ этимъ дѣломъ. Я знаю, что мотивы моихъ дѣйствій были, если не хороши, то, по крайней мѣрѣ, невинны и, если это дѣлаетъ меня въ глазахъ людей непослѣдовательнымъ или даже хуже, все это хорошо для меня, уча меня дѣйствовать совершенно независимо отъ людского сужденія и въ согласіи лишь съ моей совѣстью. Надо цѣнить подобныя испытанія. Они рѣдки и очень полезны“.

Въ декабрѣ 1900 г. измученный обязанностью править еженедѣльно спѣшныя корректуры для „Нивы“ и чувствуя приближеніе тяжелой болѣзни, Толстой писалъ:

„Я очень занятъ моей работой. И, какъ только вижу корректуры, присланныя Марксомъ, чувствую себя больнымъ... Я такъ занятъ моей книгой, что затрачиваю на нее всѣ мои силы. Другія движенія продолжаются въ моей душѣ и, благодареніе Богу, я вижу свѣтъ и вижу его все яснѣе и яснѣе. Все чаще и чаще я чувствую себя не хозяиномъ моей жизни, но работникомъ...“

Когда работа, наконецъ, была закончена, онъ писалъ (2 декабря 1899 г.):

„Вся денежная сторона дѣла, которое я предпринялъ и въ которомъ я теперь раскаиваюсь, была для меня настолько мучительна, что теперь, когда все окончилось, я рѣшился не имѣть болѣе ничего общаго съ подобными дѣлами и возвратиться къ моему прежнему отношенію относительно печатанія моихъ сочиненій, т. е. предоставить другимъ дѣлать съ ними, что угодно, а самому стоять въ сторонѣ отъ дѣла“.

Въ англійскихъ газетахъ въ началѣ 1900 г. появились сообщенія, что Толстой высказываетъ сочувствіе бурамъ. Друзья Толстого въ Англіи поинтересовались узнать отъ него о его дѣйствительномъ отношеніи къ англо-бурской войнѣ, и онъ писалъ поэтому поводу (8-го февраля 1900 г.):

„Конечно, я не могъ сказать и не говорилъ того, что мнѣ приписываютъ! Въ дѣйствительности дѣло было такъ: ко мнѣ являлся газетный корреспондентъ (въ качествѣ автора книги, экземпляръ которой онъ хотѣлъ мнѣ поднесть). Въ отвѣтъ на его вопросъ о моемъ отношеніи къ текущей войнѣ я сказалъ, что былъ пораженъ, поймавъ себя во время болѣзни на желаніи найти въ газетахъ извѣстіе объ успѣхахъ буровъ, и что вслѣдствіе этого я былъ радъ случаю въ письмѣ къ В. пояснить мое истинное отношеніе къ долгу, которое заключается въ томъ, что я не могу симпатизировать никакимъ военнымъ подвигамъ, хотя бы это была борьба Давида съ десятью Голіафами; но что я симпатизирую только съ тѣми, кто уничтожаетъ причины войны: престижъ золота, богатства, военной славы и прежде всего (причину всего зла) престижъ патріотизма съ его ложнымъ оправданіемъ убійства нашихъ братьевъ людей. Я не думаю, чтобы стоило опровергать мнѣнія, ложно приписываемыя мнѣ въ газетахъ. На всякое чиханье не наздравствуешься. Такъ, напримѣръ, я недавно получилъ письма изъ Америки, въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ меня упрекаютъ, а въ нѣкоторыхъ хвалятъ за полный отказъ отъ моихъ убѣжденій. Стоитъ ли отвѣчать, если завтра же можетъ появиться двадцать

подобныхъ извѣстій для наполненія газетныхъ столбцовъ и кармановъ издателей? Впрочемъ, поступайте, какъ хотите".

VII.

Главная цѣнность въ воспоминаніяхъ г. Моода о Л. Н. Толстомъ— ихъ совершенная искренность, но едва ли нужно указывать русскимъ читателямъ на ихъ слабыя стороны. Англія—классическая страна компромисса и мелко-буржуазныхъ идеаловъ, и г. Моодъ типическій англичанинъ, да при томъ еще бывшій „коммерсантъ", несмотря на всѣ усилія, не могшій освободиться отъ міросозерцанія присущаго этой средѣ. Со свойственной англичанамъ практичностью, г. Моодъ извлекъ изъ Толстого нѣчто, по его мнѣнію, „общеполезное", а именно—нѣкую нравственную гимнастику, способствующую оздоровленію души, но онъ совершенно забываетъ о вліяніи Толстого, какъ художника. Титаническая фигура многомятежнаго геніальнаго писателя сузилась и поблѣднѣла. Англійскимъ читателямъ Толстой въ томъ видѣ, какъ его изображаетъ г. Моодъ, долженъ представляться чѣмъ-то въ родѣ радикальнаго методистскаго пастора. Да и нравственное ученіе Толстого понято г. Моодомъ довольно узко, въ духѣ компромисса.

Но все же будущій біографъ Л. Н. будетъ благодаренъ г. Мооду за сохраненныя имъ любопытныя черточки изъ жизни великаго писателя.

В. П. Батуринскій.

На голодѣ у Л. Н. Толстого.

Въ неурожайные годы въ девяностыхъ годахъ, когда бѣдствія голода охватили большую часть земледѣльческой Россіи и населенію необходима была внѣшняя помощь, въ дѣло помощи голодающимъ былъ втянутъ Л. Н. Толстой.

Какъ и почему Л. Н. Толстой взялся за дѣло помощи голодающему населенію, видно изъ его письма къ г. Тенеромо, полученнаго имъ въ то время отъ него и опубликованнаго послѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Въ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ писалъ:

„Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которою рветъ богачей. Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться,— не достаетъ силъ.

„Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказалъ главную мысль ту, что все произошло отъ нашего грѣха отдѣленія себя отъ братьевъ и порабощенія ихъ, и что опасеніе и поправка дѣлу одна: измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ, возвращеніе ему похищеннаго и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ насилія.

„Со статьей этой, которую я отдалъ въ „Вопросы психологіи“, Гротъ возился мѣсяцъ и теперь возится. Ее и смягчали и пропускали, и не пропускали, и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ.

„Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ, а тутъ жена написала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распорядителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя, обязательныя отношенія къ здѣшнему народу.

„Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличивается въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе, и поэтому, разъ попавши въ это

положеніе, не возможно, не могу отстраниться. Дѣлаемъ мы вотъ что: покупаемъ хлѣбъ и другую пищу и по деревнямъ у самыхъ бѣдныхъ хозяевъ устраиваемъ,—не устраиваемъ, потому все дѣлаютъ сами хозяева,—а только даемъ средства, т. е. продовольствіе на столовыя, и кормятся слабые, старые, малые, иногда и средніе голодные.

„Много тутъ и дурного, много и хорошаго, т. е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ. На-дняхъ калужскій разбогатѣвшій крестьянинъ предложилъ изъ голодной мѣстности сослать на зиму въ масальскій уѣздъ 80 лошадей. Ихъ тамъ прокормятъ зиму и пришлютъ весною.

„Калужскій крестьянинъ предложилъ, а здѣшніе въ одинъ день набрали всѣ 80 лошадей и готовы отправить, довѣряясь чужимъ невиданнымъ братьямъ".

Работа эта началась въ 1891 году и продолжалась до 93-го. Въ концѣ 92 года будучи въ Москвѣ у Л. Н. послѣ того, какъ онъ только что опубликовалъ свою небольшую статью, гдѣ говорилъ, что возиться съ голодными всѣмъ надоѣло, а между тѣмъ нужда и страданія въ деревняхъ все еще есть, и далъ прекрасную картинку, изображающую просящаго помощи мужика и мальчика, у котораго на глазахъ были слезы, я узналъ, что у нихъ дѣйствительно и средствъ стало меньше и въ людяхъ чувствуется недостатокъ. У меня какъ разъ тогда выпало свободное время, и я предложилъ свои услуги на помощь тамъ, если бы я чѣмъ-нибудь могъ тамъ пригодиться.

Левъ Николаевичъ принялъ мое предложеніе и сказалъ, что дѣло тамъ мнѣ найдется, а Софья Андреевна намекнула на то, что, помимо работы въ столовыхъ, мнѣ тамъ важно будетъ наблюдать крестьянскую жизнь той мѣстности, какъ писателю. По ея словамъ, жизнь рязанскихъ крестьянъ была далеко не то, что у нихъ подъ Тулой, или у насъ въ Московской губерніи. Это еще болѣе укрѣпило мое рѣшеніе, и я сталъ собираться туда ѣхать. Устроивши собственныя дѣла, во второй половинѣ января я пріѣхалъ въ Москву, зашелъ къ Л. Н-чу, запасся у него надлежащими инструкціями—куда мнѣ ѣхать, кого разыскивать—и отправился дальше. До Тулы я ѣхалъ по Московско-Курской дорогѣ, а въ Тулѣ пересѣлъ на Сызрано-Вяземскую. По этой дорогѣ я ѣхалъ до станціи Клекотки. Клекотки была ближайшая станція отъ Бѣгичевки, главнаго пункта распредѣленія помощи голодающимъ, устроенной Л. Н. Толстымъ. На этой станціи былъ складъ всѣхъ продуктовъ, направляемыхъ для районной помощи изъ Москвы и другихъ мѣстностей. Завѣдывалъ складомъ и наблюдалъ за всѣмъ жившій на станціи комиссіонеръ Ермолаевъ. Онъ принималъ все привозимое по желѣзной дорогѣ и отправлялъ по требованіямъ

въ тѣ мѣста, въ которыхъ продукты были нужны. Продукты были слѣдующіе: мука, крупа, соль, горохъ, керосинъ и дрова. Дровъ шло огромное количество. Въ этихъ мѣстахъ обыкновенно топили соломой, а при неурожаѣ соломы топить было нечѣмъ. И крестьяне, кромѣ голода, должны были переносить и холодъ.

II.

Въ Клекотки я пріѣхалъ вечеромъ. До Бѣгичевки было 35 верстъ, и лошадей оттуда не было. Назавтра могли быть попутныя подводы, и я рѣшилъ здѣсь переночевать.

Кромѣ меня, у Ермолаева ночевалъ одинъ изъ деревенскихъ торговцевъ, пріѣхавшій на станцію запастись кое-какими товарами. Мы разговорились съ нимъ. Онъ немного познакомилъ меня съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились рязанскіе и тульскіе крестьяне. Положеніе было отчаянное. Онъ говорилъ: родись хлѣбъ какъ нельзя лучше пять лѣтъ подрядъ, и тогда едва ли они какъ слѣдуетъ поправятся. Прошедшій и настоящій годъ такъ ихъ вытрясли, что у большинства хозяйство сошло на-нѣтъ. Скотъ—который палъ, который проѣденъ. Земледѣльческія орудія и сбруя, не чинившіяся, пришли въ ветхость и еле держатся, постройки разваливаются. При всемъ этомъ каждый изъ нихъ весь въ долгахъ. Должны и частнымъ лицамъ, и въ земство, и въ казну. Случись благопріятный годъ — урожай, немедленно потребуютъ уплаты по этимъ долгамъ.

Этотъ же торговецъ высказалъ большое одобреніе способу помощи голодающимъ, установленной графомъ. Это не то, что „Красный Крестъ", который дѣйствуетъ чрезъ наемныхъ людей вяло, безтолково. А тутъ кормятъ самыхъ бѣднѣйшихъ сравнительно хорошей пищей, дѣлается помощь топливомъ, безъ которой въ такую суровую зиму, которая была тогда, многимъ прямо пришлось бы замерзать. Кромѣ прокормленія бѣднѣйшихъ, сейчасъ эта помощь важна для нихъ тѣмъ, что избавляетъ ихъ отъ необходимости обращаться къ земству за ссудой, за которую послѣ пришлось бы расплачиваться. Понимая всю важность такой благотворительности, торговецъ никакъ не могъ объяснить себѣ, почему это графа недолюбливаетъ мѣстное начальство и духовенство. Духовенство даже совѣтовало крестьянамъ не общаться съ нимъ, не ходить въ столовыя и втихомолку называло его Антихристомъ, который будто бы и добро дѣлаетъ для того, чтобы перегнать людей „подъ свой началъ". Нѣкоторыхъ страшили эти запугиванья. Но большинство оставалось къ нимъ равнодушно. Оно отвѣчало на это тѣмъ, что Антихристъ, какъ говорится, пріѣдетъ губить и мучить людей, а этотъ спасаетъ, жалѣетъ и помогаетъ имъ.

Переночевавши у Ермолаева, я на утро нанялъ мужика, привозившаго на станцію овесъ, и отправился съ нимъ въ Бѣгичевку. Мужикъ былъ среднихъ лѣтъ, трезвый, хозяйственный. Лошадь у него была довольно порядочная. Я спросилъ его,—что есть ли у нихъ столовая? Онъ сказалъ, что есть, но онъ слава Богу туда не ходитъ. У него родилось хорошо, и онъ живетъ—большой нужды не видитъ.

— Ну, а какъ другіе?—спросилъ я.

— Другіе плохо.

И онъ подтвердилъ мнѣ слова прасола о безысходности мужицкаго положенія, о непоправимости его и многолѣтнимъ хорошимъ урожаемъ.

— На что же они надѣются?—спросилъ я.

— Думаемъ, отъ царя что-нибудь выйдетъ. Вотъ когда крѣпостное право задавило всѣхъ, — вышла воля... А теперь что-нибудь еще выйдетъ.

— Чего же вамъ больше всего надо?

— Земли надо... земли хочется. А то что мы живемъ?.. Все даромъ... ни лѣса не ростимъ, ни кустика... Вотъ погляди-ко!..

Я поглядѣлъ кругомъ. Картина была не веселая. Кругомъ голая степь. Не было замѣтно почти никакой древесной растительности. Видъ былъ какой-то дикій, навѣвающій грусть.

— Вотъ каковы наши поля... Гдѣ тутъ удержаться водѣ на полосѣ. Особенно на огоркахъ... А наша земля-то вся на огоркахъ... А чуть какъ низинка, или лощинка, тутъ сейчасъ уже господская.

— Такъ какъ же вы думаете, какая вамъ милость будетъ: земли что ли прибавятъ?

— Или прибавятъ, а то выселятъ. Мы на вывозку желаемъ...

Деревня, изъ которой былъ мужикъ, стояла на полпути по дорогѣ въ Бѣгичевку. Онъ заѣхалъ къ себѣ перепрячь лошадь и пообѣдать самому. Когда мы подъѣхали къ его двору, я зашелъ къ нему въ избу. Изба была очень небольшая, тѣсная, съ земляными поломъ. Лавки были мокрыя. Со стѣнъ и потолка текло. По полу ходить въ валенкахъ было нельзя. И въ этой избѣ, кромѣ жены и матери, хозяина и троихъ дѣтей, помѣщались только что объягнившіяся овцы съ ягнатами. Воздухъ въ избѣ былъ совершенно невозможнымъ. Удивительно было, какъ тутъ жили люди.

Мужикъ сѣлъ обѣдать. Я взглянулъ, что ему подали. Ему налили какой-то мутной бурды вмѣсто щей и поставили, хотя очищенный, но ничѣмъ не масляный картофель. Ѣлъ ли онъ что еще,—я не знаю, такъ какъ я долго оставаться въ избѣ не могъ, а вышелъ на улицу. А что-

бы не скучно было ожидать моего подводчика, я розыскалъ бывшую въ деревнѣ лавочку и попросилъ лавочника поставить мнѣ самоваръ, чтобы напиться чаю. Кромѣ какъ у лавочника въ деревнѣ самоваровъ не было ни у кого...

III.

Послѣ чаю мы поѣхали дальше, и когда уже смерклось, мы пріѣхали въ Бѣгичевку, большую деревню, спускавшуюся тѣмъ концомъ, гдѣ стояла помѣщичья усадьба г.г. Раевскихъ, къ Дону, а другимъ выходившая въ широкую занесенную снѣгомъ гладь. Мы подъѣхали къ придѣлку пустовавшаго господскаго дома, въ которомъ и помѣщался весь персоналъ, распредѣлявшій помощь между голодныхъ. Во главѣ всего дѣла послѣ Л. Н-ча стоялъ П. И. Бирюковъ, но его сейчасъ тутъ не было, онъ поѣхалъ на время въ Москву. При входѣ въ домъ меня встрѣтила молодая бѣлокурая, румяная дѣвушка, съ музыкальнымъ голосомъ П. Н. Шарапова и ея братъ М. Н., молодой человѣкъ съ острыми чертами лица и рѣзкими манерами. Кромѣ брата и сестры Шараповыхъ, тутъ былъ не высокій, пожилой отерханый человѣчекъ, очень похожій на древняго дьячка, съ рѣдкой клиномъ бородой и толстымъ фіолетовымъ носомъ. Его мнѣ назвали Александромъ Петровичемъ. Этотъ Александръ Петровичъ былъ обрѣтенъ Л. Н-чемъ во время переписи въ одной изъ ночлежекъ въ Москвѣ. Онъ былъ когда-то офицеромъ, но свихнулся, спился и попалъ въ золотую роту. У него былъ довольно приличный почеркъ, Л. Н-чъ, взявши его къ себѣ, давалъ ему иногда переписку. Заработавши нѣсколько деньжонокъ, Александръ Петровичъ покупалъ себѣ одежду, бѣлье и уходилъ куда-нибудь, но потомъ онъ снова спускалъ съ себя все, опять шатался гдѣ день, гдѣ ночь— потомъ опять являлся къ Толстымъ, опять работалъ... Въ Бѣгичевку онъ попалъ, чтобы переписывать новое сочиненіе Л. Н-ча, которымъ тотъ былъ послѣднее время очень занятъ.

Шараповы встрѣтили меня очень радушно. Начались разспросы о Москвѣ, о Львѣ Николаевичѣ, о новостяхъ, какія были въ столицахъ. Я привезъ съ собою только что вышедшую тогда книжку „Сѣвернаго Вѣстника“ съ разсказомъ Л. Н-ча „Суратская кофейня“. Шараповы стали читать ее. Потомъ пошла критика, разговоры. Вечеръ прошелъ очень оживленно.

Проснувшись утромъ и выйдя изъ своей комнаты въ прихожую, я увидѣлъ стоявшую тутъ артель бабъ, которыя пришли просить перемѣнить столовщика, т. е. хозяина избы, въ которой содержалась столовая. Онѣ жаловались на него, что онъ очень безобразно велъ себя, плохо готовилъ, грубилъ приходившимъ въ столовую обѣдать. Бабы имѣли очень жалкій

видъ. Обуты онѣ были въ лапти, подолы у нихъ были высоко подобраны. На одной былъ старый полушубокъ, на другихъ кафтаны съ растегнутыми воротниками. Головы были обмотаны старыми линючими платками. Лица у всѣхъ были истомленныя. Бабы казались преждевременно состарившіяся, грязныя, морщенныя; по одному виду ихъ можно было подумать, что имъ не легко живется.

Вслѣдъ за этимъ я увидѣлъ двухъ мужиковъ, которые пришли въ Бѣгичевку за 60 верстъ съ тѣмъ, чтобы просить графа открыть у нихъ столовыя. У нихъ, какъ и въ окружающихъ деревняхъ, тоже была большая нужда. И чтобы добиться хоть какой-нибудь помощи, они и притащились сюда пѣшкомъ. Питались они подаяніемъ, ночевали хотя и въ избахъ, но на земляномъ полу, такъ какъ иначе негдѣ было ложиться. Болѣе теплыя мѣста занимались самими хозяевами. Я представилъ себѣ удовольствіе этой ночевки. Но имъ до этого было мало горя, имъ хотѣлось хоть чего-нибудь добиться.

Шараповы хотя жили въ придѣлкѣ, но столовались въ крестьянской избѣ, черезъ улицу па другомъ посадѣ. Хозяева избы были полные бобыли. Они еще въ прошломъ году умирали съ голоду. Хозяинъ заболѣлъ ревматизмомъ, поэтому никуда двинуться не могъ. Хозяйка, у которой, кромѣ больного мужа, было на рукахъ еще трое дѣтей, тоже никуда отойти не могла. Когда обнаружился неурожай, они стали продавать скотъ, сбрую, заложили землю и все проѣли. Дошло до того, что имъ нечего стало ни ѣсть, ни продавать, ни нечѣмъ согрѣться. Изба у нихъ развалилась. Въ это время въ Бѣгичевку пріѣхала Павла Никол. Узнавши о положеніи семьи, она приняла въ ней участіе, починила имъ избу и сняла у нихъ квартиру. Это обезпечило имъ топку на всю зиму. Потомъ, когда семья нѣсколько справилась, хозяйку заставили стряпать на нихъ, у умирающихъ появился хлѣбъ и провизія, и они нѣсколько воспрянули духомъ, или „ожили“, какъ они говорили.

Другимъ бѣдствующимъ въ Бѣгичевкѣ помогали дровами и кормили въ столовыхъ два раза въ день. Въ столовыя ходили всѣ, которые не получали ссуды или пособія отъ земства, и которые не имѣли заработковъ, лошадей. Устанавливалось это подворными списками и провѣркой ихъ на сходахъ. Шли въ столовыя, конечно, самая бѣднота, зажиточнымъ было зазорно получать помощь „Христа ради“. Пища была простая, постная. „Убоины“ не было даже на рождественскіе праздники. Кромѣ столовыхъ, въ Бѣгичевкѣ была пекарня, продававшая ежедневно хлѣбъ по очень сходной цѣнѣ.

IV.

Въ Бѣгичевкѣ все пока такъ было налажено, что мнѣ тамъ дѣлать было нечего, и на первыхъ порахъ мнѣ пришлось отправиться на другой пунктъ, на Пятовскій, куда я послѣ обѣда и сталъ справляться. Когда я справился, мнѣ подали подводу, и я, усѣвшись въ сани, поѣхалъ къ Пятову, отстоявшему отъ Бѣгичевки верстахъ въ семи.

Спустившись подъ гору, мы переѣхали Донъ, очень не широкій тутъ, и поѣхали на деревню. Деревни одна за другой тянулись почти безъ перерыва. Онѣ всѣ имѣли очень убогій видъ. Маленькія, низенькія, съ крохотными оконцами, избушки, жалкіе дворы, сараи. Многія постройки были раскрыты, и оголенныя стропила съ рѣшетникомъ выглядывали обглоданными костяками по всей линіи и наводили тяжелую грусть. Встрѣчались такія избы, у которыхъ никакихъ дворовъ не было, а дверь выходила прямо на улицу. И въ такихъ избахъ жили люди! Жили и на что-то надѣялись въ будущемъ.

— Какъ же тутъ быть-то?—не утерпѣлъ я, чтобы не спросить своего возницу.

— И сами не знаемъ, сказалъ онъ. Вся надежда на графа.

— А что же графъ можетъ сдѣлать вамъ?

— Може выхлопочетъ, чтобы землю намъ отдали, а то переселиться куда. А безъ этого, хоть ложись, да помирай!

— Какъ же вамъ землю отдать,—вѣдь земля вся на рукахъ. Небось, въ волостномъ читалъ царскія слова.

— Что-жъ царскія слова. Тогда говорилось объ одномъ, а теперь пойдетъ рѣчь о другомъ. Царь всякій законъ можетъ перемѣнить. Были мы крѣпостными, а сдѣлались вольными... И землю такъ можетъ разслобонить...

— А помѣщикамъ-то у васъ хорошо жить?

— Какъ же не хорошо? Все въ ихъ рукахъ: вся земля. Вотъ, почитай, каждая деревня окружена ихъ землями. Одинъ съ одного конца, другой съ другого. Курицу выпустить нельзя, сейчасъ попадетъ, а про скотину-то и говорить нечего... Хорошо, что скотины то все меньше и меньше дѣлается,—переводится, Богъ даетъ, а то бы и не живи на свѣтѣ.

Извозчикъ криво усмѣхнулся и подстегнулъ лошадь.

— Своей земли мало у мужиковъ—такъ небось помѣщичья даетъ заработокъ?—спросилъ я.

— Какъ же даетъ. Мы вотъ работаемъ... Наша семья слава Богу не потерянная. Да и не хочется терять себя... Своей земли у насъ на три души всего... Три полнивы—по полнивы на душу въ полѣ. Съ одной

ея не прокормиться ни почемъ... Ну и беремъ у господъ. Мы каждый годъ по десяти десятинъ обрабатываемъ.

— Сколько же вы на этомъ вырабатываете?

— Сорокъ рублей.

— Какъ, за всѣ за десять десятинъ?

— За десять десятинъ.

— Что же вы на нихъ дѣлаете?

— Все. Спашемъ и сборонуемъ. Навозъ вывеземъ, опять спашемъ, скосимъ, свозимъ.

— И за это четыре рубля?

— И за это четыре рубля. А деньгами не хошь, бери картофельную ботву. За десятину работы—ботву съ десятины.

— А на что же эта ботва?

— Скотинѣ ѣсть.

— А развѣ она ѣстъ ее?

— Эва, да еще какъ, только давай побольше.

Бѣдная скотина! У насъ она и не глядитъ на нее. Обгрызетъ, когда очень голодно, листья, а къ стеблямъ и не прикоснется—а здѣсь это лакомый кормъ. Дѣйствительно, голодный край!

Подъѣзжая къ Пятову, въ одной деревнѣ я увидѣлъ два каменныхъ сарая. Одинъ изъ нихъ былъ безъ крыши и со слѣдами копоти на стѣнахъ.

— Это что такое?

— Пожаръ былъ, сгорѣлъ—отвѣтилъ мнѣ возница.

— А съ чѣмъ онъ былъ?

— Съ просомъ. Батюшкино просо тутъ лежало, ну и сгорѣло.

— Отчего же?

— Подожгли, должно.

— Какой же изъ этого толкъ? Люди голодають, а тутъ просо жгутъ. Неужто некуда было дѣвать?

— Темный народъ изъ ненависти. Батюшка-то у насъ хозяйственный. Какъ мужики-то поослабли, онъ и сталъ у господъ землю снимать. Снимаетъ, да мужиковъ работать нанимаетъ. Благо они дешевы стали. И сѣетъ ими и убираетъ. Вотъ сколько набралъ. Изъ этихъ мужичковъ его кто-то и подпалилъ.

— Значитъ, всѣ труды батюшкины ни во что пошли?

— Нѣтъ, осталось и у него... Много еще... Онъ не одинъ годъ это устраивалъ. Говорятъ, тыщъ десять отложилъ...

Проѣхавши эту деревню, мы, наконецъ, подъѣхали къ Пятовской мельницѣ. Мельница стояла не работая. Молоть было нечего. Изрѣдка на нее привозили что-нибудь. Главный заработокъ мельникъ получалъ отъ

складовъ для голодающихъ, какъ для бѣгичевскаго района, такъ и отдѣленія Краснаго Креста, находившагося въ сосѣднемъ имѣніи, Орловкѣ, у помѣщика Р. А. Писарева. Крестьяне же возили мало: мѣшокъ, осьмину, рѣдко кто четверть.

Помѣщеніе для жилья при мельницѣ было въ нижнемъ этажѣ каменнаго зданія, верхъ котораго съ годъ тому сгорѣлъ и не возобновлялся. Сначала шла темная и грязная кухня, по обыкновенію всѣхъ людскихъ помѣщеній въ той мѣстности, съ землянымъ поломъ, до того сырымъ, что на немъ стояли лужи, а чтобы не намочить ноги въ этихъ лужахъ при проходѣ въ чистое помѣщеніе, были брошены двѣ доски. Чистое помѣщеніе было съ поломъ, перегорожено тесовой перегородкой. Въ немъ жили хозяева—молодой малый изъ смоленскихъ мѣщанъ, съ сестрою и завѣдующій пятовскимъ райономъ помощи голодающимъ доброволецъ Л—гъ. Л—гъ былъ интеллигентъ съ спеціальнымъ образованіемъ, но опростившійся. Онъ ходилъ въ валенкахъ, полушубкѣ и синей домотканной рубахѣ. Встрѣтивши меня и узнавши, что я пріѣхалъ помогать ему, онъ, какъ только мы напились чаю, сталъ знакомить меня съ своимъ дѣломъ, показалъ, какъ у нихъ производятся выдачи, записи, книжки. Сейчасъ же мы усѣлись производить подсчетъ выданнаго за этотъ день провіанта. Назавтра ожидалось произведеніе новой выдачи.

V.

Со слѣдующаго же дня я приступилъ къ работѣ по выдачѣ провіанта изъ склада. Былъ сильный морозъ. Но мы не успѣли еще напиться чаю, какъ явились просители за дровами. Помощь дровами оказывалась тѣмъ, у кого не было лошадей. Тѣ же, у кого были лошади, могли заработать себѣ дровъ, ну хотя тѣмъ, что исполу привезти ихъ намъ со станціи Клекотки. На этотъ разъ пріѣхали и лошадные и очень просили выручить ихъ, такъ какъ они отъ такого мороза чуть не замерзаютъ. Кое-кого удовлетворили, но въ небольшихъ размѣрахъ. Выдавать всѣмъ дровъ не было никакой возможности.

Послѣ выдачи дровъ пришлось заняться выдачей провизіи для столовыхъ. Дѣлалось это такъ. Столовщикъ, пріѣхавъ, задавалъ книжку, въ которой было помѣчено сколько на столовой ѣдоковъ, и на каждаго ѣдока высчитывалось, что ему полагалось на недѣлю: муки, гороху, соли, крупъ, дровъ, масла, керосину. Все это помѣщалось въ сараѣ, на холодѣ. Съ непривычки дѣлать это было трудно и кропотливо. Отпускъ шелъ нѣсколько часовъ. Наконецъ, все было отпущено, мужики разъѣхались, можно было и отдохнуть.

Послѣ обѣда Л—гъ поѣхалъ въ одну изъ ближайшихъ деревень,

Щекину, изъ которой крестьяне, имѣющіе лошадей, взяли у него накладную на станцію, чтобы привезть дровъ, но дровъ не везли. Л—гъ безпокоился, почему они не везутъ дровъ. Съѣздивъ въ деревню, онъ узналъ, что мужики полностью привезти дровъ не могутъ, потому что многіе не утерпѣли, чтобы не взять по нѣсколько охапокъ съ возовъ—поэтому если они доставятъ эти воза, то имъ не отвѣтаться противъ отпущеннаго.

Я предложилъ Л—гу такой выходъ: пусть они всѣ эти дрова оставятъ себѣ, а слѣдующую поѣздку цѣликомъ привезутъ намъ. Меня поддержалъ хозяинъ мельницы, но Л—гъ, раздосадованный неаккуратностью мужиковъ, на это не соглашался.

— Нѣтъ, они должны привезти эти возы — твердилъ онъ, раздувая ноздри.

— А если не привезутъ, что вы съ ними сдѣлаете?

— Должны привезти!

— А я думаю не привезутъ и вотъ почему—заявилъ хозяинъ.— Имъ тутъ говорятъ, съ вами-толстовцами можно дѣлать что угодно, вы защищаться не будете, въ судъ жаловаться не пойдете.

— Кто это говоритъ? — весь красный отъ негодованія воскликнулъ Л—гъ.

— Находятся, говорятъ.

— А вы какъ думаете?

— Я думаю слѣдуетъ сходить къ Льву Викторовичу (земскому начальнику) да пожаловаться на нихъ. Пусть они не зазнаются. Они—свиньи.

— Свиньи ли?—усомнился я.

— А то кто же?..—отстаивалъ свое мельникъ.—Развѣ имъ нужно помогать? Совсѣмъ не слѣдовало бы. Помощью среди нихъ только плодятъ тунеядцевъ, отбиваютъ отъ дѣла, да у другихъ дѣло отбиваете.

— У кого же это у другихъ?—задорно спросилъ Л—гъ.

— Мало ли у кого — уклончиво отвѣтилъ мельникъ. Но мнѣ было ясно, о комъ онъ сожалѣетъ.

Передъ вечеромъ къ намъ пріѣхалъ изъ Бѣгичевки Александръ Петровичъ и съ нимъ какой-то молодой человѣкъ — крайне некрасивый, близорукій, съ длинными бѣлокурыми волосами, въ короткомъ бабьемъ дубленномъ полушубкѣ безъ воротника и въ сѣрыхъ валенкахъ. Мнѣ его назвали С—ко. Онъ былъ сынъ московскаго адвоката, студентъ университета. За организованіе какого-то кружка онъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ изъ Москвы. Онъ завѣдовалъ А—вскимъ пунктомъ и работалъ, какъ мнѣ сказали послѣ, очень горячо, но безпорядочно. У него никогда не доставало до срока провизіи, денегъ. И сейчасъ онъ пріѣхалъ

просить у насъ того и другого. Съ нимъ подѣлились чѣмъ могли и послѣ офиціальныхъ разговоровъ перешли на частные.

С—ко заявилъ, что онъ очень увлекался идеями нѣмецкой соціалъ-демократіи, мечталъ о пересажденіи ихъ на русскую почву, написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько статей, но теперь онъ болѣе склоненъ раздѣлять Толстовскіе взгляды. Совершенствованіе личности должно быть поставлено во главу угла—и только сознаніе каждымъ себя, какъ человѣка, можно переустроить несовершенную жизнь, и только такимъ путемъ можно достигнуть улучшенія всякаго положенія. Онъ говорилъ, что необходима доброта, воздержаніе, и что онъ что-то пишетъ по этому поводу.

Онъ былъ горячій человѣкъ и впечатлительный. Когда вечеромъ мы стали вслухъ читать разсказъ Потапенко „Тайна", то С—ко расплакался надъ нимъ.

Онъ говорилъ, что у нихъ начинается тифъ. Нужна лечебная помощь, а средствъ на это нѣтъ. Все, что поступаетъ къ нимъ, это лишь капля въ морѣ.

Они остались у насъ ночевать, и разговоры о неустройствѣ крестьянъ долго занимали насъ. Никакого выхода изъ этого положенія никто не видѣлъ, и это навѣвало какую-то душу угнетающую одурь...

VI.

Потянулась трудовая однообразная жизнь. Кромѣ выдачи провизіи, мнѣ приходилось ѣздить по деревнямъ, гдѣ были столовыя, провѣрять списки, однихъ вписывать, другихъ выписывать. Выписывалось очень мало и случалось это за смертью, за выдачей дѣвки замужъ, послѣ ухода кого-нибудь на заработки, но приписывать приходилось гораздо больше. Требованія и на дрова, и на столовыя увеличивались съ каждымъ днемъ—просили помощи считавшіеся зажиточными: по списку въ домѣ значилось нѣсколько лошадей, коровъ, овецъ. Въ одну такую семью я зашелъ, чтобы провѣрить списокъ. Изба была просторная и семья многолюдная. Хозяинъ ея слѣзъ съ печи и всталъ предо мной. Провѣривъ списокъ, я не удержался, чтобы не сказать:

— Какъ же изъ вашего дома просили записать въ столовыя. Мы этого не можемъ. У васъ домъ полная чаша.

— А каково этотъ домъ содержать? — съ горечью проговорилъ хозяинъ.

— Все-таки. У васъ вотъ лошади, коровы, овцы.

— А нѣшто ихъ кормить-то не надо? Имъ корму-то вонъ сколько нужно. Съ ними-то и зарѣзъ. У меня все подметено,—и сѣно, и солома, и

хлѣбъ. Все покупать надо. А много-ль мнѣ ребята подаютъ? Хоть бы земство выдавало на кормъ, а то и земство не выдаетъ. Когда заявку сдѣлали, а отвѣта все нѣтъ. Хоть бы муки побольше дали, я бы мукой посыпалъ имъ. А то не придумаю, что и дѣлать — продать если, продашь за безцѣнокъ, а потомъ, лѣтомъ что мнѣ будетъ дѣлать? Скотомъ мы кормимся, на немъ работаемъ, а безъ скота куда намъ дѣваться?.. На Гришки Рыжаго полосу ѣхать.

Григорій Рыжій былъ работникъ на мельницѣ. Онъ жилъ, получая шесть рублей въ мѣсяцъ. У него была жена, шесть человѣкъ дѣтей, которые ютились въ убогой избушкѣ, кормились въ столовой и не имѣли не только никакого скота, но даже и куръ.

Положеніе было дѣйствительно тяжелое, но намъ помогать имъ не было возможности, приходилось отказывать.

Были и такіе случаи. Одна женщина просила:

— Запиши ты хоть моихъ ребятишекъ, а то всѣ ходятъ въ столовую, а мои дома сидятъ—завидки берутъ.

— Вы вѣдь достаточные?

— Ну, какіе наши достатки. Тоже хрестьяне, а не купцы.

Пришлось и въ этомъ случаѣ отказать.

Отказовъ приходилось дѣлать очень много, особенно въ выдачѣ дровъ, которыхъ просили больше всего. Не было ни средствъ, ни возможности. Каждую почту приходили прошенія, письма, приговоры. Въ нихъ говорилось о крайней стѣснительности положенія, и просили, умоляя Христомъ Богомъ, помочь. Но у насъ не было возможности не только помочь всѣмъ, но и отвѣтить.

Нужда и нищета росли съ каждымъ днемъ и странно было смотрѣть, какъ среди этой нищеты и вымиранья раскидывались широкія помѣщичьи усадьбы, возвышались прекрасные, удобные дома, шла праздная барская жизнь, среди которой гоняется охота, ѣздятъ перегащиваться, устраиваются обильные обѣды съ музыкой, танцами. И эти поющіе и танцующіе люди не только были равнодушны къ разростающемуся горю тысячъ трудовыхъ людей, а еще могли враждебно относиться къ нимъ.

VII.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда на голодовку въ Бѣгичевку пріѣхалъ Левъ Николаевичъ съ дочерьми: Татьяной Львовной и Маріей Львовной. Они поселились въ пустовавшемъ въ ту зиму главномъ домѣ Раевскихъ. Когда мы всѣ собрались къ нему, Левъ Николаевичъ заявилъ, что пожертвованій въ этомъ году поступаетъ довольно мало. Люди устали,

или имъ надоѣло помогать голодающимъ—поэтому нужно дотянуть помощ до конца зимы хотя въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ она идетъ. Поэтому расширять ее не приходится.

А между тѣмъ нужда не убывала. Съ каждымъ днемъ больше и больше являлось требованій. Ежедневно къ крыльцу приходили толпы людей „до графа". Они ждали его выхода. И когда онъ выходилъ, подступали къ нему съ просьбами. Просили хлѣба, дровъ, денегъ на кормъ скота, написать прошеніе, похлопотать о переселеніи. Несмотря на пламенное желаніе многихъ выселиться на новыя земли, выселиться было нельзя. Передъ этимъ было сдѣлано распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы временно всякія переселенія пріостановить. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы крестьяне, обезкураженные голодовками, не вздумали переселяться массами и не оставили-бъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ безъ рабочихъ рукъ. Льву Николаевичу приходилось кого удовлетворять, кому отказывать. Возникали жалобы со стороны столовщиковъ на владѣльцевъ помѣщеній, гдѣ были столовыя, приходилось ѣздить по деревнямъ и провѣрять жалобы на мѣстѣ.

Съ пріѣздомъ въ голодающія мѣста Льва Николаевича, я покинулъ Пятовскую мельницу и переселился въ Бѣгичевку. Тутъ выдачей завѣдывали учитель и служащіе въ Бѣгичевской экономіи. Мнѣ пришлось тутъ только отмѣчать въ книжкахъ выдачу и вести подсчетъ. Главное же дѣло было—провѣрка списковъ на мѣстахъ, для чего приходилось разъѣзжать по деревнямъ и обходить по очереди всѣ дворы.

Эти обходы были самымъ мучительнымъ дѣломъ. На улицѣ стояли крѣпкіе морозы. Всѣ поля были покрыты снѣгомъ. Снѣгъ горѣлъ и искрился на февральскомъ солнцѣ милліонами алмазовъ, такъ что было больно глазамъ. Воздухъ былъ свѣжій и чистый. Но лишь только входишь въ избу, чувствуешь, что у тебя захватываетъ дыханье. Промозглая сырость, мокрый полъ, запухшія окна, въ углахъ иней, со стѣнъ и потолка течетъ. И къ этому страшный угаръ почти въ каждой избѣ. Бѣдствующіе топливомъ хозяева, чтобы побольше задержать въ печкѣ тепла, не давши перегнуться какъ слѣдуетъ дровамъ, закрывали печку. И въ этихъ условіяхъ жили старики, дѣти, лежали больные. Ночью ютились кто въ печкѣ, кто на печкѣ. Больше дѣваться было некуда.

Обойти деревню въ 50 дворовъ едва хватало силъ. Выскакиваешь изъ послѣдней избы какъ пьяный, садишься скорѣе на лошадь и ѣдешь домой, а дома стремишься броситься въ постель, чтобы собраться съ физическими и душевными силами. Въ такомъ состояніи не рѣдко возращались Павелъ Ивановичъ и другіе. На всѣхъ деревня производила гнетущее впечатлѣніе.

Левъ Николаевичъ писалъ въ это время свое „Царство Божіе“, гдѣ съ необычайной силой и яркостью онъ изобразилъ картину сбитыхъ въ кучу крестьянъ, надъ которыми предполагали произвести экзекуцію. Жгучее негодованіе, кидавшееся имъ по адресу тѣхъ, которые хотѣли совершить это возмутительное дѣло, было особенно понятно, когда узналъ положеніе тамошнихъ крестьянъ.

По окончаніи занятій мы иногда собирались вокругъ Льва Николаевича и читали его новую работу, или что-нибудь изъ общей литературы. Левъ Николаевичъ интересовался тогда журналомъ „Сѣверный Вѣстникъ“, издаваемымъ Л. Я. Гуревичемъ. Въ I книжкѣ за тотъ годъ онъ съ интересомъ читалъ статью Волынскаго о Гоголѣ, но другая его статья въ слѣдующей книжкѣ о буддизмѣ была встрѣчена въ Бѣгичевкѣ не такъ сочувственно. Было обнаружено много длиннотъ, а главное неясность мысли. Но въ общемъ тогда Левъ Николаевичъ считалъ Волынскаго серьезнымъ писателемъ, правильно, философски подходящимъ къ разъясненію многихъ вопросовъ.

По вечерамъ въ Бѣгичевку пріѣзжали кое-кто изъ сосѣдей. Между прочимъ, тамъ бывалъ докторъ Б—скій. Шли разговоры о положеніи крестьянъ, о выходѣ изъ этого положенія, о религіи, философіи, литературѣ. Кромѣ книжекъ и журналовъ, читали рукописи статей, писавшихся въ Бѣгичевкѣ. Читалъ свои писанія, печатавшіяся тогда въ „Недѣлѣ“, П. И. Бирюковъ, С — ко, прочиталъ небольшой рефератъ Б—скій. Все возбуждало разговоры, обмѣнъ мнѣній. Пріѣхавшій со Львомъ Николаевичемъ Е. И. Поповъ разсказывалъ объ отказѣ отъ воинской повинности сельскаго учителя изъ Курской губерніи, Е. Н. Дрожжина. Это былъ первый случай отказа отъ солдатчины на основаніи евангельскаго ученія. Дрожжина упрятали въ дисциплинарный баталіонъ и замучили тамъ. Левъ Николаевичъ придавалъ этому случаю огромное значеніе и видѣлъ въ этомъ проявленіи человѣческаго духа великую силу людей, которые могутъ завоевать себѣ свободное и независимое отъ другихъ положеніе въ будущемъ.

VIII.

Мнѣ каждый день приходилось разъѣзжать по деревнямъ, осматривать столовыя, спрашивать, довольны ли хозяевами, разбирать жалобы, выписывать столующихся, приписывать. Мужики большею частію вели себя очень серьезно, говорили, какое значеніе имѣетъ для нихъ помощь, и просили разъяснить, когда же будетъ перемѣна порядковъ, прибавка земли и какъ бы имъ добиться разрѣшенія на переселеніе. Уставать приходилось иногда такъ, что, возвратившись домой, чувствовалъ себя ни на что не

способнымъ и уже кое-какъ домаячивался день. Къ этому иногда прибавлялись кое-какія непріятныя столкновенія.

Однажды вечеромъ, завернувъ въ пекарню, я увидѣлъ сидящаго тамъ торговца изъ сосѣдняго села, богатея, живущаго подъ желѣзной крышей, имѣющаго лавку съ краснымъ товаромъ, трактиръ и постоялый дворъ.

— Какъ вы сюда попали?—спрашиваю я.

— За хлѣбомъ пріѣхалъ.

— За какимъ хлѣбомъ?

— На пекарню къ вамъ. Да еще въ печи сидитъ, не вышелъ, полчасика велѣли обождать.

— На что же онъ вамъ?

— Ѣсть. Помилуйте, мы всю зиму беремъ. Прямой расчетъ, по шести гривенъ пудъ. Изъ своей муки много дороже обходится.

Я никакъ этого не ожидалъ. А онъ такъ добродушно разсказывалъ объ этомъ, какъ будто бы пользоваться хлѣбомъ, предназначаемымъ для голодающихъ, ему, богатому и сытому, не только не грѣхъ, а особая честь. Дальше только я понялъ, что какъ же могло быть иначе? Онъ все благополучіе свое создалъ на томъ, что отбиралъ крохи у голодающихъ и никогда не считалъ это грѣхомъ, могъ ли онъ въ этомъ случаѣ не воспользоваться. Я все-таки не утерпѣлъ и сказалъ:

— И вамъ не стыдно?

— Чего же стыдиться-то? Я вѣдь деньги плачу. Если бы я задаромъ.

— Да этотъ хлѣбъ печется для неимущихъ. Неужели вы считаете себя неимущимъ?

Торговецъ покраснѣлъ и заморгалъ глазами.

— Да вѣдь продаютъ, не задаромъ—опять повторилъ онъ свой аргументъ,—если торгуютъ, такъ всякій покупать можетъ.

Я сталъ ему объяснять, что у насъ вовсе не торгуютъ. Торгуютъ съ цѣлью нажить, а здѣсь не возвращаютъ даже того, во что себѣ товаръ обходится. Но торговецъ вмѣсто того, чтобы понять меня, только разсердился.

— Ну хорошо-съ, если я самъ не поѣду, то пошлю кого-нибудь изъ мужиковъ. Вѣдь тѣмъ-то вы продадите?

— Продадимъ.

— Ну вотъ, онъ будетъ покупать какъ будто бы себѣ, а на самомъ-то дѣлѣ мнѣ. Все единственно.

И торговецъ, разсерженный, уѣхалъ.

Встрѣчались и другія злоупотребленія. Нѣкоторые продавали свой хлѣбъ и прятали деньги, а сами записывались въ столовыя. Нѣкоторые подкупали выдающихъ провизію выдавать имъ побольше. Изъ рабочихъ,

способнымъ на это оказался одинъ, по имени Ефимъ. Онъ выдавалъ себя а принадлежавшаго къ какой-то сектѣ, за что онъ будто бы даже пострадалъ. Его держали въ тюрьмѣ, а брата его такъ даже сослали. Онъ былъ съ грязнаго цвѣта лицомъ, рѣденькой бородкой и совершенно безцвѣтными глазами. Говорилъ онъ нескладно—съ трудомъ можно было добиться, что онъ хочетъ выразить своими словами. Левъ Николаевичъ захотѣлъ однажды подробнѣе узнать, къ какой сектѣ онъ принадлежитъ и за что его преслѣдовали, и позвалъ его къ себѣ. Хотя вскорѣ выяснилось, что преслѣдовали-то не его, а брата, а онъ брата выдалъ, поэтому того и сослали въ ссылку, но все-таки Ефимъ послѣ этого поднялъ голову и сталъ кичиться тѣмъ, что его самъ „грахвъ" отличаетъ отъ другихъ, и сдѣлался прямо нестерпимъ съ другими рабочими. Даже намъ онъ сталъ говорить грубости и дѣлать пакости, у П. Н. Бирюкова впослѣдствіи онъ даже укралъ сто рублей денегъ.

Но рядомъ съ такими субъектами были такіе, какъ нашъ извозчикъ Дмитрій, честно и аккуратно исполнявшій всякія порученія. Пешковскій мужикъ Василій, который на міру распинался, чтобы всѣ выполняли свои обязанности по совѣсти; но всѣхъ интереснѣе ихъ былъ крестьянинъ села Екатериновки, Мельниковъ. Это былъ небольшой, курносый, бѣлокурый мужичокъ съ чистыми дѣтскими глазами. Онъ приходилъ къ намъ не за матеріальной помощью. Такой помощи онъ не просилъ. У него не было нужды, чтобы ему ходить въ столовую. Жилъ онъ на обыкновенномъ надѣлѣ. Такой же у него былъ скотъ, та же земля, но у него родилась и рожь, и просо, и картофель. Кромѣ этого, у него были разныя овощи. Онъ одинъ изо всей Екатериновки имѣлъ огородъ и работой, заботой, своевременной поливкой и полкой достигъ того, что у него все выходило сносно. У другихъ картофель по орѣху, а у него по яйцу, у однихъ ничего нѣтъ, а у него всѣ овощи. Намъ все это было очень интересно, интересовало это и Мельникова. „Это что-жъ, говорилъ онъ, такъ можно и деньги нажить. Засѣять побольше, да вырастить, да продавать, отъ этого будетъ прямая выгода".

И онъ спрашивалъ у насъ, въ какой книжкѣ могутъ быть къ этому настоящія указанія. Ему указали на книгу Греля „Доходное плодоводство" и онъ просилъ насъ выписать ее ему. Книгу выписали, получилъ ли онъ отъ нея что, я не знаю, такъ какъ съ тѣхъ поръ я объ немъ никакихъ свѣдѣній не имѣлъ.

IX.

Однажды въ Бѣгичевкѣ появилось два молодыхъ человѣка изъ Москвы, знакомые Шараповымъ, и нѣсколько барышень. Они тоже выразили

желаніе помогать въ дѣлѣ распредѣленія помощи и просили отвести имъ какой-нибудь пунктъ. Левъ Николаевичъ спросилъ ихъ о томъ, что побуждаетъ ихъ поселиться въ деревнѣ. Молодые люди откровенно заявили, что имъ хочется воспользоваться случаемъ и попробовать просвѣщать крестьянъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, ненормальности его и о необходимости выхода изъ него. Левъ Николаевичъ спросилъ, какой же путь они полагаютъ для выхода бѣдствующему народу изъ его положенія. Они отвѣтили, что вѣрный путь это усвоеніе началъ солидарности трудящихся, объединеніе въ группы, а потомъ предъявленіе своихъ требованій.

— И вы разсчитываете на успѣхъ этого?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Вполнѣ.

— Ну, а я этого не могу допустить, сказалъ Левъ Николаевичъ, и сталъ доказывать, что внѣшними средствами бороться за свою самостоятельность нельзя. Тѣ, кому нужно, чтобы люди были не людьми, никогда не допустятъ этого и у нихъ есть на это очень внушительныя средства. У нихъ есть суды, ружья, войско, солдаты. Лишь только они замѣтятъ, что массы начинаютъ имъ противодѣйствовать, какъ они обрушатъ на нихъ всѣ свои средства, и массы будутъ подавлены. А разсѣявшимся одинъ разъ трудно будетъ собраться снова въ цѣлое, угнетатели же массъ всегда будутъ имѣть возможность легче сорганизовать нужную имъ силу. А нужно такъ, чтобы не было изъ кого врагамъ собирать на помощь себѣ силу, а для этого нужно внутреннее просвѣтленіе людей, развитіе духовныхъ свойствъ отдѣльной личности. Тогда изъ такихъ людей нельзя имѣть орудіе для злыхъ дѣяній. Они сами будутъ отстаивать справедливое и человѣчное и отстаивать такъ, что имъ будутъ не страшны ни разгоны, ни тюрьмы, ни сама смерть.

Левъ Николаевичъ говорилъ по обыкновенію сильно и убѣдительно. Гости не могли ничего привести съ достаточной яркостью въ опроверженіе его, хотя, видимо, и не соглашались съ нимъ. Они чувствовали себя очень не ловко. Неловкость ихъ увеличилась еще болѣе послѣ того, какъ Левъ Николаевичъ заявилъ, что онъ не можетъ допустить ихъ работать въ своихъ участкахъ именно изъ-за того, чтобы не вышло какихъ недоразумѣній.

Наша помощь была безъ всякой тенденціи. Никто изъ насъ ни проповѣдями, ни пропагандой не занимался, да по пословицѣ „голодное брюхо къ ученію глухо“ едва ли бы кто что могъ и воспринять въ такомъ положеніи. Наша забота была только о томъ, чтобы указывать обществу на всю тяжесть положенія крестьянъ. Слѣдствіемъ этого вышло то, что я помѣстилъ корреспонденцію въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ, а П. И. Бирюковъ написалъ нѣсколько очерковъ въ „Недѣлю“ и составилъ прошеніе отъ Епифанскихъ крестьянъ тульскому губернатору о скорѣйшемъ

разрѣшеніи имъ переселенія. Левъ Николаевичъ же, набросавъ конецъ къ „Царству Божію", принялся за составленіе отчета о помощи голодающимъ, въ которомъ онъ рѣшилъ высказаться, что дѣло помощи не важно и не главное. Главное же это то, чтобы въ будущемъ не было необходимости въ этой помощи. Необходимость же эта минуется тогда, когда люди высшихъ классовъ перемѣнятъ свое отношеніе къ народу и землѣ.

Несмотря на все старанье Льва Николаевича статья выходила нецензурной, а ему хотѣлось непремѣнно ее опубликовать. Кромѣ этого, Левъ Николаевичъ собиралъ свѣдѣнія, сколько еще чего нужно, гдѣ что добыть, какъ извернуться. Составлялись совѣщанія, шли обсужденія и т. п.

Приближалась весна, но морозы стояли еще крѣпкіе. Въ дровахъ нужды было больше всего. Чтобы пригнать къ намъ больше дровъ, рѣшили воспользоваться льготной перевозкой, которыя дѣлали желѣзныя дороги для „Краснаго Креста". Нужно было добыть эти свидѣтельства. Свидѣтельства эти можно было добыть только въ городѣ. Рѣшено было запастись чѣмъ только можно и начать ликвидировать дѣло. Ликвидація была возложена на П. И. Бирюкова. Левъ Николаевичъ раньше намѣревался уѣхать, такъ какъ ему предстояло немало хлопотъ въ Тулѣ и Москвѣ. Мнѣ тоже нельзя было долго оставаться здѣсь, меня ждали свои работы, и я понемногу тоже сталъ подготовляться къ отъѣзду.

X.

Прежде всего уѣхалъ Левъ Николаевичъ. Онъ поѣхалъ въ Ясную, а потомъ въ Москву. За нимъ уѣхали Бирюковъ и Шарапова. Эти отправились въ Воронежскую губернію къ Чертковымъ, гдѣ нужна была медицинская помощь П. Н-вы. Братъ Шараповой уѣхалъ къ С-ко. Я остался одинъ съ Александромъ Петровичемъ и завѣдующимъ пекарней, бывшимъ учителемъ въ Воронежской губерніи, Рыбаковымъ. Дѣла были все тѣ же. Выдавались накладныя на станцію, шли записи и провѣрка столовыхъ. Къ недостатку хлѣба у крестьянъ очень чувствительнымъ было то, что выходилъ весь кормъ скоту. Скотъ голодалъ больше и больше. При объѣздѣ столовыхъ то и дѣло попадались лошади, которыя еле тащили пустыя сани: до того онѣ были худы и малосильны. И на этихъ лошадяхъ разсчитывали работать весной! Появились тифозные больные. Случай недобросовѣстной доставки дровъ повторился. Кромѣ этого, мужики окружающихъ Бѣгичевку деревень, возившіе отъ Раевскихъ картофель на винные заводы, потребовали увеличенія цѣны за извозъ, и какъ управляющій имѣніемъ не боролся съ этимъ, они уперлись на своемъ и не сдавались. Къ намъ сталъ

чаще заявляться урядникъ и подозрительно поглядывать на всѣхъ живущихъ тутъ. Становилось не совсѣмъ пріятно и чаще и чаще подумывалось о домѣ, объ отдыхѣ, о своей семьѣ.

П. И. Бирюковъ вернулся вскорѣ изъ Воронежской губерніи. Вскорѣ послѣ его пріѣзда нами было получено слѣдующее письмо отъ Льва Николаевича:

„Пишу совокупно вамъ, П. И. и С. Т. о нашихъ общихъ дѣлахъ. 1) Свидѣтельствъ я досталъ 40 и на нихъ заказалъ дровъ, изъ которыхъ мнѣ обѣщали доставить по зимнему, а половину уже весною.

Деньги за дрова отдалъ. Поэтому раздавайте дрова болѣе щедро, всѣмъ не Епифановскимъ. 2) Отчетъ думаю послать завтра безъ добавленій. Здѣсь я узналъ, что установилось въ Петербургѣ такое мнѣніе, что даровая помощь развращаетъ народъ и потому если что прибавить къ отчету, то надо не то, что вызываетъ состраданіе, а то чтобы отвѣтило на это справедливое, но неумѣстное во время несчастія мнѣніе, что я, можетъ быть, и сдѣлаю. Не дѣлалъ и даже вамъ не писалъ потому, что продолжаю быть все также весь поглощенъ своею нескончаемой работой. 3) Денегъ получено еще нѣсколько,—не могу вѣрно сказать сколько, но тысячъ около трехъ и потому можно, гдѣ будетъ крайность, увеличить количество столующихся и столовыхъ. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ мы рѣшили ничего не предпринимать, кромѣ ничтожной помощи безземельнымъ. У насъ дней 6 тому назадъ заболѣла Таня: сильный жаръ до 40 и неспускающійся ниже 38 съ десятыми и кашель, и боль въ груди...

Цѣлую васъ и желаю всего хорошаго и всегда въ душѣ благодарю за помощь. Привѣтъ нашъ С-ко, брату и сестрѣ (Шараповымъ), Рыбакову—я о паспортѣ его говорилъ и мнѣ обѣщалъ Зиновьевъ, равно и о паспортѣ А. П. Привѣтъ Л-гу, Гордѣичу. Простите, если что забылъ. Письма товарища Рыбакова возвращаю. Очень жаль людей и тѣхъ, которые страдаютъ, и тѣхъ, которые мучаютъ. Думаю и вѣрю, что это, такой порядокъ вещей, продолжится недолго. Созрѣли уже новые душой люди, которые не могутъ умѣститься въ старыхъ мѣхахъ. Прощайте.

Л. Толстой".

П. И. Бирюковъ, по возвращеніи изъ Воронежской губерніи, могъ оставаться въ Бѣгичевкѣ на дальнѣйшее время, и я могъ уѣзжать. Да и нужно было. Несмотря на стоявшіе морозы, солнце грѣло съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Снѣгъ рыхлѣлъ, появлялись проталины, каждый день могла испортиться дорога. Провизіи на столовыя послѣдній разъ выдали на цѣлый мѣсяцъ. Раздали много дровъ, кое-кому купили соломы. Нечего пока было и дѣлать и я сталъ собираться къ отъѣзду.

По случаю наступленія весны зашевелилось и земство. Оно тоже передъ началомъ распутицы рѣшило выдать ссуду въ большомъ количествѣ и разослало повѣстки. Мужики обозами потянулись въ городъ и на желѣзную дорогу и везли къ себѣ драгоцѣнныя зерна, хотя эти зерна трудно было всѣ превратить въ муку: мельницы скоро должны быть разобраны на время половодья, да и дороги не сегодня—завтра должны были прекратиться.

День, въ который я выѣзжалъ изъ Бѣгичевки, былъ морозный. Съ утра повсюду былъ ледъ, настъ, но къ полудню все вдругъ растаяло, появились лужи. На Дону, поверхъ льда, выступила вода. Въ Бѣгичевкѣ были пріѣхавшіе изъ Клекотокъ два ямщика, возвращавшіеся обратно порожнемъ. Мы рѣшили воспользоваться ими и подговорили ихъ захватить насъ.

Ѣхали я, Шараповъ, сестра С—ко, молодая дѣвушка, пріѣхавшая къ брату, но захворавшая и проводившая послѣдніе дни у насъ, такъ какъ у насъ условія были лучшія. Мы усѣлись на сани и поѣхали.

Донъ переѣхали благополучно, но поднявшись на берегъ и спустившись въ долину, мы увидѣли, что ѣхать очень трудно. Снѣгъ, бывшій довольно глубокимъ, распустился, и подъ нимъ образовалась вода. Дорога стала просовываться, и лошади вязли по брюхо, пришлось слѣзть съ саней и итти пѣшкомъ. Но и это не помогало; лошади проваливались черезъ каждые двадцать-тридцать шаговъ и ложились. Чтобы поднять ихъ, нужно было распрягать и запрягать ихъ. На это уходило очень много времени, поэтому мы двигались черепашьимъ шагомъ. Ямщики, молодые ребята, здоровые и веселые не вытерпѣли и стали ругаться.

Не весело было и намъ. Мы тоже вязли въ снѣгу, промокли, прозябли

Передвиженіе такимъ образомъ тянулось до сумерекъ. Въ сумерки мы подъѣхали къ одной деревнѣ, отстоящей отъ Бѣгичевки въ 8 верстахъ, и остановились ночевать. За 6 часовъ ѣзды мы проѣхали только 8 верстъ.

На ночлегѣ мы обсушились, обогрѣлись, напились чаю и, закусивши, завалились спать. На утро насъ разбудили довольно рано, чтобы ѣхать по морозу. Морозъ стоялъ крутой, жесткій, но мы его не боялись, потому что дорога была какъ мостъ. Отдохнувшія лошади бѣжали рысью, и мы подвигались не по-вчерашнему. Можно было разсчитывать черезъ нѣсколько часовъ пріѣхать въ Клекотки.

Мы спѣшили и солнце спѣшило. Отъѣхавъ еще верстъ пятнадцать, мы очутились въ широкой лощинѣ. Дорога стояла бугромъ и налѣво отъ насъ, точно озеро, скопилась вода, она еще не просочилась черезъ дорогу, а, какъ плотина, задерживалась ею. Еще немного и она прорветъ эту плотину и прекратитъ возможность переѣзда черезъ дорогу. Глядя на образовавшееся озеро, ямщики попридержали лошадей, но не остано-

10*

вились. Лошади шли и шли. Когда доѣхали до середины напора, мы увидали, что дорога чуть держится, вода промывала себѣ ручейки и перебиралась на другую сторону дорожнаго бугра. На другой сторонѣ вода стояла гораздо ниже, поэтому можно было судить, что снѣгъ глубокій и подъ нимъ до земли довольно далеко. Ѣхать было рискованно, но и ворочаться не хотѣлось. Объѣздъ предстоялъ версты въ двѣ, да и лошадей повернуть было невозможно, нужно было ихъ пятить задомъ. Посовѣтовавшись, рѣшили ѣхать прямо и снова тронулись.

Я пошелъ впередъ и прошелъ благополучно, можно было думать, что и лошади съ осторожностью переберутся. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, передняя лошадь оступилась, хотѣла поправиться и провалилась. Она бросилась, было, въ сторону и застряла совсѣмъ. Задняя лошадь остановилась. Я и ямщикъ бросились къ передней, хотѣли помочь ей выбраться, но лошади въ запряжкѣ подняться не было возможности: повиснувъ на льду брюхомъ, она не доставала до земли ногами и была совершенно безпомощна.

Выпрягая лошадь, намъ самимъ пришлось стоять по-поясъ въ жгучей холодной водѣ. Кое-какъ освободивъ лошадь отъ оглобель и дуги и обломавъ подъ ней ледъ, мы попробовали вытаскивать лошадь, но ничего сдѣлать не могли. Ямщикъ готовъ былъ плакать. На наше счастье впереди показался обозъ съ хлѣбомъ, полученнымъ отъ земства. Они ѣхали, хотя и въ объѣздъ, но недалеко отъ насъ. Мы покричали мужикамъ и тѣ уже на веревкахъ вытащили утопающую лошадь.

Когда лошадь поднялась на ноги, она еле держалась на нихъ и вся дрожала. Ее стали гонять, чтобы она разогрѣлась, а мужики межъ тѣмъ перетаскивали сани. Другую лошадь пришлось поворачивать и объѣзжать въ объѣздъ.

Такимъ образомъ хотя мы и побрязгались въ водѣ, но отдѣлались довольно счастливо. Ѣдучи дальше, мы встрѣчали стоявшіе на дорогѣ воза съ зерномъ, а около нихъ лошадей, сбившихся съ дороги. Лошади сидѣли по шею въ водѣ, были мертвыя и уже окоченѣли. Одиночки хозяева не могли ихъ вытащить. Такихъ случаевъ до Клекотокъ было три. И глядя на нихъ, сжималось сердце. Потеря лошади весной для изголодавшагося крестьянина грозила полнымъ разореньемъ, послѣ этого несчастья трудно было встать на ноги...

Часамъ къ 10 мы все-таки добрались до Клекотокъ. Въ Клекоткахъ мы обсушились, обогрѣлись, выспались и, дождавшись до попутнаго поѣзда, тронулись дальше и на другой день утромъ были въ Москвѣ.

С. Семеновъ.

Лермонтовъ и Робертъ Бернсъ.

(Историко-литературная замѣтка).

Въ числѣ стихотвореній Лермонтова имѣется одно коротенькое, всего въ четыре строчки, съ эпиграфомъ (или заглавіемъ): „Had we never loved so kindly“. Вотъ это стихотвореніе.

Если-бъ мы не дѣти были,
Если-бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались,
Мы съ страданьемъ бы не знались.

До сихъ поръ нигдѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, не было указано, что эти строки представляютъ переводъ одного четверостишія изъ стихотворенія Роберта Бернса „Прощальная пѣснь къ Клариндѣ“, а именно, переводъ второй половины строфы этого стихотворенія.

Привожу его въ подлинникѣ.

Parting song to Clarinda.

Ae fond kiss, and then we sever
Ae farewell, and then forever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.
Who shall say that Fortune grieves him,
While the star of hope she leaves him?
Me, nae cheerful twinkle light me;
Dark despair around benights me.

I'll ne'er blame my partial fancy,
Naething could resist my Nancy:
But to see her was to love her;
Love but her, and love for ever.
Had we never lov'd sae kindly,
Had we never lov'd sae blindly,
Never met—or never parted,
We had ne'er been broken-hearted.

Fare—the—well, thou first and fairest!
Fare—the well, thou best and dearest!
Thine be ilka joy and treasure,
Peace, Enjoyment, Love and Pleasure!
Ae fond kiss, and then we sever!
Ae farewell, alas, for ever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.

1791.

Привожу также и полный переводъ этого стихотворенія, помѣщенный въ „Дѣлѣ“ 1876 г., № 6 (въ очеркѣ о Роб. Бёрнсѣ Н. Ал—евой). Въ этомъ русскомъ переводѣ почему-то пропущена первая половина второй строфы, которая добавлена нами.

Клариндѣ.

Поцѣлуй завѣтный, страстный
И тогда прости навѣки!..
Стоны, жалобы напрасны...
Тщетны слезъ пролитыхъ рѣки!..
И пойдемъ съ тобою розно...
Безъ надеждъ, безъ упованій,
Туча свѣтъ охватитъ грозно,
Душу—мракъ нѣмыхъ страданій.

Не кляну я этой страсти:
Стоитъ съ Нэнси повстрѣчаться—
И не будетъ въ нашей власти
Равнодушнымъ къ ней остаться.
Эхъ, любить бы, да немного!
Если-бъ слѣпо не любили—
Боль разлуки и тревога
Намъ бы сердце не разбили...

Такъ прости-жъ, любовь святая!
Ты-жъ, краса моя и счастье,
Вѣкъ живи заботъ не зная
И не вѣдая ненастья!..
Поцѣлуй завѣтный, страстный
И конецъ... прости навѣки;
Стоны, жалобы напрасны,
Тщетны слезъ горячихъ рѣки!

Отсюда, однако, нельзя сдѣлать вывода, что Лермонтовъ зналъ Бёрнса. Эти четыре строчки изъ Бёрнса Байронъ взялъ эпиграфомъ для своей „Абидосской невѣсты“; отсюда-то Лермонтовъ и перевелъ свое четверо-

стишіе о которомъ Вальтеръ-Скоттъ говорилъ, что эти четыре строчки „заключаютъ въ себѣ сущность цѣлой тысячи любовныхъ исторій“ [1]).

Замѣчательно, что даже въ лучшемъ изданіи Байрона („The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged edition, with illutsrations. Vol. III, edited by Ernest Hartley Coleridge. London 1900, p. 147), хотя и указано, что это четверостишіе заимствовано изъ Бёрнса, тѣмъ не менѣе самое заглавіе пѣсни Бёрнса приведено не вѣрно, а именно—„Farewell to Nancy“, вмѣсто „Parting song to Clarinda“.

Н. Бахтинъ.

---

[1]) The works of R. Barns. London. William Paterson & C° MDCCCXCI. (Vol III, p. 54).

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Продолженіе* [1]).

VIII.

Перейдемъ теперь къ настроенію и толкамъ крестьянъ, исходившихъ изъ другой точки зрѣнія на манифестъ и Положеніе, но приводившихъ къ одинаковаго образа дѣйствіямъ. Здѣсь разумѣется признаніе частью крестьянъ, что господа, подкупивъ чиновниковъ и священниковъ, скрыли настоящій „взаправскій“ указъ о волѣ, подмѣнивъ его своимъ въ видѣ манифеста и книги Положеній. Разсматривая эти толки можно натолкнуться на 3 версіи: по одной—истинный указъ о волѣ вышелъ уже давно, по другой—вышелъ 19-го февраля 1861 г., но по дорогѣ къ крестьянамъ подмѣненъ и скрытъ господами, третья версія, какъ приходилось говорить, отлагала появленіе указа объ истинной волѣ на болѣе или менѣе отдаленное будущее (большею частью на 2 года), до котораго крѣпостное право должно остаться неизмѣннымъ. Эта третья версія въ своихъ развѣтвленіяхъ имѣла отношеніе отчасти къ ложнымъ толкованіямъ манифеста и Положенія, ибо, судя по нѣкоторымъ даннымъ, самое появленіе версіи о 2-хъ годичномъ сохраненіи крѣпостного права объясняется уловленнымъ крестьянами 2-хъ годичнымъ срокомъ сохраненія прежняго положенія дворовыхъ съ ихъ безусловнымъ положеніемъ по окончаніи его; отчасти могъ имѣть вліяніе и 2-хъ годичный срокъ для составленія уставныхъ грамотъ, т. е. для перехода на новое положеніе. Остановимся на первыхъ 2-хъ версіяхъ.

Уже на примѣрѣ объявленія манифеста, описанномъ Демертомъ, приходилось сталкиваться съ быстрымъ возникновеніемъ слуховъ среди крестьянъ, что присланный имъ

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Май, Іюнь.

указъ подложный и что вскорѣ имъ пришлють „взаправскій". Носовичъ указываетъ, что въ Новгородской губерніи въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ не вѣрили или не желали вѣрить, что ихъ освобожденіе совершается законно и справедливо: „и все это только вслѣдствіе того, что народъ думалъ, что истинныя намѣренія царя по отношенію къ устройству ихъ быта скрыты и искажены дворянствомъ" [1]). Подобные толки являлись прямымъ слѣдствіемъ противорѣчія между ожиданіями и представленіями крестьянъ о волѣ и содержаніемъ манифеста и Положенія. Въ этомъ отношеніи крайне характерно волненіе крестьянъ Пермской губ., соликамскаго уѣзда, въ с. Кудымкорѣ, гр. Строганова. Когда крестьянамъ былъ прочитанъ исправникомъ манифестъ, то они его совершенно не поняли и просили исправника объяснить содержаніе прочитанной бумаги. Исправникъ принялъ такую просьбу за бунтъ и вмѣсто объясненій приказалъ казакамъ сѣчь крестьянъ. Послѣдніе вышли изъ равновѣсія, связали казаковъ и лукаво предложили исправнику единоличными силами продолжать сѣченіе. Исправникъ предпочелъ, конечно, удрать въ Соликамскъ и послать донесеніе губернатору о начавшемся „бунтѣ", прося о командированіи въ Кудымкоръ военной команды. Послѣднее было немедленно исполнено. Пока команда двигалась въ Кудымкоръ, толки среди крестьянъ по поводу прочитанной „гумаги" не прекращались. Среди крестьянъ составилось мнѣніе, что „энифестъ отъ царя о волѣ съ золотою строчкою" [2]) исправникъ скрылъ, а за мѣсто ево прочиталъ имъ графскую гумагу, напечатанную въ Перми, за что взялъ съ графа деньги". Для обсужденія этой „гумаги", видимо, собирались сходки, на которыя сходились крестьяне изъ сосѣднихъ селеній.

По крайней мѣрѣ, военная команда застала подобную сходку, на которой присутствовало до 500 человѣкъ инородцевъ—пермяковъ и русскихъ. Вѣсть о приходѣ военной команды увеличила количество участниковъ сходки до 2.000 чел., собравшихся изъ сосѣднихъ селеній. Къ пришедшей командѣ крестьяне отнеслись вполнѣ довѣрчиво, разсчитывая у начальника команды найти разрѣшеніе своего недоумѣнія. Они отказались разойтись, мотивируя это важностью обсуждаемаго вопроса, а взамѣнъ того, просили офицера растолковать имъ, „што за гумага, которую имъ читалъ исправникъ, пошто въ ней нѣтъ золотой строчки и што это за воля, когда они остаются попрежнему подъ графомъ"; разсказывая при этомъ все происшествіе съ исправникомъ, они прямо говорили, что имъ была прочитана *подложная гумага.* Офицеръ поступилъ

---

[1]) Носовичъ. „Записки", стр. 113.

[2]) Между крестьянами Пермской и Оренбургской губ. есть убѣжденіе, что царь пишетъ не иначе, какъ золотыми чернилами.

не лучше исправника. Вмѣсто объясненій онъ вторично потребовалъ отъ крестьянъ немедленно разойтись, называя ихъ бунтовщиками и угрожая за ослушаніе дурными послѣдствіями. „Ну, пошто, в. бл-іе, бунтовщики?"—резонно возражали ему крестьяне; „какіе мы бунтовщики? мы тебя ладомъ просимъ вразумить насъ, темныхъ людей, а ты говоришь—бунтовщики".

Угроза стрѣлять не подѣйствовала на крестьянъ.

„Ну что же, в. бл-іе, говорили крестьяне, ежели ты посланъ для озорства, такъ стрѣляй! А мы не пойдемъ, покуда ты не растолкуешь намъ, што за гумагу читалъ исправникъ". Первый залпъ свалилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ крестьянъ и смутилъ остальныхъ, никакъ не ожидавшихъ исполненія дикой угрозы. Передовые крестьяне быстро остановили начавшуюся панику словами: „Ребята, подбери ихъ, ну а ты, в. бл-іе, стрѣляй". Офицеръ растерялся при такомъ оборотѣ дѣла. „Ну, чего же ты сталъ?—продолжали мужики—стрѣляй! Ну, стрѣляй же!" Столбнякъ офицера продолжался. „Ну, вотъ видишь, ты самъ не знаешь, чего доспѣлъ (сдѣлалъ)! Пошто ты созорничалъ, убилъ мужиковъ-то? Чѣмъ такимъ они передъ твоимъ бл-іемъ провинились? Ты баешь, что мы бунтовщики... Да ежели бы мы захотѣли бунтовать-то, такъ мы тебя бы съ твоей г-ой командой комьями снѣга забросали. Стрѣляй же, коли тебя царь затѣмъ послалъ!.. Стрѣляй!" Офицеръ, вмѣсто продолженія разстрѣла мирной толпы (было убито 2 чел. и 8 болѣе или менѣе тяжело ранено), отправился обратно въ Пермь, оставивъ команду на произволъ судьбы. Таково было „волненіе" крестьянъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они, не будучи въ состояніи разобраться въ манифестѣ и примирить свое представленіе о волѣ съ содержаніемъ офиціальнаго документа, сочли послѣдній за подложный и просили начальство разъяснить имъ ихъ недоумѣніе. „Волненіе", сопровождавшееся сѣченіемъ крестьянъ, а окончившееся разстрѣломъ толпы, было собственно не „волненіемъ" крестьянъ, а волненіемъ самого начальства, ибо его репрессивныя мѣры въ данномъ случаѣ не вызывались никакими дѣйствіями крестьянъ ни противъ помѣщика, ни противъ правительственныхъ властей [1]).

Это недовѣріе къ истинности манифеста не было, видимо, единичными случаями. „Послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи, говоритъ г-жа Бородаевская со словъ г-жи Ивановой, владѣлицы села Ивановскаго ирбитскаго уѣзда, Пермской губ.,—въ деревняхъ стали появляться разныя темныя личности, которыя распространяли въ народѣ слухъ, что манифестъ прочтенъ крестьянамъ невѣрно, что царь надѣлитъ ихъ землею отдѣльно отъ помѣщиковъ и дастъ имъ

[1]) „Колоколъ", 1862 г., № 134, стр. 113.

земли столько, кто сколько пожелаетъ. Не избѣгло этой участи и наше село Ивановское“ [1]). Въ Пензенской губ., городищенскаго уѣзда, въ имѣніяхъ Дубенскихъ и Михайлова—Данилевскаго крестьяне грозили даже смертью становому приставу за то, что тотъ „будто бы скрывалъ отъ нихъ дарованную имъ полную свободу“. Они на ряду съ этимъ самовольно прекратили всякія работы и смѣнили сотскаго въ имѣніи Дубенскихъ, избравъ изъ своей среды новаго. Волненіе было прекращено исправникомъ при содѣйствіи военной силы [2]). Авторъ одной корреспонденціи въ „Колоколѣ“ за 1861 г., сообщая, что крестьяне „почти повсемѣстно страшно недовольны временно-обязаннымъ положеніемъ“, пишетъ: „во многихъ мѣстахъ (они) отказываются вѣрить, что объявленный имъ манифестъ подлинный; такъ, напр., фл.-адъютантъ гр. Олсуфьевъ, посланный въ одну изъ западныхъ губерній, встрѣченъ былъ подобнымъ возраженіемъ и, когда для убѣжденія крестьянъ ссылался на то, что онъ—адъютантъ государя, то въ толпѣ заговорили, что они не знаютъ, „настоящій ли онъ адъютантъ или переодѣтый“. Вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій Олсуфьевъ приказалъ солдатамъ бить крестьянъ прикладами, а затѣмъ пороть розгами [3]). Здѣсь мы наталкиваемся на недовѣріе не только къ исправнику, какъ то было въ Кудымкорѣ, но на недовѣріе къ „царскому послу“, къ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне отнеслись довѣрчиво. Такъ велико было недоумѣніе крестьянъ передъ содержаніемъ присланной имъ отъ царя воли!

Во время волненія крестьянъ уже въ 1862 г. въ с.с. Ключахъ и Старомъ Чиргимѣ, въ кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи проявилось то же недовѣріе не только къ низшимъ, но и къ высшимъ представителямъ администраціи. Въ этихъ селахъ, очевидно, также не признавали Положенія, отказывались не только отъ подчиненія правиламъ, изложеннымъ въ нихъ, но не желали даже обработывать своихъ крѣпостныхъ надѣловъ (крестьяне ожидали правительственнаго распоряженія о предоставленіи имъ всей помѣщичьей земли). Въ с. Старый Чиргимъ для усмиренія явился самъ губернаторъ въ сопровожденіи уѣзднаго предводителя дворянства, члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и жандармскаго штабъ-ротмистра. Но ни прибытіе этихъ властей, ни ихъ убѣжденія не подѣйствовали на крестьянъ. Въ отвѣтъ на убѣжденія выступившіе впередъ 2 крестьянина сказали такую притчу:

„Сатана построилъ среди насъ дома и мѣшаетъ намъ жить, и вотъ накликалъ на насъ хлынъ, цыганъ и бѣшеныхъ

---

[1]) „Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій“. Историч. Вѣстникъ 1884 г., № 6, стр. 694.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1861 г., № 118.

[3]) „Колоколъ“ 1861 г., № 98—99, стр. 821.

собакъ, которые пріѣхали изъ насъ кровь пить". По объясненію автора воспоминаній—Шомпулева—въ этой притчѣ подъ „сатанами" надо было разумѣть помѣщиковъ, мѣшавшихъ жить крестьянамъ, а „хлынами", „цыганами", „бѣшеными собаками" крестьяне величали начальство, пріѣхавшее на усмиреніе. Такимъ образомъ, по этой притчѣ пріѣздъ самого губернатора приписывался крестьянами кознямъ помѣщиковъ, а помѣщики считались порожденіемъ сатаны, злой силы. Что остальные крестьяне были вполнѣ солидарны съ этими двумя крестьянами, показываетъ лучше всего фактъ, что крестьяне кричали губернатору, счевшему этихъ двухъ за сумасшедшихъ, что это самые умные ходоки, передавшіе ихъ общее мнѣніе; когда же эти 2 лица были арестованы, то *крестьяне силою освободили ихъ, а вечеромъ* этого же дня волостной старшина доложилъ Шомпулеву (уѣздному предводителю дворянства), что крестьяне замышляютъ противъ начальства что-то недоброе.

Только прибывшая на другой день рота солдатъ возстановила присутствіе духа у перепугавшагося начальства. Зато и „усмиреніе" было жестокое. Стойкость, проявленная здѣсь крестьянами, показываетъ силу убѣжденія крестьянъ въ своей правотѣ. Двухъ сказателей притчи, повторившихъ ее и въ присутствіи роты, сѣкли до потери сознанія, но не вынудили покорности. „Наказаніе, говоритъ самъ Шомпулевъ, было чрезмѣрно жестокое, въ виду упорнаго отказа покориться требованію власти" [1]). Эти 2 крестьянина, закусивъ свои руки, не произнесли ни одного звука во время ихъ наказанія, почему таковое и прекращено было лишь только послѣ заявленія прибывшаго съ ротою военнаго врача, что они уже находятся въ безсознательномъ состояніи. Когда же полумертвыя тѣла ихъ были отнесены въ сторону, народъ началъ неистово кричать „и насъ сѣките, и насъ!..."; а нѣсколько женщинъ съ тѣмъ же крикомъ выбросили даже за цѣпь солдатъ своихъ грудныхъ дѣтей. По приказанію губернатора начали сѣчь сразу по нѣсколько человѣкъ, было пересѣчено, такимъ образомъ, много, но безъ всякаго успѣха. Крестьяне смирились только тогда, когда одинъ старикъ-крестьянинъ, пользовавшійся, видимо, среди нихъ вліяніемъ, сказалъ имъ, поддавшась то ли физической боли, то ли убѣжденіямъ Шомпулева: „вѣрно, братцы, правильно, что надѣлъ данъ намъ царскою волею. Царю-батюшкѣ мы должны покориться. Выѣзжайте въ поле". Такимъ образомъ, не розги, не разъясненія губернатора и другихъ чиновниковъ, а авторитетъ лица изъ своей среды заставилъ крестьянъ повѣрить требованіямъ властей, основаннымъ на Положеніи 19 февраля [2]).

[1]) Власти требовали, чтобы крестьяне приступили къ посѣву на своихъ поляхъ.

[2]) Шомпулевъ „Во время реформъ имп. Александра II". Русск. Стар., 1898 г., № 10, стр. 76—78.

Любопытно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ слободѣ Старой Тишанкѣ, бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи, въ началѣ марта 1861 г.

Волненіе тишанцевъ было поддержано жителями двухъ сосѣднихъ большихъ слободъ: Новый Чиглой и Курлакъ. Какіе-то толки шли среди крестьянъ еще до прочтенія манифеста въ Ст. Тишанкѣ. Въ этихъ трехъ слободахъ происходили шумныя сходки, верховые то и дѣло сновали изъ слободы въ слободу, сообщая какія-то рѣшенія. Послѣ прочтенія манифеста въ Старой Тишанкѣ волненіе приняло конкретныя формы. Невнятно прочитанный, трудно написанный манифестъ немедленно возбудилъ сомнѣненіе къ себѣ и различныя толкованія. Авторитетнымъ толкователемъ явился унтеръ-офицеръ л.-гв. уланскаго полка. Въ Петербургѣ ему часто приходилось стоять на стражѣ внутри дворца въ комнатахъ государя, а потому свои толкованія онъ подкрѣплялъ словами: „при царѣ былъ, самъ слышалъ". „И становой, и попъ читали, говорилъ лейбъ-уланъ, что мы еще съ осени [1]) стали православный народъ, еще съ осени батюшка-царь призывалъ насъ свободно работать на нашей (читай — барской) землѣ, начальство и паны досель не хотѣли объявлять намъ милость царя... Теперь, вишь, весна на дворѣ, а намъ только теперь читаютъ манифестъ, да и не тотъ, не царскій, а панскій... Царскій за большою золотой печатью, а на тѣхъ листахъ, что читалъ становой, ничего нѣтъ... Не давайтесь, стойте крѣпко за свою волю, да за милость царскую, просите, чтобы вамъ прочли настоящій манифестъ за золотой печатью". Говоря о содержаніи манифеста за золотою печатью, лейбъ-уланъ сообщалъ, „что царь отдалъ крестьянамъ всю барскую землю въ полную собственность, безъ урѣзки, цѣликомъ; паны же скрываютъ этотъ манифестъ и вмѣсто него читаютъ свой, совсѣмъ не тотъ, который писалъ самъ царь". Тишанцы твердо увѣровали въ толкованія унтеръ-офицера и рѣшили отъ мала до велика твердо добиваться царскаго манифеста за золотою печатью и отстаивать свою „волю" и царскую милость.

Жители Новой Чиглы и Курлака присоединились къ такому рѣшенію. Волненіе выразилось въ сопротивленіи не только полицейскимъ властямъ, но и самому губернатору. Становаго, вздумавшаго крикомъ водворить спокойствіе среди тишанцевъ и арестовать зачинщиковъ, крестьяне арестовали сами; той же участи подвергся священникъ, попытавшійся разсѣять непониманіе крестьянъ. Самого воронежскаго губернатора, гр. Д. Н. Толстого, крестьяне заставили удалиться, повернувъ его тройку обратно изъ села съ напутствіемъ

---

[1]) Такъ было понято слово „осѣни" въ заключительной фразѣ манифеста.

„ѣхать своимъ путемъ-дорогою, если не хочетъ отвѣдать тишанской дубинки“.

Въ то же время у нихъ, видимо, продолжались сходки, обсуждавшія мѣры для отпора властямъ.

Но нашествіе въ Тишанку воинской команды подъ начальствомъ ген.-майора Мердера все же застало тишанцевъ врасплохъ, если они и рѣшили дать властямъ какой-либо отпоръ; никакого сопротивленія тишанцами не было оказано. Жестокое наказаніе понесли тишанцы за встрѣчу, оказанную губернатору. Въ Тишанку было введено 3 батальона солдатъ. „Привезено было, говоритъ авторъ сообщенія о тишанскомъ волненіи, 4 воза лозъ, поставлено 4 дюжихъ экзекутора и началось крещеніе тишанцевъ въ новую жизнь... Не разбирали ни возраста, ни положенія—и старики, и малые, и богатые, и бѣдняки, всѣ одинаково были окунуты въ купель зарождавшейся новой жизни, всѣ одинаково вкусили преддверія давно желанной воли... Число ударовъ было не одинаково: оно опредѣлялось присутствовавшимъ здѣсь же военнымъ врачемъ, который, глядя по комплекціи, назначалъ отъ 300 до 700 — 800 ударовъ“. Той же участи подверглись чигловскіе и курлацкіе гонцы, пріѣхавшіе разузнать о тишанскихъ событіяхъ и о мѣрахъ, принятыхъ тишанцами противъ властей. Подобныя же экзекуціи были произведены въ Новой Чиглѣ и Курлакѣ: было наказано по 20—30 чел. въ каждой слободѣ. Кромѣ того, тишанцевъ судили военнымъ судомъ, и трое были сосланы въ Сибирь на поселеніе. Унтеръ-офицера, отправившагося въ Петербургъ, чтобы лично просить у государя истинный манифестъ [1]), сослали на каторгу [2]).

Проявлявшееся въ описываемомъ волненіи недовѣріе къ властямъ имѣло причиною, вѣроятно, опять-таки расхожденіе ихъ толкованій и объясненій съ понятіями крестьянъ о волѣ. Крестьяне никакъ не могли усвоить

---

[1]) Съ этой цѣлью былъ произведенъ сборъ по 10 коп. съ души.

[2]) Сообщеніе Грекова. „Тишанская воля“, Историч. Вѣст. 1885 г., № 7. Не объ этомъ ли волненіи упоминаетъ самъ гр. Д. Н. Толстой въ своихъ „Запискахъ“ (Русскій Архивъ, 1885 г. № 5, стр. 35), говоря, что онъ телеграфировалъ въ Петербургъ 8 апрѣля 1861 г. о волненіи слишкомъ 10.000 крестьянъ въ бобровскомъ уѣздѣ и поѣхалъ лично на мѣсто волненія, взявъ съ собою ген.-м. св. е. вел. Мердера для принятія „самыхъ энергичныхъ мѣръ“ въ цѣляхъ подавленія движенія. Противъ такой догадки говоритъ слишкомъ большая разница между датами волненія, указываемыми Грековымъ (начало марта) и гр. Толстымъ (8-ое апрѣля). За догадку говоритъ то, что, по сообщенію самого гр. Толстого, уже 9-го апрѣля онъ былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ службы, а Мердеръ замѣненъ ген.-м. Чертковымъ, по мнѣнію самого гр. Толстого, именно за „рѣшительныя мѣры“; рѣшительность же принятыхъ мѣръ послѣ вышеизложеннаго не подлежитъ сомнѣнію. Грековъ также упоминаетъ о рядѣ увольненій, правда, лишь изъ состава военно-судной комиссіи за излишнюю суровость при усмиреніи.

себѣ, что царь дѣйствительно приподнесъ имъ въ видѣ воли то, что было написано, по разъясненію чиновниковъ и другихъ лицъ въ Положеніи и манифестѣ. Это отмѣчаетъ, между прочимъ, членъ курскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Изъѣдиновъ. „Недовѣріе къ нему (къ мировому посреднику) крестьянъ, пишетъ онъ по поводу одного волненія, произошло оттого, что онъ говорилъ вразрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. И на меня они смотрѣли подозрительно и говорили: „Все, что Вы намъ читали,—писали господа; когда же кто-нибудь скажетъ намъ по нашему“ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовѣріе къ чиновникамъ доходило до того, что крестьяне вообще не вѣрили, чтобы царь могъ передать свою волю черезъ нихъ. Одинъ мировой посредникъ курской губерніи писалъ въ донесеніи о мнѣніи крестьянъ, что „истинная и святая воля государя можетъ доходить до нихъ только черезъ избранныхъ лицъ... Этимъ объясняется, напримѣръ, уклончивый отвѣтъ крестьянъ во время одного изъ волненій на заявленіе становаго пристава, что „они всѣ чиновники-исполнители царской воли... и не смѣютъ перетолковывать волю государя“. „Нехай царь намъ прикажетъ“, говорили крестьяне. „Якъ царь велитъ, такъ и будемо“. „Если царь захочетъ, то передастъ намъ свою волю по слухамъ“, отвѣчали крестьяне на всѣ убѣжденія мирового посредника, становаго пристава и т. д. [2]). Грайворонскій мировой посредникъ утверждалъ то же.

Крестьяне, писалъ онъ, положительно увѣрены, что мы ихъ обманываемъ, что положеніе сдѣлано для господъ въ видахъ ихъ пользы“ [3]).

Недовѣріе къ властямъ не всегда сопровождало подобныя крестьянскія движенія. Иногда, какъ указывалось выше, именно отъ нихъ, какъ отъ царскихъ слугъ, ожидали они объявленія истиннаго манифеста, истинной воли. Но, конечно, отказъ властей объявить подобный манифестъ и увѣренія въ томъ, что его и не существуетъ, нисколько не разубѣждая крестьянъ, немедленно сѣяли подозрѣнія, что и власти закуплены, измѣняютъ царю. Любопытно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ грайворонскомъ уѣздѣ, курской губерніи, въ Борисовской вотчинѣ гр. Шереметева (слобода Борисовка съ хуторами и слобода Красный Кутокъ).

Движеніе началось здѣсь въ 1861 г., разросталось зимою и апогея своего достигло въ 1862 г., закончившись грандіозной экзекуціей. Началось оно съ недовольства размѣрами надѣловъ (крестьяне требовали надѣла maximum'а) и переводомъ ихъ при введеніи уставной грамоты съ оброка

---

[1]) Панковъ. „Крестьянскія волненія въ Курской губерніи въ 1862 г.“ Историч. Вѣстникъ 1890 г., № 8, стр. 365.

[2]) Ibid., стр. 350.

[3]) Ibid.

на барщину, въ чемъ борисовцы справедливо усмотрѣли еще бо́льшую зависимость отъ помѣщика, чѣмъ та, въ какой они были въ крѣпостное время (борисовцы до освобожденія состояли на оброкѣ, занимаясь земледѣліемъ, кустарными производствами и отхожими промыслами). Отказавшись отъ уставной грамоты по указаннымъ причинамъ, боросовцы уже въ 1861 г. начали толковать, что „это все отъ помѣщиковъ, царь насъ освободилъ, а они опять закабалить подъ себя хотятъ". Толки росли, волненіе ширилось и углублялось, крестьяне отказались и отъ барщины, и отъ оброка до прирѣзки земли. Къ апрѣлю 1862 г. къ этому требованію присоединилась увѣренность въ подложности объявленной воли вообще. Этому содѣйствовалъ нѣкій странникъ, разсказавшій имъ цѣлую легенду объ истинной волѣ. „Стойте и держитесь крѣпко *за вѣру и правду*", говорилъ онъ. „Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за двумя желѣзными дверями и шестью замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство, и хочетъ онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Поддержитесь только немного; онъ придетъ вскорости"...

И показывалъ, будто бы, странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ той книгѣ сказано, что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего".

Разсказанная легенда, въ которой повторяются старые крестьянскіе мотивы о томъ, что дворянамъ довѣрять нельзя, ихъ нужно уничтожить (не непремѣнно физически), землю и все имущество отъ нихъ отобрать, что царь стоитъ на сторонѣ народа, но его силою удерживаютъ отъ дѣйствій въ пользу крестьянъ,—эта легенда, видимо, вполнѣ подошла къ настроенію крестьянъ, и разговоры странника вызвали среди нихъ большое возбужденіе. Они собрали незаконно волостной сходъ для того, чтобы „помиркувати", что имъ предпринять. Извѣстіе о прибытіи чиновника особыхъ порученій Мосолова съ 4 эскадронами гусаръ ихъ не испугало. Они вѣрили, что онъ привезетъ имъ настоящую грамоту о волѣ. „Ну вотъ, говорили они, значитъ онъ намъ настоящій царскій указъ привезъ. То намъ все облыжную, неправильную волю показывали, а теперь увидимъ настоящую".

На приказъ Мосолова—въ присутствіи гусаръ—немедленно подписать уставную грамоту, исполнять повинности и на другой же день уплатить слѣдуемый оброкъ, крестьяне отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. „Мы только на Бога надѣемся, да на царя. Отдай намъ сейчасъ истинный царскій указъ—мы сію минуту разойдемся по домамъ, не дашь—не тронемся съ мѣста". Мосоловъ попытался отдѣлить покорныхъ отъ непокорныхъ, но безуспѣшно. Тогда Мосоловъ

окружилъ крестьянъ гусарами, и началась почти поголовная жестокая порка. Сѣкли по два раза тѣхъ, кто ругалъ Мосолова, ложась подъ розги, два раза тѣхъ, кто незаконно созывалъ сходъ, такъ что нѣкоторые получили по 250—300 розогъ, сѣкли такъ, что наказываемые „заходились", по выраженію крестьянъ; если обламывались тонкіе концы розогъ, разсказывали крестьяне, били „оцупками" (комлями). Помимо экзекуціи 7 человѣкъ были преданы суду и сосланы въ Сибирь въ Тобольскую и Томскую губерніи.

Пожалуй, еще болѣе тяжелымъ возмездіемъ былъ для борисовцевъ постой 2-хъ эскадроновъ гусаръ въ продолженіе недѣль трехъ. Вообще, какъ видно изъ многихъ волненій, постои солдатъ были во многихъ случаяхъ тяжелѣе тѣлесныхъ наказаній: помѣщики слишкомъ хорошо пріучили крестьянъ къ поркѣ, а постои сопровождались зачастую такимъ экономическимъ разореніемъ для крестьянъ, такими нравственными и физическими издѣвательствами, что иногда достаточно было, какъ видно на примѣрѣ волненій въ Ярославской губерніи, одной угрозы постоемъ, чтобы привести крестьянъ въ повиновеніе. Примѣръ борисовцевъ достаточно характеренъ для вышеизложеннаго.

Солдаты „таскали сѣно и овесъ, куръ, утокъ, поросятъ, раздавали подзатыльники и зуботычины мужикамъ, не обходилось безъ подлаживанія къ молодицамъ и т. д. Жители Борисовки были такъ напуганы ими, что боялись выходить изъ домовъ, уѣзжали потихонку въ ночное время изъ Борисовки въ сосѣдніе лѣса".

Въ этомъ волненіи, какъ видно изъ изложеннаго, первоначальное полное довѣріе къ Мосолову смѣнилось требованіемъ отъ него царскаго указа, и закончилось ругательствами по его адресу; только репрессіи заставили крестьянъ смириться (что отнюдь не означаетъ еще вѣры крестьянъ въ справедливость толкованій Мосолова).

Изъ волненій на той же почвѣ недовѣрія къ объявленному положенію и увѣренности, что царскую волю скрываютъ, упомянемъ о волненіи въ имѣніи кн. Б. Р. (Пермск. губ., оханск. уѣзда). Крестьяне въ 1861 или 1862 г., по объясненію пермск. губернатора, считали, что отъ нихъ скрываютъ истинную волю Государя и ожидали какихъ-то новыхъ льготъ. Такъ, они ждали въ маѣ манифестъ о надѣленіи ихъ казенною землею и отказывались на этомъ основаніи отъ своихъ надѣловъ. Они побили казаковъ, которымъ было приказано разогнать сходъ, и осадили представителей администраціи въ домѣ священника, чѣмъ вынудили ихъ подписать ложное донесеніе о безпорядкахъ. Прибывъ съ войскомъ, пермскій губернаторъ разогналъ крестьянъ силою. Была назначена военно-судная комиссія, которая привлекла до тысячи крестьянъ въ качествѣ обвиняемыхъ и присудила 138 че-

ловѣкъ къ различнымъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ каторжныя работы и кончая простыми внушеніями о незаконности ихъ дѣйствій. Приговоръ былъ смягченъ въ комитетѣ министровъ: было наказано лишь 44 чел., при чемъ высшею мѣрою наказанія была ссылка въ Енисейскую губ. съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію правъ и возложены на всѣхъ крестьянъ волости издержки по усмиренію [1]).

Наиболѣе любопытно и интересно кандеевское движеніе, захватившее значительный районъ. Волны этого движенія, вздымавшіяся въ трехъ уѣздахъ Пензенской губ. (керенскомъ, чембарскомъ, моршанскомъ), перекатывались даже въ смежный уѣздъ Тамбовской губ.

Въ одномъ изъ первыхъ донесеній въ Пензу (12 апрѣля) было сообщено, что въ чембарскомъ уѣздѣ отказались отъ повиновенія до 26 селъ и деревень [2]). По словамъ автора воспоминаній о бунтѣ въ Кандеевкѣ, Худекова, районъ 3-хъ уѣздовъ Пензенской губ., охваченныхъ движеніемъ, заключалъ въ себѣ около 15000 д. крестьянъ. Эта цифра, вѣроятно, слишкомъ мала. Въ селѣ Кандеевкѣ (помѣщика Волкова), керенскаго уѣзда сосредоточились до 10000 чел. изъ деревень 4-хъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губ. Извѣстный усмиритель, ген. Дренякинъ, сообщаетъ, что въ Кандеевкѣ при усмиреніи 18 апр. изъ болѣе чѣмъ 1000-й толпы было имъ захвачено 410 чел. изъ 14 селеній 3-хъ уѣздовъ. Послѣ выстрѣловъ въ толпу крестьянъ, „поле, — пишетъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи,—покрылось сорвавшимися со дворовъ лошадьми, на которыхъ верхами пріѣзжали въ Кандеевку сторонніе, участвовать въ сопротивленіи и узнать, чѣмъ кончится дѣло „о чистой волѣ“ [3]). Въ одномъ селѣ—Черногаѣ—чембарскаго уѣзда сошлось, согласно офиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 3-хъ тысячъ человѣкъ изъ окружныхъ селеній [4]). Таковы факты, рисующіе размѣры движенія. Что касается его продолжительности, то первыя донесенія (первоначально въ формѣ донесеній о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ) въ керенскомъ и чембарскомъ уѣздахъ, стали поступать къ Дренякину съ 5 апрѣля. Къ 12-му поступающія свѣдѣнія стали тревожнѣе: сообщалось уже о черногаевскихъ событіяхъ. Доносилось, что въ Черногаѣ собравшаяся толпа, дѣйствовавшая кольями, вилами, камнями, кирпичами, арестовала исправника, управляющаго имѣніями гр. Уварова и разсыльнаго, заковала ихъ въ кандалы, заставивъ въ то же время, находившуюся въ селѣ роту солдатъ отступить съ небольшими потерями. Изъ крестьянъ 3 было убито, 4 ра-

---

[1]) Середонинъ. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. III, вып. I, стр. 348.

[2]) „Записка ген.-м. Дренякина“. Русскій Архивъ, 1896 г. № 11.

[3]) Ibid., стр. 321.

[4]) Ibid.

нено. 14 апрѣля было получено сообщеніе о скопленіи массы (до 10000 чел.) волнующихся крестьянъ въ с. Кандеевкѣ. Эти сообщенія заставили губернское начальство принять энергичныя мѣры для усмиренія. Уже 8-го апрѣля были двинуты военныя команды въ мѣста волненій. 12 апрѣля въ мѣста волненій выѣхалъ самъ г.-м. Дренякинъ. 18 апрѣля кандеевцы были уже усмирены. Въ концѣ апрѣля Дренякинъ могъ уже вернуться въ Пензу, и военныя команды были отозваны. Это движеніе, захватившее столь большой районъ и продолжавшееся около мѣсяца, имѣло своимъ первоначальнымъ источникомъ ложное толкованіе манифеста, быстро переходившее потомъ въ его отрицаніе и требованіе отъ властей и священниковъ скрытаго, будто бы, помѣщиками истиннаго царскаго указа о волѣ. Дренякинъ приписываетъ возникновеніе движенія неправильному толкованію манифеста и Положенія священникомъ с. Высокаго, чембарск. уѣзда Федоромъ Померанцевымъ. Этотъ священникъ толковалъ выраженіе Положенія „отбывать барщину", какъ повелѣніе „отбивать" ее, и говорилъ крестьянамъ, что „работать больше на помѣщиковъ не слѣдуетъ [1]". Надо думать, что вѣрнѣе замѣчаніе автора воспоминаній о кандеевскомъ движеніи Худекова, что „крестьянское движеніе въ этой мѣстности началось по нежеланію понять манифестъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ. Отставные солдаты—грамотѣи, пишетъ Худековъ, перетолковывали его на сходахъ по своему, дѣлая своеобразныя комментаріи, идущіе на руку мужичкамъ. А мужичкамъ только того и надо было. Они безпрекословно слушались своихъ новыхъ пророковъ и не довѣряли мѣстнымъ становымъ приставамъ, разъѣзжавшимъ по селамъ съ листами манифеста [2]). Эти толкованія подготовили почву для волненій, а толкованіе Федора Померанцева послужило лишь поводомъ для перехода отъ словъ къ дѣлу, давъ въ руки крестьянъ подкрѣпленіе ихъ пониманію „воли" изъ устъ компетентнаго человѣка, какимъ былъ въ ихъ глазахъ священникъ. Крестьяне села Высокаго бросили работы на помѣщика въ то самое время, когда наступала весенняя пахота и посѣвы яровыхъ. Движеніе перекинулось затѣмъ въ село Ильинское (помѣщика Охотникова), село Троицкое (гр. Вьелегорскаго) и покатилось далѣе. Но уже въ селѣ Ильинскомъ крестьяне кричали становому приставу, читавшему манифестъ: „не тотъ указъ читаешь... знаемъ мы васъ... Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша! Самъ царь отдалъ... работать больше не пойдемъ"... [3]). По другой же

---

[1]) Дренякинъ. „Сказаніе о волненія крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г.". Русская Старина, 1885 г. № 4.

[2]) Худековъ. „Бунтъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г.". Ист. Вѣстн. 1882 г. № 12, стр. 774.

[3]) Худековъ. Историч. Вѣстн., 1881 г. № 12, стр. 774—775.

редакціи крестьяне кричали: „не тотъ указъ читаешь, это мошенничество; земли скорѣй намъ подавайте [1])". Въ селѣ Троицкомъ крестьяне уже требовали отъ священника, чтобы онъ показалъ скрываемый имъ указъ о волѣ.

„Читай намъ новую волю", потребовала толпа крестьянъ у вызваннаго ею троицкаго священника. На возраженіе священника, что манифестъ уже прочитанъ имъ, крестьяне кричали: „Не ту, та поддѣльная! А настоящую читай; въ ней, сказано, что земля теперь вся наша!.. Скрываешь ее отъ насъ", шумѣла толпа на увѣренія священника, что такой у него нѣтъ: „и ты подкупленъ господами! Мы вѣдь знаемъ, что настоящая воля лежитъ въ церкви на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и со знаменемъ Пресвятыя Богородицы"... Крестьяне угрожали священнику повѣсить его, если они найдутъ эту грамоту въ церкви, но, очевидно, они оставили свое намѣреніе, ибо свѣдѣній объ обыскѣ въ церкви и дальнѣйшемъ насиліи надъ священникомъ ни въ донесеніи Дренякина, ни въ воспоминаніяхъ Худекова не имѣется. То же требованіе „царской воли съ Егорьевскимъ крестомъ" предъявляли крестьяне и къ покровскому священнику. Толпа, по свѣдѣніямъ Худекова, „какъ утверждаютъ „потрепала" маленько отца духовнаго" [2]). Крестьяне, встрѣтившіеся вдовѣ одного священника по дорогѣ изъ Чембаръ въ Керенскъ, сообщили ей, что въ селѣ Поимѣ (гр. Шереметьева) читали „настоящую" вольную, не ту, которую въ церкви читали; по ихъ словамъ, ту вольную „помѣщиковъ не приказано больше слушать, а гдѣ исправникъ или становой попадется—то бить надо; а артачиться будетъ, то въ землю живымъ закапывать"... „А господъ, продолжали тѣ же крестьяне, тоже щадить не велѣно, потому — барское добро все намъ приписано! Барамъ, значитъ, шабашъ! [3]). Въ селѣ Черногаѣ крестьяне сначала совершенно мирно сами, безъ зова, явились къ пріѣхавшему къ нимъ исправнику и заявили, что хотятъ „послушать отъ него новую волю". На попытки исправника увѣрить въ истинности Положенія, въ томъ, что самъ царь приказалъ работать на помѣщиковъ по старому до введенія мировыхъ посредниковъ, крестьяне открыто заявили ему, что они не вѣрятъ его словамъ, что согласно „истинной волѣ" они теперь уже не должны работать на помѣщика, ибо срокъ 2-лѣтней работѣ на послѣдняго начался еще въ 1857 г., а оброкъ за землю, „какой будетъ слѣдовать", они запла-

---

[1]) Дубасовъ. „Очерки изъ исторіи Тамбовск. края". Вып. 2-й, стр. 142.

[2]) Худековъ. Ист. Вѣстн. 1881 г. № 12, стр. 775—776.

[3]) Ibid, стр. 776—777. По другой редакціи эти крестьяне говорили такъ: „читали тамъ (въ с. Поимѣ) вольную, по которой не велѣно слушаться помѣщиковъ, а если гдѣ-нибудь попадутся земскіе чиновники, то надо бить ихъ и тутъ же закапывать въ землю. И баръ тоже щадить нельзя. Дома ихъ приказано пожечь и съ людьми, въ нихъ живущими".

тять не господамъ, а государю, ибо теперь они уже „государевы“ [1]). Когда же исправникъ вздумалъ прибѣгнуть къ репрессіямъ и приказалъ арестовать и заковать въ кандалы стоявшимъ впереди „горлопанамъ“, то крестьяне кричали уже: „Да вяжите ихъ сами!.. Они царскіе ослушники, барами подкуплены“... [2]). Въ стычкѣ, которая при этомъ произошла между крестьянами и бывшею въ то время въ Черногаѣ ротою солдатъ, исправникъ, управляющій гр. Уварова, разсыльный, какъ уже говорилось выше, унтеръ-офицеръ—вольноопредѣляющійся и одинъ рядовой было захвачены крестьянами и первые трое, по сообщенію Худекова, закованы въ кандалы; въ стычкѣ едва не былъ убитъ командиръ роты, поручикъ Линденбаумъ. Рота, какъ мы уже знаемъ, должна была отступить, убивъ 3-хъ крестьянъ и ранивъ 4-хъ и успѣвъ отбить только станового пристава, но потерявъ 2-хъ изъ своихъ и нѣсколько ружей. Этотъ единственный случай нападенія крестьянъ на войско, извѣстный въ кандеевскомъ движеніи, объясняется скорѣе всего, помимо возбужденія, ихъ мнѣніемъ, что рота Линденбаума подослана дворянами. „Это войско не царское“, кричали въ толпѣ, когда Линденбаумъ пытался уговорить крестьянъ разойтись по домамъ, „это не царскіе слуги. Это дворянское войско, а настоящее войско только еще идетъ къ намъ на выручку! [3])“. Одинъ изъ главныхъ агитаторовъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ и популярностью въ волнующемся районѣ, крестьянинъ с. Высокаго, Леонтій Егорцевъ шелъ еще дальше въ своихъ подозрѣніяхъ о подкупности властей. Этотъ Егорцевъ говорилъ крестьянамъ о существованіи „золотой грамоты на чистую волю“ и о томъ, что если крестьяне отобьются къ 23-му апрѣля, то получатъ „чистую волю“ и всю помѣщичью землю; иначе же на вѣки-вѣчные останутся крѣпостными“ [4]). По словамъ Дренякина, онъ убѣждалъ при этомъ, что „никто не долженъ вѣрить ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже мнѣ (т. е. самому Дренякину. *И. И.*), по его выраженію, „царскому послу“; всѣ подкуплены будто бы помѣщиками“ [5]). По нѣкоторымъ показаніямъ, на увѣренія Дренякина, Егорцевъ грозилъ даже повѣсить этого вѣроломнаго „царскаго посла“ [6]). Но какъ показываетъ все поведеніе крестьянъ въ Кандеевкѣ и другихъ селахъ, крестьяне не обнаружили такого же недовѣрія къ царскому послу, какое выражалъ Леонтій Егорцевъ. Въ Кандеевкѣ крестьяне встрѣтили Дренякина съ обнаженными головами. Въ отвѣтъ

---

1) Худековъ, стр. 778.
2) Ibid., 779.
3) Худековъ, стр. 781.
4) Дренякинъ. „Сказаніе...“ Русск. Старина, 1885 г. № 4, стр. 140.
5) „Записка Дренякина“. Русск. Архивъ, 1896 г. № 4.
6) Дренякинъ. „Сказаніе...“. 1885 г. № 4, стр. 140.

на слова Дренякина, что онъ „присланъ самимъ царемъ... чтобы объяснить имъ царскую волю", крестьяне отвѣчали, что „имъ только того и надо", что „они его ждали", просили его объяснить царскую волю, обѣщая, что если воля „отъ самого царя", то они ее исполнятъ [1]). Крестьяне слушали Дренякина сначала съ полнымъ вниманіемъ, задавали ему изрѣдка вопросы, между прочимъ, такой: „мы, значитъ, вольные, стало быть земля вся наша и барское добро наше?" При отрицаніи же этого пункта „крестьянской воли" и при послѣдующихъ объясненіяхъ Дренякина о правѣ собственности помѣщиковъ на всю землю и о выкупѣ земли по Положенію, изъ толпы крестьянъ послышался голосъ: „что это за воля" [2]). Не убѣдили крестьянъ и разглагольствованія Дренякина о правахъ крестьянъ на бракъ безъ разрѣшенія помѣщика и о наказаніи крестьянъ только черезъ судъ по закону, а не по произволу помѣщика. Когда же Дренякинъ заговорилъ о сохраненіи оброка и барщины, какъ платы за пользованіе барской землей, то среди крестьянъ обнаружилось, очевидно, раздраженіе и недовѣріе. „На работу мы не пойдемъ, земля вся наша", говорили они. Изъ толпы стали раздаваться угрожающіе возгласы, вскорѣ перешедшіе въ неопредѣленный гулъ.

Дренякинъ счелъ благоразумнымъ удалиться и уже не выступалъ одинъ передъ крестьянами, безъ охраны войскъ. На другой день Дренякинъ попытался вновь вступить въ объясненія съ крестьянами, вызвавъ депутатовъ отъ нихъ, но крестьяне отказались послать ихъ, боясь, чтобы съ выборными „не сдѣлали худа" [3]). Увѣренность крестьянъ въ ихъ правотѣ и правильномъ пониманіи царской воли была такъ велика, что въ день усмиренія, 18 апрѣля, они совершенно не слушали разъясненій Дренякина и, въ отвѣтъ на всѣ обращенія къ нимъ, отвѣчали: „За Бога и царя умираемъ". „На работу къ господамъ не пойдемъ". То же повторяли они въ то время, какъ товарищи валились отъ солдатскихъ пуль, то же говорили, умирая, не издавъ ни одного вопля. Въ промежуткахъ между шпицрутенами, когда у окровавленнаго крестьянина, спина котораго представляла одну безформенную массу, изъ которой торчали куски прутьевъ, врѣзавшихся въ тѣло, спрашивали, пойдетъ ли онъ на работу, наказываемый, говоритъ Худековъ, „только вздохнетъ, какъ будто посвободнѣе и произнесетъ: „На работу не пойду! Дорѣзывайте меня". И снова двигается процессія по „зеленой улицѣ", и снова льется кровь

---

[1]) Худековъ, стр. 785.
[2]) Худековъ, стр. 785.
[3]) Худековъ, стр. 787.

безъ стона, безъ вопля“ [1]) со стороны наказываемаго. „Упорство и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убѣжденій, говоритъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи, были такъ велики, что они стали виниться только тогда, когда исполнилось уже шпицрутенное 29 человѣкъ наказаніе, обѣщавшееся и всѣмъ остальнымъ [2])“.

Судя по изложенію Худекова, виниться крестьяне начали по другой причинѣ. Самъ Дренякинъ говорилъ, что сначала намѣтили и наказали наиболѣе упорныхъ крестьянъ, которые и доказали свою стойкость и силу характера, перенося наказаніе безъ стона, безъ всякихъ знаковъ раскаянія. Когда же безуспѣшность шпицрутеновъ была доказана, то экзекуцію пріостановили и употребили другой пріемъ. Изъ толпы были схвачены наугадъ 10 человѣкъ и приступили къ сѣченію ихъ розгами, что обѣщалось и остальнымъ. Выхваченные оказались не столько стойкими и сильными людьми и начали стонать и причитать подъ ударами, что подѣйствовало на всю толпу въ сторону малодушія; крестьяне упали на колѣни, изъявили раскаяніе и просили пощады. Впрочемъ, Дренякинъ въ своихъ поправкахъ къ статьѣ Худекова сообщаетъ, что крестьяне повинились не подъ наказаніемъ розгами, а „уговорилъ ихъ просить помилованія майоръ Лаксъ“ [3]).

Ознакомившись со степенью увѣренности крестьянъ, что истинная воля вышла отъ царя, но ее скрываютъ помѣщики, подкупивъ съ этой цѣлью чиновниковъ и поповъ, попытаемся скомбинировать, что понимали кандеевцы подъ „чистой волей“. Наиболѣе опредѣленнымъ, наиболѣе частымъ заявленіемъ ихъ было отрицаніе какихъ-либо повинностей помѣщикамъ (барщины и оброка) и повиновенія имъ въ какой бы то ни было формѣ, т. е., въ сущности, отрицаніе срочно-обязаннаго періода. Въ с.с. Ильинскомъ, Троицкомъ, Поимѣ при объясненіяхъ съ Дренякинымъ въ Кандеевкѣ, крестьяне заявили, что вся помѣщичья земля должна перейти имъ [4]). Ту же передачу всей земли крестьянамъ провозглашали крестьянамъ агитаторы (крестьяне с. Высокаго Коровяковъ, Егорцевъ, Кошелевъ, Горячевъ), разъѣзжая изъ села въ село [5]). Въ Черногаѣ крестьяне заявляли, что оброкъ за землю „какой будетъ слѣдовать“ они заплатятъ государю, а не помѣщикамъ [6]). Въ селѣ Поимѣ, по словамъ крестьянъ,

---

[1]) Ibid, стр. 792.
[2]) Записка Дренякина. Русск. Архивъ, 1896 г., № 11.
[3]) Дренякинъ. „Сказаніе...“ Р. Стар., 1885 г., № 4, стр. 143.
[4]) Записка Дренякина. Р. Арх. 1896 г. № 11, стр. 817; Худековъ, стр. 775, 777, 785, 786.
[5]) Худековъ, стр. 775; Дренякинъ „Сказаніе...“, стр. 140; Записка Дренякина. стр. 317.
[6]) Худековъ, стр. 778.

бывшихъ тамъ, говорилось, что крестьянамъ „приписано все барское добро“, вѣроятно, этимъ хотѣли сказать, что не только земли, но и все имущество господъ должно отойти крестьянамъ [1]). Ту же увѣренность, что разъ они вольные, то вся земля и все барское добро ихъ, выражали крестьяне и при объясненіяхъ съ Дренякинымъ въ Кандеевкѣ [2]). Такія заявленія, какія были въ с. Поимѣ, а именно, о необходимости бить становыхъ, исправниковъ, не щадить господъ, скорѣе нужно приписать озлобленности крестьянъ противъ тѣхъ и другихъ за укрывательство отъ нихъ „чистой воли“. Вѣдь тѣ же самые крестьяне, какъ было указано, относились съ довѣріемъ къ представителямъ власти до тѣхъ поръ, пока не обнаруживалось расхожденіе ихъ толкованій съ содержаніемъ крестьянской „чистой воли“. Крестьяне не ограничивались одной увѣренностью въ наступленіи воли и соотвѣтствующими заявленіями. Они немедленно переходили отъ слова къ дѣлу. Отрицаніе всякихъ повинностей и повиновенія помѣщикамъ немедленно проводилось ими на практикѣ. Барщина и другія работы немедленно бросались. То обстоятельство, что это прекращеніе всякихъ работъ на помѣщиковъ и повиновенія имъ совпало какъ разъ съ началомъ весенней пахоты и яровыхъ посѣвовъ и заставило какъ помѣщиковъ засыпать губ. власти жалобами, такъ и начальство—принимать нужныя мѣры для водворенія спокойствія въ краѣ. Самъ Дренякинъ въ своемъ донесеніи, какъ бы оправдывается въ суровости принятыхъ имъ мѣръ— необходимостью привести крестьянъ въ повиновеніе до Пасхи, къ посѣвамъ яровыхъ и вообще къ началу полевыхъ работъ [3]).

„Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, по указанію Худекова, крестьяне начали растаскивать скирды на гумнахъ [4]). Въ селѣ Высокомъ, по донесенію Дренякина, крестьяне заставили бѣжать изъ имѣнія управляющаго и запечали домъ [5]). Въ селѣ Покровскомъ, по словамъ того же лица, крестьяне раздѣлили между собой господскій скотъ [6]). Въ с. Покровскомъ крестьяне хотѣли будто бы „расхитить деньги“ или „расхитить казначейство“ [7]), какъ сказано у Дренякина во всеподданнѣйшемъ донесеніи. Въ своей поправкѣ къ ст. Худекова Дренякинъ говоритъ, что во время движенія „были случаи разграбленія помѣщичьяго имущества“ [8]).

---

[1]) Idid, стр. 777.
[2]) Ibid, стр. 785.
[3]) Записка Дренякина, стр. 320.
[4]) Худековъ, стр. 777.
[5]) Записка Дренякина.
[6]) Записка Дренякина; Дренякинъ „Сказаніе...“
[7]) Ibid.
[8]) Дренякинъ. „Сказаніе...“, стр. 140.

Между крестьянами, захваченными кандеевскимъ движеніемъ, замѣчается не только солидарность въ пониманіи воли, ея проведеніи въ жизнь, въ отношеніи къ начальству, но и въ дѣйствіяхъ. Рѣшившись „отбивать“ волю или, вѣрнѣе, проводить ее въ жизнь, несмотря на всѣ препятствія, крестьяне находились между собой въ живомъ общеніи, подкрѣпляя, такимъ образомъ, другъ друга въ своихъ рѣшеніяхъ. Какъ было уже указано, изъ среды крестьянъ выдѣлились агитаторы (упомянутые Коровяковъ, Егоровъ, Егорцевъ, Кошелевъ, Горячевъ), которые разъѣзжали изъ села въ село и устно толковали объ „истинной волѣ“, по которой царь всю землю отдалъ крестьянамъ, а работать на барина больше не слѣдуетъ. „Переходъ названныхъ крестьянъ, говоритъ Худековъ (впрочемъ, онъ называетъ только 3-хъ первыхъ, умалчивая почему-то о Горячевѣ, о которомъ даетъ точныя свѣдѣнія Дренякинъ), изъ одного села въ другое имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія. На высокій шестъ, изображавшій знамя, былъ привѣшенъ большой красный платокъ; шестъ вставили въ колесо, колесо положили на телѣгу и въ такомъ видѣ этотъ символъ крестьянской неурядицы развозили по селеніямъ.

За этимъ оригинальнымъ поѣздомъ шли массы крестьянъ, бабъ и дѣтей. Едва они вступили за околицу, какъ на встрѣчу съ криковъ „воля, воля“ высыпало изъ курныхъ избъ все крестьянство отъ мала до велика“ [1]). За объявленіемъ воли въ такомъ селеніи слѣдовало проведеніе ея въ жизнь: барщина прекращалась, вотчинныя власти не признавались, а иногда избивались и т. д. Вѣсти о поѣздкахъ помѣщиковъ или управляющихъ въ городъ, конечно, съ просьбами, какъ догадывались крестьяне объ „усмиреніи крестьянъ“, побуждали ихъ къ дальнѣйшимъ солидарнымъ дѣйствіямъ. Уже было отмѣчено, что въ кандеевскомъ движеніи крестьяне сосредоточивались въ какомъ-либо одномъ селѣ для совмѣстныхъ дѣйствій и увеличенія своихъ силъ. Такимъ центромъ было упомянутое село Черногай въ чембарскомъ уѣздѣ, гдѣ сосредоточилось до 3-хъ тысячъ изъ окружныхъ селеній, затѣмъ Кандеевка въ керенскомъ уѣздѣ, гдѣ было до 10.000 человѣкъ изъ десятковъ селъ и деревень 4-хъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерн. Въ селѣ Чернышевѣ, гдѣ жилъ управляющій всѣми имѣніями гр. Уварова, собрались крестьяне изъ 10 окружныхъ селеній съ намѣреніемъ, повидимому, расправиться съ ненавистнымъ управляющимъ [2]). Волнующіяся селенія, очевидно, поддерживали между собою связь и другими способами. На это указываетъ сообщеніе Дренякина о массѣ сорвавшихся со дворовъ лошадей (послѣ выстрѣловъ), на которыхъ верхами пріѣзжали въ Кандеевку

---

[1]) Худековъ, стр. 775.

[2]) Записка Дренякина. Р. Арх. 1896 г., № 11.

сторонніе участвовать въ сопротивленіи и узнать, чѣмъ кончится дѣло о „чистой волѣ“ [1]). Впрочемъ, съ этими сообщеніями волнующихся селъ между собою при помощи гонцовъ приходилось сталкиваться и при описаніи другихъ волненій.

Крестьяне, видимо, скопляясь въ томъ или другомъ селѣ, принимали мѣры предосторожности. Такъ, по указанію Дренякина, въ Кандеевкѣ были установлены крестьянами разъѣзды и пикеты, которые задерживали разсыльныхъ отъ властей [2]). Какъ было упомянуто, въ Черногаѣ крестьяне были вооружены кольями, вилами, кирпичами, камнями. Дренякинъ въ своей запискѣ говоритъ, что въ Кандеевкѣ, на крестьянскихъ дворахъ было заготовлено разнаго рода оружіе, но это утвержденіе генерала нужно оставить всецѣло на его совѣсти, Худековъ же говоритъ опредѣленно, что эти слухи были совершенно ложны, никакого оружія нигдѣ не было найдено [3]).

Дѣйствія крестьянъ, подобныя вышеуканнымъ, не могли оставляться властями безъ вниманія. Въ мѣста волненій было двинуто значительное количество войскъ.

По указанію Дубасова, весь казанскій полкъ былъ приведенъ на военное положеніе и его эшелоны, кромѣ Кандеевки, были направлены на Черногай и Поимъ [4]). Кромѣ казанцевъ, въ воспоминаніяхъ о кандеевскомъ волненіи упоминаются роты тарутинскаго полка, стрѣлковый батальонъ; усмирять крестьянъ двинулся самъ генералъ Дренякинъ, командированный въ Пензенскую губ. на случай могущихъ возникнуть волненій.

По дорогѣ въ Кандеевку онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе наказывать виновныхъ немедленно и безапелляціонно по своему суду; это право было ему дано Александромъ II. Снабженный такими громадными полномочіями, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе, чѣмъ достаточныя военныя силы, приступилъ Дренякинъ къ усмиренію крестьянъ.

Въ Черногаѣ, куда направился прежде всего Дренякинъ, его вмѣшательства не потребовалось. Еще до его прибытія сюда пришла новая рота солдатъ (тарутинскаго полка) и безъ всякаго пролитія освободила арестованное крестьянами начальство. Когда прибылъ сюда Дренякинъ, то спрятавшіеся, было, крестьяне сами вышли къ нему и выразили раскаяніе. По словамъ самого Дренякина, одни его циркуляры къ населенію, въ которыхъ онъ приглашалъ крестьянъ выслать къ нему по нѣсколько старшинъ и домохозяевъ для

[1]) Ibid., стр. 321.
[2]) Ibid., стр. 317.
[3]) Худековъ, стр. 786.
[4]) Дубасовъ. „Очерки по исторіи Тамбовск. края“, вып. 2-ой, стр. 144.

разъясненія манифеста и воли, а также для разъясненія черногаевскаго дѣла, произвели желательное впечатлѣніе. Уже въ село Поимъ, которое было избрано Дренякинымъ его штабъ-квартирой, крестьяне послали депутацію съ покорностью и раскаяніемъ въ участіи въ черногаевскомъ дѣлѣ. Принимая во вниманіе первоначальное довѣріе къ Дренякину даже въ самой Кандеевкѣ, этимъ свѣдѣніямъ Дренякина можно повѣрить, хотя покорность крестьянъ должна остаться подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, покорность крестьянъ можетъ отчасти объясняться невозможностью для жителей противиться тремъ ротамъ солдатъ, сопровождавшимъ Дренякина. По дорогѣ въ Кандеевку Дренякинъ побывалъ въ с. Высокомъ, гдѣ крестьяне также принесли повинную и выдали зачинщиковъ (хотя тотъ же Дренякинъ здѣсь же сообщаетъ, что главный зачинщикъ, Леонтій Егорцевъ, былъ вывезенъ крестьями въ возу соломы). О ходѣ событій въ самой Кандеевкѣ отчасти уже сказано. Втрѣченный собравшимися крестьянами очень довѣрчиво, Дренякинъ своими толкованіями о волѣ довелъ ихъ быстро до враждебнаго и недовѣрчиваго отношенія къ себѣ. Попытка его говорить съ депутатами, какъ сказано, также не увѣнчалась успѣхомъ. Посылка священника съ крестами для убѣжденія крестьянъ также ни къ чему не привела. Крестьяне упорно твердили, что они готовы умереть за Бога и за царя и на помѣщиковъ работать не будутъ. 18-го Дренякинъ пустилъ въ ходъ войска и оружіе: при наличности въ Кандеевкѣ 7-ми ротъ, изъ которыхъ 1 осталась охранять господскій дворъ, 2 должны были защищать флангъ и тылъ, Дренякинъ выступилъ противъ крестьянъ, мирно столпившихся на площади. Со стороны крестьянъ не было принято никакихъ мѣръ для своей защиты; какъ указывалось, слухи о заготовленномъ оружіи на дворѣ оказались ложными. Крестьяне слѣдили лишь съ крыши домовъ за передвиженіями войскъ и держали наготовѣ свое имущество въ возахъ, подвезенныхъ къ устроеннымъ черезъ ручей переѣздамъ, на случай бѣгства. Дренякинъ же приготовился къ серьезному сопротивленію. Еще наканунѣ (17-го апрѣля) былъ устроенъ военный совѣтъ и выработана диспозиція „въ виду не невозможнаго отступленія“ [1]). Въ ночь на 18-ое бивуаки солдатъ передъ господскимъ домомъ представляли изъ себя военный лагерь съ правильно организованной аванпостной службой и патрулями. Дренякинъ самъ сознается въ своей запискѣ, что въ его планъ входило, въ сопротивленія крестьянъ, поджечь село, чтобы выгнать крестьянъ въ поле и тамъ расправиться съ ними.

Итакъ, выступивъ противъ крестьянъ во главѣ 4-хъ ротъ, Дренякинъ подошелъ къ крестьянамъ почти вплотную (по-

---

[1]) Дренякинъ. „Сказаніе...“, стр. 142.

словамъ Худекова, на 40—50 шаговъ, по словамъ Дренякина на 300). Попытку Дренякина убѣдить крестьянъ покориться постигла та же участь, какъ и предыдущія. Крестьяне единодушно кричали, что они готовы умереть за Бога и царя, но работать на помѣщиковъ не пойдутъ. Угроза стрѣлять имѣла тотъ же успѣхъ. Тогда Дренякинъ приказалъ на глазахъ крестьянъ зарядить ружья и дать залпъ. Три, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, залпа не имѣли никакого успѣха. Хотя десятки крестьянъ падали, пораженные солдатскими пулями, остальная толпа продолжала свой кликъ, лишь придвинувшись ближе къ войску. Самъ Дренякинъ впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что въ его времена не было еще „патологическаго явленія деликатно обращаться съ бунтовщиками“ [1]), самъ Дренякинъ, говорятъ, остановился въ ужасѣ передъ безцѣльностью произведеннаго имъ разстрѣла мирной толпы.

Онъ попытался клясться надъ образомъ — благословеніемъ покойной матери, что говоритъ крестьянамъ правду и правильно толкуетъ волю царя. Ничто не помогало. Тогда онъ прибѣгъ къ средству, которое долженъ былъ бы употребить съ самаго начала. Онъ приказалъ солдатамъ быстро ринуться въ толпу и оцѣпить хотя часть ея. Быстрота и неожиданность этого маневра произвела замѣшательство въ рядахъ крестьянъ и вызвала панику. Толпа обратилась въ бѣгство.

Солдатамъ удалось изъ 1000-ной толпы оцѣпить лишь 410 человѣкъ (изъ 14 селеній 3-хъ уѣздовъ). За малочисленностью отряда Дренякинъ отказался отъ преслѣдованія, и скопившіеся въ Кандеевкѣ тысячи крестьянъ постепенно въ ночь разошлись изъ Кандеевки, разнося всюду вѣсть о кандеевскомъ усмиреніи. Въ результатѣ кандеевскаго побоища оказалось убитыми 8 крестьянъ и ранеными 27.

Часть была приговорена къ шпицрутенамъ, ссылкѣ на каторгу, въ Сибирь на поселеніе, или къ тюремному заключенію, часть была приговорена къ розгамъ. Тѣлесныя наказанія немедленно приводились въ исполненіе въ самой Кандеевкѣ. Такая же расправа съ крестьянами была произведена въ рядѣ волнующихся селъ, несмотря на то, что послѣ кандеевскаго усмиренія крестьяне сами приходили съ повинной и выдавали зачинщиковъ. Всего, согласно вѣдомости о числѣ наказанныхъ въ чембарскомъ и керенскомъ уѣздахъ, составленной самимъ Дренякинымъ, было наказано 172 человѣка съ подраздѣленіемъ на 5 группъ: 1) 28 человѣкъ были прогнаны сквозь строй шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ съ 4 до 7 разъ, съ ссылкой на каторгу на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и воинскаго зва-

[1]) Древнякинъ. „Сказаніе...“ Р. Стар. 1885 г., № 4, стр. 142.

нія; 2) 80 человѣкъ приговорены къ шпицрутенамъ черезъ 100 человѣкъ отъ 2 до 4-хъ разъ и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и воинскаго званія; 3) 3 человѣка за старостью лѣтъ безъ тѣлеснаго наказанія къ содержанію въ смирительной ротѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ; 4) 3 человѣка къ шпицрутенамъ черезъ 100 человѣкъ 2 раза и безъ наказанія приговорены къ обращенію на службу въ оренбургскій линейный батальонъ; 5) 58 человѣкъ къ наказанію розгами отъ 50 до 250 ударовъ съ возвращеніемъ въ семейства.

Кромѣ того, священникъ Федоръ Померанцевъ былъ приговоренъ къ заключенію навсегда въ Соловецкій монастырь, а дьяконъ с. Сентяпино, Лука Коронатовъ (помогавшій якобы Померанцеву въ толкованіяхъ манифеста и Положенія) былъ отданъ подъ строгій надзоръ мѣстнаго епархіальнаго начальства въ гор. Пензѣ. Такими репрессіями закончилось кандеевское движеніе. Дренякинъ достигъ своей цѣли. Къ Пасхѣ движеніе почти прекратилось. Въ отвѣтъ на свое донесеніе о кандеевскомъ усмиреніи Дренякинъ получилъ 23 апрѣля отъ Александра II слѣдующую телеграмму:

„Христосъ Воскресе. Благодарю за поздравленіе (съ Пасхой. *И. И.*) и за дѣльныя распоряженія—Александръ“ [1]).

По сообщенію Дренякина, въ 1862 году было исходатайствовано II категоріи присужденныхъ (80 человѣкъ) полное помилованіе съ возвращеніемъ на родину, а 26 лицамъ II категоріи—значительное сокращеніе сроковъ каторжной работы съ оставленіемъ въ Сибири.

И. Игнатовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Дренякинъ „Сказаніе...“ Р. Стар. 1885 г., № 4, стр. 159.

Воспоминанія.

ГЛАВА VII.

Положеніе моей семьи.—Отъѣздъ няни на богомолье.—Мѣстная Мессалина.—Ночь передъ рекрутчиной.—Воровство въ домѣ и вынужденныя клятвы.—Обученіе.

Наступила весна пятаго года нашей жизни въ деревнѣ. Наша семья была теперь весьма малочисленна: моя мать, старшая сестра Нюта, я и няня,—вотъ и все населеніе нашего большого деревенскаго дома. Мой братъ Заря былъ опредѣленъ въ Аракчеевскій корпусъ въ Новгородѣ, Андрюша находился въ дворянскомъ полку въ Петербургѣ, Саша въ пансіонѣ.

Всѣ домашніе какъ-то начали замѣчать, что няня худѣетъ изо дня въ день. Матушка сильно обезпокоилась. Что было дѣлать? Привести изъ города доктора? Это считалось необыкновеннымъ событіемъ въ деревнѣ и стоило большихъ денегъ: лошадямъ приходилось дѣлать четыре конца, слѣдовательно, необходимо было освободить отъ работъ какъ ихъ, такъ и кучера, по крайней мѣрѣ, дней на шесть. Лишая доктора практики въ продолженіе такого долгаго времени, соотвѣтственно съ этимъ слѣдовало назначить ему и приличное вознагражденіе. Несмотря на свою крайнюю расчетливость, матушка такъ высоко цѣнила заслуги няни, что не побоялась бы расходовъ, но какъ уговорить ее согласиться на это. Однако случай помогъ выйти изъ затрудненія. Въ это самое время сильно заболѣла Воинова, и ея мужъ отправилъ лошадей за докторомъ въ губернскій городъ. Гувернантка Воиновыхъ, отъ имени Натальи Александровны, предлагала матушкѣ воспользоваться этимъ случаемъ.

Какъ вспыхивали отъ смущенія блѣдныя щеки няни, когда матушка читала ей письмо Ольги Петровны. «О Господи», повторяла она на всѣ лады. «Такія настоящія барыни, какъ Александра Степановна и Наталья Александровна... можно сказать, первыя въ нашей округѣ... и вдругъ думаютъ о такомъ червякѣ, какъ я!» Она всегда была вѣрна себѣ, моя святая, моя великая смиренница няня! Но матушка за эти слова страшно разсерди-

лась на нее. «Вѣдь ты же прекрасно понимаешь, что если какая бѣда стрясется съ тобой,—дѣти мои погибнутъ и хозяйство прахомъ пойдетъ!..» И она немедленно повезла ее къ доктору и вполнѣ правильно объяснила ему причину ея болѣзни: «измучилась она у насъ заботами о дѣтяхъ!» Докторъ не нашелъ у няни ничего серьезнаго, но посовѣтовалъ дать ей отпускъ на два — три мѣсяца для полнаго отдыха.

Мысль, что няня уѣдетъ на такое продолжительное время, приводила меня въ отчаяніе. Въ глубинѣ души я сознавала, что должна подчиниться этому рѣшенію, но не умѣла справиться съ собой. Когда я вспоминала предстоящую разлуку, я то плакала, то, сидя по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, даже не отвѣчала нянѣ на ея вопросы. Матушка и Нюта усовѣщивали и бранили меня, но изъ этого ничего не выходило, и я тосковала все больше. Однажды во снѣ я начала такъ рыдать и кричать, что всполошила весь домъ. Меня разбудили, и я увидѣла у моей постели матушку и няню. Мнѣ дали напиться, и я успокоилась. Вѣроятно, няня подумала, что я уже заснула, такъ какъ сказала матушкѣ: «хоть рѣжьте, я никуда не поѣду!» Это рѣшительное заявленіе няни такъ меня успокоило, что я опять вошла въ прежнюю колею. Но однажды утромъ няня поразила меня тѣмъ, что какъ-то сконфуженно отворачивала отъ меня свое лицо, руки ея дрожали, и она неохотно разговаривала со мной. Вдругъ въ передней раздались голоса Воиновыхъ, и я весело побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Не прошло и получаса, какъ матушка безаппеляціонно объявила мнѣ, что я должна сейчасъ же одѣваться, такъ какъ отправляюсь въ домъ Воиновыхъ вмѣстѣ съ ними, и мнѣ стали быстро и быстро подавать верхнюю одежду. Я поняла свой приговоръ и съ крикомъ бросилась къ нянѣ, но матушка сурово оттолкнула меня отъ нея, и она, утирая слезы, вышла изъ комнаты. Больше я не видала ее до самаго ея возвращенія.

Когда я пріѣхала къ Воиновымъ, хозяйка дома и ея гувернантка дѣлали все, чтобы развлекать насъ, дѣтей: лѣтнія деревенскія удовольствія смѣнялись одни другими, и я днемъ совсѣмъ не вспоминала ни о домѣ, ни даже о нянѣ, но, когда я лежала въ постели, я долго не засыпала, и меня вдругъ охватывала страшная тоска. И вотъ однажды я стала прислушиваться къ разговору помѣщицы Ковригиной, которая вечеромъ пріѣхала къ Натальѣ Александровнѣ и разговаривала съ нею въ столовой, дверь изъ которой была пріоткрыта въ дѣтскую.

Ковригина была вдовою, еще не старою и довольно красивою женщиною. Хотя доходы съ ея небольшого имѣнія были не велики, но такъ какъ у нея не было ни дѣтей, ни родни, она могла жить безбѣдно. Но она, видимо, проживала гораздо больше, чѣмъ имѣла: зиму она проводила въ губернскомъ городѣ, гдѣ много выѣзжала, танцовала, наряжалась и, какъ говорили, кутила напропалую. Въ деревнѣ же она тосковала и убивала время, зазывая къ себѣ гостей.

Ковригина была своего рода Мессалиною въ нашемъ захолустьѣ: про нея ходило много разсказовъ. Когда по дорогѣ показывался ея экипажъ, болѣе щегольской, чѣмъ у кого бы то ни было въ нашей мѣстности, дворовые въ людской и гости въ «господскомъ домѣ», не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей, разсказывали о ея разнообразныхъ похожденіяхъ. Сколько въ нихъ было правды, я не знаю, но, какъ фактъ общеизвѣстный, передавали, что она, съ помощью прислуживавшаго въ домѣ казачка отравила своего мужа, а затѣмъ, чтобы купить молчаніе своего крѣпостного, сдѣлалась его любовницей и совала ему деньги и подачки, что только увеличивало его требовательность и наглость. Она избавилась отъ него лишь вѣроломнымъ образомъ, отправивъ его въ воинское присутствіе и забривъ ему лобъ. Тѣмъ не менѣе дѣло о внезапной кончинѣ ея мужа все-таки возникло, и она употребила весь свой небольшой капиталъ и свои брилліанты на то, чтобы потушить его. Когда это ей удалось, она на довольно продолжительное время куда-то уѣхала изъ нашихъ краевъ, но затѣмъ опять появилась въ своей усадьбѣ и сразу начала вести безпутный образъ жизни. Ее не принимали во многихъ помѣщичьихъ семьяхъ, но не потому, что она запятнала себя уголовнымъ преступленіемъ и не добропорядочнымъ поведеніемъ, а только изъ-за того, что находили ее неотразимой для мужа или сына. Ни одинъ помѣщикъ не рѣшался признаться въ томъ, что посѣщаетъ ее: они пріѣзжали къ ней не иначе, какъ оставивъ лошадей на постоялом дворѣ, находившемся въ полутора верстѣ отъ ея дома, и являлись къ ней пѣшкомъ. Когда она въ первый разъ пріѣхала къ намъ въ Погорѣлое, матушка приняла ее очень любезно, но, проболтавъ съ ней вечеръ, пришла къ заключенію, что Ковригина «и дурашка, и пустельга», что на нее не стоитъ тратить времени, а потому не отдала ей визита и разъ навсегда приказазала нянѣ, когда она будетъ пріѣзжать къ намъ, говорить ей, что матушка только что уѣхала.

Когда Ковригина, разговаривая съ Воиновой, вдругъ произнесла мою фамилію, я стала прислушиваться. «Всѣ ея дѣти» (т. е. моей матери), говорила она, «несчастныя, заброшенныя созданія, а сама она ледяная глыба. Отъ отсутствія ея заботливости у нея уже сгорѣла одна дочь, да и всѣ ея дѣти погибли бы въ огнѣ и помойныхъ ямахъ, если бы не няня»...

Я не могла понять того, что все сказанное Ковригиною было съ ея стороны местью за пренебрежительное отношеніе къ ней моей матери. Такъ какъ я страдала отъ ея холодности и была уязвлена въ раннемъ дѣтствѣ ея словами при моей тяжелой болѣзни, то все слышанное мною снова пробудило въ моей душѣ дурныя чувства къ матушкѣ.

По возвращеніи домой я съ особенной силой почувствовала весь ужасъ одиночества. Онъ былъ всего болѣе чувствителенъ для меня потому, что въ то лѣто у насъ не гостили ни мои братья, ни сестра Саша. Она уже была въ старшихъ классахъ

пансіона и получила на каникулы мѣсто въ Черниговской губерніи у зажиточныхъ малорусскихъ помѣщиковъ, гдѣ она обучала французскому языку и музыкѣ ихъ единственную дочь, воспитанницу того же пансіона. Хотя за этотъ трудъ сестрѣ предложили невѣроятно жалкое вознагражденіе, что-то въ родѣ 10 или 12 рублей за все лѣто, но она письменно умоляла матушку не лишать ее «счастья быть полезной семьѣ» и дозволить взять мѣсто. Матушка согласилась, и Саша впервые отправилась на мѣсто гувернантки, а осенью прислала ей всѣ полученныя ею деньги.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ оригинальномъ отношеніи моей матери къ деньгамъ, получаемымъ моею сестрою за свой трудъ. Оно было совершенно такимъ же, какъ и у крестьянъ, когда тѣ отправляютъ сына на заработки. Сестра Саша впослѣдствіи много зарабатывала, конечно, сравнительно съ тѣмъ, что тогда вообще получали у насъ женщины, но какъ свое первое вознагражденіе, такъ и до конца своей жизни, она все до послѣдней копѣйки отдавала матери. Когда ей нужна была новая обувь, шляпа, платье или что другое, матушка требовала, чтобы Саша показала ей то, что она желаетъ обновить. Иногда она находила, что башмаки ея дочери могутъ выдержать вторую починку, а платье еще не такъ истрепалось, чтобы его замѣнять другимъ,—и отказывала удовлетворить ея просьбу. Когда Сашѣ приходилось письменно просить матушку разрѣшить ей удержать для себя нѣсколько рублей изъ своего заработка, это дѣлалось съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ того, на что именно и сколько ей было нужно денегъ. Въ отвѣтъ на такую просьбу, матушка обыкновенно посылала ей свой собственный списокъ, въ которомъ точно опредѣляла, во что должно обойтись то или другое: вмѣсто предполагаемой сестрой матеріи на ея новое платье по 60 копеекъ за аршинъ, она должна была по приказанію матери купить ее по 40 копеекъ, «что же касается ботинокъ», стояло въ одномъ изъ писемъ матушки къ сестрѣ, найденныхъ мною въ ея бумагахъ, «то и козловые башмаки въ 1 рубль 50 копеекъ могутъ еще считаться щегольствомъ для такой бѣдной дѣвушки, какъ ты, а ужъ эти фокусы, чтобы покупать нонѣшнія ботинки въ 3 рубля, такъ ты это выкинь изъ головы. И съ чего это у тебя вдругъ такое фанфаронство? При твоемъ умѣ и благоразуміи,—это просто даже непростительно!»

Но возвращаюсь къ своему разсказу. Если бы въ нашей семьѣ не было страшнаго несчастья, случившагося съ сестрою Ниной, погибшей отъ обжоговъ вслѣдствіе недосмотра, то матушка, по ея словамъ, давнымъ-давно дала бы мнѣ полную свободу ходить и бѣгать, гдѣ угодно. Но это ужасное семейное событіе заставляло ее, несмотря на то, что я, во время отсутствія няни, была уже большою дѣвочкой, поручить меня присмотру горничной Домны, которая должна была повсюду сопровождать меня, не спуская съ меня глазъ. Но это совсѣмъ не исполня-

лось, и Домна изрѣдка забѣгала только посмотрѣть, гдѣ я нахожусь.

Нашъ домъ стоялъ на горѣ, а внизу между нимъ и озеромъ была большая сажалка, устроенная еще отцомъ. Когда въ озерѣ ловили рыбу и попадалась мелкая рыбешка, ее бросали въ сажалку. Нѣкоторыя породы рыбъ прекрасно выносили воду сажалки, даже жирѣли въ ней, тѣмъ болѣе, что имъ бросали хлѣбныя крошки, червяковъ, рыбьи внутренности. Эту сажалку держали и при матушкѣ, чтобы всегда имѣть подъ руками живую рыбу. Даже живя у берега большого, прекраснаго озера, не всегда возможно было имѣть къ столу хорошую рыбу: то уловъ оказывался плохимъ, то попадалась исключительно мелкая рыба. А въ сажалку стоило опустить сачокъ, и изъ него выбирали то, что нужно, а остальное опять бросали въ воду. Крестьянамъ ловить для себя рыбу изъ сажалки было строго запрещено. Намъ, дѣтямъ, дозволялось удить въ ней рыбу удочкой. Въ первый же разъ, когда я попробовала это дѣлать безъ няни, я поскользнулась и упала въ сажалку. Это не испугало меня; у берега было мелко, и я тотчасъ выкарабкалась на землю, но Домна, увидавъ мое испачканное платье, пребольно стала обдергивать меня. До той поры я даже отъ матушки не испытала ничего подобнаго, а тутъ вдругъ «простая баба смѣетъ меня, барышню!..» И я бросилась съ жалобой къ Нютѣ, которая постращала за это Домну тѣмъ, что если она позволитъ себѣ что-нибудь въ этомъ родѣ, это будетъ доложено матушкѣ. Переодѣвая меня, Домна осыпала меня градомъ упрековъ, называя «ябедницею» и «наушницею». Я и это побѣжала передать сестрѣ; но та за это уже побранила меня, указывая на то, что она съ Сашей часто замѣчаютъ, что прислуга дѣлаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но никогда не доводятъ этого до старшихъ; при этомъ она прибавила: «особенно няня не терпитъ тѣхъ, кто жалуется...» Послѣднее замѣчаніе произвело на меня сильное впечатлѣніе: мысль, что няня можетъ разлюбить меня, если я передамъ кому-нибудь о томъ, что мнѣ сдѣлали что-либо непріятное, такъ ужаснула меня, что я тутъ же дала себѣ слово никогда никому ни на что не жаловаться.

У насъ готовился рекрутскій наборъ. Всеобщей воинской повинности тогда не существовало; дворяне и купцы не обязаны были служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить въ рекрутское присутствіе извѣстное количество рекрутъ. Тотъ изъ крестьянъ, на кого падалъ жребій, отбывалъ солдатчину въ продолженіе 25 лѣтъ, а въ случаѣ какой-либо провинности, и всю жизнь, слѣдовательно, его надолго, а то и навсегда, отрывали отъ своего гнѣзда и хозяйства, отъ своей деревни, отъ жены, матери и дѣтей, отъ всѣхъ привычекъ, съ которыми онъ сроднился, и бросали въ среду, еще болѣе жестокую, чѣмъ даже крѣпостническая среда того времени.

Не менѣе ужасно было и положеніе жены рекрута: когда мужа уводили «на чужедальнюю сторонушку», какъ объ этомъ

говорилось въ народныхъ пѣсняхъ, его женѣ некуда было дѣться, и она волей-неволей оставалась въ его семьѣ. Какова даже въ настоящее время жизнь молодухи, попавшей въ семью свекра, въ которой живутъ нѣсколько его сыновей съ своими женами и его незамужнія дочери, можно видѣть изъ въ высшей степени талантливой драматической поэмы К. И. Фаломѣева «Счастье». Въ ней реально, глубоко правдиво и въ художественныхъ образахъ изображена горе-горькая доля молодой женщины въ домѣ свекра и свекрови. Но въ своемъ произведеніи г. Фаломѣевъ даетъ описаніе жизни современныхъ крестьянъ, никогда не испытавшихъ гнета крѣпостничества, нравы которыхъ со времени освобожденія должны были сильно смягчиться и очеловѣчиться подъ вліяніемъ все усиливающейся грамотности, распространенія гуманныхъ идей и постепеннаго пробужденія отъ вѣкового сна. Если и въ настоящее время положеніе «молодухи» въ семьѣ мужа такъ ужасно, какъ изображено въ драмѣ «Счастье», то можно себѣ представить, каково оно было въ то отдаленное, жестокое крѣпостническое время, да еще тогда, когда мужъ, ея единственный защитникъ, уходилъ въ солдаты. «Солдатка», какъ тотчасъ начинали называть ее, слезами и кровью омывала каждый кусокъ хлѣба: изнемогая подъ бременемъ непосильнаго труда (на нее наваливали въ семьѣ самую тяжелую работу), изнывая отъ брани и упрековъ золовокъ, поѣдомъ ѣвшихъ ее, страдая отъ побоевъ свекрови и свекра, а нерѣдко и отъ позорныхъ преслѣдованій послѣдняго, она бѣжала развлекаться на сторону, становилась пьяницей и въ конецъ развращалась.

Вотъ почему такой ужасъ охватывалъ какъ того, кого сдавали въ солдаты, такъ и его жену, и его близкихъ, вотъ почему тотъ, на котораго падалъ тяжкій жребій быть солдатомъ, «удиралъ въ бѣги», а случалось и лишалъ себя жизни. Какъ тѣ, у кого укрывались бѣглецы, такъ и самихъ ихъ жестоко карали. Вслѣдствіе этого рѣдко находились охотники, рѣшавшіеся прятать у себя бѣглецовъ, а потому послѣдніе чаще всего скрывались въ лѣсахъ, канавахъ и въ полуразвалившихся, заброшенныхъ постройкахъ. Когда наступало время рекрутскаго набора, не только женщины, но и мужчины, какъ господа, такъ и крѣпостные, не рѣшались ходить въ лѣсъ въ одиночку.

Однажды, когда послѣ рекрутскаго набора прошелъ съ мѣсяцъ, и няня была уже дома, мы какъ-то гуляли съ нею недалеко отъ нашего дома. Только что мы успѣли перейти мостикъ, переброшенный черезъ овражекъ, какъ изъ-подъ него стало выползать и приподниматься какое-то страшное существо, которое въ первую минуту даже трудно было признать за человѣка: оборванныя лохмотья, которыми онъ былъ прикрытъ, волосы на головѣ, лицо,— все представляло какой-то громадный комъ грязи. Во всей фигурѣ этого несчастнаго выдѣлялись только его глаза, бѣгающіе изъ стороны въ сторону, какъ у затравленнаго звѣря, и ротъ, обрамленный гнойными струпьями. При нашемъ прибли-

женіи онъ хотѣлъ заговорить, но издавалъ только гортанные звуки. Я такъ испугалась, что бросилась бѣжать, вскочила на крыльцо дома и сѣла на ступеньки съ сильно бьющимся сердцемъ. Когда, черезъ нѣкоторое время, пришла няня, слезы градомъ катились по ея щекамъ. Изъ ея разговора съ матушкой я поняла, что это былъ бѣглый изъ имѣнія, верстъ за 30 отъ насъ, что онъ хоронится отъ людей уже больше мѣсяца, до ужаса оголодалъ и охолодалъ и теперь идетъ въ городъ «заявиться», т. е. отдаться въ руки властямъ. Няня умоляла матушку дать ему возможность «силушки набраться», чтобы до города дотащиться. Она получила разрѣшеніе взять изъ хозяйства все, что найдетъ необходимымъ, но матушка заявила нянѣ, что она должна переговаривать съ нимъ такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, иначе она будетъ въ отвѣтѣ за пристанодержательство.

Когда объявляли рекрутскій наборъ, наши крестьяне, по своему приговору, назначали, кому быть рекрутомъ, и сами зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь. И, несмотря на это, родственники кандидата въ рекруты,—его отецъ, жена, мать,—приходили къ матушкѣ, падали передъ нею на колѣни, говорили о несправедливости «міра», слезно молили ее не отдавать ихъ сына въ солдаты, указывали крестьянскую семью, которой легче будетъ перенести отсутствіе лишняго работника. Но матушка отклоняла всѣ подобныя ходатайства, не желая вмѣшиваться въ постановленія міра (сельскаго общества). Многіе помѣщики не слѣдовали этому правилу и отдавали въ рекруты крестьянъ, чѣмъ нибудь провинившихся передъ ними. Помѣщикъ, не довольный своимъ крѣпостнымъ, нерѣдко даже ранѣе рекрутскаго набора, отправлялъ его въ воинское присутствіе и получалъ за него рекрутскую квитанцію, которую продавалъ обыкновенно за довольно высокую цѣну.

На того, кому предназначалось быть рекрутомъ, немедленно надѣвали ручные и ножные кандалы и сажали въ особую избу. Это дѣлали для того, чтобы помѣшать ему наложить на себя руки или бѣжать. Съ этою цѣлью нѣсколько человѣкъ крестьянъ садились съ будущимъ рекрутомъ въ избу и проводили съ нимъ всю ночь, а на другой день, раннимъ утромъ, его отвозили въ городское присутствіе. Въ эту ночь сторожа не могли задремать ни на минуту: несмотря на то, что вновь назначенный въ рекруты былъ въ кандалахъ, они опасались, что онъ какъ-нибудь исчезнетъ съ помощью своей родни. Да и возможно ли было имъ заснуть, когда вокругъ избы, въ которой стерегли несчастнаго, все время раздавались вой, плачъ, рыданія, причитанія... Тотъ, кто имѣлъ несчастье хотя разъ въ жизни услышать эти раздирающіе душу вопли, никогда не забывалъ ихъ.

Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, наборъ рекрутъ происходилъ во время нянинаго отсутствія. Я уже спала, какъ вдругъ до меня донеслись ужасающіе вопли. Я проснулась и начала

звать Домну; но она не откликалась. Тогда я, ощупавъ ея постель и убѣдившись, что ея нѣтъ со мной, набросила на себя что попало подъ руку и выбѣжала во дворъ: дверь дома оказалась незапертою.

Чуть-чуть свѣтало. Я пошла туда, откуда раздавались голоса, которые и привели меня къ банѣ, вплотную окруженной народомъ. Изъ единственнаго ея маленькаго окошечка по временамъ ярко вспыхивалъ огонь лучины и освѣщалъ то когонибудь изъ сидѣвшихъ въ банѣ, то одну, то другую группу снаружи. Въ одной изъ нихъ стояло нѣсколько крестьянъ, въ другой на землѣ сидѣли молодыя дѣвушки, сестры рекрута: они выли и причитали: «Братецъ нашъ милый, на кого ты насъ покинулъ, горемычныхъ сиротинушекъ?..» Въ сторонкѣ сидѣло двое стариковъ: мужикъ и баба—родители рекрута. Старикъ вглядывался въ окно бани и сокрушенно покачивалъ головой, а по лицу его жены и по ея плечамъ капала вода,—ее только что обливали, чтобы привести въ чувство. Она не двигалась, точно вся застыла въ неподвижной позѣ, глаза ея смотрѣли впередъ какъ-то тупо, какъ можетъ смотрѣть человѣкъ, уставшій отъ страданія, выплакавшій всѣ свои слезы, потерявшій въ жизни всякую надежду. А подлѣ нея молодая жена будущаго солдата отчаянно убивалась: съ растрепавшимися волосами, съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, она то кидалась съ рыданіемъ на землю, то ломала руки, то вскакивала на ноги и бросалась къ двери бани. Послѣ долгихъ просьбъ впустить ее, дверь, наконецъ, отворилась, и въ ней показался староста Лука: «что-жъ, молодка, ходи... на послѣдяхъ... Пущай и старики къ сыну идутъ!..» За вошедшими проскользнула и я. Въ первую минуту на меня никто не обратилъ вниманія. Я смотрѣла то на сторожей, сидѣвшихъ по лавкамъ, то на молодую женщину, рыдавшую у ногъ мужа. Но вдругъ Лука, замѣтивъ меня, всплеснулъ руками: «барышня! да что вы?.. Вѣдь Домнѣ-то здорово за васъ влетитъ!»... Прибѣжала и Домна и потянула меня домой, безцеремонно ругая меня за своеволіе. Во мнѣ опять вскипѣлъ дворянскій гоноръ,—матушка не могла его выправить: онъ внѣдрялся вѣками и всею совокупностью фактовъ крѣпостнической среды. Я пустилась въ перебранку съ «подлянкой», которая осмѣлилась такъ говорить со мною. Но она, не обращая вниманія на меня, стащила съ меня платье; я опять очутилась въ постели, а горничная снова убѣжала. Но вопли со двора раздались вдругъ съ такой силой, съ такою болью сжали мнѣ сердце, что я опять выбѣжала на крыльцо.

На этотъ разъ я увидала уже запряженную телѣгу. Рекрутъ, въ сопровожденіи сторожей, былъ во дворѣ; къ нему подходили родственники, другъ за другомъ, по степени родства, цѣловались съ нимъ три раза то въ одну, то въ другую щеку, кланялись ему до земли; онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же и, отвѣсивъ послѣдній земной поклонъ сразу всѣмъ присутствующимъ, сѣлъ въ телѣгу, въ которую вмѣстѣ съ нимъ влѣзли еще двое крестьянъ. Въ

этой толпѣ я замѣтила и матушку. Плачъ, рыданія, вопли и причитанія кругомъ такъ потрясли меня, что я бросилась къ ней со слезами. Матушка была сильно взволнована и не обратила вниманія на то, что я расхаживала тутъ въ такое раннее время. Я приставала къ ней съ разспросами, зачѣмъ она отдаетъ въ солдаты Ваньку, котораго всѣ такъ жалѣютъ. Изъ ея объясненій я поняла только одно, что рекрутскій наборъ наноситъ большой ущербъ ея хозяйству, и уже никакъ не она въ немъ повинна, а что есть кто-то повыше ея, кто требуетъ этого.

Никто въ домѣ долго не зналъ о моей ночной экспедиціи— и это понятно: крѣпостные, безъ крайней необходимости, никогда не стали бы подвергать горничную барскому гнѣву. Эта ужасающая сцена отдачи въ рекруты много лѣтъ приходила мнѣ на память, нерѣдко смущала мой покой, заставляла меня ломать голову и разспрашивать у многихъ, кто же виновенъ въ томъ, что у матери отнимаютъ сына, у жены — мужа и отвозятъ въ «чужедальную сторонушку»?

Нянино отсутствіе уже приближалось къ концу, какъ вдругъ однажды матушка получила приглашеніе отъ знакомыхъ, жившихъ отъ насъ верстахъ въ 20, пріѣхать съ Нютою къ нимъ на именины. И обѣ онѣ долго при мнѣ совѣщались о томъ, принять ли имъ это приглашеніе, или отказаться отъ него. Изъ этихъ разговоровъ я поняла, что матушка желаетъ отправиться въ гости, чтобы кое съ кѣмъ поговорить о дѣлахъ и чтобы дать возможность Нютѣ, которая вѣчно сидитъ дома, разсѣяться и познакомиться съ порядочнымъ обществомъ, а можетъ быть и потанцовать. При этомъ обо мнѣ никто изъ нихъ и не вспомнилъ. На мой вопросъ, отправлюсь ли и я съ ними, матушка какъ-то переконфузилась и ничего не отвѣтила, а сестра взяла на себя роль старшей и, обращаясь ко мнѣ, наставительно отчеканила: «тамъ нѣтъ дѣтей... да тебя туда никто и не приглашаетъ!»... Я расплакалась. Матушка подсѣла ко мнѣ, ласково стала гладить по головѣ и утѣшать, но такъ какъ въ ея словахъ все-таки не было обѣщанія взять меня съ собою, то они еще болѣе усилили горечь и обиду. Мнѣ такъ хотѣлось сказать ей въ эту минуту много, много горькихъ вещей, но я не высказала ихъ: я была уже пріучена къ извѣстной сдержанности и къ тому же не умѣла формулировать того, что просилось на языкъ.

И этотъ новый фактъ окончательно укрѣпилъ меня въ мысли, что матушка совсѣмъ меня не любитъ, что въ другихъ семьяхъ, напримѣръ, у Воиновыхъ, мать гораздо болѣе заботится о своихъ дѣтяхъ... Особенно возмущалась я тѣмъ, что меня оставляютъ дома одну съ Домною, которую я не терпѣла, которая вѣчно оскорбляла меня, которой въ домѣ никто не довѣрялъ. Чѣмъ больше я думала объ этомъ, тѣмъ больше меня охватывалъ ужасъ остаться съ нею вдвоемъ. «Я сгорю», начала я всхлипывать, «какъ сгорѣла Нина!» И я горько и безутѣшно разрыдалась. Вѣроятно, чтобы успокоить меня, матушка позвала Домну и стала при мнѣ строго

приказывать, чтобы она не осмѣливалась во время ея отсутствія оставлять меня одну хотя на минуту. Домна по обыкновенію завопила: «Да лопни мои глаза... Да провались я скрозь землю... ежели я, значить, хоть на сикундъ отлучусь...“ Матушка заявила, что она возвратится черезъ два дня и распорядилась, чтобы я не выходила изъ дому въ дурную погоду.

Какъ только не стало слышно звона колокольчиковъ, Домна немедленно втащила въ дѣтскую корзину съ моими игрушками, представлявшими скорѣе пародію на нихъ: тутъ были скляночки, баночки, бумажныя коробочки отъ лекарствъ, поломанные карандаши, тетрадки изъ желтой бумаги домашняго приготовленія, рваныя куклы изъ тряпокъ, камешки, обрубки дерева и тому подобный хламъ. Меня очень удивило, что горничная желаетъ запрятать меня въ дѣтскую, комнату съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ, совершенно мрачную въ этотъ сырой день, а потому я немедленно перетащила въ залу корзину съ своими богатствами. Тогда она рѣшительно заявила, что я должна оставаться до обѣда въ дѣтской, такъ какъ она будетъ мыть полы въ залѣ, и съ сердцемъ потащила мою корзину обратно. Сознавая, что я вполнѣ нахожусь въ ея власти, я покорилась своей участи. Не имѣя ни игрушекъ (мой хламъ не заслуживалъ этого названія), ни другого занятія, я сѣла у окна и стала думать о своей горькой долѣ: «Почему маменька не отправила меня на это время къ Воиновымъ, гдѣ я могла бы весело провести время съ дѣтьми? Куда ей думать обо мнѣ! Ей жалко оторвать для меня отъ работы человѣка! Если послѣ отъѣзда няни я провела у Воиновыхъ первое время, то, вѣроятно, благодаря тому, что на этомъ настояла та же няня... Развѣ «она» (такъ мысленно я называла свою мать) думаетъ обо мнѣ!..» И эти мрачныя мысли и ужасъ одиночества и заброшенности такъ мучительно больно стали давать себя чувствовать, что я бросилась на колѣни передъ образами и начала горячо умолять Бога, чтобы онъ заставилъ матушку любить меня, чтобы няня совсѣмъ выздоровѣла, чтобы она никогда болѣе не уходила. Скрипъ закрываемой двери на черной лѣстницѣ заставилъ меня вскочить на ноги. «Какъ!», думала я, «неужели Домна оставляетъ меня совершенно одну?» Чтобы убѣдиться въ этомъ, я побѣжала осматривать комнаты. Оказалось, что она не собиралась мыть полы и, дѣйствительно, ушла изъ дому. «Зачѣмъ же это ей понадобилось выпроводить меня изъ парадныхъ комнатъ?» Я возвратилась въ дѣтскую и стала смотрѣть въ окно, напротивъ котораго во дворѣ стоялъ сарай. Скоро изъ него вышла Домна въ сопровожденіи Ѳедора, ея мужа, и Фильки, еще молодого парня, который прежде былъ у насъ казачкомъ. Поговоривъ между собой у двери сарая, они двинулись къ черной лѣстницѣ дома. Меня охватилъ смертельный ужасъ: никогда ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ входить въ комнаты дома, если у него не было крайней необходимости переговорить съ матушкою, да и объ этомъ еще должны были предва-

рительно сказать нянѣ и попросить ее доложить объ этомъ «барынѣ». И вдругъ теперь, когда всѣ прекрасно знаютъ, что «наши» уѣхали, къ дому направляются сразу двое крестьянъ въ сопрожденіи горничной... «Они навѣрное хотятъ убить меня!», вдругъ мелькнула у меня дикая мысль, и я въ мигъ выскочила изъ дѣтской, вбѣжала въ спальню матери (комнату подлѣ столовой) и стала за дверь, захлопнувъ ее за собою. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ я устроила для себя надежную засаду... «Никто изъ нихъ не догадается», думалось мнѣ, «что я нахожусь здѣсь, а если кто и войдетъ сюда, то открываемая дверь скроетъ меня отъ моихъ преслѣдователей». Я считала себя въ безопасности и, нѣсколько успокоившись отъ перваго испуга, приложила глаза къ большой щели у ручки двери, желая наблюдать за тѣмъ, что люди собираются дѣлать въ столовой: топотъ ихъ ногъ показывалъ мнѣ, куда они направлялись. И вдругъ я увидала, что Ѳедоръ, Филька и Домна прямо подошли къ шкафу, въ которомъ хранился сахаръ, чай, баранки и т. п. Филька вынулъ изъ кармана нѣсколько ключей и сталъ пробовать, который изъ нихъ подойдетъ къ замку; но ни одинъ, видимо, не годился. Тогда Ѳедоръ вынулъ изъ-за пазухи инструментъ, подпилилъ имъ одинъ изъ ключей и открылъ шкафъ. Но когда Филька съ грохотомъ началъ высыпать изъ жестянки колотый сахаръ въ передникъ Домны, мнѣ опять сдѣлалось какъ-то жутко, я вскрикнула и полѣзла подъ кровать. Всѣ трое бросились въ мою комнату, и Домна за платье вытащила меня изъ-подъ кровати еле живую и хотѣла поставить на ноги, но я тряслась съ головы до пятъ и, какъ пьяная, шаталась изъ стороны въ сторону. Тогда Ѳедоръ, здоровенный и высокій крестьянинъ, схватилъ меня на руки и понесъ въ гостиную къ образу; за нимъ двинулись и остальные.

— Крестись, барышня! передъ святою Богородицею побожись, что не съябедничаешь, что ни единой душенькѣ не разскажешь, что видѣли твои глазыньки... Ну же, сказывай! Крестись!—Съ этими словами приставалъ ко мнѣ то одинъ, то другой изъ нихъ. Я дѣлала все, чтобы исполнить требованіе, но спазмы сжимали мнѣ горло, я не могла произнести ни одного звука, приподнимала руку, чтобы перекреститься, но она падала сама собой. Всѣ трое рѣшили тогда, что я «дюже спужалась». Не выпуская меня изъ рукъ, Ѳедоръ приказалъ Домнѣ вылить мнѣ на голову «кукшинъ воды», что и было исполнено, затѣмъ мнѣ велѣно было «испить водицы», и меня уложили на диванъ. Домна подложила мнѣ подъ голову подушку, ласково гладила по головѣ, а остальные стояли тутъ же, уговаривая ничего не бояться: «Вотъ-те Христосъ... пальцемъ не тронемъ...» Пошептавшись въ сторонкѣ между собою, они всѣ трое вышли изъ гостиной. Не знаю, вынимали ли они что-нибудь изъ другихъ комодовъ и шкафовъ, но я долго лежала одна, прислушиваясь къ тому, какъ они хлопали дверями то одной, то другой комнаты, какъ раздавались ихъ шаги. Когда они опять вошли ко мнѣ, я

уже сидѣла на диванѣ. Они приказали мнѣ стать на колѣни передъ образомъ, у котораго Домна тотчасъ же зажгла лампадку, и произносить за Өедоромъ клятву: «Даю клятву передъ тобой, царица небесная, какъ и передъ всѣми, какіе есть, святые угодники и святители, что я ни въ жись ни словечкомъ не обмолвлюсь ни маменькѣ, ни сестрицамъ, ни братцамъ, ни нянюшкѣ Марьѣ Васильевнѣ, и никому другому о томъ, что видѣла, и что со мной безъ моей маменьки приключилось...» Я крестилась и, дрожа и глотая слезы, повторяла все, что мнѣ приказывали. Когда я кончила клятву, Өедоръ какъ-то бережно и заботливо усадилъ меня въ кресло, затѣмъ всѣ трое окружили меня, и точно состязаясь другъ передъ другомъ въ придумываніи страшныхъ пугалъ, стали стращать меня за нарушеніе клятвы всѣмъ, что каждому изъ нихъ приходило въ голову. Одинъ угрожалъ чертями съ страшнѣющими хвостами, которые въ аду заставятъ меня лизать раскаленную сковороду, другой—бабою-ягою, которая будетъ толочь меня въ ступѣ, третій стращалъ, что снесетъ меня на погостъ къ мертвецамъ, но тутъ я въ ужасѣ вскочила, побѣжала въ дѣтскую и бросилась на кровать. Никто изъ нихъ не послѣдовалъ за мною, и я могла плакать, сколько хотѣла.

Это событіе потрясло весь мой организмъ: когда черезъ нѣкоторое время въ мою комнату вошла Домна, она, видимо, испугалась, замѣтивъ, какъ меня трясетъ лихорадка, какъ стучатъ мои зубы. Она заботливо укрывала меня, ласково называя своей «ласточкой», «касаточкой», «звѣздочкой», но это лишь усиливало лихорадку. Тогда она призвала кухарку, и обѣ онѣ долго стояли подлѣ меня, разспрашивали, что у меня болитъ, но я упорно молчала, и онѣ распоряжались мною, какъ хотѣли: вливали въ ротъ освященную воду, наполняли ею свои рты и обрызгивали меня, растирали ноги, клали на голову мокрыя тряпки. Къ ночи у меня явился жаръ: я то засыпала, то впадала въ безсознательное состояніе, но когда приходила въ себя, я все время видѣла передъ собой испуганное лицо Домны, слышала ласковые эпитеты, которыми она осыпала меня. На другой день я чувствовала себя до такой степени разбитой, что не только не могла встать съ постели, но и пошевельнуться. Въ такомъ же тяжеломъ, полусознательномъ состояніи я провела и вторую ночь, но на слѣдующее утро почувствовала себя лучше, уснула и крѣпко проспала до самаго вечера. Когда я проснулась, въ комнатѣ было уже темно, я спросила Домну, которая стояла подлѣ, возвратились ли наши? Вмѣсто отвѣта она стала цѣловать мои руки и умолять крѣпко держать данную мною клятву. Въ это время раздались звуки колокольчика. Домна вытерла мнѣ лицо мокрымъ полотенцемъ и потащила съ постели; одѣваться мнѣ не приходилось: я два дня пролежала одѣтой.

Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось встрѣчать возвратившихся, но пришлось уступить не то просьбамъ, не то требованіямъ Домны, и я вошла въ переднюю. Свѣтъ зажженной сальной свѣчи тускло освѣ-

щалъ комнату, въ которой матушка уже снимала съ себя верхнюю одежду. Ей некогда было разговаривать со мной: въ незакрытыя еще двери передней уже входилъ староста по какому-то неотложному дѣлу. Но когда подавали ужинъ, матушка замѣтила, что я ничего не ѣмъ, и обратилась съ вопросами по этому поводу и ко мнѣ, и къ Домнѣ, которая отвѣчала ей, что оба дня я жаловалась на голову.

— Что же ты молчишь?—дала матушка на меня сердитый окрикъ.—До сихъ поръ изволишь дуться, что мы не взяли тебя съ собою? — этимъ и ограничились ея разговоры со мной и ея нѣжный, материнскій привѣтъ послѣ двухдневнаго отсутствія.

Только что я успѣла одѣться на другой день, какъ раздался крикъ: «няня пріѣхала!» Я бросилась къ ней, но отъ волненія не могла выговорить ни слова, только давала ей цѣловать и обнимать меня.

— Сказывай же, Нюточка,—засыпала няня вопросами сестру,—была ли вѣсточка отъ Шурочки, что подѣлываютъ Андрюша и Заря? Что они пишутъ, мои голубчики?—Въ то время, какъ Нюта безпорядочно отвѣчала на ея вопросы, желая все сразу передать и поскорѣе познакомить ее со всѣми нашими новостями, она то и дѣло обхватывала мою голову своими руками и осыпала меня поцѣлуями, внимательно заглядывая мнѣ въ глаза. — Господи! Съ нами крестная сила! Да что съ тобой, Лизуша? Отчего ты такъ похудѣла и поблѣднѣла? Больна была, что ли?

Сестра отвѣчала, что я похудѣла оттого, что сильно тосковала по ней, да еще эти дни, вѣроятно, злилась на то, что матушка не взяла меня съ собой въ гости, куда меня никто не звалъ. Но тутъ возвратилась матушка, начались, снова поцѣлуи, спѣшные разспросы, разговоры... «Однако», замѣтила матушка, всматриваясь въ няню, «если ты и поправилась, то очень мало»... Затѣмъ было приступлено къ чтенію дѣтскихъ писемъ, полученныхъ во время нянинаго отсутствія.

Дурная погода не позволила матушкѣ отправиться на лугъ послѣ обѣда, и мы весь день до вечера просидѣли вмѣстѣ, слушая нянины разсказы о посѣщеніи мощей и кіевскихъ святынь, о дорожныхъ приключеніяхъ во время путешествія въ Кіевъ.

Въ этотъ счастливый для меня день, когда наши наперерывъ болтали между собой, я молча наслаждалась сознаніемъ присутствія моей дорогой няни. Но когда послѣ ужина мы остались съ нею вдвоемъ, она вплотную приступила къ разспросамъ о томъ, что было со мною со дня ея отъѣзда. Я охотно разсказывала ей о своемъ пребываніи у Воиновыхъ, не умолчала и о разсужденіяхъ Ковригиной. Няня сейчасъ же въ настоящемъ свѣтѣ представила мнѣ причину дурного отзыва этой особы о моей матери, чѣмъ отняла у меня возможность подкрѣплять мое неблагопріятное мнѣніе о ней словами такой личности, какъ Ковригина. Если нянѣ и не всегда удавалось парализовать мои дурныя чувства къ матери, то, по крайней мѣрѣ, своими объясненіями

она обыкновенно ослабляла ихъ силу и остроту. «Сердчишко-то у тебя горячее», говорила она, лаская меня, «а мамашенька-то у тебя дѣловитая, на ласку скупая, да и нѣтъ у нея времячка поболтать съ тобою, вотъ ты, какъ крючекъ, и прицѣпляешься къ ней, во всемъ винишь ее...» И она начала настаивать, чтобы я сообщила ей обо всемъ, что еще было со мною въ ея отсутствіе. Не особенно охотно, но чистосердечно повѣдала я ей о томъ, какъ провела ночь передъ отправкою рекрута въ городъ. Изумилась и сильно огорчилась няня, что Домна «осмѣлилась» оставить меня ночью одну. Но уже дальнѣйшіе разсказы я продолжала, все болѣе запинаясь, конфузясь, и, наконецъ, начала увѣрять ее, что больше ничего не было со мною. Вѣроятно, я утверждала это очень неувѣренно, такъ какъ няня сказала мнѣ, что вѣрно я успѣла за это время разлюбить ее, если не могу попрежнему говорить съ нею откровенно. Я бросилась обнимать ее и увѣрять въ противномъ, говоря, что, если бы я все, все разсказала ей, она сама назвала бы меня «наушницею...»—«Не могу же я разсказывать всего, вѣдь за нарушенную клятву меня Богъ покараетъ!!..»

— Что, что ты говоришь?—въ неописанномъ ужасѣ спрашивала няня, только въ эту минуту понявъ, что со мной случилось что-то необычайное. — Какъ! Съ тебя брали даже клятву?— И она еще сильнѣе стала настаивать на томъ, чтобы я во всемъ созналась ей.

Воспоминанія только что пережитаго, ужасъ, страхъ нарушить клятву, а не нарушивъ ея, возбудить неудовольствіе няни, привели меня въ полное смятеніе: я бросилась въ ея объятія и, судорожно вздрагивая, долго, долго рыдала на ея груди.

— Развѣ не тяжкій грѣхъ,—спрашивала я ее, когда нѣсколько успокоилась,—нарушать клятву, которую человѣкъ даетъ передъ образами, да еще при зажженной лампадочкѣ?

Няня простыми и понятными примѣрами изъ жизни объяснила мнѣ, что клятву можно брать только со взрослаго, что нарушать ее, дѣйствительно, грѣшно, но что еще болѣе ужасенъ грѣхъ того, кто беретъ какую бы то ни было клятву съ ребенка. Такими клятвами, да еще при зажженной лампадочкѣ, говорила она, можно напугать ребенка до родимчика и отправить его на тотъ свѣтъ, а убійцу невиннаго ребенка Богъ караетъ еще строже, чѣмъ убійцу взрослаго человѣка.

Это облегчало мою задачу, и я готова была уже все открыть, какъ вдругъ вспомнила, что если Богъ меня и не покараетъ за нарушеніе клятвы (я находила, что нянѣ это, конечно, должно быть лучше извѣстно, чѣмъ Домнѣ и ея пособникамъ), но за то сами они могутъ мнѣ отомстить: я не вѣрила въ бабу-ягу, но мысль быть брошенной на кладбищѣ, среди мертвецовъ, леденила мою кровь.

Однако, няня не нашла нужнымъ дольше приставать ко мнѣ: вѣроятно, измученная и моими слезами, и дорогою, она стала

торопить меня раздѣваться, говоря, «что утро вечера мудренѣй». Я была такъ утомлена, что сейчасъ же заснула, но пережитое тяжелое событіе предстало передо мной во снѣ во всемъ своемъ несказанномъ ужасѣ, и я начала бредить, плакать, кричать. Няня разбудила меня и, когда я пришла въ себя, положила меня съ собой въ кровать и начала снова настаивать, чтобы я разсказала все, какъ было, увѣряя, что она уже все знаетъ,—я выдала ей въ бреду свой секретъ; она увѣряла, что желаетъ только отъ меня самой слышать все по порядку, что послѣ этого у меня станетъ легко на душѣ, и я сладко засну.

Кстати замѣчу, что пережитыя мною въ раннемъ возрастѣ тяжелыя приключенія крѣпостнической эпохи, а также изъ ряду вонъ мое печальное положеніе въ домѣ послѣ смерти няни, на всю жизнь оставили глубокій слѣдъ въ моемъ организмѣ: при всякомъ волненіи я во снѣ бредила, съ кѣмъ-нибудь спорила и разговаривала, кричала и плакала, однимъ словомъ, всегда дважды переживала все, что меня волновало. Возможно, что изъ тогдашняго бреда няня ничего не поняла, кромѣ того, что со мной случилось что-то очень скверное, но она воспользовалась имъ, чтобы заставить меня признаться во всемъ. Взявъ съ нея слово, что она не будетъ считать меня «кляузницею» и «наушницею» и не разлюбитъ за это, я передала ей все, что со мной случилось безъ нея. Когда я кончила, она точно забыла меня,—долго не отвѣчала на мои вопросы, а только съ ужасомъ повторяла: «Боже мой, Боже мой!» Когда я опять напомнила ей о себѣ, она начала говорить мнѣ о томъ, что я совсѣмъ неправильно поняла Нюту насчетъ того, что она говорила мнѣ о кляузахъ и наушничествѣ. «Когда прислуга грубитъ, объясняла она, или не очень аккуратно выполняетъ приказаніе, не слѣдуетъ изъ-за этого сердиться, а тѣмъ паче жаловаться старшимъ: Устаютъ люди, много у нихъ работы, вотъ и нужно ихъ пожалѣть!.. Другое дѣло то, что было съ тобой! Ты совершила большой грѣхъ передъ матушкой, что утаила отъ нея о воровствѣ, скрыла преступленія ея рабовъ,—вѣдь это ужъ заправское преступленіе, что они заставляли тебя произносить клятвы передъ образами, да всячески стращали». Но она тутъ же и успокоила меня, говоря, что Богъ проститъ меня за все потому, что я дѣлала это «по дѣтскому недомыслію», и что мнѣ нечего бояться этихъ «воровъ»: они рѣшительно ничѣмъ не могутъ мнѣ отомстить, и строго приказала мнѣ ни съ кѣмъ болѣе объ этомъ не говорить; теперь все это она уже сама устроитъ такъ, какъ найдетъ необходимымъ. При этомъ она вдругъ добавила, что мнѣ давнымъ давно пора начинать учиться: Сашу, какъ она говорила, «Богъ одарилъ большимъ умомъ, но и черезъ книги этого ума ей много прибыло. Ты вѣдь уже не маленькая,—должна понимать, какова у насъ Саша: такая молоденькая, сама еще учится, а ужъ семьѣ помогаетъ... Вотъ какъ Богъ да книги вразумляютъ... Ну, и ты не лыкомъ шита: поучишься наукамъ,—поумнѣешь, поймешь, что

надо скрывать, а чего нельзя... А то этакъ всякій тебя застращаетъ до смертушки, либо до калѣчества».

На другой день было воскресенье; утромъ няня попросила матушку о дозволеніи ѣхать со мной въ церковь, отслужить молебенъ передъ началомъ моихъ занятій. Каждая мать, вѣроятно, была бы оскорблена тѣмъ, что полуграмотная няня напоминаетъ ей, образованной женщинѣ, о ея прямыхъ обязанностяхъ. Но матушка была далека даже отъ тѣни материнскаго самолюбія: она прекрасно сознавала, что вся ушла въ хозяйство, дѣлаетъ много упущеній въ воспитаніи своихъ дѣтей и сильно запоздала съ моимъ обученіемъ, а потому отвѣчала ей совершенно простодушно: «ну, ужъ ты, Суета-Егоровна! Не успѣла послѣ дороги выспаться, а уже за хлопоты принялась!» Матушка съ глубокимъ чувствомъ признательности всегда вспоминала о нянѣ и часто говаривала мнѣ впослѣдствіи: «повѣришь ли,—это былъ настоящій ангелъ-хранитель моихъ дѣтей, просто какой-то геній заботливости: я все болѣе входила въ роль хозяина-мужчины, а она въ обязанности матери».

Когда мы одѣвались, чтобы ѣхать въ церковь, въ дѣтскую вошла Домна и шутливо спросила няню, привезла ли она ей обѣщанный платокъ. «Привезти-то привезла», было ей отвѣтомъ, «но не отдамъ его тебѣ... Въ плохомъ видѣ сдала ты мнѣ барышню: и похудѣла она у тебя, и поблѣднѣла, а что хуже всего—кричитъ по ночамъ, бредитъ, цѣлые разговоры разговариваетъ! Должно быть чѣмъ-нибудь у тебя она до смерти напугалась...»

Домна не могла даже скрыть своего смущенія и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Несмотря на свою кротость, поразительную доброту и незлобивость относительно всѣхъ безъ исключенія, какъ «господъ», такъ и служащихъ, няня на этотъ разъ, должно быть, твердо рѣшила, если не покарать Домну и ея сообщниковъ за продѣлку со мной, то, по крайней мѣрѣ, сильно припугнуть ихъ. Когда мы возвратились изъ церкви, Домна накрывала на столъ, а няня что-то приводила въ порядокъ въ шкапу; вдругъ она начала то отпирать, то запирать его на ключъ и прочищать замокъ. «А вѣдь тутъ кто-то пошалилъ!», проговорила она. «Скажи-ка, Домна, мужу, чтобы онъ сегодня позвалъ ко мнѣ слесаря,—я ему другіе замки закажу. Домашнихъ-то воровъ я не боюсь,—у меня все на счету: на всякой провизіи свою мѣтку кладу, а новые замки хочу сдѣлать, чтобъ въ соблазнъ не вводить».

—. Выходитъ, Марья Васильевна, потопить меня порѣшили! Что-жъ, нашего брата не трудно загубить.

— Сама знаешь,—этого что-то со мной не бывало!.. А вѣдь я ужъ много лѣтъ съ вами живу! Только и нечисти въ домѣ не допущу!.. А ты лучше бы сама во всемъ повинилась... Барышня вотъ запирается, говоритъ, что съ нею ничего не было, а сама во снѣ кричитъ на весь домъ! Смотри, Домна: сегодня у ней про-

скочитъ одно словечко, завтра другое, такъ все и обнаружится... Да и больно она похудѣла, извелась, точно отъ долгой болѣзни!.. Ужъ тутъ у васъ было что-то неладное...

Домна ни передъ кѣмъ «не повинилась», но долго ходила, какъ опущенная въ воду. Няня никому не говорила объ инцидентѣ со мной и только открыла его матушкѣ передъ своей кончиной, опасаясь, что безъ нея я опять попаду на руки той же горничной.

На другой день послѣ молебна няня нашла, что я не могу приступить къ занятіямъ, такъ какъ былъ понедѣльникъ—тяжелый день, и матушка вполнѣ согласилась съ нею. За то на слѣдующій день няня просила Нюту начать со мною заниматься и ежедневно проходить нѣсколько строкъ, притомъ непремѣнно въ ея присутствіи, чтобы матушка каждый вечеръ, хотя минутъ десять, посвящала мнѣ, провѣряя пройденное. Дабы сложный проэктъ моего обученія былъ пріемлемъ «начальствомъ» и его не раздражало бы ея вмѣшательство, она всячески изворачивалась. «Вотъ какъ по моему глупому разуму надо бы устроить это дѣльце: Нюточка обучитъ ее нѣсколькимъ строчкамъ, а я сейчасъ же заставлю ее все это затверживать... Ужъ какъ къ вамъ-то, матушка-барыня, мы явимся вечеркомъ отчетецъ давать,—все на зубокъ будемъ знать... Вотъ вы насъ только и будете похваливать»...

— Знаю, знаю,—говорила матушка улыбаясь,—вѣдь всѣ эти подходы ты устраиваешь, чтобы твоей любимицѣ отъ меня какъ-нибудь наперсткомъ въ лобъ не влетѣло! Что же, Нюта, намъ съ тобой приходится подчиниться предписанію нашего директора!

Няня ежедневно утромъ приводила меня къ сестрѣ, садилась подлѣ и слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ замѣчаніемъ моей учительницы. Она, вѣроятно, мало давала бы мнѣ отдохнуть послѣ ученія, но въ продолженіе полутора часа моихъ занятій у нея накоплялось много дѣла по хозяйству, и какъ только я кончала съ сестрой, ей приходилось бѣжать, чтобы сдѣлать то или другое распоряженіе, выдавать провизію или исполнить какое-нибудь порученіе. Но окончивъ свои дѣла, она сейчасъ же засаживала меня за книгу.

Хотя при обученіи грамотѣ тогда еще не существовало звукового метода, но меня и не учили уже, какъ это было нѣсколько раньше: «азъ, буки, вѣди, глаголь», а просто называли буквы, но за то терзали сложными слогами. Въ азбукѣ, по которой меня обучали, четыре, пять согласныхъ нанизаны были на гласную въ самомъ невозможномъ согласованіи и сочетаніи, такъ, напримѣръ, «мргвы, ткпру, ждрву» и т. д. Разбирать и произносить эту невѣроятную чепуху было настоящею пыткою, и съ меня обыкновенно потъ катился градомъ при окончаніи чтенія странички такихъ языколомныхъ слоговъ. Если бы не мое желаніе доставить нянѣ удовольствіе, я бы такъ и застряла на

этихъ слогахъ, что было со многими дѣтьми нашихъ сосѣдей, которыя остались безграмотными только потому, что не могли одолѣть эту премудрость. Няня зорко подстерегала, когда матушка возвращалась домой, и немедленно тащила меня къ ней для провѣрки пройденнаго. Но такъ какъ я почти наизусть зазубривала слоги и быстро читала ихъ, то матушка всегда отпускала меня съ миромъ.

Иногда няня послѣ занятій тутъ же пускалась въ разсужденія: «вѣдь какъ это трудно ребенку! Ну, зачѣмъ это языкъ-то ломаютъ? Кажись бы, просто взяли да и написали какое-нибудь словечко, ну, къ примѣру, взять хоть бы «книга», либо «столъ»... Вотъ ребенокъ начиталъ бы много такихъ словъ и скорехонько выучился бы читать всякую книжку»...

— Ну, ужъ, милая моя, тотъ, кто книгу пишетъ, поумнѣе насъ съ тобой,—возражала ей матушка, не подозрѣвая, что няня своимъ природнымъ чутьемъ и здравымъ соображеніемъ была ближе къ пониманію надлежащаго метода первоначальнаго обученія, чѣмъ она, болѣе или менѣе образованная женщина.

Когда съ великой надсадой и отвращеніемъ я покончила съ распостылымъ для меня букваремъ, меня начали обучать письму, а для чтенія дали «Священную исторію» Анны Зонтагъ. Какое это было для меня блаженство! Съ трудомъ одолѣвъ нѣсколько первыхъ страницъ этой книги, я начала читать довольно бѣгло. Няня приходила въ восторгъ. Въ виду того, что у насъ въ домѣ совсѣмъ не было книгъ для дѣтскаго чтенія, да и вообще ихъ тогда почти не существовало, я ежедневно должна была прочитать одинъ разсказъ изъ Анны Зонтагъ и нѣсколько страницъ изъ Пушкина, но непремѣнно все по порядку, чтобы ни попадалось: будь то лирическое стихотвореніе, поэма, романъ, повѣсть. Теперь я уже съ удовольствіемъ шла на урокъ, и матушка скоро объявила сестрѣ, что нѣтъ нужды слѣдить болѣе за моимъ чтеніемъ. Мнѣ было дозволено брать всѣ книги, которыя у насъ были; но, кромѣ Пушкина и Анны Зонтагъ, у насъ были книги, въ которыхъ я не понимала ни слова, при томъ большинство изъ нихъ на польскомъ и французскомъ языкахъ. За то Пушкина я перечитывала много, много разъ и заучивала на память его стихотворенія.

Наконецъ, рѣшено было расширить курсъ моего обученія: сестра должна была обучать меня ариѳметикѣ, а матушка взялась за преподаваніе французскаго языка. Тутъ-то и началась для меня настоящая пытка. Матушкѣ рѣдко удавалось начать занятія раньше 9-ти часовъ вечера, то есть послѣ ужина, когда ее самою клонило ко сну. Вслѣдствіе этого она сдѣлала распоряженіе будить меня ночью въ четыре часа. Въ этой антипедагогической даже и для того времени мѣрѣ матушка оправдывалась тѣмъ, что, кромѣ лѣта, когда она вставала, какъ и крестьяне, съ разсвѣтомъ, въ остальное время она должна быть на ногахъ къ 6-ти часамъ. Вотъ она и приказывала будить меня

въ 4 часа, чтобы, занявшись со мной часа два, поспѣть во время на работы. Другого свободнаго времени у нея не было.

Когда няня въ первый же день, назначенный для урока французскаго языка, не могла добудиться меня, матушка, выведенная изъ терпѣнія, что ей приходится такъ долго ждать меня, дернула меня за руку такъ, что я въ ту же минуту вскочила съ постели голыми ногами на полъ. При этомъ няня должна была вылить на мою голову кувшинъ воды и быстро вытирать меня. Я одѣвалась подъ аккомпаниментъ матушкиныхъ рѣчей въ такомъ родѣ: «Разныя тамъ миндальности не для насъ! Я тоже хочу поспать!.. Очень пріятно поутру набросить на себя пуховый пенюарчикъ, прилечь на кушеточку и съ серебрянаго подносика пить горячій кофеекъ со сливочками... Ну, да Богъ насъ съ тобой достатками обидѣлъ! Должна еще благодарить его за то, что есть кому поучить тебя хотя ночью».

Съ тѣхъ поръ меня и въ морозные, и въ болѣе теплые дни будили въ четыре часа ночи и каждый разъ окачивали холодной водой съ головы до пятъ. Послѣ занятій мнѣ не мѣшали поступать, какъ я желала, ложиться опять спать или бодрствовать. Но заснуть я болѣе уже не могла. Хотя въ сущности я спала теперь не многимъ меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ ложилась спать уже въ девять часовъ вечера, но я цѣлый день ходила совершенно сонная, измученная и несчастная. Конечно, одною изъ причинъ этого было напряженное бодрствованіе въ такое время, когда ребенокъ долженъ спать, но еще болѣе это зависѣло отъ характера преподаванія. Отъ того ли, что на урокахъ французскаго языка не присутствовала няня (при которой матушка нѣсколько болѣе сдерживала себя), отъ отсутствія ли педагогическихъ способностей у моей матери, а можетъ быть, причиною было и то, что она сама страдала изъ-за того, что должна мучить родное дѣтище въ столь неподходящее для преподаванія время, но она всегда была со мной до невѣроятности нетерпѣливою.

Эти занятія во всѣхъ отношеніяхъ приносили мнѣ несравненно больше вреда, чѣмъ пользы, что замѣтила, въ концѣ концовъ, и она сама и въ чемъ откровенно сознавалась мнѣ впослѣдствіи.

Послѣ холоднаго обливанія отъ меня требовали, чтобы я какъ можно скорѣе одѣвалась, но не для того, чтобы я быстро согрѣлась (правила элементарной гигіены почти никому не были тогда извѣстны), а чтобы не заставлять матушку напрасно терять время. Вслѣдствіе этого все было на мнѣ наброcано кое-какъ, и я дрожала и отъ холода, и отъ преждевременнаго пробужденія, и отъ страха предстоящихъ занятій. О прическѣ моей никто не думалъ: мои всклокоченные волосы падали, какъ попало. Чуть бывало во время урока я чего-нибудь не пойму или отвѣчу невпопадъ, и невольнымъ движеніемъ руки хочу отбросить назадъ упавшій на лобъ клокъ волосъ, какъ матушка предупреждаетъ

это движеніе, хватаетъ меня за волосы съ такимъ остервенѣніемъ, что я издаю крики и вопли на весь домъ. Она еще болѣе выходитъ изъ себя, сильнѣе дергаетъ меня, толкаетъ со всей силы, осыпаетъ градомъ колотушекъ. Иногда она приходила въ такое раздраженіе, что кричала: «Пошла къ другому столу, а то я выдеру всѣ твои волосы».

У матушки былъ, какъ утверждала няня, «отходчивый характеръ»: она ли дѣлала кому-нибудь непріятность, или другіе огорчали ее, она все скоро забывала. И теперь, возвращаясь домой, она попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, добродушно обращалась ко мнѣ. Но на меня эти, неиспытанные до тѣхъ поръ, побои и трепки производили ужасающее впечатлѣніе. До этихъ злосчастныхъ занятій, кромѣ нѣсколькихъ толчковъ отъ матушки, меня никто не трогалъ пальцемъ. Эти побои теперь вызывали во мнѣ жестоко непріязненное чувство къ матери. Няня, которая такъ умѣла смягчать, а подчасъ и парализовать мои дурныя чувства, теперь не могла имѣть на меня никакого вліянія: я не слушала, что она говорила мнѣ по этому поводу, а чаще всего зажимала уши при этомъ и бросалась на постель выплакать свою обиду. Когда матушка входила въ комнату, я выбѣгала изъ нея или старалась куда-нибудь ускользнуть, чтобы избѣжать цѣлованія ея руки по утрамъ, а временами она не могла добиться отъ меня никакого отвѣта на свой вопросъ.

Обученіе французскому языку подвигалось крайне медленно. Преподаваніе матери представляло полную противоположность какимъ бы то ни было здравымъ педагогическимъ требованіямъ. Едва научивъ меня разбирать по складамъ, она раздѣлила каждый свой урокъ на три части: одну треть времени она заставляла меня спрягать правильные глаголы, не объяснивъ при этомъ даже элементарныхъ правилъ спряженія; во вторую треть по руководству Ноэля и Шапсаля заучивать грамматическія правила: каждое слово въ нихъ было для меня ново и, хотя она все переводила мнѣ, но зазубриваніе сразу многихъ новыхъ словъ, и при томъ въ сухомъ, отвлеченномъ и сбивчивомъ изложеніи, крайне плохо написаннаго учебника по грамматикѣ, было до невозможности трудно для ребенка, только что начавшаго обучаться языку. Лишь одну треть нашего урока она посвящала чтенію и переводамъ, при томъ удивительно нелѣпыхъ и головоломныхъ фразъ по какому-то учебнику.

Однажды матушка за урокомъ такъ сердилась на меня, такъ кричала и стучала кулакомъ по столу, столько разъ прибѣгала къ трепкѣ и колотушкамъ, что я, наконецъ, замолчала и не произносила ни слова. Тогда она, разгнѣванная, вскочила съ своего мѣста, и я уже не знаю, что она хотѣла со мною сдѣлать, но въ эту минуту распахнулась дверь, и няня съ плачемъ повалилась ей въ ноги. «Матушка, дорогая, пожалѣйте вы свое родное дѣтище! Можетъ, Богъ и взаправду не надѣлилъ дѣвочку

разумомъ насчетъ французскаго... Можетъ, она и безъ него какъ-нибудь обойдется!»

Матушка стала кричать на няню, упрекать ее за баловство, но я въ это время успѣла выскочить за дверь.

— Дѣточка... милая...—начала няня, подходя ко мнѣ,—не распаляй ты сердечка твоего злобой противъ матушки родимой!.. Смертный это грѣхъ, дитятко!..

Но я отшатнулась отъ нея съ крикомъ: «Она не мать моя!.. я ее ненавижу!»

Е. Водовозова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій[1].

Главнѣйшіе соціалисты и соціалистическія направленія Запада.

III.

Французскій соціализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ: Буонарроти, Пьеръ-Леру, Кабэ, Луи-Бланъ.

Дальнѣйшая работа соціалистической мысли, столь блистательно представленной въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка великими утопистами, съ которыми мы познакомили уже читателей, пошла разнообразными путями. И нѣкоторые изъ нихъ заводили дѣло коренного общественнаго преобразованія въ дебри мечтательнаго прожекторства или безсильнаго сектантства. Прогрессивною упомянутая работа оказалась постольку, поскольку она сближала соціализмъ съ трудящейся массой, дѣлала его политическимъ и вообще углубляла его основные принципы.

Такъ сэнъ-симонистской школѣ, несмотря на ея чудачества, удалось формулировать фактъ антогонизма труда и капитала, рабочаго класса и предпринимателей съ такой яркостью и точностью, какая почти предвосхищаетъ Маркса. Въ „изложеніи доктрины Сэнъ-Симона," составлявшемъ предметъ публичныхъ лекцій, организованныхъ школой, и образовавшемъ послѣ два тома, есть десятки страницъ поразительной энергіи и глубины. Указавъ на вѣчную „эксплуатацію человѣка человѣкомъ", которая выражала „антагонизмъ" общественныхъ классовъ и, постепенно смягчаясь, исчезнетъ лишь тогда, когда превратится въ „эксплуатацію силъ природы" организованнымъ на началѣ труда обществомъ, сэнъ-симонисты такъ характеризуютъ современное положеніе вещей. „Выгоды и невыгоды, свойственныя

[1]) См. Минувшіе Годы, Май—Іюнь.

каждому соціальному положенію, передаются *по наслѣдству*; экономисты позаботились констатировать одну изъ сторонъ этого факта, *наслѣдственность нищеты*, когда они признали въ обществѣ существованіе класса *пролетаріевъ*. Въ настоящее время цѣликомъ вся масса рабочихъ эксплуатируется людьми, собственность которыхъ она пускаетъ въ дѣло; сами хозяева предпріятій подвергаются этой эксплуатаціи въ своихъ сношеніяхъ съ собственниками, но въ неизмѣримо слабѣйшей степени; въ свою очередь они участвуютъ въ привилегіяхъ эксплуатаціи, падающей всѣмъ своимъ вѣсомъ на рабочій классъ, т. е. на громадную массу трудящихся. При такомъ положеніи вещей рабочій является, слѣдовательно, прямымъ потомкомъ раба и крѣпостного; его личность свободна, онъ не прикрѣпленъ и къ землѣ, но это все, чего онъ достигъ; и въ этомъ состояніи законнаго раскрѣпощенія онъ можетъ существовать только на условіяхъ, диктуемыхъ ему немногочисленнымъ классомъ, классомъ людей, которыхъ законодательство, это порожденіе права завоевателей, надѣляетъ монополіей *богатствъ*, т. е. способностью располагать по своему произволу, и даже живя въ *праздности*, *орудіями труда*. Достаточно бросить взглядъ на то, что совершается вокругъ насъ, чтобы признать, что *рабочій*, за исключеніемъ развѣ напряженности эксплуатаціи, эксплуатируется *матеріально, умственно и нравственно* точно такъ же, какъ нѣкогда эксплуатировался рабъ. Дѣйствительно, вполнѣ очевидно, что онъ едва можетъ удовлетворять своимъ трудомъ своимъ собственнымъ потребностямъ, и что не отъ него зависитъ работать" и т. д. [1]).

Замѣтьте, что курсивъ принадлежитъ самому подлиннику. Я ничего не подчеркивалъ, потому что иначе пришлось бы подчеркнуть чуть не каждое слово въ цитатѣ: до такой степени здѣсь все сильно и точно выражено. Антагонизмъ рабочаго класса и класса капиталистовъ съ его подраздѣленіями на собственниковъ и „хозяевъ предпріятій" замѣнилъ у сэнъ-симонистовъ антагонизмъ праздныхъ классовъ и двусмысленнаго класса „промышленниковъ" у самого учителя. Правда, на сэнъ-симонистовъ оказали въ этой области вліяніе классики буржуазной политической экономіи, напр., Рикардо, и, пожалуй, въ еще большей степени Сисмонди, этотъ проницательнѣйшій представитель гуманитарной школы [2]). Но во всякомъ случаѣ ученики Сэнъ-Симона обнаружили по-

---

[1]) *Doctrine de Saint-Simon. Esposition. Premierè anneé 1828—1829*; Парижъ, 1830, 2-е изд., стр. 175—176.

[2]) Вскорѣ послѣ смерти Сенъ-Симона одинъ изъ крупнѣйшихъ продолжателей его ученія, Анфантэнъ, въ статьяхъ „Producteur'а" подчеркиваетъ какъ разъ то положеніе Рикардо, что стоимость продукта измѣряется трудомъ; и упомянувъ, что согласно этому экономисту доходъ землевладѣльца будетъ такимъ образомъ представлять результатъ монополіи и присвоенія продукта, произведеннаго чужими руками безъ всякаго усилія со стороны собственника,

истинѣ замѣчательную оригинальность и глубину при анализѣ классовыхъ отношеній общества.

Говоря о значеніи сэнъ-симонистовъ въ развитіи соціалистической мысли, мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ какъ разъ о той области, въ которой они отличались наибольшими экстравагантностями, но, несмотря на послѣднія, оставили человѣчеству нѣкоторыя положительныя пріобрѣтенія. Я разумѣю ихъ взглядъ на современный бракъ и современную семью, на обычныя отношенія между полами и, въ частности, на, такъ называемый, женскій вопросъ. Конечно, легко обратить въ предметъ посмѣянія и даже прямого отвращенія теорію, а особенно практику „реабилитаціи плоти", которая въ общинѣ сэнъ-симонистовъ должна была, по плану „отца" Анфантэна, повести къ немедленному же уничтоженію постоянной семьи и къ полной свободѣ отношеній между мужчинами и женщинами. Но комичный или, если хотите, скандальный характеръ эта „моральная реформа" принимала вслѣдствіе своего основного противорѣчія, которое заключалось въ томъ, что эта новая и свободная форма любви вводилась гласно, принудительно, декретами духовной іерархіи и не считаясь съ настроеніемъ значительнаго числа членовъ „семейства". За то дешевый смѣхъ и лицемѣрное негодованіе должны умолкнуть, когда воспоминаешь, что, каковы бы

распространяетъ этотъ выводъ на все современное производство и энергично резюмируетъ его словами: „это значитъ сказать, что трудящіеся платятъ извѣстнымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они постоянно ничего не дѣлали" (qu'ils se reposent).

Что касается до Сисмонди, которому сэнъ-симонисты не могли отказать въ „предчувствіи—хотя и неясномъ—грядущаго", то изъ немногихъ цитатъ, которыя я сейчасъ приведу, читатель уже увидитъ, въ какой степени авторъ „Новыхъ началъ политической экономіи" могъ способствовать соціалистамъ при выработкѣ надлежащаго взгляда на отношенія между капиталомъ и трудомъ. Эти цитаты сдѣланы мною по второму изданію книги: J.—C.—L. Sismonde de Sismondi. *Niureaux principes d'e'conomie politique, an de la richesse dans ses rapports avec la population*; Парижъ, 1827, 2-е изд., 2 тома,—такъ: И „Въ общественномъ строѣ богатство пріобрѣло способность воспроизводиться чужимъ трудомъ и безъ всякаго участія самого владѣльца" (т. I, стр. 82). И болѣе подробно: „Вслѣдствіе успѣховъ промышленности и знанія, подчинившихъ человѣку всѣ силы природы, всякій рабочій можетъ ежедневно производить болѣе, чѣмъ въ состояніи потребить. Но... богатство никогда почти не остается во владѣніи того, кто работаетъ для того, чтобы жить... Богатый, обладающій предметами потребленія, сырымъ матеріаломъ и машинами, можетъ не работать самъ, потому что является нѣкоторымъ образомъ господиномъ труда рабочаго, котораго онъ снабжаетъ ими... Онъ присваиваетъ себѣ самую главную часть плодовъ его. Это и есть прибыль на капиталъ, который онъ ссудилъ ему, или доходъ капиталиста. Хотя рабочій производитъ своимъ ежедневнымъ трудомъ гораздо больше, чѣмъ ему надо для ежедневнаго потребленія, однако рѣдко бываетъ, чтобы, послѣ дѣлежа съ собственникомъ земли и капиталистомъ, у него оставалось что-нибудь сверхъ существенно необходимаго. Какъ бы то ни было, что ему остается, составляетъ его доходъ, называемой *заработной платой*" (ibid., стр. 85—87, passim). Или еще подробнѣе: „Трудъ, произведенный рабочимъ въ этомъ году, будетъ во всякомъ случаѣ стоить больше труда прошлаго года... По причинѣ этой-то добавочной стоимости (mieux-

ни были карикатурныя преувеличенія сэнъ-симонистовъ въ сферѣ „реабилитаціи плоти", эта школа способствовала едва ли не болѣе всѣхъ другихъ соціалистическихъ направленій рѣзкой и энергичной постановкѣ вопроса объ эмансипаціи женщины, о равенствѣ половъ и вообще о вытѣсненіи принудительности изъ отношеній между мужчиной и женщиной. Несомнѣнно, напр., что горячая проповѣдь „свободы чувствъ", „святости страсти", которая могучей волной разливалась во Франціи, а скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ со страницъ соціальныхъ романовъ Жоржъ Зандъ, была въ значительной степени подготовлена феминистской литературой, выросшей изъ сэнъ-симонизма и тѣсно связанной съ нимъ. Искренность, послѣдовательность этой литературы, согласіе слова и дѣла у представительницъ ея, даже когда „свобода чувства" повертывалась противъ самихъ пропагандистокъ,—поступавшихъ, когда того требовали убѣжденія, ничуть не хуже, если не лучше героевъ „Что дѣлать",—обрисовываются какъ нельзя ярче передъ глазами читателя даже въ насмѣшливо-сдержанномъ изображеніи буржуазныхъ историковъ сэнъ-симонистской школы [1]).

Въ общемъ мы можемъ сказать, что школа сэнъ-симонистовъ глубиной своего анализа классовыхъ отношеній и энергичной постановкой вопроса о равенствѣ половъ искупаетъ всѣ странности и противорѣчія остальныхъ частей своего міровоззрѣнія и, прежде всего, тотъ глубокій аполитизмъ, котораго не могли поколебать даже революціонные „историческіе дни".

Работой надъ приданіемъ соціализму политическаго характера занялись мыслители, прямо или косвенно подвергшіеся воздѣйствію Сэнъ-Симона, но не приставшіе цѣликомъ къ его школѣ или рано ушедшіе изъ нея,

---

value), которая тѣмъ больше, чѣмъ большіе успѣхи сдѣлали искусства, или науки въ ихъ приложеніи къ искусствамъ, промышленность и производитъ постоянное приращеніе богатствъ... Но вообще, капиталъ, который нанимаетъ трудъ и дѣлаетъ его возможнымъ, не остался въ рукахъ того, кто работаетъ. Отсюда возникъ болѣе или менѣе неравный дѣлежъ между капиталистомъ и рабочимъ, дѣлежъ, при которомъ капиталистъ старается оставить рабочему какъ разъ то, что ему нужно для поддержанія жизни, а себѣ беретъ все, что рабочій произвелъ сверхъ этого поддержанія. Рабочій съ своей стороны борется, чтобы сохранить за собою хоть немного болѣе значительную часть произведеннаго имъ труда" (Ibid., стр. 103). Или, наконецъ: „Мы стремимся отдѣлить совершенно всякій родъ труда отъ всякаго рода собственности... Наши глаза такъ привыкли къ этой новой организаціи общества, къ этой всеобщей конкурренціи, которая вырождается во вражду между богатымъ классомъ и трудящимся классомъ, что мы даже не можемъ представить себѣ никакого другого способа существованія... Наступитъ, безъ сомнѣнія, время, когда наши потомки будутъ считать насъ не меньшими варварами за то, что мы оставили трудящіеся классы безъ всякой гарантіи, чѣмъ они будутъ считать, да и мы уже считаемъ, тѣ націи, которыя привели эти классы въ рабское состояніе" (т. II, стр. 434—435, passim).

[1]) См. уже цитированное нами сочиненіе Georges Weill, *L'Ecole saint simonienne*, стр. 145—147 (гдѣ разсказывается, между прочимъ, трогательная исторія простой рабочей, Сюзанны Волькэнъ); и Sébastien Charléty, *Histoire du saint simonisme*; Парижъ, 1896, стр. 277.

равно какъ тѣ крайніе демократы, которые познакомились при помощи Буонаротти съ бабувизмомъ. Извѣстно, какое значительное вліяніе произвела на умы непримиримыхъ республиканцевъ книга Буонарроти о „Заговорѣ Равныхъ“, которая вышла, какъ уже было сказано нами выше, въ 1828 г. и которая, нѣсколькими годами позже, кромѣ интеллигентныхъ и чисто политическихъ круговъ, нашла себѣ ревностныхъ читателей среди рабочихъ парижскихъ предмѣстій, гдѣ ее видѣлъ Гейнрихъ Гейне рядомъ съ „Исторіей революціи“ Кабэ, памфлетами Марата и т. д. [1]). Воскресавшій подъ перомъ Буонарроти бабувизмъ страдалъ, конечно, тѣмъ недостаткомъ историческаго пониманія, что перелицовывалъ великихъ якобинцевъ въ коммунистовъ. Здѣсь, впрочемъ, онъ слѣдовалъ примѣру самого Бабёфа, любившаго въ послѣднюю пору своей дѣятельности ссылаться въ защиту своихъ соціальныхъ плановъ на казненнаго Робеспьера, котораго онъ раньше подвергалъ жестокой критикѣ за „тираннію“ [2]). Но за то онъ оказалъ соціализму ту существенную услугу, что связалъ его съ вопросомъ о республиканской конституціи 1793 г., въ которой самодержавіе народа изъ всѣхъ французскихъ конституцій выражалось въ наиболѣе широкой и опредѣленной формѣ, и представилъ соціальную революцію какъ результатъ, какъ продолженіе революціи политической, которую, такимъ образомъ, надо совершить прежде всего. Этимъ путемъ бабувизмъ возвращалъ соціализму боевой характеръ, отнятый у него великими утопистами. Политическій индифферентизмъ уступалъ мѣсто политической борьбѣ, за власть, какъ за рычагъ соціальнаго переустройства. Ибо, если Буонарроти считалъ краеугольнымъ камнемъ коренной общественной реформы измѣненіе въ современныхъ отношеніяхъ владѣнія, какъ гласили его энергичныя формулы: „частичная собственность есть настоящее преступленіе противъ общества“ (véritable délit social) и „слѣдуетъ радикально преобразовать строй собственности“ (ordre des propriétés), то средство такого переворота онъ видѣлъ въ политической организаціи силъ на манеръ „секретной директоріи“ Бабёфа, которая низвергла бы современное правительство имущихъ и на его мѣсто поставила бы самодержавіе обезпеченнаго и счастливаго народа. При этомъ любопытно, что если онъ большею частью представлялъ себѣ дѣятельность этой директоріи въ видѣ диктатуры, которая считается „при началѣ политической революціи“ не столько съ „вотомъ націи“, сколько съ необходимостью „передать власть въ мудрыя и сильныя руки революціонеровъ“, то мѣстами

[1]) См. письмо Гейне отъ 30-го апрѣля 1840 г. въ сборникѣ его французскихъ корреспонденцій, носящемъ общее заглавіе *Lutetia*; „Sämmtliche Werke“ (изд. Wilhelm Bölsche) Лейпцигъ, (безъ даты), т. V, стр. 173—174.

[2]) См. о троекратной перемѣнѣ взглядовъ Бабёфа на Робеспьера въ уже цитированной нами книгѣ: Advielle, *Histoire de Gracchus Babeuf*, т. I, стр. 113, 118—119, 184—185.

онъ смягчалъ эти якобинскія воззрѣнія указаніемъ на значеніе „успѣховъ общественнаго мнѣнія“ и пропаганды идей въ народѣ. Онъ даже идеализировалъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, заднимъ числомъ, заговоръ Бабёфа, говоря, что секретная Директорія надѣялась произвести переворотъ не при помощи „кучки бунтовщиковъ“, а опираясь единственно на „силу истины“ [1]).

Это-то введеніе политическаго элемента въ соціализмъ и помогало распространенію міросозерцанія труда среди наиболѣе энергичныхъ и послѣдовательныхъ республиканцевъ временъ іюльской монархіи, республиканцевъ, которые вскорѣ должны были свести задачу соціальнаго преобразованія съ высотъ кабинетной утопіи или лабораторнаго эксперимента на жгучую почву общественной борьбы классовъ и сдѣлать ее знаменемъ организаціи трудящихся массъ. Начало этого процесса хорошо схвачено нѣкоторыми историками политической жизни Франціи въ прошломъ вѣкѣ [2]).

Между мыслителями, вышедшими изъ школы Сэнъ-Симона, много сдѣлавшими для приданія политическаго характера соціализму, выдающееся мѣсто занимаетъ Пьеръ Леру. То былъ человѣкъ довольно оригинальный, хотя зачастую туманной мысли, большой эрудиціи и горячихъ демократическихъ убѣжденій, доказывавшій свою преданность идеямъ самою жизнію своей, исполненной труда и лишеній. Въ умахъ современниковъ съ представленіемъ о Леру связывалась всего чаще мысль объ авторѣ соціально-философскаго трактата „О человѣчествѣ“ [3]), гдѣ весь человѣческій родъ разсматривался какъ одно цѣлое, какъ одно высшее „единство“, которое метафизически сливалось съ Богомъ и должно было служить предметомъ новой религіи, религіи человѣчества, организованнаго, подобно великой дружной семьѣ, на принципѣ солидарности и отвергающаго современное начало эгоизма. Но дѣлу соціализма Леру послужилъ не столько этимъ своимъ трактатомъ (положенія котораго, повидимому, не совсѣмъ ясныя для самого автора, тѣмъ менѣе отчетливо воспринимались читателями), сколько своими сочиненіями по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ, въ родѣ имѣвшей очень большой успѣхъ „Плутократіи, или правленія богатыхъ“.

Въ томъ сильномъ, несмотря на нѣкоторую свою разбросанность, памфлетѣ Леру мастерски разлагаетъ на составные соціальные классы „общественную пирамиду“ Франціи (да и въ сущности всякой капитали-

---

[1]) I. Tchernoff, *Le parti républicain Sous la monarchie de Juillet*; Парижъ, 1901, стр. 84 и 85.

[2]) См., напр., уже цитированную нами книгу: Georges Weill, *Histoire du parti republicain en France de 1814 à 1870;* стр. 44—49 и слѣд.

[3]) Pierre Leroux. *De l'Humanité;* первое изданіе вышло въ 1840 г. въ двухъ томахъ (эта книга подверглась критикѣ Прудона въ его второмъ мемуарѣ о собственности значитъ почти сейчасъ же вслѣдъ за появленіемъ перваго изданія).

стической страны). Онъ даетъ рельефное опредѣленіе класса „пролетаріевъ", какъ „гражданъ, доходы которыхъ не достигаютъ уровня потребностей пропитанія", и не менѣе яркое опредѣленіе класса „капиталистовъ", какъ „гражданъ, чьи доходы превышаютъ потребности существованія". При этомъ онъ очень убѣдительно доказываетъ, что громадное большинство, такъ называемыхъ, „собственниковъ" земельныхъ участковъ во Франціи принадлежатъ въ сущности къ категоріи пролетаріевъ. „Чтобы быть справедливымъ и не замѣнять истину ложью,—восклицаетъ Леру,—слѣдовало бы сказать, что четыре пятыхъ гражданъ, занесенныхъ въ списокъ плательщиковъ поземельнаго налога, не должны бы были называться собственниками. А если бы продолжали упорствовать въ этомъ названіи, то справедливость требовала бы, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлить, въ чемъ же состоитъ ихъ доходъ. Не очевидно ли, въ самомъ дѣлѣ, что эти мнимые двадцать милліоновъ собственниковъ являются собственниками лишь хижины, или, за отсутствіемъ ея, собственниками клочка земли, котораго, самое большее, достаточно для того, чтобы уплатить за наемъ ихъ жилища" [1]).

Но что въ особенности замѣчательно въ этой книжкѣ, что составляетъ центръ тяжести всей аргументаціи ея, это указаніе на тѣсную связь между владѣніемъ и властью, экономикой и политикой имущихъ классовъ. Характеристика Франціи съ этой точки зрѣнія превращается подъ перомъ Леру въ необыкновенно энергичную и глубоко идущую въ корень вещей формулу: „Франція можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „Менѣе милліона индивидуумовъ,—мужчинъ, женщинъ, дѣтей,—представленныхъ 196,000 главъ семействъ, образуютъ обширный торговый домъ, обладающій исключительнымъ капиталомъ и носящій названіе „Франція". Эта фирма располагаетъ ежегодно трудомъ тридцати четырехъ милліоновъ служащихъ и рабочихъ... Плодомъ этихъ операцій является по *меньшей мѣрѣ* девяти-милліардный валовой доходъ, за вычетомъ сѣмянъ и другихъ матеріальныхъ издержекъ, идущихъ на поддержаніе всей совокупности орудій производства. Фирма выплачиваетъ немногимъ болѣе пяти милліардовъ заработной платы. Ей остается прибыли, или чистаго дохода, три милліарда восемьсотъ милліоновъ...

„Сверхъ того, собственники чистаго дохода, обладая исключительными политическими привилегіями, располагаютъ по своему усмотрѣнію и сообразно со своими идеями, болѣе чѣмъ полутора милліардами налоговъ, взимаемыхъ въ большинствѣ съ заработной платы.

„Это сосредоточеніе богатства и политики въ однѣхъ рукахъ образуютъ сущность правительства, которое мы назвали Плутократіей.

---

[1]) *De la Ploutocratie, ou du gouvernement des riches;* Парижъ, 1848, стр. 19—20 (появилось первоначально въ „Revue Independante" за 1843 г.).

„Плутократы составляютъ бюджетъ и управляютъ государствомъ не для государства, а для плутократовъ.

„Политическій законъ подчиненъ ими закону экономическому.

„Они находятъ превосходнымъ политическій законъ, организованный такимъ образомъ, не хотятъ дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій и не терпятъ, чтобы они дѣлались другими; и они называютъ это *охраненіемъ*.

„Охраненіемъ чего?

„Охраненіемъ экономическаго закона, который отдаетъ менѣе чѣмъ милліону лицъ изъ тридцати четырехъ съ половиною милліоновъ французовъ весь чистый доходъ Франціи, увеличенный милліардомъ, полученнымъ съ заработной платы, и достигающій съ этой прибавкой по меньшей мѣрѣ четырехъ милліардовъ шестисотъ милліоновъ, т. е. половины валового дохода всѣхъ гражданъ...

„Итакъ, вотъ каковъ нашъ прогрессъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Народонаселеніе, правда, увеличилось на девять милліоновъ; но на эти девять милліоновъ прироста жителей приходится пять милліоновъ несчастныхъ бѣдняковъ“ [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этими взглядами Леру жестоко критикуетъ всѣ формы власти, опирающіяся на эксплуатацію трудящихся массъ и ставящія своею цѣлью продолженіе такой эксплуатаціи. Не отрицая, какъ то сдѣлаетъ вскорѣ Прудонъ, самаго принципа правительства, не возставая даже противъ представительнаго строя, если онъ блюдетъ интересы народа, Леру, однако, находитъ оправданіе лишь для такихъ формъ правленія и для такихъ государственныхъ учрежденій, которыя могутъ стать орудіемъ безпрерывнаго соціальнаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе республикѣ, но замѣчаетъ въ то же время, что „истинная республика есть соціализмъ“, и что „желать во Франціи торжества республики безъ соціализма—абсурдъ“. Въ концѣ концовъ, демократизируя іерархическій соціализмъ Сэнъ-Симона и вообще пропитывая политикой аполитическое міровоззрѣніе великихъ утопистовъ, Леру привлекъ къ ученію труда немало искреннихъ республиканцевъ, такъ что мы не можемъ не признать правильною ту оцѣнку, которую Леру, этотъ несомнѣнно выдающійся мыслитель, даетъ своей дѣятельности въ прошломъ, говоря о себѣ: „Я ввелъ республику въ соціализмъ и соціализмъ въ республику“... При этомъ Леру не останавливался даже передъ проповѣдью революціонныхъ выступленій, разъ онѣ вынуждались общимъ положеніемъ дѣлъ: такія революціи, по его мнѣнію, если не сами непосредственно избавляли человѣчество отъ золъ, то помогали ему достигнуть высшаго самосознанія и созда-

[1]) Ibid., стр. 224... стр. 260—261, passim.

вали такое настроеніе, при которомъ человѣкъ развертывалъ величайшія творческія качества...

Убѣжденнымъ сторонникомъ исключительно мирной общественной эволюціи явился Кабэ, который энергично и не безъ успѣха распространялъ идеи довольно широко идущаго коммунизма, но боролся противъ революціонныхъ пріемовъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Пользуясь растущимъ вліяніемъ среди передовой интеллигенціи и рабочихъ, онъ въ особенности старался пропагандировать идею о возможности организовать новый общественный строй при помощи правильныхъ республиканскихъ учрежденій, опирающихся на всеобщую подачу голосовъ. Замѣчательно, что въ своемъ утопическомъ романѣ „Путешествіе въ Икарію“, появившемся въ 1842 г. и жадно читавшемся не только парижскими, но мѣстами и провинціальными рабочими, Кабэ рисуетъ водвореніе идеальнаго коммунистическаго строя въ результатѣ народной революціи и выросшей изъ нея диктатуры добродѣтельнаго Икара, избраннаго народомъ для роли законодателя. Но самъ же авторъ старается показать, что упомянутая революція была вынуждена тираническими дѣйствіями монархіи, которая существовала раньше въ изображаемой островной странѣ. Съ другой стороны, добродѣтельный Икаръ, положивъ основаніе братской республикѣ, является для отданія отчета передъ избраннымъ всеобщей подачей голосовъ народнымъ представительствомъ; и хотя въ благодарность избирается имъ въ пожизненные президенты, отказывается отъ этой чести, говоря, что народъ долженъ учиться управлять самимъ собой. Слѣдуетъ, наконецъ, прибавить, что режимъ коммунизма вводится на островѣ Икаріи лишь постепенно, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, причемъ дѣлаются всевозможныя уступки владѣльцамъ собственности и вообще сторонникамъ стараго строя съ тою цѣлью, чтобъ этотъ коренной общественный переворотъ совершился безъ особенно сильнаго потрясенія выработавшихся въ гражданахъ традицій и обычаевъ.

Читая теперь „Икарію“, нельзя представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производили на современниковъ эти картины будущаго идеальнаго общества: надо перенестись въ тогдашнюю эпоху, чтобы понять энтузіазмъ, возбуждавшійся въ читателяхъ 40-хъ годовъ романомъ Кабэ. Мы упомянули о популярности этого коммуниста среди сравнительно широкихъ слоевъ. Такая популярность въ особенности выпала на его долю благодаря „Икаріи“. Мало того, что книга проникла не только въ интеллигентную, но и рабочую аудиторію: она вызвала притокъ въ руки Кабэ сравнительно значительныхъ суммъ со стороны восторженныхъ поклонниковъ, которые чрезвычайно охотно отзывались на предложеніе Кабэ осуществить немедленно же развитыя въ романѣ идеи. Намъ нечего разсказывать читателямъ о крахѣ икарійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, нестроенія и раздоры

внутри которыхъ отравили послѣдніе годы жизни Кабэ и даже нашли отголосокъ въ судебномъ преслѣдованіи, которое реакціонные трибуналы сочли нужнымъ возбудить противъ благороднаго и безкорыстнаго мечтателя, обвиняя его въ мошенничествѣ. Кабэ навсегда останется въ исторіи соціализма авторомъ утопіи, которая умѣла воспламенить огнемъ энтузіазма тысячи и тысячи людей, проникая лучами свѣта и внося радужныя надежды въ сумрачную жизнь трудящихся. Что имъ было за дѣло до скудости фабулы, до художественной слабости типовъ героевъ и героинь романа, всѣхъ этихъ лордовъ Карисдаллей, Вальморовъ, Динаросовъ, мадемуазелей Динэзъ и Кориллъ, до отсутствія дѣйствія, замѣняемаго безконечно длинными, тянущимися на десяткахъ страницъ рѣчами персонажей, которые услащаютъ ихъ всевозможными цитатами изъ великихъ и малыхъ мыслителей,—Руссо, Смита, Сисмонди, Оуэна, совершенно неизвѣстныхъ нынѣ Лерминье и Билліардовъ,—въ доказательство преимущества коммунизма надъ частной собственностью? Что имъ было за дѣло, говоримъ мы, до недостатковъ романа, когда, несмотря на эти отрицательныя стороны, на нихъ со страницъ „Икаріи“ вѣяло дыханіе новаго идеала, общее великолѣпіе котораго заслоняло тѣ детали утопической жизни, какія могли показаться непривлекательными нѣкоторымъ наиболѣе взыскательнымъ читателямъ?

Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить еще то обстоятельство, что и оборотная сторона медали, представляемой икарійскимъ общежитіемъ, могла скорѣе притягивать, чѣмъ отталкивать ту самую аудиторію, которая съ наибольшимъ одушевленіемъ и наивной вѣрою прислушивалась къ благовѣстію труда въ устахъ Кабэ. Я разумѣю рабочихъ. „Икарія“ была соціальной республикой, гдѣ элементъ принудительности проникалъ, несомнѣнно, общественную жизнь, но обезпечивалъ почти абсолютное равенство положенія всѣмъ членамъ коммунистической общины. А это представленіе какъ разъ удовлетворяло тому стремленію къ соціальному равенству, которое было особенно живо въ душѣ французскаго пролетарія и которому онъ былъ нерѣдко готовъ жертвовать даже интересами политической свободы. Рабочаго не могли пугать въ „Икаріи“ ни обязательный трудъ, ни обязательное обученіе, ни организація общественнаго производства сильной властью, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ и спускающейся концентрическими кругами съ высотъ общенаціональныхъ задачъ въ государствѣ до самомалѣйшихъ проявленій мѣстнаго самоуправленія въ общинѣ. И можно представить себѣ, съ какимъ интересомъ и симпатіей пролетарій, который зналъ обязательный трудъ въ его худшей, почти каторжной, а именно капиталистической формѣ, который жадно стремился къ образованію, который взывалъ о помощи къ современному государству, созданному его закоптѣлыми отъ поро-

хового дыма руками на баррикадахъ, долженъ былъ читать нижеслѣдующее описаніе совершеннаго общежитія:

„Такъ какъ всѣ икарійцы,—продолжалъ Диноросъ,—члены ассоціаціи и всѣ равны, то и всѣ они обязаны заниматься тѣмъ или инымъ ремесломъ и работать одинаковое число часовъ; но весь ихъ умъ направленъ на изысканіе какихъ только возможно способовъ сдѣлать трудъ короткимъ, разнообразнымъ, пріятнымъ и безопаснымъ.

„Всѣ орудія труда и сырой матеріалъ берутся изъ общественнаго капитала, равно какъ всѣ продукты земледѣлія и промышленности складываются въ общественныхъ магазинахъ.

„Мы всѣ получаемъ пищу, одежду, помѣщеніе и утварь изъ общественнаго капитала, и получаемъ всѣ *одинаково* (tous de *tête*), въ соотвѣтствіи лишь съ поломъ, возрастомъ и нѣкоторыми другими обстоятельствами, предвидѣнными закономъ.

„Такимъ образомъ, только одна республика, или коммунистическое общежитіе (Communanté), является собственницей всего; она одна организуетъ своихъ рабочихъ и строитъ свои мастерскія и свои магазины; она также заставляетъ воздѣлывать землю, воздвигаетъ дома, производитъ всѣ предметы, которые необходимы для продовольствія, одежды, жилища, меблировки; она, наконецъ, кормитъ, одѣваетъ, снабжаетъ помѣщеніемъ и меблировкой каждое семейство и каждаго гражданина.

„Такъ какъ *воспитаніе* (жирный шрифтъ въ подлинникѣ Кабэ. Н. Р.) считается у насъ основою и фундаментомъ общества, то республика даетъ его всѣмъ своимъ дѣтямъ, и даетъ его имъ всѣмъ одинаково, какъ она даетъ всѣмъ одинаково пищу. Всѣ получаютъ одно и то же первоначальное образованіе и извѣстное спеціальное образованіе, подходящее къ каждой особой профессіи; и такое воспитаніе имѣетъ своею цѣлью формировать хорошихъ рабочихъ, добрыхъ родителей, добрыхъ гражданъ и людей въ настоящемъ значеніи этого слова.

„Такова по существу наша соціальная организація, и эти немногія слова могутъ дать вамъ понять и угадать все остальное.

— „Вы должны понять теперь,—сказалъ старикъ,—почему у насъ нѣтъ ни *бѣдныхъ*, ни слугъ.

— „Вы должны понять также,—прибавилъ Вальморъ,—какимъ образомъ республика представляетъ собою собственницу всѣхъ лошадей, экипажей, отелей, которые вы видѣли, и какъ она безплатно питаетъ и перевозитъ пассажировъ.

„Вы должны, сверхъ того, понять, что разъ каждый изъ насъ по-

лучаетъ натурою все необходимое, то *деньги, купля* и *продажа* для насъ совершенно безопасны" [1]).

Не могли точно также испугать рабочаго при чтеніи „Икаріи" ни общественные омнибусы (Кабэ предвосхищаетъ при этомъ современные трамваи, идея которыхъ въ его эпоху, послѣ неудачнаго опыта въ Нью-Іоркѣ, оставалась въ теченіе двадцати лѣтъ безъ приложенія); ни совершенно одинаковые по своей архитектурѣ и меблировкѣ дома, стиль которыхъ рознится лишь отъ улицы къ улицѣ; ни однообразные костюмы—формы, измѣняющіеся лишь съ поломъ, возрастомъ, семейнымъ положеніемъ и т. п. условіями и нарочно изготовляемые цѣлыми массами изъ эластичной ткани, чтобы каждый обитатель Икаріи могъ безъ особыхъ усилій найти подходящую къ его росту одежду; ни установляемые начальствомъ образцы пищи, книгъ и т. п., которые одобряются предварительно комитетами изъ ученыхъ спеціалистовъ, разрабатывающихъ также планы общественныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Относительное однообразіе и монотонность икарійской культуры, которая могла оттолкнуть этими свойствами избалованныхъ представителей привилегированныхъ классовъ въ современномъ обществѣ, должны были наоборотъ казаться верхомъ человѣческаго комфорта читателямъ изъ рабочихъ, обреченныхъ довольствоваться не только немногочисленными, но и чрезвычайно низкопробными предметами потребленія, тогда какъ въ благословенной Икаріи продукты предлагались членамъ общежитія и въ гораздо большемъ выборѣ, и гораздо высшаго качества. Сама приблизительная одинаковость жизни всѣхъ икарійцевъ могла даже скорѣе притягивать, чѣмъ отталкивать французскаго пролетарія, который, особенно въ срединѣ прошлаго вѣка, былъ влюбленъ въ уже упомянутое нами соціальное равенство.

Соотвѣтствующимъ настроенію обширныхъ рабочихъ слоевъ эпохи былъ и взглядъ Кабэ на отношеніе между полами и ихъ положеніе въ обществѣ. Въ „Икаріи" женщины уравнены въ гражданскомъ и семейномъ правѣ съ мужчинами, хотя и въ этой сферѣ идеальная республика Кабэ отдавала преимущество „мнѣнію" сильнаго пола. Но что касается до политическихъ правъ, то романъ вездѣ говоритъ только о гражданахъ, избирателяхъ и представителяхъ народа и ни единымъ словомъ не обмолвливается о роли женщинъ въ управленіи. И не то, чтобы законодательство добродѣтельнаго Икара спеціальными параграфами исключало женщинъ изъ участія въ политической жизни,—хуже того: оно совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ, принимая, очевидно, за само собою подразумѣвающееся такое положеніе вещей.

---

[1]) Cabet, *Voyage en Icarie*; стр. 36 пятаго изданія, Парижъ, 1848.

По отношенію собственно къ семьѣ Кабэ является очень большимъ ригористомъ, заходя въ этомъ отношеніи даже дальше традиціонныхъ защитниковъ современной моногаміи. Въ своей попыткѣ идеализировать исторически сложившуюся семью нашей эпохи авторъ „Икаріи" старается изобразить самыми привлекательными красками взаимную любовь, довѣріе и симпатію между супругами, съ одной стороны, родителями и дѣтьми съ другой. Но, несмотря на эти чувства семьянъ одного къ другому, онъ рисуетъ, напр., намъ идеальнаго главу семейства не покидающимъ своей жены ни на шагъ въ обществѣ и сопровождающимъ ее всюду во избѣжаніе „искушенія". Съ этой точки зрѣнія онъ жестоко критикуетъ обычай „галантныхъ" французовъ, среди которыхъ нерѣдко супруги находятъ развлеченіе каждый съ своей стороны и въ разныхъ мѣстахъ.

Но если въ области нѣкоторыхъ семейныхъ отношеній Кабэ являлся большимъ пуританиномъ, чѣмъ его аудиторія, то въ сферѣ религіи его идеи, несомнѣнно, выражали наиболѣе распространенные взгляды среди тогдашнихъ сознательныхъ рабочихъ. Икарійцы—религіозный народъ. Но ихъ религія представляетъ собой деизмъ, вѣру во всемогущую причину всѣхъ вещей, которая не нуждается ни въ какихъ положительныхъ формахъ культа, хотя въ Икаріи есть профессіональные „священники", играющіе роль наставниковъ и моралистовъ, причемъ Кабэ съ особеннымъ почтеніемъ останавливается на христіанствѣ, не на христіанствѣ, впрочемъ, какимъ мы его знаемъ и какимъ оно сложилось исторически, а на христіанствѣ идеализированномъ, на религіи „братства, равенства и коммунизма". Икарійцы видятъ въ основателѣ этой наилучшей изъ религій не бога, а добродѣтельнѣйшаго человѣка въ мірѣ. Замѣтимъ кстати, что авторъ „Икаріи" написалъ цѣлую книжку на эту тему, носящую заглавіе „Истинное христіанство согласно Іисусу Христу" и имѣющую цѣлью доказать, что коммунизмъ не только проповѣдывался, но и практиковался въ жизни Іисусомъ, апостолами и первыми христіанами; и что, стало быть, истинное христіанство должно было бы водворить идеальное царство на землѣ, или, какъ выражается Кабэ въ предисловіи къ упомянутому сочиненію: „Если бы христіанство истолковывалось и примѣнялось въ духѣ Іисуса Христа...., то этого христіанства съ его моралью, его философіею, его предписаніями было бы достаточно и раньше и теперь, чтобы основать совершенную соціальную и политическую организацію, освободить человѣчество отъ удручающаго его зла и обезпечить счастіе всего рода человѣческаго на землѣ: тогда не осталось бы ни одного существа, которое отказалось бы отъ названія христіанства" [1]).

[1]) Le vrai Christianisme suivant Jésus—Christ; Парижъ, 1848, 3-е изд., стр. 4.

Въ общемъ Кабэ, несмотря на слабыя стороны своего міровоззрѣнія, отражавшія и, можно даже сказать, резюмировавшія равнодѣйствующую взглядовъ, которые были наиболѣе распространены среди демократической интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, оказалъ ту существенную услугу соціализму, что популяризировалъ идею солидарности, или, какъ онъ любилъ выражаться, „братства", между трудящимися и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ укрѣпленію въ нихъ понятія о связи между извѣстными политическими учрежденіями (республикой, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ) и соціалистическимъ строемъ. Любопытно, что, пытаясь придвинуть рѣшеніе соціальнаго вопроса тѣмъ путемъ, который я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай назвать лабораторнымъ, т. е. при помощи заведенія образцовыхъ колоній, онъ, однако, подвергаетъ въ своей „Икаріи" въ сущности аналогичные планы „добродѣтельнаго и мирнаго" Оуэна слѣдующей многозначительной критикѣ: Какъ жаль, что онъ питалъ слишкомъ большое довѣріе къ добротѣ властелиновъ и аристократовъ; что онъ разочаровалъ народъ, назначая слишкомъ короткіе сроки для осуществленія надеждъ, которыя до сихъ поръ еще не осуществились; и что онъ затратилъ на попытки частныхъ и черезчуръ мелкихъ общинъ, какія не могутъ удаться, капиталъ, который, хотя и былъ самъ по себѣ значительнымъ, былъ, однако, недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей образцовой общины, но съ которымъ можно было бы произвести неизмѣримое дѣйствіе на общественное мнѣніе, если бы только употребить его исключительно на пропаганду этого ученія" [1]).

Здѣсь Кабэ касался ахиллесовой пяты собственной системы: подвергая проницательному разбору чужую утопію, онъ проникалъ ножомъ анализа въ утопическія стороны своего міровоззрѣнія. Не имѣя силы отказаться отъ общей тенденціи тогдашнихъ соціалистовъ къ построенію идеальнаго режима искусственнымъ путемъ, подъ стеклляннымъ колпакомъ сектантскаго общежитія, изолирующаго своихъ членовъ отъ окружающаго гигантскаго міра гнета и эксплуатаціи, Кабэ чувствовалъ съ другой стороны, что соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь общимъ напоромъ,—хотя бы и мирнаго характера,—трудящихся массъ противъ представителей крупнаго владѣнія, сторонниковъ коммунизма противъ защитниковъ привилегированной частной собственности. Отъ дѣятельности Кабэ оставалось то положительное пріобрѣтеніе, что внимавшая ему аудиторія, которую онъ связывалъ въ одно цѣлое идеей братской солидарности, пріучалась видѣть въ идеальномъ строѣ будущаго результатъ совмѣстной общественной дѣятельности, направленной на добываніе уже при современ-

1) Voyage en Icarie, стр. 519.

ныхъ порядкахъ болѣе свободныхъ и демократическихъ (республиканскихъ) учрежденій, т. е., значитъ, его политическія задачи. Сквозь радужные туманы „Икаріи“ обрисовывалась такимъ образомъ реальная почва дѣйствительности съ ея жгучими вопросами и злобами дня, и если соціализмъ не становился еще совершенно рабочимъ и вполнѣ политическимъ, то былъ на пути къ этому. Пламенная дѣйственная любовь Кабэ къ рабочему классу, побуждавшая его къ постоянной пропагандѣ среди трудящихся и безпрерывнымъ поѣздкамъ съ цѣлью организаціи кружковъ и обществъ, была оцѣнена даже желчнымъ и пристрастнымъ въ своихъ отзывахъ Марксомъ, несмотря на его нелюбовь къ гуманитарно-религіозному направленію автора „Икаріи“.

Крупными успѣхами современный соціализмъ былъ обязанъ Луи-Блану и Прудону, которые, несмотря на свою идейную вражду, толкали съ разныхъ концовъ, но оба впередъ тяжелую махину нерѣшеннаго соціальнаго вопроса. При этомъ роли распредѣлялись между ними такимъ образомъ, что Луи-Бланъ работалъ надъ приданіемъ соціализму существенно политическаго характера, тогда какъ Прудонъ, доведя аполитизмъ великихъ утопистовъ до его крайнихъ предѣловъ въ видѣ анархіи, подвергъ за то въ общемъ глубокой критикѣ самыя основанія современнаго строя въ формѣ частной собственности и вскрылъ всѣ главныя противорѣчія капиталистическаго общества. Приступая къ оцѣнкѣ значенія обоихъ соціалистическихъ мыслителей и дѣятелей, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что эта задача затрудняется всей ассоціаціей идей, связанной съ этими именами на почвѣ послѣдующей исторіи, полемики, общаго развитія соціализма среди ожесточенной междуусобной войны различныхъ направленій его. Такъ, Луи-Блану много повредила его слабость и отсутствіе политическаго чутья въ роковые дни февральской революціи, равно какъ его рѣзко несправедливое отношеніе къ Коммунѣ 1871 г. Репутація же Прудона сильно пострадала отъ его возмутительныхъ отзывовъ о соціалистахъ и въ особенности о коммунистахъ. Кромѣ того, въ послѣднія десятилѣтія средній читатель знаетъ Прудона исключительно по полемической книжкѣ Маркса „Нищета философіи“, которая въ свое время осталась почти совершенно незамѣченной (о ней, впрочемъ, сочувственно упомянулъ тогда же Луи-Бланъ, говоря, что въ ней „д-ръ Марксъ выставляетъ Прудона посмѣшищемъ для любого геттингенскаго студента“, но, по мѣрѣ распространенія марксизма, стала чуть ли не единственнымъ источникомъ знаній о сложной, капризной, въ высокой степени оригинальной литературной физіономіи Прудона. Между тѣмъ „Нищета философіи“ даетъ намъ лишь понятіе о томъ, въ чемъ слабъ Прудонъ, но отнюдь не даетъ понятія о томъ, чѣмъ онъ силенъ.

Луи-Бланъ, въ гораздо меньшей степени оригинальный мыслитель,

чѣмъ образованный публицистъ, краснорѣчивый, нѣсколько ходульный ораторъ и талантливый политическій историкъ, беретъ элементы своей системы у разныхъ предшественниковъ и современниковъ, при чемъ говоритъ о нихъ по большей части съ почтеніемъ и благодарностью,—опять таки признакъ скорѣе ассимилирующаго таланта, чѣмъ зачастую столь несправедливаго къ чужимъ взглядамъ, но за то богатаго новыми идеями генія. Сэнъ-Симонъ снабжаетъ его мыслями о необходимости правильной промышленной организаціи. У Фурье онъ заимствуетъ отрицательный взглядъ на конкурренцію, производящую переполненіе рынка цѣною лишеній и страданій громаднаго большинства человѣчества. Вліяніе Буонарроти сказывается на значеніи, которое Луи-Бланъ придаетъ политической организаціи для совершенія соціальнаго переворота. Но, съ одной стороны, эта организація является для него въ видѣ революціонной диктатуры, напоминающей диктатуру великихъ якобинцевъ, и прежде всего Робеспьера, этого любимаго героя историческаго романа Луи-Блана. Съ другой, она рисуется еще чаще въ видѣ моральной диктатуры, опирающейся на сочувствіе народа, который призванъ управлять своими судьбами, но не прямо, а при посредствѣ представителей, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ. Во всякомъ случаѣ для Луи-Блана предварительная политическая реформа является необходимымъ условіемъ проведенія коренныхъ соціальныхъ преобразованій, и роль политической дѣятельности вообще разсматривается имъ въ духѣ современныхъ ему радикаловъ буржуазнаго лагеря, такъ что онъ готовъ охотно примириться съ политическою борьбою въ рамкахъ парламентаризма, лишь бы послѣдній давалъ ему возможность овладѣть государственною властью для совершенія упомянутыхъ соціальныхъ реформъ.

Несмотря на то, что Луи-Бланъ возставалъ противъ насильственныхъ революцій, противъ „Жакеріи“, диктуемыхъ гнѣвомъ и фанатическимъ нетерпѣніемъ, онъ вѣрилъ, однако, въ быструю, почти мгновенную и въ этомъ смыслѣ революціонную замѣну одного общественнаго склада другимъ. Извѣстно много цитировавшаяся политическими историками Франціи и біографами Луи-Блана мысль, высказанная имъ впервые въ редактировавшемся имъ съ 1839 г. журналѣ „Revue du Progrés“, но встрѣчающаяся,—и почти въ той же формѣ, какъ я могъ замѣтить, — еще у Сэнъ-Симона: „Нѣтъ, прогрессъ въ учрежденіяхъ извѣстнаго народа не совершается мало-по-малу. Въ мірѣ идей онъ идетъ медленнымъ и труднымъ шагомъ; но въ область фактовъ онъ врывается сразу, на протяженіи года, мѣсяца, одной ночи, измѣняя совершенно законы, замѣняя не старый результатъ новымъ результатомъ, но старый принципъ новымъ принципомъ, внося въ жизнь народа не ту или другую частную реформу, а обширную совокупность координированныхъ между собою реформъ, однимъ словомъ, поставляя

на мѣсто *цѣлой* системы законодательства *цѣлую* же систему противоположнаго законодательства" [1]).

Эта вѣра въ быстроту соціальнаго прогресса поддерживалась у Луи-Блана взятой имъ у Руссо и другихъ писателей XVIII-го вѣка доктриной о природной добротѣ человѣка, а также его взглядомъ на преобладающее вліяніе идей въ жизни человѣчества. По натурѣ человѣкъ склоненъ,—полагалъ Луи-Бланъ,—къ благороднымъ поступкамъ, и ему препятствуютъ въ этомъ лишь дурныя учрежденія, основанныя въ свою очередь на дурныхъ принципахъ. Измѣните эти принципы, и человѣкъ въ быстро измѣнившемся обществѣ дастъ полную мѣру своихъ хорошихъ качествъ и добрыхъ наклонностей. Вообще, Луи-Бланъ является въ области, получившей позже названіе соціологіи, самымъ чистокровнымъ идеологомъ. Уже въ своей „Исторіи десяти лѣтъ" онъ ясно высказалъ эту точку зрѣнія, говоря, что истинной исторіей XIX-го вѣка можетъ быть только исторія его идей. Въ „Исторіи французской революціи" онъ заявляетъ даже, что исторію дѣлаютъ книги, и съ самыхъ первыхъ же страницъ общаго введенія къ этой работѣ онъ кладетъ во главу угла человѣческой революціи послѣдовательную смѣну трехъ великихъ „принциповъ": авторитета, индивидуализма и братства. На практикѣ и въ приложеніи къ жгучимъ вопросамъ современности онъ смягчаетъ этотъ идеализмъ указаніемъ на крайнюю необходимость коренной экономической реформы, благодаря которой трудящіеся и угнетенные нищетой классы, да и вообще все общество, только и могутъ осуществить законъ предначертаннаго провидѣніемъ прогресса.

Очень любопытны въ этомъ отношеніи первыя страницы введенія къ его „Организаціи труда", небольшой—особенно въ первыхъ изданіяхъ—книжечки, которая читалась рабочими развѣ немногимъ меньше „Икаріи" Кабэ и создала Луи-Блану громадную популярность въ городскомъ пролетаріатѣ: для большинства современниковъ, особенно въ первую пору своей дѣятельности, Луи-Бланъ былъ авторомъ „Организаціи труда". И вотъ въ предисловіи къ этому-то дѣйствительно замѣчательному для тогдашней эпохи соціалистическому памфлету—манифесту Луи-Бланъ какъ бы оправдывается въ томъ, что ставитъ основнымъ требованіемъ своей программы осуществленіе для каждаго человѣка „права жить трудомъ". Деистъ, спиритуалистъ, онъ старается обосновать это требованіе тѣмъ, что самъ Творецъ соединилъ таинственнымъ образомъ въ человѣкѣ тѣло и душу, и что

[1]) *Revue du Progrès*, I, стр. 309. Цитирую по работѣ Weill'я, *Histoire du parti républicain*, стр. 207. Та же цитата приводится I. Tchernoff'ымъ въ *Le parti républicain*, стр. 328, и—сокращенно—въ біографіи Луи-Блана, написанной тѣмъ же авторомъ и представляющей отчасти апологію Луи-Блана въ духѣ реформистскаго соціализма: *Louis Blanc*; Парижъ, 1904, стр. 67 (составляетъ № 26 серіи „Bibliothègue socialiste").

когда первое испытываетъ лишенія, то отъ нихъ страдаетъ и вторая, а потому въ цѣляхъ лучшаго проявленія своей духовной сущности человѣкъ долженъ быть обезпеченъ и физически.

Организація труда (жирный шрифтъ въ подлинникѣ. Н. Р.), имѣющая въ виду уничтоженіе нищиты, не только далека отъ матеріалистическихъ заботъ,—восклицаетъ Луи-Бланъ,—но опирается на самый истинный спиритуализмъ...

„Мы хотимъ, слѣдовательно, чтобы трудъ былъ организованъ способомъ, ведущимъ къ устраненію нищеты, не только для того, чтобы были облегчены матеріальныя страданія народа, но также, но въ особенности для того, чтобы... излишекъ несчастія не подавлялъ болѣе ни у кого благородныхъ стремленій мысли и наслажденій законной гордостью; чтобы для всѣхъ нашлось мѣсто въ области воспитанія и у источниковъ разума... Мы хотимъ, чтобы трудъ былъ организованъ для того, чтобы душа народа—слышите ли, его душа?—не оставалась подавляемой и искажаемой подъ гнетомъ тираніи вещей" [1]).

Но скоро, оставляя за собой спиритуалистическія оговорки, авторъ входитъ въ самое сердце вопроса, и изъ-подъ пера его льются элегантныя и блестящія строки, которыя въ своей совокупности даютъ удачное резюме главныхъ соціалистическихъ положеній времени. Причемъ новымъ вкладомъ въ міровоззрѣніе труда является энергичное и послѣдовательное подчеркиваніе значенія политики для соціализма и коллективной дѣятельности, воплощающейся въ государственной власти, для соціальныхъ реформъ. „Революціи не импровизируются": надо, чтобы грядущая соціальная революція имѣла опредѣленную цѣль, которую осуществитъ власть, выдвигаемая „политической революціей". „Буржуазная революція 1789 г." именно потому и удалась, что была „живымъ порожденіемъ энциклопедіи", начертавшей ея „программу" (стр. 9). Слѣдуетъ поставить нынѣ такую же ясную программу. Такой программой, такой „формулой прогресса" можетъ быть въ наши дни лишь: *„нравственное и матеріальное улучшеніе всѣхъ людей путемъ свободнаго сотрудничества всѣхъ же людей и ихъ братской ассоціаціи"* (стр. 8;—курсивъ въ подлинникѣ. Н. Р.).

Какимъ же образомъ мы можемъ осуществить эту цѣль? Политической дѣятельностью. „Если необходимо заниматься соціальной реформой, то не менѣе необходимо толкать къ реформѣ политической. Ибо первая есть *цѣль*, вторая—*средство*". Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы открыть

[1]) Louis Blanc, *Organisation du travail*; Парижъ, 1848, 5-е изд., стр. 4—5, *passim* (Это изданіе „пересмотрѣно, исправлено и дополнено полемикою между г. Мишелемъ Шевалье и авторомъ, равно какъ приложеніемъ, указывающимъ на то, что можно пытаться сдѣлать уже теперь", и носитъ помѣтку: „первое изданіе появилось въ 1839 г.").

„научные способы“ установленія ассоціаціи труда: должно еще реализировать ихъ. А для этого необходимо пустить въ ходъ „властъ“, т. е. „организованную силу“. Въ самомъ дѣлѣ, „власть опирается на палаты, на трибуналы, на солдатъ, т. е. на тройную силу законовъ, приговоровъ и штыковъ. Не взять ее орудіемъ преобразованія, значитъ повсюду встрѣчать ее же на своемъ пути въ видѣ препятствія“. Кромѣ того, основная цѣль нашей дѣятельности—„освобожденіе рабочихъ“—затрагиваетъ слишкомъ много интересовъ и является слишкомъ сложною вещью, чтобы ея можно было достигнуть иначе, какъ прилагая къ ней всю „силу государства“. Дѣйствительно, „чего не достаетъ пролетаріямъ для своего освобожденія, такъ это орудій труда: функція правительствъ заключается въ томъ, чтобы доставить ихъ имъ. Если бы намъ надо было опредѣлить государство согласно нашему понятію о немъ, то мы бы отвѣтили: „государство есть банкиръ бѣдныхъ“ (стр. 14).

Намъ возражаютъ,—продолжаетъ Луи-Бланъ,—сторонники принципа laissez faire et laissez passer, что предлагаемое нами вмѣшательство государства нарушаетъ свободу людскихъ отношеній. Но на самомъ-то дѣлѣ именно мы, защитники этого вмѣшательства, представляемъ собой настоящихъ друзей истинной свободы. Что такое свобода въ современномъ обществѣ, при господствѣ конкурренціи? „Неравенство средствъ развитія“, борьба „вооруженнаго съ головы до ногъ атлета съ безоружнымъ“... „И это-то постоянное, безпорядочное столкновеніе могуществъ и безсилія, эту-то анархію въ самомъ гнетѣ, эту-то невидимую тираннію вещей, жестокость которой никогда не была превзойдена видимыми, осязательными тиранніями, носившими человѣческій образъ,—вотъ что осмѣливаются называть свободой!“ (стр. 17),—краснорѣчиво восклицаетъ Луи-Бланъ. Между тѣмъ настоящая „свобода заключается не только въ признанномъ за человѣкомъ *правѣ*, но въ данной ему *физической возможности* (Луи-Бланъ употребляетъ здѣсь слово *pouvoir*, ознающее также „власть“, что дало поводъ буржуазнымъ остроумцамъ годами гвоздить автора „Организаціи труда“ якобы придуманной имъ формулой: „свобода есть власть“. Н. Р.) упражнять и развивать свои способности при господствѣ справедливости и подъ покровительствомъ закона“ (стр. 19). Впрочемъ, Луи-Бланъ надѣется на скорое наступленіе „дня, когда не будетъ больше надобности въ сильномъ и дѣятельномъ правительствѣ, потому что въ обществѣ не будетъ больше низшаго и несовершеннолѣтняго класса. А до тѣхъ поръ учрежденіе охраняющей власти необходимо. Соціализмъ можетъ быть оплодотворенъ лишь дыханіемъ политики“ (стр. 20).

Замѣчательно яркая и энергичная фраза, заканчивающая только что приведенную нами цитату, знаменуетъ рѣшительный шагъ, сдѣланный

соціализмомъ въ лицѣ Луи-Блана отъ аполитическихъ воззрѣній по направленію къ надлежащему пониманію роли политической дѣятельности и политической организаціи при рѣшеніи великаго вопроса „объ эмансипаціи рабочихъ“. Но она не означаетъ еще того пониманія политической борьбы классовъ, къ которому соціализмъ придетъ лишь впослѣдствіи благодаря, главнымъ образомъ, Марксу, но которое, какъ мы отмѣтимъ впослѣдствіи, уже рождалось еще въ 30-хъ годахъ въ своеобразной логически страстной головѣ великаго революціонера и вѣчнаго заговорщика, Огюста Бланки. Что касается до Луи-Блана, то, признавая необходимость политической борьбы за болѣе или менѣе полное овладѣніе властью, какъ орудіемъ соціальныхъ реформъ, онъ видитъ эту борьбу въ идейномъ столкновеніи друзей народа и враговъ его, къ какимъ бы общественнымъ группамъ они ни принадлежали, но отнюдь не въ классовомъ столкновеніи рабочихъ и владѣльцевъ капитала. Во всѣхъ сочиненіяхъ Луи-Блана, и въ его чисто-политическихъ памфлетахъ, и въ его большихъ историческихъ трудахъ, если и констатируется фактъ „борьбы народа“ и „буржуазіи“, то авторъ отмѣчаетъ его съ сознаніемъ, порою негодованіемъ, то приписывая его эгоизму привилегированнаго меньшинства, то видя въ немъ лишь результатъ печальнаго недоразумѣнія, которое должно быть разсѣяно именно соціалистами. Послѣдніе должны, по его мнѣнію, стремиться не къ усиленію вражды между классами, а къ объединенію сильныхъ доброю волею представителей обоихъ дѣленій человѣчества на почвѣ мирнаго соціальнаго прогресса. Такъ, сейчасъ же послѣ только что комментированной нами сильной фразы Луи-Бланъ обращается къ „богатымъ“ съ патетическимъ приглашеніемъ къ „святому дѣлу бѣдняковъ“, съ которыми связываетъ ихъ „небесная солидарность“, и съ довѣріемъ отнестись къ соціалистическимъ планамъ, ибо „дѣло идетъ не о томъ, чтобы перемѣстить богатство, но о томъ, чтобы сдѣлать его всеобщимъ (l'universaliser), оплодотворяя его такимъ образомъ“. Дѣло идетъ о томъ, чтобы возвысить для счастія всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія, общій уровень человѣчества“ (стр. 21). Эта примирительная точка зрѣнія, эта теорія „сотрудничества классовъ“,—какъ назоветъ ее болѣе полвѣка спустя французскій реформистскій соціалистъ,—въ значительной степени опредѣляла и ту крупную политическую ошибку, какую Луи-Бланъ совершилъ во время февральской революціи, вступивъ въ буржуазное временное правительство и парализовавъ своимъ участіемъ, или, лучше сказать, безсмѣннымъ присутствіемъ въ немъ, общій напоръ рабочаго класса на старый строй. Но вернемся, собственно, ко взглядамъ Луи-Блана.

Критическая часть „Организаціи труда“, главныя идеи введенія къ которой мы изложили, вращается преимущественно, какъ вокругъ цен-

тральнаго пункта, вокругъ вопроса о конкурренціи, о „всеобщемъ соперничествѣ“ (стр. 31). И различныя стороны этого основного явленія современнаго общества изображены Луи-Бланомъ съ замѣчательною яркостью и знаніемъ дѣла. Онъ даетъ для Франціи, между прочимъ, тщательно собранныя имъ цифровыя данныя о заработной платѣ парижскихъ рабочихъ (стр. 33—35), въ доказательство того, что „систематическое пониженіе“ вознагражденія труда, ведущее за собой прямую гибель извѣстнаго числа рабочихъ, превращаетъ конкурренцію въ „промышленный пріемъ, путемъ котораго пролетаріи вынуждены взаимно истреблять другъ друга“ (стр. 32). Онъ доказываетъ, что такое же дѣйствіе соперничество оказываетъ и на буржуазію, внутри которой крупный капиталистъ побиваетъ мелкихъ и, раздавивъ ихъ, повышаетъ самыя цѣны на товары, такъ что такимъ образомъ „конкурренція ведетъ къ монополіи“ (стр. 77) и къ „обѣднѣнію массы потребителей“ (стр. 78). Перенося свою критику по ту сторону Ламанша, Луи-Бланъ на примѣрѣ Англіи, которую французскіе буржуазные экономисты постоянно ставили въ то время какъ образецъ счастливой капиталистической страны, показываетъ, къ какимъ страшнымъ кризисамъ ведетъ перепроизводство, подхлестываемое бичемъ конкурренціи. Онъ удачно цитируетъ поистинѣ безумныя проявленія гоньбы за рынками, разсказывая со словъ англійскихъ же авторитетовъ, какъ фабриканты Великобританіи загромоздили въ одно время грузами коньковъ Бразилію, въ которой никогда не бываетъ льда, или какъ изъ Манчестера было отправлено „въ одну недѣлю въ Ріо-де-Жанейро больше товаровъ, чѣмъ было потреблено этимъ городомъ за послѣдніе двадцать лѣтъ“ (стр. 90).

Что касается до положительной стороны книжки, то авторъ резюмируетъ свой планъ общественной реформы въ короткомъ, но искусно написанномъ „заключеніи“, мысли котораго знаменуютъ цѣлую эпоху въ развитіи соціализма. Онѣ широко распространятся не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ и возбудятъ, съ одной стороны, энтузіазмъ многочисленныхъ послѣдователей, съ другой, негодованіе и клевету жестокихъ враговъ. Суть этихъ взглядовъ такова. Для превращенія строя, основаннаго на конкурренціи, въ строй, основанный на ассоціаціи, т. е. капиталистическаго общества въ соціалистическое, надо, чтобы государство создало путемъ займа спеціальный фондъ для учрежденія „соціальныхъ мастерскихъ“ и вызвало своей иниціативой къ жизни эти предпріятія. Правительство заводитъ сначала соціальныя мастерскія въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя стали наиболѣе крупными и требуютъ поэтому значительныхъ капиталовъ, не исключая, впрочемъ, и болѣе мелкихъ, если только онѣ могутъ естественно сгруппироваться вокругъ родственной имъ крупной индустріи. Статуты мастерскихъ обсуждаются и вотируются національнымъ правительствомъ. Онѣ

открываются всѣмъ рабочимъ, „представляющимъ гарантіи нравственности“. Заработная плата для всѣхъ будетъ абсолютно равна (или, какъ Луи-Бланъ проектировалъ порою, равна лишь пропорціонально, т. е. въ соотвѣтствіи съ потребностями трудящагося: не надо забывать, что идеаломъ производствъ и распредѣленія была для Луи-Блана формула „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ“). Въ первый годъ существованія мастерскихъ должностная іерархія (hiérarchie des fonctions) будетъ установлена правительствомъ. Начиная со второго года сами рабочіе, узнавшіе способности каждаго изъ членовъ своей ассоціаціи, будутъ избирать изъ своей среды лицъ, наиболѣе подходящихъ для того или другого занятія.

Чистая прибыль отъ предпріятія будетъ дѣлиться на три части. Одна треть будетъ распредѣлена поровну между всѣми участниками. Другая пойдетъ на содержаніе стариковъ, больныхъ и инвалидовъ, равно какъ на смягченіе результатовъ безработицы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя находятся въ состояніи кризиса. Третья будетъ посвящена на пріобрѣтеніе орудій производства для новыхъ членовъ ассоціацій, которая, во мнѣніи Луи-Блана, должна обладать неограниченно сильною способностью къ расширенію. Дѣйствительно, съ одной стороны, авторъ не только строго исключаетъ начало конкурренціи между отдѣльными ассоціаціями,—какъ то предлагалось нерѣдко соціальными реформаторами,—но онъ настаиваетъ на необходимости связать между собою всѣ мастерскія одной отрасли производства, а затѣмъ всѣ отрасли національной промышленности, такъ что въ концѣ концовъ должна получиться поистинѣ „всеобщая ассоціація“ трудящихся. При такихъ условіяхъ болѣе или менѣе быстро произойдетъ „послѣдовательное и мирное поглощеніе частныхъ мастерскихъ мастерскими соціальными“ (стр. 106). Капиталисты не выдержатъ побѣдоносной конкурренціи государства и пойдутъ на соглашеніе съ правительствомъ. Они „будутъ призваны въ ассоціацію и станутъ получать процентъ на внесенный ими капиталъ, каковой процентъ будетъ гарантированъ ими суммами бюджета; но они будутъ участвовать въ прибыляхъ лишь въ качествѣ рабочихъ“ (стр. 105).

Частная собственность не будетъ совершенно уничтожена, по крайней мѣрѣ, въ переходную эпоху, такъ какъ „каждый членъ соціальной мастерской будетъ имѣть право располагать своей заработной платой“. Но Луи-Бланъ надѣется, что выгоды „общей жизни“ толкнутъ людей перейти отъ „ассоціаціи работъ“ къ „ассоціаціи потребностей и удовольствій“ (стр. 104). Временно останется и право семейнаго наслѣдованія, хотя по мѣрѣ преобразованія строя характеръ наслѣдства долженъ измѣниться. Полемизируя противъ сдѣланныхъ ему возраженій, Луи-Бланъ аргументируетъ такъ: „Семья и наслѣдованіе неотдѣлимы одна отъ другого лишь относи-

тельно и при извѣстномъ общественномъ порядкѣ. Семья ведетъ свое начало отъ Бога, наслѣдственность отъ людей. Семья, какъ и самъ Богъ, свята и безсмертна; право же наслѣдства обречено на то, чтобы слѣдовать тѣмъ же путемъ (à suivre la même pente), какъ и общество, которое преобразуется, и люди, которые умираютъ" (стр. 204).

Любопытно, что въ самомъ послѣднемъ изданіи „Организаціи" [1]) коренное уничтоженіе наемнаго труда и замѣна его ассоціаціей трудящихся представляется Луи-Блану возможными въ земледѣліи тотчасъ же, тогда какъ въ городахъ для этого потребуется, по его мнѣнію, переходныя ступени: „Что *немедленное* уничтоженіе саларіата представляетъ большія трудности въ городахъ, по причинѣ соприкосновенія и давленія среды, враждебной новымъ идеямъ, съ этимъ должно согласиться. Но въ деревнѣ практика истинной системы ассоціаціи отнюдь не встрѣтитъ такихъ же препятствій, и нѣтъ, слѣдовательно, причины отказаться отъ ея полнаго и немедленнаго осуществленія".

Впрочемъ, и гораздо раньше, еще въ своей полемической брошюрѣ „Соціализмъ. Право на трудъ", направленной противъ Тьера въ 1848 г., Луи-Бланъ упоминаетъ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Люксембургская конференція, предсѣдателемъ которой былъ именно онъ, выставила проектъ земледѣльческой ассоціаціи, „какъ естесвеннаго, необходимаго дополненія промышленной ассоціаціи" [2]). Въ этой брошюрѣ Луи-Бланъ ясно показываетъ, въ какой степени его занималъ земельный вопросъ. Онъ знаетъ фактъ,—и упрекаетъ въ незнаніи его Тьера,—что „существовали и еще существуютъ пастушескіе народы, которые не допускаютъ частнаго владѣнія почвой, народы, которые, подобно Жанъ-Жаку, говорятъ: „Плоды— всѣмъ, а земля никому" (стр. 18), и что вообще „понятіе о собственности не перестаетъ мѣняться, смотря по времени и мѣсту" (стр. 19). Луи-Бланъ подвергаетъ энергичной и искусной критикѣ систему мелкой культуры и показываетъ, что единственный исходъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ находится крестьянская Франція, это—ввести въ деревню „ассоціацію", какъ единственное „средство" организовать „крупную культуру"" и такимъ образомъ „привести въ гармонію агрономическую науку и возрастаніе числа собственниковъ" (стр. 76).

Жизнь въ Англіи, гдѣ Луи-Бланъ провелъ болѣе двадцати лѣтъ въ качествѣ изгнанника, еще болѣе заставила мыслящаго соціалиста обратить

---

[1]) Перепечатано въ четвертомъ томѣ его политическихъ статей, выходившихъ въ послѣдніе годы его жизни и послѣ смерти подъ заглавіемъ *Questions d'aujourd'hui et de demain*; Парижъ, 1873—1884, въ пяти томахъ.

[2]) *Le Socialisme. Droit au travail. Réponse à M. Thiers*; Парижъ, 1848, стр. 71.

вниманіе на сравнительныя выгоды и невыгоды двухъ родовъ земледѣльческой эксплуатаціи, изъ которыхъ мелкая распространена на его родинѣ, а крупная въ пріютившей его странѣ. Онъ пришелъ къ тому заключенію въ своихъ „Письмахъ изъ Англіи“, что слѣдуетъ комбинировать положительныя стороны двухъ способовъ производства,—раціональную культуру англійскихъ крупныхъ помѣстій и трудолюбіе французскаго мелкаго собственника. Это сочетаніе выгодъ обѣихъ формъ земледѣлія онъ находилъ снова и снова въ „ассоціаціи“, которая должна осуществить „право на землю“, параллельно выставленному Луи-Бланомъ раньше „праву на трудъ“.

Въ виду очень распространеннаго въ публикѣ преувеличеннаго взгляда на Луи-Блана, какъ на крайняго государственника, помѣшаннаго на принципѣ авторитета и регламентаціи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обвиненіи, а для этого надо обратиться къ самому источнику, т. е. къ сочиненіямъ автора и его же комментаріямъ. Вынужденный отвѣчать на безчисленныя, зачастую недобросовѣстныя возраженія враговъ и разъяснять недоумѣнія сторонниковъ, Луи-Бланъ долженъ былъ значительно развить основныя положенія своего первоначальнаго плана организаціи, какъ онъ изложенъ былъ нами. И въ общемъ проектѣ реформъ, который онъ вырабатывалъ, занимаясь въ Люксембургской конференціи, и въ законопроектахъ практическихъ мѣръ, которые онъ хотѣлъ провести черезъ учредительное собраніе, и въ послѣдующихъ полемическихъ стычкахъ Луи-Бланъ старался разъяснить, что его государство не есть, напр., „государство—папа“ Сэнъ-Симона, обладающее всесильною властію и сознаніемъ своей непогрѣшимости, а „государство—слуга“, которое играетъ роль простого администратора общества, стремящагося сложиться во всеобщую ассоціацію. Эта ассоціація отнюдь не основана на принципѣ принудительности: въ нее вступаетъ только тотъ, кто желаетъ этого. Хотя Луи-Бланъ глубоко увѣренъ, что сама естественная игра кооперативнаго механизма превратитъ всѣхъ гражданъ въ членовъ ассоціаціи. Государство Луи-Блана есть „банкиръ бѣдныхъ“. Оно снабжаетъ „соціальныя мастерскія“ кредитомъ или прямо, или черезъ капиталистовъ, которые получаютъ приносящія извѣстный процентъ облигаціи. Когда ассоціація трудящихся возмѣстила государству расходы по кредиту, она располагаетъ доходомъ, какъ было уже нами сказано выше. Причемъ, приглашенный по этому поводу Прудономъ высказаться опредѣленно, Луи-Бланъ объяснилъ, что для ассоціаціи, ставшей дѣйствительно всеобщей, исчезнетъ самое понятіе о чистомъ доходѣ, такъ какъ его не съ кого будетъ брать, ибо всѣ станутъ „братьями—ассоціаторами“. Параллельно съ этимъ и государство будетъ постепенно сокращать свои функціи. Оно было иниціаторомъ „производственной революціи“, кредиторомъ, админи-

страторомъ организма, сростающагося изъ солидарныхъ „соціальныхъ мастерскихъ“. Затѣмъ оно оставитъ за собою лишь функцію наблюденія, притомъ все слабѣющую и слабѣющую, тогда какъ вся совокупность гражданъ даннаго общества будетъ охвачена узами „всеобщей ассоціаціи“ и превратится въ одно солидарное цѣлое, обладающее „громаднымъ соціальнымъ капиталомъ, который не будетъ принадлежать никакому въ отдѣльности, а всѣмъ коллективно“.

Что касается до предварительныхъ практическихъ мѣръ, ведущихъ къ осуществленію общаго плана реформъ, то Луи-Бланъ, требуя учрежденія „министерства прогресса“, возлагалъ на него миссію выкупа государствомъ желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ; преобразованія французскаго,—какъ извѣстно, частнаго банка, лишь находящагося подъ контролемъ правительства,—въ государственный; организаціи всеобщаго страхованія на началахъ солидарности и взаимности (въ одной изъ своихъ полемическихъ кампаній Луи-Бланъ не безъ гордости заявлялъ, что прудоновскій мутуализмъ былъ въ сущности предвосхищенъ имъ, Луи-Бланомъ, вплоть до самаго слова, но что онъ самъ лишь не придавалъ ему значенія панацеи); наконецъ, учрежденія большихъ и малыхъ общественныхъ магазиновъ, куда производители могли бы складывать свои товары и взамѣнъ ихъ получать варрантовыя свидѣтельства, обращающіяся въ странѣ его пособіе денегъ.

Подводя итоги роли Луи-Блана въ соціализмѣ, безпристрастный историкъ долженъ, какъ кажется намъ, сказать, что значеніе этого мыслителя въ развитіи міровоззрѣнія труда было скорѣе недоцѣнено, чѣмъ переоцѣнено. Луи-Бланъ не только чрезвычайно сильно способствовалъ превращенію соціализма изъ утопическаго въ политическій, но онъ далъ практическую формулу, программу-минимумъ тѣхъ общественныхъ преобразованій, которыя въ тотъ историческій моментъ могли связывать въ головахъ трудящихся политику и экономику и давать опору общественной дѣятельности соціалистовъ, какъ партіи, въ странѣ. И чтобы ни говорили иные писатели, эта сторона идей Луи-Блана имѣла такую силу выраженія, что онѣ глубоко проникали въ сознаніе очень выдающихся, даже болѣе, чѣмъ самъ Луи-Бланъ, крупныхъ современниковъ. Примѣръ—государственный кредитъ для производительныхъ ассоціацій, планъ котораго заимствованъ Лассалемъ у Луи-Блана, причемъ послѣдній, видимо, инспирируетъ пламеннаго нѣмецкаго трибуна и въ томъ энергичномъ подчеркиваніи связи между политической и экономической реформой, какое звучитъ въ страстной пропагандѣ Лассалемъ всеобщей подачи голосовъ, столь настойчиво пропагандировавшейся Луи-Бланомъ. Самая ненависть враговъ Луи-Блана, сказавшаяся во взведенной ими на него и тщетно опровергаемой имъ кле-

ветѣ [1]), будто пресловутыя національныя мастерскія, на самомъ-то дѣлѣ созданныя интриганами буржуазнаго временнаго правительства, и есть осуществленіе на практикѣ луи-блановскихъ „соціальныхъ мастерскихъ",— самая эта ненависть показываетъ, какой страхъ навели на тогдашнюю буржуазію планы реформъ Луи-Блана, и какое значеніе приписывалось защитниками современнаго строя пропагандѣ идей этого мирнаго, но послѣдовательнаго, соціалиста.

Не забудьте, что перечисленныя нами выше переходныя реформы, рекомендовавшіяся Луи-Бланомъ, стали лозунгомъ крайнихъ демократическихъ партій буржуазіи и отражаются въ болѣе или менѣе значительной степени на программахъ-минимумахъ соціалистическихъ партій, особенно въ тѣ моменты, когда среди нихъ, несмотря на революціонную фразеологію, эволюціонное настроеніе преобладать надъ боевымъ.

Остаются, такъ называемые, государственническіе предразсудки Луи-Блана. Но раньше мы сдѣлали уже извѣстныя оговорки по этому поводу. Во всякомъ случаѣ Луи-Бланъ былъ далекъ отъ того обожествленія государства, которое отъ Гегеля перешло хотя бы къ Лассалю. Наконецъ, законъ исторической перспективы обязываетъ насъ для справедливой оцѣнки людей и событій передвигаться въ современную имъ эпоху. Если мы употребимъ этотъ пріемъ по отношенію къ Луи-Блану, то мы найдемъ, что государственническія тенденціи стали вообще очень замѣтно обнаруживаться у соціализма въ 40-хъ годахъ, когда политическій элементъ началъ оттѣснять въ немъ утопическій. Самъ Марксъ отдаетъ дань этимъ тенденціямъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" и, по своимъ же собственнымъ словамъ, отдѣлывается отъ нихъ лишь два десятка лѣтъ спустя, когда пишетъ отъ имени Интернаціонала свою брошюру о „Гражданской войнѣ во Франціи", написанную при заревѣ и въ защиту разгромленной версальцами Коммуны 18-го марта 1871 г. Прибавимъ, наконецъ, что и среди современныхъ соціалъ-демократовъ, считающихъ себя болѣе или менѣе вѣрными продолжателями Маркса, словесное отрицаніе государственнаго элемента не всегда скрываетъ его кореннаго отрицанія, отрицанія на самомъ дѣлѣ. Ироніи судьбы было угодно, чтобы государственническіе предразсудки были расшатаны человѣкомъ, который въ сущности можетъ разсматриваться въ исторіи соціализма лишь какъ критикъ современнаго строя, а отнюдь не какъ проповѣдникъ соціалистическаго общества. Я разумѣю Прудона. Но о немъ въ слѣдующій разъ.

Н. С. Русановъ.

(*Окончаніе 1-й части слѣдуетъ*).

---

[1]) См. въ приложеніи къ уже цитированной нами брошюрѣ *Le socialisme*, стр. 93 и слѣд. письмо Луи-Блана къ редактору „Times", написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ впервые распущеннаго клеветническаго слуха.

Изъ воспоминаній о соціалъ-демократическомъ движеніи среди одесскихъ рабочихъ въ 1893—1894 годахъ.

Первая попытка пропаганды среди одесскихъ рабочихъ связана съ именемъ Заславскаго (1875 г.). Ему и его товарищамъ удалось создать довольно значительную рабочую организацію („Южно-Русскій Рабочій Союзъ“), имѣвшую свой уставъ и кассу. Общій характеръ пропаганды былъ тогда, какъ и во всей Россіи, бунтарскій. Бунтари вообще не оставляли своимъ вниманіемъ рабочій классъ, и ихъ дѣятельность въ концѣ 70-хъ годовъ въ Одессѣ въ значительной долѣ представляла пропаганду среди рабочихъ. Стоитъ только припомнить имя Ковальскаго, извѣстнаго своей дѣятельностью среди рабочихъ. Въ знаменитой вооруженной демонстраціи, во время суда надъ Ковальскимъ, на Гулевой улицѣ (въ 1878 г.) рабочіе принимали видное участіе. Вообще дѣятельность среди одесскихъ рабочихъ никогда не была безплодной благодаря значительной культурности одесскаго населенія. Тогда же одесская пропаганда захватила и николаевскихъ рабочихъ, особенно моряковъ, что обнаружилось отчасти во время процесса Лизогуба и 28 его товарищей (1879).

Затѣмъ наступила эпоха народовольчества. Можно сказать безъ преувеличенія, что не было ни одногонародовольческаго кружка, который не попробовалъ бы своихъ силъ на рабочей пропагандѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ народовольцамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій, въ узкомъ смыслѣ этого слова; классоваго самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало: рабочее движеніе являлось составной частью народовольческой организаціи. Одесскій процессъ 1883 года показалъ, что народовольцы успѣли завоевать извѣстное положеніе среди рабочихъ. Среди осужденныхъ въ каторжныя работы по этому дѣлу мы находимъ нѣсколько рабочихъ: Голикова, Сарычева, Надѣева и др.

Всеобщій упадокъ революціонной энергіи въ русскомъ обществѣ послѣ пораженія, нанесеннаго правительствомъ партіи „Народной Волѣ“, отразился и среди одесскихъ рабочихъ затишьемъ въ движеніи. Послѣдующіе революціонные кружки, слабые преемники народовольцевъ, дѣлали неоднократно попытки снова сорганизовать рабочіе кружки. Изъ пропагандистовъ за это время извѣстны болѣе другихъ студентъ Штернбергъ и рабочій Карпенко. Имъ удалось повести довольно широкую пропаганду среди рабочихъ Одессы и другихъ южныхъ городовъ. И теперь [1]) еще можно встрѣтить въ Одессѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи. Ихъ провалъ въ 1887 г. вызвалъ снова затишье въ рабочемъ движеніи Одессы.

Въ началѣ 90-хъ годовъ снова начинается пропаганда среди одесскихъ рабочихъ, и уже преимущественно соціалъ-демократическаго характера. Бывшему провизору Рубинштейну, М. Дилетицкой, Гольдендаху и нѣкоторымъ другимъ удалось создать довольно значительную организацію среди строительныхъ рабочихъ, но съ ихъ арестомъ (по винѣ предателя Федулова) и бѣгствомъ за границу Рубинштейна движеніе снова затихаетъ.

Болѣе массовый характеръ движеніе начало принимать съ 1893 года, когда началась пропаганда среди рабочихъ соціалъ-демократическаго кружка Цыперовича, Нахамкиса и друг. О дѣятельности этого кружка я и хочу здѣсь разсказать.

Собственно говоря, кружка, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у насъ не существовало; регулярныхъ собраній, зафиксированной организаціонной связи, устава и т. п. не было. Была просто группа пріятелей, связанныхъ, главнымъ образомъ, узами личнаго товарищества и единомыслія по основнымъ вопросамъ. Большинство изъ насъ прошло черезъ стадію народовольческихъ идей. Здѣсь было простое увлеченіе народовольческими идеями, навѣянное чтеніемъ народовольческой литературы, которая случайно попала къ намъ въ руки въ огромномъ количествѣ. И увлекались-то мы собственно не программой и теоретическими воззрѣніями народовольцевъ, а мужествомъ и рѣшимостью представителей партіи и ея отчаянной борьбой за политическую свободу. И хотя мы пережили эту стадію чисто головнымъ образомъ, хотя мы прошли эту школу путемъ чисто теоретическихъ переживаній, тѣмъ не менѣе слѣды этого увлеченія сохранились въ насъ навсегда.

Но скоро мы пришли къ марксизму. Къ концу 80-хъ годовъ, когда формировалось міровоззрѣніе членовъ нашего кружка, идеи марксизма уже начинали носиться въ воздухѣ. Онѣ подводили итогъ опыту всего пред-

---

[1]) Эти строки написаны мною въ 1900 году, когда я по порученію редакціи „Рабочаго Дѣла“ просматривалъ и дополнялъ подготовлявшуюся къ печати брошюру „Рабочее движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ“ (отчеты комитетовъ одесскаго и николаевскаго; вышла въ Женевѣ въ 1900 г.).

шествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи, и вотъ почему молодежь, начавшая съ увлеченія народническими и народовольческими идеями, быстро оставляла ихъ и при первомъ удобномъ случаѣ переходила къ марксизму. Я хорошо помню, какъ два члена нашего кружка (пишущій эти строки и еще одинъ товарищъ) сдѣлались марксистами, если такъ можно выразиться, въ одну минуту. Стоило одному пропагандисту, незадолго до того прибывшему изъ-за границы, начать передъ нами свою рѣчь слѣдующими словами: „въ основѣ всего историческаго процесса лежатъ факторы экономическіе", и мы сразу почувствовали, что внутри насъ что-то оборвалось, и что незамѣтное, постепенно совершавшееся въ области нашего „подсознательнаго" накопленіе идей, нашло себѣ выраженіе въ этой короткой и рѣшительной формулѣ. Мы сразу признали себя соціалъ-демократами. И хотя нашъ старшій товарищъ (теперь извѣстный с.-д.) затѣмъ прибавилъ: „я не с.-д., а просто марксистъ", но это не могло уже измѣнить дѣла. Мы признали себя именно с.-д.

Итакъ, мы опредѣленно констатировали постепенно назрѣвшую въ нашей психикѣ перемѣну. Для выясненія этого, на первый взглядъ, какъ бы страннаго обстоятельства слѣдуетъ прибавить, что въ случайно попавшей корзинѣ съ нелегальными изданіями, наряду съ народовольческимъ „Календаремъ" и „Вѣстникомъ Народной Воли" находились первыя изданія группы „Освобожденіе Труда", въ томъ числѣ „Соціализмъ и политическая борьба" и „Наши разногласія" Плеханова, „Рабочее движеніе и соціальная демократія" Аксельрода, „Манифестъ Коммунистической Партіи" и, если мнѣ не измѣняетъ память, сборникъ „Соціалъ-демократъ". Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ хорошей порціей народовольческой литературы мы одновременно получили изрядную дозу марксистскаго противоядія. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что совершавшееся внутри насъ умственное броженіе въ концѣ концовъ вылилось въ форму опредѣленнаго результата. Внезапность наступленія этого результата совершенно естественна: психологическія превращенія, получающіяся вслѣдствіе медленныхъ измѣненій, обыкновенно отличаются такимъ катастрофическимъ характеромъ.

Теперь предстояло подвести основательный фундаментъ подъ наше новое міросозерцаніе, прежде чѣмъ приступить къ практической дѣятельности. И мы засѣли за книги. Серьезную службу сослужилъ намъ при этомъ систематическій каталогъ, составленный Д. Гольдендахомъ и впослѣдствіи дополненный нами (при этомъ каталогъ одно время былъ довольно популяренъ на югѣ). Въ то время на русскомъ языкѣ несуществовало той богатой марксистской литературы, которая имѣется сейчасъ. Доставать книги на иностранныхъ языкахъ также было довольно трудно. Зато (и отчасти вслѣдствіе недостатка марксистской литературы) пришлось изу

чить множество всякихъ основательныхъ и неосновательныхъ книгъ по разнымъ научнымъ вопросамъ,—преимущественно, конечно, по вопросамъ обществовѣдѣнія. Нашъ каталогъ обнималъ всѣ существовавшія тогда на русскомъ языкѣ главныя книги и журнальныя статьи по первобытной культурѣ, исторіи права, исторіи всеобщей и русской, философіи исторіи и соціологіи, политической экономіи, но особенно хорошо и полно подобраны были сочиненія по рабочему вопросу и русской экономикѣ. Подготовка наша тянулась нѣсколько лѣтъ (1889—1894) при самой усиленной работѣ. Современная молодежь, избалованная имѣющеюся къ ея услугамъ марксистской литературой (по большей части пропагандистскаго и агитаціоннаго характера), къ сожалѣнію, не проходитъ такого искуса. Объ исключеніяхъ мы, естественно, не говоримъ...

Нечего и пояснять, что основательное знакомство съ сочиненіями Маркса и Энгельса ставилось во главу угла. Въ нашемъ распоряженіи имѣлись тогда: „Капиталъ", тт. 1 и 2, „Коммунистическій Манифестъ", „Наемный трудъ и капиталъ", „Рѣчь о свободѣ торговли"—въ русскомъ переводѣ, „Къ критикѣ политической экономіи", „Нищета философіи" и Энгельсовскій „Анти-Дюрингъ"—на нѣмецкомъ языкѣ. Съ другими сочиненіями Маркса и Энгельса мы познакомились только впослѣдствіи. Но многое дали намъ—въ смыслѣ дополненія къ извѣстнымъ намъ сочиненіямъ обоихъ основателей научнаго соціализма—статьи и книги Зибера, а также вышеупомянутыя изданія группы „Освобожденіе Труда".

Теперь фундаментъ былъ подведенъ, и мы рѣшили примѣнить пріобрѣтенныя нами знанія на практикѣ.

Попытки завязать сношенія съ рабочими дѣлались нѣкоторыми членами нашего кружка и раньше. Мысль о важности и необходимости пропаганды среди рабочихъ носилась въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ воздухѣ. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ видовъ революціонной дѣятельности, на которые распалась политическая борьба послѣ разгрома партіи „Народной Воли", уцѣлѣло и болѣе или менѣе успѣшно развивалось только „Рабочее Дѣло". Оно же оказалось и наиболѣе продуктивнымъ. Быть можетъ, въ этомъ полу-сознательномъ, полу-инстиктивномъ устремленіи въ рабочую среду играла извѣстную роль относительная легкость этой пропаганды среди сравнительно культурной пролетарской массы; быть можетъ, не безъ нѣкотораго вліянія осталось при этомъ то обстоятельство, что подавляющее большинство соціалистовъ того времени вышло изъ среды городского населенія, такъ что происхожденіе революціонныхъ дѣятелей, съ одной стороны, и близость соціальнаго матеріала, подлежавшаго обработкѣ и находившагося, можно сказать, подъ рукой, въ извѣстной мѣрѣ предопредѣляли направленіе интеллигентскихъ симпатій. Но

не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что главное вліяніе оказалъ здѣсь характеръ экономической эволюціи Россіи, который къ разсматриваемому моменту успѣлъ въ достаточной степени выясниться. Теперь даже люди, отъ которыхъ истина была скрыта народническими шорами, увидѣли, что Россія вступила на путь капиталистическаго развитія, больше того, что по этому пути она успѣла зайти довольно далеко. Мы же, кромѣ того, понимали, что быстрый темпъ экономическаго развитія неуклонно приближаетъ нашу страну къ великимъ политическимъ потрясеніямъ, въ которыхъ пролетаріату предстоитъ сыграть рѣшающую роль. Къ началу 90-хъ годовъ эта мысль о рѣшающемъ значеніи пролетаріата въ дѣлѣ предстоящаго политическаго раскрѣпощенія Россіи въ насъ, первыхъ соціалъ-демократахъ, настолько вкоренилась, что сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ „политическаго предразсудка“.

Но, повторяю, даже прежде, чѣмъ мы успѣли превратиться въ сознательныхъ соціалъ-демократовъ, среди насъ сказалось непобѣдимое инстинктивное тяготеніе къ рабочему классу. Подчасъ это тяготѣніе выражалось у насъ, зеленыхъ юношей, въ нѣсколько комической формѣ, но подъ этой смѣшной внѣшностью тѣмъ не менѣе скрывалась серьезная соціальная подкладка: тогда начиналась новая полоса „хожденія въ народъ“, на этотъ разъ не въ крестьянство, а въ пролетаріатъ, полоса, отличавшаяся такимъ же энтузіазмомъ и вѣрой, но гораздо болѣе положительная и продуктивная, чѣмъ въ 70-хъ годахъ.

Нѣкоторые изъ насъ почувствовали эту тягу еще на школьной скамьѣ. Одинъ изъ будущихъ членовъ нашего кружка въ возрастѣ 14—15 лѣтъ по вечерамъ совлекалъ съ себя гимназическую форму и отправлялся съ знакомыми въ трактиръ пить чай и просиживать тамъ цѣлые часы, наблюдая простое и безхитростное, но манившее его своей жуткой таинственностью время препровожденіе рабочихъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ руководилъ занятіями кружка, состоявшаго изъ учениковъ старшаго класса ремесленнаго училища „Трудъ“, которые были старше его на нѣсколько лѣтъ. Занятія въ этомъ кружкѣ носили довольно курьезный характеръ: читались статьи Писарева и Добролюбова съ надлежащими комментаріями, и по поводу такихъ статей, какъ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ и „Мыслящій пролетаріатъ“, развивали по мѣрѣ силъ и умѣнья идеи соціализма и революціи. Умѣнья было, конечно, мало, а силъ и того меньше. Иногда уставшій за день работы слушатель засыпалъ и его мирное похрапываніе своеобразно аккомпанировало тихому голосу чтеца.

Въ другой разъ забредалъ великовозрастный революціонеръ, „старикъ“ 20—22 лѣтъ, и, прислушавшись къ обсуждаемой темѣ, начиналъ давать разъясненія въ слѣдующемъ, напримѣръ, родѣ: „Философія Гегеля—это

ученіе нѣмецкаго философа Гегеля. Онъ доказывалъ, что все дѣйствительное разумно, т. е. все, что существуетъ, очень хорошо. Напримѣръ, войны, самодержавіе, капитализмъ".—„Какой мерзавецъ!"—замѣчалъ съ негодованіемъ какой-нибудь изъ пылкихъ слушателей.—„Н-да-съ,—охотно соглашался пропагандистъ,—прохвостъ порядочный".

При всемъ томъ настроеніе было хорошее. Чувствовалась жизнь, вѣрилось, что изъ этого выйдетъ рабочая организація. На самомъ дѣлѣ не вышло ничего. Участники кружка разбрелись въ разныя стороны.

Года черезъ три—четыре два члена нашего кружка снова сдѣлали попытку сблизиться съ рабочими. Въ 1892 г. въ Одессѣ производилась перепись населенія. Нѣкоторые изъ насъ записались въ число счетчиковъ. Я и мой пріятель, Г. Ц-чъ, избрали для своихъ прогулокъ рабочее предмѣстье Пересыпь. Здѣсь, ходя по квартирамъ рабочихъ, мы осторожно заводили съ ними разговоры объ ихъ житьѣ-бытьѣ, присматривались къ нимъ, старались ознакомиться съ ихъ стремленіями и интересами, вообще нащупывали почву. Ровно ничего мы не добились. То ли мы не сумѣли приступиться къ рабочимъ, то ли время было тогда такое глухое,—только всѣ наши попытки къ сближенію съ рабочими разбились какъ о каменную стѣну. Рабочіе или не обнаруживали никакого недовольства и не выказывали никакихъ интересовъ, или же, если и жаловались на свое положеніе, то ограничивались платоническими воздыханіями и проявляли величайшую апатію и запуганность. Моему товарищу удалось натолкнуться на одного пожилого и семейнаго рабочаго, который заинтересовался, было, его разговорами, но изъ дальнѣйшихъ посѣщеній выяснилось, что и этотъ рабочій не отличается никакой активностью и преисполненъ страха передъ полиціей (тогда Одессу терроризировалъ пресловутый контръ-адмиралъ Зеленый, про котораго одинъ уличный газетчикъ остроумно замѣтилъ: „говоритъ по-французски, ругается по-русски"). Посѣщенія пришлось прекратить, и наша первая попытка не привела ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ.

Однако на этотъ разъ мы рѣшили не оставлять своихъ попытокъ. Такъ или иначе, въ томъ или другомъ направленіи мы рѣшили пытать счастья до тѣхъ поръ, пока не удастся набрести на подходящихъ рабочихъ и заложить первую ячейку рабочей организаціи. Случай помогъ намъ добиться своей цѣли.

По вечерамъ мы обыкновенно собирались у одного изъ членовъ нашего кружка, Софьи Яковлевны Т. Въ дѣтствѣ она обитала со своими родителями въ Карантинѣ (приморская часть города) и имѣла среди рабочихъ много знакомыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и рѣдко и черезъ большіе промежутки времени, иногда ее навѣщали. И вотъ однажды, придя къ

ней, мы застали тамъ двухъ пріятелей, Л. и П., служившихъ машинистами на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Это были первые интеллигентные рабочіе, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться, и немудрено, что они произвели на меня сильное впечатлѣніе. Они свободно поддерживали разговоръ, касавшійся русской литературы, историческихъ экскурсій, задачъ рабочаго движенія и т. п. Вели себя они совершенно непринужденно, держались самоувѣренно, говорили литературнымъ слогомъ, одѣты были по-европейски. Но что меня непріятно въ нихъ поразило, такъ это какой-то налетъ разочарованности, которой они какъ бы кокетничали, и пренебрежительное отношеніе къ рабочей массѣ. О послѣдней они отзывались не иначе, какъ о стадѣ барановъ, неспособныхъ ни къ какому протесту, ни къ какому сознанію, ни къ какой инициативѣ; уговаривали насъ не браться за такое безнадежное дѣло, какъ организація одесскихъ рабочихъ; увѣряли, что мы и сами напрасно погибнемъ и другихъ погубимъ—и все это съ насмѣшливыми прибаутками и глумленіемъ по адресу рабочей массы.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось наблюдать эту черточку у нѣкоторыхъ развитыхъ рабочихъ, выдѣлившихся изъ массы и даже побывшихъ въ политическихъ передѣлкахъ. На свою братію, россійскихъ рабочихъ—середняковъ, они махали рукой, утверждая — „по собственному опыту",—что съ этой массой ничего не подѣлаешь. Дескать, и погромче васъ были витіи, да не сдѣлали пользы языкомъ. Возвышались ли такимъ путемъ эти зоилы въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ массой, въ то время дѣйствительно косной и рабски придавленной, или же эта аристократическая пренебрежительность служила у нихъ благовидной маской для отказа отъ рискованнаго участія въ пропагандистской работѣ,—не знаю. Вѣроятно, имѣло мѣсто и то, и другое [1]). Какъ бы тамъ ни было, въ результатѣ нашего продолжительнаго спора Л. рѣшительно отказался отъ нашего предложенія, заявивши, что онъ предпочитаетъ пойти на какое-то

---

[1]) Забѣгая нѣсколько впередъ, разскажу про слѣдующій случай. Въ предмѣстьѣ Слободка-Романовка мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, который еще сильнѣе поразилъ меня своимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ П. Разговоръ какъ-то коснулся германскаго Центра, и X удивилъ меня своимъ основательнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣятельностью этой партіи, равно какъ и другихъ политическихъ партій. Но отъ активнаго участія въ работѣ онъ наотрѣзъ отказался, также мотивируя свой отказъ безнадежностью нашей затѣи въ виду отсталости русскихъ рабочихъ. И что же оказалось? Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ за изготовленіе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ! Иронія судьбы захотѣла, чтобы онъ былъ арестованъ одновременно съ кружкомъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, къ которому я хотѣлъ его привлечь. Случайно столкнувшись со мной во дворѣ тюрьмы, онъ страшно смутился и опустилъ голову, чтобы не встрѣтиться со мной взглядами. Въ жизни все бываетъ!

народное гулянье пить пиво; П. же въ концѣ концовъ согласился помочь намъ и познакомить кое съ кѣмъ изъ рабочихъ.

П. сдержалъ слово, но только формально. Онъ познакомилъ меня кое съ кѣмъ, но скоро я замѣтилъ, что въ сущности онъ старается парализовать мои усилія, скорѣе мѣшаетъ мнѣ, чѣмъ помогаетъ пріобрѣтать новыя знакомства среди рабочихъ и вообще расширять наше дѣло. П—въ представлялъ типъ рабочаго, выбившагося „въ люди“. Въ тотъ моментъ, о которомъ я разсказываю, онъ занималъ довольно теплое мѣсто старшаго машиниста на пароходѣ. На заблужденія своей молодости онъ смотрѣлъ съ снисходительной усмѣшкой, не хуже любого „разочаровавшагося“ интеллигента. Вѣроятно, онъ согласился оказывать мнѣ помощь только потому, что считалъ всю мою затѣю блажью скучающаго барина; когда же онъ увидѣлъ, что я отношусь къ этому вопросу серьезно, то струсилъ и не зналъ уже, какъ отъ меня отдѣлаться. Если онъ не порывалъ со мной круто и сразу, то лишь потому, что стѣснялся: ему хотѣлось до конца выдержать роль человѣка интеллигентнаго, „сочувствующаго“. Съ подвластной ему командой онъ обращался довольно грубо, часто даже въ моемъ присутствіи. И когда я замѣтилъ ему, что человѣку, называющему себя сознательнымъ соціалистомъ, не приличествуетъ такъ обращаться съ зависящими отъ него людьми, онъ, дерзко поблескивая своими сѣрыми на выкатѣ глазами, пояснилъ:

— „Вы не знаете этихъ людей. Если я стану распускать ихъ, то они сядутъ мнѣ на шею! Да я и не увѣренъ, что эти милые товарищи на меня не донесутъ. Вы думаете, они не обратили вниманіе на Ваши посѣщенія?

Наконецъ, когда я убѣдился, что больше мнѣ отъ него ничего не добиться, мы постепенно начали отдаляться другъ отъ друга, а затѣмъ и вовсе перестали встрѣчаться. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ карьеру и въ началѣ этого вѣка былъ уже капитаномъ большого парохода. На чьей сторонѣ стоялъ онъ въ „дни свободы“, не знаю; сомнѣваюсь, чтобы на сторонѣ лѣвыхъ.

Но кое-что онъ для насъ все-таки сдѣлалъ. Благодаря ему мы завязали первыя знакомства въ рабочей средѣ, а дальше дѣло росло какъ снѣжный комъ. Каждый новый знакомый приводилъ своихъ товарищей, эти своихъ и т. д. Начало оргинизаціи было положено.

Первый рабочій, съ которымъ насъ познакомилъ П—въ, былъ слесарь Мееодіевъ [1]), работающій на эллингѣ Добровольнаго флота. Человѣкъ культурный, трезвенникъ по принципу, онъ снималъ порядочную ком-

---

[1]) Всѣ фамиліи (кромѣ Калашникова) вымышлены.

нату и въ общемъ жилъ, какъ интеллигентъ со скромными средствами. Чисто одѣтый, гладко выбритый и причесанный, Меѳодіевъ напоминалъ скорѣе нѣмецкаго или англійскаго, чѣмъ русскаго рабочаго. Это былъ типичный представитель умѣренности и аккуратности въ рабочемъ движеніи, какихъ часто можно встрѣтить въ англійскихъ трэдъ-юніонахъ или нѣмецкихъ профессіональныхъ союзахъ, какіе отчасти встрѣчались въ гапоновскомъ движеніи до 1905 года. Подобно Л. и П—ву онъ въ молодости также подвергался косвенному вліянію народовольческихъ кружковъ, но затѣмъ постепенно отсталъ отъ дѣла и снова примкнулъ къ нему только подъ нашимъ вліяніемъ,—я сказалъ бы, подъ нашимъ давленіемъ, такъ какъ все время онъ упирался не хуже П—ва. Его, Л., П—ва и подобныхъ намъ не приходилось „пропагандировать"; въ общемъ они были знакомы съ основными положеніями соціалъ-демократіи. Характерно (и это мнѣ приходилось наблюдать неоднократно), что рабочіе, пришедшіе къ политической сознательности даже подъ вліяніемъ народовольцевъ, ничуть не были заражены народническими предразсудками; благодаря своему соціальному положенію, какъ пролетаріевъ, они инстинктивно отбрасывали эти предразсудки и извлекали изъ проповѣди революціонеровъ чистое зерно „идеи четвертаго сословія". Здѣсь въ маломъ масштабѣ повторялось то, что нѣкогда случилось съ Сѣверно-Русскимъ Рабочимъ Союзомъ, основатели котораго (между прочимъ, Халтуринъ и Обнорскій) въ свое время также прошли школу народниковъ-бунтарей.

Итакъ, поучать нашихъ первыхъ рабочихъ намъ не было нужды; приходилось лишь толкать ихъ въ практическомъ отношеніи, возбуждать ихъ энергію для того, чтобы они знакомили насъ съ новыми товарищами. Огрызаясь и упираясь, они это дѣлали, но дѣло все-таки подвигалось впередъ довольно туго. Къ счастью, намъ удалось встрѣтиться съ двумя выдающимися рабочими—и картина сразу измѣнилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Объ этихъ двухъ людяхъ стоитъ разсказать.

Когда я жаловался Меѳодіеву на то, что дѣло развивается у насъ слабовато, онъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Если бы у насъ былъ Левонтьевъ, все измѣнилось бы.

— А кто такой этотъ Левонтьевъ?

— Вы не слыхали про Левонтьева? Да это самый выдающійся изъ нашихъ рабочихъ! Умница, начитанный, говоритъ, какъ ораторъ. И смѣлый на удивленіе, не боится никого. Всегда во главѣ рабочихъ, которые преклоняются передъ нимъ. Вотъ это настоящій революціонеръ! Не то что П. и ему подобные.

— Позвольте,—перебилъ я изумленно,—если онъ таковъ, какъ вы его расписываете, такъ почему бы не привлечь его къ нашему кружку?

— Нельзя. Пьетъ! И пьетъ жестоко. Пока Левонтьевъ не выпивши, нѣтъ ему равнаго человѣка. А какъ налижется—тряпка человѣкъ, никуда не годится. Вѣдь наше дѣло требуетъ оглядки, конспираціи. А когда Левонтьевъ запьетъ свой запой, онъ никого слушать не станетъ. Вылѣзетъ на крышу и начнетъ оттуда орать: такъ и такъ молъ, слушай народъ православный! Тутъ ужъ никто его не удержитъ. Онъ тогда и васъ не послушаетъ. А станете его уговаривать, васъ же обругаетъ буржуемъ или предателемъ.

— Нѣтъ, чѣмъ больше вы о немъ разсказываете, тѣмъ сильнѣе мнѣ хочется съ нимъ познакомиться. Какъ бы это устроить?—спросилъ я.

— Не совѣтую,—отвѣтилъ Меѳодіевъ,—онъ погубитъ все наше дѣло. Впрочемъ, теперь его и нѣтъ въ городѣ: онъ плаваетъ механикомъ на пароходѣ...

Прошло нѣсколько недѣль... Левонтьевъ списался на берегъ, поступилъ рабочимъ въ желѣзнодорожныя мастерскія, но Меѳодіевъ все не спѣшилъ меня познакомить съ нимъ.

Однажды, когда я сидѣлъ у Меѳодіева, дверь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ проживалъ знакомый намъ техникъ Всеволодовъ, вдругъ распахнулась и оттуда вышелъ человѣкъ, державшій въ рукахъ подносъ, на которомъ стояла „сороковка" съ нѣсколькими рюмками. Внѣшность этого человѣка сразу привлекала и приковывала къ себѣ вниманіе. Въ парусиновой блузѣ, подпоясанной шелковымъ шнуркомъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ черною окладистою бородою, стройный и изящный, съ пѣвучимъ голосомъ, онъ производилъ впечатлѣніе профессора, писателя, вообще человѣка интеллигентнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Что сразу бросалось въ глаза при взглядѣ на этого человѣка, такъ это глубокая грусть, сквозившая и въ выраженіи его тонкаго, благороднаго лица, и въ тонѣ его мелодичнаго голоса, и въ усталыхъ движеніяхъ. Онъ былъ слегка навеселѣ и чуть-чуть пошатывался. Направившись прямо къ намъ, онъ, не здороваясь, сказалъ добродушно просительнымъ тономъ:

— Выпьемъ, господа!

— Мы не пьемъ,—недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Меѳодіевъ и отвернулся.

Я сразу догадался, кто предо мною, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за всей сценой.

Левонтьевъ (это былъ онъ) медленно поставилъ подносъ на столъ и тяжело опустился на кровать рядомъ съ Меѳодіевымъ.

— Мы не пьемъ!—иронически сказалъ онъ.—Тэкъ-съ! Конечно, мы

ведемъ нравоучительныя бесѣды. Цирлихъ-манирлихъ. Умѣренность и аккуратность. „Русская Мысль“ и „Русскія Вѣдомости“ [1]). Н-да!

Наступило неловкое молчаніе. Левонтьевъ сидѣлъ, задумавшись и низко опустивъ голову.

— А я,—вдругъ заговорилъ онъ съ силой,—я наплевать хотѣлъ на ваши „Русскія Вѣдомости“ и „Вѣстникъ Европы“, на всю вашу умѣренность и аккуратность. Слышите, наплевать хотѣлъ! Я, можетъ быть, потому и пью, что мнѣ осточертѣли вы всѣ съ вашимъ благоразуміемъ и либеральными разговорами. Чѣмъ вести съ вами нравоучительныя бесѣды, я лучше напьюсь какъ свинья. Да, напьюсь—и все тутъ. Ты чего качаешь головой?—обратился онъ къ Меѳодіеву, который посматривалъ то на него, то на меня съ презрительной улыбкой.—Думаешь, вотъ онъ какой Левонтьевъ, пьяница и свинья? Я, братъ, съ тобой и не желаю быть ровней. Ни на что вы не способны, кромѣ чтенія „Вѣстника Европы“, да и то предварительно завѣшиваете окна. Чего смотришь? Благодаришь Бога, что я вотъ, дескать, не такой грѣшникъ, какъ этотъ Пашка? Эхъ вы, люди! Что, и вы такой же, господинъ интеллигентъ... Извините, не имѣю чести быть знакомымъ...—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ, не считая данный моментъ удобнымъ для объясненій. Левонтьевъ тяжело поднялся и взялъ свой подносъ со стола.

— Ну, и чертъ съ вами!—сказалъ онъ уныло.—Оставайтесь, ведите свои бесѣды о выѣденномъ яйцѣ. Я вамъ не товарищъ.

И ушелъ въ другую комнату.

— Ну вотъ видите, какой онъ?—обратился ко мнѣ Меѳодіевъ.— Оскорбилъ васъ, даже не зная. А еще хотѣли съ нимъ познакомиться!

— Напротивъ,—отвѣтилъ я.—Теперь-то я хочу съ нимъ познакомиться еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ удивленный Меѳодіевъ.—Какъ хотите, но я съ нимъ встрѣчаться не желаю. Всегда вотъ такъ облаетъ за здорово живешь.

Черезъ три дня мы встрѣтились съ Левонтьевымъ на квартирѣ другого желѣзнодорожнаго рабочаго Филиппова. Послѣдній былъ также старымъ обстрѣлянньмъ волкомъ и также представителемъ умѣренной осторожности. Левонтьева онъ зналъ давно и тоже не любилъ за обличенія;

---

[1]) Въ поясненіе долженъ сказать, что въ то время среди развитыхъ рабочихъ распространенъ былъ обычай выписывать (часто въ складчину) газеты и журналы. Выписывались „Русская Мысль“, рѣже „Вѣстникъ Европы“ (другихъ журналовъ и не было), „Русская Жизнь“ Пороховщикова и „Русскія Вѣдомости“.

но такъ какъ они все-таки были старыми пріятелями и жили рядомъ въ одномъ домѣ, то я и уговорилъ Филиппова познакомить меня съ Левонтьевымъ у себя на квартирѣ.

Когда я пришелъ къ Филиппову, Левонтьевъ, уже умытый послѣ работы, причесанный и чистый, весь какой-то благообразный и одухотворенный, сидѣлъ за столомъ, задумчивый и грустный, какъ всегда. Я сразу приступилъ къ дѣлу.

— Видите ли, мы задумали основать организацію для пропаганды соціалъ-демократическихъ идей среди рабочихъ. Согласны ли вы примкнуть къ намъ?

Лицо Левонтьева засіяло какимъ-то особеннымъ свѣтомъ.

— И вы еще можете меня объ этомъ спрашивать!—сказалъ онъ съ грустной улыбкой.—Вѣдь я всю жизнь объ этомъ мечталъ...

Нашъ кружокъ обогатился преданнымъ и способнымъ членомъ, передъ которымъ Филипповъ, Меѳодіевъ и другіе быстро отошли на задній планъ.

Другое важное пріобрѣтеніе было нами сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Однажды къ члену нашего кружка Ц. явился знакомый студентъ В. Это былъ симпатичный и радикально настроенный юноша, но по общему складу своего характера тяготѣвшій не къ революціонерамъ, а къ толстовству. Впрочемъ, намъ онъ вполнѣ сочувствовалъ и готовъ былъ оказывать всякія услуги. И вотъ онъ сообщилъ, что прибылъ изъ Англіи матросъ Иванъ Калашниковъ, убѣжденный соціалистъ и сорви-голова, что этотъ парень намъ можетъ очень и очень пригодиться, но въ настоящій моментъ поглощенъ одной мыслью: ему непремѣнно хотѣлось взорвать какой-нибудь пароходъ не то изъ молодечества, не то изъ желанія обратить вниманіе на тяжелое положеніе матросовъ и кочегаровъ, а можетъ быть и въ надеждѣ такимъ громкимъ актомъ встряхнуть послѣднихъ. По описанію этотъ Калашниковъ намъ очень понравился и рѣшено было поскорѣе познакомиться съ нимъ для того, чтобы отговорить его отъ безразсудныхъ анархическихъ затѣй и привлечь его къ нашей соціалъ-демократической пропагандѣ.

Вольный штурманъ Иванъ Михайловичъ Калашниковъ оказался самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего кружка. Несмотря на свою молодость (ему было около 20 лѣтъ), онъ до знакомства съ нами успѣлъ уже побывать въ разныхъ странахъ, потереться среди людей и нахватать съ разныхъ сторонъ обрывки знаній и впечатлѣній, сложившихся въ его горячей головѣ въ своеобразную систему непримиримаго бунтарства. Самоувѣренный, бойкій, какъ всѣ матросы, онъ былъ хорошъ, когда, широко разставивъ ноги и заложивъ руки въ карманы, вдругъ начиналъ развивать какой-нибудь блестящій планъ рабочаго движенія. Развернутая пе-

редъ нимъ картина могучей рабочей организаціи, охватывающей всѣ слои одесскаго пролетаріата, затѣмъ распространяющейся по всему югу Россіи и, наконецъ, соединяющейся съ другими русскими городами для созданія гигантской соціалъ-демократической рабочей партіи, увлекла его своей грандіозностью. Съ этого момента онъ зналъ „одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье" и всѣ силы своей богато одаренной натуры посвятилъ пропагандѣ среди рабочихъ. Ознакомившись съ нашими цѣлями, онъ сразу отказался отъ своихъ кровавыхъ замысловъ и впослѣдствіи вспоминалъ о нихъ съ добродушной улыбкой. Для большей продуктивности своей работы онъ поступилъ на службу въ качествѣ простого матроса и, переходя съ парохода на пароходъ, нигдѣ не заживаясь долго, онъ пропагандировалъ, агитировалъ, просвѣщалъ, убѣждалъ, организовывалъ и вообще не зналъ ни минуты отдыха.

Съ его присоединеніемъ къ нашему кружку дѣло сразу было поставлено на широкую ногу. Въ порту устроены были двѣ конспиративныя квартиры, хозяевами которыхъ были нѣсколько матросовъ, кочегаровъ и одинъ чернорабочій Ошманецъ. На этихъ квартирахъ начали устраиваться сходки. Не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сюда являлся я или Ц., и тогда устраивались чтенія или же обсуждались общія дѣла организаціи. Но въ сущности на этихъ квартирахъ происходили непрерывныя сходки, такъ какъ постоянно сюда забѣгали рабочіе за справками, книжками, приводили новыхъ товарищей и т. д.

Впрочемъ, наши конспиративныя квартиры скорѣе напоминали берлоги, чѣмъ благоустроенныя жилища. Представьте себѣ большую грязную комнату въ старомъ, сыромъ, заплѣсневѣломъ домѣ съ никогда не моющейся каменной лѣстницей; небольшой некрашенный столикъ, два хромоногихъ стула, нѣсколько деревянныхъ обрубковъ, въ углу на двухъ полѣньяхъ три доски, замѣняющія кровать — вотъ и все убранство этой квартиры, если сюда прибавить еще небольшую керосиновую лампочку, которая начинала чадить и гаснуть, когда въ комнату набивалось слишкомъ много народу. Другая квартира была еще проще: тамъ не было никакой, абсолютно никакой мебели. Собравшіеся на сходку усаживались прямо на полу, пропагандистъ въ качествѣ привиллегированнаго лица садился на подоконникъ, и это собраніе напоминавшее сборище первыхъ христіанъ въ катакомбахъ, освѣщалось тусклымъ свѣтомъ свѣчи, захваченной кѣмъ-нибудь изъ рабочихъ. Впрочемъ, на этой квартирѣ собирались мало и неохотно.

И подумать, что на такихъ квартирахъ строились грандіозные планы радикальнаго преобразованія Россіи, закладывались основы рабочей партіи! И было такъ хорошо, и такъ вѣрилось...

Наши цѣли и задачи. — Организація кружковъ. — Способъ пропаганды.

Какія же цѣли мы себѣ ставили?

Я уже говорилъ, что, приступая къ дѣлу, мы были вполнѣ убѣжденными марксистами. Мы тогда уже прекрасно понимали, что великія общественныя дѣянія создаются только творчествомъ массъ, и что самые героическіе индивидуальные порывы рискуютъ остаться безплодными, если ихъ не поддерживаютъ организованныя общественныя силы. Мы хорошо помнили основное историко-философское положеніе марксизма, что „основательность историческаго дѣйствія возрастаетъ пропорціонально объему массъ, творящихъ это дѣйствіе", хотя, быть можетъ, формулировали его нѣсколько иными словами. Мы знали, что въ Россіи не мыслимы никакія серьезныя соціальныя и политическія преобразованія до тѣхъ поръ, пока на борьбу не выступятъ народныя массы.

Въ революціонность русской буржуазіи мы не вѣрили; мы знали, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ буржуазія становится все консервативнѣе и пассивнѣе. И если прусская буржуазія въ 1848 году оказалась неспособной къ энергичной борьбѣ съ абсолютизмомъ за политическую свободу, то тѣмъ менѣе надеждъ мы могли возлагать въ этомъ отношеніи на нашу чумазую буржуазію эпохи первоначальнаго накопленія. Достаточно безнадежнымъ казалось намъ съ этой точки зрѣнія и наше крестьянство. Потому ли, что соціалъ-демократическая доктрина сложилась въ борьбѣ съ народничествомъ, идеализировавшимъ русское крестьянство, и благодаря этому естественно перегибала палку въ другую сторону, потому ли, что радужныя надежды, возлагавшіяся на крестьянство въ 70-хъ годахъ, были жестоко разбиты, или же потому, что въ то время среди русскихъ крестьянъ не замѣчалось никакихъ проблесковъ движенія, крестьянство не входило въ наши расчеты въ качествѣ активнаго историческаго фактора. Единственно, чего мы отъ него ожидали, это былъ нейтралитетъ въ случаѣ борьбы между рабочимъ классомъ и силами стараго режима. Но и на полный нейтралитетъ съ его стороны мы также не разсчитывали; мы опасались, что въ нѣкоторыхъ, особенно отсталыхъ частяхъ страны можно ожидать активнаго сопротивленія политическимъ и соціальнымъ новшествамъ. И мы даже не были увѣрены, что передача крестьянамъ всѣхъ частновладѣльческихъ и казенныхъ земель парализуетъ приверженность темныхъ крестьянъ къ традиціоннымъ идоламъ. Въ нашемъ кружкѣ очень много говорили о возможности крестьянской „Вандеи". И характерно, что примыкавшіе къ нашей организаціи крестьяне (строительные рабочіе), насколько я помню, не протестовали противъ такихъ опасеній.

Зато всѣ свои надежды возлагали мы на пролетаріатъ. Мы и негодовали, и смѣялись, когда читали статьи и книги народническихъ писателей, съ серьезной миной доказывавшихъ, что въ Россіи промышленный пролетаріатъ составляетъ 1—2% всего населенія, и что его легко можно сбросить со счетовъ. Наоборотъ, мы были увѣрены, что пролетаріатъ, численность и сознательность котораго растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, является главнымъ прогрессивнымъ факторомъ русской жизни. Мы знали, что соціализмъ, выражающій классовые интересы пролетаріата, пробьетъ себѣ дорогу въ его среду, несмотря ни на какія препятствія, и что этотъ прирожденный носитель соціализма сыграетъ также главную роль въ дѣлѣ политическаго раскрѣпощенія страны. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ классовъ нашего полуазіатскаго общества мы считали пролетаріатъ наиболѣе европейскимъ классомъ (если не имѣть, конечно, въ виду интеллигенцію, которую мы не считали самостоятельнымъ классомъ, а только промежуточной прослойкой, лишенной самостоятельной силы и самостоятельнаго значенія).

Итакъ, для насъ было ясно, что самая непосредственная, насущная задача русской жизни сводится къ созданію рабочей партіи. Мы разсуждали такъ, какъ коммунары послѣ разгрома Коммуны: всѣ порывы впередъ оказались безплодными именно потому, что не были поддержаны сознательной и организованной рабочей партіей. Но возможно ли создать такую рабочую партію въ широкомъ масштабѣ при тогдашнихъ русскихъ полицейскихъ условіяхъ? Вотъ вопросъ, который вставалъ передъ нами, и на который мы не могли дать опредѣленнаго отвѣта. Вѣрнѣе, мы отвѣчали на него приблизительно въ духѣ проекта програмы группы „Освобожденіе Труда", т. е. мы полагали, что намъ придется ограничиться только созданіемъ кружковъ и подготовкой сравнительно немногихъ сознательныхъ рабочихъ, которые въ моментъ революціи могли бы стать во главѣ народныхъ массъ. Политическую же революцію мы считали неизбѣжной и очень близкой.

Не забудьте, что мы приступили къ работѣ въ скорости послѣ голода 1891 года, когда крестьянское трехпольное хозяйство оказалось совершенно подорваннымъ, а финансы страны казались близкими къ полному банкротству. Вдобавокъ, разсуждали мы, абсолютизмъ, чувствуя возросшую неустойчивость своего положенія, постарается искать спасенія отъ внутреннихъ затрудненій въ какой-нибудь внѣшней диверсіи, а здѣсь, какъ мы были въ этомъ твердо убѣждены, его ждетъ неминуемое пораженіе, такъ какъ въ исправное состояніе вооруженныхъ силъ правительства мы никогда не вѣрили. Военное пораженіе абсолютизма развяжетъ руки оппозиціи, и правительство принуждено будетъ пойти на уступки. Начнутся конституціонныя заигрыванія, будетъ

созванъ земскій соборъ или какой-нибудь „соединенный ландтагъ“, и вообще начнутся глубокія внутреннія замѣшательства. Въ деревняхъ начнется разгромъ помѣщичьихъ усадебъ, а въ городахъ произойдетъ вооруженное возстаніе, которое неминуемо закончится побѣдой народа. Приведетъ ли это къ республикѣ или конституціонной монархіи, мы не могли сказать положительно; но въ чемъ мы были глубоко убѣждены, такъ это въ томъ, что буржуазія, которая въ часы боя будетъ сидѣть у себя по домамъ, послѣ побѣды революціи немедленно выползетъ изъ своихъ норъ и, пользуясь своимъ богатствомъ, образованіемъ, связями, постарается конфисковать въ свою пользу всѣ плоды народныхъ усилій. Этого, по нашему мнѣнію, не слѣдовало допускать ни въ какомъ случаѣ. И мы думали, что народъ, вооруженный и гордый своей побѣдой, въ силахъ будетъ не допустить до этого. Но для этого въ его средѣ и по возможности во главѣ его должны находиться люди, сознательно относящіеся къ развертывающимся событіямъ. Необходима, однимъ словомъ, наличность многочисленной и сознательной рабочей интеллигенціи. Содѣйствовать выработкѣ такой интеллигенціи мы и ставили своей главной задачей. Въ этомъ отношеніи наша организація была большимъ пропагандистскимъ кружкомъ.

Итакъ, политическое содержаніе нашей пропаганды совершенно ясно. Въ общемъ же пропаганда была поставлена у насъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Рабочимъ выяснялся общій характеръ капиталистическаго развитія, порождаемые имъ соціальные антагонизмы и конечная цѣль, къ которой стремится буржуазный строй, словомъ, излагалась теорія Маркса. Далѣе выяснялись историческія задачи пролетаріата, описывались различныя формы его экономической и политической дѣятельности, разсказывалось о его историческихъ судьбахъ и наиболѣе крупныхъ историческихъ выступленіяхъ (движеніе чартистовъ, ліонское возстаніе, февральская революція, іюньскіе дни, Коммуна, дѣятельность нѣмецкой соціалъ-демократіи и французской Рабочей Партіи и т. п.). Затѣмъ мы переходили къ Россіи, разсматривали крестьянскую реформу 1861 года, разореніе крестьянскаго хозяйства, разложеніе кустарныхъ промысловъ, развитіе крупной промышленности и указывали на спеціальныя задачи, поставленныя исторіей передъ русскимъ рабочимъ классомъ, который не только долженъ вести соціальную борьбу съ буржуазіей, но и добиться политическаго освобожденія страны. Мы объясняли нашимъ рабочимъ, что исторія, такимъ образомъ, возложила на нихъ двойную, а слѣдовательно, и болѣе тяжелую задачу, но въ то же время и болѣе благодарную и грандіозную, такъ какъ они могутъ принять участіе въ буржуазной революціи, какъ вполнѣ сознательные соціалъ-демократы, а значитъ, добиться въ моментъ общаго переустройства русской

жизни такихъ крупныхъ завоеванiй для рабочаго класса, которыхъ въ нормальное время добиться очень трудно, если и не невозможно (конечно, до соцiализма).

Перспектива грандiозныхъ соцiальныхъ преобразованiй, въ которыхъ имъ предстояло принимать непосредственное участiе и даже играть рѣшающую роль, увлекала рабочихъ и возвышала ихъ въ собственныхъ глазахъ. На нашихъ сходкахъ мы могли воочiю наблюдать, какъ вырабатывается классовое сознанiе и складывается высокая психика активности и самопожертвованiя въ самой сѣрой на видъ массѣ подъ влiянiемъ новыхъ впечатлѣнiй и внезапно нахлынувшихъ идей. Вчера еще погрязшiе въ животной борьбѣ за существованiе, люди сразу перерождались, когда передъ ихъ удивленнымъ взоромъ внезапно раскрывался ослѣпительный просвѣтъ въ историческую даль, и прiятно было думать, что какой-нибудь побывавшiй на нашей сходкѣ строительный рабочiй, складывая на другой день кирпичи на постройкѣ, въ то же время мечталъ о возведенiи другого зданiя — соцiалъ-демократической рабочей партiи.

Весьма возможно, что мы не совсѣмъ удачно и популярно излагали рабочимъ программу и задачи соцiалъ-демократiи. Дѣло было молодое и неопытное. Очень даже вѣроятно, что не всѣ толкованiя, которыми мы сопровождали, напримѣръ, чтенiе „Коммунистическаго Манифеста“ или историческiй очеркъ рабочаго движенiя Аксельрода (въ сборникѣ „Соцiалъ-демократъ“), были доступны рабочимъ и усваивались ими. Но главной своей цѣли мы все-таки добивались. Рабочiе понимали насъ. Наполовину умомъ, наполовину инстинктомъ они схватывали сущность нашей пропаганды, претворяли ее въ плоть и кровь, облекали живымъ тѣломъ своего собственнаго опыта и дальше самостоятельно вели пропаганду среди товарищей, привлекая все новыхъ и новыхъ адептовъ на сторону соцiалъ-демократическаго движенiя.

Сколько именно у насъ было кружковъ, въ точности трудно опредѣлить, такъ какъ, во-первыхъ, составъ ихъ не всегда былъ постояннымъ, а во-вторыхъ, нѣкоторые кружки распадались, а другiе вновь возникали. Но въ общемъ можно насчитать слѣдующiе кружки: 1) первый кружокъ, куда входили П-въ, Меѳодiевъ и нѣсколько пароходныхъ машинистовъ и слесарей; впослѣдствiи онъ распался; 2) городской кружокъ, куда входило нѣсколько сапожниковъ и другихъ рабочихъ; сюда же приходили нѣкоторые солдаты, которыхъ рабочiе привлекли самостоятельно, и которыхъ я такъ ни разу и не видалъ; этотъ кружокъ также распался; 3) самый большой кружокъ, состоявшiй преимущественно изъ матросовъ и кочегаровъ и представлявшiй центръ нашей организацiи; здѣсь дѣйствовалъ Калашниковъ съ товарищами; 4) кружокъ Левонтьева

въ предмѣстьи Ближнія Мельницы, состоявшій изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и отчасти строительныхъ рабочихъ; 5) кружокъ слесарей и рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на Слободкѣ-Романовкѣ; впослѣдствіи распался; 6) кружокъ сапожниковъ на Молдаванкѣ; 7) нѣсколько кружковъ строительныхъ рабочихъ.

Кружки эти не успѣли окончательно сложиться; составъ ихъ все время былъ текучій и неопредѣленный; нѣкоторые члены переходили изъ одного кружка въ другой, хотя мы тщательно этого избѣгали по конспиративнымъ соображеніямъ. Въ общемъ кружки были мало связаны между собой; какихъ-нибудь делегатскихъ собраній не было. Кружки связывались въ одну организацію только черезъ посредство двухъ интеллигентныхъ пропагандистовъ, на плечахъ которыхъ лежала почти вся работа. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что настоящая наша работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ лѣтомъ и осенью 1893 года: въ концѣ января 1894 года насъ постигъ жестокій провалъ. Напуганные постоянными систематическими провалами предшествующихъ кружковъ, мы старались вести дѣло очень конспиративно и сознательно избѣгали до поры до времени открытыхъ массовокъ и связей между отдѣльными кружками. Мы хотѣли прежде всего создать нѣкоторыя прочныя и широкія ячейки, прежде чѣмъ приступить къ объединенію отдѣльныхъ кружковъ, но идеаломъ нашимъ была правильная организація, охватывающая массу одесскихъ рабочихъ, объединяющая ихъ съ помощью делегатскихъ собраній, руководящая всѣми выступленіями рабочихъ и т. п. Мы мечтали, между прочимъ, объ организаціи всеобщей забастовки въ порту лѣтомъ 1894 года, а также объ устройствѣ маевки. Но до этого намъ не суждено было дожить.

Я уже говорилъ, какъ мы вели пропаганду. Систематическаго плана лекцій у насъ не было, и мы такъ и не успѣли его выработать, хотя въ общемъ чтенія происходили у насъ по извѣстной системѣ, о которой читатель уже могъ получить нѣкоторое представленіе по вышеизложенному. Мы испытывали страшный недостатокъ въ подходящей литературѣ. За два года до начала нашей пропаганды группа заграничныхъ студентовъ, бывшихъ нашихъ товарищей по гимназіи, умудрилась провести черезъ границу небольшой транспортъ нелегальной литературы. Такъ какъ сами они не знали, что съ ней дѣлать, то въ концѣ концовъ они отдали всѣ эти книжки намъ. Мы сохранили ихъ, переплели, и эти немногія брошюры оказались для насъ громаднымъ подспорьемъ въ нашей работѣ.

Но этого было мало. Тогда наши матросы предложили намъ провести изъ-за границы новый транспортъ. Это удалось осуществить, но насъ ожидало страшное разочарованіе. Дѣло въ томъ, что мы выписали транспортъ отъ Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ. Хотя мы опредѣленно

указали, что именно намъ нужно, но вмѣсто выписанныхъ соціалъ-демократическихъ брошюръ мы получили почти исключительно изданія Фонда, быть можетъ, и очень хорошія, но для нашихъ цѣлей совершенно непригодныя. Съ большимъ трудомъ и рискомъ удалось доставить эти брошюры на берегъ, и вообразите наше негодованіе и уныніе, когда вмѣсто брошюръ о рабочемъ движеніи и соціализмѣ, мы получили въ десяткахъ и сотняхъ экземпляровъ такія изданія, какъ „Еврей къ евреямъ" Хасина, „Конституція Лорисъ Меликова", „Заграничная агитація" и „Начало конца" Степняка и т. п. Изъ всего доставленнаго намъ транспорта болѣе или менѣе пригодились „Подпольная Россія", біографія члена партіи „Пролетаріатъ" сапожника Домбровскаго, и „Кто чѣмъ живетъ?" Дикштейна. Дикштейнъ былъ бы для насъ совсѣмъ хорошъ, если бы былъ присланъ намъ въ изданіи группы „Освобожденіе Труда" (какъ мы и просили); но вся бѣда заключалась въ томъ, что Фондъ прислалъ намъ эту брошюру въ собственномъ изданіи, напечатанномъ на прескверной бумагѣ и съ тысячею опечатокъ. Попытка наша выписать литературу непосредственно отъ группы „Освобожденія Труда" закончилась неудачей.

Недостатокъ въ нелегальной литературѣ мы старались восполнить легальными изданіями. Еще когда мы готовились къ пропагандѣ, у насъ составилась довольно порядочная библіотечка, въ которую, м. пр., входилъ цѣлый рядъ книгъ, имѣвшійся тогда на русскомъ книжномъ рынкѣ по исторіи революцій, соціализма и рабочаго движенія. Припоминаю такія книги, какъ Михайлова „Пролетаріатъ во Франціи" и „Ассоціаціи", Пфейфера „Ассоціаціи", Бехера „Рабочій вопросъ", Ланге „Рабочій вопросъ", Луи Блана „Исторія революціи", т. I, Вермореля, „Дѣятели 48 г." и „Дѣятели 51 года", Ватсона—брошюра о Коммунѣ, Ланжале и Корье, „Исторія революціи 18 марта", далѣе нѣкоторыя сочиненія Чернышевскаго, въ томъ числѣ его примѣчанія къ Миллю, сочиненія Пругавина, Харизоменова, В. В. Трирогова, Чупрова, Иванюкова и др. Кромѣ того, мы вырывали изъ старыхъ журналовъ наиболѣе интересныя статьи и переплетали ихъ въ видѣ брошюрокъ-книжекъ. Особенно запомнились мнѣ двѣ статьи П. Лаврова „Автобіографія стараго чартиста", которыя производили очень сильное впечатлѣніе и на меня, и на рабочихъ. Изъ всѣхъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи книгъ наибольшую пользу принесли намъ и больше всего нравились рабочимъ „Коммунистическій Манифестъ", брошюра Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ?" (въ то время самая популярная), Плеханова „Ежегодный праздникъ рабочихъ: 1-ое мая" и „Четыре рѣчи рабочихъ", произнесенныя на маевкѣ въ Петербургѣ въ 1891 году. Но, конечно, главную роль играли не брошюры и книги, а устныя толкованія и личныя бесѣды, особенно относительно русскихъ дѣлъ.

Рабочіе относились къ дѣлу очень серьезно. Я уже говорилъ, какимъ возвышающимъ образомъ дѣйствовала на нихъ перспектива историческихъ переворотовъ, которую мы развертывали передъ ними. Они преображались на нашихъ глазахъ, лица ихъ свѣтлѣли, движенія становились болѣе увѣренными и пластичными, рѣчь мѣнялась, въ обращеніи появлялись сдержанность и достоинство. Нѣкоторые переставали пить, другіе начинали чище одѣваться, пріобрѣтать книги, посѣщать театры и лекціи. Почти всѣ безъ исключенія старались не ограничиваться пассивной ролью слушателей, а пріобрѣтать кружку новыхъ сторонниковъ.

Не обходилось при этомъ и безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Такъ, одного изъ нашихъ рабочихъ, матроса Халютина, однажды арестовали по слѣдующему поводу. Царившій тогда въ Одессѣ градоначальникъ Зеленый требовалъ, чтобы всѣ встрѣчные кланялись ему на улицѣ. Забитое и запуганное населеніе покорно исполняло капризы бѣшенаго самодура; ослушникамъ же грозилъ арестъ, а то и кулачная расправа.

— Иду это я по улицѣ,—разсказывалъ затѣмъ Халютинъ въ кружкѣ,—недалеко отъ дома градоначальника. Вдругъ навстрѣчу мнѣ самъ этотъ фараонъ. Въ другой разъ снялъ бы шапку безъ всякихъ, а теперь обидно мнѣ показалось: что же это я, соціалъ-демократъ, и стану ломать шапку передъ какимъ-нибудь помпадуромъ! Прошелъ мимо. Вдругъ слышу кричитъ: „Сто-о-о-й! ты кто такой?“ Такой-то. Подзываетъ надзирателя: „Отправить его, мерзавца, въ участокъ“. Привели меня, раба Божьяго, въ часть, посадили въ канцелярію. Надзиратель куда-то ушелъ. Сижу я часъ, полтора. Приставъ спрашиваетъ: „Тебѣ чего надо?“ Я говорю: ничего. „Ну, такъ пошелъ вонъ, если не хочешь получить по шеѣ!“ Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и давай Богъ ноги. А все-таки я ему не поклонился!

Конспирацію признавали далеко не всѣ. Да собственно говоря, когда рабочіе ведутъ пропаганду среди своихъ собратій, трудно особенно строго соблюдать правила предосторожности. Разговоры ведутся на чистоту въ мастерской, въ столовой за обѣдомъ или въ трактирѣ за чаемъ. Левонтьевъ, такъ тотъ, прочитавши степняковскую сказку „Мудрица Наумовна“, пришелъ въ такой ражъ, что побѣжалъ въ кабакъ и тамъ, взобравшись на столъ, произнесъ цѣлую горячую рѣчь о соціализмѣ передъ всей публикой. Калашниковъ также не особенно считался съ конспираціей. Охваченный духомъ прозелитизма, онъ разбрасывалъ сѣмена революціонной пропаганды направо и налѣво. Слѣдуетъ признать, что его тактика оказалась наиболѣе продуктивной: онъ больше всѣхъ другихъ навербовалъ членовъ нашему кружку.

Въ артеляхъ строительныхъ рабочихъ, гдѣ вообще господствуютъ

патріархальныя отношенія, довольно открыто велись бесѣды о соціализмѣ, революціи и т. п. Такимъ образомъ, вокругъ нашей организаціи незамѣтно создавалась широкая атмосфера сочувствія. У насъ было много сторонниковъ въ рабочей средѣ, кромѣ лицъ, непосредственно входившихъ въ организацію, и вербовка новыхъ членовъ продолжалась вплоть до самаго провала. О томъ, что среди одесскихъ рабочихъ дѣйствуетъ какая-то соціалистическая организація, знало довольно много рабочихъ. Однажды произошелъ слѣдующій случай.

Приходитъ на собраніе, назначенное на квартирѣ Левонтьева, плотникъ Иванъ, одинъ изъ главныхъ нашихъ пропагандистовъ среди строительныхъ рабочихъ, и приводитъ съ собой, кромѣ извѣстныхъ уже намъ членовъ организаціи, двухъ новичковъ, которыхъ до сихъ поръ мы не видали. Въ теченіе вечера изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, оброненныхъ незнакомцами, выяснилось, что на другой день они уѣзжаютъ изъ Одессы. Въ виду этого я обратился къ Ивану съ вопросомъ, зачѣмъ же онъ, нарушая свою обычную осторожность, привелъ сюда этихъ двухъ рабочихъ?

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Иванъ, который въ моменты взволнованности незамѣтно переходилъ на „ты“ по закоренѣлой крестьянской привычкѣ.—Это славные ребята: одинъ нашъ плотникъ, а другой половой изъ ресторана. Они знаютъ все наше дѣло. Только вотъ они уѣзжаютъ: одинъ въ деревню, а другой въ Крымъ. И захотѣли они передъ отъѣздомъ непремѣнно повидать пропагандиста: дескать, какой-такой изъ себя интеллигентъ? Ничего, пусть посмотрятъ! Имъ удовольствіе, а тебѣ вреда никакого. Мнѣ сейчасъ одинъ изъ нихъ на ухо сказалъ: „А вѣдь интеллигентъ-то такой же, какъ и всѣ люди“. Они настоящихъ людей почитай, что и не видали.

Передъ такимъ аргументомъ приходилось поневолѣ склониться.

Усваивали ли рабочіе во всѣхъ деталяхъ соціалъ-демократическое міросозерцаніе? На этотъ вопросъ я затрудняюсь отвѣтить съ положительностью. Насколько я замѣтилъ, они полагали, что революція, къ которой мы подготовляемся, будетъ соціальной революціей, что она одновременно положитъ конецъ и политическому и экономическому гнету. Къ такому пониманію особенно склонялись крестьяне, напримѣръ, строительные рабочіе. Они смотрѣли на вещи, такъ сказать, съ точки зрѣнія „максимализма“. Особенно разувѣрять ихъ въ этомъ намъ не хотѣлось, такъ какъ мы полагали, что такое настроеніе въ рѣшительный моментъ можетъ оказаться даже полезнымъ, ибо побудитъ рабочую массу съ тѣмъ большей энергіей отстаивать во время буржуазной революціи полное осуществленіе нашей минимальной программы: восьмичасовой рабочій день, полную демократизацію политическаго строя, экспропріацію крупнаго землевладѣнія. Вѣдь не

слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ пунктовъ нашего символа вѣры была надежда на возможность для русскаго рабочаго класса добиться въ моментъ политическаго переустройства Россіи цѣлаго ряда глубокихъ соціальныхъ реформъ, какихъ не удалось въ соотвѣтствующія эпохи добиться европейскому пролетаріату, въ виду отсутствія организованной и сознательной рабочей партіи.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи,—говорилъ, волнуясь и спѣша, плотникъ Захаровъ, сухощавый и загорѣлый, похожій на цыгана,—зачѣмъ намъ не идти до конца? Разъ у насъ будетъ довольно силъ, чтобы завоевать 8-ми-часовой рабочій день и т. п., зачѣмъ намъ сразу не добиться тогда введенія соціализма? Чего-жъ канителиться? Ужъ воевать такъ во всю!

Медлительный Иванъ, спокойно и увѣренно начиналъ объяснять ему разницу между буржуазной и соціальной революціей, доказывать, что не все то, что желательно, можно осуществить, но Захаровъ недовольно морщился и, видимо, не хотѣлъ согласиться. Левонтьевъ присоединялъ свои аргументы къ аргументамъ Ивана, но по всему видно было, что въ душѣ онъ самъ склоняется къ рѣшенію Захарова: логика говорила ему одно, а сердце и инстинктъ пролетарія подсказывали другое. Ужъ очень не хотѣлось рабочимъ сражаться за „буржуазныя условія существованія“.

Я вообще замѣтилъ, что на первыхъ стадіяхъ соціалистическаго движенія рабочіе не взвѣшиваютъ объективныхъ условій историческаго развитія и готовы ставить себѣ непосредственныя задачи, для разрѣшенія которыхъ еще не назрѣли данныя дѣйствительности. Такъ было въ свое время и во Франціи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Италіи и т. д. На этомъ „максималистскомъ“ настроеніи рабочихъ въ извѣстные историческіе моменты основывался въ свое время успѣхъ бакунинской пропаганды, на немъ же зиждется европейскій анархизмъ и отчасти нашъ отечественный максимализмъ. Инстинктивный порывъ рабочихъ массъ къ непосредственному соціальному перевороту чреватъ великими возможностями; но для того, чтобы использовать его съ наибольшей продуктивностью, для того, чтобы заставить его служить не слѣпымъ разрушительнымъ эксцессамъ, а историческому развитію пролетаріата, необходима, конечно, сознательная и выдержанная соціалъ-демократическая рабочая партія, способная вліять на рабочихъ и руководить ихъ движеніемъ.

Столь же естественны среди угнетенныхъ и только просыпающихся къ сознательной жизни рабочихъ анархическіе порывы. Чѣмъ тяжелѣе положеніе рабочаго, чѣмъ онъ изолированнѣе, чѣмъ меньше онъ видитъ вокругъ себя единомышленниковъ, готовыхъ солидарными усиліями отстаивать свои интересы, тѣмъ скорѣе онъ поддается слѣпому озлобленію и

желанію протестовать индивидуальными силами. Я уже разсказывалъ о планѣ Калашникова взорвать пароходъ; ниже я разскажу еще о нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ проявились анархическія тенденціи рабочихъ. Съ этими тенденціями мы боролись самымъ энергичнымъ образомъ, и я могу съ увѣренностью сказать, что намъ удалось покончить съ этимъ зломъ, но удалось именно потому, что мы сумѣли противопоставить отчаяннымъ индивидуальнымъ эксцессамъ отдѣльныхъ рабочихъ активную классовую солидарность рабочей массы и выяснить передъ нашими товарищами историческую безплодность первыхъ и гигантскую историческую продуктивность второй. Для проницательности и добросовѣстности нашихъ жандармовъ характерно, что они обвиняли насъ какъ разъ въ анархической пропагандѣ.

Возникло это нелѣпое обвиненіе, придуманное шпіонскимъ умомъ Пирамидова (онъ велъ наше дѣло и именно на этомъ дѣлѣ замѣтно выдвинулся) по слѣдующему поводу. Въ майскомъ номерѣ парижскаго журнала „Illustration" помѣщены были портреты наиболѣе выдающихся представителей международнаго соціализма. Этотъ номеръ мы достали и показывали нашимъ рабочимъ. Случай захотѣлъ, чтобы въ томъ же номерѣ были помѣщены снимки, изображающіе нѣкоторыя анархическія покушенія (взрывъ ресторана въ Парижѣ и т. п.). И вотъ для жандармовъ этого было достаточно, чтобы выдвинуть противъ насъ обвиненіе, будто бы мы рекомендовали рабочимъ „поступать такимъ же образомъ", какъ изображено на этихъ рисункахъ. Гораздо вѣрнѣе было другое ихъ обвиненіе противъ насъ, а именно, что мы совѣтовали рабочимъ защищать свои интересы „всѣми законными и незаконными способами". Этого мы, конечно, не отрицали.

Съ интересными типами приходилось встрѣчаться за время моей дѣятельности среди рабочихъ. Кто-то замѣтилъ, что въ сущности каждый человѣкъ представляетъ совершенно оригинальную и рѣзко очерченную индивидуальность. Это мнѣніе, конечно, преувеличено, ибо природа несомнѣнно творитъ по извѣстнымъ шаблонамъ. Но разнообразіе типовъ несомнѣнно огромное. Люди, незнакомые съ рабочими, представляютъ ихъ себѣ, какъ сплошную однородную массу, въ родѣ того, какими намъ представляются солдаты въ своихъ одинаковыхъ сѣрыхъ шинеляхъ и грубыхъ сапогахъ. Но всякій, побывавшій на военной службѣ, отлично знаетъ, что послѣ первой же недѣли знакомства съ ними эта сѣрая масса на первый взглядъ совершенно одинаковыхъ людей распадается на самые разнообразные типы и индивидуальности. То же самое и со всякой другой массой.

Вотъ одинъ типъ, такъ сказать, первобытный, нѣчто въ родѣ троглодита: это чернорабочій Ошманецъ, хозяинъ одной изъ нашихъ конспиратив-

ныхъ квартиръ. Нашелъ его Калашниковъ на какой-то постройкѣ, гдѣ онъ таскалъ кирпичи. Какъ я уже говорилъ, нашъ неутомимый пропагандистъ Калашниковъ мѣнялъ всевозможныя профессіи, всюду отыскивая подходящихъ людей. Между прочимъ, онъ нѣсколько дней проработалъ въ качествѣ чернорабочаго до поступленія на пароходъ. Такимъ-то образомъ и набрелъ онъ на Ошманца и послѣ нѣсколькихъ словъ завербовалъ этого полудикаго литвина въ соціалистическое братство. Убѣдившись, что этотъ варваръ въ сущности очень славный малый, нашъ вольный штурманъ быстро сошелся съ нимъ на „ты", и въ тотъ же вечеръ Ошманецъ очутился хозяиномъ конспиративной квартиры. Бороться со стремительностью калашниковскихъ рѣшеній было совершенно безнадежнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что, когда мы узнали о существованіи Ошманца, онъ былъ уже посвященъ въ секретъ пропаганды. „Я за него ручаюсь"—заявилъ Калашниковъ, и этого было довольно.

И вотъ оглушеннаго, ошалѣвшаго, изумленнаго дикаря, почти не владѣвшаго даже членораздѣльной рѣчью, Калашниковъ и его ближайшіе помощники начинаютъ накачивать соціалистическими проповѣдями объ эксплуатаціи, прибавочной стоимости, классовой борьбѣ, соціальной революціи и т. д. Несчастный, который никогда не подозрѣвалъ о существованіи такихъ вещей, сначала растерялся, а затѣмъ сдѣлался ярымъ прозелитомъ новыхъ идей. Но первое примѣненіе того, что онъ узналъ отъ своихъ новыхъ товарищей, отличалось нѣкоторой оригинальностью. Такъ, отправившись въ первую же субботу послѣ водворенія на новой квартирѣ въ баню въ старыхъ стоптанныхъ сапогахъ, Ошманецъ вернулся оттуда въ новыхъ лакированныхъ полуботинкахъ. На вопросъ, гдѣ онъ раздобылъ такія прелестныя ботинки, Ошманецъ, самодовольно ухмыляясь, отвѣтилъ:

— А свиснулъ у одного буржуя. Довольно имъ нашу кровь пить!

И заговорилъ что-то о прибавочной стоимости.

Скандалъ получился необычайный. Калашниковъ былъ страшно подавленъ неожиданными результатами своей пропаганды. Приходилось теперь прочитать Ошманцу нѣсколько дополнительныхъ лекцій. Съ большимъ трудомъ удалось объяснить ему, что существованіе капиталистической эксплуатаціи въ современномъ обществѣ не даетъ ему, люмпенпролетарію Ошманцу, права на экспропріацію чужихъ ботинокъ. Въ концѣ концовъ онъ понялъ это и впослѣдствіи густо краснѣлъ, когда ему шутя напоминали о его первомъ дебютѣ на соціалистическомъ поприщѣ.

Впослѣдствіи, когда я перенесъ центръ своей дѣятельности въ городъ и на Большой Вокзалъ, я пересталъ ходить въ портъ и на время потерялъ Ошманца изъ виду. Встрѣтиться мнѣ съ нимъ пришлось при довольно печальныхъ обстоятельствахъ. Это было въ концѣ января или на-

чалѣ февраля 1894 года. Мы всѣ уже сидѣли въ тюрьмѣ. Въ два часа ночи ко мнѣ въ камеру вошли жандармы, пригласили одѣться и повели въ тюремную контору. Тамъ, оказывается, шелъ допросъ. Пирамидовъ, окруженный группой жандармскихъ офицеровъ, чинилъ розыскъ. По срединѣ комнаты стоялъ съ шапкой въ рукахъ бѣдняга Ошманецъ. Боже, какъ онъ былъ подавленъ этой группой блестящихъ офицеровъ съ саблями и пистолетами, часовыми, вытянувшимися въ струнку у дверей, желѣзными рѣшетками на окнахъ, зерцаломъ на столѣ и вообще всей обстановкой допроса. Я бросилъ на него ободряющій взглядъ, но Пирамидовъ, не желая дать ему опомниться, быстро и отрывисто спросилъ:

— Этотъ?

Блѣдныя губы несчастнаго Ошманца беззвучно шевелились. Съ одной стороны, подавленный величіемъ жандармовъ, съ другой, не рѣшаясь предавать своего товарища, бѣдняга мучительно страдалъ. Но онъ, видимо, начиналъ оправляться, благодаря моему присутствію и дерзкому виду, съ которымъ я посматривалъ на жандармовъ. Пирамидовъ замѣтилъ это и также быстро скомандовалъ, показавши на меня глазами:

— Увести его!

И меня увели.

Только черезъ полтора года я снова увидался съ Ошманцомъ. Насъ отправляли кого въ Сибирь, кого въ „Кресты“, кого на сѣверъ. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ. И здѣсь-то я увидалъ Ошманца, который былъ приговоренъ къ шести-мѣсячному заключенію въ „Крестахъ“. Оказалось, что выпущенный послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія изъ тюрьмы, Ошманецъ страшно бѣдствовалъ, снова превратился въ босяка, но на этотъ разъ преслѣдуемаго полиціей въ качествѣ неблагонадежнаго, голодалъ, ночевалъ подъ открытымъ небомъ на берегу моря и т. п. Но духомъ онъ не падалъ. Напротивъ, по его словамъ, за время тюремнаго заключенія и послѣдующихъ мытарствъ онъ окрѣпъ духомъ и закалился. Когда я шутя напомнилъ ему о его плачевномъ видѣ въ кабинетѣ Пирамидова, онъ добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Ну, нѣтъ, теперь бы они меня такъ не запугали, а тогда я былъ совсѣмъ зеленымъ. Вотъ теперь выйду изъ тюрьмы, такъ буду знать, что дѣлать.

Больше мнѣ съ нимъ никогда не приходилось встрѣчаться.

Любопытными, въ своемъ родѣ, типами были два товарища, то чернорабочіе, то кочегары на пароходахъ, Еропись и Санжуръ. Шатаясь въ порту среди босяковъ и хулигановъ, они своимъ умомъ дошли до своеобразныхъ заключеній, сильно напоминавшихъ мечтанія Вейтлинга и Бакунина о роли уголовныхъ преступниковъ въ соціальной революціи. Однажды

они явились на собраніе матросскаго кружка съ цѣлымъ проектомъ о привлеченіи воровъ и карантинныхъ жуликовъ къ нашей организаціи.

— Вѣдь вы намъ сами объясняли, что преступники это жертвы общественной неурядицы. Развѣ можно обвинять ихъ, если они, съ дѣтства брошенные своими родителями на произволъ судьбы, никогда не встрѣчали хорошихъ людей и не видѣли хорошихъ примѣровъ? А среди нихъ есть хорошіе ребята, смѣлые и славные товарищи. Они тоже протестуютъ противъ современной несправедливости, но дѣлаютъ это плохо, такъ какъ имъ не показали лучшихъ путей. А если имъ все растолковать и разъяснить, то они могутъ быть намъ очень полезны. Мы съ нѣкоторыми изъ нихъ говорили, такъ они вполнѣ сочувствуютъ намъ, и вотъ мы предлагаемъ привлечь ихъ.

Интересно, что многіе изъ членовъ нашего кружка въ глубинѣ души, видимо, сочувствовали этому проекту, но ожидали только, какъ мы къ нему отнесемся. Натурально, что мы самымъ энергичнымъ образомъ возстали противъ затѣи нашихъ Аяксовъ и категорически воспретили имъ разговаривать съ жуликами о нашемъ дѣлѣ. Скрѣпя сердце, тѣ подчинились, но я до сихъ поръ такъ и не знаю, убѣдились ли они нашими аргументами.

Вспоминаю я еще нѣсколько интересныхъ типовъ изъ среды строительныхъ рабочихъ. Во-первыхъ, Яшинъ-Горевъ, каменщикъ. Сухой, озлобленный, съ впалой чахоточной грудью и рѣзкими жестами, онъ казался мнѣ типомъ народнаго революціонера. Его сужденія о вещахъ и лицахъ обыкновенно были рѣшительны и безпощадны. Подравшись какъ-то съ городовымъ („не стерпѣла душа“), онъ былъ приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному аресту. Это еще больше его озлобило, и онъ готовъ былъ собственной рукой перерѣзать всѣхъ „враговъ народа“. Его жестокость и кровожадность производили на меня какое-то непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я самъ не могъ отдать себѣ отчета. Иногда мы собирались у него на квартирѣ. Во время чтенія въ комнату иногда входили его жена и двое сынишекъ, лѣтъ 8—10. Это мнѣ не совсѣмъ нравилось: женщинамъ я въ то время вообще не довѣрялъ (и у меня на это были свои основанія), а дѣтей я особенно опасался, такъ какъ они, играя на улицѣ съ другими дѣтьми, легко могли разболтать про собранія и происходившіе на нихъ разговоры. Когда я замѣтилъ это Яшину, онъ отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, мои парнишки не проболтаются. Они все понимаютъ. Я имъ объяснилъ все. Изъ нихъ выростутъ два хорошихъ революціонера.

По нашему дѣлу Яшинъ не былъ арестованъ (вообще наши связи съ строительными рабочими такъ и остались нераскрытыми); но онъ попался по другому дѣлу въ 1895 году и сталъ выдавать, такъ что товарищи въ концѣ концовъ принуждены были объявить его предателемъ. Когда я узналъ объ этомъ, я отчасти понялъ, почему его рѣзкія сужденія про-

изводили на меня подчасъ тягостное впечатлѣніе; вѣроятно, въ нихъ звучала нота неискренности.

Въ другомъ совершенно родѣ былъ плотникъ Иванъ. Это былъ старый травленый волкъ, давно участвовавшій въ революціонномъ движеніи. Огромнаго роста, плотный, съ лысиной во всю голову, съ умными проницательными глазами и густой черной бородой, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго патріарха изъ великороссійской крестьянской семьи. Сдержанный, спокойный, уравновѣшенный, онъ теоретически склонялся къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ, въ родѣ непосредственной соціальной революціи, но на практикѣ стоялъ за строжайшую конспиративность, выдержку и постепенность. Я помню какъ неодобрительно отнесся онъ къ моему проекту объ организаціи маевки.

— Ну, ужъ знаешь, это шарлатанство (шарлатанствомъ онъ называлъ всякую легкомысленную, безпочвенную затѣю)... Рановато, рановато. Зачѣмъ торопиться? Дѣло терпитъ. Вотъ разовьемся въ ширину, укоренимся, а тамъ видно будетъ, а теперь, Андрей Ивановичъ (моя конспиративная кличка), это будетъ шарлатанство...

Иванъ былъ нашимъ главнымъ пропагандистомъ среди строительныхъ рабочихъ, среди которыхъ онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ. Послѣ одного собранія Иванъ съ нѣсколькими другими рабочими пошли меня проводить, такъ какъ дорога моя въ городъ лежала мимо знаменитой Чумки (холмъ, гдѣ похоронены жертвы чумы), проходить мимо которой поздно ночью было небезопасно. По дорогѣ разговорились, и здѣсь повторился инцидентъ, аналогичный тому, о которомъ разсказывается въ біографіи Желябова.

Въ нашемъ кружкѣ участвовалъ молодой рабочій, землякъ Ивана, работавшій на фабрикѣ сельскохозяйственныхъ орудій Гена. Ничѣмъ особеннымъ онъ не выдавался, никакой замѣтной энергіи онъ не обнаруживалъ, но все-таки я считалъ его человѣкомъ преданнымъ нашему дѣлу. И вдругъ, во время дружеской бесѣды, онъ выпаливаетъ мнѣ слѣдующее:

— Да, Андрей Ивановичъ, собираюсь вотъ ѣхать въ деревню... Надоѣло, знаете, жить здѣсь въ городѣ и мыкаться по заводамъ. Скопилъ я себѣ немного деньжонокъ, еще немного прикоплю и открою я въ деревнѣ лавочку. Буду я самъ себѣ хозяинъ, заживу спокойно и благородно.

— Ну, а дальше?—спросилъ я.

Онъ, видимо, даже и не понялъ моего вопроса.

— Да ничего, — сказалъ онъ удивленно. — Буду жить, торговать. Честно, благородно.

Нужно ли прибавлять, что я, двадцатилѣтній пылкій юноша, былъ жестоко разочарованъ...

Я забылъ еще упомянуть о кружкѣ, который собирался на квартирѣ техника Всеволодова, нѣкогда жившаго на одной квартирѣ съ Меѳодіевымъ, но затѣмъ переѣхавшаго на Пересыпь. Среди членовъ этого кружка былъ нѣкій Покатаевъ, уже не рабочій, а мелкій подрядчикъ по строительнымъ работамъ. Но этотъ „эксплуататоръ“ былъ гораздо болѣе крайнимъ, чѣмъ его рабочіе, которыхъ онъ самъ и пропагандировалъ. Покатаевъ готовъ былъ во всяій моментъ пойти на баррикады. Высокій, жилистый, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, не дуракъ выпить, но не терявшій головы, онъ иной разъ говаривалъ:

— Андрей Ивановичъ, чего *на нихъ* смотрѣть? Долго ли мы будемъ ждать? Взять бы по хорошей оглоблѣ и, съ Господомъ благословясь, жахнуть... Я бы своихъ восемь ребятъ привелъ. Ребята славные, не выдадутъ.

Приходилось умѣрять его пылъ.

Я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ перечислять всѣ интересные и оригинальные типы, выдвигаемые пробуждающимся народомъ. Но объ одной интересной черточкѣ мнѣ хочется въ заключеніе упомянуть.

Мы очень дорожили тѣмъ, чтобы наша организація имѣла чисто пролетарскій характеръ, чтобы она не напоминала тѣхъ кружковъ прежняго времени, въ которыхъ на одного рабочаго приходилось двадцать интеллигентовъ. Поэтому мы привлекали къ нашему дѣлу интеллигенцію только въ случаяхъ крайней необходимости. Далѣе мы чрезвычайно дорожили тѣмъ, чтобы нашимъ врагамъ не удалось исказить истинный характеръ нашего движенія. Уже въ то время реакціонеры старались представить все революціонное движеніе въ качествѣ инородческой и спеціально еврейской интриги. Поэтому мы поставили себѣ за правило впредь до значительнаго расширенія нашей организаціи не привлекать къ ней евреевъ. Быть можетъ, это и очень плохо, но я разсказываю правду. И дѣйствительно, впослѣдствіи по нашему дѣлу привлечено было всего лишь два еврейскихъ рабочихъ, въ то время какъ число арестованныхъ рабочихъ русскихъ и отчасти поляковъ насчитывалось десятками. Это, впрочемъ, не помѣшало господину Пирамидову отнести и наше дѣло къ категоріи инородческихъ интригъ по тому одному, что среди арестованныхъ было два-три еврейскихъ интеллигента, руководящихъ пропагандой. На этой почвѣ жандармы пытались вести среди рабочихъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, самую низкую демагогическую агитацію, но изъ этого, конечно, ничего не вышло.

Итакъ, повторяю, мы рѣшили на первое время не привлекать къ организаціи еврейскихъ рабочихъ. Левонтьевъ, для котораго мотивы на-

шего рѣшенія оставались нѣсколько неясными, имѣлъ двухъ знакомыхъ слесарей-евреевъ, изъ которыхъ одного онъ же и спропагандировалъ. И что же онъ придумалъ? Впослѣдствіи оказалось, что оба эти рабочіе безъ нашего вѣдома присутствовали на всѣхъ нашихъ собраніяхъ. Левонтьевъ пряталъ ихъ въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Онъ, видите ли, подозрѣвалъ насъ въ антисемитическихъ предразсудкахъ!! Но не желая до поры до времени поднимать этого принципіальнаго вопроса, предпочелъ дѣйствовать обходнымъ путемъ.

Другая характерная подробность. По новости дѣла и вслѣдствіе горячаго желанія добиться хоть какого-нибудь осязательнаго успѣха, подготовить если не широкую рабочую организацію, то, по крайней мѣрѣ, хоть многочисленные кадры для нея, мы рѣшили (опять-таки на первое время) не привлекать женщинъ. Мы боялись, что если жены рабочихъ узнаютъ о нашихъ затѣяхъ, то они не остановятся ни передъ какими мѣрами, чтобы спасти своихъ мужей отъ грозящей имъ опасности; затѣмъ отчасти мы боялись, чтобы женщины по неосторожности не разболтали о нашемъ дѣлѣ своимъ сосѣдкамъ. Опять-таки, можетъ быть, это и скверно, и неосновательно, но такъ было. Кстати я долженъ сказать, что благодаря вліянію женщинъ мы потеряли нѣкоторыхъ выдающихся рабочихъ. Такъ одинъ молотобоецъ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ виду угрозъ его сожительницы донести на него, долженъ былъ сжечь нѣсколько имѣвшихся у него брошюръ и прекратить сношенія съ кружкомъ. Другой, пароходный машинистъ, очень энергичный и дѣльный парень, въ виду аналогичныхъ угрозъ своей гражданской жены, съ которой онъ собирался разойтись, также долженъ былъ отстать отъ организаціи. Но мы боялись не столько доносовъ, сколько слезъ, хныканья и уговоровъ не путаться въ чужія дѣла, не губить своей семьи и т. д., что не можетъ не дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ на самыхъ твердыхъ людей.

Какъ бы тамъ ни было, но и въ этомъ отношеніи жизнь намъ дала поучительный урокъ. Впослѣдствіи оказалось, что жена и свояченица Левонтьева, черезъ перегородку слыхавшія всѣ наши рѣчи, сдѣлались убѣжденнѣйшими соціалистками и впослѣдствіи, когда наступили дни испытанія, помогали прятать концы въ воду и спасать остатки организаціи. Когда въ назначенный вечеръ я не пришелъ на собраніе, а Левонтьевъ, вернувшись изъ города, сообщилъ о моемъ арестѣ, обѣ женщины горько плакали, хотя я съ ними почти никогда не разговаривалъ...

Въ послѣдующіе годы русскія работницы доказали, что онѣ готовы рука объ руку со своими мужьями и братьями бороться за освобожденіе рабочаго класса.

Дѣло наше развивалось блестяще — блестяще, конечно, по тогдаш-

нимъ временамъ. Въ различныхъ частяхъ города у насъ были кружки, намъ удалось завязать связи съ самыми разнообразными профессіями, а стоило только проникнуть въ какой-нибудь районъ или профессію, чтобы тамъ естественно начала складываться новая ячейка. Намъ казалось, что мы уже близки къ осуществленію нашей завѣтной цѣли, т. е. къ основанію широкой организаціи одесскихъ рабочихъ. Мы уже мечтали объ установленіи регулярной связи между отдѣльными кружками, о введеніи постоянныхъ делегатскихъ собраній, о празднованіи маевки и даже объ изданіи собственной газеты (конечно, подпольной).

Каждый кружокъ, создавшій себѣ болѣе или менѣе широкую сферу дѣятельности, естественно мечтаетъ о собственномъ органѣ, съ помощью котораго онъ могъ бы обращаться къ широкимъ массамъ и значительно расширить свое вліяніе. На мысль объ изданіи газеты навело насъ полученіе незадолго до того вышедшаго въ Петербургѣ 2-го номера „Летучаго листка группы народовольцевъ“. Такъ какъ въ этомъ листкѣ выражались идеи, которыя мы считали неправильными, то намъ естественно хотѣлось обзавестись собственнымъ органомъ, въ которомъ мы могли бы излагать соціалъ-демократическую программу и освѣщать текущія событія съ марксистской точки зрѣнія. Условія складывались для насъ довольно благопріятно. Къ кружку Всеволодова примыкалъ одинъ литографъ, у котораго имѣлся въ небольшомъ количествѣ шрифтъ, оставшійся у него послѣ закрытія его литографіи. Онъ предлагалъ намъ купить у него этотъ шрифтъ за 300 р. Недоставало только наборщиковъ. И вотъ въ поискахъ за наборщиками мы и напоролись на провокатора.

Я уже говорилъ о томъ, что мы испытывали страшный недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Съ расширеніемъ нашей организаціи этотъ недостатокъ становился все болѣе ощутительнымъ. Можно поэтому представить себѣ радость матросскаго кружка, когда входившій въ него сапожникъ Сосновскій сообщилъ, что у него имѣется знакомый наборщикъ, готовый въ своей типографіи тайкомъ набрать и отпечатать въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ брошюру Аксельрода „Рабочее движеніе и соціальная демократія“.

Въ это время я не посѣщалъ матросскаго кружка и о находкѣ этого наборщика узналъ отъ своего товарища Ц., который тогда руководилъ кружкомъ моряковъ. Его разсказъ произвелъ на меня неблагопріятное впечатлѣніе. Оказывается, этого наборщика никто не видалъ, кромѣ сапожника Сосновскаго. Самъ Сосновскій былъ человѣкъ безусловно надежный, но онъ могъ ошибиться. Вообще вся эта исторія показалась мнѣ чрезвычайно подозрительной, и я подѣлился съ Ц. своими опасеніями. Онъ согласился съ тѣмъ, что необходимо это дѣло выяснить, но, какъ оказа-

лось, было уже поздно. Наборщикъ Поздняковъ оказался форменнымъ провокаторомъ, состоявшимъ на службѣ у жандармовъ. И когда въ ближайшую пятницу Ц. явился на конспиративную квартиру, тамъ уже ждали его жандармы во главѣ съ Пирамидовымъ.

Насъ постигъ жестокій провалъ. Кружокъ матросовъ и сапожниковъ былъ почти весь разгромленъ. Черезъ мѣсяцъ провалился и кружокъ Левонтьева, въ который уже послѣ моего ареста проникли цѣлыхъ два шпіона. Строительные рабочіе арестами не были задѣты; они продолжали работу и были арестованы только черезъ полтора года.

Въ первый моментъ рабочіе были терроризованы, и съ нашимъ арестомъ дѣятельность кружковъ почти прекратилась. Одинъ изъ членовъ матросскаго кружка, ѣздившій въ Англію въ составѣ команды, назначенной для пріемки новаго парохода Добровольнаго Флота, привезъ оттуда транспортъ нелегальной литературы и доставилъ его на берегъ, но возсоздать организацію моряковъ оставшимся на волѣ матросамъ, лишеннымъ помощи интеллигентовъ, не удалось. Желѣзнодорожные рабочіе были сильно напуганы арестомъ Левонтьева и его кружка, и хотя связи съ нимъ не потерялись, но не скоро удалось снова привлечь ихъ къ организаціи. И только строительныхъ рабочихъ намъ удалось передать кружку молодыхъ интеллигентовъ, которые и продолжали поддерживать съ ними связи.

Въ тѣ времена преемственность движенія сохранялась еще съ большимъ трудомъ, чѣмъ теперь. Провалъ какого-нибудь кружка обыкновенно велъ къ наступленію затишья на довольно долгое время. Недостатокъ чисто пропагандистской дѣятельности въ томъ и заключался, что члены кружковъ невольно отрывались отъ рабочей массы, не будучи связаны съ ея повседневными интересами и борьбой. Этотъ опытъ пропагандистскихъ кружковъ былъ учтенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи нашими преемниками, которые выдвинули новый лозунгъ: агитація среди массы на почвѣ ея насущныхъ экономическихъ потребностей. Новая тактика значительно расширила сферу вліянія соціалъ-демократовъ на рабочую массу, но, какъ извѣстно, расширеніе русла движенія сопровождалось нѣкоторымъ обмелѣніемъ его: политическія задачи пролетаріата были на время отодвинуты въ сторону или затушеваны. Но разсмотрѣніе этого періода выходитъ за предѣлы моего разсказа.

Мы просидѣли 17 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи (съ 28 января 1894 года до 5 іюля 1895 года). Затѣмъ мы получили приговоры, по тогдашнимъ временамъ поражавшіе своей суровостью. Трое изъ насъ были приговорены къ 10-лѣтней ссылкѣ въ Колымскъ, двое на 5 лѣтъ въ Верхоянскъ, нѣсколько человѣкъ на 1 годъ въ „Кресты“ и затѣмъ на 3 года въ Вологодскую губернію и т. д.

5-го іюля 1895 года мы подъ усиленнымъ конвоемъ были переведены изъ тюрьмы на вокзалъ для слѣдованія въ Москву. По дорогѣ, на полотнѣ желѣзной дороги, группа желѣзнодорожныхъ рабочихъ подъ предводительствомъ Филиппова (трижды арестовывавшагося и выпущеннаго въ концѣ концовъ на свободу) устроили намъ сочувственную манифестацію съ криками „ура“, маханіемъ красными платками и т. д. Эта неожиданная встрѣча съ оставшимися на волѣ единомышленниками благотворнымъ образомъ подѣйствовала на насъ; въ особенности ободрились ссылавшіеся съ нами рабочіе. Значитъ, думалось узникамъ, наша работа и жертва не пропали безслѣдно; есть еще порохъ въ пороховницахъ и еще не гнутся казацкія сабли!..

Начиналась новая полоса жизни, періодъ тюремной страды и ссылки...

Ю. Стекловъ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855 — 1881).

(Продолженіе [1]*).*

XVIII.

Развитіе реакціи послѣ каракозовскаго выстрѣла.—Реакціонныя мѣры Толстого по народному образованію.—Усиленіе губернаторской власти.—Закрытіе Петербургскаго земства и др. реакціонныя мѣры противъ земства.—Назначенія Тимашева и Палена вмѣсто Валуева и Замятнина.—Мѣры противъ печати.—Злоупотребленія бюрократіи.—Адресъ Московской городской думы съ требованіемъ свободы слова и совѣсти.—Отвѣтъ правительства.—Упадокъ общественныхъ силъ.

Прежде всего и рѣзче всего реакція выразилась въ направленіи дѣлъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Университетскій уставъ 1863 г. не былъ отмѣненъ; но въ видахъ обузданія студентовъ 26-го мая 1867 г. изданы были особыя правила, установившія своего рода «священный союзъ» начальства учебныхъ заведеній и полиціи противъ молодежи. Безпорядки въ университетахъ однако же не прекращались и весной 1869 г. вспыхнули даже съ особою силою. Въ совѣщаніи, учрежденномъ по этому поводу подъ предсѣдательствомъ неизмѣннаго Строганова, положено было принять особыя мѣры къ ограниченію наплыва въ университеты неблагонадежной молодежи. Впрочемъ, къ этой именно цѣли и безъ того съ самаго вступленія въ министерство направлены были всѣ усилія гр. Толстого. Въ этихъ видахъ въ представленной имъ программѣ обращено было особое вниманіе на преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній. Рѣшено было всѣ гимназіи преобразовать въ классическія и главными предметами обученія сдѣлать древніе языки съ полнымъ исключеніемъ естествознанія, а въ высшія учебныя заведенія допускать только юношей, окончившихъ полный курсъ классической гимназіи. Про-

[1]) См. „Минувшіе Годы“: февраль, мартъ, апрѣль, май—іюнь, августъ.

грамму реальныхъ училищъ рѣшено было преобразовать такимъ образомъ, чтобы они являлись учебными заведеніями, дающими законченное среднее образованіе, и лицъ, оканчивающихъ въ нихъ курсъ, въ высшія учебныя заведенія не допускать. Предполагалось, что восьмилѣтнее задалбливаніе латинской и греческой грамматики будетъ служить хорошимъ дисциплинирующимъ средствомъ для умовъ подростающихъ поколѣній и ограничитъ въ то же время наплывъ нежелательныхъ элементовъ въ высшія учебныя заведенія. Эта программа, прямо разсчитанная на ограниченіе распространенія просвѣщенія и имѣвшая явную тенденцію затруднить полученіе высшаго образованія людямъ недостаточнымъ, вызвала противъ себя сильныя нападенія даже въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, причемъ противъ нея представилъ весьма вѣскія соображенія самъ гр. В. Н. Панинъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ противъ нея высказалось большинство членовъ. Но утвержденіе получило мнѣніе меньшинства, и благодаря этому, всѣ подростающія поколѣнія отданы были въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій во власть дикой полицейско-классической муштры, введенной по уставу 30-го іюля 1871 года, не отмѣненнаго вполнѣ и до сихъ поръ [1]).

Толстому же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ отобранія «подъ печать и замокъ государственной власти» начальнаго образованія изъ вѣдѣнія земствъ. Съ этою цѣлью еще въ 1869 г. были введены должности инспекторовъ народныхъ училищъ, послужившихъ зародышемъ той учебно-полицейской организаціи, которая до настоящаго времени завѣдуетъ народными школами, съ полнымъ устраненіемъ земства отъ этого дѣла. Толстой же явился организаторомъ той обрусительной школьной политики въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, иниціаторомъ которой былъ Муравьевъ-Виленскій и которая—какъ, впрочемъ, и вся учебная система Толстого—внесла столько лжи и растлѣнія въ святое и чистое дѣло народнаго образованія [2]).

Наконецъ, реакціонная и обскурантная политика Толстого не осталась безъ вліянія и на дѣло распространенія только что возникавшаго въ то время женскаго образованія. Главный дѣятель этого дѣла, Н. А. Вышнеградскій, занимавшій должность начальника петербургскихъ женскихъ училищъ и открытыхъ имъ въ 1863 г. Педагогическихъ курсовъ, принужденъ былъ выйти въ отставку, несмотря на неподвѣдомственность свою министерству народнаго просвѣщенія [3]) и на личную симпатію къ его дѣятель-

---

[1]) *Татищевъ*, II, стр. 263—275. Прекрасная критика системы гр. Толстого была дана *кн. А. И. Васильчиковымъ* въ „Письмѣ министру народнаго просвѣщенія графу Толстому отъ князя Васильчикова“, напечатанномъ въ Берлинѣ въ 1875 г. Изложеніе этой статьи въ книги *Голубева* „Кн. А. И. Васильчиковъ“, срав. ст. *Стоюнина* въ „Наблюдателѣ“ № 1 за 1882 г.

[2]) Тамъ же, стр. 275.

[3]) „Спб. Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ“, стр. 14.

ности императрицы Маріи Александровны [1]). Педагогическіе курсы едва уцѣлѣли, и самъ Вышнеградскій, еще до своего ухода, вынужденъ былъ отмѣнить преподаваніе въ нихъ физіологіи и анатоміи, а взамѣнъ усилить занятіе русской грамматикой и географіей [2]).

Вновь назначенный шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, вмѣстѣ съ окончательно перешедшимъ на сторону реакціи Валуевымъ и присоединившемся къ нимъ Зеленымъ (министромъ государственныхъ имуществъ) подали вскорѣ послѣ 4 апрѣля 1866 г. особую записку о необходимости усиленія губернаторской власти. Записка эта, совершенно въ разрѣзъ съ только что проведенными преобразованіями, имѣла тенденцію сдѣлать губернатора настоящимъ «хозяиномъ» и полновластнымъ правителемъ губерніи [3]). Противъ нея представили рѣзкія возраженія Замятнинъ (министръ юстиціи) и Рейтернъ (министръ финансовъ); но по усердному настоянію Шувалова Александръ на журналѣ Комитета Министровъ положилъ резолюцію, въ которой указалъ, что всѣ свѣдѣнія, доходящія до него изъ внутреннихъ губерній, «подтверждаютъ необходимость принятія неотложно предполагаемыхъ мѣръ» [4]). Замѣчательно, что мѣры эти, несмотря на то, что онѣ имѣли совершенно законодательный характеръ, рѣшено было принять въ административномъ порядкѣ. Въ Комитетъ, въ подкрѣпленіе Шувалову и Валуеву, приглашены были кн. Долгоруковъ и гр. Муравьевъ, и 22-го іюля Александръ утвердилъ положеніе, которымъ подъ ближайшій надзоръ и контроль губернаторовъ отдавались не только всѣ бюрократическія власти въ губерніи, но и органы мѣстнаго самоуправленія. Въ числѣ пунктовъ этого распоряженія было, между прочимъ, донынѣ дѣйствующее запрещеніе принимать кого бы то ни было на службу, хотя бы по вольному найму, безъ разрѣшенія губернатора. Особымъ циркуляромъ министра юстиціи предложено было чинамъ судебнаго вѣдомства являться къ губернаторамъ по ихъ требованію и вообще оказывать имъ должное уваженіе, какъ представителямъ высшей власти въ губерніи [5]). Катковъ, который въ отношеніи судебной реформы

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

[3]) *Середонинъ*. „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“ т. III, ч. I, стр. 130.

[4]) Тамъ же, стр. 135—138.

[5]) *Середонинъ*, т. III, ч. I, стр. 141—143. У него же сообщается любопытное указаніе *Комитета Министровъ* по поводу доноса на лицъ судебнаго вѣдомства Симбирской губ. (до введенія тамъ судебной реформы) о необходимости немедленно устранять отъ должности лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности (стр. 129). Тамъ же приведенъ случай возмутительнаго произвола въ отношеніи одного мирового посредника Оренбургской губ., котораго мѣстный генералъ-губернаторъ обвинилъ въ сношеніи съ ссыльными поляками. Хотя самъ генералъ-губернаторъ призналъ, что служебная дѣятельность этого посредника имѣла „нѣкоторыя достоинства“, и даже не формулировалъ точно своего обвиненія, тѣмъ не менѣе посредникъ былъ уволенъ и высланъ изъ Оренбурга по настоянію Шувалова. Комитетъ Министровъ при этомъ

и земскихъ учрежденій продолжалъ еще въ то время высказывать либеральные взгляды, поднялъ по этому поводу весьма важный вопросъ о правѣ министра юстиціи давать циркуляръ и предписанія лицамъ судебнаго вѣдомства, и справедливо, хотя, разумѣется, безрезультатно, доказывалъ, что признаніе за министромъ такого права въ корнѣ подрываетъ независимость судебнаго персонала отъ администраціи [1]).

При такихъ мрачныхъ условіяхъ пришлось начать свою дѣятельность новымъ судамъ и земскимъ учрежденіямъ. Въ книгахъ Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ» и Невѣдѣнскаго «Катковъ и его время» разсказывается, какую борьбу велъ въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, въ союзѣ со скарятинскою «Вѣстью», противъ новыхъ судовъ. Валуеву не удалось, впрочемъ, поколебать принципъ независимости суда; но за то само министерство юстиціи на первыхъ же порахъ пошло на уловку въ отношеніи судебныхъ слѣдователей и, чтобы лишить ихъ гарантированной имъ судебными уставами несмѣняемости, стало вмѣсто настоящихъ судебныхъ слѣдователей назначать исправляющихъ должность, которыхъ оно могло смѣнять по своему произволу.

Земскія учрежденія при самомъ началѣ своей дѣятельности встрѣтили еще большія препятствія и затрудненія, причемъ реакціонныя поползновенія Валуева имѣли въ этой сферѣ гораздо больше успѣха на практикѣ, нежели въ кампаніи, предпринятой имъ противъ новыхъ судовъ. При самомъ началѣ своей дѣятельности земства были страшно стѣснены въ матеріальныхъ средствахъ. Правительство передало въ ихъ распоряженіе лишь одинъ губернскій земскій сборъ, а государственный, который въ дореформенномъ земскомъ бюджетѣ составлялъ львиную долю, оставило за собой. Когда же нѣкоторыя земства, въ видахъ усиленія своихъ средствъ, попробывали обложить промышленныя и торговыя предпріятія, то купцы подняли вопль, министерство финансовъ за нихъ заступилось и наскоро изданъ былъ въ высшей степени стѣснительный для земства законъ 21 ноября 1866 г., ограничившій, какъ извѣстно, права земства по части обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій самыми тѣсными нормами [2]).

постановилъ, въ прямое нарушеніе закона, предоставить генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ временно устранять отъ должности мировыхъ посредниковъ, обнаружившихъ политическую неблагонадежность (стр. 127—128). Незадолго передъ тѣмъ (въ 1865 году) самъ царь выразилъ—horribile dictu—самому М. Н. Муравьеву неудовольствіе за то, что въ числѣ приглашенныхъ имъ въ Западный край посредниковъ „много красныхъ“ (Татищевъ, т. 1, стр. 526).

[1]) „Моск. Вѣд.“ за 1866 г., № 240; *Невѣдѣнскій*. „Катковъ и его время“, стр. 474.

[2]) Подробная критика этого закона у *Кошелева*. „Голосъ изъ земства“, М., 1869 г., стр. 11—14. Оцѣнку финансоваго положенія земствъ при началѣ ихъ дѣятельности и критику земскаго положенія 1864 г. см. у *Головачова* „Десять лѣтъ реформъ“, стр. 184—216. Срав. также статьи по вопросу о земствѣ *И. С. Аксакова* въ V т. его сочиненій и *Скалона* „Земскіе вопросы“, а также книгу *А. Голубева*. „Князь А. И. Васильчиковъ“ Спб., 1882 г. и изданную за границей *П. Б. Струве* записку *гр. Витте*. „Самодержавіе и земство“ (стр. 73 и др.).

Эта первая новела, въ связи съ систематическимъ пренебреженіемъ къ первымъ же земскимъ ходатайствамъ со стороны Валуева, не замедлила вызвать столкновеніе земства съ бюрократіей. Это столкновеніе произошло въ петербургскомъ губернскомъ земствѣ. Еще въ первую сессію свою, въ октябрѣ 1865 г., петербургское губернское земское собраніе возбудило ходатайство о расширеніи дарованныхъ земству правъ и о созывѣ центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству [1]). При составленіи смѣты доходовъ и расходовъ на 1867 г. губернская управа не приняла во вниманіе закона 12-го ноября 1866 года относительно обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій, вслѣдствіе чего губернаторъ опротестовалъ соотвѣтствующія постановленія собранія; управа же въ докладѣ своемъ предложила не только не соглашаться съ этимъ протестомъ, но и принести жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ въ Сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 26. Собраніе приняло предложеніе управы. Этому постановленію предшествовали бурныя пренія и рѣзкія рѣчи. Валуевъ придалъ этому дѣлу характеръ чуть не революціонной попытки, и правительство неожиданно рѣшилось принять чрезвычайную мѣру. 16 января 1867 г. губернаторъ гр. Левашовъ объявилъ собранію высочайшее повелѣніе о распущеніи его, о закрытіи земскихъ учрежденій Петербургской губерніи впредь до особаго о томъ распоряженіи, о передачѣ всѣхъ суммъ и дѣлъ земства въ учрежденія, ими ранѣе завѣдывавшія, и объ устраненіи отъ должности предсѣдателя управы и увольненіи ея членовъ. Предсѣдатель управы былъ тотъ самый Н. Ф. Крузе, который уже однажды подвергся административной карѣ, въ качествѣ цензора въ 1858 г. Теперь правительство не ограничилось увольненіемъ его отъ должности, и онъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ на жительство въ Оренбургъ [2]). Въ обществѣ этимъ распоряженіемъ были шокированы самые умѣренные его элементы. Катковъ, не сочувствовавшій направленію, принятому петербургскимъ земствомъ, призналъ, однако, что происшедшій конфликтъ едва ли можно считать достаточнымъ для мѣръ столь чрезвычайнаго свойства [3]). Никитенко лѣтомъ 1867 г. записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Самые опасные внутренніе враги наши не поляки и не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ» [4]).

---

[1]) Татищевъ, II, стр. 19.

[2]) Срав. *Бурцева* „За сто лѣтъ“, ч. II, стр. 70. Вмѣстѣ съ Крузе высланъ былъ изъ Петербурга и графъ Андрей Шуваловъ, но его выслали на западъ— въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти (до 1876 г.).

[3]) *Невѣдѣнскій*, н. с., 440.

[4]) *Никитенко*, т. III, стр. 115—142. Аналогичныя столкновенія земства съ администраціей происходили и въ др. губерніяхъ, напр., въ Херсонской („Самодержавіе и Земство“, стр. 89) и въ Новгородской (книга *А. Голубева*. „Кн. А. И. Васильчиковъ“, стр. 19—31).

Петербургское земство оставалось закрытымъ лишь до лѣта 1867 г.; но мѣропріятіе Валуева противъ земства этимъ не кончилось. 13-го іюля 1867 года были опубликованы выработанныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Этимъ закономъ предсѣдателямъ даны огромныя дискреціонныя права относительно допущенія или недопущенія къ обсужденію того или иного вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ установлена значительная отвѣтственность ихъ за все допущенное ими въ собраніяхъ. «При такихъ обстоятельствахъ—писалъ въ 1868 году А. И. Кошелевъ—и предсѣдатель, и члены менѣе заняты дѣломъ, т. е. обсужденіемъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, чѣмъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы не выйти изъ предѣловъ круга своего дѣйствія» [1]). Кошелевъ указываетъ нѣсколько случаевъ недопущенія предсѣдателями къ обсужденію вопросовъ, несомнѣнно подлежащихъ вѣдѣнію земства. Онъ выражаетъ еще увѣренность, что правительство, убѣдившись въ непригодности этого закона, отмѣнитъ его и возвратитъ собраніямъ самостоятельность. Но эта надежда не осуществилась, какъ мы знаемъ, и до настоящаго времени; правительство же приняло за правило путемъ негласныхъ циркуляровъ устранять черезъ предсѣдателей тѣ или иные вопросы изъ обсужденія собраній. Того же 13 іюня 1867 г. состоялось и другое законоположеніе, запрещавшее безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства печатать состоявшіяся въ земскихъ, дворянскихъ и проч. общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и проч. Эта мѣра вызвала большое негодованіе въ средѣ земскихъ дѣятелей и въ печати [2]). Законъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что «мѣстные администраторы, обезпокоенные, раздраженные опубликованіемъ на всю Россію ихъ дѣйствій, подняли—по словамъ Кошелева—страшный шумъ, представляли собранія и даже управы чуть-чуть не гнѣздами заговорщиковъ и бунтовщиковъ и увѣряли, что при такой будто бы непомѣрной гласности нѣтъ возможности управлять губерніями» [3]). При примѣненіи этого закона не замедлило произойти нѣсколько курьезовъ. Офиціозъ Валуева «Сѣверная Почта» старался оправдать и объяснить и эти курьезы, и самый законъ; но вызвалъ въ обществѣ своими лживыми и лицемѣрными статьями только еще большее раздраженіе. Катковъ указалъ по этому поводу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что допущеніе публики въ земскія собранія при отсутствіи гласности есть едва ли не самый дурной видъ публичности, такъ какъ здѣсь создается въ такомъ случаѣ атмосфера сплетенъ и интригъ [4]). Аксаковъ въ «Москвѣ» горячо возсталъ противъ «Сѣверной Почты», доказывалъ, что безъ полной гласности не можетъ быть и само-

[1]) „Голосъ изъ земства", стр. 15.
[2]) Тамъ же, стр. 19.
[3]) Тамъ же.
[4]) *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 441.

управленія [1]). То же самое заявлялъ и Кошелевъ, прибавляя, что весьма многіе изъ землевладѣльцевъ, которыхъ особенно желательно привлекать къ земскому дѣлу, оправдываютъ свое уклоненіе отъ него тѣми стѣснительными мѣрами, которыя были приняты въ 1867 г.» [2]).

Въ 1867 г. во многихъ губерніяхъ былъ неурожай, въ результатѣ котораго, благодаря отсутствію дорогъ, а отчасти и полной перараспорядительности и равнодушію министерства внутреннихъ дѣлъ, произошелъ настоящій голодъ. Продовольственныхъ запасовъ не оказалось въ наличности, Валуевъ старался свалить всю вину на земство, дѣятельность котораго онъ самъ же парализовалъ. Въ концѣ концовъ онъ подалъ къ общему удовольствію въ отставку; но замѣненъ былъ далеко не къ лучшему извѣстнымъ генераломъ Тимашевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба Третьяго отдѣленія.

Это произошло въ мартѣ 1868 г. Правленіе Валуева продолжалось 7 лѣтъ; мрачной памяти Тимашевъ продержался на своемъ посту цѣлыхъ 10 лѣтъ (до 1878 г.). Одновременно съ этимъ министръ юстиціи Замятнинъ былъ замѣненъ—и также не къ лучшему—гр. Паленомъ, остзейскимъ феодаломъ и противникомъ суда присяжныхъ [3]).

«Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ—писалъ въ 1868 г. Катковъ—и въ

---

[1]) Сочиненія *Аксакова*, т. V, стр. 377 и 389.

[2]) „Голосъ изъ земства", стр. 22. Срав. вышеупомянутую записку гр. Витте „Самодержавіе и Земство", особенно главу „Отношеніе правительства къ земству; послѣдовательное стѣсненіе дѣятельности земскихъ учрежденій и ограниченіе ихъ компетенціи", стр. 79—92 (изданіе 2-ое). Глава эта оканчивается слѣдующимъ выводомъ: „земство пришло въ упадокъ безспорно потому, что поставлено было правительствомъ въ ненормальныя условія, но измѣнить эти условія, дать ему свободу безъ послѣдующаго измѣненія самодержавнаго строя государства было нельзя",—по утвержденію гр. Витте.

Что слова Кошелева о причинахъ уклоненія отъ земской дѣятельности были вполнѣ справедливы—видно съ особенной яркостью на примѣрѣ кн. Васильчикова, который вступилъ при открытіи земскихъ учрежденій въ земскіе гласные человѣкомъ вполнѣ зрѣлымъ (47 лѣтъ отъ роду), отдался земской дѣятельности съ полнымъ самоотверженіемъ и тѣмъ не менѣе, проработавъ въ новгородскомъ земствѣ 6 лѣтъ, призналъ при сложившихся условіяхъ не мыслимымъ продолжать эту дѣятельность и въ 1872 г. просилъ исключить его изъ числа уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ Новгородской губерніи (*Голубевъ*. „Кн. А. И. Васильчиковъ", стр. 19—31).

Здѣсь любопытно отмѣтить, что стремленіе къ мирной земской работѣ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-ыхъ годовъ охватывало не только такихъ людей старшаго поколѣнія, какъ *кн. А. И. Васильчиковъ* или *К. Д. Кавелинъ*, но и такихъ представителей молодого поколѣнія, какъ *кн. П. А. Крапоткинъ* (см. „Записки революціонера", русск. изданія 1906 г.) и какъ *А. И. Желябовъ* (см. интереснѣйшія воспоминанія *Л. С. Чудновскаго* въ „Историческомъ Сборникѣ" („Наша страна"), стр. 360. Но столкнувшись съ невозможными условіями земской дѣятельности, сложившимися на практикѣ, эти люди отказывались отъ своихъ намѣреній (какъ Крапоткинъ) и бросали начатое дѣло (какъ Желябовъ) и отдавались со свойственною имъ энергіей и страстью дѣлу революціонной пропаганды, а затѣмъ и террористической дѣятельности.

[3]) *Татищевъ*, т. II, гл. XIX.

особенности ограниченіе гласности, которое есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ и имъ пришлось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія» [1]). Голосъ земства былъ задушенъ въ самомъ началѣ и съ самаго же начала идея самоуправленія была искажена въ земскихъ учрежденіяхъ.

Не лучше было къ концу 60-хъ годовъ и положеніе повременной печати. Предостереженія и другія карательныя мѣры, предоставленныя въ распоряженіе администраціи закономъ 6 апрѣля 1865 г., примѣнялись къ органамъ печати разнаго направленія съ безпощадностью. Валуевъ съ упорствомъ маньяка преслѣдовалъ свою идею подчинить печать своему вліянію и сдѣлать ее благонамѣренной на свой образецъ [2]). Особенно терпѣли отъ него славянофилы. Извѣстно, какія мытарства претерпѣлъ въ это время И. С. Аксаковъ. Самаринъ даже сочиненія Хомякова вынужденъ былъ въ это время издавать, во избѣжаніе урѣзокъ, за границей. Тамъ же онъ сталъ печатать и предпринятую имъ серію статей подъ общимъ заглавіемъ «Окраины Россіи». Это изданіе имѣло спеціальной своей цѣлью опровергнуть тѣ невыгодныя представленія о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись недовольными остзейцами и другими врагами русскихъ порядковъ. И несмотря на это, несмотря на свои крупныя государственныя заслуги и испытанный патріотизмъ и лойяльность, Самаринъ за свое изданіе получилъ рѣзкій и обидный выговоръ отъ имени государя. На этотъ выговоръ онъ отвѣчалъ замѣчательнымъ письмомъ къ императору Александру, въ которомъ съ большой прямотой и достоинствомъ изложилъ свою политическую исповѣдь и весьма сильно обоснованный взглядъ на тѣ отношенія, какія должны, по его мнѣнію, существовать между правительствомъ и подданными въ самодержавномъ государствѣ [3]). Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело это письмо на Александра, но продолженіе предпринятаго Самаринымъ изданія послѣдовало (за границей же) только черезъ три года. Не довольствуясь обыкновенными мѣрами, предоставленными администраціи по закону 6 апрѣля, Валуевъ и Тимашевъ исхлопатывали иногда особыя повелѣнія на прекращеніе нѣкоторыхъ изданій. Такъ былъ прекращенъ Аксаковскій «Москвичъ» по докладу Валуева въ 1868 г., а затѣмъ «Москва» по представленію Тимашева, при чемъ Аксаковъ получилъ, впрочемъ, отъ Сената разрѣшеніе защищать свое дѣло: онъ даже выигралъ его въ Сенатѣ, но проигралъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1869 г., когда судъ оправдалъ извѣстнаго издателя Флор. Фед. Павленкова, привлеченнаго къ суду Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ

---

[1]) „Моск. Вѣд.“ за 1868 г., № 208. *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 442.

[2]) *Никитенко*, т. II и III, passim; *М. К. Лемке* „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.“, особенно стр. 417—426; *К. К. Арсеньевъ* „Законодательство о печати“, стр. 22—71.

[3]) Сочиненія *Самарина*, т. VIII, см. особенно стр. XIX—XX.

печати, за изданіе сочиненій Писарева, то Тимашевъ выслалъ Павленкова изъ Петербурга административнымъ порядкомъ [1]).

Изъ литераторовъ болѣе радикальнаго направленія въ это время большая часть пребывала въ ссылкѣ, или сидѣла по тюрьмамъ. Чернышевскій былъ сосланъ еще въ 1863 г., Писаревъ лишь въ 1866 былъ выпущенъ изъ крѣпости и черезъ $1^1/_2$ года утонулъ, Зайцевъ эмигрировалъ, Шелгуновъ былъ въ ссылкѣ въ Вологодской губ.; Щаповъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь. Тамъ же были Михайловъ [2]), Обручевъ [3]), Серно-Соловьевичъ [4]), Соколовъ и Лавровъ бѣжали изъ ссылки за границу; Берви (Флеровскій) сосланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Астрахань. Про это именно время Глѣбъ Успенскій писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели—ничего тогда налицо не было. Все удручало насъ и дѣлало одинокими. А между тѣмъ общество, вступавшее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы». Находя, однако же, что законъ 6 апрѣля 1865 года не даетъ достаточныхъ средствъ администраціи для обуздыванія печати, Тимашевъ выхлопоталъ учрежденіе новой комиссіи для пересмотра и переработки его съ цѣлью усиленія репрессивныхъ мѣръ. Комиссія эта была учреждена въ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря кн. Урусова [5]).

Среди этого дикаго разгула администраціи, подъ покровомъ безгласности и произвола, не замедлили получить полный ходъ и распространеніе самыя низкія и грязныя злоупотребленія. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ высшія сферы Петербурга А. И. Кошелевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1868 г. хлопотать о продажѣ Николаевской желѣзной дороги «Московскому товариществу» и прожившій въ Петербургѣ благодаря этому дѣлу цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. «Въ это время—писалъ онъ—я узналъ такія вещи, какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взяточничество, личные денежные расчеты, обходы законныхъ путей и проч. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ въ справедливѣйшемъ, въ

---

[1]) Всѣ эти факты у *Никитенка* въ т. III. Литературный процессъ Ф. Ф. Павленкова напечатанъ въ настоящее время въ дополнительномъ выпускѣ сочиненій Д. И. Писарева, появившемся въ 1907 г. (изданіе душеприказчиковъ Павленкова). Тамъ же напечатана и статья Писарева „Бѣдная русская мысль" и др. статья его, неувидѣвшая свѣта и послужившая поводомъ къ его заточенію — о „Шедо-Ферроти". Къ этому выпуску приложена также замѣчательная біографія Ф. Ф. Павленкова, роль котораго въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ борьбѣ за освобожденіе еще не оцѣнена до сихъ поръ по достоинству.

[2]) См. журналъ „Былое" за 1906 г., кн. 1, стр. 101—133.

[3]) См. журналъ „Былое" за 1906 г., кн. VII, стр. 81—107.

[4]) См. журналъ „Былое" за 1906 г., кн. X—XII. „Дѣло о лицахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами" (статьи М. К. Лемке.

[5]) О работахъ ея у *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати", стр. 72—85.

законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства властей предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ распоряжающіяся деспотически своими возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющіе обязанности любовницъ и дѣлящіе деньги со своими довѣрителями. Безнравственность, безсовѣстность и безсмысліе высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ значительныя дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь безпутства центральной нашей администраціи» [1]).

Вообще среди лицъ, окружавшихъ въ это время Александра II, среди ярыхъ реакціонеровъ и гасителей всякой независимой мысли, какъ Толстой, Тимашевъ, Шуваловъ, безпринципныхъ бездарностей въ родѣ Палена и Зеленаго, весьма сомнительныхъ дѣятелей, какъ Рейтернъ и несомнѣнныхъ расточителей государственнаго достоянія, какъ Грейгъ, оставались сравнительно свѣтлымъ исключеніемъ лишь военный министръ Д. А. Милютинъ, да государственный контролеръ В. А. Татариновъ. Но въ 1871 г. умеръ и Татариновъ, еще раньше сошелъ со сцены пораженный нервнымъ ударомъ Н. А. Милютинъ. Сотрудники Н. Милютина по крестьянской реформѣ Самаринъ и Черкасскій ушли въ частную жизнь. Главный дѣятель судебной реформы С. И. Зарудный и бывшій министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ безвозвратно впали въ немилость. Очередныя преобразованія, намѣченныя еще въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, правда, продолжали разрабатываться въ различныхъ министерскихъ коммиссіяхъ чисто бюрократическаго состава, но за то и вышли они оттуда искалѣченными или мертворожденными (кромѣ реформы воинской повинности, которая принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ преобразованій эпохи реформъ). 16-го іюня 1870 г. издано было новое городовое положеніе. Въ томъ же году поставленъ былъ на очередь податной вопросъ, предложенный на обсужденіе земствъ. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько оживило дѣятельность земствъ и привлекло къ разработкѣ важнаго податного вопроса лучшихъ людей страны; но, какъ извѣстно, выработанныя земствомъ широкія и цѣлесообразныя справедливыя демократическія начала такъ и остались подъ спудомъ. 2 ноября былъ утвержденъ замѣчательный докладъ военнаго министра о преобразованіи воинской повинности на всесословныхъ началахъ. Въ то же время патріотическія чувства россіянъ были пріятно польщены циркуляромъ канцлера Горчакова о томъ, что Россія не считаетъ болѣе себя связанною постановленіями парижскаго договора объ ограниченіи своихъ правъ на Черномъ морѣ. Пра-

---

[1]) „Записки *А. И. Кошелева*", стр. 191. Въ своихъ воспоминаніяхъ совершенно такую же характеристику Петербурга даетъ кн. *П. А. Кропоткинъ*, называя его „Петербургомъ кафе-шантановъ и танцклассовъ" (стр. 228).

вительство рѣшилось тогда на этотъ шагъ послѣ разгрома Франціи Германіей, заручившись согласіемъ Бисмарка. Это торжественное заявленіе въ связи съ проблесками преобразовательной дѣятельности правительства во многихъ возбудило надежды на поворотъ къ лучшему. Даже такой трезвый и осторожный политикъ, какъ Юрій Самаринъ, въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ выражалъ въ это время надежду на близкое осуществленіе справедливой демократической податной реформы и дарованія правительствомъ русскому народу свободы слова и свободы вѣроисповѣданій [1]). Но изъ всѣхъ представленныхъ правительству въ это время адресовъ дворянскими и земскими собраніями, думами и даже сельскими обществами эти надежды были выражены лишь въ адресѣ Московской городской думы, составленномъ кн. В. А. Черкасскимъ, который былъ въ это время московскимъ городскимъ головой, при редакціонномъ участіи И. С. Аксакова. Ю. Ф. Самаринъ, какъ онъ самъ писалъ баронессѣ Раденъ, не прежде согласился подписать этотъ адресъ, какъ увѣрившись, что гласные думы (около 150 человѣкъ), въ томъ числѣ и купцы, и мѣщане, принимаютъ его единогласно, при томъ съ полнымъ разумѣніемъ его содержанія, послѣ подробнаго обсужденія [2]). Вслѣдъ за выраженіемъ патріотической радости по случаю отмѣны унизительныхъ для Россіи статей парижскаго трактата въ адресѣ этомъ было сказано: «какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они — мы увѣрены—не застанутъ Россію неприготовленною; они несомнѣнно найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ Вашего престола.

«Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнія времена глядитъ нынѣ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанно духовное обновленіе. Каждое изъ вашихъ великихъ преобразованій, совершенныхъ, совершаемыхъ и *чаемыхъ*, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для вашего величества, источникомъ новой крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ вы, государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностью. Отъ васъ принялъ онъ даръ и въ васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ васъ однихъ ожидаетъ онъ и довершенія вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего—*простора мнѣнію и печатному слову*, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; *свободы церковной*, безъ которой не дѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, *свободы вѣрующей совѣсти*,—этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой.

«Государь! Дѣла внутреннія и внѣшнія связуются нераз-

---

[1]) Письмо отъ 17 ноября 1870 г. „*Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ*“, *стр. 152.*

[2]) Тамъ же.

рывно. Залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, сплачиваются съ нимъ его окраины и созидается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія. Подъ этимъ знаменемъ, государь, по первому вашему зову, всѣ сословія народныя соберутся и нынѣ, и уже безъ различія званій, дружною ратью, въ непоколебимой надеждѣ на милость божью, на правоту дѣла и на васъ. Довѣріе со стороны царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь царя и народа, основанная на общеніи народнаго духа, на согласіи стремленій и вѣрованій— вотъ наша сила, вотъ историческое призваніе. Да, государь, «вашей волѣ»—скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтѣ ихъ первовѣнчанному предку вашему въ 1642 году—«*вашей волѣ* готовы мы служить и достояніемъ нашимъ, и кровью, а *наша мысль* такова» [1]).

Этотъ адресъ, какъ видитъ читатель, составленъ былъ въ правовѣрно-славянофильскомъ духѣ. Можно подумать, что его писалъ самъ Константинъ Аксаковъ. О конституціи или ограниченіи самодержавія въ немъ не было и помину. Тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ очень дурно правительствомъ. Правительство желало, очевидно, *рабскаго* преклоненія, а не *честной* покорности; оно желало слышать лишь голосъ лести, а не голосъ свободнаго и независимаго мнѣнія страны. Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ возвратилъ думскій адресъ московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что онъ не нашелъ возможнымъ представить адресъ государю, а министръ императорскаго двора отозвался о немъ въ офиціальной бумагѣ, какъ о составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ» [2]). Этимъ инцидентомъ подтверждена была еще разъ неосуществимость славянофильскаго идеала и невозможность совмѣстнаго существованія свободы и самодержавія. Едва ли нужно пояснять, что хотя Тимашевъ писалъ, что не нашелъ возможнымъ представить адресъ императору, онъ дѣлалъ это, конечно, по приказанію Александра послѣ доклада ему самаго адреса [3]). Такимъ образомъ, къ началу семи-

---

[1]) „Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ“, стр. 150. Выдержка изъ этого адреса приведена и у Татищева, II, стр. 42.

[2]) *Татищевъ*, II, 43.

[3]) О толкахъ и вообще впечатлѣніи, которое адресъ возбудилъ при дворѣ, есть свѣдѣнія въ письмѣ баронессы Раденъ къ Ю. Ф. Самарину отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка“, стр. 155). Въ это самое время изъ „Вѣстника Европы“ вырѣзанъ былъ напечатанный тамъ въ приложеніи къ ст. А. Н. Пыпина Новосильцовскій проектъ конституціи 1818 г., и Тимашевъ въ разговорѣ съ Стасюлевичемъ, редакторомъ журнала, прямо сказалъ ему, что проектъ этотъ не

десятыхъ годовъ, несмотря на продолжавшіяся по инерціи преобразованія, всякое либеральное движеніе въ обществѣ было совершенно задавлено. Люди, воодушевленные когда-то освободительными идеями начала царствованія, мечтавшіе о свѣтломъ будущемъ своего отечества и о свободной, широкой общественной дѣятельности, теперь на все махнули рукой, ушли въ частную, домашнюю жизнь и уклонялись даже отъ участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ виду того жалкаго, зависимаго положенія, въ которое были поставлены стараніями Валуева и Тимашева вновь созданныя земскія и городскія учрежденія. Занимаясь хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, терпя неизбѣжные въ такое переходное время убытки, раздражаясь повседневными столкновеніями съ крестьянами, многіе помѣщики, недавно либеральные и, повидимому, гуманно настроенные, превращались мало-по-малу въ озлобленныхъ консерваторовъ и настоящихъ кулаковъ. Другіе просто обростали мхомъ въ своихъ берлогахъ. Третьи разорялись и поступали на государственную службу, превращаясь въ чиновниковъ. Наиболѣе предпріимчивые пристраивались къ желѣзнодорожному строительству, занимаясь всякими не въ мѣру развившимися въ это глухое время спекуляціями и биржевой игрой [1]).

Только въ Тверской губерніи сохранилась и устояла на своемъ посту и въ эти трудные годы сплоченная группа земскихъ дѣятелей, сумѣвшая, несмотря на всѣ стѣсненія правительства и на жестокую борьбу мѣстныхъ крѣпостниковъ, сберечь и развить завѣты и идеалы шестидесятыхъ годовъ. Группа эта, во главѣ которой стояли братья Бакунины и А. А. Головачевъ, успѣла воспитать себѣ надежныхъ наслѣдниковъ и продолжателей въ святомъ народномъ дѣлѣ, которому она служила. Демократическіе и либеральные принципы тверского земства правительству такъ и не удалось побороть, и впослѣдствіи эти принципы перекинулись въ Черниговскую и др. губерніи и дали пышный цвѣтъ и обильный плодъ въ исторіи русскаго земства и русскаго освободительнаго движенія. Но эта исторія еще ждетъ своего изслѣдователя; въ началѣ же семидесятыхъ годовъ за исключеніемъ Тверской губерніи въ остальныхъ земствахъ лишь отдѣльныя личности изъ числа передовыхъ земцевъ усидѣли на своихъ мѣстахъ.

былъ бы вырѣзанъ, если бы въ это время москвичи не представили свой адресъ (!). *Никитенко*, т. III, 252.

[1]) Эти типы помѣщиковъ и отставныхъ либераловъ представлены и въ романахъ того времени: въ „Трудномъ времени“ *Слѣпцова*, въ „Дымѣ“ *Тургенева* и проч.

XIX.

Нарожденіе народничества. — Новые журналы. — „Историческія письма" Миртова (П. Л. Лаврова).—Программа Бакунина.—Нечаевъ.

Зато болѣе демократическіе слои общества изъ разночинцевъ и «кающихся дворянъ», и въ особенности учащаяся молодежь, не могли примириться съ наступившей реакціей и съ крушеніемъ всѣхъ идеаловъ, созданныхъ проснувшеюся жизнью и литературой шестидесятыхъ годовъ. На молодежи наступившая реакція отзывалась особенно тяжело и рѣзко. Молодежь не могла забыть того почетнаго и выдающагося положенія передовыхъ представителей и чуть не учителей общества, которое создано было для нея незадолго передъ тѣмъ Писаревымъ, Зайцевымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и вообще общественнымъ и литературнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Теперь же Толстой съ преднамѣренною жестокостью вводилъ свой грубый репрессивный режимъ, въ высшей степени безтактный и оскорбительный для молодежи. Волненія не только не прекращались, но разростались, правительство не уступало, исключало студентовъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній массами и разсылало исключенныхъ административнымъ порядкомъ по разнымъ городамъ и весямъ Россійской имперіи. Исключаемые студенты являлись домой или въ мѣста высылки часто озлобленные до послѣдней степени и тотчасъ приступали къ антиправительственной пропагандѣ среди общества и въ особенности среди младшихъ своихъ сестеръ и братьевъ, среди гимназистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ, среди семинаристовъ и даже воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Они вели свою пропаганду вооруженные той нигилистической литературой шестидесятыхъ годовъ, которую дали имъ ихъ учителя: Писаревъ, Зайцевъ, Шелгуновъ, Добролюбовъ и Чернышевскій... [1]) Такимъ образомъ само правительство какъ будто нарочно заботилось создать своими мѣрами обширные кадры революціонныхъ дѣятелей, непрестанно пополнявшіеся. Не доставало только опредѣленной, окончательно сформированной программы, которая объединила бы и направила къ одной ясно сознанной цѣли эти революціонно настроенныя массы выбитой изъ колеи молодежи.

---

[1]) Срав. любопытныя свѣдѣнія объ этой пропагандѣ, сообщаемыя баронессой Раденъ Ю. Ф. Самарину въ письмѣ отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка", стр. 155). Тамъ же и о мрачномъ настроеніи, которое эти свѣдѣнія вызывали въ императорѣ Александрѣ.

Движеніе молодежи конца шестидесятыхъ годовъ въ настоящее время прекрасно освѣщено и изложено въ интересной статьѣ г. *Сватикова*, напечатанной въ „Историческомъ сборникѣ" („Наша Страна"), стр. 165 и слѣд. Много данныхъ также въ указанныхъ выше воспоминаніяхъ *С. Л. Чудновскаго*.

Впрочемъ, такая программа или, по крайней мѣрѣ, ея элементы уже давно носились въ воздухѣ. Интересы народа, то неприглядное положеніе, въ которомъ онъ находился по выходѣ изъ крѣпостного состоянія, и которое яркими красками было описано беллетристами-народниками, начиная съ Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Левитова и Наумова, сильно привлекало къ себѣ вниманіе общества въ шестидесятыхъ годахъ и будило совѣсть, ставя передъ людьми чуткими и, въ особенности, передъ молодежью вопросъ «объ уплатѣ долга народу». Роль беллетристовъ-народниковъ въ направленіи нашего общественнаго движенія еще и до настоящаго времени не достаточно выяснена, а нѣкоторымъ изъ нихъ и до сихъ поръ не отдано даже простой справедливости. Такъ, извѣстный нашъ критикъ г. Скабичевскій—самъ по направленію народникъ—представляетъ намъ въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы» Николая Успенскаго какимъ-то собирателемъ пошлыхъ анекдотовъ изъ крестьянской жизни; на самомъ же дѣлѣ Николаю Успенскому принадлежитъ заслуга перваго писателя, рѣшившагося безъ прикрасъ, съ полной истиной представить то ужасное положеніе, въ которомъ находился народъ по выходѣ изъ крѣпостного положенія. Его живые и талантливые очерки взывали прямо къ совѣсти образованнаго русскаго общества. Они ставили передъ этимъ обществомъ огромную тяжелую задачу поправить то вѣками накопленное зло, которое было исторіей причинено народу, просвѣтить мужика, воскресить въ немъ человѣка. Недаромъ Чернышевскій назвалъ свою статью о Николаѣ Успенскомъ «Не начало ли перемѣны?» Можно сказать, однако, что и Чернышевскій не успѣлъ сдѣлать изъ сочиненій Успенскаго всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ критика могла и должна была сдѣлать. Вслѣдъ за Николаемъ Успенскимъ дружно выступила цѣлая фаланга молодыхъ беллетристовъ-народниковъ. Это все были люди, близко видѣвшіе народъ и сами своею горемычною жизнью не мало хлебнувшіе того горя, которое вѣками сосало народъ. Въ живыхъ картинахъ, густыми и мрачными красками рисовали они именно темныя стороны народной жизни, и люди, сколько-нибудь чуткіе, не могли не сознать, что съ этимъ зломъ мириться нельзя, и что на нихъ лежитъ тяжкій и вмѣстѣ святой долгъ устранить это зло, залѣчить эти язвы какъ можно скорѣе и вывести народъ на свѣтлую и широкую дорогу. Что касается собственно молодежи, то еще Герценъ писалъ послѣ перваго же университетскаго разгрома въ самомъ концѣ 1861 года: «Ну, куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ: куда?—Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать — со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! къ народу!*—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не

подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!» [1])

Къ концу шестидесятыхъ годовъ этотъ пароль: *«въ народъ»* подхватила, развила и обосновала и радикальная пресса того времени. Разстроенная и разбитая въ періодъ 1863—1866 годовъ, она медленно и съ большими препятствіями, но все же начала собираться послѣ 1866 года. Прежде другихъ Благосвѣтловское «Дѣло» замѣнило уже въ 1867 году закрытое «Русское Слово»; оно не могло, правда, возстановить и поддержать вполнѣ прежнихъ принциповъ, такъ какъ въ томъ же году изъ него вышелъ, послѣ ссоры съ Благосвѣтловымъ, Писаревъ, а вслѣдъ за нимъ и Зайцевъ, но все же прежнее направленіе, хотя и съ меньшимъ блескомъ, поддерживалось Н. В. Шелгуновымъ [2]). Въ 1868 г. Некрасовъ арендовалъ у Краевскаго «Отечественныя Записки». При этомъ въ составѣ прежней редакціи «Современника» произошелъ расколъ. Въ «Отечественныя Записки» Некрасова вступили съ самаго же начала два столпа «Современника»: Елисѣевъ и Салтыковъ. Съ Антоновичемъ и Жуковскимъ произошла ссора, поведшая вскорѣ къ нападкамъ ихъ на Некрасова и Елисѣева. А. Н. Пыпинъ еще раньше примкнулъ къ новому журналу, основанному въ 1866 г. М. М. Стасюлевичемъ, «Вѣстнику Европы». Пошатнувшаяся репутація Некрасова, вслѣдствіе печальныхъ компромиссовъ и реверансовъ его передъ властями предержащими въ 1865 и 1866 годахъ, отталкивала многихъ отъ новой редакціи гораздо больше, нежели мнимый союзъ Некрасова съ Краевскимъ [3]). Достаточно вспомнить, съ какими опасеніями и неохотой вступилъ въ 1868 г. въ «Отечественныя Записки» Н. К. Михайловскій, прекрасно освѣтившій въ своихъ воспоминаніяхъ тогдашнее положеніе этой новой редакціи [4]). Однако, въ томъ же году къ «Отечественнымъ Запискамъ» присоединились: Писаревъ, Глѣбъ Успенскій, Курочкинъ, Демертъ, Скабичевскій и др., и журналъ не замедлилъ принять опредѣленный демократическій и радикальный оттѣнокъ, который упрочился и сохранился въ немъ до конца его существованія.

Пока прежнія редакціи «Современника» и «Русскаго Слова» возстановлялись съ такимъ трудомъ послѣ краха 1866 г., въ томъ же году открылся новый источникъ руководящихъ идей — «Недѣля». Во главѣ этого журнала офиціально сталъ д-ръ Конради, а фактически его жена, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ

---

[1]) „Колоколъ“ за 1861 г. отъ 11 ноября, № 110.

[2]) См. „Воспоминанія“ *Шелгунова*, сочиненія, т. II, стр. 736 и слѣд. и въ „Переходныхъ характерахъ“, стр. 784 и слѣд.

[3]) Объ этомъ см. брошюру „Матеріалы для характеристики современной русской литературы“, изд. въ 1869 г. Антоновичемъ и Жуковскимъ; „Литературныя воспоминанія“ *Н. К. Михайловскаго* (т. I), тамъ же воспоминанія объ Елисѣевѣ и „Воспоминанія“ *М. А. Антоновича* въ „Журналѣ для всѣхъ“ за 1903 г., № 2.

[4]) „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 46 и слѣд.

передовыхъ женщинъ, Евг. Ив. Конради. Хотя вначалѣ «Недѣля» выставила очень скромную программу и заявила даже, что, считая своей главной обязанностью отзываться на назрѣвшія потребности дѣйствительной жизни, она будетъ избѣгать громкихъ фразъ и тенденціонныхъ выходокъ и «не желаетъ принадлежать ни къ какой крайней партіи», однако же сдѣлано было это заявленіе, повидимому, главнымъ образомъ для отвода глазъ властямъ придержащимъ, такъ какъ въ руководительствѣ журнала съ самаго же начала принималъ участіе такой радикалъ, какъ П. Л. Лавровъ, и уже 1868 г. въ «Недѣлѣ» появляются знаменитыя «Историческія письма» Миртова, написанныя тѣмъ же П. Л. Лавровымъ, сосланнымъ въ это время въ Вологодскую губернію [1]).

Въ 60-е годы съ легкой руки писателей «Русскаго Слова» главными (и даже единственными истинными) освободителями человѣческой мысли считались матеріалисты. Поэтому и обратно— по весьма понятному недоразумѣнію—всякій борецъ противъ схоластики и мистицизма считался многими, даже образованными людьми, за матеріалиста. На этомъ основаніи и Лаврова многіе считали матеріалистомъ. Неправильность такого мнѣнія о Лавровѣ была уже указана однимъ изъ его учениковъ, В. В. Лесевичемъ [2]).

Хотя съ начала 60-хъ годовъ Лавровъ считался многими однимъ изъ опаснѣйшихъ нигилистовъ, но въ сущности его философскія лекціи, изложенныя всегда очень отвлеченно и притомъ тяжелымъ языкомъ, не могли имѣть большого вліянія рядомъ съ блестящими, увлекательными и легкими статьями Писарева, Соколова и Зайцева. Но свои политическіе взгляды Лавровъ изложилъ въ «Историческихъ письмахъ» съ гораздо большею ясностью и простотой и, такъ какъ эти взгляды вполнѣ гармонировали съ настроеніемъ учащейся молодежи конца 60-хъ годовъ, то они и послужили для нея надолго своего рода маякомъ.

Писаревъ и другіе писатели «Русскаго Слова» ставили своей задачей освобождать умы своихъ читателей отъ предразсудковъ и убѣжденій, привитыхъ средой; они не давали опредѣленной программы общественной дѣятельности и не указывали опредѣленнаго идеала общественнаго строя, во имя котораго можно было бы начать борьбу съ существующимъ государственнымъ строемъ. Между тѣмъ настроеніе молодежи, изгоняемой изъ университетовъ и оскорбляемой въ лучшихъ своихъ чувствахъ, было въ то время таково, что требовало борьбы уже не съ предразсудками, не съ вѣрованіями, не съ мистицизмомъ, а съ самимъ

[1]) Срав. воспоминанія *В. В. Стасова*. „Надежда Васильевна Стасова", стр. 164 и слѣд. Въ 1868 г. въ „Недѣлѣ" участвовалъ и Н. К. Михайловскій. Изъ беллетристовъ въ ней помѣщали свои произведенія: Рѣшетниковъ, Левитовъ и Глѣбъ Успенскій. Тутъ же помѣщались „Очерки изъ исторіи рабочаго сословія во Франціи" А. Михайлова (Шеллера).

[2]) „На славномъ посту", „Страничка изъ воспоминаній", стр. 153—156.

правительствомъ, съ государственной властью. Чѣмъ сильнѣе были притѣсненія со стороны этой послѣдней, тѣмъ рѣзче сказывалась потребность протеста и борьбы. Миртовъ далъ формулу, во имя которой эта борьба могла быть обоснована и предпринята; притомъ его формула вполнѣ соотвѣтствовала тому общественному настроенію, которое, образовавшись подъ вліяніемъ крестьянской реформы, росло и развивалось съ тѣхъ поръ въ захватывающихъ душу произведеніяхъ беллетристовъ-народниковъ.

«*Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости* — вотъ краткая формула, обнимающая, по словамъ Миртова, все, что можно считать прогрессомъ» [1]).

Исходя изъ этой формулы, Миртовъ указывалъ и условія, при которыхъ все это можетъ быть достигнуто и отсюда выводилъ и общественныя обязанности каждой критически мыслящей личности. На роль такой личности въ исторіи онъ смотрѣлъ, какъ на обязательную для нея уплату цѣны прогресса. «Всякое цивилизованное меньшинство — писалъ Миртовъ,—которое не хотѣло быть цивилизующимъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, если бы не ограничилось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея двигателя» [2]).

«Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости», какъ цѣль человѣческой дѣятельности и обязательность стремленія къ достиженію этой цѣли, давали молодежи то обоснованіе ея поведенія, котораго Писаревъ не давалъ. Въ первую часть своей формулы Миртовъ включилъ полностью идеалъ Писарева и другихъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ; но во второй ея части онъ прибавилъ огромную поправку къ этому идеалу—ту самую поправку, которая могла удовлетворить встревоженную совѣсть тогдашняго «молодого поколѣнія».

Позднѣе соціологическое ученіе Н. К. Михайловскаго осуществило эту задачу съ гораздо большимъ блескомъ и силой, но Миртовъ былъ первый изъ русскихъ мыслителей-публицистовъ, давшій молодежи ту самую формулу, въ которой она нуждалась, чтобы разобраться въ доставшихся ей въ наслѣдство принципахъ шестидесятыхъ годовъ и умѣть вынести изъ нихъ извѣстную руководящую программу практической дѣятельности. Въ 1870 г. «Историческія письма» Миртова вышли отдѣльнымъ изданіемъ, и Н. В. Шелгуновъ, критиковавшій ихъ тогда въ «Дѣлѣ» со старой Писаревской точки зрѣнія, несмотря на несогласіе со многими взглядами Миртова, горячо рекомендовалъ публикѣ его книгу, прямо указавъ на нее, какъ на выдающееся явленіе, какого давно не было въ нашей литературѣ [3]).

---

[1]) «Историческія письма», 2-е изд. „Русскаго Богатства“ 1906 г., 51 стр.
[2]) Тамъ же, стр 90.
[3]) „Историческая сила критической личности“, Сочиненія, т. II, стр. 338.

Програмна, изложенная Миртовымъ въ «Историческихъ письмахъ», отнюдь не была программой спеціально революціонной. Она давала огромный просторъ для выбора способовъ и путей для дѣятельности и борьбы; она могла поэтому удовлетворить широкіе круги идейно настроенной молодежи. Подъ рубрики этой формулы удобно подводились и самыя крайнія революціонныя программы, и мирныя программы народниковъ-культуртрегеровъ, которые главнымъ образомъ и объединялись въ то время подъ знаменемъ «Недѣли».

Болѣе опредѣленная и уже чисто революціонная программа была выставлена въ это время заграничными русскими эмигрантами: *М. А. Бакунинымъ*, главой анархической фракціи интернаціональнаго союза рабочихъ, и присоединившимся къ нему *Ник. Ив. Жуковскимъ*, который предпринялъ въ 1868 г. изданіе журнала «Народное Дѣло». Въ № 1 этого журнала выставлена была программа глубоко революціонная по своимъ цѣлямъ, хотя и не дававшая вполнѣ точныхъ указаній относительно путей ея осуществленія. Первый пунктъ этой программы вполнѣ соотвѣтствовалъ первой части Лавровской формулы, требовавшей всесторонняго развитія личности; но онъ ставилъ уже точки надъ і и указывалъ, что умственное освобожденіе можетъ быть достигнуто только путемъ атеизма и матеріализма. Что же касается воплощенія въ общественныя формы истины и справедливости, то подъ нимъ разумѣлось уже опредѣленное соціально-экономическое освобожденіе народа и полное разрушеніе государства съ упраздненіемъ всякихъ властей. Соціально-экономическое освобожденіе должно было выразиться: въ упраздненіи всякой *наслѣдственной* собственности, въ передачѣ земли—общинамъ земледѣльцевъ, а фабрикъ, капиталовъ и прочихъ орудій производства—рабочимъ ассоціаціямъ; въ уравненіи правъ женщинъ съ мужчинами и упраздненіи брака и семьи, и, наконецъ, въ общественномъ воспитаніи дѣтей [1]). Это была чисто анархическая программа, хотя приверженцы ея могли быть по способамъ своей дѣятельности, какъ показали послѣдствія, и не разрушителями, а вполнѣ мирными пропагандистами, напоминавшими «времена апостольскія» и вызывавшими, какъ, напримѣръ, Бардина и другія участницы процесса 50-ти, умиленіе даже среди буржуазной и чиновничьей публики, присутствовавшей на судѣ [2]). Позднѣе Бакунинъ стремился доказать, что осуществленіе этой программы возможно лишь при помощи системы народныхъ бунтовъ съ активнымъ и непосредственнымъ участіемъ въ нихъ интеллигентныхъ революціо-

---

[1]) У *Бурцева* „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 87—89. Сравни указанную выше статью *г. Сватикова* „Студенческое движеніе 1869 г.“ въ „Историческомъ Сборникѣ“, стр. 184, 185, а также біографію М. А. Бакунина, написанную М. П. Драгомановымъ и напечатанную имъ въ женевскомъ изданіи писемъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“, стр. XCIV—XCV.

[2]) Изъ статьи *Степняка* (С. М. Кравчинскаго), тамъ же, стр. 124.

неровъ; но съ этимъ соглашались далеко на всѣ анархисты-народники [1]).

Рѣзко революціонную программу по самому *способу* ея осуществленія выставилъ въ 1869 г. отдѣлившійся отъ Бакунина молодой революціонеръ Нечаевъ, основатель общества «Народной Расправы». Къ самому Бакунину Нечаевъ относился свысока. «Бакунинъ правъ—писалъ онъ,—что молодежи надо бросать университеты, академіи и проч. и итти въ народъ; но для чего?» Бакунинъ этого, будто бы, не говорилъ. Нечаевъ же говорилъ прямо—для разрушенія, для одного только разрушенія всего существующаго политическаго, соціальнаго и семейнаго строя. Постройка вновь—задача будущихъ поколѣній. Дѣло Каракозова въ глазахъ Нечаева только прологъ. Полное разрушеніе послѣдуетъ за всеобщимъ возстаніемъ; пока же Нечаевъ предлагалъ начать «устранять препятствія» въ лицѣ 1. тѣхъ, кто занимаетъ высшія должности и особенно усердно выполняетъ свои обязанности; 2. тѣхъ, кто владѣетъ капиталами и не хочетъ отдать своихъ средствъ добровольно на общее дѣло и 3. тѣхъ, кто разсуждаютъ и пишутъ по найму и ожидаютъ разныхъ подачекъ отъ правительства. Въ эту послѣднюю категорію были зачислены не только такіе публицисты, какъ Катковъ и Скарятинъ, но и Ламанскій и Погодинъ, и Краевскій, и даже А. Д. Градовскій. Только самого Александра II, по плану Нечаева, не слѣдовало убивать, потому что ему онъ хотѣлъ приготовить казнь помучительнѣе—всенародную: «Мы убережемъ *его*—писалъ Нечаевъ въ звѣрской своей прокламаціи—для казни мучительной, торжественной передъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства» [2]). Напечатавъ эту программу, Нечаевъ поѣхалъ въ 1869 г. въ Россію, гдѣ сорганизовалъ нѣсколько кружковъ (пятерокъ) разныхъ степеней, съ безусловнымъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ низшихъ высшимъ, причемъ каждый такой кружокъ долженъ былъ знать только одного члена выше стоящаго кружка. Себя Нечаевъ выдавалъ за посредника между системой образованныхъ имъ кружковъ и «центральнымъ комитетомъ», котораго на дѣлѣ не существовало. Основанный имъ «главный московскій кружокъ» состоялъ изъ пяти молодыхъ людей: Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова и Иванова. Вскорѣ (осенью 1869 г.) Нечаевъ велѣлъ этому кружку убить своего сочлена Иванова, подозрѣвавшагося въ отступничествѣ. Этотъ приказъ Нечаева былъ выполненъ безпрекословно.

Очевидно, что политическій авантюристъ съ пріемами шар-

---

[1]) Тамъ же, стр. 99—105.

[2]) „Народная Расправа" (1869—1871). Отрывки изъ нея приведены у *Бурцева*, ч. I, стр. 90—97. О Нечаевѣ были напечатаны въ журналѣ „Былое" за 1906 г. (VII) воспоминанія г. Ралли, (и тамъ же двѣ другія статьи о немъ). Много данныхъ о Нечаевѣ собрано въ обстоятельной статьѣ г. Сватикова („Историч. Сборникъ", стр. 185 и слѣд.) Оба автора пытаются оттѣнить возможно рельефнѣе цѣнныя боевыя качества Нечаева, какъ неукротимаго революціонера.

латана и инстинктами настоящаго злодѣя, подобный Нечаеву, могъ имѣть успѣхъ лишь среди самой зеленой молодежи или людей совершенно безвольныхъ. Лишь полное отсутствіе свободы печати и то состояніе террора, въ которое наше правительство ввергло все русское общество послѣ 1866 года, да крайнее озлобленіе молодежи, тѣснимой и оскорбляемой мѣропріятіями Толстого, могли создать для Нечаева почву, на которой онъ могъ уловлять въ свои сѣти неопытныхъ юношей и безвольныхъ людей. Слѣдуетъ однако же констатировать, что жатва его была сравнительно очень обильна, если принять въ расчетъ краткость времени, въ теченіе котораго онъ дѣйствовалъ. По процессу нечаевцевъ судилось 87 лицъ, изъ которыхъ 4 были приговорены въ каторгу, 2 на житье въ Сибирь и 27 къ тюремному заключенію на разные сроки. Остальные были по суду оправданы, но многіе изъ нихъ тотчасъ же были отправлены въ ссылку административнымъ порядкомъ [1]). Нечаевъ и его принципы, обнаруженные на судѣ, оказали плохую услугу дѣлу русскихъ революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что многіе склонны были принять Нечаева за нормальное выраженіе революціонныхъ идей. Такую именно мысль проводилъ въ своемъ извѣстномъ романѣ-памфлетѣ «Бѣсы» старый петрашевецъ Ф. М. Достоевскій. Но Достоевскій встрѣтилъ себѣ рѣзкій отпоръ въ даровитомъ молодомъ критикѣ «Отечественныхъ Записокъ» Н. К. Михайловскомъ, который, нисколько не пытаясь обѣлить нечаевщины, рѣзко протестовалъ противъ смѣшеній съ ней въ одну кучу честныхъ революціонныхъ идей и стремленій [2]). Противъ нечаевщины же поднялось рѣзкое движеніе въ средѣ самой революціонной и народнической молодежи. Кн. Кропоткинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что кружокъ «чайковцевъ», имѣвшій такое выдающееся значеніе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, «возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности» [3]).

XX.

Возникновеніе народническихъ кружковъ и первоначальное мирное ихъ направленіе.—Кружокъ чайковцевъ.—Кружокъ долгушинцевъ.—Журналъ Лаврова „Впередъ".—Движеніе въ народъ.—Арестъ пропагандистовъ.— Записка гр. Палена.

Вотъ какъ описываетъ Кропоткинъ возникновеніе кружка чайковцевъ и многихъ другихъ подобныхъ кружковъ. «Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, эконо-

---

[1]) *Бурцевъ*, ч. II, стр. 78 и *Базилевскій* „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.", стр. 289 и слѣд.

[2]) Сочиненія *Н. К Михайловскаго*, т. II, стр. 271 и слѣд., изд. 1888 г.

[3]) *Кропоткинъ* „Записки", стр. 288, (заграничное изданіе).

мистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было—разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ молодежью: *какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу?* И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: *нужно итти въ народъ и жить его жизнью.* Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты и въ то же время узнать у самого народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни» [1]).

Таково было настроеніе молодежи, по воспоминаніямъ Кропоткина, въ 1872 г. Конечно, при ретроспективномъ взглядѣ, брошенномъ имъ на то время черезъ 30 лѣтъ полной захватывающихъ впечатлѣній и интересовъ жизни, многое, можетъ быть, стерлось и обобщилось, пропали частности, которыя разнообразили эту картину. Изъ другихъ воспоминаній и документовъ мы знаемъ, что многіе вступали въ подобные кружки уже съ рѣзкимъ революціоннымъ настроеніемъ, а нѣкоторые даже съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Таково было настроеніе многихъ бывшихъ студентовъ, исключенныхъ изъ университета въ 1869 г. и высланныхъ изъ Петербурга, таково было міросозерцаніе нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, распропагандированныхъ еще въ училищѣ [2]). Но эти оговорки отнюдь не могутъ опровергнуть вѣрности общаго впечатлѣнія, сохранившагося въ воспоминаніяхъ Кропоткина. Это общее впечатлѣніе Кропоткина находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ политическихъ процессовъ 70-хъ годовъ,—напримѣръ, въ замѣчательной по своей глубокой искренности и правдивости рѣчи С. И. Бардиной [3]),—и особенно въ тѣхъ нападкахъ на мирныхъ народниковъ, съ которыми обрушился на нихъ Бакунинъ въ 1873 г. [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 285 и слѣд.

[2]) Ср., напримѣръ, воспоминанія Л. Э. *Шишко* о чайковцахъ и о С. М. Кравчинскомъ.

[3]) У *Бурцева*, ч. I, стр. 124—127 и у *Базилевскаго* „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“, стр. 402.

[4]) *Бурцевъ*, н. с., стр. 99 и слѣд. Въ настоящее время племянникъ М. А. Бакунина, А. И. Бакунинъ (б. депутатъ II Гос. Думы), сдѣлалъ попытку издать сочиненія М. А. Бакунина въ Россіи; онъ издалъ два тома (изд. Балашова), но оба тотчасъ же были конфискованы. Во II изъ нихъ напечатано основное сочиненіе Бакунина той эпохи: „Государственность и анархія“. Къ сожалѣнію, редакція этого изданія не вполнѣ удовлетворительна: нѣтъ ни плана въ

«Я, господа, — говорила, между прочимъ, своимъ судьямъ С. И. Бардина,—принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко...» «...Обвиненіе называетъ насъ—говорила она же—политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе не стремимся...» [1]).

Въ 1872—1873 гг. многіе изъ народниковъ вѣрили еще въ возможность и продуктивность не только мирной дѣятельности въ деревнѣ въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ и проч., но даже и земская дѣятельность многими изъ нихъ не отвергалась вначалѣ. Кропоткинъ упоминаетъ о цѣлой группѣ молодежи, стремившейся на земскую службу. Надежды эти разсѣялись, впрочемъ, по его выраженію, какъ туманъ, при первомъ столкновеніи съ государственной машиной. Но даже самъ онъ, когда получилъ по наслѣдству отъ отца (въ 1871 г.) тамбовское помѣстье, «нѣкоторое время думалъ поселиться тамъ и посвятить всю энергію земской службѣ». Его звали на это нѣкоторые изъ мѣстныхъ крестьянъ и бѣдныхъ священниковъ; но, приглядѣвшись къ тогдашней дѣйствительности, онъ счелъ за лучшее отказаться отъ этихъ плановъ [2]). Первыя предпріятія чайковцевъ и другихъ примыкавшихъ къ нимъ кружковъ не имѣли строго революціоннаго характера. Прежде всего они занялись широкой разсылкой книгъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занималъ только что вышедшій тогда «Капиталъ» К. Маркса и и сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, «Историческія письма» Миртова, «Положеніе рабочаго класса» Флеровскаго и нѣкоторыя переводныя сочиненія такого же направленія. Кружокъ пытался и самъ издавать на свой счетъ нѣкоторыя сочиненія; такъ онъ выпустилъ вторымъ изданіемъ упомянутую книгу Флеровскаго (Берви) и «Историческія письма» Миртова, а

расположеніи статей, ни критической провѣрки текста, ни какихъ-либо объяснительныхъ примѣчаній. Между тѣмъ для изученія развитія Бакунинскихъ идей и его дѣятельности все это совершенно необходимо.

[1]) *Бурцевъ*, н. с., стр. 127 и *Базилевскій*, н. с., стр. 405.

[2]) „Записки“, стр. 293—295.

также издалъ впервые «Азбуку соціальныхъ наукъ» того же Флеровскаго. Но изданныя имъ книги почти всѣ были задержаны цензурой и сожжены [1]). Первымъ революціоннымъ предпріятіемъ чайковцевъ была пропаганда соціалистическихъ, или, точнѣе говоря, анархистскихъ идей среди петербургскихъ рабочихъ. Въ кружкѣ чайковцевъ наиболѣе вліятельнымъ провозвѣстникомъ анархистскихъ идей явился Кропоткинъ, который съѣздилъ въ 1872 г. за границу, гдѣ въ это время развивалъ свою дѣятельность знаменитый Интернаціональный союзъ рабочихъ, созданный Марксомъ. Кропоткинъ внимательно присматривался къ европейскимъ рабочимъ организаціямъ и вернулся оттуда убѣжденнымъ «бакунистомъ», т. е. анархистомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, какъ онъ разочаровался въ «марксистахъ», отъ которыхъ его оттолкнули политическіе компромиссы, необходимые для партіи, стремящейся осуществить свои цѣли путемъ парламентской борьбы и признающей необходимость государства [2]).

Чайковцы, среди которыхъ были люди съ очень различными политическими взглядами, а въ 1872 году преобладали конституціоналисты, вскорѣ восприняли бакунинскія идеи, привезенныя изъ-за границы Кропоткинымъ вмѣстѣ съ изряднымъ запасомъ соотвѣтствующей литературы. Этотъ запасъ дѣятельно пополнялся при помощи контрабандистовъ, а вскорѣ чайковцы рѣшили печатать для популяризаціи и пропаганды анархистскихъ идей среди народа такія же книжки въ Россіи, для чего привезли изъ-за границы типографскій станокъ. Изъ нелегальныхъ брошюръ, изданныхъ въ это время, т. е. въ 1873—1874 годахъ, чайковцами и примыкавшими къ нимъ кружками, образовалась цѣлая литература [3]). Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ велась очень энергично, успѣшно и смѣло; но вскорѣ послѣдовалъ крахъ вслѣдствіе предательства двухъ рабочихъ и одного бывшаго студента (Низовкина). Еще ранѣе, нежели этотъ крахъ случился, среди чайковцевъ и другихъ кружковъ начало образовываться убѣжденіе, что пропаганда среди рабочихъ не можетъ привести къ массовому народному движенію. Въ то же время Бакунинъ поднялъ свой голосъ противъ дѣятельности мирныхъ народниковъ-культуртрегеровъ и указывалъ, что одни только бунты, приведенные въ систему революціонерами, могутъ двинуть народное дѣло [4])... Въ томъ же смыслѣ высказывался московскій кружокъ Долгушина и Дмоховскаго въ своихъ изданіяхъ.

---

[1]) *Л. Э. Шишко.* „С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ", стр. 17. Ср. списокъ сожженныхъ и запрещенныхъ въ то время книгъ въ первой книжкѣ „Освобожденія" за 1903 г. и у *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати", стр. 97, въ статьѣ В. Я. Богучарскаго въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза „Цензурныя взысканія" и въ его же книгѣ „Изъ прошлаго русскаго общества" (статья „Изъ исторіи русской журналистики" стр. 401—406).

[2]) „Записки", стр. 252—276.

[3]) Перечень ея имѣется у Л. Э. Шишко, н. с., стр. 26—27.

[4]) *Бурцевъ*, н. с., ч. I, стр. 99 и слѣд. Срав. упомянутую ст. г. Сватикова.

Въ прокламаціи, выпущенной въ 1873 г., долгушинцы убѣждали молодежь идти въ народъ, «чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства» и отрицали плодотворность всякой иной культурной работы, въ томъ числѣ и въ безправномъ земствѣ[1]).

Лавровъ, бѣжавшій еще въ 1870 году за границу, основалъ въ томъ же 1873 г. въ Цюрихѣ журналъ «Впередъ» (въ видѣ непе::ріодическаго обозрѣнія), который затѣмъ былъ перенесенъ въ Лондонъ [2]).

Программа «Впередъ» мало отличалась по цѣли своей отъ Бакунинской. Лавровъ является въ ней соціалистомъ-федералистомъ и за идеальный строй признаетъ анархическій. Но между нимъ и современнымъ централизованнымъ легальнымъ государствомъ—будь то конституціонная монархія, или даже республика—Лавровъ предполагаетъ цѣлый рядъ формъ, постепенно стремящихся къ развитію федералистическихъ началъ. Онъ считаетъ либеральныхъ конституціоналистовъ враждебными народному дѣлу и не совѣтуетъ вступать съ ними въ союзъ, но считаетъ и для народниковъ необходимымъ помогать осуществленію принциповъ свободы мысли и слова, свободы ассоціацій и расширенія обученія и участія низшихъ классовъ въ управленіи. Въ Россіи онъ признаетъ кореннымъ вопросомъ организацію крестьянства. «Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянину то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго онъ никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки не были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота,—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству».

Лавровъ рѣшительно выступаетъ противъ якобинства вообще и противъ шарлатанскаго (очевидно, онъ имѣлъ въ виду нечаевщину), въ особенности. «На первое мѣсто—писалъ онъ—мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть

---

[1]) *Бурцевъ*, I, стр. 97—98. О томъ, какъ организовались и развивались въ это время подобные же кружки въ Кіевѣ и Юго-Зап. краѣ, въ Одессѣ и Новороссіи, см. „Воспоминанія“ Влад. Дебогорія-Мокріевича (изданныя теперь и въ Россіи) и указанныя выше воспоминанія С. Л. Чудновскаго въ „Быломъ“ за 1907 г. и въ „Историческомъ Сборникѣ“. Срав. также *Лаврова* „Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.“ Спб. 1907 г., стр. 34 и слѣд. Внѣшняя исторія кружковъ семидесятыхъ годовъ обстоятельно разсказана въ воспоминаніяхъ *Старика* въ октябрьской книжкѣ „Былого“ за 1906 г.

[2]) У *Бурцева* на стр. 106—112 изложена программа лавровскаго „Впередъ“. То же у *Лаврова*, стр. 79 и слѣд. Обстоятельства, при которыхъ было начато изданіе журнала „Впередъ“, подробно разсказаны Лавровымъ тамъ же въ особомъ примѣчаніи на стр. 54—62.

совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только для народа, но и *посредствомъ* народа». Онъ желалъ, чтобы народъ сознательно сталъ на сторону новаго строя: «мы не хотимъ новой насильственной власти». По программѣ Лаврова началу народной революціи должна была, такимъ образомъ, предшествовать долгая, трудная подготовка и развитіе самого народа. Искусственныхъ революцій онъ не допускалъ. По его мнѣнію лишь тогда, когда народъ будетъ вполнѣ готовъ и когда ходъ историческихъ событій укажетъ минуту переворота, революціонеры *въ правѣ* призвать народъ. Поэтому, обращаясь къ революціонерамъ, Лавровъ предлагаетъ имъ готовиться къ минутѣ переворота «умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера» и подготовлять къ ней народъ русскій, «уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу»...

Такимъ образомъ, на первый планъ онъ выставлялъ дѣятельность подготовительную, которая, конечно, должна была растянуться на многіе годы.

Но въ этомъ существенномъ положеніи Лавровской программы заключалось отрицаніе Бакунинской системы народныхъ бунтовъ. Между тѣмъ, послѣдняя въ глазахъ нетерпѣливой и неопытной молодежи скорѣе вела къ цѣли, а потому и казалась гораздо симпатичнѣе и практичнѣе.

Чайковскій отвѣтилъ Лаврову открытымъ письмомъ, въ которомъ утверждалъ, что наука безъ революціоннаго настроенія ровно ничего не дастъ народу и что нужно дорожить тѣми годами, когда молодежь беззавѣтно отдается революціонному движенію; онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы современная наука въ ея буржуазной обстановкѣ не отвлекла молодежь отъ народнаго дѣла [1]). Ранней весной 1874 г. и *лавристы*, и *бакунисты* двинулись массой въ народъ. Первые съ цѣлью пропаганды и перевоспитанія народа, вторые—съ агитаціонными цѣлями, съ намѣреніемъ взбунтовать народъ въ разныхъ мѣстахъ и вызвать всенародное возстаніе. Революціонеры переодѣлись въ крестьянское платье, запаслись подложными видами, но приступили къ дѣлу такъ наивно и неосторожно, что вызвали немедленное преслѣдованіе, окончившееся страшнымъ погромомъ. Вотъ какъ резюмируетъ ближайшіе результаты этого движенія одинъ изъ революціонеровъ: «Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ

---

[1]) *Шишко*, стр. 32. Срав. *Дебогорія-Мокріевича* „Воспоминанія", стр. 18 и слѣд. О заграничныхъ кружкахъ и о спорахъ Бакунистовъ съ Лавристами въ Цюрихѣ см. у *Лаврова* „Народники-пропагандисты", стр. 53 и слѣд., также въ воспоминаніяхъ *Джабадари* о процессѣ „пятидесяти" („Былое" за 1907 г., № 9, стр. 174 и слѣд.).

Россійской имперіи; мѣстныя власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, такъ что не только съ цѣлью пропаганды, а даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ куда слѣдуетъ» [1]).

Погромъ этотъ начался съ Саратовской губерніи, гдѣ 31-го мая 1874 года возбуждено было дознаніе о распространеніи въ народѣ книгъ революціоннаго содержанія. Руководство этимъ дознаніемъ принялъ на себя прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ; вскорѣ обнаружились связи саратовскихъ пропагандистовъ съ курскими и съ дѣйствовавшими въ другихъ мѣстахъ, а въ концѣ-концовъ дознаніями раскрыта была пропаганда, по офиціальнымъ даннымъ, въ 37 губерніяхъ, при чемъ къ дѣлу привлечено было 770 человѣкъ, изъ нихъ 612 мужчинъ и 158 женщинъ. 265 были заключены подъ стражу, 452 оставлены на свободѣ подъ надзоромъ, и 53 остались на первыхъ порахъ не разысканными. Въ числѣ этихъ лицъ главный контингентъ состоялъ изъ бывшихъ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній; но было также значительное число отставныхъ офицеровъ, помѣщиковъ (какъ Войнаральскій, отдавшій въ пользу революціи все состояніе), лицъ служащихъ на государственной и общественной службѣ (какъ, напр., С. Ф. Коваликъ, предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.) и дѣвушекъ изъ дворянскихъ семействъ, даже нѣсколькихъ дочерей военныхъ и штатскихъ генераловъ (С. Л. Перовская, В. Н. Батюшкова, Н. А. Армфельдъ, С. Лешернъ фонъ-Гецфельдъ). Въ запискѣ министра юстиціи, гр. Палена, составленной на основаніи собранныхъ Жихаревымъ данныхъ, указывается, между прочимъ, что «многія лица не молодыя, отцы и матери семействъ, обезпеченныя и матеріальными средствами, и болѣе или менѣе почтеннымъ общественнымъ положеніемъ, не только не противодѣйствовали, но, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ». Въ подтвержденіе приведены были имена нѣсколькихъ такихъ лицъ [2]). Въ запискѣ этой говорится даже, что «успѣхи пропагандистовъ не столько зависѣли отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, сколько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникли въ различные слои общества и отъ того сочувствія, которое тамъ встрѣчали» [3]). Удивительно, что гр. Палену не пришла въ голову очень простая мысль, что сочувствіе, которое встрѣчали пропагандисты въ различныхъ

---

[1]) *Е. Серебряковъ.* „Общество Земля и Воля“, стр. 1.

[2]) Записка министра юстиціи гр. Палена, составленная на основаніи данныхъ, собранныхъ дознаніемъ Жихарева, помѣщена въ извлеченіи у *Бурцева* „За сто лѣтъ“, I, стр. 113—123. Теперь эта записка опубликована въ Россіи въ журналѣ „Былое“ за 1907 г., № 9, стр. 268—276.

[3]) Записка гр. Палена въ сборникѣ „За сто лѣтъ“, стр. 120.

слояхъ образованнаго общества, относилось, быть можетъ, не столько къ ихъ ученію, сколько къ ихъ личности, въ которой воплощался смѣлый протестъ противъ господствовавшаго въ это время беззастѣнчиваго административнаго произвола.

Уцѣлѣвшіе отъ арестовъ пропагандисты бѣжали въ городъ, но не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Съ энергіей принялись они за пополненіе своихъ порѣдѣвшихъ рядовъ. И правительство своими мѣрами въ отношеніи учащейся молодежи опять пришло имъ на помощь. Какъ разъ въ это время произошли крупные безпорядки въ университетахъ и особенно въ медико-хирургической акедеміи изъ-за демонстраціи противъ проф. Ціона. Академія была закрыта, студенты опять исключались и изгонялись массами, давая готовые кадры для пополненія революціонныхъ кружковъ.

XXI.

Основаніе „Земли и Воли" и программа этого общества.—Демонстрація на Казанской площади.—Измѣненіе судебныхъ уставовъ въ отношеніи политическихъ преступленій.—Политическіе процессы семидесятыхъ годовъ.—Рѣчь Мышкина.—Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ и ея процессъ.—Чигиринское дѣло.—Конституціонныя стремленія въ кіевскихъ революціонныхъ кружкахъ.

Въ этотъ первый короткій опытъ соприкосновенія съ народными массами пропагандисты убѣдились въ неподготовленности массъ къ воспріятію соціалистическаго или, вѣрнѣе, анархическаго ученія въ его цѣломъ [1]). Правда, они остались при убѣ-

---

[1]) *I. Серебряковъ* приводитъ въ подтвержденіе весьма интересную выписку изъ неизданныхъ воспоминаній одного землевольца: „Были—пишетъ этотъ землеволецъ—пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? *Не соціализмъ и не анархія*, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземелье и тягота податей и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ... Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщать данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. *Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось*. Не то, чтобы его не хотѣли слушать („почто не послухать"), *а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо—не слушай, а врать не мѣшай!"* Пропагандисты тогда же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но *торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта*, проанализировать его съ необходимой серьезностью" (стр. 5). Срав. книгу *П. Л. Лаврова* „Народники - пропагандисты 1873—78 годовъ", въ которой приведено также много выписокъ изъ воспоминаній „землевольца" Ланганса и другихъ. (Этотъ „землеволецъ" былъ О. В. Аптекманъ. Его рукописный разсказъ о „Землѣ и Волѣ" ходилъ по рукамъ еще въ 80-хъ годахъ. Изъ этого разсказа и брали цитаты Э. А. Серебряковъ, П. Л. Лавровъ и др. Въ настоящее время воспоминанія Аптекмана изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Изъ исторіи революціоннаго народничества". „Земля и

жденіи, что всѣ общественные идеалы, которые выработалъ самъ народъ и которыми онъ живетъ, въ общемъ не противорѣчатъ конечнымъ ихъ цѣлямъ и идеаламъ, и даже могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы пропагандистамъ удалось дольше пробыть въ деревнѣ безъ тѣхъ внѣшнихъ помѣхъ, какія ихъ встрѣтили, они, можетъ быть, убѣдились бы въ шаткости и этого второго своего убѣжденія... Но теперь это убѣжденіе послужило для нихъ основаніемъ къ проектированію новыхъ способовъ веденія пропаганды въ народѣ. Другой урокъ, который они вынесли изъ своего перваго опыта, это убѣжденіе, что нельзя дѣйствовать въ такомъ дѣлѣ разрозненно, разбившись на массу самостоятельныхъ кружковъ и предпріятій, такъ какъ при этомъ сношенія происходятъ крайне неорганизованно, каждый дѣлаетъ, что и какъ хочетъ, а между тѣмъ ошибка каждаго отдѣльнаго дѣятеля можетъ пагубно отозваться и на всѣхъ остальныхъ [1]).

Эти выводы привели къ необходимости образованія настоящей централизованной организаціи для культивированія и использованія въ революціонныхъ цѣляхъ тѣхъ идеаловъ, которые выработалъ въ своей жизни самъ народъ. Эти идеалы удобно укладывались въ формулу, выставленную еще въ 1861 г.,—«Земля и Воля». Члены общества, объединившіеся подъ этимъ знаменемъ, получили наименованіе «народниковъ». Однако, на организацію этого общества, на сговариваніе и пополненіе личнаго состава ушло два года. Уставъ тайнаго общества «Земля и Воля» принятъ былъ лишь въ концѣ 1876 г. [2]). Ближайшей цѣлью общества признана была по уставу въ соотвѣтствіи съ выработанными народною жизнью идеалами аграрная революція въ формѣ всеобщаго передѣла земель. Для этой цѣли признано было необходимымъ *главныя силы* общества сосредоточить въ деревнѣ «съ

Воля" 70-хъ годовъ". Русск. Ист. Библ. № 19. Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь". *Ред.).* Много матеріала для характеристики движенія 70-хъ годовъ имѣется въ превосходныхъ воспоминаніяхъ *Вл. Дебогорія-Мокріевича,* которыя дополняются воспоминаніями *С. Л. Чудновскаго* (на нихъ мы уже ссылались неоднократно). Въ журналахъ „Былое" за 1906 и 1907 гг., „Наша Страна" („Историч. Сборникъ") и „Минувшіе Годы" за 1908 г. содержится теперь цѣлый арсеналъ воспоминаній, характеристикъ, біографій, замѣтокъ и матеріаловъ, прибавляющихъ много жизни и красокъ къ нашему представленію отъ этой достопамятной эпохи русской жизни. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что ранѣе опубликованныя воспоминанія кн. Кропоткина, Шишко, Серебрякова и Дебогорія-Мокріевича настолько вѣрно и точно обрисовали эту эпоху, что въ той сжатой характеристикѣ ея, которую мы дали въ нашемъ трудѣ (въ заграничномъ изданіи), намъ и теперь не пришлось измѣнить ничего существеннаго.

[1]) *Серебряковъ,* стр. 6.

[2]) Программа сѣверно-русскаго общества „Земля и Воля" напечатана у *Серебрякова,* стр. 8—14. Выдержки изъ нея и изъ програмной статьи газеты „Земля и Воля" у *Бурцева* „За сто лѣтъ". Стран. 136—140. См. также № 1 „Земли и Воли" у *Базилевскаго* „Револ. журн. 70-хъ гг.", стр. 119 и слѣд.

цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельнаго передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ». Пропаганда среди рабочихъ и среди молодежи признана была второстепенной, служебной задачей общества. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, наряду съ развитіемъ народно-революціонныхъ началъ, допускалась, какъ средство образованія «сознательнаго меньшинства», и соціалистическая пропаганда. «Къ числу агитаціонныхъ средствъ» въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ *особенно острый характеръ*, относилась «*терроризація*» правительственныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п., т. е., по просту говоря, допускались аграрныя или политическія убійства. Правительство, какъ покровитель эксплоатирующаго меньшинства, считалось врагомъ народа и потому признавалась необходимость борьбы съ его представителями въ формѣ *политическаго террора*. «Однако,—говорилось въ программѣ—общество «Земля и Воля» признаетъ, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣхъ, но даже и главныхъ его силъ, поставило бы его въ противорѣчіе съ указанными выше задачами аграрной революціи». Въ случаѣ конституціоннаго движенія имъ предполагалось воспользоваться лишь для того, «чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ». Всѣ силы общества распредѣлены были между слѣдующими пятью группами: 1. *администрація*, или центръ, вѣдала всѣ дѣла общества; при ней была «небесная канцелярія» для приготовленія фальшивыхъ паспортовъ; 2. группа для пропаганды среди молодежи; 3. группа для пропаганды среди рабочихъ; 4. группа *дезорганизаторская* для внесенія разстройства въ ряды враговъ общества, т. е. для террористической борьбы съ правительственнымъ произволомъ, со шпіонами и для освобожденія товарищей изъ-подъ ареста; наконецъ, 5. самая важная и многолюдная группа—*деревенщики*—для непосредственной организаціи народа.

Первый актъ новаго общества былъ—несовсѣмъ согласно съ его цѣлями—устройство извѣстной казанской демонстраціи 6-го декабря 1876 г. Предполагалось устроить своего рода смотръ рабочимъ силамъ Петербурга. Надѣялись собрать нѣсколько тысячъ, развернуть красное знамя, произнести соотвѣтственную рѣчь и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Затѣя эта кончилась полной неудачей. Собралось всего человѣкъ 200—300, нашелся ораторъ, развернули и знамя, но полиція, въ виду малочисленности манифестантовъ, направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ мелочныхъ лавокъ, и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, прочіе успѣли разбѣжаться. «Въ первую минуту—по словамъ историка «Земли и Воли»—эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе». «Но правительство—пишетъ онъ—само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокій приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, уже не такъ была

смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ» [1]).

Дѣло манифестантовъ разбиралось въ Сенатѣ черезъ $1^1/_2$ мѣс., съ 18-го по 25-го января 1877 года. Такимъ образомъ, судъ былъ скорый, но не милостивый: подсудимыхъ было 21 человѣкъ, изъ нихъ 5 человѣкъ приговорены къ каторгѣ и 10 на поселеніе. Мирная, безоружная манифестація разсматривалась какъ бунтъ [2]). Вслѣдъ за этимъ процессомъ въ томъ же 1877 году послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ политическихъ процессовъ съ большимъ числомъ подсудимыхъ.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ, тотчасъ послѣ процесса нечаевцевъ, правительство признало нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія въ судебные уставы. Закономъ 19-го мая 1871 г. измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ политическимъ съ возложеніемъ производства дознаній по нимъ на чиновъ жандармскаго управленія при участіи прокуроровъ. Тѣмъ же закономъ установлено, что оконченныя такимъ порядкомъ дознанія представляются министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, или дѣлаетъ распоряженіе о направленіи дѣла судебнымъ порядкомъ, или испрашиваетъ высочайшее соизволеніе на прекращеніе производства, или на разрѣшеніе его въ порядкѣ административномъ. Затѣмъ, по закону 7 іюля 1872 г. дѣла о государственныхъ преступленіяхъ изъяты изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ и переданы въ Сенатъ. Наконецъ, 18 іюля 1874 г. увеличены нѣсколькими степенями наказанія за принадлежность къ преступнымъ сообществамъ [3]). Собственно, послѣ нечаевскаго процесса политическіе процессы возобновились еще въ 1874 г., начиная съ дѣла «долгушинцевъ», по которому за содержаніе тайной типографіи въ Москвѣ и напечатаніе нѣсколькихъ противоправительственныхъ изданій были приговорены 5 чел. къ каторгѣ, 5 человѣкъ къ тюремному заключенію на разные сроки и 3—оправданы [4]).

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ болѣе мелкихъ процессовъ въ 1875—1876 гг. [5]). Наряду съ этимъ шли непрерывно аресты и административныя высылки. Послѣ процесса казанскихъ манифестантовъ пошли грандіозные массовые процессы. Съ 21 февраля по 14 марта 1877 г. разбиралось въ Сенатѣ, такъ называемое, дѣло 50-ти, причемъ цѣлый рядъ лицъ за пропаганду анархическихъ идей въ народѣ были присуждены въ каторжныя работы, на поселеніе

---

[1]) *Серебряковъ*, стр. 15—16.

[2]) *Бурцевъ*, ч. II, стр. 89. *Базилевскій* „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX в.“, II, стр. 1—156.

[3]) *Татищевъ*, ч. II, стр. 587, ср. у *Бурцева*, ч. II, стр. 80 и 82. Срав. *I. В. Гессена* „Судебная реформа“, стр. 157—158.

[4]) *Бурцевъ*, ч. II, стр. 83. *Базилевскій* „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, I, стр. 460 и сл.

[5]) *Бурцевъ*, н. с., стр. 85—88. Такихъ процессовъ въ 1875 и 1876 гг. было не менѣе десяти и по нѣкоторымъ изъ нихъ судились по нѣсколько человѣкъ. См. *Базилевскій*, н. с., I, стр. 578 и слѣд.

и къ тюремному заключенію на разные сроки. По кассаціонной жалобѣ Л. Н. Фигнеръ, В. И. Александровой и друг. Сенатъ пересмотрѣлъ это дѣло и призналъ, что составленіе общества съ цѣлью измѣненія существующаго строя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нельзя смѣшивать съ заговоромъ съ цѣлью немедленнаго возстанія или переворота. Поэтому наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ при пересмотрѣ дѣла были измѣнены [1]).

Въ маѣ разсматривалось дѣло «Южно-Русскаго Рабочаго Союза» (15 ч.); въ іюнѣ до 7 мелкихъ дѣлъ. Наконецъ, 18 октября 1877 г. начался большой процессъ 193-хъ, тянувшійся цѣлыхъ три мѣсяца (до 23 января 1878 г.). Большая часть подсудимыхъ отказывалась отъ объясненій, но одинъ изъ нихъ, Ипп. Ник. Мышкинъ, въ обстоятельной рѣчи выяснилъ суду задачи соціально-революціонной партіи въ Россіи, причемъ указалъ, что она имѣетъ въ виду доставить побѣду соціальнымъ идеаламъ, выработаннымъ народною жизнью, но попраннымъ и подавленнымъ государственной властью. «При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ — сказалъ онъ—приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами, настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ *только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ*. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: «мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и — да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ».

«Вѣдь въ нашемъ распоряженіи—продолжалъ онъ—нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ

---

[1]) Напримѣръ, Бардиной вмѣсто каторги—ссылка на поселеніе и т. п. „За сто лѣтъ", ч. II, стр. 90. Объ этомъ процессѣ *Степнякъ* (Кравчинскій) писалъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, но не безъ основанія слѣдующее: „До этого процесса соціалистовъ знала только молодежь... И вотъ разражается процессъ пятидесяти. Передъ изумленной публикой проходятъ лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя со спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски-безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата. гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ — идутъ въ центральныя тюрьмы, на многолѣтнюю каторгу! Она слышитъ чудную, точно благоухающую вѣрою и любовью рѣчь Бардиной. Слышитъ строго стройную рѣчь Здановича, въ которой изъ-подъ холодной и строгой оболочки мыслителя точно рвется наружу непоколебимое, страстное убѣжденіе фанатика. Наконецъ, когда эта публика, пораженная, смущенная, не знаетъ, что сказать, что подумать, надъ ней раздается могучее громовое слово Петра Алексѣева,—крестьянина, представителя самого народа, и слышится въ немъ точно голосъ той многоголовной, многоязычной массы, которая въ нѣдрахъ своихъ носитъ будущее—невѣдомое, грозное, быть можетъ, кровавое...

„Времена апостольскія возвращаются!", въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

„Новая сила народилась!"—говорили другіе („За сто лѣтъ", ч. I, стр. 124).

предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками.

«Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ...».

Въ концѣ своей рѣчи Мышкинъ, постоянно перерываемый предсѣдателемъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе и, несмотря на приказаніе предсѣдателя замолчать и на попытку жандармскаго офицера зажать ему ротъ рукой, успѣлъ прокричать по адресу Сената, что это «не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина — сказалъ онъ—изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорого для человѣчества...» [1]). Произошелъ невообразимый скандалъ и сенаторы, забывъ закрыть засѣданіе, гурьбой выбѣжали изъ залы [2]).

Чтобы правильно оцѣнить рѣчь Мышкина, надо помнить, что, когда онъ былъ арестованъ, дѣйствительно со стороны народниковъ-революціонеровъ не только не было еще произведено ни одного террористическаго акта, но не существовало еще и тайнаго общества «Земля и Воля» съ его «дезорганизаторской» группой. Между тѣмъ большая часть подсудимыхъ, фигурировавшихъ въ процессѣ 193, были арестованы еще въ 1874 г. и безъ суда томились по тюрьмамъ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ и болѣе лѣтъ. Изъ этихъ 193 человѣкъ Сенатъ призналъ 153 по суду оправданными [3]). Можно судить, какое это произвело впечатлѣ-

---

[1]) У *Бурцева*, ч. I, стр. 131—132. У Базилевскаго. „Госуд. преступленія въ Россіи“, т. II.

Что касается процесса 193-хъ или, какъ его иначе называютъ, большого процесса, то въ настоящее время имѣется обстоятельное описаніе его въ воспоминаніяхъ *С. Л. Чудновскаго* („Минувшіе Годы“ за 1908 г., май—іюнь, стр. 350 и слѣд.), а процесса 50-ти — въ статьѣ *И. В. Джабадари* („процессъ пятидесяти“ въ „Быломъ“ за 1907 г., X, стр. 107 и слѣд.). Эти живыя воспоминанія прекрасно дополняютъ матеріалы, напечатанные въ сборникахъ Базилевскаго (В. Богучарскаго).

[2]) Серебряковъ, н. с., стр. 36.

[3]) *Татищевъ*, II, стр. 596—597. Сенатъ приговорилъ, не ходатайствуя о смягченіи, въ каторжныя работы одного только Мышкина, къ ссылкѣ на житье—4, отрѣшить отъ должности—1; о 34 лицахъ постановлено было ходатайствовать о смягченіи слѣдующаго по суду наказанія съ тѣмъ, чтобы вмѣсто каторги сослать на поселеніе 6 чел., на житье — 18 въ Сибирь и 8 въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи; наконецъ, 2 помиловать совсѣмъ, въ виду чистосердечнаго раскаянія, а остальныхъ 153 признать по суду оправданными (стр. 597).

ніе на публику. Спрашивается, для чего же ихъ держали въ тюрьмѣ? Это ли не возмутительный произволъ?..

Но этого мало: еще до начала процесса 193 произволъ правительства выразился въ еще болѣе возмутительной формѣ: 13 іюля 1877 года политическій арестантъ Боголюбовъ (Емельяновъ), присужденный въ каторгу за демонстрацію у Казанскаго собора, былъ высѣченъ розгами по приказанію градоначальника Трепова за то, что не снялъ передъ нимъ шапку, когда Треповъ посѣтилъ тюрьму, въ которой Боголюбовъ содержался. Другіе заключенные, узнавъ объ этой злодѣйской расправѣ, подняли шумъ и крики, но къ нимъ ворвались служителя и солдаты, кого избили, кого стащили въ карцеръ и въ концѣ концовъ усмирили [1]).

Молодая дѣвушка, Вѣра Засуличъ, рѣшилась отомстить Трепову. Она поѣхала въ Петербургъ, явилась къ Трепову и выстрѣлила въ него изъ револьвера. Треповъ не былъ убитъ, но былъ тяжело раненъ. Газеты, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло, подняли крикъ противъ молодой террористки, и правительство, увѣренное, что общество будетъ въ въ этомъ случаѣ на его сторонѣ, рѣшило отдать этотъ случай на судъ общественной совѣсти. Засуличъ предана была суду съ присяжными засѣдателями. Впервые присяжнымъ пришлось произнести свой приговоръ по политическому дѣлу. Дѣло разсматривалось 31 марта 1878 года. Зала суда была полна публики. Была тамъ и знать и высшее чиновничество съ канцлеромъ Горчаковымъ во главѣ. Были представители судебнаго вѣдомства, адвокатуры, литературы. Однимъ словомъ, какъ выражается лѣтописецъ «Земли и Воли», — отборная публика, и, конечно, въ большинствѣ настроенная не очень-то благосклонно къ Засуличъ и революціонерамъ. Но начался разборъ дѣла и публика, убѣжденная фактами, стала невольно выражать свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, такъ что предсѣдатель (А. Ф. Кони) былъ вынужденъ пригрозить очистить залу [2]). Когда присяжный повѣренный Александровъ разсказалъ подробно суду, какъ было совершено гнусное надругательство надъ Боголюбовымъ, котораго по закону Треповъ не имѣлъ даже права сѣчь, то въ залѣ суда большинство плакало. По окончаніи процесса и Засуличъ, и ея защитнику Александрову публика устроила шумную овацію, вышедшую далеко за стѣны суда. Тотчасъ же по выходѣ изъ залы

---

[1]) *Серебряковъ*, н. с., стр. 97.

[2]) Катковъ старался увѣрить, что въ этихъ оваціяхъ и рукоплесканіяхъ „сливки“ общества и „сановники въ звѣздахъ“ не участвовали — „крики восторга, оглушительныя рукоплесканія“ неслись, по его словамъ, единственно изъ находившихся въ залѣ суда представителей адвокатуры и журналистики, да „радикалокъ“, наполнявшихъ верхнія галлереи. Едва ли это мѣняетъ дѣло. Вѣдь не „сливки“ и не „сановники“ образуетъ и вообще общественное мнѣніе страны. А что мнѣніе всей интеллигенціи было тогда въ пользу Засуличъ, это призналъ и самъ Катковъ. Срав. *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 515 и слѣд.

суда жандармы хотѣли арестовать Засуличъ, чтобы расправиться съ ней административнымъ порядкомъ, но публика отбила ее, причемъ въ происшедшей суматохѣ и свалкѣ одинъ изъ революціонеровъ, Сидорацкій, стрѣлялъ изъ револьвера въ жандармовъ, а затѣмъ тутъ же покончилъ съ собой. Въ этотъ же день Засуличъ бѣжала за границу.

В. И. Засуличъ несомнѣнно принадлежала къ революціонной молодежи, но она не входила въ составъ дезорганизаторской группы «Земли и Воли» и дѣйствовала въ этомъ случаѣ по собственному почину и на свой страхъ. Однако, выстрѣлъ ея и особенно необыкновенный успѣхъ, который дѣло ея имѣло въ публикѣ, въ агитаціонномъ смыслѣ страшно сильно подѣйствовали на настроеніе самихъ революціонеровъ и послужили сигналомъ къ началу той лихорадочной дѣятельности дезорганизаторской группы «Земли и Воли», которая вскорѣ поглотила главныя силы революціонеровъ и свела всю ихъ борьбу на путь организованнаго террора. Однако, толчекъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ основными причинами, которыя были, какъ мы увидимъ, гораздо сложнѣе и глубже.

Поставивъ своей задачей аграрную революцію на почвѣ народныхъ идеаловъ, землевольцы направили главныя свои силы въ деревню. Они измѣнили нѣсколько тактику, перестали обращаться въ чернорабочихъ, а старались устраивать себѣ близкое къ народу, но зато и болѣе вліятельное и внѣшнимъ образомъ импонирующее крестьянину положеніе. Стали заводить въ деревняхъ фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей. Считалось очень существеннымъ, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ въ каждой занятой революціонерами мѣстности хоть одинъ человѣкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ [1]).

Но теперь начальство всюду было на стражѣ и съ первыхъ же шаговъ встрѣтилась масса препятствій; революціонерамъ приходилось постоянно бросать устроенныя мастерскія, оставлять занятыя должности и переѣзжать въ другія мѣста подъ другими фамиліями. «Къ концу 1877 г. не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны...» [2]) «Но и помимо полицейскихъ преслѣдованій,—пишетъ лѣтописецъ «Земля и Воля»— поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсть вліяніе среди крестьянства, они, въ концѣ концовъ, должны были признать, что въ

---

[1]) Изъ „Воспоминаній землевольца", приведено у *Серебрякова,* стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями, и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ» [1]). Разочарованные народники возвращались въ города, новыхъ поселеній устраивалось все меньше и меньше, а послѣ 1879 г. ихъ и совсѣмъ почти не стало. Въ городахъ землевольцы вели соціалистическую пропаганду среди рабочихъ и агитировали въ средѣ волновавшейся и безъ нихъ университетской молодежи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что многіе революціонеры еще въ 1875 и 1876 гг., послѣ краха перваго народническаго похода, ушли въ Герцеговину и въ другія славянскія земли и приняли участіе въ возстаніи славянъ противъ турокъ. Они служили въ сербской арміи, въ качествѣ добровольцевъ, санитаровъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія [2]). Многіе изъ нихъ остались тамъ и послѣ начала русско-турецкой войны и служили въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи въ качествѣ санитаровъ и сестеръ милосердія.

Въ составъ «Земли и Воли» входили, главнымъ образомъ, революціонеры-народники сѣверныхъ и поволжскихъ губерній; къ нимъ съ самаго же начала, т. е. съ осени 1876 г., присоединились харьково-ростовскіе кружки [3]).

Но кіевскіе и одесскіе революціонеры въ составъ «Земли и Воли» не вошли. До 1877 г. они въ большинствѣ [4]) придерживались бакунинской бунтарской системы, но вели дѣятельную пропаганду, главнымъ образомъ, среди портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, Николаевѣ и другихъ мѣстахъ. Организація бунта и у нихъ удалась на дѣлѣ только однажды—это было извѣстное *Чигиринское* дѣло Як. Стефановича и Дейча, причемъ однако же взбунтовать чигиринскихъ крестьянъ удалось лишь дѣйствуя отъ имени царя при помощи подложныхъ грамотъ, и чигиринское дѣло, несмотря на временный внѣшній успѣхъ, въ остальныхъ революціонныхъ кружкахъ вызвало отрицательное къ себѣ отношеніе [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Такъ поступили многіе изъ прежнихъ чайковцевъ, какъ, напр., С. М. Кравчинскій, Д. А. Клеменцъ и нѣкоторые изъ молодыхъ революціонеровъ и революціонерокъ, напр., Люди. Ал. Волькенштейнъ. Срав. объ этомъ въ „Запискахъ" *Кропоткина*, также у *Татищева*, II, 593 (изъ обвин. акта по дѣлу 193-хъ).

[3]) В. Осинскій и Боголюбовъ (Емельяновъ) срав. *Серебрякова*, стр. 15.

[4]) Мы говоримъ въ большинствѣ, потому что среди одесскихъ революціонеровъ были отдѣльныя личности и даже небольшіе кружки, нераздѣлявшіе не только Бакунинской бунтарской программы, но и вообще относившіеся отрицательно къ анархизму (срав. воспоминанія *С. Л. Чудновскаго* въ „Историческомъ Сборникѣ", стр. 355—359).

[5]) Такъ отзывался о немъ и *Степнякъ* въ „Подпольной Россіи", и *Серебряковъ* въ назв. соч. Поэтому дѣлу судилось 336 крестьянъ; изъ нихъ 74 осуждены (нѣкоторые въ Сибирь на посел.), 262 оправданы. *Бурцевъ*, II, 93. Любопытные документы, относящіеся къ Чигиринскому дѣлу, напечатаны въ „Быломъ" за 1906 г., кн. XII, стр. 259—261.

Въ 1877 г. среди кіевскихъ революціонныхъ кружковъ начинается поворотъ отъ народническихъ и бакунинскихъ идей въ сторону политическихъ и даже прямо конституціонныхъ стремленій. Возникновеніе и развитіе конституціонныхъ стремленій среди кіевской молодежи, въ связи съ конституціонными надеждами, воскресшими и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ съ началомъ русско-турецкой войны, описано весьма обстоятельно и картинно въ запискахъ В. К. Дебогорія-Мокріевича. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что это движеніе осложнялось на югѣ еще сильнымъ украйнофильскимъ движеніемъ, развившимся еще въ 60-хъ годахъ и захватившимъ здѣсь и верхніе слои кіевскаго образованнаго общества. 5 іюня 1876 г. послѣдовалъ секретный циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати о запрещеніи украинской литературы, а вслѣдъ за тѣмъ распоряженіемъ правительства былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества, причемъ высланы были изъ Кіева профессора Драгомановъ и Зиберъ [1]), уволенные еще за годъ передъ тѣмъ въ отставку.

А. А. Корниловъ.

---

[1]) *Бурцевъ*, II, 88. Въ составъ отдѣла геогр. общества входили, между прочимъ, Г. П. Галаганъ, Антоновичъ, Житецкій, А. А. Русовъ, Лебединцевъ, Чубинскій и др. Срав. „Вѣстн. Евр." за 1886 г., № 1, ст. *А. Н. Пыпина.* Срав. „автобіографію" *М. П. Драгоманова* въ „Быломъ" за 1906 г., кн. VI, особенно стр. 192 и слѣд., а также біографическій очеркъ „М. П. Драгомановъ, ег политическіе взгляды, литературная дѣятельность ижизнь", написанный *Б. А. Кистяковскимъ* и напечатанный въ I т. „Политическихъ сочиненій" Драгоманова. (Москва 1908 г.).

„Гороховое пальто“ [1]).

(«Памятная книжка» профессіональнаго шпіона).

Въ литературѣ вообще, а въ исторической въ особенности, время отъ времени появлялись и появляются воспоминанія, замѣтки и т. п. различныхъ высокопоставленныхъ представителей, какъ общей, такъ и тайной полиціи. Но, если мы не ошибаемся, никогда еще на страницахъ русской прессы не фигурировали сообщенія обыкновенныхъ, профессіональныхъ шпіоновъ, тѣхъ таинственныхъ лицъ, которыхъ сплошь да рядомъ видятъ стоящими на углахъ, тротуарахъ, у дверей и оконъ домовъ или идущими по стопамъ подозрѣваемыхъ лицъ, тѣхъ, словомъ, субъектовъ, которыхъ безсмертный нашъ сатирикъ, — Салтыковъ-Щедринъ, — окрестилъ общимъ именемъ—«*гороховое пальто*».

А между тѣмъ эти «гороховыя пальто», собственно говоря, являются главными колесами въ механизмѣ полицейскаго государства, они поставляютъ основныя данныя, руководствуясь которыми затѣмъ дѣлаются обыски, устраиваются засады, составляются обвинительные акты, засаживаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ Сибирь и т. д., и т. п.

Но кто же эти «гороховыя пальто»? Что они дѣлаютъ? Какіе матеріалы доставляютъ въ жандармскія и другіе подлежащія управленія? Какимъ путемъ добываютъ они эти матеріалы? На всѣ эти вопросы въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ доставленная пишущему эти строки «памятная книжка» обыкновеннаго профессіональнаго шпіона.

Исторія этой «книжки» не лишена интереса.

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ (№ 195 за 1907 г.) былъ напечатанъ мой фельетонъ, въ которомъ приведена была лишь небольшая часть „памятной книжки“ профессіональнаго шпіона. Въ настоящей статьѣ она приводится цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ и съ полнымъ соблюденіемъ подлинника, какъ въ смыслѣ ореографіи, такъ и изложенія, языка. Всѣ примѣчанія въ тексту сдѣланы пишущимъ эти строки для ознакомленія читателя съ дѣйствующими въ „памятной книжкѣ“ лицами.

Неизвѣстный мнѣ И. Н. П.,—которому здѣсь же спѣшу выразить глубокую признательность, — перебирая въ Москвѣ на Ильинкѣ разный книжный хламъ, случайно наткнулся на «памятную книжку» и пріобрѣлъ ее.

Въ это время въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» печатались мои воспоминанія «По тюрьмамъ и этапамъ». А такъ какъ и въ названной «памятной книжкѣ» шпіона фигурируетъ въ числѣ прочихъ и моя фамилія, то г. П. предупредительно передалъ ее въ редакцію «*Русскихъ Вѣдомостей*», сдѣлавъ на «книжкѣ» приведенную выше приписку.

Заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что «памятная книжка» относится къ 1894 году, ко времени пребыванія пишущаго эти строки въ Орлѣ, гдѣ «книжка» и составлена, а между тѣмъ какимъ-то образомъ черезъ 13 лѣтъ ее находятъ на Ильинкѣ въ Москвѣ! Нужно полагать, что какія-то «дѣла» продавались на пуды. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ, повторяемъ, небезынтересенъ.

Но перейдемъ къ ознакомленію съ «памятной книжкой» [1]).

Вотъ она.

Памятная Книжка для записыванія лицъ состоящихъ подъ надзоромъ Полиціи.

Съ 14-го Iюня 1894 года.

[1]) Внѣшній видъ подлинника представляетъ небольшую тетрадку въ $^1/_{16}$ листа писчей бумаги, напоминающую тетрадки школьниковъ. По всѣмъ видимостямъ, она была переплетена, но переплетъ оборванъ съ цѣлью, вѣроятно, носить книжку въ карманѣ. Записи сдѣланы тщательно, канцелярскимъ почеркомъ, чисто и разборчиво, но, какъ увидитъ читатель, совершенно безграмотно.

СПИСОКЪ

Состоящимъ лицамъ подъ Надзоромъ Полиціи.

			Нумера домовъ.
1 [1]).	Полехинъ.	Пуховая улица въ домѣ *Ивлева* Кварт: Иванъ Николаевичь *Новицкій* [2]) служитъ въ Губернской Земской управѣ.	
2.	Тепетиловъ.	Маломѣщанская улица въ домѣ *Васильева* Кварт: Константинъ Петровъ *Колесниковъ* [3]) №	19
3.		Крамская улица въ домѣ Машырова Кварт: Инженеръ Иванъ Николаевичь *Виноградскій*	53
4.	Шмаринъ.	*Маклецовъ* Александръ Петровичь Кресть: занятіе при Губернской земской управѣ Статистикъ Квартируетъ Васильевская улица въ д. *Булгакова.*	
5.		*Носкова* Марья Дмитріева Акушерка Кар: улица находится при Лечебницѣ.	

[1]) Эти, сбоку написанныя фамиліи, вѣроятно,—фамиліи шпіоновъ, которые слѣдили за лицами, тутъ же противъ нихъ означенными. Въ данномъ случаѣ Полехинъ слѣдилъ, значитъ, за Новицкимъ, слѣдующій—Тепетиловъ—за Колесниковымъ и т. д. Кто изъ нихъ авторъ „Памятной Книжки", неизвѣстно.

[2]) Статистикъ Орловскаго губернскаго земства.

[3]) Тоже.

			Нумера домовъ.
6.		*Смиричинская* Надѣжда Васильева изъ Московскихъ мѣщ: занятія ни какого не имѣетъ, Кварт: Васильевская улица домъ №	67
7.	Куторовъ.	Андреева [1]) Настасья Николаевна вторая Пушкарная собственный домъ.	
8.	Новиковъ.	Елена, Алинарда [2]) Николаевны Левандовскіи [3]), Квартируютъ 2-я Пушкарная на Дачѣ Третьякова.	
9.		Квартирантъ Бѣлоконскаго *Асташкинъ* Викторъ Александровичъ [4]).	
10.	Чиненовъ.	Цезарь Саморжевскій, Квар: Крамская улица въ домѣ *Машырова*	
11.		Бѣлоконскій Иванъ Петровъ и жена его Валерія Николаевна 15-го Августа перешли отъ Третьякова на другую Квартиру въ 3-ю часть въ узенькій Георгѣевскій Переулокъ	

[1]) Это, кажется, мать писателя Леонида Андреева, какъ извѣстно, орловскаго уроженца. По крайней мѣрѣ, пишущему эти строки извѣстно, что г-жа Андреева привлекалась въ Орлѣ по какому-то политическому дѣлу и была даже арестована.

[2]) Леонарда.

[3]) Сестры жены И. П. Бѣлоконскаго В. Н. Бѣлоконской, урожденной Левандовской.

[4]) В. А. Осташкинъ и его жена Вѣра Спиридоновна, урожденная Любатовичъ, привлекались по процессу 193-хъ и были сосланы въ Сибирь, возвратившись оттуда, жили нѣкоторое время въ Орлѣ.

Наблюдѣніе за состоящими подъ Надзоромъ Полиціи.

14 іюля. Въ 12 часовъ дня въ Тургеневскую Читальню [1]) приходилъ и Читалъ Газеты Юдинъ Александръ Степановичъ Который состоитъ подъ Надзоромъ Полиціи.

15 іюля. Имѣлъ негласное наблюденіе За Семѣйствомъ Бѣлоконскими у Котораго были посѣтители двое мущинъ неизвѣстные личности [2]).

16 іюля. Послѣ обѣда былъ въ Читальни отъ 5-ти до 8-ми часовъ гдѣ изъ Поднадзорныхъ никого небыло.

16 іюля. Того же числа вечеромъ имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскими, котораго посѣщалъ одинъ мущина Брюнетъ съ черной окладистой Бородой Высокаго роста въ бѣлой фурашкѣ.

17 іюля. По наблюденію за семѣйствомъ Бѣлоконскими, въ 9-ть часовъ утра въ Квартиру Бѣлоконскихъ пришолъ мущина брюнетъ съ Черной окладистой бородой въ бѣлой фурашкѣ въ 11 часовъ онъ вышелъ отъ Бѣлоконскихъ, и направился идти по 1-й Пушкарной улицѣ закоторымъ я ишолъ вслѣдъ, пройдя Часовню Кулабухова за Мостикомъ скрылся Куда неизвѣстно, какъ я получилъ сведѣнія отъ Лавочника Лобанова что Эта личность не давно сталъ посѣщать Бѣлоконскихъ вновь прибывшій.

17 іюля. Въ 2 часа дня пришла къ Бѣлоконскимъ Барышня съ Книшками въ рукахъ, Которая въ 9 часовъ вечера вышла отъ Бѣлоконскихъ, зашла въ Лавку Лобанова Купила Пароховыхъ спичекъ и пошла 1-й Пушкарной улицѣй, пройдя оную улицу перешла орличный мостъ спустилась полестницѣ моста и пошла Веденской улицѣй Которая взошла во дворъ Степурской: примѣты ея Брюнетка худощавая носъ тонкій длинный по руски очень плохо говоритъ въ Черномъ дипломатѣ нагоповѣ Маленькая Черная Саломенная Шляпа, Какъ я получилъ сведѣнія отъ Лавочника Лобанова что Эта Личность 17-го числа вновь приходила къ Бѣлоконскимъ, недѣли двѣ ей было невидно, а ранее двухъ недѣль

---

[1]) Читальня эта была основана въ 1893 или 1894 году въ память десятилѣтія со дня кончины знаменитаго русскаго писателя И. С. Тургенева, родившагося въ Орлѣ. Основала ее проживавшая въ Орлѣ интеллигенція, принимавшая участіе въ единственномъ тогда просвѣтительномъ учрежденіи въ этомъ городѣ—комиссіи народныхъ чтеній. Какъ эту комиссію, такъ и читальню администрація считала учрежденіями совершенно неблагонадежными и тщательно слѣдила за ними.

[2]) Пишущій эти строки, И. П. Бѣлоконскій, поселившійся въ Орлѣ въ 1886 г. скоро по возвращеніи изъ Сибири,—по окончаніи административной ссылки,—не выходилъ изъ-подъ надзора полиціи за все время пребыванія въ этомъ городѣ. Въ 1889 г. онъ былъ арестованъ въ Орлѣ, гдѣ сидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ отданъ подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на 3 года. Надзоръ, такимъ образомъ, закончился, въ 1893 году. Особый же надзоръ въ 1894 году былъ вызванъ знакомствомъ съ представителями партіи „Народнаго Права", къ которой, однако, пишущій не принадлежалъ. Въ 1894 году всѣ члены этой партіи были арестованы, а за пишущимъ эти строки и его семействомъ назначенъ былъ усиленный надзоръ, причемъ полиція открыто говорила о предстоящемъ арестѣ, но онъ не состоялся.

назать тому она каждый день приходила къ Бѣлоконскимъ, и почему то носила трауръ и всегда лицо закрывала Черную Уалью.

18 іюля. Отъ 10 до 1-су дня былъ и читалъ Газеты въ Читальни Тургеневскѣ изъ Поднадзорныхъ некого не было.

18 іюля. Въ 2 часа дня Загайдуковская приходила къ Бѣлоконскимъ и пробыла неболее одного часу въ квартирѣ Бѣлоконскихъ ушла обратно 1-й Пушкарной улицѣй.

18 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за семѣйствомъ Бѣлоконскими, Асташкинъ выходилъ изъ квартиры Бѣлоконскихъ въ 9-ть часовъ вечера и скоро возвратился обратно.

Отъ 10-ти часовъ до 12 ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской Надѣждой Васильевой, у которой ставни и окны были отперты но изъ посѣтителей никого не было видно.

19 іюля. Въ 12 дня отъ Бѣлоконскихъ вышла Барышня или Дама съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ въ бѣломъ платочкѣ, которая пошла 1-й Пушкарной улицей, закоторой я ишолъ вслѣдъ до Орличнаго моста неизвѣстная Дама взошла въ Колбасню Фромельта гдѣ пробыла неболее 10 минутъ вышла изъ Колбасни какъ видно купила колбасы, и пошла мимо Класической Гимназіи, повернула на Крамскую улицу и взошла въ домъ Чеботарева въ Парадные двери гдѣ есть вывѣска Агенство Страхованіе жизни, и Московская булочная. *Примѣты ея* роста выше средняго, темнорусая волосы коротко острижены сзаду лицо бѣлое круглое какъ будто немного припухши, одѣта въ Черный Короткій Полупальто, Черная небольшая соломенная шляпа, съ Черными по бокамъ длинными кисѣями.

20 іюля. Имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскими гдѣ пробылъ отъ 9 до 12 часовъ дня Иванъ Петровъ Бѣлоконскій съ женою своей вышли изъ квартиры своей и пошли 1-й Пушкарной улицей закоторыми я ишолъ вслѣдъ, которые прошли на Молочный Базаръ гдѣ купили Провизіи и ягодъ и пошли обратно на углу около Васильева дома взяли Извощика и поѣхали по направленію Мимо Архангела въ Квартеру свою.

20 іюля. Послѣ обѣда былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго мною ничего не было замѣчено.

21 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смирчинской Надѣждой Васильевой, у Которой находился одинъ Мущина высокаго роста русый въ Каришневомъ Пальто въ бѣлой фуражкѣ, Который отъ Смирчинской вышелъ около 8-мъ часовъ вечера, и Пашелъ Васильевской улицѣй къ Церкви Василія Великаго въ 8-мъ часовъ изъ Квартиры своей вышла Смиричинская и пошла Васильевской улицѣй за которой я ишолъ вслѣдъ, Смиричинская противъ булочной Замятина встрѣтилась съ двумя барышнями 1-я изъ нихъ Свѣтлорусая высокаго роста, волосы отпущены, одѣта въ Черное длинное пальто Черная Соломенная Шляпа, 2-я высокаго роста, Брюнетка волосы Коротко острижены, одѣтѣ свѣтлое клеточьками Полупальто Черная Соломенная Шляпа. Которые простоявъ противъ булочной Замятина минутъ 15-ть всѣ трое воротились назадъ, дойдя до Церкви Василія Великаго воротились назадъ и пошли Васильевской улицѣй противъ Церкви Архангела встрѣтилась сними еще какая

то барышня средняго роста Темнорусая волосы подрезаны въ Кружокъ, одѣта въ Черное длинное Пальто, Черная Саломенная Шляпа гдѣ простоявъ неболѣе 10 минутъ, первые двѣ барышни пошли къ Орличному мосту, а Смирчинская съ Послѣдней Барышней воротились назадъ, за первыми двумя барышнями я пошолъ вслѣдъ которые пройдя Орличный Мостъ пошли Болховской улицѣй пройдя оную пошли къ Городскому Саду Куда и взошли, я воротился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской которой въ Квартирѣ неоказалось.

22 іюля. Отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты изъ Поднадзорныхъ лицъ въ Читальни никого небыло.

23, 24, 25 іюля. Переписывалъ домавладельцевъ иквартерантовъ съ участковымъ Городовымъ Бочаровымъ.

28 іюля. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской которая находилась въ Квартирѣ своей икакъ Полученныя мною негласныя сведѣнія, что Смиричинская какъ видно занимается перепиской бумагъ и держитъ себя очень акуратно когда выходитъ на самое малое время на дворъ изъ своихъ комнатъ, постоянно запираетъ свою квартиру на замокъ, потому что хозяинъ дома водовозъ грамотѣ знаетъ котораго Смиричинская опасается дабы онъ нечаянно не могъ зайдти въ ее Квартиру и непрочиталъ ея бумагъ которыя она переписываетъ Смиричинская около 20 числа настоящаго мѣсяца получила письмо изъ Сибири Табольской Губерніи но откого именно неизвѣстно.

29 іюля. Послѣ обѣда отъ 6-ти до 8 часовъ былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

30 іюля. Утромъ отъ 11-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты но особеннаго ничего незамѣчено.

31 іюля. Отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты, изъ посѣтителей читать Книги и Газеты очень мало бываетъ народу, дѣти бываютъ и тогда неочень много, изъ поднадзорныхъ лицъ никого небыли.

31 іюля. Послѣ обѣда отъ 6-ти часовъ имѣлъ наблюденіе за Смиричинской гдѣ пробылъ до 9 часовъ вечера, у которой огня въ Квартирѣ не видно было, поэтому не было Смиричинской въ своей квартирѣ, отъ 9-ти до 11 часовъ былъ около квартиры Бѣлоконскаго у которыхъ какъ видно сквозь ставни изъ постороннихъ лицъ никого небыло.

1 августа. Отъ 10 часовъ до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

1 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, которая въ 8 часовъ вечера вышла изъ квартиры своей съ книжками въ рукахъ и пошла Садовопушкарной улицѣй, дойдя до Ситниковской улицы повернула направо пройдя оную улицу, и перейдя Лавы Орличнаго моста пошла правой стороной Болховской улицы, и вошла вворота въ домъ бывшій Авилова но хкому именно неизвѣстно, гдѣ и осталась я простоявъ болѣе часу около воротъ Церкви Веденія Пресвятыя Богородицы, недождался выхода Смиричинской изъ дома Авилова и ушолъ обратно въ Пушкарную улицу.

2 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни особеннаго ничего незамѣчено.

2 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семѣйствомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ, гдѣ пробылъ отъ 6-ти до 11 часовъ ночи, но послучаю ненастной погоды Бѣлоконскіи и Осташкинъ невыходили изъ своей квартиры, и книмъ изъ постороннихъ лицъ никто не приходилъ.

3 августа. Утромъ отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

3 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семействомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ въ 8 часовъ пополудни Асташкинъ съ женою своею вышелъ изъ Квартиры и пошелъ къ низу 1-й Пушкарной улицей за которыми я ишолъ вслѣдъ, Асташкинъ дойдя до 2-й Посадской улицы повернули налѣво пройдя одинъ переулокъ пошли 2-й Пушкарной улицѣй къ мосту перейдя оный поднялись на Вутискину гору я оставался выѣмкѣ горы, когда вышелъ я на гору, Асташкина съ женою уже было невидно въ чей домъ зашли въ настоящее время неизвѣстно.

4 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня имѣлъ наблюденіе за семѣйствомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ особеннаго ничего незамѣчено.

4 августа. Послѣ обѣда отъ 6-ти до 8 часовъ вечера былъ въ Читальни Тургеневской изъ Поднадзорныхъ лицъ никого не было.

5 августа. Отъ 10-ти до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ газеты особеннаго ничего незамѣчено.

6 августа. Валерія Николаевна Бѣлоконская въ 1 часъ дня изъ квартиры своей выѣхала на Вокзалъ, которую провожали сестры ея Левандовскіи но куда уѣхала Бѣлоконская въ настоящее время неизвѣстно.

7 августа. Въ 6 часовъ утра къ квартирѣ Ивана Петровича Бѣлоконскаго были поданы пара лошадей въ 8 часовъ утра Бѣлоконскій выѣхалъ въ деревню, того же числа въ 11 часовъ дня возвратился обратно въ г. Орелъ, отъ Подводчика я узналъ что Бѣлоконскій ѣздилъ въ Плещеевскую волость гдѣ пробылъ неболѣе двухъ часовъ.

8 августа. Утромъ отъ 10-ти до 1 часу дня былъ въ Тургеневской Читальни особеннаго ничего незамѣчено.

8 августа. Въ 7 часовъ послѣ обѣда проходя я Васильевской улицѣй къ квартирѣ Смиричинской отъ которой вышелъ и встрѣтился мнѣ нахлѣбникъ хозяйки Смиричинской, который квартируетъ на 3-й Посадской улицѣ въ домѣ Зикѣева № 29-й Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, неболѣе какъ чрезъ часъ время Никитинъ вторично пришолъ къ Смиричинской, десятаго полчаса изъ квартиры Смиричинской вышли четверо, двое мущинъ, и двѣ барышни, Никитинъ и молодой человѣкъ, Смиричинская и неизвѣстная барышня, которые и пошли къ низу по Васильевской улицѣ, закоторыми я ишолъ вслѣдъ, которые пройдя Орличный мостъ пошли правой стороной Болховской улицы противъ воротъ бывшаго дома Авилова всѣ остановились гдѣ простояли неболѣе 10 мин.: а Смиричинская входила вворота во дворъ отъ куда вышла съ Варышней или Дамой и пошли всѣ вмѣстѣ къ Верху Болховской улицы, пройдя Дворянское собраніе, и взошли въ городской Садъ, куда, и я взошелъ гдѣ пробыли неочень долгое время пашолъ дождь, Никитинъ съ молодымъ мущиной вышли изъ Сада вворота подлѣ театра, а Смиричинская съ двумя

барышнями вышла вворота что противъ дома Губернатора, пройдя Аллею науглу противъ театра взяли извощика и уѣхали по направленію къ низу Болховской улицы!

Дополненіе. Августа 1-го числа имѣлъ наблюденіе за Смиричинской которая вышла изъ квартиры своей въ 8 часовъ вечера прошла на Болховскую улицу и взошла вворота дома бывшій Авилова, какъ я узналъ 2-го августа что Смиричинская ночевала въ этомъ домѣ но у кого именно пока еще неизвѣстно, отъ куда пришла въ 8 часовъ утра на слѣдующій день, очемъ было доложено на бумагѣ Старшему Город. Пилюгину!

9 августа. Утромъ отъ 10-ти до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено изъ поднадзорникого небыло.

9 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе отъ 7 часовъ до 11-ти ночи за Семействомъ Бѣлоконскимъ и Асташкинымъ, Бѣлоконскій находился въ Квартирѣ своей и изъ посѣтителей у него никого небыло.

въ 11 часовъ ночи проходя мимо Квартиры Смиричинской, у Которой были отворены окны и горелъ Огонь, сама Смиричинская находилась дома изъ посторонних лицъ никого небыло видно.

10 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты изъ Подъ Надзорныхъ никого небыло.

10 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Семействами Бѣлоконскимъ, и Асташкинымъ, у которыхъ были двое посѣтителей гдѣ дожидалъ до двухъ часовъ ночи и ушолъ въ Квиртиру свою недождавшы ихъ выхода отъ бѣлоконскихъ.

11 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни гдѣ читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

11 августа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у Которой были трое мущинъ изъ посѣтителей Алексѣй Яковлевъ Никитинъ и Алексѣей Яковлевъ Саловьевъ несостоящіи подъ Надзоромъ Полиціи Которые Квар: на 3-й Посадской улицѣ въ домѣ Зикѣева № 29-й и одинъ Мущина неизвѣстная личность, послучаю темной ночи нельзя узнать хорошо личности, Одиннадцатаго полчаса ночи Смиричинская и трое мущинъ вышли изъ Квартиры ея и пошли Васильевской улицѣй къ полю пройдя два Переулка повернули направо, и пошли полемъ къ Кулешевой дачѣ къ Квартирѣ Бѣлонскаго закоторыми я ишолъ изъ далека вслѣдъ Которые и взошли въ Квартиру Бѣлоконскаго.

11 августа. Вечеромъ полученныя мною негласныя сведѣнія отъ водовоза Дмитрія Который квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской, Смиричинская въ разговорѣ водовозу высказала что скоро наши товарищи изъ Сибири вернутся тогда мы выпьемъ хорошо и будемъ дѣла раздѣлывать, водовозъ Смиричинской отвѣтилъ а развѣ изъ Сибири можно возвращаться, Смиричинская водовозу отвѣтила что же разьвѣ будутъ насъ вѣшать отбылъ свои года въ Сибири и назадъ возвращайся въ россію.

11 августа. Понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено Что 1-го и 8-го Августа Смиричинская заходила и ночевала въ домѣ Асмана на Болховской улицѣ, очемъ было доложено своевременно: въ послѣдствіи я узналъ что Смиричинская ходитъ въ домъ Асмана къ

Чюлочьницѣ Баженовой, у Которой есть дочь дѣвушка Которая очень знакома съ Смиричинской, а Баженова Чюлочьница Теща Сотникова состоящаго Подъ Надзоромъ Полиціи Который арестованъ въ Петербургѣ.

12 августа. Послѣ обѣда былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

13 августа. Утромъ отъ 10 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газѣты изъ Подъ Надзорныхъ никого нѣбыло.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у Которой были Посѣтители, изъ Которыхъ были изъ вѣстные мнѣ Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, и Алексѣй Яковлевъ Саловьевъ а остальные лицы неизвѣстные.

14. Утромъ отъ 10 часовъ до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни куда приходилъ Бѣлоконскій съ дочерью своею который взялъ раскладной столъ изъ Читальни къ сѣбѣ въ квартиру [1]); и по чему то, Барышня Сибилева и Александръ Николаевичь [2]) которые находятся причитальни входили въ отдѣльную Комнату съ Бѣлоконскимъ и двери запирали за собою гдѣ были не болѣе 10 минутъ.

15. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читаль Газети изъ подъ надзорныхъ никого небыло.

Августъ Тогоже числа. Иванъ Петровичь Бѣлоконскій Перѣѐхалъ съ квартире Третьякова въ 3-ю часть въ узенькій Георгіевскій Переулокъ Левантовскій и Асташкинъ Пока еще остались въ домѣ Третьякова.

16. Утромъ отъ 8 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской въ 9 часовъ вечера приходили двое мущинъ и одна Барышня, Мущини въ одинадцать часовъ ночи ушли отъ Смиричинской, а барышня оставалась ночевать у Смиричинской.

17. Утромъ отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда съ 7 часовъ имѣлъ наблюдѣніе за Смиричинской въ 8 часовъ къ Смиричинской приходилъ одинъ мущина Который былъ неболѣе одного часу и ушолъ изъ Квартиры Смиричинской.

Бѣлоконская Валерія Николавна' Августа 16 дня возвратилась въ г. Орелъ и болѣе находится у Сестеръ своихъ Лавантовскихъ Иванъ Петровичь Бѣлоконскій какъ мною полученныя сведѣнія чрезъ садовника Третьякова выѣхалъ изъ г. Орла Куда нѣизвѣстно.

---

[1]) Подозрительный „раскладной столъ" взятъ былъ пишущимъ потому, что принадлежалъ ему. За отсутствіемъ средствъ въ Тургеневской читальнѣ мѣстная интеллигенція, создавшая эту библіотеку, жертвовала на нее. что могла. Пишущій, между прочимъ, отдалъ свой „раскладной столъ", а когда читальня пріобрѣла свои столы, то возвратила временно пожертвованные.

[2]) Александръ Николаевичъ Рейнгардтъ, нынѣ—присяжный повѣренный, а тогда—удаленный изъ московскаго университета студентъ. Полиція такъ хорошо знала его, что шпіонъ не считаетъ нужнымъ упоминать фамилію, а заноситъ лишь имя и отчество.

18. Утромъ отъ 8 часовъ утра до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни, Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Августъ 16, 17 и 18. Послѣ обѣда отъ 7 часовъ вечера до 12 часовъ ночи имѣлъ безъ отлучное наблюдѣніе за Смиричинской у которой были посѣтители по одному, и по два приходили, нопочему то болѣе часу непросиживали у Смиричинской, 16 и 17 одна Барышня ночевала у нея двѣ ночи но сборища въ эти дни У Смиричинской небыло; 18-го числа въ 8 часовъ вечера Мальчикъ водовозовъ Дмитрія Который Квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской приходилъ въ Лавку Василія Андреева Купить Керосину, Лавочьникъ Василій Андреевъ Спросилъ у Мальчика сколько васъ учаться у вашей Барышни т. е. Смиричинской Мальчикъ отвѣтилъ трое Маленькихъ Лавочьникъ спросилъ а большихъ сколько, Мальчикъ отвѣтилъ Семъ, которые съ двухъ часовъ дня приходятъ и тоже учаться Которымъ Смиричинская уроки преподаетъ, какъ видно что Смиричинская выдаетъ сѣбя за учительницу.

Августа 19. Полученныя мною негласныя сведѣнія о семѣйства дворянки Вдовы Анастасіи Николавны Пацковской, и ея дочерей Елены и Зои Николаевыхъ Пацковскихъ, Анастасія Николавна Пацковская у Которой родной братъ Александръ Николаевичь служитъ въ Кіѣвѣ нажелезной дорогѣ, Который присылаетъ Анастасіи Пацковской Ежемѣсячно по 30 руб. Кромѣ того къ Рождеству, и Пасхѣ по 50 руб. дочери ея Елена и Зоя Пацковскіи служатъ въ Контролѣ Кажется при Елецкомъ Управленіи железныхъ дорогъ, Елена получаетъ жалованья въ мѣсяцъ 30 ру. а Зоя 20 руб. получаетъ и Братъ ихъ Николай Николаэвичь служитъ писцомъ у Помиранцева Получаетъ въ мѣсяцъ 15 руб. такъ какъ Елена и Зоя Пацковскіи приходятъ со службы неранее 12 часовъ ночи а когда и позднее, по этому и провожаютъ ихъ всегда, 18-го Августа самъ Начальникъ Контроля привезъ на извощикѣ до Квартиры Пацковскихъ, Котораго фамилія неизвѣстна; очень часто провожаетъ Пацковскихъ Помощникъ Начальника Контроля *Памамаринъ*, а иногда Пацковскихъ Провожаютъ до Квартиры служащіи при кантролѣ, и офицера Провожаютъ Пацковскихъ бывшіи знакомые отца ихъ Николая Николаевича Пацковскаго, что касается до семѣйства Пацковскихъ у которыхъ очень много есть родныхъ и знакомымъ, но сборища въ квартирѣ Пацковскихъ никогда небываетъ, Кромѣ Рождества и Пасхи Христовой бываютъ родственники и Знакомые.

20. Утромъ отъ 8 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда отъ 8 часовъ до 12 ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской въ 9 часовъ вечера два Мущина Которые пробыли неболѣе одного часу и ушли отъ Смиричинской.

21 августа. Утромъ отъ 9 часовъ утра имѣлъ наблюдѣніе за Левантовскими и Асташкинымъ, въ 10 часовъ вышелъ изъ Квартиры своей и пашолъ къ низу 1-й Пушкарной улицѣй закоторымъ я ишолъ вслѣдъ Асташкинъ прашолъ на Молочный Базаръ Купилъ провизіи, и обратно возвратился на извощикѣ, Полчаса 12-го вышла изъ квартиры своей Левантовская ипошла на лѣво Садовопушкарной улицѣй дойдя до 2-й Пушкарной улицы по вернула на право, и пройдя Мостъ Поднялась набу-

тинскину Гору повернула въ узенькій Гергіевскій Переулокъ и вошла въ Квартиру Бѣлоконскаго.

21 августа. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было за мѣчено укоторой были посѣтители Пять Барышенъ Которые пришли къ Смиричинской въ разное время въ 8 часовъ вечера вышли отъ Смиричинской двѣ Барышни пошли налѣво Садовопушкарной улицѣй и повернули налѣво Карачевской улицы и пошли Къ очному Мосту, чрезъ полчаса отъ Смиричинской вышли Три Барышни Двѣ сестры Левантовскіи и одна неизвѣстная Которые по шли Васильевской улицѣй къ верху, дойдя до Поля повернули на право понаправленію къ Кулешовой дачѣ. послѣ того вы шла Смиричинская и пошла такъ же Садовопушкарной улицѣй Повернула налѣво Карачевской улицы и пошла къ низу. Я вернулся назадъ къ квартирѣ Смиричинской въ Это время на улицѣ сидѣлъ Водовозъ Дмитрій скоторымъ я взошолъ въ разговоръ, но какъ въ это время Смиричинской не было дома, поэтому Водовозъ Дмитрій предложилъ мнѣ войти къ нему въ Квартиру потому что Жена его постоянно бываетъ дома и лучше знаетъ ипомнить всѣхъ Приходящихъ Къ Смиричинской, я взошолъ въ Квартиру Водовоза жена водовоза разсказала мнѣ кто приходитъ Къ Смиричинской, Ходитъ Классической Гимназіи Гимназистъ Еврей *Максъ* Которые 3-й части на Болховской улицѣ недалеко отъ Орличнаго моста на Лѣвой сторонѣ имѣю Магазинъ занимаются торговлею Готоваго Платья, и разнаго белья; изъ Большой Семинаріи ходитъ Семинаристъ Владиміръ Владимировичь котораго фамилія неизвѣстна; бываетъ часто у Смиричинской Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ фамилія его неизвѣстна который въ настоящее время Проживаетъ за Садовника укрестьянина Стрѣлецкой Слободы и волости у Ивана Васильевича Суханова, который имѣетъ Садъ за Шламбаумомъ къ Ботаническому Саду, Жена Водовоза спросила у Михаила почему онъ знаетъ Смиричинскую и ходитъ къ ней, Михайла ей отвѣтилъ, что ему Михаилу одна Барышня рекомендовала Смиричинскую Которая выѣхала изъ г. Орла но Фамилія Этой Барышни неназвалъ, и что ему Михаилу будто бы нужно идти ввоенную Службу поэтому Смиричинская и учитъ его грамотѣ. Еще ходитъ одна Барышня Аннушка отъ Сергія что близь Вакзала; Еще ходитъ барышня Алимпіада, которая живетъ во 2-й части на берегу рѣки Оки близь очнаго моста. Еще ходитъ барышня Александра съ Черкаской слободы фамилія неизвѣстна въ послѣдствіи будутъ узнаты всѣхъ фамилія. Жена водовоза не могла болѣе разсказывать потому что пришла Смиричинская въ Квартиру свою, въ это время было 12 часовъ ночи и я ушолъ изъ Квартиры Водовоза вышепомянутые барышня Аннушка и Алимпіада 21 числа числа вечеромъ были у Смиричинской, по выходѣ отъ нея пошли Карачевской улицѣй понаправленію къ Очному мосту.

22 августа. Утромъ отъ 9 часовъ до часу дня, былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Тогоже числа послѣ обѣда съ 8 часовъ до 12 часовъ имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ который квартируетъ на Крамской улицѣ въ домѣ Ермольева, и Дѣвушка Алимпіада которая живетъ во 2 й части

близь очнаго моста въ 10 часовъ вечера отъ Смиричинской вышелъ Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ который живетъ за Садовника у Ивана Васильевича Суханова что за Шламбаумомъ имѣетъ Садъ, и полученныя мною негласныя сведѣнія что Смиричинская почти ежедневно получаетъ письма по два, и по три въ день Которые по прочтеніи рветъ на мелкіе кусочки и относитъ въ отхожѣе мѣсто.

24 августа. Утромъ былъ въ читальни съ 9 часовъ утра до 12 дня Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда отъ 9 часовъ вечера до 12 часовъ ночи имѣлъ наблюденіе за Смиричинской отъ Которой Одинадцатаго Полчаса ночи вышелъ Крестьянинъ Крамскаго уѣзда Михаилъ Который живетъ за Садовника у Ивана Васильева Суханова что за Шламбаумомъ имѣетъ Садъ, на Крестьянина Михаила необходимо слѣдуетъ обратитъ вниманіе потому что онъ Праздники т. е. свободные дни отъ работы ходитъ къ Смиричинской днемъ, а въ рабочіи дни ходитъ къ Смиричинской поночамъ.

25 августа. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено къ которой пришолъ мущина въ 8 часовъ вечера котораго я дожидалъ выхода отъ Смиричинской сидѣлъ на крыльцѣ въ домѣ Языкова противъ квартиры Смиричинской; и неоднаджды мною было замѣчено, что одинъ Мущина Каждую ночь ходитъ Васильевской улицей къ полю мимо квартиры Смиричинской, 25 Августа пришолъ въ 9 часовъ этотъ мущина понаправленію къ полю, откуда возвратился обратно полчаса двенадцатаго съ книжками въ рукахъ, закоторымъ я пашолъ вслѣдъ, дойдя онъ до 3-й Посадской улицѣ повернулъ на лѣво пройдя мостикъ, и дойдя до дома Шишкевича повернулъ налѣво 1-й Пушкарной улицы и взошолъ въ домъ № 31-й *Примѣты его* роста выше средняго брюнетъ волосы носитъ длино-отпущенные.

26 августа. Съ 9 часовъ утра понаблюденію за Левандовскими, и Асташкинымъ мною было замѣчено, къ которымъ въ 10 часовъ утра пришолъ одинъ мущина съ Дамой, которыхъ лично совсѣмъ незнакомы, Перваго полчаса Мущина съ Дамой вышли изъ квартиры Асташкина и пошли 1-й пушкарной улицѣй дойдя до 3-й посадской улицы повернули на лѣво, пройдя одинъ Переулокъ повернули на право 2-й Пушкарной улицы, пройдя мостъ взошли на бутискину гору и пошли Садовой улицѣй дойдя до биржи извощиковъ, повернули на право Волховской улицы и взошли въ Гостинницу въ Центральныя нумера. *Примѣты мущины* роста Средняго брюнетъ Черная небольшая окладистая бородка, Каришневое пальто носъ продолговатый серая Мяхгкая Шляпа, *Дама* роста выше средняго Свотлорусая, одѣта Серая длинное Пальто, волосы длинно отпущены подрезаны, наголовѣ Черная невысокая круглая Мужская Мягкая шляпа.

27 августа. Отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни и Читалъ Газеты изъ состоящихъ Подъ Надзоромъ Полиціи былъ Александръ Степановъ Юдинъ, Который Пришолъ съ Книжкой, Читалъ Газеты Къ Часу дня Юдинъ Переменилъ книжку и ушолъ изъ Читальни.

Того же числа послѣ обѣда отъ 8 часовъ до 12 часовъ ночи имѣлъ

наблюдѣніе за Смиричинской отъ которой въ началѣ одинадцатаго часа ночи вышла Женщина съ Дѣвочкой летъ 12-ти которая по выходѣ отъ Смиричинской Назвала Мама какъ Грязно, которые и пошли Садовопушкарной улицѣй, дойдя до Карачевской улицы повернули на лѣво и пошли къ низу, я и шолъ вслѣдъ заними, которые и взошли во дворъ и пошли въ задній флигель Директора Гимназіи Бѣлорусова, накоторыхъ залаяли собаки и въ тоже время лаять перестали.

28 августа. Дознано было Кто именно былъ изъ дома Бѣлоусова въ томъ домѣ гдѣ Квартируетъ Смиричинская, оказалось что была Прачька своей дѣвочькой въ гостяхъ у Водовоза Дмитрія Матвѣева который квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской.

29 августа. Отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты, особенно ничего незамѣчено.

Того же числа послѣ обѣда отъ 8 часовъ вечера до 10 часовъ понаблюденію за Смиричинской, которая пришла въ Квартиру свою съ дѣвушкой Авдотьей Перипелкиной въ 10 часовъ вечера и послѣ невыходила изъ квартиры своей.

1 сеньтября. Отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты изъ Поднадзорныхъ никого небыло.

Того же числа послѣ обѣда отъ Семи Часовъ вечера до 11 часовъ ночи за Смиричинской особеннаго ничего незамѣчено.

2 сеньтября. Отъ 10 часовъ утра до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты, изъ поднадзорныхъ приходилъ Александръ Степановъ Юдинъ, который преждѣ прочиталъ Орловскій Вѣстникъ, а книгу взялъ съ собою изъ Читальни.

Того же числа послѣ обѣда отъ 6 часовъ до 11 ночи понаблюдѣнію за Смиричинской мною было замѣчено у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ *Соловьевъ*, Алексѣй Яковлевъ *Никитинъ*, Анна Павлова *Никитская*, и Авдотья *Перипелкина* которые пробыли у Смиричинской до 11 часовъ ночи выходили отъ нея по одномъ, а Авдотья Перипелкина оставалась ночевать у Смиричинской.

3 сеньтября. Отъ 9 часовъ утра до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

4 и 5 сентября мѣсяца послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено, у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, Анна Павловна Никитская которая живетъ во 2-й части подлѣ Сергія, и Авдотья Перипелкина она же Немытова которая живетъ на Васильевской улицѣ недалеко отъ квартиры Смиричинской, 4-го числа въ 12 часовъ ночи рассыльный изъ Телеграфа приносилъ Смиричинской Телеграмму которая Адресована изъ г. Тулы, Смиричинская женѣ Водовоза Натальи Матвѣевой высказала что на дняхъ пріѣдетъ къ ней изъ г. Тулы хорошій знакомый который несколько время будетъ проживать у Смиричинской.

6 сентября мѣсяца отъ 10 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Сеньтября 8 дня. Отъ 10 часовъ утра до часу дня былъ въ Тургеневской Читальни куда приходилъ изъ Поднадзорныхъ Александръ Степановъ Юдинъ который Читалъ Газеты, по уходѣ изъ Читальни Юдинъ

что то спрашивалъ у Барышни Соболевой которая находится причитальни.

Тогоже числа въ 10 часовъ вечера полученныя мною свѣдѣнія отъ Водовоза Дмитрія Матвѣевича Который Квартируетъ въ одномъ домѣ съ Смиричинской, что въ Четыре часа послѣ обѣда къ Смиричинской приходилъ Еврей Гимназистъ Максъ, и приводилъ съ собою пять человѣкъ Гимназистовъ, и были три барышни, Никитская Перипелькина и Гардѣева, такъ какъ Смиричинская и Максъ просили Водовоза что бы познакомится съ кемъ либо изъ Числа рабочихъ Мещерина, Водовозъ обѣщалъ Максу и Смиричинской, познакомится съ однимъ Столяромъ Мещерина, поэтому Гимназисты и собрались къ Смиричинской видить Столяра, который почему то не могъ придти въ Пять Часовъ все разошлись отъ Смиричинской, въ Шесть Часовъ водовозъ съ Женой своей стали пить чай и пригласили Смиричинскую въ свою Квартиру пить чай потому что у ней въ Комнатахъ холодно, Смиричинская пришла къ нимъ съ Книжкою которую и читала что, въ прочихъ Государствахъ нетъ Государей а управлять Государствомъ вибираются наголоса, поэтому вполнѣ можно предполагать что Эта Книга запрещенная Правительствомъ, и притомъ Смиричинская высказала что пріѣхалъ изъ Тулы въ г. Орелъ хорошій знакомый который 4-го Сентября въ 12 часовъ ночи присылалъ ей Смиричинской Телеграму гдѣ онъ въ настоящее время находится наквартирѣ Смиричинская Этого невысказала, а объяснила что онъ пріѣдетъ къ ней и будетъ несколько время уней Гостить и что онъ былъ сосланъ въ Сибирь на 12 летъ отъ Куда возвратился и два года жилъ въ г. Тулѣ.

Сеньтября 9 дня. Послѣ обѣда отъ 8 часовъ вечера до 12 часовъ ночи понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено у Которой были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, и Авдотья Перипелкина Которая жила съ родными на Васильевской улицѣ въ своемъ домѣ № 61-й акакъ познакомилась съ Смиричинской ушла изъ дома своего отъ родныхъ ивъ настоящее время проживаетъ у Смиричинской, и былъ еще Мущина неизвѣстная личность послучаю темной ночи нельзя было разсмотреть.

Сеньтября 10 дня. Отъ 10 часовъ утра до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газети особеннаго ничего не замѣчено.

Сеньтября 11 дня. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено къ которой въ 12 часовъ дня пришли двѣ барышни новые личности которые никогда еще небыли у Смиричинской, и пріѣхавшій изъ Тулы о Которомъ мною было доложено 5-го Сеньтября, тоже въ настоящее время находится у Смиричинской; изъ Числа рабочихъ Мѣщерина устроилъ одного Столяра Александра Куртинова [1]), Которому вчерашній день вечеромъ Смиричинская дала первоначально читать Маленькую Книжку Вѣстникъ Европы, а 13-го Приказано Куртинову придти

[1]) Шпіонъ, какъ увидимъ, нарочно „устроилъ" этого „Столяра", съ провокаторскими цѣлями, а поднадзорные, конечно, не сообразили и, что называется, влопались.

къ Смиричинской, куда придётъ послѣ обѣда Гимназистъ Максъ и прочія Гимназисты что бы видѣть Куртинова и познакомится снимъ.

Въ дополненіе доклада Моего отъ 11-го Сеньтября повыходѣ, изъ Части Водовозъ Дмитрій Матвѣевъ объяснилъ мнѣ что вчерашній день Когда пріѣхалъ въ Квартиру Смиричинской изъ Тулы пока неизвѣстная личность, Смиричинская угощала водкою какъ Водовоза, а такъ же и жену его Наталью и подарила женѣ Водовоза ситцу накофту Семь аршинъ, и просила ихъ обоихъ чтобы они никому недокладовали о пріѣздѣ къ ней Человѣка изъ Тулы потому что онъ будто бы сильно изънуренъ съ дороги.

Сеньтября 13 дня дознано мною что ранѣе проживала въ г. Орлѣ Наталья Павлова Быковская Которая выѣхала изъ г. Орла и проживала въ Петербургѣ, въ настоящее время пріѣхала въ г. Орелъ и остановилась наквартирѣ временно накрамской площади въ домѣ Ермольева у Квартиранта Алексѣя Яковлева Никитина Которая въ ночи должна выѣхать изъ г. Орла въ г. Кіевъ съ 12 на 13-е число въ 12 часовъ ночи Быковская была у Смиричинской, а Быковскую будто бы разыскиваютъ.

Тогоже числа. Понаблюденію за пріѣзжимъ изъ Тулы къ Смиричинской Который въ Три часа дня послѣ обѣда вышелъ изъ Квартиры Смиричинской и пашолъ Васильевской улицѣй Къ низу пройдя на Болховскую улицу взошелъ въ Московскій Магазинъ Готоваго платья гдѣ пробылъ неболѣе 10 минутъ повыходѣ изъ Магазина прошелъ Болховскую улицу взошелъ въ Колбасню Кауфмана повыходѣ изъ Колбасни пошелъ къ низу Болховской улицы подлѣ Аптеки взошелъ въ булочную Плахова повыходѣ изъ Булочной направился идти чрезъ Лавы Орличнаго моста и обратно Васильевской улицѣй пришелъ въ Квартиру Смиричинской, въ 4 часа пополудни къ Смиричинской Пришелъ Гимназистъ Максъ съ Книжкою, въ началѣ Пятаго часа пополудни Смиричинская вышла изъ Квартири своей, чрезъ несколько минутъ вышелъ изъ Квартири пріѣжій изъ Тулы и пашолъ вслѣдъ Смиричинской съ узломъ подмышкою обернутый Клиенкой подлѣ Василія Вѣликаго сошлись вмѣстѣ и пройдя на Волховскую улицу Смиричинская взошла ввopoтa во дворъ Асмана, а пріѣжій изъ Тулы воротился назадъ перейдя Лавы пашолъ гостиннымъ рядомъ перешолъ Очной мостъ и спустился полестницѣ моста лѣвой сторони, и пашолъ берегомъ рѣки Оки и взошелъ въ шереметеву баню я возвратился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской въ началѣ осмаго часа возвратился обратно изъ бани въ Квартиру Смиричинской.

Сеньтября 14 дня. Понаблюденію за Смиричинской замѣчено въ 12 часовъ дня, къ Смиричинской приходила съ Болховской улицы изъ дома Асмана отъ Чюлочницы Мастерица Елена съ Книжкой Которая пробыла у Смиричинской неочень долгое время, въ Часъ дня пріѣжій изъ Тули оказался Александръ Ѳоминъ который когда жена водовоза тапила печьку Александръ Ѳоминъ принесъ каробочьку красныхъ марокъ и пажогъ ихъ и пачьку писемъ также пажогъ въ печи.

Сентября 15 дня. Въ Четыре часа пополудни къ Смиричинской пришолъ Александръ Куртиновъ Которому Смиричинская дала Письмо къ Гимназисту Максу, котораго я догналъ подлѣ Лавки Николая Василье-

вича Петухова и прочиталъ адресъ написьмѣ, адресовано Болховская улица во дворѣ Церкви Веденія первое налѣво крыльцо Максиму Самойловичу Пересъ, по возвращеніи Куртинова[отъ Переса отъ Котораго я узналъ, Пересъ спросилъ у Куртинова Могутъ ли ходить посторонніе люди въ Мастерскія Мещерина, Куртиновъ Пересу отвѣтилъ что никто не можетъ ходить изъ посторонихъ лицъ, Пересъ спросилъ у Куртинова а много ли есть Грамотныхъ изъ числа рабочихъ Мещерина, Куртиновъ отвѣтилъ Пересу да порядочно есть грамотныхъ, потомъ Пересъ спросилъ у Куртинова что можно ли ходить къ нему въ Квартиру Куртиновъ отвѣтилъ можно, Пересъ обѣщался придти въ квартиру Куртинова въ воскресенье т. е. 18-го Сеньтября съ Книжками.

Сеньтября 16 дня. Отъ 10 часовъ утра до 12 дня былъ въ Тургеневской Читальни Читалъ Газеты въ 11 часовъ пришолъ Александръ Степановъ Юдинъ состоящій подъ надзоромъ полиціи Который Читалъ Книжки въ часъ дня ушолъ изъ Читальни.

Сеньтября 17 дня. Послѣ обѣда Гимназистъ Класической Гимназіи Максимъ Самойловъ Пересъ былъ у столяра Александра Иванова Куртинова Пересъ принесъ Куртинову книги: Изданіе Ф. Павленкова.

Названіе книгъ.

1. Трудъ и Капиталъ Первоначальныя свѣдѣнія по политической Экономіи. Переводъ съ Польскаго В. Свидерскаго.

С.-Петербургъ.

Типографія II. П. Сойкова Стремянная 12. 1893.

Максимъ Пересъ очень много высказывалъ Куртинову противъ Правительства противозаконнаго [1]).

2. Расказы изъ Сибирской жизни.

18. 3. Хроника рабочаго труда въ Россіи вынутая изъ журнала.

Сеньтября 19 дня. Послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской мною было замѣчено въ восемь часовъ вечера, Смиричинская, и Александръ Ивановъ Ѳоминъ вышли изъ Квартиры своей и пошли Васильевской улицѣй, прошли на Болховскую улицу, и взошли вворота въ домъ Асмана гдѣ квартируетъ Баженова Теща Тотникова который арестованъ въ Санктъ Петербургѣ.

Сеньтября 20 дня. Отъ 10 часа до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни. Читалъ газеты и подъ надзорныхъ никого небыло.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской у которой были посѣтители Авдотья Никитишна Перипелкина, и Анна Николаевна Никитская которая живетъ во 2-й части подлѣ Церкви Сергія Перипелкина ночевала у Смиричинской, а Никитская въ 12 часовъ ночи ушла отъ Смиричинской.

---

[1]) Эта запись болѣе, чѣмъ интересна. „Гороховое пальто" не считаетъ даже нужнымъ сообщить, что же именно „противозаконное" говорилъ Пересъ. Шпіонъ, повидимому, отлично знаетъ, что достаточно сказать это ужасное слово „противъ Правительства", чтобы дать надлежащую характеристику поднадзорному. Провокаторъ Куртиновъ тоже, нужно думать, не могъ выяснить, что именно говорилъ Пересъ.

Сентября 21 дня. Послѣ обѣда отъ 6 часовъ до 8 вечера былъ въ Тургеневской читальни, читалъ Газеты особеннаго ничего незамечено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской и Ѳоминымъ у которыхъ были посѣтители Перипелкина и Никитская Которые ночевали у Смиричинской.

Сентября 22 дня. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда имѣлъ наблюденіе за Смиричинской, и Ѳоминымъ особеннаго ничего незамѣчено.

Сентября 23 дня. Утромъ отъ 8 часовъ до 12 часовъ дня былъ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго незамѣчено.

Тогоже числа. Послѣ обѣда въ 8 часовъ вечера Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ принесъ книги Столяру Александру Куртинову

1. Экономическія беседы второе исправленное изданіе, Москва. Изданіе Книжнаго Магазина А. Лангъ.

2. Свѣтъ Божій, общедоступный Курсъ Міровѣданія, переводъ съ южно русскаго, шестое изданіе.

3. Вольный Человѣкъ отеческія записки.

4. Прикащичья выучка, часть вторая, отеческія записки[1]).

Сентября 24 дня послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено укоторыхъ были посѣтители Алексѣй Яковлевъ Никитинъ, Авдотья Никитишна Перипелкина, Елена Николавна Левандовская и воспитанникъ большой Семинаріи Владиміръ Владиміровичь которые про были у Смиричинской до 2-хъ часовъ ночи, читали книги и писали, но что писали именно неизвѣстно. Перипелкина осталась ночевать у Смиричинской остальные разошлись поквартирамъ.

Сентября 25 дня утромъ отъ 8 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской Читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ особеннаго ничего незамѣчено.

Сентября 26 дня утромъ въ 9-ти часовъ Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ пришолъ въ Квартиру Александра Иванова Куртинова принесъ Четыре рукописныхъ Тетрадки подъ названіемъ *Царь Голодъ*, въ это время Куртинова небыло въ Квартирѣ своей, Гимназистъ Пересъ Тетрадки оставилъ передалъ ихъ отцу Александра Куртинова и обѣщался придти въ 12 часовъ дня я пришолъ въ квартиру Куртинова и взялъ у отца эти Тетрадки представилъ ихъ Г-ну Приставу 1-й части г. Орла, поприказанію Пристава отвезъ ихъ къ Жандармскому Полковнику, Начальникъ Жандармскаго Управленія осмотрелъ ихъ призналъ запрещенными Правительствомъ, и сдѣлалъ распоряженіе Когда Пересъ придетъ къ Куртинову тогда 1-й части Полицейскій Чиновникъ долженъ

---

[1]) Конечно, „*Отечественныя Записки*“, изъ которыхъ вырваны были названныя статьи. Любопытна, къ слову сказать, тщательность, съ которой „гороховое пальто“ записываетъ названіе книги, какое изданіе и въ какой типографіи книга напечатана. Въ статьяхъ, вырванныхъ изъ журналовъ, этихъ данныхъ не имѣется, но шпіонъ не забываетъ сообщить названіе журнала, хотя и перевранное. Несомнѣнно, на этотъ счетъ „гороховыя пальто“ имѣли особыя инструкціи.

былъ придти въ Квартиру Куртинова и отобрать рукописные тетрадки укуртинова и Переса но стемъ что бы взять подписку съ Periса что ему принадлежатъ тетрадки подназваніемъ Царь Голодъ въ 11 часовъ приходилъ Пересъ къ Куртинову и въ это время небыло дома Александра Куртинова, тогда Передалъ отцу Александра Куртинова, что онъ придетъ къ нимъ 27 числа въ 9-ть часовъ вечера.

Сентября 17 дня утромъ отъ 9-ти часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда отъ 9 ти часовъ вечера находился около квартиры Александра Куртинова Куда долженъ придти гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ; въ Квартиру Куртинова въ 9 часовъ вечера пришолъ Пересъ гдѣ пробылъ до 12 го часа откуда вышелъ ипошолъ Пуховой улицѣй закоторымъ я ишолъ вслѣдъ, Пересъ пройдя 1-ю Полицейскую часть ишолъ правой стороной улицы и вдругъ вошолъ во дворъ около дома Сапожника Ивлева, гдѣ квартируетъ состоящій подъ надзоромъ Полиціи Иванъ Николаевичь Новицкій, наслѣдующій день утромъ я узналъ отъ столяра Александра Куртинова, Гимназистъ Пересъ передалъ Куртинову что противъ Смоленской Церкви есть Гимназистъ Который ходитъ вмѣстѣ снимъ въ Гимназію чрезъ котораго онъ Пересъ можетъ передавать Куртинову что нужно будетъ Куртиновъ спросилъ у Переса а какъ фамилія это Гимназиста Пересъ отвѣтилъ Тихоміровъ впослѣдствіи я узналъ что Софья Николавна Оболенская вдова Священника имѣетъ нахлебниковъ трехъ Гимназистовъ Кто изъ нихъ знакомъ съ Пересомъ еще неузнато.

Сентября 18 дня послѣ обѣда понаблюдѣнію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено у Которыхъ были посѣтители въ 5 часовъ пришолъ воспитанникъ большой Семинаріи Владиміръ Владимировичь, не много спустя пришолъ Гимназистъ къ Смиричинской въ первый, а прошедшій годъ ходилъ очень часто къ Натальи Павловнѣ Быковской когда она жила въ г. Орлѣ иквартировала въ этомъ домѣ гдѣ въ настоящее время Квартируетъ Смиричинская, полъ часа десятаго Смиричинская и Ѳоминъ вышли изъ Квартиры своей и пошли къ низу Васильевской улицѣй закоторыми я ишолъ вслѣдъ дойдя до Орличнаго моста взошли въ Колбасню Фромельта Купили Колбасы и пошли обратно назадъ, Смирчинская взошла въ булочную Замятина а Ѳоминъ ходилъ около булочной, Смиричинская вышла изъ булочной ипошли мимо Церкви Архангела, на углу противъ дома священника Отца Андрея остановились и простояли неболѣе пяти минутъ, повернули на право и пошли къ Мельницѣ я пашолъ вслѣдъ заними дойдя до угла мельницы, оказалось Смиричинская и Ѳоминъ стояли заугломъ налѣво я, въ туже минуту воротился назадъ и отошолъ на право около мельницы, и ждалъ перейдутъ ли они Платину, но было невидно ихъ, я воротился назадъ къ Квартирѣ Смиричинской, и науглу противъ дома Петухова остановился съ Постовымъ Ивахинымъ, въ это время Смиричинская и Ѳоминъ и шли снизу въ Квартиру свою Которыхъ я, проводилъ доКвартиры, Семинаристъ. Владиміръ Владиміровичь и Гимназистъ въ это время ушли изъ Квартиры Смиричинской, примѣты Гимназиста одѣтъ формѣ, около 20 летъ русскій лицо рябоватое, направой щекѣ имѣетъ шрамъ.

Сентября 29 дня утромъ отъ 9 часовъ до 12 дня былъ въ въ Тургеневской читальни читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ мною было замѣчено у которыхъ была одна барышня Елена Мастерица Баженовой Которая пробыла не болѣе полчаса мастерица Елена приходила съ книжкою.

Сентября 30 дня утромъ отъ 9 часовъ до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни, читалъ Газеты особенно ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда понаблюденію за Смиричинской и Ѳоминымъ поприходѣ моемъ къ квартирѣ Смиричинской отъ жены водовоза я узналъ что Смиричинская и Ѳоминъ ушли изъ квартиры своей въ 7 часовъ вечера Куда неизвѣстно, въ 10 часовъ возвратились обратно въ квартиру свою и болѣе не выходили изъ квартиры.

Октября 1 дня весь день дожидалъ Гимназиста ~~Переса~~ въ квартиру Столяри Куртинова въ Семь часовъ вечера Пересъ пришолъ въ квартиру Куртинова я въ Это время находился въ квартирѣ Куртинова въ боковой Комнатѣ, Гимназистъ Пересъ все время читалъ рукописную тетратку подназваніемъ Царь голодъ, и расказывалъ какъ въ Англіи и Франціи рабочій классъ взялъ свои права, такъ же нужно и сдѣлать въ россіи, Куртиновъ спросилъ у Переса почему онъ пришолъ одинъ а безъ Товарища Гимназиста Пересъ отвѣтилъ что онъ занетъ уроки частные преподаетъ, а когда нужно будетъ то я пришлю его къ вамъ Куртиновъ спросилъ у Переса почему непришолъ съ нимъ съ Немытовскаго завода Перисъ отвѣтилъ, что будто бы ненашолъ его, и Пересъ просилъ Куртинова что бы онъ Куртиновъ познакомился съ рабочими Трипачами, Наумова и Замовина Куртиновъ обѣщался привести отъ Наумова Трипача въ свою Квартиру но вчерашній день немогъ его разыскать поэтому и немогъ привести его къ приходу Переса.

Октября 2 дня отъ 9 часовъ утра до Часу дня былъ въ Тургеневской читальни Читалъ Газеты особеннаго ничего незамѣчено.

Тогоже числа послѣ обѣда былъ въ квартирѣ Куртинова куда Полчаса пятаго пришолъ Пересъ спрашивалъ у Куртинова по Географіи, и Самъ разсказывалъ покартѣ, въ будущій Четвергъ или Воскресенье обѣщался Пересъ отвѣсти Куртинова на Кишиневку къ Сергію церкви познакомить его съ однимъ столяромъ, и потомъ Пересъ передалъ Куртинову что бы необходимо нужно устроить между рабочихъ Мещерина, Наумова, и Заморина Кружки человѣкъ изъ пяти и десяти Каждый Кружокъ называется Союзъ, изъ которыхъ должно составится Тайное общество, и Это общество въ послѣдствіи должно имѣть Голосъ и взять свои права, Пересъ передалъ Куртинову что бы дѣйствовать какъ можно акуратнее, Куртиновъ *спросилъ* у Перса что рукописные Тетратки трудно читать лучше бы если были печатаные и немогутъ ли въ Орлѣ ихъ печатать, Пересъ отвѣтилъ что была въ Орлѣ Тайная Типографія, которыхъ весною забрали и сошлютъ въ Сибирь, а въ настоящее время нетъ въ Орлѣ Типографіи можетъ будетъ впослѣдствіи, Седьмаго полчаса ушолъ Пересъ отъ Куртинова котораго проводилъ до Болховской улицы. Отъ куда прошолъ къ квартирѣ Смиричинской взошолъ въ квартиру водовоза отъ которыхъ узналъ, что въ Это время Смири-

чинской и Ѳомина не было въ квартирѣ а были посѣтители вечеромъ Гимназистъ Максимъ Самойловъ Пересъ Семинаристъ Владиміръ Владиміровичъ Елена Николавна Левандовская и неизвѣстныя двѣ барышни въ 8 часовъ вечера все ушли вмѣстѣ отъ Смиричинской и сними ушли Смиричинская и Ѳоминъ, одна оставалась въ квартирѣ Смиричинской Авдотья Перипелкина въ 10 часовъ вечера Смиричинская и Ѳоминъ пришли въ квартиру свою и Стали чай пить.

Фоминъ носитъ съ собою кинжалъ и револьверъ [1]).

Сеньтября 3 дня отъ 12 часовъ дня до 9 часовъ вечера имѣлъ наблюденіе за Смиричинской и Ѳоминымъ который долженъ выѣхать отъ Смиричинской въ Сибирь, въ 11 часовъ дня къ Смиричинской приходила Какая то неизвѣстная барышня, въ 9 часовъ вечера къ Смиричинской и Ѳомину приходилъ Семинаристъ Владиміръ Александровичъ Русановъ котораго фамилія была неизвѣстна Ѳоминъ сказалъ Русанову что бы онъ и шолъ на Вакзалъ провожать его, Смиричинская оставалась въ квартирѣ въ началѣ девятаго часа Ѳоминъ выѣхалъ изъ квартиры Смиричинской на Вакзалъ, вслѣдъ за Ѳоминымъ и я поѣхалъ на Вакзалъ несколько время спустя на Вакзалъ пріѣхала Смиричинская изъ посторонниxъ лицъ Ѳомина никто непровожалъ, по приходѣ почтоваго поѣзда изъ Курска на Москву, Пассажиры стали садится вагоны и Ѳоминъ сѣлъ Вагонъ я отправился обратно въ городъ, а Смиричинская оставалась до отхода поѣзда наслѣдующій день то есть 4-й октября пришолъ я въ квартиру Смиричинской узналъ что Смиричинская не возвращалась съ Вакзала въ квартиру свою.

4, 5 и 6 октября 7 числа по собраннымъ мною негласнымъ свѣдѣніямъ что Смиричинская три дня въ квартирѣ своей ненаходилась, а находилась въ квартирѣ Левандовскихъ и что будто бы Елена Николавна Левандовская была низдарова, Октября 6 дня къ Смиричинской приходили Гимназистъ Максимъ Пересъ, и Анна Николаевна Никитская но Смиричинской въ квартирѣ небыло.

Тогоже числа послѣ обѣда по наблюденію за Смиричинской мною было замѣчено у которой были посѣтители Алексѣй Яковлевичъ Никитинъ, Анна Николаевна Никитская Семинаристъ Владиміръ Александровъ Русановъ и Гимназистъ Максимъ Пересъ, которые пробыли у Смиричинской до двухъ часовъ ночи.

Октября 8 и 9-го находился въ квартирѣ Столяра Куртинова 8-го числа неприходилъ Гимназистъ Пересъ къ Куртинову, 9-го въ 6-ть часовъ вечера Гимназистъ Максимъ Пересъ пришолъ къ Куртинову гдѣ читалъ рукописныя тетрадки подъ названіемъ *Царь Голодъ и желѣзный законъ* потомъ далъ читать Куртинову печатную Тетрадку *Изданіе Группы вольнонародцевъ* Которую и оставилъ у Куртинова, Пересъ просилъ Куртинова что бы онъ Эту Книжку неотнюдь никому недавалъ

---

[1]) Запись: „*Фоминъ носитъ съ собой кинжалъ и револьверъ*" сдѣланъ совершенно инымъ почеркомъ, что прямо бросается въ глаза въ „Памятной Книжкѣ". Нужно думать, что при чтеніи представителемъ общей или тайной полиціи записи шпіона послѣдній добавилъ свѣдѣніе о кинжалѣ и револьверѣ, которою онъ или не успѣлъ, или позабылъ занести, и читавшій самъ записалъ этотъ фактъ въ „Памятную Книжку".

читать, Которую онъ обратно возьметъ. Пересъ приносилъ Книги Куринову 2-го октября *Царь Голодъ,* Отчерки изъ Исторіи народныхъ сказаній Древняя Исторія.

Рабочіе Классы Англіи и Мастерская Школа. безработица въ Швецаріи, Словарь Иностранныхъ словъ издание Югансона Изданіе Группы Народовольцевъ.

Таково содержаніе „памятной книжки" зауряднаго профессіональнаго шпіона.

Тщательное ознакомленіе съ нею, прежде всего, выясняетъ, какъ „гороховое пальто" собираетъ данныя внѣшняго, такъ сказать, характера: куда поднадзорный ходитъ, кто къ нему ходитъ, куда онъ ѣздитъ, съ кѣмъ встрѣчается и т. п.

Затѣмъ обнаруживается, что задачи „пальто" далеко не ограничиваются однѣми внѣшними наблюденіями.

Слѣдя за поднадзорными, онъ въ то же время мало-по-малу завязываетъ связи съ лицами, съ которыми такъ или иначе соприкасается поднадзорный, и при посредствѣ ихъ проникаетъ во внутреннюю жизнь послѣдняго.

Квартирные хозяева, дворники, прислуга, ближайшіе лавочники, садовники, водовозы и всякіе другіе лица служатъ для шпіона превосходными, часто безсознательными проводниками въ самые сокровенные тайники порученнаго „гороховому пальто" субъекта.

Но и это далеко не все.

Опутавъ поднадзорныхъ плотною паутиною, шпіонъ начинаетъ заниматься провокаторствомъ.

Изъ „памятной книжки" мы видимъ, что послѣднее превосходно удается автору ея.

„Устроенный" шпіономъ „столяръ" Куртиновъ блестяще исполняетъ свои обязанности, а поднадзорные не только ничего не замѣчаютъ, но глубоко убѣждены, что весьма тонко ведутъ свою миссію по части пропаганды среди населенія и водятъ за носъ полицію.

Сообразивъ это, „гороховое пальто", при посредствѣ Куртинова, водовоза и другихъ лицъ, начинаетъ изъ ничего создавать серьезное политическое дѣло, что ему и удается сдѣлать за время съ 11 сентября по 2 октября, т. е. всего за 2 недѣли съ небольшимъ: 11 сентября онъ „устроилъ" Куртинова, а 2-го октября уже доноситъ о „тайномъ обществѣ".

Въ общемъ „памятная книжка" превосходно выясняетъ физіономію „гороховаго пальто".

Несмотря на глубокое невѣжество и полуграмотность, профессіо-

нальный шпіонъ, вслѣдствіе полицейскаго навыка, является чрезвычайно аккуратнымъ и неустаннымъ наблюдателемъ.

Далѣе, онъ очень умѣло и тонко заводитъ знакомство съ окружающими поднадзорныхъ лицами и великолѣпно организуетъ внутренній, такъ сказать, надзоръ.

Наконецъ, „гороховое пальто" даетъ совершенно „готовое дѣло" въ руки высшихъ представителей полиціи, которые уже и пожинаютъ плоды, все повышаясь и повышаясь по чиновной лѣстницѣ, а бѣдный шпіонъ остается въ полной неизвѣстности, даже не понимая, какую громадную роль играетъ онъ въ дѣлѣ охраненія существующаго порядка вещей.

И. П. Бѣлоконскій.

Толстой и русское освободительное движеніе [1]).

(Нѣсколько воспоминаній).

Нерѣдко ставится вопросъ: сочувствуетъ или не сочувствуетъ Толстой нашему освободительному движенію? И отвѣтъ при этомъ большею частью получается отрицательный. Приводятъ слова изъ бесѣдъ писателя съ достовѣрными свидѣтелями, выдержки изъ статей и писемъ и на основаніи всего этого готовы въ области политики зачислить великаго борца за освобожденіе человѣческой личности въ лагерь чуть на реакціонеровъ. Дѣло до ходило до того, что еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ мнѣ извѣстно, одинъ жандармскій офицеръ, кажется, по порученію своего начальства, являлся къ Толстому въ надеждѣ получить отъ него какія-либо цѣнныя данныя о движеніяхъ среди молодежи, съ которой у Толстого были постоянныя сношенія и ожесточенные споры. Можно себѣ представить, какъ встрѣтилъ Левъ Николаевичъ этого усерднаго служаку. „Вы за двугривенный продали свою душу, такъ думаете, что у другихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести".

Такія, обращенныя къ нему, слова принужденъ былъ довести до своего начальства не въ мѣру усердный ревнитель порядка.

Конечно, нужно имѣть совсѣмъ необычайно грубое представленіе о политическихъ друзьяхъ и противникахъ для того, чтобы впасть въ ошибку, допущенную этимъ господиномъ, но и во всѣхъ толкахъ о сочувствіи или несочувствіи Толстого тому или другому общественному движенію лежитъ какое-то несоотвѣтствіе съ особенной природой великаго старца. Къ своей великой цѣли и къ своей благородной мечтѣ онъ идетъ своеобразнымъ, ему одному свойственнымъ путемъ, путемъ, настолько да-

[1]) Эти воспоминанія написаны кн. Д. Н. Шаховскимъ въ ярославской тюрьмѣ, гдѣ онъ, какъ „выборжецъ", отбывалъ трехмѣсячное заключеніе. Онъ хотѣлъ переслать намъ ихъ черезъ тюремную администрацію, но послѣдняя сдѣлать это не сочла возможнымъ. Пришлось ждать срока окончанія заключенія, чтобы переслать рукопись самому. По этой причинѣ воспоминанія кн. Шаховскаго и помѣщаются нами лишь въ концѣ настоящей книги.

Ред.

лекимъ отъ обычныхъ шаблоновъ и отъ условій реальной дѣйствительности, что подчасъ у вполнѣ добросовѣстныхъ наблюдателей возникалъ вопросъ, не порабощеніе ли личности стоитъ на концѣ этого стремительнаго движенія. Но постепенно всѣ эти опасенія отпадаютъ, и русское общество мирится со своимъ великимъ сыномъ, хотя и не можетъ слѣдовать его практическимъ совѣтамъ.

Но при всемъ своеобразіи своего генія Толстой вѣдь нашъ землякъ и современникъ. Онъ жилъ одной съ нами жизнью и не могъ не отзываться такъ или иначе на всякую радость и на всякое горе русскаго общества. И не давая общей характеристики этихъ отношеній, не выставляя никакой одобрительной или неодобрительной отмѣтки, можетъ быть, не мѣшаетъ просто пересмотрѣть тѣ конкретные случаи, когда отношеніе Толстого къ движенію такъ или иначе должно было болѣе выпукло опредѣляться. Считаю поэтому не безполезнымъ сообщить то, что въ этомъ отношеніи сохранила моя память.

* * *

Одно изъ сильнѣйшихъ нравственныхъ потрясеній, какія испытало русское общество послѣ эпохи начала восьмидесятыхъ годовъ, относится къ голодовкамъ 1891 и 1892 года. Хорошо извѣстно, какое дѣятельное участіе принялъ тогда Толстой въ общественной борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ.

Его слово призыва громче всѣхъ раздавалось и вызвало къ себѣ самые сильные отклики отовсюду. Его непосредственная работа послужила образцомъ и школой для множества предпріятій и множества лицъ, да и до сихъ поръ примѣненные его организаціей пріемы помощи остаются въ дѣйствіи при повторяющихся съ тѣхъ поръ столь часто голодовкахъ.

Толстой принималъ участіе и въ выработкѣ плана организаціи школьныхъ столовыхъ московскаго комитета грамотности. Хорошо помню также его на одномъ изъ частныхъ совѣщаній общественныхъ дѣятелей созванномъ въ тотъ моментъ, когда прошла вызвавшая столько горячаго подъема первая продовольственная кампанія и наступившая вторично голодовка уже не вызывала такого прилива средствъ и живыхъ силъ... Въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Тульской губерніи, голодныя мѣста которой онъ только что посѣтилъ, находился Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ. Его сообщеніе о непосредственныхъ впечатлѣніяхъ и послужило предлогомъ для созыва совѣщанія. Совѣщаніе происходило на квартирѣ Ивана Ильича Петрункевича, на Смоленскомъ бульварѣ. Въ числѣ собравшихся были уже покойные теперь А. И. Чупровъ, Влад. Серг. Соловьевъ, Г. О. Джаншіевъ, В. А. Гольцевъ, проф. Гротъ, Г. А. Мачтетъ; затѣмъ И. А. Стебутъ, А. С. Постниковъ, В. Е. Якушкинъ, П. Н. Милюковъ, проф. Вернадскій,

И. И. Янжулъ, А. А. Корниловъ, только что издавшій отчетъ о первой своей продовольственной организаціи и работавшій надъ изданіемъ второй, извѣстная московская дѣятельница А. В. Погожева (также уже покойная), Ю. Л. Любенкова и многіе другіе. Толстой пришелъ на засѣданіе пѣшкомъ въ своемъ непокрытомъ сукномъ простомъ полушубкѣ, въ которомъ его тогда часто можно было встрѣтить на московскихъ улицахъ. Недавно еще непріязненное отношеніе передовыхъ литературныхъ круговъ къ прямолинейному обличителю значительно смягчилось; его присутствіе и дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ вносило какой-то особенно серьезный и строгій характеръ въ бесѣду. Факты нужды и полной безпомощности съ ней бороться сообщались поразительныя. Администрація упорно отрицала голодъ, и со стороны общества не видно было прежней готовности вкладывать въ борьбу съ нимъ всю свою душу. Но и средствъ воздѣйствовать на это равнодушіе общества было мало. Странно вспоминать теперь, а положеніе было именно таково: печати было безусловно запрещено обращаться съ воззваніями и призывами за помощью, а всякія иносказательныя напоминанія не могли вызвать необходимаго подъема. „У печати есть свои способы воздѣйствія на общество, которыя не могутъ быть замѣнены другими, когда прямые пути закрыты“. Такъ говорили намъ московскіе журналисты, измученные собственнымъ безсиліемъ. Помню предложеніе Толстого. Онъ сказалъ: „Вѣдь у русскихъ литераторовъ установился традиціонный способъ помощи въ такихъ случаяхъ: изданіе сборника. Это сейчасъ единственное, что мы можемъ сдѣлать“.

Кое-что въ этомъ отношеніи было предпринято; слѣдующія собранія намѣтили и другія практическія мѣры. Но преобладающимъ впечатлѣніемъ на собраніяхъ было — чувство общественнаго безсилія въ данный моментъ побороть препятствія, ставимыя свыше самымъ законнымъ жизненнымъ проявленіямъ.

Организовать во что бы то ни стало общественныя силы! Вотъ то требованіе, съ которымъ всѣ вышли съ бесѣды. Она и послужила непосредственнымъ началомъ одной изъ такихъ попытокъ организаціи: съ этого совѣщанія ведетъ свое происхожденіе серія земскихъ съѣздовъ девяностыхъ годовъ, которые сыграли въ свое время извѣстную подготовительную роль. Но эта сторона дѣла уже не имѣетъ отношенія къ разсматриваемой мною темѣ.

* * *

Черезъ два года русское общество пережило рядъ впечатлѣній другого рода. Къ удивленію администраціи и общества въ составленныхъ земствами адресахъ для подачи вновь вступившему на престолъ Государю нарушено было то молчаніе, которое должно было означать всеобщее бла-

годенствіе. Оказались въ наличности неудовлетворенныя нужды, сказалась потребность коренного обновленія жизни. Наиболѣе рѣшительныя пожеланія встрѣтили извѣстный отпоръ. Общество было смущено, и всѣ признавали нужнымъ что-то предпринять. Опять на мою долю выпало звать Толстого на совѣщаніе въ Москвѣ... Какъ сейчасъ помню нашъ короткій разговоръ. Время у Толстого было распредѣлено строго „по упряжкамъ". И когда я вошелъ въ обширный дворъ Толстовскаго дома въ Хамовническомъ переулкѣ и позвонился у крыльца, отперевшій лакей объявилъ мнѣ, что графъ занимается на дворѣ и ранѣе чѣмъ черезъ два часа его видѣть нельзя. Я, однако, добился, чтобы меня провели сейчасъ же къ мѣсту занятій графа, и увидѣлъ, какъ Левъ Николаевичъ въ томъ же своемъ полушубкѣ, съ топоромъ въ рукахъ, на сильномъ морозѣ возился около огромной кадки, вырубая изъ нее ледъ. Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ скоро войдетъ въ домъ и можно съ нимъ будетъ обстоятельно поговорить, но, узнавъ цѣль моего посѣщенія, повторилъ бывшія тогда у всѣхъ на устахъ два символическихъ слова—и сдѣлалъ это такимъ тономъ, что я счелъ миссію свою исполненной. И безъ разговора все понятно. Я сообщилъ часъ и мѣсто засѣданія и пошелъ дальше съ глубокимъ сознаніемъ, что здѣсь одушевлявшее общество чувство нашло полный откликъ, и что мы непремѣнно увидимъ Льва Николаевича на предположенномъ засѣданіи.

И оно опять обнаружило болѣе всего общественную разрозненность и безсиліе. Предсѣдатель собранія, П. Н. Милюковъ, чувствовалъ, что никакихъ практическихъ общихъ рѣшеній собравшіеся вынести не смогутъ. Сильное общее чувство оставалось пока безъ возможности сколько-нибудь широкаго примѣненіи. Ясна была необходимость еще новой предварительной работы. По силѣ испытаннаго чувства Толстой не уступалъ ни одному изъ самыхъ горячихъ членовъ собранія, хотя и выражалъ его въ спокойной, сдержанной формѣ. Въ числѣ практическихъ мѣропріятій предлагалось оглашеніе въ западной печати протеста со стороны русской интеллигенціи, и къ Толстому обращена была просьба, чтобы онъ взялъ на себя быть выразителемъ ея мысли. Толстой не отказывался, но говорилъ, что его выступленіе не будетъ имѣть желаемаго эффекта, потому что протестъ съ его стороны будетъ связанъ съ той анархической позиціей, которую ему приписываютъ, поэтому его голосъ не можетъ получить значенія протеста широкихъ общественныхъ круговъ... Не находили въ Толстомъ сочувствія, разумѣется, и всѣ планы организаціонной дѣятельности. „Къ чему организація?—Развѣ мы не составляемъ и безъ всякой организаціи одной массонской ложи, гдѣ достаточно двухъ словъ, чтобы понять другъ друга и призвать къ общему дѣлу. Вотъ Шаховской пришелъ ко мнѣ, и развѣ мы сразу не поняли другъ друга безъ всякихъ массонскихъ знаковъ?".

* * *

Прошло еще шесть тяжелыхъ лѣтъ. Въ февралѣ и мартѣ 1901 года въ Москвѣ, которая и всегда живетъ въ болѣе близкомъ общеніи съ живыми силами русскаго провинціальнаго общества, нежели Петербургъ, было особенно людно по части провинціаловъ. Съ 10 по 19 февраля происходилъ огромный съѣздъ дѣятелей агрономической помощи населенію, съ 1—10 марта—совѣщаніе при учебномъ округѣ по разсмотрѣнію проекта наказа училищнымъ совѣтамъ, съ участіемъ всѣхъ предводителей дворянства 13 губерній округа. На агрономическомъ съѣздѣ совершенно неожиданно для Д. Н. Шипова, дѣлавшаго въ то время систематическія попытки создать земское единеніе путемъ сношеній съ предсѣдателями управъ, но вездѣ наталкивавшагося на равнодушіе и стезу, подняты были коренные вопросы провинціальной жизни, между прочимъ, и вопросъ о мелкой земской единицѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны предсѣдателя съѣзда Н. А. Хомякова снять послѣдній вопросъ съ обсужденія, пришлось уступить настоятельному желанію съѣзда и включить его въ свои занятія. По предложенію тверского агронома Девеля для разработки вопроса образована была особая комиссія, въ составѣ всѣхъ земскихъ гласныхъ-членовъ съѣзда. И вотъ мы, незнакомые другъ другу земцы, собрались воедино въ Московской губернской управѣ, какъ бы выловленные ловко закинутой сѣтью изъ массы прочихъ членовъ съѣзда. Живое общеніе не однихъ только предсѣдателей управы, а и болѣе независимыхъ и живыхъ земскихъ элементовъ вносило ноту одушевленія и подъема. Движеніе отражалось и на Толстовскомъ домѣ. Но центръ его, самъ Левъ Николаевичъ, былъ въ это время какъ-то особенно слабъ и боленъ. Съ удивительной силой и настойчивымъ упорствомъ бесѣдовалъ онъ и тогда съ отдѣльными посѣтителями, но дѣлалъ это съ трудомъ, перемогаясь, побѣждая усиліемъ духа тѣлесную немощь. При первой встрѣчѣ, на мой вопросъ, какъ идутъ дѣла, онъ, помню, сказалъ: «Дѣла идутъ замѣчательно правильно: прямо къ смерти».—«Да это общій законъ», замѣтилъ ему я, «всѣ мы туда стремимся».—«Да, но въ старости дѣло идетъ со скоростью, возрастающей въ геометрической прогрессіи»...

И вотъ вдругъ Москва удивила пріѣзжихъ провинціаловъ и, кажется, больше всего самое себя первыми массовыми уличными демонстраціями, а въ то же время святѣйшій синодъ удивилъ весь міръ посланіемъ, признавшимъ Толстого отлученнымъ отъ церкви... Толстой сразу какъ бы воспрянулъ. Когда черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго посѣщенія я пришелъ къ нему и онъ рѣшительно заявилъ, что не принимаетъ поздравле-

ній (этими словами онъ встрѣчалъ всѣхъ своихъ многочисленнѣйшихъ посѣтителей этого періода), его нельзя было узнать. Отъ старческой немощи не осталось и слѣда. Мы видѣли передъ собой борца, готоваго отвѣчать нравственнымъ актомъ на каждый ударъ, наносимый ему насиліемъ. И, конечно, источникомъ его одушевленія послужило въ значительной мѣрѣ въявь обнаружившіяся въ обществѣ и въ народныхъ слояхъ силы... И въ эти-то дни общественнаго подъема Россію облетѣла вѣсть объ избіеніи на Казанской площади 4 марта 1901 года и о первомъ открытомъ протестѣ, которымъ это событіе сопровождалось со стороны Петербургскихъ писателей.

Какъ это и подобаетъ обществу, въ которомъ систематически забивали личность, мы отличаемся удивительно короткой исторической памятью. Все значеніе этого событія, пожалуй, далеко не сразу для всѣхъ, теперь ясно вырисовывается. Между тѣмъ, для того, кто пристально слѣдилъ за психологіей русскаго провинціальнаго общества и имѣлъ возможность наблюдать его, должно быть совершенно яснымъ, что именно въ эти дни произошелъ переломъ, послѣ котораго созданіе въ ближайшемъ будущемъ достаточно сильной общественной организаціи стало неизбѣжнымъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ случайно какъ разъ на другой день послѣ избіенія на Казанской площади, еще ничего не зная о происшедшемъ. Но не трудно было сразу оріентироваться въ создавшемся положеніи и войти въ курсъ дѣла. Я повидалъ А. А. Корнилова, котораго мой ранній визитъ нѣсколько встревожилъ, Н. Ѳ. Анненскаго съ краснорѣчивыми знаками испытыннаго на лицѣ, А. В. Пѣшехонова, какъ-то болѣзненно сжавшагося отъ пережитыхъ впечатлѣній и прямо-таки почернѣвшаго отъ неимовѣрнаго напряженія послѣднихъ сутокъ... Струве, Туганъ-Барановскаго и Аріадну Владимировну Тыркову, я не засталъ: они такъ и не вернулись домой съ площади и попали въ полицейскую часть. Въ разныхъ мѣстахъ получилъ я экземпляры составленнаго и подписаннаго въ одну ночь общественными дѣятелями, учеными, литераторами и другими лицами (около 100 человѣкъ) и только что пущеннаго въ публику протеста и еще какую-то сильную печатную прокламацію и въ тотъ же день (это былъ день похоронъ Боголѣпова) уѣхалъ въ Москву. Утромъ я звонился къ Толстому. Режимъ охраны этихъ часовъ для сосредоточенныхъ уединенныхъ занятій писателя былъ весьма строгъ, но привезенныя мною сообщенія слишкомъ возбуждали нервы и казались мнѣ слишкомъ серьезными, такъ что мнѣ удалось немедленно повидаться съ Толстымъ. Онъ не рѣшался сразу повѣрить происшедшему во всемъ чудовищномъ объемѣ невѣроятной дѣйствительности... Но я могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что и этотъ моментъ общественнаго возбужденія былъ пережитъ Толстымъ вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ и встрѣтилъ въ его душѣ тотъ же отзвукъ, который такъ сильно повліялъ тогда на

всю психологію русскаго человѣка перваго года XX вѣка. Къ этому времени относятся чрезвычайно сильныя писанія Толстого, которыя въ свое время производили соотвѣтствующее впечатлѣніе. Домъ его сталъ однимъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ обсужденія событій и ихъ опредѣленной квалификаціи, и бесѣды эти, а въ особенности участіе въ нихъ самого Толстого, производили глубокое впечатлѣніе на многочисленныхъ почитателей [1]).

* * *

Послѣдній разъ я видѣлъ Толстого въ октябрѣ 1903 года. При кажущемся всепобѣждающемъ господствѣ режима Плеве въ самыхъ широкихъ кругахъ общества назрѣвали силы, которыя не могли мириться съ создавшимся положеніемъ и чувствовалась уже неизбѣжность тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній, къ которымъ ведутъ страну ея руководители. Организація этихъ элементовъ протеста висѣла въ воздухѣ. И мнѣ казалось важнымъ воочію убѣдиться, достигаетъ ли до сознанія яснополянскаго отшельника біеніе общественнаго пульса, и какъ онъ на него откликается. Безъ особенной надежды на возможность использовать и его силы въ предстоящемъ дѣлѣ, хотѣлось воочію убѣдиться, нельзя ли найти въ немъ и дѣйствительную поддержку. Я засталъ Толстого еще полнымъ мыслей отъ только что законченной огромной работы по критикѣ Шекспира, славу котораго онъ считалъ незаслуженной, и занятаго спеціальными работами по нравственнымъ вопросамъ. Нелегко было вызвать его на бесѣду по политикѣ. Онъ настаивалъ на неосуществимости насильственнаго государственнаго переворота путемъ народнаго возстанія при теперешнихъ условіяхъ государственной и военной техники и спѣшилъ использовать съ наибольшей, по его мнѣнію, пользой тѣ немногіе еще дни жизни, которые ему суждено поработать на землѣ. Это не мѣшало ему совершить продолжительную прогулку верхомъ, несмотря на внезапно выпавшій ночью глубочайшій снѣгъ. Вечеромъ мы, однако, разговорились и на мою тему. Я выслушалъ блестящую характеристику первыхъ и послѣднихъ дней царствованія Николая I, въ сопоставленіи своемъ дававшихъ зрѣлище величайшей трагедіи цѣлой человѣческой жизни... И подводя итоги всей нашей бесѣдѣ, онъ сказалъ: „Да что говорить, конечно, наступаетъ для каждаго государства такой возрастъ, когда ему самодержавіе такъ же мало пристало, какъ взрослой дѣвицѣ короткое платьице по колѣно, очень умѣстное на маленькой дѣвочкѣ... Только не въ этомъ самая главная задача жизни“.

[1]) Тогда же Л. Н. Толстой подписалъ и то привѣтствіе Союзу писателей, которое помѣщено въ этой же книгѣ.

Ред.

И я уѣхалъ и на этотъ разъ съ сознаніемъ, что работать вмѣстѣ намъ не придется, но мысли наши обращены въ одну сторону. Строгой критикой встрѣчено будетъ каждое наше отдѣльное дѣйствіе. Но горячій откликъ найдетъ въ сердцѣ этого человѣка каждый шагъ, дѣйствительно приближающій насъ къ освобожденію человѣка, всякій признакъ крушенія того зла, которое стоитъ по пути къ этому освобожденію.

Кн. Дм. Шаховской.

Отчетъ редакціи о суммахъ и предметахъ, поступившихъ на устройство Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Изъ редакціи газеты „Современное Слово“ переданы намъ для передачи по назначенію поступившія туда слѣд. пожертвованія: отъ Н. П.—5 р.; Н. М.—3 р.; П. Б.—3 р.; Ст. Ив.—2 р.; А. К.—3 р.; С. Б.—3 р.; Б. М.—1 р.; Г. Кс.—1 р.; Л. Г.—1 р.; А. Торсй—12 р. 55 к.; раб. машин. перепл. отдѣл. типограф. „Якорь“—1 р. 75 к.; Вл. Кузнецова—1 р.; М. Ок.—1 руб.; Н. Г.—3 р.; М. Рудневой—1 р.; раб. Путиловскаго завода—4 р. 71 к.; М. А. и Н. П. Х.—3 р.; Л. П.—5 р.; служащихъ Пашійскаго завода—1 р. 20 к.; П.—1 р.; А. Н. Степанова—1 р.; О. Бордоноса—3 р. 50 к.; А. Бордоноса—1 р. 60 к.; Г. Царина—60 коп.; М. Фишнера—15 коп.; Л. Бордоноса—2 руб. 10 коп.; Г. Пестова—50 коп.; О. Зелова—30 коп.; К. Бордоноса—1 р.; М. Шеленкова—50 к.; В. Бычкова—50 к.; В. Ромашова—15 к.; Г. Ковалева—50 к.; В. Трофимова—10 к.; Ж. Бордоноса —1 р.; Д. Шеленкова—50 к.; Д. Бычкова—50 к.; С. Мельникова—50 к.; А. Бѣлоусовой—1 р.; М. З. Любанъ—50 к.; П. З. Любанъ—50 к.; Д. Гликмана—25 к.; учителя Силкина—25 к.; С. М. Повереничъ—20 к.; бр. Лохматыхъ—50 к.; студ. Н. В. Лихобабина—50 к.; отъ группы политич. ссыльныхъ чердынскаго уѣзда—3 р.; отъ группы омскихъ телеграфн. чиновъ—17 р. Отъ мастеровыхъ и рабочихъ литейнаго завода Товарищества Мануфактуры Н. Н. Коншина въ Серпуховѣ—1 р. 35 к.; отъ Аполинаріи Ивановны Трубиной—1 р.; И. Мошковскаго—2 р.; М. Крашогорова—1 р.; отъ крестьянъ: Василія Зубова—20 к.; Павла Смирнова—50 к.; А. Иванцева — 1 р.; Ивана Козырина — 30 к.; Кодраша Мочалина — 1 р.; отъ С. П. Ширшикова—1 р.; врача С. Галюна—3 р.; отъ Ф—ера — 50 к.; отъ Плотникова, Гаврилова, Филиппова, и еще одного—по 50 коп.; всего 4 р.; Владимира Ивановича Николаева—50 к.; отъ служащихъ Общественной Лавки Невскаго Судостроительнаго Механическаго Завода—6 р. 25 к.; Ивана Ивановича Иванова—4 р.; отъ Владимира Михайловича Варушкина—10 р.; священника В. Г.—88 к.: отъ врача Н. Шохиной—2 р.; Озерянской—2 р.; Итого изъ „Современнаго Слова“—138 р. 39 к. Изъ редакціи газеты „Рѣчь“: отъ неизвѣстнаго—5 р.; А. Цимбера—3 р.; М. Лебедева—30 коп.; Н. Тимофѣева—20 коп.; А. Друголина—20 к.; Родіонова—20 к.; Мартынова—20 к.; конторщ. охт. зав. взрывч. вещ.—2 р. 55 к.; Ив. Өедор. Иванова—2 р.; служ. правл. кит.-вост. ж. д.—12 руб. 55 коп.; Леон. Егор. Сицынскаго—25 р.; собранные А. С. Александровымъ среди сослуживцевъ 14 р. 50 к. Итого изъ „Рѣчи“—65 р. 70 к.

Непосредственно въ редакцію „Минувшихъ Годовъ“ поступило: изъ Юрьева—4 р.; отъ Эд. Пекарскаго—1 р.; Г. К.—1 р.; А. В. Тырковой—

2 р.; А. А. Корниловa—10 р.; В. Г. Тана—3 р.; Л. П. Купріяновой—3 р.; А. Мошина—99 к.; Н. В. Мѣшкова—300 р.; С. Н. Прокоповича—10 р.; Е. Д. Кусковой—10 р.; А. Ф. Прокоповичъ—10 р.; Е. И. Репьевой—5 р. Изъ деревни Зараменіе (Вятской губ.): крестьянинъ независимый—1 р.; крестьянинъ—25 к.; пролетарій—50 к.; крестьянинъ—25 к. тотже—50 к.; N.—10 к.; рабочій—10 к. Итого изъ Зараменія—2 р. 70 к.; отъ А. П. Поллякъ и А. А. Крживицкаго изъ Ломжи—5 р.; отъ Розенъ изъ Боржома—3 р.; С. Р. Издебскаго изъ Тимашева (Самарской губ.)—5 р.; Итого—375 р. 69 к. Всего 569 р. 78 к. Съ прежде поступившими—753 р. 39 к. и одна финляндская марка. Деньги переданы по назначенію. Пріемъ пожертвованій продолжается. Пожертвованія принимаются въ Петербургѣ въ редакціяхъ газетъ „Рѣчь", „Слово" и „Современное Слово" и журналовъ „Современный Міръ", „Русское Богатство", „Образованіе" и „Минувшіе Годы".

Э. К. Пекарскій пожертвовалъ по 100 экз. изданныхъ имъ двухъ брошюръ—Воспоминанія В. Н. Шаганова „Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ" и Н. А. Виташевскаго „Старая и новая якутская ссылка" съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи этихъ брошюръ деньги поступили въ фондъ для учрежденія музея Толстого.

Для того же музея поступили: отъ А. Мошина его книга „Новое о великихъ писателяхъ" съ надписью „Дому-Музею имени Л. Н. Толстого приношу этотъ скромный мой трудъ"; отъ него же книга П. Сергѣенко „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой". A. de P. „Pauvre Léon Tolctoï"! Par une ex-soeur de la Croix-Rouge. Н. Ш—въ.—„Страшное судилище или дѣло объ отлученіи гр. Л. Н. Толстого". Корректура ст. Л. Н. Толстого по поводу ареста Вл. Молочникова за распространеніе толстовской литературы (безъ сокращеній). Отъ книгоиздательства М. В. Пирожкова: книги Д. С. Мережковскаго „Л. Толстой и Достоевскій" (2 тома) и Л. Шестова „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше". Отъ издательства „Солнце": портретъ Толстого съ натуры С. М. Прокудина Горскаго (въ краскахъ при помощи цвѣтной фотографіи 2 экз.). Народный календарь 1909 г. (2 экз.). Отъ М. В. Кунинскаго—альбомъ съ коллекціей портретовъ Л. Н. Толстого на открытыхъ письмахъ (76 портретовъ), вышедшихъ за послѣдніе пять лѣтъ (съ 1904 года). Отъ А. М. Хирьякова — 2 №№ издававшейся имъ въ 1906 г. газеты „Голосъ", въ которомъ напечатана статья П. И. Бирюкова „Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой". Разныя русскія газеты и журналы со статьями о Толстомъ и Домѣ-Музея имени Толстого въ Петербургѣ. *Изъ Германіи*: Berliner Illustrirte Zeitung, № 36, September (2 экз.) съ портретомъ Толстого; Francfurter Zeitung № 239. 28 August (2 экз.) со статьей о Толстомъ. Nord und Süd. September. Heft. 9 (2 экз.) съ

портретомъ Толстого и статьей о немъ. Lüstige Blätter 37 (съ каррикатурами на нѣкоторыя событія изъ жизни Толстого). Konigsberger Hartungsche Zeitung. 27 august. (2 экз.) со статьей о Толстомъ. Das Buch für Alle. Illustrierte Familien Zeitung. 28 Heft. (2 экз.) со ст. о Толстомъ и его портретомъ. *Изъ Даніи:* Dannebrog. 28 August. (2 экз.). Со статьей о Толстомъ.

* * *

Отъ Э. К. Пекарскаго поступило по 1 экз. вышеназванныхъ брошюръ Шаганова и Виташевскаго и 1 экз. книги Трощанскаго „Эволюція черной вѣры у якутовъ" съ надписью—„Въ библіотеку музея имени Л. Н. Толстого".

* * *

Въ газетѣ «Слово» (28 августа) воспроизведенъ новый портретъ Толстого кисти И. Е. Рѣпина. Оригиналъ этого портрета принесенъ И. Е. Рѣпинымъ въ даръ Дому-Музею имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ. Портретъ временно находится у насъ.

* * *

Въ газетахъ «Рѣчь» и «Слово» (28 августа) напечатано воззваніе артистовъ императорскихъ театровъ В. Д. Давыдова, Г. Г. Ге, Ю. Э. Озаровскаго, Ю. М. Юрьева, В. И. Петрова и Н. Н. Ходотова къ ихъ столичнымъ и провинціальнымъ товарищамъ по профессіи устраивать повсемѣстно спектакли, весь чистый сборъ съ которыхъ обращать на усиленіе фонда для устройства Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

* * *

На изданіе сочиненій Л. Н. Толстого поступило изъ Юрьева—2 р. Деньги переданы по назначенію.

* * *

Согласно постановленію съѣзда представителей русской печати и за выбытіемъ изъ состава избраннаго имъ Комитета члена его Н. Ф. Анненскаго и кандидата А. В. Пѣшехонова, Комитетъ пополнился кандидатомъ К. В. Аркадакскимъ. Какъ представители литературныхъ учрежденій, въ Комитетъ вошли: отъ Литературнаго Фонда—С. А. Венгеровъ, отъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—Л. З. Слонимскій, отъ Литературнаго Общества—Ѳ. Д. Батюшковъ. Кромѣ того, Комитетъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ кооптаціи и избралъ въ свой составъ Л. Н. Андреева, Г. В. Плеханова и Д. С. Мережковскаго.

N

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

МИНУВШIЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРIИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ОКТЯБРЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными вопросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры [1]).

I. Марксъ и Бакунинъ.

„Не иронія ли это судьбы, что русскіе, на которыхъ я непрерывно нападалъ въ теченіе 25 лѣтъ не только на нѣмецкомъ, но также на французскомъ и англійскомъ языкахъ, всегда были моими доброжелателями“— пишетъ Карлъ Марксъ 12 октября 1868 г. своему другу д-ру Л. Кугельману. — Одинъ петербургскій книгоиздатель сообщилъ Марксу, что первый томъ его „Капитала“, вышедшій всего за годъ передъ тѣмъ въ Германіи, печатается уже въ Петербургѣ въ русскомъ переводѣ, и просилъ его прислать свою фотографію для этого изданія. Такъ какъ „Капиталъ“— какъ это можно видѣть изъ писемъ Маркса къ Кугельману—расходился даже въ самой Германіи до такой степени медленно, что въ началѣ 1869 года далеко еще не были покрыты даже издержки на печатаніе, то, конечно, нельзя было смотрѣть, какъ на пустую мелочь, на тотъ фактъ, что въ Россіи нашелся тотчасъ же издатель для такой тяжеловѣсной книги, представлявшей для этой страны почти только академическій интересъ. Ибо если Германія обладала уже въ 1868 г. довольно преуспѣвающей новѣйшей индустріей и новѣйшимъ пролетаріатомъ, въ средѣ котораго происходило уже живое и сильное движеніе, то въ Россіи не было еще и слѣда такого движенія, а по части новѣйшей индустріи имѣлись лишь самые первые ея зачатки.

Тѣмъ знаменательнѣе поэтому, что Марксъ говоритъ почти съ пренебреженіемъ о встрѣченномъ имъ въ Россіи почетѣ. Онъ вспоминаетъ, что еще въ 1843 и 1844 годахъ проживавшіе въ Парижѣ русскіе аристократы носили его на рукахъ и что его полемическая брошюра противъ Прудона, такъ же какъ и его вышедшая въ 1859 г. въ Берлинѣ книга „Къ критикѣ политической экономіи“ нигдѣ не встрѣтили себѣ лучшаго сбыта, какъ въ Россіи, а затѣмъ онъ продолжаетъ:

„И вотъ первой чужой націей, переведшей „Капиталъ“, оказывается

---

[1]) Статья эта написана Эдуардомъ Бернштейномъ для „Минувшихъ Годовъ“.

опять-таки русская. Но этому не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія. Русская аристократія воспитывается въ юности въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она жадно набрасывается всегда на самыя крайнія идеи, появляющіяся на Западѣ. Это такіе же умственные лакомки, какими были многіе французскіе аристократы въ 18-мъ вѣкѣ. Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers (это не для портныхъ и не для сапожниковъ),—говорилъ тогда Вольтеръ о своей собственной просвѣтительной дѣятельности. И это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, вскорѣ по поступленіи на государственную службу, становиться порядочными негодяями".

Мы находимъ это мѣсто замѣчательнымъ не ради нѣсколькихъ крупицъ правды, заключающихся въ этихъ сужденіяхъ, которыя мы почти склонны назвать банальными, а ради того, что Марксъ, повидимому, и впослѣдствіи остался при томъ же мнѣніи. А между тѣмъ, чтобы находить вкусъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ, требовалось навѣрно быть чѣмъ-то большимъ, чѣмъ просто аристократическимъ любителемъ погони за крайностями. Конечно, тотъ или другой изъ „лакомокъ" этого рода могъ пріобрѣсть и перелистовать ихъ только изъ любви къ парадоксамъ. Но коль скоро теоретическіе труды Маркса находили широкій сбытъ между русскими и притомъ въ самой Россіи, то это свидѣтельствовало о гораздо болѣе сильномъ и серьезномъ умственномъ движеніи, чѣмъ временныя увлеченія юности небольшой кучки еще неперебѣсившихся молодыхъ аристократовъ, и намъ нѣтъ нужды излагать здѣсь какъ бы впервые то, какъ стояло въ дѣйствительности это дѣло въ Россіи во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка. Трудно допустить, чтобы Марксъ не былъ освѣдомленъ объ этомъ въ той или другой мѣрѣ. Невозможно думать, чтобы отъ его вниманія ускользнуло то обстоятельство, что рядомъ съ либерально-радикальнымъ движеніемъ, литературнымъ представителемъ котораго былъ его политическій и личный противникъ Александръ Герценъ, появилось въ Россіи новое направленіе, наиболѣе выдающимся представителемъ котораго былъ Чернышевскій и которое соединяло политическій пылъ съ серьезной критической научностью. Къ тому же даже и за предѣлами Россіи было уже извѣстно о демократическомъ, народническомъ движеніи среди русской учащейся молодежи и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя были воздвигнуты противъ нея правительствомъ по поводу покушенія Каракозова. Въ одномъ изъ писемъ Бакунина къ Марксу, ставшемъ извѣстнымъ впервые только шесть лѣтъ тому назадъ и помѣченнымъ изъ Женевы 22 декабря 1868 г., т. е. писанномъ всего черезъ два съ половиною мѣсяца позже вышеприведеннаго письма Маркса, стоитъ въ самомъ началѣ:

„Серно сообщилъ мнѣ ту часть твоего письма, которая касалась меня. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я быть твоимъ другомъ. Да, и даже болѣе, чѣмъ когда-нибудь, дорогой Марксъ"...

Серно, о которомъ идетъ тутъ рѣчь, былъ никто иной, какъ Александръ Серно-Соловьевичъ, ученикъ Чернышевскаго и страстный противникъ Александра Герцена,—т. е. никто иной, какъ авторъ появившагося въ 1867 г. въ Женевѣ памфлета „Наши домашнія дѣла", въ которомъ, рядомъ съ пылкими, личными выходками противъ Герцена, противопоставлялся въ самой рѣзкой формѣ его сентиментальному радикализму чисто реалистическій радикализмъ Чернышевскаго. Уже одинъ тотъ фактъ, что корреспондентомъ Маркса былъ именно Серно-Соловьевичъ, вполнѣ достаточенъ, чтобы подтвердить самымъ неопровержимымъ образомъ наше заключеніе, что Марксъ былъ достаточно освѣдомленъ касательно происходившаго въ Россіи умственнаго броженія.

Конечно, участники этого броженія составляли лишь очень тонкій слой русскаго населенія, и предостерегать противъ „переоцѣнки" политическаго значенія идеологій этого общественнаго слоя значило бы высказать избитую общую истину. Но замѣчаніе Маркса совсѣмъ не имѣло этого смысла. Его пренебрежительный тонъ относится къ *лицамъ*, а не къ степени ихъ вліянія на страну. Это замѣчаніе, такъ же какъ и слѣдующія за нимъ фразы, свидѣтельствуетъ о глубокомъ недовѣріи Маркса къ внутренней цѣнности тѣхъ русскихъ, которые расхватываютъ его сочиненія,—о недовѣріи, для объясненія котораго недостаточно воспоминанія о той неустанной войнѣ, которую онъ велъ противъ офиціальной Россіи. Ибо если Марксъ и принималъ иной разъ за пособниковъ своего врага такихъ людей, которые вовсе не были ими на самомъ дѣлѣ, то его столь понятная въ этомъ пунктѣ страстность все же не ослѣпляла его до такой степени, чтобы въ силу только этого видѣть во всѣхъ русскихъ или настоящихъ или будущихъ холоповъ.

Итакъ, откуда же это великое недовѣріе?

До нѣкоторой степени причина его несомнѣнно скрывалась въ житейскихъ испытаніяхъ и наблюденіяхъ Маркса по этой части. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ изъ воспоминаній Анненкова, что въ 1847 году онъ былъ представленъ Марксу однимъ знакомымъ ему степнымъ помѣщикомъ, который поддерживалъ тогда тѣсныя сношенія съ Марксомъ и выдавалъ себя за горячаго приверженца его ученій, но вернувшись впослѣдствіи въ свои помѣстья, скоро позабылъ объ этомъ и, не мучимый, повидимому, излишней склонностью къ самостоятельному, послѣдовательному мышленію, предался безъ удержу всѣмъ житейскимъ наслажденіямъ, доставляемымъ обыкновенно крупными доходами. Самъ Анненковъ пишетъ,

что подобные случаи и породили, вѣроятно, у Маркса и другихъ склонность принимать всякаго являющагося къ нимъ русскаго или за шпіона, или за мошенника; и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, когда Марксъ писалъ Кугельману вышеприведенныя слова, то на дѣлѣ онъ вспоминалъ въ особенности этого самаго степного помѣщика, тѣмъ болѣе, что по началу онъ произвелъ на него самое подкупающее впечатлѣніе.

Однако всего этого, по моему мнѣнію, еще недостаточно для объясненія пренебрежительнаго тона Маркса въ данномъ случаѣ. Остываніе бывшихъ приверженцевъ и отступничество встрѣчаются во всѣхъ классахъ и во всѣхъ странахъ. А потому мнѣ кажется, что неуважительный отзывъ Маркса о русскомъ спросѣ на его сочиненія долженъ быть отнесенъ, по крайней мѣрѣ хоть отчасти, къ его сильной, личной антипатіи по отношенію къ двумъ людямъ, представлявшимъ тогда въ Европѣ и для Европы оба крыла русскаго радикальнаго оппозиціоннаго движенія,—т. е. къ либералу Александру Герцену, котораго онъ ядовито называлъ „полу-русскимъ и вполнѣ московитомъ“, и къ вполнѣ русскому и вполнѣ революціонеру — Михаилу Бакунину.

Повидимому, въ то время, когда Марксъ писалъ вышеупомянутое письмо къ Кугельману, онъ не имѣлъ еще никакихъ сношеній съ русскими соціалистами сколько-нибудь выдающагося значенія. Въ генеральномъ совѣтѣ Интернаціонала Польша имѣла своего представителя, но Россія — нѣтъ. Серно-Соловьевичъ переписывался съ Марксомъ не какъ представитель какого-нибудь русскаго союза, а какъ членъ одной изъ женевскихъ секцій Интернаціонала. Только позднѣе Марксъ имѣлъ въ Женевѣ своего довѣреннаго человѣка изъ русскихъ. Этимъ человѣкомъ былъ Николай Утинъ, который послѣ временнаго пребыванія въ Англіи въ 1867 и 1868 гг.— переѣхалъ во французскую Швейцарію, гдѣ нѣкоторое время находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Серно-Соловьевичемъ, а также и съ Бакунинымъ, но потомъ, послѣ Базельскаго конгресса Интернаціонала (сентябрь 1869), отдѣлился отъ Бакунина и, въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ проживавшихъ въ Женевѣ русскихъ, основалъ тамъ русскую секцію Интернаціонала, представительство которой въ генеральномъ совѣтѣ было поручено Марксу. Былъ ли Утинъ лично знакомъ съ Марксомъ еще въ Англіи,—этого я не знаю. Но во всякомъ случаѣ знакомство это могло быть лишь самымъ поверхностнымъ, такъ какъ Утинъ стоялъ тогда очень близко къ кружку Герцена и Бакунина. И только послѣ того, какъ онъ поссорился съ Бакунинымъ, эта общая вражда къ одному и тому же человѣку повела къ болѣе тѣсному сближенію Утина съ Марксомъ, для котораго онъ въ 1872 и 1873 г. обработалъ, въ по возможности рѣзкомъ и неблагопріятномъ для Бакунина видѣ, тотъ матеріалъ о Бакунинѣ и Нечаевѣ, который на-

шелъ себѣ потомъ приложеніе въ извѣстной обвинительной запискѣ противъ Бакунина, подъ заглавіемъ „Заговоръ противъ Интернаціонала" (по-французски—L'Alliance de la Democratie Socialiste).

Борьба Маркса съ Бакунинымъ столько уже разъ излагалась и обсуждалась въ Россіи, что со стороны нѣмца можетъ показаться нѣсколько дерзкимъ выступить передъ русскими еще разъ съ подробнымъ изложеніемъ этого дѣла. Однако борьба эта имѣетъ такое существенное значеніе для характеристики отношеній Маркса къ русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, и она такъ долго вліяла заднимъ числомъ на эти отношенія, что мы не можемъ отдѣлаться отъ нея здѣсь какой-нибудь парою фразъ. Итакъ, да будетъ позволено мнѣ еще разъ рекапитулировать эту исторію въ ея главнѣйшихъ чертахъ.

Многіе писатели—какъ, напримѣръ, Бенуа Малонъ — сводили вражду между Марксомъ и Бакунинымъ исключительно на почву личной предубѣжденности другъ противъ друга. Это несомнѣнно невѣрно. Она была обусловлена въ высокой степени различіями въ направленіи мышленія обоихъ знаменитыхъ соціалистовъ. Но столь же невѣрно было бы искать причину этой вражды исключительно въ области идеологіи. Всякій, кто безпристрастно изучитъ относящійся сюда матеріалъ, скорѣе будетъ приведенъ къ тому заключенію, что теоретическія и дѣловыя разногласія между Марксомъ и Бакунинымъ получили особое обостреніе вслѣдствіе примѣси личныхъ моментовъ, и что именно эти личные моменты завели ихъ взаимныя столкновенія за тѣ предѣлы, которые необходимо обусловливались различіями въ ихъ теоретическихъ взглядахъ. Еще ранѣе 1848 года Бакунинъ былъ уже не симпатиченъ Марксу вслѣдствіе своего сентиментальнаго радикализма, а также и по своему образу жизни, при чемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи дѣло шло скорѣе объ эстетико-культурной антипатіи, чѣмъ о моральномъ осужденіи, такъ какъ Марксъ отнюдь не былъ такимъ моральнымъ пуристомъ, за какого его нынче такъ часто выдаютъ. Въ ту эпоху, когда Марксъ вырабатывалъ свою экономическую теорію исторіи, онъ былъ особенно склоненъ придавать теоретическимъ спорамъ личную окраску, а потому тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ было для него столкновеніе съ Бакунинымъ,—другомъ спекулятивныхъ соціалистовъ, на которыхъ онъ нападалъ тогда съ такимъ одушевленіемъ; а какъ думалъ Бакунинъ о Марксѣ въ послѣдніе годы передъ 1848-мъ, это показываетъ его переписка изъ того времени, въ особенности же его письма изъ Брюсселя.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что когда наступилъ 1848 годъ и Бакунинъ выступилъ на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ защитникомъ правъ австрійскихъ славянъ противъ нѣмцевъ, то редактируемая Марксомъ „Новая Рейнская Газета" не только рѣзко напала на

это выступленіе, какъ на могущее послужить въ пользу лишь царю, этому прирожденному врагу революціи, но дошла даже до провозглашенія Бакунина русскимъ шпіономъ, ссылаясь, правда, на свидѣтельство Жоржъ Зандъ, которое она однако отвергла, вслѣдствіе чего газета должна была взять его назадъ. Ясно, что если кто-либо подхватываетъ столь тяжкое обвиненіе противъ лично извѣстнаго ему человѣка и публикуетъ его безъ предварительной провѣрки, то это указываетъ на предварительное, давнее нерасположеніе и неуваженіе къ этому человѣку.

Что касается до перваго пункта, т. е. до тактическаго осужденія бакунинскаго выступленія на славянскомъ конгрессѣ, то едва ли нужно доказывать теперь, что движеніе австрійскихъ славянъ вредило тогда революціонному движенію въ Германіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и во всей Европѣ, и что, при тогдашнемъ низкомъ экономическомъ и духовномъ уровнѣ народныхъ массъ у этихъ славянъ, оно могло представляться возстаніемъ некультурности противъ культуры; но что, съ другой стороны, дѣло все-таки шло объ угнетенныхъ народностяхъ, а потому оно не могло не быть близкимъ сердцу русскаго демократа, захватывая его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе руководился онъ при этомъ своимъ чувствомъ и темпераментомъ. Въ глазахъ Маркса чехи, кроаты и пр. были народностями, осужденными исторіей на національное умираніе, и въ той единой, нераздѣльной, великогерманской республикѣ, къ которой стремился тогда Марксъ, чехи дѣйствительно все болѣе и болѣе оттѣснялись бы на задній планъ не только вслѣдствіе своей численной слабости, но также и вслѣдствіе того, что въ главной своей массѣ они состояли изъ крестьянъ и земледѣльческихъ рабочихъ и были представителями консервативной области съ низкой формой хозяйства противъ города и прогрессивной индустріи.

Мы наталкиваемся здѣсь на очень характерную противуположность. Какъ съ точки зрѣнія еще сильно пропитаннаго централизмомъ революціонера, какая приписывалась якобинству 1793 г., такъ и съ точки зрѣнія соціалиста, видящаго въ индустріи и въ ея пролетаріатѣ носителей общественнаго прогресса, Марксъ былъ какъ бы заранѣе предопредѣленъ быть противникомъ чешскаго, кроатскаго и т. п. движенія. Ибо національно-патріотическія стремленія имѣли въ его глазахъ историческое оправданіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они совпадали съ великими задачами исторіи. Кромѣ того, его враждебность къ австрійскимъ славянамъ усиливалась еще очевиднымъ кокетничаньемъ ихъ самыхъ вліятельныхъ вождей съ Россіей, повелитель которой открыто выставлялъ себя охранителемъ консервативнаго порядка въ Европѣ, а въ то время и дѣйствительно доказалъ это на дѣлѣ. Но кто, какъ Бакунинъ, былъ космополитическимъ демократомъ, ставившимъ на первый планъ поддержку всѣхъ угнетенныхъ противъ

ихъ угнетателей, и кто, въ качествѣ состоящаго въ оппозиціи русскаго, чувствовалъ живѣйшую антипатію къ нѣмцамъ, игравшимъ такую выдающуюся роль въ русской бюрократіи, для того экономическія и историческія соображенія, опредѣлявшія осужденіе Маркса, отступали на задній планъ или даже были прямо непонятными и казались просто какими-то фантазіями. Къ тому же противъ нихъ можно было привести кое-какія небезосновательныя возраженія, а потому даже вполнѣ добросовѣстный человѣкъ могъ совершенно искренно оспаривать мнѣніе, будто бы демократическое возстаніе славянъ, на какомъ настаивалъ Бакунинъ, непремѣнно и необходимо должно было послужить на пользу царизму, какъ то утверждали Марксъ и нѣкоторые другіе.

Мнѣ хотѣлось бы замѣтить здѣсь мимоходомъ, что ничего не можетъ быть ошибочнѣе мысли, будто бы отношеніе Маркса къ чешскому вопросу зависѣло отъ его предубѣжденія противъ славянъ. Оно можетъ быть связано скорѣе съ другой его чертой, свойственной также другу и сотруднику Фридриху Энгельсу, а именно съ ихъ антипатіей къ мелкимъ національностямъ, претендующимъ на отдѣльное существованіе среди великихъ историческихъ народовъ, — совершенно независимо отъ того, принадлежатъ ли эти національности къ славянской, романской или германской расѣ. Нѣсколько извлеченій изъ статей, напечатанныхъ въ „Новой Рейнской Газетѣ", покажутъ намъ это самымъ очевиднымъ образомъ.

Въ передовой статьѣ, помѣщенной 17 іюня 1848 г., въ связи съ характеристикой военнаго разгона славянскаго конгресса и изгнанія его изъ Праги, имѣвшаго мѣсто 12 и 13 іюня 1848, дѣлается упрекъ нѣмцамъ за то, что они не сумѣли энергическимъ веденіемъ революціи внушить довѣріе чешскому народу и привлечь его на сторону нѣмецкой революціи; но затѣмъ авторъ статьи продолжаетъ:

„Но кого всего болѣе приходится пожалѣть, такъ это самихъ доблестныхъ чеховъ. Побѣдятъ ли они, или потерпятъ пораженіе, ихъ національная гибель во всякомъ случаѣ неизбѣжна. Четырехсотлѣтнее угнетеніе ихъ нѣмцами, завершившееся нынѣ уличнымъ боемъ на улицахъ Праги, толкнуло ихъ въ объятія русскихъ. Въ великой борьбѣ между востокомъ и западомъ Европы, долженствующей разразиться въ самомъ близкомъ времени—быть можетъ, всего черезъ нѣсколько недѣль—несчастное отношеніе чеховъ къ нѣмцамъ ставитъ ихъ на сторону русскихъ, т. е. на сторону деспотизма противъ революціи. Но революція побѣдитъ и чехи окажутся первыми жертвами угнетенія съ ея стороны".

Въ январѣ 1849, въ статьѣ, посвященной возстанію венгровъ за свою независимость, разбирается, между прочимъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло случиться, что въ продолженіе революціи 1848 произошло

полное распаденіе австрійскихъ національностей на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна стала на сторону контръ-революціи; при чемъ авторъ даетъ въ самомъ хладнокровномъ тонѣ такое объясненіе:

„Это распаденіе соотвѣтствуетъ всей предыдущей исторіи этихъ племенъ. Это—начало рѣшенія вопроса о жизни и смерти для всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ народностей. Вся прежняя исторія Австріи обнаруживаетъ этотъ фактъ, а 1848 только окончательно подтвердилъ его. Между всѣми народами и народцами Австріи только три были носителями прогресса, принимавшими дѣятельное участіе въ исторіи и сохранившими свою жизнеспособность до настоящей минуты, это—нѣмцы, венгры и поляки. И потому-то они теперь революціонны. Миссія всѣхъ другихъ, крупныхъ и мелкихъ, племенъ и народовъ заключается прежде всего въ томъ, чтобы погибнуть въ революціонной міровой бурѣ. И потому-то они теперь контръ-революціонны...“

„Нѣтъ такой страны въ Европѣ, которая не обладала бы—въ томъ или другомъ уголку—обломками одной или нѣсколькихъ народностей, представляющихъ остатки прежняго населенія, затѣсненнаго и угнетеннаго тою народностью, которая стала потомъ носительницей историческаго развитія. Эти остатки племенъ, безжалостно растоптанныхъ ходомъ исторіи — какъ выражается гдѣ-то Гегель—эти обломки прежнихъ народовъ всегда становятся и остаются, вплоть до ихъ полнаго угасанія или денаціонализированья, фанатическими приверженцами и слугами контръ-революціи, такъ какъ уже все ихъ существованіе представляетъ вообще протестъ противъ великой исторической революціи...“

Въ силу этого въ свое время въ Шотландіи горные кельты поддерживали Стюартовъ, во Франціи бретонцы стояли за Бурбоновъ, а въ Испаніи баски сражались за Донъ-Карлоса; подобную же историческую роль сыграли теперь австрійскіе славяне, за исключеніемъ поляковъ, а также румыны и саксонцы Трансильваніи.

„Въ Австріи—если не считать Польшу и Италію—взяли на себя историческую инициативу въ 1848 году нѣмцы, какъ они брали ее въ теченіе уже тысячи лѣтъ. Они представляютъ здѣсь революцію. Южные славяне, въ продолженіе тысячи лѣтъ ведомые на буксирѣ нѣмцами и венграми, возстали теперь за возвращеніе своей національной независимости только для того, чтобы подавить заразъ этимъ путемъ нѣмецко-венгерскую революцію. Они представляютъ собою контръ-революцію. Къ нимъ пристали еще двѣ, тоже давно уже пришедшія въ упадокъ, національности: румыны и саксонцы въ Седмиградіи“.

И какимъ бы путемъ ни пошли дѣла, „всѣ эти маленькія тупо-упрямыя (Stierköpfigen) національности будутъ сброшены, устранены революціей съ исторической дороги“.

14 и 15 февраля 1849 года появились въ „Новой Рейнской Газетѣ“ двѣ довольно длинныя полемическія статьи, направленныя противъ брошюры Бакунина „Воззваніе къ славянамъ отъ русскаго патріота“, вышедшей незадолго передъ тѣмъ въ Котенѣ. „Бакунинъ нашъ другъ; но это не удержитъ насъ отъ критики его брошюры“—говорится въ началѣ первой изъ этихъ статей. И критика эта вышла довольно таки рѣзкой. Ея руководящій мотивъ виденъ изъ слѣдующаго разсужденія:

„Тяжкій и мучительный опытъ научилъ насъ, что „братство европейскихъ народовъ“ достигается не посредствомъ фразъ и благочестивыхъ пожеланій, а путемъ рѣшительныхъ революцій и кровавой борьбы; что дѣло идетъ тутъ не о братствѣ *всѣхъ* европейскихъ народовъ подъ сѣнью одного республиканскаго знамени, но о союзѣ революціонныхъ народовъ противъ контръ-революціонеровъ, — о союзѣ, который осуществляется не на бумагѣ, а на полѣ битвы“... Это руководящее положеніе противупоставляется бакунинскому воззванію, возвращающемуся къ прекрасному началу революціи 1848 г., лозунгомъ котораго было „освобожденіе всѣхъ народовъ безотносительно къ историческимъ, географическимъ, коммерческимъ и стратегическимъ требованіямъ“. „Уже въ одной этой фразѣ мы находимъ снова все мечтательное одушевленіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ революціи. О существующихъ дѣйствительныхъ препятствіяхъ такому всеобщему освобожденію, о громадныхъ различіяхъ въ ступеняхъ цивилизаціи различныхъ народовъ и объ обусловленныхъ ими столь же великихъ различіяхъ въ ихъ политическихъ нуждахъ и требованіяхъ,—въ ней нѣтъ и рѣчи. Все это замѣщается однимъ словомъ: свобода“.

Но какъ мало говорятъ такіе лозунги, какъ—„всеобщее братство народовъ“ или—„установленіе границъ верховною волею самихъ народовъ на основаніи ихъ національнаго единства“—можетъ быть пояснено на примѣрѣ покоренія Техаса Соединенными Штатами. Мексика, которой принадлежалъ Техасъ, такая же республика, какъ и Соединенные Штаты; и здѣсь, и тамъ народъ одинаково обладаетъ верховною властью; почему же, несмотря на это, эти республики не „побратались“ и не „объединились въ общую федерацію“? Благодаря мужеству своихъ добровольцевъ, Соединенные Штаты, исходя изъ „географическихъ, коммерческихъ и историческихъ требованій“, раздвинули къ югу свои границы на нѣсколько сотъ миль далѣе того, какъ онѣ были проведены „природою“. Изложивъ это, авторъ статьи спрашиваетъ:

„Что же? Бакунинъ поставилъ въ упрекъ американцамъ эту завоевательную войну, которая безъ сомнѣнія нанесла тяжелый ударъ его теоріи, опирающейся на „справедливость и человѣчность“, но которая въ то же время была ведена единственно и исключительно въ интересахъ цивили-

заціи? Или, быть можетъ, онъ считаетъ несчастіемъ, что великолѣпная Калифорнія была вырвана изъ рукъ лѣнивыхъ мексиканцевъ, которые не умѣли ничего съ нею подѣлать? что энергичные янки, путемъ быстрой разработки тамошнихъ золотыхъ розсыпей, умножаютъ теперь средства обращенія, что они вызвали въ немногіе годы на самомъ удобномъ мѣстѣ Тихоокеанскаго побережья густое населеніе и сосредоточиваютъ тамъ теперь обширную торговлю; что они создаютъ тамъ большіе города, пароходныя сообщенія и закладываютъ желѣзнодорожный путь отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско; что они впервые открываютъ настоящимъ образомъ Тихій Океанъ для европейской цивилизаціи, въ третій разъ на протяженіи исторіи собираются дать міровой торговлѣ новое направленіе? Быть можетъ, „независимость" нѣкотораго числа испанскихъ калифорнійцевъ и техасцевъ и потерпѣла отъ этого, быть можетъ, „справедливость" и другіе моральные принципы и были нарушены тамъ и сямъ при этомъ случаѣ, но что значатъ эти нарушенія противъ такихъ всемірно-историческихъ фактовъ?"...

„Мы повторяемъ снова: за исключеніемъ поляковъ, русскихъ и, самое большее,—турецкихъ славянъ, ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущаго по той простой причинѣ, что всѣмъ остальнымъ славянскимъ народамъ недостаетъ самыхъ первыхъ историческихъ, географическихъ, политическихъ и экономическихъ условій для самостоятельности и жизнеспособности".

„Народы, которые никогда не имѣли собственной исторіи, которые съ момента достиженія ими первой, самой грубой ступени цивилизаціи, уже попадаютъ подъ чужое господство, или даже насильственно возводятся на эту первую ступень цивилизаціи подъ давленіемъ чужого ига,—такіе народы не имѣютъ никакой жизнеспособности и никогда не достигнутъ никакой самостоятельности"...

„Что сказали бы о нѣмецкой демократической партіи, если бы она открыла свою програму требованіемъ возвращенія Германіи Эльзаса и Лотарингіи, а также во всѣхъ отношеніяхъ связанной съ Франціей Бельгіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что большинство населенія тамъ германскаго происхожденія? Какія насмѣшки возбудили бы противъ себя нѣмецкіе демократы, если бы они вздумали основать пангерманскій нѣмецко-датско-шведско-англо-голландскій союзъ для „освобожденія всѣхъ странъ, говорящихъ германскими языками!"

На подобныя мечтательныя затѣи и свелись дѣйствительно въ Германіи студенческія движенія 1817 и 1830 годовъ, реакціонный характеръ которыхъ давно и оцѣненъ изслѣдователями. Но насколько ребячливъ и реакціоненъ былъ пангерманизмъ, настолько же ребячливъ и реакціоненъ

и нынѣшній панславизмъ. Панславитское движеніе 1848 года повторяетъ всѣ ребячества и мечтательныя сумасбродства нѣмецкихъ „буршеншафтовъ", вплоть до завершившихъ ихъ разочарованій и жалобъ. Кто желаетъ прочесть нѣмецкую студенческую пѣсню „Мы воздвигли величественное зданіе" (Wir haben gebauet ein stattliches Haus) въ славянской прозѣ, тотъ пусть возьметъ книгу Бакунина Но если Бакунинъ провозглашаетъ въ серьезъ безпощадную борьбу на жизнь и на смерть, пока славянство не выступитъ на міровой сценѣ свободнымъ и великимъ, если революціонный панславизмъ — тамъ, гдѣ идетъ дѣло о „фантастическихъ славянскихъ національностяхъ"—отказывается совсѣмъ отъ революціи, то въ такомъ случаѣ мы знаемъ, что намъ нужно тутъ дѣлать. Въ такомъ случаѣ, „борьба, неумолимая борьба на жизнь и на смерть съ измѣняющимъ революціи славянствомъ, истребительная борьба и безпощадный терроризмъ,—не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи".

Чтобы мы не думали о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя выразились въ этихъ выпискахъ и пересказахъ и оцѣнка которыхъ не входитъ въ задачу этой статьи, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что разногласія въ мнѣніяхъ между Марксомъ и Бакунинымъ по такому великому современному вопросу должны были имѣть такое огромное практическое значеніе, по сравненію съ которымъ ихъ взаимныя личныя антипатіи потеряли бы всякую важность и значеніе, если бы онѣ не повели, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго примѣра, къ легковѣрному принятію одной стороной всевозможныхъ политическихъ подозрѣній противъ другой.

Это отношеніе Маркса къ Бакунину не измѣнилось, повидимому, и за то время, пока послѣдній пребывалъ политическимъ узникомъ въ Россіи. Въ своей политической брошюрѣ „Политическая теологія Маццини" (La Théologie politique de Mazzini, Genéve, 1871) Бакунинъ разсказываетъ, что когда онъ въ 1862 г. впервые явился въ Лондонъ послѣ своего побѣга изъ Сибири, то Герценъ и Маццини сообщили ему о клеветническихъ подозрѣніяхъ, распускавшихся тамъ на его счетъ, въ числѣ прочихъ и Марксомъ, вслѣдствіе чего онъ воздержался отъ посѣщенія Маркса. Но когда онъ въ 1864 году вторично пріѣхалъ въ Лондонъ, то, по его словамъ, Марксъ самъ пришелъ къ нему и увѣрялъ его, что онъ никогда не высказывалъ про него такихъ подозрѣній и даже прямо называлъ ихъ гнусными выдумками. Отпираться отъ сдѣланнаго когда-либо было совсѣмъ не въ характерѣ Маркса. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что эти слухи были нахватаны просто съ вѣтру. Біографъ Бакунина Нетлау, говоря о лондонскомъ періодѣ его жизни, упоминаетъ о „клеветахъ клики Уркварта (Urquhart), который стоялъ также близко къ Марксу". Поэтому дѣло было, по всей вѣроятности, такъ, что хотя Марксъ и не повторялъ

прямо подозрѣнія Урквартa, но заявлялъ, что оно не совсѣмъ лишено всякаго основанія. Вѣдь извѣстно, что Марксъ упрекалъ не одного человѣка въ содѣйствіи интересамъ того или другого правительства, вовсе не желая выставить его вслѣдствіе этого продажнымъ агентомъ этого правительства. Подобнымъ же образомъ мы знаемъ, что и его примиреніе съ Бакунинымъ также никогда не были рѣшительными и безоговорочными.

Однако, что касается до разговора между Марксомъ и Бакунинымъ, о которомъ разсказываетъ послѣдній, то онъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Маркса. А именно, въ томъ окружномъ посланіи противъ Бакунина, помѣченномъ „конфиденціальное сообщеніе“, которое было разослано Марксомъ 28 марта 1870 г., черезъ посредство Кугельмана, выдающимся представителямъ дружественнаго Марксу крыла нѣмецкой соціалъ-демократіи, Марксъ самъ ссылается на этотъ разговоръ. Онъ разсказываетъ тамъ, что, вскорѣ послѣ основанія Интернаціонала, онъ видѣлся въ Лондонѣ съ Бакунинымъ и принялъ его въ члены ассоціаціи, причемъ Бакунинъ обѣщалъ ему трудиться по мѣрѣ силъ на ея пользу. Изъ этого слѣдуетъ во всякомъ случаѣ, что въ то время установился между ними родъ перемирія и, быть можетъ, намъ даже удастся выяснить когда-нибудь и то, кто сыгралъ въ этомъ дѣлѣ посредника. Но миръ продолжался не долго.

Въ этомъ окружномъ посланіи Марксъ разсказываетъ далѣе, что Бакунинъ, уѣхавшій вскорѣ послѣ того въ Италію, написалъ ему оттуда „восторженное“ письмо по поводу пересланнаго ему статута Интернаціонала и вступительной рѣчи, но „ничего не сдѣлалъ“ и даже пересталъ подавать о себѣ извѣстіе, пока онъ не вынырнулъ снова въ Швейцаріи, гдѣ онъ вмѣсто Интернаціонала вступилъ въ Лигу мира и свободы. Все это совершенно вѣрно. Но если Бакунинъ въ теченіе долгаго времени не трудился прямо для Интернаціонала, то косвенно онъ все же работалъ для него, т. е. *по существу* дѣла дѣйствовалъ всегда въ его смыслѣ. А большее едва ли было возможно. Всѣ радикальные элементы среди буржуазной молодежи и рабочаго сословія Италіи въ половинѣ 60-хъ годовъ 19-го вѣка льнули къ Гарибальди и Мацциниi; а потому первый шагъ къ подготовкѣ почвы для Интернаціонала въ Италіи долженъ былъ состоять въ привлеченіи на свою сторону и сплоченіи нѣкотораго ядра изъ противниковъ ученій Маццини. И, какъ извѣстно, Бакунинъ — несмотря на свою симпатію къ Маццини, какъ къ человѣку — во время этого пребыванія своего въ Италіи и посвятилъ себя именно этой задачѣ. Онъ основалъ тамъ революціонное братство, или тайный союзъ революціонеровъ соціалистическаго направленія; а теперь установлено также, что первая секція Интернаціонала, являвшаяся къ жизни въ 1867 г. въ Неаполѣ,

обязана своимъ возникновеніемъ его же агитаціи. И когда онъ послѣ того отправился въ 1867 на конгрессъ Лиги мира и свободы, вербовавшей своихъ приверженцевъ по преимуществу изъ радикальныхъ идеологовъ буржуазіи, то это обстоятельство не могло быть поставлено ему въ упрекъ даже съ радикально-соціалистической точки зрѣнія, такъ какъ и другіе соціалисты участвовали въ этой лигѣ, представлявшей свободное поле для пропаганды, и такъ какъ между этой лигой и Международной ассоціаціей рабочихъ тянулось еще въ то время много другихъ соединительныхъ нитей. Такъ, Лозанскій конгрессъ Интернаціонала (начало сентября 1867) въ одной изъ своихъ резолюцій выразилъ свою полную симпатію конгрессу Лиги мира и свободы, собравшемуся недѣлею позже въ Женевѣ, и въ прибавленіи къ этой резолюціи заявилъ даже о своемъ согласіи примкнуть къ этому конгрессу въ томъ случаѣ, если онъ выскажется за реформу общества въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія продуктовъ труда; и когда эта резолюція была представлена конгрессу Лиги, то доставившая ее депутація, равно какъ и самая резолюція, были привѣтствованы большинствомъ участниковъ конгресса самыми живѣйшими знаками одобрѣнія.

Это былъ тотъ бурно протекавшій конгрессъ, на который явился Гарибальди съ своимъ планомъ похода для завоеванія папской области въ карманѣ и съ заявленіемъ, что папство отжило свой вѣкъ и что часы его уже сочтены. На этомъ же конгрессѣ выступилъ также одинъ изъ друзей Маркса, нѣсколько эксцентричный нѣмецкій соціалистъ Сигизмундъ Л. Боркгеймъ, и держалъ передъ нимъ—по соглашенію съ Марксомъ, хотя и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ Марксъ того желалъ—свою рѣчь, въ которой онъ развернулъ передъ кроткими мечтателями о всеобщемъ мирѣ, вѣрившими въ достиженіе и укрѣпленіе его путемъ резолюцій и трактатовъ, картину тѣхъ реальныхъ силъ, которыя всегда будутъ снова и снова приводить къ войнамъ, пока не будетъ искорененъ старый политическій и соціальный порядокъ, заявивъ въ заключеніе, что первымъ шагомъ для обезпеченія мира Европы должна быть война противъ Россіи. Боркгейму не удалось довести своей рѣчи до конца: всевозможныя рѣзкія выходки, которыми онъ приправлялъ эту рѣчь, вызвали шумные протесты и подъ конецъ слово было у него отнято. Вскорѣ послѣ него выступилъ Бакунинъ съ своей извѣстной програмной рѣчью, въ которой онъ нападалъ на царскую Россію, пожалуй, еще рѣзче, чѣмъ Боркгеймъ, и заявилъ, что невозможно одновременно желать величія существующей Россіи и проклинать палачей Польши, прибавивъ, что онъ — Бакунинъ — желаетъ и надѣется, что Россія будетъ побита въ ближайшей войнѣ, такъ какъ только соціализмъ и федерализмъ могли бы поднять русскій народъ. Болѣе откровеннаго и сильнаго объявленія войны противъ официальной Россіи едва ли

можно было себѣ представить; и тѣмъ не менѣе оно не обезоружило группировавшихся вокругъ Маркса соціалистовъ и революціонеровъ, между которыми въ это время снова всплыло и стало раздуваться подозрительное отношеніе къ Бакунину. И хотя Марксъ доставилъ Бакунину, черезъ проживавшаго тогда въ Женевѣ Іоганна Филиппа Беккера, экземпляръ своего „Капитала“, но самъ все же продолжалъ упорствовать въ своемъ недовѣріи къ нему, усилившемся еще тѣмъ, что Бакунинъ — по его словамъ, изъ простой забывчивости—не написалъ Марксу ни одной строчки по поводу его труда.

Наступили конгрессы 1868 года и принесли съ собой иныя взаимныя отношенія. Конгрессъ Интернаціонала былъ созванъ къ началу сентября въ Брюсселѣ; а конгрессъ Лиги мира и свободы открылся двумя недѣлями позже въ Бернѣ. Бакунинъ, принятый въ члены исполнительнаго комитета Лиги, проводилъ въ немъ постановленія, долженствовавшія установить родъ взаимной связи между Лигою и Интернаціоналомъ. По его предложенію комитетъ послалъ конгрессу Интернаціонала привѣтственный адресъ, въ которомъ онъ выражалъ свое полное сочувствіе стремленіямъ рабочихъ и приглашалъ ихъ прислать своихъ депутатовъ на конгрессъ Лиги. Но брюссельскій конгрессъ былъ далекъ отъ того, чтобы отвѣтить въ такомъ же тонѣ, или занять по отношенію къ Лигѣ то положеніе, какое занялъ всего за годъ передъ тѣмъ женевскій конгрессъ. Напротивъ того, брюссельскій конгрессъ принялъ резолюцію, заявлявшую, что Лига мира и свободы не имѣетъ никакого повода для существованія рядомъ съ Международной ассоціаціей рабочихъ, и пригласившую поэтому ея членовъ примкнуть просто къ Интернаціоналу; вмѣстѣ съ тѣмъ было отклонено всякое офиціальное представительство Интернаціонала на конгрессѣ Лиги. Такое отверженіе всякой взаимности, походившее на пощечину и вызвавшее горькіе упреки Бакунину со стороны его товарищей по комитету, было приписано имъ самимъ просто недоброжелательству Маркса и его друзей [1]). Послѣ того Ба-

[1]) См. по этому поводу письмо Бакунина къ Карлу Фогту въ Бернъ, приведенное въ литографированномъ трудѣ Нетлау о Бакунинѣ. Въ этомъ письмѣ говорится однако, что причиненная Лигѣ несправедливость не должна быть поводомъ для послѣдней стать на ошибочный путь и сузить характеръ своихъ симпатій и рѣшеній. „Какъ бы недружелюбно и мелочно ни поступила съ нами ассоціація рабочихъ, мы не можемъ и не должны забывать съ своей стороны могучее и плодотворное значеніе брюссельскаго конгресса. Онъ составляетъ великое событіе, даже величайшее событіе нашихъ дней; и если мы дѣйствительно честные демократы, то мы должны не только желать, чтобы Интернаціоналу удалось объединить всѣ рабочіе союзы Европы и Америки, но и содѣйствовать всѣми силами достиженію этой цѣли. Ибо одинъ только Интерна-

кунинъ предложилъ конгрессу Лиги резолюцію, требовавшую экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и индивидовъ,—требованіе, которое вызвало рѣзкую критику Маркса, и логическая ошибочность котораго бросается въ глаза. Ибо уравненіе классовъ санкціонируетъ неравенство индивидовъ; уравненіе же индивидовъ кладетъ конецъ существованію классовъ. Впрочемъ, ошибка крылась единственно въ неудачной формѣ выраженія, отъ которой Бакунинъ потомъ отказался. При обсужденіи резолюціи на конгрессѣ онъ заявилъ, по словамъ Гильома, что смыслъ ея заключался въ требованіи политическаго и экономическаго уничтоженія классовъ.

Предложенная Бакунинымъ резолюція была отвергнута, вслѣдствіе чего онъ съ 18 своими единомышленниками — въ числѣ которыхъ были Викторъ Жакляръ, Жуковскій, Джузеппе Фанелли, Элизе Реклю и Альбертъ Ришаръ — выступилъ изъ Лиги. Это были по большей части члены того тайнаго соціалъ-демократическаго братства, которое Бакунинъ основалъ въ Италіи для борьбы съ маццинизмомъ, а затѣмъ пропагандировалъ оттуда и далѣе; и идея Бакунина заключалась въ томъ, чтобы члены этого сообщества вступали индивидуально въ Интернаціоналъ, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ іюлѣ того года, но сохраняли бы въ то же время свой прежній союзъ между собою. Заключалась ли въ этомъ послѣднемъ пунктѣ какая-нибудь нелояльность по отношенію къ Интернаціоналу, — можетъ казаться спорнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ статутѣ Интернаціонала не было ни одного параграфа, запрещавшаго такіе союзы людей, которымъ принципіальныя заявленія Интернаціонала казались слишкомъ неопредѣленными. Да и самъ генеральный совѣтъ, несмотря на протестъ французскихъ рабочихъ, принялъ въ Интернаціоналъ бланкистскія секціи, хотя бланкисты рядомъ съ этимъ продолжали сохранять свои собственные союзы. Однако предложеніе Бакунина не прошло. А именно, по желанію французовъ была основана открытая организація, которая назвала себя „Союзомъ Соціалистической Демократіи“ (L'Alliance de la Democratie Socialiste), выработала себѣ очень опредѣленную и радикальную соціалистическую программу, вызвала къ жизни нѣсколько секцій и пожелала примкнуть къ Интернаціоналу какъ одно общее цѣлое. Къ основателямъ этого союза принадлежалъ, между прочимъ, проживавшій въ то время въ Женевѣ и состоявшій тамъ главнымъ агентомъ Интернаціонала для Швейцаріи, очень дѣятельный нѣмецкій

ціоналъ представляетъ въ эту минуту настоящую революціонную силу, которой предстоитъ обновить лицо міра“. Ни одинъ соціалистъ не могъ бы отвѣтить лучше.

Дѣйствительно ли брюссельское постановленіе было продиктовано Марксомъ, этого я не могъ вырѣшить. Возможно, что его сужденія и выраженія о Лигѣ дали толчокъ къ нему.

соціалистъ Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, находившійся въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Марксомъ. Однако генеральный совѣтъ отклонилъ принятіе Союза. Отдѣльныя его секціи могутъ вступать въ Интернаціоналъ—заявилъ онъ, — но весь Союзъ, какъ одно цѣлое, не можетъ вести въ нѣдрахъ Интернаціонала своего обособленнаго существованія; на этомъ пунктѣ должна быть проведена раздѣльная линія ради могущихъ проистечь отсюда послѣдствій. Интересно, что въ совѣтѣ Союза дружественный Марксу Беккеръ объявилъ это рѣшеніе несправедливымъ и гремѣлъ противъ „тупицъ (Dummköpfe) генеральнаго совѣта", тогда какъ Бакунинъ, напротивъ того, защищалъ это постановленіе [1]).

Къ этому же времени относится и вышеприведенное нами письмо Бакунина къ Марксу. Оно было писано въ тотъ самый день, когда состоялось постановленіе генеральнаго совѣта о непринятіи Союза въ Интернаціоналъ, въ видѣ обособленной корпораціи, и явно имѣло своей цѣлью успокоить Маркса насчетъ намѣреній Бакунина и Союза. Послѣ приведенныхъ уже нами вступительныхъ фразъ Бакунинъ продолжаетъ такъ:

„Я понимаю теперь лучше, чѣмъ когда-нибудь, насколько ты былъ правъ, идя самъ и приглашая и насъ итти путемъ экономической революціи и рѣзко нападая на тѣхъ изъ насъ, которые готовились сбиться съ этого пути на ложныя тропинки націоналистическихъ или исключительно политическихъ предпріятій. Я дѣлаю теперь какъ разъ то, что ты началъ дѣлать и дѣлалъ въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ. Послѣ торжественныхъ и публичныхъ прощальныхъ словъ, обращенныхъ мною къ почтеннымъ буржуа бернскаго конгресса, я не знаю другой среды, кромѣ міра рабочихъ. Мое отечество теперь—Интернаціоналъ, котораго ты былъ однимъ изъ главныхъ основателей. Итакъ, ты видишь, дорогой другъ, что я—твой ученикъ и горжусь этимъ. Вотъ все, что я считаю необходимымъ сказать, чтобы уяснить тебѣ мои общественныя отношенія и личныя чувства...

„Я посылаю тебѣ также программу Союза, основаннаго нами съ Беккеромъ и множествомъ другихъ итальянскихъ, польскихъ и французскихъ друзей. По этому поводу намъ придется еще много поговорить между собою. Вскорѣ я пришлю тебѣ копію большого письма—почти брошюры,— которое я пишу объ этомъ предметѣ нашему другу Цезарю де Папу (Caesar de Paepe)".

---

[1]) Такъ утверждаетъ, между прочимъ, вышедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Интернаціоналъ. Документы и воспоминанія Джемса Гильома. Парижъ, 1905". Это произведеніе нѣсколько растянуто и многословно и часто теряется въ лишнихъ мелочахъ, но оно за то богато матеріалами... Гильомъ былъ другомъ Бакунина и долго дѣйствовалъ въ его направленіи.

Можно ли считать, что все это говорилось искренно, съ честнымъ намѣреніемъ? Несмотря на то, что у Бакунина, какъ мы видѣли, имѣлись свои отличія во взглядахъ и оговорки, я склоненъ отвѣтить на это утвердительно. Дѣло въ томъ, что истинныя разногласія между Марксомъ и Бакунинымъ лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ затронутыхъ тутъ вопросовъ. Бакунинъ вѣдь и не говоритъ, что онъ подписывается обѣими руками подъ каждымъ словомъ Маркса и предается ему душой и тѣломъ, а только увѣряетъ его въ своихъ дружескихъ намѣреніяхъ и объявляетъ себя его единомышленникомъ въ дѣлѣ отношенія къ рабочему классу. Что касается до этого послѣдняго пункта, то марксовское ученіе объ исторической роли рабочаго класса несомнѣнно соотвѣтствовало вполнѣ тогдашнимъ убѣжденіямъ Бакунина. Вѣдь всего за нѣсколько лѣтъ до этого онъ перевелъ для „Колокола" „Манифестъ коммунистической партіи"; и кто изучалъ сколько-нибудь внимательно сочиненный имъ статутъ „Союза" (L'alliance), съ изложеніемъ его принциповъ, тотъ сейчасъ же признаетъ его за резюме идей, или содержащихся прямо въ этомъ сочиненномъ Марксомъ и Энгельсомъ манифестѣ, или могущихъ быть выведенными изъ него логическимъ путемъ. Конечно, Марксъ могъ бы, несмотря на это, сказать ему словами поэта:

„Подобенъ духу ты, котораго постичь
Ты въ силахъ, но не мнѣ".

Но какъ много было людей, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ со стороны Маркса, къ которымъ отлично подошли бы эти же самыя слова! Бакунинъ призналъ себя ученикомъ Маркса; призналъ вѣрность прежнихъ, направленныхъ противъ него, критическихъ нападокъ противъ послѣдняго; можно ли было требовать большаго?

Но побѣдить недовѣріе Маркса оказалось не такъ-то легко. Какъ только получилось письмо Бакунина, онъ тотчасъ же сообщилъ его своему сотоварищу по генеральному совѣту, Герману Юнгу, состоявшему секретаремъ по Швейцаріи и Бельгіи, и поручилъ ему написать Цезарю де Папу, чтобы увѣдомить его о постановленіи генеральнаго совѣта насчетъ „Союза" на тотъ случай, чтобы Бакунинъ не „заманилъ" его въ него. Въ своемъ письмѣ по этому поводу Марксъ говоритъ съ пренебрежительной ироніей, что Бакунинъ „увѣряетъ" его, Маркса, въ своей „особенной дружбѣ". Послѣ того, какъ Юнгъ исполнилъ желаніе Маркса, де Папъ съ товарищами открыто и честно отказались примкнуть къ „Союзу". И даже болѣе: 19 января 1869 г. они послали комитету „Союза" довольно длинное коллективное письмо, въ которомъ они съ дружеской настойчивостью отсовѣтывали своимъ швейцарскимъ друзьямъ всякія обособленныя орга-

низаціи и тѣмъ еще болѣе усилили уже имѣвшееся у тѣхъ намѣреніе—уступить требованію генеральнаго совѣта. „Союзъ“ распустилъ себя и его секціи примкнули поодиночкѣ къ Интернаціоналу. Въ то же время Бакунинъ покинулъ свое мѣсто въ Международномъ революціонномъ братствѣ, послѣ чего и этотъ союзъ распался, какъ организація, хотя члены его продолжали поддерживать личныя связи и отношенія, противъ чего, конечно, нельзя было сдѣлать никакихъ возраженій и упрековъ.

Однако, это все же не привело съ собою мира. Въ 1869 г. возникли раздоры въ рядахъ интернаціоналистовъ романской Швейцаріи, въ которые впутался также и Бакунинъ; а когда вмѣшался въ нихъ и генеральный совѣтъ, къ которому аппелировали спорящія стороны, то разразилась вскорѣ открытая война. Фактическимъ поводомъ къ этому послужилъ вопросъ, который еще и теперь играетъ не малую роль въ соціалистическомъ мірѣ, и именно—вопросъ объ участіи въ выборахъ и о соглашеніяхъ съ буржуазными партіями. При выборахъ въ Женевѣ болѣе оппортунистическая секція рабочихъ дѣйствовала совмѣстно съ буржуазными радикалами, что было тѣмъ естественнѣе, что при существовавшей тогда въ Женевѣ избирательной системѣ (подача голоса за цѣлый *списокъ*) не имѣлось никакого другого способа провести хотя бы одного рабочаго представителя, такъ какъ рабочее населеніе Женевы въ очень значительной своей части состояло изъ неимѣющихъ избирательныхъ правъ иностранцевъ (итальянцевъ, савояровъ, нѣмцевъ и пр.). Но при этомъ пришлось сдѣлать на этихъ выборахъ, такъ же какъ и на выборахъ въ сосѣднихъ кантонахъ, кое-какія неблаговидныя уступки предразсудкамъ буржуазныхъ избирателей, что въ связи съ другими непріятными обстоятельствами повело къ взаимнымъ треніямъ между оппортунистическими и болѣе радикально-настроенными группами. Бакунинъ стоялъ душою и тѣломъ за послѣднихъ; но мы должны вѣрить ему и его друзьямъ въ томъ, что они и въ мысли не имѣли придти вслѣдствіе этого въ столкновеніе съ Марксомъ и генеральнымъ совѣтомъ. Еще на Базельскомъ конгрессѣ (1869) Бакунинъ подавалъ голосъ за умноженіе полномочій генеральнаго совѣта, въ которомъ онъ предполагалъ союзника противъ оппортунистической фракціи западной Швейцаріи, такъ какъ вожди этой фракціи мало отличались отъ англійскихъ вождей рабочихъ союзовъ, противъ которыхъ Марксъ очень рѣзко высказывался тогда въ своихъ частныхъ письмахъ, а впослѣдствіи и публично. Но дѣло вышло по другому. Перемѣнные жребіи мелкой партизанской войны привели къ тому, что генеральный совѣтъ и оппортунисты оказались на одной сторонѣ въ борьбѣ съ радикалами и доктринерами. Взаимное недовѣріе стало разростаться все болѣе и болѣе. Вильгельмъ Либкнехтъ въ Лейпцигѣ, считавшійся выразителемъ идей Маркса, заявилъ,

будто бы онъ имѣетъ въ рукахъ доказательства того, что Бакунинъ состоитъ агентомъ русскаго правительства. Судъ чести, передъ которымъ предстали Бакунинъ и Либкнехтъ во время Базельскаго конгресса, объявилъ эти доказательства ничего не стоющими, и Либкнехтъ взялъ свой укоръ назадъ, но не принесъ Бакунину публичнаго почетнаго извиненія, такъ какъ продолжалъ въ душѣ считать свое обвиненіе справедливымъ. Подобнымъ же образомъ и Л. Боркгеймъ велъ въ демократической и соціалистической нѣмецкой прессѣ настоящій походъ противъ Бакунина по части всяческихъ заподозрѣваній. Бакунинъ и его друзья видѣли во всемъ этомъ руку Маркса и, въ свою очередь, ополчились на генеральный совѣтъ, т. е. именно на Маркса; послѣ чего Марксъ 28 марта 1870 г. снова разослалъ вождямъ нѣмецкой соціалъ-демократіи свое „Конфиденціальное сообщеніе" о Бакунинѣ, о которомъ была уже рѣчь выше. Нужно, однако, замѣтить, что какъ ни принижаетъ Бакунина Марксъ въ этомъ окружномъ посланіи, онъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не подвергаетъ сомнѣнію его политическую независимость. Правда, онъ бросаетъ ему тамъ некрасивый упрекъ въ томъ, будто бы онъ посвятилъ умершему въ январѣ 1870 г. Александру Герцену свое горячее прости только ради того, чтобы доступиться къ находившемуся въ его распоряженіи фонду пропаганды „псевдосоціалистической, панславистской партіи" въ Россіи. Конечно, это очень возмутительное обвиненіе, построенное на очень слабыхъ основаніяхъ, тѣмъ болѣе, что Марксъ не имѣлъ ровно никакихъ данныхъ, чтобы называть этотъ фондъ—Бахметьевское наслѣдство—панславистскимъ. Но все же это обвиненіе не заключаетъ ничего такого, что выставляло бы Бакунина сознательнымъ служителемъ видамъ и цѣлямъ офиціальной Россіи. Но друзья и приверженцы Маркса заходили гораздо дальше и продолженіе этой борьбы ставило самихъ Маркса и Бакунина во все болѣе и болѣе враждебное отношеніе другъ къ другу, пока, наконецъ, Марксъ въ сентябрѣ 1872 г. на Гаагскомъ конгрессѣ не добился изверженія Бакунина и Гильома изъ Интернаціонала, послѣ чего Интернаціоналъ раскололся на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна обнимала значительное большинство романскихъ соціалистовъ, а другая состояла изъ марксистскаго крыла нѣмецкихъ соціалистовъ и оставшихся въ меньшинствѣ у себя соціалистовъ другихъ національностей; но обѣ фракціи означали на дѣлѣ просто ликвидацію такъ величественно вступившей въ міръ ассоціаціи.

На сторону Бакунина противъ Маркса сталъ тогда почти весь романскій Интернаціоналъ. Кромѣ того, эта борьба имѣла еще то послѣдствіе, что большинство соціалистовъ въ Россіи, численность которыхъ увеличивалась въ это время все сильнѣе и сильнѣе, долгое время не желали ничего слышать о Марксѣ.

Изданная марксистскою стороною, послѣ Гаагскаго конгресса, брошюра— „Заговоръ противъ Интернаціонала" (по-французски: „L'Alliance de la Democratie Socialiste"),—имѣвшая цѣлью обосновать и оправдать изгнаніе Бакунина, дѣлаетъ, между прочимъ, еще и ту несправедливость, что выставляетъ его нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ нечаевскихъ дѣлъ, что несоотвѣтствуетъ фактамъ. Въ Россіи знаютъ эту исторію въ достаточной степени, и образъ Бакунина давно уже сложился тамъ въ законченную форму со всѣми его свѣтлыми и тѣневыми сторонами; а потому я надѣюсь не быть понятымъ ложно, если я скажу, что на основаніи всего того, что я читалъ у Бакунина и о Бакунинѣ, и того, что я слышалъ о немъ отъ близко стоявшихъ къ нему людей, я пришелъ къ тому мнѣнію, что хотя обвиненія его въ соучастничествѣ съ Нечаевымъ были построены на основаніи недостаточныхъ, а отчасти даже ложно истолкованныхъ данныхъ, но что тѣмъ не менѣе онъ не можетъ считаться вслѣдствіе этого совершенно ни въ чемъ неповиннымъ. Однако, нужно прибавить къ этому, что когда Бакунинъ погрѣшалъ, то этому содѣйствовала одна особенность его характера, которая была свойственна ему наравнѣ съ его противниками Марксомъ и Энгельсомъ, это—его вѣчно возрождавшаяся, баснословная довѣрчивость къ людямъ, которыхъ въ другихъ отношеніяхъ онъ видѣлъ насквозь. Мое сужденіе о Марксѣ по этому пункту основано, конечно, лишь на свидѣтельствахъ третьихъ лицъ; но что касается до чрезвычайнаго легковѣрія Энгельса по отношенію къ друзьямъ и единомышленникамъ, то я имѣлъ не однажды случай самому убѣждаться въ этомъ въ моихъ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ; впрочемъ, она ясно выступаетъ также изъ писемъ этого великаго человѣка къ Фр. А. Зорге, а вѣдь Энгельсъ былъ въ еще большей мѣрѣ виновникомъ памфлета противъ Бакунина, чѣмъ Марксъ. Бакунинъ, съ своей стороны, далеко не былъ тѣмъ „большимъ ребенкомъ", какимъ любили выставлять его Герценъ и другіе, также какъ и тѣмъ теоретическимъ „путаникомъ" (Konfusionist), какого дѣлаетъ изъ него Марксъ; но онъ дѣйствительно поступалъ иногда съ безшабашной безотвѣтственностью ребенка, дозволяя темпераменту и чувству увлекать за собой его разсудокъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его острый взглядъ долженъ бы былъ указать ему лучшій путь. Онъ могъ быть заразъ реалистомъ и романтикомъ, политикомъ и утопистомъ, и былъ не разъ обманываемъ только потому, что ему нравилось быть обманутымъ. Извѣстно, какъ сильно импонировалъ ему Нечаевъ, появившійся въ Женевѣ въ мартѣ 1869 года. Письмо, въ которомъ Бакунинъ разсказываетъ о немъ Джемсу Гильому, напоминаетъ письмо Гейне къ Варнхагену о молодомъ Лассалѣ. Какая-то „римская доблесть" (Römestum), звучавшая въ разсказахъ Нечаева, очаровывала его. „Наша молодежь—и въ теоріи, и на

практикѣ, быть можетъ, наиболѣе революціонная молодежь въ цѣломъ свѣтѣ—волнуется въ настоящую минуту до такой степени, что правительство оказалось вынужденнымъ закрыть петербургскій, московскій и казанскій университеты, а также академіи и нѣкоторыя другія школы. Я имѣю въ эту минуту передъ собою одинъ образчикъ этихъ молодыхъ фанатиковъ, которые ни въ чемъ не сомнѣваются, ничего не боятся и руководятся тѣмъ убѣжденіемъ, что много, много еще должно пасть отъ руки правительства, но что не слѣдуетъ успокаиваться ни на одно мгновеніе, пока не поднимется народъ. Они изумительны, эти молодые фанатики—вѣрующіе безъ бога и герои безъ фразъ! Дядюшка Мёронъ [1]) порадовался бы, увидавъ того, который живетъ теперь у меня; да и ты—тоже».

Такъ стоитъ въ письмѣ, помѣченномъ 13 апрѣля 1869 г. Но въ этомъ же самомъ письмѣ разсказываетъ Бакунинъ, не безъ юмора, какъ онъ дѣйствуетъ въ это же время въ Женевѣ въ роли „реакціонера". „Здѣшніе наборщики,—пишетъ онъ,—начавшіе и поведшіе свое дѣло очень худо, увидавъ себя загнанными въ тупикъ, пожелали побудить Интернаціоналъ къ уличнымъ демонстраціямъ, передъ которыми стояла такая дилема: если бы они не перешли немедленно сначала къ угрозамъ, а затѣмъ къ насиліямъ, то ими не было бы достигнуто ровно ничего; а если бы они привели къ драматической развязкѣ, то дѣло окончилось бы полнымъ пораженіемъ Интернаціонала. Читалъ ли ты въ позавчерашнемъ номерѣ нашу статью „Двѣ стачки"?

Упомянутая тутъ статья, напечатанная въ женевской газетѣ „Равенство" (L'Égalité), принадлежитъ перу Бакунина и предостерегаетъ товарищей не дозволять увлекать себя въ частныя и преждевременныя схватки съ врагомъ. „Мы должны поступать по другому",—значится въ томъ же письмѣ къ Гильому,—„намъ не хватаетъ образованной молодежи, она здѣсь вполнѣ реакціонна, а рабочій настроенъ еще очень буржуазно. Конечно, онъ еще станетъ буйнымъ (wild),—въ этомъ я не сомнѣваюсь,—но этому должны предшествовать нѣкоторые факты, которые измѣнятъ его настроеніе" [2]). Мы видимъ изъ этого, что Бакунинъ, когда это было нужно, могъ быть столь же осторожнымъ и разсудительнымъ („abwiegler"), какъ и любой оппортунистъ. Онъ могъ видѣть ясно, когда того желалъ, но онъ не всегда желалъ видѣть ясно.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ его отношеніе къ „герою безъ фразъ", какъ онъ называетъ Нечаева. Что было сдѣлано этимъ человѣкомъ въ

[1]) Papa Meuron—одинъ уже очень пожилой швейцарскій революціонеръ и основатель первой секціи Интернаціонала въ Локлѣ.

[2]) См. Guillaume, L'International, p. 147.

Россіи и какъ онъ велъ изъ Швейцаріи свою русскую конспирацію, это такія вещи, которыя я позволю себѣ обойти молчаніемъ. Столь же мало права чувствую я за собою и для того, чтобы высказать рѣшительное сужденіе о немъ, какъ о человѣкѣ. Я могу ограничиться тутъ лишь тѣмъ твердо установленнымъ фактомъ, что онъ обманывалъ Бакунина безъ всякихъ угрызеній совѣсти и не разъ злоупотреблялъ его именемъ. Наиболѣе разгласившимся образчикомъ его дерзости было его письмо изъ Швейцаріи къ петербургскому книгоиздателю Полякову, въ которомъ онъ, отъ имени „революціоннаго комитета", требовалъ отъ него освободить Бакунина отъ принятаго имъ на себя обязательства касательно перевода „Капитала", такъ какъ „революціи нужна вся его сила цѣликомъ". Къ этому, говорятъ, присоединены были еще угрозы на тотъ случай, если бы Поляковъ, уплатившій Бакунину впередъ третью часть условленнаго гонорара, вздумалъ настаивать на выполненіи заключеннаго договора [1]). Какъ бы мягко мы ни судили объ этомъ письмѣ съ точки зрѣнія его цѣли, тѣмъ не менѣе оно очень походило на обыкновенное вымогательство и выставляло Бакунина въ очень дурномъ свѣтѣ [2]).

Есть ли этотъ Поляковъ тотъ самый книгоиздатель, который писалъ Марксу осенью 1868 г., этого я не могъ выяснить съ достовѣрностью [3]). Но столкновеніе его съ Нечаевымъ имѣло своимъ послѣдствіемъ прекращеніе Бакунинымъ своего труда надъ переводомъ, причемъ Бакунинъ, узнавъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ этомъ дѣлѣ, не преминулъ энергически потребовать отъ Нечаева отчета за него и просилъ его избавить его впредь отъ защиты такого рода. Однако, это происшествіе не помѣшало, повидимому, Бакунину еще долгое время дозволять своему „герою безъ фразъ" сбивать себя на ложныя пути.

Однако, разрывъ между ними все-таки произошелъ, и къ тому времени,

---

1) Письмо это было писано не къ Полякову, а къ посреднику въ этомъ дѣлѣ, Н. Н. Лю—ну, и Бакунинъ получилъ не третью часть гонорара, а только авансъ въ 300 или 400 руб. *Примѣчаніе редакціи.*

2) Какого труда стоила Бакунину эта переводная работа, свидѣтельствуютъ его письма къ Н. Жуковскому. Быть можетъ, ничто не можетъ быть характернѣе для отношенія между Марксомъ и Бакунинымъ, чѣмъ тотъ фактъ, что въ то самое время, когда Марксъ разсылалъ свое „конфиденціальное сообщеніе" о Бакунинѣ, этотъ послѣдній потѣлъ въ Локарно надъ переводомъ марксовскаго „Капитала".

3) Поляковъ далъ только свою фирму, а изданіе было предпринято Николаемъ — ономъ (писавшимъ по этому поводу Марксу), какъ это явствуетъ изъ предисловія къ письмамъ Маркса и Энгельса къ Николаю—ону, напечатаннымъ въ „Минувшихъ Годахъ" (1908, № 1 и 2).

Примѣчаніе редакціи.

когда вышла въ свѣтъ обвинительная брошюра Маркса, въ кружкахъ русскихъ соціалистовъ уже знали довольно вѣрно, каковы были на дѣлѣ отношенія между Бакунинымъ и Нечаевымъ. Поэтому она должна была потерять свое дѣйствіе даже на тѣхъ, которые считали поведеніе Бакунина заслуживающимъ порицанія. Напомнимъ лишь то, какъ рѣзко высказался о ней даже самъ Петръ Лавровъ въ своемъ „Впередъ". Она сдѣлала безконечно много для того, чтобы отчудить отъ Маркса тогдашній соціалистическій міръ въ Россіи. А между тѣмъ соціалистическая пропаганда захватывала тутъ все болѣе и болѣе широкіе круги учащагося юношества, которое проявляло столько же усердія къ знанію, сколько стремленія къ практической дѣятельности и самопожертвованію. Но лишь очень немногіе изъ нихъ чувствовали влеченіе къ Марксу. Они чтили его ученость, но мало симпатизировали ему, какъ человѣку. Онъ казался имъ типическимъ представителемъ всѣхъ дурныхъ сторонъ нѣмецкаго ученаго. И для тѣхъ изъ нихъ, кто не держался за Бакунина и его школу, руководителемъ являлся Лавровъ, продолжатель дѣла Добролюбова и Чернышевскаго.

Лишь очень небольшая кучка русскихъ стояла въ началѣ семидесятыхъ годовъ около Маркса. Въ числѣ ихъ былъ и Утинъ, который не посодѣйствовалъ ея доброй славѣ. Это былъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ Нечаевъ, но большинству онъ казался ничуть не лучше отъ этого. Фанатику прощается многое, потому что намъ сочувственны его стремленія; но въ Утинѣ большинство видѣло лишь пронырливаго интригана и сплетника, причемъ многіе не прочь были судить по ученику и объ учителѣ. И лишь очень немногіе знали, что близко къ Марксу стоялъ тогда нѣкій русскій соціалистъ, къ которому выраженіе „герой безъ фразъ" могло быть приложено совсѣмъ съ инымъ правомъ, чѣмъ къ Нечаеву [1]).

* * *

Съ чисто человѣческой точки зрѣнія, въ этой борьбѣ между Марксомъ и Бакунинымъ этотъ послѣдній выступаетъ несомнѣнно въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ его противникъ. Даже тотъ, кто считаетъ, что Марксъ отстаивалъ въ этомъ спорѣ интересы рабочаго движенія, не допускавшіе никакихъ сентиментальныхъ уступокъ, не можетъ не пожалѣть, что Марксъ не повелъ этой борьбы иными средствами и въ иныхъ формахъ. Но самая борьба была неизбѣжна. Наилучшимъ свидѣтельствомъ тому служитъ письмо Бакунина къ Герцену отъ 28 октября 1869 года, въ которомъ самъ Бакунинъ заявляетъ, что онъ избѣгаетъ столкновенія

---

[1]) Рѣчь идетъ безъ сомнѣнія о Г. А. Лопатинѣ.

Примѣчаніе редакціи.

съ Марксомъ только изъ тактическихъ соображеній для того, чтобы имѣть возможность въ надлежащее время повести эту борьбу противъ „государственнаго коммунизма“ Маркса съ тѣмъ большею силою и съ тѣмъ большимъ расчетомъ на успѣхъ. Впрочемъ, implicite это разногласіе между ними проявилось уже въ той рѣчи, которая была сказана Бакунинымъ на Бернскомъ конгрессѣ мира и въ которой онъ называетъ себя противникомъ коммунизма и противопоставляетъ ему свой коллективизмъ. Этого не слѣдуетъ забывать при обсужденіи отношенія Маркса къ Бакунину. А затѣмъ, несмотря на всѣ формальныя ошибки, Марксъ все же отстаивалъ, даже съ этической точки зрѣнія, болѣе высокое дѣло: а именно политику, основанную на научномъ изслѣдованіи, противъ политики простого дилетанства.

Эдуардъ Бернштейнъ.

Гр. П. А. Валуевъ о положенiи Россiи въ 1882 году.

Послѣ смерти имп. Александра II графъ П. А. Валуевъ, бывшiй предсѣдателемъ комитета министровъ, утратилъ свое значенiе; къ его мнѣнiямъ не только не прислушивались, но объ нихъ его даже и не спрашивали. Онъ совершенно былъ не ко двору при новомъ курсѣ русской политики, обозначившемся въ первые же мѣсяцы царствованiя имп. Александра III. Дискредитировало, кромѣ того, графа Валуева извѣстное дѣло о хищенiяхъ башкирскихъ земель. Правда, ему было объявлено только Высочайшее неодобренiе, но за нимъ скрывалось въ сущности фактическое отрѣшенiе отъ дѣлъ. Напряженно работавшiй все время своей государственной дѣятельности, Валуевъ вдругъ сталъ свободенъ; свои досуги онъ тратилъ на литературныя работы, писалъ романы, а главное занимался своими мемуарами. Онъ обработалъ свои дневныя записки за прошлое время, не переставая заносить въ дневникъ и наблюденiя надъ текущей дѣйствительностью. Онъ былъ необыкновенно зоркимъ и тонкимъ наблюдателемъ, и его оцѣнки людей и положенiя отличаются и остроумiемъ и мѣткостью. Этими именно свойствами характеризуются его дневники второй половины жизни (съ 1878 года); раннiе же дневники, появившiеся въ „Русской Старинѣ“, схематичны, сухи и не обнаруживаютъ особенностей, которые явились результатомъ его долговременнаго государственнаго опыта [1]).

Не принимая активнаго участiя въ правительственной работѣ, графъ Валуевъ въ тиши своего кабинета строго и ядовито критиковалъ систему государственнаго строительства, представителями котораго были К. П. Побѣдоносцевъ и графъ Игнатьевъ. Уже черезъ годъ послѣ смерти Александра II Валуевъ могъ сказать: „оглядываюсь назадъ. — Жаль. — Самое видное—гр. Игнатьевъ; самое громкое—рѣчи ген. Скобелева“. Валуевъ считалъ, что всѣ задорныя выходки и рѣчи Скобелева, всѣ его призывы къ войнѣ являются результатомъ не его индивидуальной мысли, а „согла-

---

[1]) Изъ позднѣйшихъ дневниковъ цѣликомъ напечатанъ только 1880 годъ въ „Вѣст. Европы“ (1907, янв., февр., мартъ). Любопытнѣйшiя данныя о конституцiонныхъ вѣянiяхъ по дневникамъ Валуева за 1879—1881 гг. сообщены П. Е. Щеголевымъ въ статьяхъ „Изъ исторiи конституцiонныхъ вѣянiй въ 1879—1881 гг.“ (Былое, 1906, дек.) и „Послѣ перваго марта 1881 года“ (тамъ же, 1907, мартъ).

шенія съ гр. Игнатьевымъ, г. Аксаковымъ и К°". 17 марта Валуеву пришлось въ англійскомъ клубѣ за обѣдомъ сидѣть рядомъ съ Скобелевымъ. Скобелевъ вызвалъ Валуева на откровенный разговоръ. „Я убѣдился—записалъ П. А. Валуевъ—изъ этого разговора, что его рѣчи, и даже поѣздка въ Парижъ, Женеву и Цюрихъ—результатъ московско-игнатьевскихъ внушеній. Его увѣрили, что возбужденіемъ воинственнаго патріотизма можно парализовать и даже подавить нигилизмъ. Когда я высказалъ противное тому убѣжденіе, онъ возразилъ, что „en ce cas la situation est encore plus facheuse qu'il le pensait" (въ такомъ случаѣ положеніе хуже, чѣмъ онъ думалъ).

Положеніе Россіи въ то время представлялось крайне тягостнымъ. Сама печать, по его мнѣнію, являлась показателемъ полнѣйшаго разложенія нашего государственнаго и общественнаго строя. Валуевъ много думалъ надъ вопросами о томъ, какъ и почему создалось подобное положеніе дѣлъ. Стараясь разрѣшить этотъ вопросъ, Валуевъ набросалъ въ апрѣлѣ 1882 года слѣдующую, въ высшей степени интересную, памятку.

„Какимъ путемъ или путями и отъ какихъ исходныхъ точекъ движенія дошли мы до положенія дѣлъ, которое у насъ передъ глазами? Генезисъ этого положенія составляетъ во всякомъ случаѣ сложную историческую задачу.

Не мѣшаетъ намѣтить—ad usum въ возможныхъ случаяхъ—нѣсколько отдѣльныхъ элементовъ ея разрѣшенія.

1. Положеніе Россіи при воцареніи имп. Александра II. Вліяніе послѣднихъ годовъ имп. Николая.—Восточная война и ея вліяніе. Государственное начало (принципъ) имп. Николая.—Неподвижность или неподатливость этого начала, отъ постулатовъ и королларіевъ котораго уходила Европа.

2. Личность имп. Александра II, положительныя и отрицательныя свойства. Преемственность начала безъ преемственности свойства.

3. Основная идея всего царствованія.—Идея личная и оборонительная, сознательно и безсознательно облекавшаяся не личными и сознательными формами.

4. Двойственность великаго дѣла отмѣны крѣпостного права. Отчасти гуматинарныя и славолюбивыя цѣли; отчасти же, и быть можетъ преимущественно, — цѣли самосохраненія самодержавной власти...

5. Въ крестьянахъ усматривалась опора противъ пробудившихся въ высшихъ классахъ стремленій, такъ называемаго, конституціональнаго свойства, т. е. стремленій къ извѣстной долѣ участія въ политической жизни страны.

6. Въ прошедшемъ п. 5 заключается прямое объясненіе всѣхъ главныхъ фазисовъ крестьянскаго дѣла до и въ особенности послѣ 19 февраля 1861 г., и всѣхъ полуэпопей разныхъ реформъ, которыя за крестьянскою реформой послѣдовали. Ими подкапывались и колебались нижніе ярусы правительственнаго зданія, въ полной

увѣренности, что такъ могъ быть упроченъ или поддержанъ одинъ высшій.

7. Идея отступного торга преобладала въ законодательствѣ.

8. Одна оборонительная идея оставалась безпрерывно длительною. Всѣ другія имѣли только перемежающіяся свойства, значенія и сферы дѣйствія.

9. Съ начала до конца не было и не могло быть полной правды.

10. Прямымъ доказательствомъ служатъ дѣла церкви, или точнѣе—церквей. Въ отношеніяхъ къ православной церкви не было никакой искренности. Въ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ церквамъ не было даже и той доли правды, которая оставалась присущею отношенію къ церкви господствующей, т. е. искренней набожности и уваженія, подобающаго всему священному и святому.

11. Господствующей православной церкви преимущественно придавалось значеніе одного изъ столповъ самодержавія. Примѣнявшееся къ ней noli eam tangere было только маскированнымъ noli me tangere ipsum.

12. Въ дѣлахъ иновѣрцевъ постоянно преобладалъ изобрѣтенный г. Гамбеттой оппортунизмъ и при томъ, въ случаѣ надобности, самый циническій.

13. Имп. Александръ былъ, однако, не способенъ лично къ другимъ взглядамъ, потому что въ немъ могли звучать, особливо сначала, другія чувства. Но изъ всѣхъ бывшихъ при немъ министровъ и другихъ совѣтниковъ или подсказочниковъ—одинъ я, къ крайнему моему прискорбію, помнилъ на практикѣ слова: „воздадите кесарево кесареви и Божіе Богови“ — говорю это смѣло. Не только мои бумаги, но и дѣла всѣхъ министровъ, совѣтовъ и комитетовъ моего времени о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ.

14. Я былъ точно также одинъ,—послѣдовательно и постоянно одинъ,—въ дѣлахъ по отношенію къ инородцамъ. Но въ этой области самъ покойный Государь стоялъ гораздо ближе къ моимъ противникамъ, чѣмъ къ области дѣлъ церковныхъ или дѣлъ совѣсти.

15. Онъ былъ однако же доступенъ моимъ взглядамъ и стремленіямъ даже по пункту 14-му до польскаго мятежа 1862 и 1863 г.г. Съ тѣхъ поръ система упрощенныхъ насильственныхъ мѣръ взяла рѣшительный верхъ. Отвѣтственность за перемѣну въ настроеніяхъ (преднамѣренно употребляю множественное число) и въ степени благородной или великодушной воспріимчивости покойнаго Государя, ложится тяжкимъ бременемъ на всѣхъ, кто въ немъ заботливо хотѣлъ отрицательныя свойства себялюбія, кто ему льстилъ, кто разжигалъ въ немъ чувства злопамятства и гнѣва, кто ему твердилъ о неприкосновенности самодержавія, какъ единственнаго средства для спасенія Россіи, кто говорилъ о православной церкви, какъ о полицейскомъ оплотѣ самодержавія, или, если не говорилъ, то, по крайней мѣрѣ, такъ къ ней относился, кто вводилъ его въ заблужденіе насчетъ сущ-

ности и неизбѣжныхъ послѣдствій совершившихся перемѣнъ и преобразованій, кто рядомъ съ угнетеніемъ церковнаго старообрядчества пособлялъ развитію политическаго старообрядчества славянофиловъ, кто, наконецъ, далъ этому старообрядчеству возможность изобрѣсти экстерреторріальный патріотизмъ, перебросить за границу невозможную для себя въ Россіи политическую дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить за окно, во вторую восточную войну, важнѣйшие интересы всероссійской имперіи.

16. Государь не зналъ правила или максимы quid leges sine moribus proficiunt? Во все продолженіе царствованія не только не было старанія возвысить наши гражданскіе нравы, но, наоборотъ, все было сдѣлано для того, чтобы ихъ уровень понизить.

17. Государь не имѣлъ—и, впрочемъ, не могъ имѣть—отчетливаго понятія о томъ, что называлось „реформами" его времени. Этимъ пользовались многіе для того, чтобы возбуждать Государя противъ тѣхъ, кто имѣлъ объ этихъ реформахъ отчетливыя понятія и желали не возвращенія къ дореформенному строю, а необходимаго исправленія или развитія реформеннаго.

18. Начавшійся въ 1863 году поворотъ въ направленіи дѣйствій Государя постепенно упрочивался и рѣзче обозначился въ 1866—1868 гг. Нѣчто въ родѣ систематическаго улучшенія наступило въ 1872 и продолжалось до 1874-го. Затѣмъ стали быстро возрастать утомленіе отъ дѣлъ правительственныхъ, озабоченность дѣлами частными и перемѣжающееся гальванизированіе на политической международной почвѣ. Это гальванизированіе, при пособіи другихъ силъ, привело къ дѣйствіямъ 1876 г. и, наконецъ, къ войнѣ 1877 г.

19. Вліяніе покойной Императрицы на дѣла церкви и подъ конецъ на дѣла Востока и послѣднюю войну.

20. Миражъ Москвы. Катковъ, Аксаковъ.

21. Ложное направленіе въ дѣлахъ учебной части, юстиціи и печати. Однородность причинъ этого направленія.

22. Тѣ же причины въ одностороннемъ отношеніи къ крестьянскому быту и къ положенію частной поземельной собственности. Бытъ не улучшался ради популярности; положенію не оказывалось вниманія также ради популярности. На одну сторону боялись прослыть нарушителями началъ 1861 года и мнимой святыни общиннаго владѣнія, на другую опасались показать себя покровителями т. н. крѣпостниковъ.

23. Производительныя силы Россіи были задержаны въ своемъ естественномъ развитіи вліяніемъ обстоятельства, указаннаго въ пунктахъ 20, 21 и 23.

24. Вліяніе покушеній на жизнь Государя—съ перваго до предпослѣдняго.

25. Усиленіе анархической пропаганды и тайныхъ заговоровъ. Безпомощность администраціи и ошибка юстиціи. Усиленіе разлада между властями.

26. Инерція массъ въ виду крамолы. Причины инерціи.

27 Всеобщая расшатанность и разрозненность. Устойчивость зданія была принесена въ жертву интересамъ верхняго яруса.

28. Какъ мало члены дома заботились объ этой устойчивости и пренебрегали даже заботою объ огражденіи необходимаго всему дому „престижа".

29. Уменьшеніе запаса способныхъ силъ вслѣдствіе невѣрнаго взгляда на окраины и не только невѣрнаго, неразсчетливаго, но и несправедливаго отношенія къ ихъ уроженцамъ.

30. Эпоха Лорисъ-Меликовизма. Фактическое отреченіе отъ правительствованія. Начало самобичеванія и самоизложенія правительственной власти и травля на всѣ стороны ad majorem временныхъ калифовъ gloriam.

31. Странное, полунаивное, полутщеславное пристрастіе къ льстивымъ парадоксамъ и паралогизмамъ: „обожаемость Государя",—„взаимность любви царя и народа",—„царь-освободитель",—„царь-мученикъ", и т. п. Освобождена была отъ крѣпостного права только одна четверть, или около одной трети всего населенія. Всѣ остальные никакою свободой не воспользовались. Даже послѣднее выраженіе въ сущности не точно. Вся постоянная дутость офиціальнаго языка ниже того умственнаго уровня, на которомъ подобаетъ стоять самодержцу.

32. Постоянный разладъ—нестолько личный, сколько по мысли и дѣламъ—между всѣми вѣдомствами. Часто единенія ускользали изъ государственныхъ рукъ и не могли быть сосредоточены въ другихъ. Никто изъ главноначальствующихъ не сохранялъ въ виду общности государственнаго дѣла. Никто не былъ и полнымъ хозяиномъ по своей части (кромѣ военнаго и морского министровъ), потому что его связывали наши пріемы и формы; но никто не принималъ искренно въ соображеніе и надобностей другихъ частей. Я и здѣсь одинъ былъ исключеніемъ. По военной повинности, по вопросу о земельныхъ правахъ государственныхъ крестьянъ, по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, по дѣламъ учебной части, по нѣкоторымъ вопросамъ финансовымъ и по вопросамъ о полиціи и губернскомъ управленіи вообще—я попеременно былъ союзникомъ всѣхъ подлежащихъ министровъ. Даже по части контроля я старался помогать государственнымъ контролерамъ, насколько ихъ требованія были практично разумны, и первый примѣнилъ къ своему вѣдомству (тогда министерству внутреннихъ дѣлъ) начало единства кассъ. Но мнѣ, наоборотъ, весьма рѣдко оказывалась помощь, или даже только сочувствіе.

33. Азіатское, полурабское, или первобытно патріархальное съ условіями времени несовмѣстимое отношеніе государственныхъ слугъ къ государю,—нестолько по формамъ, сколько по привычкамъ и понятіямъ. Его изволенія,—не воля, потому что сознательной и послѣдовательной воли во многомъ не бывало,—принимались за ultima ratio не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ исполнителей. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ, что мои коллеги и я были „les grandes domestiques", а не „les grandes serviteurs

de l'état“. Мои коллеги только въ тѣхъ случаяхъ были упорны, или не безвозвратно податливы, когда ихъ къ тому побуждала какая-нибудь ненависть или нелюбовь,—все равно къ кому,—къ помѣщику, къ нѣмцу, къ поляку, къ католику, или раскольнику. Все это отзывалось и до сихъ поръ отзывается на уровнѣ воззрѣній, понятій и стремленій. Замѣчательно, что за цѣлое двадцатилѣтіе я не могу припомнить болѣе трехъ случаевъ проявленія великодушныхъ или благородныхъ поступковъ со стороны моихъ коллегъ, въ средѣ государственнаго совѣта, совѣта министровъ, или комитетовъ.—министровъ, польскаго и др. Разъ кн. Горчаковъ,—разъ гр. Шуваловъ,—разъ Абаза (по вопросу о греко-уніатахъ, въ польскомъ комитетѣ), и только. Далѣе ничего указать не могу. Повторяю,—въ покойномъ Государѣ такіе порывы бывали.—Такія струны были его душѣ свойственны,—ихъ парализовали близорукіе вѣрноподданные и грубые патріоты, которые въ немъ видѣли болѣе барина, чѣмъ Государя.

34. Хроническая интеллектуальная лѣнь главныхъ пѣстуновъ дѣла Texte печать“.

Къ последнему пункту П. А. Валуевъ сдѣлалъ слѣдующее поясненіе, весьма для него характерное. „Ссылаюсь на печать, потому что ея разъѣдающее дѣйствіе не могло бы такъ постоянно и безпрепятственно развиваться, если бы гг. министры вмѣсто того, чтобы на нее жаловаться или за нею ухаживать, постарались ей давать отпоръ печатнымъ же словомъ. Лично я дѣлалъ и сдѣлалъ, что могъ, бывши министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ „Сѣверной Почтѣ“, позже въ „Отголоскахъ“ и чрезъ посредство иностранныхъ изданій. Никто меня не поддержалъ и даже не оцѣнилъ моего труда. Допускаю, что мои коллеги не могли писать сами; но они могли, по крайней мѣрѣ, пріискивать писателей и заказывать статьи или принимать мѣры другого рода для прекращенія самыхъ вредныхъ газетныхъ и журнальныхъ толковъ о переселеніяхъ, малоземеліи, бѣдности крестьянъ, ландлордизмѣ и т. п. Была лѣнь даже слѣдить, наблюдать, даже читать и давать указанія.

Если я нѣсколько разъ упоминаю о томъ, что былъ одинъ, одинъ то или другое дѣлалъ, или одинъ не дѣлалъ,—то повторяю, что не трудно въ справедливости моихъ словъ убѣдиться. Пусть пріищутъ, напримѣръ, льстивую фразу въ моихъ писаніяхъ; пусть припомнятъ, льстилъ ли я когда-нибудь въ лицо, какъ при мнѣ бывало въ совѣтѣ министровъ и при другихъ случаяхъ, употреблялъ ли я когда-либо восторженныя фразы и въ тылу Государя! Слышалъ ли кто нибудь, когда-нибудь изъ моихъ устъ или отыскалъ подъ моимъ перомъ слова „Царь-освободитель“? Отступилъ ли я когда нибудь отъ своихъ взглядовъ и правилъ по вопросамъ церковнымъ, училищнымъ, по дѣламъ окраинъ или въ дѣлѣ защиты законныхъ и разумныхъ правъ собственности! Воспѣвалъ ли я когда-нибудь безоговорочную хвалу самодержавію? Напротивъ, не пользовался ли я всякимъ поводомъ и случаемъ,

чтобы возбуждать въ самомъ Государѣ, съ одной стороны, мысль о предѣльности его изволеній и власти, а съ другой, мысль о допущеніи въ высшій ярусъ правительства, подъ извѣстными условіями и безъ нарушенія самодержавнаго начала конечнаго рѣшенія дѣлъ, представительства, объединяющаго не только сословія, но и разныя части государства? Уже въ первой моей запискѣ, представленной покойному Государю въ августѣ 1861 года, я, напримѣръ, говорилъ, что одного почерка пера его величества достаточно, чтобы отмѣнить весь Сводъ Законовъ Россійской имперіи, но что никакое Высочайшее повелѣніе не можетъ поднять на одну копѣйку курсъ рубля на петербургской биржѣ".

Воспоминанія великаго князя Михаила Павловича о событіяхъ 14 декабря 1825 года [1].

Послѣ выдержанной въ 1819 г. жестокой болѣзни великій князь Михаилъ Павловичъ лѣтомъ 1821 г пользовался водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ и оттуда, на возвратномъ пути, пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ остановился, какъ всегда, у цесаревича Константина Павловича, въ Бельведерѣ. Въ то же время ожидали въ Варшаву съ Эмскихъ водъ и великаго князя Николая Павловича съ супругой, для которыхъ цесаревичъ готовилъ помѣщеніе въ Лазенкахъ. Не вполнѣ, можетъ статься, оцѣненный современниками, потому что они мало знали превосходныя качества высокой его души, но боготворимый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, цесаревичъ Константинъ самъ особенно любилъ младшаго своего брата и постоянно являлъ ему теплую дружбу и неограниченное довѣріе, которыя, при разности ихъ лѣтъ, представляли почти отношенія нѣжнаго отца къ почтительному сыну.

— Видишь ли, Michel,—сказалъ онъ ему однажды среди своихъ приготовленій къ встрѣчѣ великаго князя Н. П.,—съ тобою мы по-домашнему, а когда я жду брата Николая, мнѣ все кажется будто готовлюсь встрѣтить Государя.

Но эти слова были только предверіемъ или вступленіемъ къ другому, важнѣйшему сообщенію. Разъ оба брата проѣзжались вмѣстѣ въ коляскѣ по городскому валу.

— Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ—сказалъ вдругъ Цесаревичъ:—я хочу явить новое ея доказательство, открывъ тебѣ великую тайну моей души. Не дай Богъ, чтобъ насъ постигло

---

[1]) Эти воспоминанія о событіяхъ 14 декабря 1825 года были записаны бар. М. А. Корфомъ со словъ великаго князя Михаила Павловича для его извѣстной книги о „Восшествіи на престолъ имп. Николая I“ и исправлены лично Михаиломъ Павловичемъ. Въ полномъ видѣ они до сихъ поръ не были оглашены. Ими, послѣ М. А. Корфа, пользовался Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ объ имп. Николаѣ, иногда приводя въ ковычкахъ выдержки изъ этихъ записокъ, а по большей части совершенно не обозначая заимствованій, по временамъ совершенно дословныхъ. Списокъ, съ котораго печатаются нами эти записки, былъ сообщенъ намъ покойнымъ П. А. Ефремовымъ.

когда-нибудь величайшее несчастіе, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря Государя! но если бъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться, навсегда и невозвратно, отъ наслѣдственныхъ моихъ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю Государя, чтобы вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ, на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и, что еще болѣе, на полькѣ: слѣдственно, нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ себѣ уступить престолъ брату Николаю и ничто не поколеблетъ этой, зрѣло обдуманной рѣшимости. Покамѣстъ она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить; а если-бъ и его не стало прежде меня, то я съ такимъ же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть, еще и съ большимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля".

Вскорѣ послѣ этого разговора прибыли въ Варшаву ожиданные гости. Недѣля, которую они вмѣстѣ тутъ жили, проведена была очень весело и въ блестящихъ празднествахъ, потомъ оба великіе князья, Николай и Михаилъ, отправились въ Бѣшенковичи для командованія ввѣренными имъ гвардейскими бригадами при смотрѣ и маневрахъ, которые предназначены были въ присутствіи Государя, возвратившагося весною передъ тѣмъ съ Лайбахскаго конгресса. Гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе послѣ маневровъ расположиться на зиму въ западныхъ губерніяхъ съ двоякою цѣлью: *одною*,—чтобы нѣкоторымъ образомъ развлечь и освѣтить умы послѣ случившагося, незадолго передъ тѣмъ, извѣстнаго событія въ Семеновскомъ полку; *другою*,—чтобы быть въ ближайшей готовности къ направленію въ Италію, на случай, если-бъ ходъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ потребовалъ осуществить замышлявшуюся посылку арміи на помощь австрійцамъ. Въ Бѣшенковичахъ, обѣдая однажды съ великими князьями, Государь спросилъ, намѣрены ли они воротиться въ Петербургъ, или же оставаться при своихъ бригадахъ, что онъ предоставляетъ совершенно на ихъ волю. Оба единодушно отвѣчали, что какъ Государю угодно было ввѣрить имъ въ командованіе бригады, то они считаютъ долгомъ при нихъ оставаться:

— Я и не ожидалъ отъ васъ иного,—сказалъ Государь,—но какъ матушка все еще безпокоится о твоемъ здоровьѣ, Michel, то, отведя ваши бригады на мѣста ихъ расположенія, пріѣзжайте въ Петербургъ съ нею повидаться; послѣ чего опять отправитесь къ своимъ мѣстамъ.

Такъ и сдѣлалось; но, оставляя Петербургъ послѣ нѣсколькихъ недѣль, великіе князья получили приказаніе снова туда

пріѣхать ко дню рожденія Государя (12 декабря), къ которому ожидалась и сестра ихъ, великая княгиня Марія Павловна. Великій князь Михаилъ Павловичъ явился еще нѣсколькими днями ранѣе 12 го декабря, по особому приглашенію императрицы-матери къ празднику, который она устроила въ Смольномъ монастырѣ для великой княгини. Позже прибылъ и цесаревичъ, такъ что въ зиму съ 1821 на 1822 годъ въ Петербургѣ соединилась, впервые послѣ 1816 года, почти вся царственная семья.

Великимъ князьямъ, которые сперва хотѣли ѣхать назадъ тотчасъ послѣ новаго года, велѣно было остаться долѣе, и они отправились къ своимъ бригадамъ не прежде начала февраля (1822). Въ это время надлежало совершиться тому великому историческому событію, которое цесаревичъ давалъ предчувствовать своему брату въ Варшавѣ.

Въ пріѣзды свои въ Петербургъ цесаревичъ останавливался всегда въ принадлежавшемъ ему Мраморномъ дворцѣ. Туда, бывало, когда окончится вечеръ у большого двора, онъ увозилъ съ собою брата своего Михаила Павловича, и тутъ, за чашкою чая и сигарою, проводилъ съ нимъ половину ночи въ неистощимыхъ бесѣдахъ о быломъ. Одаренный необыкновенной памятью и блестящимъ даромъ слова и богатый воспоминаніями о царствованіяхъ императрицы Екатерины и императора Павла, о Суворовскихъ походахъ и о другихъ происшествіяхъ своего времени, Константинъ Павловичъ любилъ предаваться имъ въ этихъ дружескихъ и откровенныхъ бесѣдахъ, и молодой братъ его никогда не утомлялся слушать его живые и одушевленные разсказы. Но передъ тѣмъ еще великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ ежедневно являться къ ужину императрицы-матери, который бывалъ обыкновенно часовъ около 10-ти. Въ одинъ вечеръ, въ январѣ 1822 г., онъ ожидалъ, какъ всегда, извѣщенія, что императрица вышла; но бьетъ 10 часовъ, бьетъ и 11-ть, а его все не зовутъ; наконецъ, за нимъ пришли уже въ 12-мъ часу. Въ комнатахъ императрицы онъ засталъ цесаревича и великую княгиню Марію Павловну. Въ ту минуту, когда онъ вошелъ, великая княгиня цѣловала цесаревича въ плечо, говоря: „Vous etes honnête homme, mon frère!“ Между тѣмъ, послѣ входа Михаила Павловича, всякія дальнѣйшія изъясненія прекратились; ужинъ обошелся безъ всего особеннаго и потомъ цесаревичъ, по обыкновенію, повезъ брата къ себѣ въ Мраморный дворецъ.

— Помнишь ли ты нашъ разговоръ въ Варшавѣ?—спросилъ онъ его, какъ только они сѣли въ сани,—сегодня вечеромъ все кончилось: я объявилъ Государю и матушкѣ мои намѣренія и мою непреложную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили ихъ и Государь обѣщалъ составить о всемъ томъ актъ, который сложится въ четырехъ экземплярахъ,—въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Сенатѣ, въ Синодѣ и на престолѣ Московскаго Успенскаго Собора, но котораго содержаніе будетъ хранимо покамѣстъ въ глубокой тайнѣ и огласится тогда только, когда настанетъ нужное къ тому время.

Тѣмъ все и заключилось. И тогда, и послѣ при дворѣ соблюдалось мертвое молчаніе насчетъ случившагося, и никто не показывалъ вида, чтобы что-нибудь зналъ. Скоро потомъ великіе князья отправились къ своимъ постамъ.

Прошло три съ половиною года. Въ продолженіе этого времени великій князь Михаилъ Павловичъ, по приглашеніямъ цесаревича и по влеченію собственнаго сердца, очень часто навѣщалъ его въ Варшавѣ. Случась тамъ и во второй половинѣ ноября 1825 г., когда Государь былъ въ Таганрогѣ, онъ жилъ, попрежнему, въ Бельведерѣ, въ покояхъ, которые отдѣлялись отъ половины хозяина одною только комнатой. Въ цесаревичѣ въ это время происходило что-то странное. И братъ его и всѣ приближенные видѣли, что онъ совсѣмъ не во всегдашнемъ расположеніи духа и необыкновенно пасмуренъ. Онъ даже часто не выходилъ къ столу и на вопросы брата своего отвѣчалъ только отрывисто, что ему нездоровится. Вдругъ Михаилъ Павловичъ сталъ замѣчать по дневнымъ рапортамъ коменданта, что безпрестанно пріѣзжаютъ фельдъегери изъ Таганрога.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ у своего брата.

— Ничего важнаго,—равнодушно отвѣчалъ Цесаревичъ.—Государь утвердилъ награды, которыя я выпросилъ разнымъ дворцовымъ чиновникамъ за послѣднее его здѣсь пребываніе.

И дѣйствительно, на другой день награжденные чиновники явились благодарить цесаревича; но самъ онъ съ тѣхъ поръ казался еще скучнѣе, еще разстроеннѣе. Между тѣмъ на 26-е ноября, день военнаго праздника св. Георгія, назначена была особая церемонія для всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, не только находившихся въ Варшавѣ, но и созванныхъ изъ ближайшихъ округовъ. Наканунѣ 25 го числа цесаревичъ, все погруженный въ то же разстройство, опять не выходилъ къ столу, и братъ его, отобѣдавъ одинъ съ княгинею Ловичъ, прилегъ потомъ отдохнуть. Вдругъ отворяется его дверь; цесаревичъ, пройдя ту комнату, которая раздѣляла ихъ половины, зоветъ его къ себѣ, для сообщенія чего-то очень нужнаго.

— Michel,—сказалъ онъ, когда великій князь, накинувъ наскоро сюртукъ, къ нему выбѣжалъ,—приготовься услышать страшную вѣсть: насъ постигло ужаснѣйшее несчастіе.

— Что такое?—вскричалъ великій князь въ смертельномъ безпокойствѣ:—не случилось ли чего съ матушкой?

— Нѣтъ, благодаря Бога; но надъ нами, надъ всею Россіею, разразилось то грозное бѣдствіе, котораго я всегда такъ страшился,—мы потеряли нашего благодѣтеля: не стало Государя.

И онъ бросился въ объятія брата, который, не подозрѣвая даже нисколько болѣзни Императора, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ громовымъ ударомъ. Тутъ открылась загадка неизъяснимой дотолѣ грусти цесаревича. Она возбуждена была недугомъ Государя, о которомъ, кромѣ него, никто не зналъ въ Варшавѣ и ходъ котораго, по содержанію привезенныхъ по-

слѣднимъ фельдъегеромъ свѣдѣній, еще болѣе его встревожилъ. И при всемъ томъ, пока ничего не было рѣшительнаго, онъ умѣлъ затаить свое безпокойство и тяжкія предчувствія въ собственномъ сердцѣ, не дѣлясь ими ни съ женою, ни съ братомъ и одинъ неся ихъ бремя—черта великаго характера, отрицающагося отъ сладкой отрады сочувствія, чтобы только не пріобщать другихъ къ своимъ страданіямъ.

Извѣстіе о кончинѣ Александра Благословеннаго получено было въ Варшавѣ 25-го ноября въ 7 часовъ вечера. Изливъ въ объятіяхъ любимаго брата первыя терзанія жестокой печали, и не давъ даже себѣ времени объявить горестную вѣсть своей супругѣ, цесаревичъ послалъ за Новосильцевымъ, за дежурнымъ генераломъ Кривцовымъ, за начальникомъ своей канцеляріи Гинцомъ и за состоявшимъ при немъ княземъ А. О. Голицынымъ.

— Теперь,—сказалъ онъ Михаилу Павловичу,—настала торжественная минута доказать, что весь мой прежній образъ дѣйствія былъ не какою-нибудь личиною, и продолжать его съ тою же твердостью, съ которою я началъ. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и воля моя—отречься отъ престола—болѣе чѣмъ когда-либо непреложна. Приступимъ къ исполненію.

Лица, за которыми было послано, жили въ разныхъ частяхъ города, и потому собрались не всѣ вдругъ. Первый пришелъ Новосильцевъ и цесаревичъ тотчасъ передалъ ему роковую вѣсть. Пораженный, точно такъ же, какъ и великій князь, неожиданною ея внезапностью, онъ обомлѣлъ отъ печали и ужаса и едва могъ придти въ себя.

— Какія же теперь приказанія вашего величества?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула,—отвѣчалъ цесаревичъ,—и объявилъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отрекся отъ наслѣдственныхъ правъ.

При всемъ томъ Новосильцевъ въ продолженіе рѣчи нѣсколько разъ обращался къ нему опять съ тѣмъ же титуломъ.

— Въ послѣдній разъ прошу васъ,—вскричалъ Цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ,—перестать и помнить, что теперь одинъ законный Государь и Императоръ—Николай Павловичъ.

Въ промежуткѣ этихъ первыхъ изъясненій явилась княгиня Ловичъ, которая, ожидавъ своего супруга къ чаю и не видя его, рѣшилась сама за нимъ придти. Тутъ, при возвѣщеніи ей постигшаго Россію несчастія, снова повторилась такая же трогательная сцена, какъ была прежде между обоими братьями. Княгиня, женщина необыкновенныхъ достоинствъ, особенно привязана была къ покойному Государю, не только пріязнью семейственною и уваженіемъ къ его личности, но и сочувствіемъ, которое находила въ немъ къ восторженно религіознымъ своимъ идеямъ. Между тѣмъ мало-по-малу собрались и всѣ прочія призванныя лица.

Тогда цесаревичъ, пригласивъ свою супругу удалиться, объявилъ имъ о случившемся, прочелъ хранившіяся у него копіи съ бумагъ о его отреченіи и, не принимая никакихъ возраженій, подтвердилъ всѣмъ сказанное Новосильцеву, что, въ силу сихъ актовъ, теперь, за кончиною Александра Павловича, законный и единственный Преемникъ Русскаго Престола есть Николай Павловичъ. Потомъ, по приказанію его, немедленно приступлено было къ составленію соотвѣтственныхъ тому бумагъ для отправленія въ Петербургъ. Это были письма, подтверждавшія его отреченіе, къ императрицѣ-матери и къ тому, котораго онъ признавалъ законнымъ монархомъ Россіи и именовалъ въ нихъ титуломъ Императорскаго Величества,—тѣ самыя письма, которыя потомъ обнародованы при манифестѣ Императора Николая 12-го декабря 1825 г. Дѣло это продлилось черезъ всю ночь и только съ 5 часовъ утра цесаревичъ могъ дать себѣ нѣсколько отдыху. Но, посмотрѣвъ бумаги и велѣвъ ихъ переписать, онъ возвратился къ обычному спокойствію духа.

— Я исполнилъ свой долгъ и свой обѣтъ,—сказалъ онъ брату, не оставлявшему его во все это время,—и если печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ навсегда неизгладимою, то, по крайней мѣрѣ, я чистъ передъ его, священною для меня, памятью и передъ собственною совѣстью. Ты понимаешь, что никакая уже сила не можетъ поколебать моей рѣшимости; но чтобы еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, я самого тебя къ нимъ отправлю. Готовься сегодня же ѣхать.

Дѣйствительно, 26-го числа, когда акты окончательно были изготовлены и подписаны, великій князь Михаилъ Павловичъ, отобѣдавъ съ Цесаревичемъ, отправился въ Петербургъ какъ съ этими официальными бумагами, такъ и съ сопровождавшими ихъ еще частными письмами къ Николаю Павловичу и къ ихъ родительницѣ. И любопытно одно: во всѣ прежнія свои поѣздки въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ бралъ съ собою для своихъ бумагъ всегда одинъ портфель, а въ настоящій разъ, какъ бы нарочно, при немъ находился еще и другой, совсѣмъ новый. Онъ былъ обновленъ этими священными актами, рѣшавшими судьбу Россіи, и съ тѣхъ поръ постоянно сохраняется великимъ княземъ. Динабургскаго шоссе тогда еще не было. Дорога изъ Варшавы въ Петербургъ отъ Ковны отгибала на Шавли и оттуда, черезъ Митаву, входила въ большой Рижскій трактъ. На всемъ протяженіи пути до Митавы никто еще не подозрѣвалъ постигшаго Россію несчастія и все было тихо по обыкновенію. Въ самой Митавѣ жилъ тогда, по званію командира 1-го корпуса, Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, нынѣ знаменитый князь Варшавскій. Въ пріѣздъ великаго князя слухи о событіяхъ Петербургскихъ достигли не прежде какъ на первой, слѣдующей станціи Олаа.—При немъ въ коляскѣ находился адъютантъ его Вишняковъ; за ними во второй коляскѣ слѣдо-

вали другой его адъютантъ, князь Долгоруковъ, и медикъ Вилье. Въ Олаа, пока перепрягали лошадей, Долгоруковъ донесъ, что въ Митавѣ, между тѣмъ какъ у великаго князя былъ Паскевичъ, одинъ проѣзжій изъ Петербурга разсказалъ ему, что великій князь Николай Павловичъ, а за нимъ все войско, всѣ правительства, весь городъ принесли присягу Государю Императору Константину Павловичу. Разсказъ былъ отъ очевидца и потому носилъ на себѣ всю печать достовѣрности. Эта вѣсть повергла великаго князя въ большое волненіе.

— Что будетъ при второй присягѣ другому лицу?—вскричалъ онъ, предусматривая, послѣ всего слышаннаго отъ цесаревича, ея неизбѣжность.

Въ Ригѣ рѣка едва только стала и экипажи пришлось перевозить на доскахъ, а самъ августѣйшій путешественникъ переѣхалъ въ легкихъ саняхъ. Здѣсь сопровождавшій его рижскій комендантъ Кернъ всячески домогался, посредствомъ разныхъ нескромныхъ вывѣдываній, оставшихся, разумѣется, безъ успѣха, узнать, что думаетъ и что намѣренъ дѣлать цесаревичъ. Далѣе, въ Нейермиленѣ, тогдашней первой станціи отъ Риги, великій князь получилъ съ почтою письма, подтверждавшія ему все слышанное, и, наконецъ, въ Нарвѣ узналъ ближайшія еще подробности отъ встрѣтившагося ему Опочинина, прежняго адъютанта цесаревича, который жилъ тогда въ Петербургѣ въ отставкѣ и былъ отправленъ Николаемъ Павловичемъ въ Варшаву, какъ человѣкъ близкій къ его брату, чтобъ быть немедленно въ его распоряженіи.

Несмотря на дурное, по времени года, положеніе дорогъ, великій князь примчался въ Петербургъ съ изумительною быстротою. Выѣхавъ изъ Варшавы, какъ мы сказали, 26-го ноября вечеромъ, онъ 1-го декабря, рано по утру, былъ уже въ Петербургскомъ своемъ дворцѣ. Сюда тотчасъ пріѣхалъ къ нему братъ его съ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Милорадовичемъ, который въ тѣ дни вездѣ и почти неотлучно находился при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ. Милорадовича скоро, однако, позвали на пожаръ, вспыхнувшій гдѣ-то въ строеніяхъ Невскаго монастыря, а оба великіе князья поѣхали въ Зимній дворецъ. Императрица Марія Ѳедоровна еще не выходила изъ своей почивальни и Михаилъ Павловичъ только черезъ нѣсколько времени могъ быть передъ нее допущенъ. Онъ вручилъ ей привезенныя письма и разсказалъ подробности варшавскихъ происшествій. Минута свиданія не могла не быть тяжкою. Сердце матери терзалось лютою скорбію о потерѣ обожаемаго сына и заботою о благѣ оставленной имъ державы, безпокойствомъ объ окончательной развязкѣ жизненнаго для государства вопроса. Выходя отъ своей родительницы, великій князь встрѣтилъ въ дворцовомъ коридорѣ Николая Павловича и за нимъ длинную свиту людей съ дѣломъ и безъ дѣла, которые томились тутъ, кто въ смутномъ и тревожномъ ожиданіи будущаго, кто уже и въ исканіи, на всякій

случай, милости, разными послугами, переносомъ вѣстей и проч. Внезапное появленіе Михаила Павловича было происшествіемъ первостепенной важности. Всѣмъ извѣстно было, что онъ пользовался особенной любовью и довѣренностью того Государя, которому они присягнули, извѣстно и то, что онъ пріѣхалъ прямо изъ мѣста его пребыванія: слѣдственно долженъ былъ все знать. Искали прочесть въ чертахъ его, въ выраженіи его лица, будущность свою и Россіи, отгадать, по виду его, слово загадки, которой рѣшеніе, какъ никто не сомнѣвался, онъ съ собою привезъ. И пытка была тѣмъ тягостнѣе, что никто не смѣлъ облечь своего жгучаго любопытства въ слова; всѣ, по необходимости, могли ограничиваться одними косвенными вопросами: „здоровъ ли Государь Императоръ? скоро ли можно ожидать сюда Его Величество? Гдѣ теперь Его Величество?“ И великій князь, который, дѣйствительно, одинъ зналъ, что истинный Императоръ Россійскій не въ Варшавѣ, а среди ихъ, и между тѣмъ не считалъ себя ни въ правѣ, ни въ возможности сіе провозгласить, на повторяемые со всѣхъ сторонъ вопросы подобнаго рода могъ отвѣчать тоже только косвенно и отрывисто: что братъ его здоровъ, что онъ оставилъ его въ Варшавѣ, что о поѣздкѣ его сюда ничего не слыхалъ и т. п. Послѣ этой сцены великій князь отправился въ свой дворецъ къ великой княгинѣ, которой дотолѣ почти не успѣлъ еще видѣть, и началъ съ того, что велѣлъ отслужить въ домовой своей церкви панихиду по усопшемъ. Все это не могло не огласиться тотчасъ и при дворѣ и по городу.—„Что же это значитъ,—стали говорить вездѣ,—великій князь выѣхалъ изъ Варшавы послѣ уже того, какъ получено тамъ было извѣстіе о кончинѣ Александра Павловича, видѣлся здѣсь и съ братомъ своимъ и съ родительницею, отслужилъ и панихиду по покойномъ Государѣ, а все еще не присягаетъ новому Императору? Отчего, когда цѣлая Россія присягнула, только онъ одинъ и пріѣхавшіе съ нимъ себя отъ этого изъемлютъ?“ [1]).

Слухи подобнаго рода, разнесшіеся въ публикѣ, въ самомъ дѣлѣ должны были породить сомнѣніе и многообразные толки, и злоумышленники, которымъ черезъ ихъ связи все первымъ было извѣстно, угадывая изъ самаго уклоненія великаго князя отъ присяги, что императоромъ будетъ не Константинъ Павловичъ, тогда же разочли, что благопріятнѣйшею эпохою и удобнѣйшимъ поводомъ къ произведенію въ дѣйствіе ихъ замысловъ будетъ день второй присяги.

Михаилъ Павловичъ, поставленный такимъ образомъ стеченіемъ обстоятельствъ въ совершенно ложное положеніе, съ своей стороны тоже томился мрачными предчувствіями. Въ день своего пріѣзда онъ обѣдалъ съ братомъ и его супругой въ той самой

[1]) Изъ числа прибывшихъ съ великимъ княземъ одинъ только чиновникъ генералъ-фельдцейхмейстерской канцеляріи Ильинъ, явясь къ своему начальнику, былъ имъ приведенъ немедленно къ присягѣ въ Сергіевскомъ соборѣ.

комнатѣ, гдѣ теперь кабинетъ Государя Наслѣдника. Послѣ обѣда братья остались одни.

— Зачѣмъ ты все это дѣлалъ,—сказалъ Михаилъ Павловичъ,— когда тебѣ извѣстны были акты покойнаго государя и отреченіе цесаревича? Что теперь будетъ при второй присягѣ въ отмѣну прежней, и какъ Богъ поможетъ все это кончить?

Объяснивъ причины своихъ дѣйствій, братъ его отвѣчалъ, что едва ли есть поводъ тревожиться, когда первая присяга совершена была съ такою покорностью и такъ спокойно.

— Нѣтъ,—возразилъ Михаилъ Павловичъ,—это совсѣмъ другое дѣло: всѣ знаютъ, что братъ Константинъ остался между нами старшій; народъ всякій день слышалъ въ церквахъ его имя первымъ въ слѣдъ за Государемъ и императрицами, и еще съ титуломъ Цесаревича; всѣ издавна привыкли считать его законнымъ наслѣдникомъ и потому вступленіе его на престолъ казалось вещью очень естественною. Когда производятъ штабсъ-капитана въ капитаны, это въ порядкѣ и никого не дивитъ; но совсѣмъ иное дѣло перешагнуть черезъ чинъ и произвесть въ капитаны поручика. Какъ тутъ растолковать каждому, въ народѣ и въ войскѣ, эти домашнія сдѣлки и почему сдѣлалось такъ, а не иначе?

Въ Петербургѣ покамѣстъ все оставалось попрежнему: ибо привезенныя Михаиломъ Павловичемъ письма не признавались достаточнымъ основаніемъ къ перемѣнѣ принятой системы дѣйствія. И императрица матерь и великій князь Николай Павловичъ считали необходимымъ дождаться сперва отзыва цесаревича на извѣстіе о принесенной ему присягѣ и сверхъ того, по полученіи упомянутыхъ писемъ, написали ему вновь, прося, если воля его объ отреченіи неизмѣнна, огласить оную, для предупрежденія всякихъ безпокойствъ актомъ болѣе торжественнымъ, чѣмъ-нибудь въ родѣ манифеста. На отвѣтъ нельзя было разсчитывать прежде довольно продолжительнаго времени, а покамѣстъ положеніе Михаила Павловича становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, даже двусмысленнымъ. Мы выше упомянули о толкахъ, возбужденныхъ тѣмъ, что онъ не присягнулъ новому императору, и хотя присягнуть, при точной ему извѣстности воли Константина Павловича, было бы противно его совѣсти и, такъ сказать, здравому смыслу; но все же, по наружности, выходило, что братъ государевъ представляетъ собою какъ бы явный примѣръ непокорности.—Чтобы извлечь себя изъ такого тяжкаго для него самого и соблазнительнаго для другихъ положенія, онъ рѣшился, съ согласія и одобренія императрицы и брата своего, оставить Петербургъ и подъ предлогомъ личнаго успокоенія Константина Павловича насчетъ здоровья ихъ родительницы, отправился опять самъ въ Варшаву за окончательнымъ отвѣтомъ; но чтобы не разъѣхаться съ послѣднимъ, если бы онъ между тѣмъ былъ уже посланъ, его уполномочили останавливать всѣхъ курьеровъ, которыхъ встрѣтитъ на пути, и вскрывать ихъ депеши. Утромъ въ день своего отъѣзда онъ прощался съ императрицею.

— Quand vous verrez Constantin, — сказала она, — dites et répétez lui bien, que si l'on ena agi ainsi, c'est parce qu'autrement le sang aurait coulé.

— Il n'a pas coulé encore, mais il coulera, — отвѣчалъ великій князь въ печальномъ предчувствіи.

Михаилъ Павловичъ выѣхалъ 5 го числа послѣ обѣда, по тому же Рижскому тракту; но не далѣе, какъ въ Усвоѣ встрѣтилъ адъютанта Николая Павловича, Лазарева, который былъ посланъ въ Варшаву съ донесеніемъ о принесенной присягѣ и возвращался назадъ съ отказомъ Цесаревича отъ непринадлежащаго ему императорскаго титула и отъ принесенной ему присяги. За симъ, проѣхавъ еще до станціи Ненналя въ 300-хъ верстахъ отъ Петербурга, великій князь рѣшился, какъ дальнѣйшая поѣздка теряла уже всякую цѣль, ожидать тутъ того отвѣта, которому надлежало быть на послѣднія письма, отправленныя изъ Петербурга по его пріѣздѣ. Сюда, т. е. въ Ненналь вскорѣ пріѣхалъ и генералъ Толь, въ то время начальникъ штаба 1-ой арміи, посланный изъ Могилева главнокомандующимъ графомъ Сакеномъ, съ рапортомъ о состояніи арміи, навстрѣчу новому императору, при предполагавшемся слѣдованіи его изъ Варшавы въ Петербургъ. И его и возвращавшагося изъ Варшавы, съ такимъ же, какъ и Лазаревъ, извѣстіемъ адъютанта военнаго министра, Сабурова, великій князь остановилъ при себѣ, какъ было о томъ условлено при отъѣздѣ его изъ Петербурга; но отзыва на упомянутыя выше письма все еще не было и, въ ожиданіи его, Михаилъ Павловичъ прожилъ въ Ненналѣ въ томительной скукѣ бездѣйствія болѣе недѣли. Наконецъ, 13 уже декабря получилъ онъ письмо изъ Петербурга: оказалось, что фельдъегерю, который везъ окончательный и уничтожавшій уже всѣ колебанія отвѣтъ цесаревича, дано было направленіе по другому тракту, именно черезъ Брестъ-Литовскъ; съ извѣщеніемъ о семъ великому князю предписывалось явиться въ Петербургъ къ назначенному въ 8 часовъ вечера засѣданію Государственнаго Совѣта и къ опредѣленной на другой день присягѣ императору Николаю Павловичу. Но какъ это повелѣніе достигло великаго князя не прежде двухъ часовъ пополудни того же самаго дня, то, отобѣдавъ наскоро въ Ненналѣ, онъ, при всей поспѣшности переѣзда, могъ поспѣть въ С.-Петербургъ только на слѣдующій день, 13-го дек., послѣ 8-ми час. утра. У городской Нарвской заставы ждалъ его адъютантъ новаго государя, Василій Перовскій, съ приказаніемъ явиться неотложно въ зимній дворецъ.

Направляясь къ дворцу черезъ Театральную площадь и Поцѣлуевъ мостъ и доѣхавъ до большой Морской, великій князь изъявилъ сопровождавшему его адъютанту Вешнякову удивленіе свое, что въ городѣ въ такой день все такъ тихо и спокойно. Вешнякову казалось, что такъ и быть должно.

— Посмотримъ, что будетъ далѣе, — замѣтилъ великій князь. Пріѣхавъ во дворецъ, онъ тотчасъ явился къ государю, который жилъ тогда въ комнатахъ, занимаемыхъ нынѣ наслѣдникомъ.

— Ну, ты видишь, что все идетъ благополучно,—сказалъ государь,—войска присягаютъ и нѣтъ никакихъ безпорядковъ.

— Подай Богъ,—отвѣчалъ великій князь,—но день еще не кончился.

Потомъ, по приглашенію государя, онъ пошелъ къ императрицѣ матери, перемѣнивъ только, въ отведенной ему въ Зимнемъ дворцѣ комнатѣ, дорожное свое платье на артиллерійскій мундиръ. Императрица привѣтствовала его, точно также, какъ и государь, изъявленіемъ радости, что все идетъ счастливо и безъ всякаго волненія.

— Attendons la fin de la journée—отвѣчалъ и ей великій князь.

Вдругъ подъ окнами раздались звуки барабана: били подъ знамена, которыя возвращались отъ совершившейся присяги Семеновскаго полка. Императрица готовилась одѣваться къ назначенному въ 12 часу, для празднованія вступленія на престолъ, молебну, и великій князь вышелъ отъ нея. Но въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Государя, который, объявя ему, что въ гвардейской конной артиллеріи не хотятъ присягать, поручилъ ѣхать немедленно туда, для возстановленія порядка. Къ счастью, по извѣстію о его пріѣздѣ, ему догадались прислать изъ его дворца сани и онъ, тихо отъ худо еще остановившагося зимняго пути, поѣхалъ одинъ въ артиллерійскія казармы, находившіяся тогда, какъ и теперь, подъ Таврическимъ дворцомъ. У Лѣтняго сада ему встрѣтились возвращавшіеся штандарты Кавалергардскаго полка,—доказательство, что въ немъ присяга была окончена. Потомъ дорога его вела мимо казармъ 2-го баталіона Преображенскаго полка: онъ тоже присягнулъ уже въ совершенномъ порядкѣ. Но въ артиллерійскихъ казармахъ командовавшій гвардейской артиллеріей генералъ-маіоръ Сухозанетъ встрѣтилъ великаго князя донесеніемъ, что нѣкоторые офицеры, и во главѣ ихъ прикомандированный къ конной артиллеріи графъ Коновницынъ, уклоняются отъ присяги подъ предлогомъ, что не увѣрены въ достовѣрности отреченія Константина Павловича, а самого великаго князя Михаила Павловича считаютъ удаленнымъ изъ столицы только по несоглашенію его на вступленіе на престолъ Николая Павловича; вслѣдствіе чего онъ, Сухозанетъ, и нашелся принужденнымъ ихъ арестовать. Великій князь тотчасъ пошелъ къ неповинующимся и, какъ свидѣтельствомъ своимъ въ томъ, что самъ видѣлъ цесаревича, такъ и ручательствомъ, что онъ добровольно и по собственному желанію отрекся отъ престола въ пользу Николая Павловича, успѣлъ привести ихъ къ покорности; офицеры, а вслѣдъ за ними и небольшая горсть колебавшихся, по ихъ приказу, нижнихъ чиновъ, присягнули въ личномъ его присутствіи. Кончивъ это дѣло, великій князь поѣхалъ назадъ въ Зимній дворецъ, но еще на Преображенскомъ плацѣ настигнутъ былъ нарочнымъ, посланнымъ къ нему съ извѣстіемъ, что Московскій полкъ не хочетъ присягать; что тамъ явное возстаніе; что бри-

гадный и полковой командиры Шеншинъ и Фридериксъ тяжело ранены возмутившимися, и что часть полка самовольно ушла изъ казармъ съ распущенными знаменами. При этой неожиданной вѣсти великій князь прямо съ Преображенскаго плаца отправился на противоположный конецъ города, къ Семеновскому мосту, къ казармы Московскаго полка. Часть 2-го его баталіона занимала въ тотъ день городскія казармы, другая часть увлечена была Щепинымъ-Ростовскимъ (равно и одна рота 1-го баталіона,—Бестужевымъ) на Сенатскую площадь; затѣмъ на мѣстѣ оставалось еще около четырехъ ротъ (третій баталіонъ былъ въ загородномъ расположеніи). Когда великій князь вошелъ на полковой дворъ, эти четыре роты стояли въ сборѣ; передъ ними ожидалъ священникъ въ облаченіи за налоемъ, и расхаживали въ недоумѣніи командиръ гвардейскаго корпуса Воиновъ и командовавшій гвардейскою пѣхотой Бистромъ. Великаго князя встрѣтило громкое „ура".

— Какъ же намъ сказали, что Ваше Величество въ оковахъ?— кричали солдаты.

— Вы видите, стало, какъ васъ гнусно обманули,—отвѣчалъ великій князь и, объяснивъ имъ всѣ обстоятельства въ истинномъ видѣ, съ такимъ же, какъ прежде въ конной артиллеріи, ручательствомъ, спросилъ,—готовы ли они теперь, по долгу своему, присягнуть законному Государю Русскому, императору Николаю Павловичу?

— Рады стараться,—было единодушнымъ отвѣтомъ убѣжденныхъ солдатъ.

— А чтобы доказать вамъ,—продолжалъ великій князь,—что васъ обманывали и что отъ меня вы слышали одну сущую правду, я самъ вмѣстѣ съ вами присягну".—И точно, велѣвъ офицерамъ, повторяя слова присяги ходить по рядамъ, чтобы слѣдить, какъ исполняется это нижними чинами, онъ самъ сталъ возлѣ священника и тутъ же на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, посреди солдатъ и вмѣстѣ съ ними, произнесъ присягу вѣрноподданничества новому императору,—присягу, которая, по особенному стеченію обстоятельствъ, была вообще первою еще въ его жизни.

— Теперь, ребята,—сказалъ онъ,—если нашлись мерзавцы, которые осрамили нашъ мундиръ, докажите же, что между нами есть и честные люди, которые присягали не понапрасну и готовы смыть это посрамленіе своею кровью; я поведу васъ противъ вашей же братіи, которые забыли свой долгъ.

— Рады стараться, — раздалось опять со всѣхъ сторонъ, и, повинуясь безпрекословно командному слову, всѣ четыре роты съ своими офицерами и въ совершенномъ порядкѣ, тотчасъ выступили изъ казарменныхъ воротъ, откуда великій князь лично повелъ ихъ по Гороховой къ Сенатской площади,—повелъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что въ поспѣшности всѣхъ его переѣздовъ съ прибытія въ Петербургъ у него не было даже верховой лошади.

Государь въ то время стоялъ съ своею свитою близъ Лобанов-

скаго дома и забора, обведеннаго вокругъ строенія Исаакіевскаго собора, а мятежники окружали, въ густой неправильный каре, памятникъ Петра Великаго, спиною къ Сенату; принадлежавшій же къ нимъ гвардейскій морской экипажъ стоялъ впереди особо, занимая широкій мостъ черезъ бывшій Адмиралтейскій каналъ, кончавшійся тамъ, гдѣ теперь начинается новый бульваръ. Противъ нихъ выдвинуты были съ одной стороны, спиною къ Адмиралтейскому бульвару, подоспѣвшій уже на мѣсто Преображенскій полкъ, котораго одна рота, подъ командою капитана Игнатьева, загораживала Исаакіевскій мостъ; съ другой стороны, спиною къ Невѣ, на дальнѣйшемъ ея пространствѣ, Финляндскій полкъ, кромѣ одного взвода, удержаннаго на Васильевскомъ Островѣ командиромъ онаго, участникомъ заговора, барономъ Розеномъ. Великій князь, приведя къ государю покорившуюся часть Московскаго полка, тотчасъ хотѣлъ итти самъ передъ ряды мятежниковъ, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ старшихъ и особенно уважавшихся солдатъ, чтобы присутствіемъ своимъ разсѣять распущенные злоумышленниками слухи ложные и вмѣстѣ подѣйствовать на умы заблужденныхъ примѣромъ и увѣщаніями товарищей. Но Государь, видя явную опасность, не допустилъ его выполнить это намѣреніе, и вмѣсто того, по неприбытію еще вытребованнаго въ подкрѣпленіе прочимъ силамъ Семеновскаго полка, поручилъ великому князю отправиться за нимъ и ускорить его приходъ, для чего далъ ему одну изъ собственныхъ своихъ, находившихся тутъ въ запасѣ, верховыхъ лошадей. Но Семеновскій полкъ, гдѣ присяга совершена была безъ всякаго замѣшательства, спѣшилъ уже самъ по Гороховой на площадь. Великій князь встрѣтилъ его на Красномъ мосту и оттуда, согласно полученному приказанію, одинъ баталіонъ послалъ въ Галерную гавань, а съ другимъ и съ присланнымъ къ нему отъ государя орудіемъ 1-й легкой роты 1-й бригады гвардейской пѣшей артиллеріи, обойдя вокругъ Исаакіевскаго собора, расположился у Конно-гвардейскаго манежа, въ самомъ близкомъ разстояніи противъ морского экипажа. Пушка и ружья у людей были заряжены; но великій князь накрѣпко запретилъ кому-либо отваживаться стрѣлять безъ личнаго его приказанія. Между тѣмъ къ его отряду прибылъ государь. Великій князь снова изъявилъ желаніе переговорить самъ съ мятежниками, и государь не могъ сему болѣе воспротивиться, но придалъ своему брату генералъ-адъютанта Левашева. Подъѣхавъ къ рядамъ морского экипажа, великій князь привѣтствовалъ ихъ обыкновеннымъ начальничьимъ тономъ, и изъ толпы мятежниковъ раздалось дружное: „здравія желаемъ ваше императорское высочество".

— Что съ вами дѣлается и что вы это задумали? — спросилъ онъ.—И люди стали объяснять, что двѣ недѣли тому назадъ имъ объявили вдругъ о смерти государя Александра Павловича, когда никто изъ нихъ не слыхалъ еще про его болѣзнь; потомъ заставили присягнуть государю Константину Павловичу,

и они это исполнили безропотно, а наконецъ теперь, увѣряя будто Константинъ Павловичъ не хотѣлъ ихъ присяги и отказался царствовать, заставляютъ ихъ присягать опять другому государю. „Можемъ ли же мы, Ваше Высочество,—продолжали они,—взять это на душу, когда тотъ государь, которому мы присягнули, еще живъ и мы его не видимъ? Если ужъ присяга не есть вещь святая, такъ что же послѣ этого останется святого?“—Великій князь напрасно усиливался уничтожить эти сомнѣнія завѣреніемъ, что Константинъ Павловичъ точно по доброй волѣ отрекся отъ престола; что онъ, великій князь, былъ лично тому свидѣтелемъ; что вслѣдствіе того и самъ онъ присягнулъ уже новому государю и т. п.—„Мы готовы вѣрить вашему высочеству,—отвѣчали несчастныя жертвы, ослѣпленныя настойчивыми внушеніями своихъ начальниковъ,—да пусть Константинъ Павловичъ самъ придетъ подтвердить свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже, гдѣ онъ“.

Во время этихъ переговоровъ случился печальный эпизодъ, печальный, но вмѣстѣ и отрадный, какъ свидѣтельство, что распаленіе безумныхъ страстей, обуревавшее нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ, не находило ни малѣйшаго сочувствія въ увлеченныхъ ими нижнихъ чинахъ. — Извѣстно и съ достовѣрностью раскрыто, что, дѣйствуя въ ихъ рукахъ какъ орудіе, солдаты ослѣплены были отнюдь не мечтаніями о какомъ-либо иномъ порядкѣ вещей, а единственно призракомъ законности, и въ самомъ уклоненіи своемъ отъ новой присяги видѣли только исполненіе своего долга, отнюдь не замышляя ничего противъ членовъ царственной семьи, которую народъ нашъ привыкъ искони чтить, какъ завѣтную святыню. Эпизодъ, о которомъ мы упомянули, заключался въ извѣстномъ покушеніи несчастнаго Кюхельбекера на жизнь великаго князя. Бродя между рядами, онъ не дрогнулъ прицѣлиться въ нѣсколькихъ шагахъ на брата своего государя; жизнь послѣдняго была спасена только совокупнымъ, мгновеннымъ движеніемъ трехъ матросовъ того же морского экипажа, который стоялъ въ строю мятежниковъ.

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?—закричали они и одинъ вышибъ изъ рукъ Кюхельбекера пистолетъ, а оба другіе начали бить его прикладами своихъ ружей. Имена этихъ людей: Дорофѣевъ, Ѳедоровъ и Куроптевъ. По настоятельному ходатайству самого великаго князя преступникъ былъ подвергнутъ наказанію слабѣйшему, нежели какое слѣдовало по закону, а избавители его и ихъ семейства щедро были имъ упокоены и опеспечены... Видя, что всѣ усилія обратить непокорныхъ остаются безполезными, великій князь возвратился къ своему отряду. Обѣ стороны стояли лицомъ къ лицу, не приступая ни къ чему рѣшительному. Великій кн. со стѣсненнымъ сердцемъ ожидалъ условленнаго сигнала. Онъ долженъ былъ заключаться въ пушечныхъ выстрѣлахъ, которые и раздались, наконецъ, со стороны адмиралтейства. Но великій князь все еще медлилъ: сердцу его тяжко было пер-

вымъ въ жизни своей непріязненнымъ ударомъ пролить кровь своихъ, русскихъ. Послѣдующіе удары смѣшали, однако, толпу и она устремилась въ бѣгство, именно къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Семеновскій полкъ.

Прикажите палить ваше высочество, — сказалъ находившійся при орудіи фейерверкеръ:—иначе они насъ самихъ сомнутъ.

— Нельзя было болѣе колебаться и командное слово раздалось

Картечь на такомъ близкомъ разстояніи произвела ужасное опустошеніе и въ числѣ самыхъ первыхъ жертвъ пало несчастное дитя, флейтщикъ морского экипажа. Тогда толпа, сжатая съ обѣихъ сторонъ, въ одно мгновеніе разсыпалась; всѣ бѣжали въ разныхъ направленіяхъ, и площадь, за мигъ передъ тѣмъ кипѣвшая народомъ, совершенно очистилась скорѣе, нежели сколько нужно намъ было, чтобы написать эти строки. Все было кончено и оставалось только ловить спрятавшихся и разбѣжавшихся. Возложивъ это на генералъ-адъютанта Бенкендорфа, государь съ своею свитою поѣхалъ во дворецъ.

Великій князь остался нѣсколько времени на мѣстѣ, въ ожиданіи дальнѣйшаго приказанія; но, не получая онаго и видя, что присутствіе его тутъ болѣе не нужно, обратился также во дворецъ. Ему надлежало ѣхать мимо Преображенскаго полка, стоявшаго еще въ прежней позиціи у Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ наступила трогательная сцена. Издавна въ особенности любивъ этотъ отличный и почтенный полкъ, великій князь зналъ поименно не только всѣхъ офицеровъ, но почти и всѣхъ унтеръ-офицеровъ, даже многихъ изъ нижнихъ чиновъ. Едва только онъ подъѣхалъ, какъ офицеры, обступивъ его лошадь, бросились цѣловать ему руки и ноги, а по рядамъ раздалось нескончаемое „ура“, въ выраженіе того восторга, которымъ всѣ были объяты, увидѣвъ здрава и невредима своего великаго князя, о которомъ полкъ ничего не зналъ въ продолженіе цѣлаго утра, хотя они и провели его въ такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Тронутый до слезъ этими знаками привязанности, онъ долженъ былъ, однако, остановить ея порывъ, въ опасеніи, чтобы крики не донеслись до дворца и не возбудили тамъ ложной тревоги. Между тѣмъ, объѣзжая полкъ, вел. кн. какъ-то случайно миновалъ одну роту; старики-гренадеры сильно этимъ опечалились: „Развѣ мы чѣмъ провинились передъ его высочествомъ, что онъ насъ забылъ?“ — спрашивали они своихъ офицеровъ. Великій князь, которому о томъ донесли, поспѣшилъ утѣшить и ихъ своимъ привѣтствіемъ: тутъ повторилась опять та же умилительная сцена.

Когда Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Зимній дворецъ, государь готовился выйти въ придворный соборъ къ торжественному молебну, оттянувшемуся за всѣми происшествіями до поздняго вечера. Явясь къ государю, онъ пошелъ отъ него къ императрицѣ матери, чтобъ успокоить ее на свой счетъ. Тамъ былъ братъ ея герцогъ, Александръ Виртембергскій, и великій князь

объявилъ ему совершенно неожиданную вѣсть, что въ рядахъ мятежниковъ находится и его адъютантъ, Александръ Бестужевъ. Потомъ онъ послѣдовалъ за государемъ въ церковь и тутъ только, впервые въ этотъ день, увидѣлся съ своею супругою. Въ заключеніе, когда все пришло уже въ нѣкоторый порядокъ, государь поручилъ ему съѣздить къ арсеналу, чтобы утвердиться личнымъ осмотромъ, все ли тамъ спокойно. Великій князь поѣхалъ туда изъ дворца черезъ Большую Милліонную и Царицынъ лугъ. До моста черезъ Зимнюю канаву все имѣло видъ города въ осадномъ положеніи. На Дворцовой площади и въ Милліонной бивуакировали многочисленныя войска, вокругъ разложенныхъ огней; на самомъ мосту стояли два орудія; но миновавъ его, сцена тотчасъ перемѣнилась: городъ былъ точно такъ же безлюденъ и тихъ, какъ обыкновенно въ ночную пору; изрѣдка кой-гдѣ мелькалъ какой-нибудь запоздалый извозчикъ, или уединенный пѣшеходъ, и по наружности никакъ невозможно было догадаться о пронесшейся грозѣ. Около арсенала, гдѣ занимала караулы учебная артиллерійская бригада, на возвратномъ пути черезъ Дворцовую набережную, все было точно также тихо и спокойно. Только отъ Эрмитажнаго моста за поставленными и на немъ орудіями улица принимала опять оживленный видъ военнаго стана.

Когда великій князь вошелъ къ государю, чтобы донести объ исполненіи своего порученія, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилась ему неожиданное зрѣлище: передъ государемъ стоялъ и въ ту минуту упадалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный князь Трубецкой... Онъ и многіе другіе изъ заговорщиковъ были уже схвачены, и государь принималъ первыя ихъ показанія. Великому князю тутъ только сдѣлалось извѣстнымъ существованіе обширнаго и сложнаго заговора, котораго онъ нисколько не подозрѣвалъ, приписывая дотолѣ все случившееся единственно уклоненію отъ новой присяги.

День былъ оконченъ. Надлежало, наконецъ, подумать, если не о успокоеніи, то о пищѣ. Послѣ обѣда наканунѣ въ Ненналѣ и чашки чаю, выпитой ночью отъ сильной стужи на одной изъ станцій между Нарвою и Петербургомъ, великій князь, среди безпрестанной физической дѣятельности и жестокихъ душевныхъ волненій этого дня, не принималъ никакой пищи.

— Mais Monsigneur n'ausait il pas faim?—спросилъ его напослѣдокъ кто-то изъ приближенныхъ.

— Allez donc — отвѣчалъ онъ съ обыкновенною своею счастливою находчивостью: — C'est justement la faim (fin) que j'attends [1]).

---

[1]) На этомъ мѣстѣ заканчивается рукопись.

Мелочи изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ.

(Два письма К. П. Побѣдоносцева къ Н. П. Полякову [1]).

I.

10 апрѣля 1902.

Меня застанете, полагаю, въ пятницу, либо часу въ 12-мъ, либо около 4-хъ.

Отъ судьбы своей не уйдешь, а теперь вотъ уже 4 письма получилъ о томъ, что за мною очередь. Бывали и прежде, но эти письма тѣмъ тяжелы, что свидѣтельствуютъ о какой-то злобной противъ меня ненависти людей, кои меня не знаютъ и понятія не имѣютъ ни обо мнѣ, ни о моей, давно уже застывшей дѣятельности.

Здравствуйте.

К. П.

II.

Христосъ воскресъ!

Почтенный Николай Петровичъ. Недоумѣваю, откуда могла вамъ придти мысль, будто бесѣда ваша могла показаться мнѣ странною. Все, что вы говорили мнѣ, отвѣчало нынѣшнему печальному положенію, вамъ же я сердечно благодаренъ за доброе участіе.

Здравствуйте и да хранитъ васъ Богъ.

К. Побѣд.

15 апр. 1902.

Сообщ. П. Н. Миллеръ.

---

[1]) Н. П. Поляковъ—библіоманъ, издатель и торговецъ разными старинными вещами, а также книгами, архивами и пр. Въ послѣдніе годы служилъ управляющимъ у фонъ-Дервиза въ С.-Петербургѣ.

Петербургъ въ концѣ 1861 г.

(Дневникъ А. П. Марковой-Виноградской).

Настоящій дневникъ Анны Петровны Марковой-Виноградской [1]) живо переноситъ насъ въ описываемую ею эпоху и не менѣе живо рисуетъ намъ настроеніе той части тогдашняго петербургскаго общества, въ которой вращалась Анна Петровна; остается лишь пожалѣть, что разсказъ ея захватываетъ такой короткій промежутокъ времени,—всего въ одинъ мѣсяцъ—съ 20-го ноября по 18-е декабря 1861 года; преобладающее мѣсто въ немъ занимаютъ студенческія волненія, вызванныя введеніемъ новыхъ университетскихъ правилъ,—такъ называемыхъ, „матрикулъ", —и повлекшія за собою сперва кратковременное (съ 18-го сентября по 11-е октября 1861 г.), а потомъ и продолжительное (съ 20-го декабря 1861 до осени 1863 г.) закрытіе университета.

Авторъ разсказа—Анна Петровна Маркова-Виноградская (р. 1800, ум. 1879)—та самая Кернъ (по 1-му браку), въ которую въ 1825 году былъ влюбленъ Пушкинъ и которой онъ посвятилъ свое дивное стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье". Въ описываемое время Анна Петровна, уже старушка 61 года, жила въ Петербургѣ, гдѣ второй мужъ ея, Александръ Васильевичъ Марковъ-Виноградскій (род. 1820, ум. 1878), за котораго она вышла въ 1842 году, служилъ столоначальникомъ въ Департаментѣ Удѣловъ; супруги, несмотря на большое неравенство лѣтъ, жили чрезвычайно согласно и счастливо, горячо интересуясь и литературными, и общественными вопросами, вращаясь въ небольшомъ, но культурномъ кружкѣ своихъ друзей и знакомыхъ, которыхъ умѣли привлекать къ себѣ.

Дневникъ-разсказъ велся Анною Петровною въ видѣ писемъ и предназначался для пересылки къ одному изъ ея знакомыхъ, Семену Николаевичу Цвѣту, но, въ виду неожиданнаго его возвращенія въ Петербургъ, отправленъ не былъ. С. Н. Цвѣтъ, землякъ Анны Петровны, малороссъ, учился

[1]) Онъ полученъ нами отъ ея внучки—Аглаи Александровны Кулжинской, по сценѣ Дараганъ.

въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ, затѣмъ служилъ по Удѣльному вѣдомству, въ 1859 году былъ помощникомъ управляющаго Удѣльною Конторою въ Сызрани, гдѣ съ нимъ познакомился Николай Николаевичъ Тютчевъ (р. 1815, ум. 1878),—двоюродный братъ поэта,—въ это время начальникъ отдѣленія, а потомъ членъ Совѣта Департамента Удѣловъ, и содѣйствовалъ переходу Цвѣта въ Петербургъ. М. Н. Муравьевъ, которому Цвѣтъ „понравился", назначилъ его начальникомъ отдѣленія, но вскорѣ „отнялъ" у него мѣсто, и Цвѣтъ опредѣлился ученымъ секретаремъ на отрядъ изъ трехъ корветовъ, отправлявшійся, подъ начальствомъ адмирала Андрея Александровича Попова (р. 1821, ум. 1898 [1]), въ Тихій Океанъ. „Либеральныя рѣчи" Цвѣта противъ тѣлесныхъ наказаній и „вообще свободомысліе" не понравились,—по словамъ А. В. Маркова-Виноградскаго,— Попову, и послѣдній высадилъ его въ Англіи; вернувшись въ Петербургъ, Цвѣтъ женился на племянницѣ Н. Н. Тютчева, затѣмъ былъ управляющимъ акцизными сборами въ Полтавѣ, потомъ состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ, а въ 1893 г., въ чинѣ дѣйств. статск. совѣтника, числился при Министерствѣ государственныхъ имуществъ.

Что касается М. С. Гулевича, о которомъ разсказываетъ Анна Петровна, то онъ былъ студентомъ Харьковскаго Университета, затѣмъ жилъ въ Москвѣ „на кондиціяхъ", а въ 1861 году былъ вольнослушателемъ Петербургскаго Университета, занимаясь, между прочимъ, съ сыномъ Марковыхъ-Виноградскихъ—Александромъ и съ сыномъ П. Н. Даневскаго—Львомъ. Впослѣдствіи онъ женился на Маріи Ардаліоновнѣ Эйнвальдъ, эмигрировалъ за границу, жилъ въ Женевѣ, но нужда довела его до того, что онъ выбросился изъ окна и убился; это было, кажется, уже въ 1870-хъ годахъ.

Б. Модзалевскій.

Разсказъ о событіяхъ въ Петербургѣ послѣ отъѣзда Цвѣта для сообщенія ему или пересылки, если возможность представится.

1861 г., ноября 20-го. С.-Петербургъ.

При васъ еще начались сходки студентовъ, ознаменованныя такими шальными распоряженіями правительственныхъ лицъ; живо помню, какъ *вы*, стоя вотъ здѣсь у печки, уговаривали одного изъ нашихъ друзей изъ

[1]) Извѣстнаго своими работами по преобразованію нашего флота послѣ Крымской кампаніи и изобрѣтенными имъ круглыми броненосцами-„поповками".

самыхъ горяченькихъ, хоть и не студента. Разумныя ваши слова не принесли, однако-жъ, пользы ему, за что я на него особенно зла. На другой день, кажется, послѣ вашего отъѣзда пріѣхалъ Саша [1]) (на сутки къ намъ) и пришелъ вечеромъ съ нимъ видѣться нашъ Гулевичъ [2]) отъ Тютчевыхъ [3]) и пришелъ такой *нарядный*, *endimanché*, какимъ я его никогда еще не видывала, и безъ смѣха смотрѣть не могла! Новый какой-то сюртукъ, великолѣпный и модный до того, что весь отворотъ рубашечнаго рукава былъ видѣнъ; новый модный галстухъ и булавочка *якорь*. Несмотря на это щегольство, онъ былъ угрюмъ, не веселъ и, несмотря на то, что пришелъ видѣться съ Сашей, не остался его дождаться, хоть я и упрашивала его, увѣряя, что тотъ скоро будетъ дома. Напившись чаю, во время котораго сидѣлъ подлѣ меня и раза два повторилъ: „что-то завтра будетъ?“, на вопросъ мой,—что же еще можетъ быть, онъ сквозь зубы сказалъ, какъ будто не о себѣ говоря: *„да сходка опять будетъ!..*, и ушелъ, говоря, что ему нужно еще вечеромъ дома почитать и поработать... На другой день и на 3-й, и на 4-й мы уже его не увидѣли, а между тѣмъ въ тотъ же день узнали отъ *очевидца* (нашъ factotum носилъ ваше фортепьяно въ зданіе кадетскаго корпуса—рядомъ съ подъѣздомъ университетскимъ), что сходка дѣйствительно была и кончилась еще хуже первыхъ. Начальство было предупреждено, вѣроятно, чрезъ шпіоновъ изъ студентовъ же, и войско окружило ихъ у воротъ зданія Университета; не знаю, сопротивлялись ли они быть арестованными, или само дѣйствіе ихъ противъ тѣхъ, которые пришли на лекціи съ матрикулами, было принято за бунтъ, только ихъ били прикладами и гнали, какъ стадо, въ крѣпость... На мѣстѣ сраженія отличились, говорятъ, кромѣ *г-на Игнатьева* [4]), Преображенскій офицеръ *Гр. Толстой* [5]), который будто бы самъ бросился на безоружныхъ студентовъ и приказалъ своей ротѣ дѣйствовать штыками... Возмутительно! Нашъ посланный все это видѣлъ и нѣкоторыхъ окровавленныхъ

---

[1]) Александръ Александровичъ Марковъ-Виноградскій, сынъ Анны Петровны отъ второго брака.

[2]) См. предисловіе.

[3]) Николай Николаевичъ Тютчевъ, служившій въ Департаментѣ Удѣловъ, женатый на Александрѣ Петровнѣ де-Додтъ (р. 1822†1883); друзья Марковыхъ-Виноградскихъ.

[4]) Генералъ-адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ (р. 1797†1879)—С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи графъ.

[5]) Илларіонъ Николаевичъ Толстой (не графъ, р. 1832†1904), штабсъ-капитанъ Преображенскаго полка, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, позже сдѣланный флигель-адъютантомъ—17-го апрѣля 1862 г.; а можетъ быть, его братъ, капитанъ того же полка, Михаилъ Николаевичъ (р. 1829 † 1875), впослѣдствіи тоже генералъ-лейтенантъ, не бывшій флигель-адъютантомъ.

студентовъ тоже, уѣзжавшихъ послѣ битвы; говорятъ, этотъ мерзостный герой (который сдѣланъ флигель-адъютантомъ по пріѣздѣ Государя...) самъ собственноручно нанесъ ударъ студенту по головѣ своею саблею; ихъ погнали въ крѣпость, гдѣ продержали, однако же, нѣсколько сутокъ, потому будто бы, что какъ пріѣхалъ царь и сблизилось время панихиды по его матушкѣ, то ихъ сочли нужнымъ удалить, и, посадивъ на пароходъ, послали въ *Кронштадтъ*. Въ крѣпость Александръ Васильевичъ [1]) ѣздилъ съ однимъ изъ нашихъ родственниковъ Измайловымъ [2]) для свиданія съ братомъ жены его, барономъ Дальгеймомъ [3]), но видѣться они не были допущены, и никто изъ родственниковъ не зналъ, почему только съѣстные припасы, посланные нами при запискѣ, были приняты, и отвѣтъ доставленъ отъ Гулевича. Потомъ братъ къ нему ѣздилъ въ Кронштадтъ и видѣлся, несмотря на то, что и тамъ былъ приказъ не пускать никого къ арестантамъ, кромѣ отцовъ и матерей! Фу, какъ грозно и какъ пошло! Точно Николай Павловичъ въ каррикатурѣ. Ихъ помѣстили тамъ въ госпиталѣ и, благодаря гуманности начальника порта, ассигновали прекрасное содержаніе, настоящій комфортъ послѣ крѣпости, гдѣ ихъ сутокъ двое морили голодомъ, кромѣ тѣхъ, которые попали подъ начальство нашего пріятеля Пинкорнелли [4]), и спали они бѣдные кучами на голомъ полу, пока спохватились имъ дать—соломы!.. A la guerre, comme à la guerre!.. Комедія, да и только! Хоть это очень грустная комедія!.. Нашъ пріятель и тамъ не унывалъ, т. е. въ крѣпости; одинъ знакомый, проходя чрезъ дворъ, узналъ его курчавую голову и имъ былъ узнанъ, чего ради прокричалъ ему въ окно *кукареку!* Братъ Гулевича—Вадимъ, добрый, кроткій юноша и, кажется, весьма нѣжно любящій брата своего, заболѣлъ, бѣдный, отъ тоски и тревоги; теперь въ лазаретѣ; онъ мнѣ разсказывалъ о своемъ посѣщеніи брата и о томъ, что его и тамъ не оставляютъ его юмористическія выходки.—„Говорили мы о разномъ съ братомъ", сказалъ онъ, „и я не замѣтилъ, что во время нашего интимнаго разговора незамѣтно подошелъ и сталъ вслушиваться жандармскій офицеръ".—„Вотъ видишь-ли", сказалъ братъ: „медвѣдь, конечно, тоже маленькая птичка, да его не посадишь въ

---

[1]) Марковъ-Виноградскій.

[2]) Павелъ Аѳанасьевичъ Измайловъ, впослѣдствіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ, помощникъ статсъ-секретаря Государстеннаго Совѣта, тайн. сов. (1892). Былъ женатъ на баронессѣ Татьянѣ Петровнѣ Дальгеймъ.

[3]) Баронъ Юлій Петровичъ Дальгеймъ, сынъ барона Петра Ивановича Дальгейма († 1865) и Елизаветы Сергѣевны, рожд. Львовой, дочери С. Д. Львова и жены его Татьяны Петровны, рожд. Полторацкой (тетки А. В. и А. П. Марковыхъ-Виноградскихъ).

[4]) Штабсъ-капитанъ Иванъ Ѳедоровичъ Пинкорнелли, плацъ-адъютантъ С. Петербургской крѣпости.

клѣтку, а вотъ *сорока* другое дѣло—ее можно посадить,—она держитъ хвостъ кверху!..“ „Что за чушь онъ городитъ“, подумалъ я, всматриваясь въ его невозмутимую физіономію, и только тогда понялъ, что онъ кого-то морочитъ, когда *офицеръ* быстро отшатнулся отъ насъ.—Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ всѣмъ намъ очень много нѣжнаго въ письмѣ брата, просилъ насъ, меня и Софью Христіановну [1]), писать ему, что онъ перечитываетъ наши строки, какъ *влюбленный гимназистъ*. Мы послушались, написали длинныя письма, но отвѣта не было; можетъ статься, и не дошло! Измайловъ ѣздилъ тоже въ Кронштадтъ и, какъ было позволено видѣться только отцамъ, то онъ, явясь къ коменданту, объявилъ, что онъ—отецъ! „Ваше имя и фамилія, сказалъ комендантъ, вашъ *чинъ*?“—„Павелъ Аѳанасьевичъ Измайловъ, надворный совѣтникъ!“—„О!“—сказалъ комендантъ, какъ будто удивясь большому чину молодого человѣка.—„А сына вашего какъ имя?“—„Сына моего зовутъ *баронъ Юлій Петровичъ Дальгеймъ!*“ Безъ малѣйшаго возраженія на это или замѣчанія комендантъ приказалъ выдать записку, въ которой тоже значилось допустить къ свиданію съ Дальгеймомъ его отца—Измайлова! Гуманность этого коменданта, говорятъ, совершенно восхитила подвластныхъ ему студентовъ. Онъ говорилъ Измайлову, что онъ все сдѣлалъ отъ него зависящее, чтобъ облегчить участь бѣдныхъ арестованныхъ: „Я ихъ тотчасъ по пріѣздѣ сводилъ въ баню, далъ имъ чистыя постели и хотя толстое, но все чистое бѣлье и столъ сытный, какого они тамъ, конечно, не имѣли—по 29 к. съ персоны“.

Воображаю Гулевича въ его новомъ модномъ съ иголочки сюртукѣ (не даромъ я на этотъ сюртукъ смотрѣть не могла равнодушно. Констанція [2]), которая такъ охотно приписываетъ мнѣ разныя качества души, не прочь приписать мнѣ и *ясновидѣніе*: говоритъ, что *я* предчувствовала несчастіе этого сюртука!): каковъ онъ былъ послѣ проведенныхъ нѣсколькихъ сутокъ въ крѣпости на полу безъ соломы и даже съ соломой!.. Несмотря на то, что власти, т. е. *Игнатьевъ* и *Путятинъ* [3]), телеграфировали Императору о студентахъ и о своихъ продѣлкахъ, мы всѣ ждали, какъ—чего бы—какъ манны небесной, какъ пришествія Мессіи, пріѣзда въ П—бургъ ...... и—дождались! Первыя, дошедшія до насъ извѣстія, были: „Игнатьева и Путятина царь обнималъ и цѣловалъ *публично!*“

---

[1]) Даневскую, рожд. Экебладъ; это жена Пія Никодимовича Даневскаго (см. ниже), дочь директора Нѣжинскаго Лицея.

[2]) Констанція Петровна де-Додтъ, сестра жены Николая Николаевича Тютчева.

[3]) Адмиралъ, графъ Евфимъ Васильевичъ Путятинъ (р. 1803 † 1883), министръ народнаго просвѣщенія съ 20-го іюня по 25-е декабря 1861 г.

На другой же день пріѣзда былъ парадъ, по окончаніи коего благодарилъ Преображенскій полкъ, а графа Толстого произвелъ въ флигель-адъютанты [1]). При всѣхъ этихъ неутѣшительныхъ слухахъ я рѣшительно отъ .... отказалась, возненавидя ... и Констанція по обыкновенію все старалась утѣшить насъ своимъ манеромъ, что онъ не совсѣмъ виноватъ... Между тѣмъ Кавелинъ и трое другихъ профессоровъ подали въ отставку [2])! Между тѣмъ какъ легко было властію, Богомъ намъ дарованною, разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ—всѣхъ ихъ выпустить, хоть на поруки, а потомъ судить и рядить... Вмѣсто того, нарядили совѣты, суды, комитеты и т. п.—чѣмъ все это кончится,—Богъ знаетъ.

Городскіе слухи и сплетни были разные, напр.: будто Игнатьевъ телеграфировалъ: „что студенты бунтуютъ и слушать никого не хотятъ!" Отвѣтъ: „поступать деликатно, по-отечески"... Игнатьевъ опять: „Арестовано 400 человѣкъ!" Отвѣтъ: „Дуракъ!"

Въ это время въ „Искрѣ" появилась комедія „Карпъ Ивановичъ и Нина Александровна", взятая изъ анекдотовъ о Николаѣ Павловичѣ, *très authentique*. Удивительно вѣрный снимокъ; не знаю, какъ пропустили! Еще въ „Искрѣ" была картинка, гдѣ представленъ *куль* и изъ-*подъ куля* вылѣзаетъ *воръ*, о которомъ говорятъ свидѣтели:—„И бить его *и гнать его!*" Не правда ли, удачное jeu de mots? Теперь объ уступкахъ свыше,—хоть это вы и знаете черезъ газеты, что Игнатьевъ замѣненъ, какъ утверждаетъ гласъ народный, весьма удачно, кн. Суворовымъ, который будто бы заявилъ свою личность, гуманно посѣтивши студентовъ въ крѣпости сперва, потомъ и въ Кронштадтѣ [3]).

(3-ій часъ пополудни). Я была оторвана отъ пера визитомъ прощальнымъ Николая Николаевича Тютчева. Я не очень здорова, потому эти дни не была у нихъ, и онъ сказалъ мужу вчера (воскресенье), что онъ прійдетъ ко мнѣ; шутилъ по обыкновенію надъ силой моихъ молитвъ и рекомендовалъ особенно ихъ направить на нѣкоторые пункты... Сказалъ, между прочимъ, что Игнатьевъ отставленъ съ огромнымъ трактаментомъ въ *19 тысячъ рублей серебромъ по смерть!*.. Отъ часу не легче!.. Да и 10 тысячъ десятинъ земли въ награду за *вѣрную* службу... Я сказала, что хочу написать по малой почтѣ письмо....... сдѣлать ему

---

[1]) Это послѣднее невѣрно.

[2]) Въ отставку подали профессора: К. Д. Кавелинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и Б. И. Утинъ.

[3]) Дѣйствительно, С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ князь Александръ Аркадьевичъ Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.

нѣкоторыя дружескія предостереженія и т. п., а между прочимъ, сказать вотъ хоть бы по поводу наградъ Игнатьеву, что лучше бы все это дать Виноградскому и выслать его въ отставку. Николай Николаевичъ прочиталъ нѣсколько строкъ изъ писаннаго въ этой тетрадкѣ и сказалъ, что вамъ это будетъ пріятно прочесть, и что когда вы возвратитесь, это уже будетъ *de l'histoire ancienne* и еще сказалъ (то же, что и я думаю), что вы не останетесь нѣсколькихъ годовъ и что, объѣхавъ Америку, Японію, посмотрѣвъ Австралію и проч. и проч., вы съ Амура прилетите къ намъ на *почтовыхъ!* Дай-то Богъ, и чтобъ мнѣ дожить до этого!.. Привезите мнѣ духовъ изъ Англіи непремѣнно, иголокъ и ножницы. Послушайте: вы счастливый человѣкъ, однако-жъ: посмотрите, какъ всѣ мы васъ любимъ. Одно то чего стоитъ, что Николай Николаевичъ ни о комъ въ мірѣ не говоритъ съ такою нѣжностью. Знаете, что я вамъ скажу еще: нѣтъ сомнѣнія, что *мы* всѣ, привыкшіе васъ видѣть и слышать, скучаемъ за вами, но я почти рада, что *васъ теперь* здѣсь нѣтъ. Намъ тяжело, намъ нестерпимо смотрѣть *бездѣйственно* на всѣ эти каверзныя дѣйствія, каково же вамъ было бы? Вотъ-то головушка ваша трещала бы отъ досады! Однако, долго тоже вамъ не слѣдуетъ оставаться. Да, такъ вы знаете, что Тютчевы ѣдутъ къ роднѣ съ Александрой Николаевной [1]) и, вѣроятно, всѣ рождественскіе праздники проведутъ тамъ же или въ Москвѣ. Весьма разумно!

Муравьевъ [2]) объявилъ, что 15-го января ѣдетъ за границу... Гр. Стейнбокъ [3]) уѣхалъ, а свадьба, кажется, разстроилась!.. До завтра о свадьбѣ и размолвкѣ.

22-го ноября, утро.

О свадьбѣ гр. Стейнбока тоже безъ васъ было объявлено; это извѣстіе насъ отчего-то непріятно поразило... Пожилой человѣкъ когда женится, рѣдко бываетъ удачно, такъ мнѣ кажется, и хотя съ его стороны было увлеченіе, а не расчетъ, конечно, но увлеченіе, вѣроятно, чисто физическое и слишкомъ быстрое, чтобъ предположить привязанность, основанную на чемъ-нибудь прочнѣе, кромѣ наружной красоты; съ ея же стороны

---

1) Вѣроятно, сестра Н. Н. Тютчева, бывшая замужемъ за австрійскимъ камергеромъ, графомъ Георгомъ Корніани.

2) Предсѣдатель Департамента Удѣловъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ (см. „Минувшіе Годы", 1908 г., № 1, стр. 277—279).

3) Графъ Юлій Ивановичъ Стейнбокъ, камергеръ, помощникъ предсѣдателя Департамента Удѣловъ, впослѣдствіи предсѣдатель; съ 1875 г.— оберъ-гофмейстеръ; † въ 1878—1879 г.

можно навѣрное предполагать расчетъ, какой?.. это довольно длинный и сложный вопросъ. Вслѣдствіе всего этого, мы всѣ, любящіе, знающіе его, озаботились этимъ бракомъ и пожелали узнать, *что такое она!* Стоустая молва не замедлила донести подробно, что она вдова съ 4-мя дѣтьми, еще очень молодая, лѣтъ 30, и весьма, весьма богатая!.. такая богатая, что будь я на ея мѣстѣ, не пожелала бы никакого графа, ни князя даже присоединить къ этому богатству, а пользовалась бы имъ съ любовію и желаніемъ—поскорѣе его уничтожить...

Къ этимъ свѣдѣніямъ присоединились другія, весьма мрачнаго содержанія: что она извѣстна въ обществѣ по весьма скандалiозной исторіи съ мужемъ!.. а именно, что мужъ—отъявленный негодяй, это правда, но что одинъ господинъ, подозрѣваемый въ короткомъ знакомствѣ съ нею, прислалъ ему (мужу) по почтѣ *адскую машину*, и что мужъ, предчувствуя это, поѣхалъ на почту съ полицейскимъ, который и былъ убитъ при вскрытіи посылки. Дѣло это хранится въ архивахъ. Оная госпожа пробыла 6 мѣсяцевъ въ *острогѣ*; мужъ же ея оправдывалъ ее передъ судомъ; все-таки это пятно тяготѣетъ надъ нею и ея дѣтьми. Не знаю, извѣстно ли было это гр. Стейнбоку, только то вѣрно, что онъ, объявивъ своимъ друзьямъ и сослуживцамъ о своемъ бракѣ, намѣревался ѣхать къ ней въ Москву, гдѣ она проживаетъ. Вдругъ заболѣлъ, заболѣлъ опасно,—слухи носились, что у него разыгралось нѣчто въ родѣ аневризма въ сердцѣ, почему и полагаютъ, что бракъ невозможенъ!.. Графъ уѣхалъ за границу на 6 недѣль, получивъ 10 т. сер. на излѣченіе, а квартиру, нанятую за 3 тысячи для свадьбы, сдалъ совсѣмъ съ убыткомъ... Кажется, все кончено??! Тютчевы видѣли ея акварельный потретъ; она очень хороша и симпатичная, грустная физіономія, чрезвычайно привлекательиая. Грустно это все *и не хорошо*. Слухи носились, будто царь причиной размолвки, будто онъ сказалъ Адлербергу [1]), когда тотъ просился ѣхать на свадьбу, что онъ знаетъ эту гадкую исторію, и что неужели гр. Стейнбокъ не нашелъ ничего лучшаго? Будто графъ и заболѣлъ послѣ такого извѣстія, переданнаго ему Адлербергомъ. Похоже на правду, но лучше, если-бъ не была правда! Телесницкій [2]) протестуетъ. Онъ говоритъ, что если бы графъ услышалъ что-нибудь подобное, то вышелъ бы въ отставку и все-таки бы женился! Онъ, говорятъ, пріѣхалъ сюда его навѣстить, когда онъ заболѣлъ такъ сильно, но неизвѣстно, что между ними произошло при свиданіи.

---

[1]) Графъ Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ, министръ двора.

[2]) Алексѣй Владиміровичъ Телесницкій, чиновникъ Департамента Удѣловъ, потомъ членъ Совѣта его и помощникъ управляющаго, тайн. сов. (1884).

Вчера Констанція [1]) и Саша [2]) проводили Николая Николаевича и его семью на желѣзную дорогу; Александръ Васильевичъ [3]) тоже провожалъ; оттуда въ каретѣ за мною заѣхали. Третьяго дня вечеромъ мужъ ходилъ проститься съ Тютчевыми, а у меня сидѣли 2 мои институтки и Измайловъ пришелъ. Я ему сообщила свое удивленіе, что этому м...... Игнатьеву дали 19 тыс. сер.! „*Двадцать двѣ!*“, сказалъ онъ. Отъ часу не легче! Какъ тутъ не лопаться съ досады каждую минуту? Воображаю, каково вамъ, если до васъ доходитъ что-нибудь подобное? Онъ еще разсказывалъ, что царь приказалъ арестовать одного студента въ толпѣ во время похоронъ Герштенцвейга [4]); однако же вчера мнѣ Констанція сказывала, что его скоро выпустили. Исторія о студентахъ молчитъ!..

Измайловъ говорилъ мнѣ еще, что онъ на дняхъ былъ въ довольно большомъ обществѣ, гдѣ случился старичокъ-монархистъ, горячившійся крѣпко отстаивать свое отсталое мнѣніе о Муравьевѣ и студентахъ. Все остальное общество протестовало,—кто громко, кто молчаливо. „Я тоже молчалъ все время“, сказалъ Измайловъ. „Тогда онъ прямо обратился ко мнѣ, вызывая отвѣтъ рѣшительный на его доводы: „Ну, скажите мнѣ, что бы вы сдѣлали, какъ бы *вы* поступили, будь у васъ сынъ въ это время въ Университетѣ?“

Измайловъ: „Я и предвидѣлъ это затрудненіе, почему и обзавелся *дочерью* только“.

Слухи носились передъ отъѣздомъ Тютчева, что Муравьевъ будетъ совершенно стушеванъ. Онъ и самъ грустно прощался и говорилъ Николаи Николаевичу, что ѣдетъ непремѣнно за границу 15-го декабря, въ Ниццу. „Тамъ вѣдь тепло уже въ февралѣ; не правда ли?“ Николай Николаевичъ сказалъ, что *разумѣется*!... хотя бываетъ, и очень часто, въ комнатахъ весьма холодно еще тамъ въ это время. Вчера же на желѣзной дорогѣ Шварцъ [5]) сообщилъ, что Муравьевъ отстоялъ-таки себѣ свои пенаты: остался *предсѣдателемъ* Удѣловъ-таки и Межевого Корпуса. Такой жадный

---

[1]) Констанція Петровна де-Додтъ, сестра А. П. Тютчевой.

[2]) Александръ Александровичъ, сынъ А. П. и А. В. Марковыхъ-Виноградскихъ.

[3]) Марковъ-Виноградскій.

[4]) Генералъ-адъютантъ, Варшавскій военный генералъ-губернаторъ Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ, умеръ въ Варшавѣ 24-го октября 1861 г.; тѣло его было привезено въ Петербургъ для погребенія въ Сергіевой пустыни.

[5]) Алексѣй Николаевичъ Шварцъ, секретарь канцеляріи предсѣдателя Департамента Удѣловъ—М. Н. Муравьева; въ этой же должности и въ это же время былъ и П. А. Ефремовъ, библіографъ (ум. 1907).

старикъ. Александра Бальтазаровна [1]) не можетъ этого слышать равнодушно: какъ ему было не стыдно и не совѣстно *не отказаться отъ всего?* Шутила она: мы къ квартирамъ привыкаемъ, да не охотно разстаемся, а оставить *теплый даровой* дворецъ! Теперь, пожалуй, чего добраго, и за границу не поѣдетъ!

Вчера къ Тютчевымъ приходилъ одинъ господинъ, очень знакомый у Ковалевскихъ [2]) и котораго онъ очень уважаетъ. Онъ говорилъ, что на мѣсто Кавелина уже назначенъ профессоръ какой-то; еще говорилъ, что онъ былъ у Ковалевскаго, что тотъ, при всей сдержанности своей и осторожности, руки къ небу подымаетъ отъ исторіи со студентами и говоритъ, что если-бъ онъ это могъ предвидѣть, то не вышелъ бы въ отставку, хоть бы его били, гнали, выгоняли! что Богу отвѣтитъ за все это Строгановъ [3]).

23-го ноября, утро.

А неправда ли, что *мой*-то царь Александръ 1-ый былъ лучше вашихъ, несмотря на то, что 60 лѣтъ назадъ царствовалъ?.. [4]) Измайловъ не хотѣлъ согласиться, опираясь на послѣдніе *плохіе годы*... Я ему сказала, что онъ вѣдь по слухамъ и по преданіямъ судитъ, что онъ и при Николаѣ I-мъ не служилъ еще?

„Служилъ 6 мѣсяцевъ и выгнанъ былъ изъ службы".

Я: „Вотъ какъ! за что же?"

Онъ: „Да я далъ щелчка по носу экзекутору и казначею при московскомъ губернаторѣ Капнистѣ [5]), да крѣпко очень, такъ что кровь пошла".

Я: „Жаль, что не . . . .

Онъ: „Будь онъ на ту пору казначеемъ или экзекуторомъ и ему бы попалось".

Мужъ мнѣ сегодня по утру сказалъ, что Телесницкій читалъ въ *Колоколѣ* о студентахъ. Вѣликолѣпно. Дорого бы дала, чтобы прочесть. Говорятъ, Вашъ Муравьевъ доволенъ и счастливъ, какъ мѣдный грошъ, что удалось отстоять Удѣлы и Межевой Корпусъ; съ голоду не умретъ!

---

[1]) Де-Додтъ, мать А. П. Тютчевой и Констанціи Петровны де-Додтъ; умерла въ февралѣ 1874 г.

[2]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій (р. 1792, ум. 1867), бывшій министромъ народнаго просвѣщенія съ 23-го марта 1858 г. и замѣненный вышеупомянутымъ графомъ Е. В. Путятинымъ.

[3]) Генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ.

[4]) О своихъ встрѣчахъ съ Имп. Александромъ I А. П. Маркова-Виноградская оставила любопытныя воспоминанія, напечатанныя въ „Русской Старинѣ" 1870 г., т. I.

[5]) Иванъ Васильевичъ Капнистъ (р. 1798, ум. 1860), сынъ извѣстнаго писателя.

Зеленый [1]), пока что, министромъ *государственныхъ преимуществъ*. Кстати, о Зеленомъ, онъ вѣдь изъ моряковъ. Про него разсказываютъ, что во время доклада у царя, царь спросилъ его, что онъ думаетъ о *Путятинѣ*. Будто бы Зеленый сказалъ, указывая на лобъ свой: „*Мы* его всегда считали несостоятельнымъ по этой части“,—и будто бы, выходя отъ царя, онъ встрѣтилъ и Путятина, который ему сообщилъ, что опредѣленіе его *министромъ просвѣщенія* уже состоялось! Бѣдная, бѣдная Россія! Упрямая Констанція не хочетъ-таки изгнать изъ своего сердца этого маіора въ штатскомъ платьѣ. Говорятъ, общество такъ сочувствуетъ студентамъ, что не только они не нуждаются въ чемъ-либо, но завалены роскошнѣйшими лакомствами. Въ крѣпости была маленькая демонстрація вотъ какого рода: такъ какъ туда ѣздятъ много родныхъ, то начальство пожелало, чтобы для избѣжанія *тѣсноты* чередовались бы родные, т. е. тѣ, которые пріѣзжали въ четвергъ, не пріѣзжали бы въ воскресенье и vice versa. Студенты узнали, что послѣ этого распоряженія крѣпостное начальство сдѣлало нѣкоторыя исключенія въ пользу аристократовъ или богатыхъ—не знаю. Только студенты отказались выходить къ своимъ, узнавши объ этомъ, и объявили роднымъ, что не желаютъ ихъ видѣть такимъ образомъ... Пора учить подлецовъ!.. Молодцы студенты!—Всего пріятнѣе, что между ними есть аристократы, и они, хоть нехотя, научатся уму-разуму!

Вчера, пятница 24-го ноября, мы провели день у Александры Бальтазаровны [2]); намъ хотѣлось праздновать этотъ день, такъ какъ и Тютчевы его праздновали тамъ въ Знаменскомъ, куда они уже пріѣхали. Отъ нихъ получили изъ Твери коротенькую записку (въ приготовленномъ здѣсь заранѣе конвертѣ и надписанномъ Констанціею!), что дорога хороша, они здоровы, рѣки безопасны, и что они имѣли удовольствіе встрѣтить въ Твери выѣхавшихъ къ нимъ навстрѣчу Маслова и Сергѣя Николаевича Тютчева [3]), чтобы вмѣстѣ отправиться въ Знаменское. Вчера Констанція мнѣ разсказывала, что видѣла васъ во снѣ очень явственно, что вы къ нимъ пріѣхали, взошли и прямо поцѣловали Сашу, потомъ и къ ней подошли съ такимъ же точно привѣтомъ, чему она, какъ водится (даже во снѣ), удивилась и выразила вамъ свое удивленіе!.. Что нашла въ васъ перемѣну, т. е. въ вашей кожѣ, что вы загорѣли; она мнѣ говорила, что всегда удивлялась вашей неспособности загорать. Это,

---

[1]) Александръ Алексѣевичъ Зеленый (р. 1819, ум. 1880) былъ назначенъ управляющимъ Министерствомъ государственныхъ имуществъ, на мѣсто М. Н. Муравьева, 1-го января 1862 г.

[2]) Де-Додтъ.

[3]) Братъ Н. Н. Тютчева.

однако же, не доказываетъ крѣпкаго сложенія: очень здоровые всегда загораютъ легко.

О студентахъ и ихъ освобожденіи ни словечка! — Вчера передъ нашимъ уходомъ отъ Тютчевыхъ пришелъ туда г-нъ Ржевскій [1]); не знаю, знакомъ ли онъ вамъ, а если знакомъ, то и вы, вѣрно, такъ же не долюбливаете его, какъ Николай Николаевичъ и они всѣ! Онъ мнѣ сразу сталъ антипатиченъ и по *физіономіи* (это мой конекъ, вы знаете?), и по фразамъ своимъ... Мнѣ еще не удавалось слышать такого обвиненія студентамъ (въ нашемъ кружкѣ имъ всѣмъ сердцемъ сочувствуютъ) и тѣмъ, которые не *старались* своимъ *вліяніемъ* на нихъ ихъ удержать отъ *этого.* Весьма хвалилъ Строганова, при которомъ онъ вмѣстѣ служилъ, и говорилъ, что его весьма удивляетъ, если онъ такъ измѣнился или ему приписываютъ всѣ эти *распоряженія.* Александра Бальтазаровна говорила ему съ такимъ теплымъ чувствомъ и съ такимъ участіемъ къ судьбамъ этого юношества, что мнѣ весело ее было слушать, и слезы навертывались на глазахъ. Въ это время мужъ позвалъ меня, было 11 часовъ,— и Констанція мнѣ сказала, когда я одѣвалась, что она его не любитъ... Вы не повѣрите, какъ мнѣ онъ противенъ казался! А въ свѣтскихъ-то гостиныхъ, можетъ быть, и многіе такъ говорятъ. Вчера утромъ Констанція дѣлала визиты и, между прочимъ, навѣстила Анненкову [2]), которая простудилась. Ее тамъ упрашивали и посидѣть подольше и даже остаться, но она сказала, что спѣшитъ сдѣлать еще нѣсколько визитовъ для того, что я у нихъ буду обѣдать. Анненковъ тогда заговорилъ обо мнѣ и о насъ съ Александромъ Васильевичемъ и о нашей согласной супружеской жизни. „Вотъ такъ надо жить“, сказалъ Анненковъ, обращаясь къ женѣ. А Констанція сказала ей, что вотъ она когда-нибудь насъ можетъ у нихъ встрѣтить... Тогда Анненковъ сказалъ, что „можно и имъ ко мнѣ поѣхать!“ Послѣднему я вовсе не буду рада, потому что церемонные визиты давно оставила. J'ai rompus avec le monde depuis bien longtemps,. да кажется, никогда и не жила съ нимъ въ ладу, слава Богу! Что же касается до нашихъ матримоніальныхъ чувствъ и способностей, то мы мо-

---

[1]) Вѣроятно, Владимиръ Константиновичъ Ржевскій, состоявшій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, публицистъ, дѣятельный сотрудникъ катковскаго „Русскаго Вѣстника“, потомъ сенаторъ (ум. 14-го марта 1885 г.)

[2]) Вѣру Ивановну Анненкову, рожд. Бухарину (р. 1812, ум. 1902), жену генерала и Государственнаго Контролера Николая Николаевича Анненкова (р. 1799, ум. 1865), родственницу А. П. и А. В. Марковыхъ-Виноградскихъ, такъ какъ мать Вѣры Ивановны была Елизавета Өеодоровна, рожд. Полторацкая. О ней см. „Нов. Вр“ 1902 г., № 9435, „Ист. Вѣстн.“, 1902 г., № 10. Съ ней была очень дружна дочь А. П.—Е. Е. Шокальская, рожд. Кернъ.

жемъ сказать какъ граціозной памяти Александръ I-ый: „Je ne suis qu'un accident heureux!“

29-го ноября, утро.

Здравствуйте, мой сердечный. Каково вамъ? Меня на дняхъ радостно потревожилъ Саша мой: въ то самое время, какъ меня увѣряли, что писемъ нѣтъ, потому что нѣтъ никакихъ сообщеній и даже телеграфъ испорченъ, онъ вошелъ во время чая нашего съ кренделями. Отчего это радостное волненіе сильнѣе горя?.. Ну, это меня и разстроило. Вчера, вторникъ, мы провели день у Александры Бальтазаровны и Констанціи; я здоровалась съ вашимъ портретомъ и бесѣдовала съ милымъ Колбасинымъ [1]), котораго очень люблю. За обѣдомъ онъ намъ разсказывалъ очень подробно разговоръ съ старымъ извозчикомъ своимъ. Хотѣлось бы мнѣ вамъ здѣсь его передать *его* словами, т. е. словами извозчика. Отмѣнно разумная личность. Странная вещь: мнѣ часто случалось разговаривать съ извозчиками весьма разумными здѣсь, чему я всегда удивлялась: русскій мужикъ герой не моего романа! Вотъ малороссъ это другое дѣло. Вечеромъ Колбасинъ намъ прочелъ очень милую повѣсть, которую я имъ привезла, въ вашей „Основѣ“: *Украинскія незабудки*. Премилый разсказъ и, кажется, все портреты изъ нашей съ вами родины—Черниговской губерніи Борзенскаго уѣзда. Тамъ одинъ господинъ проводитъ большую часть дня въ своей *дѣтской*,— такъ онъ называетъ комнату или кладовую, гдѣ у него сохраняются боченки съ *наливками*.

Да, такъ извозчикъ разсказывалъ ему вотъ что: какъ онъ имѣлъ несчастье попасть къ оберъ-полицмейстеру Паткулю [2]).

„Везу я барина; онъ всталъ, расплатился, пошелъ дальше, а я оглянулся на пролетку—*бумагу* оставилъ! Я ему кричать: „вернись, баринъ, бумаги забылъ“, онъ—и слѣдъ простылъ! Такъ я съ бумагами и домой вернулся, да знаете, какъ я грамотный, у меня и 2 дѣвки есть, что въ школу ходятъ, такъ я и прочиталъ бумаги-то!.. Ужасти, что тамъ было! „*Новое колѣно поколѣнное*“ тамъ оно называлось! и что сто тысячъ народу надо уничтожить и проч. Все такое нехорошее про царя, а ужъ если что противъ царя, такъ и противъ насъ, значитъ. Я и припряталъ

---

[1]) Елисей Яковлевичъ Колбасинъ (р. 1831, † 1885), кандидатъ Петербургскаго Университета, беллетристъ, сотрудникъ „Библ. для Чтенія“, „Современника“ и др. изданій, пользовавшійся покровительствомъ И. С. Тургенева и бывшій съ нимъ въ перепискѣ; авторъ книги „Литературные дѣятели прежняго времени“ (Спб., 1859).

[2]) Генералъ-маіоръ Александръ Владиміровичъ Паткуль (р. 1817, † 1877), С.-Петербургскій оберъ-полицмейстеръ съ 12-го ноября 1860 до 1862 года.

бумагу-то подальше, въ шкапъ, гдѣ посуда,—подъ чашку. Да вотъ, ѣхалъ вотъ такъ, какъ съ вашимъ благородіемъ, съ барыней; я и разсказалъ ей такой случай, а она ѣхала на желѣзную дорогу!.. Да и спросила меня, гдѣ я живу, и номеръ квартиры спросила. Я и сказалъ ей, да и невдогадъ, зачѣмъ ей это хотѣлось знать. А ночью въ тотъ же день полиція ко мнѣ пріѣхала. Бѣдная жена моя такъ испугалась, стала вездѣ искать; а я еще имъ говорю, будто шутя, чтобъ не замѣтили, что мнѣ страшно: „ищите, ваше благородіе,—ничего, кромѣ тараканов, не найдете".

29-го ноября, вечеръ.

Извѣстія о студентахъ.

Софья Христіановна [1]) пишетъ: „Говорятъ, *ихъ* раздѣлили на три категоріи (дѣло ихъ рѣшено). Первые шесть человѣкъ подвергаются *наказанію*... 45 ссылаются въ отдаленныя губерніи, а остальные *освобождаются!..* Сколько комментарій можно бы сдѣлать на это послѣднее слово: *„освобождаются!"* Значитъ, признаются совершенно невинными? да? а за то, что ихъ били, и за то, что они и въ голодѣ и въ холодѣ сидѣли, лишенные свободы около 2-хъ мѣсяцевъ,—за это что? [2]).

(Продолженіе разсказа извозчика): „Ну, вотъ совсѣмъ, было, ушли, да вспомнили шкапикъ съ посудой, заглянули туда и вытащили бумагу, ну и повезли меня къ оберъ-полицмейстеру. Тотъ такъ и вскрикнулъ на меня: „Какъ ты смѣешь развозить такія бумаги" и проч. Я, такъ и такъ, ему докладываю, что я, дескать, не развожу, что у меня на дрожкахъ оставили, что я еще все искалъ случая, какъ бы самому объ этомъ царю донесть. Ну, и отпустилъ, только наказывалъ строго, чтобъ я прямо такъ и везъ въ часть, если еще такой сѣдокъ попадется".

---

[1]) Даневская.

[2]) За участіе въ безпорядкахъ по Высоч. повелѣнію 4-го декабря 1861 г. пять студентовъ (Евгеній Михаэлисъ, Конст. Генъ, Адольфъ Герике, Александръ Френкель и Маркъ Новоселицкій) были высланы въ уѣздные города отдаленныхъ губерній подъ надзоръ полиціи, но съ дозволеніемъ поступить на службу; 32 студента IV-го курса были исключены съ отдачею на поруки родственникамъ и съ разрѣшеніемъ поступить на службу по городамъ, гдѣ пожелаютъ, а если не найдется поручителей- съ высылкою въ города Вятской, Вологодской и Олонецкой губ.; 192 студента I, II и III-го курсовъ были прощены, но съ строгимъ внушеніемъ и дозволеніемъ въ 2-хъ недѣльный срокъ или поступить въ Университетъ, принявъ „матрикулы", или выѣхать на родину, или остаться въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи.

8-е декабря 1861 г., утро.

Гулевичъ вернулся вчера! Я радостно обняла его и всѣ его друзья тоже. Боже, Боже, что онъ поразсказалъ намъ!.. Мы много знали, о многомъ слышали отъ *почти* очевидцевъ, но что онъ разсказалъ намъ, превосходитъ все слышанное нами. Думала ли я, что доживу до такой безобразной обстановки?.. Я ненавижу.... и это все. Горе тому, кто не найдетъ въ себѣ способность ненавидѣть!..

Вотъ какъ это происходило: Гулевичъ шелъ мимо Университета, не имѣя никакого положительнаго намѣренія. Подошелъ къ толпѣ, чтобы спросить, что тамъ такое?—Ихъ буточники окружили. Такъ какъ онъ и многіе другіе были въ партикулярномъ платьѣ, и замѣтно было, что они только что подошли, то имъ предложили (начальство, полиція) отойти, выйти изъ цѣпи, удалиться. „Я бы могъ выйти, сказалъ онъ, но считалъ это неловкимъ, и потому еще, что выйдя, за мною вышло бы и нѣсколько другихъ, и было бы нехорошо, неприлично!.. Я остался!“.. Тутъ жандармы съ лошадьми и *преображенцы* со штыками вышли на сцену кровавымъ пятномъ на русскую честь и правительство!.. „Я не потерялся, все помню“, сказалъ Гулевичъ, и „штыки блестящіе, обращенные на насъ, безоружныхъ (потому, что мы всѣ, у кого были трости, ихъ бросили, повинуясь громкому голосу одного изъ насъ бросить трости и остаться совершенно беззащитными), лошади жандармскія, тѣснящія насъ, лѣзшія на дыбы прямо на насъ; одну минуту потомъ меня такъ стиснули, что мнѣ сдѣлалось дурно, и я бы упалъ, если-бъ меня двое товарищей не поддержали... Потомъ отвели насъ во дворъ, гдѣ заперли и переписали наши имена. Потомъ провели между солдатами, жандармами и буточниками, такъ что на каждаго изъ насъ было по трое вооруженныхъ людей!..

Кровавая комедія! Человѣкъ шесть было ранено штыками и прикладами: *Лебедевъ*, котораго солдатъ ударилъ такъ сильно прикладомъ по головѣ, что тотъ упалъ, и вскрикнулъ: „За что ты бьешь безоружнаго?“ Тотъ въ отвѣтъ еще разъ его ударилъ, уже лежачаго, такъ что онъ нѣкоторое время находился въ опасности помѣшаться: отъ раны на головѣ потрясенъ мозгъ! Ихъ гнали въ крѣпость, подгоняя *отсталыхъ* прикладами. Въ крѣпости же они были 5 дней безъ постелей и при самой гнусной пищѣ.—Одна женщина, жена кого-то изъ живущихъ въ крѣпости чиновниковъ, раздавала имъ хлѣбъ и все, что только нашлось у нея съѣстнаго,—бѣдной, измученной голодомъ толпѣ! Когда ихъ повезли въ крѣпость (они не знали еще, куда), то одинъ изъ пароходовъ зацѣпился за плашкотъ моста и чуть было не погибъ; въ это время на берегу стояли и смотрѣли М. и Н. Н. Холодъ былъ очень силенъ (12-ое октября), но капитанъ того парохода, гдѣ ѣхалъ Гулевичъ, былъ добръ и милосердъ: онъ всѣхъ пу-

скалъ въ каюту, гдѣ Гулевичъ улегся у камина и проспалъ до Кронштадта. Другой же командиръ (надо будетъ узнать его имя) не позволялъ озябшимъ входить въ каюту, отчего одинъ, слабый еще послѣ недавняго тифа, простудился на смерть; онъ получилъ чахотку, отъ которой теперь умираетъ. А знаете ли что? У насъ есть пытка!.. Когда я это услышала отъ одной дамы въ 1-ый разъ, я думала, что это сплетня, выдумка, клевета! Увы! это фактъ. Это то, что, описываютъ, дѣлали съ маленькимъ Дофиномъ во время терроризма. Приготовляемаго къ допросу нѣсколько дней томятъ безсоницей: лишь только онъ уснетъ, его будятъ, стучатъ; потомъ, когда онъ достаточно раздраженъ и ослабленъ такой процедурой, его ведутъ изнемозженнаго къ допросу... Такъ было, вѣроятно, съ Михайловымъ [1])! Онъ уже осужденъ Сенатомъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу; царемъ милостиво уменьшенъ срокъ на *половину*. Студентамъ объявили милостивое избавленіе изъ тюрьмы 6-го декабря—день тезоименитства наслѣдника! Какъ мило! Онъ пресмѣшные, преуморительные эпизоды разсказывалъ, да я сегодня въ желчномъ и грустномъ настроеніи; послѣ разскажу. Tout cela est de domaine de l'histoire.

Гдѣ-то вы теперь, нашъ хорошій, нашъ милый Цвѣтъ? Если бы вы знали, какъ мы васъ любимъ!

А Гулевичъ? Онъ хорошая, честная, разумная натура. Вообразите, они раздѣлены на 4 категоріи, да такъ смѣшано, такъ смутно, такъ безтолково, что я ужъ и разсказать не умѣю. Напримѣръ: самое слабое наказаніе (ссылка въ дальнія губерніи) и самое сильное—то же. Потомъ, или ссылка, или дозволеніе остаться, если есть родные поручители. Гулевичу назначено выѣхать чрезъ 2 недѣли и пока пребывать подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи, потому онъ ни за что не хотѣлъ пока у насъ остаться. Вчера Софья Христіановна прибѣжала къ намъ и провела у насъ вечеръ; сегодня насъ зоветъ обѣдать и Гулевича.

9 декабря 1861 г., С.-П-бургъ.

Вообразите мое, наше удивленіе. Констанція вчера была у меня и сказала *новость*: что „Богатырь" и Поповъ [2]) возвращаются!

Теперь такія новости распускаются въ Петербургѣ, что не сразу всякой повѣришь; но я таки задумалась надъ этой и сообщила ее у Данев-

[1]) Михаилу Ларіоновичу Михайлову, сужденному Сенатомъ (17-го октября 1861 г. за составленіе и распространеніе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію", 14-го декабря былъ объявленъ на Сытномъ рынкѣ приговоръ, коимъ онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на 6 лѣтъ: онъ умеръ въ Забайкальѣ.

[2]) См. предисловіе.

скихъ, на что Пій Никодимовичъ Даневскій [1]) сказалъ: „Это значитъ денегъ нѣтъ на экспедицію!“ и прибавилъ еще: „передержано сто милліоновъ!“ Ужасно! Что же тогда вы будете дѣлать? Ясно, что если предполагаемая экспедиція не состоится, то и вы должны вернуться! Радоваться ли этому, или нѣтъ? А вы молчите, и ни словечка отъ васъ не получено вслѣдъ за первымъ грустнымъ вашимъ письмомъ.

Вчера ждали Константина Николаевича. Почему вчера, 8-го, а не 5-го или 6-го, какъ предполагали, — это неизвѣстно *пока;* не знаю, почему, я интересуюсь его пріѣздомъ... Я думаю потому, что тутъ есть *хоть что-нибудь;* все остальное такъ безцвѣтно, пошло!..

Вотъ еще одинъ разсказъ извозчичій, очень занимательный, идея почти та же. Одинъ юноша желалъ услышать, какъ они понимаютъ студенческую исторію. Извозчикъ былъ хмеленъ маленько, слѣдовательно, разговорчивъ, а in vino veritas; молодой человѣкъ сказалъ ему, что пріѣхалъ недавно издалека и желалъ бы знать, что тутъ такое была съ студентами за *исторія*. „А вотъ я вамъ разскажу, баринъ; все какъ *есть* видѣлъ собственными глазами... Они, вотъ видишь ли, все такіе умные, да ученые нынче, ужъ безъ книжекъ ни-ни. Вотъ они и хотятъ все учиться, а имъ говорятъ: „подавай 50 цѣлкачей“. Ну, а иные есть такіе, что разбѣднѣющіе... Ну, они и пришли разъ въ Ниверситетъ. Хвать, а Ниверситетъ заперть! Какъ быть? Что дѣлать? Они къ набольшему ихъ, къ *Генералу*-то, что въ Колокольной улицѣ, — такъ всѣ гурьбой и пошли спросить, что, молъ, это значитъ, что запертъ Ниверситетъ? Ну, генералъ имъ сказалъ: „подите, отопрутъ“. Они и пошли такъ тихо, скромно и все *книжки читаютъ*, такъ по Невскому проспекту идутъ смирно и все читаютъ. Пришли къ Ниверситету-то, а тамъ *войско* всякое такое и жандары... ихъ и накрыли, моихъ голубчиковъ! Больно жалко ихъ бѣдненькихъ. Не хорошо только, что, говорятъ, между ними есть и такіе, что замышляли что-то недоброе противъ царя. Ну, это неладно: царь добрый, онъ намъ волюшку далъ. *Его не замай*“.

Вчера у Даневскихъ, гдѣ мы обѣдали съ Гулевичемъ, онъ намъ разсказывалъ тьму тьмущую вещей, одна другой раздрательнѣе, возмутительнѣе: между прочимъ, что когда ихъ гнали въ крѣпость, то отстававшихъ отъ слабости или болѣзни подгоняли солдаты Преображенскіе прикладами; одинъ изъ нихъ едва тащился на костыляхъ... Въ Кронштадтѣ же, гдѣ, намъ говорили, что ихъ такъ хорошо содержатъ, имъ давали *чай* (изъ пожертвованнаго имъ) въ оловянныхъ кружкахъ, отъ которыхъ

[1]) Извѣстный юристъ и дѣятель по освобожденію крестьянъ и судебной реформѣ. Род. 1820, ум. 1892. Въ это время онъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ Департаментѣ законовъ Государственной канцеляріи.

ихъ постоянно тошнило, потому что грязныя и послѣ больныхъ... Однажды у нихъ по всѣмъ камерамъ сдѣлалась тошнота и корчи. Это событіе навело на нихъ всѣхъ страшное уныніе. Кромѣ того, отъ спертаго воздуха и прочихъ условій тюремной жизни развился тифъ. Я сама, узнавши это, чуть не написала царю посланія или Александрѣ Сергѣевнѣ Долгорукой [1]), но, къ счастью, меня увѣдомили, что дѣло рѣшено... Я попрошу Гулевича, чтобъ онъ тутъ у меня вписалъ нѣсколько строкъ объ этомъ *Абдеристскомъ* рѣшеніи и распредѣленіи категорій... Ай да *мы*! Вотъ тебѣ прогрессъ 19-го вѣка!.. Смѣшно и грустно, грустно до слезъ, до кровавыхъ слезъ!

Допросъ Красильникову:

— Были ли вы подъ судомъ или подъ слѣдствіемъ?

— Былъ.

— Отчего же вы здѣсь?

— Взятъ на поруки.

— Гдѣ же вашъ поручитель?

— Во 2-ой камерѣ 2-го *каземата*.

Однажды имъ предложили, не желаетъ ли кто изъ нихъ въ церковь православную. Они всѣ пожелали. Комендантъ чрезвычайно обрадовался, подумавъ, что всѣ они православные. На 2-ое воскресенье комендантъ предложилъ: если есть католики между ними, то могутъ идти въ католическій костелъ, всѣ пошли опять. Потомъ, когда они пожелали въ лютеранскую церковь, ихъ уже не пустили, побоявшись, что они и въ мечеть, и въ синагогу, пожалуй, попросятся.

При первомъ же допросѣ вмѣстѣ,—говоритъ Гулевичъ,—Андріевскій [2]) сказалъ имъ: „Вѣдь вы *не* были на сходкѣ, вѣдь вы *не* нарочно туда пришли?“.. Это добродушное предостереженіе заставило ихъ всѣхъ засвидѣтельствовать, что они туда попали нечаянно... Впрочемъ, ихъ отвѣты не имѣли никакихъ послѣдствій, на нихъ не обращалось никакого *вниманія*... Какъ это логично, справедливо и честно! Напримѣръ: человѣкъ говоритъ, что онъ давнымъ-давно кончилъ курсъ Университета,—его записываютъ студентомъ.—Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ явно высказывается же-

---

[1]) Фрейлина (потомъ вышедшая за генер.-адъют. Петра Павловича Альбединскаго), дочь князя Сергѣя Алексѣевича Долгорукова, въ семьѣ котораго А. В. Марковъ-Виноградскій давалъ долгое время уроки.

[2]) Иванъ Ефимовичъ Андреевскій (р. 1831, † 1891), извѣстный профессоръ С.-Петербургскаго Университета, секретарь юридическаго факультета; онъ былъ членомъ отъ Университета въ комиссіи по разбору виновныхъ въ безпорядкахъ студентовъ и сдѣлалъ не мало для облегченія ихъ участи.

ланіе заподозрить, сдѣлать виноватымъ праваго! Гулевичъ сказалъ, что онъ три года слушалъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ, потомъ жилъ въ Москвѣ на кондиціи, теперь въ Петербургѣ ходилъ вольнослушающимъ,—его записали харьковскимъ студентомъ, какъ онъ ни протестовалъ. Вслѣдствіе чего его, захваченнаго *нечаянно*, *мимоходомъ*, партикулярнаго человѣка, присудили, послѣ почти 2-хъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, отдать подъ строжайшій надсмотръ полиціи на 2 недѣли, потомъ выслать на *родину* (на родину, гдѣ больной, старой матери нечего ѣсть, гдѣ онъ ее содержалъ своими уроками въ Петербургѣ!) или оставить здѣсь, если найдутся поручители... Любо-дорого слушать такія дѣла и умиляться надъ ними! Мы съ Софьей Христіановной кипимъ; Констанція тоже, несмотря на свое прежнее заблужденіе. Она и теперь говоритъ: „Будь онъ здѣсь, ничего бы подобнаго не случилось!" Что касается до меня, я уже ему совершенно не вѣрю!

У меня всегда вертится одинъ характеристическій фактъ—я при случаѣ его разсказываю; и теперь разскажу, если не разсказала еще. Послѣ 8-милѣтняго заключенія Михаила Бакунина [1]) въ Шлиссельбургской крѣпости, мать, старуха лѣтъ около 70, пріѣхала сюда (отецъ 90-лѣтній умеръ, не дождавшись его); ей сказали, чтобы она попробовала еще одно средство: встрѣтясь съ А. Н. въ Петергофскомъ саду, попросить лично его о помилованіи преступнаго сына. Она, бѣдная, это и исполнила. Подошла къ нему съ видомъ умоляющимъ и сказала, на вопросъ *его*, *кто* она, что она мать кающагося сына и проч. и проч. Онъ остановился, вспомнилъ, *о комъ* рѣчь.... и сказалъ: „*Перестаньте заблуждаться, вашъ сынъ никогда не можетъ быть прощенъ!*" И только. Она, какъ стояла, такъ и повалилась, какъ снопъ, на стоящую тутъ скамейку. Удивляюсь, какъ ее, бѣдную, толстую, тучную женщину не пристукнуло тутъ же! Онъ постоялъ немножко и—*пошелъ дальше*. А вы скажете: „да какъ же это? Да вѣдь онъ прощенъ. Разумѣется, что послѣ Шлиссельбургской крѣпости позволеніе жить и служить даже въ Омскѣ или Томскѣ, не знаю,—милость; да не въ томъ сила, а вотъ въ чемъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ все это послѣдующее совершилось; не знаю, *какъ и откуда* зашли, чтобъ это устроить. Матери-то, надѣющейся на милосердіе, каково должны были прозвучать эти

---

[1]) М. А. Бакунинъ былъ сродни А. П. Марковой-Виноградской: его тетка—Татьяна Михайловна Бакунина—была за роднымъ дядей Анны Петровны—Александромъ Марковичемъ Полторацкимъ. Анна Петровна, бывая въ Тверской губерніи, живала въ Прямухинѣ у Бакуниныхъ, гдѣ и умеръ ея мужъ А. В. Марковъ-Виноградскій, сестра коего, Елизавета Васильевна, была замужемъ за братомъ Михаила Бакунина—Александромъ Бакунинымъ.

слова: «Lasciate ogni speranza» Дантовы. А вотъ онъ теперь въ Лондонѣ, говорятъ. Желаю ему отъ всего сердца имѣть возможность отблагодарить за прочувствованное его матерью въ эти минуты!.. [1]). Вчера, 14-го декабря, прочитала въ газетахъ, что въ 8 ч. утра на площади близъ Мытнинскаго рынка будетъ объявлено рѣшеніе суда бѣдному *Михайлову* по приговору на 12 лѣтъ въ каторжныя работы, по царскому велѣнію на 6 лѣтъ. Это прочитала въ 10 ч. утра въ газетѣ, что въ 8 это совершится. Какъ ловко! Ожидали демонстраціи на 14-е декабря отъ студентовъ, которые собирались служить панихиды по декабристамъ, но полиція уже знала и послала запрещеніе служить панихиды по Кондратіи, Сергѣѣ и проч. и проч.; и съ той и съ другой стороны глупо. Намъ сказали, что Поповъ возвратится, мы и думали: „Неужели и Цвѣтъ возвратится?“ Вдругъ онъ третьяго дня явился съ визитомъ къ Александрѣ Бальтазаровнѣ и Констанціи Петровнѣ н—ни гу-гу о Цвѣтѣ: ни письма, ни вѣсти, прямо ничего. Намъ стало очень грустно; а мы бы могли вотъ эти подробности переслать, все же лучше, чѣмъ „посылаю вамъ поклонъ, *мы* здоровы, чего и вамъ желаемъ“ и проч. и проч.

Вчера, 14-го декабря, отправлена прелестная мантилья и зеленая бархатная шляпка съ перомъ вашей матушкѣ. Шляпа стоитъ (изумительно дешево по времени) 11 рублей; мантилья 26 руб. Пересылка три рубля. Все это устроила Констанція Петровна; я очень довольна, что такъ успѣшно. День ото дня ее больше люблю, а меня она такъ любитъ, что мнѣ даже совѣстно и за нее, и за себя. Гулевичъ у насъ живетъ и кипятится страшно. Сегодня Суворовъ ему позволилъ отдаться на поруки Даневскому... Я жду тамъ романа (inter nos), не знаю только, въ какомъ родѣ. Прочитайте (кстати, о романахъ) новую современную повѣсть, прелестную, хотя юную совершенно, и первый опытъ: наблюдательности бездна. Она называется „Молотовъ“ въ „Современникѣ“. Подписавшійся *Помяловскій* и—вообразите—семинаристъ...

18-го декабря, утро.

Вчера, воскресенье, у Тютчевыхъ были; слышали, во 1-хъ, *вѣсти* свѣжія о васъ... Какой-то юный господинъ, видѣвшій васъ почасту,—ихъ привезъ и *письмо*... Письмо, конечно, отправлено нераспечатанноеъ Николаю Николаевичу въ деревню. Я такой *вѣры*, что этого бы не сдѣлала по 99-ти причинамъ; во 1-хъ, потому (если по почтѣ), что письмо можетъ

[1]) М. А. Бакунинъ съ 1851 по 1854 г. содержался въ Петропавловской крѣпости, а съ 1854 до 1857 г.—въ Шлиссельбургской; потомъ былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь и съ марта 1859 г. жилъ въ Иркутскѣ, служа въ Амурской компаніи; изъ Сибири Бакунинъ бѣжалъ въ Америку; въ декабрѣ 1861 г. онъ былъ не въ Лондонѣ, а въ Нью-Іоркѣ.

или пропасть, или попасть не туда, куда нужно, а потомъ и не узнаютъ, что въ немъ находилось весьма интересное; конечно, если по почтѣ, мы ничего отъ васъ *интереснаго* не получали! Потомъ вечеромъ пришелъ Pinto и разсказалъ много *пріятныхъ* новостей: что Путятинъ уничтожается и проч. и проч. (на его мѣсто, кажется, Головнинъ [1]) и потомъ кое-что о новыхъ постановленіяхъ университетскихъ, довольно утѣшительныхъ.— Казанскій уже открытъ. Суворовъ своей гуманностью и благороднымъ образомъ дѣйствій производитъ фуроръ. Дай Богъ ему здоровья! Между прочимъ, одинъ изъ *красныхъ* выразилъ такую мысль, что это страшно, какую онъ пріобрѣтаетъ популярность!.. Понимаете?

---

[1]) Александръ Васильевичъ Головнинъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія 25-го декабря 1861 и занималъ этотъ постъ до 14-го апрѣля 1866 г.

Историческій элементъ въ романѣ „Война и Миръ".

„Романъ Толстого—вещь удивительная, но самое слабое въ немъ именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его—фокусъ, битье тонкими мелочами по глазамъ... Гдѣ характерная черта эпохи? Гдѣ историческая окраска? Фигура Денисова нарисована превосходно, но она хороша была бы въ качествѣ арабески на заднемъ фонѣ, но этого задняго фона нѣтъ".

Таковъ отзывъ, данный Тургеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ", когда этотъ романъ появился въ печати. Много лѣтъ спустя, этотъ отзывъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ комментаріевъ, былъ повторенъ Д. С. Мережковскимъ въ его книгѣ о Толстомъ и Достоевскомъ. Называя романъ Толстого „прежде и послѣ всего историческимъ", талантливый художникъ-критикъ ставилъ вопросъ: „въ какой именно мѣрѣ романъ дѣйствительно историченъ?" Знакомыя, говоритъ г. Мережковскій, историческія лица-портреты—Кутузовъ, Александръ I, Наполеонъ, Сперанскій—проходятъ передъ нами, совершаются знакомыя историческія событія—Аустерлицкое и Бородинское сраженія, пожаръ Москвы, отступленіе французовъ. Мы видимъ весь подвижно-неподвижный, волнующійся и навсегда окаменѣвшій въ своемъ волненіи, „какъ вдругъ остывшія въ своемъ разбѣгѣ волны", обликъ исторіи, остовъ ея; но облечены ли эти нѣкогда живыя кости все еще живою плотью, дышетъ ли въ ней духъ живой?"

Вопросъ, поставленный въ такой формѣ, какъ это дѣлаетъ г. Мережковскій, является чисто риторическимъ, и мы заранѣе опредѣленно знаемъ, какой на него будетъ данъ отвѣтъ; конечно, критикъ не находитъ въ „Войнѣ и Мирѣ" „исторической окраски", какъ выражался Тургеневъ, или „духа исторіи, духа времени", какъ онъ самъ выражается. Критикъ признается, что „трудно, почти невозможно опредѣлить", въ чемъ состоитъ этотъ духъ времени; но тѣмъ не менѣе онъ его опредѣляетъ: это есть „историческій запахъ", свойственный каждому вѣку, нигдѣ и никогда не повторяющійся. Въ „Декамеронѣ" Боккачіо, говоритъ онъ, пахнетъ Италіей ранняго возрожденія, въ „Панѣ Тадеушѣ" Мицкевича пахнетъ Литвою начала XIX вѣка, въ „Евгеніи Онѣ-

гинѣ“—Россіей тридцатыхъ годовъ. Не говоря уже о томъ, что въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ передъ нами не тридцатые, а двадцатые годы, мы никакъ не можемъ изъ приведенной красивой фразы уразумѣть, въ чемъ заключается „историческій запахъ“ вообще.

Однако, критикъ насъ выручаетъ изъ затруднительнаго положенія, и совершенно неожиданно мы узнаемъ, что этотъ „историческій запахъ“ состоитъ въ „фокусахъ, тонкихъ мелочахъ“: онъ выражается „не только въ изреченіяхъ мудрецовъ, въ подвигахъ героевъ, но и въ модномъ покроѣ платья, въ устройствѣ женскаго головного убора, въ каждой мелочи домашней утвари“. И далѣе мы читаемъ: „отблескъ наполеоновскаго времени, стиля empire чувствуется не только въ торжественномъ слогѣ воззваній великаго императора къ арміи передъ египетскими пирамидами, или въ статьяхъ законодательнаго кодекса, но и въ узорчатой вышивкѣ римскаго пурпура на бѣлой туникѣ императрицы Жозефины, и въ диванахъ и креслахъ, подобныхъ курульнымъ кресламъ древнихъ консуловъ изъ гладкаго бѣлаго дерева, съ прямыми спинками, съ позолоченными ободками и классическими вѣтками побѣдоносныхъ пальмъ“.

Такимъ образомъ, „духъ исторіи“ сосредоточивается, повидимому, для г. Мережковскаго въ разныхъ археологическихъ, бытовыхъ подробностяхъ, а ихъ-то почти и не оказывается у Толстого, который вообще во всѣхъ своихъ произведеніяхъ крайне мало интересуется „культурно-бытовой окраской“. Однако, г. Мережковскій идетъ далѣе и находитъ, что Толстой индеферентенъ не только къ внѣшнимъ, бытовымъ чертамъ, но даже слабо изображаетъ „ту умственную и нравственную атмосферу, тотъ культурно-историческій воздухъ, который образуется не только всѣмъ истиннымъ, вѣчнымъ, но и предразсудочнымъ, условнымъ, искусственнымъ, что свойственно каждому времени“. Это положеніе подтверждается единственно слѣдующимъ аргументомъ: „Масонство Пьера Безухова — неудачный опытъ въ этомъ родѣ, и Л. Толстой впослѣдствіи уже никогда не возвращался къ подобнымъ опытамъ“.

Суммируя замѣчанія г. Мережковскаго, мы находимъ въ нихъ три существенныхъ пункта: 1) у Толстого нѣтъ картины внѣшняго быта, 2) Толстой не даетъ умственной и нравственной характеристики изображаемой эпохи, и 3) передъ нами проходятъ *знакомыя* лица и событія. Отсюда слѣдуетъ общее заключеніе о неисторичности романа „Война и Миръ“. Посмотримъ же теперь, какое значеніе имѣютъ всѣ эти замѣчанія критика, а для этого остановимся предварительно на нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ относительно исторической беллетристики.

Въ исторіи передъ нами проходитъ непрерывный рядъ лицъ и событій, свѣдѣнія о которыхъ мы черпаемъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ, и первою задачей ученаго историка является опредѣленіе степени достовѣрности того или другого источника, послѣ чего только и становится возможнымъ установле-

ніе тѣхъ или другихъ фактовъ. Обыкновенно результатомъ самыхъ кропотливыхъ изслѣдованій бываетъ лишь частица истины и прошлая жизнь во всей полнотѣ не поддается раскрытію при помощи научныхъ методовъ. Такой результатъ насъ не удовлетворяетъ, намъ хочется видѣть въ прошломъ живыхъ людей, намъ хочется постигнуть былую жизнь во всемъ ея разнообразіи, и тутъ на мѣсто ученаго историка приходитъ художникъ, который дополняетъ выводы науки своимъ творческимъ домысломъ. Поэтъ къ матеріалу, даваемому минувшей жизнью, становится въ то же самое отношеніе, въ какомъ онъ находится въ современной дѣйствительности, если дѣлаетъ ее предметомъ своего изображенія. Воспроизводя дѣйствительность, онъ въ то же время вымышляетъ, даетъ рядъ образовъ, которымъ въ этой дѣйствительности точнаго соотвѣтствія не встрѣчается; однако, онъ ни въ какомъ случаѣ не искажаетъ жизни, и въ его вымыслѣ всегда заключена высшая художественная правда. Его цѣль, какъ это справедливо указывалъ Чернышевскій, есть объясненіе жизни. То же самое объясненіе жизни, но только по отношенію къ временамъ минувшимъ, дается и беллетристикой историческою.

Отсюда понятно, что и въ этой области художественной литературы существуетъ извѣстная гармонія между вымысломъ и тѣмъ матеріаломъ, который черпается изъ жизни, или, точнѣе, тѣмъ, что относительно этой минувшей жизни прочно установлено научнымъ изысканіемъ. Единственная область, въ которой наука о прошломъ даетъ неоспоримо-точныя свѣдѣнія, есть изслѣдованіе внѣшняго быта, вещественной обстановки минувшей жизни. Въ этой области почти нѣтъ мѣста догадкамъ, никакой путаницы быть не можетъ: внѣшнія подробности эпохи директоріи нельзя переносить въ эпоху Людовика XIV, невозможно представить придворныхъ кавалеровъ „Короля Солнца“ наряженными во фраки, или же какую-нибудь изъ его фаворитокъ въ костюмѣ императрицы Жозефины; совершенно такимъ же образомъ мы не имѣемъ права переносить въ домъ русскаго боярина XVI в. обстановку вельможи петровской эпохи. Всякая фальшь въ изображеніи быта бьетъ въ глаза, и въ этой области художникъ менѣе всего свободенъ: здѣсь онъ принимаетъ то, что ему дала наука, и ничѣмъ ея выводовъ не дополняетъ; если же онъ самостоятельно разрабатываетъ эту область, онъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ ученый, т. е. не допускаетъ ни малѣйшаго вымысла, не одѣваетъ своего героя XVI в. въ костюмъ, который носили въ XVIII в., или средневѣковаго рыцаря не вооружаетъ пистолетомъ и аркебузомъ.

Чтобы избѣгнуть ошибокъ въ изображеніи внѣшняго быта, художнику приходится внимательно его изучать, и въ этомъ кроется для него весьма часто не малая опасность: онъ увлекается и сосредоточиваетъ свое вниманіе на такихъ предметахъ, которые для него не имѣютъ существенной важности. По справедливому замѣчанію извѣстнаго нѣмецкаго историка, Грегоро-

віуса, беллетристъ, избирающій историческій сюжетъ, не долженъ забывать, что онъ прежде всего беллетристъ, что читатель ждетъ отъ него *интереснаго* изображенія жизни себѣ подобныхъ людей, что въ картинѣ давно прошедшаго времени онъ ищетъ того, что можетъ захватить его чувство, что говоритъ его душѣ, и какъ разъ эта-то существеннѣйшая цѣль упускается изъ виду тѣмъ художникомъ, который погружается въ мелочныя, детальныя описанія стараго быта. Отъ художника, изображающаго современность, мы менѣе всего требуемъ описаній внѣшняго быта, да и самъ художникъ на подобныхъ описаніяхъ очень мало останавливается: онъ изображаетъ костюмъ или обстановку своего героя, если въ нихъ есть что-либо характеризующее этого героя. Такъ, Пушкинъ, котораго, какъ изобразителя культурно-бытовой обстановки, г. Мережковскій противопоставляетъ Толстому, хотя и описываетъ намъ часто костюмъ Евгенія Онѣгина, ничего не говоритъ о разныхъ нарядахъ Татьяны, и мы понимаемъ, что описаніе этихъ нарядовъ было бы совершенно излишнимъ, тогда какъ костюмы Онѣгина являются для него характерными. Для художника обстановка, черты внѣшняго быта нужны только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ дополняютъ и объясняютъ созданный имъ образъ, и это одинаково приложимо какъ къ современной дѣйствительности, такъ и къ минувшей: цѣльность поэтическаго образа есть первая задача всякаго беллетриста.

Увлеченіе внѣшними бытовыми подробностями какъ разъ очень часто является больнымъ мѣстомъ исторической беллетристики. Это увлеченіе началось со времени появленія романовъ Вальтеръ-Скотта. Великій англійскій художникъ показалъ въ своихъ романахъ, что прошлую жизнь можно возстановлять, не принося истины въ жертву вымыслу, какъ это дѣлалось его предшественниками, имѣвшими въ виду занять читателей увлекательными приключеніями или дать имъ извѣстные нравственные уроки. Для ихъ цѣлей не было нужды особенно церемониться съ исторіей, Вальтеръ-Скотъ навсегда устранилъ возможность искаженія исторіи въ беллетристическихъ произведеніяхъ, показавъ образецъ добросовѣстнаго ея изученія, которое нисколько не умаляло художественнаго интереса его романовъ. Однако, и у него сравнительно слабой стороной являлись подробныя описанія внѣшняго быта, и часто читатели, слѣдя за развитіемъ поэтической фабулы, на этихъ описаніяхъ совсѣмъ не останавливались.

Этотъ недостатокъ, искупавшійся огромными поэтическими достоинствами романовъ Вальтеръ-Скотта, у его послѣдователей принялъ прямо чудовищные размѣры: за бытовыми подробностями исчезала жизнь людей, представленныхъ въ ихъ романахъ. Заботясь о мелочахъ быта, послѣдователи Вальтеръ-Скотта забывали о самомъ существенномъ, о психологіи своихъ героевъ, и давали образы именно исторически ложные. Ихъ недостатки лучше всего опредѣлилъ Пушкинъ. „Вальтеръ Скоттъ, говоритъ

онъ, увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фразу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстукъ нынѣшняго данду. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! Сколько изысканности, а сверхъ всего какъ мало жизни!" [1]) За *ненужными* мелочами у этихъ беллетристовъ пропадала *жизнь*, т. е. самое важное, единственно существенное въ поэтическомъ произведеніи.

Тѣмъ же недостаткомъ, увлеченіемъ *ненужными* мелочами, грѣшили и нѣкоторые весьма крупные художники, бравшіеся за историческіе сюжеты. Сколько, напримѣръ, такихъ ненужныхъ мелочей мы найдемъ у Виктора Гюго въ его великолѣпномъ романѣ „Notre Dame de Paris"! Какое значеніе имѣетъ у него подробнѣйшій археологическій трактатъ о готической архитектурѣ? Растягивая безъ нужды изложеніе, нагромождая массу подробностей, Гюго этимъ трактатомъ только ослабляетъ интересъ своего великаго произведенія. Если мы возьмемъ романы Эберса, мы не станемъ отрицать ни таланта, ни эрудиціи автора, но именно этой эрудиціей и подавлено художественное изложеніе. Изъ нашихъ историческихъ беллетристовъ лучшимъ примѣромъ этого злоупотребленія бытовыми подробностями можетъ послужить самъ Д. С. Мережковскій. Въ его романической трилогіи многое испорчено именно его обширной эрудиціей, и читателю нужно много терпѣнія, чтобы преодолѣть всѣ тѣ *ненужныя* мелочи, которыя въ изобиліи уснащаютъ изложеніе второй и третьей частей трилогіи, которая безспорно принадлежитъ къ крупнѣйшимъ явленіямъ нашей литературы послѣдняго десятилѣтія.

Итакъ, какое же значеніе имѣетъ въ исторической беллетристикѣ изображеніе внѣшнихъ бытовыхъ особенностей? Думается намъ, изъ предыдущаго изложенія ясно, что значеніе этихъ особенностей второстепенное, вспомогательное: если онѣ и не должны быть искажаемы, какъ и вообще недопустимо въ поэзіи искаженіе дѣйствительности, тѣмъ не менѣе ими не надо злоупотреблять, слѣдуетъ помнить, что онѣ только рамка для картины, центромъ которой являются живые люди, и художникъ пользуется ими въ той степени, въ какой это ему представляется необходимымъ для его главной цѣли, для изображенія историческаго движенія, производимаго людьми избранной имъ эпохи,

[1]) Пушкинъ, статья „О романѣ Загоскина „Юрій Милославскій".

никогда при томъ не забывая, что злоупотребленіе этими аксессуарами неизбѣжно вредитъ стройности его художественнаго созданія, ослабляетъ интересъ читателя.

Если въ области этихъ аксессуаровъ внѣшняго быта вымыселъ историческаго беллетриста является строго ограниченнымъ и даже совсѣмъ исключается, то въ отношеніи главнаго объекта изображенія людей ему открывается широкій просторъ. Однако и здѣсь художникъ, трактующій историческую тему, болѣе стѣсненъ, чѣмъ тотъ его собратъ, который выбралъ предметомъ своего изображенія современную дѣйствительность. За весьма рѣдкими исключеніями этотъ послѣдній выводитъ въ своемъ созданіи людей вымышленныхъ: если и можно иногда указать живыхъ людей, которые послужили оригиналами для образцовъ художника, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что его образцы не портреты, что въ нихъ произошло существенное измѣненіе оригинала, что въ одномъ лицѣ сгруппировались черты множества людей, что въ данномъ образѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ типическимъ, и что художникъ воспользовался извѣстнымъ оригиналомъ потому, что этотъ оригиналъ болѣе всего подходилъ къ его представленію о нѣкоторомъ современномъ типѣ. Положеніе историческаго беллетриста далеко не таково, такъ какъ тѣ люди, которыхъ онъ изображаетъ, почти всегда дѣлятся на двѣ категоріи: первую составляютъ типы, созданные художникомъ приблизительно тѣмъ же путемъ, какъ творятся типы современниковъ,—это люди вымышленные; ко второй категоріи относятся извѣстные всѣмъ историческіе дѣятели, и при ихъ изображеніи вымыселъ художника въ значительной мѣрѣ оказывается ограниченнымъ; возсоздавая этихъ людей, художникъ гораздо болѣе стѣсненъ, чѣмъ при изображеніи лицъ вымышленныхъ.

Рисуя этихъ послѣднихъ, онъ поступаетъ mutatis mutandis совершенно такъ же, какъ и его товарищъ, взявшій сюжетъ изъ современной жизни. Въ нихъ онъ представляетъ извѣстныя типичныя явленія избранной имъ эпохи, для чего ему необходимо изученіе той „умственной и нравственной атмосферы эпохи“, о которой говоритъ Д. С. Мережковскій; но въ равной мѣрѣ постиженіе умственной и нравственной атмосферы необходимо и тому художнику, который остановился на современной жизни. Разница тутъ лишь въ способѣ изученія: въ то время, какъ послѣдній часто можетъ пользоваться непосредственнымъ наблюденіемъ, беллетристъ историческій познаетъ минувшее время при помощи чужихъ показаній; живыхъ людей онъ не видитъ, онъ читаетъ то, что о нихъ писано или что они сами писали. Его задача труднѣе, но еще сложнѣе становится его работа, когда ему приходится изображать опредѣленныхъ историческихъ дѣятелей. Здѣсь ему предстоитъ возсозданіе не типа, а нѣкоторой индивидуальности. Встрѣчаясь часто съ массой разнорѣчивыхъ сужденій о данномъ историческомъ лицѣ, наталкиваясь на прямо противоположныя показанія о томъ или другомъ фактѣ его жизни, или же, что еще

хуже, имѣя дѣло съ нѣкоторыми установившимися традиціонными представленіями, затемняющими реальную личность, художникъ долженъ произвести сложнѣйшій анализъ всего имѣющагося матеріала прежде, чѣмъ перейти къ синтетической работѣ, результатомъ которой явится ясное представленіе объ интересующемъ его лицѣ. Его положеніе гораздо болѣе затруднительно, чѣмъ положеніе ученаго: послѣдній можетъ сослаться на неполноту матеріала, отъ художника же его читатели непремѣнно требуютъ цѣльности представляемаго имъ образа; ученый спокойно признается, что то или иное лицо ему неясно, — художникъ этого сдѣлать не можетъ, и тотъ матеріалъ, который ему дается историческими источниками, онъ дополняетъ на основаніи общихъ психологическихъ соображеній, создавая при этомъ такой образъ, который является совершенной новинкой, откровеніемъ сравнительно съ тѣмъ, что имѣется въ научныхъ историческихъ трудахъ. Что сказано о лицахъ, въ той же мѣрѣ примѣняется и къ историческимъ событіямъ, разъ они становятся объектомъ изображенія художника: ихъ тоже художнику приходится зачастую возсоздавать самому, такъ какъ наука не даетъ полной и цѣльной ихъ картины.

Таковы тѣ основныя требованія, съ которыми мы приступаемъ къ произведеніямъ исторической беллетристики. Наименьшее значеніе мы придаемъ той внѣшней обстановкѣ, которую такъ цѣнитъ Мережковскій, и для насъ историчность романа опредѣляется болѣе всего „умственной и нравственной атмосферой", въ немъ представленной въ видѣ вымышленныхъ типовъ, и характеристикой историческихъ лицъ и событій, въ немъ изображенныхъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и обратимся къ оцѣнкѣ историчности „Войны и Мира".

Начнемъ съ внѣшнихъ особенностей быта. Г. Мережковскій констатируетъ въ этомъ отношеніи у Толстого поразительную скудость. По его словамъ, Толстой „лишь изрѣдка, какъ будто спохватившись, вводитъ какую-нибудь подробность историческаго быта, но столь робкую, столь бѣдную и безпомощную: кое-гдѣ мелькаютъ напудренный парикъ, лосины, плотно обтягивающія ляжки гвардейскаго поручика; старый князь Болконскій обращается къ дочери—„сударыня", и однажды графиня Ростова, восхищаясь письмомъ сына Николушки, восклицаетъ: „Что за *штиль!*" Но эти тусклыя, разрозненныя историческія пятнышки и черточки, рядомъ съ главными чертами живой современности, — насколько болѣе яркими и выпуклыми, — блѣднѣютъ, пропадаютъ безслѣдно или даже производятъ дѣйствіе обратное тому, котораго ждетъ авторъ, — удивляютъ своею неожиданностью, какъ анахронизмы, выдѣляясь на общемъ, современномъ фонѣ картины и напоминая объ отсутствіи исторической окраски въ основѣ произведенія. О внутренней домашней обстановкѣ русскаго вельможи александровскаго времени встрѣчается на всемъ протяженіи „Войны и Мира" одно упоминаніе, занимающее полстроки: въ московскомъ дворцѣ

стараго графа Безухова „стеклянныя сѣни съ двумя рядами статуй въ нишахъ“. Вотъ и все, что нашелъ почтенный критикъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, касающагося „культурно-бытовой обстановки“.

Съ той точки зрѣнія, которую мы старались уяснить выше, количество бытовыхъ подробностей не имѣетъ никакого значенія, важна лишь правдивость ихъ изображенія, и потому критику, настоятельно утверждающему на основаніи отсутствія бытовыхъ подробностей, что „Война и Миръ“ не отличается историчностью, можно лишь отвѣтить предложеніемъ указать на искаженіе стараго быта въ романѣ, на перенесеніе въ старину чертъ современнаго быта. Мы a priori можемъ сказать, что исполнить этого г. Мережковскому не удастся, и его упрекъ будетъ касаться только количества бытовыхъ чертъ, отмѣченныхъ у Толстого. Но и съ этой количественной точки зрѣнія такъ ли ужъ справедливъ приговоръ г. Мережковскаго? Неужели этотъ любезный критику бытовой „историческій запахъ“ такъ-таки ни въ чемъ и не чуется, кромѣ указанныхъ критикомъ нѣсколькихъ черточекъ?

Романъ начинается описаніемъ вечера у фрейлины Анны Павловны Шереръ, которая нездорова: „у нея былъ *триппъ*, какъ она говорила (*триппъ* былъ тогда новое слово, употреблявшееся только рѣдкими)“. Первымъ пріѣзжаетъ князь Василій, „въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, при звѣздахъ“, говорящій „на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды“. Его дочь, княжна Эленъ, пріѣзжаетъ въ „бѣлой бальной робѣ, убранной плющемъ и мохомъ“, съ „очень открытой по тогдашней модѣ, грудью и спиной“; его сынъ, Ипполитъ — „въ темнозеленомъ фракѣ, въ панталонахъ *цвѣта бедра испуганной нимфы*, какъ онъ самъ говорилъ, въ чулкахъ и башмакахъ“. Маленькая княгиня Болконская появляется „въ сѣренькомъ изящномъ платьѣ, въ кружевахъ, немного ниже грудей опоясанномъ широкой лентой“. За нею вошелъ Пьеръ Безухой, „массивный, толстый молодой человѣкъ со стриженой головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ жабо и въ коричневомъ фракѣ“. При разъѣздѣ съ вечера князь Ипполитъ надѣваетъ „рединготъ, который у него, по новому, былъ длиннѣе пятокъ“. Думается намъ, что количество приведенныхъ въ этомъ эпизодѣ внѣшнихъ бытовыхъ подробностей совершенно достаточно: о каждомъ изъ болѣе или менѣе замѣтныхъ лицъ здѣсь сказано именно то, что рисуетъ его внѣшній „культурно-бытовой“ обликъ.

Перейдемъ къ другимъ эпизодамъ перваго тома романа. Вотъ мы на именинахъ у Ростовыхъ: молодежь поетъ въ квартетѣ какой-то сентиментальный „Ключъ“, Николай Ростовъ поетъ новый романсъ, въ которомъ есть и лунный свѣтъ, и арфа золотая, и другіе аттрибуты сентиментальной лирики того времени; на балу лихо танцуютъ экосезы и англезы, а старикъ графъ Ростовъ съ Марьей Дмитріевной Ахросимовой поражаетъ всѣхъ „Данилой Купоромъ“. Въ домѣ графа Безухаго, кромѣ статуй въ нишахъ,

отмѣченныхъ г. Мережковскимъ, мы видимъ венеціанское зеркало въ залѣ, „пріемную съ двумя итальянскими окнами, выходомъ въ зимній садъ, съ большимъ бюстомъ и портретомъ во весь ростъ Екатерины“, „большую, раздѣленную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами“, въ которой „съ одной стороны стояла высокая, краснаго дерева кровать подъ шелковыми занавѣсами, а съ другой — огромный кіотъ съ образами“, и „подъ освѣщенными ризами кіота длинное вольтеровское кресло“ Далѣе передъ нами „въ напудренномъ парикѣ невысокая фигурка“ князя Николая Андреевича Болконскаго, выходящаго въ назначенный часъ въ „высокую официантскую“, гдѣ его дожидаются и домочадцы, и почетные гости. Вотъ его „огромный кабинетъ“, который „наполненъ вещами, очевидно, безпрестанно-употребляемыми: большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе стеклянные шкафы библіотеки съ ключами въ дверцахъ, высокій столъ для писанія въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тетрадь, токарный станокъ съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками“. Старикъ передаетъ дочери письмо отъ Жюли Карагиной, которую онъ иронически называетъ „Элоизой“, а также и присланную съ письмомъ мистическую книгу „Ключъ таинства“. Онъ доволенъ, когда княжна Марья въ опредѣленный часъ повторяетъ на „клавикордахъ“ „Дюссекову сонату“. Онъ называетъ свою дочь „княжной“, „сударыней“, когда обращается къ ней, говоритъ ей: „Мнѣ сдѣлали пропозицію насчетъ васъ“.

Все это какъ разъ тѣ самыя „мелочи, фокусы“, о которыхъ такъ пренебрежительно отзывался Тургеневъ и которыя имѣютъ такую цѣнность въ глазахъ г. Мережковскаго. Мы ихъ нашли такъ много въ нѣсколькихъ главахъ романа, и, конечно, ихъ можно найти неизмѣримо больше, если анализировать романъ съ этой археологической точки зрѣнія; онѣ попадаются на каждомъ шагу, но не бросаются въ глаза читателю именно потому, что Толстой захватываетъ его вниманіе болѣе всего изображеніемъ того, что переживается дѣйствующими лицами его романа, изображеніемъ ихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій. Читатель вполнѣ естественно не замѣчаетъ ни „красныхъ кафтановъ“ лакеевъ князя Василія, ни „ярко горящихъ восковыхъ свѣчей“ на вечерахъ этого вельможи, потому что его гораздо болѣе интересуютъ разговоры, ведущіеся на этихъ вечерахъ, тонкая свѣтская интрига, которая тутъ разыгрывается, а еще болѣе психологія излюбленныхъ героевъ Толстого и огромное историческое дѣйствіе, развивающееся передъ нами въ своихъ безчисленныхъ и многообразныхъ подробностяхъ.

Такимъ образомъ мы считаемъ излишнимъ останавливаться долѣе на этой сторонѣ романа и переходимъ ко второму вопросу, возбуждаемому критическими замѣчаніями Д. С. Мережковскаго, къ вопросу о томъ, насколько въ знаменитомъ романѣ Толстого отразилась умственная и нравственная атмосфера эпохи Алек-

сандра I, насколько въ герояхъ „Войны и Мира" отпечатлѣлись характерныя особенности духовныхъ интересовъ того времени, насколько въ различныхъ перипетіяхъ романа можно прослѣдить движеніе идей и настроеній отдѣльныхъ моментовъ этого любопытнѣйшаго періода русской исторіи. Мы говоримъ именно объ отдѣльныхъ моментахъ, потому что для столь обильнаго событіями и продолжительнаго періода не считаемъ возможнымъ указывать какую-либо одну характерную черту, которую хотѣлъ найти въ романѣ И. С. Тургеневъ. Отвѣчая на эти вопросы, намъ будетъ удобнѣе всего слѣдовать именно по тому пути, по которому ведетъ насъ въ своемъ романѣ самъ „великій писатель земли русской".

Введя насъ въ первыхъ главахъ романа въ салонъ фрейлины Шереръ, Толстой знакомитъ насъ съ своеобразнымъ теченіемъ русскаго легитимизма, который установился приблизительно въ началѣ XIX столѣтія. При Екатеринѣ этотъ легитимизмъ сформироваться еще не успѣлъ, а павловское время было для него не совсѣмъ благопріятнымъ, и расцвѣтъ его относится именно къ первымъ годамъ царствованія Александра, когда въ разныхъ придворныхъ кружкахъ получили большую силу французскіе эмигранты. Въ кружкѣ Шереръ приманкою для гостей, своего рода лакомымъ блюдомъ является „одинъ изъ хорошихъ эмигрантовъ, изъ настоящихъ", виконтъ Мортемаръ, человѣкъ достаточно ограниченный, но онъ, какъ говоритъ Анна Павловна, „въ родствѣ съ Монморанси черезъ Рогановъ, одна изъ лучшихъ фамилій Франціи". Наполеонъ для него и для кружка Шереръ узурпаторъ, врагъ рода человѣческаго, антихристъ, воспользовавшійся плодами революціи, воспоминаніе о которой должно быть скорѣе изглажено, для чего всѣ европейскіе государи должны соединиться и помогать дѣлу Бурбоновъ. Особенно важна въ этомъ дѣлѣ роль Россіи. „Нашему доброму и чудному государю, говоритъ Анна Павловна, предстоитъ величайшая роль въ мірѣ, и онъ такъ добродѣтеленъ и хорошъ, что Богъ не оставитъ его, и онъ исполнитъ свое призваніе — задавить гидру революціи, которая теперь еще ужаснѣе въ лицѣ этого убійцы и злодѣя (т. е. Наполеона). Мы одни должны искупить кровь праведника". Въ этихъ фразахъ слышится отголосокъ рѣчей самого императора, который уже въ началѣ борьбы съ Наполеономъ имѣлъ въ виду его низверженіе и возстановленіе Бурбоновъ: недаромъ Анна Павловна выражаетъ увѣренность въ томъ, что французская „нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки законнаго короля", когда Александръ предоставитъ французамъ самимъ выбрать образъ правленія.

Но придворныя симпатіи весьма измѣнчивы, и мы видимъ въ романѣ Толстого и такое положеніе, когда въ придворныхъ кругахъ получаютъ преобладаніе бонапартистскія тенденціи послѣ Тильзита и Эрфурта, и рядомъ съ искренними восторженными поклонниками Наполеона, какими представляются въ началѣ романа князь Андрей Болконскій и Пьеръ Безухой, есть и такія

лица, которыя славословятъ Наполеона въ силу того, что подобное отношеніе къ нему встрѣчаетъ одобреніе свыше. Въ этомъ бонапартистскомъ кружкѣ центральной фигурой является красавица Эленъ Безухая, по своему умственному развитію личность вполнѣ заурядная, но превозносимая нѣкоторыми политиками большого свѣта. Одно время этотъ кружокъ пользуется огромнымъ вліяніемъ, благодаря Румянцеву и Коленкуру, и какъ въ началѣ александровскаго царствованія при дворѣ почти необходимо было изъявлять свой легитимизмъ, такъ въ періодъ отъ Тильзита до Отечественной войны огромная масса придворныхъ была на сторонѣ союза съ Наполеономъ.

Обращаясь отъ этихъ придворныхъ кружковъ къ тому „средневысшему“ обществу (по выраженію Н. Н. Страхова), которое изображено Толстымъ въ Москвѣ и въ провинціи, мы видимъ въ немъ болѣе устойчивости въ его отношеніяхъ къ Наполеону. У членовъ этого общества преобладаетъ извѣстное патріотическое настроеніе, которое заставляетъ ихъ все время враждебно относиться къ Наполеону; сперва въ этой ненависти мало сознательности, и только въ 1812 году нашествіе французовъ придаетъ этому патріотическому настроенію ту ясность, которой ранѣе не замѣчалось, потому что приходится спасать свое добро, самихъ себя, близкихъ людей, потому что является пониманіе дѣйствительной опасности, угрожающей отечеству. Такого рода патріотизмъ не нуждается ни въ пышныхъ воззваніяхъ святѣйшаго Синода, ни въ широковѣщательныхъ и многошумящихъ прокламаціяхъ Ростопчина, къ которымъ Толстой относится съ вполнѣ справедливой ироніей, такъ какъ источникъ этого настроенія не въ словахъ, а въ реальной обстановкѣ. Интересы легитимизма были чѣмъ-то чуждымъ русскому обществу, представлялись ему мало понятной фикціей, во имя которой приносился рядъ жертвъ правительствомъ до и послѣ 1812 года; Отечественная война всколыхнула всѣхъ, и въ одномъ настроеніи сошлись люди, принадлежавшіе ранѣе къ противоположнымъ лагерямъ, опираясь на пробудившееся сознаніе народныхъ массъ. Изображеніе именно этихъ различныхъ фазисовъ русскаго патріотизма того времени слѣдуетъ признать одной изъ самыхъ цѣнныхъ сторонъ великаго произведенія Толстого: въ томъ, что переживается княземъ Андреемъ, Пьеромъ, Ростовыми, Болконскими и множествомъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, мы видимъ именно эту „характерную черту“ эпохи. Она есть тотъ фонъ, на которомъ развивается вся жизнь этихъ людей, и не разглядѣть этого фона возможно, лишь намѣренно закрывая глаза.

Этотъ же самый патріотизмъ (но куда болѣе сознательный!) является первой причиной тѣхъ плановъ, которые зародились въ передовыхъ кружкахъ русскихъ людей второй половины царствованія Александра. Стремленія, чувства этихъ лучшихъ людей того времени, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, однако мастерски воспроизведены Толстымъ въ эпилогѣ „Войны и Мира“.

Въ томъ, что сообщаетъ Пьеръ Безухой относительно общества, ованнаго его другомъ, княземъ Ѳедоромъ, мы видимъ замѣча- о вѣрную картину зарожденія тайныхъ обществъ, привед- хъ къ 14 декабря. Познакомившись теперь съ дѣлами декабристовъ, съ тѣми мнѣніями, которыя высказывались вождями этого общественнаго движенія, мы невольно изумляемся той геніальной проницательности, съ какою Толстой въ нѣсколькихъ штрихахъ изобразилъ руководящіе мотивы этихъ передовыхъ людей. Слушая рѣчи Пьера, мы поражены, встрѣчая въ нихъ не только сжатое, сконцентрированное изложеніе тѣхъ мыслей, которыя подробно развиты декабристами, но даже подлинныя ихъ выраженія. „Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму. Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди безъ вѣры и совѣсти, которые рубятъ и душатъ все съ плеча: Магницкій, Аракчеевъ и tutti quanti... Все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселеніе,— мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ". Такъ говоритъ Пьеръ, и то же самое мы читаемъ въ письмахъ къ императору Николаю Каховскаго, Александра Бестужева, въ показаніяхъ декабристовъ о побужденіяхъ, которыя ихъ подвинули на ихъ дѣло. Такое совпаденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что во время написанія „Войны и Мира" всѣ эти документы не были доступны для изученія, и Толстой схватилъ эту „характерную черту эпохи исключительно своей художественной интуиціей. Въ этомъ гораздо болѣе чувствуется „историческій запахъ", чѣмъ въ мелкихъ бытовыхъ подробностяхъ.

Но отъ этихъ политическихъ настроеній русскаго общества Александровской эпохи обратимся къ его чисто умственнымъ и нравственнымъ, культурнымъ интересамъ, насколько они отразились въ романѣ Толстого. Мы знаемъ, что это было время расцвѣта различныхъ теченій нашего сентиментализма, и того направленія, которое шло отъ Карамзина, и того, которое развилось среди воспитанниковъ Московскаго благороднаго пансіона конца XVIII вѣка и котораго наиболѣе виднымъ представителемъ при Александрѣ I былъ Жуковскій. Именно это послѣднее направленіе, въ которомъ сентиментализмъ являлся съ неизмѣнной окраской меланхоліи, отрицанія суетной земной жизни во имя той „знакомой, но тайной страны", гдѣ людей ждетъ истинное счастіе, и было всего болѣе распространено въ это время. Потому-то чрезвычайно характерной представляется фигура перезрѣлой дѣвы, Жюли Карагиной. „Не было бала, гулянья, который бы пропускала Жюли. Туалеты ея были самые модные. Но несмотря на это, Жюли казалась разочарована во всемъ, говорила всякому, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ какія радости жизни и ожидаетъ успокоенія только *тамъ*. Она усвоила

себѣ тонъ дѣвушки, понесшей великое разочарованіе,—дѣвушки, какъ будто потерявшей любимаго человѣка или жестоко обм[illegible]той имъ. Хотя ничего подобнаго съ ней не случилось, н[illegible] смотрѣли, какъ на такую, и сама она даже вѣрила, что она м[illegible] пострадала въ жизни. Эта меланхолія, не мѣшавшая ей веселиться, не мѣшала бывавшимъ у ней молодымъ людямъ пріятно проводить время". Несмотря на явную иронію Толстого, нельзя не признать глубокой историчности этого типа и, глядя на эту дѣвицу, невольно вспоминаешь тотъ характерный обморокъ Жуковскаго, который возсозданъ былъ кропотливымъ, детальнымъ изслѣдованіемъ покойнаго академика А. Н. Веселовскаго: фиктивная, сентиментальная любовь къ 12-лѣтней племянницѣ, меланхолія, не мѣшающая поэту веселиться и ухаживать за фрейлинами,—развѣ это не тѣ же черты, что выдвинуты Толстымъ въ характерѣ его героини? Въ такой же степени „историческій запахъ" сказывается и въ альбомѣ Жюли и въ ея разговорахъ съ Борисомъ Трубецкимъ. „Она жалѣла о его раннемъ разочарованіи въ жизни, предлагала ему тѣ утѣшенія дружбы, которыя она могла предложить, сама такъ много пострадавъ въ жизни, и открыла ему свой альбомъ. Борисъ нарисовалъ ей въ альбомъ два дерева и написалъ: „Уединенныя деревья, ваши темныя вѣтви обдаютъ меня мракомъ и меланхоліей"... „Есть что-то безконечно-обворожительное въ улыбкѣ меланхоліи,—сказала она Борису слово въ слово выписанное это мѣсто изъ книги.—Это лучъ свѣта въ тѣни, оттѣнокъ между печалью и отчаяніемъ, который указываетъ на возможность утѣшенія". Тотъ же сентиментализмъ сквозитъ и въ нѣкоторыхъ рѣчахъ княжны Марьи, и, какъ мы указывали выше, его можно замѣтить и въ описаніи именииннаго вечера Ростовыхъ.

Другимъ характернымъ умственнымъ теченіемъ эпохи, отразившимся въ романѣ Толстого, слѣдуетъ признать масонство. Хотя Д. С. Мережковскій объявляетъ характеристику масонства „неудачной попыткой" Толстого, мы думаемъ, что въ нашей литературѣ это есть лучшее, что сказано о масонахъ Александровскаго времени. Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ есть вполнѣ историческое лицо—О. А. Поздѣевъ, умершій въ 1811 г., какъ указано въ романѣ. Тотъ разговоръ, который Баздѣевъ ведетъ съ Пьеромъ на станціи, въ высшей степени характеренъ для него, какъ для масона старшаго поколѣнія, члена Новиковскаго кружка: Баздѣевъ, какъ „свободный каменщикъ", призываетъ Пьера къ очищенію, къ „обновленію своего внутренняго человѣка", для того, чтобы воспринять высшую мудрость, „науку, объясняющую все міросозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка"; онъ говоритъ о Богѣ, о построеніи храма истины, который „долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога"; онъ обличаетъ Пьера, указываетъ ему на ненормальность его образа жизни „въ буйныхъ оргіяхъ и развратѣ, все получая отъ общества и ничего не отдавая ему". Въ рѣчахъ Баздѣева чувствуется та глубокая

вѣра въ таинства ученія, которою отличались основатели нашего масонства, какъ это видно изъ ихъ сочиненій и изъ данныхъ, открытыхъ научными изслѣдованіями по исторіи нашихъ масоновъ. Для этихъ людей имѣли глубокій смыслъ всѣ подробности ритуала, обстоятельно описанныя Толстымъ: они видѣли въ этихъ подробностяхъ не одну форму, а нѣкоторый существенный символъ той идеи, которая скрѣпляла ихъ братскій союзъ.

Изображая эту идеальную сторону масонства, Толстой отмѣчаетъ и признаки его разложенія, обнаруживавшіеся именно въ Александровское время, когда кругъ братьевъ расширился въ очень значительной степени. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и вѣрны исторически наблюденія Пьера Безухаго. „Всѣ братья, всѣ члены ложъ были Пьеру знакомые въ жизни люди, и ему трудно было видѣть въ нихъ только братьевъ по каменщичеству, а не князя Б., не Ивана Васильевича Д., которыхъ онъ зналъ въ жизни большею частью, какъ слабыхъ и ничтожныхъ людей. Изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и орденовъ онъ видѣлъ на нихъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Часто, собирая милостыню и сочтя 20—30 рублей, записанныхъ на приходъ, и большею частію въ долгъ, съ десяти членовъ, изъ которыхъ половина были такъ же богаты, какъ и онъ, Пьеръ вспоминалъ масонскую клятву о томъ, что каждый братъ обѣщается отдать все свое имущество для ближняго, и въ душѣ его поднимались сомнѣнія, на которыхъ онъ старался не останавливаться". Присмотрѣвшись ближе къ масонскимъ кружкамъ, вдумавшись въ сущность стремленій, одушевлявшихъ различныхъ людей, которые входили въ братство, Пьеръ пришелъ къ заключенію, что всѣхъ братьевъ можно подраздѣлить на четыре разряда. „Къ первому разряду онъ причислялъ братьевъ, не принимающихъ дѣятельнаго участія ни въ дѣлахъ ложъ, ни въ дѣлахъ человѣческихъ, но занятыхъ исключительно таинствами науки ордена, занятыхъ вопросами о тройственномъ наименованіи Бога, или о трехъ началахъ вещей—сѣрѣ, меркуріи и соли, или о значеніи квадрата и всѣхъ фигуръ храма Соломонова. Пьеръ уважалъ этотъ разрядъ братьевъ масоновъ, къ которому принадлежали преимущественно старые братья и самъ Іосифъ Алексѣевичъ, по мнѣнію Пьера, но не раздѣлялъ ихъ интересовъ. Сердце его не лежало къ мистической сторонѣ масонства. Ко второму рязряду Пьеръ причислялъ себя и себѣ подобныхъ братьевъ, ищущихъ, колеблющихся, не нашедшихъ еще въ масонствѣ прямого и понятнаго пути въ масонство, но надѣющихся найти его. Къ третьему разряду онъ причислялъ братьевъ (ихъ было самое большое число), не видящихъ въ масонствѣ ничего, кромѣ внѣшней формы и обрядности, и дорожащихъ строгимъ исполненіемъ этой внѣшней формы, не заботясь о ея содержаніи и значеніи... Къ четвертому рязряду, наконецъ, причислялось тоже большое количество братьевъ, въ особенности въ послѣднее время вступившихъ въ братство. Это были люди, по наблюденіямъ Пьера,

ни во что не вѣрующіе, ничего не желающіе и поступавшіе въ масонство только для сближенія съ молодыми богатыми и сильными по связямъ и знатности братьями, которыхъ весьма много было въ ложѣ".

Результатомъ этихъ наблюденій Пьера была не только приведенная классификація, показывающая его неудовлетворенность современнымъ ему состояніемъ русскаго масонства, но и стремленіе его, при помощи ознакомленія съ западнымъ масонствомъ, реформировать каменщицкое дѣло въ Россіи. Вступая въ ложу, онъ придалъ особенно важное значеніе словамъ ритора ложи, что масоны „стараются исправлять и весь человѣческій родъ, предлагая ему въ членахъ своихъ примѣръ добродѣтели и благочестія, и тѣмъ всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ". Эти слова манили его возможностью широкой и разносторонней общественной работы. Первымъ шагомъ такой работы была его не удавшаяся попытка улучшенія быта своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Обойденный весьма хитрымъ главноуправляющимъ, Пьеръ не замѣтилъ своей неудачи и, продолжая мечтать о противоборствѣ злу, царствующему въ мірѣ, въ этомъ же направленіи задумалъ реформировать дѣятельность братьевъ масоновъ. Въ ней видѣлъ онъ пока одну внѣшность исполненія разныхъ ритуальныхъ предписаній, настоящаго же дѣла совсѣмъ не замѣчалось. Поэтому, вернувшись изъ-за границы, онъ обратился къ братьямъ съ рѣчью, въ которой раскрылъ перспективы будущей полезной работы. „Мы находимся въ усыпленіи, а намъ нужно дѣйствовать, говорилъ онъ Для распространенія чистой истины и доставленія торжества добродѣтели должны мы очистить людей отъ предразсудковъ, распространить правила, сообразныя съ духомъ времени, принять на себя воспитаніе юношества, соединиться неразрывными узами съ умнѣйшими людьми, смѣло и вмѣстѣ благоразумно преодолѣвать суевѣріе, невѣріе и глупость, образовать союзы изъ преданныхъ намъ людей, связанныхъ между собою единствомъ цѣли и имѣющихъ силу и власть. Для достиженія сей цѣли должно доставить добродѣтели перевѣсъ надъ порокомъ, должно стараться, чтобы честный человѣкъ обрѣталъ еще въ семъ мірѣ вѣчную награду за свои добродѣтели. Но въ сихъ великихъ намѣреніяхъ препятствуютъ намъ много нынѣшнія политическія учрежденія... Весь планъ ордена долженъ быть основанъ на томъ, чтобы образовать людей твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія,—убѣжденія, состоящаго въ томъ, чтобы вездѣ и всѣми силами преслѣдовать порокъ и глупость и покровительствовать таланты и добродѣтель: извлекать изъ праха людей достойныхъ, присоединяя ихъ къ нашему братству. Тогда только орденъ нашъ будетъ имѣть власть—нечувствительно вязать руки покровителямъ безпорядка и управлять ими такъ, чтобы они того не примѣчали". Въ этихъ словахъ Пьера слышатся тѣ же мотивы, которые впослѣдствіи привели его къ декабристамъ, и въ этомъ случаѣ Толстой обнару-

жилъ вѣрное историческое пониманіе нѣкоторыхъ новыхъ теченій русскаго масонства. Общественный элементъ лежалъ въ основѣ общества „Русскихъ рыцарей", учрежденнаго гр. Мамоновымъ, и это же стремленіе къ политическимъ преобразованіямъ привлекло въ масонство весьма многихъ изъ будущихъ декабристовъ.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ останавливаться на другихъ, менѣе существенныхъ, подробностяхъ „умственной и нравственной асмосферы" Александровской эпохи, отмѣченныхъ Толстымъ съ тою же историческою правильностью, какъ и приведенныя выше, и потому мы переходимъ къ третьему пункту, указанному нами въ критическихъ замѣчаніяхъ Д. С. Мережковскаго, т. е. къ утвержденію, что въ „Войнѣ и Мирѣ" передъ нами проходятъ *знакомыя* лица и событія. Дѣйствительно ли эти лица и событія представляются намъ знакомыми? Если такъ, откуда же это знакомство?

Если въ отвѣтѣ на эти вопросы держаться чисто внѣшнихъ пріемовъ сужденія, то, конечно, придется согласиться съ почтеннымъ критикомъ. Передъ нами дѣйствительно Аустерлицъ, Бородино, пожаръ Москвы, отступленіе французовъ, все такія событія, о которыхъ мы давно уже знали по всевозможнымъ историческимъ сочиненіямъ, даже по школьнымъ учебникамъ. То же можно сказать и о лицахъ: тутъ Наполеонъ, Александръ I, Кутузовъ, Барклай де-Толли, Сперанскій, Ростопчинъ и масса другихъ лицъ, о которыхъ мы тоже много читали въ учебникахъ... Съ этой точки зрѣнія какъ-будто и событія и лица намъ дѣйствительно хорошо знакомы, но какъ только мы попробуемъ углубиться въ существо дѣла, какъ только мы приступимъ къ анализу тѣхъ образовъ лицъ и событій, которые даются Толстымъ, мы тотчасъ увидимъ, что мы имѣемъ дѣло совсѣмъ не съ давно знакомымъ матеріаломъ, что тотъ характеръ, который получили эти событія и лица въ изображеніи Толстого, совсѣмъ не похожъ на то, что намъ было извѣстно изъ разныхъ историческихъ сочиненій и учебниковъ: все это совершенно новыя лица и событія.

Тутъ мы должны сдѣлать снова небольшое отступленіе теоретическаго характера, чтобы уяснить вообще отношеніе и задачи исторической беллетристики, когда ей приходится имѣть дѣло съ опредѣленными историческими лицами и событіями. О всѣхъ такихъ фактахъ и лицахъ, какъ мы говорили уже выше, свѣдѣнія черпаются изъ весьма разнообразныхъ по своему достоинству источниковъ, и художнику, стремящемуся воспроизвести жизнь въ возможной полнотѣ, представляется необходимою та же работа, что и ученому, но дополняемая его домысломъ, который основывается на извѣстномъ психологическомъ вѣроятіи. Если изображать Наполеона на основаніи одного ряда источниковъ, онъ окажется не только проницательнымъ полководцемъ, но и мудрѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ; другіе источники дадутъ намъ, быть можетъ, прямо противоположное представле-

ніе, и задача историческаго беллетриста состоитъ въ томъ, чтобы, избравъ изъ источниковъ свѣдѣнія достовѣрныхъ, создать свой собственный образъ. Чѣмъ болѣе цѣльности будетъ въ этомъ образѣ, чѣмъ болѣе вѣроятнымъ онъ представится съ психологической точки зрѣнія, тѣмъ ближе художникъ подходитъ къ своей цѣли. Такимъ образомъ, когда мы оцѣниваемъ созданный художникомъ образъ историческаго дѣятеля или возсозданную имъ картину историческаго событія, мы встрѣчаемся съ двумя вопросами: во-первыхъ, насколько художникъ близокъ къ той объективной истинѣ, которая дается изслѣдованіемъ источниковъ, и во-вторыхъ, въ какой степени его образы являются жизненными, психологически-вѣроятными. Послѣдній вопросъ имѣетъ особенно важное значеніе въ виду того обстоятельства, что многіе художники склонны представлять историческихъ дѣятелей въ ходульно-героическихъ очертаніяхъ: встрѣчаясь съ ними въ центрѣ великихъ событій, они забываютъ ихъ обыкновенную человѣческую природу, и въ ихъ произведеніяхъ вмѣсто живыхъ людей являются какіе-то манекены, говорящіе условнымъ, искусственнымъ языкомъ и ведущіе себя согласно съ шаблонными традиціями о великихъ людяхъ. Подобнымъ художникамъ полезно почаще вспоминать поразительно вѣрную мысль Пушкина, что для великихъ людей чрезвычайныя обстоятельства являются вполнѣ обычными (les grandes circonstances leurs sont familières), и они ведутъ себя среди этихъ обстоятельствъ, какъ обыкновенные люди въ свойственной имъ обстановкѣ.

Разсматривая съ указанной точки зрѣнія романъ Толстого, мы должны прежде всего, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, указать тѣ историческіе матеріалы, которыми онъ пользовался при изображеніи внѣшней исторіи Александровскаго времени и, главнымъ образомъ, многолѣтней борьбы Россіи съ Наполеономъ. Когда писался романъ, главными пособіями Толстому могли служить „Исторія консульства и имперіи“ Тьера и сочиненія военнаго историка, генерала Богдановича, замѣнившія устарѣлые тогда офиціозные труды Михайловскаго-Данилевскаго, и Толстой при изображеніи войнъ 1805, 1807 гг. пользовался болѣе Тьеромъ, а для 1812 г. имѣлъ въ виду Богдановича. Оба эти автора въ своихъ трудахъ даютъ большое количество извлеченій изъ источниковъ, и нѣкоторые приказы Наполеона и Александра, нѣкоторые офиціальные акты могли быть взяты Толстымъ изъ ихъ книгъ. Кромѣ этихъ общихъ обзоровъ событій, имѣлись нѣкоторые сборники офиціальныхъ актовъ того времени, нѣкоторые мемуары, изъ которыхъ напечатано было не особенно много, нѣкоторыя статьи по частнымъ вопросамъ (напр., статьи Дубровина о дѣлѣ Верещагина). Наконецъ, въ то время Толстой могъ пользоваться и устными преданіями, такъ какъ были еще живы нѣкоторые ветераны Отечественной войны, а въ дворянскихъ семьяхъ хранились различныя воспоминанія объ участіи тѣхъ или другихъ родичей въ этихъ великихъ событіяхъ. Опредѣлить теперь съ точ-

ностью весь матеріалъ, которымъ располагалъ Толстой, врядъ ли представляется возможнымъ, а для нашей цѣли въ этомъ нѣтъ и особенной надобности. Намъ достаточно уяснить себѣ отношеніе Толстого къ указаннымъ выше сочиненіямъ Тьера и Богдановича и хотя бы на одномъ примѣрѣ иллюстрировать способъ пользованія нашего писателя первоисточникомъ.

Знаменитое сочиненіе Тьера по отношенію автора къ Наполеону является однимъ изъ характернѣйшихъ произведеній той исторической школы, которая увлекалась культомъ героевъ, великихъ людей. Для Тьера Наполеонъ величайшій геній, руководящій всѣми міровыми событіями своего времени: онъ не только великій полководецъ, но и тонкій политикъ, дипломатъ, мудрый законодатель. Послѣ своей эпопеи революціи, Тьеръ далъ апоѳеозъ Наполеона. Изображая внутреннюю дѣятельность Наполеона во Франціи, Тьеръ оправдываетъ и 18 брюмера и всякія другія дѣйствія, которыми Наполеонъ придвигался къ своей неограниченной власти. Описывая его войны, Тьеръ постоянно подчеркиваетъ геніальность стратегическихъ плановъ Наполеона, любуется тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производилъ на армію этотъ petit caporal. Тьеръ находится подъ постояннымъ обояніемъ Наполеоновской легенды, сложившейся еще при жизни императора и оказавшей вліяніе на историка еще въ его молодые годы, и несмотря на массу использованнаго матеріала, сочиненіе Тьера, въ силу такого отношенія къ герою, имѣетъ сравнительно не особенно высокую цѣнность, какъ научный трудъ. Для Толстого Тьеръ имѣлъ значеніе по нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ, самое же освѣщеніе событій французскимъ историкомъ, быть можетъ, являлось однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ тому, чтобы взглянуть на эти событія прямо съ противоположной точки зрѣнія. Рѣшительно отвергая культъ героевъ, Толстой не могъ на Наполеона смотрѣть глазами его апологета.

Что касается книги генерала Богдановича, то ея вліяніе на Толстого еще менѣе замѣтно. Отрицая военную науку, Толстой нигдѣ не пользуется стратегическими и тактическими соображеніями нашего военнаго историка, а его сужденіе о Кутузовѣ признаетъ даже прямо несостоятельнымъ. И эта книга имѣла значеніе для художника только потому сырому матеріалу, который въ ней сообщается.

Но какъ же Толстой пользуется этимъ матеріаломъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся на одномъ эпизодѣ, на посылкѣ къ Наполеону генералъ-адъютанта Балашова. Объ этомъ фактѣ мы имѣемъ собственноручную записку Балашова, частью напечатанную Богдановичемъ и цѣликомъ изданную Дубровинымъ въ его книгѣ „Отечественная война въ письмахъ современниковъ". Въ этой запискѣ Балашовъ разсказываетъ, что 13 іюня 1812 г. императоръ Александръ призвалъ его въ 10 ч. вечера и объявилъ ему, что хочетъ послать его къ Наполеону, такъ какъ „сейчасъ получено донесеніе изъ Петербурга о томъ, что фран-

цузскій посолъ, Лористонъ, отзывается. По этому поводу государь хотѣлъ послать Балашова съ письмомъ. Во второмъ часу ночи Александръ снова призвалъ Балашова, прочелъ ему письмо къ Наполеону и поручилъ словесно передать, что необходимымъ условіемъ для переговоровъ онъ считаетъ удаленіе изъ Россіи французской арміи и даетъ Наполеону слово, „докуда хоть одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ". У Толстого этотъ первый моментъ описываемаго эпизода представленъ нѣсколько иначе: на балу у Бенигсена Балашовъ подошелъ къ Государю съ сообщеніемъ о переходѣ французовъ черезъ границу; Александръ вышелъ вмѣстѣ съ Балашовымъ въ садъ и, возвращаясь въ залу, сказалъ ему только что приведенныя слова; затѣмъ уже изъ дому государь послалъ за Шишковымъ, которому поручилъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ князю Салтыкову, а „на другой день" было написано письмо къ Наполеону, которое, однако, Александръ прочелъ Балашову „въ 2 ч. ночи 13 іюня" и приказалъ свезти къ французскому императору. Здѣсь явная хронологическая несообразность, вслѣдствіе произвольнаго измѣненія разсказа Балашова. Далѣе въ существенныхъ чертахъ разсказъ Толстого о пріѣздѣ Балашова на французскіе аванпосты, о встрѣчѣ съ Мюратомъ, о пребываніи у маршала Даву, совпадаетъ съ сообщеніемъ записки Балашова. Разница замѣчается въ описаніи разговора Балашова съ Наполеономъ. Содержаніе того, что говорилъ Наполеонъ, передается Толстымъ совершенно согласно съ запиской Балашова (измѣненъ лишь нѣсколько порядокъ отдѣльныхъ фразъ), но о характерѣ бесѣды, происходившей въ два пріема, даются разныя показанія: Балашовъ говоритъ, что утромъ Наполеонъ былъ любезнѣе, а за обѣдомъ его тонъ былъ „гораздо надменнѣе", такъ что Балашову „часто приходило на мысль остановить неприличность сего тона какимъ-нибудь отвѣтомъ не по его вкусу; Толстой, наоборотъ, представляетъ Наполеона утромъ раздраженнымъ, а за обѣдомъ „веселымъ и ласковымъ". Конечно, мы должны въ этомъ случаѣ болѣе вѣрить Балашову, хотя нельзя не замѣтить, что по содержанію утреняя рѣчь Наполеона въ передачѣ Балашова представляется достаточно „надменной", и, сравнивая содержаніе обоихъ разговоровъ, невольно психологически приходится признать правильнымъ изображеніе Толстого. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ намъ показываетъ, что отступленія Толстого отъ показаній источника весьма незначительны.

Обратимся теперь къ характеристикѣ *знакомыхъ* лицъ и событій у Толстого. Начнемъ съ человѣка, которому въ романѣ отведено сравнительно мало мѣста. Это—Сперанскій, который во время написанія „Войны и Мира" извѣстенъ былъ по книгѣ барона Корфа: то, что сказалъ о немъ Корфъ, повторялось всѣми, кромѣ именно Толстого. Несмотря на сухость своего бюрократическаго стиля, Корфъ представилъ Сперанскаго, какъ великаго государственнаго дѣятеля и какъ чувствительнаго человѣка. Это

нѣжный отецъ, человѣкъ, невольно къ себѣ располагающій своей сердечностью. Совсѣмъ не то лицо является передъ нами у Толстого, который показываетъ Сперанскаго въ дѣловомъ разговорѣ и въ домашнемъ, дружескомъ кругу. Мы видимъ здѣсь человѣка исключительно разсудочнаго. „Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая князя Андрея, была несомнѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла притти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю“. Князь Андрей „видѣлъ въ Сперанскомъ разумнаго, строго мыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти и употребляющаго ее только для блага Россіи“. Умъ подавилъ въ Сперанскомъ всякія другія душевныя свойства, и сухость его натуры особенно ярко бросается въ глаза, когда его видишь въ дружескомъ кружкѣ. „Очевидно, Сперанскій послѣ трудовъ любилъ отдохнуть и повеселиться въ пріятельскомъ кружкѣ, и всѣ его гости, понимая его желанія, старались веселить его и сами веселиться. Но веселье это казалось князю Андрею тяжелымъ и невеселымъ. Тонкій звукъ голоса Сперанскаго непріятно поражалъ его, и неумолкавшій смѣхъ своею фальшивой нотой почему-то оскорблялъ чувство князя Андрея... Ничего не было дурного или неумѣстнаго въ томъ, что они говорили, все было остроумно и могло бы быть смѣшно; но чего-то, того самаго, что составляетъ соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бываетъ... Сперанскій приласкалъ дочь своею бѣлой рукой и поцѣловалъ ее. И этотъ жестъ показался неестественнымъ князю Андрею“. Передъ нами здѣсь типичный бюрократъ, homme d'afaires, живущій только головой, и если этотъ образъ Сперанскаго намъ кажется знакомымъ, приходится сознаться, что познакомилъ насъ съ нимъ именно Толстой.

Рядомъ со Сперанскимъ появляется въ „Войнѣ и Мирѣ“ Аракчеевъ, котораго всѣ ненавидятъ и боятся. Онъ очерченъ немногими штрихами, но отмѣчены именно самыя существенныя черты его характера; онъ ревниво оберегаетъ свое вліяніе на Александра, слѣдя за каждымъ его шагомъ, и въ этомъ отношеніи особенно любопытно его волненіе, когда Балашовъ подходитъ къ Александру безъ его вѣдома; въ отношеніяхъ къ военнымъ, къ сановникамъ, къ дѣламъ—это человѣкъ деспотическій и тупой, какимъ мы его знаемъ по свидѣтельствамъ современниковъ.

Если нѣтъ новыхъ чертъ въ образѣ Аракчеева, это объясняется тѣмъ, что его личность появляется въ романѣ только мимоходомъ. Толстой болѣе останавливается на фигурахъ непосредственныхъ участниковъ борьбы съ Наполеономъ. Здѣсь прежде всего привлекаетъ наше вниманіе личность императора Александра. Мы видимъ его въ наиболѣе счастливый періодъ его царствованія: намъ рисуются смѣлые проекты преобразованій внутрен-

няго строя Россіи, рождавшіеся въ кружкѣ молодыхъ друзей императора, а затѣмъ проводившіеся Сперанскимъ; мы знакомимся съ тѣми толками, которые вызывались этими преобразованіями, и замѣчательно, что Толстой раскрываетъ внутреннюю несостоятельность этихъ начинаній въ самомъ ихъ корнѣ. Онъ передаетъ намъ впечатлѣніе, произведенное открытіемъ Государственнаго Совѣта, и намъ ясно, что пышныя фразы конституціоннаго характера, поражавшія современниковъ, были только фразами, нравившимися самому императору. Фраза для Александра является символомъ красиваго, великаго дѣла, и потому онъ любитъ ее: такъ онъ нѣсколько разъ повторяетъ фразу, сказанную Балашову, что онъ не положитъ оружія, покуда хоть одинъ французскій солдатъ останется въ Россіи. Въ его обликѣ выдвигаются тѣ черты, которыя такъ привлекали къ нему современниковъ: онъ кажется великодушнымъ, мягкимъ, необыкновенно милостивымъ, и мы видимъ, что именно этими своими качествами онъ вызываетъ восторженное преклоненіе общества, въ которомъ многіе открыто называютъ его ангеломъ. Но показана и слабость, двойственность его характера, особенно ярко проявляющаяся въ его отношеніяхъ къ Кутузову, котораго онъ не любитъ и которому ввѣряетъ армію, въ виду его популярности въ массахъ. Это постоянное недовѣріе къ Кутузову вредно отзывается на военныхъ дѣйствіяхъ: полагаясь на всякихъ военныхъ теоретиковъ, Александръ приводитъ къ Аустерлицкому пораженію и постоянно мѣшаетъ дѣйствовать Кутузову въ 1812 году. Въ этомъ случаѣ имѣетъ на него вліяніе также интриги ловкихъ царедворцевъ, враждебно относящихся къ Кутузову, среди которыхъ особенно выдѣляется своими эффектными, патріотическими рѣчами Ѳ. В. Ростопчинъ.

Императора окружаетъ масса генераловъ, и среди нихъ наибольшимъ авторитетомъ пользуются самоувѣренные теоретики военнаго дѣла, разные Пфули, Толи, Бенигсены. Вообще относясь отрицательно къ военнымъ теоріямъ, Толстой рисуетъ ограниченность генераловъ этого типа, заранѣе претендующихъ на знаніе всѣхъ случайностей, которыя сопутствуютъ военнымъ дѣйствіямъ, но очень часто ошибающихся. Великолѣпно иллюстрируется эта ихъ ограниченность при изображеніи Дросскаго лагеря, Бородинскаго боя, на совѣтѣ въ Филяхъ, когда предлагаются всевозможные глубокомысленные и хитросплетенные планы дѣйствій противъ Наполеона. Среди этихъ теоретиковъ выдѣляется фигура пылкаго, отважнаго Багратіона, но особенно замѣчательна, конечно, личность Кутузова, который тоже сталъ для насъ *знакомымъ* послѣ „Войны и Мира". Толстой имѣлъ передъ собой разныя характеристики этого своего излюбленнаго героя: его представляли лѣнивымъ, бездѣятельнымъ человѣкомъ, тонкимъ, хитрымъ царедворцемъ, исключительно думающимъ о сохраненіи своихъ придворныхъ связей, человѣкомъ отсталымъ въ военномъ дѣлѣ. Такое отрицательное сужденіе о Кутузовѣ, между прочимъ, развивалось, какъ это отмѣчаетъ Толстой, въ книгѣ генерала

Богдановича. Въ противоположность этому представленію рисовался и шаблонно-героическій образъ великаго полководца, проводящаго заранѣе составленный планъ одолѣнія французской арміи.

Толстой не примкнулъ ни къ одному изъ этихъ воззрѣній и создалъ свой художественно цѣльный образъ Кутузова, положивъ въ основу этого образа тѣ же историческія данныя, которыя имѣлись у его предшественниковъ. Въ этомъ образѣ сочетались и черты придворнаго екатерининской эпохи, и слабости лѣниваго старика-барина, и пренебрежительное отношеніе къ мудренымъ построеніямъ военныхъ теоретиковъ, и какая-то инертность. Получился характеръ, весьма мало подходящій къ ходячему представленію о великомъ человѣкѣ, героѣ, а между тѣмъ Толстой внушаетъ читателю убѣжденіе въ томъ, что Кутузовъ былъ единственный человѣкъ, понимавшій положеніе армій русской и французской, сознававшій, что надо дѣлать или, вѣрнѣе, чего не надо дѣлать, и шедшій въ разрѣзъ съ мнѣніемъ массы генераловъ и самого императора. Кутузовъ какъ будто все время ничего не дѣлаетъ, онъ не пытается руководить событіями, а самъ подчиняется естественному ихъ теченію, и въ этомъ именно, по взгляду Толстого, выражается его мудрость, такъ какъ всякій разъ, когда онъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ свыше, предпринимаетъ какое-либо рѣшительное дѣйствіе, которому онъ не сочувствуетъ, дѣло оканчивается неудачей. Ему противенъ фразистый патріотизмъ Ростопчина или Бенигсена, говорящаго на совѣтѣ въ Филяхъ о защитѣ „священной и древней столицы, Москвы“, но онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что прогонитъ французовъ изъ „священной земли русской“, и онъ одинъ понимаетъ, что въ Бородинскомъ сраженіи, несмотря на очищеніе русскими войсками ихъ позицій, побѣда осталась именно за русскими. Онъ знаетъ солдата, отлично умѣетъ съ нимъ говорить, онъ прекрасно сознаетъ значеніе пробудившагося народнаго духа. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно народный герой, и для его изображенія Толстому совсѣмъ не нужны тѣ ходульные пріемы, при помощи которыхъ рисуется образъ grand homme. То представленіе о Кутузовѣ, которое намъ даетъ Толстой, настолько жизненно и цѣльно, что имъ совершенно заслоняются всякія другія характеристики этого центральнаго дѣятеля Отечественной войны.

Въ противоположность Кутузову фигура Наполеона представлялась Толстому въ изображеніи Тьера и другихъ историковъ въ очертаніяхъ, присущихъ великому герою. И здѣсь Толстой далъ намъ совершенно новое лицо. Не касаясь теоретическихъ разсужденій нашего писателя о военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, разсужденій, въ которыхъ, можетъ быть, есть извѣстная доля тенденціи, направленной къ развѣнчанію Наполеона, какъ полководца, мы не можемъ не сказать, что его образъ, какъ человѣка, нарисованъ опять-таки вполнѣ оригинально и художественно-цѣльно. Вотъ онъ передъ нами при Аустерлицѣ, окруженный преклоняющимися передъ нимъ маршалами и самъ увлеченный своею славой;

вотъ онъ въ Вильнѣ въ бесѣдѣ съ Балашовымъ или ранѣе при переправѣ черезъ Нѣманъ. Успѣхъ сопутствуетъ его предпріятіямъ, и намъ ярко рисуется его самодовольная, самоувѣренная личность. Видимъ мы его и въ Бородинскомъ бою, гдѣ онъ въ первый разъ смутно начинаетъ сознавать надвигающуюся опасность. Характерно представляется его недоумѣніе и растерянность, когда при вступленіи въ Москву онъ тщетно ожидаетъ депутаціи отъ бояръ. А вотъ и начало конца: отступленіе изъ Россіи, во время котораго оправдывается его собственная фраза, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Факты все извѣстные, какъ будто знакомые, но толкованіе ихъ совсѣмъ новое.

Таковы *знакомыя* лица у Толстого; что же касается *знакомыхъ* событій, мы не считаемъ необходимымъ на нихъ останавливаться, такъ какъ достаточно припомнить хотя бы описанія Аустерлица и Бородина, чтобы увидѣть, насколько ново изображеніе этихъ знакомыхъ событій. Здѣсь именно нѣтъ того характера батальныхъ картинъ, который мы постоянно встрѣчаемъ въ различныхъ описаніяхъ сраженій. Изъ реляцій, изъ военныхъ спеціальныхъ описаній взято все, что нужно, и дано именно живое представленіе о разныхъ моментахъ сраженій и объ общемъ ихъ ходѣ.

Заканчивая нашъ по необходимости краткій очеркъ объ историческомъ элементѣ въ романѣ нашего великаго писателя, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что „историчность" именно въ той мѣрѣ, въ какой она нужна въ художественномъ произведеніи, является отличительной чертой „Войны и Мира", что изученіе романа именно съ исторической точки зрѣнія приводитъ къ непоколебимому заключенію въ томъ смыслѣ, что „Война и Миръ" представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ историческаго романа не только въ русской, но и въ міровой литературѣ.

А. Бороздинъ.

Всеподданнѣйшее прошеніе Ѳедора Глинки.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, писатель и поэтъ, въ двадцатыхъ годахъ служилъ въ чинѣ полковника при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ, пользовался большой извѣстностью среди публики и литераторовъ, какъ авторъ поэтическихъ опытовъ въ духовномъ родѣ, и былъ членомъ тайнаго общества. Въ осеннемъ движеніи 1825 года онъ не принималъ активнаго участія, а былъ, такъ сказать, членомъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Послѣ 14 декабря онъ былъ арестованъ, сидѣлъ въ крѣпости, но за недостаткомъ уликъ освобожденъ и съ фельдъегеремъ отправленъ на службу по гражданскому вѣдомству. 18 іюня 1826 года онъ обратился съ наивнымъ и трогательнымъ прошеніемъ къ Николаю I, своему судьѣ и слѣдователю. Эта трогательность особенно бросится въ глаза, когда вспомнишь и подумаешь о томъ, что прошеніе было предназначено именно для Николая I. Но оно производитъ и тяжелое впечатлѣніе, какъ и все дѣло, производившееся о Глинкѣ въ слѣдственной комиссіи. Можно сказать, что это слѣдствіе было для Глинки эрой, оно сломило его жизнь. Трудно себѣ представить, что онъ былъ когда-то жизнерадостнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, что ему Пушкинъ въ 1822 году написалъ слѣдующіе стихи:

„Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ,—
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ:
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!“

И вотъ этотъ Глинка подалъ слѣдующее прошеніе:

Всемилостивѣйшій Государь!

Вчерашній день получилъ я увольненіе изъ того мѣста, въ коемъ находился тринадцать недѣль [1]).—Государь! Да будетъ вся жизнь ваша

[1]) Онъ былъ заключенъ въ Петровской куртинѣ въ арестантс. покоѣ.

такъ свѣтла и радостна, какъ была мнѣ та минута, въ которую прикосновеніе живого міра и чистаго воздуха освѣжило чувства мои.

Сего числа, въ домѣ главнаго штаба объявлено мнѣ о моемъ переименованіи въ коллежскіе совѣтники и открыта Высочайшая воля ваша, дабы я отправленъ былъ на службу въ Олонецъ немедленно.

Всемилостивѣйшій Государь! Мѣсто, въ коемъ я находился, по существу своему не имѣло ни достаточности, ни свѣта, ни воздуха. Сіе отсутствіе первыхъ потребностей физической жизни поставило меня въ такое положеніе, что утраченное не иначе можетъ быть возвращено, какъ при нѣкоторомъ отдохновеніи и, можетъ быть, съ употребленіемъ средствъ медицины.

При семъ, Государь, пріемлю смѣлость открыть Вамъ и то, что я ничего не имѣю при себѣ, ни у себя! Все мое земное имущество не превышаетъ 10 т. руб., да и тѣ въ постороннихъ рукахъ. Я не нахожу у себя никакихъ средствъ сдѣлать скоропостижнымъ переходъ мой изъ военной (въ коей состою съ 1803 г.) *въ статскую службу*. Не за что сдѣлать мундира губернскаго, не во что переодѣться изъ военнаго.

Я посему и повергаю мое всеподданнѣйшее прошеніе къ стопамъ Вашего Величества о всемилостивѣйшемъ дозволеніи отсрочить отъѣздъ мой, если не для поправленія здоровья, то для необходимости устроить дѣла: расплатиться съ долгами и свое взыскать; переговорить съ книгопродавцами и закончить сдѣлки съ двумя типографіями, гдѣ со дня постигшаго меня несчастья остаются книги мои безъ продажи и оплаты. Тоже и вещи мои въ чужомъ домѣ за печатью. Государь! сіе снисхожденіе Ваше къ человѣку, сознающему предъ Вами свое положеніе, приму я, какъ душевную милостыню.

Монархъ вселюбезнѣйшій! Мы живемъ въ такомъ мірѣ, гдѣ всякое заключеніе совершается только по видѣнію очей и по услышанію слуха; но въ оный день, когда раскроются сердца и помыслы, Вы узрите ясно, съ какимъ чувствомъ любви и кротости пріемлю я нынѣ все, что исходитъ изъ державной руки моего Государя.—Я лобызаю руку сію, опредѣлившую судьбу моего гражданскаго существованія.

Сіе пишу передъ очами моего Бога. Онъ видитъ всю мѣру той вѣрнопреданности, съ коею имѣетъ счастье быть къ августѣйшей особѣ Вашей

В. И. В. вѣрноподданнѣйшимъ

Ѳедоръ Глинка.

На прошеніе это Высочайшаго соизволенія не послѣдовало и 30 іюля 1826 г. Глинка съ фельдъегеремъ былъ доставленъ въ Петрозаводскъ.

Кстати, приведемъ и то изложеніе слѣдственныхъ данныхъ, которое находимъ въ составленномъ въ 1827 году нарочито для Николая I „Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года слѣдственною комиссіею“.

№ 4. (Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Сукина 11-е марта 1826 г., № 499).

„Глинка Θедоръ Николаевъ, полковникъ, состоящій по арміи. Въ 1819 году былъ принятъ Новиковымъ въ общество, имѣвшее цѣлью— просвѣщеніе и благотвореніе. Тогда же объявлено ему, что когда общество получитъ видъ болѣе правильный, то представятъ правительству и станутъ искать открытаго покровительства на дальнѣйшія дѣйствія. Однако, онъ съ 1821 года отсталъ и не принадлежалъ къ возникшимъ потомъ тайнымъ обществамъ. По словамъ Пестеля, въ квартирѣ Глинки въ 1820 году было совѣщаніе коренныхъ членовъ Союза Благоденствія, гдѣ послѣ разсужденія о формахъ правленій всѣ приняли республиканское; одинъ Глинка сначала говорилъ въ пользу монархическаго правленія и предлагалъ Елизавету Алексѣевну. Глинка, отрицая сіе показаніе и на очныхъ ставкахъ съ Пестелемъ, утвердилъ то, что многіе изъ членовъ, такъ называемаго, политическаго отдѣленія, слушая курсы наукъ, по удобности квартиры его, съѣзжались къ нему когда трое, когда четверо, заводили разговоры и даже споры о разныхъ системахъ, иногда и о формахъ правленія, но все въ ученомъ смыслѣ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы лучше вразумиться въ сихъ наукахъ. Государыню Императрицу въ такомъ смыслѣ, какъ показалъ Пестель, не предлагалъ, но говорилъ и печаталъ о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ особъ Императорскаго дома... Показаніе другихъ, бывшихъ въ семъ собраніи, также не согласны между собою. Сверхъ того Перетцъ показалъ, что Глинка принялъ его въ члены тайнаго общества въ 1819 или 1820 году. Глинка отвѣчалъ при допросахъ и на очныхъ ставкахъ, что онъ принялъ Перетца въ члены ланкастерской школы. Семеновъ подкрѣпилъ слова Перетца, а Кутузовъ утвердилъ то же самое, что и Глинка. — На вопросы, многимъ сдѣланные о томъ,—былъ ли Глинка извѣщенъ о намѣреніяхъ 14 декабря, Александръ Бестужевъ отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ: но что готовилось что-то зналъ, ибо при свиданіи съ нимъ за три дня до 14-го числа говорилъ ему: „ну вотъ и приспѣваетъ время!“ Глинка отвѣчалъ ему на это: „смотрите вы, не дѣлайте никакихъ насилій“. На очныхъ ставкахъ Александръ Бестужевъ, подтверждая свое показаніе, пояснилъ, что не помнитъ, было ли въ отвѣтѣ Глинки слово „насиліе“, но смыслъ отвѣта былъ точно такой. Рылѣевъ показалъ, что при свиданіи съ Глинкою сказалъ ему, что общество положило воспользоваться переприсягою и что оно взяло уже свои мѣры. На сіе онъ отвѣчалъ: „смотрите, господа!“ На очныхъ ставкахъ Рылѣевъ объяснилъ, что, можетъ быть, вмѣсто слова общество, сказалъ: „мы полагали, что Глинка долженъ былъ принадлежать къ обществу“. Но Глинка, отрицая показанія обоихъ, остался при томъ, что онъ не имѣлъ съ ними означеннаго разговора и не слыхалъ показанныхъ ими словъ. Содержался въ крѣпости съ 11-го марта.—По докладу комиссіи 15-го іюня высочайше повелѣно выпустить, перевесть въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника и во уваженіе прежней его службы и недостаточнаго состоянія употребить его въ Петрозаводскѣ по гражданской части, гдѣ и жить ему безвыѣздно подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ полиціи. О семъ въ высочайшемъ приказѣ отдано 7-го іюля“.

Къ біографіи В. С. Караджича.

(По документамъ III-го Отдѣленія).

Третье Отдѣленіе, какъ извѣстно, стремилось вводить въ кругъ своихъ наблюденій и попеченій не только лица и явленія русскія, но даже и зарубежныя, иноземныя. Въ дѣлахъ его изслѣдователь зачастую неожиданно натыкается на обстоятельства, не стоявшія, повидимому, ни въ какомъ отношеніи ни къ функціямъ III-го Отдѣленія, ни къ русской домашней жизни вообще. Неожиданно было, конечно, встрѣтить въ архивѣ III-го Отдѣленія особое дѣло объ извѣстномъ австрійскомъ славистѣ Вукѣ Стефановичѣ Караджичѣ; копія съ него была снята П. Е. Щеголевымъ и любезно сообщена имъ намъ, за что мы приносимъ ему благодарность [1]).

Для надлежащаго уразумѣнія документовъ, содержащихся въ дѣлѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о жизни Караджича, его трудахъ и его сношеніяхъ съ Россіею.

Вукъ (т. е. Волкъ) Стефановичъ Караджичъ (родился 26 октября 1787 г., умеръ 26 января 1864 г.) имѣлъ жизнь, богатую событіями. Онъ родился въ Сербіи, на тогдашней турецкой территоріи; образованіе его ограничилось обученіемъ въ Карловцѣ, въ монастырѣ, языкамъ латинскому, нѣмецкому и церковно-славянскому, — и въ общемъ Вукъ былъ самоучкою. Занималъ онъ въ разное время различное общественное положеніе, былъ пастухомъ, былъ писаремъ при Черномъ Георгіи, потомъ—при бѣлградскомъ совѣтѣ, былъ учителемъ, судьею, состоялъ при сербскомъ князѣ Милошѣ и безуспѣшно училъ его грамотѣ, составлялъ для Сербіи законы и т. д. Разорвавъ сношенія съ Милошемъ, Вукъ переселился въ Австрію, гдѣ и жилъ далѣе, уѣзжая лишь по временамъ въ ученыя путешествія и всецѣло отдавшись научно-литературной дѣятельности; средствами къ существованію служили ему, кромѣ заработка перомъ, двѣ пенсіи — отъ русскаго и сербскаго правительствъ.

---

[1]) Матеріаломъ для написанія этого этюда послужили, кромѣ „дѣла“ III-го Отдѣленія, Сухомлиновская Исторія Россійской Академіи, Кочубинскаго книга о начальныхъ годахъ русскаго славяновѣдѣнія и еще нѣкоторыя сочиненія.

Караджичу суждено было стать отцомъ и творцомъ всей новой сербской литературы въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, начиная съ языка, даже съ графики и правописанія. Онъ изучилъ этнографически всю область сербскаго племени въ Турціи и Австріи, собралъ матеріалы для новѣйшей сербской исторіи, собралъ большое число произведеній сербской народной словесности, опредѣлилъ свойства, лексиконъ и грамматику живой народной сербской рѣчи и возвысилъ ее до степени литературнаго языка, далъ на этомъ новомъ и понятномъ народу языкѣ переводъ Новаго Завѣта, провелъ фонетическое и легко усвояемое правописаніе.

Главными трудами Вука были: Писменица сербскаго языка, Пѣскарица, Сербскій рѣчникъ (т.-е. словарь) съ латинскимъ и нѣмецкимъ переводомъ словъ, сборникъ пѣсенъ, сборникъ сказокъ (приповѣдокъ), сборникъ народныхъ пословицъ, „Ковчежецъ" по исторіи и языку сербскому и т. д.

Для своихъ фольклористическихъ штудій Караджичъ неоднократно совершалъ путешествія по Сербіи, Венгріи, Черной Горѣ, Далматіи, Срѣму, Славоніи, Хорватіи и т. п. (напр., въ 1834, 1837, 1839, 1841 годахъ).

Литературная дѣятельность Вука въ общемъ характеризуется одною яркой чертой—ея *антирусскимъ* направленіемъ. Въ этомъ отношеніи фатальное вліяніе на Вука имѣлъ его другъ и наставникъ *Копытарь*.

Копытарь, вѣнскій чиновникъ (библіотекарь), принадлежалъ къ числу тѣхъ австрійскихъ славянъ, которые въ выборѣ между единокровною Россіею и нѣмецкою Австріею отдаютъ предпочтеніе послѣдней—и Австрію считаютъ за мать славянъ. Вукъ свелъ впервые знакомство съ Копытаремъ по тому случаю, что послѣднему разъ довелось, какъ цензору, читать рукопись Вука. Копытарь очень заинтересовался языкомъ рукописи; потомъ это знакомство обратилось въ прочную дружбу. Копытарь окончательно убѣдилъ Вука отдаться наукѣ, причемъ служилъ ему своими совѣтами и знаніями.

Подъ „нашептываніями Копытаря" (по удачному выраженію Кочубинскаго) и провелъ Вукъ свою реформу сербскаго литературнаго языка и сербскаго правописанія.

Изстари, по многовѣковой традиціи, сербскіе писатели старались писать возможно ближе къ языку, дѣйствительно, наиболѣе родному для сербскаго,—языку русскому и къ общему литературному источнику обоихъ—древне-церковнославянскому. Вукъ рѣзко нарушилъ эту традицію, какъ порвалъ и вообще литературную связь съ Россіею, — и возвелъ въ языкъ литературный живую, провинціальную, діалектическую рѣчь.

Разъединенію съ русскимъ языкомъ служила и введенная Вукомъ новая сербская азбука, составленная съ примѣненіемъ принциповъ чужой, латинской графики — особенно въ обозначеніи смягченности или палатализаціи звуковъ: обозначеніе вносится не въ гласную букву (какъ по-русски), а въ согласную. Для этого былъ

придуманъ рядъ особыхъ лигатуръ согласныхъ съ еремъ, а такъ же введена іота. По свидѣтельству Добровскаго, Копытарь съ Вукомъ сознательно работали надъ тѣмъ, чтобы сербы не примкнули къ русскимъ, какъ бы это для сербовъ ни было полезно и желательно...

Вукова реформа теперь общепринята, что стоитъ въ связи съ упадкомъ въ Сербіи вообще русскаго вліянія и господствомъ нѣмецкаго. Но прошла „вуковщина“ далеко не гладко и не сразу. Долгое время книги Вука были запрещаемы въ Сербіи, особенно для народныхъ училищъ.

Но всего любопытнѣе то обстоятельство, что Вукъ, этотъ разобщитель русскихъ и сербовъ, имѣлъ совѣсть пользоваться именно отъ Россіи пособіями и даже пожизненною пенсіею, которую выдавало ему русское правительство съ обычною неосвѣдомленностью. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ главная вина падаетъ на президента Россійской Академіи и министра народнаго просвѣщенія, престарѣлаго А. С. Шишкова.

Сношенія Вука съ Россіею начинаются, преимущественно, съ 1878 г., когда онъ съѣздилъ сюда, посѣтилъ Петербургъ, Москву, Харьковъ и Кіевъ и завязалъ рядъ важныхъ для него знакомствъ. Это путешествіе принесло немало выгодъ пронырливому и оборотливому Вуку. Онъ по дорогѣ распродавалъ въ Россіи свои книги тѣмъ лицамъ, у которыхъ онъ пользовался гостепріимствомъ, напр., въ Псковѣ тамошнему архіепископу Евгенію Болховитинову. На обратномъ пути Вукъ повезъ въ Австрію русскія книги, которыя были тамъ большою и ненаходимою рѣдкостью; эти книги Вукъ распродалъ своимъ друзьямъ Юнгману, Марку, Ганкѣ... По свидѣтельству В. И. Григоровича, Вукъ былъ жаденъ до денегъ.

Уже въ 1819 г. знаменитый меценатъ, графъ Н. П. Румянцевъ, хотѣлъ послать Караджича объѣхать „всѣ области славянскаго поколѣнія“ — отыскивать древніе документы и лѣтописи — на три года, съ гонораромъ по 300 червонцевъ въ годъ. Путешествіе это не сбылось—почему, неизвѣстно. Но гораздо плодоноснѣе были для Вука его сношенія съ Шишковымъ.

Старый морякъ, Шишковъ, попавшій въ управители Академіею и народнымъ просвѣщеніемъ, ни въ какой мѣрѣ не имѣлъ филологической подготовки, но впалъ въ особаго рода лингвистическую графоманію, доискиваясь „корнесловія“. Попытки его были жалки и черезъ три четверти вѣка возобновляли выдумки Тредьяковскаго (напр., этимологіи: пѣшкомъ-пихшкомъ отъ пихать, или: далеко-даль око, широко—ширь око!). Не находя ни малѣйшаго сочувствія своимъ breднямъ дома, Шишковъ охотно искалъ хвалителей корнесловію среди австрійскихъ; тѣ же увѣряли его въ своемъ восхищеніи, сообщали, что якобы въ библіотекахъ и читальняхъ публика часто требуетъ творенія Шишкова. Добрый адмиралъ-корнесловъ вѣрилъ и одарялъ своихъ „послѣдователей“ русскимъ кореннымъ золотомъ...

Еще въ 1821 г. Вуку Шишковъ доставилъ отъ Россійской Академіи 300 р. и серебряную медаль. Это раздражило аппетитъ. Вукъ благодаритъ и пишетъ: „есть ли бы я имѣлъ щастіе достать пензію отъ двора русскаго или отъ Академіи... а я теперь живу въ величайшемъ убожествѣ", расписываетъ онъ, „принужденъ ѣхать въ какую-нибудь деревню и стараться, чтобы не умерлъ съ голоду!" Съ голоду онъ не „умерлъ" вплоть до полученія имъ пензіи въ 1826 г. По предстательству Шишкова Вуку за труды его и антирусское направленіе было пожаловано по сотнѣ червонцевъ. въ годъ. Замѣтимъ, что Шишковъ такъ мало зналъ о Вукѣ, что не былъ твердъ въ написаніи его имени и всегда величалъ его „Вугомъ".

Но и пензіи Вуку показалось мало. Для чего-то ему понадобилась, не принимая въ дѣйствительности русскаго подданства, получить, однако, фикцію таковою, т. е. паспортъ русскаго подданнаго и стать подъ покровительство Россіи. Сбираясь ѣхать въ Сербію, онъ просилъ Шишкова о русскомъ паспортѣ 21 мая 1827 г. и потомъ 10 декабря того же года. Быть можетъ, съ учеными своими задачами Вукъ соединялъ какія-нибудь политическія функціи на пользу австрійскаго правительства и хотѣлъ такимъ образомъ замести слѣды; или являясь къ сербамъ съ русскою личиною, онъ надѣялся тѣмъ вѣрнѣе взойти имъ въ душу и овладѣть ихъ довѣріемъ — благодаря той симпатіи, какую питали къ русскому имени сербы, стонавшіе тогда подъ туркомъ. Цѣлей Вука мы не знаемъ, да онъ ихъ и не раскрываетъ въ своихъ ходатайствахъ. „Всякій день я болѣе чувствую нужду въ россійскомъ покровительствѣ", пишетъ онъ: „болѣе четырехъ недѣль всуе ожидаю пашпорта отъ здѣшняго правительства и еще не знаю, достану ли оный"...

Вотъ это не совсѣмъ мотивированное желаніе Вука путешествовать по турецко-славянскимъ областямъ въ видѣ якобы россійскаго подданнаго и послужило поводомъ завести въ III-мъ Отдѣленіи особое дѣло подъ заглавіемъ: „О Вукѣ Стефановичѣ Караджичѣ, желающемъ сдѣлать литературное (sic) путешествіе по южнымъ славянскимъ землямъ", съ содержаніемъ котораго мы намѣреваемся вкратцѣ ознакомить нашихъ читателей.

Въ дѣло неожиданно вмѣшался нашъ посолъ въ Вѣнѣ графъ А. Толстой, который отъ 16 декабря того же года съ курьеромъ извѣстилъ почему-то прямо шефа жандармовъ французскимъ письмомъ объ извѣстномъ намѣреніи Вука и предупреждалъ, что какъ въ Сербіи, такъ и въ Австріи Вукъ вообще считается *австрійскимъ шпіономъ* (regardé soit en Serbie, soit en Autriche comme e'spion de ce gouvernement). Его образъ жизни, продолжаетъ Толстой, постоянныя поѣздки во всѣ славянскія провинціи Австріи, причемъ на совершеніе таковыхъ у него нѣтъ ни денежныхъ средствъ, ни явнаго мотива, возбуждаютъ подозрѣнія. Неоднократныя попытки добыть русскій паспортъ могли бы быть ему продиктованы вѣнскимъ правительствомъ въ своихъ видахъ. Въ глазахъ Толстого

было еще крайне подозрительнымъ то обстоятельство, что Вукъ отнюдь не дѣлалъ тайны въ Вѣнѣ ни изъ своего проекта путешествія, ни изъ тѣхъ писемъ, какія онъ по этому поводу уже писалъ Шишкову. А это-де и доказываетъ, что Вукъ имѣетъ основанія не бояться того, что все станетъ извѣстнымъ австрійскому правительству. Изложенное выше казалось Толстому достаточно уважительнымъ для того, чтобы отказать Вуку въ его домогательствѣ.

Письмо Толстого было Бенкендорфомъ получено только 3 января 1828 г.; положена резолюція запросить Шишкова. 5 января Бенкендорфъ уже написалъ ему секретное офиціальное письмо, прося въ случаѣ поступленія къ нему прошенія Вука, о которомъ онъ-де освѣдомился изъ Вѣны, не давать ему никакого хода, но увѣдомить его.

На старанія Шишкова сразу было положено veto. 6 января, на другой же день, онъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что такого прошенія у него нѣтъ. Но 2 февраля опять-таки *секретно* Шишковъ сообщилъ Бенкендорфу, что вчера, т. е. 1 февраля, онъ дѣйствительно получилъ отъ Вука письмо отъ 10 декабря 1827 г. Его онъ препроводилъ въ подлинникѣ шефу жандармовъ вмѣстѣ съ двумя приложеніями и съ книгою на сербскомъ языкѣ подъ названіемъ „Даница за годину 1828“. Шишковъ въ точности исполнялъ повелѣнія Бенкендорфа.

Желая, однако, поддержать своего протеже, Вука, Шишковъ даетъ ему въ этомъ обширномъ письмѣ такую похвальную характеристику.

Сей ученый, пишетъ Шишковъ о Караджичѣ, филологическими изслѣдованіями своими и неутомимымъ терпѣніемъ въ изысканіи всего могущаго пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе и образованіе языка славянскаго и происшедшихъ отъ него нарѣчій приноситъ значительную пользу славянской словесности вообще. Десять различныхъ изданныхъ имъ на сей конецъ и представленныхъ имъ въ Россійскую Академію сочиненій заслужили справедливое одобреніе просвѣщенной Европы и дали ему полное право на признательность нашихъ соотечественниковъ. Кромѣ того, по указанію Шишкова, Караджичъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ по ученымъ предметамъ, относительнымъ къ занятіямъ Россійской Академіи, исполнялъ сіе съ особеннымъ усердіемъ и снабжалъ Академію разными славянскими книгами.

Далѣе Шишковъ объясняетъ, почему онъ испросилъ у Государя 4 іюня 1826 г. пенсію Караджичу: это было сдѣлано потому, что всѣ иностранные славяне сохраняютъ къ Россіи особенное уваженіе и государей ея почитаютъ всегдашними своими покровителями...

„Даницу“ и приложенія Шишковъ просилъ возвратить ему, какъ, вѣроятно, Бенкендорфу ненужныя. Въ этой своей догадкѣ Шишковъ оказался правъ. 10 февраля при письмѣ все было ему возвращено.

По дѣлу Караджича 5 февраля состоялся Всеподданнѣйшій докладъ шефа жандармовъ, котораго, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ. О результатахъ доклада своего Бенкендорфъ не счелъ нужнымъ что-либо сообщить интересовавшемуся дѣломъ Шишкову. Какъ ни щекотливо было положеніе послѣдняго въ виду такой къ нему невнимательности, но добрый Шишковъ 25 февраля рѣшился еще разъ возобновить передъ шефомъ жандармовъ свое ходатайство о Вукѣ. Онъ сообщалъ Бенкендорфу, что со своей стороны онъ не находитъ никакого препятствія къ удовлетворенію просьбы, но еще полагаетъ полезнымъ для славянскаго языка снабдить его просимымъ паспортомъ. Въ видѣ мотивировки онъ повторяетъ еще разъ всю прежнюю характеристику Караджича. Такъ же полагалъ онъ, что Вукъ, исполненъ будучи къ Россійскому Монарху признательностію за пожалованный ему пенсіонъ, питаетъ чувства преданности къ россійскому престолу и въ предполагаемомъ путешествіи не имѣетъ въ виду другой цѣли, кромѣ пользы славянскаго языка. Въ заключеніе Шишковъ очень осторожно отмѣчаетъ то неловкое положеніе, въ какое его поставилъ Бенкендорфъ. По своему служебному положенію Шишковъ могъ бы отъ себя дать ходъ прошенію Вука. Шефъ жандармовъ запретилъ ему сдѣлать это, взялъ дѣло въ свои руки, а его оставляетъ въ „неизвѣстности причинъ, препятствующихъ дать ходъ"; поэтому онъ просилъ Бенкендорфа не оставить его по сему предмету своимъ заключеніемъ.

На отношеніи Шишкова Бенкендорфъ положилъ резолюцію „оставить безъ удовлетворенія, ибо объ немъ получилъ я изъ Вѣны невыгодныя свѣдѣнія", а 2 марта было послано соотвѣтствующее письмо. Въ качествѣ компетентнаго знатока славянской филологіи Бенкендорфъ „отдавалъ полную справедливость заслугамъ Караджича на поприщѣ славянской словесности"; но, получа изъ Вѣны весьма невыгодное о немъ свѣдѣніе въ отношеніи политическомъ, онъ полагалъ бы отказать ему въ просьбѣ его, о чемъ и представлялъ на благоуваженіе (sic) Шишкова... Тѣмъ дѣло о паспортѣ и кончилось.

Доскажемъ кое-что изъ исторіи дальнѣйшихъ сношеній Вука съ Шишковымъ и Академіею. Въ 1835 г. онъ „съ величайшимъ удовольствіемъ имѣлъ счастіе получить вексель" на пособіе въ 1080 р. Въ 1838 г. на печатаніе пѣсенъ Вуку перепало еще тысченка рублей. Въ слѣдующемъ 1839 г. Вукъ опять домогался пособія отъ Академіи на печатаніе словаря. О достоинствахъ Вукова словаря сочли нужнымъ запросить русскаго посла въ Вѣнѣ, Д. П. Татищева; отзывъ посольства и на этотъ разъ былъ неблагопріятенъ для Вука. Татищевъ полагалъ, что свой сербскій словарь Вукъ составилъ именно съ нѣмецкимъ переводомъ единственно, дабы угодить вѣнскому правительству. Находя въ такомъ видѣ изданіе не заслуживающимъ ни малѣйшаго поощренія, Татищевъ предложилъ Вуку замѣнить въ словарѣ нѣмецкій переводъ русскимъ, какъ необходимое условіе, на коемъ онъ могъ бы ожидать

пособія отъ Россійской Академіи. Перерабатывать словарь Вукъ, однако, отказался потому, что онъ-де очень занятъ изданіемъ пѣсенъ, а слѣдовательно, по мнѣнію Татищева, не заслуживаетъ на словарь никакого вспомоществованія. Но Вукъ не унимался и въ слѣдующемъ 1840 г. опять просилъ о пособіи. Тогда Россійская Академія была уже вынуждена чрезъ своего секретаря Д. И. Языкова выяснить Вуку (отъ 18 сентября 1840 г.), что Россійская Академія обязана пещись, преимущественно, объ отечественной словесности, а соплеменные писатели могутъ разсчитывать на пособія только по возможности. Кромѣ словаря, труды Караджича не могутъ принести россійской словесности большой пользы (sic) и средствъ на ихъ печатаніе не имѣется. Но и о словарѣ послѣ отказа въ переработкѣ по-русски дѣло должно считаться поконченнымъ... Въ 1841 г. Караджичъ еще путешествовалъ съ Надеждинымъ и Княжевичемъ по Далматіи, Черной Горѣ, Хорватіи, Славоніи и Сербіи, но удалось ли Вуку тутъ чѣмъ-либо попользоваться, мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ Академія съ 1840 г., кажется, избавилась отъ дальнѣйшихъ просьбъ Вука о пособіяхъ, и ему приходилось уже довольствоваться пожизненною пенсіею, которую онъ благополучно получалъ съ Россіи еще добрую четверть вѣка. Труды В. С. Караджича по культурному разобщенію сербовъ отъ русскихъ русская казна, считая пенсіи и пособія, оплатила болѣе, чѣмъ 4000 червонцевъ...

Е. А. Б—въ.

А. Н. Плещеевъ въ фортѣ Перовскомъ

(по неизданнымъ письмамъ).

Замѣшанный по дѣлу Петрашевскаго, вмѣстѣ съ другими, въ томъ числѣ и съ Ѳ. М. Достоевскимъ, къ смертной казни былъ приговоренъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. По конфирмаціи онъ былъ помилованъ и сосланъ на военную службу въ рядовые 25-го декабря 1849 года въ Уральскъ. Въ 1852 году отсюда онъ былъ переведенъ рядовымъ же въ Оренбургъ въ 3-й линейный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ Сушковъ. На первыхъ порахъ жизнь его въ новомъ мѣстѣ ссылки была прямо ужасна [1]).

Его никуда не выпускали изъ казармъ, мучили постоянными ученіями, назначали на самыя грубыя работы, слѣдили за каждымъ шагомъ, за каждымъ письмомъ. Въ концѣ этого года въ Оренбургъ пріѣхала его мать, бывшая фрейлина Высочайшаго двора. Ея ходатайство и заступничество, посѣщеніе тогдашняго Оренбургскаго генералъ-губернатора Василія Алексѣевича Перовскаго возымѣли надлежащее дѣйствіе и режимъ для ея сына значительно ослабъ. Плещеевъ съ этихъ поръ начинаетъ бывать въ обществѣ, появляется въ домѣ у самого Перовскаго, заводитъ знакомство съ нѣкоторыми видными по своему служебному положенію лицами; онъ пріобрѣтаетъ даже извѣстное значеніе и вѣсъ въ кружкѣ младшихъ офицеровъ и „конфирмованныхъ". Правда, Алексѣй Николаевичъ въ этотъ періодъ времени, несмотря на свои 27 лѣтъ, мало съ кѣмъ сходился. Его не особенно привлекало и само оренбургское общество, и тяготило положеніе „конфирмованнаго", „рядового изъ ссыльныхъ". Ближе всего онъ сошелся съ тремя домами,—съ семействами доктора Павлова, который въ началѣ 1854 года уѣхалъ въ Орелъ, Еккельна [2]) и Дандевиль.

Подполковникъ генеральнаго штаба Викторъ Дезидерьевичъ Дандевиль, годомъ моложе Плещеева, занималъ въ то время должность офицера по особымъ порученіямъ при штабѣ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и

---

[1]) См. Юдинъ. „Плещеевъ въ ссылкѣ". Истор. Вѣстникъ 1879 г., май.

[2]) Еккельнъ занималъ должность, кажется, чуть не начальника штаба корпуса.

вскорѣ послѣ Акъ-Мечетскаго похода завѣдовалъ „степными дѣлами", т. е. всѣмъ тѣмъ, что касалось линіи укрѣпленій, выдвинутыхъ по Сырь-Дарьѣ, и туземнаго населенія.

Викторъ Дезидерьевичъ, извѣстный впослѣдствіи дѣятель кампаніи 1877—78 годовъ, скончавшійся въ 1907 году въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи, былъ человѣкъ для своего времени, — а въ особенности для Оренбургскаго общества,—образованный, развитой, широкихъ интересовъ, отличался гостепріимствомъ и любезностью. Но главной чертой его характера являлась высокая честность и суровая прямота, благодаря которой онъ наживалъ себѣ много враговъ. Его жена, извѣстная красавица, Любовь Захаровна Балкъ,—тоже была выше оренбургскаго уровня. Въ ихъ домѣ собиралось лучшее оренбургское общество. Къ этому-то кружку примкнулъ Алексѣй Николаевичъ. Вскорѣ между ссыльнымъ и молодымъ подполковникомъ завязались дружескія отношенія и, когда первый изъ нихъ переведенъ былъ на службу въ фортъ Перовскій, то между ними возникла и поддерживалась довольно дѣятельная переписка, обнимающая собой 1854—56 годы. Письма Плещеева къ Дандевиль положены въ основу настоящей статьи.

Въ этихъ письмахъ Плещеевъ открывалъ свою душу, повѣрялъ свои планы и обращался за заступничествомъ. Пожалуй, Плещеевъ просилъ гораздо чаще за другихъ, чѣмъ за себя, потому что окружавшіе его весьма нерѣдко прибѣгали къ протекціи Плещеева, зная о его близкихъ отношеніяхъ къ „*особѣ со степнымъ вѣсомъ*", какъ шутливо называетъ авторъ писемъ въ одномъ изъ нихъ своего корреспондента. Письма Плещеева пестрятъ подобными фразами: „Вы одни принимаете во мнѣ участіе,—отъ другихъ ничего я не ждалъ и не жду и просить никого не намѣренъ. Нужно имѣть много увѣренности въ человѣкѣ, много любви и уваженія къ нему, чтобы просить о себѣ". Или: „Такой-то *убѣдительно проситъ васъ*, какъ человѣка, на благородство и правдивость котораго онъ разсчитываетъ вполнѣ, — хотя и незнакомъ съ вами, — защитить его..." Или: „Противъ всѣхъ неправдъ міра сего, считаю васъ единственной надежной защитой. Съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, ни минуты не усумнился я въ добротѣ вашей и готовности отстоять праваго, помочь нуждающемуся въ помощи. Когда В. А. (Перовскій) будетъ предупрежденъ вами,—онъ иначе взглянетъ на это дѣло".

Дандевиль по своей близости къ генералъ-губернатору, который его очень любилъ и довѣрялъ, много могъ сдѣлать и хорошаго, и дурного для всѣхъ ссыльныхъ, загнанныхъ въ степь. Но онъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ; и въ письмахъ Плещеева мы читаемъ рядъ благодарностей за исполненіе просьбъ.

А Плещеевъ проситъ походатайствовать и за „конфирмованныхъ“, почему-либо не представленныхъ къ наградѣ, и за офицера, къ которому несправедливо относится начальство, и за другого, — который находится въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи, и за третьяго,—который хлопочетъ о переводѣ въ другое мѣсто службы, и, наконецъ, о цѣломъ обществѣ офицеровъ, у котораго вышелъ острый конфликтъ съ начальствомъ. И большинство этихъ просьбъ В. Д. Дандевиль исполняетъ.

I.

Отзывъ Плещеева объ Оренбургѣ. Оренбургское общество. Графъ Б. А. Перовскій.

Переписка началась раньше отъѣзда Плещеева въ Перовскъ. Послѣ похода подъ Акъ-Мечеть, когда войска вернулись въ Оренбургъ въ сентябрѣ 1853 г., г.-ад. Перовскій уѣхалъ съ докладомъ объ экспедиціи въ Петербургъ. Его сопровождалъ и В. Д. Дандевиль. Вотъ этотъ отъѣздъ и послужилъ началомъ переписки. Къ этому періоду относится всего два письма Плещеева, оба изъ Оренбурга, первое отъ 22 декабря 1853 г., второе отъ 18 января 1854 г. Въ началѣ 1854 г. Дандевиль вмѣстѣ съ Перовскимъ вернулся изъ Петербурга, а въ маѣ Плещеевъ со „степной“ отправился въ бывшее Кокандское укрѣпленіе Акъ-Мечеть, переименованное въ „фортъ Перовскій“. Первое письмо отъ 22 дек. является весьма характернымъ для всей переписки, и мы приводимъ его цѣликомъ.

„Добрѣйшій и многоуважаемый мною Викторъ Дезидерьевичъ! Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Расположеніе, которое вы мнѣ оказывали со времени нашего знакомства, даетъ мнѣ смѣлость надѣяться, что вы не откажете мнѣ.—Вотъ въ чемъ дѣло.—Вамъ извѣстно, конечно, что награды за экспедицію всѣ уже вышли и получены здѣсь болѣе двухъ недѣль. Я знаю положительно, что меня изъ общаго списка представленій выключили, но, что Вас. Алек. (гр. Перовскій) приказалъ написать обо мнѣ отдѣльный докладъ, взявъ въ то же время съ собой всѣ бумаги, относящіяся къ моему дѣлу. При томъ же передъ выступленіемъ изъ Акъ-Мечети онъ самъ сказалъ мнѣ, что постарается для меня что-нибудь сдѣлать въ бытность свою въ Петербургѣ. Вслѣдствіе всего этого,—я ждалъ и надѣялся. Но вотъ—пришли награды; вотъ и Николинъ день пришелъ,—мнѣ все ничего нѣтъ. Это заставляетъ меня думать, что Василію Алексѣевичу отказано Государемъ. Забывать В. А. не имѣетъ привычки ни о комъ.

Вы, конечно, знаете,— представлялъ ли онъ обо мнѣ или нѣтъ. И въ этомъ-то именно состоитъ моя просьба, чтобы вы увѣдомили меня,—какъ

было дѣло. Ничего нѣтъ хуже неизвѣстности. Если бы я узналъ *навѣрное*, что мнѣ за этотъ походъ надѣяться нечего, то, по крайней мѣрѣ, я сталъ бы выискивать какія-нибудь другія средства, чтобы выйти изъ своего положенія, которое, признаюсь, все болѣе и болѣе становится тягостнымъ. Грустно, Викторъ Дезидерьевичъ, быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ своихъ дѣйствіяхъ и прятаться отъ порядочныхъ людей, какъ заклейменному за уголовное преступленіе. Къ тому же и домашнія обстоятельтельства сильно плохи, такъ что съ какой стороны не погляди,—темно безъ просвѣта! — Просясь въ походъ, я имѣлъ въ виду получить за него унтеръ-офицерство, если только Богъ вынесетъ невредимымъ, и потомъ на слѣдующій годъ снова идти въ степь. Если не будетъ экспедиція,—думалъ я,—можетъ быть, какія-нибудь стычки будутъ и все-таки есть больше шансовъ отличиться, чѣмъ выказывая въ Оренбургѣ гибкость и грацію своего носка. Но какъ видно cos sceut des projets en l'air.—Теперь у меня другіе планы въ головѣ. Но мнѣ нужно сперва положительно знать,—отказано ли въ моемъ производствѣ. Ради Бога, Викторъ Дезидерьевичъ, разузнайте это и увѣдомите немедленно. Думаю, что вамъ не представитъ особеннаго затрудненія. Добрая Любовь Захаровна можетъ при случаѣ спросить въ разговорѣ нашего *«bourru bienfaisant»*,—что Плещеевъ? Попросите ее отъ меня, если вамъ самимъ будетъ неудобно справиться. Получивъ положительныя свѣдѣнія, я постараюсь воспользоваться пребываніемъ Вас. Ал. въ Петербургѣ для осуществленія своихъ новыхъ проектовъ. Не удалось одно,—можетъ удастся другое, не столь важное.— Лучше что-нибудь,—чѣмъ ничего ровно. Странно также мнѣ кажется то, что, кромѣ меня, еще восьми человѣкамъ изъ конфирмованныхъ ничего не вышло и такимъ, которые были вездѣ въ опасности и которыхъ конфирмаціи слабѣе прочихъ. Назову одного—Вржозовскаго. Онъ не просился въ походъ. Вас. Алек. самому угодно было его вызвать изъ Уральска, гдѣ онъ служилъ въ 1-мъ бат., и послать въ степь. Онъ былъ на штурмѣ (его всѣ видѣли; онъ вмѣстѣ съ Вернеромъ вынесъ изъ огня убитаго Вѣликовича), былъ на работахъ и вдругъ ему нѣтъ ничего, такъ какъ произведены такіе, которые ни въ чемъ не участвовали, но которые, конечно, тоже заслуживаютъ награды потому, что совершили трудный походъ и много вытерпѣли... Не знаете ли вы, какъ все это случилось. Мы рѣшительно не можемъ этого себѣ истолковать. Но довольно объ этомъ...

Merci за поклонъ вашъ въ письмѣ къ Залѣсскому [1]). Онъ надѣлъ эполеты. Но не знаю отчего, мнѣ все кажется, что это онъ на святки наря-

[1]) Одинъ изъ конфирмованныхъ.

дился въ офицерскій костюмъ. Не созданы мы съ нимъ ни для какого воинскаго одѣянія! И видъ у насъ совсѣмъ не того...

Новости оренбургскія, вѣроятно, вамъ сообщаются кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ вашихъ, оставшихся здѣсь, и потому я не стану вамъ о нихъ разглагольствовать слишкомъ много. Да и мало интереснаго. Въ послѣднее время маленькую сенсацію произвела только исторія трехъ зубочистокъ въ видѣ золотыхъ сабель, посланныхъ Жемчужниковымъ Курбатову, Даксергофу и Житкову [1]).

Первый принялъ подарокъ, какъ добрый малый и cousin Жемчужникова, не обидѣвшись. Даксергофъ оскорбился, но ни на Жемчужникова, а на Гарановича, которому, какъ ему сказали, принадлежитъ первая мысль этихъ подарковъ, который просилъ Жемчужникова передать ихъ. Вопзолъ не знаю, какъ принялъ, — онъ въ Уфѣ. Онъ былъ военно-пріемщикомъ, какъ вы знаете, и, говорятъ, выжилъ французской прононсіаціи не только все рекрутское присутствіе, но даже и подрядчиковъ, поставлявшихъ полушубки для рекрутовъ. Путоловъ, говорятъ, теперь произноситъ удивительно хорошо и внятно слово:—войзонъ! Вообще же здѣсь все по старому, только однимъ генераломъ стало больше,—Шиловъ, какъ вы знаете, произведенъ. Плотниковъ попрежнему ничѣмъ не обижается; Антоновъ попрежнему всѣмъ обижается. Много новыхъ лицъ появилось, но я ни съ кѣмъ не знакомъ. Вообще эту зиму я бываю только иногда у *Еккельна*; больше рѣшительно негдѣ. Нѣтъ охоты заводить новыя знакомства, а старыя разбились. Да какъ-то грустно, Викторъ Дезидерьевичъ, положеніе мое не идетъ у меня изъ головы. Лучше сидѣть дома, чѣмъ идти къ люди съ кислой физіономіей.—Вотъ здѣсь славный человѣкъ, котораго и вы знаете, *Бутаковъ*. Съ нимъ я бы желалъ быть короче, да онъ женился; а супругу его не имѣю чести знать и какъ-то боюсь знакомиться: говорятъ, *замѣчательная* женщина. Путешествовала, занималась разными предметами, вызывающими на размышленія, акварельные портреты пишетъ,—словомъ—страшно! Пожалуй, еще и Талейрановскія выраженія цитируетъ! А мы съ вами, кажется, недолюбливаемъ талейрановскихъ цитатъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ устахъ. Помните,—одну даму-талейранистку?

Но прощайте же, наконецъ, дорогой мой Викторъ Дезидерьевичъ. Поздравляю и васъ и Любовь Захаровну съ новымъ годомъ. Пошли вамъ

---

[1]) А. М. Жемчужниковъ, Курбатовъ, Даксергофъ и Житковъ, прозванныхъ „bonjour“ за привычку постоянно французить, занимали во время похода на Акъ-Мечеть нестроевыя должности, кажется, по провіантской части. Преподнесеніе имъ „золотого оружія“,—боевая награда,—шутка весьма злая.

Богъ обоимъ всего хорошаго. Поцѣлуйте за меня у Любови Захаровны ручку покрѣпче и попросите, чтобы она не забывала меня. Что касается до меня, то я сохраню навсегда самое свѣтлое и отрадное воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ съ вами прошлою зимою.

Повторятся ли опять эти дни?—Богъ вѣсть! Будьте здоровы, веселы и возвращайтесь скорѣе. Вашъ душой и сердцемъ А. Плещеевъ. Отвѣтъ напишите на имя маменьки или черезъ Еккельна".

Приписка указываетъ, что надъ письмомъ Плещеева былъ учрежденъ надзоръ; намеки на это мы встрѣтимъ и дальше. Нельзя не отмѣтить того, что Плещеевъ *просился* въ Акъ-Мечетскую экспедицію, а вовсе не былъ туда назначенъ по желанію Перовскаго, точно такъ же и въ Акъ-Мечеть онъ поѣхалъ по личной просьбѣ и гораздо позднѣе—въ 1854 году, и вовсе не былъ тамъ оставленъ тотчасъ послѣ экспедиціи, какъ увѣряютъ біографы поэта. Плещеевъ хотѣлъ какъ можно скорѣе выслужиться и вырваться изъ окружающей его обстановки.

„Общество" стояло настолько ниже его по развитію, привычкамъ, взглядамъ и интересамъ, что относиться къ нему иначе, какъ съ презрительной насмѣшкой, Плещеевъ не могъ. Весь Оренбургскій beau-monde, къ которому примкнулъ Ал. Ник. въ концѣ 1852, и въ общемъ, и въ отдѣльныхъ личностяхъ во все время переписки подвергается имъ самому жестокому осмѣянію. Слѣдуетъ добавить, что корреспондентъ его В. Д. Дандевиль въ кругу военныхъ былъ извѣстенъ какъ весьма остроумный и недурной—въ смыслѣ техники—каррикатуристъ. Послѣ его смерти сохранилась громадная тетрадь такихъ каррикатуръ и въ ней значительное мѣсто отведено оренбургскому обществу. Всѣ рисунки сдѣланы тогда же, въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ переписка являлась какъ бы иллюстраціей къ рисункамъ. И тамъ, и тутъ въ особенности достается нѣкой М. В. Гр., которую Плещеевъ именуетъ въ своихъ письмахъ „базарная генеральша", „импудика магна" и т. д. Про нее тогда уже ходило громадное количество всякихъ анекдотовъ, разсказовъ и т. п. По своему образу жизни, по своимъ курьезамъ это была „притча во языцахъ". Надо удивляться, почему ее Плещеевъ не вывелъ въ своемъ романѣ „Пашинцевъ", напечатанномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1859 г. и произведшемъ въ Оренбургѣ громадную сенсацію. Тамъ многіе узнали свои изображенія. Надо все-таки отмѣтить, что въ романѣ оренбуржцы очерчены гораздо слабѣе, чѣмъ въ интимной частной перепискѣ поэта со своимъ другомъ, въ перепискѣ, гдѣ Плещеевъ, конечно, не стѣснялся и говорилъ все, что лежало на душѣ, будучи вполнѣ увѣренъ въ скромности своего корреспондента. Вотъ еще отрывокъ изъ письма (9 ноября 1854 г.), относящійся къ оренбургскому обществу.

„Я не скажу, что-бъ я чувствовалъ большую симпатію къ богоспасаемому граду, въ которомъ вы живете; но все-таки меня очень интересуетъ все совершающееся въ немъ. Можетъ быть, это потому извѣстному закону, что въ воспоминаніи все дурное блѣднѣетъ, сглаживается и только одно хорошее выступаетъ изъ-за тумана прошлаго или, говоря словами Пушкина:

„Что пройдетъ,—то будетъ мило".

Я увѣренъ, что если бы Оренбургъ былъ обреченъ подобно библейскому городу провалиться за грѣхи свои, то Господь пощадилъ бы его для нѣсколькихъ праведниковъ, которые тамъ найдутся... А ужъ гдѣ есть хоть одинъ праведникъ, о томъ мѣстѣ всегда отрадно вспомнить.

Въ то время, когда я получилъ ваше письмо, я читалъ „Гюлливерово путешествіе", знаменитаго мизантропа Джанатана Свифта и плавалъ въ морѣ удовольствія. Что это за славная вещь! Ее обыкновенно даютъ дѣтямъ, какъ басни Крылова, какъ Донъ-Кихота; не знаю, какой умный человѣкъ выдумалъ это дѣлать. Нѣтъ глубже, нѣтъ ужаснѣе сатиры на человѣческую природу, какъ эти сочиненія трехъ геніевъ различныхъ націй. Мораль ихъ недоступна дѣтскому уму и, если-бъ молодое, неиспорченное, чистое сердце проникнуло въ сущность того, что писалъ Свифтъ, напримѣръ, какое тяжелое впечатлѣніе осталось бы въ этомъ сердце. Довѣріе, ясный, примирительный взглядъ на жизнь, свойственной молодости, идеалы, которые она носитъ въ груди своей,—все бы это, если не погибло въ зародышѣ, то, по крайней мѣрѣ, помрачилось бы значительной дозой скептицизма... Помните ли вы, Викторъ Дезидерьевичъ, этихъ лилипутовъ, этихъ великановъ, этихъ лошадей,—весь этотъ фантастическій и въ то же время истинный до наготы міръ?

Помните ли вы этого героя, который такъ великъ у лилипутовъ и такой нравственный лилипутъ у великановъ! Вотъ книга, написанная, по выраженію Гоголя, сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя слезы...

Но простите мнѣ, что я говорю о томъ, что вовсе не идетъ къ дѣлу. Дѣло-то въ томъ, что я,—какъ уже сообщилъ,—получилъ ваше письмо въ то время, когда гулялъ воображеніемъ въ области лилипутовъ...

Вѣроятно, книга Свифта произвела на меня такое впечатлѣніе, что всѣ предметы мнѣ казались въ какомъ-то особенномъ колоритѣ... Читая ваше письмо, мнѣ думалось, что это все продолженіе лилипутовъ, что вы пишете мнѣ не изъ Оренбурга, а изъ столицы лилипутовъ, что Кузьминскій, Антиповъ, Бларамбергъ, Stervosa impudica magna, дама въ халатѣ Сужи-Бека и m-me Пахабина [1]),—все это лилипуты. Какъ не старался я увѣ-

[1]) Та самая особа, которая выведена въ романѣ Пашинцева подъ именемъ Карачѣевой.

рить себя въ противномъ, какъ не старался отогнать отъ себя эту глупую мысль, какъ не ругалъ себя за то, что воображеніе (которое мнѣ вѣчно гадило) сдѣлало изъ такихъ почтенныхъ, умныхъ, а главное, значительныхъ лицъ - лилипутовъ! Странно даже, какое обаяніе производитъ литературное произведеніе! Это просто дьявольское навожденіе, въ родѣ магнетизма и танцующихъ столовъ! Даже и теперь, когда я пишу къ вамъ эти строки, мнѣ сдается, что Николай Кирилычъ, Даксъ и Мышкинъ [1])—тѣ самые лилипуты, которые прыгали черезъ палочку, плясали на натянутой ниткѣ и тѣмъ стяжали себѣ весьма выгодныя и почетныя должности и даже самъ баронъ... [2]). Но слава Богу, въ эту минуту я встрѣтилъ батюшку; онъ благословилъ меня и благословеніе его изгнало изъ меня новую нечестивую мысль, новое нечестивое сравненіе, которое уже готово было перейти на бумагу, въ письмо къ В. Д. Дандевилю.

Довольно, довольно о лилипутахъ,—еще разъ простите!"

Въ письмахъ Плещеева мы находимъ не мало страницъ, посвященныхъ оренбургскому обществу, но приведеннаго нами письма совершенно достаточно для обрисовки оренбургскаго общества, но чтобы пополнить картину, слѣдуетъ указать и на то, что переносилъ отъ него Плещеевъ.

Письмо отъ 21 февраля 1856 г. начинается слѣдующими строками:

„Насилу-то я дождался отъ васъ письма, мой добрый Викторъ Дезидерьевичъ. Признаюсь, я начиналъ уже думать, что вы измѣнились ко мнѣ, что, можетъ быть, мои частыя просьбы наскучили вамъ или *какой-нибудь благонамѣренный господинъ подслужился и насплетничалъ на меня*".

Затѣмъ, еще раньше въ ф. Перовскомъ разыгралась исторія, которая прямо-таки вывела изъ себя Плещеева. О ней А. Н. пишетъ въ письмѣ отъ 21 сентября 1855 г.:

„Сегодня узналъ стороной и отъ очень вѣрнаго человѣка, что въ *ареопагѣ*, составленномъ изъ Кутлера, Кирѣевскаго и Тутолмина [3]) было говорено обо мнѣ: „что весьма *подозрительно*, что я пишу къ вамъ такъ часто и такія длинныя письма (какъ они знаютъ, что длинныя?) и что должно быть я *доношу* вамъ о всемъ, происходящемъ здѣсь". Что вы объ этомъ скажете, Викторъ Дезидерьевичъ?

„Что касается меня, то признаюсь, что это меня сначала разстроило, но потомъ, когда я размыслилъ хорошенько, то увидѣлъ, что глупо было

---

[1]) Лица, приближенныя къ генералъ-губернатору.

[2]) Полковникъ, потомъ генералъ-маіоръ баронъ Фитингофъ, начальникъ Сыръ-Дарьинской укрѣпленной линіи, о немъ рѣчь впереди.

[3]) Кутлеръ состоялъ при генералѣ Віарно; Тутолминъ—военный врачъ въ фортѣ Перовскомъ.

бы дорожить мнѣніемъ такихъ господъ, которые здѣсь даже сдѣлались общимъ посмѣяніемъ и никѣмъ нетерпимы (кромѣ Кирѣевскаго, который держитъ себя какъ порядочный человѣкъ, и который, кажется, въ приведенномъ мной разговорѣ былъ слушателемъ). Когда пріѣду въ Оренбургъ, то при удобномъ случаѣ выскажу Кутлеру нѣкоторыя рѣзкія истины. Теперь рано и могу себѣ этимъ нагадить. Писать къ вамъ вслѣдствіе ихъ сужденія я все-таки не перестану. *Доносить* вамъ о томъ, что такой-то и такой-то нуждается въ вашей помощи и проситъ о вашемъ содѣйствіи тоже буду постоянно, потому что вы мнѣ дали разрѣшеніе на это, и не разъ уже по моимъ просьбамъ дѣлали добро людямъ, находящимся въ степи. И пусть ихъ называютъ это какъ имъ угодно. Я буду имѣть также полное право назвать *какъ мнѣ угодно*, всѣмъ и каждому, тѣ благородные поступки ихъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ! А все-таки скучно на этомъ сѣромъ свѣтѣ, Викторъ Дезидерьевичъ".

Остановимся еще на отзывахъ Плещеева о мѣстномъ Юпитерѣ, который долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на судьбу Ал. Ник., объ оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Василіи Алексѣевичѣ Перовскомъ, получившемъ графское достоинство за взятіе Акъ Мечети.

Письмо же отъ 1-го марта 1855 г. Ал. Ник. начинаетъ слѣдующей фразой:

„Добрѣйшій Викторъ Дезидерьевичъ! Съ нынѣшней почтой узналъ я черезъ Сливинскаго, что *я не представленъ*, и что графъ сдѣлалъ отмѣтку такого рода противъ моего имени: его еще рано представлять". Плещеевъ былъ уже 6-й годъ въ ссылкѣ.

Въ письмѣ отъ 24 мая 1855 г., говоря о томъ, что его мать собирается подать прошеніе на Высочайшее имя о помилованіи и только ждетъ его мнѣнія, Плещеевъ далѣе пишетъ: „чтобы какъ-нибудь не навлечь на меня неудовольствія В. А., который, говорятъ, не любитъ, когда просятъ мимо него". И въ томъ же письмѣ далѣе: — „Милости В. А. не всегда простираются на тѣхъ, которыя наиболѣе въ нихъ нуждаются".

Въ письмѣ отъ 10 октября по поводу одной изъ многочисленныхъ просьбъ, сказано:—„Просить графа онъ не рѣшается. Да и дѣйствительно, В. А. можетъ разсердиться. Но если бы кто изъ близкихъ къ нему походатайствовалъ,—дѣло могло бы устроиться".

Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1856 г. находимъ:—„Говорятъ, что В. А. ѣдетъ въ Петербургъ на коронацію. Это хорошо: онъ можетъ много добраго сдѣлать своимъ присутствіемъ при дворѣ для Оренбургскаго края".

Наиболѣе интересный эпизодъ, относящійся къ Перовскому, находимъ въ письмѣ отъ 11 мая 1855 г.

„Я уже писалъ вамъ, что баронъ представилъ многихъ изъ насъ.

Дадутъ ли хоть теперь этимъ представленіямъ ходъ? Маменька писала мнѣ изъ Петербурга и спрашивала совѣта, что дѣлать. До полученія еще манифеста я совѣтовалъ подать ей прошеніе на Высочайшее имя. Думаю, что это путь самый вѣрный и лучшій. Но теперь, если безъ этого можно обойтись, то и хорошо. Подобныя démarches нужно оставлять на самые крайніе случаи.

Въ спискѣ представленныхъ барономъ находятся почти всѣ унтеръ-офицеры изъ конфирмованныхъ, служащіе здѣсь. Нѣтъ только одного, о которомъ я хотѣлъ попросить васъ, хоть онъ и пишетъ самъ нынче къ В. А. Его не помѣстили въ этотъ списокъ не потому, чтобы онъ не заслуживалъ этого, но потому, что герольдія не утвердила правъ его, и ему нужно служить 12 лѣтъ. Не знаю, что скажетъ на его письмо В. А. Поддержите, если можно, Викторъ Дезидерьевичъ! Это добрый, простой, усердный малый, котораго положеніе очень не завидно. Фамилія его Урбановичъ. Это тотъ самый, о которомъ мать писала: mon aimable fils clement. Помните, прошлаго или третьяго года Вас. Ал. всѣмъ для потѣхи читалъ ея письмо и „кажется, для потѣхи произвелъ его въ у.-о.“ Чтобы ей еще написать такое письмецо! Le rire est souvent bien faisant. И комическое воспоминаніе объ этомъ письмѣ могло бы сдѣлать болѣе всякихъ просьбъ. Mon aimable fils—теперь пошелъ преслѣдовать коканцевъ, которые что-то часто появляются въ нашихъ предѣлахъ. (Пошла четвертая рота и казаки подъ личнымъ предводительствомъ барона). Вы можете изъ этого видѣть, что онъ ищетъ случая отличиться. Не знаю, какъ онъ писалъ, бѣдный, къ В. А., но я ему совѣтовалъ написать по примѣру матери Illustre general. Шутки въ сторону... Вы не сердитесь на меня, что я вамъ пишу о всѣхъ и о каждомъ. Меня просятъ—и я дѣлаю, предупреждая всѣхъ, что за успѣхъ не могу ручаться. Мое убѣжденіе такое, если представляется случай сдѣлать добро—нужно всегда попытаться. Если не удастся—не моя вина. Моя совѣсть спокойна. Я понимаю, что Вы очень заняты, что вамъ нельзя помнить и просить о всѣхъ... Если вы изъ десяти моихъ просьбъ исполните двѣ, то и тогда я буду доволенъ, что черезъ мое посредничество сдѣлались хоть два добрыя дѣла. Вы, можетъ быть, скажете, что я навязчивъ, что я наскучаю... Согласенъ. Одно circonstance attenuante буду я имѣть въ запасѣ, что я прошу о другихъ, не о себѣ. Это все-таки не такъ совѣстно“.

Для оцѣнки отзывовъ Плещеева о Перовскомъ нужно принять во вниманіе два обстоятельства. Съ одной стороны, какъ не былъ близокъ Плещеевъ съ Дандевиль, все же онъ, должно быть, стѣснялся вполнѣ откровенно высказывать свои мнѣнія о начальникѣ послѣдняго, у котораго тотъ къ тому же пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Конечно, А. Н. не боялся въ данномъ случаѣ, что его мнѣніе, высказанное по дружбѣ,

будетъ передано Перовскому, а просто считалъ полную откровенность неудобной, неделикатной. Съ другой же стороны надо отмѣтить, что всѣ приведенные факты, говорящіе не въ пользу Перовскаго, произошли съ „конфирмованными", съ „политическими преступниками", разжалованными въ солдаты. Во всей перепискѣ нѣтъ ни одного указанія, чтобы Оренбургскій генералъ-губернаторъ подобнымъ образомъ относился къ кому-либо изъ офицеровъ служащихъ.

Перовскій былъ прежде всего grand seigneur, олимпіецъ, немного капризный, немного взбалмошный. Онъ могъ быть рыцаремъ au bout des ongles, въ обращеніи съ дамами, добрый; великодушный и справедливый начальникъ относительно ближайшихъ подчиненныхъ, онъ не могъ снизойти до какихъ-то тамъ солдатъ, ссыльныхъ рядовыхъ. Для этого Перовскій былъ слишкомъ большой баринъ. Онъ могъ по собственному капризу принимать кого-нибудь изъ этихъ мелкихъ сошекъ, но одновременно могъ и забыть о данномъ обѣщаніи другому, хотя бы такая забывчивость тяжело отзывалась на существованіи этого другого. Стоило ли думать о такой мелочи! Прибавьте къ этому, что Перовскій являлся полнымъ, верховнымъ распорядителемъ надъ судьбами „конфирмованныхъ", на котораго даже жаловаться некуда было.

II.

Плещеевъ въ фортѣ Перовскомъ.—Внѣшнія условія жизни.—Начальство и сослуживцы.—Походы.—Кокандцы и прочія развлеченія.

Письма Плещеева изъ Акъ-Мечети за 1854—1856 гг. даютъ яркую картину жизни русской колоніи на границѣ нашихъ владѣній, лицомъ къ лицу съ кочующими и воюющими инородцами. Эта картина имѣетъ и общее историческое и бытовое, и спеціальное значеніе въ исторіи политической ссылки. Много разъ описывались различныя мѣста окраинъ и Сибири, бывавшія мѣстами ссылки, но Акъ-Мечеть—несомнѣнно, одно изъ своеобразнѣйшихъ ссылочныхъ мѣстъ.

Что же такое Акъ-Мечеть, переименованная въ ф. Перовскій и связанная съ ней укрѣпленная Сыръ-Дарьинская линія?

Она являлась замѣной бывшей Оренбургской укрѣпленной линіи. По мѣрѣ нашего движенія въ глубь Средней Азіи мы переносили и линію укрѣпленій, выставляли отдѣльные форпосты, имѣя намѣреніе въ будущемъ сомкнуть ихъ съ линіей, идущей изъ Сибири. Это намѣреніе въ 60-хъ годахъ привело, какъ извѣстно, къ завоеванію Туркестана, Ташкента и позднѣе—большей части Хивинскаго, Бухарскаго и всего Кокандскаго ханствъ.

Всѣ эти Казалы, ф. Перовскій, Раимъ, Кошъ и т. д. представляли изъ себя глинобойныя укрѣпленія, занятыя гарнизономъ въ 1—4 роты съ нѣсколькими орудіями и небольшими отрядами кавалеріи.

Въ военномъ отношеніи ф. Перовскій никуда не годился, а онъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ во всей линіи укрѣпленій. Правда, нашими противниками являлись разбойничьи шайки туркменъ, киргизъ, да нестройныя, плохо вооруженныя скопища кокандцевъ—противники, не страшные для любого регулярнаго войска. А какъ жилось въ этой бывшей кокандской крѣпости, объ этомъ узнаемъ изъ слѣдующаго огромнаго письма Плещеева.

„Вы очень интересуетесь знать про наше житье-бытье и хотите, чтобы я сообщилъ вамъ о всемъ, что здѣсь происходитъ. Но какъ однообразна эта жизнь,—если бъ вы знали! Здѣсь все, какъ по рецепту. Можетъ быть, вы желали бы узнать, какія здѣсь сходки, вечера, собранія? Если описать вамъ одинъ, то вы будете имѣть понятія обо всѣхъ; на всѣхъ—неизбѣжный ералашъ, неизбѣжная водка (которую мы называемъ sanctus spiritus), неизбѣжные разговоры о нашихъ мѣстныхъ интересахъ. Дамы на сборищахъ не участвуютъ; онѣ больше *промежъ себя*. Иногда вечеръ разнообразится небольшимъ банчикомъ. Не пугайтесь!.. Страсти не слишкомъ здѣсь разыгрываются,—банкъ обыкновенно бываетъ отъ 10 до 20 цѣлковыхъ, не больше, а понтеры ставятъ отъ полтинника до пятачка серебра. Вы видите, въ какихъ миніатюрныхъ размѣрахъ производится эта страшная игра. Что до меня, то я предпочитаю всѣмъ играмъ палки [1]) (солдатскій вкусъ,—сказалъ бы охотникъ до плохихъ каламбуровъ). Другого рода разнообразіе—пѣсни... Молодежь собирается въ кружокъ и запѣваетъ хоромъ русскія или малороссійскія пѣсни (по большей части *скоромнаго* содержанія), а иногда и сентиментальные романсы, въ которыхъ обыкновенно отвергнутый любовникъ жалуется на жестокость какой-нибудь неземной дѣвы—и *тоска* неизбѣжно рифмуется съ гробовой доской. Въ скоромныхъ пѣсняхъ главное лицо Сашка Щербачевъ [2]). Это преживой мальчуганъ, большой охотникъ пошкольничать и въ шалостяхъ его всегда есть что-то ребячески граціозное. Сердце у него славное и способности пребойкія; баронъ, несмотря на всѣ старанія, кажется, не сдѣлаетъ изъ него *идеальнаго* адъютанта. А идеалъ барона—это юноша, который, во-первыхъ, не куритъ (курить въ его присутствіи запрещено; я тоже былъ разъ въ опалѣ за то, что осмѣлился при баронѣ закурить трубку, находясь вечеромъ вмѣстѣ съ нимъ у майора); во-вторыхъ, держится прямо

[1]) Палка—особая азартная игра въ карты.

[2]) Одинъ изъ пріятелей Плещеева, адъютантъ начальника укрѣпленной линіи.

и не позволяетъ себѣ ни въ какомъ случаѣ облокотиться; въ третьихъ, за обѣдомъ беретъ съ блюдъ какъ можно меньше и передъ обѣдомъ не пьетъ водки; наконецъ, — верхъ порядочности и идеальности — быть всегда герметически застегнутымъ и избѣгать какъ можно больше всякихъ товарищескихъ сходокъ. У барона вечера бываютъ рѣдко; на нихъ собираются только la crême de la société, — Осмоловскій [1]), майоръ Барыковъ [2]) и инженеръ Сильманъ (онъ попалъ въ сливки потому, что ученаго вѣдомства). На этихъ вечерахъ все обстоитъ необыкновенно *чинно* (присутствующіе употребляютъ другое слово). У барона на дняхъ была съ Барыковымъ исторійка, о которой писать не смѣю; вы ее узнаете отъ самого Барыкова. Онъ далъ славный урокъ барону, за который гарнизонъ скажетъ ему въ душѣ крѣпкое спасибо. Кстати, о Барыковѣ. Онъ премилый и обязательный человѣкъ. Держитъ себя прекрасно, просто, благородно, скромно,—словомъ, обладаетъ всѣми качествами, которыхъ не достаетъ его кузену—Кутлеру.

Этотъ господинъ имѣлъ страшныя, недосягаемыя претензіи, во-первыхъ, на ученость, во-вторыхъ, на донъ-жуанство. Ему какъ-то посчастливилось въ Оренбургѣ съ одной дамой, извѣстной своей необыкновенной снисходительностью, и онъ объ этомъ разсказываетъ à qui veux l'entendre съ неподражаемымъ фатаствомъ и, кажется, „вполнѣ убѣжденъ, что предъ нимъ Аполлонъ—морда!“ За то докторъ Любомудровъ [3]), который самъ тоже Донъ-Жуанъ не изъ послѣднихъ, вспоминая о немъ, всегда говоритъ: „молодецъ“! Надо было послушать, какъ Кутлеръ разсказывалъ Харитонову и Соколову [4]) о своихъ артиллерейскихъ подвигахъ; тѣ люди смыслящіе кое-что и себѣ на умѣ, но никогда ему не возражали и оставляли его въ убѣжденіи, что онъ пустилъ имъ пыль въ глаза. Но потомъ разбирали его разсказы по ниточкѣ съ простымъ, здравымъ смысломъ, котораго у нихъ едва ли не больше, чѣмъ у него.

Изъ устъ баронскихъ выливаются часто изреченія, достойныя Конфуція, Магомета и другихъ великихъ мудрецовъ. Гарнизонъ хочетъ вырѣзать ихъ на мраморныхъ доскахъ золотомъ и повѣсить въ билліардной залѣ, когда таковая будетъ.

А кстати: на будущій годъ гарнизонъ выписываетъ почти всѣ русскія журналы и газеты, выписываетъ билліардъ, военную игру, шахматы, эспадроны... Это можетъ вамъ показать, что наклонности у гарнизона болѣе

---

1) Завѣдующій туземнымъ киргизскимъ населеніемъ.

2) Адъютантъ Перовскаго; видимо, временно былъ командированъ въ фортъ.

3) Мѣстный военный врачъ, котораго въ 1855 г. смѣнилъ Тутолминъ.

4) Офицеры артиллеристы въ Оренбургѣ.

благородныя и что не въ пьянствѣ, буйствѣ и ночномъ шатаніи ищутъ развлеченія отъ скуки...

Но извините, что я, вмѣсто того, чтобы описывать вамъ собственно бытъ нашъ, толкую о Фитингофѣ. Какъ быть! — Онъ, подобно Людовику XIV-му, можетъ сказать:—l'état c'est moi, т. е. *линія*—это я. Всѣ интересы сосредоточиваются въ немъ; онъ заслоняетъ собой всѣ другія личности. Это—колоссъ, предъ которымъ всѣ пигмеи. Въ настоящую минуту онъ уѣхалъ куда-то, говорятъ—въ Джулекъ, а недавно ѣздилъ инспектировать свои глиняные горшки—Кошъ и Кумышъ-Курганъ [1]). Въ его отсутствіе все принимаетъ здѣсь веселый и довольный видъ, всѣ отдыхаютъ нравственно и физически. Вчера былъ у насъ баталіонный праздникъ [2]). Баталіонъ послѣ долгихъ лѣтъ былъ, наконецъ, въ полномъ сборѣ или почти въ полномъ. По утру происходилъ парадъ (со знаменемъ), на которомъ батюшка произнесъ приличную рѣчь, а потомъ пошли всѣ къ майору и наѣлись такъ, что, кажется, недѣлю ѣсть не захочется. День закончился картами у него же; а нынче пишу къ вамъ изъ караула, куда я хожу каждую недѣлю разъ за офицера, по недостатку сихъ послѣднихъ. Вы спрашиваете,—какъ переносили время недостатка въ провіантѣ?—Весьма спокойно. Офицеры не чувствовали этого недостатка,—у всѣхъ былъ запасъ выписанныхъ изъ Оренбурга припасовъ, а солдаты, хлебая теплую воду съ мясомъ, отшучивались и желали, чтобы коканцы пришли поскорѣй, да принесли съ собой опять побольше провіанту. Тогда, говорятъ, халатовъ понавезли, а теперь крупы привезутъ. Духъ у здѣшняго баталіона чудный, Викторъ Дезидеріевичъ, и, право, напрасно говорятъ, что они распущены. Буйство ихъ состоитъ въ томъ, что они не дадутъ какому-нибудь прапорщику или даже пьяному капитану понапрасну надъ ними тѣшиться, т. е. бить и драть тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ кресты и нашивки... такъ вѣдь это и высшее начальство не дозволяетъ. А какіе у нихъ офицеры-то были въ прошломъ году! Вѣдь эти господа публично другъ друга по рожѣ хлестали, въ грязи пьяные валялись, воровали другъ у друга деньги; вѣдь это позоръ былъ! Какое же имѣетъ право требовать повиновенія и уваженія къ себѣ офицеръ, подающій самъ примѣръ всякой гадости. Слава Богу, этихъ офицеровъ теперь нѣтъ, и тѣ, которые ихъ замѣнили, люди съ чувствомъ достоинства и чести. Времена Эйсмондовъ, Смиріяновыхъ,

---

[1]) Джулекъ. Кошъ и Кумышъ-Курганъ—форты на Оренбургской линіи имѣвшіе глинобитныя стѣны.

[2]) 8-го ноября день Архистратига Михаила.

[3]) Обыкновенно лин. баталіоны разбивались на отдѣльныя роты для занятія мелкихъ фортовъ.

Лифляндовъ, Алексѣевыхъ прошли и авось-ли возвратятся. Теперь солдатъ уже не выкажетъ неуваженія къ своему офицеру.

И признаюсь вамъ, что я никакъ не могу согласиться, чтобы необходимо было стѣснять нашихъ солдатъ, сажать ихъ на гауптвахту за разстегнутый крючекъ, запрещать имъ носить шинель въ накидку сверхъ мундира, когда холодно и безпрестанно толковать имъ, что они мерзавцы, съ которыхъ нужно шкуру драть, что 4-ый баталіонъ—извѣстные негодяи. Однакожъ, эти негодяи умѣютъ умирать за своего царя, когда придетъ время; умѣютъ сносить нужду и лишенія безъ ропота, съ веселымъ лицомъ. Баронъ, какъ всѣ кавалеристы, не терпитъ пѣхоты,—это вовсе не доказываетъ, чтобы пѣхота была дѣйствительно дурна.

На зиму солдаты построили себѣ изъ дерну казармы и помѣщенія для всѣхъ офицеровъ. Сами возили дернъ на своихъ быкахъ, сами работали,—иногда по ночамъ, потому что днемъ заняты были крѣпостной работой. Теперь, когда пришло время смотровъ, несмотря на то, что ученья никогда не бываетъ, фрунтовая часть не уступаетъ здѣсь линіи.

Въ караулъ ходятъ черезъ два дня: смѣнятся изъ караула,—идутъ на работу; пришли съ работы,—идутъ въ ночные: тѣ ѣдутъ за лѣсомъ, тѣ идутъ плести маты, тѣ—косить сѣно;—однимъ словомъ—всѣ постоянно трудятся и не жалуются на свое житье: посмотрите, какія славныя построены конюшни, сколько накошено сѣна, и вы подивитесь, когда все успѣли сдѣлать эти солдаты. А что сдѣлали казаки, это прославленное уральское войско?

Простительно, право, если въ праздникъ солдатъ выпьетъ лишнюю чарку водки и нашумитъ, не сдѣлавъ никому вреда!..

Башкирцы [1]) (тоже славные, неутомимые работники) построили себѣ,—какъ и солдаты,—бараки, но не достало лѣсу покрыть ихъ, и они живутъ пока въ двойныхъ кибиткахъ. Они, бѣдные, сильно хвораютъ. Нѣсколько человѣкъ уже отправились на тотъ свѣтъ.

Хотите-ли, чтобы я описалъ вамъ Акъ-Мечетскій комфортъ?—Извольте. Лучшія квартиры здѣсь у начальника линіи, у начальника форта, у Осмоловскаго. Баронъ убралъ свою комнату со вкусомъ,—повѣсилъ гардины, портьеры, оклеилъ обоями.

У Скальмовскаго нѣтъ этого великолѣпія, но хорошая, большая комната,—выбѣленная и высокая. Осмоловскій самъ соорудилъ себѣ домикъ, состоящій изъ пріемной, гдѣ онъ принимаетъ киргизъ (которыхъ у него вѣчно—толпа) и небольшого кабинета, тоже оклееннаго обоями. У него даже цѣльныя стекла въ окнахъ. Потолокъ выложенъ матами и покрытъ

[1]) Тогда существовало особое „Башкирское“ войско.

холстомъ. Вообще его квартира теплая, свѣтлая, уютная. Осмоловскій пользуется большимъ уваженіемъ у киргизъ и, кажется, вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Но онъ нѣсколько оскорбленъ, что за Кулесуатъ, гдѣ онъ самъ участвовалъ, и за послѣднее дѣло, онъ ничего не получилъ, и что даже В. А., кажется, на него сердится; тутъ много виноватъ Огаревъ, писавшій нелѣпыя донесенія, несогласныя съ донесеніями Осмоловскаго.—Я помѣщаюсь съ Сливинскимъ, Котурьенко и Моткевичемъ [1]).

Мы тоже соорудили себѣ изъ сырцоваго кирпича нѣчто въ родѣ дома, немножко сырого, мрачнаго, съ землянымъ поломъ, но все-таки въ немъ лучше, чѣмъ въ кибиткѣ. У насъ три комнатки, и въ каждой по камину. Отъ множества трубъ на крышѣ наше жилище походитъ на сахарный заводъ. Сожители мои—люди прекрасные. Особливо Сливинскій—необыкновенно деликатная, добрая, благородная натура. Мы живемъ себѣ тихо, покойно. По вечерамъ, когда нигдѣ нѣтъ сборища, сижу себѣ и читаю. А, право, это большое наслажденіе сидѣть вечеромъ передъ ярко пылающимъ камелькомъ, куря сигару (хотя и отвратительную) и читая книгу или ведя тихій, задушевный разговоръ съ двумя-тремя добрыми людьми. Вы не повѣрите, какъ я сочувствую этимъ стихамъ Лермонтова:

Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
По утру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Я все больше и больше ощущаю въ себѣ потребность семейной жизни,—все способнѣе и способнѣе чувствую себя къ ней. Ей-Богу, кажется, вырвавшись изъ моего настоящаго положенія, постараюсь поскорѣе жениться. Какъ вы посовѣтуете, Викторъ Дезидеріевичъ? Не начать ли пріискивать невѣсту? Похлопочите хоть вы для своего знакомаго. Завидно, что всѣ женятся...

Все, что вы мнѣ пишите о войнѣ,—какъ нельзя болѣе справедливо, и я съ вами вполнѣ согласенъ. Я даже на эту тему когда-то написалъ вирши (онѣ находятся въ тетрадкѣ, оставленной мною у Л. З.), которыя назвалъ „*Послѣ чтенія газетъ*“ [2]). Да! время войны—потерянное время для человѣчества,—по крайней мѣрѣ такой войны.

Грустно читать все это. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ газетъ, которыя привезутъ намъ извѣстія объ участи Крыма.

Что вы читаете, мой дорогой? Я въ послѣднее время многое перечелъ;

---

[1]) Офицеры 4-го баталіона.

[2]) Это стихотвореніе подъ тѣмъ же заглавіемъ вошло въ полное собраніе сочиненій Плещеева.

сдѣлалъ значительные успѣхи въ языкѣ Шиллера, Гете и барона Фингофа и научился языку польскому, на которомъ есть тоже вещи биньякши [1]) (Мицкевичъ—напримѣръ). Прочелъ ваши „Memoires de M-me Roland“, нѣсколько историческихъ сочиненій и романовъ. Кромѣ того читаю аккуратно русскіе журналы и рекомендую вамъ въ „Современникѣ“ повѣсть Тургенера—„Затишье“, и разсказъ Писемскаго—„Фанфаронъ“; очень умны; въ обѣихъ выведены на сцену лица чрезвычайно живыя, типическія.

Не пора ли мнѣ, однако же, кончить. Вѣдь васъ тоска одолѣетъ, читая такое письмо; оно еще длиннѣе перваго. Я, рѣшительно, посылаю къ вамъ не письма, а тетради.

Кончаю письмо мое просьбой. Надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня. Вы сами дали мнѣ позволенье тревожить васъ,—такъ на себя и пеняйте“...

Нельзя не отмѣтить, сравнительно, бодрый тонъ цитированнаго письма. Плещеевъ, видимо, доволенъ, что вырвался изъ Оренбурга, и первые полъгода, проведенные въ ф. Перовскомъ, чувствовалъ себя хорошо. И дѣйствительно, — служба была для него гораздо легче, офицеры-сослуживцы попались хорошіе, съ начальствомъ былъ въ самомъ лучшемъ отношеніи,— даже жилъ вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ командиромъ,—да, наконецъ, и перемѣна обстановки, болѣе или менѣе здоровый климатъ,—все вмѣстѣ на первыхъ порахъ должно было благотворно дѣйствовать на душу поэта, но только лишь на первыхъ порахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ письма его дѣлаются сумрачнѣе, желчнѣе, и отчаяніе,—острое, невыносимое,—все чаще и чаще звучитъ въ ихъ строкахъ.

Немудрено, что въ подобной обстановкѣ, вдали отъ какого бы то ни было другого поселка, среди необозримыхъ степей, жизнь должна была итти монотонно, скучно до невозможности. Плещеевъ ярко очерчиваетъ въ немногихъ строкахъ обычное времепрепровожденіе гарнизона. Изрѣдка однообразіе существованія скрашивалось пикниками, праздниками, охотами, да недалекими экспедиціями въ степь противъ кокандцевъ или разбойничьихъ шаекъ. Каждую такую экспедицію Плещеевъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, принималъ въ ней участіе. Все это для него являлось случаемъ отличиться, заслужить „офицерскіе эполеты“, а съ ними „прощеніе вины“, что давало надежду на скорую возможность вырваться изъ нестерпимой обстановки.

Въ своихъ письмахъ Плещеевъ даетъ подробныя описанія всѣхъ тѣхъ „развлеченій“, которыя хотя немного скрашивали жизнь.

Въ письмѣ отъ 1-го декабря 1854 г. онъ пишетъ: „На-дняхъ ѣздили

[1]) Биньякши—по-киргизски—очень хорошо.

я въ командировку въ фортъ № 3, куда генералъ поручилъ одному офицеру доставить провіанты, и потомъ,—нѣсколько далѣе,—на рубку лѣса. Мы прожили двое сутокъ въ этомъ фортѣ... Я совершилъ свой походъ довольно весело; только на обратномъ пути мы долго были задержаны переправой, потому что стоялъ сильный вѣтеръ; тутъ мы испытали кой-какія *тревожныя* ощущенія, которыми, впрочемъ, не мѣшаетъ разнообразить монотонное существованіе наше. Безъ меня здѣсь происходила генеральная охота съ великолѣпнымъ обѣдомъ, который давалъ генералъ. На охотѣ убили до 70 фазановъ. Потомъ былъ раутъ у Осмоловскаго съ дамами, съ чибизгой [1]), съ яблоками и ералашемъ. „Матушка“ [2]) faisant les honneurs de la maison,—хозяйничала“.

10 февраля 1855 г. Плещеевъ сообщаетъ о новомъ походѣ:

„...Мы совершили походъ, но походъ неудачный... Насъ захватилъ морозъ, какой здѣсь никогда не бываетъ,—до 28 градусовъ. Кибитокъ у насъ не было, и уже на позиціи киргизы привезли двѣ кибитки [3]), но *безъ кошмъ*. Судите же, каково намъ было ночевать! Многіе познобили себѣ ноги. Баронъ, впрочемъ, не совсѣмъ виноватъ. Мы вышли въ теплое время и трудно было ждать такихъ морозовъ:—оттого люди не запаслись теплой обувью. Досаднѣе всего, что мы прошлись даромъ. Кокандцы снюхали и ушли. А говорятъ, былъ порядочный отрядъ, при двухъ орудіяхъ. Мы, грѣшные (aux qui sont hors des lois), обрадовались было: авось, думали себѣ, подеремся, гдѣ драка—тамъ и отличіе. Не тутъ-то было! Прогулялись верстъ за 60, да и вернулись назадъ съ неразряженными ружьями послѣ разныхъ горестныхъ приключеній. Въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ-три ночи, проведенныя въ степи, хуже всего Акъ-Мечетскаго похода! Тогда мы два мѣсяца шли припѣваючи, а теперь недѣля показалась за мѣсяцъ. Хорошо, что на пути у насъ находился Бирубайскій постъ, гдѣ выстроены порядочная офицерская хатка и казармы для казаковъ; всѣ тамъ обогрѣлись и послѣ двухъ безсонныхъ ночей пріятно было растянуться хоть и на полу, да въ теплѣ. Баронъ былъ въ большомъ огорченіи отъ этихъ неудачъ и до сихъ поръ не спокоенъ,—какіе будутъ результаты. Мало того, что люди познобили ноги, но еще какой-то неловкій верблюдъ, поскользнувшись на льду, упалъ и разбилъ семь котловъ! Рота ходила третья, которой *командиръ Сливинскій*; кромѣ меня, находящагося въ этой

---

[1]) Особый киргизскій музыкальный инструментъ, нѣчто въ родѣ рожка или флейты.

[2]) Матушка, т. е. жена мѣстнаго священника.

[3]) Кибитка-юрта—переносное жилище номадовъ, состоящее изъ деревянныхъ рѣшетокъ для остова и войлока (кошмъ), которыми онъ обтягивается.

ротѣ,—участвовали всѣ почти конфирмованники изъ всего баталіона. Первухинъ [1]) показалъ тутъ большую дѣятельность. Самъ въ халатѣ, въ чамбарахъ [2]) и малахаѣ скакалъ съ своимъ киргизскимъ отрядомъ; поймалъ какого-то лазутчика; заставилъ киргизовъ подарить отряду, пришедшему для ихъ защиты, нѣсколькихъ барановъ и проч. проч. проч.".

Въ письмѣ отъ 22 февраля:—„У насъ ничего новаго. Собираются, играютъ въ карты, устраиваютъ разныя partie de plaisir *за городъ*. Вчера, напримѣръ, задалъ намъ пиръ одинъ киргизскій *бій* [3]) Кумбай. Накормилъ и напоилъ насъ (только не виномъ) на славу. Вообще эта поѣздка въ аулъ была довольно пріятна и, главное, оригинальна. Можно бы даже въ „Уфимскихъ Вѣдомостяхъ" статейку бы тиснуть, мѣстнаго колорита подбавить и вышло бы весьма занимательно. Вѣдь писалъ же Евреиновъ о какомъ-то калмыцкомъ праздникѣ въ „Современникѣ". Гастрономамъ бы понравился порядокъ блюдъ;—сперва подавали лакомства: кишмишъ, конфекты бухарскія и проч., потомъ пельмени, потомъ самку, потомъ чай, потомъ пловъ, потомъ кислое молоко, потомъ баранину; въ заключеніе былъ даже кофе со сливками. Впрочемъ, этимъ мы одолжены заботливости M-me Первухиной, которая тоже была тамъ и запаслась всѣмъ нужнымъ. Нѣмка, безъ кофе ни на шагъ".

Такими отчетами объ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ полны письма перваго года пребыванія въ Акъ-Мечети, но на второй годъ новизна впечатлѣній сгладилась, а остались одни сѣрыя будни, и письма Плещеева проникаются щемящей тоской и грустью.

21 іюня онъ писалъ:

„Въ послѣднее время,—признаюсь вамъ,—мнѣ было здѣсь сильно скучно. Начинаетъ мнѣ противѣть эта степная жизнь. Все одно и тоже—каждый Божій день. Та же мертвая природа, тѣ же разговоры о мѣстныхъ интересахъ, та же водка, тѣ же карты, тѣ же барыни, тѣ же сплетни (этихъ послѣднихъ все же меньше въ сравненіи съ другими мѣстами). И какъ подумаю, что еще, можетъ быть, долго, долго придется вести это кочевое, бродячее существованіе, вращаться въ сферѣ, для которой я не созданъ и къ которой не имѣю никакого влеченія; какъ оглянешься на свое прошлое—въ которомъ тоже почти не на чемъ отдохнуть сердцу—такъ, право, одолѣваетъ тоска невыносимая, и поневолѣ скажешь съ Лермонтовымъ, что „жизнь пустая и глупая шутка", какъ ни опошлились эти слова въ устахъ людей, страдающихъ избыткомъ здоровья и всякихъ житейскихъ

---

[1]) Завѣдывалъ киргизами послѣ Осмоловскаго.

[2]) Кожаные шаровары.

[3]) Бій или Бай—богатый человѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же титулъ у киргизъ дается начальникамъ родовъ и сельскимъ старшинамъ.

наслажденій! Если не книги, — можно бы умереть съ тоски. Кстати, о мѣстныхъ интересахъ. Мы ходили въ походъ, о которомъ подробную реляцію вы получите съ этой почтой. Кокандцы подступили почти къ самому Бирубайскому посту и произвели страшныя неистовства: рѣзали преданныхъ намъ киргизъ, какъ барановъ; разграбили множество ауловъ, и какъ мы не старались догнать ихъ,—не могли ничего сдѣлать. Они ушли въ безводную степь. Это насъ ужасно взбѣсило. Никогда еще такъ сильно не хотѣлось намъ побить этихъ подлецовъ. Всѣ приходили въ негодованіе при видѣ изувѣченныхъ труповъ, валявшихся по дорогѣ. Цѣль похода была благородна—защита утѣсненныхъ, а ничто такъ не воодушевляетъ, какъ благородная цѣль. Солдатики наши хоть разсуждали по своему, но тоже показывали необыкновенное рвеніе подраться.—Они говорили о киргизахъ такъ: „Собака то онъ собака, да все же по крайности наша“. Одинъ переходъ сдѣлали мы чрезвычайно длинный; люди сильно устали и ужъ начинали ворчать себѣ подъ носъ, но какъ только услышали, что кокандцы близко, забыли усталость, и версты двѣ или три бѣжали такъ, что не было возможности остановить ихъ. Любо было посмотрѣть на нихъ! Славный народъ, нечего сказать, и невольно полюбишь ихъ въ походѣ... Конфирмованные тоже опять участвовали почти всѣ. Сѣраковскій, Леоткевичъ, я,—изъ извѣстныхъ вамъ,—и еще человѣкъ до 10. Всѣмъ хотѣлось дѣла, потому что на представленія [1]) никто почти не надѣется. Большая часть убѣждена, что они пролежатъ въ штабѣ—да тѣмъ и кончится. А если и пойдутъ, то половину вычеркнутъ въ Петербургѣ. Но почему же, однако, не удался этотъ походъ? Настичь кокандцевъ не было возможности; казаки и 40 человѣкъ пѣхоты на лошадяхъ скакали 70 верстъ большою рысью, и не нагнали потому, что непріятель ушелъ въ безводную степь. Но если бы въ фортъ дано было знать раньше, когда еще они были на Джулекѣ (гдѣ долженъ всегда находиться нашъ караулъ изъ киргизъ), то отрядъ нашъ встрѣтилъ бы ихъ и не допустилъ бы до разбойничества. У насъ нѣтъ вѣрныхъ лазутчиковъ, а у коканцевъ, какъ видно, есть отличные.

... Еще непріятное событіе въ фортѣ,—это появленіе саранчи въ страшномъ количествѣ. Она уничтожила всѣ пашни, которыя заводили офицеры,—поѣла и ячмень, и пшеницу. И такъ какъ всѣ брали сѣмена заимобразно въ фортѣ, то придется платить довольно много; кто посѣялъ 30, кто 40, а кто 60 пудовъ. Гдѣ тонко—тутъ и рвется. Цѣлковыхъ 50 для офицера не

[1]) Какъ увидимъ ниже, незадолго передъ этимъ начальникъ линіи баронъ Фитингофъ представилъ всѣхъ конфирмованныхъ къ производству въ офицеры.

мало значитъ. И „моя пашня“ тоже почти вся обчищена проклятымъ насѣкомымъ, отъ котораго нѣтъ никакого спасенія“...

Въ письмѣ отъ 21 февраля 1856 г. находимъ слѣдующія строки:

„Что вамъ сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ? Скука. Хоть бы скандалъ какой-нибудь... Хоть бы M-me Берингъ [1]) къ кому-нибудь воспылала страстью; хоть-бы баронъ женился на гувернанткѣ; все-таки бы—предметъ разговора на цѣлую недѣлю. Барыни у насъ всѣ въ интересномъ положеніи, кромѣ комендантши, которая всегда интересная, и народонаселеніе форта къ веснѣ сильно умножится. Климатъ сильно способствуетъ къ тому“.

Вотъ почти и всѣ подробности о „событіяхъ“ жизни въ фортѣ Перовскомъ за два года пребыванія тамъ Плещеева. Какъ видно, оно не блещетъ ни содержаніемъ, ни разнообразіемъ. На счастье А. Н. въ его время въ фортѣ Перовскомъ подобрался болѣе или менѣе удовлетворительный составъ офицеровъ, хотя все-таки такого рода, что объ одномъ изъ нихъ Плещеевъ выражается:—„это одинъ изъ немногихъ *читающихъ* здѣсь“. О томъ, каковъ могъ бы быть составъ офицерства, можно составить представленіе по слѣдующему отрывку изъ письма 22 февраля:

„Я очень, очень боюсь, чтобы не перевели отсюда лучшихъ офицеровъ. Здѣсь только и можно служить подъ условіемъ, если есть порядочный кружокъ. До сихъ поръ у насъ всѣ были такъ дружны,—не было никакихъ сплетенъ и вообще было отлично. Теперь же всѣ въ отчаяніи, что форту угрожаетъ нашествіе варваровъ, иначе называемыхъ—бурбонами. Пишутъ, что идетъ сюда пѣшій казачій баталіонъ, подъ начальствомъ Шкупа. Самъ-то Шкупъ ничего еще, но офицеровъ-то туда собрали такихъ, что страхъ подумать,—пьяницы и негодяи первой руки. Одинъ Чемезгинъ—человѣкъ добрый и честный. Я съ нимъ служилъ въ Уральскѣ и въ Оренбургѣ. Онъ моимъ ротнымъ командиромъ былъ, и кромѣ хорошаго я про него ничего не могу сказать. Но за то я знаю также Обрядина, слышалъ о Невряевѣ и Путиловѣ. Отъ такихъ господъ—избави Боже“... Слухи о приходѣ этихъ „бурбоновъ“ оказались ложными, а вмѣсто нихъ въ ф. Перовскій пріѣхали оренбургскіе „*бонтоны*“, какъ называетъ ихъ Плещеевъ. Составъ гарнизона быстро мѣнялся, и, къ концу пребыванія А. Н. въ Перовскѣ, онъ жалуется на это, прибавляя, что у нихъ начались сплетни, дрязги, въ которыхъ участіе принимаютъ не дамы, а офицеры. Объ одной изъ такихъ сплетенъ, именно разыгравшейся почти передъ самымъ отъѣздомъ Плещеева и чуть не повліявшей на его дальнѣйшую судьбу, мы разскажемъ ниже.

[1]) Жена полковника Беринга, назначеннаго въ 1855 году комендантомъ форта Перовскій; до тѣхъ поръ эту должность занималъ баталіонный командиръ, а затѣмъ былъ назначенъ особый комендантъ.

Кажется, высшее начальство само видѣло уровень офицерской среды, и сочло нужнымъ по своей инициативѣ завести библіотеку. Плещеевъ заинтересовался этимъ дѣломъ, и въ его письмахъ мы находимъ рядъ совѣтовъ по этому поводу и критическихъ наблюденій по поводу состава библіотеки. Алексѣю Николаевичу не пришлось, видимо, дождаться присылки библіотеки, хотя журналы фортъ все же получалъ.

Самъ Плещеевъ продолжаетъ такъ же, какъ и въ Оренбургѣ, интересоваться текущей литературой, внимательно слѣдитъ по журналамъ за всѣмъ, что появляется на литературномъ рынкѣ, и постоянно выписываетъ для себя то Пушкина, то Гоголя, а то и другія, заинтересовавшія его, книги. Нѣтъ почти ни одного письма, въ которомъ онъ не спрашивалъ бы Дандевиль, что тотъ читаетъ.

Вотъ въ какомъ кругу и въ какой обстановкѣ приходилось жить Плещееву! Перейдемъ теперь къ его „начальству".

Главнымъ начальникомъ былъ начальникъ Сыръ-Дарьинской линіи, генералъ-маіоръ баронъ Фитингофъ. Это былъ человѣкъ рѣзкій, взбалмошный, вздорный и мелочный, грубый съ подчиненными и низкопоклонный передъ старшими. Въ первое время прибытія Плещеева въ фортъ онъ, видимо, передъ нимъ заискивалъ, а затѣмъ, убѣдившись, что Ал. Ник. не способенъ изъ личныхъ выгодъ чернить человѣка, что вліяніе его совсѣмъ ужъ не такъ велико, какъ казалось, Фитингофъ, слушая сплетни завистниковъ, круто перемѣнилъ свое обращеніе съ конфирмованнымъ и самымъ беззастѣнчивымъ образомъ сталъ къ нему придираться. Къ счастію, производство Плещеева въ офицеры и переводъ въ Оренбургъ ни позволили ему окончательно сгубить молодого поэта. Въ своихъ письмахъ онъ даетъ яркую фигуру этого маленькаго степного божка.

Въ первыхъ письмахъ, пока Фитингофъ еще сохранялъ ироническій тонъ въ своихъ отношеніяхъ къ Плещееву, отзывы его были благосклонны. Но уже въ письмѣ отъ 10 января 1855 г. картина мѣняется.

„Ваши письма для меня были истиннымъ утѣшеніемъ,—пишетъ Плещеевъ. — Очень хочется порой узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже на сѣромъ—оренбургскомъ, гдѣ есть такія культурныя личности и есть хорошіе люди. Это письмо я вкладываю въ конвертъ Казаковскаго [1]), который проситъ вашего ходатайства о переводѣ его на линію. Дѣйствительно, ему житья нѣтъ. Недавно представлялъ его Скальмовскій въ адъютанты форта. Баронъ такъ озлобился на это представленіе, что Казаковскаго услалъ сейчасъ въ Карамакчи [2]) (это, кажется, у него ссыльное

[1]) Одинъ изъ офицеровъ 4-го баталіона.
[2]) Одинъ изъ фортовъ линіи, гдѣ стояла часть 4-го баталіона.

мѣсто), а недавно выдержалъ его на гауптвахтѣ *недѣлю* за самую ничтожную вещь.—Баронъ неистовствуетъ въ высшей степени. Съ отъѣзда Барыкова онъ сдѣлался хуже. Сначала, какъ его произвели въ генералы, казалось, смягчился было, но теперь опять—за старое. И безъ того здѣсь не весело, а онъ еще запрещаетъ всякія сходки; сажаетъ подъ арестъ, если верхомъ поѣдутъ вмѣстѣ три-четыре человѣка. Рѣшительно наводитъ на всѣхъ смертельную хандру .Самыя невинныя и единственно возможныя здѣсь удовольствія воспрещаются имъ".

Капризный и вздорный характеръ Фитингофа очерченъ въ этихъ строкахъ. Онъ чувствовалъ себя полнымъ и неограниченнымъ вершителемъ судебъ тѣхъ, которые попадали подъ его власть, и дѣлалъ съ ними все, что хотѣлъ. Если начальникъ линіи могъ такъ обращаться съ офицерами, что могли ожидать отъ него конфирмованные рядовые! Видимо, офицеры форта, лучше знавшіе своего начальника, чѣмъ недавно прибывшій А. Н., не выдержали, наконецъ, гнета и прибѣгли къ тому исходу, который и въ настоящее-то время могъ счесться чуть ли не за бунтъ, а тогда,—во время суроваго Николаевскаго режима, — могъ повлечь для нихъ весьма тяжелыя послѣдствія. Сознавалъ это и Плещеевъ, когда въ запискѣ отъ 11 января писалъ: „Я уже готовъ былъ отправить къ вамъ письмо, какъ узналъ весьма важную вещь, которой никакъ нельзя было ждать, и, Богъ знаетъ, какія она будетъ имѣть послѣдствія. Все здѣшнее общество офицеровъ, выведенное изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ барона и напрасными притѣсненіями его, написало общее письмо къ Вас. Алек. (Перовскому), въ которомъ проситъ его защиты не какъ начальника, но какъ отца. Я никакъ не думалъ, чтобы у нихъ было такое единодушіе и такая рѣшимость. Все это держалось въ тайнѣ до самаго дня отхода почты, но какъ я живу съ Сливинскимъ и Котурьенко, то и узналъ это нынче. Боюсь я за нихъ. Хотя письмо самое показное, но можетъ, если не разсердить, то огорчить Вас. Алек. Баронъ, дѣйствительно, на дняхъ показалъ себя очень дурно въ одной исторіи. Но, однако же, никто ему не отвѣтилъ ни слова и вообще офицеры старались, чтобы этой жалобѣ не было придано оффиціальнаго вида, ибо тогда это можно бы счесть за бунтъ. Это скорѣй—самая убѣдительная просьба людей, упавшихъ духомъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки неизвѣстно, какъ приметъ это В. А., который и великодушенъ, и строгъ въ то же время. Но думаю, что и барону не дадутъ потачки. Все это очень грустно. Ce sont de braves jeunes gens, qui adorent B. A. et ce sera bien triste si on les desperse. У васъ доброе, благородное сердце, Викторъ Дезидеріевичъ, васъ любитъ Вас. Алек., — защитите ихъ, если онъ будетъ недоволенъ. Здѣсь есть еще люди, которыхъ вы знаете по штурму и которые надѣются на вашу го-

товность дѣлать добро. Въ самомъ дѣлѣ,—не совсѣмъ-то ладно, что люди, шедшіе съ опасностью жизни на штурмъ этой крѣпости, должны терпѣть такое обращеніе... Любопытно, чѣмъ развяжется эта драма ..Еще разъ adieu. Que le bon Dieu veille sur vous et sur votre famille, mon excellant Викт. Дез“.

Жалоба офицеровъ, поданная генералъ-губернатору совершенно незаконнымъ путемъ,—какъ это ни странно,—никакихъ послѣдствій ни для жалобщиковъ, ни для барона не имѣла, но совершенно неожиданно... сильно отразилась на самомъ Плещеевѣ, и отразилась, какъ увидимъ, чуть ли не черезъ годъ.

Когда въ маѣ 1855 г. Фитингофъ уѣхалъ въ отпускъ въ Оренбургъ, то гарнизонъ почти былъ увѣренъ въ томъ, что баронъ къ нимъ не вернется, но онъ вернулся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и А. Н. первому пришлось раскаиваться въ своей снисходительности. Но раньше возвращенія Фитингофа, въ фортъ Перовскій пріѣхалъ Біарно, съ которымъ Плещеевъ былъ тоже довольно близокъ, а за тѣмъ—новый комендантъ Берингъ.

Въ письмѣ отъ 21 іюня Плещеевъ пишетъ:—„На-дняхъ долженъ прибыть Біарно со свитой. Отъ этой свиты я не жду большого развлеченія и удовольствія. Кутлеръ мнѣ не совсѣмъ по душѣ, съ Кирѣевскимъ я не знакомъ. Жаль, что Симоновъ не сюда ѣдетъ. Это славный, простой человѣкъ“.

А черезъ мѣсяцъ онъ уже сообщалъ:

„Я въ настоящее время состою при генералѣ Біарно,—или лучше—при Кирѣевскомъ, которому онъ велѣлъ меня взять для письменныхъ дѣлъ. Дѣла эти состоятъ въ переписываніи разныхъ бумагъ; но какъ у меня почеркъ не слишкомъ красивый, то едва ли я принесу много пользы. Сочинительство же возложено на самого начальника походной канцеляріи Г. Кирѣевскаго. Со стороны Біарно весьма любезно было обратить на меня вниманіе—и я ему премного благодаренъ. Хотя и фрунтовая служба меня не тяготила, потому что я ходилъ за офицера въ караулъ, но онъ, вѣроятно, хотѣлъ еще болѣе облегчить меня. Старикъ этотъ пришелся мнѣ очень по сердцу. Благородный и умный человѣкъ. Общество его чрезвычайно пріятно; и скажу болѣе—изъ него всегда извлечешь что-нибудь; онъ много видѣлъ, много читалъ и смотритъ на вещи не съ казенной точки зрѣнія, какъ большая часть нашихъ генераловъ. Во всѣхъ сужденіяхъ его виденъ образованный, стоящій въ уровень съ вѣкомъ. И вообще есть въ немъ что-то симпатичное. Только вражда его къ барону доходитъ до комизма. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что всѣ боятся возвращенія барона и оттого не такъ охотно, какъ бы слѣдовало, исполняютъ его приказанія. Но entourage его мнѣ не нравится. Кирѣевскій—умный

человѣкъ, но холодный; эгоистъ, кажется, большой. А о Кутлерѣ и говорить нечего. Все такой же надутый пустѣйшій тяжеловѣсный фатъ".

Осенью 1855 года Плещеевъ всѣми силами началъ хлопотать о Высочайшемъ помилованіи и страшно стремился вырваться хотя бы изъ форта Перовскаго. И вотъ что онъ сообщаетъ 9 сентября 1855 г. В. Д. Дандевиль о томъ участіи, которое въ этотъ моментъ принялъ въ немъ Біарно.

„На-дняхъ призывалъ меня Біарно; разспрашивалъ меня съ большимъ участіемъ, чего я желаю. Я, конечно, отвѣчалъ ему, что увольненія и мѣста. Онъ приказалъ изложить мнѣ письменно, и я подалъ ему письмо. Онъ обѣщалъ лично говорить съ В. А., и думаю, что сдержитъ обѣщаніе; кажется, не такой человѣкъ, чтобы хвасталъ. Участіе его меня тронуло до слезъ; предоброе и преблагородное сердце у этого старика. Онъ мнѣ совѣтовалъ непремѣнно возвратиться въ Оренбургъ, чего я и желаю, ибо здоровье мое очень расклеилось. Надѣюсь, что В. А. не откажетъ, если попроситъ Б.—Да вотъ еще что заставляетъ меня желать отъѣзда отсюда. Г. Алексѣевъ, поѣхавшій съ барономъ (и извѣстный своею подлостью, какъ здѣсь, такъ и на линіи), изволилъ передать въ подробности барону всю исторію письма—и сказалъ, что его сочиняли *я и Казаковскій!* Какъ вамъ это покажется? Тогда какъ ничего подобнаго не было. Я узналъ о письмѣ въ самый день его отправленія; его писали всѣ, а я еще совѣтовалъ многое смягчить въ немъ. Казаковскій тоже подписался съ другими и участвовалъ въ составленіи столько же, сколько прочіе. Теперь баронъ подыметъ на меня гоненіе; да еще, пожалуй, скажетъ и В. А., что *политическій*, молъ, поджигаетъ, ваше сіятельство. C'est vraiment une indignite que ce monsieur a fait [1]).

Какъ бы то ни было, ждать здѣсь, кажется, нечего. Переводъ мой можетъ состояться развѣ къ концу года. А если до этого времени не будетъ кокандцевъ, то, значитъ, они не придутъ. Да если бы и пришли, то мнѣ теперь на барона надежда плоха; и притомъ здоровье мое больно плохо. Грудь болитъ постоянно и сердце очень бьется".

Такъ вотъ какимъ образомъ,—совершенно неожиданно,—разыгралась исторія съ письмомъ! Пострадалъ лишь тотъ, кто меньше всего былъ въ немъ виноватъ.

Пріѣхалъ изъ отпуска Фитингофъ, и вотъ пишетъ Плещеевъ 21 февраля 1856 г.: „Вы говорите, Викторъ Дездеріевичъ, что я слишкомъ упалъ духомъ. Сознаюсь и самъ, но что же дѣлать. Правда, я много уже вытерпѣлъ и мнѣ бы, кажется, не привыкать стать къ

[1]) Тогда какъ онъ же первый поджигалъ и потомъ отказался подписать.

разнаго рода испытаніямъ. Но увѣряю васъ, что большіе удары судьбы сноснѣе, чѣмъ безпрестанныя мелкія нападки, безпрестанные булавочные уколы сильныхъ міра сего, которые тѣмъ только и сильны, что бьютъ лежачихъ. На-дняхъ я чуть было не отправился въ изгнаніе въ Кармакчи (ф. № 2) и за что—какъ бы вы думали? Бѣльцовъ, съ которымъ я жилъ,—подалъ барону рапортъ на Беринга, что тотъ заводитъ безпрестанные кляузы и не даетъ для работъ столько быковъ, сколько слѣдуетъ. Баронъ вообразилъ себѣ, что это я подстрекаю Бѣльцова и велѣлъ Скальмовскому передать мнѣ, чтобы я готовился ѣхать въ фортъ № 2. Какъ вамъ это нравится? Если я долженъ нести отвѣтственность за всѣ чужіе поступки, то, пожалуй, онъ захочетъ меня разжаловать, если на Беринга станутъ жаловаться купцы, что онъ имъ не платитъ? Скажетъ, что я имъ счета писалъ. Но тогда ужъ я потребую, чтобъ и награжденіе за чужіе подвиги тоже шло мнѣ. Если здѣсь убьютъ тигра, такъ я буду просить себѣ законные три золотыхъ. Это будетъ логически. Не такъ-ли?

Не знаю рѣшительно, почему баронъ говорилъ вамъ одно, а думаетъ и дѣлаетъ другое. Во всякомъ, случаѣ все это крайне не весело и поневолѣ падешь духомъ".

Кто изъ нихъ двоихъ, Берингъ или Фитингофъ, болѣе антипатичны,—сказать, конечно, трудно.

Интересно, что оба, какъ видно изъ предыдущихъ фактовъ, не только смотрѣли, но и относились къ „политическимъ ссыльнымъ", какъ къ смутьянамъ, только и занимающимися на службѣ „колебаніемъ основъ". Видимо и самъ графъ Перовскій не далекъ былъ отъ такого же мнѣнія,—по-крайней мѣрѣ Плещеевъ выражаетъ опасеніе, что генералъ-губернаторъ можетъ повѣрить отвѣту Фитингофа, если тотъ скажетъ, что „политическіе смущаютъ офицеровъ". Относительно же Беринга въ томъ же письмѣ Плещеевъ сообщаетъ нѣсколько таки прямо курьезныхъ фактовъ:

„Въ заключеніе могу разсказать вамъ анекдотъ или даже нѣсколько анекдотовъ про Беринга, чтобъ показать вамъ, какого это *тона* люди. На дняхъ *за обѣдомъ*—при гостяхъ—комендантъ поколотилъ собственноручно солдата, который ему принесъ сѣдло. Комендантшу это такъ возмутило, что она произнесла: „Какъ тебѣ не стыдно, Мишенька, ты бы это могъ въ другое время сдѣлать!" (Не правда, ли это похоже на сцену городничаго съ купцами въ „Ревизорѣ").

Хороша тоже теорія любви къ отечеству самого коменданта. Недавно, призвавъ одного конфирмованнаго, онъ сталъ ему читать мораль и, между прочимъ, сказалъ: что такое отечество? Это вздоръ. Гдѣ хлѣбъ даютъ — тамъ и отечество. „Вотъ я и баронъ, мы нѣмцы, а служимъ какъ русскіе"! Но всего потѣшнѣе—это обращеніе Берингомъ батарейнаго хорунжаго

Сибаева въ христіанскую вѣру. Тотъ явился къ нему по службѣ, а Берингъ цѣлые два или три часа толковалъ ему о чудесахъ Христа, прибавляя безпрестанно вопросъ: „Ну, сдѣлаетъ ли это вамъ Магометъ, а"? Сибаевъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы можно было насытить 5 тысячъ человѣкъ 5-ю хлѣбами, и иронически отвѣчалъ: больна его мудрено гулялъ!

Перейдемъ прямо къ послѣднему письму изъ форта Перовскаго въ Оренбургъ отъ 1 іюня. Оно является какъ бы итогомъ всего того, что вытерпѣлъ Плещеевъ за эти два года, а потому мы его и помѣщаемъ цѣликомъ. Вспомнимъ, что А. Н. былъ произведенъ въ офицеры 11 мая, но что когда писалъ это письмо, то офиціальнаго увѣдомленія не получалъ.

„Добрый мой Викторъ Дезидеріевичъ! Это письмо мое, вѣроятно, послѣднее изъ форта Перовскій. Но не думайте, чтобы я ѣхалъ на линію. Баронъ таки доѣхалъ меня. Онъ усылаетъ меня въ Карамакчи (въ фортъ № 2). Неизвѣстно, по какимъ причинамъ. Онъ всѣмъ говоритъ, что дѣлаетъ это для того, чтобы мнѣ скорѣе и удобнѣе было ѣхать на линію; потому что Вутаровъ и Поплавскій [1]) должны отправиться прежде смѣны и взять меня съ собой. Но я ему ни на грошъ не вѣрю. Подлостямъ и гадостямъ его *нѣтъ конца*. Я знаю, убѣжденъ, что я тамъ проживу до смѣны. Здѣсь такія сплетни, такія дрязги творятся, что, право, и говорить объ нихъ не хочется... Не знаю, ей-Богу, когда меня вынесетъ отсюда судьба. Положеніе мое теперь самое затруднительное; средствъ не имѣю рѣшительно никакихъ — табаку не на что купить на дорогу. Я бы могъ чрезвычайно удобно доѣхать съ Скальмовскимъ, который хотѣлъ меня взять съ собой и мнѣ бы это ничего не стоило; а между тѣмъ выслали бы мнѣ денегъ для уплаты долговъ. Но власть барона все сдѣлала иначе. Была возможность нѣсколько разъ мнѣ отправиться — и весьма спокойно, — но онъ держалъ меня; а теперь въ нѣсколько дней я долженъ собраться, да еще жить въ фортѣ 2-мъ Богъ вѣсть сколько времени. Не повѣрите, какая тоска мною овладѣваетъ. Не знаю, что и дѣлать. Мать пишетъ мнѣ съ послѣдней почтой, что министръ ей велѣлъ сказать, что я произведенъ. Но куда, я не знаю и не повѣрю этому, пока не прочту въ приказахъ. Хотѣлъ бы дождаться почты, но баронъ торопитъ Растопчина, назначеннаго начальникомъ Кармакчей, и съ которымъ вмѣстѣ я долженъ ѣхать. Вотъ будетъ ему удовольствіе, какъ произведутъ меня въ 4-й батальонъ — тогда баронъ заставитъ меня прожить въ Кармакчахъ всю зиму! Ежели бы это случилось — я надѣюсь, что хоть вы за меня заступитесь, Викторъ Дезидеріевичъ. Я

---

[1]) Двое изъ конфирмованныхъ, произведенныхъ ранѣе этого въ офицеры.

тамъ пропаду съ тоски; да и климатъ тамъ такой, что всѣ, кто тамъ живетъ — больны. Бѣдный Поплавскій тамъ почти ослѣпъ; можетъ быть, и совсѣмъ ослѣпнетъ. Доктора тамъ нѣтъ — одинъ какой-нибудь пьяный фельдшеръ. Объ образѣ жизни и говорить нечего. Совершенная пустыня. Ради Бога, Викторъ Дезидеріевичъ, вытащите меня изъ этого омута, называемаго Сыръ-Дарьинской линіей. Неужели власть барона такъ сильна, что онъ безнаказанно можетъ дѣлать всѣ подлости, какія ему только вздумается. Вы можете подумать, что я это говорю пристрастно, какъ человѣкъ, имѣвшій личности съ барономъ. Но спросите вы Поплавскаго, когда онъ вернется, спросите Осмоловскаго, который тутъ постороннее лицо и на мнѣніе котораго можно положиться. Его всѣ знаютъ за человѣка добросовѣстнаго. Всѣ здѣсь въ одинъ голосъ говорятъ, что нѣтъ возможности служить и стараются вырваться поскорѣй изъ степи. Впрочемъ, этого можно было ожидать впередъ; когда ужъ В. А. рѣшился прислать его послѣ извѣстнаго письма, то ему нечего воздерживаться. Еще на-дняхъ онъ говорилъ: „Вотъ, думали, что я слечу—а теперь, напротивъ, они всѣ отсюда уѣдутъ; ни одного не останется. *Не плевать бы въ кашу — пригодится ѣсть*“ (подлинныя слова этого великаго мужа). Ужъ это довольно характеризуетъ человѣка.

NB. Я хочу написать графу, если меня баронъ не возвратитъ на линію.

NB. Вотъ еще черта: въ предписаніи обо мнѣ было сказано—„отправиться въ фортъ № 2“; баронъ вычеркнулъ и написалъ: „выслать“. (?)“...

Какъ кажется, начальнику линіи не удалась его мелкая месть. Послѣ послѣдняго письма въ сохранившейся перепискѣ находимъ еще два, очень короткихъ, написанныхъ уже прапорщикомъ Плещеевымъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда послѣ смерти жены уѣхалъ В. Д. Дандевиль, занимавшій къ этому времени должность корпуснаго квартирмейстера и произведенный въ полковники. Въ этихъ двухъ Оренбургскихъ письмахъ ни слова не сказано о томъ, какъ Плещеевъ выбрался изъ форта Перовскаго. Одно изъ двухъ— или вѣсть о производствѣ въ офицеры и о переводѣ въ Оренбургъ въ 3-ій линейный баталіонъ пришла во время и А. Н. прямо отправился къ мѣсту своего служенія или если онъ и жилъ въ Карамакчахъ, то очень недолго, ибо оренбургскія письма помѣченныя: одно—іюлемъ, другое—августомъ. Впрочемъ, такая подробность, конечно, не важна, а важно то, что Плещеевъ, наконецъ, сдѣлался болѣе или менѣе полноправнымъ членомъ военной семьи, пересталъ быть „ссыльнымъ рядовымъ“, надъ которымъ могъ измываться, показывать свою „неограниченную“ власть каждый, кто хотѣлъ. По счастію еще, что ближайшее начальство Плещеева, ротный и баталіонный камандиръ, были люди иного рода, чѣмъ генералы форта Перовскаго и относились къ нему вполнѣ гуманно, какъ къ человѣку, а не

какъ къ „конфирмованному“, что на языкѣ Фитингофовъ и Берринговъ чуть ли не однозначило со словомъ „клейменый“.

Полны симпатіи всѣ отзывы Плещеева о майорѣ,—а затѣмъ подполковникѣ—Скальмовскомъ, командирѣ 4-го баталіона, и о капитанѣ Сливинскомъ, командирѣ 3-й роты того же батальона.

Говоря объ обществѣ форта Перовскаго, нельзя, конечно, не остановиться на двухъ личностяхъ,—Осмоловскомъ и Первухинѣ, которые завѣдывали туземнымъ населеніемъ. Объ Осмоловскомъ Плещеевъ былъ наилучшаго мнѣнія. О Первухинѣ много находимъ въ письмѣ Плещеева отъ 21 іюня 1855 года. Это письмо даетъ такую яркую и правдивую картину нашихъ средне-азіатскихъ административныхъ нравовъ, что краски ея до сихъ поръ еще не потускнѣли; и то, что творилось 50 лѣтъ тому назадъ,—развѣ только съ небольшими измѣненіями,—творится и теперь. Вотъ это любопытное письмо:—„Вообще, Викторъ Дезидеріевичъ, entre nous soit dit — этотъ г. Первухинъ—крайне подозрительная личность. Киргизы его ненавидятъ. Слухи про него ходятъ страшные, и если хоть десятая доля ихъ справедлива, то онъ просто достоинъ висѣлицы. Но по слухамъ вѣдь заключать трудно. Одно я положительно знаю, что Осмоловскаго ждутъ киргизы какъ Бога; и я самъ не разъ слышалъ, какъ говорили старшины, что худо, очень худо будетъ, если онъ не скоро вернется. Что Первухинъ взяточникъ — это здѣсь говоритъ каждый; но что онъ такой человѣкъ, который изъ всего сумѣетъ вывернуться — это тоже очень возможно. Крючокъ большой руки. Не мое дѣло судить объ этомъ; остается только желать, чтобы истина вышла скорѣй наружу. Мнѣ кажется, что киргизы, кочующіе между Джулекомъ и нашимъ фортомъ, будутъ вполнѣ обезпечены только тогда, когда на Джулекѣ будетъ русское укрѣпленіе. Прежде кокандцы не перестанутъ грабить. Впрочемъ, вотъ что еще замѣчательно: въ послѣдней шайкѣ, на которую мы ходили—кокандцевъ было очень мало, а все киргизы кипчакскаго рода, кочевавшіе сначала на нашей сторонѣ, а потомъ ушедшіе къ кокандцамъ (тоже вслѣдствіе притѣсненій, какъ говорятъ); они-то и привели кокандцевъ на тѣхъ, которые хотѣли откочевать вмѣстѣ съ ними, а остались у насъ. Тутъ же, по словамъ киргизъ, находился и нашъ солдатъ, недавно бѣжавшій, татаринъ. Все это очень плохо. Такимъ образомъ, скоро не безопасно будетъ нашимъ солдатамъ ходить на огороды или на пашни. Пожалуй, будутъ таскать людей или стрѣлять изъ-за кустовъ. Послѣднее приключеніе, признаться, сдѣлало на всѣхъ очень непріятное впечатлѣніе. Бѣдный Скальмовскій очень озабоченъ. Два солдата бѣжали у него изъ баталіона и, какъ слышно, оба уже переданы кокандцамъ. При Осмоловскомъ розыски дѣлались гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе, а теперь едва бѣжитъ—и слѣдъ простылъ. Скальмовскій тутъ

ничѣмъ не виноватъ. Люди здѣсь всѣ разбросаны по работамъ: кто на кирпичахъ, кто маты дѣлаетъ, и усмотрѣть за ними нѣтъ возможности. При томъ же, послѣдніе два солдата—татары, которые всегда ненадежны. Что можетъ сдѣлать баталіонный командиръ? Каждый здѣсь видитъ, что обращается онъ съ людьми хорошо, хотя и не даетъ потачки негодяямъ. Очень жаль Скальмовскаго. Ему можетъ за это достаться; а кто поручится, что опять не случится то же самое?"

Невольное вниманіе обращаетъ на себя совершенное отсутствіе упоминаній о своихъ собратьяхъ конфирмованныхъ, которыхъ въ фортѣ все же было болѣе десяти человѣкъ. Нѣсколько разъ упоминается имъ фамилія Сѣраковскаго, о которомъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ въ шутливомъ тонѣ: „Сѣраковскій паритъ попрежнему. Хочетъ переѣхать жить на какую-то планету,—кажется на Сиріусъ. Ищетъ попутчиковъ".

Да, прося за нѣкоего Лопатицкаго, пишетъ въ другомъ письмѣ: „Этотъ господинъ служитъ 13 лѣтъ (только), имѣетъ нашивку и что еще хуже—жену. Онъ женился въ Троицкѣ на дочери какого-то полковника и передъ назначеніемъ въ степь еще имѣлъ неосторожность сработать сына. Посудите же, каково положеніе этого старика, не имѣющаго никакихъ средствъ къ существованію, если бы пріѣхала сюда его жена, а жизнь съ ней розно,—тоже ему не хочется. Пора бы его, бѣднягу, куда-нибудь на покой... Право, „человѣкъ вовсе не опасный для правительства, притомъ онъ съ одностороннимъ взглядомъ на вещи,—ибо кривой", слѣдовательно, и строю особенной красоты придать не можетъ. Нелѣпо жениться, будучи солдатомъ и не имѣя средствъ, но если разсудить по-человѣчески, то, пожалуй, и извинительно... Съ лѣтами и опытомъ такъ сильно развивается въ человѣкѣ потребность домашняго счастья,—тихаго и прочнаго,—потребность имѣть свой собственный очагъ. Грустно всю жизнь грѣться только у чужихъ очаговъ!"

Затѣмъ нѣсколько разъ мимоходомъ упоминаетъ фамиліи еще двухъ, трехъ ссыльныхъ, да въ письмѣ отъ 10 октября 1855 г., жалуясь на то, что представленіе конфирмованныхъ залежалось въ штабѣ, пишетъ: „Маменька писала мнѣ, что одинъ изъ нашего дѣла—Кашкинъ—на Кавказѣ произведенъ въ офицеры безъ всякихъ особенныхъ отличій, просто по представленію начальства. Нѣтъ! Видно, тамъ больше симпатіи къ нашему брату, воля ваша! А наши представленія все лежатъ еще въ дивизіи, потому что Глухову [1]) не угодно подписать ихъ. Или лучше сказать Вислову [2]), а не Глухову".

1) Глуховъ—начальникъ дивизіи.

2) Бисловъ—начальникъ штаба дивизіи.

Вотъ и все, что мы находимъ въ перепискѣ по поводу бывшихъ „товарищей по дѣлу“ и конфирмованныхъ, находящихся въ одинаковомъ положеніи съ Плещеевымъ.

III.

Душевное состояніе Плещеева въ фортѣ Перовскомъ.

Доносы, сплетни, постоянное чувство зависимости отъ расположенія духа „Его Превосходительства“; ежеминутная боязнь, благодаря всему этому, попасть нежданно-негаданно въ немилость; неизвѣстность,—полная, абсолютная,—относительно того, что ждетъ впереди; отсутствіе какой-бы то ни было возможности выйти изъ невыносимаго положенія; сознаніе, что необходимо не только служить, но и прислуживаться, лишь бы видѣть какой-либо просвѣтъ въ будущемъ,—вотъ та нравственная атмосфера, въ которой пришлось существовать Плещееву въ продолженіе двухъ лѣтъ въ фортѣ Перовскомъ.

Картину постепеннаго наростанія тоски и нетерпѣнія въ душѣ Плещеева отчетливо рисуютъ тѣ страницы его писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ душевномъ состояніи. Эти отрывки говорятъ сами за себя, и мы приводимъ ихъ безъ всякихъ комментарій.

Въ отвѣтъ на поздравленіе Дандевиль съ новымъ годомъ, Плещеевъ пишетъ 10 февраля 1855 года:

„Вы поздравляете меня съ новымъ счастьемъ. Нѣтъ, Викторъ Дезидеріевичъ, плохо что-то вѣрится въ счастіе. Недавно, заказывая себѣ новую шинель, я невольно задалъ себѣ вопросъ:—сколько еще придется мнѣ шить новыхъ шинелей? Едва-ли не столько, сколько лѣтъ прожить—говоритъ мнѣ какой-то тайный голосъ. Порой находитъ такая тоска,—невыносимая, мучительная,—что, кажется, бѣжалъ бы на край свѣта. Такъ мало впереди надежды и такъ мало въ прошломъ отрадныхъ точекъ, на которыхъ бы можно отдохнуть сердцемъ. А, кажется, немного я желаю... Пускай бы оставили меня жить спокойно въ какомъ-нибудь заурядъ-городишкѣ и забыли о моемъ существованіи. Вотъ все, о чемъ прошу. Авось кусокъ хлѣба добуду себѣ“.

1-го марта 1855 г. по поводу извѣстія о томъ, что Перовскій вычеркнулъ его изъ списка представленныхъ, Плещеевъ пишетъ:

„Надо признаться что, это не совсѣмъ пріятный сюрпризъ. Теперь вся надежда моя на прошеніе матери. Но и тутъ еще Господь знаетъ, какой отзывъ дастъ обо мнѣ графъ въ случаѣ запроса. Какъ видно, я не былъ не правъ, говоря, что онъ ко мнѣ не благоволитъ и повѣривъ слухамъ, о которыхъ сообщалъ вамъ. Можетъ быть, и баронъ мнѣ повредилъ. Отъ него

я ничего хорошаго не жду. Но все-таки *я убѣдительно васъ прошу*, если только вы хоть сколько-нибудь меня любите, напишите мнѣ прямо, безъ обиняковъ, и не опасаясь огорчить меня,—дѣйствительно-ли я не въ спискѣ представленныхъ?

Вѣрьте, что подобные удары я легче переношу, чѣмъ булавочные уколы людей, меня окружающихъ. Если мнѣ нѣтъ надежды вырваться теперь изъ моего положенія, то я стану проситься въ неспособные; пускай прикомандируютъ къ какой-нибудь этапной командѣ. Здоровье мое мнѣ не позволяетъ продолжать фрунтовой службы. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если увѣдомите меня. Рейтернъ вамъ, конечно, скажетъ.

Пишу къ вамъ на этотъ разъ мало, потому, во-первыхъ,—что очень не весело на душѣ, а во-вторыхъ, и новаго ничего вамъ сообщить не имѣю. Прозябаемъ попрежнему. Въ послѣднее время у насъ какъ-то стало по-лучше; смолкли всѣ распри; видно, публика готовится говѣть. Въ добрый часъ!

Жду нетерпѣливо весны. Степь мнѣ противна до невѣроятности. Хоть и солдатомъ—вернусь опять въ Оренбургъ,—все же лучше тамъ, нежели здѣсь"...

(*20 апрѣля 1855 г.*) „...Съ этой почтой баронъ представляетъ конфирмованныхъ. Въ числѣ представленныхъ и я съ Сѣраковскимъ. Не откажите намъ съ своей стороны въ участіи вашемъ. Поддержите предъ В. А. это представленіе. Теперь такія обстоятельства, что всякихъ милостей можно ждать и надѣяться. На престолъ возшелъ новый государь. Если бы только захотѣлъ Вас. Ал.,—въ Петербургѣ бы не послѣдовало отказу. Мать моя поѣхала тоже въ Петербургъ, чтобы хлопотать и просить. Но вѣдь минуя В. А. нельзя же дѣйствовать. Стало быть, главное, чтобы пошло изъ Оренбурга. Конечно, если В. А. самъ собирается ѣхать въ Петербургъ, то всего лучше было бы ему взять съ собою представленія, что онъ и сдѣлаетъ, вѣроятно, но если онъ не поѣдетъ, то ужъ пусть бы ихъ въ Оренбургѣ не задерживали. Право, Викторъ Дезидеріевичъ, если теперь ничего не будетъ, то позволительно не имѣть никакой надежды когда-либо вырваться изъ этого положенія.

Баронъ спрашивалъ меня, чего я хочу, офицера или 14-й классъ. Я долго думалъ и, наконецъ, рѣшился на офицера. Хоть я не очень способенъ къ военной службѣ и лучше бы желалъ служить въ гражданской, но при моихъ обстоятельствахъ нельзя не выбрать первой. Офицерскій чинъ даетъ больше правъ, нежели 14-й классъ, не дающій даже личнаго дворянства; и какое мѣсто найдешь съ 14-мъ классомъ? Надо будетъ опять искать и кланяться. Тяжеловато оно, признаюсь, всегда для меня было, и чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше охоты гнуть спину. А служить необходимо, ибо можетъ жить нечѣмъ будетъ. Офицерство же обезпечиваетъ хоть сколько-ни-

будь. Съ самого производства я уже при мѣстѣ, имѣю кругъ дѣятельности мнѣ назначенный, и мнѣ только остается итти прямой и торной дорогой, лежащей предо мною; фронтовая часть не по мнѣ. Это такъ, но если меня произведутъ въ офицеры, я непремѣнно стану служить въ степи, гдѣ двойное жалованье и спокойная служба.

И вотъ моя просьба къ вамъ—похлопочите, голубчикъ Викторъ Дезидеріевичъ, чтобы меня представили въ 4-й баталіонъ. Вѣроятно, это устроить не трудно—какъ вы думаете? Въ штабъ куда-нибудь прикомандироваться тоже нѣтъ особенной пріятности; сидѣть цѣлые дни, не разгибая спины за бумагами, весьма мало меня интересующими. Въ степи же жизнь можетъ быть дѣятельная и въ тоже время не утомительная. Да и двойное жалованіе для меня имѣетъ свое значеніе. Что касается до веселостей, до удовольствій—Богъ съ ними. Мнѣ всюду весело, гдѣ у меня есть книги и гдѣ есть два, три человѣка, которыхъ я люблю и которые меня любятъ. Если вздумаетъ пріѣхать повидаться со мной мать моя, то надѣюсь, что мнѣ позволятъ на время взять отпускъ. Я провелъ здѣсь годъ незамѣтно; если находила на меня тоска и находитъ теперь порой—виноватъ тому не фортъ Перовскій, а мое положеніе и отсутствіе всякой надежды на скорое облегченіе участи. Когда же меня произведутъ, мнѣ будетъ лучше.—Вотъ другое дѣло, если бы мнѣ возвратили права съ 14-мъ классомъ, да позволили бы жить хоть въ Москвѣ! Тамъ я независимо отъ службы нашелъ бы средства къ существованію и могъ бы заниматься тѣмъ, къ чему чувствую наклонность: уроки, литература, мало ли тамъ средствъ. Но въ Оренбургѣ, кромѣ канцеляріи, гдѣ меня дѣлаютъ помощникомъ помощника какого-нибудь господина въ родѣ Вагнера и дадутъ 50 цѣлковыхъ въ годъ, не предстоитъ ничего; танцовать по средамъ въ клубѣ развѣ, да вѣдь за это жалованья не даютъ, къ несчастью.—Такъ вотъ вамъ моя просьба, Викторъ Дезидеріевичъ. Замолвите словцо Вас. Ал., авось и рѣшится представить меня, хоть я и недавно утеръ-офицеромъ и не проливалъ *„въ нѣкоторомъ родѣ"* крови. Но вѣдь въ этомъ я не виноватъ, случая не было. В. А. можетъ быть увѣренъ, что будетъ имѣть во мнѣ офицера, если не больно способнаго, то хоть честнаго и не пьяницу. Высшіе не будутъ жаловаться, а низшіе будутъ любить, за это я поручусь".

(*11 мая 1855 г.*) „...На дняхъ мы получимъ милостивый манифестъ, напечатанный въ газетѣ. Въ добавленіе къ нему (2 апрѣля „Инвалидъ") есть два параграфа, касающіеся насъ собственно, т. е. отданныхъ въ военную службу. Вы, безъ сомнѣнія, уже читали все это. Манифестъ возбудилъ здѣсь много отрадныхъ надеждъ Могутъ ли онѣ осуществиться,—знаетъ Богъ и В. А.!"

(*24 мая 1855 г.*). „...Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣ-

сколько словъ, мой добрый Викторъ Дезидеріевичъ. Послѣдняя почта принесла намъ мало утѣшительнаго; если я говорю намъ, то разумѣю подъ этимъ, собственно, носящихъ солдатскія шинели. Говорятъ, что манифестъ до насъ не коснется. Правда ли это? Писалъ Залѣсскій-Сиракузашъ, что будто В. А. сказалъ: имъ нечего надѣяться. А, между тѣмъ, въ приказѣ по корпусу—объ исполненіи манифеста—включены и эти два параграфа:

1) Написаннымъ въ рядовые безъ выслуги предоставить право выслуги, имѣющихъ право выслуги—произвести въ унтеръ-офицеры.

2) Унтеръ-офицеровъ, заслуживающихъ облегченія — представить въ прапорщики.

Къ кому же это относится? И исключеній тутъ никакихъ не сдѣлано для политическихъ? Сдѣлайте милость, Викторъ Дезидеріевичъ, если имѣете ко мнѣ хотя каплю дружбы,—скажите мнѣ искренно и прямо—могутъ ли имѣть благопріятный результатъ представленія барона? Я не измѣню тайнѣ, если только тайну нужно хранить здѣсь. Вотъ для чего мнѣ это нужно знать: мать моя пишетъ, что по совѣту многихъ своихъ знакомыхъ, она хочетъ просить государя. Если можно обойтись безъ прошенія — тѣмъ лучше; Богъ знаетъ, что еще встрѣтится въ жизни; часто же безпокоить высочайшихъ особъ не будешь. Но, если В. А. не расположенъ о насъ ходатайствовать, то случай подать прошеніе очень удобный. Мнѣ почему-то сдается, что едва ли представятъ насъ.

...Я служу шестой годъ; мнѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ 30 лѣтъ... воля ваша, а тяжело очень, если еще придется долго тянуть лямку. Я не хлопочу о карьерѣ, для меня уже она невозможна—Богъ съ ней,—я только желалъ бы имѣть мало-мальски независимое положеніе; желалъ бы пожить спокойно, тихо, и чтобы кругъ дѣятельности моей болѣе соотвѣтствовалъ моимъ способностямъ и наклонностямъ, чѣмъ эта военная служба, къ которой я питаю самую искреннюю антипатію. Переводъ въ гражданскую я счелъ бы за благодѣяніе величайшее, если бы съ этимъ мнѣ дали и средство трудомъ поддерживать свое существованіе. Въ противномъ же случаѣ, — какъ я уже писалъ вамъ, — я предпочитаю службу въ степи. Je ferai bonne mine à mauvais jeu. Гдѣ бы судьба, однако же, не опредѣлила мнѣ продолжать свое поприще, начальники могутъ быть увѣрены, что найдутъ во мнѣ если не способнаго, то, по крайней мѣрѣ, честнаго человѣка (хотя честь и считается нынче отрицательнымъ достоинствомъ)".

(*21 іюня 1855 г.*). „...Съ этой почтой снова идутъ о насъ представленія. Скальмовскій получилъ изъ дивизіи бумагу, чтобы представить достойнѣйшихъ, вслѣдствіе манифеста. Я тоже въ числѣ этихъ *достойнѣйшихъ*. Что будетъ изъ всего этого — не знаю. Прошу васъ только,

Викторъ Дезидеріевичъ, если представится случай, замолвить обо мнѣ доброе слово. Писалъ я къ Толстому, писалъ къ Барыкову, но на нихъ мало надежды. Не забудьте хоть вы меня, мой добрый.

Представляютъ меня къ 14-му классу, согласно моему желанію, но если произведутъ въ офицеры, то нечего дѣлать, — тогда ужъ остаюсь служить здѣсь. Маменька пишетъ, что В. А. собирается въ Петербургъ. Не знаю, отъ кого она слышала; кажется, это неправда. По крайней мѣрѣ изъ Оренбурга не пишутъ объ этомъ ничего?...“

(*21 іюля 1855 г.*). „...Не скажу, чтобы мнѣ было здѣсь трудно *служить*... Но при всемъ томъ, съ нѣкоторыхъ поръ одолѣваетъ меня тоска невыносимая, въ которой я самъ не могу дать себѣ отчета. Бываютъ минуты, право, близкія къ сумасшествію. Готовъ Богъ знаетъ на что рѣшиться. И прибавьте къ этому, что я боленъ. Грудь постоянно болитъ, по временамъ сильное біеніе сердца. Кажется, жаръ дѣйствуетъ на меня дурно. Доктора хоть сейчасъ дали бы мнѣ свидѣтельство. Но какъ проситься отсюда, когда я самъ просился у Василія Алексѣевича въ степь. И вдругъ теперь буду его опять безпокоить? Что онъ подумаетъ обо мнѣ. И что вы обо мнѣ подумаете. Давно ли я писалъ вамъ, что если бы меня произвели въ офицеры, то я бы хотѣлъ служить въ степи; а теперь, не дождавшись производства, прошусь на линію. Думайте, что угодно, но клянусь вамъ, что я совершенно палъ духомъ. Можетъ быть, потомъ, когда произведутъ меня, я вслѣдствіе обстоятельствъ и долженъ буду опять ѣхать въ степь, но теперь отъ пребыванія моего здѣсь я ничего не выигрываю. Точно также сталъ бы сидѣть у моря и ждать погоды на линіи, какъ здѣсь. Отличія не предвидится... Что же мнѣ дѣлать тутъ? Если-бъ я зналъ, что скоро могутъ произвесть, я бы подождалъ производства... Чувствую, что и на линіи можетъ быть мнѣ гадко. Заставятъ, пожалуй, ходить на ученья, въ караулы. Если попаду во 2-й бат. къ Іонею, то еще ничего. Онъ человѣкъ добрый и знаетъ меня. Но попадешься къ какому-нибудь новому—будетъ плохо. Знаю, предвижу все это, и все-таки говорю, что мнѣ нужна *перемѣна мѣста*, что я разстроенъ и физически и морально. Не осуждайте меня, Викторъ Дезидеріевичъ, а пожалѣйте. Вотъ шестой годъ, какъ я въ этомъ краѣ, какъ я солдатъ; 24-хъ лѣтъ прибылъ я—теперь мнѣ 30-й. Лучшіе годы жизни прошли — Богъ знаетъ какъ... безъ толку для себя и для другихъ. Ничего путнаго я не сдѣлалъ, ни малѣйшей іоты не принесъ пользы, и ни единаго часа не прожилъ счастливо. Всѣ мои дѣйствія были связаны. Столько униженій, оскорбленій всякаго рода довелось мнѣ изведать въ эти шесть лѣтъ. Если бы не встрѣтились мнѣ на пути два, три человѣка, о которыхъ я всегда буду вспоминать съ благодарностью, если бы ихъ участіе

по временамъ не поддерживало меня, да если бы еще не мысль о матери, то, можетъ, быть давно бы пустилъ я себѣ пулю въ лобъ. Никому не высказывалъ я никогда всего, что у меня на душѣ; я старался подлаживаться подъ общій тонъ, и казаться веселымъ тамъ, гдѣ веселятся другіе, но Богъ свидѣтель, что много безсонныхъ ночей проведено въ эти 6 лѣтъ, много пролито напрасныхъ, безполезныхъ слезъ! Все это оставляетъ горькій осадокъ въ глубинѣ сердца—вѣрьте мнѣ,—и общество *славныхъ малыхъ* едва ли можетъ удовлетворить человѣка, которому непрестанно подсказываетъ внутренній голосъ: жизнь твоя гибнетъ безплодно, гибнетъ безъ пользы и счастья. За два мѣсяца, проведенныхъ гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ, въ Петербургѣ, напримѣръ, посреди кипучей, разносторонней дѣятельности, гдѣ общественная жизнь, науки, искусства—все въ полномъ развитіи и блескѣ,—я отдалъ бы охотно остальную жизнь. Но сила солому ломитъ, говоритъ русскій народъ. И я склоняюсь подъ гнетъ судьбы; но не въ силахъ я переносить его безропотно! Хоть какого-нибудь разнообразія, хоть какой-нибудь жизни прошу я. Иначе не знаю, что будетъ со мной. Сознаюсь вамъ, къ стыду моему, что не разъ въ трудныя минуты я прибѣгалъ здѣсь къ кутежу; я искалъ въ немъ забвенья, и если находилъ его на нѣсколько часовъ, зато послѣ такъ отвратительно было мнѣ глядѣть на самого себя, такъ глубоко презиралъ я свое малодушіе! Здѣсь нѣтъ людей мыслящихъ, нѣтъ никого, кто бы ободрилъ, поддержалъ меня въ минуту тоски... съ кѣмъ бы могъ обмѣняться я мыслями, чувствами. Нѣтъ здѣсь и женскаго общества, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на насъ, смягчая и уничтожая даже вовсе, дурные инстинкты. Я чувствую, что тупѣю, грубѣю здѣсь. Сколько разъ я старался увѣрить себя, что мнѣ здѣсь хорошо; что спокойствіе замѣняетъ многое, что оно дѣлаетъ отсутствіе счастья не такъ замѣтнымъ. Напрасныя увѣренья: не подавишь своихъ стремленій, не убьешь своей природы...“

(1 сентября 1855 г.). „...У насъ самая важная и интересная новость есть скорый приходъ кокандцевъ... Услышавъ о приближеніи кокандцевъ, я сознаюсь, вамъ, призадумался надъ своей горемычной долей. Что, думаю я если судьба сыграетъ со мной такого рода комедію (вѣдь не впервые ей): въ Петербургѣ меня простятъ и уволятъ, а здѣсь всадятъ пулю въ сердце! Этого только не достаетъ, чтобы жизнь моя сдѣлалась вполнѣ трагической бутадой. Это достойная развязка—d'une existence avortiée! Впрочемъ, толковать о такомъ вздорѣ, о такой ничтожности, какъ жизнь *индивидуума*; при современныхъ событіяхъ, когда люди гибнутъ массами, не смѣшно ли думать, чтобы это бѣдное человѣческое *я* что-нибудь значило“.

(*20 марта 1856 г.*) „...Я долженъ отвѣчать вамъ на два письма, мой дорогой и глубокоуважаемый Викторъ Дезидеріевичъ. Благодарю васъ отъ всего сердца, что вы меня не забываете. Вы единственный корреспондентъ мой въ настоящее время,—всѣ знакомые и друзья пишутъ ко мнѣ чрезвычайно рѣдко. Я утѣшаю себя мыслью, что письма ихъ до меня не доходятъ. Надобно же чѣмъ-нибудь утѣшаться! Такъ созданъ человѣкъ. Не можетъ безъ утѣшеній. Послѣдняя почта принесла у насъ многимъ радость. Человѣкъ пять произведены въ офицеры, т. е. всѣ тѣ, которыхъ послалъ сюда графъ, чтобы выслужиться. Что вамъ сказать о томъ, какъ я принялъ вѣсть о своемъ исключеніи изъ числа представленныхъ? Не корчу изъ себя стоика, и не буду говорить, что мнѣ было весело. Но и зависти, право, я не чувствовалъ. Никто больше меня не желаетъ добра всѣмъ угнетеннымъ судьбой; тѣмъ болѣе, что между ними были люди истинно хорошіе. А къ неудачамъ не привыкать мнѣ. На участіе корпусного командира я не имѣю никакого права—стало быть, и расчитывать на него было бы глупо съ моей стороны. Къ тому же весьма вѣроятно, что баронъ въ бытность свою въ Оренбургѣ мнѣ нагадилъ. Мнѣ было досадно и больно одно, что прежде чѣмъ Славинскій не пріѣхалъ въ Оренбургъ, никто мнѣ не хотѣлъ написать, что я не представленъ. Видно боялись, чтобы я не сталъ докучать просьбами графу о себѣ или считали меня черезчуръ малодушнымъ и думали, что я, чего добраго, лобъ себѣ объ стѣну расшибу. Если-бъ меня знали получше, то не думали бы такъ. Я всегда готовъ просить за другихъ, но за себя крайне не люблю, а что касается до покорности своей участи, то ужъ если просидѣвъ девять мѣсяцевъ въ казематѣ и ожидая съ часу на часъ петли или Сибири,—если простоявъ передъ самой многочисленной публикой въ рубашкѣ и колпакѣ осужденнаго на разстрѣляніе, я не впалъ въ совершенное отчаяніе и уныніе, то и отказъ въ производствѣ меня не могъ сокрушить. Я какъ-то писалъ вамъ и теперь повторяю, что я довольно твердо переношу большіе удары судьбы, но щелчки по носу или булавочные уколы—раздражаютъ, волнуютъ меня, подымаютъ во мнѣ желчь. Телячьей кротости нѣтъ у меня и нѣтъ добродѣтели щенка, который лижетъ руку, только что отлупившую его плетью. Да! Гораздо хуже заставлять надѣяться и потомъ уже сказать, что надѣяться было нечего. Не лучше ли было сказать это сначала? Всего болѣе меня бѣсятъ ежедневныя соболѣзнованія и пощелкиванія языкомъ такихъ господъ, которые вѣрно бы не порадовались, если бы меня и произвели... Я бы могъ этого избѣгнуть, если-бы зналъ заранѣе, что меня не представили, и говорилъ бы всѣмъ, что не жду ничего. Изъ всѣхъ щелчковъ едва ли не самые худшіе тѣ, которые получаетъ наше самолюбіе. Теперь у меня единственная надежда на про-

шеніе, поданное матерью еще въ декабрѣ. Если на него послѣдуетъ отказъ, то я рѣшительно иду въ *неспособные*. Пускай мнѣ по болѣзни дадутъ отставку съ билетомъ нижняго чина. Если же меня произведутъ по прошенію матери, то я буду еще болѣе радъ, чѣмъ если бы меня произвели теперь; потому, что тогда я не буду обязанъ тѣмъ, которымъ обязаннымъ быть тяжело... Несчастіе другихъ не должно, конечно, никогда служить для насъ утѣшеніемъ, но все таки менѣе ропщешь на свое положеніе, когда видишь, что люди, имѣющіе болѣе тебя права на облегченіе участи—напрасно ждутъ его долгіе годы. Видно правъ тотъ, кто сказалъ, что нѣтъ такого положенія на свѣтѣ, хуже котораго не нашлось бы еще. У меня передъ глазами два примѣра: Лопатецкій, прослужившій *только* 16 лѣтъ, и Бржозовскій, котораго ни за штурмъ Акъ-Мечети, ни теперь не произвели въ унтеръ-офицеры. Оба они дѣйствительно убиты, и не мудрено. Если теперь не сдѣлано для нихъ ничего (тогда какъ сдѣлано для людей, прослужившихъ гораздо менѣе, и которыхъ права даже не утверждены герольдіей), то когда же и ждать ихъ? Развѣ новаго манифеста. Но манифесты не такое обыкновенное дѣло. Лопатецкій—старикъ, семейный человѣкъ. Его разлучили съ семействомъ и послали *въ видѣ* награды въ фортъ Перовскій. Теперь въ видѣ награды, конечно, соединятъ съ семействомъ. Но довольно обо всемъ этомъ".

(31 марта 1856 г.). „Благодарю васъ отъ всего сердца, мой добрый Викторъ Дезидеріевичъ, за то, что вы не полѣнились обрадовать меня съ экстрой. Хотя маменька писала мнѣ, но я все еще не вѣрилъ, что графъ меня представилъ. Если-же справедливо, что вслѣдствіе прошенія матери обо мнѣ есть запросъ, то не забудьте, мой дорогой, подать В. А. письмо мое, которое уже давно лежитъ у васъ".

„...Я, кажется, раньше іюля отсюда не вырвусь. Впрочемъ, si les choses iront, comme ils vont pour le moment, je n'ai pas à me plaindre. On me laisse tranquill et puis le printemps et l'esperance de devenir bientôt libretaut cela me sautient,—me bonnes des forces morales".....

„P. S.—А знаете что, я лучше бы желалъ, чтобы дали мнѣ 14-ый классъ или прапорщика, а не права. Господь съ ними. Я не забочусь о потомствѣ"...

(*Безъ помѣты*). „Съ этой почтой пришло предписаніе отъ В. А. освидѣтельствовать меня, точно ли я не могу продолжать военной службы. Значитъ, есть надежда вырваться скоро. Только на мою бѣду баронъ уѣхалъ въ Хадженіасъ и велѣлъ прислать ему туда для подписи предписаніе коменданту освидѣтельствовать меня. Стало быть, самое свидѣтельство отправится развѣ 1-го мая. Нечего дѣлать. Ждалъ шесть лѣтъ—два мѣсяца подожду".

(21 апрѣля 1856 г.). „Вы что-то замолчали опять. Пишите, мой добрый. Да скажите, отдали-ли вы письмо мое В. А.? и что онъ сказалъ? Свидѣтельство о моемъ нездоровьи пойдетъ отсюда не раньше 1 мая. У начальника линіи такъ много дѣлъ всякаго рода, что о добрыхъ дѣлахъ некогда и думать.

Прощайте, голубчикъ мой, Викторъ Дезидеріевичъ... На-дняхъ уѣхали отсюда *Сѣраковскій и Люткевичъ*. Послѣднему я далъ къ вамъ рекомендательное письмо. Это славный парень. Надѣюсь, что вы приласкаете его“...

Любопытно отмѣтить рѣшительное отсутствіе въ письмахъ Плещеева разсужденій на какія-либо политическія темы. А вѣдь въ то время Россія переживала грандіозную оборону Севастополя и необыкновенный подъемъ общественнаго настроенія. Одно стихотвореніе,—самое безобидное по темѣ,— „Послѣ чтенія газетъ“, двѣ-три строки вообще о войнѣ, да слѣдующій коротенькій отрывокъ,—вотъ и все, что Плещеевъ говорилъ о такомъ великомъ событіи. Въ одномъ изъ писемъ мы находимъ такую фразу: „И. Ѳ. Бларамбергъ прислалъ барону карту Крыма, на которой нѣтъ ничего, кромѣ точекъ: одна изображаетъ Севастополь, другая—Балаклаву, третья—имѣніе Елены Павловны“.—Вотъ и все, что мы находимъ въ письмахъ „политическаго“. Плещеевъ интересуется всѣми новостями литературы, слѣдитъ за нею, любитъ поговорить по этому поводу, обмѣняться мыслями; занятъ тѣмъ, что ему близко,—мѣстными интересами; переживаетъ громадную душевную драму,—пишетъ о ней; болѣзненно интересуется своей личной будущностью, но совершенно индефферентенъ ко всякимъ вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Какъ живетъ Россія, что волнуетъ общество,—его это вовсе не касается.

А. Н. былъ слишкомъ друженъ съ В. Д. Дандевиль, слишкомъ говорилъ съ нимъ откровенно, чтобы въ письмахъ не проскользнулъ бы хоть намекъ какой-нибудь на то, что, какъ казалось, должно было интересовать его больше всего...

М. Д.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Siccome una giornata bene spesa dà lieto dormire, cosi una vita bene spesa dà lieto morire.

I.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ селѣ Прямухинѣ въ 1814 году, Тверской губерніи, Торжковскаго уѣзда. Семейство родовитое, образованное пожелало дать ему военное образованіе, и на 20 году онъ поступилъ кадетомъ въ артилерійское училище въ Петербургѣ. Изъ этого періода своей жизни Михаилъ Александровичъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Наскучила ему страшно замкнутая, кадетская жизнь и рѣшился онъ во что бы ни стало отдѣлаться отъ нея. Какъ быть? Наилучшимъ способомъ оказалось стать физически неспособнымъ для военной службы, а потому требовалось во что бы ни стало расшатать свое здоровье.

— А здоровъ-то я, въ молодости, былъ до безобразія, такъ-таки абсолютно не зналъ, что такое простой насморкъ,—разсказывалъ М. А.— И порѣшилъ я заболѣть грудью; ну схватить, воспаленіе легкихъ что ли или горячку, что-нибудь такое, знаешь! Вотъ и выбралъ я зимою ночь морозную, напился хорошенько чаю, вспотѣлъ, да потный раздѣлся, явился во дворъ и легъ въ снѣгъ голымъ тѣломъ на одинъ бокъ. Пролежалъ я такъ добрые полчаса, сильно замерзъ и только, когда стало невмоготу, всталъ и одѣлся. Что-жъ ты думаешь, ни на другой день, ни на третій, хоть бы насморкъ что ли. Ничего, такъ-таки ничего! И пришлось мнѣ тянуть лямку попрежнему.

Въ военной службѣ М. А. пробылъ недолго. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ имѣньи отца, въ селѣ Прямухинѣ. Въ 1835 году М. А. жилъ уже въ Москвѣ; здѣсь онъ сталъ членомъ кружка Н. Станкевича. Въ это время, т. е. въ 1836—1839 годахъ, М. А. по своимъ убѣжденіямъ былъ чистымъ консерваторомъ; такимъ онъ является въ статьяхъ,

проникнутыхъ гегельянствомъ и печатавшихся въ „*Московскомъ Наблюдателѣ*", который издавалъ В. Бѣлинскій. Тогдашній консерватизмъ Бакунина оттолкнулъ отъ него Бѣлинскаго, этого „неумытаго реалиста по темпераменту и по натурѣ" и этого русскаго Дидерота, какъ называлъ М. А. нашего великаго критика, на которомъ воспиталось наше все поколѣніе. Объ этомъ періодѣ своей жизни М. А. не любилъ вспоминать и даже, когда я съ покойнымъ Зайцевымъ заводилъ рѣчь про Бѣлинскаго или Грановскаго, то получалъ въ отвѣтъ самые отрывистыя, ничего незначущія фразы.

Изъ разсказовъ его о своемъ первомъ пребываніи за границею извѣстно мнѣ лично, что уѣхалъ онъ изъ Россіи съ исключительной цѣлью учиться, и учиться въ Германіи. Деньги для этого онъ занялъ у своихъ друзей, и въ 1840 году появился за границею. О его родныхъ, остававшихся въ Россіи, я заводилъ не разъ разговоръ съ М. А.; это тѣмъ болѣе было естественнно, что одинъ изъ братьевъ моего отца Иванъ Ралли былъ женатъ на Аннѣ Павловнѣ Полторацкой, двоюродной сестрѣ Бакунина, а слѣдовательно была связь между нашими общими родственниками въ Россіи. По этимъ разсказамъ М. А. о своихъ родныхъ я вынесъ убѣжденіе, что онъ вплоть до старости сохранилъ самое теплое воспоминаніе о своемъ отцѣ, человѣкѣ относительно начитанномъ и крайне гуманномъ; о матери, напротивъ, М. А. рѣдко упоминалъ, относительно братьевъ и сестеръ онъ вспоминалъ также съ неохотою. Это послѣднее, можетъ быть, происходило отъ того, что въ это время Бакунинъ крайне нуждался и потерялъ всякую надежду на матеріальную помощь со стороны своихъ родныхъ. О моей двоюродной сестрѣ Аннѣ Павловнѣ Полторацкой онъ говаривалъ, что она „была дѣвка съ характеромъ" и женила на себѣ богатаго молдаванина Ивана Ралли, съ которымъ и уѣхала въ Бессарабію. Бакунинъ интересовался очень моими родственниками не потому, однако, что одна изъ его двоюродныхъ сестеръ нашла среди нихъ себѣ мужа, а потому, что среди этихъ родственниковъ провелъ годы изгнанія русскій поэтъ А. С. Пушкинъ въ бытность свою въ Кишиневѣ.

Дѣйствительно, домъ моего дѣда Замфира Ралли посѣщался въ особенности часто Пушкинымъ, сосланнымъ императоромъ Александромъ I въ Бессарабію; русскій поэтъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ Константиномъ Ралли и много хлопотъ надѣлалъ моей тетушкѣ Екатеринѣ Стамо, въ которую вздумалъ влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была, однако, женщиной строгихъ правилъ и до конца жизни своей не согласилась отдать мнѣ сохранившіяся у ней два письма поэта, въ которыхъ Пушкинъ *lui a fait sa declaration.* Моя старая тетушка до своей смерти такъ и не читала иныхъ книгъ, кромѣ старыхъ французскихъ

романовъ, рекомендованныхъ ей для прочтенія еще Пушкинымъ. Разсказы мои, даже анекдотическаго характера про Пушкина, сохранившіеся въ семьѣ нашей, утѣшали и Бакунина, и Зайцева въ ихъ отшельнической жизни въ Локарно [1]).

Поселившись въ 1840 году въ Берлинѣ, М. А. писалъ Герцену въ Россію: „Пріѣзжай скорѣй сюда; *наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія, или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться*". Эти нѣсколько словъ показываютъ ясно всю психику М. А. въ то время, когда онъ впервые выѣхалъ въ Европу.

Въ 1842 году М. А. покинулъ Берлинъ, боясь быть выданнымъ Россіи. По этому поводу онъ разсказывалъ слѣдующее: „Проживая въ Берлинѣ и занимаясь философіей, я тогда и не думалъ, что мои философскія писанья набросятъ на меня тѣнь неблагонадежности; напротивъ, было время, когда я даже серьезно думалъ подготовиться для университетской кафедры, и если бы не русское посольство въ Берлинѣ да его шпіоны, очень можетъ быть, что я такъ бы и застрялъ на нѣмецкой философіи; скверные слухи про мою неблагонадежность дошли даже до моего брата, который сообщилъ мнѣ, что я нахожусь на самомъ скверномъ счету въ Петербургѣ. Это меня побудило покинуть Берлинъ, а потомъ я и покатился уже по своей дорожкѣ. Такъ-то; нужно благодарить полицію нашу, что она меня отрезвила во время отъ нѣмецкой философіи".

Въ 1844 году онъ былъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ сошелся близко съ Прудономъ и Леру. Относительно его знакомства съ Прудономъ мнѣ лично извѣстно лишь все то, что уже существуетъ въ печати. Въ 1872 году Бакунинъ просилъ меня переслать ему въ Локарно нѣкоторыя изъ сочиненій Прудона, а главнымъ образомъ его „*Общую идею революціи XIX вѣка*" и „*Исповѣдь революціонера*", въ которыхъ Прудонъ развилъ свою основную мысль о разрушеніи политическаго государства и организаціи экономической федераціи общества. Эти книги послужили потомъ, немного позже, когда въ Локарно пріѣхалъ Зайцевъ, къ написанію книги, озаглавленной „*Анархія по Прудону*", изданной нами въ Цюрихѣ въ 1873 году. Книга была написана Зайцевымъ въ то время, когда Бакунинъ уже засѣлъ за писаніе своей „*Государственности и Анархіи*". М. А. считалъ Прудона метафизикомъ и очень плохимъ экономистомъ; поэтому онъ и былъ побитъ Марксомъ. Это мнѣніе Бакунина, однако, слѣдуетъ принимать во вниманіе съ слѣдующей поправкою: Прудонъ познакомился съ Кантомъ и Гегелемъ чрезъ Бакунина, который передалъ ему и свою діалектику и свой взглядъ на исторію, какъ метафизику въ дѣйствіи; ему

---

[1]) Семейныя воспоминанія о Пушкинѣ, сохранившіяся въ памяти автора, напечатаны въ „Минувшихъ Годахъ", іюль.

же, Бакунину, Прудонъ обязанъ формулою, названною имъ именемъ *антиномія*. Конечно, впослѣдствіи М. А. отказался отъ многаго изъ своихъ философскихъ взглядовъ, но это произошло много позже его общежитія съ Прудономъ. Для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе въ той розни во взглядахъ, которые произошли впослѣдствіи между ученіемъ Прудона и Бакунина, слѣдуетъ всенепремѣнно прочесть книгу Зайцева *„Анархія по Прудону"*, такъ какъ въ ней излагается довольно ясно критика Прудона, сдѣланная М. А. въ его бесѣдахъ съ нами по этому предмету.

Введеніе, написанное Зайцевымъ къ *„Общей идеи революціи XIX в."*, въ которомъ обозрѣваются первые три этюда Прудона, было просмотрѣно Бакунинымъ, и на поляхъ манускрипта, сохранившагося у меня, написано рукою Бакунина слѣдующее начало первой главы:

„Когда въ обществѣ существуетъ достаточная причина для революціи, „никакая человѣческая причина не можетъ помѣшать этой революціи произойти. Если правительство или привилегированные классы пытаются „воспрепятствовать ей, эти усилія подавить революціонную силу, эти ре„акціи, хотя бы на время казались успѣшными, только усиливаютъ въ „сущности силу, которую хотятъ подавить; они только помогаютъ револю„ціонной идеѣ формулироваться; только вѣрнѣе указываютъ революціи путь, „которымъ она должна слѣдовать; только начертываютъ ей дорогу, кото„рую, предоставленный самому себѣ, революціонный инстинктъ, быть мо„жетъ, долго искалъ бы безуспѣшно".

Не много далѣе, въ этомъ же введеніи, написанномъ цѣликомъ рукою Зайцева, М. А. послѣ строкъ „посмотримъ же, каково положеніе, созданное во Франціи буржуазнымъ порядкомъ, учрежденнымъ въ 1789", написалъ на поляхъ манускрипта слѣдующее:

„Революція, предпринятая въ концѣ прошлаго вѣка противъ дворян„ства и монархіи, имѣла двоякую задачу; задача это состояла въ томъ, „чтобы уничтожить во Франціи и въ Европѣ феодальный или военный „порядокъ и замѣнить его всюду порядкомъ равноправности или про„мышленнымъ".

Далѣе тоже на поляхъ рукою уже Зайцева идетъ дополненіе къ добавленному Бакунинымъ. Книга *„Анархія по Прудону"* была набрана нами же, печатали мы ее на ручномъ прессѣ въ количествѣ 1200 экземпляровъ въ Цюрихѣ, до разрыва нашего съ Бакунинымъ, происшедшаго вслѣдствіе несогласій съ С—нымъ. Книга *„Анархія по Прудону"* вышла съ небольшимъ предисловіемъ въ 2 съ половиною страницы, продиктованнымъ М. А. Бакунинымъ автору ея, Зайцеву.

Вотъ и все, что мнѣ лично извѣстно объ отношеніяхъ М. А. къ Пру-

дону. Изъ разговоровъ моихъ съ Бакунинымъ я могъ убѣдиться, что самолюбіе М. А. всегда было нѣкоторымъ образомъ шокировано тѣмъ, что многіе считали его ученикомъ Прудона, между тѣмъ какъ М. А. былъ серьезнѣе подготовленъ въ области экономическихъ наукъ и философскихъ міровоззрѣній, нежели Прудонъ, а потому былъ даже склоненъ считать скорѣе Прудона своимъ ученикомъ, нежели учителемъ. Во всякомъ случаѣ діалектикой, конечно, Прудонъ позаимствовался у Бакунина, а не послѣдній у перваго. Прудонъ не зналъ по-нѣмецки, а поэтому вся философская литература германская, включая самого Гегеля, была ему мало извѣстна, по крайней мѣрѣ, по первоисточникамъ.

Изгнанный изъ Парижа, Бакунинъ отсюда проѣхалъ въ Кельнъ, а потомъ въ Берлинъ, а оттуда предполагалъ уѣхать немедля долго въ Позенъ, чтобы быть ближе къ Россіи. Объ этомъ періодѣ своей жизни М. А. разсказывалъ намъ слѣдующее:

— Я сильно ошибся тогда въ нашихъ славянахъ, предполагая, что политически они болѣе подготовлены къ роли иниціаторовъ славянскаго освобожденія, нежели мы, русскіе. Въ Бреславлѣ и потомъ въ Прагѣ я нашелъ элементы хорошіе, но, съ одной стороны, обстоятельства, съ другой, отсутствіе средствъ разрушили всѣ мои планы. Съ тѣхъ поръ я болѣе не вѣрю, что чрезъ славянъ мы двинемъ Россію, а напротивъ, все еще вѣрю, что поляки, если они отрѣшатся отъ своихъ шляхетскихъ идеаловъ и станутъ соціалистами-федералистами, сыграютъ по отношеніи Россіи эту великую роль. Въ 1848 году я серьезно пытался создать центральное бюро изъ славянъ въ Бреславлѣ и потомъ въ Прагѣ; это бюро должно было взять на себя организацію славянскаго освобожденія прежде всего отъ германо-австрійскаго владычества, а потомъ и московскаго, теперь, конечно, я гляжу шире и въ нашемъ „славянскомъ завѣсѣ“ [1]) вижу ту же цѣль на чисто соціалистическихъ принципахъ. Въ 1848 году, говорилъ Бакунинъ, какъ въ Бреславлѣ, такъ и въ Прагѣ онъ принялъ за программу прокламацію 1846 года, подписанную въ Лондонѣ Маццини, Кошутомъ, Ледрю-Ролленомъ и Герценомъ, въ которой всѣ европейскіе народы призывались освободиться на чисто національныхъ началахъ. Оппозиція противъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ стремленій заставила Бакунина примкнуть къ тому направленію, которое требовало превратить Австрію въ федерацію, хотя бы и монархическую на первое время.

По иниціативѣ Кукульевича (Харлама) былъ созванъ съѣздъ славянъ въ Прагѣ, въ 1848 году въ маѣ мѣсяцѣ. На этотъ съѣздъ и пріѣхалъ Бакунинъ со своими прозелитами изъ Бреславля, между которыми былъ и

[1]) См. ниже «славянская секція въ Цюрихѣ».

Либельтъ, какъ представитель познаньскихъ поляковъ, самъ же М. А. на съѣздѣ былъ представителемъ отъ великоруссовъ Бѣлой Криницы, что въ Буковинѣ. На съѣздѣ Бакунинъ внесъ предложенiе объ основанiя всеславянскаго совѣта (slavenski zaves), имѣвшаго цѣлью созданiе общеславянскаго союза.

После взятья Праги войсками подъ командою кн. Шварценберга Бакунинъ бѣжалъ въ Германiю, гдѣ скрывался то въ Берлинѣ, то въ Котенѣ, а въ 1847 году поселился на нѣкоторое время въ Лейпцигѣ, гдѣ сформировалъ кружокъ изъ студентовъ-чеховъ, имѣя цѣлью поднять возстанiе въ Богемiи. Въ это время онъ написалъ свое „воззванiе къ славянамъ", призывая ихъ къ разрушенiю Австрiйской имперiи, а также къ освобожденiю поляковъ и русскихъ отъ тиранiи Николая I-го.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Бакунинъ появился въ Дрезденѣ, гдѣ сталъ во главѣ возстанiя. Съ 5-го по 9 мая онъ пользовался властью диктатора, организуя защиту города отъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ. Впослѣдствiи обвиняли Бакунина въ томъ, что онъ приказалъ-де наготовить горючiй матерiалъ изъ смоленныхъ вѣнковъ въ тамошнемъ музеумѣ, а отъ этого произошелъ пожаръ, уничтожившiй часть коллекцiй. М. А. по этому поводу намъ всѣмъ разсказывалъ слѣдующее:

— Никогда я такого приказа не давалъ, а посовѣтовалъ нѣмцамъ поставить на мѣстѣ Мадону Рафаэля и послать глашатая къ начальникамъ прусскихъ войскъ, съ заявленiемъ, что если они станутъ стрѣлять по народу, то попортятъ великое произведенiе безсмертнаго художника".

Прекрасно помню, что при этомъ одинъ изъ насъ спросилъ, шутя М. А., поступилъ ли бы онъ такъ и тогда, когда пришлось бы защищаться отъ начальниковъ русскихъ войскъ?

— Ну, братъ, нѣтъ!—отвѣтилъ Бакунинъ.—Нѣмецъ, человѣкъ цивилизованный, а русскiй человѣкъ дикарь, онъ и не въ Рафаэля станетъ стрѣлять, а въ самую какъ есть Божью Матерь, если начальство прикажетъ. Противъ русскаго войска съ казаками грѣшно пользоваться такими средствами—и народа не защитишь и Рафаэля погубишь.

Восьмого мая Бакунинъ говорилъ горячую рѣчь депутатамъ отъ города, доказывая имъ все значенiе отчаянной защиты Дрездена; но революцiонеры должны были отступить на другой же день подъ натискомъ регулярныхъ войскъ.

— Мы были вооружены плохо, еще хуже обстояло дѣло съ зарядами, я предвидѣлъ, что придется очень скоро сдаться, — разсказывалъ Бакунинъ,—но все-таки соблазняла мысль умереть съ оружiемъ въ рукахъ. Арестованъ я былъ въ Хемницѣ, когда вокругъ меня никого не осталось, кромѣ членовъ революцiоннаго правительства.

Прусскій офицеръ, который потомъ сторожилъ его въ темницѣ города Альтенбурга, разсказывалъ, что Бакунинъ сохранялъ въ неволѣ свой желѣзный характеръ революціонера, непоколебимо вѣрующаго въ свою правоту, и убѣждавшаго своего цербера въ томъ, что въ политикѣ одинъ успѣхъ опредѣляетъ величіе предпріятія. Изъ Альтенбурга М. А. былъ вскорѣ переведенъ въ грозную крѣпость Кенигштейна, гдѣ вскорѣ его приговорилъ военный судъ къ смерти, а король смягчилъ приговоръ, замѣнивъ смерть вѣчной каторгой. Австрійское правительство, однако, потребовало выдачи его для разслѣдованія его участья въ пражскомъ возстаніи и М. А. былъ для этого передaнъ Австріи. Его перевели скованнаго въ Прагу, гдѣ старались добыть показанія, на основаніи которыхъ надѣялись доказать, что славянское движеніе въ Австрійскихъ провинціяхъ было дѣломъ русскаго правительства, котораго агентомъ-де былъ поручикъ Бакунинъ.

— Въ Кенигштейнѣ я просилъ, чтобы меня разстрѣляли,—передавалъ намъ Бакунинъ,—ну, а у австрійскаго правительства я просто-на-просто отрицалъ, что принималъ какое-либо участье въ возстаніи. Вскорѣ я убѣдился, сидя въ пражской тюрьмѣ, что меня считаютъ агентомъ Николая.

Изъ Пражской тюрьмы Бакунинъ былъ переведенъ въ Ольмюцъ, гдѣ австрійскія власти приковали его къ стѣнѣ.

— Шесть мѣсяцевъ я высидѣлъ на цѣпи,— говорилъ М. А.,—и выдумалъ цѣлый мотивъ, изображавшій собою Прометея, прикованнаго къ скалѣ; когда я его себѣ мурлыкалъ подъ носъ, нѣмцы удивлялись, что я такой веселый и пою.

Въ мартѣ 1851 года Бакунина приговорили къ смерти. Это былъ уже второй приговоръ къ смерти; вскорѣ послѣ этого, однако, онъ былъ выданъ Россіи.

Съ 1851 года и вплоть до 1854 Бакунинъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а послѣ до 1859 въ Шлиссельбургской, гдѣ заболѣлъ цынгой и потерялъ зубы.

О своемъ письмѣ къ Николаю І-му М. А., на мои вопросы и вопросы товарищей, отвѣчалъ всегда слѣдующей уклончивой фразой:

— Это была большая ошибка съ моей стороны, въ письмѣ моемъ я высказалъ много правды Николаю, но все же отнесся къ нему, какъ къ человѣку, любящему Россію, а этого не слѣдовало дѣлать, потому что Николай былъ д. . . .ъ и понять меня не могъ. *Я много бы далъ, чтобы этого письма не существовало!*" Содержаніе же письма Бакунинъ всегда характеризировалъ словами: „*оно было славянофильское*, я тогда слишкомъ придавалъ значенія Россіи въ вопросѣ освобожденія славянъ изъ-подъ нѣмецкаго ига. *Написано оно было подъ вліяніемъ тѣхъ оскорбленій, которыя я вынесъ въ австрійскихъ тюрьмахъ.*

Писать къ Николаю не слѣдовало уже потому, что тогда было ясно, что его царствованіе обнаружило всю ложь его государственной системы—онъ довелъ уже Россію до края гибели. Въ Россіи, созданной Петромъ Великимъ, все естественное извращено, нѣтъ самостоятельнаго движенія, все живое пожертвовано въ пользу внѣшней государственной жизни. А гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть и правды; русская жизнь, ушедшая въ глубь со временъ Петровщины, никогда не оживляла собою петровское созданіе—Россійскую Имперію. Русскій народъ носилъ на своихъ могучихъ плечахъ неуклюжую, наскоро сколоченную бюрократіей, имперію, чувствуя, что государство это несуразное распадается для того, чтобы, наконецъ, уступить мѣсто ему самому—народу. Русскій народъ никогда не любилъ петровской имперіи, а напротивъ, ненавидѣлъ ее. Распаденіе россійской имперіи, однако, не будетъ похоже на одновременно готовящееся разрушеніе Австрійской и Турецкой Имперій. Послѣ этихъ государствъ не останется ничего, послѣ русской имперіи останется—русскій народъ, который и заживетъ свободно на развалинахъ русской имперіи. Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Бѣлоруссію и Малоруссію, отдѣлите Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и Кавказъ — останется именно то великорусское племя, которое готово къ своей исторической жизни и не имѣетъ ничего общаго съ укладомъ русской имперіи. Императоръ Александръ II хотѣлъ, опираясь на чиновничество, произвести реформы, казавшіяся ему необходимыми, дабы спасти имперію. Это ему не удалось, и не могло удаться. Чиновничество въ Россіи ненавистно народу еще болѣе, нежели дворянство. Чиновникъ русскій это—та палка, которою безпощадно били народъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Вездѣ бюрократія мертвитъ, а не живитъ государство. Въ Россіи она все разрушила!“ Таково было мнѣніе Бакунина объ его письмѣ къ Николаю I-му, которому онъ совѣтывалъ взять на себя роль освободителя славянъ изъ-подъ австрійскаго ига.

II.

Въ 1860 году Бакунинъ былъ высланъ въ Сибирь, откуда и бѣжалъ вскорѣ, благодаря крайне благопріятно сложившимся обстоятельствамъ; въ бытность свою въ Сибири онъ женился. Бѣжавъ чрезъ Санъ-Франциско и Нью-Іоркъ, онъ въ концѣ 1861 года явился въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ своими друзьями Герценомъ и Огаревымъ.

Объ этомъ періодѣ жизни М. А. я ничего новаго не могу прибавить къ уже обнародованному, довольно обширному матеріалу. Лично я знаю, что Бакунинъ былъ крайне оскорбленъ послѣднимъ отзывомъ Герцена о немъ, а потому и отзывался о послѣднемъ въ бесѣдахъ съ нами съ яв-

нымъ недоброжелательствомъ. Всѣ эти чисто личныя недоразумѣнія, по моему мнѣнію, не имѣютъ въ данный моментъ непосредственнаго интереса, а потому я и считаю просто-на-просто своевременнымъ обойти ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ 1862 году М. А. написалъ свое воззваніе къ *„русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ“*, которое вышло приложеніемъ къ № 122—23 *Колокола*, отъ 15 февраля. По поводу этого воззванія Герценъ написалъ слѣдующія нѣсколько словъ въ своемъ журналѣ: „Мы печатаемъ въ прибавочномъ листѣ первую статью Бакунина: *Колоколу* по праву принадлежитъ его слово, молчавшее такъ долго... и неутратившее своей крѣпости и энергіи—ни въ казематахъ, ни въ снѣжныхъ пустыняхъ“. Михаилъ Александровичъ такъ и не написалъ, собственно говоря, ни одной статьи въ *Колоколѣ*,—вскорѣ польское революціонное движеніе 1862—63 годовъ захватило его и повлекло туда, куда Герценъ никогда не пошелъ бы не потому только, что это движеніе было чисто національно-политическое, безъ всякихъ соціалистическихъ тенденцій, а потому, что Герценъ дорожилъ слишкомъ своимъ спокойствіемъ публициста-журналиста.

Въ 1848 году Александръ Ивановичъ Герценъ подписалъ почти тождественную прокламацію къ европейскимъ народамъ уже чисто политическаго характера совмѣстно съ Кошутомъ, Гарибальди, Маццини, Ледрю-Ролленомъ, Ив. Дим. Братіано, звавшимъ всѣхъ подняться во имя національнаго освобожденія за чисто республиканскіе идеалы и только; послѣ революціи 48 года основные принципы, руководящіе публицистической дѣятельностью Герцена, измѣнились, и въ его отношеніи къ передовымъ людямъ Европы усматривается уже соціалистическая подкладка. Это была вторая причина, по которой Герценъ вскорѣ разошелся съ Бакунинымъ по польскому дѣлу. Бакунинъ, напримѣръ, бросившись съ головою въ дѣло національнаго освобожденія поляковъ, только потому, что жаждалъ революціонной дѣятельности, призналъ возможнымъ *временно отречься* отъ всѣхъ своихъ соціалистическихъ тенденцій. Послѣ неудачной своей экспедиціи чрезъ Скандинавію въ Польшу, послѣ тяжелыхъ нареканій по поводу этой экспедиціи со стороны Герцена и др., М. А. созналъ свою ошибку и впослѣдствіи относился съ крайней осторожностью къ польскому элементу, съ которымъ соприкасался во всю свою послѣдующую дѣятельность во Франціи, Швейцаріи и Италіи. Относительно участья своего въ польской революціи Бакунинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, всегда обвинялъ, однако, не столько поляковъ, сколько русское общество и русское правительство, которые вселили въ полякахъ полное недовѣріе ко всему русскому. Въ особенности поляки, по словамъ М. А., не довѣряли русскимъ революціонерамъ съ соціалистическими тенденціями, и это потому, что чиновники и шпіоны рус-

скіе въ Польшѣ вели тогда почти что соціалистическую пропаганду среди польскаго крестьянства, науськивая его противъ революціонеровъ-шляхтичей.

Послѣ неудачной экспедиціи чрезъ Швецію въ Польшу и Литву Бакунинъ въ 1863 году вернулся въ Лондонъ, гдѣ былъ холодно встрѣченъ Герценомъ; въ 1864 г. онъ покинулъ Англію и поселился во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ. Здѣсь онъ основалъ „*Союзъ соціальной демократіи*", въ который вошли нѣсколько польскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ тогда въ Италіи, де-Губернатисъ и два-три итальянца—художника. Кружокъ, созданный Бакунинымъ, имѣлъ въ виду борьбу съ Маццини, т. е. съ его теологической политикой, предполагавшей примирить свѣтскую власть папы съ республиканскимъ образомъ правленія. Программа Бакунина противопоставила религіи—атеизмъ, отрицала юридическое право и признавала коллективную собственность. Объявляя трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая должна принять форму вольной федераціи снизу вверхъ, программа вмѣсто гражданственности признавала „свободу личности".

Переѣхавъ изъ Флоренціи въ Неаполь, въ 1865 году Бакунинъ познакомился съ итальянскимъ депутатомъ Фанелли, а чрезъ него съ Фришія. Вскорѣ совмѣстно съ этими послѣдними онъ основалъ „*Интернаціональное братство*". Программа этого братства можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: „уничтоженіе государства юридическаго и политическаго, организація на мѣсто его свободныхъ индивидовъ въ свободныя группы, федерація этихъ группъ". Вокругъ этой новой программы Бакунину вскорѣ удалось собрать кружокъ итальянской молодежи: Гамбуцци, Реццо, Андрея Коста, Карло Каффіеро, Туччи, Малатеста, Набруцци, Цанарделли, Капоруссо, Биньори и др. Всѣ эти молодые люди могутъ считаться основателями соціализма въ Италіи; одни изъ нихъ остались вѣрными федерализму Бакунина, другіе, долго блуждая въ поискахъ за теоретической выработкой бакунинскаго ученія, окончили тѣмъ, что перешли къ соціалъ-демократамъ, сдѣлавшись самыми рьяными марксистами.

Лично я зналъ многихъ изъ этихъ молодыхъ людей въ 1872 году, когда они еще группировались вокругъ Бакунина, формируя его генеральный штабъ въ „Интернаціоналѣ".

Въ 1867 году Бакунинъ переѣхалъ въ Женеву, покинувъ Италію вслѣдствіе преслѣдованій полиціей; въ Женевѣ онъ вскорѣ сдѣлался членомъ комитета „*Лиги мира и свободы*", и въ качествѣ ея члена предложилъ Международному Обществу Рабочихъ проектъ союза съ Лигою на условіи, что рабочіе поддержатъ буржуазію въ ея борьбѣ съ остатками феодализма въ Европѣ, а буржуазія обяжется поддержать пролетаріатъ въ его борьбѣ за экономическое освобожденіе. Предложеніе это Бакунинъ сдѣ-

лалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ радикальной женевской партіи, главою которой въ то время сталъ Картаретъ. Радикальная партія серьезно тогда предполагала возможнымъ примирить стремленія рабочаго класса съ интересами буржуазіи, боровшейся съ клерикалами, стоявшими во главѣ кантональнаго правительства. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ пропаганды Бакунина французскія секціи Швейцаріи послали своихъ делегатовъ на конгрессъ „*Лиги мира и свободы*". На конгрессѣ, состоявшемся въ 1868 году, меньшинствомъ голосовъ (30 противъ 110) была принята программа чисто соціалистическая, выработанная Бакунинымъ; къ этой программѣ примкнулъ тогда делегатъ изъ Франціи Элизе Реклю, изъ Италіи Фанелли, Беккеръ и пр. Это меньшинство отдѣлилось отъ Лиги, составивъ новое общество подъ названіемъ „*Alliance internationale de la Démocratie Socialiste*". Программу общества написалъ Бакунинъ, и эта программа, съ нѣкоторыми измѣненіями, впослѣдствіи послужила Бакунину для сформированія снова своего „*братства*". Относительно обвиненія, которое было сдѣлано общимъ совѣтомъ „*Интернаціонала*", что общество, созданное Бакунинымъ, есть тайный совѣтъ въ нѣдрахъ Международнаго Общества Рабочихъ, что въ этомъ обществѣ Бакунинъ провозглашенъ диктаторомъ,—то это обвиненіе *de jure* не вѣрно, а только *de facto* было такъ. М. А. написалъ для своего „*Alliance*", собственно, говоря двѣ программы: одна была вѣрная копія съ программы Интернаціонала, другая же, предназначавшаяся для избранныхъ имъ лично членовъ, имѣла въ виду организацію интернаціональнаго комитета соціалистовъ-революціонеровъ, которые должны были подпольно руководить явнымъ Allianс'омъ, считавшимся простыми секціями Международнаго Общества Рабочихъ. Конечно, въ комитетѣ тайномъ руководящая роль естественнымъ образомъ оказалась въ рукахъ Бакунина, какъ самаго активнаго и самаго довѣреннаго лица; но никогда М. А. не былъ провозглашенъ диктаторомъ, никогда онъ и не требовалъ ни отъ кого такого титула, хотя, повторяю, фактически былъ полнымъ руководителемъ составленнаго имъ тайнаго общества.

Въ 1868 году М. А. сдѣлался членомъ женевской секціи пропаганды Интернаціональнаго общества рабочихъ. Секція эта состояла изъ Н. И. Жуковскаго, Элпидина, Утина, Трусова, Озерова и нѣсколькихъ французовъ; изъ нѣмцевъ въ ней вначалѣ числился и коммунистъ Беккеръ, который, однако, очень рѣдко появлялся на собраніяхъ секціи, а потомъ окончательно вышелъ изъ нея. Секція эта не существовала долго и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ распалась: Бакунинъ съ Озеровымъ и Н. И. Жуковскимъ вышли какъ изъ секціи, такъ и изъ того русскаго кружка, который, было, сформировался вокругъ Бакунина Относительно этого своего послѣдняго пребыванія въ Женевѣ М. А. всегда вспоминалъ съ большой го-

речью; въ особенности онъ былъ возбужденъ противъ Утина и окружающихъ его русскихъ.

Въ мартѣ 1869 году пріѣхалъ въ Женеву Сергѣй Генадьевичъ Нечаевъ и познакомился какъ съ М. А., такъ и съ Н. Утинымъ, съ которымъ, однако, не поладилъ. Относительно несогласія между Утинымъ и Нечаевымъ слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что заявленіе Н. Утина, будто въ это время онъ получилъ изъ Петербурга обстоятельныя предостереженія по поводу ново-прибывшаго, абсолютно ложно. Таковыхъ свѣдѣній въ то время не могло быть, такъ какъ самъ Нечаевъ еще не имѣлъ никакого плана дѣйствія и много позже сталъ разсказывать о своемъ псевдо-бѣгствѣ изъ Петропавловской крѣпости, а также о существованіи какого-то комитета партіи въ Россіи. Нечаевъ, познакомившись съ М. А., на первыхъ порахъ былъ почти что совершенно правдивъ и только преувеличивалъ количественно кругъ своихъ связей въ Россіи, относительно же существованія какой-либо партіи не говорилъ ничего опредѣленнаго, что, однако, Бакунину казалось похвальной тактикой хорошаго конспиратора.

Пріѣздъ Нечаева въ Женеву совпалъ съ полнымъ разрывомъ въ средѣ интернаціональной секціи пропаганды; М. А., который совмѣстно съ Н. Утинымъ и другими положилъ начало русской газетѣ „Народное дѣло", (окт. 1868) ушелъ какъ изъ редакціи газеты, ставшей цѣликомъ органомъ Утина, такъ и изъ кружка тѣхъ русскихъ, которые перешли на сторону Карла Маркса, уже объявившаго войну Бакунину и его федерализму. Эта вражда, однако, не имѣла еще за собой тѣхъ обвиненій, которыя впослѣдствіи были возведены на Бакунина со стороны Карла Маркса. Разрывъ Бакунина съ Утинымъ произошелъ въ началѣ 1869 года, но не вслѣдствіе сближенія перваго съ Нечаевымъ, а по чисто принципіальному несогласію. Н. Утинъ тогда же устроилъ отдѣльную секцію Интернаціонала изъ Аитова, Трусова и нѣсколькихъ женщинъ, между которыми видную роль играла г-жа Левашева, сестра Ад. Ст. Жуковской; секція эта называлась *„первой русской секціей М. Н. О. Рабочихъ"*. Она поставила себѣ слѣдующую задачу: пропагандировать въ Россіи „всѣми возможными раціональными (!) средствами" идеи и начала интернаціональнаго общества рабочихъ; способствовать устройству интернаціональныхъ секцій въ средѣ русскихъ рабочихъ массъ, помогать установленію прочной солидарной связи между трудящимися классами Россіи и Западной Европы. Хотя основатели этой русской секціи и имѣли въ виду примкнуть цѣликомъ къ международному союзу рабочихъ, однако, считали необходимымъ не игнорировать образъ мыслей, тогда охватившій уже всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые проживали въ Женевѣ и изъ которыхъ большинство были прозелиты Мих. Алек. Поэтому-то Н. Утинъ и внесъ слѣдующее въ текстъ

программы, такъ называемой, русской вѣтви М. Н. товарищества рабочихъ, представителемъ которой должна была быть *„первая русская секція“*:

„Принимая во вниманіе,—гласитъ программа:

„Что отсталыя идеи панславизма производятъ пагубное вліяніе на „духъ и развитіе рабочихъ массъ въ славянскихъ земляхъ Австріи и „Турціи, что такія идеи, поддерживаемыя слѣпою вѣрою въ царизмъ, „всегда были только гнусною западнею для славянскихъ народовъ, что „идея національзма злоупотребляется теперь врагами народа противъ вся„кой соціалистической и интернаціональной пропаганды, которую пред„ставляютъ рабочей массѣ, какъ пугало, разрушающее всякую независи„мость и самобытность; между тѣмъ, какъ наоборотъ, будущая интерна„ціональная и соціалистическая организація рабочихъ массъ именно даетъ „полную свободу не только каждому народу и народности, но и всякой „вообще группѣ лицъ, самостоятельно и независимо соединяться съ тѣми „группами, съ которыми наиболѣе связаны индивидуальные и коллективные „интересы всей жизни; что завоевательный режимъ находится въ прямомъ „противорѣчіи со всѣми принципами международнаго братства народовъ; „что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормазъ, препятствующій „политической и соціальной свободѣ *обоихъ* народовъ, русскаго и поль„скаго; мы обращаемся съ призывомъ къ нашимъ братьямъ въ Польшѣ, „Малороссіи, австрійскихъ и турецкихъ земляхъ, точно такъ же какъ ко „всѣмъ группамъ разныхъ народностей, находящихся подъ императорскимъ „гнетомъ, и приглашаемъ ихъ работать солидарно съ нами, соединяться въ „группы и организоваться для дѣятельной пропаганды. Мы приглашаемъ „поэтому нашихъ братьевъ приступить къ образованію центральныхъ секцій „въ славянскихъ земляхъ, которыя вызвали бы составленіе *ремесленныхъ* „союзовъ, федерацію этихъ союзовъ и, наконецъ, вступленіе ихъ „помимо всѣхъ искусственныхъ, территоріальныхъ границъ, въ общій интер„національный союзъ *всѣхъ ремеслъ и профессій*“.

Вся часть программы, относящаяся къ славянскимъ землямъ, взята была Н. Утинымъ изъ программы, написанной рукой М. Ал. для интернаціональной секціи русскихъ, проживавшихъ въ то время въ Женевѣ; Н. Утинъ прибавилъ лишь къ написанному слово *„ремесленныхъ“*, тогда какъ въ бакунинскомъ манускриптѣ этого слова нѣтъ.

Кромѣ того, въ бакунинскомъ манускриптѣ написано послѣ словъ „подъ императорскимъ гнетомъ“ слѣдующее, почему-то выкинутое Н. Утинымъ: „Романовыхъ, Габсбурговъ и Гогенцоллернскихъ королей“, такимъ же образомъ въ манускриптѣ Бакунина, вмѣсто заключительныхъ словъ „союзъ всѣхъ ремеслъ и профессій“, написано союзъ „Международнаго Общества Рабочихъ“, что болѣе цѣлесообразно.

„Русская секція", основанная Н. Утинымъ, была въ 1870 году признана главнымъ совѣтомъ М. Н. Р. Рабочихъ, и Карлъ Марксъ отписалъ Утину по этому поводу слѣдующимъ письмомъ:

„Граждане.

„Въ своемъ засѣданіи 22-го марта главный совѣтъ объявилъ, единодушнымъ вотомъ, что ваша программа и статутъ согласны съ общими статутами Международнаго Товарищества Рабочихъ. Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь (?) въ составъ Интернаціонала. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при Главномъ Совѣтѣ.

„Вы говорите въ вашей программѣ:

... „что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормазъ, одинаково препятствующій политической и соціальной свободы обоихъ народовъ—какъ русскаго, такъ и польскаго".

„Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи и вслѣдствіе того на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работая надъ разбитіемъ цѣпей Польши, русскіе соціалисты возлагаютъ на себя великую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо, какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетаріата.

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи". Это настоящее открытіе для Европы. *Русскій оптимизмъ*, распространенный на континентѣ даже такъ называемыми революціонерами, безпощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не страдаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это—трудъ серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безпристрастнаго критика, мощнаго художника, и прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, нетерпящаго всевозможныхъ національныхъ гимновъ, и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса. Такіе труды какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка.

Привѣтъ и братство

Карлъ Марксъ".

Лондонъ, 24 марта 1870 г.

Михаилъ Александровичъ, узнавшій объ этомъ письмѣ Карла Маркса написалъ слѣдующее письмо Николаю Ивановичу Жуковскому, подлинникъ котораго находится у насъ.

„Милый мой Жукъ.

„Ты, конечно, знаешь, какъ Н. У. воспользовался нашей программой и моей статьей для своей русской секціи; такимъ образомъ то, что намъ не удалось осуществить, передѣлалъ по-марксистски У., и надо дать ему справедливость, сдѣлалъ, на этотъ разъ дѣло большой важности для будущаго М. Н. Общ. Рабочихъ. Образованіе русской секціи есть великое событіе, и если оно пройдетъ незамѣченнымъ, то не потому, что секція состоитъ изъ за с . . . ъ, а потому, что нѣтъ среди мужчинъ тамъ никого, который смогъ бы и сумѣлъ использовать это хорошее дѣло. Существованіе русскихъ въ М. Н. О. Рабочихъ потому важно, что реакціонные элементы европейскихъ государствъ будутъ всегда поддерживать сознательно и безсознательно русское самодержавіе. Карлъ Марксъ вполнѣ правъ, говоря, что германская реакція и прусское юнкерство можетъ быть уничтожено только тогда, когда погибнетъ и наша . . . . деспотія; ему на руку, чтобы капиталистъ изъ огня вынулъ для нѣмцевъ русскій народъ, только пока что, братъ, а нѣмецкіе банкиры всегда поддержатъ нашего царя, потому что они сознаютъ, что паденіе русскаго деспотизма будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гибелью ихъ самихъ; правъ вполнѣ Карлъ Марксъ относительно панславизма, который всегда былъ и будетъ скрытымъ деспотизмомъ, русскіе цари всегда обѣщали славянскимъ народамъ освобожденіе изъ-подъ чужеземнаго ига, чтобы подчинить ихъ русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья славяне своимъ одностороннимъ націонализмомъ много способствуютъ царской пропагандѣ, какъ этому же способствуютъ пруссаки въ Силезіи, а наши поляки въ Малорусской Галиціи. Противъ этого зла надо бороться соціалистамъ изъ русскихъ, а еще лучше было бы, если бы могла составиться секція не изъ однихъ русскихъ, но и изъ чеховъ, поляковъ, сербовъ и болгаръ. Былъ у меня здѣсь нѣкій хорошій болгаринъ К. [1]) и я говорилъ съ нимъ по этому поводу, но онъ уѣхалъ и съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знаю, говорилъ я много объ этомъ же съ маленькимъ [2]), котораго ты напрасно хаишь; слѣдовало бы намъ вернуться къ нашему плану, поговори объ объ этомъ съ Агою [3]), а также повліяй на Іоанна Филиппа [4]), пусть онъ, который намъ измѣнилъ, за свою измѣну въ нашей бурѣ повліяетъ на У., тогда хотя что-нибудь выйдетъ изъ женевской русской секціи. Только веди это какъ бы отъ себя, а то попадетъ на орѣхи отъ belle

---

[1]) Любенъ Каравеловъ.

[2]) С. Г. Нечаевъ.

[3]) Беккеръ, старый коммунистъ.

[4]) Н. П. Огаревъ.

soeur и курятника Утина. Поклонъ разумницѣ Аде. Пиши на мой старый адресъ, да удерживай Агу, а то онъ опять принялся за свое.

Твой М. Б.

Locarno, 17 iюля".

Приводя это письмо, а также и предыдущіе два документа, всѣ три относящіеся къ „русской секціи пропаганды", я нѣкоторымъ образомъ забѣжалъ впередъ въ моихъ воспоминаніяхъ; но сдѣлалъ это для того, чтобы освѣтить для читателя этихъ воспоминаній тотъ моментъ изъ жизни русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ, когда туда прибылъ С. Г. Нечаевъ.

Въ Женевѣ проживали тогда слѣдующіе эмигранты: Ал. Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Н. Утинъ, Н. Жуковскій, Элпидинъ, Озеровъ, Мечниковъ, Трусовъ, со своими женами и семьями [1]). Всѣ эти эмигранты жили врозь; Бакунинъ разошелся со всѣми, кромѣ Огарева и Н. Жуковскаго; будучи совершенно одинъ, онъ уже собирался покинуть Женеву и переѣхать куда-либо поближе къ Италіи, гдѣ имѣлъ искреннихъ прозелитовъ среди итальянской молодежи. Нечаевъ увлекъ Бакунина своимъ темпераментомъ, непреклонностью своей воли и преданностью революціонному дѣлу. Конечно, Бакунинъ сразу увидѣлъ и тѣ крупные недостатки и отсутствіе какой-либо эрудиціи въ новомъ эмигрантѣ, но какъ М. А., такъ и всѣ тѣ, которые встрѣчались въ тѣ времена съ Нечаевымъ, прощали ему все ради той желѣзной воли, которой онъ обладалъ.

Нечаевъ, пріѣхавши въ Женеву, объявилъ себя делегатомъ революціоннаго комитета, который будто бы существуетъ въ Россіи; какъ на члена комитета, онъ указывалъ на Ткачева, о которомъ Бакунинъ слышалъ, остальныя фамиліи ему были абсолютно неизвѣстны. М. А. увѣрялъ насъ всѣхъ, что онъ искренно вѣрилъ всему, касающемуся организаціи, переданному Нечаевымъ какъ ему, такъ и Огареву.

— Конечно, — говорилъ Бакунинъ, — я не вѣрилъ въ окончательный успѣхъ дѣла такъ, какъ его мнѣ представлялъ Нечаевъ, который убѣждалъ

---

[1]) А. Серно-Соловьевичъ въ это время умеръ, а г-нъ Николадзе прекратилъ печатать „*Современность*". Передъ смертью бѣдный Серно-Соловьевичъ выкинулъ слѣдующій анекдотъ съ однимъ кавказцемъ. Будучи психически больнымъ, Соловьевичъ былъ отправленъ въ сообществѣ съ кавказцемъ въ сумасшедшій домъ. Докторъ-психіатръ былъ предувѣдомленъ и принялъ обоихъ прекрасно; переговоривъ, однако, съ Серно-Соловьевичемъ, предположилъ, что больной психически не онъ, а кавказецъ.

— Ошибаетесь, докторъ, это я сумасшедшій, а не онъ!—разубѣдилъ психіатра бѣдный больной.

Про этого кавказца Серно-Соловьевичъ написалъ въ 1868 году брошюрку, озаглавленную „Миколка-публицистъ". Библіографическая рѣдкость!

меня, Герцена и Огарева, что Россія мужицкая готова возстать, что комитетъ имѣетъ глубокія связи въ войскѣ и что власть будетъ захвачена людьми комитета. „Я тоже былъ убѣжденъ, что товарищи Нечаева, по всему вѣроятію, очень скоро попадутся въ лапы Третьяго Отдѣленія и что разыграется старая русская исторія съ ея каторгой, а можетъ быть, и висѣлицей. Все это, однако, не умаляло моего интереса къ дѣлу и я былъ увѣренъ, что мнѣ удастся провести чрезъ Нечаева и его товарищей наши идеи и нашъ взглядъ на вещи въ Россіи, а также я думалъ серьезно, что Нечаевъ способенъ будетъ стать во главѣ русской вѣтви революціонаго союза моего. Этимъ онъ и былъ дорогъ мнѣ".

Таково было мнѣніе Б. относительно Нечаева и такимъ образомъ онъ объяснялъ намъ свои отношенія къ нему. Относительно существованія комитета М. А. не сомнѣвался до такой степени, что согласился дать Нечаеву расписку въ томъ, что отдаетъ себя въ распоряженіе этого комитета; расписки этой, однако, намъ не удалось отыскать въ нечаевскомъ архивѣ, уничтоженномъ нами въ Цюрихѣ послѣ ареста и выдачи Нечаева швейцарскимъ правительствомъ.

Относительно отношенія Герцена къ Нечаеву, то оно было съ самаго начала крайне скептическое, и А. И. хотя и признавалъ въ Нечаевѣ человѣка съ желѣзнымъ характеромъ, однако, не довѣрялъ ему, предполагая, что онъ въ увлеченіи своемъ преувеличиваетъ значеніе задуманнаго имъ и его прозелитами дѣла. Однако, какъ М. А., такъ и Огаревъ неоднократно завѣряли насъ, что и Герценъ также вѣрилъ въ существованіе комитета въ Россіи.

— Подождемъ, — говорилъ Герценъ, — не можетъ же быть, чтобы къ намъ не обратились письменно! Нечаевъ—лишь первая ласточка, прилетѣвшая сюда. Навѣрное вскорѣ получимъ обстоятельныя свѣдѣнія; тогда и рѣшимъ, какъ быть.

Таково было мнѣніе Герцена въ первое пребываніе Нечаева въ Женевѣ. Съ этимъ мнѣніемъ, однако, не были согласны ни Бакунинъ, ни Огаревъ.

Увлеченный необычайной энергіей новоприбывшаго, Бакунинъ рѣшилъ сдѣлать его представителемъ русской вѣтви всемірнаго своего революціоннаго союза. Вотъ, что разсказывалъ мнѣ по этому поводу М. А.:

— Ввести Нечаева въ „*Alliance*" я не хотѣлъ сразу уже потому, что въ то время еще не предполагалъ открыть въ немъ и русскій отдѣлъ. Поэтому-то я и рѣшилъ сдѣлать его представителемъ особаго революціоннаго общества, въ которое вошли бы, съ одной стороны, всѣ его товарищи въ Россіи, а внѣ Россіи связующимъ звеномъ былъ бы я со всѣми моими изъ М. Н. Об. Рабочихъ. Поэтому-то и была заказана особая пе-

чать съ надписью „*Alliance revolutionnaire européenne*, и полномочіе, которое я далъ Нечаеву, было подписано лично мною. Съ этимъ полномочіемъ, собственно говоря, личномъ отъ меня, онъ и уѣхалъ въ Россію. Вскорѣ послѣ отъѣзда я получилъ, говорилъ М. А., отъ него письмо изъ Россіи на данный мною ему адресъ съ извѣстіемъ, что онъ благополучно перебрался чрезъ границу, что ему много въ этомъ помогъ болгаринъ Каравеловъ, котораго адресъ я ему далъ. Это было единственное письмо, которое получилъ отъ него изъ Россіи вплоть до его второго пріѣзда ко мнѣ“.

Это объясненіе ясно доказало мнѣ, что какъ русскій революціонный комитетъ былъ фантазіей Нечаева, такъ точно и „революціонный европейскій союзъ“ былъ измышленъ М. А. для его личной связи съ С. Г., котораго, однако, Бакунинъ серьезно считалъ делегатомъ отъ какого-то комитета въ Россіи. Мандатъ, данный Бакунинымъ, а также рекомендаціи къ Любену Каравелову въ Бухарестъ, много послужили Нечаеву. Въ Москвѣ, въ особенности, этотъ мандатъ произвелъ большое впечатлѣніе на Успенскаго и другихъ. Во второй свой пріѣздъ за границу Нечаевъ отнесся къ Бакунину уже не съ той скромностью, съ какой явился въ первый разъ. Онъ требовалъ вниманія къ себѣ, какъ къ человѣку, дѣйствительно имѣющему за собой серьезную организацію въ Россіи. Таковымъ, тѣмъ болѣе, онъ показалъ себѣ и другимъ въ Женевѣ, гдѣ Бакунинъ уже не жилъ, переѣхавъ сначала въ Лугано, а потомъ въ Локарно. Бакунинъ указалъ Нечаеву на свое экономическое положеніе, которое было изъ рукъ плохо, и Нечаевъ обѣщалъ ему отъ лица комитета средства для существованія, заявивъ, что комитетъ вскорѣ будетъ обладать большими капиталами. На вопросъ Бакунина, откуда эти средства явятся, Нечаевъ заявилъ ему, что одинъ помѣщикъ Ч... продаетъ свое имѣніе для того, чтобы вырученную сумму передать комитету. Вскорѣ всѣ эти разказы Б. подтвердилъ новоприбывшій эмигрантъ Владиміръ Серебренниковъ, бѣжавшій изъ Россіи и сдѣлавшійся, къ несчастью, *alter ego* Сергѣя Геннадьевича. Новоприбывшій, однако, съ перваго же раза произвелъ крайне нехорошее впечатлѣніе на М. Ал.

О Бахметьевскомъ фондѣ, о Семенѣ Серебряковѣ, дочери Герцена Наталіи Александровнѣ, и о попыткахъ М. Ал. помочь сблизить Нечаева съ семьею Герцена нахожу прямо таки неудобнымъ передавать здѣсь всѣ тѣ, смѣха достойныя дрязги, которые мнѣ пришлось слышать, съ одной стороны, отъ М. А., возмущавшагося той ролью, которою заставилъ его играть Нечаевъ, а съ другой, отъ бѣднаго Семена Серебрякова, попавшаго, какъ куръ во щи, въ эту, далеко непріятную, исторію. Во всякомъ случаѣ письма, напечатанныя М. А. Бакунинымъ, отно-

сящіяся къ этому періоду времени, болѣе чѣмъ ясно устанавливаютъ тотъ фактъ, что во всѣхъ этихъ некрасивыхъ передрягахъ виноватъ не только Нечаевъ, но и Бакунинъ, который показалъ себя слишкомъ наивнымъ конспираторомъ, слишкомъ довѣрчивымъ, къ человѣку, котораго психику абсолютно не разгадалъ. Отношенія Нечаева къ Бакунину и Бакунина къ Нечаеву измѣнились лишь тогда, когда оказалось, что Владиміръ Серебренниковъ похитилъ письмо у нѣкоторыхъ эмигрантовъ, а разорвалъ Бакунинъ съ Нечаевымъ лишь тогда, когда открылось, что Нечаевъ задумалъ устроить за границей, въ самой Швейцаріи, изъ нѣсколькихъ горцевъ шайку экспропріаторовъ для добыванія средствъ, въ которыхъ сильно нуждался. На великое счастье для русской революціонной дѣятельности въ нашемъ прошломъ задуманное не осуществилось, а поэтому все закончилось лишь тѣмъ, что, много позже, нѣкоторые изъ эмигрантовъ поляковъ попались въ простой поддѣлкѣ русскихъ бумажныхъ денегъ; Нечаевъ же такъ и не разыгралъ роли Карла Моора, которую выбралъ для себя во всемъ этомъ неблаговидномъ дѣлѣ.

Разочарованный въ своей попыткѣ начать серьезную работу въ Россіи чрезъ Нечаева, Бакунинъ покинулъ Женеву, гдѣ былъ побѣжденъ Н. Утинымъ, и основался въ Локарно, отдавшись пропагандѣ соціализма въ Италіи,—въ Швейцаріи у него въ это время остались связи только среди швейцарцевъ Юры; изъ нихъ самыми близкими были Гильомъ Вильямъ, Швицгебель, Карлъ Перонъ да еще одинъ-два человѣка.

Въ Италіи, какъ я уже сказалъ выше, Бакунинъ еще въ 1864 году сумѣлъ основать въ Тосканѣ и Неаполѣ небольшія группы молодежи, искренно преданныя его идеямъ; его статьи, напечатанныя въ то время въ неаполитанскомъ журналѣ *Liberta e Giustizia*, произвели большое впечатлѣніе; въ 1867 году Бакунинымъ была основана первая секція „Интернаціонала“ въ Неаполѣ. Эта секція сдѣлалась вскорѣ до того популярна въ городѣ, что насчитывала до трехъ тысячъ членовъ. Секція основала свой журналъ *Uguaglianza*, въ которомъ были напечатаны нѣсколько статей Бакунина. Члены неаполитанской секціи вскорѣ основали другія секціи, между прочимъ, Кастелламаре. М. А. вліялъ на все это соціалистическое движеніе съ Локарно, гдѣ основался наканунѣ грознаго 1870 года.

III.

Война Германіи съ Франціей и отношеніе Международнаго Общества Рабочихъ къ этой войнѣ не могли, конечно, оставить индефферентнымъ Бакунина, онъ былъ въ это время въ перепискѣ со всѣми своими друзьями, находившимися въ Парижѣ, но этихъ друзей было очень мало. Вліяніе его

на представителей Интернаціонала въ Парижѣ было абсолютно ничтожно, и напротивъ, на югѣ Франціи, въ Марселѣ и Ліонѣ, были элементы, связанные съ швейцарскими бакунистами.

Съ точки зрѣнія чисто политической, взгляды Бакунина на федералистическое движеніе во Франціи того времени прекрасно были формулированы Элизе Реклю.

Вскорѣ послѣ *Парижской Коммуны* я бесѣдовалъ съ Элизе Реклю объ его участіи въ возстаніи парижскаго народа противъ государственнаго строя Франціи. Знаменитый географъ высказалъ слѣдующимъ образомъ свои убѣжденія по поводу того историческаго событія, въ которомъ принималъ участіе вмѣстѣ съ Бакунинымъ—одинъ въ Парижѣ, другой въ Ліонѣ:

— Я противъ большихъ, „нераздѣльныхъ“ націй. Громадныя имперіи Востока всегда были управляемы деспотами. Азія и понынѣ не знаетъ, что такое свобода, которой пользуемся мы—европейцы; народы Азіи самые отсталые въ цивилизованномъ современномъ намъ мірѣ. Пропаганда новыхъ идей, прогрессъ, толчекъ впередъ человѣчество всегда получало отъ маленькихъ народовъ. У предверья Азіи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, тамъ, гдѣ нынѣшняя Сирія, когда-то существовало множество государствъ, которыя, собственно говоря, были просто-на-просто городскими общинами. Въ Библіи сказано, что Іисусъ Навинъ покорилъ одинъ тридцать королей только до Ливанскихъ горъ. Въ самой Азіи, на востокѣ Европы существовало когда-то множество государствъ, состоявшихъ изъ небольшихъ народцевъ, обитавшихъ въ одномъ городѣ и его предмѣстьяхъ. Тамъ, среди этихъ государствъ, впервые человѣчество познало, что такое свобода и общественное право; тамъ народилась философія и наука сбросила съ себя цѣпи догматики, тамъ прекрасное впервые оформилось въ искусствѣ и поэзіи и тамъ именно азіатскій деспотизмъ нашелъ границу своему самодержавію. Государства эти не ограничились лишь внутренней своей жизнью. Греки, колонизаторы, какъ и финикійцы, основались вдоль Средиземнаго моря вдоль до восточныхъ береговъ Атлантическаго океана; они проникли въ самое сердце Азіи. Они имѣли непосредственное вліяніе на судьбу Египта; будучи побѣждены, они заставили побѣдителя принять и идеи и цивилизацію свою, преклониться передъ своимъ идеаломъ. Греція была побѣждена Римомъ—простымъ городомъ, небольшой республикой. И этотъ небольшой городъ сдѣлалъ болѣе для объединенія міра, нежели самыя большія націи. Этотъ небольшой городъ всталъ потомъ во главѣ самой большой имперіи, когда-либо существовавшей. И кто разрушилъ эту громадную имперію? Небольшіе народы, которые даже предварительно не согласились между собою; каждый народецъ пошелъ на Римъ самъ по себѣ, и вмѣсто того, чтобы помогать другъ другу,—они мѣшали одинъ другому, взаимно унич-

тожались, заливая своею кровью римскую имперію. На развалинахъ этой громадной имперіи создались большія націи, организовавшіяся въ монархіи. Для консолидаціи права собственности и государственной власти всѣ эти монархіи признали феодальную систему. Въ этой системѣ человѣчество расчитывало найти границы, раздѣляющія одинъ народъ отъ другого, одну націю отъ другой, нестолько, однако, для взаимной независимости, сколько для раздѣленія власти. Каждый феодалъ въ своемъ помѣстьѣ сталъ настоящимъ монархомъ; проживающіе на землѣ, провозглашенной имъ своей собственностью, стали его вассалами, рабами. Рабство стало общимъ достояніемъ людей, самовластье, тиранія общей участью всѣхъ. Изъ этой ужасной общественной организаціи европейскіе народы не могли выйти иначе, какъ лишь опять путемъ возстановленія маленькихъ народцевъ. Главные города Италіи встали во главѣ этого движенія противъ феодализма, города Германіи, Франціи и Англіи, покровительствуемые монархами, вступившими въ борьбу съ феодалами *pro domo sua*, сумѣли создать для себя относительную независимость, пріобрѣли свои спеціальныя уложенія, законы, суды и даже свою городскую армію. Это движеніе поразило на смерть феодализмъ, индустріальный прогрессъ объединилъ самые отдаленные народы. Но въ концѣ среднихъ вѣковъ идея большихъ государствъ снова воскресла въ Европѣ; снова концентрація власти, національное единство охватило человѣчество, и вмѣстѣ съ этимъ деспотизмъ, самовластье заковали человѣческое общество въ новыя цѣпи. Тогда свобода нашла себѣ убѣжище въ Германіи, гдѣ независимость маленькихъ государствъ противилась объединенію въ одно большое государственное устроеніе, въ Голандіи, гдѣ послѣ кровавыхъ войнъ Филиппа II-го создалась республика семи провинцій, въ Англіи, гдѣ и понынѣ города и провинціи сохранили свою автономію. И когда вся остальная Европа была окутана въ невѣжествѣ, когда всѣ народы должны были замкнуться въ страницахъ Библіи, въ этихъ городахъ человѣческая мысль свободно изслѣдовала научные вопросы и основала столько философскихъ системъ, что превзошла древнюю Александрійскую школу.

— Въ наше время, человѣческія права болѣе уважаются маленькими общественными организаціями, нежели большими націями, болѣе среди федеральной общественности, нежели въ единыхъ и нераздѣльныхъ монархіяхъ и республикахъ. Россія—государство самое обширное, Китай—въ то же самое время и самыя автократическія и деспотическія общественныя организаціи. Не стану говорить о народахъ Азіи, неспособныхъ подняться противъ господства своихъ привилегированныхъ сословій; я питаю надежду лишь на маленькія національности, среди которыхъ человѣческая личность болѣе свободна, менѣе занята и поглощена государ-

ственностью. Въ маленькой Португаліи живется свободнѣе, порядокъ болѣе устойчивъ, нежели во Франціи; Бельгія, съ тѣхъ поръ, какъ стала свободной маленькой націей, пользуется демократической общественной жизнью, которой должны позавидовать другія націи; Швейцарія, гдѣ мы, эмигранты всѣхъ странъ и народовъ, нашли убѣжище, съ самой Зондербундской войны, достигла наивысшей возможной свободы при настоящей организаціи человѣческаго общежитія.

— Такова исторія человѣчества,—заключилъ Элизе Реклю,—и вотъ почему я боролся съ оружіемъ въ рукахъ въ рядахъ федералистовъ Парижской коммуны.

Элизе Реклю вплоть до своей смерти оставался вѣрнымъ послѣдователемъ ученія Бакунина; вмѣстѣ съ нимъ и съ членами Парижской коммуны Лефрансе, Артуромъ Арну, Гамбонъ и др. не много позже я издавалъ въ Женевѣ журналъ *Le Travailleur*, пропагандировавшій тѣ же идеи.

Рѣшивши принять непосредственное участіе въ коммунальномъ движеніи Франціи, М. А. покинулъ Локарно и переѣхалъ въ Бернъ, гдѣ вступилъ въ переписку съ Бастелико и Комбомъ, которые находились въ Марселѣ. Изъ Берна Бакунинъ направился въ Ліонъ, гдѣ его должны были встрѣтить его друзья, между которыми былъ Озеровъ, бывшій русскій офицеръ, и Валенцій Лункевичъ, полякъ типографщикъ. 11 сентября 1870 М. А. прибылъ въ Ліонъ, гдѣ и принялся за организацію революціонныхъ силъ города. Немедленно былъ сформированъ вооруженный баталіонъ федералистовъ, городъ былъ раздѣленъ на кварталы и каждый кварталъ имѣлъ свой комитетъ, въ который вошли члены интернаціональныхъ секцій рабочихъ. 28 сентября М. А. редактировалъ слѣдующій декретъ къ арміи:

„Принимая во вниманіе:

1-е, что противно демократизму и крайне опасно для народнаго самовластья существованіе іерархической организаціи въ арміи,

2-е потому, что всѣ офицеры пріобрѣли свои чины во время имперіи, а слѣдовательно и не могутъ быть вѣрными защитниками республики, народъ признаетъ, что военные граждане имѣютъ право и обязанность выбирать сами своихъ начальниковъ, и потому провозглашаетъ всѣхъ офицеровъ арміи разжалованными и приказываетъ солдатамъ немедленно избрать себѣ новыхъ начальниковъ“.

Эту прокламацію, написанную Бакунинымъ, подписалъ Сень, делегатъ по военной части, и она тотчасъ же была афиширована во всѣхъ казармахъ города Ліона.

За день до этого, на большомъ митингѣ, гдѣ участвовали тысячи рабочихъ, Бакунинъ объявилъ о необходимости организовать новое правительство, названное имъ *революціонной федераціей коммунъ*, которое

должно было состоять изъ *революціоннаго конвента*, образованнаго въ Ліонѣ; другіе же города и села должны въ то же время поспѣшить провозгласить повсюду у себя *комитеты общественнаго спасенія*, непосредственно зависящіе отъ *революціоннаго конвента*, имѣющаго законодательную власть.

Эта новая организація революціонныхъ силъ была создана Бакунинымъ, имѣвшимъ вокругъ себя не болѣе 200 человѣкъ, преданныхъ ему; при посредствѣ этихъ людей онъ предполагалъ создать революціонное движеніе на югѣ Франціи и итти на помощь Парижу.

Слѣдующая прокламація, написанная и подписанная Бакунинымъ, была вывѣшена на всѣхъ улицахъ Ліона:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Федерація революціонныхъ общинъ.

„Отчаянное положеніе, въ которомъ находится страна, безсиліе офиціальной власти и индиферентизмъ привилегированныхъ классовъ поставили французскую націю на край пропасти.

Если народъ, революціонно организованный, не поспѣшитъ дѣйствовать, все погибнетъ. Вдохновленные всѣми ужасами опасности, и признавая, что нѣтъ болѣе времени дожидаться, делегаты федеральныхъ комитетовъ общественнаго спасенія Франціи, собранные въ одинъ центральный комитетъ, постановляютъ:

1) Правительство и администрація государства, признанныя безсильными, низлагаются.

Французскій народъ вступаетъ въ свое право народовластья.

2) Всѣ суды, какъ гражданскіе, такъ и уголовные, низлагаются, будучи замѣщены народнымъ судомъ.

3) Плата податей и залоговыя обязательства отлагаются. Вмѣсто податей будетъ уплачена контрибуція общинами и городами, каковая будетъ взиматься съ богатыхъ классовъ по надобности для спасенія Франціи.

4) Государство, будучи уничтожено, не сможетъ болѣе вступиться въ дѣло уплаты частныхъ долговъ.

5) Всѣ существующія муниципіальныя организаціи признаются уничтоженными и замѣщаются во всѣхъ федерированныхъ общинахъ комитетами спасенія Франціи; они обладаютъ властью подъ непосредственнымъ контролемъ народа самого.

6) Каждый департаменскій центръ пошлетъ двухъ делегатовъ для образованія революціоннаго конвента Франціи.

7) Конвентъ соберется тотчасъ въ городской ратушѣ города Ліона, который есть второй городъ Франціи, болѣе всего способный принять на себя защиту страны.

Этотъ конвентъ, опирающійся на народъ, спасетъ Францію.

Къ оружію, граждане!"

Прокламація эта была подписана совмѣстно съ Бакунинымъ и всѣми тѣми, которые были въ то время въ Ліонѣ, т. е. Сень, Ривіеръ, Луи Паликсъ, Альбертъ Ришаръ, А. Бастелика и др.

Утромъ 28 сентября Бакунинъ со своими политическими друзьями овладѣлъ силою зданіемъ городской думы. Съ балкона этого зданія Сень (Saignes), Парратонъ, Ришаръ и Бакунинъ говорили народу, собравшемуся передъ зданіемъ; тутъ же было объявлено, что генералъ Клюзере назначается начальникомъ ліонской національной гвардіи. Первымъ дѣломъ этого начальника былъ арестъ всѣхъ офицеровъ и коменданта Мазюро. Для выполненія этого приказа Клюзере тотчасъ же отправился въ рабочій кварталъ Рыжаго Креста (Croix Rousse), гдѣ, однако, былъ задержанъ національной гвардіей, оставшейся на сторонѣ павшаго правительства. Въ то же время былъ схваченъ на улицѣ и М. А., котораго заперли въ одной изъ комнатъ городской ратуши, уже занятой приверженцами струсившей буржуазіи.

Арестъ Бакунина продолжался нѣсколько часовъ. Вотъ какъ разсказывалъ этотъ эпизодъ самъ М. А.

— Схватили меня на улицѣ солдаты подъ начальствомъ полицейскихъ, одѣтыхъ въ статское, и заперли въ одной небольшой комнатѣ городской ратуши. Я видѣлъ и раньше уже, что дѣло наше проиграно, такъ какъ рабочій народъ не присоединился къ секціямъ М. Н. Общества Рабочихъ и ограничился лишь одними оваціями намъ. Съ другой стороны, комитетъ спасенія не проявилъ должной энергіи въ арестѣ правительственныхъ лицъ. Сидя запертымъ, я былъ уже готовъ къ разстрѣлу. Вдругъ слышу сильный шумъ, ломались въ двери. Будучи увѣренъ, что это ломятся буржуа, чтобы покончить со мною безъ всякаго суда, я собирался вытащить свой револьверъ, который висѣлъ у меня за спиною за поясомъ; въ это время пріотворяется дверь и первое, что я увидѣлъ, былъ длинный носъ Озерова".

Бакунинъ былъ освобожденъ нахлынувшей толпой своихъ приверженцевъ, во главѣ которыхъ былъ Озеровъ и Лункевичъ. Въ то время, когда онъ былъ освобожденъ, реакціонное правительство снова проиграло свое дѣло и Парратонъ захватилъ въ свои руки городскую ратушу.

Покидая Ліонъ, Бакунинъ слѣдующимъ письмомъ увѣдомилъ Паликса о своемъ отъѣздѣ.

„Дорогой мой другъ.

Я не хочу уѣхать изъ Ліона, не сказавъ тебѣ послѣдняго прости. Осторожность запрещаетъ мнѣ притти къ тебѣ, чтобъ пожать въ послѣдній разъ твою руку. Мнѣ больше нечего здѣсь дѣлать. Я пріѣхалъ въ Ліонъ, чтобы *сражаться или умереть вмѣстѣ съ вами.* Я пріѣхалъ, ибо глубоко убѣжденъ въ томъ, что судьба Франціи въ этотъ великій часъ, когда идетъ дѣло о ея бытіи или небытіи, снова стала судьбой всего человѣчества. Я принималъ участіе во вчерашнемъ движеніи и подписалъ свое имя подъ резолюціями комитета общественнаго спасенія Франціи, потому что для меня очевидно, что послѣ фактическаго крушенія всего аппарата правительственной и адмистративной власти спасти Францію можетъ только немедленное революціонное возстаніе народа. Всѣ эти французы стараго режима, всѣ муниципальныя организаціи, въ большинствѣ случаевъ находящіяся въ рукахъ буржуазіи или рабочихъ, предавшихся буржуазіи, люди рутины, лишенные пониманія, энергіи и не обладающіе даже искренностью; всѣ эти прокуроры республики, а въ особенности эти префекты—чиновники со всей полнотой власти гражданской и военной, со всѣми полномочіями диктатуры, предоставленной имъ легендарной и роковой властью обломка правительства, которое засѣдаетъ въ Турѣ—все это годится лишь на то, чтобы парализовать послѣднія усилія Франціи и предать ее пруссакамъ. Вчерашнее движеніе, если бы оно побѣдило, а оно побѣдило бы, если бы генералъ Клюзере *не предалъ дѣло народа,* это движеніе, замѣнивъ ліонскій муниципалитетъ, наполовину реакціонный, наполовину неспособный, комитетомъ революціоннымъ, непосредственно представлявшимъ волю народа,—могло бы спасти Ліонъ и Францію. Можетъ быть, на это еще можно было расчитывать. Я не сомнѣваюсь, что, если бы ліонскій народъ *этого дѣйствительно хотѣлъ,* онъ могъ бы навязать свою волю этой торжественной власти, которая выдвинулась на несчастіе Франціи. Но я боюсь, что ліонскій народъ возьмется за это лишь тогда, когда уже будетъ нельзя оказать упорнаго сопротивленія нападенію пруссаковъ и когда Ліонъ будетъ уже во власти послѣднихъ, а это будетъ неминуемо. Если положеніе вещей не измѣнится въ теченіе двадцатичетырехъ часовъ, Франція погибнетъ. Останется ожидать спасенія, не говорю уже ея существованія, какъ великой, свободной и независимой націй, но спасенія ея достоинства и чести лишь отъ демократическаго города Средиземнаго моря—Марселя. Но Марсель не сможетъ спасти Францію. Я покидаю Ліонъ съ глубокой грустью, съ мрачными предчувствіями. Я начинаю думать теперь о томъ, что будетъ теперь съ Франціей. Она сдѣлается вассальнымъ княжествомъ Германіи. Мѣсто ея живого, дѣйственнаго соціализма, займетъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ, которые

говорятъ лишь то, что позволяютъ имъ сказать прусскіе штыки. Бюрократическій и военный разумъ Пруссіи въ союзѣ съ кнутомъ петербургскаго правительства, водворятъ спокойствіе и порядокъ по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ на всемъ континентѣ Европы. Прощай свобода, прощай соціализмъ, прощай народная правда и торжество гуманизма. Все это могло бы быть результатомъ теперешняго состоянія Франціи. И все это было бы, если бы французскій народъ, если бы народъ Ліона этого захотѣлъ. Ну, не будемъ больше говорить объ этомъ. Моя совѣсть подсказываетъ мнѣ, что я исполнилъ свой долгъ до конца. Мои ліонскіе друзья также знаютъ это, а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла [1]).

Твой Михаилъ Бакунинъ.

Ліонъ, 28 сентября 1870.

Реакціонная французская печать въ 1870 году забросала грязью имена Бакунина и Гарибальди, за то, что оба эти представители русскаго и итальянскаго народа имѣли смѣлость предложить свои услуги народу французскому въ его борьбѣ съ чужеземнымъ нашествіемъ; французская буржуазія готова была на всѣ униженія, на всѣ уступки, только бы избѣжать соціальной революціи; армія, деморализованная до мозга костей императорскимъ режимомъ, только и дѣлала, что отступала передъ полчищами врага, народъ французскій оставался безразличнымъ зрителемъ, какъ гибла Франція биржевиковъ, фабрикантовъ и дворцовой челяди. Одинъ только парижскій рабочій людъ, изголодавшійся во время долгой осады, не выдержалъ такого униженія своей родины и, наконецъ, поднялся, но былъ раздавленъ озвѣрѣвшей отъ страха арміей. Этотъ великій парижскій рабочій народъ дрался, какъ левъ, на баррикадахъ, и схоронилъ себя подъ развалинами Парижа, объятаго пламенемъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой трагической развязки, Бакунинъ, покинувъ Ліонъ, поднять который ему не удалось, чрезъ Марсель бѣжалъ въ Барцелону, а оттуда чрезъ Италію вернулся обратно въ Локарно.

Ліонскій военный судъ приговорилъ его заочно къ пожизненному заключенію въ крѣпость; реакціонная французская печать, говоря о Бакунинѣ, писала: „Bakounine est connu sour le nom de roi de Saxe (?!) pour avoir tenu Dresde sous sa dictature. Interné a Ircoutsk par le gouvernement russe, il s'est rendt coupable de nombreux vols au prêjudice de differents marchands et employes auxquels il avait su inspirer de la confiance“.

[1]) Письмо это Бакунинъ позже, по своему обыкновенію, развилъ въ цѣлую брошюру, которая и вышла подъ заглавіемъ: *La revolution sociale ou la dictature militaire.*

Писатель, написавшій эту пошлость, конечно, былъ почти увѣренъ, что очернилъ передъ потомствомъ такого человѣка, какъ Бакунинъ.

Относительно Гарибальди газета *Figaro* позволила себѣ вещи и того хуже, но, конечно, это не помѣшало герою Италіи остаться въ исторіи освобожденія итальянскаго народа самой лучезарной фигурой, на которую молится современная намъ Италія.

Непосредственныя отношенія М. А. къ парижскимъ секціямъ интернаціональнаго общества рабочихъ были абсолютно ничтожны; до возстанія 18 марта, онъ не имѣлъ никакихъ связей съ Парижемъ, а послѣ этого возстанія и во время самой коммуны онъ только успѣлъ списаться съ нѣсколькими лицами, которыя, однако, мало знали его лично, и еще меньше своеобразный его образъ мыслей. Варленъ, одна изъ самыхъ выдающихся личностей парижской коммуны, въ письмахъ своихъ къ своимъ швейцарскимъ друзьямъ, спрашивалъ, чѣмъ отличается коллективизмъ Бакунина отъ прудоновской системы? Лично же мнѣ извѣстно, что М. А. написалъ два-три письма Варлену, во время самой парижской коммуны. Отъ него туда, въ Парижъ, поѣхалъ даже эмигрантъ Россъ, болѣе по личному желанію, однако, нежели съ какой-либо миссіей. Съ членами парижской коммуны М. А. познакомился послѣ паденія коммуны, когда они появились въ качествѣ эмигрантовъ въ Швейцаріи, но ни одинъ изъ нихъ не сталъ бакунистомъ, хотя вліяніе Бакунина отразилось на многихъ изъ нихъ. Одинъ Элизе Реклю, а впослѣдствіи отчасти Бруссъ и Панди вошли въ качествѣ членовъ интернаціонала федералистовъ.

Замфиръ Ралли.

———

Воспоминанія петербуржца о второй половинѣ 80-хъ годовъ.

1. Общая характеристика радикальныхъ кружковъ второй половины 80-хъ годовъ.

Мои студенческіе годы протекли въ періодъ 1885—1891 гг. въ Петербургѣ. Много пришлось мнѣ потолкаться по различнымъ кружкамъ, дѣйствовавшимъ въ это время. Пора была глухая, выдающихся событій что-то я не припомню. Тѣмъ не менѣе, подпольная работа не замирала. Эта работа не носила того бурнаго и лихорадочнаго характера, какъ, напримѣръ, въ концѣ 70-хъ или въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ. Многое дѣлалось какъ-то вяло, будто по обязанности, люди точно старались, чтобы только не совсѣмъ погасла искра, которая могла разгорѣться лишь со временемъ и въ иную, болѣе благопріятную эпоху. Было очень мало самоотверженныхъ дѣятелей, вполнѣ посвятившихъ себя дѣлу. Я почти не встрѣчалъ профессіональныхъ революціонеровъ, не встрѣчалъ нелегальныхъ. Громадное большинство дѣятелей были студенты, занимавшіеся прежде всего своей наукой, уроками и т. п. и свободное время отдававшіе политической дѣятельности. Почти никто не думалъ, напримѣръ, бросать университетъ для того, чтобы итти въ народъ и вообще вполнѣ отдаться революціи. Всѣ имѣли въ виду по возможности кончить курсъ и потомъ жить вполнѣ легально. Тѣ, кому это удавалось, въ большинствѣ случаевъ уѣзжали въ провинцію и часто совершенно сходили со сцены. Но значительная часть попадала, конечно, въ руки полиціи, и тогда начинались неизбѣжныя скитанія по тюрьмамъ и тундрамъ. Попавшіе въ ссылку, очень рѣдко бѣжали оттуда, рѣдко эмигрировали. Большинство отбывало положенный срокъ и старалось потомъ какъ-нибудь пристроиться.

Несмотря на такой вялый темпъ радикальной дѣятельности, разсматриваемая эпоха все же прошла не даромъ.

Работа велась въ различныхъ сферахъ среди учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, среди военныхъ юнкеровъ, среди рабочихъ, но больше всего среди студентовъ. Работа среди студентовъ большею частью не носила характера какой-нибудь опредѣленной партійной дѣятельности по извѣстному плану и подъ руководствомъ какой-нибудь правильно организованной группы. Это была просто бѣготня по кружкамъ самообразованія, да по

вечеринкамъ, на которыхъ дебатировались разные вопросы. Кружки среди учащейся молодежи какъ то сами собой возникали въ началѣ каждаго учебнаго года. Почвой для знакомства были въ значительной степени землячества, изъ которыхъ самыми крупными были: пермское, сибирское, волжское, подраздѣлявшееся на кружки: костромской, нижегородскій, самарскій, саратовскій и др. Затѣмъ знакомились, конечно, въ аудиторіяхъ и т. д. Собирались и принимались обыкновенно что-нибудь читать: Спенсера Милля, съ примѣчаніями Чернышевскаго, вообще какой-нибудь курсъ политической экономіи, напримѣръ, Иванюкова, сравнительно рѣдко читали въ кружкахъ Маркса, въ виду его тяжеловѣсности; въ ходу былъ Лавровъ. Часто читали какія-нибудь статьи изъ современныхъ журналовъ.

Иногда кто-нибудь приготовлялъ самостоятельный рефератъ. Помню рефераты по этикѣ, по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, изложеніе теоріи Маркса, о капитализаціи кустарной промышленности, объ отхожихъ промыслахъ, объ общинномъ землевладѣніи, объ аграрномъ движеніи, о сектантахъ-раціоналистахъ. Много преній вызывали сочиненія Льва Толстого, которыя часто читались цѣликомъ, напримѣръ, Крейцерова Соната. Кружки эти обыкновенно были недолговѣчны: они появлялись и пропадали, какъ мыльные пузыри. Многіе изъ моихъ знакомыхъ (да и я самъ) участвовали одновременно въ нѣсколькихъ кружкахъ, и не успѣетъ одинъ кружокъ распасться, какъ уже гдѣ-нибудь составился другой. Въ этой толчеѣ люди знакомились и сближались, и въ концѣ концовъ получался какъ бы отстой болѣе серьезной части студенчества. Сами собой образовывались группы лицъ, рѣшавшихъ, что пора отъ словъ перейти къ дѣлу. Дѣломъ этимъ обыкновенно являлось: доставка и распространеніе заграничной нелегальной литературы, гектографированіе этой литературы, организація кружковъ самообразованія и руководительство въ нихъ, хожденіе къ рабочимъ, помощь политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (участіе въ Красномъ Крестѣ) и т. п.

Большинство такихъ дѣятелей въ Петербургѣ были знакомы между собой, что объясняется отчасти ихъ небольшимъ числомъ. Въ среднемъ ихъ каждый годъ набиралось человѣкъ 40—50, не больше, если считать болѣе солидныхъ. Временами вся эта компанія раздѣлялась на группы, различныя по своимъ взглядамъ, спорили, расходились, даже порывали другъ съ другомъ; но нѣкоторая связь все же сохранялась. Я помню такія выраженія: „всѣ другъ друга знаютъ“, „какъ трудно откопать совершенно незнакомаго дѣятеля“. Болѣе замкнуто и конспиративно держались тѣ, кто занимался пропагандой среди рабочихъ. Это дѣло считалось самымъ серьезнымъ, и пропагандисты старались тщательно скрывать свою дѣятельность отъ прочей радикальной молодежи.

Въ сторонѣ держались отчасти народовольцы-террористы, да и то только болѣе серьезные, а большинство публики этого на-

правленія, какъ это ни странно, больше другихъ вездѣ участвовало и всюду толкалось.

Въ средѣ упомянутыхъ болѣе зрѣлыхъ студентовъ происходила, конечно, и болѣе интенсивная работа политической мысли; тутъ, какъ въ фокусъ, собирались всѣ лучи тогдашнихъ взглядовъ по вопросамъ текущаго момента. Но прежде, чѣмъ изложить борьбу и развитіе этихъ взглядовъ, я хочу дать хронологическій очеркъ развитія внѣшней организаціи этой среды, которая представляла собою до извѣстной степени центральный органъ радикальнаго Петербурга второй половины 80-хъ годовъ.

Этотъ центральный органъ или, вѣрнѣе, центральная среда не представляла чего-либо строго опредѣленнаго, какъ въ смыслѣ внѣшней формы, т. е. организаціи, такъ даже и въ смыслѣ общеобязательной строго опредѣленной партійной программы. Это была какая-то, если можно такъ выразиться, всеобщая конспиративная биржа для петербургскихъ радикаловъ. Доступъ въ этотъ кругъ давался всѣмъ вполнѣ надежнымъ, чѣмъ-либо себя заявившимъ дѣятелямъ, которые могли быть членами кружковъ, совершенно другъ съ другомъ не связанныхъ, и притомъ далеко не принадлежали сами къ одному и тому же политическому толку. Чтобы найти аналогію съ явленіями современной жизни, можно сравнить эту организацію съ теперешними коалиціонными или организаціонными совѣтами и комитетами у петербургскихъ студентовъ-технологовъ или универсантовъ. Разница только въ томъ, что коалиціонные совѣты тѣснѣе ограничиваютъ сферу своей дѣятельности рамками даннаго учебнаго заведенія и кромѣ того составъ ихъ вполнѣ опредѣленный. Затѣмъ, членами современныхъ (или по крайней мѣрѣ недавнихъ 1905—1906 гг.) студенческихъ комитетовъ бываютъ обыкновенно представители различныхъ партійныхъ группъ по выбору, уполномочію и съ согласія послѣднихъ. Въ мое время все это не было такъ опредѣленно: никакихъ выборовъ не было, а если и возникали какіе-нибудь выборные коллективы на почвѣ, напримѣръ, землическихъ или курсовыхъ организацій, то такіе коллективы были недолговѣчны. А главное, та организація, о которой я намѣренъ говорить, хотя и занималась довольно много чисто-студенческими дѣлами (напримѣръ, играла всегда значительную роль во время студенческихъ волненій), но распространяла свою дѣятельность далеко за предѣлы чисто студенческой сферы.

II. Студенческіе центральные кружки.

Въ разсматриваемый періодъ (вторая половина 80-хъ годовъ) до конца 1887 года въ Петербургѣ не было сколько-нибудь крупной организаціи, которая объединяла бы дѣйствующіе радикальные элементы.

Еще въ концѣ 1886 года существовали остатки одной соціалъ-демократической группы, но они дѣйствовали исключительно среди

рабочихъ. Съ 1885 года начала свою дѣятельность военная группа, провалившаяся въ 1887 году, но и это было тоже группа спеціальная. Сколько-нибудь общій характеръ имѣла группа народовольцевъ, но она была очень малочислена. Да и вообще въ 1885—1887 года было затишье и полная дезорганизованность.

Оживленіе началось, сколько помнится, съ конца 1887 года, когда разразились студенческія волненія. Какъ извѣстно, онѣ начались въ Москвѣ послѣ пощечины, данной студентомъ Синявскимъ инспектору Брызгалову. Въ концѣ ноября извѣстіе объ этомъ (изъ частныхъ писемъ, т. к. въ газетахъ ничего долго не было) дошло до Петербурга. Вѣсть о страшныхъ избіеніяхъ, которымъ московскіе студенты подверглись со стороны полиціи и казаковъ за свой протестъ противъ порядковъ новаго университетскаго устава 1884 года, глубоко взволновало все студенчество. Начались всюду небольшія сходки по частнымъ квартирамъ. Помню небольшое собраніе, на которомъ участвовало не больше 15—20 студентовъ университета (В. А. Поссе, В. К. Агафоновъ, Ф. А. Липкинъ, В. С. Голубевъ, А. П. Храповицкій, М. М. Тимофеевъ, А. Ону и др.). Обсуждали вопросъ, присоединиться ли къ москвичамъ? Настроеніе большинства было скептическое. Казалось, что ничего у насъ не можетъ выйти. Студенчество, какъ и все кругомъ, было слишкомъ подавлено глухой реакціей. Студенты того времени больше отличались на счетъ пьянства: празднованіе годовщины университета стало превращаться въ какую-то дикую оргію, послѣ которой участники чуть не на четверенькахъ расползались по домамъ, учиняя на улицахъ разные скандалы. Тѣ, кто не принималъ участія въ безобразномъ пьянствѣ, выглядѣли какими-то пай-мальчиками или будущими столоначальниками. На самомъ дѣлѣ, какъ показали событія, дѣло было вовсе не такъ печально: студенчество дружно поднялось въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, Одессѣ, Казани. На этомъ собраніи сами собой возникли разговоры о необходимости борьбы съ произволомъ. Черезъ нѣсколько дней я попалъ на другое собраніе. Тамъ были студенты нѣсколькихъ учебныхъ заведеній: университета медицинской академіи, технологическаго, горнаго и лѣсного институтовъ. Не было только путейцевъ, строителей и электротехниковъ, вообще мало принимавшихъ тогда участія въ политической жизни. На этомъ собраніи обсуждались не только студенческіе безпорядки, но и прямо былъ поставленъ вопросъ о созданіи общестуденческаго центра. 9, 10 и 11 декабря произошли сходки въ университетѣ, одновременно и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые всѣ скоро были на время закрыты. Требованія студентовъ, конечно, не были удовлетворены, но студенческія волненія какъ-то оживили общество.

Съ начала 1888 года начались собранія изъ студентовъ всѣхъ пяти высшихъ учебныхъ заведеній. Первоначальной темой разговоровъ было переживаніе только что подавленнаго движенія, но затѣмъ скоро перешли на обще-политическія темы и рѣшили

образовать центральный органъ для объединенія и умноженія радикальныхъ элементовъ, преимущественно среди учащейся молодежи, да и вообще для объединенія подпольной оппозиціонной работы. Нѣкоторые предлагали примкнуть къ уже существующимъ, больше номинально, партіямъ, а именно или къ народовольцамъ или къ соціалъ-демократамъ. Но эти предложенія не встрѣтили сочувствія большинства. Было предложено выработать свою собственную программу, но какъ только приступили къ обсужденію перваго представленнаго проекта, возникли безконечные споры и оказалось, что многіе держались самыхъ противуположныхъ взглядовъ по важнѣйшимъ вопросамъ; напримѣръ, о развитіи капитализма въ Россіи. Общей, объединяющей всѣхъ идеей, была необходимость добиться политической свободы, но и тутъ возникли споры о средствахъ. Впрочемъ, по этому вопросу большинство, сколько помнится, было противъ террора, находя, что ничего этимъ путемъ нельзя добиться и что терроръ только усиливаетъ жестокость реакціи. Въ концѣ концовъ, рѣшили просто оставить вопросъ открытымъ и объединиться только на чисто практической почвѣ. Собранія продолжались до конца учебнаго 1887—1888 года. Съ началомъ слѣдующаго 1888—1889 года собранія возобновились. Главной заботой стало образованіе такихъ же объединяющихъ центровъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Скоро почти въ каждомъ изъ нихъ образовались свои центральные кружки. Пріемъ новыхъ членовъ производился исключительно кооптаціей, никакого выборнаго начала мы не признавали, считая его невозможнымъ по конспиративнымъ соображеніямъ. Члены нашей организаціи стали называться кадровиками. Слово кадръ было заимствовано изъ терминологіи народовольцевъ, хотя народовольцевъ между нами почти совсѣмъ не было. Какъ и почему принято было это названіе—не помню. Возникло оно какъ-то случайно: кто-то разъ назвалъ, можетъ быть, въ шутку, а затѣмъ названіе и укоренилось. Надо же было какъ-нибудь отличать себя отъ другихъ общестуденческихъ организацій, которыя тогда стали возникать параллельно съ нашей. Такъ, въ этомъ же 1888—1889 году возникло „объединенное землячество“, гдѣ соединились землячества: волжское, сибирское, пермское, вятское, рязанское и южно-русское. Я тоже принималъ участіе и въ этомъ центрѣ, бывъ выбраннымъ (вмѣстѣ съ медикомъ Шиповымъ), делегатомъ отъ волжскаго землячества. Задачи этого объединенія были формулированы, какъ „матеріальная и духовная взаимопомощь среди студенчества“. Этотъ коллективъ былъ организованъ съ внѣшней стороны болѣе опредѣленно и строго, чѣмъ организація „кадровиковъ“. Тутъ фундаментомъ служили такія, вполнѣ опредѣленныя единицы, какъ землячества. Центральный органъ состоялъ изъ выборныхъ баллотировкой по большинству голосовъ: отъ каждаго землячества по два делегата. Это объединеніе просуществовало недолго. Прежде всего встрѣтилось затрудненіе въ томъ, какъ объединить кассы землячествъ: у однихъ существовалъ запасный

капиталъ, у другихъ его не было. Затѣмъ самая цѣль объединенія представлялась, съ одной стороны, слишкомъ узкой, какъ работа только среди студенчества, съ другой стороны, слишкомъ расплывчатой и неопредѣленной: матеріальная и духовная взаимопомощь! На собраніяхъ встрѣтились два совершенно несоединимыхъ элемента: типичные работники земляческихъ кассъ, погруженные въ заботы о матеріальныхъ средствахъ своихъ коллективовъ, и не менѣе типичные радикалы, которые попали сюда исключительно изъ-за политическихъ цѣлей и часто понятія не имѣли объ уставахъ землячествъ. Радикалы думали больше о заведеніи новыхъ знакомствъ, для привлеченія ихъ хотя бы въ организацію кадровиковъ; „земляки" изводили ихъ техническими соображеніями о согласованіи различныхъ параграфовъ устава того или иного землячества. Понятно, толку изъ этого выйти никакого не могло, и я скоро вышелъ оттуда. Послѣ меня „объединеніе землячествъ" еще просуществовало нѣкоторое время. Рѣшили даже распространить его на всю Россію, созвали для этого съѣздъ въ Москвѣ въ 1889—1890 году. Отъ петербургскихъ студентовъ туда поѣхалъ М. В. Пирожковъ, который мнѣ тогда же разсказывалъ, что ничего изъ этой затѣи не вышло.

Затѣмъ возникло въ университетѣ, да и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, объединеніе на очень широкихъ началахъ, курсовое. Предполагалось организовать каждый курсъ, который долженъ былъ выбирать делегатовъ въ общій центръ. Но это было возможно только развѣ у естественниковъ, гдѣ публика была однороднѣе и порядочнѣе, на другихъ же факультетахъ подобное объединеніе было нелѣпостью. Курсовое объединеніе просуществовало совсѣмъ недолго. Кадровики были рѣшительно противъ этой затѣи. Насъ, помню, особенно возмущало примѣненіе выборнаго начала. Припоминаются мнѣ такія фразы: „тѣ дураки, которые хотятъ объединиться при помощи выборнаго начала, кончаютъ тѣмъ, что объединяются въ „Домѣ Предварительнаго Заключія"; „это удобно только для Секеринскаго (тогдашній начальникъ охраннаго отдѣленія), который и завершитъ объединеніе" и т. п. Но и помимо чисто конспиративныхъ соображеній, выборное начало многими считалось вреднымъ для дѣла, такъ какъ оно могло бы дать менѣе цѣнный личный составъ центральнаго органа. „Мы сошлись другъ съ другомъ послѣ основательнаго и продолжительнаго знакомства на почвѣ множества практическихъ дѣлъ,—разсуждали кадровики,—мы всѣ увѣрены въ каждомъ, знаемъ, чего какой человѣкъ стоитъ, а тутъ вдругъ будутъ выбирать кого попало, на основаніи разныхъ слуховъ и непровѣренныхъ данныхъ. Если-бъ это было легальное предпріятіе, которое у всѣхъ на виду, тогда другое дѣло, тогда всѣ болѣе солидные дѣятели были-бы всѣмъ извѣстны и публика могла-бы легко оріентироваться. Но въ нашемъ дѣлѣ какъ разъ требуется, чтобъ поменьше говорили о наиболѣе серьезныхъ дѣятеляхъ, ихъ какъ можно тщательнѣе надо скрывать, и сколько-нибудь широ-

кая популярность только вредна и опасна. Да и кто будетъ выбирать? Чѣмъ шире поставить дѣло, тѣмъ больше исходъ выборовъ будетъ зависѣть отъ разныхъ зеленыхъ юнцовъ"!

Сторонники избирательнаго начала указывали, съ своей стороны, что если центръ будетъ устраиваться на началахъ самозарожденія и самоизбранія, то одновременно можетъ возникнуть сразу нѣсколько центровъ и каждый будетъ претендовать на руководящую роль. — „Ну, и пусть образуется хоть двадцать центровъ" возражали кадровики; между ними будетъ происходить конкуренція, въ результатѣ которой всѣ нежизнеспособные центры сами собой сойдутъ со сцены, а всѣ дѣла въ концѣ концовъ перейдутъ къ группѣ болѣе основательныхъ и энергичныхъ дѣятелей. Вѣдь нашъ центръ существуетъ потому, что у насъ есть дѣла разныя, которыя мы ведемъ, и пока есть дѣло, и интересъ къ нему, мы все равно будемъ собираться и толковать".

Такіе кружки, дѣйствительно, возникали и даже довольно часто, и стремились принять характеръ руководящихъ центровъ. При этомъ я часто замѣчалъ такое явленіе: всего чаще руководящая роль достигалась такими кружками, которые съ начала своего основанія совсѣмъ никакими такими цѣлями не задавались, или кружками, которые, если и сразу ставили себѣ „центральныя" задачи, то состоявшіе изъ ядра лицъ, пришедшихъ къ тому какъ-то само собой и еще раньше, до формальной организаціи, постепенно пріобрѣтавшихъ значеніе руководителей. Такъ, помнится одинъ очень интересный кружокъ, образовавшійся осенью 1885 года изъ студентовъ, главнымъ образомъ, первокурсниковъ. Тутъ, кромѣ меня были: К. Р. Б., братья Алексѣй и Сергѣй Н., И. М. И., Е. Е. Г., Н. Э. Ватсонъ (умеръ), А. Фойницкій (умеръ), курсистка А. В. М., М. Т. Е. (участникъ желѣзнодорожнаго съѣзда въ октябрѣ 1905 года), И. Н. Ч., Н. И. П. и др. Кромѣ этой молодежи былъ еще значительно старшій насъ членъ, игравшій до нѣкоторой степени роль руководителя, статистикъ А. Г. Къ концу существованія кружка, въ началѣ 1887 года, присоединились А. И. Ульяновъ (казненъ по дѣлу 1 марта 1887 года) и Говорухинъ. Кружокъ этотъ сначала не задавался рѣшительно никакими широкими политическими задачами. Кромѣ стремленія къ самообразованію, насъ влекла въ кружокъ просто жажда общенія съ хорошими людьми. Занятія состояли въ штудированіи Милля съ примѣчаніемъ Чернышевскаго, при чемъ дѣло велось такимъ образомъ, что каждый по очереди составлялъ конспектъ одной главы. Конспектъ этотъ, конечно, вызывалъ обмѣнъ мысли. Первоначально, въ первый годъ ($188^5/_6$) существованія кружка почти не велось никакихъ чисто политическихъ разговоровъ; спорили больше на разныя научныя темы. Но подъ конецъ политика властно стала стучаться къ намъ. Многіе вступили членами-руководителями въ другіе кружки. Такъ, я и С. А. Н. попали въ кружокъ гимназистовъ. Оба брата Н. и И. М. И. принимали участіе въ организаціи кружковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Кое-кто ходилъ къ рабочимъ. Въ другихъ студенческихъ кружкахъ участвовали всѣ. На второй годъ своего существованія, по окончаніи чтенія Милля, появились рефераты собственнаго изготовленія (о капитализаціи кустарной промышленности А. Н., по этикѣ С. Н., о теоріи Мальтуса А. Г.). Но больше всего мы занимались политикой. Такъ, весь кружокъ принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ демонстраціи 17 ноября 1886 года по случаю 25-лѣтія со дня смерти Добролюбова. Въ этомъ же году у насъ читалъ свой проектъ созыва земскаго собора А. Г. Штанге. Затѣмъ, помню, обсуждали мы проектъ какой-то программы П. Л. Лаврова. Когда въ этомъ же 188⁶/₇ г. появился въ Петербургѣ проповѣдникъ „религіи человѣчества“ Фрей, то мы посвятили ему одно или два засѣданія, съ участіемъ самаго Фрея и разныхъ постороннихъ лицъ. Съ Фреемъ мы всѣ были несогласны и горячо оппонировали его ученію объ исцѣленіи всѣхъ золъ путемъ нравственнаго самоусовершенствованія на почвѣ проникновенія идеей о „человѣкѣ-богѣ“. Отзываясь на всѣ явленія тогдашней политической жизни и принимая черезъ своихъ членовъ участіе въ многихъ другихъ кружкахъ и группахъ, кружокъ могъ бы современемъ сыграть довольно замѣтную руководящую роль. Но этому помѣшали разногласія во взглядахъ, раздѣлявшія членовъ на двѣ почти равныя части. Разногласія вышли по вопросу, очень волновавшему тогдашнее общество—о террорѣ. Отмѣчу, кстати, одно любопытное явленіе: тѣ изъ насъ, которые особенно стояли за терроръ, въ то же время по своимъ экономическимъ воззрѣніямъ были ярыми марксистами. Сами себя они называли народовольцами, хотя по вопросамъ о судьбахъ капитализма въ Россіи, о разложеніи общины, объ особенно важной роли рабочаго пролетаріата, они скорѣе могли бы быть причислены къ соціалъ-демократамъ. Нужно сказать вообще, что тогда люди дѣлились больше всего по вопросу: должно ли движеніе имѣть *боевой* характеръ, причемъ почти единственнымъ боевымъ средствомъ считался политическій терроръ, или движеніе должно имѣть *подготовительный* харатеръ, такъ какъ наличныхъ силъ слишкомъ недостаточно для открытой борьбы и силы эти надо копить и беречь. Разногласія по всѣмъ другимъ вопросамъ практическаго значенія не имѣли: въ то время могли совмѣстно работать люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній по всѣмъ остальнымъ вопросамъ. Особенно мало придавали значенія въ описываемый періодъ вопросу объ экономикѣ и политикѣ. Всѣми признавалась необходимость политической свободы, и я даже какъ-то мало встрѣчалъ людей, которые усматривали бы въ конституціи нѣчто, выгодное только для буржуазіи. Необходимость прежде всего политическаго переворота, политическаго освобожденія Россіи признавалась громаднымъ, подавляющимъ большинствомъ.

Весной 1887 г. одинъ изъ недавно вступившихъ членовъ А. И. Ульяновъ принялъ самое активное участіе въ покушеніи 1 марта. Онъ, однако, не говорилъ объ этомъ никому изъ насъ:

кажется, даже наши террористы не знали объ этомъ. Ульяновъ дѣйствовалъ съ другой компаніей, членовъ которой (Шевырева, Лукашевича, Генералова, Андреюшкина, Осипанова и др.) никто изъ насъ не зналъ, если не считать шапочнаго знакомства по университету. Чтобъ не замѣшать насъ, Ульяновъ заранѣе вышелъ изъ кружка. Какъ-то случайно онъ зашелъ на одно засѣданіе за двѣ недѣли до 1 марта. Быть можетъ, зашелъ взглянуть на насъ въ послѣдній разъ и мысленно проститься съ нами. Видъ его тогда поразилъ многихъ. Онъ весь вечеръ просидѣлъ молча, задумчиво глядя своими большими темными глазами. Я очень живо помню его лицо: матовой бѣлизны, немного широкоскулое, всегда спокойное и серьезное, шапка черныхъ, слегка вьющихся волосъ на головѣ. Но въ этотъ вечеръ его лицо было точно освѣщено какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ и казалось преображеннымъ. И не я одинъ обратилъ на это вниманіе: многіе изъ насъ послѣ того, какъ его арестовали, вспоминали о выраженіи его лица—лица человѣка, обрекшаго себя на смерть.

Около того же времени многіе изъ членовъ были арестованы по дѣлу о пропагандѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и кружокъ распался послѣ двухъ-лѣтняго существованія за недостаткомъ людей. Этотъ кружокъ былъ замѣчателенъ тою крѣпкою нравственною связью, которая объединяла людей, довольно рѣзко расходившихся по вопросамъ тактики. Какъ то въ октябрскіе дни 1905 года, т. е. спустя почти 20 лѣтъ, случайно встрѣтились четверо изъ бывшихъ членовъ кружка, и сразу почувствовалась нисколько не порвавшаяся нравственная связь. И теперь, когда я пишу эти свои воспоминанія, я мысленно представляю всѣхъ, какъ мы сидѣли въ квартирѣ Н—выхъ и шлю всѣмъ живымъ свой привѣтъ.

Итакъ, несомнѣнно, этотъ кружокъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы играть извѣстную центральную роль. Между тѣмъ, при его первоначальномъ основаніи никто рѣшительно и не думалъ объ этомъ.

Съ другой стороны, сколько я видѣлъ такихъ кружковъ, которые съ самаго основанія намѣчали себѣ самыя широкія задачи! Но... это все бывали обыкновенно благія желанія, а свершить ничего не было дано!

Вернусь, однако, къ организаціи кадровиковъ, которыхъ я оставилъ на второй годъ ихъ существованія въ 1888/9 учебномъ году. Въ этомъ году кадровики принимали двухъ заѣзжихъ организаторовъ, произведшихъ на всѣхъ довольно сильное впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ, называвшій себя Александромъ Васильевичемъ Васильевымъ (настоящаго его имени не знаю до сихъ поръ), познакомился съ нами черезъ студента-лѣсника М. Васильевъ нѣкоторое время вращался среди радикальной молодежи, заводя разговоры на разныя темы: философскія, научно-публицистическія, но больше политическія. Онъ поражалъ всѣхъ своей необыкновенной эрудиціей по разнымъ отраслямъ знанія и между

прочимъ былъ очень освѣдомленъ по исторіи западно-европейскаго соціализма, а также и нашего революціоннаго движенія. Онъ все точно нащупывалъ почву, зондировалъ настроеніе. Чего онъ собственно хотѣлъ, я не успѣлъ выяснить. Можетъ быть, онъ потому не сошелся съ кадровиками, что былъ ближе къ народовольческому направленію, только онъ какъ-то скоро исчезъ съ горизонта. Болѣе крупную, хотя и не особенно продуктивную роль сыгралъ другой пріѣзжій, А. К—инъ, недавно вернувшійся изъ ссылки въ степномъ генералъ-губернаторствѣ. А. К—инъ, или, какъ его больше называли, Аполлонъ или Борода (за окладистую, пушистую русую бороду) сталъ энергично посѣщать всевозможные студенческіе кружки. Онъ очень оживлялъ собранія. Съ необыкновенною легкостью онъ составлялъ доклады по разнаго рода вопросамъ (я прослушалъ два его доклада: объ отхожихъ промыслахъ и изложеніе I главы Капитала Маркса). Узнавъ о нашемъ существованіи, онъ пожелалъ съ нами поговорить, и вотъ на квартирѣ студента-горняка Перфильева (скоро потомъ застрѣлившагося) собралось человѣкъ 15—20 студентовъ всѣхъ пяти высшихъ учебныхъ заведеній. Аполлонъ объявилъ, что онъ членъ недавно образовавшейся организаціи, которую онъ назвалъ „Россійской рабочей партіей“. Программа партіи была очень широка, но не совсѣмъ опредѣленна. Имѣлось въ виду объединить всю радикальную интеллигенцію: и народниковъ, и марксистовъ. По вопросу о террорѣ Аполлонъ высказался довольно уклончиво, заявивъ только, что терроръ—неизбѣжное явленіе при господствѣ грубаго правительственнаго насилія. На этомъ собраніи, сколько помню, не было особенно горячихъ преній по программнымъ вопросамъ. Кадровикамъ подобныя пренія и безъ того достаточно надоѣли и въ зубахъ навязли. Въ то время уже начало сказываться то эклектическое отношеніе къ программнымъ вопросамъ, которое на слѣдующій годъ еще болѣе усилилось. Помню, напр., такое выраженіе: „ну, опять о пунктахъ спорятъ: пунктъ *а* — пропаганда, пунктъ *б*—агитація“. Такъ, на данномъ собраніи больше интересовались тѣми практическими послѣдствіями и, такъ сказать, выгодами, которыя могло дать присоединеніе къ новой „партіи“ („техника дѣла прежде всего“). Аполлонъ сталъ самыми яркими красками рисовать всѣ преимущества новой обширной организаціи: она даетъ возможность сноситься съ разными городами, гдѣ будто бы уже существуютъ отдѣлы партіи, легко можно будетъ снабжаться литературой, не будетъ недостатка въ дѣльныхъ и талантливыхъ руководителяхъ кружковъ и т. д. Въ концѣ концовъ рѣшили, что дѣло подходящее и надо присоединиться, хотя особенной горячности не замѣчалось. Аполлонъ предложилъ, чтобы мы выбрали по одному делегату отъ каждаго изъ пяти учебныхъ заведеній и еще одну делегатку отъ „обще-бабьяго“ кружка и вотъ въ этотъ-то комитетъ войдетъ одинъ изъ товарищей Аполлона (самъ онъ скоро долженъ былъ покинуть Петербургъ) въ качествѣ петербургскаго представителя или агента партіи. На томъ и покончили. Отъ уни-

версантовъ делегатомъ мы назначили М. М. Т. Отъ женщинъ была М. К., отъ медиковъ Ф. А., другихъ что-то не помню. Замѣстителемъ Аполлона потомъ оказался С. Н. Флоровскій (теперь покойный). Изъ всей этой исторіи ничего, однако, не вышло: оказалось, что вновь испеченному центру просто нечего было дѣлать. Скоро А. уѣхалъ, комитетъ пересталъ собираться и „Россійская рабочая партія“ „отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть“.

На слѣдующій 1889—1890 годъ почти не было общихъ собраній всѣхъ кадровиковъ. Вмѣсто того организаціонное движеніе перешло на отдѣльныя учебныя заведенія. Образовались правильно организованные центральные кружки у универсантовъ, технологовъ, медиковъ и, кажется, у другихъ. Собственно, они и раньше были, т. е. каждый кадровикъ былъ членомъ небольшой компаніи своихъ товарищей по институту, но раньше эти компаніи собирались случайно и не имѣли постояннаго и опредѣленнаго состава. Такой составъ съ довольно частыми собраніями существовалъ раньше только для всѣхъ кадровиковъ въ совокупности. Въ этомъ же году, наоборотъ, общія собранія, кажется, происходили только въ мартѣ 1890 года, во время студенческихъ безпорядковъ, которые опять вспыхнули. Тогда потребовалось объединеніе всѣхъ радикальныхъ силъ и старая организація сильно помогла дѣлу. Въ теченіе же всего года правильно собирались только отдѣльные кружки, бывшіе центральными только для даннаго учебнаго заведенія. Число членовъ этихъ центральныхъ (они такъ и назывались) кружковъ было 10—12 человѣкъ. По своимъ задачамъ и характеру они очень напоминали тотъ „организаціонный комитетъ“, который существовалъ въ технологическомъ институтѣ за время 1905—1906 года. Не представляя полной партійной однородности, кружки эти всегда старались привлекать наиболѣе выдающихся студентовъ, которые могли бы усилить собою центръ. Собранія университетскаго центра происходили почти каждую недѣлю. Когда не было практическихъ дѣлъ, время проводилось въ разговорахъ на разныя политическія, философскія и научныя темы. Составъ былъ строго опредѣленный: кромѣ меня участвовали: А. А. Федуловъ (потомъ ставшій народовольцемъ), Н. Б. („Комаръ“), М. Т., И. Э. Т., Ш., М., Д., П. П. Р. Иногда заходилъ и Вас. Г., который въ этомъ году не былъ постояннымъ членомъ, такъ какъ кончилъ университетъ.

Весной 1890 года, во время студенческихъ волненій, опять охватившихъ всю Россію, почти всѣ кадровики, кромѣ тѣхъ, которые уже окончили курсъ и потому вышли изъ организаціи, были арестованы, многіе были высланы изъ Петербурга. Съ университетскимъ центромъ случилось такъ, что чуть не всѣ попали подъ арестъ въ одну и ту же Суворовскую часть на Васильевскомъ Островѣ. Когда 136 студентовъ, арестованныхъ на сходкѣ 11-го марта, были загнаны въ манежъ, гдѣ черезъ нѣкоторое время ихъ стали переписывать, то Т. предложилъ центровикамъ, чтобы подходили къ переписи всѣ вмѣстѣ. Онъ расчитывалъ, что такъ

какъ разводить по полицейскимъ частямъ будутъ по составленному въ манежѣ списку, то, стало быть, и сидѣть придется намъ вмѣстѣ своимъ кружкомъ. Эту же мысль мы сообщили также и нѣкоторымъ изъ молодыхъ студентовъ, которыхъ мы прочили въ свои замѣститeли. Расчетъ удался, и въ числѣ 80-ти студентовъ, помѣщенныхъ въ Суворовскую часть, попала почти вся наша компанія, кромѣ, впрочемъ, М. и Д., попавшихъ въ другую.

Въ части мы пробыли ровно недѣлю. Это была поистинѣ незабвенная недѣля. Полицейское начальство было тамъ очень хорошее. Смотритель арестнаго помѣщенія и его помощникъ,—такъ прямо намъ сочувствовали. Намъ была дана полная свобода. Всѣ 8 камеръ, въ которыхъ мы были размѣщены, были день и ночь растворены и сообщеніе совершенно свободно. Одна изъ камеръ, довольно большая, гдѣ свободно могли помѣститься всѣ 80 человѣкъ, была приспособлена для общихъ собраній, и тамъ ежедневно съ утра происходили сходки, читались доклады и велись пренія. По вечерамъ шли бесѣды по отдѣльнымъ камерамъ, гдѣ образовались свои кружки, проводившіе время, кто какъ хотѣлъ: въ одной камерѣ, помню, покойный Николай Водовозовъ читалъ вслухъ „Сказки“ Щедрина, въ другой—кубанецъ съ увлеченіемъ декламировалъ Шевченка въ кружкѣ хохловъ. Корридоръ служилъ мѣстомъ для прогулокъ. Часто корридоръ и камеры оглашались звуками довольно стройнаго хора. Но прежде всего мы устроили хозяйственную часть. Дѣло въ томъ, что родственники, а также посторонніе лица изъ общества (которое вообще тогда очень сочувственно отнеслось къ студентамъ) нанесли намъ массу всевозможныхъ продуктовъ и даже лакомствъ. Кромѣ того мы устроили полученіе горячей пищи. Для завѣдыванія хозяйствомъ былъ выбранъ главный староста. Долго спорили о кандидатахъ. Наконецъ, Федуловъ разрѣшилъ сомнѣнія и указывая на жизнерадостнаго, съ румянцемъ во всю щеку—Тимофеева, закричалъ: „господа, я предлагаю выбрать Михалъ Михалыча, т. к. одно его появленіе на трибунѣ уже возбуждаетъ аппетитъ!“ При общемъ хохотѣ и рукоплесканіяхъ Тимофеевъ былъ выбранъ и, благодаря своей энергіи („настоящій наваринскій дымъ съ пламенемъ“) и практичности, вполнѣ оправдалъ довѣріе. Затѣмъ были выбраны второстепенные старосты: два первокурсника („сосуны“) Сережа Лозинскій и Доброхотовъ были выбраны—первый „конфектнымъ“, второй—„табачнымъ“ старостами и т. д. Для поддержанія внѣшняго порядка (главнымъ образомъ, чтобы не курили и не сорили въ камерахъ) былъ выбранъ „вышибало“ — здоровенный Нагоровъ, котораго призывали къ исполненію своихъ обязанностей восклицаніями: „Курятъ! вышибало, къ дѣлу!“ и тогда Нагоровъ срывался съ мѣста и при общемъ хохотѣ дѣлалъ видъ, что онъ „вышибаетъ“ изъ камеры нарушителя порядка.

Устроенъ былъ довольно хорошій хоръ. Особенно любимой пѣсней былъ „комаръ“, гдѣ запѣвалой былъ Б., по прозванію Комаръ (за его тонкій, комариный голосъ). Особеннымъ успѣхомъ

пользовался конецъ пѣсни, гдѣ на вопросъ: „чей-же это да упокойникъ“, слѣдовалъ отвѣтъ: „ахъ! это ректоръ Владиславлевъ“. Кромѣ Владиславлева воспѣвали и прочее начальство по порядку. Хоръ участвовалъ еще въ провозглашеніи анаѳемы всему начальству. Здѣсь особенно отличался Б. В. Никольскій (теперь—лидеръ „истинно русскихъ людей“.). У него былъ здоровеннѣйшій голосище и, когда онъ широко открывъ пасть, выводилъ по-протодіаконски: „всѣмъ министрамъ—анаѳема“, то просто стёкла дрожали. Я думаю, что если онъ и теперь также старается при своихъ выступленіяхъ гдѣ-нибудь въ Михайловскомъ манежѣ, то выходитъ тоже здорово.

Затѣмъ были организованы лекціи. Я читалъ очеркъ исторіи революціоннаго движенія, ярый „лесгафтистъ“ Федуловъ излагалъ намъ взгляды проф. П. Ф. Лесгафта, Б. В. Никольскій прочелъ лекцію о борьбѣ язычества съ христіанствомъ, причемъ изумилъ аудиторію своей памятью: онъ цитировалъ наизусть массу изреченій латинскихъ авторовъ.

Центральный кружокъ не терялъ времени даромъ: предвидя, что намъ въ университетъ ужъ не вернуться, мы старались тутъ же съорганизовать кружокъ замѣстителей. Въ этотъ кружокъ вошли первокурсники: Н. Д. Соколовъ (нынѣ извѣстный защитникъ по политическимъ процессамъ), Н. В. Водовозовъ (впослѣдствіи авторъ очерковъ по экономическимъ вопросамъ, скончавшійся еще очень молодымъ), Д. Х. З. и другіе.

Кромѣ того мы стали тутъ же въ участкѣ писать воззваніе къ обществу съ изложеніемъ хода событій. Это воззваніе, имѣвшее характеръ историческаго очерка студенческихъ волненій, въ мартѣ 1890 года было отгектографировано, какъ только мы получили свободу. Получилась довольно объемистая вещь: пять писчихъ листовъ довольно убористаго письма. Насколько это сочиненіе, задуманное и наполовину написанное въ тюрьмѣ, получило распространеніе — не знаю. Я лично ни одного экземпляра потомъ не видалъ.

Мы просидѣли въ Суворовской части ровно недѣлю. Намъ было такъ хорошо тамъ, что вѣсть объ освобожденіи была встрѣчена криками: „конецъ свободѣ“, криками, нельзя сказать, чтобы шутливыми. Да и дѣйствительно—такой свободой собраній и слова мы никогда не пользовались до этого времени да и потомъ-то!.. Одно обстоятельство опечалило насъ: передъ тѣмъ, какъ насъ всѣхъ выпустить, двѣнадцать человѣкъ были вызваны отдѣльно: это были наиболѣе замѣшанные по разнымъ дѣламъ. Думали, что ихъ повезутъ въ тюрьму. Но ихъ выпустили и только объявили имъ о высылкѣ изъ Петербурга. Когда въ числѣ вызванныхъ оказался Б., то хоръ пропѣлъ ему грустнымъ pianissimo „Комара, комара, комарищу!“.

Долженъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ: мы рѣшили собрать денегъ на высылаемыхъ товарищей, но деньги у насъ были всѣ отобраны на храненіе у смотрителя участка. Собрать потомъ было-бы довольно затруднительно, и вотъ М. Т. придумалъ слѣдующую

комбинацію, которая можетъ теперь показаться по меньшей мѣрѣ неправдоподобной. Онъ предложилъ, когда мы будемъ получать обратно свои деньги, расписываться въ полученіи ихъ полностью, а на самомъ дѣлѣ оставлять часть на рукахъ смотрителя, а потомъ за ними зайдетъ нашъ уполномоченный. Нѣкоторые скептики возражали, что при такихъ условіяхъ деньги просто-на-просто останутся въ рукахъ полиціи, тѣмъ болѣе, что у нея будутъ наши расписки въ полученіи полностью всѣхъ денегъ. А если и нѣтъ, то врядъ ли смотритель рискнетъ на подобную операцію, тѣмъ болѣе, что дѣло будетъ происходить у всѣхъ на виду. Но Т. отвѣтилъ: „не сомнѣвайтесь, я умѣю раскусывать людей", и всѣ ему довѣрились. Когда началась получка денегъ, то смотритель и другіе полицейскіе, находившіеся при этомъ, приняли участіе въ выполненіи плана и даже еще иногда стыдили богатенькихъ, но скуповатыхъ студентовъ, что мало отчисляютъ на товарищей. На другой день за деньгами зашелъ Т. и всѣ деньги (рублей 150) получилъ полостью. Приведеніемъ этого факта я, думается, не скомпрометирую нашего смотрителя передъ его начальствомъ: вѣдь это было 18 лѣтъ тому назадъ! Прибавлю, что фактовъ сочувствія къ студентамъ и вообще порядочности тогдашней полиціи я слышалъ тогда нѣсколько.

Послѣ своего освобожденія почти весь центральный кружокъ высылался изъ Питера. Намъ дали небольшой срокъ, который мы успѣли использовать для изданія нашего историческаго очерка студенческихъ волненій, а затѣмъ для организаціи замѣстителей. Я тоже принужденъ былъ покинуть столицу въ серединѣ апрѣля.

Кружокъ нашихъ преемниковъ выпустилъ „Студенческій Сборникъ" (литографированный) и нѣкоторое время дѣйствовалъ, но потомъ скоро распался.

Осенью я вернулся въ Питеръ, но я уже не былъ студентомъ и въ центральныхъ кружкахъ участія не принималъ. Оставшіеся кадровики въ этомъ 1890—1891 году занялись, главнымъ образомъ, въ рабочихъ кружкахъ. Для веденія общихъ дѣлъ иногда видѣлись другъ съ другомъ, но ряды сильно порѣдѣли, а собрать новый контингентъ въ 30—40—50 человѣкъ, какъ бывало раньше, было невозможно въ короткое время: не такое это дѣло, чтобъ его съорганизовать сразу и искусственными мѣрами. Конспиративная организація, чтобы быть прочной и дѣйствительной, должна выросги путемъ естественнаго подбора подходящихъ элементовъ, а для этого нужно время. Итакъ, въ 1890—1891 академическомъ году компанія кадровиковъ уже несуществовала. Организація просуществовала около трехъ лѣтъ и растаяла частью вслѣдствіе отдѣльныхъ арестовъ, частью просто за выходомъ кончавшихъ курсъ. Общаго погрома не было: судьба помиловала кадровиковъ отъ предателя, который-бы всѣхъ выдалъ. Быть можетъ, потому эта организація и осталась какъ то сравнительно мало извѣстной, точно такъ же, какъ, напримѣръ, и та рабочая группа, которая дѣйствовала одновременно (съ участіемъ многихъ кадро-

виковъ) и проявила особенную дѣятельность въ 1890—1891 году. Приведу фамиліи кое-кого изъ студентовъ-кадровиковъ: теперь, черезъ 20 лѣтъ, это уже никому повредить не можетъ, да и многихъ теперь уже нѣтъ на свѣтѣ.

Студенты университета: А. Федуловъ, Березинъ, М. М. Тимофеевъ, Вас. Голубевъ, П. П. Румянцевъ, И. Э. Теннеръ, Моложавый, Добкевичъ, Нечаевъ, Ширяевъ.

Студенты-технологи: Гурій Петровскій (умеръ), И. Епифановъ, Балдинъ, Діордіенко, М. Брусневъ, Цивинскій, Красинъ,

Медики: Ф. В. Абрамовичъ, Галковскій, Фл. Волковъ, Фейтъ.

Горняки: Перфильевъ (умеръ), Фейдинъ, Огарковъ, Наливкинъ.

Лѣсники: С. И. Юньевъ, Маринъ, Римчайло, Великолюдъ, Бенуа, Симонъ

Курсистки: А. А. Ивановская, Разумовская (умерла), М. Карножицкая.

Приведенный списокъ, далеко не полный, не слѣдуетъ понимать, какъ перечень наиболѣе выдающихся дѣятелей періода: тутъ упомянуты только тѣ, кого я помню участвовавшими въ данной организаціи.

III. Программныя разногласія въ радикальныхъ кружкахъ.

О чемъ же говорили, къ чему стремились въ концѣ 80-хъ годовъ въ Петербургѣ?

Рѣзкаго раздѣленія на народниковъ и марксистовъ еще не было за время 1885—1890 года. Были, конечно, разговоры на эти темы, но не этимъ раздѣлялась публика на враждебные лагери. Существовали тогда два теченія: одно называло себя народовольцами, террористами, что тогда было почти синонимомъ, другое, въ сущности, себя никакъ не называло. Слово „соціалъ-демократъ" тогда еще не было въ большомъ ходу. Были, правда, и тогда отдѣльныя лица, называвшія себя такъ; возникали порой небольшія группы подъ этимъ флагомъ, но назвать этимъ именемъ все второе теченіе, которое рѣзко отдѣлялось отъ народовольцевъ, было бы совершенно неосновательно. Я помню, чаще другихъ, употреблялось выраженіе: „подготовительное направленіе". Но это слишкомъ неопредѣленный терминъ, тѣмъ болѣе, что извѣстная подготовительная работа отнюдь не исключалась и народовольцами.

Для того, чтобы какъ-нибудь назвать тѣ двѣ группы, о которыхъ я поведу рѣчь, придется ввести новую номенклатуру. И тутъ я не могу придумать ничего, что бы лучше характеризировало обѣ группы, какъ назвавъ однихъ — романтиками (народовольцевъ), другихъ реалистами. Правда, и эта терминологія имѣетъ крупный недостатокъ; она устанавливаетъ предвзятое сочувствіе по отношенію къ однимъ (реалистамъ) въ ущербъ другимъ. Для

меня, въ положеніи лѣтописца, это еще неудобно и потому, что я самъ тогда принадлежалъ къ реалистамъ и потому у читателя можетъ сразу явиться сомнѣніе въ моей безпристрастности. Но ничего не подѣлаешь! Ничего лучшаго придумать не могу.

Основой раздѣленія былъ вопросъ о тактикѣ, объ общемъ способѣ и характерѣ борьбы съ правительствомъ. Надо сказать, что въ то время чувствовалась нѣкоторая, если хотите, усталость общественной мысли въ области программныхъ вопросовъ и въ особенности вопросовъ экономическихъ и соціальныхъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло — принять тотъ или иной способъ дѣйствій. Всѣ какъ-то сходились въ ненависти къ самодержавію, въ признаніи необходимости добиться прежде всего политической свободы. Для этого необходимо было организовать достаточную матеріальную силу, которая могла бы помѣряться съ врагомъ. Принципіальные споры о соціальной основѣ этой борьбы, т. е. должна-ли она вестись на почвѣ интересовъ рабочаго пролетаріата или мелкаго самостоятельнаго производителя, или буржуазіи—подобные споры, конечно, интересовали публику, но интересъ этотъ былъ больше теоретическій. Практическаго значенія не придавалось этимъ разсужденіямъ. „Какъ бы я не рѣшилъ эти вопросы, а все равно завтра пойду въ рабочій кружокъ и буду тамъ разсказывать изъ исторіи культуры или о прибавочной стоимости—смотря по тому, что лучше знаю!"—думалъ человѣкъ, часто подавляя зѣвоту отъ безконечныхъ словопреній. „Если-бъ я жилъ въ деревнѣ, то работалъ бы среди крестьянъ, а что именно я-бы имъ говорилъ? Конечно, старался бъ отвѣтить на то, что ихъ самихъ больше интересуетъ. Да вообще тамъ видно будетъ! А сейчасъ скучно даже объ этомъ думать!" Часто бывало, что въ спорахъ принимала участіе больше молодятина („разные тамъ сосуны"). Передо мной теперь часто всплываетъ такая картина: въ маленькой комнатѣ, наполненной облаками табачнаго дыма, у стола за самоваромъ надсаживается кучка молодыхъ студентовъ. А на заднемъ фонѣ, на кроватяхъ или кушеткахъ, устало развалившіяся фигуры болѣе взрослыхъ субъектовъ, съ соннымъ скептицизмомъ слушающихъ горячій споръ. Огонекъ вспыхивающей папиросы порой освѣщаетъ бородатое лицо, съ выраженіемъ скуки и насмѣшки. Вмѣстѣ съ кольцами дыма, какъ-бы медленно плывутъ къ потолку обрывки мыслей о томъ, что, въ сущности, все это ерунда и ничего отъ этого не измѣнится („также придется удирать отъ сыщиковъ").

Сказать, что общіе вопросы перестали интересовать молодежь— было-бы несправедливо. Интересоваться-то ими всегда интересовались, но имъ меньше придавали практическаго значенія. Если принять дѣленіе періодовъ по Сенъ-Симону на синтетическіе и критическіе, то вторая половина восьмидесятыхъ годовъ занимала какое-то среднее положеніе между концомъ синтетическаго періода и началомъ критическаго. Къ этому времени былъ до извѣстной степени переработанъ нѣкоторый фактическій мате-

ріалъ, который всегда ложится въ основу работы мысли. Пожалуй, будетъ слишкомъ смѣло сказать, что онъ былъ весь переработанъ, но во всякомъ случаѣ надъ одними и тѣми-же данными слишкомъ долго работали, и ихъ жевали и пережевывали до тошноты. Выводы слишкомъ легковѣсные откидывались и снимались со счета, работа мысли все болѣе концентрировалась на болѣе спорныхъ и серьезныхъ вопросахъ, но и тутъ, при наличности все одного и того-же фактическаго и идеологическаго матеріала, быстро достигалось соглашеніе, и если оставалось разногласіе, то оно обусловливалось, главнымъ образомъ, различіемъ темпераментовъ.

Огромное вліяніе оказывало и то, что вся эта работа политической мысли происходила, въ сущности, только въ одной средѣ— въ средѣ внѣклассовой интеллигенціи. Радикальное студенчество, какимъ бы вліяніямъ оно не подвергалось и какъ бы чутко ни относилось къ жизни, не могло вполнѣ отразить борьбы дѣйствовавшихъ въ Россіи общественныхъ силъ. Вопросы поневолѣ должны были ставиться отвлеченно: съ точки зрѣнія справедливости вообще. Рѣшеніе вопроса считалось правильнымъ, если оно соотвѣтствовало извѣстному общепризнанному принципу. До извѣстной степени тотъ же характеръ политическаго мышленія сохранился и до сихъ поръ: мы и сейчасъ можемъ встрѣтить много программъ, представляющихъ цѣлый рядъ очень хорошихъ „вѣчныхъ истинъ" съ логическими выводами изъ этихъ истинъ. Выводы строго логичны, но... вопросъ, насколько они вытекаютъ изъ реальныхъ условій жизни и согласуются съ ними?

Классы и массы въ то время мало себя проявляли. Никакихъ „выступленій" тогда не было. Крестьяне, рабочіе, буржуазія — все это были мертвыя силы, мирно лежавшія подъ тяжелымъ ярмомъ. Приходилось статистикамъ и другимъ изслѣдователямъ народной жизни открывать народныя нужды и при этомъ преодолѣвать всевозможныя препятствія, т. к. офиціальная формула гласила „все обстоитъ благополучно". Даже въ настоящее время, и то многое осталось отъ старой идеологіи. И теперь еще такія слова, какъ „народъ", „народныя требованія", „вся земля и вся воля" являются просто какими-то фразами революціоннаго краснорѣчія! Что-же было тогда? Весьма понятно, что работа политической мысли вращалась, какъ бѣлка въ колесѣ, въ кругу однихъ и тѣхъ же данныхъ, въ концѣ концовъ приходила къ нѣкоторымъ общепризнаннымъ положеніямъ и дальше уже начиналось какое-то топтаніе на мѣстѣ и вареніе въ собственномъ соку.

Обмѣнъ мыслей сталъ принимать какой-то шаблонный характеръ, рѣчи произносились по какому-ту общему трафарету. Вотъ, напримѣръ, выступаетъ народоволецъ. Провозгласивъ всѣмъ извѣстную истину, что безъ политической свободы и при нынѣшнемъ режимѣ „никакая работа немыслима", онъ начиналъ разбирать тѣ силы, съ помощью которыхъ можно свергнуть самодержавіе: крестьянство? но оно слишкомъ инертно, разбросано на боль-

номъ пространствѣ (слѣдовалъ еще цѣлый рядъ избитыхъ соображеній); рабочіе? но ихъ слишкомъ мало (слѣдовали цифровыя данныя по В. Воронцову); буржуазія? но она у насъ несамостоятельна, живетъ подъ защитой покровительственной томоженной политики и т. д.; дворянство? но оно живетъ правительственными подачками и т. д. Остается одна интеллигенція въ качествѣ авангарда революціи. Правда, она очень малочисленна, но (слѣдовала ссылка на басню „Левъ и Комаръ“), она, не говоря о своей несомнѣнной революціонности, обладаетъ извѣстной силой. Стоитъ только использовать единственное доступное ей средство борьбы—политическій терроръ—и правительство въ концѣ концовъ пойдетъ на уступки. Такъ говорили народовольцы.

Вотъ выступаетъ, положимъ, соціалъ-демократъ. Онъ тоже начинаетъ съ оцѣнки общественныхъ силъ въ Россіи. Отбрасывая всѣ классы, онъ въ томъ числѣ забраковываетъ и интеллигенцію, какъ „офицеровъ безъ арміи“. Свое благосклонное вниманіе онъ останавливаетъ только на рабочемъ пролетаріатѣ. Тутъ идутъ ссылки на исторію Западной Европы, гдѣ будто-бы пролетаріатъ во всѣхъ революціяхъ игралъ рѣшающую роль. Количество рабочихъ въ Россіи показывалось не въ $1^1/_2$ милліона, какъ у предыдущаго оратора, а, скажемъ, въ 3 милліона, а это что-нибудь да значитъ. Задачей интеллигенціи являлось пробудить классовое сознаніе въ пролетаріатѣ и съорганизовать его для политической борьбы съ самодержавіемъ. Исходя изъ этого положенія, ораторъ обыкновенно отрицательно относился къ террору, считалъ его, напримѣръ, напрасной и преждевременной тратой силъ и настаивалъ на пропагандѣ и организаціонной работѣ среди городского пролетаріата.

Наконецъ, выступали другіе ораторы, которые не понимали, почему это надо непремѣнно все вниманіе сосредоточить на одной какой-нибудь силѣ, разъ дѣло идетъ о сверженіи такого порядка, который почти никого, въ сущности, удовлетворить не можетъ. Ссылались на примѣры европейскихъ революцій, которыя всѣ производились союзомъ нѣсколькихъ общественныхъ слоевъ. Говорили, что разъ ближайшая общая цѣль—политическая революція, то необходимо объединить и организовать всѣ мало-мальски оппозиціонные элементы.

Всѣ эти споры въ концѣ-концовъ были интересны и полезны только для зеленой молодежи, которая раньше ничего такого не слыхала! Но людямъ, нѣсколько лѣтъ толкавшимся въ кружкахъ, это, наконецъ, надоѣдало.

Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло нѣсколько измѣнилось. Съ одной стороны, были внесены нѣкоторые свѣжіе факты и соображенія, иначе были поставлены вопросы (Струве, Туганъ-Барановскій, Бельтовъ, Потресовъ, Влад. Ильинъ и др.), а съ другой стороны, пробудились массы и стали выступать на политическую арену. Тогда новыя свѣжія струи проникли въ радикальное подполье и оживили его. Но это произошло къ серединѣ 90-хъ годовъ.

Уже изъ вышеизложеннаго ясно, что наиболѣе серьезныя разногласія должны были сводиться къ вопросамъ о тактикѣ и вообще объ общихъ способахъ дѣйствій.

По вопросамъ объ общихъ предпосылкахъ большинство склонялось къ среднему, такъ сказать эклектическому направленію. Признавали, что въ концѣ концовъ, необходима работа во всѣхъ слояхъ, куда только ни заброситъ даннаго дѣятеля судьба. Конечно, нельзя забывать и крестьянъ, и рабочихъ, и земства, и студентовъ.

Но когда вопросъ ставился практически и нужно было приниматься за работу, а стало быть, примыкать къ той или другой группѣ, то тутъ на первый планъ выдвигался вопросъ объ общемъ характерѣ дѣйствія и публика раздѣлялась.

Я назвалъ тѣ два направленія, на которыя, главнымъ образомъ, дѣлилась публика, романтизмомъ и реализмомъ.

Разногласія между ними сводились, главнымъ образомъ, къ тому: можно ли было сразу приступать къ дѣйствіямъ боевого характера, или надо было ограничиться пока одной лишь подготовительной работой.

Въ частности, публика расходилась по двумъ вопросамъ: о террорѣ и объ организаціи всероссійской революціонной партіи.

Романтики революціоннаго движенія полагали, что при тогдашнихъ силахъ и внѣшнихъ условіяхъ возможно было развить такую боевую дѣятельность, что правительство сдастся и пойдетъ на серьезныя уступки. Единственнымъ средствомъ, по ихъ мнѣнію, былъ терроръ. Необходимо сказать, что къ концу 80-хъ годовъ политическій терроръ какъ-то выродился. Я, собственно, помню только одну террористическую группу, которая могла быть дѣйствительно грозной силой

Но эта группа организовалась въ началѣ разсматриваемаго періода, и выступила и погибла 1 марта 1887 г. Это была группа, главнымъ образомъ, студентовъ университета: Ульяновъ, Лукашевичъ, Шевыревъ, Генераловъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и другіе. До покушенія 1 марта о нихъ мало знали и мало говорили, они не очень-то разглагольствовали о террорѣ въ кружкахъ и на вечеринкахъ. Задумавъ свое дѣло, они принялись за его выполненіе и, по крайней мѣрѣ, успѣли хоть вынести бомбы на Морскую. Что касается до другихъ террористовъ, которыхъ я собственно называю романтиками революціи, то у нихъ и этого не было. Были преимущественно разговоры о террорѣ, что они сами называли пропагандой народовольчества. Собственно, что касается дѣла, то была просто какая то возня съ бомбами и хожденіе вокругъ да около оныхъ. Иногда привозили бомбы изъ-за границы (въ то время приготовленіе бомбъ было совсѣмъ не такое простое дѣло, какъ теперь). И вотъ начинались хлопоты по перевозкѣ и храненію. Послѣ нѣкотораго путешествія по всевозможнымъ мѣстамъ, начиная съ ящика комода и кончая стогомъ сѣна, опасный багажъ попадался въ руки полиціи и вотъ начиналось „дѣло".

Но еще больше было хлопотъ по поводу организаціи группъ, сочувствующихъ террору. Едва только составится болѣе или менѣе обширная группа въ Петербургѣ, какъ надо было устраивать такія же группы въ другихъ городахъ, а разъ таковыхъ возникло достаточно, то обязательно требовалось созвать общій съѣздъ въ какомъ-нибудь Воронежѣ или Тамбовѣ для большаго объединенія.

При тогдашнихъ условіяхъ организація всероссійской партіи было просто глупостью, а устройство съѣздовъ—безуміемъ. Дѣло всегда кончалось массовыми арестами или, какъ тогда называли—погромами. Я помню людей, которые никого рѣшительно не винили въ этихъ погромахъ, кромѣ правительства. Они находили, что массовые аресты являются совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, и что иначе и быть не можетъ, и никакъ будто бы нельзя устроить такъ, чтобы сразу не погибало по нѣсколько десятковъ людей послѣ работы, продолжавшейся всего какой-нибудь годъ. Я помню иныхъ, которые точно смаковали самое слово погромъ и видѣли въ гибели цѣлыхъ группъ что-то фатальное и вмѣстѣ съ тѣмъ трагически-прекрасное. Никто, конечно, не станетъ отрицать значенія тогдашнихъ полицейскихъ условій въ гибели массы молодежи, но нельзя было отрицать и того, что при извѣстной тактикѣ можно было въ то время избѣгать массовыхъ погромовъ или, по крайней мѣрѣ, сильно сокращать число жертвъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ утверждали многіе („реалисты"), для того времени совершенно не нужны были ни терроръ, ни организація всероссійской революціонной партіи. Ни то, ни другое не вытекало изъ условій того времени и не могло развиться.

По вопросу о террорѣ дѣятели реалистическаго направленія разсуждали такъ: они, признавая нравственное оправданіе террористическихъ актовъ при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, признавали необходимость извѣстныхъ дѣйствій, какъ актовъ непосредственной самозащиты, но относились совершенно отрицательно къ террору, какъ системѣ. Кромѣ обычныхъ возраженій общаго характера, тогда указывали, что терроръ, какъ могучій натискъ революціонной интеллигенціи, въ то время уже пережилъ себя и воскресить его не было возможности. Терроръ—стихійное движеніе, само собой возникшее въ концѣ 70-хъ годовъ въ силу извѣстныхъ условій, а затѣмъ время его прошло, и въ данный моментъ были возможны только слабыя, неудачныя попытки, которыя только разстраивали и безъ того рѣдкіе ряды борцовъ и усиливали репрессіи. Дѣйствительно, жертвы по поводу тогдашнихъ террористическихъ актовъ были очень велики. Дѣло 1 марта 1887 г., кромѣ гибели около 20 человѣкъ, привлеченныхъ по процессу, повлекло за собой массовыя исключенія изъ университета и высылки многихъ, кто хоть сколько-нибудь былъ близокъ къ главнымъ виновнымъ. Къ осени 1887 г. былъ составленъ проскрипціонный списокъ студентовъ университета, куда вошло болѣе 100 человѣкъ. И надежды на то, что эти репрессіи вызовутъ

новый, сильнѣйшій отпоръ, не было никакой, такъ какъ слишкомъ мало было накоплено силъ, да и силы то эти были не тѣ, что годились бы на смертный бой.

Даже изъ среды сторонниковъ террора (если исключить группу Ульянова и др.) почти не встрѣчалось людей, способныхъ лично совершить террористическій актъ. Они только говорили объ этомъ, и потому ихъ дѣятельность невольно устремлялась на пропаганду террора и на организацію группъ на почвѣ сочувствія этой идеѣ, которая сама по себѣ въ данное время была уже мертва.

Точно также дѣятели реалистическаго направленія были противъ широкихъ „всероссійскихъ“ партійныхъ организацій. Они находили, что стремленія къ созданію всероссійской революціонной партіи совершенно не соотвѣтствовали условіямъ времени. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, созывать съѣзды? Для того, чтобы составить какой-нибудь новый планъ борьбы, объединиться на какой-нибудь новой, руководящей идеѣ? Но такую идею нельзя было бы высидѣть на какомъ-то съѣздѣ! Для новыхъ директивъ еще не пришло время, а старыя были уже слишкомъ извѣстны и заѣзжены. Та работа, которая фактически велась по всей Россіи, вовсе не требовала обширной, всероссійской организаціи или, по крайней мѣрѣ, такая организація не была настоятельно необходимой, и выгоды ея не окупили-бы неизбѣжныхъ при нашей россійской халатности жертвъ. Работа въ это время велась, главнымъ образомъ, подготовительная, культурная, въ разныхъ формахъ, легальныхъ и нелегальныхъ, и въ различныхъ слояхъ, преимущественно среди учащейся молодежи и рабочихъ. Для того, чтобы устроить кружокъ рабочихъ и читать имъ курсъ политической экономіи, совершенно не нужно было принадлежать къ какой-то тамъ „всероссійской“ партіи и получать директивы отъ какого-нибудь съѣзда, составленнаго къ тому же изъ людей, одержимыхъ какимъ-то зудомъ обширныхъ организацій и безтолковыхъ конспирацій и часто неспособныхъ къ настоящей работѣ.

Тогдашнія условія требовали возможно большей осторожности, а для этого надо было каждой группѣ получше законспирироваться и ограничить кругъ своихъ сношеній предѣломъ крайней необходимости. И особенно каждому серьезному работнику необходимо было въ это время изолировать себя отъ тѣхъ романтиковъ, которые вѣчно носились съ своими фантастическими планами широкихъ организацій и превращали исторію развитія политическаго сознанія въ какую-то хронику массовыхъ арестовъ. Много было жаркихъ споровъ у реалистовъ съ романтиками, много было вражды между обоими направленіями. Особенно злило реалистовъ несоотвѣтствіе широкихъ стремленій романтиковъ съ ихъ конспиративными способностями. Наши романтики часто несоблюдали самыхъ элементарныхъ правилъ конспираціи: не умѣли какъ слѣдуетъ хранить адресовъ, были неосторожны въ перепискѣ, не замѣчали филеровъ за собой и приводили къ свѣжимъ людямъ „хвосты“. Между тѣмъ, какъ есть вѣдь очень вѣрныя и простыя

средства узнать, слѣдятъ-ли за тобой, или нѣтъ; удрать отъ сыщика довольно трудно, но убѣдиться, что онъ есть—для этого надо только не быть совершенно распущеннымъ разгильдяемъ. Кромѣ того, у группы нашихъ романтиковъ была еще одна плохая черта: они любили пользоваться „слѣпыми орудіями", т. е. людьми, которые носили поноски и вообще исполняли разныя мелкія порученія. Само собой отъ такихъ „орудій" нельзя было и требовать особенной конспиративности. Конечно, всѣ эти недостатки извинительны въ молодыхъ людяхъ, но тогда не надо было носиться съ грандіозными планами! А разъ люди выступали на путь всероссійской партійной политики, то къ нимъ и надо было предъявлять самыя строгія требованія.

Сколько теперь помню, главнымъ образомъ, конспиративныя соображенія побудили дѣятелей реалистическаго направленія (группировавшихся въ значительной степени въ организаціи „кадровиковъ") стремиться къ отдѣленію отъ „романтиковъ" Окончательное отдѣленіе произошло въ началѣ 1890 года. Къ этому времени большинство кружковъ студенческихъ и рабочихъ перешло къ реалистамъ. Романтики потеряли почти всякую почву въ Петербургѣ. За ними давно уже слѣдила полиція. Весной того-же 1890 года нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было арестовано. Тѣмъ не менѣе, лѣтомъ они устроили въ Воронежѣ народовольческій съѣздъ. Ихъ накрыли, нашелся предатель или, вѣрнѣе, предательница, и осенью 1890 г. возникло „дѣло Фойницкаго и другихъ въ числѣ 83-хъ". Большинство было приговорено къ административной высылкѣ въ Сибирь срокомъ до 5-ти лѣтъ. Нѣкоторыхъ сослали года на 3 въ Степное генералъ-губернаторство.

Года черезъ два снова возродилась народовольческая группа (Федуловъ, Александровъ), но она носила гораздо болѣе серьезный характеръ, занимаясь, главнымъ образомъ, пропагандой среди рабочихъ и студенчества.

Другая группа, которую я называлъ реалистами, продолжала дѣйствовать еще нѣкоторое время. Въ 1890—1891 годахъ она занялась, главнымъ образомъ, пропагандой среди рабочихъ. Эта группа не испытала общаго погрома: ея члены были арестованы въ 1891 г. отдѣльно другъ отъ друга по разнымъ дѣламъ. Нѣкоторые даже совсѣмъ уцѣлѣли.

IV. Пропаганда среди рабочихъ.

Я началъ ходить къ рабочимъ весной 1887 г. Старый рабочій А. Н. П—сонъ, уже побывавшій въ Якутскѣ, какъ-то предложилъ познакомить меня съ кружкомъ рабочихъ, и вотъ мы отправились съ нимъ въ Коломну, гдѣ на Мясной улицѣ жилъ рабочій Балтійскаго завода Иванъ Васильевичъ Крутовъ или „старикъ Крутовъ", какъ его называютъ теперь въ разныхъ мемуарахъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ я въ квартиру Крутова. Ходить къ рабочимъ, войти въ непосредственное соприкосновеніе

съ этимъ міромъ было моей давнишней мечтой. Только въ этой средѣ, казалось, можно дѣлать настоящее дѣло. Но я боялся оказаться недостаточно подготовленнымъ, боялся, что не сумѣю отвѣтить на запросы рабочихъ, что мой языкъ покажется имъ непонятнымъ, что я вообще буду казаться имъ какимъ-то чужимъ, неизвѣстно для чего затесавшимся въ ихъ среду. Въ небольшой комнатѣ, довольно слабо освѣщенной простой кухонной лампой, было нѣсколько человѣкъ. Кромѣ Крутова былъ его братъ Петръ и еще кто-то. Общительный, душевный хозяинъ сразу уничтожилъ первоначальную неловкость, и завязался оживленный разговоръ. Мое появленіе никого не удивило: съ этимъ кружкомъ раньше занимались 7 пропагандистовъ: всѣ они одинъ за другимъ были арестованы, причемъ, однако, ни одинъ рабочій не пострадалъ. Непосредственно передо мной ходилъ Егоръ Егоровичъ Г—къ, народоволецъ по убѣжденіямъ, не состоявшій, кажется, ни въ какой организаціи.

Мы условились собираться у Крутова по субботамъ. Кромѣ него участвовали: Андрей—пожилой рабочій, уже лѣтъ 15-ть водившій знакомство съ пропагандистами, Коля — совсѣмъ молодой человѣкъ, очень вдумчивый и серьезный, но молчаливый, Константинъ, о которомъ у меня осталось очень смутное воспоминаніе, Николай Максимовъ (умеръ), очень бойкій и разбитной — все рабочіе съ Путиловскаго, Балтійскаго заводовъ и изъ порта. Бывали и нѣкоторые другіе... Систематическихъ занятій не было; началъ я было краткій курсъ русской исторіи, но такъ и не удалось довести до конца. Читали отдѣльныя вещи изъ нелегальной литературы, не разбирая направленій, а больше вели разговоры на разныя темы. Правильныхъ и продолжительныхъ занятій установить было довольно трудно: то вдругъ случайно зайдетъ въ комнату какой-нибудь посторонній знакомый и, увидя компанію, разсядется и только удивляется, „какъ это вы, братцы, такіе скучные сидите, однимъ чайкомъ пробавляетесь, не послать ли въ трактиръ за водкой?“ То бывало, что не всѣ соберутся, или покажется, что полиція слѣдитъ и надо пока прекратить собранія. Изрѣдка, бывало, что самъ Крутовъ выпьетъ лишнее и лежитъ будто больной за занавѣской, конфузясь показаться не въ своемъ видѣ. Секретъ его, впрочемъ, всегда неумолимо разоблачался женой его, Ольгой Лаврентьевной: „Знаемъ, какой ты больной, а вотъ, что совѣстно людямъ показаться, такъ это вѣрно, къ тебѣ изъ-за этого самаго и ходить перестанутъ образованные-то люди! походятъ, походятъ, да бросятъ!“—„И вовсе не отъ того,—звучалъ изъ за занавѣски голосъ Крутова—а оттого, что ихъ полиція арестуетъ по причинѣ правительственнаго произвола“. Я сначала побаивался Ольги Лаврентьевны, женщины рѣшительной и внушительной; мнѣ казалось, что она будетъ коситься на меня, охраняя семью отъ возможныхъ опасностей. Но оказалось напротивъ: она всегда бывала рада пропагандистамъ, частью потому, что мужъ бывалъ тогда трезвѣе, а когда долго никто не ходитъ, то

Крутовъ начинаетъ тосковать, а тоска до добра не доводитъ. Да кромѣ того, она и вообще сочувственно относилась къ нашимъ разговорамъ и иногда, качая на рукахъ ребенка, вставляла и свои замѣчанія. Душой кружка былъ самъ Крутовъ; это былъ уже довольно пожилой человѣкъ, лѣтъ сорока, изъ крестьянъ Вологодской губерніи. У него было простое русское лицо, съ окладистой русой бородкой и съ очень добрыми, сѣро-голубыми глазами. Ничего выдающагося въ его внѣшности не было,—такія лица можно всюду встрѣтить,—но это былъ человѣкъ далеко не заурядный: онъ былъ прежде всего преданъ дѣлу всей душой. „Знаете, Иванъ Ивановичъ (мой псевдонимъ), говорилъ онъ иногда мнѣ, я иногда просто цѣлыя ночи не сплю, все думаю, какъ измѣнить условія нашей жизни; и сколько всякой подлости кругомъ видишь, просто страсть". Несмотря на свой небольшой заработокъ, онъ всегда нанималъ отдѣльную квартиру, гдѣ-бы можно было свободно собираться. Самъ съ семьей (жена и четверо дѣтей) помѣщался въ одной комнатѣ, а другую сдавалъ подходящему жильцу; если такого не находилось, то комната пустовала. Крутовъ очень оживлялъ собраніе, онъ чаще всего ходилъ босикомъ по комнатѣ и, перебивая мои разсказы, вставлялъ свои замѣчанія, „подгвазживалъ". Онъ былъ горячимъ сторонникомъ непосредственныхъ сношеній рабочихъ съ интеллигенціей. Какъ то разъ я сталъ указывать ему на затруднительность и опасность хожденія интеллигентовъ къ рабочимъ. Мнѣ казалось, будетъ лучше, если интеллигенты ограничатся знакомствомъ съ очень небольшимъ числомъ избранныхъ рабочихъ, а тѣ уже въ свою очередь будутъ руководителями въ кружкахъ менѣе подготовленныхъ рабочихъ. Тогда и дѣло пошло бы успѣшнѣе: рабочіе будутъ лучше понимать рѣчи своего-же брата, да и безопаснѣе будетъ собираться, и проваловъ будетъ меньше. Крутовъ горячо протестовалъ противъ этого. „Нѣтъ! это вы неправильно говорите!—возражалъ онъ; не годится интеллигенціи и рабочимъ стоять другъ къ другу за...ца къ за...цѣ. Надо, чтобы были почаще вмѣстѣ! Мы сами съ собой насидѣлись въ трактирѣ довольно и даже до тошноты! Авторитету рабочій не будетъ имѣть среди своихъ. Конечно, предварительный разговоръ вести можно и должно, но какъ только соберешь ихъ, да начнешь правильную лекцію, такъ они даже обидѣться могутъ:—„ты что же это, скажутъ, за апостолъ такой? проповѣдывать сталъ! чисто попъ! посылай-ка въ трактиръ за бутылкой! А вотъ, если они знаютъ, что спеціально для нихъ придетъ человѣкъ изъ совсѣмъ другого міра, о которомъ они хоть и слыхали, да въ глаза не видали, то дѣло будетъ другое: тутъ и интересу больше будетъ, да и подтянутся, распускаться не будутъ. Да и кромѣ того, рабочему трудно систематическій курсъ излагать".

Крутовъ очень сочувствовалъ всякимъ организаціямъ среди рабочихъ; такъ, онъ просилъ меня опубликовать въ газетахъ про какіе-то непорядки въ путиловской потребительской лавкѣ. „Оно,

конечно, не больно-то много даютъ намъ говорить на собраніяхъ потребителей, да все-таки, какъ ни какъ организація! А вѣдь главное дѣло—на чемъ ни есть сгрудить рабочую массу!“ Крутовъ очень строго относился къ соблюденію правилъ конспираціи. Разъ какъ-то онъ увидѣлъ у другого рабочаго чей-то адресъ, записанный на бумажкѣ.—„Подай-ка записку, мы её сейчасъ предадимъ огню и жупелу!“—строго замѣтилъ Крутовъ. Онъ всегда внимательно оглядывалъ меня, не похожъ-ли я на студента? Я, конечно, старался всегда придать себѣ какъ можно болѣе простонародный видъ, но разъ какъ-то пересолилъ: купилъ себѣ на толкучкѣ старую рваную фуражку, да вдобавокъ еще слишкомъ большую, такъ-что уши изъ-подъ нея торчали врозь. „Ужъ очень у васъ сегодня вульгарный видъ“,—недовольно замѣтилъ Крутовъ. Мой видъ показался ему какой-то коррикатурой на рабочаго человѣка и его гордость пролетарія была, повидимому, оскорблена. Кружокъ Крутова не принадлежалъ ни къ какой организаціи, хотя кое-какія связи были. Была небольшая библіотечка. Разговоры наши носили характеръ обмѣна мыслей на всевозможныя темы, съ преобладаніемъ, конечно, экономическихъ и политическихъ. Много толковали о мѣстныхъ заводскихъ порядкахъ, интересовались жизнью рабочихъ на Западѣ. Что меня сначала немного удивляло,—это то, что политическій гнетъ чувствовался, пожалуй, даже острѣе, чѣмъ тяжкое экономическое положеніе. Противъ правительства и полиціи были настроены хуже, чѣмъ противъ представителей капитала. Крутова и его товарищей страшно возмущало, что каждый городовой могъ тащить за шиворотъ въ участокъ и бить по мордѣ. Мнѣ иногда казалось, что полицейскій гнетъ они чувствовали острѣе даже, чѣмъ мы, студенты, съ нашимъ юмористическимъ ко всему отношеніемъ. Вѣроятно, это происходило отъ того, что политическій гнетъ проявлялся относительно рабочихъ въ болѣе грубыхъ формахъ; съ нами, интеллигентами, все-таки стѣснялись.

Итакъ, работа въ нашемъ кружкѣ носила исключительно просвѣтительный характеръ. Объ агитаціи для устройства забастовки или какой нибудь демонстраціи и рѣчи не было. Мы не ставили себѣ прямой цѣлью создать какую-нибудь обширную организацію или партію. Всѣ члены кружка были настроены, тѣмъ не менѣе, радикально. Всѣ были террористами, и я своими возраженіями противъ террора, кажется, сильно уронилъ себя въ ихъ глазахъ.

Былъ я потомъ еще въ одномъ рабочемъ кружкѣ. Это было зимой 1890—1891 гг., когда я былъ уже членомъ рабочей группы. Новый кружокъ состоялъ все изъ молодыхъ, холостыхъ людей, работавшихъ на электрическихъ заводахъ Сименса и Гальске, и еще кн. Тенишева. Это были люди довольно обезпеченные; получали они отъ 60 до 80 р. въ мѣсяцъ, всѣ жили, занимая отдѣльныя меблированныя комнаты, одѣвались такъ, что никто-бы не сказалъ, что это заводскіе рабочіе. По праздникамъ щеголяли въ черныхъ сюртукахъ, въ крахмальномъ бѣльѣ. Они сами покупали себѣ книги, газеты. Кругъ интересовъ ихъ былъ довольно широкій;

такъ, я помню, у насъ дебатировался вопросъ объ отношеніяхъ между полами по поводу Крейцеровой сонаты. Двое изъ кружка принадлежали къ обществу трезвости и вели у себя на заводѣ дѣятельную пропаганду противъ пьянства, за что подвергались отъ своихъ сотоварищей насмѣшкамъ и гоненіямъ. Отзывы ихъ о рабочей средѣ были очень пессимистичны: темнота, грубость, пьянство владѣли большею частью рабочей массы, и сами члены кружка—рабочіе—говорили, что они положительно отдыхаютъ душой въ обществѣ интеллигентовъ; въ своей же рабочей средѣ они чувствовали себя какими-то отщепенцами. Происходило это, конечно, въ значительной степени отъ того, что кружокъ состоялъ изъ людей, хорошо обезпеченныхъ въ экономическомъ отношеніи, да и на ихъ заводахъ, очевидно, экономическая борьба не была достаточно обострена. Члены этого кружка выдѣлялись изъ общей массы только своими культурными, духовными потребностями: жаждой знанія, стремленіемъ къ лучшей, болѣе чистой жизни. Я помню, какъ одинъ изъ нихъ—душа кружка,—Я. Якобсонъ, проводилъ рѣзкую разницу между рабочими заводскими (механиками) и фабричными (ткачами). Онъ увѣрялъ, что разница эта больше, чѣмъ, напримѣръ, между студентами и заводскими, и что заводскому рабочему даже какъ-то неловко обращаться съ фабричными. Я читалъ въ этомъ кружкѣ исторію русскаго революціоннаго движенія, гл. обр., по Туну. Изложенію своему я отнюдь не придавалъ какого-либо партійно-агитаторскаго характера, да этого совсѣмъ и не требовали мои слушатели. Они просто пополняли свое образованіе, стараясь даже хорошенько запомнить хронологію. Немножко даже курьёзно было видѣть, какъ кто-нибудь изъ нихъ методически записывалъ, въ какомъ году происходилъ Липецкій съѣздъ или было покушеніе Вѣры Засуличъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы пролетарскіе интересы у нихъ совершенно заслонялись общеобразовательными; такъ, я помню, они очень усердно слѣдили за происходившею тогда грандіозной стачкой вестфальскихъ рабочихъ въ Германіи. Почему-то наиболѣе подробныя корреспонденціи объ этой стачкѣ помѣщались тогда въ „Нов. Времени", и они покупали №№ этой газеты каждый день, хотя объ общемъ направленіи „Нов. Врем." я помню несочувственные и вполнѣ сознательные отзывы. Помню еще, меня просили прочитать объ исторіи рабочаго движенія въ Германіи. Не считая себя достаточно свѣдущимъ, я обратился къ П. Б. Струве, который тогда еще былъ студентъ университета. Струве очень сочувственно отнесся къ этому, и вызвался самъ читать въ этомъ кружкѣ, но онъ тогда не могъ выходить, особенно въ рабочемъ костюмѣ, по причинѣ болѣзни, а скоро потомъ я былъ арестованъ, такъ этотъ планъ и не осуществился. Направленіе членовъ кружка было сравнительно умѣренное, сторонниковъ террора тамъ, кажется, и совсѣмъ не было. Вообще это былъ просто кружокъ самообразованія, хотя и составленный изъ рабочихъ. Если-бъ этотъ кружокъ существовалъ въ настоящее время, то можно-бы сказать, что про-

пагандистъ-кадетъ встрѣтилъ бы больше сочувствія, чѣмъ соціалъ-демократъ. Впрочемъ, быть можетъ, въ настоящее время настолько обострились „классовыя противорѣчія“, что и Якобсонъ сталъ бы теперь эсъ-декомъ.

Хотя я въ это время уже былъ членомъ рабочей группы, но не считалъ нужнымъ говорить объ этомъ въ кружкѣ. Къ чему было притягивать людей къ организаціи, разъ время еще не пришло?

Осенью 1890 г. я вступилъ въ рабочую группу [1]), она тогда только что начинала оправляться послѣ арестовъ весной и лѣтомъ. Много было арестовано и рабочихъ, и студентовъ. Студенты, впрочемъ, попались не по рабочему дѣлу, а за знакомство съ народовольческимъ кружкомъ, который потерпѣлъ полный провалъ.

Къ осени въ группѣ изъ интеллигентовъ остались только 4: В. Г., М. Б., Леонидъ К—инъ и Ци—скій. Съ трудомъ возстановили они порванныя связи съ рабочими. Затѣмъ, надо было пополнить порѣдѣвшіе ряды интеллигентовъ. Тутъ на счастье оказался цѣлый сплоченный кружекъ изъ студентовъ духовной академіи, всего 5 человѣкъ. Когда мы собрались въ первый разъ, то рѣшили по заведенному обычаю обсудить общія принципіальныя основы нашей будущей совмѣстной работы. Для старыхъ членовъ, а также и для меня, давно ихъ знавшаго по совмѣстному участію въ студенческихъ центральныхъ кружкахъ, подобные разговоры успѣли утратить практическій интересъ, какъ я уже упоминалъ въ главѣ о кадровой организаціи, но въ виду вступленія новыхъ членовъ, оставить программные вопросы вовсе безъ вниманія казалось неудобнымъ. Всѣ участники собранія должны были по очереди изложить свои программы. Начали съ новичковъ. Тутъ, между прочимъ, произошелъ небольшой инцидентъ. Одинъ изъ академиковъ заявилъ, что онъ больше всего сочувствуетъ террору, все же прочее представляетъ изъ себя нѣкоторый окольный путь, къ тому же весьма загроможденный всякими препятствіями. Нужно сказать, что терроръ былъ тогда больнымъ мѣстомъ; изъ-за этого вопроса, мы главнымъ образомъ, расходились съ народовольцами и много съ ними ругались. Но такъ велико было тогда какое-то пренебреженіе ко всякимъ „пунктамъ“, что заявленіе новичка не вызвало особенной бури, и только Б. внушительно сказалъ: „мы этого средства не признаемъ“. Остальные постарались замять дѣло и живо помирились на томъ, что группа терроромъ заниматься не будетъ, если же который-нибудь изъ ея членовъ захочетъ вступить въ тѣсныя сношенія съ какой-нибудь террористической группой, то онъ долженъ уйти отъ насъ заблаговременно.

Когда дошла очередь до меня, то мною овладѣла такая умственная лѣнь, сознаніе такой никчемности подобныхъ декларацій

[1]) Дѣятельность этой группы была подробно описана въ ст. Вас. Голубева „Былое“ 1906 г., № 12.

(кромѣ, развѣ, значенія средства ознакомиться съ личностями новичковъ), что я даже нѣсколько запутался въ своей рѣчи и, какъ самъ мысленно формулировалъ свое состояніе, „растерялъ свои пункты". Б. и Г. поняли меня и сочувственно улыбались. Сами они въ своихъ краткихъ рѣчахъ перешли къ практической сторонѣ дѣла, описали фактическое положеніе, указали на нужду въ руководителяхъ, и что и какъ, по ихъ мнѣнію, надо было дѣлать.

Мы рѣшили распредѣлить между собою наличные рабочіе кружки, а самимъ собираться по возможности разъ въ недѣлю для рѣшенія разныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ нашего дѣла. Такимъ образомъ, наши собранія, какъ выразился одинъ изъ насъ, являлись своего рода педагогическимъ совѣтомъ, т. к., главнымъ образомъ, приходилось обмѣниваться мыслями по вопросамъ, что и какъ читать рабочимъ. Конечно, тутъ большое значеніе имѣло то, къ чему болѣе подготовленъ былъ данный пропагандистъ. Всего труднѣе для насъ было заниматься съ наименѣе развитыми рабочими изъ фабричныхъ. Спеціалистомъ тутъ являлся Леонидъ К., умѣвшій говорить очень просто и ясно своимъ сибирскимъ говоромъ на *о*. Пытались мы было выработать систематическій курсъ, но большинство отнеслось къ этому скептически, т. к. очень трудно было расчитывать на то, что такой курсъ будетъ до конца пройденъ: слишкомъ недолговѣчны были кружки при тогдашнихъ условіяхъ. Пришлось остаться при отдѣльныхъ небольшихъ курсахъ: краткія свѣдѣнія по политической экнономіи (ученіе Маркса о цѣнности и прибавочной стоимости), свѣдѣнія о рабочемъ движеніи на Западѣ, очеркъ исторіи культуры (происхожденіе классовъ, значеніе экономики въ исторіи), исторія революціоннаго движенія въ Россіи, французская революція, о государственномъ устройствѣ на Западѣ и др.

Скоро образовался еще центральный кружокъ для практическаго руководства всѣмъ дѣломъ и для объединенія всѣхъ рабочихъ кружковъ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ рабочихъ съ присоединеніемъ одного делегата отъ интеллигентовъ. Такимъ делегатомъ сталъ Г. Центральный рабочій кружокъ составился естественнымъ путемъ, рабочіе туда не выбирались. Въ этомъ центральномъ органѣ никакихъ чтеній не велось: задачи его были чисто практическія, организаціонныя; главнымъ образомъ, устройство новыхъ рабочихъ кружковъ и подыскиваніе для нихъ интеллигентовъ. Такимъ образомъ, главная дѣятельность нашей рабочей группы сводилась къ пропагандѣ, къ развитію въ рабочихъ политической сознательности. Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы мы игнорировали всѣ другіе способы борьбы; такъ, когда въ началѣ 1891 года вспыхнула стачка въ Порту (Новое адмиралтейство), то наша группа приняла тутъ дѣятельное участіе. Были выпущены нами двѣ прокламаціи, одна къ рабочимъ, другая къ обществу. Группа собирала деньги для раздачи забастовщикамъ.

Споровъ „объ экономикѣ или политикѣ" у насъ не возникало: мы признавали въ одинаковой степени и борьбу за непосред-

ственное, въ каждый данный моментъ, улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ; но съ другой стороны, мы всѣ признавали значеніе организованной и сознательной рабочей силы въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи и за улучшеніе положенія самихъ рабочихъ. Группа наша не имѣла опредѣленной партійной клички; пожалуй, мы были ближе всего къ соціалъ демократамъ, но сами себя такъ не называли, хотя и знали прекрасно о существованіи такого направленія. Значительная часть членовъ группы впослѣдствіи примкнула къ соціалъ-демократамъ, но далеко не всѣ.

Къ концу 1890—1891 года мы начали поговаривать о необходимости устроить нѣсколько районныхъ комитетовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что дѣло это осуществилось бы на будущій 1891—1892 годъ, но весной группа была опять сильно разстроена арестами: послѣ похоронъ Н. В. Шелгунова, 15 апрѣля было арестовано и выслано двое интеллигентовъ и нѣсколько рабочихъ, да еще до этихъ похоронъ арестовали Г. Въ маѣ исключили изъ академіи кое-кого изъ студентовъ, членовъ нашей группы. Б—евъ и Ц—ій окончили технологическій институтъ и уѣхали изъ Петербурга. Б—евъ лѣтомъ былъ арестованъ, просидѣлъ 4 года въ Крестахъ, и потомъ сосланъ былъ въ Якутскую область, гдѣ провелъ 10 лѣтъ въ Верхоянскѣ! Ц—ій уцѣлѣлъ, онъ забросилъ политику и гдѣ-то благополучно инженерствуетъ.

На слѣдующій годъ, судя по статьѣ М. Александрова („Былое“, 1896 г., № 11) рабочее дѣло въ Петербургѣ перешло ненадолго къ народовольцамъ.

За болѣе подробными свѣдѣніями объ этой группѣ отсылаю читателя къ упомянутой выше статьѣ Вас. Голубева.

В. Б—ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Англійскій министръ Каннингъ подъ надзоромъ русской полиціи.

Въ 1826 году вел. кн. Константинъ Павловичъ по должности главнокомандующаго Литовскимъ корпусомъ рапортовалъ военному министру генералу Татищеву:

„Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего В. Пр-ва отъ 4 с. февраля за № 256, коимъ изволите меня извѣщать о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ высочайше утвержденнымъ комитетомъ о розысканіи злоумышленныхъ обществъ.

„Усматривая изъ онаго между прочимъ показанія Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковника и отст. подполковника Муравьевыхъ—Апостоловъ, что, по словамъ перваго, лордъ Стратфордъ-Каннингъ, будучи въ Варшавѣ, имѣлъ сношеніе съ членами тайнаго общества и обѣщалъ онымъ содѣйствіе Англіи, а по словамъ послѣдняго, помянутый лордъ Стратфордъ имѣлъ таковое же сношеніе въ Дрезденѣ съ генераломъ Княжевичемъ, которому обѣщалъ, что въ случаѣ дѣйствій Англія будетъ помогать деньгами, я нужнымъ почитаю увѣдомить Ваше В. Пр-во, что показанія сіи суть вовсе несправедливы, потому, во-первыхъ, что лордъ Стратфордъ-Каннингъ при проѣздѣ его въ С.-Петербургъ вовсе въ Дрезденѣ не былъ, ибо, проѣзжая въ Россію, слѣдовалъ черезъ Парижъ и Вѣну на Варшаву и обратно изъ С.-Петербурга на Варшаву и черезъ Берлинъ въ Англію, во-вторыхъ, что во время пріѣзда его въ С.-Петербургъ, лишь только онъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ пробылъ не болѣе двухъ дней, то какъ за нимъ, такъ и за всей его свитой былъ учрежденъ весьма бдительный надзоръ, который сопровождалъ его даже до россійской границы, потомъ во время высочайшаго присутствія здѣсь покойнаго государя, какъ лордъ Стратфордъ на обратномъ пути слѣдовалъ въ Варшаву, то былъ встрѣченъ на границѣ въ Брестъ-Литовскѣ тѣмъ же самымъ бдительнымъ надзоромъ. Надзоръ сей слѣдовалъ неослабно за нимъ въ продолженіе суточнаго его здѣсь пребыванія и сопровождалъ его до прусской границы, но ни при проѣздѣ его въ С.-Петербургъ, ни на обратномъ пути по царству польскому вовсе ничего не было замѣчено, а во время его пребыванія здѣсь въ Варшавѣ, онъ ни у кого въ домахъ не бывалъ, ниже у него кто изъ поляковъ бывалъ, съ коими ни связей, ни знакомства также не замѣчено“.

Варшава, февраля 16 дня 1826 года.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855 — 1880).

(*Продолженіе* [1]).

XXII.

Застой въ земской средѣ.—Печать: „Московскія Вѣдомости", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Голосъ", „Отечественныя Записки".—Н. К. Михайловскій.—Вліяніе идей Чернышевскаго и Добролюбова въ семидесятыхъ годахъ.—Славянофилы.

Прежде чѣмъ слѣдить за развитіемъ и видоизмѣненіемъ дѣятельности революціонныхъ кружковъ и ихъ предпріятій, посмотримъ, что дѣлалось въ это время, т. е. въ началѣ и серединѣ семидесятыхъ годовъ, въ легальной общественной средѣ и литературѣ.

Въ земствахъ въ это время почти повсемѣстно продолжался тотъ же застой и апатія, которые мы отмѣтили въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Считаемъ необходимымъ оговориться, что, говоря о застоѣ и апатіи, мы имѣемъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, отсутствіе прямого участія земствъ въ общественномъ движеніи того времени. Мы далеки, конечно, отъ мысли отрицать ту въ высшей степени важную и плодотворную подготовительную и созидательную культурную работу земствъ, общественно-политическіе результаты которой сказались вполнѣ лишь въ наше время. Работа по изученію и удовлетворенію назрѣвшихъ насущныхъ нуждъ народной массы началась почти повсюду въ земскихъ губерніяхъ съ самаго же открытія земствъ въ 1865—1867 годы. Но и эта работа съ самаго же начала нигдѣ не могла совершаться безпрепятственно, благодаря систематическому гоненію на земскія учрежденія, организованному министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ [2]). Въ возможности плодотворной земской работы въ это

---

[1]) „Минувшіе Годы" февраль, мартъ, апрѣль, май—іюнь, августъ, сентябрь.

[2]) Система административныхъ и полицейскихъ препятствій земской работѣ нашла полное свое выраженіе въ запискѣ тогдашняго товарища министра внутр. дѣлъ Обухова, бывшаго раньше губернаторомъ въ Самарѣ

время начинаетъ сомнѣваться даже такой оптимистъ и поборникъ земской дѣятельности, какъ К. Д. Кавелинъ [1]). По росту земскихъ бюджетовъ и въ особенности расходовъ земствъ на народное образованіе и народное здравіе видно, что семидесятые годы составляютъ въ этомъ отношеніи самое глухое время. Лишь послѣ оживленія, наступившаго вслѣдъ за турецкой войной и кратковременной эпохой „довѣрія“ 1880 года, земская работа начинаетъ повсемѣстно замѣтно усиливаться [2]). Въ эпоху реакціи семидесятыхъ годовъ составъ земскихъ гласныхъ до того понизился, что въ земской средѣ во многихъ губерніяхъ развивается то же стремленіе къ наживѣ и безцеремонному расхищенію общественнаго пирога, которое вообще сильно развилось въ эти темные годы въ нашемъ обществѣ на почвѣ желѣзнодорожнаго грюндерства, бир-

---

и Псковѣ. Рѣзкій разборъ этой записки былъ сдѣланъ тогда же *княземъ А. И. Васильчиковымъ и Ю. Ф. Самаринымъ* въ брошюрѣ „Русскій администраторъ новѣйшей школы“, изданной въ Берлинѣ въ 1868 г. Изложеніе ея у А. Голубева „Кн. А. И. Васильчиковъ“, стр. 33 и слѣд.

[1]) Ѣдкая характеристика Валуевской политики въ отношеніи земства и вся безвыходность тогдашняго положенія мирныхъ приверженцевъ либерально-демократическихъ реформъ изображена въ заграничной брошюрѣ К. Д. Кавелина „Чѣмъ намъ быть?“, написанной въ видѣ полемики, съ издателемъ газеты „Русскій Міръ“ и напечатанной безъ имени автора въ Берлинѣ въ 1875 г. Теперь эта брошюра отпечатана въ полномъ собраніи сочиненій Кавелина (т. II, стр. 863 и слѣд.).

[2]) Исторія русскаго земства еще ждетъ своего изслѣдователя. Въ настоящее время можно указать лишь на попытки подвести самые общіе итоги, сдѣланныя въ книгахъ: Мордовцева „Десятилѣтіе русскаго земства“ (Составленной очень поверхностно на основаніи современныхъ журнальныхъ данныхъ), В. Ю. Скалона „Земскіе вопросы“ (и въ журналѣ „Земство“ за 1880 г., № 1), Абрамова „Что сдѣлало земство“? (въ первое 25-іе) и въ новѣйшихъ работахъ П. А. Голубева „Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи“ (Вятка. 1901 г. Сперва эта работа была издана на франц. яз для парижской выставки 1900 г.) и В. С. Голубева „Das Zemstwo“ въ сборникѣ „Russen über Russland“ (1906 г.). Богатѣйшіе матеріалы содержатся въ „Сборникахъ“, „Отчетахъ“ и „Обзорахъ“ отдѣльныхъ земствъ; въ „трудахъ“ и изданіяхъ правительственныхъ комиссій: „податной“ и „кахановской“; въ журналахъ „Земство“ (за 1880—1882 г.), „Саратовская Земская Недѣля“ (1901—1904), „Вѣстникъ новгородскаго земства“ и др. земскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ общественныхъ хроникахъ и внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы“ съ 1866 г. (статьи Н. Ф. Крузе, Н. П. Колюпанова, бар. Н. А. Корфа и К. К. Арсеньева); статьи И. С. Аксакова, собранныя въ V томѣ его сочиненій; наконецъ, въ „Земскихъ Ежегодникахъ“, издававшихся Вольно-Экономическимъ Обществомъ съ 1876 г. по иниціативѣ проф. И. Е. Андреевскаго (1876 г. подъ его редакціей, потомъ подъ редакціей Л. В. Ходскаго). Живыя картины земской работы и борьбы съ администраціей даютъ такія біографіи земскихъ дѣятелей, какъ Колюпановская біографія А. И. Кошелева (также записки Кошелева (Берлинъ, 1884 г.) и его книга „Голосъ земства“ (1869 г.), біографіи кн. А. И. Васильчикова (написанная А. Голубевымъ), біографія А. М. Унковскаго, составл. Г. А. Джаншіевымъ, біографія П. П. Максимовича, составл. Селивановымъ. На дняхъ, 20 сент. 1908 г., вышелъ первый томъ, повидимому, капитальнаго труда Б. Б. Веселовскаго „Исторія земства за сорокъ лѣтъ“.

жевой игры и разнообразныхъ спекуляцій [1]). Впрочемъ, въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ застой и рѣзкій упадокъ дѣятельности замѣчается и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ съ культурно-просвѣтительными задачами [2]).

Не прекратившееся, но подавленное общественное недовольство не имѣетъ уже смѣлости выступить наружу. Одинъ только разъ московское дворянство, по инициативѣ Самарина и Черкасскаго, высказало въ 1871 г. косвенное порицаніе одной изъ мѣръ правительства, а именно закону 19 мая 1871 г., вводившему въ систему произволъ жандарміи по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ. Московское дворянское собраніе возбудило по поводу этого закона ходатайство объ огражденіи дворянъ отъ мѣръ административнаго произвола предоставленіемъ имъ права въ теченіе двухъ недѣль ходатайствовать о направленіи дѣла къ слѣдствію и суду [3]). Особенное раздраженіе и ненависть вызываетъ къ себѣ въ это время во всѣхъ слояхъ общества классическая система и вообще вся охранительно-обскурантная дѣятельность Толстого, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Но и земство, и дворянство, и печать безсильны предпринять противъ него активную борьбу [4]).

Эта безсильная, глухая, можно сказать,—рабская ненависть вспыхнула ярко и дружно лишь послѣ увольненія Толстого въ концѣ царствованія Александра.

Печать въ этотъ мрачный періодъ продолжаетъ находиться все въ тѣхъ же тискахъ, которые даже еще усиливаются при Тимашевѣ, не безъ прямого и косвеннаго участія того же графа Толстого [5]).

---

[1]) Факты участія отдѣльныхъ земствъ въ желѣзнодорожномъ грюндерствѣ того времени у А. А. Головачова въ его книгахъ „Вопросы госуд. хозяйства" (гл. III „Ист. постройки жел. дорогъ въ Россіи") и „Исторія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи", а также у Бліоха „Финансы Россіи въ XIX в.", т. II. О случаяхъ злоупотребленій въ земствахъ того времени у В. Ю. Скалона „Земскіе вопросы" и у С. А. Приклонскаго „Очерки самоуправленія".

[2]) Въ этомъ отношеніи яркій примѣръ представляетъ исторія петербургскаго комитета грамотности. Исторія эта была написана Д. Д. Протопоповымъ и издана Вольно-Экономическимъ Обществомъ въ 1898 г. послѣ закрытія комитета. Книга эта, несмотря на то, что въ ней не было ничего противнаго цензурному уставу, была конфискована и сожжена; сохранилось лишь нѣсколько экземпляровъ.

[3]) Невѣдѣнскій, стр. 481, Аксаковъ, соч. т. III.

[4]) Срав. записки А. И. Кошелева за 1877 и 1878 гг. Единственное сильное выступленіе въ печати, и то заграничной, была уже указывавшаяся нами брошюра кн. А. И. Васильчикова „Письмо министру народнаго просвѣщенія графу Толстому отъ князя Васильчикова" (Берлинъ, 1875 г.). Въ земствѣ противъ этой системы прозвучало сильное слово И. И. Петрункевича въ извѣстной рѣчи его въ Черниговск. земскомъ собраніи 1878 г., но объ этомъ рѣчь впереди.

[5]) Срав. К. К. Арсеньева „Законодательство о печати", также А. В. Никитенко „Дневники и записки", т. III (1-го изд.) passim, т. II (2-го изд.).

Изъ газетъ въ періодъ времени между 1866 и 1872 г.г. первое мѣсто продолжаетъ принадлежать „Московскимъ Вѣдомостямъ“ Каткова. Направленіе ихъ въ это время нельзя назвать выдержаннымъ. Съ одной стороны, въ преслѣдованіи „польской интриги“, нигилистовъ (въ особенности послѣ каракозовскаго выстрѣла) Катковъ не только стоитъ на охранительной точкѣ зрѣнія, но увлекается даже за предѣлы литературныхъ приличій въ область доносовъ и политическаго сыска; хотя, впрочемъ, и тутъ онъ продолжаетъ все-таки видѣть главное средство противъ всѣхъ этихъ золъ въ широкомъ развитіи гласности, публичности и вообще политической свободы. „Всѣ эти лжеученія — писалъ онъ въ концѣ 1866 года—всѣ эти дурныя направленія родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ,—посреди общества, находившагося подъ цензурой и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни“... [1]) „Законная и безспорная власть,—писалъ онъ годомъ позже,—сильная всею силой своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы; напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти“ [2]). Въ то же время тотъ же Катковъ былъ главнымъ вдохновителемъ и неустаннымъ защитникомъ гр. Толстого во всѣхъ его ретроградныхъ мѣропріятіяхъ по министерству народнаго просвѣщенія. И онъ же выступалъ съ необыкновенною, по тому времени, смѣлостью и задоромъ противъ бюрократическихъ продѣлокъ Валуева и съ жаромъ защищалъ независимость новыхъ судовъ и земства отъ поползновеній полицейскаго произвола [3]).

Представителемъ умѣреннаго либерализма въ періодъ съ 1863 до 1875 года являлись „С. Петербургскія Вѣдомости“, редактированныя В. Ф. Коршемъ. Въ это время въ нихъ выступали: К. Д. Кавелинъ, А. И. Кошелевъ, Н. И. Костомаровъ, А. Д. Градовскій. Онѣ защищали противъ Каткова политику Головнина до 1866 г., а послѣ паденія Головнина и воцаренія Толстого являлись постоянными послѣдовательными противниками обскурантной политики гр. Толстого. Въ 1875 г. Коршъ сдѣлался жертвой этой оппозиціи, такъ какъ, по требованію Толстого, „С.-Петерб. Вѣдомости“, принадлежащія Академія Наукъ, были у него отобраны [4]). Сотрудники ихъ распредѣлились тогда между „Биржевыми Вѣдомостями“ Полетики и только что открытымъ тогда „Новымъ Временемъ“ Суворина, который былъ также однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Корша; но, какъ извѣстно, „Новое Время“ не долго придерживалось либеральныхъ принциповъ и очень скоро заслужило себѣ репутацію газетнаго флюгера. Зна

---

[1]) Невѣдѣнскій, стр. 482.
[2]) Тамъ же, 420.
[3]) Тамъ же, 414—481.
[4]) К. К. Арсеньевъ, н. с., стр. 99—100.

ченіе главнаго представителя либерализма перешло къ „Голосу“, основанному А. А. Краевскимъ, при содѣйствіи Головнина, еще въ 1863 году [1]) и сдѣлавшемуся выдержанной либеральной газетой съ 1871 года, послѣ водворенія въ немъ въ качествѣ редактора В. А. Бильбасова.

Послѣ 1872 г. Катковъ сталъ быстро терять приверженцевъ, главнымъ образомъ, благодаря своей связи съ классической системой Толстого. Въ той же мѣрѣ росла популярность „Голоса“, главнаго его противника. Въ началѣ изданія „Голосъ“ довольствовался 4000 подписчиковъ, а въ 1877 г. число ихъ возросло уже до 22632 и потомъ все увеличивалось [2]). „Недѣля“ къ серединѣ 70-хъ годовъ сдѣлалась, подъ редакціей Гайдебурова, окончательно проповѣдницей мирнаго народническаго культуртрегерства [3]); но несмотря на свой мирный характеръ и она терпѣла въ это время всякія утѣсненія со стороны цензуры [4]). Органъ дворянъ-олигарховъ „Вѣсть“ въ 1870 г. прекратилъ свое существованіе, истощенный безплодной борьбой съ цензурными утѣсненіями [5]), и съ равнодушіемъ публики [6]). Однако, въ 1872 г. мѣсто „Вѣсти“ занялъ отчасти „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, причемъ въ редактированіи его участвовалъ первое время Ѳ. М. Достоевскій [7]). Говоримъ: отчасти, потому что, унаслѣдовавъ отъ „Вѣсти“ неблагодарную миссію защиты кастовыхъ дворянскихъ интересовъ, онъ отбросилъ въ то же время присущія „Вѣсти“ конституціонныя мечтанія.

Изъ толстыхъ журналовъ „Русскій Вѣстникъ“ потерялъ въ это время то выдающееся значеніе, которое онъ имѣлъ, особенно въ передовыхъ дворянскихъ кругахъ, съ 1856 по 1865 годы. Теперь онъ привлекалъ къ себѣ читателей лишь своимъ беллетристическимъ отдѣломъ. Здѣсь до начала 70-хъ годовъ печаталъ

---

[1]) К. К. Арсеньевъ, стр. 100 „Срав. ст. Веселовскаго въ „Русск Арх.“ за 1893 г., № 7 „Эпизодъ изъ исторіи Спб. Вѣдомостей“. М. К. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ“, стр. 238 и слѣд. даетъ рѣзкую характеристику „Голосу“ въ началѣ его изданія, когда онъ пользовался правительственной субсидіей отъ министра народ просвѣщ. Головнина.

[2]) Срав. брошюру, изданную редакціей „Голоса“ въ 1878 г. по случаю его пятнадцатилѣтія.

[3]) Къ концу семидесятыхъ годовъ въ „Недѣлѣ“ руководящее положеніе занялъ Юзовъ-Каблицъ.

[4]) Срав. статьи Н. К. Михайловскаго противъ „Недѣля“ въ 1875 и 1876 гг.—въ „Запискахъ профана“.

[5]) Въ 1865 г. „Вѣсть“ была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ за напечатаніе московскаго адреса и рѣчи гр. Орлова-Давыдова.

[6]) Хотя „Вѣсть“ печаталась въ 3000 экземплярахъ, а иногда и больше, но большинство разсылалось даромъ предводителямъ дворянства и многимъ другимъ лицамъ, при чемъ многіе возвращали эти экземпляры обратно, заявляя о своемъ нежеланіи получать этотъ органъ (слово „Вѣсть“ въ словарѣ Брокгауза и Эфрона).

[7]) Срав. «Дневникъ писателя» Ѳ. М. Достоевскаго за 1873 г. и матеріалы для его біографіи въ I т. его сочиненій (воспоминанія Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера); а также соч. Н. К. Михайловскаго, т. II (изд. 1888 г.) «Пурриты Гражданина», стр. 271 и слѣд.

свои романы Тургеневъ и до 1876 г. Левъ Толстой; здѣсь же помѣщали свои произведенія: Андрей Печерскій, Достоевскій, Писемскій и романисты-реакціонеры: Всев. Влад. Крестовскій, Болеславъ Маркевичъ, Клюшниковъ и др. Самъ же Катковъ сосредоточилъ всю силу своего публицистическаго таланта въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

Главнымъ и самымъ выдержаннымъ представителемъ либерализма въ средѣ толстыхъ журналовъ сдѣлался „Вѣстникъ Европы", въ который перешли изъ „Русскаго Вѣстника" всѣ искренно-либеральные публицисты. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. М. М. Стасюлевичемъ и существовалъ первые два года въ видѣ историческаго журнала, выходившаго разъ въ три мѣсяца. Но уже и въ то время въ немъ помѣщались весьма дѣльныя обозрѣнія и статьи по земскимъ вопросамъ, принадлежавшія перу извѣстныхъ земскихъ дѣятелей: Н. П. Колюпанова и Н. Ф. Крузе. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились: А. А. Головачевъ, К. К. Арсеньевъ, бар. Н. А. Корфъ и др. Большое значеніе, не только научное, но и общественно-воспитательное, имѣли печатавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы" съ начала семидесятыхъ годовъ обширныя работы А. Н. Пыпина: „О массонствѣ XVIII вѣка", „Общественное движеніе при Александрѣ I", „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ", „Жизнь и переписка Бѣлинскаго" и др.

„Дѣло" Благосвѣтлова послѣ выхода изъ состава редакціи Писарева, Зайцева, Соколова и Ткачева сошло, какъ говоритъ К. К. Арсеньевъ [1]), на второй планъ; тѣмъ не менѣе, для молодежи имѣли большое значеніе печатавшіяся въ немъ статьи Н. В. Шелгунова, Аф. В. Щапова и такіе романы, какъ „Шагъ за шагомъ" Омулевскаго (Федорова) и переведенный Благосвѣтловымъ „Одинъ въ полѣ не воинъ" Шпильгагена.

Лучшимъ радикальнымъ журналомъ и, можно сказать, властителемъ думъ и воспитателемъ молодого поколѣнія въ это время становятся „Отечественныя Записки" Некрасова. Наряду съ Некрасовымъ, членами редакціи ихъ были: М. Е. Салтыковъ и Г. З. Елисеевъ, съ которыми перешла къ нимъ часть традицій „Современника". Вскорѣ присоединились къ нимъ въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ: Н. К. Михайловскій, Н. А. Демертъ и Глѣбъ Ив. Успенскій, а затѣмъ и Н. Н. Златовратскій. Стихотворенія Некрасова и могучія сатиры Щедрина составляли весьма цѣнное украшеніе журнала и обезпечивали ему читателей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества; но не они давали физіономію и тонъ этому журналу и не изъ-за нихъ сдѣлался онъ властителемъ думъ молодежи. Физіономію „Отечественнымъ Запискамъ" семидесятыхъ годовъ давали внутреннія обозрѣнія Елисеева, беллетристическіе очерки Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, и въ особенности критическія статьи и соціологическія работы Н. К. Михайловскаго. Елисеевъ, Успенскій и Златоврат-

[1]) «Законодательство о печати», стр. 101.

скій давали своимъ читателямъ изображеніе современной русской дѣйствительности, насквозь проникнутое народническимъ духомъ. Михайловскій всей суммой своихъ критическихъ статей и соціологическихъ этюдовъ давалъ стройное раціональное обоснованіе того стремленія въ народъ, того радикальнаго народничества, которымъ была охвачена молодежь съ конца шестидесятыхъ и до конца семидесятыхъ годовъ. Значеніе Михайловскаго въ „Отественныхъ Запискахъ“ семидесятыхъ годовъ было то же, что Бѣлинскаго въ „Отественныхъ Запискахъ“ и потомъ въ „Современникѣ“ сороковыхъ, Добролюбова и Чернышевскаго въ „Современникѣ“ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ или Писарева въ „Русскомъ Словѣ“.

Реалисты „Современника“ и „Русскаго Слова“, бывшіе, по выраженію Шелгунова, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ настоящими идеалистами земли, въ эпоху упадка русскаго общества, наступившаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, стали вырождаться въ обыкновенныхъ разнузданныхъ эгоистовъ, примѣнявшихъ смѣлые взгляды Писарева къ самымъ темнымъ и низменнымъ поползновеніямъ. Въ періодъ лихорадочной погони за наживой, широко развившейся въ самыхъ культурныхъ по внѣшности слояхъ русскаго общества, и примѣненіе идей дарвинизма къ соціологіи, и эволюціонная теорія Спенсера, и односторонняя теорія прогресса, выставляемая Боклемъ—все это превосходно приспособлялось къ оправданію и защитѣ нарождавшагося буржуазнаго общества съ его принципомъ безпощадной борьбы за существованіе. „Какъ волны морскія—по образному выраженію Н. К Михайловскаго—отхлынувъ отъ берега, оставляютъ на немъ рыбъ, молюсковъ, которымъ предстоитъ умереть внѣ родной стихіи, такъ и волны нашего общественнаго движенія, отхлынувъ, оставили на берегу краткія и грубыя формулы, которыя сами по себѣ, безъ оживляющаго насъ недавно духа, мертвы. Пришли люди, не мучившіеся надъ ихъ выработкой, не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допустила бы практическаго паденія, несмотря на односторонность теоретическихъ положеній. Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы—реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма, нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы—реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма, жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей утробы... Мы—реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма, человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ, то мы объявляемъ себя не отвѣтственными за всѣ тѣ подлости, которыя мы сдѣлали, дѣлаемъ и имѣемъ дѣлать...“ [1]).

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 40.

Вотъ противъ этого-то реализма, вывороченнаго на изнанку, и выступили въ концѣ шестидесятыхъ годовъ П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. Противъ Спенсера и незаконныхъ приложеній теоріи Дарвина Михайловскій выставилъ свою теорію прогресса, сводившую сущность прогресса на борьбу за индивидуальность, т. е. за сохраненіе и всестороннее развитіе человѣческой личности, а цѣлью политики и этики объявилъ стремленіе къ такому общественному строю, при которомъ всестороннее развитіе человѣческой личности было бы наиболѣе обезпечено. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на научномъ значеніи соціологическихъ работъ Михайловскаго, тѣмъ болѣе, что не могли бы признать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ правильности той оцѣнки этихъ работъ, которую дѣлаютъ наиболѣе жаркіе его поклонники. Но общественная роль Михайловскаго стоитъ внѣ зависимости отъ этой оцѣнки. Онъ самъ признавалъ себя, главнымъ образомъ, публицистомъ, а не заправскимъ ученымъ, и въ исторіи нашего общественнаго движенія онъ сыгралъ выдающуюся роль, именно какъ публицистъ.

Михайловскій былъ безусловно и вполнѣ сыномъ и представителемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ передовымъ русскимъ обществомъ переживалъ и его увлеченія и горячо участвовалъ въ той праведной борьбѣ, которую передовыя его фаланги вели за лучшее и болѣе достойное будущее. „Мы поняли—писалъ онъ въ одной изъ критическихъ статей своихъ о „Бѣсахъ“ Достоевскаго въ февралѣ 1873 г.—мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматическій цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглащаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ [1]).

„Логическимъ ли теченіемъ идей“, или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ размышленіемъ, или внезапнымъ просіяніемъ, исходя ли изъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ, или изъ прямого наблюденія,—мы пришли къ мысли, что мы должники народа...“ Далѣе онъ защищалъ въ этой статьѣ мысль, присущую въ то время большинству идейныхъ людей его поколѣнія,—о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. „Для общечеловѣка“, для citoyen'a, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ

[1]) Сочиненія, II, 305.

правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!“ [1]).

Эти слова, чрезвычайно характерныя для „Отечественныхъ Записокъ“ семидесятыхъ годовъ, очень сильно напоминали „Современникъ“ Чернышевскаго и Добролюбова, старыя книжки котораго съ увлеченіемъ читались и перечитывались молодежью семидесятыхъ годовъ [2]). Вліяніе Чернышевскаго и Добролюбова на молодежь въ семидесятыхъ годахъ было огромно. Чайковцы усиленно пропагандировали ихъ сочиненія. Добролюбовъ былъ въ это время переизданъ. А. Н. Пыпинъ издалъ въ 1865 г. „Политическую экономію“ Милля въ переводѣ Чернышевскаго и съ его примѣчаніями, въ 1876 г. потребовалось второе изданіе этого сочиненія. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ чайковцами переиздано было „Общинное землевладѣніе“ Чернышевскаго. На ряду съ экономическими статьями Чернышевскаго, такими какъ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ или „Экономическая дѣятельность и законодательство“, молодежь зачитывалась статьями его же о „Кавеньякѣ“ [3]) или о „Борьбѣ партій во Франціи“ [4]), стремившимися доказать ничтожество политическихъ формъ въ сравненіи съ насущной важностью соціальныхъ проблемъ съ точки зрѣнія интересовъ народа. Эти статьи, напечатанныя Чернышевскимъ въ „Современникѣ“ 1858 г., отчасти подъ вліяніемъ французскихъ событій 1848 и 1849 гг., отчасти подъ впечатлѣніемъ раздраженія противъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ,—въ свое время не повредили развитію идей политическаго радикализма въ Россіи, и мы видѣли, что въ 1862 г. самъ Чернышевскій охотно подавалъ руку тверскимъ помѣщикамъ-радикаламъ послѣ ихъ знаменитаго адреса. Но въ семидесятыхъ годахъ молодежь увлекалась всего больше тѣми статьями Чернышевскаго и Добролюбова, которыя могли быть обращены противъ либерализма и въ пользу соціалистическаго народничества.

Съ какимъ азартомъ Н. К. Михайловскій и вообще редакція „Отечественныхъ Записокъ“ готовы были защищать въ это время престижъ Чернышевскаго отъ малѣйшаго нападенія на проповѣдывавшіяся имъ идеи, видно изъ статей Михайловскаго, направленныхъ въ 1876 г. противъ Кавелина и противъ „Недѣли“, послѣ того, какъ Кавелинъ въ статьѣ „Объ общинномъ землевладѣніи“ приписалъ всю заслугу отстаиванія поземельной общины славянофиламъ, умолчавъ объ участіи въ этой борьбѣ „Современ-

---

1) Тамъ же, стр. 306.

2) „Мы уже много разъ говорили—писалъ Чернышевскій въ 1858 г.—что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ дессертовъ политическаго рода“ („Борьба партій во Франціи“, „Современникъ“ за 1858 г., № 9, стр. 165—166).

3) „Современникъ“ 1858 г., № 1 и 3.

4) Тамъ же, №№ 8 и 9.

ника", и даже намекнулъ на незнаніе и непониманіе русской дѣйствительности, сказавшееся въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Современника" [1]).

Идеи Чернышевскаго и Добролюбова, высказанныя въ концѣ 50-хъ годовъ и въ то время не помѣшавшія господству политическихъ и либеральныхъ идей въ обществѣ, въ семидесятыхъ годахъ прекрасно сочетались съ выводами Лаврова и Михайловскаго и давали вмѣстѣ съ ними полную подготовку къ воспріятію народническихъ стремленій и идеаловъ. Въ то же время огромной популярностью среди молодежи пользовался „Капиталъ" Маркса, изданный по-русски въ 1872 г. Михайловскій своей полемикой съ Жуковскимъ сдѣлалъ очень много для уясненія идей Маркса въ примѣненіи къ русской дѣйствительности и именно въ народническомъ смыслѣ, чему не мало способствовалъ и самъ Марксъ, своей прокламаціей къ членамъ русской секціи интернаціональнаго союза рабочихъ, изданной 24 марта 1870 г., гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ, что „такіе труды, какъ Флеровскаго (Положеніе рабочаго класса въ Россіи) и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка" [2]). А молодежь въ „Критикѣ философскихъ предубѣжденій" находила у Чернышевскаго доказательства того положенія, что каждое учрежденіе у каждаго народа вовсе не должно непремѣнно проходить всѣ логическіе моменты своего развитія, почему Чернышевскій признавалъ, что общинное владѣніе у насъ не только не должно уступить своего мѣста частной собственности, но, напротивъ, должно сдѣлаться, въ усовершенствованномъ видѣ, основнымъ принципомъ нашего гражданскаго быта. Эту точку зрѣнія вполнѣ усвоили и развивали „Отечественныя Записки" семидесятыхъ годовъ.

Славянофилы, послѣ окончательнаго запрещенія „Москвы" въ 1869 году, не имѣли своего органа. Аксаковъ рѣшительно не могъ подчиниться тѣмъ цензурнымъ условіямъ, которыя упрочились при Тимашевѣ. Кошелевъ съ Юрьевымъ попробовали было основать въ Москвѣ въ 1871 г. толстый журналъ „Бесѣду", но и она принуждена была закрыться послѣ того, какъ по постановленію комитета министровъ были сожжены двѣ ея книжки—обѣ за критику учебной системы и порядковъ, господствовавшихъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ этого славянофилы уже не пытались, вплоть до 1880 г., издавать повременныхъ изданій. Взамѣнъ

---

[1]) Н. К. Михайловскій, сочиненія, т. III, вып. II (изд. 1888 г.) „Записки профана", стр. 327 и passim.

[2]) У Бурцева „За сто лѣтъ", ч. I, стр. 90. Извѣстное письмо Карла Маркса въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ" было опубликовано Н. К. Михайловскимъ значительно позднѣе,—въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1888 г. Теперь, съ опубликованіемъ въ „Минувшихъ Годахъ" (кн. I и II) переписки Маркса и Энгельса съ Николаемъ—ономъ, выясняется достаточно ярко значительность роли, которую Марксъ игралъ въ развитіи міросозерцанія русскихъ народниковъ 70-хъ годовъ.

этого, въ важныхъ случаяхъ, когда они чувствовали необходимость подать голосъ, они говорили публичныя рѣчи въ собраніяхъ славянскаго общества въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Этимъ суррогатомъ гласности они вынуждены были пробавляться и тогда, когда въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ и славянскій вопросъ выдвинулся на первый планъ [1]).

XXIII.

Турецкая война.—Заграничный либеральный органъ „Общее Дѣло".—„Набатъ" Ткачева.—Террористическіе акты.—Раздѣленіе „Земли и Воли" на „Черный передѣлъ" и „Народную Волю".—Программа и тактика „Народной Воли". — Репрессивныя и предупредительныя мѣры правительства.—Оппозиціонное настроеніе общества.—Переговоры либераловъ съ революціонерами.—Проектъ адреса Черниговскаго земства.—Назначеніе генералъ-губернаторовъ и комиссіи Валуева.—Новыя покушенія —Проектъ созыва представительнаго собранія.

Кровавыя событія на Балканскомъ полуостровѣ встряхнули все русское общество. Правительство не желало войны и вкупѣ съ Австріею старалось урезонить герцоговинскихъ инсургентовъ, а затѣмъ удержать отъ объявленія войны Сербію и Черногорію; но это ему не удалось. Общество же, напротивъ, безъ различія направленій и партій, начиная отъ читателей „Московскихъ Вѣдомостей" и вплоть до нигилистовъ и революціонеровъ включительно, стремилось на помощь угнетеннымъ народностямъ [2]). Въ общемъ хорѣ составлялъ исключеніе лишь „Голосъ", который высказывался противъ войны и въ самый разгаръ народнаго возбужденія противъ турокъ печаталъ обличительныя статьи противъ главнокомандующаго сербской арміей генерала Черняева и русскихъ добровольцевъ, поведеніе которыхъ въ арміи представлялось далеко не безукоризненнымъ. Но за это „Голосъ" и бранили повсюду, а въ Москвѣ въ особенности, отчаяннымъ образомъ [3]).

Всколыхнувъ русское общество, освободительная война, предпринятая противъ воли правительствомъ [4]), разбудила и тѣ ли-

---

[1]) Кошелевъ „Записки", стр. 199 и слѣд. Срав. соч. И. С. Аксакова, т. II. И. Кошелевъ, и Самаринъ печатали въ это время всѣ свои брошюры за границей. Даже брошюра Кошелева „Объ общинномъ землевладѣніи" не могла быть напечатана въ Россіи, не говоря о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ возобновлялъ время отъ времени свое предложеніе созвать земскую Думу (Записки, стр. 209—219).

[2]) „Мои лучшіе друзья—пишетъ Кропоткинъ въ своихъ запискахъ—Сергѣй Степнякъ, Дмитрій К. и многіе другіе отправились на Балканскій полуостровъ, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Друзья писали мнѣ: „Мы читаемъ корреспонденціи „Daily News" о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, мы плачемъ при чтеніи и идемъ записываться въ отряды инсургентовъ какъ добровольцы, или какъ сестры милосердія". Записки, стр. 362 (Заграничн. изданіе.)

[3]) Кошелевъ, „Записки", стр. 228.

[4]) Отношеніе правительства къ войнѣ см. у Татищева, т. II, стр. 291 и слѣд., 371 и слѣд. Тамъ же возраженія Рейтерна съ финансовой стороны; то же у Блиоха «Финансы Россіи въ XIX в.» т. II, стр. 225 и слѣд.

беральныя надежды и вѣянія, которыя затихли окончательно послѣ неудачи, постигшей въ 1870 г. славянофильскій адресъ Московской Думы. Заграницей въ 1877 г. основывается либеральный русскій органъ „Общее Дѣло". „Глядя на творящіяся кругомъ безобразія — писалъ въ одной изъ первыхъ руководящихъ статей этого органа Н. А. Бѣлоголовый — на безнаказанность самаго возмутительнаго произвола правительства, приходишь все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что вина въ этомъ постольку же правительства, посколько и самого общества, тупая воспріимчивость, ничтожество и невѣжество послѣдняго"... Бѣлоголовый былъ по своимъ взглядамъ хотя и демократъ, но постепеновецъ. Онъ считалъ дѣятельность нашей радикальной и революціонной молодежи, хожденіе въ народъ и проч. нерасчетливой и безрезультатной затратой силъ и выражалъ мнѣніе, что народъ нашъ въ настоящее время такъ мало еще подготовленъ къ воспріятію соціально-демократическихъ доктринъ, что если бы революціонерамъ и удалось поднять возстаніе и даже свергнуть существующій строй, то началась бы такая сумятица и такой безпорядокъ, что спустя нѣкоторое время побѣдители отправились бы искать... или призвали бы варяговъ изъ-за моря [1]).

Но Бѣлоголовый составлялъ въ редакціи „Общаго Дѣла" крайнюю правую; тамъ были и центръ, въ лицѣ эмигранта г. Христофорова и крайняя лѣвая, въ лицѣ Зайцева, бывшаго сотрудника „Русскаго Слова", принадлежавшаго одно время къ интернаціональному союзу рабочихъ и вышедшаго оттуда вмѣстѣ съ Бакунинымъ, и Алисова, который въ 1879 г. за изданіе брошюры „Александръ II Освободитель" былъ высланъ по требованію русскаго правительства изъ Франціи [2]).

Въ средѣ соціально-революціонной партіи „Земля и Воля" послѣ процесса 193 и выстрѣла Вѣры Засуличъ также началось не прекращавшееся съ тѣхъ поръ броженіе и стали явственно раздаваться голоса въ пользу измѣненія программы, въ смыслѣ постановки на очередь вопроса о политическомъ переворотѣ. Мысль о возможности совершенія соціальной и демократической революціи при помощи захвата государственной власти якобинскимъ путемъ была до этого времени, какъ мы видѣли, совершенно чужда народникамъ семидесятыхъ годовъ. Съ 1875 г. эту мысль упорно проповѣдывалъ лишь органъ небольшой группы эмигрантовъ „Набатъ", издававшійся въ Женевѣ въ 1875—1877 гг. П. Н. Ткачовымъ, бывшимъ сотрудникомъ „Русскаго Слова", привлеченнымъ къ суду въ 1871 г. по дѣлу Нечаева и послѣ того бѣжавшимъ за границу. Якобинцы „Набата" писали въ 1875 г., что „*ближайшая* цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ государственной власти, въ созданіи революціоннаго

---

[1]) Первая книжка «Освобожденія» за 1903 г., ст. А. Х. Христофорова объ «Общемъ Дѣлѣ», стр. 27—38.

[2]) «За сто лѣтъ» Бурцева, II, 102.

государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи, по ихъ словамъ, не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое, съ одной стороны, борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства (а о свободѣ ни полъ слова!); съ другой,—вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію" [1]).

Народники не только не раздѣляли этихъ принциповъ, но нападали на нихъ съ азартомъ еще въ 1878 г., а между тѣмъ обострившаяся борьба съ государственной властью толкала и ихъ въ эту сторону роковымъ образомъ. Ихъ толкала на этотъ путь и совершенная неудача „деревенщиковъ", и увеличивающіяся репрессаліи правительства. Послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ наказанія назначенныя судомъ по процессу 193, были увеличены при конфирмаціи императоромъ Александромъ, какъ говорили, по настоянію шефа жандармовъ Мезенцева. Его же вліянію приписывалась казнь Ковальскаго, который съ товарищами былъ взятъ въ Одессѣ послѣ сильнаго вооруженнаго сопротивленія въ январѣ 1878 г. И вотъ является изъ-за границы Кравчинскій, еще недавно сражавшійся противъ турокъ въ рядахъ инсургентовъ, и убиваетъ шефа жандармовъ кинжаломъ на улицѣ, среди бѣла дня, кидается затѣмъ въ стоявшую тутъ же на-готовѣ пролетку и исчезаетъ. Еще раньше происходитъ цѣлый рядъ политическихъ убійствъ и покушеній на югѣ: въ февралѣ 1878 г. Осинскій стрѣляетъ въ Кіевѣ въ товарища прокурора Котляревскаго, въ маѣ Попко убиваетъ жандармскаго ротмистра Гейкинга, въ іюлѣ дѣлается вооруженная попытка освобожденія изъ тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго. Въ то же время происходятъ убійства въ разныхъ мѣстахъ шпіоновъ. Въ томъ же 1878 году вспыхиваютъ студенческія волненія, причемъ изъ Петербурга высылаются до 600 человѣкъ; въ Харьковѣ происходитъ избіеніе студентовъ казаками; въ Кіевѣ исключаются изъ университета послѣ нападенія на ректора Матвѣева 140 человѣкъ, изъ нихъ 15 высылаются въ Восточную Сибирь и въ сѣверныя губерніи. Ихъ везутъ черезъ Москву; въ Москвѣ московскіе студенты выходятъ имъ на встрѣчу съ цѣлью устроить имъ овацію, но полиція выпускаетъ на нихъ охотно-рядскихъ мясниковъ и дворниковъ, и происходитъ возмутительное избіеніе студентовъ [2])

Всѣ эти факты наэлектризовываютъ революціонеровъ и соприкасающуюся съ ними молодежь до крайности [3]). Въ собраніяхъ

---

[1]) Программа «Набата» у Бурцева, I, 133.

[2]) Всѣ эти факты указаны у Бурцева „За сто лѣтъ", ч. II, у Серебрякова „Общество Земли и Воли" и у Татищева „Императоръ Александръ II", стр. 598—601.

[3]) Эти факты дѣйствовали могущественнымъ образомъ не на одну молодежь. Они заставили заговорить совершенно по новому такого установившагося уже въ ту пору писателя, какъ Н. К. Михайловскій. Те-

совѣта „Земли и Воли“ рѣшаютъ одно, а въ дѣйствительности происходитъ другое. Такъ, въ августѣ 1878 г., послѣ убійства Мезенцова, въ № 1 „Земли и Воли“ сказано: „Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія народныхъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушать систему можетъ только самъ народъ. Поэтому главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы—это не болѣе, какъ охранительный отрядъ...“ [1]). На самомъ же дѣлѣ политическія убійства и покушенія продолжаются почти непрерывно, а „деревенщики“ окончательно бѣгутъ изъ деревень въ городъ. Въ мартѣ 1879 г. убитъ въ Харьковѣ губернаторъ князь Кропоткинъ, а въ Петербургѣ совершено неудачное покушеніе на жизнь шефа жандармовъ Дрентельна; въ томъ же мѣсяцѣ убито нѣсколько шпіоновъ. Наконецъ, 2-го апрѣля Соловьевъ стрѣляетъ въ самого императора Александра II.

Замѣчательно, что всѣ эти покушенія и убійства, кромѣ покушенія Соловьева, совершены отъ имени народническаго общества „Земля и Воля“, которое не ставило своей цѣлью политическаго переворота и заявляло торжественно, что революція допустима лишь въ томъ случаѣ, если ее сознательно захочетъ совершить самъ народъ [2]). Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что

перь уже извѣстно, что его перу принадлежалъ „Летучій Листокъ“, вышедшій изъ тайной типографіи въ апрѣлѣ 1878 г. (См. „Революц. журналистика 70-ыхъ гг.“, стр. 66). Въ „Листкѣ“ этомъ Михайловскій, еще недавно смотрѣвшій на вопросъ о конституціи съ народнической точки зрѣнія, писалъ: „Наша пресса, измученная и погребенная подъ бременемъ безсудности, славословила освобожденіе славянъ и молчала о рабствѣ Россіи. Общественное мнѣніе тоже не смѣло наказать баши-бузукскаго генерала. И насъ охватили негодованіе и жгучій стыдъ... Съ тѣхъ поръ между правительствомъ и обществомъ открылась пропасть, и въ нынѣшнее же лѣто — отъ оправданія Засуличъ первое, царствованіе же императора Александра II двадцать четвертое — фактъ передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки долженъ обратиться въ принципъ. (Курсивъ мой. А. К.). Фактъ уже существуетъ и проявляется въ цѣломъ рядѣ дѣяній, героическихъ или подлыхъ, но по необходимости беззаконныхъ...“ „Таковы факты—продолжаетъ онъ далѣе—разрозненные, безпорядочные, они должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: конституція, земскій соборъ. Историческаго движенія задержать нельзя. Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки.—Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественной безопасности. И тогда горе безумцамъ, становящимся поперекъ путей исторіи!..“. О тогдашнихъ и послѣдующихъ отношеніяхъ Михайловскаго къ революціонному движенію и къ революціоннымъ кружкамъ см. интересную статью Н. С. Русанова „Политика“ Н. К. Михайловскаго“ въ „Былом“, іюль 1907 г., стр. 124.

[1]) „Земля и Воля“, № 1, отъ 25 октября 1878 г. „Революціонная журналистика 70-ыхъ гг.“ („Русск. ист. библ.“, № 7, стр. 74).

[2]) Тамъ же, стр. 72. Срав. О. В. Аптекманъ „Земля и Воля“, стр. 165.

Соловьевъ произвелъ свое покушеніе въ противность постановленію большинства членовъ совѣта партіи, который обсуждалъ этотъ вопросъ по желанію самого Соловьева, и что Осинскій, не добившись согласія „Земли и Воли“ на измѣненіе программы, тѣмъ не менѣе сталъ называть въ прокламаціяхъ дезорганизаторскую группу „исполнительнымъ комитетомъ“, который не слѣдуетъ, однако же, смѣшивать съ исполнительнымъ комитетомъ „Народной Воли“ [1]).

Сдѣлавъ террористическую борьбу съ правительствомъ главнымъ и почти единственнымъ дѣломъ, партія „Земли и Воли“ уже не могла удержаться на почвѣ своихъ основныхъ народническихъ доктринъ; очевидно, измѣненіе ея программы сдѣлалось неизбѣжнымъ. Въ сущности народникамъ предстояло: или перейти на путь медленной, относительно мирной, культурной пропаганды и дѣятельности, или перестать быть народниками. Но такъ какъ, съ одной стороны, бо́льшая часть самой многочисленной группы деревенщиковъ ни за что не хотѣла разстаться съ народническими и анархистскими принципами, а, съ другой, самые энергичные члены партіи ни въ какомъ случаѣ не соглашались отказаться отъ революціонной борьбы съ правительствомъ, которое не допускало мирной соціалистической пропаганды,—то произошло нѣчто въ родѣ заговора въ заговорѣ.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о программѣ рѣшено было устроить большой съѣздъ въ Воронежѣ лѣтомъ 1879 г., но приверженцы идеи политическаго переворота условились тайно отъ остальныхъ членовъ партіи съѣхаться ранѣе этого срока въ Липецкѣ, куда пригласили и наиболѣе энергичныхъ южныхъ революціонеровъ (въ томъ числѣ Желябова).

Желябовъ явился самымъ вліятельнымъ лицомъ на этомъ съѣздѣ. Взгляды, проводившіеся на Липецкомъ съѣздѣ, въ біографіи Желябова резюмированы слѣдующимъ образомъ: „соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А, между тѣмъ, эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идейная борьба...“ [2]).

Способомъ достиженія такихъ реформъ признаны были тер-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Біографія А. И. Желябова, написанная г. Л. Тихомировымъ, воспроизведенная въ существенныхъ чертахъ въ „Быломъ“ за 1906 г., № 8, стр. 112. Это мѣсто цитируется почти всѣми авторами воспоминаній о Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ.

роръ и захватъ власти, а вопросъ о типѣ реорганизаціи рѣшенъ былъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны. Въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій организованъ былъ „Исполнительный комитетъ".

Эта программа, однако же, не могла быть цѣликомъ проведена на Воронежскомъ съѣздѣ, и липецкія постановленія не были даже сообщены воронежскому съѣзду полностью. Тамъ было извѣстно лишь, что образовалась какая-то „лига цареубійства" (исполнительный комитетъ). Воронежскій съѣздъ кончился, однако же, компромиссомъ между террористами и деревенщиками. Рѣшено было, что программа „Земли и Воли" останется неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что, въ случаѣ казней революціонеровъ, „Земля и Воля" должна принять самое дѣятельное участіе въ организаціи террористическихъ актовъ [1]).

Но этотъ компромиссъ разрушился очень быстро, и уже черезъ мѣсяцъ террористы и деревенщики признали, что они не могутъ дѣйствовать какъ члены одного общества. Положено было раздѣлиться: деревенщики образовали группу „Чернаго Передѣла", а террористы образовали партію „Народной Воли" [2]).

Хотя партія „Народной Воли" ставила своей непосредственной цѣлью террористическую борьбу съ правительствомъ за политическую свободу, однако же, она не могла построить программу своей дѣятельности на чисто якобинскихъ началахъ. Въ программѣ

---

[1]) Серебряковъ, стр. 56—59.

[2]) Въ первомъ заграничномъ изданіи своихъ очерковъ, при описаніи изложенныхъ обстоятельствъ распаденія „Земли и Воли" на двѣ самостоятельныя фракціи „Народная Воля" и „Черный Передѣлъ", я ссылался на извѣстную брошюру г. Серебрякова и на факты, изложенные у Татищева (т. II, стр. 615) и слѣд. Въ настоящее время опубликованы воспоминанія участниковъ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ: Н. А. Морозова („Былое", декабрь 1906 г., стр. 1), М. Ф. Фроленко (тамъ же, стр. 22), М. Р. Попова („Былое", августъ 1907 г., стр. 13), Г. В. Плеханова, который въ предисловіи къ „Ист. революц. движенія въ Россіи" Туна подвергъ суровой, но не во всемъ справедливой критикѣ брошюру Э. А. Серебрякова, О. В. Аптекмана „Земля и Воля 70-ыхъ годовъ", воспоминаніями котораго (тогда еще неизданными, а находившимися въ видѣ рукописи въ библіотекѣ П. Л. Лаврова) пользовался и г. Серебряковъ и, наконецъ, запротоколированныя въ Парижѣ въ 1893 г. „показанія" М. Н. Ошаниной (Оловенниковой) („Былое", іюнь 1907 г., стр. 3). Между Н. А. Морозовымъ и М. Р. Поповымъ произошла полемика относительно отдѣльныхъ фактовъ тогдашнихъ происшествій и общей характеристики причинъ распаденія общества „Земля и Воля" (Былое, іюль 1907 г., стр. 272 и слѣд., октябрь 1907 г., стр. 241 и „Историческій Сборникъ", стр. 399). Внимательно проштудировавъ всѣ эти матеріалы, я не нашелъ никакихъ поводовъ къ измѣненію ранѣе сдѣланной характеристики. Въ общемъ всѣ данныя, приведенныя въ этой литературѣ, вполнѣ подтверждаютъ, на мой взглядъ, тѣ выводы, которые я сдѣлалъ въ своихъ „очеркахъ" въ 1903 г. на основаніи фактовъ, приведенныхъ Серебряковымъ, основывавшемся, повидимому, главнымъ образомъ, на неизданныхъ тогда воспоминаніяхъ О. В. Аптекмана (написанныхъ въ 1884 г.) и на „показаніяхъ" М. Н. Ошаниной.

своей она поставила попрежнему во главу угла соціалистическіе и народническіе принципы. „По основнымъ своимъ убѣжденіямъ,—сказано тамъ,—мы—соціалисты и народники... Мы убѣждены, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа и т. д. [1]). Поэтому члены партіи, какъ соціалисты и народники, считали своимъ долгомъ произвести насильственный политическій переворотъ, съ цѣлью передачи власти народу и для выраженія народной воли собрать учредительное собраніе, составленное изъ представителей народа, избранныхъ свободно, всеобщей подачей голосовъ и снабженныхъ наказами избирателей. Въ этомъ собраніи партія предполагала предложить слѣдующія реформы: 1) постоянное народное представительство, составленное, какъ сказано выше, и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ; 2) широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа; 3) самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы; 4) принадлежность земли народу; 5) систему мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики; 6) полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи; 7) вообще избирательное право, безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій и 8) замѣну постоянной арміи территоріальной [2]).

Для достиженія цѣлей партіи предполагалось развивать: 1) дѣятельность пропагаторскую и агитаціонную въ видахъ популяризаціи программы „Народной Воли“ и организаціи въ народѣ и обществѣ протеста противъ существующаго порядка и требованій реформъ. Какъ формы протеста, имѣлись въ виду: сходки, демонстраціи, петиціи, адреса, отказъ отъ уплаты податей и проч.; 2) дѣятельность разрушительную и террористическую; 3) организацію тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5) организацію и совершеніе переворота и, наконецъ, 6) избирательную агитацію при созывѣ учредительнаго собранія.

Партія ставила цѣлью своей подготовительной работы приготовленіе народнаго возстанія, но при этомъ она брала на себя иниціативу переворота, не дожидаясь того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея. Главнѣйшими задачами подготовительной работы ставилось: 1) созданіе центральной бое-

---

[1]) Программа партіи „Народная Воля“ у Бурцева, ч. I, стр. 148. Срав. изданную теперь въ Россіи В. Я Богучарскимъ „Литературу партіи Народной Воли“ („Русск. ист. библ.“, № 9, стр. 107 и слѣд.).

[2]) Тамъ же, стр. 150.

вой организаціи, способной начать возстаніе; 2) созданіе провинціальной революціонной организаціи, способной поддержать возстаніе; 3) обезпечить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ; 4) подготовить возможность привлеченія на свою сторону войска; 5) заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи—главнаго источника силъ при подготовительной работѣ; 6) склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы.

Въ программу, однако же, вовсе не вводилось условіе не начинать переворота, пока эта подготовительная работа не будетъ сдѣлана. Въ дѣйствительности, по всѣмъ пунктамъ этой подготовительной программы сдѣланы были лишь кое-какія, большею частью не приводившія къ цѣли попытки, всѣ же боевыя наличныя силы партіи были немедленно пущены въ ходъ на устройство самого переворота [1]. Послѣ опубликованія этой программы, въ сущности началась тотчасъ же въ высшей степени дѣятельная и напряженная кампанія ряда террористическихъ предпріятій, направленныхъ противъ императора Александра. Очевидно, что при этихъ условіяхъ, еслибы членамъ партіи удалось послѣ истребленія царской фамиліи захватить власть въ свои руки, то могло бы послѣдовать въ разныхъ мѣстахъ возстаніе противъ самихъ узурпаторовъ, и имъ пришлось бы вмѣсто созыва учредительнаго собранія вести гражданскую войну, исходъ которой предвидѣть было, разумѣется, невозможно, но который легко могъ быть и такимъ, какой предвидѣлъ въ вышеупомянутой статьѣ „Общаго Дѣла" Н. А. Бѣлоголовый. Какіе бы народническіе идеалы не выставила эта партія въ своей программѣ, эти идеалы, въ виду неподготовленности къ нимъ русскаго общества и народа, оставались лишь на бумагѣ, а способъ дѣйствія, усвоенный партіей, велъ ее роковымъ образомъ на путь якобинства [2].

Правительство, чрезвычайно встревоженное террористическими предпріятіями революціонеровъ, послѣ убійства Мезенцова рѣшило еще усилить какъ предупредительныя мѣры, основанныя всецѣло на полицейскомъ произволѣ, такъ и репрессивныя мѣры, и безъ того усиливавшіяся изъ года въ годъ. Расширены были еще больше права жандармовъ относительно ареста всякихъ подозрительныхъ лицъ и участниковъ уличныхъ демонстрацій; рѣшено адми-

---

[1]) Изо всѣхъ пунктовъ *подготовительной программы*, быть можетъ, болѣе всего было сдѣлано народовольцами въ это время по пункту 4, т. е. по подготовленію привлеченія на свою сторону войскъ. Объ этомъ можно судить по статьямъ М. Ю. Ашенбренера „Военная организація партіи „Народной воли" („Былое", іюль 1896 г., стр. 4), и Э. А. Серебрякова „Революціонеры во флотѣ" („Былое", февраль 1907 г., стр. 168 и апрѣль 1907 г., стр. 96) и по процессамъ народовольцевъ.

[2]) Замѣчательно, что послѣдовательный и искренній анархистъ и народникъ Кропоткинъ признается въ своихъ „Запискахъ", что русское революціонное движеніе утратило для него свою привлекательность съ тѣхъ поръ, какъ оно превратилось въ заговоръ и вооруженную борьбу съ самодержавіемъ, оставивъ „роковымъ образомъ" „всякую мысль о народномъ движеніи". (Стр. 358).

нистративно-ссыльныхъ направлять преимущественно въ Восточную Сибирь и особенно въ Якутскую область; явилась даже мысль устроить тамъ особыя колоніи государственныхъ ссыльныхъ, а въ Европейской Россіи завести для нихъ особыя усовершенствованныя тюрьмы. Лицъ, обвиненныхъ въ вооруженномъ сопротивленіи или въ какихъ-либо террористическихъ актахъ, рѣшено судить впредь военно-полевымъ судомъ [1]). Однако, всѣ эти мѣры оказались недостаточными для подавленія „крамолы", при томъ равнодушіи публики, которое было констатировано министромъ юстиціи гр. Паленомъ еще въ 1874 г. и съ тѣхъ поръ не только не уменьшалось, но даже принимало по временамъ характеръ какого-то злорадства, а иногда и косвеннаго пособничества революціонерамъ. Правительство сознавало этотъ фактъ, но не углубляясь въ разслѣдованіе истиннаго его значенія и настоящихъ причинъ, обусловливавшихъ глубокую отчужденность общества и даже глухую враждебность многихъ его слоевъ по отношенію къ правительству, попыталось съ дѣтскимъ легкомысліемъ и апломбомъ измѣнить это отношеніе къ нему общества простымъ обращеніемъ къ нему за содѣйствіемъ, ничего не измѣняя въ его правовомъ положеніи и въ своихъ къ нему отношеніяхъ. Надѣялись, повидимому, что царское слово, сказанное съ высоты престола, способно безъ всякихъ иныхъ мѣръ вдругъ измѣнить общественное настроеніе. Еще 20 августа 1878 г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось извѣстное правительственное сообщеніе, въ которомъ было сказано, что, усугубляя строгость и твердость въ борьбѣ своей съ „шайкой злодѣевъ", правительство расчитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ „найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій". Тутъ же было воззваніе и къ учащейся молодежи, которая приглашалась къ усиленному занятію наукой и предостерегалась отъ соблазна [2]). Все это было подкрѣплено рѣчью императора Александра II въ Москвѣ, также, впрочемъ, не обѣщавшей обществу благопріятныхъ перспективъ [3]).

Само собой разумѣется, что такое сообщеніе, не знаменовавшее никакой перемѣны во внутренней политикѣ правительства, основанной на угнетеніи и произволѣ, не могло вызвать большого сочувствія въ обществѣ и тѣмъ менѣе въ средѣ учащейся молодежи. Эта послѣдняя отвѣтила на призывъ правительства въ ту же осень грандіозными безпорядками, разыгравшимися во всѣхъ университетахъ и особенно въ Медико-Хирургической Академіи [4]).

Что касается земствъ, которыя являлись въ это время един-

---

[1]) Татищевъ, II, 600—601.
[2]) Татищевъ, т. II, стр. 600—602.
[3]) Тихоміровъ, „Конституціоналисты", стр. 31.
[4]) Татищевъ, II, стр. 603.

ственнымъ представительствомъ страны, способнымъ до извѣстной степени выразить ея мнѣніе, то тѣ изъ нихъ, которыя осмѣлились возвысить свой голосъ, возвысили его далеко не въ желательномъ для правительства смыслѣ. Между передовыми земцами уже началось въ это время конституціонное движеніе, отвѣчавшее теперь довольно единодушному, хотя и подавленному властью настроенію всего образованнаго общества. Послѣ турецкой войны либералы стали поднимать голову. Многимъ казалось, что правительство, даровавшее конституціонное устройство полудикому болгарскому народу, не можетъ теперь уже отказать въ этомъ Россіи.

Съ другой стороны, обнаружившіяся во время войны въ громадныхъ размѣрахъ злоупотребленія, присущія бюрократическому строю, заставили многихъ сильнѣе почувствовать, что урокъ, данный когда-то Крымской войной, не имѣлъ всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, на которыя можно было расчитывать. Въ то же время политическіе процессы 77 года и, въ особенности, процессъ Вѣры Засуличъ, обнажили съ полною рельефностью все безобразіе и вмѣстѣ безсмысленность существующаго полицейскаго режима.

Между тѣмъ, учебная система Толстого, давно съ полнымъ единодушіемъ осужденная всѣми мыслящими людьми, продолжала коверкать юношество, а всѣ заявленія противъ нее, возникавшія въ печати и въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ, отвергались правительствомъ съ тупымъ и холоднымъ презрѣніемъ. Наконецъ, униженіе національнаго достоинства послѣ трудной и страшно дорого стоившей намъ войны, испытанное нами на Берлинскомъ конгрессѣ и приписанное общественнымъ мнѣніемъ промахамъ нашей иностранной политики, глубоко уязвило всѣхъ искреннихъ патріотовъ. Ив. Серг. Аксаковъ сказалъ по этому поводу громовую рѣчь въ „Славянскомъ Обществѣ" въ Москвѣ, а правительство отвѣчало закрытіемъ общества и высылкой Аксакова изъ Москвы въ деревню [1]).

Кажется, легкомысленнѣе и неразумнѣе трудно себѣ представить политику. И это-то правительство, плевавшее на мнѣніе страны даже въ такомъ, близко затрогивавшемъ всѣхъ вопросѣ, какъ воспитаніе юношества, безсмысленно топтавшее наболѣвшее патріотическое чувство такихъ глубоко лояльныхъ людей, какъ Аксаковъ, думало, ничего не мѣняя въ своей внутренней политикѣ, вызвать общественное сочувствіе и помощь въ борьбѣ съ людьми, которые имъ же были доведены до крайности! Вотъ ужъ поистинѣ можно было сказать: „Quem Deus perdere vult, prius dementat" —Первое отозвалось на правительственное сообщеніе Харьковское земство, выразившее, хотя въ неясныхъ и уклончивыхъ выраженіяхъ, ту мысль, что безъ измѣненія внутренней политики правительства, никакое содѣйствіе общества невозможно.

---

[1]) Кошелевъ, „Записки", стр. 235.

Министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ же разослалъ циркуляры предводителямъ дворянства, предписывающіе не допускать такихъ заявленій и адресовъ на земскихъ собраніяхъ [1]). Но къ этому времени въ средѣ либеральныхъ земцевъ возникла уже нѣкоторая организація, подъ именемъ „Земскаго Союза". Въ концѣ 70-хъ гг. нѣсколько человѣкъ земскихъ дѣятелей различныхъ губерній задумали, какъ сказано въ документахъ, напечатанныхъ въ „Общемъ Дѣлѣ" за 1883 г.,—установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ. Для этого устраивались ежегодно съѣзды въ Москвѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. Послѣ правительственнаго сообщенія 1878 г. устроенъ былъ съѣздъ въ Кіевѣ, на который были приглашены и нѣкоторые революціонеры, такъ какъ земцы рѣшили сдѣлать попытку войти въ соглашеніе и добиться, чтобы террористы пріостановили на время свою террористическую дѣятельность и дали бы, такимъ образомъ, земцамъ возможность попробовать убѣдить правительство мирнымъ путемъ возвратиться на путь реформъ.

Кіевскіе революціонеры уже вполнѣ пришли въ это время къ сознанію необходимости политическихъ реформъ и потому охотно пошли на совѣщаніе съ земцами, но настоящаго соглашенія, въ сущности, не послѣдовало, такъ какъ революціонеры поставили условіемъ прекращенія своей террористической дѣятельности предварительное проведеніе тѣхъ самыхъ преобразованій, о которыхъ собирались хлопотать либералы. Революціонеры требовали: 1) устраненія стѣсненій свободы слова и печати; 2) обезпеченія правъ личности; 3) призванія тѣмъ или инымъ способомъ населенія къ участію въ управленіи. Либералы не могли, конечно, не одобрить этихъ требованій, составлявшихъ сущность ихъ собственной программы, но такъ какъ осуществленіе этихъ преобразованій зависѣло не отъ нихъ, а отъ правительства, то и начать либеральную агитацію имъ пришлось, не добившись никакихъ положительныхъ обѣщаній отъ революціонеровъ. Левъ Тихомі-

---

[1]) Литература, касающаяся земскаго конституціоннаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается: 1) въ документахъ „Земскаго Союза", опубликованныхъ въ № 54 „Общаго Дѣла" за 1883 г.; 2) въ изданной отдѣльной брошюрой „Программѣ Земскаго Союза"; 3) въ статьѣ Драгоманова „Либерализмъ и земство"; 4) въ брошюрѣ Кеннана „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ"; 5) V. Laferté „Alexander II. détails intimes sur sa vie, et sa mort"; 6) Конституція гр. Лорисъ-Меликова, изд. за границей; 7) брошюра В. Ю. Скалона (заграничная) „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи". Выдержки изъ этихъ матеріаловъ у Бурцева, ч I, стр. 143—147 и 213—219; ими же воспользовался Л. Тихоміровъ при составленіи своей брошюры „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года". Къ этому можно еще прибавить двѣ странички (299—300) изъ „Воспоминаній" Влад. Дебогорія-Мокріевича. Удивительно, что и въ послѣдніе годы, когда появилось такъ много воспоминаній, освѣщающихъ исторію революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ, участники либеральнаго движенія той эпохи, хотя бы участники земскихъ съѣздовъ того времени, не опубликовали до сихъ поръ ничего.

ровъ увѣряетъ, что революціонеры ни на минуту не думали пріостанавливать свою дѣятельность и никакихъ результатовъ дѣйствій „либеральнаго комитета“ „не ожидали ни одного дня“ [1]). Этому, конечно, легко можно повѣрить, тѣмъ болѣе, что кіевскіе революціонеры отнюдь не могли отвѣчать за землевольцевъ. Но какъ бы то ни было—случайно или намѣренно—съ осени 1878 г. и вплоть до февраля 1879 г. никакихъ новыхъ террористическихъ актовъ произведено не было, если не считать нѣсколькихъ вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ [2]). Въ самомъ началѣ 1879 года гласный черниговскаго земства Иванъ Ильичъ Петрункевичъ сдѣлалъ попытку предложить на утвержденіе губернскому земскому собранію проектъ адреса, выработанный и принятый почти единогласно на предварительномъ публичномъ совѣщаніи всѣхъ земскихъ гласныхъ. Предсѣдатель не допустилъ, согласно циркуляру министра, прочтенія этого проекта, а такъ какъ намѣреніе Петрункевича прочесть этотъ проектъ въ собраніи, хотя бы противъ воли предсѣдателя, было извѣстно заранѣе, то изъ залы собранія по распоряженію губернатора была удалена публика и были введены туда жандармы. Гласные громко протестовали противъ этой мѣры; предсѣдатель же закрылъ засѣданіе и зала была очищена жандармами, а Петрункевичъ былъ арестованъ и высланъ административнымъ порядкомъ въ Костромскую губернію [3]). Одновременно были арестованы и нѣкоторые другіе гласные черниговскаго и харьковскаго земствъ. Однако, копіи съ адреса были разосланы во всѣ земства и нѣкоторыя изъ нихъ составили аналогичные адресы, формальное обсужденіе которыхъ нигдѣ не было допущено предсѣдателями собраній. Мы позволимъ себѣ привести въ извлеченіи адресъ черниговскаго земства:

„Въ № 186 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1878 г. напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ гражданъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто къ недав-

---

[1]) Тихоміровъ, стр. 23.

[2]) Бурцевъ, ч. II, стр. 94—101. Любопытно напомнить, какъ въ то время смотрѣлъ на союзъ революціонеровъ-народниковъ съ либералами Н. К. Михайловскій. Вотъ что писалъ онъ подъ псевдонимомъ Гроньяра въ № 3 „Народной Воли“ (отъ 27 ноября 1879 г.): „Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: „Земля и воля“. Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: *я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условій русской жизни*“... (Курсивъ мой. А. К.) „Я убѣжденъ—такъ заканчиваетъ это письмо Михайловскій,—что словами „Земля и воля“ исчерпывается для нашей интеллигенціи единственно-возможная программа и что внѣ ея интеллигенція осуждена на роль вѣчнаго политическаго недоноска. C'est la fatalité“. (Литература „Народной Воли“, в. I, стр. 114).

[3]) Тамъ же, I, стр. 147. Кеннанъ „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“.

нее время. Правительство признаетъ, что только помощь русскаго народа дастъ ему силу, способную уничтожить зло.

Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди земства Черниговской губерніи, которое должно тѣмъ болѣе принимать къ сердцу эту задачу, что представляя собою часть всего русскаго земства, а, слѣдовательно, и совокупность всѣхъ лицъ и сословій, тѣмъ самымъ живо чувствуетъ и переноситъ на себѣ всѣ несчастія, переживаемыя русскимъ народомъ.

Глубокія вѣрноподданническія чувства къ нашему Государю и безпредѣльная любовь къ нашей родинѣ заставляютъ насъ выразить правительству тѣ соображенія, надлежащая оцѣнка которыхъ, по нашему разумѣнію, быть можетъ, поможетъ русскому народу залѣчить раны, такъ жестоко ему нанесенныя....

„...Думать, что идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей....

„...Чтобы сознательно итти къ своей задачѣ и чтобы уяснить, что можетъ сдѣлать земство, т. е. самъ русскій народъ, для излѣченія опаснаго недуга,—необходимо обратиться къ анализу причинъ, его породившихъ. Такихъ главныхъ причинъ, наряду съ другими, менѣе важными, по мнѣнію земства, три:

1. Организація среднихъ и высшихъ и учебныхъ заведеній.

2. Отсутствіе свободы слова и печати.

3 Отсутствіе среди русскаго общества чувства законности.

„Великія реформы нынѣшняго царствованія создали въ обществѣ новыя потребности. Крестьянская реформа заставила жившаго прежде крѣпостнымъ трудомъ дворянина искать средствъ къ существованію въ своемъ личномъ трудѣ; она же открыла возможность прежнему крѣпостному искать положенія болѣе обезпеченнаго. Реформы судебная и земская, устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ, всякаго рода промышленныя предпріятія вызвали огромный спросъ на болѣе или менѣе образованныхъ людей. Понятно, что это прежде всего должно было отразиться на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ это самое время организація ихъ подверглась коренной реформѣ Земство не признаетъ себя компетентнымъ въ обсужденіи и указаніи недостатковъ педагогической стороны этой организаціи; но, тѣмъ не менѣе, результаты ея даютъ возможность констатировать полное отсутствіе гармоніи между школой и жизнью....

„...Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, когда бы общество распологало соотвѣтственными орудіями Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣній и свободная наука. Въ то время, когда анархическія идеи распространяются и тайною печатью, и устною пропагандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свои мнѣнія. Общественнаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества,

его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждала бы чувство самостоятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй.

„Провинціальная Россія, т. е. русскій народъ, стоитъ подъ безусловнымъ запретомъ свободы слова, и его мнѣнія высказываются лишь правительственной нашей администраціей. Само земство лишено возможности имѣть не только печатный органъ свободнаго обмѣна идей по своимъ ближайшимъ потребностямъ; оно лишено даже въ собственномъ собраніи свободы выраженія мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заявленій о своихъ нуждахъ правительству, несмотря на то, что земствомъ не могутъ руководить иныя чувства и иныя побужденія, какъ желаніе развитія и упроченія благосостоянія своей страны. Происходящая отсюда безмолвность общественныхъ учрежденій уничтожаетъ ихъ силу и значеніе, дѣлаетъ ихъ неспособными къ жизни, къ дѣйствію, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ ихъ отдѣльныхъ членахъ чувство гражданскихъ обязанностей, чувство гражданскаго долга. Наша исторія не могла выработать такого чувства. Испорченность нравовъ, явившаяся у насъ подъ вліяніемъ крѣпостного права, безотвѣтственность и безконтрольность бюрократіи, безсиліе суда не позволили развиться въ прежнемъ обществѣ уваженію къ закону. Хотя реформы нынѣшняго царствованія: крестьянская, судебная и земская, внесли въ наше законодательство совершенно новыя начала, но въ жизни эти начала не получили надлежащаго развитія, ставъ въ прямое противорѣчіе съ нѣкоторыми началами стараго строя.

„Такъ, судебная реформа не могла внушить обществу ни уваженія къ закону, ни вѣры въ прочность коренныхъ основъ, потому что, во-первыхъ, ею не былъ устраненъ прежній принципъ наложенія административныхъ наказаній безъ суда, а во-вторыхъ, потому что, въ кратковременный періодъ ея существованія, она подверглась многимъ существеннымъ измѣненіямъ. Обращаясь затѣмъ къ земской реформѣ, мы признаемъ, что она могущественно способствовала подъему мѣстнаго провинціальнаго самосознанія и содѣйствовала самымъ благотворнымъ образомъ воспитанію въ насъ общественныхъ чувствъ. Но и она не могла развить въ русскомъ обществѣ чувства долга и уваженія къ закону. Наше законное право ходатайствовать обращено въ мертвую букву, а такое отношеніе къ нашимъ представленіямъ пріучило и насъ относиться спустя рукава къ серьезнымъ земскимъ вопросамъ; это тѣмъ болѣе горько, что лишенное печатнаго органа, земство не имѣетъ и другихъ условій для сношенія и обмѣна идей даже по чисто хозяйственнымъ вопросамъ.

Таково положеніе русскаго общества. *Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, ли-*

щенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ [1]). Поэтому, земство Черниговской губерніи, съ невыразимымъ огорченіемъ, констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства" [2]).

Заявленіе тверского земства было не менѣе знаменательно, хотя съ другой стороны подходило къ обоснованію своихъ конституціонныхъ требованій или, вѣрнѣе, надеждъ: „Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа,—писали тверитяне,—призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему царю-освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія" [3]).

Отклонивъ эти мирныя заявленія и даже не пожелавъ ихъ выслушать, правительство показало намѣреніе и впредь дѣйствовать одними лишь репрессивными мѣрами, не обращая вниманія на общественное мнѣніе страны. Тотчасъ вслѣдъ за покушеніемъ Соловьева были назначены временные генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ, съ диктаторскими правами. Имъ предоставлено было предавать лицъ гражданскаго состоянія военному суду и по своему усмотрѣнію арестовывать и высылать изъ края лицъ всякаго званія и сословія, а также пріостанавливать или вовсе запрещать изданіе газетъ и журналовъ, которые они признаютъ вредными, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они найдутъ необходимыми для сохраненія спокойствія въ краѣ [4]).

Вслѣдъ за тѣмъ, уѣхавъ въ Крымъ съ тяжело больной императрицей, Александръ Николаевичъ назначилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Валуева для выработки рѣшительныхъ мѣръ для подавленія „крамолы" и прекращенія распространенія гибельныхъ ученій среди молодежи. Въ составъ этой комиссіи входили почти всѣ министры. Засѣдали они два мѣсяца, потомъ пережевывали еще свои собственныя соображенія въ Комитетѣ Министровъ, но никакихъ общихъ рѣшительныхъ мѣръ не придумали, а предложили лишь усилить престижъ полиціи на счетъ престижа мировыхъ судей и введеніе всесословной волости въ цѣляхъ уси-

---

[1]) Курсивъ мой. А. К.

[2]) Цитировано по извлеченію, помѣщенному у Бурцева, т. I, стр. 143—146.

[3]) Тихоміровъ, стр. 135.

[4]) Татищевъ, т. II, стр. 604.

ленія значенія помѣстнаго элемента на мѣстахъ, да предположили нѣкоторыя негласныя облегченія раскольникамъ и полякамъ, въ видѣ поощренія ихъ за то, что и тѣ, и другіе оказывались, по собраннымъ тогда даннымъ, недоступными вліянію соціалистической пропаганды. За то въ отношеніи университетской молодежи и судьбы начальныхъ школъ здѣсь были проектированы весьма рѣшительныя мѣропріятія крайне реакціоннаго свойства. Министръ финансовъ, ген. Грейгъ, прославившійся умѣніемъ устраивать свои личныя дѣла на казенный счетъ, возбудилъ вопросъ о нежелательности допускать въ высшія учебныя заведенія лицъ, необезпеченныхъ матеріально, какъ элементъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, рекрутируются кадры революціонеровъ. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ увеличить плату за слушаніе лекцій и сократить всякія льготы, стипендіи и проч. Его поддержали шефъ жандармовъ Дрентельнъ и самъ Валуевъ; Толстой же заявилъ о необходимости отмѣны устава 1863 г., такъ какъ введенная имъ автономія университетовъ, т. е. профессорской коллегіи, дѣлаетъ почти невозможнымъ всякое административное вліяніе на внутреннюю жизнь и направленіе преподаванія въ университетахъ. Въ отношеніи народныхъ школъ Толстой требовалъ усиленія инспекціи, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія земствъ, а Грейгъ и Дрентельнъ, къ которымъ опять присоединился Валуевъ, считали болѣе раціональнымъ прямо передать всѣ школы въ духовное вѣдомство съ полнымъ устраненіемъ земствъ отъ этого дѣла [1]). Но всѣ эти мѣры, прекрасно обрисовывавшія государственныя способности министровъ, окружавшихъ въ это время Александра, не были приведены въ осуществленіе, главнымъ образомъ, потому, что, по выраженію Татищева, ихъ опередили событія, развившіяся съ большой быстротой.

При возвращеніи Александра изъ Крыма въ Петербургъ въ ноябрѣ 1879 года революціонерами была организована цѣлая система подкоповъ и минъ по желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ онъ могъ проѣхать. Какъ извѣстно, эти покушенія не привели къ цѣли, и взрывъ подъ Москвой на Курской дорогѣ опрокинулъ не тотъ поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ императоръ; но террористы не унывали и готовили съ необычайной энергіей новыя покушенія. Временные генералъ-губернаторы свирѣпствовали каждый по своему, изобрѣтали массу мѣръ, стѣснительныхъ и разорительныхъ для обывателей, но вполнѣ безсильныхъ противъ чрезвычайной энергіи и изобрѣтательности террористовъ [2]).

Массовые обыски и аресты также не приводили къ цѣли, хотя время отъ времени въ руки правительства попадали важные члены партіи и не менѣе важные документы. Такъ, еще осенью 1879 года при одномъ изъ арестовъ былъ захваченъ планъ Зим-

[1]) Татищевъ, т. II, стр. 604—614.

[2]) Такъ одни дежурства дворниковъ въ Петербургѣ, введенные Гуркой, какъ оказалось, стоили населенію болѣе 1.000.000 руб. въ годъ, Татищевъ, т. II, стр. 633.

няго дворца, на которомъ царская столовая отмѣчена была крестомъ, но это не навело даже на мысль полицію, охранявшую Александра, о необходимости осмотрѣть повнимательнѣе жилище царя и провѣрить лицъ, въ немъ живущихъ. 4-го февраля 1880 года послѣдовалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, устроенный Халтуринымъ, причемъ жертвой этого взрыва должна была сдѣлаться вся царская фамилія, собравшаяся въ этотъ день на парадный обѣдъ въ честь пріѣхавшаго въ Петербургъ болгарскаго князя. Этотъ взрывъ произвелъ на правительство ошеломляющее дѣйствіе. Но и до него обнаруженіе покушеній и подкоповъ на желѣзныхъ дорогахъ въ связи съ заявленіями земствъ, показавшими раздраженіе и недовольствіе, господствовавшія въ обществѣ, вызвали въ правительственной средѣ большія колебанія. Полное фіаско правительственнаго призыва, обращеннаго къ обществу въ 1878 г., повидимому, уяснило правительству, что одними репрессивными мѣрами умиротворенія достигнуть въ странѣ невозможно. Въ январѣ 1880 года—т. е. еще до взрыва въ Зимнемъ дворцѣ,—тотъ самый Валуевъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ проектировалъ разныя реакціонныя и обскурантныя мѣропріятія, вдругъ сталъ говорить о необходимости такой мѣры, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и, такимъ образомъ, содѣйствовала бы успокоенію умовъ въ обществѣ. Онъ напомнилъ Александру о предположеніи, существовавшемъ съ 1863 г., созвать общегосударственное земское собраніе и совѣтовалъ пріурочить манифестъ объ этомъ къ двадцатипятилѣтнему юбилею царствованія, т е. къ 19-му февраля 1880 г. Ту же мысль сталъ пропагандировать и Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на свою записку объ этомъ предметѣ, составленную еще въ 1866 году. Мысль эту императоръ подвергъ обсужденію интимнаго совѣщанія, въ которое, кромѣ авторовъ предложенія, были приглашены: наслѣдникъ престола, министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, шефъ жандармовъ Дрентельнъ, управляющій II отдѣл. канцеляріи его величества кн. Урусовъ, и одинъ разъ гр. Адлербергъ. Совѣщаніе собиралось четыре раза—очевидно, вопросъ разобранъ былъ всесторонне. Главнымъ противникомъ Валуева и Константина выступилъ наслѣдникъ, будущій императоръ Александръ III, который проявилъ здѣсь себя консерваторомъ твердой руки, какимъ и остался потомъ во все продолженіе своего царствованія. Онъ доказывалъ, что это нововведеніе противно духу коренного государственнаго строя Россіи и что созывъ представительнаго собранія не только не послужитъ къ успокоенію умовъ, но, наоборотъ, взволнуетъ ихъ еще больше. Съ наслѣдникомъ престола согласились всѣ остальные члены этого совѣщанія, а Валуевъ и Константинъ Николаевичъ остались въ меньшинствѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого послѣдовалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, и когда Александръ Николаевичъ опять собралъ у себя совѣщаніе почти въ томъ же составѣ, то цесаревичъ выступилъ съ предложеніемъ учредить „верховную слѣдственную комиссію“ съ

обширными полномочіями, очевидно, имѣя въ виду тѣ комиссіи, какія были учреждены послѣ петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и послѣ каракозовскаго покушенія въ 1866 г.,—но съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этой новой комиссіи распространилась на всю Россію.

Александръ Николаевичъ отнесся сперва къ этому несочувственно, но наслѣдникъ настаивалъ и, наконецъ, успѣлъ его убѣдить, такъ что на второй день (9-го февраля) въ совѣщаніи съ участіемъ еще нѣсколькихъ лицъ (Лорисъ-Меликова, Гурко, Набокова и Черевина) Александръ Николаевичъ объявилъ, что такая комиссія будетъ немедленно учреждена, и что во главѣ ея будетъ поставленъ гр. Лорисъ-Меликовъ [1]).

А. А. Корниловъ.

---

[1]) Татищевъ, II, стр. 621—624. Въ настоящее время Валуевскій проектъ перепечатанъ изъ кофиденціальнаго изданія „Предположенія высшаго прав—ва о привлеченіи избран. отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности» г. Бирманьскимъ въ «Вѣстникѣ Права» за 1905 г. (ноябрь, стр. 223). Тамъ-же перепечатана къ запискѣ вел. кн. Константина Николаевича. Въ декабрьской книжкѣ за 1906 г. «Былого» П. Е. Щеголевымъ напечатаны въ статьѣ «Изъ исторіи «конституціонныхъ“ вѣяній 1879—1881 г.г.» относящіяся къ тому времени выписки изъ дневниковъ гр. П. А. Валуева.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 годъ.

(*Продолженіе* [1]).

IX.

Въ предыдущемъ изложеніи уже указывалось на ту версію ложныхъ толковъ среди крестьянъ, согласно которой Положеніе 19-го февраля или подложно или заключаетъ въ себѣ лишь „малую волю", „истинная же", „взаправская", „царская воля", „царское положеніе" или „большая воля" будутъ объявлены черезъ нѣкоторое время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ срокъ „царской" воли не назначался, но въ большинствѣ случаевъ крестьяне назначали время объявленія ея черезъ 2 года, т. е. приблизительно 19-го февраля 1863 года.

Этотъ срокъ получилъ названіе „срочнаго", „случнаго", „суднаго" часа, смотря по губерніи.

До „срочнаго часа" или вообще до выхода „новой" воли, по мнѣнію крестьянъ, они должны были оставаться на прежнемъ крѣпостномъ положеніи, исполнять прежнія повинности и т. д. Такова была царская воля и за нарушеніе ея, согласно этой версіи, крестьяне могли лишиться правъ на льготы, которыя даетъ „новая воля".

Эта версія, возникнувъ, видимо, вскорѣ послѣ обнародованія Положенія 19 февраля, получила съ теченіемъ времени громадное распространеніе въ той или другой формѣ и наблюдалась почти повсемѣстно.

Происхожденіе этой версіи, а особенно почти повсемѣстное распространеніе нужно отнести на счетъ попытокъ крестьянъ примирить свое положеніе, которое они считали все тѣмъ же крѣпостнымъ, съ вѣрою въ „полную царскую волю". Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне, потерпѣвъ фіаско въ своей увѣренности въ полученіи ими „полной воли" и попыткахъ осуществить ее немедленно въ своей частной и общественной жизни, принуждены были смириться

---

[1]) См. „Минувшіе Годы", сентябрь.
Дренякинъ. „Сказаніе...", Р. Ст. 1885 г., № 4, стр. 159.

передъ силой розогъ, штыковъ, пуль, пытокъ и другихъ способовъ „укрощенія строптивыхъ“ и подчиниться Положенію 19 февраля, въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне жадно ловили такой слухъ, ибо онъ давалъ имъ лучъ надежды на будущее и возможность разсматривать свое положеніе, какъ временное.

По свидѣтельству Демерта, послѣ Бездны, напримѣръ, крестьяне въ томъ краѣ „поняли, что другой воли должно быть дѣйствительно въ настоящее время еще нѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то все болѣе стали укрѣпляться въ мысли, что новую эту волю скоро къ нимъ пришлютъ; что теперь только не нужно соглашаться ни подъ какимъ видомъ ни на какія сдѣлки, ибо новая воля принесетъ пользу только тѣмъ, кто удержался отъ соглашеній съ помѣщиками, не закрѣпивъ себя вновь добровольно. Никакія убѣжденія посредника, ругань, даже розги не помогали. „Будетъ намъ, братцы, вторая воля вмѣсто этой, *благой* (плохой, дрянной) воли“, говорили упорно крестьяне [1]). Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне наружно мирились съ полученною волею, они быстро воспринимали такой слухъ, ибо онъ имъ давалъ надежду на выходъ изъ тяжелаго положенія и совпадалъ съ ихъ завѣтными мечтаніями. Всѣ дѣйствія крестьянъ, вытекавшія изъ описанныхъ ожиданій, по существу носили вполнѣ мирный характеръ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлись неповиновеніемъ Положенію 19 февраля. Желая оставаться на прежнемъ положеніи, крестьяне мирно исполняли барщину, иногда даже настойчиво требуя ея, платили оброкъ и другія повинности, но упорно не желали вступать ни въ какія новыя соглашенія съ помѣщиками. На этомъ основаніи они отказывались отъ принятія уставныхъ грамотъ, отъ ихъ подписи крестьянскими уполномоченными, не желали принимать никакого участія въ ихъ составленіи и утвержденіи, отказывались зачастую отъ исполненія повинностей, согласно съ нею.

Такой отказъ въ большинствѣ случаевъ совершенно не зависѣлъ отъ степени выгодности уставныхъ грамотъ. Грамота могла быть составленной вполнѣ правильно, могла давать крестьянамъ значительныя льготы сравнительно съ крѣпостнымъ временемъ, но тѣмъ не менѣе крестьяне упорно отказывались отъ нея, боясь закрѣпоститься или лишиться правъ на „новую волю“. Извѣстны случаи, когда крестьяне отказывались отъ чрезвычайно выгодныхъ предложеній помѣщиковъ, отъ даровыхъ щедрыхъ надѣловъ и т. под. изъ единственнаго опасенія лишиться своихъ будущихъ правъ; щедрость помѣщика, выгодность предлагаемыхъ условій производила на крестьянъ обратное дѣйствіе, укрѣпляя вѣру въ будущую „полную волю“, которой ихъ хочетъ лишить помѣщикъ, предлагая теперь выгодныя условія. Такъ какъ съ „полной волей“ у нѣкоторой части крестьянъ соединялось представленіе объ отчужденіи всѣхъ господскихъ земель или съ надѣленіемъ ихъ

---

[1]) Демертъ. „Новая воля“, Отеч. Зап. 1869 г., № 9, стр. 49—50.

казенными землями въ большомъ количествѣ, то крестьяне, видимо, въ этомъ расчетѣ отказывались отъ пользованія земельными надѣлами; можетъ быть, здѣсь играла роль и надежда освободиться отъ всякихъ повинностей до „полной воли“, разъ они не пользуются помѣщичьими землями. Какъ видно изъ изложеннаго, въ этихъ дѣйствіяхъ крестьянъ не было „неповиновенія“ помѣщику, ни „неповиновенія“ правительственнымъ властямъ.

Фактически крестьяне во всѣхъ подобныхъ случаяхъ желали лишь исполнять повинности въ прежнемъ видѣ и не желали пользоваться надѣлами. Казалось бы, они не могли возбуждать ни въ комъ никакихъ опасеній; слухи о срочномъ часѣ могли замереть сами собою, разъ крестьяне увидѣли бы, что все остается по старому.

Согласно велѣнію Положенія 19 февраля уставныя грамоты должны были быть составлены въ теченіе 2-хъ лѣтъ, хотя бы и безъ добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами, лишь на точномъ основаніи Положенія; это лежало на обязанности мировыхъ посредниковъ. Обязательное составленіе и проведеніе уставныхъ грамотъ сталкивалось съ указаннымъ упорнымъ нежеланіемъ крестьянъ принимать ихъ. Это столкновеніе разрѣшалось болѣе или менѣе благополучно для крестьянъ въ зависимости отъ отношенія мировыхъ посредниковъ къ этому вопросу.

Нѣкоторые изъ нихъ, какъ было замѣчено выше, относились терпимо къ подобнымъ отказамъ крестьянъ, составляя и вводя уставныя грамоты на точномъ основаніи правилъ Положенія, а иногда съ явнымъ преобладаніемъ помѣщичьихъ интересовъ. Въ такихъ случаяхъ самый фактъ непринятія уставной грамоты проходилъ благополучно для крестьянъ, столкновенія или волненія возникали уже на почвѣ нежеланія крестьянъ исполнять работы или платить оброки согласно уставной грамотѣ, въ силу ли принципіальнаго нежеланія измѣнять свое положеніе, согласно уставной грамотѣ, или въ силу невыгодности условій, включенныхъ въ уставную грамоту. Иные же посредники видѣли „неповиновеніе“ въ самомъ отказѣ крестьянъ принять уставную грамоту и считали долгомъ тѣми или другими мѣрами заставить крестьянъ повиноваться Положенію; иногда причинами такого отношенія посредниковъ являлось желаніе добиться въ возможно большемъ количествѣ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Какъ бы то ни было, но обнаруживаемое въ такихъ случаяхъ упорство крестьянъ, не желающихъ принимать уставную грамоту, вело къ болѣе или менѣе крупнымъ и острымъ столкновеніямъ съ властями, типичнымъ „волненіямъ“, обычнымъ „усмиреніямъ“ и т. д. Не меньшее вмѣшательство властей вызывалъ и отказъ крестьянъ отъ пользованія надѣлами. Если не помогали убѣжденія, то крестьянъ заставляли силою обрабатывать ихъ прежніе крѣпостные надѣлы, достигая это „усмиреніями“ съ обычными при этомъ розгами, постоемъ солдатъ и т. под. репрессивными мѣ-

рами. Мотивами такихъ способовъ заставить крестьянъ пользоваться надѣлами обычно выставлялась необходимость обезпечить существованіе крестьянъ, ибо безъ пользованія надѣлами крестьянамъ грозилъ голодъ. Надо полагать, что здѣсь имѣлась, кромѣ этой, и другая скрытая причина. Оброки, барщина и пр. повинности срочнообязаннаго періода были лишь, согласно Положенію 19 февраля, платою за пользованіе надѣлами. Поэтому пользованіе надѣлами было необходимо, чтобы обезпечить помѣщику право на указанныя повинности, безъ исполненія которыхъ помѣщикамъ могло грозить разореніе.

Отказъ отъ принятія уставныхъ грамотъ въ связи съ ожиданіями случнаго часа былъ настолько повсемѣстенъ и настолько затруднялъ самое введеніе уставныхъ грамотъ, что самъ Александръ II счелъ нужнымъ откликнуться на эти толки крестьянъ. Въ 1861 г. во время путешествія Александра II въ Крымъ, на пути въ Кременчугъ ему представлялись 15 августа старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Александръ II сдѣлалъ имъ такое внушеніе: „Ко мнѣ доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ! Исполняйте, чего требуетъ законъ и Положеніе. Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ“ [1]). По удостовѣренію министра внутр. дѣлъ приблизительно то же говорилъ государь во время путешествія въ Крымъ „неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ“, гдѣ ему представлялись старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ [2]). По тому же поводу говорилъ Александръ II волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ Новгородѣ въ сентябрѣ 1862 г. во время празднованія 1000-лѣтія России. „Государь, сообщаетъ Носовичъ объ этомъ фактѣ, старался внушить крестьянамъ, чтобы они новой воли не ждали, покончали бы уставныя грамоты, исполняли бы Положенія, слушались бы свое начальство и недовѣрялись бы разнымъ ложнымъ слухамъ“ [3]).

Для возможно большей огласки этихъ рѣчей были приняты особыя мѣры. Такъ, министръ внутр. дѣлъ въ особомъ циркулярѣ отъ 2 декабря 1861 г. излагалъ рѣчи, сказанныя Александромъ II во время путешествія въ Крымъ, и предлагалъ губернаторамъ сообщить всѣмъ мировымъ посредникамъ, чтобы они „объявили о таковыхъ высочайшихъ отзывахъ волостнымъ правленіямъ и при всякомъ случаѣ въ своихъ объясненіяхъ съ крестьянами положительно указывали на слова, которыя крестьяне нѣкоторыхъ губерній имѣли счастіе непоредственно слышать отъ государя императора. Кромѣ того, для большей извѣстности, циркуляръ министерства вмѣнено напечатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ [4]).

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г., № 257, за 16 ноября.
[2]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства, стр. 548—549. Циркуляръ отъ 2 дек. 1861 г.
[3]) Носовичъ. „Записки“, стр. 113.
[4]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства, стр. 548—549.

Въ томъ же циркулярѣ министръ внутр. дѣлъ констатировалъ, что „дальнѣйшему успѣшному ходу (крестьянскаго дѣла) и въ особенности составленію уставныхъ грамотъ во многихъ мѣстахъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды“. Они ожидаютъ, говорилось въ циркулярѣ, „такъ наз. ими *новой воли*, съ объявленіемъ которой, по истеченіи 2-хъ лѣтъ, они получаютъ будто бы какія-то новыя льготы, въ Положеніяхъ 19 февраля не указанныя и отъ пользованія коими будто бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе и подписавшіе уставныя грамоты“.

Дѣйствительно, мировымъ учрежденіямъ и другимъ правительственнымъ учрежденіямъ, на обязанности которыхъ лежало проведеніе Положенія 19 февраля, постоянно приходилось считаться съ вліяніемъ этихъ толковъ на составленіе уставныхъ грамотъ. Офиціальный органъ министерства внутр. дѣлъ, „Сѣверная Пчела“, еще въ октябрѣ 1861 г. [1]) долженъ былъ констатировать въ „Извѣстіяхъ по крестьянскому дѣлу“, что „ложно укоренившееся въ крестьянахъ мнѣніе о томъ, что черезъ 2 года они получатъ новыя льготы, не перестаетъ препятствовать“... составленію уставныхъ грамотъ.

На затрудненія при составленіи уставныхъ грамотъ указываетъ постановленіе черниговскаго губернскаго по кр. дѣламъ присутствія (въ засѣданіи 19 іюля 1861 г.) о составленіи „подробнаго указанія для разъясненія крестьянамъ всей важности введенія уставныхъ грамотъ“; это было сдѣлано по предложенію предсѣдателя, указавшаго, что „необходимо прежде всего ясно доказать нелѣпость распространившихся между крестьянами понятій о значеніи уставныхъ грамотъ“ [2]). Кіевское губернское по кр. дѣламъ присутствіе рѣшило даже запросить министра внутр. дѣлъ, какъ поступать въ случаѣ отказа крестьянъ повѣрять уставную грамоту и подписывать ее [3]). Курскій губернаторъ констатировалъ въ мартѣ 1862 г. тотъ фактъ, „что при первомъ приступѣ посредниковъ къ введенію грамотъ крестьяне упорно отказывались принимать ихъ“ [4]). Мировые посредники льговскаго уѣзда той же губерніи подали губернатору коллективное заявленіе, въ которомъ писали, что „среди крестьянъ глубоко вкоренилось мнѣніе, что по истеченіи 2-хлѣтняго срока они получатъ вторую волю, что эта воля будетъ сопровождаться отдачей всей земли безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія въ пользу помѣщика“; единственнымъ средствомъ бороться съ крестьянскими безпорядками на этой почвѣ они считали командированіе въ уѣздъ войскъ [5]).

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г. № 222, за 6-ое октября.

[2]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г., № 226, за 11 октября.

[3]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г., № 262, за 23 ноября.

[4]) Танковъ. „Волненія крестьянъ...“ Историч. Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 346.

[5]) Танковъ. „Волненія крестьянъ...“ Историч. Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 378.

Указанія на затрудненія вводить уставныя грамоты можно встрѣтить въ любыхъ воспоминаніяхъ мировыхъ посредниковъ или дѣятелей по мировымъ учрежденіямъ. Упомянемъ хотя бы воспоминанія Носовича изъ Новгородской губ., Пономарева изъ Харьковской губ., Шомпулева изъ Саратовской, Луцкаго изъ Самарской, нѣкоего Безвѣстнаго изъ приволжской промышленной мѣстности. Пономаревъ разсказываетъ, напримѣръ, что при отказѣ отъ письменныхъ условій съ помѣщиками, иные крестьяне твердили, что „мы ни на що не согласны", другіе „ссылались на слухи о царскомъ указѣ, повелѣвающемъ отрубить правую руку всѣмъ, кто подпишетъ уставную грамоту" [1]). Носовичъ указываетъ, что въ его имѣніи „никто не признаетъ уставныхъ грамотъ, говоря, что это господская выдумка; старосты не берутъ копіи съ нихъ... даже добросовѣстные упорствуютъ давать руки, т. е. расписываться, какъ свидѣтели всего совершившагося въ ихъ глазахъ, и все это вслѣдствіе того, что крестьяне думаютъ, что имъ дадутъ новыя права и льготы и что, обязавшись теперь, они лишаются возможности воспользоваться будущими милостями царя; нѣкоторые крестьяне попросту считаютъ дѣломъ беззаконнымъ всякое съ ихъ стороны согласіе на уставныя грамоты" [2]). Въ одной изъ статей Сѣверной Пчелы то же констатируется относительно Казанской губерніи. „Вообще составленіе уставныхъ грамотъ, говоритъ авторъ статьи, по добровольному соглашенію, особенно сначала, встрѣчало препятствіе со стороны крестьянъ. Причина этого, какъ кажется, заключается въ не совершенно разсѣявшемся сомнѣніи ихъ касательно смысла высочайше утвержденныхъ правилъ о надѣлѣ землею. Случается, что, согласившись на всѣ условія уставной грамоты, крестьяне отказываются потомъ утвердить своимъ подписомъ повѣрочный актъ, не представляя никакихъ возраженій. Они говорятъ только: „какъ будетъ у другихъ, такъ будетъ и у насъ, или какъ укажетъ самъ великій государь". Народъ вообще противъ подписа; у него существуетъ даже выраженіе „закабалить себя подписомъ".

Эта въ своемъ родѣ любопытная характеристическая черта объясняется все еще нѣкоторою боязнью и сомнѣніемъ крестьянъ относительно своего положенія... При такомъ расположеніи умовъ большая часть уставныхъ грамотъ должна по необходимости составляться не по добровольному соглашенію, а по закону. Такъ, въ Казанской губ. по той же статьѣ, приблизительно до половины ноября 1861 г., было заключено лишь 4 уставныхъ грамоты по добровольному соглашенію [3]). Наилучшей иллюстраціей, насколько затруднялось введеніе уставныхъ грамотъ, показываютъ офиціальныя свѣдѣнія о числѣ заключенныхъ уставныхъ грамотъ. Сѣверная Пчела въ статьѣ за 6 окт. 1861 г. (№ 222) сообщала,

---

[1]) Пономаревъ. „Русск. Старина" 1891 г., № 2, стр. 307.
[2]) Носовичъ, „Записки", стр. 88.
[3]) „Сѣв. Пчела", 1861 г., № 263 отъ 24 ноября.

что по разнымъ губерніямъ къ тому времени было совершено только „болѣе 300 грамотъ". Въ заграничномъ журналѣ „Общее Вѣче" приведены такія цифры, взятыя изъ правительственныхъ отчетовъ: „къ 1-ому ноября 1862 г. было введено уставныхъ грамотъ 53.969, изъ которыхъ подписано крестьянами 27.327, а число душъ въ селеніяхъ, подписавшихъ—2.192.336; не подписано крестьянами, т. е. введено насильственно—26.642 грамоты, а число душъ, не подписавшихъ—2.880.842. Вопросъ, прибавляетъ корреспондентъ, сколько изъ такъ называемыхъ подписанныхъ грамотъ подписано добровольно, все же остается вопросомъ, потому что нужно знать, сколько подписано по принужденію" [1]). Что эти принужденія бывали, показываетъ рядъ волненій, разыгравшихся именно на этой почвѣ. Но раньше, чѣмъ перейти къ описанію хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣсно связанномъ съ отказомъ отъ уставныхъ грамотъ желаніемъ крестьянъ оставаться на прежнемъ крѣпостномъ положеніи. Эти два явленія почти всегда сопутствовали одно другому. Распространенность этого стремленія крестьянъ констатируется современниками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., Льговскій исправникъ въ донесеніи Курскому губернатору. „Почти во всѣхъ имѣніяхъ (писалъ онъ), гдѣ вводятся уставныя грамоты, крестьяне отказываются отъ исполненія по онымъ повинностей, а желаютъ продолжать работы попрежнему до 2-хъ лѣтъ. Это настойчивое желаніе основывается на ложномъ понятіи, которое составили себѣ крестьяне, что по истеченіи 2-хъ лѣтъ земля имъ будетъ дана даромъ, а если кто изъ нихъ подпишетъ грамоту или согласится работать по ней, тотъ лишится ожидаемаго [2]). Якушкинъ, наблюденія котораго, повидимому, относятся къ Малоархангельскому уѣзду, Орловской губ., также отмѣчаетъ теченіе среди крестьянъ „справить царскую волю", т. е. отбывать непремѣнно барщину. Онъ указываетъ, что на этой почвѣ возникали даже недоразумѣнія, объявлявшіяся по тому времени „волненіями". Крестьяне мѣстами настойчиво требовали аккуратнаго отбыванія трехдневной барщины и обнаруживали недовольство, если имъ отказывали въ работѣ. Демертъ также указываетъ, что крестьяне отказывались принимать уставныя грамоты и, „судя по слухамъ, доходившимъ со всѣхъ сторонъ, вели себя такъ скромно и послушно, что, пожалуй, нѣкоторымъ изъ равноправныхъ или гражданъ даже въ душѣ хотѣлось, чтобы они были хоть немного построптивѣе: придраться уже совсѣмъ не къ чему. На работу пошлютъ—идутъ безропотно, даже упираются, что и впередъ хотятъ работать по старому на барщинѣ". Иной помѣщикъ часами бьется съ крестьянами, выясняя имъ выгодность добровольнаго соглашенія. Крестьяне стоятъ смирно, почтительно, но упорно твердятъ: „нѣтъ, несогласны, ни на что несогласны, остаемся по старому [3]).

[1]) «Общее Вѣче» 1862 г., № 7, стр. 44.
[2]) Танковъ. «Волненія...» Историч. Вѣстн. 1890 г., № 8, стр. 359.
[3]) Демертъ. „Новая воля", Отеч. Зап. 1869 г., № 9, стр. 50.

X.

Среди волненій, происходившихъ на почвѣ желанія исполнять прежнія повинности и отказа на этомъ основаніи отъ уставныхъ грамотъ, неизвѣстно ни одного, которое походило бы на Бездинское или Кандеевское движеніе по громадности района и широтѣ размаха. Это были большею частью волненія въ отдѣльныхъ селеніяхъ, хотя количество такихъ селеній было, видимо, такъ велико и встрѣчалось въ стольких губерніяхъ, что это противо уставное теченіе, это ожиданіе новой воли, казалось, охватило все крестьянство. Кромѣ того, это движеніе носило характеръ мирнаго сопротивленія и принимало формы „волненій" съ ихъ обычнымъ концомъ въ видѣ экзекуцій подъ вліяніемъ самаго не въ мѣру усерднаго начальства.

Опишемъ для иллюстраціи нѣкоторыя изъ нихъ [1]). Въ слободѣ Косьмодемьяновской (баронессы Сердобиной), Корочанскаго уѣзда, Курской губ. въ апрѣлѣ 1862 г. крестьяне сами отказались отъ уставной грамоты, ссылаясь на то, что она совершенно не нужна, ибо черезъ два года работы въ крѣпостномъ состояніи они совершенно перемѣнятъ свое положеніе. „Два года мы будемъ работать такъ, какъ прежде работали, говорили крестьяне миро вому посреднику—ну, а тамъ, какъ Богъ дастъ. „Они не только сами не взяли копію уставной грамоты, но даже запретили и сельскому старостѣ брать ее. Но уже въ присутствіи прибывшихъ властей и эскадрона гусаръ крестьяне ничего не говорили о 2-хъ годичномъ срокѣ работъ на прежнемъ основаніи, а мотивировали свой отказъ отъ уставной грамоты тяжестью урочнаго положенія.

На другой день собравшіеся крестьяне были окружены гусарами. Крестьяне, видимо, попытались воздѣйствовать на нихъ, ибо по письму самого барона Сердобина толпа крестьянъ „двинулась сама на солдатъ; одинъ изъ нихъ... несъ икону, другой хлѣбъ соль, третій красныя яйца. Они пали на колѣни передъ солдатами и говорили имъ „не забывайте, вы намъ братья [2])". Эти обращенія оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. При арестѣ зачинщиковъ крестьяне сдѣлали попытку отбить одного изъ нихъ, нѣкоего Гузіева. Въ чемъ состояли ихъ дѣйствія—неизвѣстно, но сосѣдніе государственные крестьяне помогали имъ, бросая въ гусаръ каменья изъ-за ограды церкви; впрочемъ, солдаты мало пострадали: у 3-хъ изъ нихъ оказалось по царапинѣ, а у 4-го кровоподтеки. Зачинщики были наказаны розгами, а

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что при ничтожности матеріаловъ по исторіи крестьянскихъ волненій этой эпохи приходилось пользоваться въ этомъ отдѣлѣ, главнымъ образомъ, описаніемъ волненій этого типа въ Курской губ.; имъ посвящена обстоятельная статья Танкова, составленная на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

[2]) Танковъ. „Крестьянскія волненія". Историч. Вѣстникъ 1890 г., № 8, стр. 354.

Гузіевъ преданъ военному суду. Крестьяне послѣ совѣщанія съ арестованными дали подписку исполнять урочное положеніе. Впрочемъ, и послѣ усмиренія крестьяне сохранили враждебныя отношенія къ владѣльцу. Въ сентябрѣ 1862 г. подожжено было помѣщичье гумно и крестьяне отказались выдать поджигателей. Только мѣсячный постой цѣлаго эскадрона гусаръ заставилъ ихъ выдать винозныхъ въ поджогѣ. Насколько былъ обременителенъ постой, показываютъ жалобы крестьянъ въ ихъ просьбѣ объ удаленіи гусаръ: „если, писали они, эскадронъ простоитъ въ нашей слободѣ долгое время, то общество наше лишится всего своего достоянія“ [1]). Подобное же волненіе происходило въ Кіевской губ., Каневскаго уѣзда, въ селѣ Медвѣдовкѣ. Здѣсь крестьне категорически отказались входить въ какія-то ни было условія съ помѣщикомъ, а потому не желали подписывать ни уставной грамоты, ни актовъ, касающихся этой грамоты. Никакія убѣжденія мирового посредника не помогли, ибо крестьяне боялись потерять право на льготы въ будущемъ, вступивъ въ соглашеніе съ помѣщикомъ въ данное время. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе командировало для убѣжденія крестьянъ члена отъ правительства на мировомъ съѣздѣ каневскаго уѣзда и начальника уѣздной полиціи. Чѣмъ кончилось это броженіе среди крестьянъ—неизвѣстно [2]). Изъ волненій, гдѣ крестьяне наряду съ отказомъ отъ уставныхъ грамотъ, желали во что бы то ни стало оставаться при прежнихъ повинностяхъ и отказывались отъ работъ по уставнымъ грамотамъ, отмѣтимъ нѣсколько. Такъ, Якушкинъ упоминаетъ о волненіи въ Орловской губ. въ имѣніи помѣщика. Крестьяне не желали перейти на урочное годовое положеніе по уставной грамотѣ и желали исполнять царскую волю, т. е. отбывать 3-хъ дневную барщину. Волненіе закончилось усмиреніемъ, но въ чемъ оно заключалось—неизвѣстно [3]). Мировой посредникъ Луцкій разсказываетъ о замѣшательствѣ на той же почвѣ въ им. Аверкіева Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ. Крестьяне отказались подписать уставную грамоту, запретили взять старостѣ копію съ нея и намѣривались не исполнять никакихъ повинностей по уставной грамотѣ. Луцкій мирно разрѣшилъ столкновеніе. Онъ заявилъ, что подастъ уставную грамоту помимо крестьянъ и будетъ требовать ея исполненія подъ угрозою строгаго взысканія штрафовъ за неаккуратное исполненіе повинностей по уставной грамотѣ. Не зная содержанія уставной грамоты и желая избѣжать штрафовъ, староста самъ сталъ гонять на барщину поголовно всѣхъ. Это оказалось столь тяжелымъ, что крестьяне черезъ нѣсколько дней смирились и всѣмъ міромъ явились къ Луцкому съ просьбою выдать имъ грамоту [4]).

---

[1]) Танковъ. „Волненія“... Ист. В. 1890 г., № 8, стр. 356.
[2]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г., № 262, отъ 23 ноября.
[3]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“.
[4]) Изъ записокъ Луцкаго. „Русск. Старина“, 1904 г., № 2.

Въ Волынской губ. Кременецкаго уѣзда при волненіи въ селѣ Олексинцѣ (въ 1862—63 г.) крестьяне заявляли, что они не примутъ грамоты, а будутъ работать по старому до 19-го февраля 1863 г., когда царь пришлетъ имъ грамоту [1]). При волненіи крестьянъ въ слободѣ Собыниной, Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ., лѣтомъ 1862 г. крестьяне потребовали обратно уже подписанную уполномоченными уставную грамоту. Среди нихъ распространились слухи о срочномъ часѣ и о томъ, что тѣ изъ крестьянъ, которые не изъявятъ добровольныхъ соглашеній, получатъ право на раздѣлъ всей помѣщичьей земли и послѣ срочнаго часа имъ будетъ отведено, кромѣ той земли, которую пахали, еще по $2^3/_4$ дес. царскаго надѣла; тѣ же, которые изъявятъ полное согласіе, лишены будутъ этихъ правъ, останутся только на той землѣ, которою они владѣли, и будутъ исполнять издѣльную или денежную повинность. Когда молва объ этомъ распространилась среди собынинцевъ, то они объявили помѣщику, что урочное положеніе исполнять не будутъ, а послѣ срочнаго часа вся земля ихъ. Собынницы были такъ твердо увѣрены, что вся земля должна отойти послѣ срочнаго часа къ нимъ, что весною 1862 г. отправились въ поле и начали дѣлить между собою господскую землю. Дѣло окончилось благополучно для крестьянъ. Мировой посредникъ лишь оштрафовалъ 1 крестьянина и сельскаго старосту, а крестьяне отказались отъ своихъ требованій и намѣреній подъ вліяніемъ однихъ убѣжденій со стороны посредника. Но, очевидно, крестьяне все же не вполнѣ повѣрили объясненіямъ посредника и продолжали смотрѣть на помѣщичье имущество, какъ на свое будущее достояніе. Такъ, когда помѣщикъ вбилъ колья по берегу ручья и около водяной мельницы (которая всегда была во владѣніи одного только помѣщика), то крестьяне послали къ мировому посреднику спросить, законно ли поступаетъ помѣщикъ [2]). Мировой посредникъ долженъ былъ настоятельно воспретить крестьянамъ вмѣшиваться въ распоряженія помѣщика.

Отказомъ исполнять работы, согласно уже введенной уставной грамотѣ, сопровождалось волненіе въ слободкѣ Благовѣщенской, Льговскаго уѣзда, той же Курской губ. (лѣтомъ 1862 г.). Крестьяне заявили желаніе взамѣнъ того отбывать прежнія крѣпостныя повинности („трехдневку“) до срочнаго часа. Когда становой приставъ попытался описать ихъ скотъ для уплаты насчитанной мировымъ посредникомъ недоимки за уклоненія отъ урочнаго положенія, то благовѣщенцы не допустили его до описи скота. Недоимку взыскалъ уже исправникъ. Но черезъ короткое время крестьяне вновь отказались отъ урочнаго положенія. На нихъ былъ наложенъ штрафъ (110 руб. за 2 прогульныхъ дня) и высѣчено розгами 14 человѣкъ. Но и послѣ розогъ высѣченные го-

---

[1]) Моголъ. „Крестьянскій бунтъ въ кременецкомъ уѣздѣ. „Русск. Вѣстникъ“, 1868 г., № 2, стр. 674.

[2]) Танковъ. „Волненія...“, стр. 356.

ворили: „хоть засѣките или въ тюрьму посадите, или въ Сибирь сошлите, а по наряду работать не будемъ, а будемъ попрежнему работать трехдневку до 2-хъ лѣтъ". Не легокъ былъ и наложенный штрафъ. Самъ исправникъ доносилъ губернатору, что подобные штрафы могутъ разорить крестьянъ. Губернаторъ также согласился съ непомѣрностью его. Тѣмъ не менѣе только введеніе эскадрона драгунъ заставило крестьянъ смириться и исполнять урочное положеніе [1]). Въ другомъ подобномъ же волненіи въ томъ же уѣздѣ въ с. Фитижѣ дѣло дошло до столкновенія съ войскомъ. Крестьяне также отказались отъ урочнаго положенія и желали до „срочнаго часа" работать „трехдневку". Въ село былъ введенъ эскадронъ драгунъ. Видъ его не устрашилъ крестьянъ. Среди нихъ циркулировалъ слухъ, что ихъ только пугаютъ эскадрономъ, что онъ пришелъ безъ царскаго указа, а поэтому не можетъ оставаться у нихъ. „Стой плотнѣй, кричали крестьяне при появленіи солдатъ въ селѣ, всѣмъ головы не срубятъ". Когда солдаты уже оцѣпили толпу, крестьяне продолжали кричать: „стой плотнѣе, видѣли конныхъ, повидимъ и пѣшихъ". Исправникъ потребовалъ уплаты штрафа, наложеннаго мировымъ посредникомъ за прогульные дни и отдалъ приказаніе наказать розгами 5 чел., согласно приговору того же мирового посредника. Но крестьяне упорно кричали, что денегъ они не отдадутъ, а своихъ не выдадутъ. Они попытались скрыть приговоренныхъ въ серединѣ толпы и прорвать цѣпь драгунъ; это не удалось; тогда крестьяне навалились другъ на друга, но драгуны быстро растащили груду тѣлъ, арестовали приговоренныхъ и дали имъ положенное число розогъ. Въ происшедшей при сопротивленіи крестьянъ свалкѣ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были слегка контужены. Крестьяне смирились [2]). На той же почвѣ было волненіе крестьянъ въ Рыльскомъ уѣздѣ Курской губ., въ с. Михайловкѣ, гдѣ крестьяне отказались исполнять работы по уставной грамотѣ. Въ с. Бѣгошахъ—той же Курской губ.—волненіе на той же почвѣ осложнилось отказомъ отъ надѣльной земли. Въ этомъ волненіи крестьяне сильно поплатились за свое сопротивленіе Положенію и властямъ. „Неповиновеніе" ихъ выразилось прежде всего въ отказѣ отъ уставной грамоты; при повѣркѣ ея крестьяне кричали: „не хотимъ ничего исполнять, будемъ ждать случнаго часа". Мало этого, они запретили являться на мировой съѣздъ 11-ти крестьянамъ, вызваннымъ туда для выслушанія толкованій Положенія и вообще не желали вступать ни въ какіе переговоры съ начальствомъ до возвращенія депутатовъ, посланныхъ въ Петербургъ съ прошеніемъ государю. Когда отъ нихъ потребовали дать рабочихъ въ помощь землемѣру для отрѣзки части надѣловъ, то они рѣшительно отказали въ этомъ, крича: „не дадимъ рабочихъ. Кто изъ общества пойдетъ въ поле, какъ

---

[1]) Танковъ. „Волненія..." стр. 359—360.
[2]) Танковъ. „Волненія..." стр. 360—361.

собаку изобьемъ, лошадей убьемъ и сохи поломаемъ". Въ виду такого рѣшительнаго отказа пришлось нанимать постороннихъ рабочихъ. Расправа за этотъ рядъ „неповиновеній" была довольна сурова. Мировой съѣздъ вытребовалъ въ село эскадронъ гусаръ для расквартированія его здѣсь на иждивеніи бѣгошинскаго общества. Неявившіеся въ мировой съѣздъ получили по 30 розогъ. За отказъ дать рабочихъ въ помощь землемѣру было наказано 6 чел., 84 приговорено къ штрафу по 1 руб. съ каждаго. Кромѣ того исправникомъ были подвергнуты поркѣ наиболѣе упорные изъ крестьянъ. Сѣченіе было, очевидно, жестоко, ибо послѣ порки нѣкоторые изъ наказанныхъ отправились къ бѣгошинскому священнику съ просьбою исповѣдать и причастить, жалуясь при этомъ, что они такъ избиты, что могутъ умереть. Впрочемъ, и эти репрессіи не привели, видимо, бѣгошинцевъ къ полной покорности. Крестьяне не уплатили штрафовъ, такъ что деньги взыскали, распродавъ часть движимаго имущества оштрафованныхъ.

Поголовной экзекуціей окончилось волненіе крестьянъ Курской губ. въ дер. Верхней Сахаревкѣ, Путивльскаго уѣзда. Крестьяне рѣшительно отказались отъ всякихъ соглашеній съ помѣщикомъ. По уставной грамотѣ уменьшалось количество рабочихъ дней сравнительно съ крѣпостнымъ временемъ, но это не прельщало крестьянъ. „По уставной грамотѣ работать не намѣрены", упорно твердили они.—„Мы милости не просимъ, возражали они на указаніе, что число рабочихъ дней уменьшается; „намъ не нужно уменьшеніе рабочихъ дней, хоть голову снимутъ, а уставной грамоты не примемъ".

Крестьяне отказались даже отъ земли (собственно отъ части надѣла какого-то болотистаго сѣнокоса). „Того сѣнокоса не хотимъ ни принимать къ себѣ въ надѣлъ, ни отдавать помѣщику. Ни на какія соглашенія съ помѣщиками мы не согласны и будемъ ждать случнаго часа". Эти разговоры происходили въ присутствіи введеннаго въ деревню эскадрона гусаръ, видъ котораго не смутилъ крестьянъ. Мало того, когда исправникъ приказалъ арестовать зачинщиковъ, то крестьяне въ сильномъ возбужденіи кричали: „не выдавать ихъ, не выдавать!" Была ли въ дѣйствительности попытка отбить зачинщиковъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, крестьяне были арестованы гусарами и высѣчены розгами. Той же экзекуціи были подвергнуты, по просьбѣ мирового посредника, всѣ крестьяне по очереди, при чемъ двое изъ крестьянъ и подъ розгами кричали: „хоть изрѣжьте на куски, а по грамотѣ работать не будемъ". Въ наказаніе за это 2-хъ смѣльчаковъ отправили въ путивльскую тюрьму для преданія суду въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Для окончательнаго же „успокоенія" остальныхъ крестьянъ въ Саларевкѣ былъ оставленъ на постой эскадронъ гусаръ [1]).

При описаніи послѣднихъ волненій упоминалось объ отказѣ

---

[1]) Танковъ. „Волненія..." Ст.. 373—374.

крестьянъ отъ земли. Это явленіе не было исключительнымъ явленіемъ, какъ было замѣчено уже раньше. Такъ, Танковъ говоритъ относительно Курской губ., что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди временно-обязанныхъ крестьянъ было замѣчено упорное нежеланіе принять отводимые имъ участки земли по уставной грамотѣ. Отказъ этотъ вызвалъ характерное явленіе—отказъ во что бы то ни стало пахать землю подъ озимые посѣвы для будущаго (1863) года [1]). Причина такого отказа—все то же ожиданіе случнаго часа, когда наряду съ другими льготами крестьянамъ будетъ дана земля. То же указываетъ В. А. Шомпулевъ относительно Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ. Въ виду довольно крупныхъ волненій въ этомъ уѣздѣ, въ 1862 г. Шомпулевъ, исполнявшій въ то время обязанность уѣзднаго предводителя дворянства, въ сопровожденіи мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ и становыхъ приставовъ объѣхалъ уѣздъ для изслѣдованія причинъ волненій. Онъ „дозналъ, что крестьяне отказываются приступить къ засѣву своихъ надѣловъ, ожидая правительственнаго распоряженія о предоставленіи имъ всей земли, принадлежащей помѣщикамъ" [2]). Онъ указываетъ, что и въ другихъ уѣздахъ той же губерніи замѣчалось нежеланіе крестьянъ довольствоваться надѣлами и предъявленіе своихъ правъ на всю землю помѣщиковъ.

Можетъ быть, въ связи съ подобными ожиданіями крестьянъ будущихъ земельныхъ льготъ находится и отмѣченное торопецкимъ мировымъ съѣздомъ стремленіе крестьянъ торопецкаго уѣзда „при составленіи уставныхъ грамотъ не принимать полнаго надѣла земли" [3]). Изъ волненій на этой почвѣ любопытно волненіе въ с. Анновкѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской губ. лѣтомъ 1862 г. Анновцы отказались принять уставную грамоту, несмотря на ея правильность и даже выгодность и желали отбывать прежнія повинности два года до случнаго часа. Въ то же время они отказывались пользоваться надѣлами, несмотря на то, что это грозило имъ голодомъ. Они мотивировали свой отказъ тѣмъ, что ожидаютъ какую-то землю отъ царя. Это земля помѣщичья, говорили они о надѣльной землѣ, „пускай она за помѣщиками и останется, а мы брать ее не желаемъ". „Покажите намъ нашу (землю), „что царь намъ пожаловалъ". „Крестьяне думаютъ, говорилъ Изъѣдиновъ, что черезъ два года имъ будетъ пожалована земля". Анновцы, очевидно, не только не желали пользоваться своими надѣлами, но воздерживались вообще отъ всякихъ земельныхъ сдѣлокъ съ помѣщиками. Когда двое анновскихъ зажиточныхъ крестьянъ взяли въ аренду 180 дес. помѣщичьей земли съ цѣлью раздать эту землю въ наймы неболь-

---

[1]) Ibid., стр. 368.

[2]) Шомпулевъ. „Во время реформъ имп. Александра II". Р. Стар., 1898 г., № 10. Стр. 75.

[3]) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 266, отъ 25 ноября.

шими участками, то анновское общество не только не допустило никого изъ своихъ до найма, но даже успѣло запугать постороннихъ сосѣднихъ нанимателей: эти два крестьянина принуждены были отдать взятую землю въ аренду какому-то купцу. Примѣру анновцевъ въ отказѣ отъ надѣловъ послѣдовали, по заявленію мирового посредника, окрестные хутора. Анновцы держались стойко и дружно и убѣжденія мирового посредника и исправника не подѣйствовали на нихъ. Для усмиренія былъ командированъ старооскольскій исправникъ Ивановъ, извѣстный удачными усмиреніями крестьянъ, и посланъ эскадронъ гусаръ, расквартированный въ с. Анновкѣ. Какія мѣры усмиренія кромѣ этого были примѣнены—неизвѣстно, но въ концѣ концовъ уставная грамота была введена. Тѣмъ не менѣе, броженіе среди крестьянъ, видимо, не улеглось. На это указываетъ то, что въ іюлѣ анновцы на сходѣ бранили исправляющаго должность волостного старшины за то, что онъ хранитъ въ волости 2 уставныя грамоты; затѣмъ они не давали арестовать 3-хъ крестьянъ, присужденныхъ мировымъ посредникомъ къ розгамъ. Становой приставъ не могъ привести приговоръ въ исполненіе отъ 18 іюля до 3 августа; тогда это было поручено сдѣлать уѣздному исправнику. Но и послѣ этого времени обязанный „порядокъ“ съ трудомъ поддерживался штрафами и розгами, на которые не скупился мировой посредникъ. По собственному заявленію послѣдняго, крестьяне исполняли всѣ работы крайне небрежно. Земля пахалась плохо, сѣно иногда гнило на поляхъ изъ-за небрежности крестьянъ, была масса прогульныхъ дней. Мировому посреднику приходилось самому ѣздить по полямъ, держать на поляхъ волостныхъ старшинъ, чтобы принуждать крестьянъ къ работѣ, но и это плохо помогало дѣлу“.

Большое упорство выказали также крестьяне въ им. Изъѣдинова, Новооскольскаго уѣзда, Курской губ. Крестьяне наотрѣзъ отказались брать надѣлы и вообще пользоваться отведенною помѣщичьею землею. Причиною было все то же ожиданіе срочнаго часа, и боязнь, что, воспользовавшись помѣщичьею землею, они потеряютъ право на льготы и милости срочнаго часа. Боязнь же была такъ велика, что зажиточные крестьяне нанимали землю на сторонѣ, но своей земли не желали пахать. Понимая, что не засѣвая озимаго, они подвергаются риску голода, крестьяне соглашались обойти свои страхи. „Мы вспашемъ нашъ надѣлъ, говорили они мировому посреднику, только составьте бумагу, что мы наняли его у помѣщика за деньги, а не получили по положенію“. Такимъ образомъ, крестьяне хотѣли и невинность соблюсти къ срочному часу и отъ голода застраховаться. Они не желали брать даже травы съ куска степи, прирѣзаннаго къ надѣлу. На всѣ убѣжденія крестьяне, писалъ мировой посредникъ, отвѣчали одно: „парины пахать не будемъ, а также не станемъ

[1]) Танковъ. „Волненія“... стр. 363—365.

исполнять повинностей на помѣщика, такъ какъ надѣла получить они желаютъ". Упорство крестьянъ Изъѣдинова было такъ велико, что ни полицейскія мѣры, ни тѣлесныя наказанія не сломили его. „Пришлось, говоритъ Танковъ, крестьянъ им. Изъѣдинова заставлять пахать землю и готовить себѣ на будущій годъ продовольствіе при помощи войскъ, которыя и успѣли сломить упорное сопротивленіе крестьянскаго общества [1]). Къ числу упорныхъ волненій относится и волненіе въ с. Ольшанкѣ въ іюлѣ 1862 года той же Курской губ., въ Новооскольскомъ уѣздѣ. Здѣсь крестьяне также отказывались принять надѣлъ, засѣвать паръ, въ ожиданіи срочнаго часа. Они „увѣряли, что, если ктонибудь изъ крестьянъ будетъ обрабатывать землю, отведенную въ надѣлъ до истеченія 2-хъ-лѣтняго срока со дня высочайшаго манифеста, тотъ останется попрежнему вѣчно крѣпостнымъ, а не принявшіе въ надѣлъ земли будутъ свободными". Вызванный для усмиренія эскадронъ гусаръ не испугалъ крестьянъ. Въ присутствіи его они повторили свой отказъ отъ надѣла, а одинъ изъ толпы подалъ заявленіе объ отказѣ вообще отъ всякихъ повинностей помѣщику; кромѣ того, крестьяне отказались составить именной списокъ участниковъ схода. „Переписывать себя мы никому не позволимъ, кричали крестьяне исправнику, и надѣлъ принимать не будемъ. Намъ дана будетъ земля царская". Когда исправникъ приказалъ гусарамъ арестовать крестьянъ, то послѣдніе оказали энергичный отпоръ. Они схватывали лошадей за мундштуки, хватали за пики, сабли. Когда часть толпы была все же плотно окружена гусарами, а спѣшившіеся солдаты начали экзекуцію розгами, задніе съ тыла напали на гусаръ съ кирпичами и кольями". Солдаты разогнали толпу холоднымъ оружіемъ, послѣ чего крестьяне скрылись въ лѣсъ. Впрочемъ, на другой же день часть крестьянъ принесла повинную, а затѣмъ послѣ обѣщанія исправника простить всѣхъ вернулись и остальные крестьяне, взяли землю въ надѣлъ и согласились отбывать повинности помѣщику. По указанію исправника, столкновеніе ольшанцевъ съ гусарами произвело устрашающее дѣйствіе на окрестныя селенія: такъ „временно-обяз. крестьяне этихъ селеній, прежде не хотѣвшіе принимать уставныхъ грамотъ, теперь сами поспѣшили просить мирового посредника ввести эти грамоты въ дѣйствіе и взялись за обсѣмененіе полей, отъ которыхъ прежде отказывазывались [2]). Выше было замѣчено, что въ ожиданіи новыхъ льготъ крестьяне отказывались даже отъ выгодныхъ сдѣлокъ съ помѣщиками. Это уже замѣтно и на тѣхъ примѣрахъ волненій, которые приведены. Крестьяне отказывались отъ выгодной и правильной уставной грамоты, отказывались отъ надѣловъ подъ рискомъ голода во имя надежды на случный часъ. Приведемъ изъ этой области еще 2—3 факта. На это явленіе указываетъ

[1]) Танковъ. „Волненія"... стр. 368—369.
[2]) Танковъ. „Волненія"... стр. 370—371.

Носовичъ относительно Новгородской губ. Вѣра въ „царскую милость черезъ 2 года со дня объявленія манифеста, пишетъ онъ, до того сильна въ нашихъ краяхъ, что они, увидавши, напр., что новыя ихъ повинности легче старыхъ, тѣмъ не менѣе, претендуютъ, упорствуютъ быть на старомъ положеніи, говоря, что, вѣроятно, тутъ есть какой-нибудь обманъ со стороны помѣщика, иначе онъ не принялъ бы на себя подобнаго убытка, вѣроятно, онъ дѣлаетъ это для того, чтобы *обязать* насъ на вѣчно", поэтому-то они и требуютъ быть по старому, полагая, что новое настанетъ такое, которое отъ нихъ скрываютъ, и о которомъ имъ не говорятъ [1]). „Нѣкоторыя деревни, говоритъ Носовичъ, отказывались отъ части своей земли съ видимымъ ущербомъ для своихъ интересовъ, чего они никакъ не хотѣли понять, вслѣдствіе того, что между ними твердо укрѣпилось убѣжденіе, что помѣщикъ долженъ будетъ, вмѣсто этой земли, прирѣзать имъ другую отъ себя; ничто не могло поколебать эту вѣру крестьянъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, с. Кадниково (принадлежавшее Носовичу) отказывалось отъ пустоши Запрудье, на которую падаетъ оброка какихъ-нибудь 40 руб., тогда какъ одинъ сѣнокосъ можетъ дать имъ столько же; это дѣлалось въ томъ сознаніи, что къ нимъ непремѣнно прирѣжется часть нашего поля, съ ними смежнаго, въ то время, когда пойдетъ царская цѣпь, т. е. когда будетъ царскій нарѣзъ земли, котораго они ждутъ какъ Мессіи, говоря, что теперешнее указаніе земель есть обманъ со стороны помѣщиковъ, въ чемъ ихъ не проведешь" [2]). Въ „Сѣв. Пчелѣ" сообщалось, что крестьяне уклоняются отъ подписки уставныхъ грамотъ, составленныхъ даже на тѣхъ условіяхъ, съ которыми они согласны и которыми они вполнѣ довольны [3]). Шомпулевъ разсказываетъ, что мировой посредникъ кн. Васильчиковъ желалъ подарить усадьбы своимъ бывшимъ крѣпостнымъ въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., и дать двойной надѣлъ: одинъ даромъ, другой на выкупъ отъ правительства. Переговоры, видимо, велись удачно, уже долженъ быть совершенъ по этому поводу торжественный молебенъ, какъ крестьяне остановили священника словами: „погоди, батька, мы еще подумаемъ, брать ли намъ эту землю; землемѣръ сказалъ, что земля отъ князя отпадетъ намъ вся". Въ виду отказа самихъ крестьянъ, имъ былъ данъ надѣлъ на общихъ основаніяхъ [4]). Только въ одномъ небольшомъ обществѣ крестьяне согласились воспользоваться щедростью князя. Въ такомъ же родѣ былъ случай въ Воронежской губ. Одинъ помѣщикъ К. Д. Хрущевъ предложилъ своимъ бывшимъ крестьянамъ (села Рязанова, дер. Закобылья и Александровки, съ хуторами Сагайдачнымъ, Смородинымъ и Зеньковымъ) даровой надѣлъ (по

---

1) Носовичъ. „Записки", стр. 90.
2) Ibid., стр. 88.
3) „Сѣв. Пчела", 1861 г., № 222, отъ 6 октября.
4) Шомпулевъ. „Во время реформъ имп. А. II.". Р. Стар., 1898 г., № 10, стр. 80.

4$^{1}/_{2}$ дес. съ лѣсомъ на душу) [1]) со всѣми строеніями, угодьями, заведеніями и разнаго рода имуществомъ, подъ условіемъ, чтобы остальную часть земли (6,141$^{1}/_{2}$ дес.) этого имѣнія крестьяне сдавали въ наемъ и вырученныя деньги обращали на монастыри и богоугодныя заведенія, что должно было быть обозначено въ договорѣ. Это предложеніе было объявлено крестьянамъ въ іюлѣ 1861 года, а 16 сентября 1861 г., слѣдовательно, послѣ долгаго обсужденія, крестьяне единогласно отказались отъ предложенія. Старанія убѣдить крестьянъ принять выгодный договоръ съ помѣщикомъ—не помогли. Мотивами такого отказа крестьяне выставляли боязнь снова закрѣпостить себя подобными договорами и опасенія, что наслѣдники Хрущева могутъ уничтожить договоръ, въ каковомъ случаѣ крестьяне останутся ни при чемъ. Впослѣдствіи же крестьяне сознавались, что противники договора „утверждали съ настойчивостью, будто это обманъ и ловушка и будто, если помѣщикъ предлагаетъ даромъ столько земли и лѣса, то, несомнѣнно, что царь отдастъ крестьянамъ все“ [2]). Насколько было выгодно для крестьянъ предложеніе Хрущева, показываетъ хотя бы то, что когда крестьяне перешли на оброкъ по уставной грамотѣ, а затѣмъ на выкупъ, то они получили вмѣсто 4,023 дес. только 2,370 дес. 1,200 кв. саж., вмѣсто дарового надѣла должны были заплатить 123,143 руб. 84 коп. (кромѣ %% на капиталъ) въ теченіе 49 лѣтъ. Въ такомъ же родѣ описываетъ случай мировой посредникъ Луцкій въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Самарской губ. Здѣсь нѣкій помѣщикъ Бабкинъ пожелалъ дать крестьянамъ даромъ 500 дес. земли, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Несмотря на выгодность сдѣлки, крестьяне отказались отъ подписи уставной грамоты и упорствовали въ этомъ цѣлыхъ 1$^{1}/_{2}$ года. Мотивами такого отказа была, видимо, между прочимъ, и боязнь нарушить волю царя принятіемъ хотя бы и выгодной уставной грамоты. По крайней мѣрѣ, среди сбивчивыхъ объясненій, даваемыхъ крестьянами Луцкому, фигурировало и такое: „какъ-то боязно намъ-то подписывать, чтобы чего за это не вышло отъ царя“. Лишь угроза ввести уставную грамоту помимо крестьянъ на точномъ основаніи положенія, по которому крестьяне вмѣсто 500 дес. должны были получить только 400,—заставило крестьянъ согласиться на выгодную уставную грамоту. (Луцкій, впрочемъ, въ наказаніе поставилъ въ уставную грамоту обязательство крестьянъ уплачивать за помѣщика банковый долгъ въ теченіе 14 лѣтъ по 208 руб., т. е. по 2 р. 4 к. съ души [3]).

Мировой посредникъ Безвѣстный также приводитъ случай изъ своей практики, когда крестьяне отказались отъ выкупа, несмотря на всѣ его доводы; причиной такого отказа были, между про-

---

[1]) Всего 4.023 десят.

[2]) Д. К. Хрущевъ и бывшіе его крестьяне въ 1861—1874 гг. Р. Стар., 1888 г., № 3.

[3]) „Изъ записокъ Луцкаго“. Р. Стар. 1904 г. № 3, стр. 557—560.

чимъ, и надежды на новую волю [1]). Такими и имъ подобными волненіями было заполнено переходное время отъ 1861 по 1863 г. При помощи убѣжденій, розогъ, постоевъ солдатъ, штрафовъ, описи имущества и другихъ репрессивныхъ мѣръ, на основаніи добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами и помимо нихъ, вводились постепенно уставныя грамоты. Въ однихъ мѣстахъ крестьяне смирились подъ вліяніемъ репрессивныхъ мѣръ и подчинились положенію 19 февраля. Въ другихъ—крестьяне, принужденные силою къ повиновенію, жили надеждою на случный часъ, которымъ было для нихъ во многихъ мѣстахъ 19 февраля 1863 г. Наступилъ, наконецъ, и желанный срокъ, но ничего новаго не внесъ въ жизнь врем.-обязанныхъ крестьянъ.

Въ какой формѣ реагировали крестьяне на нарушеніе своихъ надеждъ на „случный часъ", были ли попытки воплощать въ жизнь „Новую Волю", въ полученіи которой черезъ 2 года—19 февр. 1863 г.—были такъ увѣрены нѣкоторые крестьяне—неизвѣстно. Что подобныя попытки, вѣроятно, были, показываетъ свѣдѣніе объ одномъ волненіи въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. Здѣсь въ одномъ имѣніи наступленіе случнаго часа (19 февр. 1863 г.) ознаменовалось полнымъ прекращеніемъ повинностей помѣщику. Имѣніе было на надѣльной повинности и уставная грамота введена была безъ согласія крестьянъ. Крестьяне находились подъ вліяніемъ одного крестьянина „Демко", пользовавшагося безграничнымъ довѣріемъ своего общества. Демко „внушалъ крестьянамъ ни на что не соглашаться до „случнаго часа", но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда выходилъ на работу и безпрекословно выполнялъ всѣ обязанности!"

Мировой посредникъ часто пріѣзжалъ въ эту волость, осматривалъ производимыя крестьянами работы, и его требованія по поводу тѣхъ или другихъ упущеній никогда не встрѣчали ни малѣйшаго протеста. 19 февраля 1863 г. волостной старшина донесъ мировому посреднику, что въ этотъ день ни одинъ крестьянинъ не вышелъ на работу. Прибывшему немедленно въ имѣніе мировому посреднику крестьяне заявили, что, исполняя всѣ обязанности по царскому указу „до случнаго часу", т. е. до 19 февраля 1863 г., дальше они работать не обязаны. Мировой посредникъ, пригрозивъ репрессіями, потребовалъ, чтобы на другой же день всѣ вышли на работы. Сельчане исполнили требованіе, но все мужское населеніе деревни, входившей въ волость, отправилось въ губ. городъ къ губернатору съ жалобой на мирового посредника. „По прибытіи въ губ. городъ, разсказываетъ Пономаревъ, 2 вожака принесли губернатору жалобу на требованіе со стороны посредника дальнѣйшихъ работъ, выполненіе которыхъ съ наступленіемъ „случнаго часа" по царскому указу для нихъ не обязательно". На вопросъ губернатора объ уставной

[1]) Безвѣстный. „Изъ дневника мирового посредника 1861—1862 г.". «Р. Вѣстникъ», 1863 г., іюль, стр. 820.

грамотѣ вожаки отвѣчали: „Про таку мы ничого не чулы, ничого не бачилы, ни на что не соглашались и ничого не подписывали“. На другой день губернаторъ лично 3 раза читалъ уставную грамоту, доставленную изъ губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Крестьяне молчали и только въ концѣ опять повторили: „мы ничого не чулы и ни на что не согласны“. Вожаки были арестованы, а бѣглецы отправлены домой подъ конвоемъ 2-хъ полицейскихъ. Въ имѣніе прибылъ и жандармскій генералъ, готовый приступить къ суровому усмиренію „бунта“. Лишь благодаря настояніямъ мирового посредника, дѣло не дошло до розогъ и др. репрессій. Ему удалось склонить крестьянъ къ повиновенію одними убѣжденіями. Арестованные вожаки были возвращены въ деревню [1]). Извѣстно еще одно волненіе, прекращеніе котораго имѣло непосредственное отношеніе къ наступленію случнаго часа. Крестьяне одного изъ имѣній Курской губ. отказались подчиняться положенію 19 февраля еще зимою 1862 г., первоначально на томъ основаніи, что считали себя посессіонными (особый разрядъ крестьянъ въ крѣпостное время, составляющій неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ, къ которымъ они были приписаны; право владѣльцевъ такихъ фабрикъ и заводовъ по отношенію къ посессіоннымъ крестьянамъ ограничено закономъ). Расквартированіе въ имѣніи 2-хъ эскадроновъ гусаръ смирило крестьянъ, и уставныя грамоты въ продолженіе всего 1862 г. мирно вводились въ различныхъ селахъ и деревняхъ, входившихъ въ это имѣніе. Гусары на этомъ основаніи были удалены.

Въ началѣ 1863 г. волненіе возобновилось изъ-за слуховъ о случномъ часѣ. Въ с. Званномъ этого имѣнія крестьяне отказались отъ уставной грамоты, желая перейти на выкупъ. Введеніе уставной грамоты было пріостановлено. Оказалось, что крестьяне ни въ какія соглашенія о выкупѣ вступать не хотѣли, не хотѣли и платить оброка. Они ожидали 19 февраля 1863 г. царскаго выкупа, предпочитая до того времени отбывать барщину. Расквартированіе эскадрона гусаръ на продовольствіи крестьянъ мало помогло дѣлу, ибо крестьяне приняли уставную грамоту лишь послѣ 19 февраля 1863 г., когда они воочію убѣдились, что слухи о случномъ часѣ ложны [2]).

Намекъ на какіе-то слухи передъ февралемъ 1863 г. въ новгородской губ. можно найти и у Носовича. Такъ, бывшіе его крѣпостные 2-хъ деревень Малиновщины и Дорофеева перешли съ 1-го февраля 1863 г. на выкупъ.

„Крестьяне наши, говоритъ Носовичъ, недѣли за двѣ раньше, смущенные, вѣроятно, какими-нибудь новыми нелѣпыми слухами, ходили въ волостное правленіе, чтобы узнать тамъ, „нельзя ли это дѣло оставить“, по ихъ выраженію, т. е. нельзя ли отмѣнить выкупъ“ [3]).

---

[1]) Пономаревъ. „Воспоминанія мир. посредника I призыва“. „Р. Старина“, 1891 г., № 2, стр. 314—315.
[2]) Танковъ, „Волненія...“ стр. 376.
[3]) Носовичъ. „Записки“. стр. 172.

XI.

Наступленіемъ „случнаго часа“ кончается цѣлая полоса въ проведеніи Положенія. 19-го февраля 1863 г. прекратились всѣ личныя крѣпостныя отношенія дворовыхъ; къ этому дню должны были быть введенными всюду уставныя грамоты, регулировавшія поземельныя повинности крестьянъ и прекратиться тягловые оброки и смѣшанныя повинности; въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ уставныя грамоты оказались не введенными къ этому сроку, всѣ крестьяне должны были отбывать повинности уже исключительно по Положенію. Положеніе 19 февраля считалось уже введеннымъ; выкупъ земель не входилъ въ понятіе введенія Положенія, ибо зависилъ отъ желанія помѣщика или добровольнаго соглашенія между нимъ и крестьянами; никакимъ срокомъ онъ не былъ ограниченъ. Такъ какъ темою этого очерка и послужили волненія, связанныя съ введеніемъ Положенія 19-го февраля, то наступленіемъ срока введенія онъ и долженъ быть законченъ.

Но очеркъ былъ бы слишкомъ не полонъ, если бы не было упомянуто о различныхъ мелкихъ волненіяхъ крестьянъ, вызванныхъ скорѣе различными злоупотребленіями при введеніи Положенія, чѣмъ принципіальнымъ непризнаніемъ или критикой всего Положенія или отдѣльныхъ его статей. Кромѣ того приходится сказать нѣсколько словъ о попыткахъ крестьянъ не путемъ самовольныхъ дѣйствій, именовавшихся волненіями, а совершенно легально, на основаніи самого Положенія, развязаться съ временно-обязаннымъ періодомъ и сдѣлаться дѣйствительно независимыми отъ помѣщика. Такими путями, открывавшимся самимъ Положеніемъ, были: 1) полученіе дарственныхъ надѣловъ и 2) выкупъ.

Какъ ни сильны были среди крестьянъ толки о волѣ, какъ ни обильны были волненія на этой почвѣ, репрессивныя мѣры, такъ щедро примѣняемыя къ крестьянамъ, дѣлали свое дѣло. Испытавъ эти мѣры на самихъ себѣ или даже подъ вліяніемъ однихъ слуховъ о нихъ, крестьяне смирялись и кое-какъ тянули лямку „временно-обязаннаго періода“. Эти усмиренія развили въ нѣкоторыхъ крестьянахъ даже боязливое отношеніе къ Положенію. Якушкинъ разсказываетъ, что однажды крестьяне серьезно просили его указать то мѣсто въ Положеніи, гдѣ сказано, что „кто эту книгу будетъ читать, того безпремѣнно сѣчь“ [1]). Въ другой разъ крестьяне наотрѣзъ отказались даже разговаривать съ Якушкинымъ о „волѣ“ въ кабакѣ, увѣряя его, что за толки о волѣ наказываютъ. Только въ 4-хъ стѣнахъ собственныхъ избъ соглашались эти крестьяне говорить о волѣ, не боясь предателей, а слѣдовательно, и отвѣтственности [2]). О томъ же свидѣтельствуетъ и Демертъ относительно, видимо, казанской губ. „Къ

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“. Стр. 21.
[2]) Ibid., стр. 32—33.

страшной книгѣ, за которую солдатъ на постой становятъ, разсказываетъ онъ, и близко подойти боялись". „Не замай, Ванька, говорилъ опытный мужикъ неопытному, полуграмотному парню, рискнувшему раскрыть книжку,—за это, братецъ ты мой, тово, знаешь, какъ вашего брата!" И Ванька дѣйствительно отходилъ прочь отъ опасной книги, за которую *тово*" [1]). „Страхъ, говоритъ Демертъ по поводу частыхъ волненій крестьянъ и усмиреній ихъ въ его губерніи до введенія института мировыхъ посредниковъ, въ народѣ распространился неимовѣрный, такъ что въ разныхъ мѣстахъ начали уже серьезно поговаривать о страшномъ судѣ и пришествіи на землю антихриста" [2]).

Умиряющее вліяніе на крестьянъ оказало, по свидѣтельству многихъ современниковъ, введеніе мировыхъ учрежденій и крестьянскаго сельскаго и волостного самоуправленія,—въ тѣхъ мѣстахъ, разумѣется, гдѣ эти учрежденія стояли на высотѣ своего положенія.

Въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1861 г. [3]) сообщалось, что по доставленнымъ свѣдѣніямъ изъ губерній самарской, симбирской, тамбовской, рязанской и черниговской введеніе мировыхъ посредниковъ и открытіе сельскихъ и волостныхъ управленій наилучшимъ образомъ содѣйствовало прекращенію начинавшихся волненій и предупрежденію новыхъ. 6-го октября въ той же газетѣ вновь встрѣчается извѣстіе, что продолжаютъ поступать донесенія объ умиротворяющемъ вліяніи общественнаго крестьянскаго управленія на возникающія недоразумѣнія между временно-обязанными крестьянами при исполненіи ими работъ [4]). О благопріятномъ вліяніи открытія этихъ учрежденій сообщалъ и мировой посредникъ мензелинскаго уѣзда оренбургскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію [5]). Крыловъ сообщаетъ о благопріятномъ вліяніи введенія мировыхъ посредниковъ въ казанской губ. [6]); то же подтверждаетъ и Демертъ. Мировые посредники, гдѣ только они мало-мальски соотвѣтствовали своему назначенію, много содѣйствовали мирному разрѣшенію конфликтовъ между крестьянами, помѣщиками и закономъ; благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сглаживались неудобныя для крестьянъ стороны Положенія 19 февраля, а этимъ предупреждались многія волненія; наконецъ, лучшіе мировые посредники, какъ калужскіе, тверскіе, стояли на стражѣ крестьянскихъ интересовъ противъ помѣщиковъ и этимъ, конечно, чрезвычайно содѣйствовали въ мѣстахъ своей дѣятельности болѣе или менѣе мирному проведенію реформы.

Нѣкоторое вліяніе на крестьянъ, вѣроятно, оказывало и опуб-

---

1) Демертъ. Новая воля. „Отеч. Зап.", 1869 г. № 9. Стр. 27.
2) Ibid., стр. 35.
3) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 143, за 28 іюня.
4) Ibid., № 222.
5) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 212, за 25 сентября.
6) Крыловъ. Воспоминанія... „Русск Стар.", 1892 г., № 6. Стр. 635.

ликованіе рѣчей Александра II, гдѣ только доходила до нихъ вѣсть о томъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ отношеніи крестьянъ къ этимъ рѣчамъ очень ничтожны.

У Драгоманова есть указаніе, что въ полтавской губ. крестьяне при упоминаніи имъ о рѣчахъ Александра II говорили, что „ми сі знаіемо", и иногда прибавляли: „та може жъ таки царь намъ зробить jаку полегкіетъ" [1]). Носовичъ опредѣленно указываетъ, что крестьяне послѣ рѣчи Александра II на празднованіи 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ „значительно успокоились [2]), стали понимать, что ихъ не обманывали до сихъ поръ насчетъ Положенія, стали видѣть и сознавать необходимость подчиниться закону 19 февраля—напримѣръ, въ одномъ нашемъ мировомъ участкѣ тотчасъ же подписали 21 уставную грамоту и вообще приняли рѣшеніе поступать согласно волѣ царя, въ которой теперь они не сомнѣваются".—„Я не могу сказать, прибавляетъ Носовичъ, чтобы это имъ понравилось, но они подчинились этому, какъ неумолимой необходимости" [3]).

Относительно мирное во многихъ мѣстахъ проведеніе реформы объясняется инертностью, забитостью крестьянъ, свыкшихся еще въ крѣпостное время съ мыслью, что „все дѣлается по господамъ". Невѣжество крестьянъ, незнаніе закона приводило ихъ нерѣдко къ невыгоднымъ сдѣлкамъ, но лишь исключительныя злоупотребленія при введеніи Положенія выводили ихъ изъ равновѣсія и заставляли оказывать неповиненіе. Въ иныхъ же бойкихъ, особенно въ промышленныхъ мѣстахъ крестьяне, рѣшаясь подчиниться Положенію 19 февраля, обнаруживали и относительное знаніе закона, и умѣнье стойко защищать свои интересы при заключеніи сдѣлокъ съ помѣщиками; врядъ ли, впрочемъ, было много такихъ крестьянъ. Часть же ихъ, подчиняясь Положенію и въ то же время желая расквитаться съ обязательными отношеніями къ помѣщикамъ, принимали, какъ сказано, дарственные надѣлы или переходили на выкупъ, если только можно было получить согласіе помѣщика. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что переходъ на выкупъ стоялъ въ зависимости и отъ степени увѣренности крестьянъ въ полученіи „истинной воли".

Слабый намекъ на такую зависимость выкупа отъ слуховъ можно видѣть въ вышеприведенномъ желаніи крестьянъ Носовича пріостановить выкупъ (въ 1863 г.) изъ-за какихъ-то ложныхъ слуховъ. Охотно шли крестьяне на дарственные надѣлы въ началѣ реформы. Причиною этого была, очевидно, свѣжесть надеждъ на полную волю, когда крестьянамъ будетъ дана земля въ изобиліи, а также надежда на дешевую аренду земель.

Изъ волненій, возникавшихъ на почвѣ злоупотребленій, слѣдуетъ различать волненія по поводу пережитковъ крѣпостного

---

[1]) Драгомановъ. Нові украінські пісні. Стр. 67.
[2]) Дѣло идетъ, конечно, только о новгородской губ. И. И.
[3]) Носовичъ. „Записки". Стр. 113.

права въ видѣ тѣхъ или иныхъ проявленій власти помѣщиковъ, съ трудомъ отвыкавшихъ отъ прежнихъ привычекъ или въ видѣ разоренія, чрезмѣрной эксплуатаціи въ крѣпостное время, сохранявшихся при освобожденіи. Другія волненія происходили изъ-за толкованія властями или самими помѣщиками различныхъ статей Положенія въ пользу послѣднихъ, съ явнымъ нарушеніемъ интересовъ крестьянъ; въ отдѣльную группу можно выдѣлить волненія по поводу уставныхъ грамотъ, при составленіи которыхъ вводились условія, обременительныя или разорительныя для крестьянъ.

Волненія I рода чаще встрѣчались въ началѣ реформы, когда у помѣщиковъ были еще слишкомъ свѣжи воспоминанія о крѣпостномъ правѣ. Танковъ описываетъ 2 подобныхъ волненія. Въ селѣ Плоскомъ, Курской губ., на дворъ одного крестьянина явился однажды баринъ и сталъ травить овецъ борзыми собаками. Когда 2 овцы были уже затравлены, сынъ крестьянина попросилъ барина удалиться. Въ отвѣтъ баринъ принялся бить мальчика, приговаривая: „побью теперь всѣхъ васъ, подлецовъ, до смерти: мнѣ ничего за васъ не будетъ, вы не мои“. Крестьяне защитили хозяина овецъ; это было объявлено волненіемъ, вызвавшимъ вмѣшательство полицейскихъ властей [1]). Другой случай подобенъ первому. Въ с. Капустичѣ той же губерніи крестьяне пожелали отслужить молебенъ (26 апрѣля) на пасхальной недѣлѣ въ благодарность за освобожденіе и порѣшили въ тотъ день не работать. Въ силу этого рѣшенія они пригласили бросить работу одного крестьянина, чинившаго борону въ усадьбѣ по приказу барина. Послѣдній, взбѣшенный рѣшеніемъ праздновать этотъ день, началъ бить одного изъ крестьянъ, приговаривая: „вотъ тебѣ Положеніе, вотъ тебѣ Положеніе!.. Я знать не хочу никакого Положенія“. Крестьяне вступились за избиваемаго и получилось „волненіе“ [2]).

Разореніе, причиненное крестьянамъ еще въ крѣпостное время, послужило главной причиной волненія въ сл. Руднѣ, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губ. Крестьяне отказались здѣсь отъ барщины на другой же день послѣ прочтенія манифеста. „На угрозы земской полиціи, говоритъ корреспондентъ „Колокола“, сообщившій объ этомъ волненіи, крестьяне кротко объясняли, что у нихъ нѣтъ ни рабочаго скота, ни овцы, ни зерна хлѣба“.

Управляющій „все забралъ—скотину на барскій дворъ, хлѣбъ на винокуренный заводъ и даже захватилъ всю ихъ мірскую денежную сумму“. Исправникъ донесъ губернатору о „бунтѣ“. Губернаторъ явился лично въ Рудню съ флигель-адютантомъ, губернскимъ предводителемъ и 2500 чел. солдатъ. Созванные кре-

---

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ Курской губ. въ 1862 г.“ Историч. Вѣстникъ, № 11, стр. 344.

[2]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ Курской губ. въ 1862 г“ Историч. Вѣстникъ, № 11, стр. 344—345.

стьяне вновь подтверждали, что причиною отказа отъ барщины служитъ совершенное истощеніе ихъ силъ и разореніе хозяйствъ, умоляя обратить вниманіе на нихъ самихъ, на ихъ рубище и жилы. Они готовы были отказаться отъ всего отнятаго, отъ усадебъ, отъ земли, только бы избавиться отъ эксплуатаціи управляющаго. Все это было принято за упорство, и губернаторъ приказалъ стрѣлять, правда, лишь холостыми зарядами; старики, признанные коноводами, были наказаны палками или розгами. Наказаніе было, видимо, жестокое, ибо, по сообщенію корреспондента, одинъ изъ наказанныхъ умеръ, а другіе близки къ смерти. При такихъ репрессіяхъ крестьяне смирились и отправились на барщину подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ. Управляющій выдалъ имъ для работы „земледѣльческую амуницію, воловъ и лошадей съ провіантомъ и фуражемъ“ [1]). Подобныя броженія крестьянъ изъ-за злоупотребленій при крѣпостномъ правѣ, видимо, были не единичными случаями, разъ улучшенія не вводились немедленно. Дренякинъ объясняетъ самое Кандеевское движеніе отчасти экономическими условіями жизни крѣпостныхъ въ Пензенской губ.: тяжестью подводной повинности, барщины и малоземелья [2]), недобросовѣстности многихъ управляющихъ и т. под. [3]).

Изъ волненій на почвѣ злоупотребленій и неправильныхъ въ ущербъ крестьянамъ толкованій Положенія отмѣтимъ хотя бы отказъ крестьянъ, бывшихъ помѣщика Соколовскаго, въ Люцинскомъ уѣздѣ, Витебской губ., везти хлѣбъ изъ общественнаго сельскаго магазина въ Люцинъ на продажу. Крестьяне совершенно правильно считали этотъ хлѣбъ своимъ, что было впослѣдствіи подтверждено особымъ циркуляромъ. Помѣщикъ же, наоборотъ, считалъ себя вправѣ распоряжаться хлѣбомъ, какъ своею собственностью. Власти стали на сторону помѣщика. Была вызвана военная команда. Крестьяне отказались выдать зачинщиковъ, говоря, что таковыми являются всѣ они—300 чел.—и вновь повторили исправнику, что хлѣбъ принадлежитъ имъ. Каковы были дальнѣйшія дѣйствія исправника—неизвѣстно, но въ концѣ концовъ онъ приказалъ стрѣлять. Между крестьянами и войсками произошло столкновеніе; въ результатѣ 2 крестьянина было убито, ранено нѣсколько крестьянъ и 3 солдата. По этому дѣлу было назначено особое слѣдствіе [4]).

Пользуясь отчасти невѣжествомъ крестьянъ, отчасти потворствомъ мировыхъ посредниковъ, отчасти вообще всякими правдами и неправдами, помѣщики нерѣдко вводили въ уставныя грамоты невыгодныя для крестьянъ условія. Конечно, введеніе подобныхъ грамотъ вызывало въ крестьянахъ естественный про-

---

[1]) „Колоколъ“, 1861 г., № 103, стр. 868.

[2]) Дренякинъ. „О безпорядкахъ въ Пензенской губ. Весна 1861 г. Записки ген.-м. Дренякина“. Русскій Архивъ 1896 г., № 11, стр. 316.

[3]) Дренякинъ. „Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г.“ Русская Старина 1885 г., № 4, стр. 139.

[4]) „Колоколъ“ 1861 г., № 100, стр. 839.

тестъ. Демертъ разсказываетъ со словъ очевидцевъ интересное по упорству крестьянъ волненіе на этой почвѣ, хотя и осложненное посторонними причинами. Броженіе среди крестьянъ волновавшагося селенія было вызвано тѣмъ, что крестьяне считали себя вольными, такъ какъ предыдущій помѣщикъ, какъ имъ было извѣстно, составилъ духовное завѣщаніе объ освобожденіи ихъ послѣ его смерти. Между тѣмъ завѣщаніе оказалось не засвидѣтельствованнымъ, имѣніе перешло въ другія руки, и новый владѣлецъ составилъ уставную грамоту, крайне невыгодную для крестьянъ: отъ нихъ отрѣзалась почти половина земли, за которую, какъ „излишнюю землю", было предложено вносить новую плату. Все это вмѣстѣ взятое, видимо, и возмутило крестьянъ. Они порѣшили всѣмъ міромъ „ни на что не итти, ни на что не соглашаться. Мы—по закону и трогать насъ, значитъ, никто не смѣй". Убѣжденія уѣзднаго придводителя дворянства, исправника оказались безуспѣшными. Наконецъ, на усмиреніе явился губернаторскій адъютантъ съ казаками и солдатами. Появились на сцену, какъ водится, и розги. „Привезли, разсказывалъ очевидецъ Демерту, возъ розогъ, принесли изъ ближайшей избы 2 скамейки, разложили двоихъ по порядку, какъ стояли, и начали стегать съ 2-хъ сторонъ. Сѣкутъ, сѣкутъ, кровь давно ручейками такъ и сочится, а крика не слышно, потому что на міру такъ согласились: за законъ, значитъ. У сѣкуторовъ руки уже устали, перемѣнились съ другими, вмѣсто обезпамятѣвшихся наваливаютъ свѣжихъ, а все никто не кричитъ и не стонетъ. Очередь доходитъ до молодого паренька: блѣдный такой стоитъ, потому, значитъ, не привыкъ, а къ нему, къ уху самому мать наклонилась. Горькими слезами плачетъ, а сама шепчетъ: „смотри, баитъ, Митянька, отъ міру не отставай, не будетъ, баитъ, тебѣ моего материнскаго благословенія, если тово"... Перепороли всю деревню, а все-таки покорности ни отъ кого не добились. Черезъ 2 дня вмѣсто розогъ начали бить шпицрутенами, выбравъ для истязаній нѣсколько зачинщиковъ наугадъ. Средство помогло, крестьяне смирились, уступили отрѣзку и, кажется, уполномоченные подписали уставную грамоту [1]). Отказъ отъ уставной грамоты изъ-за ея невыгодности вызвалъ усмиреніе крестьянъ и въ селѣ Плаксинѣ, Курскаго уѣзда, Курской губ. Крестьяне мотивировали свой отказъ тѣмъ, „что земля отводится имъ тамъ, гдѣ они не желаютъ". Сельскій староста, а потомъ и волостной старшина отказались принять уставную грамоту отъ мирового посредника на основаніи отказа всего общества. Для приведенія крестьянъ къ покорности въ с. Плаксинѣ былъ расквартированъ эскадронъ драгунъ на полномъ крестьянскомъ иждивеніи. Постой былъ очень тяжелъ для крестьянъ и въ конецъ разрушилъ ихъ. Средство подѣйствовало, крестьяне смирились и эскадронъ былъ отозванъ отчасти потому, что дольше содержаться на счетъ крестьянъ

---

[1]) Демертъ. „Новая воля". Отеч. Зап. 1869 г., № 9, стр. 51—52.

было невозможно [1]). Къ той же категоріи волненій можно отнести нѣкоторыя изъ уже описанныхъ волненій, гдѣ невыгодныя условія грамотъ, если не вызывали, то, по крайней мѣрѣ, сильно поддерживали броженіе. Вспомнимъ хотя бы невыгодную уставную грамоту у крестьянъ слоб. Собыниной (Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ.). Здѣсь крестьянамъ хотѣли дать неудобную землю, безъ водопоя, глинистую, причемъ одинъ изъ участковъ отстоялъ отъ селенія на 10 верстъ. Крестьяне отказались отъ подобной грамоты и справедливость ихъ претензій доказывается лучше всего тѣмъ, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ прошеніе крестьянъ, предложило посреднику надѣлить собынинцевъ землею изъ другихъ участковъ помѣщика. Вспомнимъ уже описанное волненіе въ с. Конохинѣ, Владимірской губ., гдѣ крестьяне въ 1862 г. отказались отъ уставной грамоты и въ теченіе 10 лѣтъ не пользовались отведенною имъ землею и не уплачивали оброка, пока, наконецъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не постановило пересмотрѣть уставную грамоту, причемъ были обнаружены вопіющія нарушенія крестьянскихъ интересовъ вопреки закону. Вспомнимъ, наконецъ, волненіе въ с. Карасинѣ, Луцкаго уѣзда, Волынской губ., гдѣ наряду съ другими причинами волненія дѣйствовало вполнѣ законное нежеланіе крестьянъ принять разорительную и неправильно составленную уставную грамоту. К. Моголъ, описавшій конохинское волненіе, сообщаетъ при этомъ, что „почти всѣ уставныя грамоты въ этой мѣстности были въ ту эпоху составляемы самими помѣщиками безъ участія крестьянъ“. Посредники обыкновенно признавали ее правильной. Если крестьяне не признавали ея, то посредники и помѣщики объявляли крестьянъ бунтовщиками, и „бунтъ“ подавлялся энергичными мѣрами вплоть до экзекуцій, постоя солдатъ и пр. [2]). Довольно бурно прошло волненіе въ „Черной слободѣ“ и с. Баркахъ (имѣніе Мухановой) Шацкаго уѣзда. Лѣтомъ 1861 г. крестьяне заявили, что уроки по уставной грамотѣ очень тяжелы. На этомъ основаніи они стали выставлять во время жнитвы по 16 чел. вмѣсто 8, какъ слѣдовало по урочному положенію. Убѣдившись въ упорности неповиновенія, управляющій обратился съ жалобою къ мировому посреднику, убѣжденія и требованія котораго не оказали вліянія на крестьянъ. Крестьяне упорно твердили, что урокъ непосиленъ. Исправникъ также потерпѣлъ фіаско. Убѣжденія не помогли, а попытка ареста окончилась неудачно: крестьяне не выдали ни одного. „Коли брать, такъ вяжи и бери всѣхъ, говорили они, а своихъ не выдадимъ“. Такъ же мало успѣха имѣлъ тотъ же исправникъ съ малочисленной инвалидной командой, приведенной имъ изъ Шацка. Крестьяне ударили въ набатъ при при-

---

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ Курской губ. въ 1892 г.“.
[2]) Моголъ. „Крестьянскіе безпорядки“. Русск. Вѣстникъ, 1869 г., № 7, стр. 320—321.

ближенiи команды; на звуки колокола стеклась масса народа не только изъ окрестныхъ деревень, но и изъ города. Въ селѣ было смятенiе, крики, шумъ, всѣ смѣшались въ общую массу. При малочисленности команды никого изъ крестьянъ арестовать не удалось, и исправнику со своимъ отрядомъ пришлось удалиться во-свояси въ городъ подъ крики: „ни одного изъ своихъ не выдадимъ".

Исправникъ далъ знать губернатору, который направилъ изъ города Кирсанова въ Шацкъ 4 роты солдатъ, а затѣмъ туда же прибылъ самъ губернаторъ, мѣстный жандармскiй полковникъ и еще батальонъ солдатъ. Всѣ крестьяне были созваны на площадь. На глазахъ крестьянъ солдаты зарядили ружья боевыми патронами. Подъ угрозою стрѣльбы губернаторъ приказалъ выдать зачинщиковъ. Боевыхъ приготовленiй оказалось достаточно и 8 намѣченныхъ крестьянъ сами вышли впередъ. Они были арестованы и впослѣдствiи преданы суду. Надъ остальными крестьянами была совершена экзекуцiя розгами. Солдаты перепороли 100 чел. Крестьяне смирились и обѣщали полное повиновенiе. Черезъ 3 дня 3 роты были уже отозваны въ Шацкъ, а черезъ нѣсколько дней удалилась и четвертая рота [1]).

И. Игнатовичъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

---

[1]) Сообщенiе Худекова. „Усмиренiе крестьянъ въ Черной слободѣ, Шацкаго уѣзда въ 1861 г.". Историч. Вѣстникъ, 1881 г.

Баронъ Штейнъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ.

(По неизданнымъ документамъ).

(*Окончаніе*) [1].

V.

Въ Вѣну Тургеневъ прибылъ $^{19}/_{30}$ сентября 1814 года, черезъ четыре дня послѣ пріѣзда туда Штейна [2]). Послѣдній не считался больше начальникомъ Тургенева, хотя тотъ часто еще долженъ былъ къ нему обращаться по дѣламъ ликвидаціонной комиссіи. Штейнъ попрежнему интересовался своимъ молодымъ другомъ, заботился о его будущей судьбѣ и, вѣроятно, разсуждалъ съ нимъ объ общихъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики, какъ во время почти неразлучной ихъ жизни во Франціи. Въ одномъ письмѣ къ фельдмаршалу Гнейзенау Штейнъ говоритъ, что два года они были „in täglicher Verbindung"; такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе продолжать наше изслѣдованіе о сношеніяхъ съ нимъ Тургенева.

Вопросъ о томъ, какъ лучше устроиться на будущее время, сильно волновалъ Тургенева во Франкфуртѣ; въ Вѣнѣ онъ надѣялся, что вопросъ этотъ разрѣшится. Дневникъ и письма къ братьямъ отражаютъ грустное настроеніе, которое наводило на него размышленіе о возможности или даже необходимости устроиться въ Россіи. И, хотя онъ иногда мирится съ мыслью о предстоящемъ пребываніи въ отечествѣ, но всегда изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ видно, что беззаботной и свободной жизни въ Россіи онъ не ожидалъ. Въ это время, еще до переѣзда въ Вѣну, Тургеневъ, между прочимъ, очень опредѣленно высказываетъ желаніе близко познакомиться съ Англіею и ея учрежденіями. Еще въ Петербургѣ, въ 1812 году, мелькнула у него мысль о поѣздкѣ или даже о продолжительномъ пребываніи въ Англіи. Тогда онъ эту мысль назвалъ „мечтой", теперь же она является

---

1) См. „Минувшіе Годы", іюль.

2) Lehmann, Stein III, 403.

въ видѣ конкретнаго желанія, немедленно, если возможно, посѣтить Англію и поселиться тамъ хоть на время. Онъ хотѣлъ бы быть тамъ консуломъ [1]). Можно полагать, что влеченіе въ Англію усилилось подъ вліяніемъ Штейна, который съ дѣтства стремился увидѣть эту страну.

Жизнь въ Вѣнѣ во время конгресса была интересна, весела, шумна. Когда Тургеневъ пріѣхалъ, конгрессъ еще не засѣдалъ, да нѣсколько недѣль ушло и послѣ открытія конгресса на забавы, рауты и балы. Николай Ивановичъ жилъ этой жизнью; посѣщалъ часто театры и бывалъ на раутахъ. Любопытны замѣтки въ его дневникѣ относительно государей и ихъ министровъ, собравшихся въ веселый городъ надъ Дунаемъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, такъ разсуждаетъ: „Всѣмъ королямъ и императорамъ потому весьма трудно знать состояніе народовъ, различныхъ плановъ онаго и т. наз. общее мнѣніе, что они живутъ совершенно въ другой сферѣ, нежели народъ; они окружены новою придворною атмосферою, которая густа, многосложна и мѣшаетъ имъ дышать обыкновенною атмосферою. Ахъ, республики! Люди, похожіе болѣе на ангеловъ, нежели на людей, изобрѣли республиканское правленіе—идеалъ всего человѣческаго!“

Главнымъ занятіемъ Тургенева въ Вѣнѣ въ послѣдніе мѣсяцы 1814 года было составленіе отчета русскому министру финансовъ о дѣятельности центральной администраціи [2]).

Этотъ весьма интересный и подробный отчетъ представляетъ собою солидную работу, дѣлающую честь Тургеневу. Кстати: еще одно доказательство того, какъ Штейнъ дорожилъ его талантами и какъ онъ ему довѣрялъ. Окончивъ отчетъ, Тургеневъ показалъ его Штейну, а потомъ министру Нессельроде, „ибо въ немъ (въ отчетѣ) есть много пунктовъ, которые должны быть рѣшены министрами союзныхъ державъ“. Разбирать отчетъ для нашихъ цѣлей лишнее; интересъ имѣетъ для насъ оттуда слѣдующее мѣсто. Защищая дѣятельность администраціи отъ могущихъ быть высказанныхъ упрековъ, Тургеневъ указываетъ на то, что союзныя державы вели войну не съ французскимъ народомъ, а только съ правительствомъ; онѣ не желали грабить народъ и обогащать полководцевъ. Надо, наоборотъ, притти къ убѣжденію, что если можно было взимать меньше податей и требовать въ меньшемъ количествѣ доставку фуражей отъ фран-

[1]) Дневникъ 1814—1816 гг.

[2]) Rapport au Ministre des Finances exposé en forme d'Aperçu Général des Résultats de l'administration centrale sous la direction de Son Excellence Monsieur le Ministre d'Etat Baron de Stein présenté par N. Turgenew,—membre de la commission de Liquidation à Francfort au mois de Novembre 1814 Vienne. Тургеневскій архивъ, № 1095. Papiers sur la liquidation en 1815, № 1816.

цузскаго населенія, центральная администрація навѣрно бы такъ поступила. „Если же это такъ, то начальникъ центральной администраціи дѣйствовалъ согласно принципамъ морали, согласно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и намѣреніямъ союзныхъ монарховъ и въ особенности намѣреніямъ императора Александра".

Тургеневъ, много думая о политикѣ европейскихъ государствъ, о будущихъ своихъ занятіяхъ въ Россіи, читалъ политическіе журналы и сочиненія.

Онъ сблизился еще болѣе съ Лагарпомъ, котораго полюбилъ за его откровенность. Часто встрѣчался съ бывшимъ своимъ профессоромъ Сарторіусомъ. Изъ русскихъ онъ упоминаетъ въ дневникѣ объ А. И. Михайловскомъ-Данилевскомъ, еще одномъ геттингентцѣ, дипломатѣ фонъ-Фрейгангѣ и кн. Козловскомъ.

Изъ дѣлъ, обсуждавшихся на Вѣнскомъ конгрессѣ, особенно заинтересовали Тургенева польскій и саксонскій вопросы и судьбы нѣмецкаго народа, самоотверженно боровшагося противъ Наполеона за самостоятельное устроеніе своей внутренней жизни и такъ жестоко обманутаго нѣмецкими владѣтелями, не предпринимавшими никакихъ шаговъ для введенія конституціонныхъ порядковъ. У насъ нѣтъ данныхъ, выясняющихъ тогдашніе взгляды Тургенева по польскому вопросу. Гораздо позже, а именно въ 30-хъ годахъ, онъ констатируетъ съ большой радостью фактъ, что Александръ I далъ новому королевству или царству Польскому конституцію. „Къ этому акту было приковано вниманіе поляковъ, русскихъ и всего человѣчества. Міръ, быть можетъ, впервые увидѣлъ завоевателя, который далъ побѣжденнымъ права вмѣсто цѣпей. Этимъ самымъ Александръ обязался сдѣлать что-нибудь и для остальныхъ своихъ подданныхъ" [1]). Но передъ нами лежитъ запись изъ Тургеневскаго дневника въ 1817 г., три года послѣ Вѣнскаго конгресса, слѣдующаго содержанія: „Польша—въ независимомъ ея существованіи—была бы всегда и стѣною, отдѣляющею насъ отъ Европы съ сей стороны, и грязнымъ источникомъ, изъ котораго бы текла въ Россію безнравственность и подлость дворянства польскаго, и ненависть или презрѣніе къ конституціоннымъ государствамъ. Народъ или публика судитъ по первымъ впечатлѣніямъ; первыя впечатлѣнія, поражающія обыкновенныхъ людей при видѣ Польши, были бы конституція и безпорядки, своевольство и рабство. Итакъ, миръ и слава праху Великой Екатерины II, изгладившей съ лица земли государство, которое было бы вѣчною препоной къ славѣ, могуществу и просвѣщенію Россіи" [2]). Этого

---

[1]) La Russie et les Russes I, 61.

[2]) Эта цитата приведена Семевскимъ въ „Очеркахъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ"; Русское Богатство 1907, октябрь, стр. 49.

взгляда Тургеневъ придерживался, вѣроятно, и въ 1814 году въ Вѣнѣ, потому что за три года онъ наврядъ-ли могъ измѣнить свои мнѣнія. Интересно еще то,—и это еще яснѣе показываетъ вліяніе на него Штейна,—что въ запискѣ къ Александру I въ 1814 году Штейнъ выразилъ подобные взгляды относительно независимости и конституціоннаго режима Польши. Онъ умолялъ Императора не давать царству Польскому конституціи, а ввести только d'états provinciaux, дабы дать возможность Полякамъ участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи [1]). Извѣстно, что Пруссія потребовала для себя вначалѣ всю Саксонію, и что, наконецъ, дипломаты пришли къ заключенію отдать ей только часть Саксоніи. Король Фридрихъ Августъ долженъ былъ поплатиться за вѣрность французскому императору. Саксонскій вопросъ долго занималъ дипломатовъ на конгрессѣ. Появились брошюры и статьи за и противъ раздѣла или даже упраздненія королевства. Тургеневъ слѣдилъ за оживленной политикой и записывалъ свои мысли по этому поводу въ дневникъ.

Особенно интересный отзывъ Николая Ивановича о политическомъ состояніи и настроеніи умовъ въ Германіи послѣ освободительныхъ войнъ мы нашли въ его письмѣ къ неизвѣстному высокопоставленному лицу. „Свобода мысли и слова,—говоритъ Тургеневъ,—присущи всегда образованнымъ и составляютъ нераздѣльный элементъ цивилизаціи. Грустно, однако, для друга человѣчества и въ особенности для друга нѣмецкой націи видѣть теперь, что правительства, возстановленныя въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ странахъ, вмѣстѣ съ возвращеніемъ старой форменной одежды и водвореніемъ старыхъ обычаевъ, приносятъ съ собой и старые предразсудки и старыя злоупотребленія. Право, а слѣдовательно и правосознаніе, ими уничтожаются. Роковые годы, которые за время ихъ (правительствъ) отсутствія кое-чему научили ихъ подданныхъ, и которые принесли порядки совсѣмъ иные,—онѣ теперь смотрятъ на это время, какъ будто его не было и соотвѣтственно этому дѣйствуютъ. Отъ этого упрека не свободно и Ганноверское правительство, въ дѣятельности котораго принималъ такое большое участіе графъ Мюнстеръ. (Среди другихъ ошибокъ правительство въ своемъ новомъ проектѣ конституціи совершило и ту, что совершенно отобрало у столь полезнаго класса крестьянъ права представительства). Надо, однако, надѣяться, что конгрессъ много передѣлаетъ. Въ особенности нѣмецкіе патріоты и ихъ друзья ждутъ отъ него, что будетъ положенъ конецъ произволу мелкихъ нѣмецко-французскихъ тирановъ. Кромѣ того,

[1]) См. La Russie et les Russes, 58—60; Lehmann, Stein, III, 422—24. Szymon Askenazy, Rossya—Polska 1815—1830, Львовъ 1907, записка Штейна въ приложеніяхъ; ср. мою рецензію, Минувшіе Годы, 1908, мартъ, 314—15.

желаніе имѣть конституціонный режимъ настолько распространилось во всей Европѣ, что кажется невозможнымъ, чтобы нѣмецкая нація отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ. Но въ одномъ отношеніи это счастливое стеченіе обстоятельствъ будетъ имѣть минимальное вліяніе, это судебная организація въ нѣмецкихъ странахъ, такъ какъ она болѣе зависитъ отъ воли правительствъ, чѣмъ отъ настроенія, одушевляющаго весь народъ“ [1].

Взгляды, выраженные въ приведенномъ письмѣ, вполнѣ совпадаютъ со взглядами Штейна. Еще одинъ показатель глубокого вліянія послѣдняго на Николая Ивановича! Упрекая ганноверское правительство за лишеніе имъ крестьянъ права представительства, онъ высказываетъ даже болѣе демократическіе взгляды, чѣмъ Штейнъ. Его то онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду, говоря о чаяніяхъ и надеждахъ нѣмецкихъ патріотовъ. Еще больше вдумываясь въ событія послѣднихъ мѣсяцевъ, Николай Ивановичъ пришелъ къ заключенію, что Штейнъ былъ главной движущей силой этихъ событій. „Дѣянія, говоритъ Тургеневъ, отличныхъ (т. е. по дѣламъ своимъ) людей въ общемъ могутъ быть весьма различнаго рода и свойства. Дѣянія однихъ изъ нихъ могутъ, такъ сказать, служить обществу, дѣянія другихъ управлять онымъ“. „Дѣянія первыхъ могутъ доставить неоцѣнимыя выгоды государству, но кромѣ сего, не будутъ имѣть продолжительнаго вліянія на духъ народный, слѣдственно и на все государство. Дѣянія другихъ, принося мгновенныя или случайныя выгоды, хотя и всегда менѣе блистательныя, нежели выгоды первыхъ, даютъ направленіе духу народному, даютъ печать самому народу и вѣку своему. Это пришло мнѣ на мысль, думая о Штейнѣ. Напримѣръ, дѣянія нѣмецкаго славнаго полководца непосредственно вели народъ къ мщенію и свободѣ. Но по достиженіи цѣли войны, непосредственное дѣйствіе сихъ дѣяній кончилось. Напротивъ того, дѣянія Штейна, споспѣшествуя къ достиженію главнѣйшей и ближайшей цѣли германцевъ, не остались безъ важнѣйшаго и непосредственнаго вліянія на Германію. Мысли, возникшія прежде всѣхъ въ его головѣ, или коихъ практическая важность прежде всѣхъ была почувствуемая во всей своей силѣ и сообщена другимъ, распространились по всѣмъ странамъ нѣмецкой земли и сдѣлались символомъ народа. Такія дѣянія могутъ равняться съ самими блистательнѣйшими, коимъ свѣтъ всего болѣе удивляется и коими отечество наиболѣе, повидимому, гордится. Столь важное вліяніе на духъ времени и на перемѣну обстоятельствъ принадлежитъ вѣроятно одному Штейну изъ всѣхъ тѣхъ особъ, кои находились не на военной сценѣ

[1] Письмо обращено къ неизвѣстному высокопоставленному сановнику: „Ew. Excellenz“. Оно написано 15 февраля 1815 г. въ Вѣнѣ и сохранилось въ копіи въ Тургеневскомъ архивѣ.

въ послѣднія времена. Что можетъ заставить насъ думать, что если бы не было Меттерниха, Кестльри и Нессельроде, то дѣла бы не могли имѣть теперешняго оборота? О Штейнѣ же этого сказать нельзя—и кто бы это сказалъ, весьма бы ошибся. Тѣхъ можно сравнивать съ актерами, которые играли выученную роль, и за неимѣніемъ коихъ нашлись бы другіе, кои окончили бы трагедію или комедію—какъ хотите—съ стольким же, если не съ большимъ успѣхомъ. Но та роль, которую игралъ Штейнъ, была назначена Богомъ или исторіею, и онъ былъ для ней предназначенъ,—т. е. другими словами: если бы не было Штейна, то ничто не позволяетъ намъ думать, чтобы кто-нибудь другой могъ съ успѣхомъ замѣнить его" [1]).

Болѣзнь, продолжавшаяся больше двухъ мѣсяцевъ, оторвала Николая Ивановича отъ шумной „конгрессной" жизни, и онъ принялся за чтеніе. Первое мѣсто занимаютъ у него политическія сочиненія и политическіе журналы. Дневникъ содержитъ много выписокъ изъ журнала „Esprit de Journaux" [2]). Интереснѣе всего выписки изъ очень распространеннаго въ свое время журнала „Le Censeur" [3]) и разсужденія Николая Ивановича по поводу прочитаннаго. „Боятся, — говоритъ онъ на одномъ мѣстѣ, — свободы книгопечатанія!—Но сколько человѣкъ въ государствѣ читаютъ? Достаточно ли число ихъ для бунта? Нѣтъ. А народъ можетъ взбунтоваться

[1]) Дневникъ, 1815 и 1816 г. (Вѣна, 10 февраля 1815 г.)

[2]) L'Esprit des journaux français et étrangers, ouvrage périodique et littéraire 1792—1818 487 vol. См. краткую замѣтку объ этомъ журналѣ у Hatin'a Bibliographie historique et critique de la presse périodique française, Paris, 1866, стр. 52. Журналъ выходилъ въ Льежѣ. Тургеневъ дѣлалъ много выписокъ изъ VIII тома 1814 года.

[3]) Le Censeur (впослѣдствіи Le Censeur Européen, былъ основанъ 12 іюня 1814, три дня послѣ обнародованія конституціонной хартіи Карломъ Контомъ (Charles Conte). Цѣль знаменитаго органа—критика сочиненій и актовъ, которые направлены на разрушеніе и укрѣпленіе конституціи. Такъ какъ цензура была вновь введена для изданій, обнимающихъ меньше двухъ листовъ, то журналъ выходилъ въ форматѣ большого тома. Редакторъ привлекъ къ сотрудничеству своего интимнаго пріятеля Dunoyer, и Le Censeur пользовался почти одинъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ свободой печати. „Разсужденія его содѣйствовали воспитанію страны въ конституціонномъ духѣ. „Le Censeur, говоритъ Миньe, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ. Выхода книжекъ ожидали съ нетерпѣніемъ; ихъ читали съ жадностью. Полезный, какъ научная книга, занимательный, какъ журналъ, удѣляющій много мѣста теоретическимъ проблемамъ и отражающій горячій темпераментъ его редакторовъ, онъ представлялъ удачную смѣсь серьезныхъ наставленій и самыхъ живыхъ бесѣдъ". Журналъ выходилъ два года (1814—1815) въ 7 томахъ. Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ статьи въ энциклопедіи Ларусса.

не отъ брошюръ, а отъ долговременнаго угнетанія, которое онъ чувствуетъ сильнѣе, нежели доводы писателей. Терпѣливость народовъ должна была успокоить этихъ людей (охотниковъ до цензуры); ибо они не знаютъ, что народамъ нужны по крайней мѣрѣ восемь вѣковъ угнетанія и бѣдствія, пока это не заставитъ ихъ взбунтоваться. „Хорошо и то, что знаютъ, сколько лѣтъ угнетенія производятъ свободы; хоть срокъ безъ нужды продолжителенъ. Сколько надобно для сего Россіи?“ Чтеніе „Le Conseur“ приводитъ Николая Ивановича въ настоящій восторгъ.

Занесенное имъ въ дневникъ объ этомъ журналѣ тѣмъ болѣе интересно, что оно касается Россіи и ярко рисуетъ надежды Тургенева на осуществленіе въ ней конституціоннаго режима. „Читая, говоритъ онъ, эту книгу, сердце радуется успѣхамъ свободы гражданской, хотя и въ чужой землѣ. Но Русскій не можетъ быть равнодушенъ въ семъ случаѣ. Александръ утвердилъ эту свободу Франціи; и сіе прежде еще, нежели возвратилъ ей Бурбоновъ:—сіи вступили вслѣдствіе сего на французскую землю, уже очищенные отъ всѣхъ желаній и навыковъ деспотизма, бывшаго такъ сказать наслѣдственнымъ достояніемъ ихъ праотцевъ. О славная эпоха для Россіи и для русскаго царя! Сей бѣлый знакъ, окружающій знамені великаго народа, да напоминаетъ вамъ, вѣрные сыны Россіи, что царь вашъ даровалъ непріязненному и побѣжденному народу, въ самый день покоренія и побѣды, то, чѣмъ справедливо гордится счастливый Альбіонъ, принесшій для пріобрѣтенія сего въ жертву столѣтія бѣдствій народныхъ“.

Но на ряду съ этими восторженными признаніями у Тургенева вырываются такія восклицанія: „Ужасная мысль! Что дѣлать! До чего доживемъ мы!.. Неизвѣстно, какъ будущее уложится, но можно предчувствовать мало хорошаго“. Удивительна наблюдательность молодого дѣятеля! Онъ не позволяетъ себѣ увлекаться слишкомъ благородными поступками Александра I относительно Франціи и Царства Польскаго, по крайней мѣрѣ не настолько, чтобы съ увѣренностью ожидать отъ него же преобразованій въ Россіи. Онъ надѣется на Александра I, онъ вѣритъ въ него и еще больше въ духъ времени, въ силу либеральныхъ идей, но въ надежды, если не сказать, мечтанія, врываются сомнѣнія и смутныя предчувствія, въ такой степени оправдавшіяся впослѣдствіи и такъ тяжело отразившіяся на судьбѣ истиннаго либерала Николая Ивановича.

Выздоровѣвъ, Тургеневъ опять принялся за работу по дѣламъ ликвидаціонной коммиссіи. Кромѣ того, Нессельроде поручилъ ему написать проектъ конвенціи съ Швеціею относительно уплаты долга въ 1.500.000 руб., которые она обязалась вернуть въ случаѣ соединенія съ ней Норвегіи. Тургеневъ занимался составленіемъ этого проекта съ шведскимъ предста-

вителемъ Левенгельмомъ [1]) и, окончивъ работу, представилъ проектъ министру. Тотъ замѣтилъ ему, что работа оказалась безполезной, такъ какъ императоръ не желаетъ этихъ денегъ. Тургеневъ не могъ не выразить своего удивленія по этому поводу, указывая на то, что Россія не очень богата, чтобы такимъ путемъ терять деньги. „Что вы хотите,—отвѣтилъ Нессельроде,—генералъ N... попросилъ Александра на слѣдующій день на аудіенціи оставить за нимъ эту сумму, а императоръ не могъ отказать въ подобной просьбѣ“ [2]).

Съ Штейномъ ему и теперь приходилось имѣть дѣло. Изъ одного письма къ брату Александру видно, что онъ до 1-го іюня 1815 года былъ членомъ Ликвидаціонной комиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ [3]) при Штейнѣ, но въ другомъ письмѣ онъ говоритъ по поводу новаго назначенія его во Франкфуртъ „въ области финансовъ“ (вѣроятно, тоже ликвидаціонная комиссія), что этимъ назначеніемъ, „если оно состоится“, онъ будетъ обязанъ, „такъ какъ о всѣхъ вообще“, бывшему начальнику Штейну. „Бывшему, продолжаетъ Тургеневъ, ибо онъ теперь не начальникъ мой „de nom, mais toujours de fait“ [4]). Какъ бы то ни было имѣлъ ли онъ постоянныя дѣла съ Штейномъ или былъ подъ фактическимъ его начальствомъ, отношенія съ нимъ продолжали быть самыми дружескими и интимными.

Мнѣніе барона о Николаѣ Ивановичѣ намъ извѣстно изъ его письма къ Гнейзенау и изъ словъ, сказанныхъ лично имъ Тургеневу и записанныхъ послѣднимъ въ дневникъ. Гнейзенау Штейнъ писалъ въ 1829 году о Тургеневѣ, между прочимъ: „Какъ я, такъ и оба прусскіе члены (Центральнаго Административнаго Департамента) банкпрезидентъ Фризе и т. с. Эйхгоронъ узнали его, какъ безусловно нравственнаго, образованнаго, любознательнаго, преданнаго молодого человѣка“.

Тургеневъ записываетъ: „Штейнъ сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ обо мнѣ представленіе. Я замѣтилъ ему, что теперь, можетъ быть, не время получать мѣсто и въ особенности жалованіе; что это можетъ быть истолковано въ дурную сторону. Онъ отвѣчалъ мнѣ:—Васъ знаютъ, что вы честный человѣкъ. Когда услышатъ ваше имя, то скажутъ, что оно принадлежитъ благороднымъ и приличнымъ людямъ, всѣ говорятъ о немъ съ уваженіемъ.—Признаюсь, что эти слова показались мнѣ весьма лестными, и сіе потому, что ихъ сказалъ Штейнъ, не охотникъ до комплиментовъ.

---

[1]) Дневникъ 1815 и 1816 гг. (Вѣна, 5(18) и 8(21) апрѣля).

[2]) La Russie et les Russes I, 47.

[3]) Франкфуртъ, 3 (16) ноября 1815 года. Въ этомъ письмѣ не указано, въ качествѣ кого Тургеневъ состоялъ при Штейнѣ.

[4]) Вѣна, май (?) 1815 года.

Я ихъ долго помнить буду“. Поэтъ Арндтъ, такъ много содѣйствовавшій своими стихами возбужденію патріотическаго чувства въ эпоху освободительныхъ войнъ, постоянный спутникъ Штейна, близко сошелся съ Тургеневымъ и, такимъ образомъ, отзывается о немъ и объ отношеніи къ нему Штейна: „Этотъ Николай былъ маленькій, умный, честный, хромающій московитъ, съ которымъ я былъ на короткую ногу и котораго Штейнъ тоже любилъ“ [1]). Мы еще будемъ говорить о привязанности къ Тургеневу Штейна. Здѣсь же, кончая о пребываніи Тургенева въ Вѣнѣ и тѣмъ самымъ о непосредственныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Штейномъ, мы должны съ благоговѣніемъ преклониться передъ дружбой этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Несмотря на громадное различіе въ ихъ возрастѣ,— Штейну пошелъ седьмой десятокъ, а Тургеневу минулъ только 26 годъ,— несмотря на то, что они вышли не изъ одной и той же общественной среды, — Штейнъ родился въ семьѣ гордыхъ и независимыхъ Reichsritter'овъ, Тургеневъ — въ странѣ крѣпостничества и политическаго безправія (отецъ его былъ жертвой свирѣпыхъ гоненій Екатерины на масоновъ) — несмотря дальше на различіе ихъ общественнаго положенія — Штейнъ, бывшій министръ, выдающійся государственный дѣятель этой эпохи, близкое лицо Александра I,—Тургеневъ, коллежскій асессоръ,—они такъ близко сошлись, такъ хорошо понимали и такъ искренно уважали другъ друга. Оба они учились въ Геттингенѣ, одинаковыя у обоихъ черты характера — прямолинейность, откровенность, безукоризненная честность и любовь къ правдѣ; оба они стремились оздоровить жизнь своихъ соотечественниковъ введеніемъ свободныхъ учрежденій и уравненіемъ всѣхъ гражданъ въ правахъ. Для этихъ свѣтлыхъ идеаловъ Штейнъ уже поработалъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и Тургеневъ собирался слѣдовать ему въ этомъ отношеніи. Штейнъ былъ тѣмъ идеаломъ государственнаго дѣятеля, къ которому Тургеневъ стремился. Штейнъ стоялъ въ его глазахъ выше всѣхъ дѣятелей этой эпохи. Штейнъ былъ иниціаторомъ прусскихъ реформъ, послужившихъ Тургеневу примѣромъ par excellence политическихъ и соціальныхъ реформъ. Неудивительно поэтому, что между ними завязалась такая дружба.

VI.

Въ то время, какъ дипломаты разсуждали о судьбѣ Саксоніи и Польши, и весь конгрессъ велъ беззаботную и веселую жизнь, Наполеонъ появился внезапно во Франціи и черезъ нѣсколько недѣль опять былъ императоромъ.

---

[1]) Arndt, Meine Wanderungen und Wandlungen mit dem Reichsfreiherrn vom Stein, Leipzig (Reclam), стр. 157.

Союзныя державы рѣшили начать противъ него военныя дѣйствія. События смѣнялись весьма быстро. Пораженіе подъ Ватерлоо было окончательнымъ ударомъ для геніальнаго императора. Такъ какъ и теперь союзныя арміи вступили на французскую территорію, пришлось учредить временныя губерніи подъ вѣдомствомъ особо для этого назначенныхъ генералъ губернаторовъ. Русскія арміи оперировали въ Лотарингіи и ближайшихъ съ ней департаментахъ, и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ въ этихъ территоріяхъ извѣстный намъ дипломатъ Алопеусъ [1]).

Въ маѣ 1815 г. Штейнъ, не принимавшій никакого участія въ новомъ управленіи губерніями, сталъ хлопотать о томъ, чтобы Тургеневу предоставили мѣсто при Алопеусѣ. „Сей новый начальникъ, пишетъ Николай Ивановичъ брату Александру, мнѣ совсѣмъ не нравится. Но что дѣлать; если я не соглашусь быть при немъ, то надобно будетъ ѣхать въ Россію“ [2]). Съ іюля по октябрь 1815 г. Тургеневъ состоялъ при Алопеусѣ въ Нанси. На новой службѣ онъ былъ сильно заваленъ работой [3]). Прежде всего онъ велъ всю корреспонденцію съ военнымъ вѣдомствомъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ заботиться о заключеніи контрактовъ на поставки русскимъ войскамъ. За послѣднюю работу онъ взялся лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ своего начальника, но несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ остановить злоупотребленій служащихъ по интендантству [4]). Несмотря на приведенный отзывъ объ Алопеусѣ, Тургеневъ прекрасно ужился съ нимъ, и время, прожитое въ Нанси, онъ считалъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ своей жизни. Брату Александру онъ пишетъ, что работа у Алопеуса и жизнь въ Нанси его вполнѣ удовлетворяютъ. У Алопеуса часто собирались видные мѣстные жители и русскіе генералы. Тутъ-то Тургеневъ познакомился съ братьями Орловыми, младшій изъ которыхъ, Михаилъ, сыгралъ видную роль въ общественномъ движеніи при Александрѣ I. Михаилъ Орловъ сразу очень понравился Тургеневу [5]) „Я, говоритъ онъ въ письмѣ къ брату Александру [6]), всегда радуюсь, когда нахожу между нашими русскими такихъ образованныхъ людей, каковъ Михаилъ Орловъ“. Но тутъ же онъ жалуется на то, что встрѣчи съ Орловымъ очень рѣдки. Въ своихъ бесѣ-

---

[1]) La Russie et les Russes I, 64—65. Ему дали новый чинъ армейскаго министра, а управлялъ онъ своимъ вѣдомствомъ изъ города Нанси.

[2]) 2 (14) мая 1815 г.

[3]) Онъ былъ такъ занятъ, что рѣдко записывалъ въ дневникѣ.

[4]) La Russie et les Russes I, 65—69.

[5]) См. ст. Семевскаго. Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ; Русское Богатство, 1907, декабрь, стр. 125.

[6]) Отъ $\frac{\text{22 іюля}}{\text{3 августа}}$ 1815 г. Тургеневскій архивъ, № 1204.

дахъ они, какъ будетъ указано ниже, затрагивали вопросы русской политической жизни.

Не лишены интереса отзывы Николая Ивановича о настроенiи французскаго населенiя послѣ второго возвращенiя Бурбоновъ. Онъ замѣчаетъ слабую привязанность къ Бурбонамъ. Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ восклицаетъ: „Страшно положенiе Францiи! Трудно, весьма трудно положенiе короля. Я думаю, что для теперешняго правительства Францiи нѣтъ иного средства, какъ управлять народъ роялистами и строгостью. Много безпокойныхъ умовъ, мало приверженцевъ къ Бурбонамъ".

И въ Парижѣ, куда Тургеневъ уѣхалъ на нѣсколько дней, настроенiе было мрачное и унылое. „Теперь, пишетъ онъ брату, не такъ весело, какъ было въ послѣднiй разъ. Французы живутъ въ какомъ-то недоумѣнiи на собственный свой счетъ и на счетъ обстоятельствъ. Никогда никакой народъ не находился въ столь страшномъ положенiи, какъ теперь они. Много различiя въ мнѣнiяхъ. Хотятъ покоя, но многiе не хотятъ терпѣть униженiя" [1]). Въ Парижѣ Тургеневъ посѣтилъ Штейна, котораго Гарденбергъ умолялъ прiѣхать туда, чтобы поддержать у Александра I общiя стремленiя нѣмецкихъ патрiотовъ относительно укрѣпленiя нѣмецкой границы противъ Францiи рядомъ крѣпостей или Эльзасомъ и Лотарингiей. Тургеневъ былъ у Штейна одинъ разъ, „потерявъ надежду на всѣхъ сыновъ человѣческихъ". „Однако-же, продолжаетъ Николай Ивановичъ, онъ самъ обо мнѣ вспомнилъ и говорилъ Булгакову qu'il a une dette à remplier euvers moi („что онъ долженъ исполнить какой-то долгъ по отношенiю ко мнѣ"). Изъ письма къ брату Александру мы узнаемъ, что Штейнъ отправился къ императору Александру выхлопатать для Тургенева мѣсто помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Но такъ какъ Государь уѣхалъ на смотръ русской армiи въ Вертю, то Штейнъ отправилъ къ нему письмо черезъ князя Волконскаго. Тургеневъ рѣшилъ остаться два дня въ ожиданiи отвѣта, между тѣмъ, какъ Штейнъ уѣхалъ обратно въ Германiю [2]). О парижскихъ впечатлѣнiяхъ въ августѣ и сентябрѣ 1815 года Тургеневъ кратко замѣчаетъ въ дневникѣ: „Мое пребыванiе въ Парижѣ въ послѣднiй разъ не замѣчательно. Однакоже, я бы могъ— будучи тамъ, записать нѣсколько любопытныхъ или занимательныхъ замѣчанiй, сдѣланныхъ мною въ Парижѣ теперь, по сравненiю съ прежними временами, когда я тамъ былъ. Могъ-бы тамъ замѣтить удовольствiе, чувствуемое мною, когда я видѣлъ Тальму. Также и вечернiя прогулки не

[1]) $\frac{\text{20 августа}}{\text{1 сентября}}$ 1815 г.

[2]) Письмо къ брату Александру, Парижъ $\frac{\text{29 августа}}{\text{10 сентября}}$ 1815 г. Тургеневскiй архивъ, № 1204.

бульварамъ имѣли-бы свое мѣсто въ журналѣ. Разговоры съ якобинцами или съ конституціонными". Объ этихъ разговорахъ интересно было-бы узнать болѣе подробно, но, къ сожалѣнію, мы во всемъ дневникѣ не находимъ никакихъ упоминаній о личныхъ его сношеніяхъ съ французскими политическими дѣятелями. Надо полагать, что Николай Ивановичъ былъ остороженъ и не записывалъ въ дневникѣ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ и за границей вообще. Мы знаемъ, напримѣръ, что Никита Муравьевъ встрѣчался въ Парижѣ съ Бенжаменомъ Констаномъ, съ которымъ, вѣроятно, былъ лично знакомъ и Тургеневъ [1]).

Алопеусъ былъ очень доволенъ своимъ дѣятельнымъ помощникомъ и оффиціально выразилъ ему свое признаніе [2]). Кромѣ того, онъ сообщилъ Императору Александру, что было бы полезно поставить Тургенева во главѣ одной изъ отраслей внутренняго управленія или финансоваго вѣдомства [3]). Согласно вышеупомянутому представленію Штейна, Николаю Ивановичу было поручено вести дальше дѣла ликвидаціонной комиссіи. Почти полгода онъ опять провелъ во Франкфуртѣ, не считая кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ, который ему и на этотъ разъ показался весьма унылымъ, а жители—въ подавленномъ состояніи. Такимъ образомъ, мы обозначили рамки внѣшней жизни Тургенева почти до того момента, когда онъ рѣшилъ вернуться въ Россію, т. е. до осени 1816 года.

Но намъ предстоитъ теперь болѣе интересная задача: прослѣдить развитіе политическихъ взглядовъ Тургенева за этотъ періодъ его жизни. Тутъ опять необходимо прибѣгнуть къ его дневнику.

Еще въ Вѣнѣ, въ маѣ 1815 г., онъ разсуждаетъ: „Я замѣчаю, что глупыя постановленія дѣлаютъ людей глупыми. Несправедливыя и варварскія постановленія и обыкновенія бываютъ причиною бунтовъ. Тѣ лжецы или невѣжды, которые думаютъ, что, дѣлая народу добро, напримѣръ, дѣлая его свободнымъ, можно повлечь его къ возмущенію. Благодѣянія со стороны правительства никогда не возмущали народъ противъ нихъ. Опасеніе перемѣнъ покрываетъ или порокъ или нерадѣніе". Эту мысль онъ высказалъ болѣе опредѣленно три года спустя въ много нашумѣвшемъ „Опытѣ теоріи налоговъ" [4]).

Обращаясь къ Россіи, внутреннее состояніе которой, по его мнѣнію.

---

[1]) Гречъ, Записки 1886, стр. 404 и сл.

[2]) Въ Тургеневскомъ архивѣ (подъ № 728) сохранилось «Свидѣтельство», выставленное ему армейскимъ министромъ Алопеусомъ въ Нанси $\frac{\text{25 сентября}}{\text{7 октября}}$ 1815 г.

[3]) Письмо Алопеуса къ Н. И. Тургеневу (по-французски), Берлинъ, 11 ноября 1815 г. Тургеневскій архивъ, № 728.

[4]) 2-ое изд. С.-Петербургъ, 1819, стр. 118.

столь жалко, Тургеневъ рано начинаетъ размышлять о цѣлесообразномъ и постепенномъ проведеніи цѣлаго ряда реформъ, политическихъ и соціальныхъ. Мы подчеркиваемъ постепенность, такъ какъ въ этомъ смыслѣ могъ, на нашъ взглядъ, повліять баронъ Штейнъ. Въ Вѣнѣ, наканунѣ отъѣзда, Тургеневъ заноситъ въ дневникѣ, что ему „пришло на мысль написать что-нибудь о теперешнемъ состояніи Россіи и о способахъ улучшить состояніе простого народа и т. п.“ Слѣдовало бы, говоритъ Тургеневъ, указать въ введеніи къ такому сочиненію, какъ трудно автору либеральнаго образа мыслей доказать цѣлесообразность онаго даже просвѣщеннымъ русскимъ людямъ, потому что послѣдніе очень часто столь же предубѣждены противъ либеральныхъ мнѣній, какъ и невѣжды. „Публика легко смѣшиваетъ либеральныя идеи съ якобинизмомъ“. Планъ задуманнаго имъ сочиненія таковъ: „1) Прежде можно говорить о теперешнемъ состояніи Россіи. 2) Готовъ ли народъ къ перемѣнѣ. Здѣсь надобно въ этомъ убѣдить неимущихъ вѣры. О посѣщеніи русскихъ въ чужихъ краяхъ. Говорить о достоинствѣ человѣка. 3) О средствахъ улучшить состояніе гражданскаго образованія и народа. 4) О слѣдствіяхъ, отъ этого произойти могущихъ“.

Къ разработкѣ этого плана Николай Ивановичъ приступилъ не сейчасъ, но мысли о преобразованіяхъ продолжали его занимать во все время пребыванія за-границей. Онѣ изложены въ дневникѣ въ самыхъ общихъ чертахъ и часто неопредѣленны. Основной взглядъ о необходимости упраздненія крѣпостного права и введеніи самыхъ важныхъ реформъ въ внутреннемъ управленіи государства при существующемъ абсолютистскомъ режимѣ, однако, и тогда уже ясно высказывается Тургеневымъ. Вотъ одинъ набросокъ плана реформъ, съ самаго начала долженствующихъ быть осуществимыми: „Начать должно введеніемъ законовъ, оставивъ неопредѣленнымъ состояніе крѣпостныхъ людей, и предоставивъ правительству право опредѣлить отношенія крѣпостныхъ людей тогда, когда они будутъ вольными. Послѣ сего должно слѣдовать образованіе внутренняго и въ особенности земскаго управленія. Когда вслѣдствіе сего должности губернаторовъ и капитанъ-исправниковъ будутъ заняты порядочными людьми, тогда предоставить богатымъ дворянамъ пріобрѣтать права пэровъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Какую прекрасную славу русскіе вельможи симъ заслужить могутъ. Черезъ то богатые люди соединятся съ правительствомъ для достиженія великой цѣли общаго освобожденія. Все это надлежитъ дѣлать постепенно и такъ, чтобы одно предпріятіе не казалось неотмѣнно влекущимъ за собою другое. Въ особенности не нужно терять ни мало самодержавной власти прежде уничтоженія рабства. Пэры не ограничатъ ея, но усилятъ“.

Къ мысли о желательности земской реформы Тургеневъ возвращается

въ другомъ мѣстѣ дневника. „Надобно,—говоритъ онъ,—правительству подумать о составленіи земскаго уложенія, по которому бы крестьяне имѣли такую же юридикцію, какъ и другіе классы народа. Изъ сихъ выгодъ не должны быть исключены крѣпостные, какъ сіе само собою разумѣется“. Одно составленіе уложеній недостаточно; необходима, кромѣ того, перетасовка въ личномъ составѣ административныхъ учрежденій и лишь послѣ завершенія этихъ предварительныхъ работъ можно будетъ думать о конституціи [1]).

Проклятый вопросъ, занимавшій Тургенева еще въ Геттингенѣ, о которомъ онъ никогда не переставалъ думать и отъ разрѣшенія котораго зависѣло преобразованіе русской жизни во всѣхъ ея видахъ,— крѣпостное право—сильно занималъ его и теперь во Франкфуртѣ. Имѣя въ виду личное освобожденіе крестьянъ безъ земельнаго надѣла, онъ говоритъ: „Отдѣленіе крестьянства отъ земли дѣлаетъ его совершенно свободнымъ. (Это средство еще самое строгое изъ прочихъ). Такимъ образомъ, помѣщики или совсѣмъ не будутъ брать крестьянъ къ себѣ во дворъ, или будутъ брать людей, которымъ будутъ за службу ихъ платить“. Очень полезнымъ для пропагандированія идеи о раскрѣпощеніи крестьянъ считаетъ Тургеневъ составленіе книги о состояніи рабства въ среднихъ вѣкахъ и о томъ, что предпринимали тогда къ его уничтоженію. „Наши дворяне увидѣли бы,—говоритъ онъ,—что въ самыя варварскія времена состояніе крестьянъ было лучше, нежели состояніе ихъ мужиковъ въ сіи просвѣщенныя и въ особенности для Россіи столь славныя времена. Они бы увидѣли, что вездѣ умные и добрые, и даже только что знающіе общую пользу правительства стремились къ уничтоженію рабства. Это бы ихъ можетъ быть нѣсколько удостовѣрило, что рабское состояніе не такъ натурально, какъ они думали, и не такъ необходимо для благоденствія народовъ, какъ они воображали“.

[1]) Болѣе подробно излагаетъ Тургеневъ эту свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Въ отношеніи составленія законовъ можно дѣлать много хорошаго и полезнаго. Законодательство дѣло не невозможное. Ускоряя различными средствами ходъ онаго, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно дѣйствовать для лучшаго образованія внутренняго управленія государства: должно перемѣнить существо губернаторовъ и въ особенности земскихъ чиновниковъ. Когда сіи послѣднія перемѣны будутъ произведены въ дѣйство съ успѣхомъ, то тогда, и только тогда, и отъ улучшенія состоянія крестьянъ можно будетъ ожидать важныя выгоды для государства. Прежде, нежели все сіе будетъ приведено въ порядокъ, нельзя думать о конституціи, ни о репрезентаціи народной“. Кто мало-мальски познакомился со взглядами Штейна относительно способа проведенія реформъ въ Пруссіи, легко увидитъ въ приведенныхъ словахъ вліяніе этого дѣятеля на Тургенева.

Мысль о пэрахъ, высказанная въ выше приведенныхъ словахъ Тургенева, занимала въ то время и другихъ политическихъ дѣятелей, Н. С. Мордвинова, М. Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова [1]), Но тогда какъ послѣдніе думали о необходимости учрежденія палаты пэровъ для ограниченія самодержавія, Тургеневъ предполагалъ, что въ Россіи она въ первое время, наоборотъ, должна усилить самодержавную власть. Впослѣдствіи, но все еще за границей, Тургеневъ пришелъ къ иному заключенію относительно палаты пэровъ, но все же видѣлъ въ ней опору правительства. „Въ Россіи, говоритъ онъ, можно теперь съ пользою ввести une Chambre de Pair (палату пэровъ), а Ch. de Dep. (палату депутатовъ) не вводить. Отъ сей нельзя теперь ожидать ничего полезнаго. Первая же можетъ поддерживать либеральную систему, которую можетъ ввести правительство. Сія первая, если такая система вводится, предохранитъ ее отъ разрушенія въ послѣдующихъ царствованіяхъ“. Правильно замѣчаетъ Семевскій, что „послѣдняя надежда очень наивна при сохраненіи самодержавной власти, которая будетъ имѣть полную возможность уничтожить какъ прежде принятую либеральную систему, такъ и самую палату пэровъ“.

Намѣченную выше схему преобразованій Тургеневъ пополняетъ и подробнѣе развиваетъ въ слѣдующемъ проектѣ.—Намѣченный планъ долженъ осуществиться въ теченіе 25 лѣтъ. Слѣдуетъ ввести рядъ реформъ въ первые 10 лѣтъ, „дабы то, что должно сдѣлать въ теченіе слѣдующихъ 15 лѣтъ или бы зависѣло отъ существующихъ уже законовъ, или бы слѣдовало изъ сдѣланнаго прежде. Раздѣлить сіи 25 лѣтъ на 5 періодовъ. Въ теченіе перваго періода надлежитъ заняться: 1) составленіемъ кодекса всѣхъ законовъ, 2) образованіемъ внутренняго управленія и 3) исправленіемъ системы финансовъ. Труднѣйшее изъ сихъ трехъ есть второе“. Дальше Тургеневъ предлагаетъ отправить въ эти же десять лѣтъ за границу сто или двѣсти молодыхъ людей, которые должны будутъ послѣ окончанія своихъ занятій въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ содѣйствовать успѣшному проведенію въ жизнь того, что намѣчено въ трехъ пунктахъ. Въ третьемъ періодѣ придется образовать классъ пэровъ, которые, какъ извѣстно, должны послужить усиленію самодержавной власти. А объ ограниченіи самодержавной власти въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ нельзя даже думать. „Такъ какъ, аргументируетъ Тургеневъ, пэрами могутъ быть только такіе, кои не имѣютъ крѣпостныхъ людей, то они могутъ даже содѣйствовать правительству въ общемъ освобожденіи. Къ тому эти права пэровъ могутъ быть первоначальнымъ положеніемъ ограничены въ теченіе 10 или 15 лѣтъ такъ, чтобы

---

[1]) О послѣднихъ см. Семевскій, „Очерки“... Русское Богатство 1907, XII, стр. 98 и сл.

вліяніе ихъ могло только всегда способствовать видамъ правительства, но никогда онымъ противиться. Все въ Россіи должно быть сдѣлано правительствомъ. Ничто самымъ народомъ Если правительство ничего не будетъ дѣлать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу". Въ четвертомъ періодѣ нужно заняться полнымъ уничтоженіемъ рабства, а лишь въ пятомъ — введеніемъ народнаго представительства. „Самодержавная власть, заканчиваетъ Тургеневъ, ограничится, но не такъ, какъ въ Англіи и во Франціи и проч.; у насъ она всегда должна быть сильнѣе: могущество, сила и внѣшняя слава Россіи сего требуютъ.—Боже! Когда я это на яву увижу!"

При оцѣнкѣ этого проекта надо имѣть въ виду выраженную уже нами основную мысль о желаніи Тургенева проводить необходимыя реформы постепенно и безъ особыхъ потрясеній. Надо, кромѣ того, принять во вниманіе, что Николай Ивановичъ, находясь во Франкфуртѣ, былъ свидѣтелемъ того, какія возникли затрудненія при стремленіи ввести конституціонный режимъ въ нѣмецкихъ государствахъ. Непонятнымъ остается, почему онъ такъ отрицательно относится къ участію народа или общества въ дѣлѣ реформы и почему онъ всю почти работу предоставляетъ правительству съ идеальными пэрами, которые отказались бы отъ владѣнія крѣпостными. Во всякомъ случаѣ положеніе, что необходимо сохранить самодержавную власть, пока не будутъ осуществлены важнѣйшія реформы, стало главнымъ пунктомъ политической системы Тургенева. Быть можетъ, личность Александра I, столь блестяще, по мнѣнію Тургенева, начавшаго царствовать, внушила ему такое довѣріе къ самодержавію, и вселила надежду, что одно самодержавіе можетъ упразднить крѣпостное право.

Обращаемся снова къ чтенію Тургенева во Франкфуртѣ. Онъ продолжаетъ чтеніе книги M-me Сталь о Германіи, начатую имъ еще въ началѣ 1814 года во Франціи. Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то мѣсто въ книгѣ изъ разбора Шиллера, гдѣ говорится о томъ, какъ „маркизъ Поза проситъ Елизавету напомнить Донъ Карлосу, когда достигнетъ зрѣлаго возраста, о планахъ, которые они вмѣстѣ составляли о томъ, что нужно уважать мечты молодости". „Я дорого бы заплатилъ, говоритъ Тургеневъ, если бы кто-нибудь съ добрымъ намѣреніемъ показалъ это мѣсто императору Александру". „Почему, размышляетъ дальше Тургеневъ, пожилые люди производили и производятъ великія дѣла? Потому, что они сохраняютъ въ груди своей огонь молодости. Посмотрите на Штейна. Поговорите съ нимъ. Онъ и въ 20 лѣтъ отъ роду не могъ говорить иначе. За то люблю я Лагарпа, что онъ сказалъ въ своихъ мнѣніяхъ, отъ того происходитъ и его откровенность". Изъ другихъ книгъ, прочитанныхъ имъ въ это время, слѣдуетъ особенно упомянуть „Исповѣдь" Руссо и книгу по

финансовымъ вопросамъ Ganilh'a [1]). Книга французскаго дипломата де-Прадтъ о Вѣнскомъ конгрессѣ ему нравится, по безпристрастію автора, приведшему его къ справедливымъ и умнымъ заключеніямъ [2]). Болѣе интересны сужденія, записанныя Тургеневымъ по поводу прочитанныхъ книгъ, чѣмъ сами книги. Такъ, напримѣръ, онъ заноситъ въ дневникъ слѣдующее мѣсто изъ новой тогда книги Ансильона, неглубокаго теоретика государственнаго права и воспитателя прусскихъ принцевъ, Ueber Souveränität und Staatsverfassung [3]). „Суверенная власть это такая, которая опредѣляетъ, что сказала бы общая воля союза; суверенъ замѣняетъ эту волю и, выражая ее, онъ тѣмъ самымъ создаетъ законъ. Какая галиматья: einen Willen bestimmen (опредѣлять волю). Идея воли есть свободна, но не повелѣнія и не опредѣленія посторонния. Сотворить волю—еще невозможнѣе.—О, животное Ансильонъ! Какъ воспитываешь королевскихъ дѣтей.—Лагарпъ, прекрасный Лагарпъ, не давалъ такихъ уроковъ“. Важно отмѣтить книги Делольма объ англійской конституціи [4]) и Шатобріана о старыхъ и новыхъ революціяхъ [5]), которыя Тургеневъ внимательно читалъ, сдѣлавъ изъ нихъ много выписокъ.

При чтеніи предисловія къ біографіи Фуше, Тургеневъ замѣчаетъ, между прочимъ, что пора, „чтобы правители предпочли быть подобными Богу, нежели пастухамъ“.

Онъ развиваетъ подробнѣе эту мысль и задается наивнымъ вопросомъ, когда государи будутъ одного мнѣнія съ народами. За этимъ слѣдуетъ

---

[1]) Considérations générales sur la situation financiérle d la France en 1815 et 1816, Paris 2 vol. 1815—1816.

[2]) Abbé do Pradt, французскій публицистъ и дипломатъ (1757—1837). Тургеневъ говоритъ о его книгѣ Du congrés de Vienne 1815, 2 vol 8°.

[3]) Интересная біографія Ансильона въ Allgem. Deutsche Biographie. Ancillon, Iohann Peter Friedrich (1767—1837) сперва проповѣдникъ, впослѣдствіе посвятилъ себя политическимъ наукамъ и государственной службѣ Въ 1803 г. онъ выпустилъ книгу: Tableau des révolutions du système politique de l'Europe. Въ 1808 г. онъ былъ назначенъ воспитателемъ наслѣдныхъ принцевъ, а въ 1810 году учителемъ кронпринца Фридриха Вильгельма, впослѣдствіи романтика на прусскомъ тронѣ. Интересно сопоставить съ отзывомъ Тургенева слова біографа Ансильона по поводу вреднаго вліянія воспитателя, въ душѣ реакціонера.

[4]) Delolme, Constitution d'Angleterre, Amsterdam, 1778. Брату Сергѣю онъ очень рекомендовалъ эту книгу. „За 30 лѣтъ, говоритъ Николай Тургеневъ, люди умнѣе писали, нежели теперь“.

[5]) François René Chateubriand Essai historique, politique et moral sur les revolutions anciennes et modernes, Лондонъ 1797. I т. въ 2 частяхъ. Шатобріанъ стоялъ въ этомъ трудѣ на точкѣ зрѣнія философскаго просвѣщенія 18 вѣка.

интересное сужденіе объ Александрѣ I и о надеждахъ, возлагаемыхъ на него Тургеневымъ. „Я увѣренъ, говоритъ онъ, что нашъ государь одинъ изъ благороднѣйшихъ людей міра. Онъ доказалъ это по крайней мѣрѣ первыми своими поступками. Я увѣренъ, что онъ думаетъ такъ, какъ должны думать избранные народа русскаго. Но почему онъ теперь не поступаетъ, какъ требуетъ честь и счастіе Россіи? Почему мы видимъ бичъ своевольствія и жестокости, безпрестанно содержащій въ трепетѣ, униженіи и нищетѣ добрый и умный народъ?—Сей причины я подлинно не понимаю. Но не могу думать, чтобы сего сдѣлалъ нашъ Государь, котораго я душевно люблю за прошедшее и такъ сказать за будущее, ибо я еще многаго для отечества отъ него надѣюсь, даже предчувствую. Свободный образъ мнѣнія, неоспоримо распространенный теперь во всей Европѣ, долженъ имѣть свои дѣйствія“. Здѣсь мы имѣемъ все: вѣру въ силу духа времени, вѣру въ Александра, выраженіе любви къ этому монарху, но кромѣ того—и это самое важное—нетерпѣніе при видѣ бездѣйствія правительства, первыя проявленія сомнѣнія въ томъ желаетъ ли правительство серьезно вступить на путь реформъ. И такъ какъ сомнѣніе есть начало невѣрія, то мы здѣсь уже чувствуемъ, какъ мало, въ сущности, Тургеневъ вѣритъ въ инициативу правительства, хотя онъ этого еще ясно не высказываетъ. Но мы вѣдь знаемъ изъ другихъ, ранѣе цитированныхъ словъ его дневника, какъ тяжело для него было думать о предстоящей жизни въ Россіи. Если бы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ наступленіе лучшихъ и свѣтлыхъ дней, эти тяжелыя мысли наврядъ ли бы у него явились.

Чтеніе книги аббата де-Прадта, Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne (1816), наводитъ Тургенева на мысль о Наполеонѣ. Говоря о Байонскихъ событіяхъ, онъ пишетъ длинное разсужденіе о глубокомъ презрѣніи Наполеона къ людямъ. „Одно только проклятіе,—говоритъ онъ, обращаясь къ Наполеону, — послѣдитъ съ тобою въ гробъ. Ты имѣлъ къ людямъ глупое презрѣніе; справедливое ихъ презрѣніе будетъ твоей наградой“. Не иначе отозвался о Наполеонѣ Штейнъ и, быть можетъ, что Тургеневъ проникся благодаря ему такой слѣпой ненавистью къ геніальному императору. Причина ненависти къ нему Тургенева заключается, можетъ быть, и въ томъ, что Наполеонъ уничтожилъ свободную конституцію во Франціи,— результатъ великой революціи, и что послѣ его паденія Франція была въ томъ же положеніи, какъ наканунѣ революціи...

Переходя къ интимной жизни, къ міру чувствъ и мечтаній Николая Ивановича, мы должны сказать, что въ 1816 году мы опять видимъ его въ скверномъ настроеніи, въ которое приводила его мысль о предстоящей жизни въ Петербургѣ. Получаемыя имъ оттуда вѣсти о ходѣ внутренняго управленія очень его безпокоятъ. Мысль о томъ, что Россія не вступитъ

на путь коренной реформы государственнаго и общественнаго быта, приводитъ его въ отчаяніе, такъ какъ въ этой реформѣ онъ видитъ цѣль своей жизни и для ея осуществленія онъ готовъ пожертвовать всѣмъ. И подъ этими впечатлѣніями написаны, быть можетъ, самыя интересныя строки его дневника. „Скука и уныніе, такъ начинаетъ Тургеневъ, преодолѣваютъ меня. Много непріятности моему состоянію прибавляютъ слухи изъ Петербурга. О выгодахъ и счастіи бѣднаго (вмѣстѣ и сильнаго) отечества мало думаютъ. Будучи увѣренъ, какое усовершенствованіе можетъ быть произведено въ благосостояніи народномъ, нельзя не печалиться, видя, что главные предметы управленія совсѣмъ выпущены изъ вида; и что бездѣлицы заступаютъ мѣсто важныхъ идей вещей, формы—самаго дѣла, легкомысліе—патріотизма, слабость—добродѣтели, суровость—разума. Эти слухи заставляли меня думать о будущей судьбѣ моей, и объ основаніи оной. Неужели должно будетъ отказаться отъ счастливыхъ мечтаній о благополучіи отечества? Неужели должно будетъ проститься съ родимою землею и удалиться въ дальнія земли, дабы не быть по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ вѣчной печали, вѣчнаго несчастія любимѣйшаго отечества? Вся цѣль жизни моей, все, что привязываетъ меня къ жизни, все, что дѣлаетъ ее мнѣ сносною—есть надежда о счастіи и истинномъ величествѣ Россіи. Начало сего счастія составитъ и все счастіе собственной моей жизни Спокойно оставлю землю, если при смерти можно будетъ видѣть, что святая великая Россія начала наконецъ итти къ своему назначенію, къ своему гражданскому благополучію. Но что предвѣщаетъ теперь сіе благополучіе? Все случающееся, или лучше сказать, все теперь дѣлаемое, можетъ только что погасить въ патріотическихъ душахъ послѣднюю искру священнаго огня. Добрыя, но слабыя души отрекутся отъ блага отечества при малѣйшей надобности въ пожертвованіи; забудутъ о ближнемъ, видя, что оно не можетъ утвердиться теперешнею системою. Злые будутъ пользоваться физическими выгодами, будутъ пещись о продолженіи безпорядка для своего интереса Но что остается дѣлать для истинныхъ сыновъ отечества? Для тѣхъ, кои всему предпочитаютъ благо его и кои всѣмъ готовы жертвовать въ пользу его? Какой отвѣтъ можно дать на сіе? По сію пору не знаю. Между тѣмъ молчать не надо. Говорить вездѣ правду и говорить смѣло; обличать невѣждъ и бездѣльниковъ во вредѣ, причиняемомъ ими государству. Добрыхъ поддерживать въ надеждѣ и терпѣніи".

Не требуетъ комментарій изложеніе profession de foi самоотверженнаго политическаго дѣятеля. Но мы должны отмѣтить, что изъ окружавшихъ Тургенева государственныхъ дѣятелей, да вообще изъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій, одинъ Штейнъ могъ ему послужить примѣромъ такой беззавѣтной преданности государственной службѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова

Вполнѣ естественно, что Тургеневъ продолжалъ живо интересоваться нѣмецкими дѣлами, живя въ Франкфуртѣ, гдѣ долженъ былъ засѣдать Bundestag. Въ концѣ 1815 года онъ сообщаетъ брату, что о нѣмецкомъ сеймѣ еще ничего обстоятельнаго неизвѣстно. Но ясно для него то, „что подлинно изъ Германіи теперь не выйдетъ ничего путнаго и прочнаго“ [1]). Съ этимъ пессимистическимъ взглядомъ на нѣмецкія дѣла послѣ освободительныхъ войнъ мы уже познакомились болѣе обстоятельно въ интересномъ его письмѣ въ началѣ 1815 г. изъ Вѣны. Его особенно опечалило, конечно, гнусное вѣроломство нѣмецкихъ владѣтелей, обѣщавшихъ своимъ подданнымъ введеніе свободныхъ учрежденій, но теперь, послѣ упроченія своей власти, забывшихъ о своихъ щедрыхъ обѣщаніяхъ. Одинъ только Нассаускій князь даровалъ своимъ подданнымъ конституцію, и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ баронъ Штейнъ [2]).

Еще одна темная сторона усиливающейся реакціи представилась Николаю Ивановичу въ мѣрахъ, принятыхъ прусскимъ правительствомъ противъ патріотовъ. И въ этомъ онъ видитъ вполнѣ открытое и полное игнорированіе правительствомъ своихъ обязанностей. Онъ заканчиваетъ соотвѣтствующее мѣсто въ дневникѣ весьма мѣтко: „Правители не имѣютъ довольно силы и ума, чтобы воспользоваться духомъ времени. Они ему противятся; но будутъ жертвами его“.

Правительственное сообщеніе изъ Россіи объ упраздненіи крѣпостного права въ Эстляндской губерніи очень обрадовало Тургенева, и въ письмѣ къ брату Александру онъ даетъ полную волю чувствамъ, наполнившимъ его душу: „Жаль, что примѣръ сей поданъ не Симбирскою или какою-нибудь другою внутреннею губерніею. Но сіе не мѣшаетъ намъ быть и Эстляндскому дворянству благодарными. Какая противоположность между нашимъ и многими другими правительствами“. Тургеневъ серьезно берется доказать или предсказать, что въ Европѣ царитъ деспотизмъ и произволъ, а Россія вступаетъ на путь гражданской свободы: „Между тѣмъ, какъ почти во всей Европѣ верховная власть старается лишить народъ послѣднихъ опоръ свободы, между тѣмъ, какъ во многихъ государствахъ

---

[1]) 3 (16) ноября 1815 г. Въ письмѣ къ брату Александру, отъ 4 іюля 1816 г., мы читаемъ: „Министры, долженствующіе составлять d. Bundestag собрались было здѣсь, но на сихъ дняхъ опять разъѣдутся и обѣщаютъ собираться въ августѣ. Вотъ какъ морочатъ бѣдную Германію. Между тѣмъ многіе изъ нѣмецкихъ владѣтелей—въ полной мѣрѣ даютъ своимъ подданнымъ чувствовать, что верховнаго судилища надъ ними не существуетъ. Читали ли вы въ газетахъ извѣстіе о преміяхъ Вюртембергскихъ государственныхъ чиновъ? Теперь они опять любопытные“.

[2]) Lehmann, Stein III, 398 и сл.

между престолами и народомъ созидается преграда изъ ненависти съ одной, изъ презрѣнія съ другой стороны: наша славная Россія идетъ впередъ умѣренными, но вѣрными шагами; правительство соединяется съ народомъ любовью и признательностью. Еще нѣсколько... и Россія вступитъ на высочайшую степень гражданскаго благополучія. Гдѣ тогда будетъ престарѣлая Европа, если посѣваемыя теперь сѣмена деспотизма и невѣжества принесутъ плоды свои? Странно видѣть, что послѣ того, какъ Европа цѣлые 25 лѣтъ кричала о свободѣ и о либеральныхъ идеяхъ, она теперь начинаетъ идти назадъ къ старому варварству. Какая сему причина? Люди, кажется, въ теченіе сего періода болѣе терпѣли отъ непомѣрнаго деспотизма, нежели отъ непомѣрной свободы; ибо не надобно забывать, что первый часто имѣлъ въ дѣйствіяхъ своихъ предлогомъ послѣднюю. Печально находить удостовѣреніе, что за 50 или 40 лѣтъ въ Европѣ справедливѣе и благороднѣе люди думали, нежели теперь".

Мы подошли къ послѣднимъ недѣлямъ пребыванія Тургенева за границей. На очереди стоялъ важный вопросъ—онъ долженъ былъ принять рѣшеніе по поводу своей дальнѣйшей государственной службы. Онъ могъ оставаться за границей или вернуться въ Россію. Все говорило въ пользу перваго. То, что онъ долго не былъ въ своемъ отечествѣ, вѣроятно, сдѣлало бы болѣе или менѣе труднымъ пребываніе тамъ, въ то время, какъ дальнѣйшая жизнь на Западѣ обѣщала, очевидно, больше моральныхъ и матеріальныхъ благъ. Родные, зная его взгляды, не настаивали, чтобы онъ возвращался въ Петербургъ. Штейнъ, для котораго, какъ извѣстно, обязанность была выше всего, совѣтовалъ ему остаться въ Германіи. „Вы себя здѣсь будете лучше чувствовать, чѣмъ въ своей странѣ", сказалъ онъ. Но у самого Тургенева не могло быть рѣчи о выборѣ. Отвѣтъ заключался для него въ самомъ вопросѣ. „Возвращеніе въ Россію, писалъ онъ годы спустя, было для меня исполненіемъ моего долга, хотя я не скрывалъ отъ себя предстоящихъ непріятностей, трудностей и даже несправедливости". Его великій учитель баронъ Штейнъ, когда его вторично приглашали на должность министра, стоялъ передъ подобной же альтернативой [1]). Съ одной стороны, непріятности, съ другой стороны, исполненіе долга, надежда содѣйствовать облегченію участи крѣпостныхъ и пропагандировать свободныя идеи... ученикъ Штейна долженъ былъ рѣшиться на послѣднее. „Когда я теперь объ этомъ думаю, пишетъ Тургеневъ по прошествіи многихъ лѣтъ, я вижу, что добровольно отказался отъ счастья, чтобы, если можно такъ выразиться, пойти на встрѣчу несчастью. И все-таки, я, вѣроятно, при-

---

[1]) См. Минувшіе Годы, іюль, стр. 239; Lehmann, Stein II, 99.

нялъ бы то же рѣшеніе, если бы долженъ былъ снова сдѣлать этотъ выборъ“ [1]).

Съ Штейномъ онъ имѣлъ два свиданія въ Нассау, куда заѣзжалъ изъ Эмса. Первое онъ подробно описалъ въ письмахъ къ братьямъ Александру и Сергѣю и въ дневникѣ. Александру онъ пишетъ: „Штейнъ живетъ, какъ истинный мудрецъ, и можно къ нему ходить на поклоненіе, дабы заимствовать отъ него новыя силы, новую вѣру къ жизни, или отчаиваться во всемъ хорошемъ и добромъ на свѣтѣ“ [2]). Подробнѣе онъ распространяется о бесѣдахъ съ Штейномъ въ письмѣ къ брату Сергѣю: „Я съ нимъ долго бесѣдовалъ наединѣ въ саду. Онъ утѣшается мыслью, видя, что все идетъ не такъ, какъ должно, что это есть воля провидѣнія. Человѣкъ не рожденъ для счастья,—сказалъ онъ между прочимъ.—Не новое выраженіе, но несмотря на то, для меня весьма важное. То, что мы читали о пустыхъ мечтахъ счастья и блаженства, казалось намъ произведеніемъ... воображенія; но тутъ говоритъ опытъ. Я замѣтилъ Штейну, что переходъ отъ мечтаній къ дѣйствительности труденъ, что я нахожусь теперь въ этомъ переходѣ, и онъ согласился со мною“ [3]).

Въ Эмсѣ и Висбаденѣ Тургеневъ пробылъ нѣсколько недѣль для леченія, а потомъ отправился черезъ Берлинъ въ Россію. Уѣзжая изъ Берлина, онъ еще разъ задается вопросомъ, какая судьба его ожидаетъ въ Россіи? „Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, приближаюсь къ ней, тѣмъ ужаснѣе представляется мнѣ ея положеніе. Что съ нею будетъ, съ великою, съ славною, но не просвѣщенною? Конечно, всякій человѣкъ могъ бы изъ настоящихъ зданій построить прекрасное зданіе. Но какъ можетъ одно время произвести все? А у насъ, какъ видно, все хотятъ предоставлять времени. На время и на Бога надѣйся, а самъ не плошай—говоритъ у насъ пословица“.

VII

Мы не находимъ въ Тургеневскомъ архивѣ никакихъ слѣдовъ переписки съ Штейномъ за восемь лѣтъ пребыванія Тургенева въ Россіи. Трудно даже предполагать, чтобы они за это время не обмѣнялись мыслями, и возможно, что біографъ Тургенева наткнется на переписку этихъ двухъ замѣчательныхъ дѣятелей.

По дорогѣ изъ Карлсбада въ Парижъ въ 1825 году Николай Ивановичъ снова остановился въ Нассау, чтобы привѣтствовать бывшаго на-

---

1) La Russie et les Russes I, 69—70.

2) 1 сентября 1816 г. Тургеневскій архивъ, № 1204.

3) Письма Н. И. Тургенева къ С. И. Тургеневу. Тургеневскій архивъ, № 385.

чальника. Какъ и слѣдовало ожидать, Штейнъ радушно его принялъ. Несмотря на преклонность возраста, онъ показался Николаю Ивановичу „свѣжимъ, здоровымъ и веселымъ“. Сразу пошли у нихъ разговоры о политическомъ и соціальномъ состояніи Европы и Америки. Сначала говорили о Россіи, но о чемъ именно, Тургеневъ умалчиваетъ. Болѣе подробно онъ останавливается въ дневникѣ на разговорахъ „о свѣтѣ“. Штейнъ называлъ эмансипацію южной Америки „важнымъ происшествіемъ“ и хвалилъ Боливара. Относительно Англіи онъ въ общемъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Тургенева, но указалъ на три вредныхъ принципа: „1) малочисленность владѣльцевъ земли, 2) состояніе Ирландіи и 3) упадокъ англійской церкви и процвѣтаніе сектъ, къ ней не принадлежащихъ“. Въ особенности его огорчала опасность, грозившая въ Англіи аристократіи и церкви. „Что будетъ съ Англіею, спрашивалъ онъ Тургенева, если эти главныя опоры общественнаго и политическаго ея строя исчезнутъ“? Штейнъ пригласилъ еще, наконецъ, Тургенева пріѣзжать къ нему въ Каттенбергъ. „Но, записываетъ съ грустью Тургеневъ, я, вѣроятно, видѣлъ его въ послѣдній разъ въ жизни“ [1]).

Опасенія Николай Ивановича оправдались. Вскорѣ въ Парижѣ онъ узналъ, что его обвиняютъ по дѣлу сообщниковъ заговора декабря 1825 года, и въ Лондонѣ, весною 1826 года, ему стало извѣстно, что его будутъ судить. Въ іюлѣ состоялся судъ, и Тургеневъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Въ письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ брату Николаю мы находимъ интересные отзывы Штейна о приговорѣ, вынесенномъ любимому имъ Николаю Ивановичу за одни политическія убѣжденія. Нельзя не остановиться на этихъ признакахъ тѣсной дружбы, связывавшей Штейна съ Тургеневымъ. Они подтверждаютъ полученные нами выводы.

Александръ Тургеневъ посѣтилъ Штейна въ іюлѣ 1827 года въ Нассау. [2]) Штейнъ принялъ его очень тепло и первыми его словами были вопросы о Николаѣ и его судьбѣ. Александръ долженъ былъ ему разсказать „всю исторію“, но Штейнъ прерывалъ его безпрестанно и разспрашивалъ подробно о службѣ Николая. Прощаясь съ Александромъ, Штейнъ просилъ его написать Николаю, „что никогда, ни на минуту не вѣрилъ клеветѣ доносителей“. Зная характеръ, образъ мыслей и поведеніе Николая Ивановича, онъ никогда не вѣрилъ въ то, въ чемъ обвиняли его друга и полагалъ, что судьи хотѣли воспользоваться его отсутствіемъ и сдѣлать изъ него „козла отпущенія“. Затѣмъ Штейнъ прибавилъ, что о невиновности Николая

---

[1]) Дневникъ 1825 года, Тургеневскій архивъ, № 217.

[2]) См. письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, Лейпцигъ, 1871 г., стр. 44 и сл.

Тургенева онъ твердитъ всѣмъ русскимъ, съ которыми встрѣчается, и наконецъ, выразилъ желаніе прочесть оправдательную записку Николая Ивановича. Александръ передалъ ему два письма Николая къ графинѣ Разумовской, изъ которыхъ Штейнъ могъ убѣдиться, каково было мнѣніе Николая Ивановича о возводимомъ на него обвиненіи. „Онъ почти заплакалъ, говоритъ Александръ въ письмѣ къ брату, и дрожащею рукою взялъ отъ меня эти бумаги, благодарилъ и опять просилъ немедленно написать къ тебѣ о всегдашней его привязанности и о вѣрѣ въ твои правила“.

Черезъ два дня Александръ обѣдалъ у Штейна съ Жуковскимъ, которому Штейнъ твердилъ „о характерѣ, умѣ и правилахъ“ Николая Ивановича и высказалъ увѣренность въ томъ, что невиновность его еще будетъ доказана. Онъ передавалъ свой разговоръ съ графомъ Головкинымъ, однимъ изъ судей Николая. „Съ презрѣніемъ, говоритъ Александръ, назвалъ онъ Головкина пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ, прикрывающимъ ничтожность и подлость свою фразами“. Во время дальнѣйшей бесѣды Штейнъ еще нѣсколько разъ возвращался къ Николаю, объясняя „по своему“ [1]) участь его въ Россіи.

Тургеневъ напрасно пробовалъ оправдываться передъ Николаемъ I, и напрасны были всѣ хлопоты Александра Тургенева и Жуковскаго въ этомъ направленіи. Николай Ивановичъ не могъ нѣсколько лѣтъ показаться на континентѣ, не желая быть арестованнымъ русскими агентами. Всѣ усилія Александра и Жуковскаго свелись, наконецъ, къ тому, чтобы выхлопотать ему разрѣшеніе пребывать на материкѣ. Штейнъ, продолжая живо интересоваться участью своего бывшаго сотрудника, далъ рекомендательное письмо Александру Тургеневу, собиравшемуся въ Берлинъ хлопотать передъ императрицею объ упомянутомъ разрѣшеніи брату—письмо къ фельдмаршалу Гнейзенау. Штейнъ писалъ Гнейзенау, между прочимъ, что Николай Тургеневъ, благодаря показаніямъ заговорщиковъ, былъ включенъ въ списокъ лицъ, разслѣдованіе о которыхъ многіе находили пристрастнымъ; его признали виновнымъ только вслѣдствіе того, что онъ не явился на судъ. Онъ проситъ Гнейзенау помочь Александру въ его хлопотахъ: „Мнѣ кажется, что участіе Тургенева въ заговорѣ 1825 года психологически невѣроятно; такое участіе предполагаетъ, какъ непремѣнное условіе, высокую степень ослѣпленія относительно послѣдствій, котораго нельзя ожидать отъ образованнаго, занимавшагося дѣломъ молодого человѣка, или дикій, безразсудный характеръ, равнодушный къ послѣд-

[1]) Александръ Тургеневъ ограничивается этимъ неяснымъ опредѣленіемъ.

ствіямъ, характеръ, который совершенно не подходитъ къ добродушному, скромному Тургеневу“ [1]).

Это былъ послѣдній отзывъ Штейна о Тургеневѣ. Два года спустя, 29 іюня 1831 г., Штейнъ скончался. Посмотримъ, какъ оттозвался о немъ Тургеневъ, когда жилъ въ изгнаніи въ Парижѣ, и въ чемъ, по его мнѣнію, заключалось значеніе Штейна для исторіи Германіи и всего человѣчества [2]). Изложивъ сжато внѣшнія событія изъ жизни Штейна, останавливаясь при этомъ на его реформахъ въ Пруссіи, Тургеневъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ выводовъ относительно міровоззрѣнія Штейна. Онъ защищаетъ Штейна отъ дѣлаемыхъ ему упрековъ въ томъ, что онъ явился ярымъ поборникомъ аристократическихъ принциповъ. Если вѣрно, что Штейнъ хотѣлъ ихъ сохранить при проведеніи своихъ реформъ, то нельзя, однако, сказать, что онъ сдѣлался „исключительно борцомъ за аристократизмъ“. „Всѣ его мысли, говоритъ Тургеневъ, были сконцентрированы на благѣ родины, на благѣ всего нѣмецкаго народа“. Вся его дѣятельность свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ заботился о широкихъ массахъ населенія. Объ этомъ забываютъ тѣ, которые твердятъ о его аристократическихъ принципахъ. „Его голова была слишкомъ обширна, чтобы думать только объ интересахъ одной касты; его душа слишкомъ велика, слишкомъ многообразна, чтобы заниматься судьбой одной фракціи, тогда, когда она могла охватить все“. Тургеневъ заканчиваетъ свой очеркъ пожеланіемъ, чтобы Штейну былъ поставленъ памятникъ отъ имени всего нѣмецкаго народа, который благодаря ему вступилъ на новую эру политическаго мышленія [3]).

Для Тургенева Штейнъ не умеръ; свѣтлая жизнь послѣдняго и истинная любовь его къ общему благу всегда служили яркимъ примѣромъ тому, кто беззавѣтно боролся всю жизнь за раскрѣпощеніе русскихъ крестьянъ, за свободу и счастье всего русскаго народа.

М. Вишницеръ.

[1]) Pertz, Stein VI, 2, стр. 708.

[2]) La Russie et les Russes I Note A. «Le Baron de Stein», стр. 417—430.

[3]) La Russie et les Russes I, 429—30. «On parle du Dôme de Cologne, ce monument à part, qui doit devenir le symbole mystique d'une unité non moins myst'erieuse! Un monument érigé à Stein au nom de tout le peuple allemand ferait, à mon avis, beaucoup mieux comprendre qu'il s'est opéré un nouveau progrès, un progrès réel, dans l'esprit public de ce peuple».

Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій [1]).

Главнѣйшіе соціалисты и соціалистическія направленія Запада.

(Продолженіе 1-ой части).

III.

Французскій соціализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (продолженіе): Прудонъ, Жоржъ-Зандъ, Видаль, Консидеранъ, Бланки.

Въ началѣ нашихъ этюдовъ мы опредѣлили соціализмъ, какъ „теорію, которая ставитъ во главу угла общественнаго преобразованія требованіе, по меньшей мѣрѣ, перехода средствъ производства изъ рукъ частныхъ собственниковъ въ руки цѣлаго общества и устраненія конкуренціи отдѣльныхъ производителей путемъ планомѣрной организаціи общественнаго производства“ (М. Г., май-іюнь, стр. 5) Но Прудонъ былъ, несомнѣнно — какъ то мы увидимъ ниже,—такимъ индивидуалистомъ, такимъ противникомъ коллективнаго производства и владѣнія, что, остановись мы на положительной сторонѣ его взглядовъ, онъ не долженъ былъ бы совсѣмъ найти мѣста въ нашей работѣ. И, однако, безъ Прудона немыслима исторія соціализма какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго. И немыслима потому, что у Прудона, кромѣ положительной, есть еще критическая сторона, оказавшая громадныя услуги міровоззрѣнію труда. Прудонъ былъ неподражаемымъ критикомъ современнаго строя и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ явленій, остававшихся для него почти священными,—напр., моногамической семьи, основанной на рѣшительномъ преобладаніи мужчины,— не побоялся обратить орудія своего безпощаднаго анализа противъ самыхъ почитаемыхъ идоловъ капиталистической цивилизаціи.

Прудонъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, геніальнымъ человѣкомъ, хотя неблагопріятныя условія его существованія въ дѣтствѣ и юности помѣшали бывшему сыну бочара вполнѣ развить свою богатую индивидуальность. Его

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“, сентябрь.

оригинальность нерѣдко шла на открытіе Америкъ. Его эрудиція принимала порою характеръ хаотическаго нагроможденія свѣдѣній во вкусѣ начетчика-самоучки. Сознаніе того, что онъ прежде всего былъ обязанъ своимъ развитіемъ самому себѣ, вызывала у него сплошь и рядомъ непріятную самоувѣренность и рѣзкость отзывовъ о мыслителяхъ, раньше или одновременно съ нимъ пролагавшихъ пути соціалистической доктринѣ. Въ силу любопытной особенности своей психологіи, этотъ глубоко увѣренный въ своей самостоятельности писатель нисколько не стѣснялся заимствовать мысли у другихъ и, придавая имъ печать своей яркой личности, совершенно искренно забывалъ о такомъ присвоеніи;—мало того: зачастую жестоко нападалъ на тѣхъ самыхъ авторовъ, которые были въ сущности духовными отцами заимствованной имъ идеи. Недаромъ фурьеристъ Эли Реклю разсказывалъ пишущему эти строки, что въ 50-хъ годахъ кружки его единомышленниковъ, перефразируя извѣстную французскую поговорку о геніи, убивающемъ своихъ идейныхъ предшественниковъ, любили сравнивать Прудона съ пиратомъ, который не ограничивается тѣмъ, что рѣжетъ встрѣчающихся съ нимъ на пути, но и грабитъ ихъ и щеголяетъ въ награбленномъ. И это понятно: неслыханныя нападки Прудона на соціалистовъ-коммунистовъ вызывали естественный отпоръ среди подвергавшихся его нападенію. Прудонъ вообще обладалъ способностью глубоко волновать умы, за какой бы вопросъ ни брался. Вы могли приходить въ энтузіазмъ отъ его взглядовъ, какъ могли испытывать крайнее негодованіе, но оставаться равнодушными къ тому, что и какъ онъ думалъ, вы не могли. Въ теченіе своей двадцатипятилѣтней дѣятельности онъ написалъ цѣлую обширную библіотеку книгъ, брошюръ и статей, велъ чрезвычайно оживленную переписку, затронулъ массу вопросовъ, мастерски поставилъ иные изъ нихъ, вызвалъ общественное вниманіе къ другимъ, пытался рѣшать третьи, впрочемъ, по большей части неудачно и запутываясь въ причудливыхъ зигзагахъ своей собственной сильной, оригинальной, проницательной, но противорѣчивой и поѣдающей самое себя мысли.

Несравненный аналитикъ, обладавшій несомнѣнною способностью и къ синтетическимъ обобщеніямъ, но которыя его безпокойное стремленіе къ истинѣ, а также почти болѣзненное свойство его ума—искать все новыя и новыя рѣшенія задачи даже путемъ полу-сознательнаго софизма,—опять и опять распускало словно Пенелопину ткань,—Прудонъ останется навсегда въ исторіи соціализма великимъ разрушителемъ принятыхъ на вѣру положеній и великимъ возбудителемъ критической работы мысли. Прудонъ не годится для чтенія, какъ учитель, особенно когда дѣло идетъ о молодыхъ людяхъ, хотящихъ составить себѣ извѣстное міровоззрѣніе. Но Прудонъ незамѣнимъ какъ спорщикъ, какъ діалектикъ, порою какъ гигантскій со-

фистъ для лицъ съ уже установившимся убѣжденіемъ, которыя желали бы найти оселокъ для оцѣнки прочности и внутренняго единства своего кругозора.

Продумывая общее впечатлѣніе, производимое на меня Прудономъ, я не могу отдѣлаться отъ образа могучаго французскаго мужика изъ расы умныхъ, честныхъ, энергичныхъ крестьянъ Франшъ-Контэ, который, движимый аффектомъ революціоннаго негодованія на привилегіи и жизнь безъ труда, упрямо идетъ впередъ къ поставленной себѣ цѣли: добиться условій человѣческаго существованія и соціальнаго равенства для себя и своихъ братьевъ. Индивидуалистъ, любящій свободу и высоко ставящій свое достоинство, смягчающій рѣзкія стороны этихъ личныхъ стремленій живымъ чувствомъ справедливости, этотъ геніальный выходецъ изъ народа грузно шагаетъ своими тяжелыми деревянными сабо по рытвинамъ и грязи буржуазной цивилизаціи, раздавливая на этомъ пути, словно гадинъ, пресмыкающихся защитниковъ современнаго строя, забрызгивая порою въ своемъ ходѣ и враговъ, и друзей, и грубо отодвигая въ сторону всякаго, кто кажется ему помѣхой на дорогѣ къ идеалу. Таковъ Прудонъ, по крайней мѣрѣ, въ самую первую и лучшую пору своей дѣятельности, когда онъ принужденъ былъ пробиваться сквозь чащу презрительнаго равнодушія или плохо прикрываемой насмѣшками злобы на незнакомаго смѣльчака. Вскорѣ, когда успѣхъ его произведеній создастъ ему обширную—и положительную и отрицательную—популярность, и когда его имя будетъ возбуждать столько же симпатіи у однихъ, сколько ненависти у другихъ, у Прудона начнутъ проявляться, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче, тенденціи мелкаго буржуа.

Въ этомъ отношеніи его личная эволюція символически отразитъ коллективную эволюцію цѣлой соціальной группы, эволюцію той части крестьянства, которая дѣйствительно „выходитъ" изъ народа, переставая быть трудовой деревенской массой и превращаясь въ стяжательное мелкое и среднее мѣщанство. Конечно, и въ Прудонѣ послѣднихъ лѣтъ останутся всегда нѣкоторые элементы Прудона первыхъ годовъ. Но въ цѣломъ, мелко буржуазныя идеи будутъ рѣшительно преобладать въ его міровоззрѣніи. И тотъ самый писатель, который въ своемъ первомъ мемуарѣ о собственности выразитъ всю глубину своего революціоннаго негодованія противъ этого учрежденія, говоря: „*собственность* и *кража*—синонимическіе термины; всякое общественное преимущество, уступленное или, лучше сказать, узурпированное подъ предлогомъ превосходства таланта или заслугъ, есть несправедливость и разбой" [1]), этотъ самый писатель (въ своемъ посмертномъ сочиненіи „Теорія собствен-

[1]) P.-J Proudhon, *Qu'est ce que la propriété? Premier mémoire. Recherches sur le principe du droit et du gouvernement;* въ первомъ томѣ „Oeuvres complètes" новаго изданія, Парижъ, 1868, стр. 16.

ности") будетъ разсматривать собственность за „основное учрежденіе" общества; а не опирающуюся, по его же словамъ, ни на какомъ правѣ справедливость собственности будетъ доказывать тѣмъ плохимъ софизмомъ, что собственность справедлива, разъ справедливъ самъ „субъектъ" ея, т. е., попросту говоря, владѣлецъ! Его лавочническіе инстинкты найдутъ особенно яркое выраженіе въ другомъ посмертномъ сочиненіи „О политической правоспособности рабочихъ классовъ", что тѣмъ болѣе жалко, что эта книга одна изъ наиболѣе интересныхъ книгъ Прудона по вопросу о самостоятельной тактикѣ партіи труда [1]). Нельзя, повторяю, читать безъ сожалѣнія и, прибавлю, безъ невольной улыбки эту почти рекламную апологію торгаша и торговли, апологію, силящуюся доказать, какихъ великихъ талантовъ требуетъ лавочническая практика, и заканчивающуюся жестокимъ выпадомъ противъ „ассоціаціи", которая грозитъ уничтоженіемъ мелкимъ ремесламъ и занятіямъ: „Я спрашиваю себя, почему же должна исчезнуть эта экономическая индивидуальность? Зачѣмъ намъ мѣшаться въ это? Организуемъ право и предоставимъ свободу лавкѣ (laissons faire la boutique). И пусть тотъ, кто всѣхъ прилежнѣе и честнѣе, будетъ привлекать къ себѣ кліентовъ" [2]).

На этомъ мы остановимъ нашу общую характеристику Прудона и перейдемъ къ тому, что онъ сдѣлалъ въ исторіи соціализма, или заимствуя и развивая положенія другихъ мыслителей, или выдвигая извѣстныя самостоятельныя идеи. Прежде всего онъ подвергъ самой коренной критикѣ тотъ палладіумъ современнаго строя, вокругъ котораго создался цѣлый культъ буржуазнаго фетишизма съ его легендами святости и недосягаемости: я говорю о частной собственности. Несомнѣнно, и до Прудона это учрежденіе служило предметомъ рѣзкихъ нападокъ и даже принципіальнаго отрицанія. Оставаясь лишь на почвѣ позднѣйшаго соціализма, мы должны упомянуть

---

[1]) Здѣсь, между прочимъ, Прудонъ чрезвычайно энергично развиваетъ точку зрѣнія противоположности интересовъ капиталистовъ и рабочихъ и борьбы этихъ классовъ, подчеркивая необходимость для трудящихся имѣть свое классовое самосознаніе („sui conscience", какъ выражается онъ, прося извиненія у читателей за этотъ не французскій неологизмъ). Если въ половинѣ 60-хъ годовъ взглядъ этотъ былъ уже не новостью, то все же нельзя не отмѣтить яркости его проявленія у Прудона, ученики котораго играли такую роль во французскомъ Интернаціоналѣ.

[2]) *De la capacité politique des classes ouvrières;* Парижъ, 1865, 3-е изд. стр. 174.—Прудонъ, признавая антагонизмъ капитала и труда, включалъ, однако, въ классъ рабочихъ и мелкую буржуазію. Изъ этой идеализаціи межеумочныхъ соціальныхъ элементовъ, отчасти выражавшихъ принципъ личнаго труда, а отчасти принципъ эксплуатаціи, и вытекала у Прудона неясность его теорій и половинчатость его политической дѣятельности.

хотя бы тотъ фактъ, что даже такой эффектный афоризмъ Прудона, какъ „собственность есть кража“, находится не только у Бриссо,—въ плагіатѣ у котораго съ легкой руки Луи-Блана (а за нимъ и Маркса) принято обвинять Прудона,—а и у Бабёфа, и у Буонарроти и т. п. Но его можно было бы прослѣдить далеко вглубь временъ. И, напр., у кроткихъ отцовъ церкви встрѣчается осужденіе частной собственности почти въ такой же рѣзкой формѣ, какъ у Прудона. Такъ, св. Амвросій въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ совершенно опредѣленно: „Природа породила право общности, и лишь узурпація создала право собственности“ [1]). Съ другой стороны, большинство разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ соціалистовъ не шло до конца и противъ самаго принципа частной собственности, но старалось обезвредить ее, съужая, напр., кругъ ея объектовъ предметами личнаго потребленія, ограничивая ея передачу по наслѣдству, комбинируя ее съ общественной организаціей труда. Сэнъ-Симонъ и его школа, Фурье и его ученики, Пьеръ Леру и Луи-Бланъ въ большей или меньшей мѣрѣ сочетали въ своихъ планахъ реформъ функціонированіе кооперативнаго производства съ существованіемъ частной собственности. Согласно взглядамъ нѣкоторыхъ соціальныхъ реформаторовъ-фурьеристовъ, она должна была даже, повидимому, остаться, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія права, въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее внутри современнаго общества. Даже для коммунистовъ, напр Оуэнъ въ Англіи, Кабэ во Франціи, собственность сохраняла извѣстный престижъ, хотя, выражаясь юридически, субъектомъ ея, вмѣсто отдѣльнаго лица, становилась моральная личность, группа, коллективность, и изъ частной она превращалась въ общественную.

Прудонъ поистинѣ съ геніальной дерзостью нападаетъ на собственность, заостряя, концентрируя критическія положенія своихъ предшественниковъ и не оставляя камня на камнѣ отъ этого идола современнаго общества [2]). Прудонъ преслѣдуетъ его даже тамъ, гдѣ онъ принимаетъ форму коллективной собственности. „Странная вещь!—восклицаетъ, напр., онъ,—

---

[1]) См. интересный подборъ коммунистическихъ цитатъ изъ христіанскихъ сочиненій въ памфлетѣ: Victor Meunier, *Jésus-Christ devant les conseils de guerre*, приложенномъ въ извѣстной уже читателю книгѣ Виктора Консидерана *Le socialisme*, стр. 231. Другіе многочисленные святые и учители церкви называютъ собственниковъ прямо „врагами“, „убійцами“, „варварами“, присваивающими себѣ то, что должно принадлежать всѣмъ.

[2]) „Прудонъ подвергаетъ самое основаніе политической экономіи, частную собственность, критическому испытанію, и еще какому?—первому рѣшительному, безпощадному и вмѣстѣ научному испытанію“,—такъ выражается объ этомъ произведеніи молодой Марксъ въ „Святомъ семействѣ“. См. *Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle;* Штуттгартъ, 1902, т. II, стр. 127.

систематическій коммунизмъ, сознательное отрицаніе собственности выработались подъ прямымъ вліяніемъ предразсудка собственности; и опять-таки собственность оказывается на днѣ всѣхъ теорій коммунистовъ. Члены коммунистическаго общежитія (communauté), правда, ничѣмъ не обладають лично; но сама коммуна является собственницей, и притомъ собственницей не только имуществъ, но лицъ и ихъ воли" [1]).

Прудонъ показываетъ, что никакія разумныя и справедливыя основанія не могутъ поддерживать собственности: вотъ почему „собственность есть кража". Право перваго захвата не можетъ обосновать ее, потому что захватъ можетъ дать только фактическое присвоеніе вещи, но не собственность на нее. Собственность не можетъ вытекать изъ труда,—какъ-то охотно утверждаютъ защитники имущественнаго неравенства,—ибо трудъ не даетъ никакого права исключительной собственности на орудія труда, а лишь на произведенный продуктъ. При этомъ изъ послѣдняго допущенія слѣдуетъ тотъ выводъ, что, даже и получивъ заработную плату, рабочій все же сохраняетъ неотъемлемое, естественное право на созданную его усиліями вещь,—новое заключеніе, идущее въ защиту труда и противъ привилегированнаго собственника. Послѣдній, выбитый изъ окоповъ софизма, долженъ, значитъ, признаться, что основаніемъ его собственности служитъ опирающееся на чистомъ произволѣ феодальное право сеньора на чужое имущество (droit d'aubaine), право, которое приписываетъ себѣ собственникъ, кладущій метафизическую печать присвоенія на извѣстный предметъ, распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію и за пользованіе его облагать извѣстною данью трудъ другого лица. Отсюда различныя формы этого произвольнаго обложенія: рента, процентъ, прибыль и т. д.

Это „право регаліи" давитъ тяжелымъ гнетомъ по экономической и политической жизни народовъ. Оно крайне увеличиваетъ издержки производства. Оно препятствуетъ рабочему пріобрѣтать за свою заработную плату произведенный имъ продуктъ, такъ какъ послѣдній обложенъ прибылью въ пользу предпринимателя. Оно идетъ въ разрѣзъ съ политическимъ и гражданскимъ равенствомъ. Но само развитіе человѣчества позаботится объ уничтоженіи этого гибельнаго права, тѣмъ болѣе, что соціальный и политическій деспотизмы должны разрушиться и окончательно исчезнуть вмѣстѣ. И здѣсь Прудонъ впервые произноситъ слово „анархія", создавшее ему впослѣдствіи такую популярность: „Собственность и королевская власть (la royauté, но Прудонъ разумѣетъ здѣсь подъ королевскою властью всякое „управленіе человѣка человѣкомъ" Н. Р.) находятся въ процессѣ распаденія съ самаго начала міра; какъ человѣкъ ищетъ справедливости въ

---

[1]) *Qu'est ce que la propriété? Prmier mémoire;* стр. 203.

равенствѣ, такъ общество ищетъ порядка въ анархіи. *Анархія*, отсутствіе господина, владыки,—такова форма правительства, къ которой мы приближаемся съ каждымъ днемъ“ [1]).

Анархія является, такимъ образомъ, какъ бы заключительнымъ выводомъ перваго мемуара, который и носитъ подзаглавіе „Изслѣдованія о принципѣ права и правительства“. Но вы тщетно стали бы искать дальнѣйшихъ разъясненій по этому поводу во второмъ мемуарѣ, носящемъ названіе „Письма къ г. Бланки о собственности“ и заключающемъ въ себѣ, главнымъ образомъ, указанія на тѣ явленія современнаго общества, въ которыхъ уже выражается процессъ разложенія частной собственности. Спеціально анархіи Прудономъ будутъ посвящены другія работы. А пока его могучій и безпокойный умъ будетъ искать общаго закона человѣческаго прогресса [2]) и въ особенности стараться вскрыть всѣ „экономическія противорѣчія“ современнаго строя, какъ раньше были вскрыты изслѣдованіемъ о собственности противорѣчія этого главнѣйшаго людского учрежденія. „Система экономическихъ противорѣчій“—таково заглавіе важнѣйшаго экономическаго труда Прудона, снабженнаго подзаглавіемъ „Философія нищеты“, что и дало поводъ Марксу назвать свой отвѣтъ Прудону „Нищетой философіи“. Должно замѣтить по этому поводу, что ставшій громаднымъ авторитетъ Маркса дѣлаетъ очень трудною задачу отнестись объективно къ работѣ Прудона. Для этого надо опять-таки перенестись въ эпоху, когда она была написана, отмѣтить то, что было извѣстно до Прудона, сравнить съ этимъ то, что можно считать личнымъ привносомъ французскаго мыслителя. По Марксу выходитъ, что въ сущности Прудонъ, плохо усвоившій діалектику Гегеля, лишь слышалъ звонъ, а не зналъ откуда онъ, когда задумалъ изложить эволюцію экономическихъ отношеній въ видѣ вѣчно запутывающагося узла тезиса и антитезиса, развязывающагося временно въ моментъ синтеза, для того, чтобы снова и снова продѣлывать свое движеніе по противоположностямъ. На самомъ дѣлѣ, какъ бы ни были велики частные промахи Прудона, какъ бы часто его абстрактный и голо логическій методъ ни замѣнялъ дѣйствительнаго историческаго метода, Прудонъ въ общемъ удовлетворительно исполнилъ гигантскую задачу, которую онъ поставилъ себѣ, а именно—дать связную, систематическую картину всѣхъ главнѣйшихъ противорѣчій современнаго общества. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣлъ право назвать свою большую двухтомную работу „Системой

---

1) Ibid., стр. 216.

2) См. его сочиненіе: *De la création de l'ordre dans l'humanité, ou Principes d'organisation politique;* 1843. „Здѣсь замѣчательно близкое совпаденіе его взглядовъ со взглядами Конта, равно какъ указаніе на общественную роль религій.

экономическихъ противорѣчій". Прудонъ не только распредѣлялъ хозяйственныя явленія по безплоднымъ моральнымъ рубрикамъ „хорошей" и „дурной стороны" предмета, какъ въ томъ упрекаетъ его Марксъ. Онъ, дѣйствительно, старался—и нерѣдко почти вполнѣ успѣвалъ—прослѣдить объективный процессъ игры противорѣчій въ капиталистическомъ строѣ [1]).

Конечно, тутъ у него были и по формѣ, и по существу славные предшественники. Оставляя въ сторонѣ Гегеля, подражаніе методу котораго было у него въ сущности лишь внѣшнимъ пріемомъ изложенія, мы встрѣчаемъ раньше Прудона величаво обобщающаго Сэнъ-Симона съ его дѣленіемъ человѣческой исторіи на органическія и критическія, созидающія и разрушающія эпохи, ведущія въ концѣ концовъ къ нормальной организаціи общества; встрѣчаемъ геніальнаго Фурье, мысль котораго, вплоть до терминовъ „антиномія", „антистрофа", „контрастъ серій", развивается путемъ противопоставленій, удачно выражающихъ противорѣчія капиталистическаго общества: нищету при „плеторѣ" рынка, всеобщую конкуренцію, упирающуюся въ монополію „торговаго феодализма" и т. д.; встрѣчаемъ сэнъсимонистовъ, цитаты изъ которыхъ, приведенныя въ началѣ этой части этюдовъ, достаточно, надѣемся мы, показываютъ читателю пониманіе ими противорѣчиваго характера буржуазной цивилизаціи. Но всѣ эти результаты развивающейся соціалистической мысли, несмотря на важность каждаго въ отдѣльности, не были сгруппированы: Прудону принадлежитъ заслуга углубить и подчеркнуть ихъ и связать ихъ въ одно внушительное цѣлое. Отнынѣ и вплоть до Маркса,—причемъ я разумѣю не простое возникновеніе, а распространеніе ученій его,—критика капиталистическаго общества будетъ черпаться сторонниками новыхъ взглядовъ преимущественно изъ сочиненій Прудона, несмотря на всю слабость ихъ положительной стороны.

Въ своей „Системѣ экономическихъ противорѣчій" Прудонъ перебралъ всѣ главнѣйшія хозяйственныя категоріи. Такъ, разсмотрѣніе понятія „стоимость", приводя его къ анализу противоположности потребительной и мѣновой стоимостей, хотя и воплощенныхъ въ одномъ и томъ же предметѣ-товарѣ, даетъ ему возможность констатировать, что въ сущности стоимость есть отношеніе между производителями, обмѣнивающимися продуктами своего труда въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, что она есть „отношеніе пропорціональности продуктовъ, составляющихъ бо-

[1]) Новѣйшій историкъ французскаго соціализма, Поль Луи, хотя въ общемъ стоящій на точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, говоритъ даже, что „во всей этой критической области не остается ничего больше совершить послѣ Прудона". Paul Louis, *Histoire du socialisme français*; Парижъ, 1901, стр. 142.

гатство“, т. е., значитъ, явленіе соціальное. По пути этого анализа онъ чуть-чуть не размыкаетъ тотъ заколдованный кругъ, въ который заключали сами себя экономисты, недоумѣвая, какимъ образомъ трудъ, который является источникомъ и мѣриломъ стоимости, можетъ выполнять эту роль измѣрителя, разъ самъ долженъ подлежать измѣренію и имѣть стоимость. Прудонъ, почти предвосхищая послѣдующее различіе, сдѣланное Марксомъ, между стоимостью рабочей силы труда и самимъ трудомъ, который производитъ стоимость и измѣряетъ ее, но самъ не имѣетъ стоимости, — Прудонъ, говоримъ мы, дѣлаетъ слѣдующее тонкое и глубоко вѣрное замѣчаніе: „О трудѣ говорится, что онъ *стоитъ*, и не постольку, поскольку онъ самъ товаръ, а въ виду стоимостей, которыя предполагаются заключенными въ немъ потенціально (puissanciellement). *Стоимость труда* есть фигуральное выраженіе, предвосхищеніе результата въ причинѣ... Трудъ, какъ и свобода, любовь, честолюбіе и геній, есть вещь по своей натурѣ неопредѣленная, но она опредѣляется количественно своимъ предметомъ, т. е. становится реальностью благодаря своему продукту“ [1]).

При изслѣдованіи же стоимости Прудонъ такъ близко подходитъ къ рѣшенію задачи о прибавочной стоимости, что опять таки чуть-чуть не предвосхищаетъ окончательной формулы: „*Всякій трудъ долженъ оставлять излишекъ*“, — такова аксіома, принимаемая всѣми вообще экономистами... Въ смыслѣ политической экономіи, принципъ „всякій трудъ долженъ оставлять излишекъ“ есть не что иное, какъ освященіе конституціоннаго права, которое всѣ мы пріобрѣли путемъ революціи, обворовывать ближняго“ [2]).

Но мы не будемъ слѣдить въ подробностяхъ за Прудономъ, изображающимъ движеніе различныхъ экономическихъ категорій по противоположностямъ. Довольно сказать, что куда бы ни обратилъ онъ свой анализирующій умъ, отъ его проницательнаго взгляда не укрывается обоюдоострая игра хозяйственныхъ явленій современнаго строя. Берется ли онъ за такой основной экономическій фактъ, какъ раздѣленіе труда, и онъ найдетъ, что это „раздѣленіе, внѣ котораго нѣтъ ни прогресса, ни богатства, ни равенства, порабощаетъ рабочаго, дѣлаетъ умъ безполезнымъ, богатство вреднымъ, а равенство невозможнымъ“ (I, стр. 107). Задается

---

1) *Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère;* Парижъ, 1872, 4-е изд., томъ первый, стр. 81 (т. IV „Oeuvres complètes“). — Справедливость заставляетъ насъ прибавить, что сейчасъ же послѣ, самъ Прудонъ впадаетъ въ разоблаченную имъ ошибку, говоря о 5-франковой стоимости труда, произведшаго 5 франковъ стоимости въ день.

2) Ibid., стр 91, гдѣ окончательный вѣрный результатъ добытъ, несмотря на ошибочное разсужденіе о торговой прибыли.

ли онъ цѣлью прослѣдить соціальное значеніе „машинъ“, которыя „уменьшаютъ усилія рабочаго, сокращаютъ и уменьшаютъ трудъ“ (стр. 148), и въ результатѣ получается слѣдующій безотрадный выводъ: „разрушительное дѣйствіе машинъ на общественную экономію и положеніе рабочихъ обнаруживается тысячью способовъ, которые всѣ взаимно сцѣпляются и вызываютъ одинъ другой: прекращеніемъ работъ, паденіемъ заработной платы, перепроизводствомъ, нагроможденіемъ, порчею и фальсификацією продуктовъ, банкротствами, потерею рабочими правильнаго положенія въ обществѣ (déclassement des ouvriers), вырожденіемъ рода и, наконецъ, болѣзнями и смертями“ (стр. 157). Равнымъ образомъ, изображеніе слѣдствій „конкурренціи“, которая въ началѣ анализа является „столь же необходимою для труда, какъ само раздѣленіе его“ (стр. 179), приводитъ къ мрачной картинѣ, на которой сказывается вліяніе Фурье: „конкурренція ниспровергаетъ всѣ понятія о правдѣ и справедливости; она увеличиваетъ дѣйствительныя издержки производства, увеличивая безъ всякой надобности влагаемые въ предпріятія капиталы, вызываетъ, по очереди, то дороговизну продуктовъ, то страшное обезцѣненіе ихъ, развращаетъ общественную совѣсть, поставляя игру на мѣсто права, наконецъ, повсюду вызываетъ ужасъ и недовѣріе“ (стр. 193).

Итакъ, одна за другой размалываются страшными жерновами прудоновскаго анализа всѣ экономическія категоріи, прославляемыя ортодоксальными пророками науки о народномъ хозяйствѣ, и отъ „монополіи“, „налоговъ“, „свободнаго обмѣна“, „кредита“ и т. д. не остается ничего. Вотъ это-то отрицательная, критическая, безпощадно анализирующая сторона „Системы противорѣчій“ и сыграла крупную историческую роль въ развитіи соціализма. И за нее много прощалось Прудону сторонниками міровоззрѣнія труда, которыхъ, конечно, не могъ не приводить въ негодованіе тонъ нападокъ автора на коммунистовъ и въ сущности на всѣхъ послѣдовательныхъ соціалистовъ, третируемыхъ Прудономъ, особенно во второмъ томѣ „Противорѣчій“, съ такой возмутительной несправедливостью, что его критика буржуазныхъ экономистовъ, по сравненію съ этими яростными выпадами, кажется почти доброжелательной.

Здѣсь индивидуализмъ Прудона справляетъ настоящія оргіи. И дѣло идетъ даже не объ отдѣльныхъ фразахъ, хотя уже однѣ эти фразы, напоминающія проклятія библейскихъ пророковъ, переходятъ всякія границы дозволительной полемики даже по отношенію къ злѣйшимъ политическимъ врагамъ: „прочь отъ меня, коммунисты! уже одно ваше присутствіе—зловоніе для меня, и видъ вашъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе“; „жалкая иллюзія омерзительнаго соціализма“, „послѣдняя греза находящейся въ

бреду сволочи“ (crapule en délire) [1])—такими криками изступленія полна вся глава, трактующая о „коммунизмѣ“ (Ibid., стр. 258—311), и ими же прорѣзываются многія страницы другихъ отдѣловъ книги. Но дѣло, повторяю, не въ однѣхъ этихъ фразахъ, а въ общей точкѣ зрѣнія. Все, написанное Прудономъ противъ коллективнаго производства, общаго владѣнія, свободной формы половыхъ и семейныхъ отношеній, представляетъ собою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ замѣчаній, настоящій сборный пунктъ крестьянскихъ, а еще больше—мѣщанскихъ предразсудковъ. И, любопытнѣе всего, что въ этой апологіи существующихъ формъ самъ же Прудонъ наноситъ жестокіе удары своимъ фетишамъ. Такъ, непосредственно послѣ яростной защиты семьи противъ „омерзительнаго соціализма“, авторъ „Противорѣчій“, нисколько не смущаясь, пишетъ слѣдующія строки: „Вмѣстѣ съ семьей, въ которой все заставляетъ насъ видѣть органическій элементъ общества, личность человѣка принимаетъ окончательный характеръ, пріобрѣтаетъ всю свою энергію и все болѣе и болѣе проникается эгоизмомъ... Человѣкъ, производящій потомство, дѣлается тотчасъ же, уже вслѣдствіе самого факта своего отцовства, сосредоточеннымъ въ себѣ и свирѣпымъ: онъ врагъ вселенной; его ближніе всѣ кажутся ему чужестранцами, *hostes*. Бракъ и отцовство, которые, казалось, должны бы были увеличивать въ человѣкѣ привязанность къ ближнему, лишь увеличиваютъ его ревность, недовѣріе и злобу. Отецъ семейства является болѣе свирѣпымъ благопріобрѣтателемъ, болѣе безжалостнымъ, болѣе противуобщественнымъ, чѣмъ холостякъ, на подобіе тѣхъ ханжей, которые въ своей любви къ Богу доходятъ до того, что начинаютъ ненавидѣть людей [2]), и т. д.

Чувствуется, что если бы, напр., Прудонъ направилъ рѣдкостную аналитическую мощь своего ума на критику современной семьи, и вообще отношеній между полами, онъ и здѣсь сдѣлалъ бы глубокія просѣки въ чащѣ исторически сплетавшихся предразсудковъ, царящихъ въ этой области. Но Прудонъ былъ самъ тутъ цѣликомъ подъ властью предразсудковъ, отражая традиціонные взгляды на семью. Съ такой точки зрѣнія только и можно касаться этой стороны прудоновскихъ воззрѣній, относящихся не къ исторіи соціализма, а къ исторіи личныхъ ошибокъ и блужданій замѣчательнаго ума. Можно было бы, напр., легко вскрыть всю несостоятельность взглядовъ Прудона на упомянутый предметъ, подробно и страстно и крайне неубѣдительно трактовавшійся имъ въ разныя эпохи его жизни, особенно въ большомъ сочиненіи о „Справедливости“ и въ посмертной работѣ, носящей характерное заглавіе „Порнократія или женщины въ современную эпоху“. Но это значило бы тратить попусту время:

[1]) *Système* etc, т. II, стр. 278 (т. V „Oeuvres Complètes“).
[2]) Ibid., стр. 278—279.

несмотря на весь свой талантъ полемиста, Прудонъ является въ этихъ вещахъ самымъ зауряднымъ французомъ, на которомъ отразилось долгое историческое воздѣйствіе римскаго права, преломившагося сквозь средневѣковыя формы жизни. Къ чему негодовать на свирѣпую наивность дилемы „куртизанка или хозяйка“, которую Прудонъ ставитъ женщинѣ, для чего вскрывать основное противорѣчіе взглядовъ Прудона на семью, которую онъ строитъ на началѣ отцовскаго авторитета, изгоняя въ то же время самый принципъ власти въ какой бы то ни было формѣ изо всего общества,—къ чему, спрашиваемъ мы, все это, разъ мы знаемъ, что въ этой области смѣлый мыслитель некритически воспроизводитъ воззрѣнія той среды, гдѣ протекло его дѣтство и отрочество? Вы ему говорите о равенствѣ половъ, а онъ въ пику вамъ съ восхищеніемъ цитируетъ Наполеоновскій кодексъ, видя въ немъ „истолкователя революціи“, какъ разъ тогда, когда имъ провозглашается достойно Двѣнадцати таблицъ максима: „Жена должна жить съ своимъ мужемъ и слѣдовать за нимъ всюду, гдѣ онъ сочтетъ нужнымъ обитать“ [1]). Вы стараетесь развернуть передъ нимъ цѣлую культурно-историческую картину эволюціи, въ результатѣ которой женщина должна занять въ современномъ обществѣ одинаковое положеніе съ мужчиной, не выше и не ниже, а рядомъ съ нимъ,—въ отвѣтъ на это Прудонъ упрямо заявляетъ, что такъ у нихъ въ деревнѣ не дѣлалось и не дѣлается, и общему закону прогресса противоставляетъ свое собственное поведеніе по отношенію къ матери: „Пока я былъ ребенкомъ, я повиновался и долженъ былъ повиноваться; но, достигнувъ совершеннолѣтія, между тѣмъ какъ мой отецъ состарѣлся и былъ совершенно разбитъ, я благодаря своему труду и своему уму сталъ главою семьи, а для матери какъ бы мужемъ и отцомъ; я взялъ въ руки власть и долженъ былъ взять ее (j'ai pris et j'ai dû prendre le commandement) [2]).

Также точно слѣдуетъ относиться и къ выпадамъ Прудона противъ коммунизма, а въ частности противъ коллективнаго производства, которому онъ противоставляетъ восхваляемый имъ индивидуальный трудъ отдѣльнаго производителя. И здѣсь Прудонъ находится подъ всемогущимъ давленіемъ первыхъ впечатлѣній крестьянской среды, укрѣпленныхъ затѣмъ мелкобуржуазной точкой зрѣнія.

Почти съ самаго начала своей дѣятельности Прудонъ чрезъ большинство своихъ сочиненій проводитъ ту мысль, что ассоціація отнюдь не есть выраженіе „коллективной силы“ труда, и даже въ сущности не экономи-

---

[1]) См. *De la justice dans la révolution et dans l'église;* Парижъ, 1858, т. III, стр. 469 (цитирую по находящемуся у меня подъ руками первому трехтомному изданію).

[2]) Ibid., стр. 363.

ческое явленіе, а особая форма чуть не сектантскаго союза, основанная на догматѣ братства, къ которому самъ Прудонъ, какъ выражается онъ, вслѣдствіе своего темперамента относится недовѣрчиво [1]). Мнимая производительность коллективнаго производства,—утверждаетъ онъ,—есть въ сущности лишь результатъ раздѣленія труда, а не самой коопераціи. Наигрывая на этомъ софизмѣ, Прудонъ старается всячески вызвать въ умѣ читателей предубѣжденіе противъ ассоціаціи. Онъ словно боится, чтобы люди, движимые хотя бы простой выгодностью крупнаго производства, не стали переходить отъ разрозненнаго труда къ труду общественному. Въ „Экономическихъ противорѣчіяхъ“ онъ тщится доказать, что именно отдѣльное производство, „несвязанное хозяйство“, какъ сказалъ бы Фурье, есть альфа и омега человѣческаго благополучія. Онъ принимаетъ на себя комическую защиту жалкаго комфорта, раздробленнаго по массѣ мелкихъ индивидуальныхъ очаговъ, въ противоположность и по сравненію съ грандіознымъ комфортомъ коммунистическаго общежитія. Наконецъ, онъ серьезно принимается увѣрять, что всякая организація труда, хотя бы и коллективная, непремѣнно предполагаетъ „индивидуальность труда“, „индивидуальность платы“ и потому должна фатально привести къ „раздѣленію производствъ“ и, стало быть, къ разложенію коммунистическаго строя [2]). Въ „Общей идеѣ революціи“ Прудонъ нехотя признаетъ, что есть такія уже концентрированныя формы производства, въ которыхъ по необходимости придется прибѣгнуть къ принципу коопераціи производителей. Но его идеаломъ является міръ мелкихъ, независимыхъ производителей, начиная отъ „самаго старннаго и самаго благороднаго работника“, земледѣльца, и кончая мастеромъ-сапожникомъ, фабричную идиллію жизни котораго Прудонъ расписываетъ съ трогательнымъ умиленіемъ, не переставая все время тянуть свой индивидуалистическій припѣвъ: „Нѣтъ, ассоціація не есть экономическая сила. Ассоціація по природѣ своей безплодна, даже вредна, ибо она является препятствіемъ свободѣ работника“ [3]).

Наконецъ, въ своемъ посмертномъ сочиненіи о „Политической правоспособности рабочихъ классовъ“, гдѣ авторъ развертываетъ, между прочимъ, свою панацею „мутуализма“, т. е. системы установленія связи между

---

[1]) Прудонъ вообще не любилъ вводить сантиментальнаго и декламаторскаго элемента въ изслѣдованіе соціальнаго вопроса, который онъ пытался трактовать въ духѣ строгаго анализа,—что ему, впрочемъ, не всегда удавалось и самому.

[2]) *Système*, стр. 286.

[3]) *Idée générale de la Révolution au XIX siècle. Choix d'etudes sur la pratique révolutionnaire et industrielle;* Парижъ, 1851, ср. стр. 239, 247, 251, 254 и 84, 88.

отдѣльными независимыми производителями путемъ взаимныхъ свободныхъ контрактовъ, Прудонъ еще разъ возвращается къ видимо тревожащей его перспективѣ ассоціаціи. Онъ опасается, какъ бы не смѣшали его мутуализма,—или, выражаясь болѣе общимъ, не только экономическимъ, но и политическимъ терминомъ, — его „федерализма", — съ ассоціаціей. И изъ-подъ пера его вырываются слѣдующія строки: „Очевидно, что три четверти, если не четыре пятыхъ, такой націи, какъ наша, собственники, земледѣльцы, мелкіе промышленники, литераторы, артисты, государственные чиновники и пр., не могутъ никоимъ образомъ разсматриваться за живущихъ въ общеніи другъ съ другомъ (vivant en société); но если только не провозгласить ихъ отнынѣ же подлежащими исключенію изъ реформы, изъ революціи, то должно допустить, что слово *общество, ассоціація* не выполняетъ научной цѣли; поэтому необходимо найти другое, которое съ простотой и энергичностью соединяетъ всеобщность принципа... Но этотъ принципъ давно названъ и опредѣленъ нами. То—федеративный принципъ, синонимъ мутуализма, или взаимной гарантіи, и который не имѣетъ ничего общаго съ принципомъ ассоціаціи" [1]).

Но отмѣтивъ тѣ области, въ которыхъ Прудонъ былъ не болѣе, какъ страстнымъ глашатаемъ банальныхъ воззрѣній своей среды, мы должны возвратиться къ результатамъ работы его самостоятельной мысли и смѣлаго, испытующаго всѣ жизненныя и идейныя явленія ума. Для насъ, русскихъ, имѣютъ въ этомъ смыслѣ значеніе двѣ группы прудоновскихъ идей: его ученіе объ анархіи, оставившее такой слѣдъ на развитіи русскаго соціализма, а именно—на міровоззрѣніи Герцена и особенно Бакунина, а чрезъ посредство послѣдняго на направленіи соціалистической мысли 70-хъ годовъ; и его принципъ личнаго достоинства, вошедшій важнымъ элементомъ въ теорію нравственности П. Л. Лаврова.

Что касается до анархіи, то обоснованіе этого начала, въ связи съ критикой государственности, принадлежитъ къ такимъ продуктамъ умственной дѣятельности Прудона, вліяніе которыхъ отнюдь не ограничивается предѣлами Россіи, а проникло во всѣ страны и отразилось на всемъ современномъ соціализмѣ, не исключая міровоззрѣнія наиболѣе жаркихъ враговъ Прудона и вообще анархизма. Каковы-бы ни были преувеличенія и изъяны ученія объ анархіи, въ силу которыхъ современные анархисты совершили и продолжаютъ совершать рядъ грубѣйшихъ тактическихъ ошибокъ, тяжело отзывающихся прежде всего на интересахъ трудящихся массъ и вызывающихъ негодованіе собственно такъ называемыхъ соціалистовъ,

1) *De la capacité, etc.*, стр. 176—177, прим. I.—Раньше мы видѣли, какъ въ этомъ же сочиненіи Прудонъ устраиваетъ настоящій историческій апофеозъ мелочной лавки.

Прудонъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ искорененію государственническихъ предразсудковъ въ рядахъ сторонниковъ новаго общественнаго идеала.

Въ то время, какъ у громаднаго большинства его предшественниковъ и современниковъ процессъ перехода человѣчества отъ настоящаго строя гнета и эксплуатаціи къ будущему строю всеобщей гармоніи и всеобщаго счастія ставится въ зависимость отъ направляющей и регулирующей, словомъ правительственной дѣятельности творцовъ системъ, Прудонъ переноситъ точку опоры этой эволюціи въ само общество и усматриваетъ движущую пружину необходимаго измѣненія въ „спонтанейныхъ тенденціяхъ“ людского общежитія. Правда, уже Сэнъ-Симонъ построилъ замѣчательную теорію прогресса на началахъ историческаго развитія самого общества. Но изъ этой теоріи онъ выводилъ практическое требованіе сильной власти, научно-промышленной „іерархіи“, которая ведетъ человѣчество по надлежащему пути. Правда, уже и Фурье набрасывалъ золотой кистью своей геніальной фантазіи картину гармоническаго строя, изъ котораго исключенъ элементъ принудительности. Но этотъ идеальный строй довольно курьезно уживался въ его представленіи съ современными политическими формами, а королямъ любезно открывались двери фаланстерія. Прудонъ же доводитъ до конца законъ соціальной эволюціи, построенный Сэнъ-Симономъ,—къ которому вообще онъ питалъ больше уваженія, чѣмъ къ кому-либо изъ соціалистическихъ мыслителей,—и заключаетъ, что преобразованіе общества изъ военно-феодальнаго въ мирно-промышленное должно логически повести къ исчезновенію всякаго правительственнаго механизма. Когда установится настоящая гармонія отношеній между людьми,—которые, по плану Прудона, явятся свободными и независимыми производителями, связанными между собою узами договорнаго „мутуализма“,—съ общества должна спасть желѣзная покрышка государства, сдерживающаго въ рамкахъ легальнаго насилія различные борющіеся элементы.

Прудонъ вполнѣ отчетливо видитъ, что правительство возникаетъ на почвѣ борьбы соціальныхъ, классовыхъ интересовъ и въ сущности представляетъ собою военную машину въ рукахъ имущихъ, защищающихъ свои привилегіи отъ неимущихъ. „Каково назначеніе правительства?—спрашиваетъ онъ себя въ „Общей идеѣ революціи“, являющейся, рядомъ съ „Исповѣдью революціонера“, настоящимъ трактатомъ объ анархіи.—Охранять и защищать каждаго въ сферѣ его личности, промышленности, собственности. Но если, вслѣдствіе самой необходимости вещей, собственность, богатство, благосостояніе идутъ всѣ на одну сторону, а нищета на другую, то ясно, что правительство фактически создалось для защиты богатаго

класса противъ бѣднаго" [1]). Это, въ сущности, говорятъ, молъ, и государственники, когда спрашиваешь у нихъ, почему они „претендуютъ" на управленіе людьми. „Они отвѣчаютъ: потому, что общество не можетъ обойтись безъ порядка; потому, что въ обществѣ должны существовать люди, которые повинуются и работаютъ въ то время, какъ другіе командуютъ и управляютъ; потому, что разъ индивидуальныя способности неравны, интересы противоположны, страсти антогонистичны, частное благо каждаго противорѣчитъ благу всѣхъ, то нужна власть, которая опредѣляла бы границу правъ и обязанностей, посредникъ, который бы разрѣшалъ конфликты, государственная сила, которая бы выполняла приговоры владыки" (стр. 143).

Но если эти причины общественной борьбы будутъ устранены или если,—какъ гласитъ вызвавшая столько недоразумѣній прудоновская формула,—произойдетъ „раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ", то государство должно будетъ совершенно исчезнуть. И страстный проповѣдникъ анархіи на вопросъ, что же онъ ставитъ, послѣ этой „соціальной ликвидаціи", на мѣсто правительства, гордо отвѣчаетъ:

„Что мы ставимъ на мѣсто правительства... это—промышленную организацію.

„Что мы ставимъ на мѣсто законовъ, это—контракты.—Не надо законовъ, вотированныхъ большинствомъ или даже единодушно; каждый гражданинъ, каждая коммуна или корпорація издаетъ свои.

„Что мы ставимъ на мѣсто политическихъ властей, это — экономическія силы.

„Что мы ставимъ на мѣсто старыхъ классовъ гражданъ, знати и плебеевъ, буржуазіи и пролетаріата, это—категоріи и спеціальности функцій: земледѣліе, промышленность, торговлю.

„Что мы ставимъ на мѣсто силы государственной, это—силу коллективную.

„Что мы ставимъ на мѣсто постоянныхъ армій, это — промышленные отряды.

„Что мы ставимъ на мѣсто полиціи, это—тождественность интересовъ.

„Что мы ставимъ на мѣсто централизаціи политической, это—централизацію экономическую" (стр. 283—284).

Но рѣзче и ярче, чѣмъ гдѣ нибудь, Прудонъ выразилъ свое анархическое міросозерцаніе въ „Исповѣди революціонера", написанной имъ въ пылу или непосредственно послѣ февральской революціи. Здѣсь лежащая въ основѣ его разсужденій вѣрная мысль объ исчезновеніи государства въ

---

1) *Idée*, etc., стр. 62.

окончательномъ счетѣ, объ анархіи, какъ идеалѣ, какъ послѣдней цѣли общественной эволюціи, переплетена съ цѣлой массой тѣхъ основанныхъ на крупномъ историческомъ quid pro quo взглядовъ, которые были съ особымъ энтузіазмомъ приняты на вѣру такъ называемыми анархистами и которые смѣшиваютъ цѣль со средствами, ставятъ на голову отношеніе между первой и вторыми, отрицаютъ политическую дѣятельность и отвергаютъ всякое инціативное воздѣйствіе группы, партіи, организаціи, революціонной власти въ тѣ переходные моменты, когда именно для уничтоженія классового государства требуется временное завладѣніе имъ.

Дѣйствительно, съ одной стороны, Прудонъ, если и съ нѣкоторыми преувеличеніями, то выражаетъ ту самую мысль о значеніи массъ, которая будетъ положена во главу угла программы Интернаціонала: „освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ". Авторъ „Исповѣди революціонера" считаетъ себя въ правѣ констатировать, что „всѣ революціи, начиная съ коронованія перваго короля и до провозглашенія правъ человѣка, совершены спонтанейнымъ движеніемъ массъ; если правители слѣдовали за народной инціативой, то по принужденію и подъ давленіемъ ея (ç'a été comme forcés et contraints") [1]. Или: „Философія выражаетъ довѣріе только тѣмъ реформамъ, которыя вытекли изъ свободнаго желанія общества; единственными революціями, признаваемыми ею, являются тѣ, которыя дѣлаются по инціативѣ массъ" (стр. 30).

Но тутъ же, даже въ этихъ же самыхъ фразахъ, онъ бросаетъ общую анафему противъ всѣхъ правительствъ, не только обычныхъ, по самому существу своему консервативныхъ, охраняющихъ привилегіи эксплуататоровъ отъ напора эксплуатируемыхъ, но и правительствъ революціонныхъ или тѣхъ формъ боевой временной власти, которыя носятъ названіе народной диктатуры, диктатуры рабочаго класса и т. п. По мнѣнію Прудона, глубокое „противорѣчіе" заключается въ мысли, будто „правительство можетъ когда-нибудь быть революціоннымъ, и это по той простой причинѣ, что оно—правительство. Лишь общество, лишь масса, проникнутая пониманіемъ, можетъ революціонизировать самое себя, потому что только она одна можетъ дать раціональное развитіе своему спонтанейному инстинкту, можетъ анализировать, объяснить тайну своей судьбы и своего происхожденія, измѣнить свою вѣру и свою философію... Правительства же—бичи божіи, установленныя для того, чтобы *дисциплинировать* міръ; и вы хотите, чтобы они разрушали сами себя, чтобы они создавали свободу,

---

[1]) *Les confessions d'un revolutionnaire pour servir à l'histoire de la révolution de fevrier*; т. IX „новаго изданія" „Oeuvres complètes", Парижъ. 1868, стр. 28.

чтобы они дѣлали революціи!" (стр. 27—28). Они постоянно лишь „мѣшали, подавляли, наносили удары; никогда, по своей волѣ, они ничего не революціонизировали. Роль ихъ—не создавать прогрессъ, а задерживать его. Если бы даже они,—что противно ихъ природѣ,—обладали революціонной наукой, наукой соціальной, то они не могли бы прилагать ее, не имѣли бы на то права" (стр. 28). Ибо „философія" анархіи „не допускаетъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ право доставлять благо народу, вопреки самому народу, и чтобы было дозволительно дѣлать свободною ту націю, которая желаетъ быть управляемой" (стр. 30).

Соотвѣтственно съ тѣмъ, кто производитъ революцію, народъ или какой нибудь стоящій внѣ его элементъ, т. е. откуда совершается она сверху или снизу, Прудонъ различаетъ двѣ категоріи революцій. Во-первыхъ, революцію сверху: „революція сверху есть неизбѣжно... революція милостію государя, произволомъ министра, колебаніемъ палаты, насиліемъ клуба; это революція, основанная на диктатурѣ и на деспотизмѣ". Во-вторыхъ, революцію снизу: „революція по инищіативѣ массъ есть революція, опирающаяся на согласіе гражданъ, опытъ рабочихъ, успѣхи распространенія просвѣщенія, революція путемъ свободы" (стр. 27).

Чтобы довершить это противоставленіе своего анархическаго идеала государственному, Прудонъ высказываетъ, наконецъ, мысль, которая вызвала, можетъ быть, больше тактическихъ ошибокъ, чѣмъ какая-либо другая, въ рядахъ сторонниковъ анархіи. А именно, опираясь на то общее ему съ большинствомъ соціалистовъ положеніе, что въ основѣ всякаго строя лежатъ экономическіе интересы, онъ чрезвычайно горячо борется противъ мнѣнія, согласно которому соціальная революціи возможна только путемъ революціи политической, и выдвигаетъ, наоборотъ, требованіе совершить прежде всего соціальную революцію, чтобы уже затѣмъ осуществить политическій переворотъ. „Абсолютисты, доктринеры, демагоги и соціалисты безпрестанно обращали свои взоры къ власти, какъ къ своему единственному полюсу,—негодующе восклицаетъ Прудонъ.—Отсюда этотъ афоризмъ якобинской партіи, отъ котораго, конечно, не откажутся доктринеры и абсолютисты: *соціальная революція есть цѣль*; *политическая революція* (т. е. перемѣщеніе власти) *есть средство*. Что значитъ: дайте намъ право жизни и смерти надъ вашею личностью и вашими имуществами, и мы сдѣлаемъ васъ свободными!.. Вотъ уже болѣе шести тысячъ лѣтъ, какъ короли и попы повторяютъ намъ это!" (стр. 24). А между тѣмъ,—продолжаетъ Прудонъ,—„философія утверждаетъ, что... власть должна безконечно уменьшаться и поглощаться въ промышленной организаціи, должна, слѣдовательно, ставиться не *надъ*, а *подъ* обществомъ; и перевертывая афоризмъ якобинцевъ, она заключаетъ: *политическая революція*, т. е.

уничтоженіе власти между людьми, *есть цѣль; соціальная революція — есть средство... Долой партіи; долой власть; неограниченная свобода человѣка и гражданина*“ (стр. 25—26).

Такъ вѣрная мысль Прудона о неизбѣжномъ исчезновеніи государственнаго принудительнаго элемента изъ будущаго общества, основаннаго на гармоніи интересовъ трудящихся, которая замѣнитъ современную борьбу имущихъ и неимущихъ классовъ,—эта мысль, говоримъ мы, вносилась, къ сожалѣнію, Прудономъ въ соціалистическое міровоззрѣніе одновременно съ такими практическими выводами, которые своею утопичностью создавали страшный сумбуръ въ тактическихъ пріемахъ великой арміи труда и по справедливости были встрѣчены рѣзкимъ противодѣйствіемъ со стороны дальновидныхъ друзей рабочаго класса. Смѣшиваніе цѣли со средствами, идеала съ способами достиженія его; вывернутая на изнанку тактика, ставившая плугъ впереди быковъ, и соціальную революцію впереди политическаго переворота, — все это вызвало то сильное отклоненіе отъ надлежащихъ путей рѣшенія соціальнаго вопроса, которое характеризуетъ до сихъ поръ приверженцевъ прудоновской анархіи и по закону идейной реакціи мѣшаетъ соціалистамъ оцѣнить значеніе здороваго зерна, заключающагося въ анализѣ государственной власти Прудономъ. Тѣмъ не менѣе, если государственническіе предразсудки теперь значительно ослабѣли въ соціалистическомъ мірѣ; если реформы, основанныя на вмѣшательствѣ современнаго классоваго правительства въ соціальныя отношенія, заставляютъ рабочій классъ зорко всматриваться въ смыслъ каждаго такого мѣропріятія; если, наконецъ, конечнымъ идеаломъ для всякаго мыслящаго соціалиста нашихъ дней является будущее общество, свободное отъ принудительнаго элемента, то здѣсь нельзя не видѣть значительнаго вліянія идей Прудона, которыя исподволь проникли въ сознаніе даже наиболѣе враждебныхъ этому мыслителю представителей міровоззрѣнія труда.

Въ Россіи же, какъ мы увидимъ позже, ученіе Прудона объ анархіи, вмѣстѣ съ сопредѣльными взглядами его на автономію коммуны и вообще всякой мелкой и крупной человѣческой группировки и на федеративную связь ихъ между собою, находило въ теченіе сравнительно долгаго времени особенно благопріятную почву, да, повидимому, начинаетъ снова пріобрѣтать право гражданства въ извѣстныхъ направленіяхъ политической мысли.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ интересномъ пунктѣ міровоззрѣнія Прудона, на сей разъ изъ области нравственности. Это — его ученіе о справедливости и о происхожденіи этого чувства изъ сознанія человѣческаго достоинства. Мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько наиболѣе характеристичныхъ строкъ изъ прудоновской „Справедливости“,

которая, какъ мы уже это сказали мимоходомъ и какъ мы это покажемъ впослѣдствіи, именно здѣсь произвела очень сильное впечатлѣніе на П. Л. Лаврова при выработкѣ его нравственно-философскихъ взглядовъ. Эти строки касаются „опредѣленія справедливости" и уложены въ форму теоремъ:

„1. Человѣкъ, благодаря разуму, которымъ онъ одаренъ, обладаетъ способностью чувствовать свое достоинство въ лицѣ своего ближняго, какъ въ собственномъ своемъ лицѣ, и въ этомъ отношеніи утверждать свое тождество съ нимъ.

„2. *Справедливость* есть продуктъ этой способности: это — естественно испытываемое и взаимно гарантируемое чувство уваженія человѣческаго достоинства, въ чьемъ бы лицѣ и при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни подвергалось опасности и чѣмъ бы мы ни рисковали для его защиты.

„3. Это чувство уваженія находится на самой низшей ступени у варвара, который замѣняетъ его религіей; оно укрѣпляется и развивается у цивилизованнаго человѣка, который практикуетъ справедливость ради нея самой и постоянно освобождается отъ всякаго личнаго „интереса и отъ всякчхъ религіозныхъ соображеній", и т. д. [1]).

Я обрываю эту цитату, замѣчая, что абстрактный способъ изложенія у Прудона часто затемняетъ характеръ его настоящихъ взглядовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, намъ нужно остерегаться, чтобы не впасть въ ошибку, которую дѣлаетъ Марксъ, а за нимъ его ученики, иронизирующіе надъ „вѣчной справедливостью" Прудона. Прудонъ, какъ можетъ видѣть читатель изъ внимательнаго разсмотрѣнія уже приведенныхъ немногихъ строкъ, не думаетъ, что справедливость неизмѣнна въ ея проявленіяхъ. Онъ полагаетъ, что она развивается по мѣрѣ развитія самаго человѣка. Правда, онъ считаетъ ее „прирожденной" (стр. 184) и съ абстрактной точки зрѣнія „незыблемой, какъ законъ" (стр. 185), „способностью соціальнаго существа" (ibid). Но это все равно, какъ если бы мы назвали самосознаніе человѣка его незыблемой и прирожденной способностью. Несомнѣнно, что теперь она отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Но сколько стадій надо было пройти человѣчеству по пути цивилизаціи, а отдѣльному человѣку приходится пройти по лѣстницѣ своего индивидуальнаго развитія, чтобы самосознаніе пріобрѣло, дѣйствительно, характеръ живой особенности двуногаго и разумнаго существа, принадлежащаго къ роду Homo sapiens...

Читатель ждетъ отъ меня, по всей вѣроятности, оцѣнки или, по крайней мѣрѣ, упоминанія о надѣлавшихъ въ свое время столько шуму прак-

---

[1]) *De la justice*, I, стр. 182—183.

тическихъ планахъ Прудона, касающихся дарового кредита. Но эти проекты, неосуществившіеся отчасти благодаря стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а отчасти въ силу внутренней утопичности своей, лежатъ внѣ рамокъ моихъ этюдовъ, тѣмъ болѣе, что въ Россіи, какъ кажется, они не нашли никакого отголоска. Довольно сказать, что, стараясь сдѣлать осуществимымъ эти планы [1]), Прудонъ отклонился отъ своей первоначальной схемы дѣйствительно дарового кредита, и его „Народный банкъ", смѣнившій первоначально задуманный „Обмѣнный банкъ", долженъ былъ не только взимать 2% за ссужаемыя вмѣсто денегъ бумаги, но и „принимать обычныя въ кругу банкировъ предосторожности" съ тѣмъ, чтобы кредитовать лишь платежеспособныхъ лицъ и учрежденія, т. е., значитъ, оставлять внѣ круга благодѣяній, проливаемыхъ прудоновскимъ банкомъ, какъ разъ тѣ неимущіе элементы, которые нигдѣ не могутъ найти кредита въ современномъ капиталистическомъ обществѣ.

Мнѣ остается лишь вкратцѣ охарактеризовать тѣхъ изъ французскихъ соціалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, которые, не играя такой значительной роли въ выработкѣ міровоззрѣнія труда, какъ мыслители, разсмотрѣнные до сихъ поръ въ этой главѣ, тѣмъ не менѣе не могутъ быть забыты въ исторіи соціализма, такъ какъ или популяризовали идеи новаго строя въ широкихъ слояхъ или представляютъ собой интересъ въ томъ или другомъ отношеніи, — особенно съ нашей, спеціально-русской точки зрѣнія.

Въ этомъ смыслѣ прежде всего вниманія заслуживаетъ Жоржъ-Зандъ, психологическіе и соціальные романы которой разносили проповѣдь новыхъ человѣческихъ отношеній и иного лучшаго общества далеко за предѣлы Франціи и которая произвела такое сильное впечатлѣніе на Бѣлинскаго и молодого Салтыкова-Щедрина. Геніальная женщина не была соціалистическимъ писателемъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, если не считать ея публицистической дѣятельности въ революціонномъ 1848-мъ году, когда

---

[1]) Замѣтимъ, что первоначальную идею ихъ Прудону нечего было плагіировать у Брея и другихъ англійскихъ соціалистовъ, какъ то, повидимому, предполагаетъ Марксъ (см. Karl Marx, *Misère de la philosophie*; Парижъ, новое изд. 1896. стр. 107, прим.; и его же, *Das Kapital*; Гамбургъ, т. I, третье изд., 1883, стр. 37, прим. 24). У Прудоновскаго банка есть предшественники на французской почвѣ: сэнъ-симонисты, фурьеристы (особенно Куанье), нѣкій Фульгранъ-Мазель, который, по словамъ извѣстнаго финансиста Курсель-Сенейля, еще въ 1818 г. изложилъ теорію дарового кредита, а въ 1829 г. основалъ на этомъ принципѣ банкъ въ Парижѣ и т. п.

она принимала самое живое участіе въ офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „Les Bulletins de la République“ и прослыла, по ея собственнымъ словамъ, между крестьянами за ученицу нѣкоего свирѣпаго старца „Коммунизма“, проповѣдовавшаго избіеніе пожилыхъ людей и дѣтей. Но въ теченіе первыхъ почти двадцати лѣтъ, съ начала 30-хъ годовъ и по конецъ 40-хъ, Жоржъ-Зандъ служила своимъ чарующимъ перомъ романиста пропагандѣ идей, которыя болѣе или менѣе близко соприкасаются съ соціализмомъ.

Первое десятилѣтіе ея беллетристической карьеры, которая блистательно открывалась „Индіаной“ (1831), „Валентиной“ (1832), „Леліей“ (1833) и продолжалась „Жакомъ“, „Мопра“ и т. д., дало глубоко тронутой и восхищенной публикѣ рядъ произведеній, дышащихъ горячимъ протестомъ противъ принудительной формы отношеній между полами и представляющихъ блистательную апологію искренняго и свободнаго чувства, отвергающаго условную ложь и грубый деспотизмъ семьи. Здѣсь, несомнѣнно, сказывается на Жоржъ-Зандѣ вліяніе феминистской литературы сэнъ-симонистовъ, съ которой мы познакомили читателей въ началѣ этой главы. Но сама писательница, несмотря на всѣ усилія привлечь ее со стороны представителей этой школы, не хотѣла примкнуть къ сэнъ-симонизму и продолжала итти своимъ путемъ, служа соціалистическимъ идеямъ путемъ смѣлой постановки и не менѣе смѣлаго рѣшенія психологическихъ вопросовъ, возникающихъ изъ неравенства мужчины и женщины и гнетущаго лицемѣрія современнаго брака.

Во второе десятилѣтіе, Жоржъ-Зандъ, испытывая вліяніе соціалистическихъ писателей и, главнымъ образомъ, Пьера Леру, расширяетъ кругъ идей, затрогиваемыхъ ея романами, и отъ болѣе или менѣе психологическихъ сюжетовъ переходитъ къ болѣе широкимъ соціальнымъ темамъ. Въ „Странствующемъ компаньонѣ“ (*Le compagnon du tour de France*; 1840) развиваются по преимуществу идеи „компаньонажа“, или своеобразнаго соціализма подмастерьевъ, дошедшаго въ очень ослабленномъ видѣ отъ среднихъ вѣковъ до нашей эпохи. „Орасъ“ (*Horace*; 1842), которымъ такъ восхищался нашъ Бѣлинскій, представляетъ яркую критику современнаго общества съ обще-соціалистической точки зрѣнія, не связанной догматомъ никакой опредѣленной школы. „Мельникъ“ (*Le Meunier d'Angibault*), проникнутый настроеніями религіознаго соціализма, отчасти предвосхищаетъ нашу эпоху хожденія въ народъ, такъ какъ герой этого романа, принадлежа къ знатной фамиліи, дѣлается простымъ рабочимъ и увлекаетъ своимъ примѣромъ влюбленную въ него женщину. Въ „Проступкѣ г. Антуана“ (*Le péché de M. Antoine*; 1847),—недавней перепечаткой котораго Жорэсъ пытался, но, повидимому, безъ особаго успѣха, заинтересовать

рабочую публику своей газеты „L' Humanité“,—рисуется нѣчто въ родѣ соціалистическаго общежитія, которое основывается на берегахъ Крёзы старымъ идеалистомъ изъ дворянъ.

Это краткое упоминаніе о соціальныхъ романахъ Жоржъ-Зандъ не даетъ, конечно, понятія, въ какой степени благодаря имъ идеи новаго строя, основаннаго на трудѣ, правдѣ, и свободѣ, находили широкій отзвукъ въ слояхъ и среди людей, которые иначе не познакомились бы и не заинтересовались соціализмомъ. Богатство фантазіи; драматичность въ выборѣ и трактованіи сюжетовъ; реализмъ въ изображеніи природы и общественной среды, затушевывающій идеалистическую условность типовъ; благородство стиля; счастливыя выраженія, которыя запечатлѣвались въ памяти читателей,—все это создавало, сравнительно, очень обширную аудиторію для проповѣди соціалистическихъ идей увлекательной писательницей. Нѣкоторыя изъ ея фразъ, въ родѣ знаменитой формулы (въ „Странствующемъ компаньонѣ“), гласящей, что въ современномъ обществѣ „богатство есть право для однихъ, а бѣдность—обязанность для другихъ“, жадно подхватывались публикой, комментировались въ печати и возбуждали интересъ и симпатіи къ идеалу, развертываемому смѣлой проповѣдницей лучшаго будущаго.

Изъ второстепенныхъ писателей обобщающаго, болѣе или менѣе эклектическаго, типа мы упомянемъ Видаля, сочиненіе котораго „О распредѣленіи богатствъ“ пользовалось одно время довольно широкою популярностью во Франціи и оставило свой слѣдъ, чрезъ посредство В. А. Милютина, на выработкѣ соціально экономическихъ доктринъ въ Россіи. Появившееся въ 1846 г. до выхода въ свѣтъ „Системы экономическихъ противорѣчій“ Прудона, оно не обладаетъ силою и оригинальностью изслѣдованій послѣдняго въ извѣстныхъ областяхъ, но чуждо и тѣхъ странныхъ аберрацій мысли въ мелко-буржуазномъ направленіи, которыя такъ непріятно поражаютъ читателя на иныхъ страницахъ прудоновскаго труда. Можно даже сказать, что нѣкоторыя стороны современнаго строя освѣщены Видалемъ, съ строго-соціалистической точки зрѣнія, гораздо удачнѣе, чѣмъ у геніальнаго критика собственности, анализу котораго мѣшаетъ предубѣжденіе противъ коллективнаго производства. Обнаруживающій сильную начитанность въ области экономической и соціалистической литературы, Видаль умѣло доказываетъ, что весь современный строй проникнутъ „соціальной войной“ или «войной между трудомъ и капиталомъ“. Оперируя цитатами преимущественно изъ англійскихъ классиковъ политической экономіи, а особенно изъ А. Смита, онъ вскрываетъ то внутреннее противо-

рѣчіе, которое заключается въ обратныхъ тенденціяхъ къ повышенію и пониженію трехъ основныхъ доходовъ капиталистическаго общества: ренты, прибыли и заработной платы, и приходитъ къ заключенію, что общество въ концѣ концовъ погибнетъ, если не положитъ предѣла безконечному возрастанію капиталовъ въ рукахъ праздныхъ владѣльцевъ.

Видаль ярко схватываетъ особенности современнаго строя, основаннаго на конкуренціи, создающей противоположности богатства и бѣдности: „Господствующій фактъ современной цивилизаціи,—говоритъ онъ,—это то, что въ земледѣліи, какъ въ промышленности, капиталъ стремится повсюду поработить трудъ, подчинить человѣка могуществу денегъ; это то, что повсюду крупные капиталы стремятся раздавить мелкіе, большія фабрики—раззорить маленькія мастерскія, обширные магазины—вытѣснить лавки. Всѣ успѣхи наукъ и искусствъ сводятся къ тому, чтобы сдѣлать трудъ безполезнымъ, вести производство при помощи неодушевленныхъ двигателей; наконецъ, обезпечить капиталу исключительное преобладаніе, сдѣлать богатыхъ еще болѣе богатыми, а остальное населеніе еще болѣе нищимъ“ [1]). И надо читать непосредственно слѣдующія за этимъ страницы (особенно 174—179), чтобы видѣть, съ какимъ умѣньемъ нашъ авторъ доказываетъ детальными фактами вѣрность этой общей тенденціи „промышленнаго, торговаго и финансоваго феодализма», изъ котораго, въ силу самой концентраціи, выходъ одинъ: „ассоціація“ и „соціализація всѣхъ орудій труда, т. е. собственности“ (стр. 390).

Различнымъ планамъ коренной общественной реформы, предлагаемымъ соціалистами, Видаль посвящаетъ послѣднюю треть своей книги, кратко, но ясно изображая особенности каждой изъ великихъ системъ, привлекавшихъ симпатіи тогдашней мыслящей публики, и самъ высказывая тяготѣніе къ „братской“ или «коммунистической» школѣ, защищавшей въ лицѣ Луи-Блана принципъ „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ“. Осуществленіе этого идеала онъ ставитъ въ зависимость отъ группировки общественныхъ элементовъ, сочувствующихъ реформѣ, вокругъ „центральной власти“, но власти, организованной въ формѣ „демократіи“ и потому имѣющей осуществлять истинныя стремленія народа. А пока Видаль въ числѣ практическихъ мѣръ, могущихъ по его мнѣнію быть непосредственно реализованными, рекомендуетъ въ особенности созданіе „земледѣльческихъ колоній“ (стр. 474).

---

[1]) F. Vidal, *De la répartition des richesses, ou de la justice distributive en économie sociale; ouvrage contenant l'examen critique des théories exposees soit par les économistes, soit par les socialistes;* Парижъ, 1846, стр. 173.

Очень большою извѣстностью изъ второстепенныхъ соціалистическихъ писателей пользовался во Франціи и за предѣлами Франціи фурьеристъ Викторъ Консидеранъ, по сочиненіямъ котораго у насъ, въ Россіи, охотно знакомились съ трудно читаемыми и черезчуръ объемистыми трактатами самого творца соціетарной системы. Сдѣлавшись пламеннымъ ученикомъ Фурье въ 17 лѣтъ, Консидеранъ всю свою долгую жизнь посвятилъ распространенію доктрины, пожертвовавъ этой основной цѣли своего существованія блестящей карьерой военнаго инженера, связями, положеніемъ. Искусный лекторъ, умѣлый ораторъ, талантливый и высокообразованный популяризаторъ, онъ еще при жизни Фурье пользовался, несмотря на свою молодость, большимъ авторитетомъ среди единомышленниковъ, а по смерти учителя былъ признанъ духовнымъ главою „секты". Кромѣ безчисленныхъ брошюръ и статей въ редактировавшихся имъ органахъ фурьеристовъ, „Промышленной реформѣ", „Фалангѣ" и „Мирной демократіи", Консидеранъ написалъ много болѣе крупныхъ работъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна большая популяризація фурьеристской системы, названная имъ въ духѣ ученія „Соціальной судьбой" и представляющая прекрасное изложеніе Фурье безъ странностей и неясностей, но и безъ глубины послѣдняго. Этотъ трудъ, вышедшій въ трехъ томахъ въ промежуткѣ 1836—1844 г. и скоро выдержавшій три изданія (послѣднее въ 1851 г. въ двухъ томахъ), не заключаетъ въ себѣ крупныхъ оригинальныхъ мыслей, но обнаруживаетъ немалую самостоятельность автора въ развитіи чужихъ идей и мѣстами, особенно тамъ, гдѣ авторъ иллюстрируетъ свои положенія примѣрами изъ земледѣльческой техники, военнаго искусства, архитектуры, производитъ очень живое и свѣжее впечатлѣніе.

Критическая часть этого главнаго сочиненія Консидерана въ особенности цѣнна и до сихъ поръ не потеряла своего интереса. Пусть, напр., читатель просмотритъ тѣ страницы, на которыхъ вѣрный ученикъ Фурье анализируетъ въ духѣ геніальнаго учителя отличительныя черты различныхъ общественныхъ фазисовъ, чрезъ которые прошло современное человѣчество,—дикаго состоянія, варварства, цивилизаціи,—и онъ нерѣдко встрѣтится здѣсь съ мыслями, которыя представляютъ значительное сходство съ позднѣйшими взглядами Моргана, Энгельса и др. на развитіе людскаго общежитія. Консидеранъ, ссылаясь на историковъ и путешественниковъ, не безъ искусства реставрируетъ физіономію первобытнаго „райскаго" коммунизма, когда человѣкъ, не зная ни частной собственности, ни современнаго брака, „наслаждается счастіемъ", но „счастіемъ смутнымъ и мало утонченнымъ" [1]). Прослѣживая, въ общихъ чертахъ, но шагъ за шагомъ,

[1]) Victor Considerant, *Destinée sociale*; Парижъ, т. I, стр. 128 второго изданія 1847 г.

постепенный переходъ человѣчества отъ дикаго состоянія къ варварству, отъ варварства къ цивилизаціи, авторъ „Соціальной судьбы“ болѣе подробно останавливается на этомъ послѣднемъ этапѣ эволюціи, и особенно на капиталистическомъ періодѣ, который характеризуется тѣмъ, что „общественная власть не опирается уже больше на гербы и грамоты, а на деньги“ (стр. 165), и что въ обществѣ „создаются два класса, обладающіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе различнымъ характеромъ: классъ, который владѣетъ, сохраняетъ и накопляетъ, и классъ, который ничего не имѣетъ и ничего не можетъ пріобрѣсть“ (стр. 166).

Я приведу здѣсь нѣсколько строкъ, чтобы читатель могъ судить, какъ точно и рельефно Консидеранъ изображаетъ физіономію развившагося окончательно капиталистическаго режима: „Въ то время, какъ совершаются эти факты (необузданной свободной конкурренціи. Н. Р.), общество находится въ ужасномъ состояніи: ему угрожаютъ непосредственно кризисы и революціи. Наконецъ, если бы это движеніе дошло до конца, то мы увидѣли бы крестьянъ лишенными своей мелкой собственности и работающими въ качествѣ поденщиковъ на крупныхъ фермахъ, какъ мы уже видимъ цѣлыя населенія прикованными къ тѣмъ промышленнымъ каторжнымъ тюрьмамъ, что называются заводами и фабриками. Земледѣльческій классъ, обращенный въ рабство, раздѣлилъ бы участь тѣхъ тысячъ человѣческихъ машинъ, которыя функціонируютъ на фабрикахъ промышленныхъ странъ: Франціи, Бельгіи, Англіи и т. п. Это уже не старинное *индивидуальное* крѣпостное право, которое отдавало вассала въ собственность сеньора; это—*коллективное* крѣпостничество, которое отдаетъ низшіе классы всей массой владѣльцамъ богатствъ, сеньорамъ финансовъ, промышленности и собственности... Этотъ новый феодализмъ образуетъ въ націи, рядомъ съ правительственной властью, силу“ и т. д. (стр. 176—177, passim).

На слѣдующихъ страницахъ изображается дальнѣйшій ходъ историческаго процесса, приводящаго человѣчество къ соціетарному строю, подготовленіе къ которому Консидеранъ описываетъ въ духѣ, очень близкомъ къ марксовской тріадѣ: коммунизмъ—индивидуализмъ—коммунизмъ: „Проходя чрезъ фазисъ промышленнаго индивидуализма, собственность перейдетъ изъ состоянія собственности *неподвижной* и *раздробленной* въ состояніе собственности *акціонерной* и *унитарной*. Это превращеніе, совершенное путемъ всеобщей экспропріаціи (dépouillement général) низшихъ и среднихъ классовъ, есть тотъ зародышъ, который подготовитъ послѣдующую универсализацію собственности. Такимъ образомъ, четвертый фазисъ цивилизаціи имѣетъ своимъ предметомъ измѣнить форму собственности, сдѣлать ее *акціонерной*, *сложной* и *соціальной* изъ *индивидуальной*, *простой* и *исключительной*“ (стр. 183).

Я вынужденъ ограничиться этими немногими цитатами, замѣчая, однако, что читатель найдетъ у Консидерана немало интересныхъ мѣстъ и во второмъ томѣ „Соціальной судьбы", посвященномъ описанію механизма фаланстерія, и въ третьемъ, заключающемъ любопытный планъ воспитанія въ духѣ фурьеризма; равно какъ въ уже цитированномъ нами „Соціализмѣ предъ старымъ міромъ", гдѣ авторъ недурно излагаетъ сущность различныхъ соціалистическихъ системъ и противоставляетъ ихъ серьезный смыслъ жалкимъ и злостнымъ возраженіямъ противниковъ.

Не мѣшаетъ, говоря о Консидеранѣ, припомнить, что ему принадлежитъ заслуга создать республиканское и демократическое теченіе среди фурьеристовъ, чуравшихся, какъ извѣстно, политики, и бросить наиболѣе живые элементы изъ нихъ въ борьбу противъ реакціи и цезаризма, когда волны февральской революціи пошли на убыль послѣ роковыхъ іюньскихъ дней. Начавъ съ аполитизма, подобно другимъ послѣдовательнымъ ученикамъ Фурье, онъ, однако, уже въ началѣ 40-хъ годовъ почувствовалъ необходимость участія въ политической жизни, хотя бы прежде всего въ видахъ пропаганды своихъ идей и возможности требовать осуществленія фурьеристскихъ плановъ отъ различныхъ учрежденій страны. Съ этою цѣлью онъ вошелъ еще въ 1843 г. членомъ въ генеральный совѣтъ (родъ нашего губернскаго земства) Сенскаго департамента. Съ этою же цѣлью онъ ставилъ свою кандидатуру въ депутаты за годъ до февральской революціи. Наконецъ, избранный членомъ Національнаго собранія, онъ развилъ въ большой рѣчи, произнесенной имъ 14-го апрѣля 1849 г., фурьеристскую програму, обращаясь къ парламенту съ требованіемъ дать средства, нужныя для соціальнаго эксперимента въ духѣ школы. Но вмѣстѣ съ своими приверженцами онъ раздѣлялъ всѣ перипетіи борьбы тогдашней соціально-демократической партіи противъ коалиціи реакціонныхъ элементовъ въ собраніи и странѣ, пока участіе въ попыткѣ возстанія 13-го іюня 1849 г. не заставило его бѣжать отъ преслѣдованій за границу, чѣмъ заканчивается его выдающаяся роль во французскомъ соціализмѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, такъ какъ его послѣдующая дѣятельность далеко не имѣетъ значенія предыдущей.

Оригинальная судьба преслѣдовала Огюста Бланки, котораго намъ придется коснуться здѣсь вслѣдствіе того, что его идеи, впервые выраженныя съ достаточной ясностью въ описываемый нами періодъ расцвѣта французскаго соціализма, найдутъ гораздо позже, подъ вліяніемъ французскаго „бланкизма", доступъ къ намъ въ Россію въ видѣ соціальнаго якобинства П. Н. Ткачева, а отчасти и теоретиковъ „Народной Воли". Говоря объ оригинальности этой судьбы, мы разумѣемъ даже не вѣчное сидѣнье Бланки

ко тюрьмамъ,—въ этомъ смыслѣ жизнь этого военноплѣннаго всѣхъ правительствъ, какъ королевскихъ и цезаристскихъ, такъ и республиканскихъ, заслуживала бы скорѣе эпитета „трагической",—а то обстоятельство, что, несмотря на силу и самостоятельность своей мысли, на замѣчательное для того времени пониманіе соціальнаго вопроса, онъ будетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ разсматриваться исключительно какъ заговорщикъ и практическій революціонеръ. Даже впослѣдствіи, когда во Франціи создается политическая партія бланкистовъ, имя Бланки будетъ служить лишь лозунгомъ, объединяющимъ людей извѣстнаго боевого темперамента. Собственно же его идеи будутъ настолько мало извѣстны самимъ его приверженцамъ, что, напримѣръ, уже упомянутымъ бланкистамъ въ его міровоззрѣніи пригляется особенно взглядъ на захватъ власти и революціонную диктатуру во вкусѣ великихъ якобинцевъ и террористовъ Первой французской революціи, тогда какъ анархисты будуть, съ своей стороны, утверждать, что эффектная формула Бланки „Ni Dieu ni maître" именно и выражаетъ характеризующее анархизмъ отрицаніе небесныхъ и земныхъ властей.

Довольно сказать, что сборникъ его статей, рѣчей, манифестовъ, заключающій въ себѣ, между прочимъ, и такія вещи, которыя относятся къ началу 30-хъ годовъ, и носящій общее заглавіе „Соціальной критики", былъ напечатанъ лишь въ половинѣ 80-хъ годовъ, почти пять лѣтъ послѣ его смерти [1]). Между тѣмъ, Бланки уже почти въ самомъ началѣ своей политической карьеры установилъ основные пункты своего міровоззрѣнія, которое подвергнется дальнѣйшей переработкѣ лишь въ деталяхъ. Испытавъ, повидимому, вліяніе Буонарроти, Пьера Леру, отчасти сэнъ-симонистовъ, онъ, однако, очень рано вноситъ свою ноту въ рѣшеніе соціальнаго вопроса. Уже на такъ называемомъ „Процессѣ пятнадцати" (январь 1832 г.) онъ произноситъ гораздо менѣе защитительную, чѣмъ агитаціонную рѣчь, содержащую настоящее соціально-революціонное profession de foi, въ которомъ онъ рѣзко подчеркиваетъ классовую точку зрѣнія, указывая на борьбу классовъ не только какъ на печальный общественный фактъ,—что принималось тогда большинствомъ соціалистовъ,—но какъ на необходимое орудіе освобожденія неимущихъ отъ гнета и эксплуатаціи: „это — война между богатыми и бѣдными; такъ пожелали сами богатые, которые являются нападающей стороной".

Уже въ эту раннюю пору Бланки говоритъ и пишетъ, что „цивилизація" фатально идетъ къ „коммунизму", который представляетъ собой

1) *La critique sociale;* Парижъ, 1885, 2 т. Бланки умеръ 1-го января 1881 г., послѣ цѣлаго ряда страшно утомившихъ его публичныхъ собраній. См. его подробную біографію: Gustave Jeffroy, *L'Enfermé;* Парижъ, 1897, стр. 436—437.

отнюдь не „утопію“, а „послѣднее слово соціальной науки“, „увѣнчаніе“ всего предшествовавшаго развитія. Онъ рѣзко относится къ различнымъ окружавшимъ его школамъ утопическаго соціализма и бросаетъ имъ упрекъ въ томъ, что онѣ исполнены „соціальнаго догматизма“ и хотятъ предусмотрѣть, мало того, предписать путь, которымъ общество должно достигнуть конечной цѣли. Между тѣмъ, — какъ выражается онъ, становясь на почву поистинѣ удивительнаго для того времени реалистическаго взгляда на вещи,—между тѣмъ, „общественный организмъ не можетъ быть созданіемъ ни одного человѣка, ни нѣсколькихъ, ни искренности, ни преданности и даже не генія. Онъ не можетъ быть импровизаціей. Никто не знаетъ секрета будущаго, никто не обладаетъ имъ... Тѣ, кто изъявляетъ претензію на то, что у нихъ въ карманѣ имѣется подробный планъ этой невѣдомой земли, — безумцы“. Съ другой стороны, жестоко нападая на тѣхъ, которые бы желали открыть своей сектантской иниціативой творческую, „органическую“ эру въ жизни человѣчества, онъ доходитъ въ этомъ отвращеніи къ кабинетнымъ реформаторамъ до того, что высказываетъ слѣдующую, повидимому, вполнѣ анархическую мысль: „Нельзя довѣрять никому... Власть есть начало угнетающее по самой природѣ своей (le pouvoir est oppresseur par nature)“.

Какъ согласить съ этимъ громадное значеніе, которое онъ приписываетъ активному вмѣшательству въ исторію революціонной организаціи самоотверженныхъ друзей народа и ихъ революціонной диктатурѣ,—ученіе, которое по преимуществу связывается у большинства съ представленіемъ о бланкизмѣ и которое крайне сильно сказывается какъ на постоянной тактикѣ самого вѣчнаго конспиратора, такъ и на политическомъ міровоззрѣніи его послѣдователей? Продумывая это сбивающее на первый взглядъ съ толку противорѣчіе, я прихожу къ заключенію, что его можно объяснить вполнѣ удовлетворительно, если мы припомнимъ, что Бланки различалъ между естественной эволюціей общественнаго организма, или его „фатальнымъ“ движеніемъ къ „коммунизму“, и тѣми, съ его точки зрѣнія, внѣшними препятствіями, которыя поставляются развивающемуся обществу по пути неизбѣжнаго прогресса имущими и правящими классами. Надо разрушить плотину гнета и эксплуатаціи, воздвигнутую силами реакціи, и благодѣтельныя силы общественнаго развитія устремятся по своему естественному руслу. Недаромъ Бланки восклицаетъ: „Устраните препятствія, создайте для рѣки склонъ, но не претендуйте на то, чтобы создать самое рѣку... Лишь одна революція, расчищая почву, освѣтитъ горизонтъ... откроетъ пути, или, скорѣе, многочисленныя тропинки, которыя ведутъ къ новому порядку вещей“. Отсюда и понятна становится роль революціонной иниціативы, которая обозначаетъ у Бланки нѣчто иное, чѣмъ вообра-

жаетъ вульгарный бланкизмъ, полагающій, что, согласно взглядамъ ихъ учителя, историческимъ колесомъ, выражаясь фигурально, можно вертѣть во всѣ стороны.

Такъ вырисовывается тонкое, почти совсѣмъ реалистическое міросозерцаніе вѣчнаго „узника",—какъ называетъ его Жеффруа,—вокругъ мысли котораго судьба воздвигла столь же, повидимому, толстыя стѣны, препятствовавшія надлежащему общенію его съ міромъ сочувствовавшихъ послѣдователей, какъ толсты были матеріальныя стѣны казематовъ, охватывавшія своимъ холоднымъ кольцомъ пламенную личность великаго революціонера. Не въ 30-хъ и не въ 40-хъ годахъ, а лишь въ самыя послѣднія десятилѣтія XIX вѣка Бланки найдетъ учениковъ, которые истолкуютъ благородный фанатизмъ ихъ духовнаго вождя въ смыслѣ, не только не отрицающемъ, но крѣпко поддерживающемъ понятіе о законахъ общественной эволюціи.

(Окончаніе первой части слѣдуетъ).

Н. С. Русановъ.

Николай Павловичъ

ПАВЛОВЪ-СИЛЬВАНСКІЙ.

ТИП. Б. М. ВОЛЬФА СПБ. НЕВСКІЙ 126

Памяти Н. П. Павлова-Сильванскаго [1]).

17 сентября въ Боткинскихъ баракахъ отъ холеры умеръ Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій, выдающійся русскій историкъ, благородный общественный дѣятель. Умеръ 39 лѣтъ отъ роду, въ самый разгаръ творческой работы, въ тотъ моментъ, когда онъ почувствовалъ, что не оставитъ безъ осуществленія ни одной изъ возможностей, заложенныхъ въ него; когда развернулись всѣ его духовныя силы и способности. Великая потеря для русской науки! Значеніе потери опредѣляется не обычной мѣркой: столько-то и такіе-то труды, „вклады" въ науку; нѣтъ, имя Никол. Павл. останется навсегда въ русской исторіографіи, ибо оно связано съ однимъ изъ важнѣйшихъ и крупнѣйшихъ обобщеній русской исторической мысли—съ теоріей феодальнаго развитія русской исторіи. Онъ имѣлъ предшественниковъ, которые предчувствовали этотъ выводъ, но ему принадлежитъ честь построить и развить эту теорію и выяснить ея крупное общественное значеніе.

Эта теорія — плодъ его жизни, мысли и ученой работы. Еще на университетской скамьѣ онъ началъ задумываться надъ оставленными безъ вниманія аналогіями въ ходѣ историческаго развитія Западной Европы и Россіи. Тѣ отличія русской исторической жизни отъ западной, которыя ставили въ тупикъ однихъ изслѣдователей и утверждали другихъ въ признаніи самобытнаго развитія Россіи, давно стали казаться Ник. Павл. мнимыми. Съ 1897 года идетъ рядъ его небольшихъ по объему, но въ высшей степени содержательныхъ этюдовъ, въ которыхъ изслѣдователь, стоя на уровнѣ современнаго научнаго знанія, вооруженный критическимъ методомъ, выясняетъ полнѣйшую аналогію ряда институтовъ западнаго феодальнаго строя и строя древней Руси. Таковы статьи—Закладничество, Патронатъ, Иммунитетъ въ Удѣльной Руси, Феодальныя отношенія въ древней Руси, Символизмъ въ древне-русскомъ правѣ. Встрѣченные сначала молчаніемъ, затѣмъ пренебрежительными отзывами старыхъ дѣятелей науки, мало-по-малу взгляды Ник. Павл. начинаютъ привлекать вниманіе ученыхъ; Ник. Павл. заставляетъ считаться съ своими работами, но только въ самое послѣднее время его выводы получаютъ широкое

---

[1]) Вотъ данныя изъ формуляра Ник. Павл. Сынъ дѣйств. ст. сов., дѣлопроизводитель VI кл. Госуд. и Спб. главн. Архивовъ М. И. Д., родился 1 февр. 1869 года, на службу поступилъ (по департаменту Внутреннихъ Сношеній) въ 1892 году, въ 1900 году былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ VI кл. въ Архивъ, въ 1901 году назначенъ членомъ Археографической Коммиссіи, въ 1906 году произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Ник. Павл. кончилъ курсъ въ Спб. университетѣ по ист.-фил. факультету.

признаніе, между прочимъ, и на университетской каѳедрѣ. Крупнымъ событіемъ является появленіе въ концѣ 1907 года его книги „Феодализмъ въ древней Руси“, содержащей общіе выводы его частныхъ изслѣдованій. Съ поразительной ясностью, силой убѣжденія и логикой развертываетъ онъ схему развитія русской исторіи; показываетъ въ ней элементы феодольнаго строя; уничтожаетъ всякую возможность построенія теоріи самобытнаго развитія и вдвигаетъ Россію въ русло общеевропейскаго развитія по проторенным путямъ. Выпустивъ эту книгу, Ник. Павл. съ горячностью садится за работу надъ объединеніемъ и завершеніемъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, легшихъ въ основу его теоріи; завершеніе потребовало отъ него спеціальной монографіи объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи. Проработавъ этотъ вопросъ по источникамъ, Ник. Павл. провѣрилъ свои выводы, посѣтивъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь этимъ лѣтомъ. Онъ кончилъ осенью свою спеціальную работу; хотѣлъ приступить къ печатанію книги, но смерть оторвала его отъ дѣла его жизни. Книга его находится въ рукописяхъ; быть можетъ, она не получила еще окончательной отдѣлки, но изданіе ея и въ такомъ видѣ необходимо, и мы ждемъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Научное значеніе своей теоріи Ник. Павл. сознавалъ ясно со времени первыхъ работъ своихъ въ этой области. Но тогда онъ не думалъ о томъ, какъ велико можетъ быть ея значеніе въ процессѣ нашего общественнаго развитія, какъ значительно приложеніе ея въ данный моментъ къ долгому спору славянофильства и западничества. Кажется, только событія, пережитыя нами въ этомъ вѣкѣ, раскрыли его глаза на эту сторону его теоріи, подрывающей послѣдній „объективный“ доводъ всѣхъ защитниковъ самобытнаго развитія Россіи и въ силу этого—неприкосновенности ея государственнаго строя. Чтобы оградить академическій объективизмъ изслѣдователя, нужно подчеркнуть, что *лишь въ самое послѣднее время* возникаетъ въ немъ интересъ къ этой сторонѣ дѣла. Но нельзя отрицать вообще связи ученой дѣятельности Ник. Павл. съ ходомъ нашего общественнаго развитія. Ему чуждо было холодное, хладнокровное отношеніе ко всему, чѣмъ бы ни занимался: стоило ему войти въ работу (хотя бы и по заказу), и онъ съ необыкновенной горячностью и страстью предавался труду. Ник. Павл. вносилъ въ свои ученыя занятія всю свою мысль и всю свою душу: про него можно сказать, что если бы онъ былъ другимъ человѣкомъ, то и работа его, чисто интеллектуальная и логическая, дала бы другіе результаты. А мысль его отъ источниковъ, отъ архивныхъ матеріаловъ переходила къ нашей дѣйствительности, и душа его чутко и остро воспринимала всѣ впечатлѣнія нашей тяжелой жизни. Еще въ самомъ концѣ 90 хъ годовъ—въ предвѣстіи великой бури—Ник. Павл. мало реагировалъ на общественную жизнь, не принималъ никакого участія въ дѣятельности оппозиціонныхъ и революціонныхъ группъ. Служба его не только не мѣшала ученымъ рабо-

тамъ, а, наоборотъ, имъ содѣйствовала: онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Государственномъ Архивѣ, въ послѣднее время занимая мѣсто старшаго дѣлопроизводителя. Работы по разбору документовъ архива, предпринимаемыя имъ по надобностямъ службы, были побудительнымъ поводомъ для каждаго изслѣдованія и часто завершались цѣнными научными статьями. Поглощенный научными и служебными интересами, онъ удовлетворялъ потребности въ общеніи и бесѣдѣ лишь на собраніяхъ ученыхъ обществъ. Онъ былъ спорщикъ и съ удовольствіемъ оппонировалъ въ этихъ засѣданіяхъ. Изъ интересовъ, чуждыхъ этимъ сферамъ, надо отмѣтить увлеченіе Чеховымъ; онъ былъ поклонникомъ писателя, собиралъ всѣ статьи о немъ и собирался даже писать о немъ. Изъ ученыхъ работъ этого періода, кромѣ этюдовъ по феодализму, нужно упомянуть о тѣсно связанной съ ними монографіи „Государевы служилые люди", посвященной изображенію судебъ русскаго служилаго дворянства. Монографія написана по порученію Государственной канцеляріи и напечатана въ Государственной типографіи безъ имени автора, какъ изданіе офиціальное (1898 г.). Еще раньше появилась очень дѣльная и цѣнная спеціальная работа: „Проекты реформы въ запискахъ современниковъ Петра Великаго"; она примыкаетъ къ одной изъ главъ извѣстной диссертаціи П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ и знакомитъ со многими неизвѣстными проектами.

Съ 1899 года уравновѣшенность ученаго начинаетъ исчезать; онъ не можетъ оставаться безучастнымъ и равнодушнымъ къ той борьбѣ, которая разыгрывается вокругъ него. Ему, знатоку нашего прошлаго, была ясно видна вся неизбѣжность паденія абсолютизма; его историческая совѣсть подсказала ему, гдѣ должны быть его симпатіи и куда могла быть приложена практическая дѣятельность. Событія 9 января 1905 года потрясли его до глубины души. Въ этотъ день онъ вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки бродилъ по улицамъ Петербурга, видѣлъ и кавалерійскія аттаки, и стрѣльбу залпами. Спасшись отъ плотнаго строя кавалергардовъ, очищавшихъ Б. Морскую, начиная отъ арки, мы скрылись въ подъѣздѣ одного дома, выходящаго на Мойку. Собираясь выйти на Мойку, мы увидѣли, какъ рота пѣхоты, взбѣжавъ на Полицейскій мостъ, осыпала залпомъ перспективу Невскаго и Мойку, вправо и влѣво. Спѣшно вбѣжали мы въ домъ и въ окно увидѣли, какъ потянулись окровавленные люди, лошади, извозчикъ съ простреленными пальцами; старуха, ползущая по тротуару... Ник. Павл. былъ разбитъ, потрясенъ. Онъ плакалъ навзрыдъ, не могъ долго притти въ себя. Онъ буквально бился головой о стѣну и сквозь слезы все повторялъ: „что они дѣлаютъ, что они дѣлаютъ?" Слезы смѣнилъ припадокъ крайняго негодованія...

Весной этого года удалось привлечь Ник. Павл. въ работѣ въ „Нашей Жизни". Онъ долго отнѣкивался, ему все казалось,

что его стиль непригоденъ для газетныхъ столбцовъ. Но онъ очень скоро освоился съ формой и далъ не мало статей, всегда серьезныхъ по темѣ, интересныхъ по выполненію. Солидныя знанія придавали особую убѣдительность этимъ статьямъ, появлявшимся то безъ подписи, то съ подписью „Историкъ“ или „Историкъ С.“ или „Н. С.“. Съ образованіемъ конституціонно-демократической партіи онъ записался въ члены партіи и принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ ея работѣ. Онъ дѣйствовалъ въ Александро-Невскомъ раіонѣ и въ пору предвыборной кампаніи передъ 1-й и 2-й Думой оказалъ огромнѣйшія услуги партіи. Онъ организовывалъ митинги и выступалъ на нихъ; въ предвыборные дни его квартира была штабомъ, въ которомъ писались бюллетени, раздавались агитаціонные листки, толклись люди всевозможныхъ профессій. Можно сказать, что онъ пріобрѣлъ большую популярность въ Александро-невскомъ раіонѣ. Съ увлеченіемъ отдавался онъ этой практической работѣ, радовался успѣхамъ партіи на выборахъ и съ горячностью нападалъ на безпартійныхъ лѣвыхъ. Я помню, какъ гремѣлъ онъ въ редакціонномъ кабинетѣ „Былого“, бесѣдуя съ однимъ изъ такихъ лѣвыхъ. Въ редакціи привыкли уже по шуму разговора угадывать, что въ кабинетѣ находится Ник. Павл. Но справедливость требуетъ сказать, что онъ явился горячимъ защитникомъ партіи народной свободы и ея вождей на первыхъ порахъ; съ теченіемъ времени, Ник. П—ча начало захватывать сомнѣніе въ вѣрности путей. Идейно онъ не порывалъ съ партіей. но разочарованіе уже отравило его Тутъ еще возникли препятствія со стороны высшаго начальства; публичныя выступленія Ник. П—ча были затруднены. Ближайшее будущее казалось ему безотраднымъ. Тяжело угнетали его безпрерывныя правительственныя репрессіи, гекатомбы людей, обреченныхъ смертной казни. По дѣламъ своихъ родныхъ, ему послѣднее время пришлось много ходить по жандармскимъ управленіямъ, по мѣстамъ заключенія и на личномъ опытѣ оцѣнить всю жизненность полицейскаго гнета...

Въ послѣднее время онъ очень сократилъ свою партійную дѣятельность, снова уединился, засѣлъ за работу и попробовалъ выступить въ новомъ для себя родѣ, на каѳедрѣ. Онъ былъ, по избранію, приглашенъ читать лекціи по исторіи русскаго права на высшихъ женскихъ курсахъ; кромѣ того ему предложили прочесть курсъ русской исторіи на высшихъ коммерческихъ курсахъ. Первыя лекціи стоили ему большихъ трудовъ и причиняли ему прямо-таки нравственныя страданія. Трудно было на первыхъ порахъ выработать привычку говорить съ каѳедры, подавлять свое волненіе, принаравливать свой взглядъ къ пониманію слушателей. Пришлось такъ же вырабатывать содержаніе, такъ какъ, не удовлетворяясь ни однимъ изъ существовавшихъ курсовъ, онъ не могъ положить въ основу уже готовое. Онъ много думалъ и много трудился надъ курсомъ исторіи русскаго права; онъ уже намѣтилъ въ главныхъ чертахъ построеніе новаго оригинальнаго курса, въ которомъ исторія русскаго права разсматривалась подъ

угломъ его воззрѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ мы дождались бы этого курса. Сосредоточиваясь все болѣе и болѣе на ученыхъ занятіяхъ, Ник. Павл. началъ тяготиться службой по министерству иностранныхъ дѣлъ. Стремленіе, выразившееся въ извѣстныхъ циркулярахъ, къ устраненію отъ государственной службы лицъ съ политическими убѣжденіями, неугодными правительству, не могло не задѣть и Ник. Павл. Правда, послѣднее время онъ не принималъ фактическаго участія въ оппозиціонной дѣятельности, но онъ чувствовалъ растлѣвающее вліяніе компромисса и стремился уйти на каѳедру; тамъ было, собственно, его мѣсто. Его ученые друзья очень хотѣли видѣть его членомъ университетской коллегіи, но тутъ замѣшалось маленькое, но весьма назидательное. Покойный не имѣлъ ученой степени; онъ не былъ даже магистрантомъ, т. е. выдержавшимъ испытанія на степень магистра русской исторіи. Никто не повѣритъ тому, что спеціалистъ по исторіи феодализма, Ник. Павл. началъ держать магистерскіе экзамены (лѣтъ 10 тому назадъ), но „провалился“ на экзаменѣ по западной исторіи и какъ разъ на вопросѣ о феодализмѣ. По всей вѣроятности, почтенный профессоръ, экзаменовавшій Ник. Павл., чувствуетъ краску на своемъ лицѣ, вспоминая объ этомъ инцидентѣ. Какъ бы тамъ не было, теперь, когда мысль о профессурѣ стала привлекать его, ему, занимающему мѣсто въ русской исторіографіи, страннымъ казалось подвергать себя экзаменамъ, а безъ нихъ невозможно было занять каѳедры.

Судьбы феодализма на Руси не исчерпываютъ интересовъ Ник. Пав. въ области русской исторіи. Была еще одна тема, интересовавшая его столь же живо: декабристы. Мы остановимся ниже подольше на его занятіяхъ въ этой области; сейчасъ же перейдемъ къ другимъ его работамъ. Нужно упомянуть на первомъ мѣстѣ объ его трудахъ по предпринятому вмѣстѣ со мной изданію знаменитаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Послѣ изданія автора 1790 года оно было первымъ полнымъ, свѣреннымъ по печатному оригиналу и цензурному экземпляру, хранящемуся въ Государственномъ Архивѣ. Появленіе нашего изданія совпало съ первыми днями нашихъ „свободъ“. Книга вышла изъ печати сейчасъ же послѣ 17 октября и была чуть ли не первой, вышедшей въ Россіи въ новыхъ условіяхъ жизни. Но если бы и не случилось этой перемѣны, изданіе было бы опубликовано, несмотря на то, что цензура сожгла за два года до этого сдѣланное П. А. Картавовымъ изданіе. Дѣло въ томъ, что Ник. Пав—чемъ былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ (по Государственному Архиву). По этому докладу послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изданіе этой книги. Одна изъ вступительныхъ статей къ нашему изданію, содержащая очеркъ жизни и дѣятельности Радищева (отчасти по новымъ матеріаламъ), принадлежитъ Ник. Пав. Имъ же составленъ и списокъ литературы о Радищевѣ. Къ работамъ по Петровской эпохѣ примыкаютъ изслѣдованія о Посошковѣ (біографія въ „Русск. біогр. Словарѣ“ и статья „Но-

выя извѣтія о П.“ въ „Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н.“ т. IX (1904), кн. 3), проливающія новый свѣтъ на міросозерцаніе московскаго прогрессиста (такъ называетъ его Н. П. въ отличіе отъ западника Петра) и объ извѣстномъ (первомъ) графѣ Петрѣ Толстомъ, пращурѣ Льва Николаевича Толстого (біографія въ томъ же „Словарѣ“ и статья въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1905, іюнь). Въ области древней исторіи нужно отмѣтить участіе Ник. Пав. въ трудахъ археографической комиссіи, членомъ которой онъ былъ. Онъ печаталъ тутъ „Акты о закладчикахъ“. Этого изданія онъ не успѣлъ кончить. Свои наблюденія надъ методами изданія рукописей онъ изложилъ въ статьѣ „Погрѣшности актовъ археографической комиссіи“. Необходимо указать, что онъ принималъ большое участіе, редактировалъ и наблюдалъ за печатаніемъ выпущенной къ столѣтію учрежденія „Исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ“. Значительная часть текста написана имъ. Для этой „Исторіи“ онъ приготовилъ на основаніи матеріаловъ дипломатическаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ большое изслѣдованіе о Нессельроде и его политикѣ. Появилась же въ книгѣ лишь ничтожная часть написаннаго; въ цѣломъ видѣ статья осталась неизданной и сохранилась въ рукописяхъ. Къ работамъ по 19 вѣку относятся біографія вел. князя Константина Николаевича въ „Русск. біогр. Словарѣ“ (и въ „Галлереѣ дѣятелей освобожденія крестьянъ“, изд. Брокгауза и Ефрона); невышедшій еще въ свѣтъ, но сданный издателю популярный очеркъ исторіи конституціонныхъ проектовъ и, наконецъ, послѣдняя вышедшая при жизни Ник. Павл. статья „Царь и народъ въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“ (во 2 томѣ „Сочиненій Пушкина“, ред. С. А. Венгерова). Нельзя не упомянуть также объ образцовыхъ историческихъ рецензіяхъ Ник. Пав. въ „Журн Мин. Нар. Просв.“, „Вѣстникѣ Европы“, „Критическомъ обозрѣніи „Нашей Жизни“, и „Быломъ“. Намъ памятна большая рецензія въ первомъ изъ названныхъ журналовъ на магистерскую диссертацію г. Трефильева о крестьянахъ при Павлѣ I: научная цѣнность рецензіи гораздо выше цѣнности самой книги. Наконецъ, нужно отмѣтить и тѣ изданія, въ которыхъ принималъ участіе Ник. Павл. Онъ редактировалъ одинъ изъ томовъ „Русскаго Біографическаго Словаря“ (остался незаконченнымъ), историческій очеркъ, изданный Спб. городской думой—„Двадцатипятилѣтіе городскихъ начальныхъ училищъ“; читалъ и исправлялъ въ рукописи послѣдніе томы „Исторіи императорской охоты“ Н. И. Кутепова, принималъ большое участіе въ изданіи И. Д. Сытина „Исторія русской литературы“ под. ред. Е. В. Аничкова и А. К. Бороздина, взявъ на себя наблюденіе за художественной стороной дѣла.

Эпоха двадцатыхъ годовъ, декабрьскаго движенія — люди и идеи декабрьскаго движенія остановили и приковали его вниманіе въ то время, когда онъ по должности дѣлопроизводителя Государственнаго Архива занялся разборомъ огромнѣйшаго матеріала по процессу декабристовъ, хранящагося въ этомъ архивѣ. Внима-

тельно знакомясь съ каждымъ листкомъ, онъ разобралъ, разсортировалъ всѣ дѣла о декабристахъ и составилъ имъ опись. Эта опись въ сущности и является первымъ трудомъ Ник. Павл. по исторіи декабристовъ. Значеніе этого труда, недоступнаго публикѣ, да и совершенно ей ненужнаго, могли оцѣнить лишь тѣ, кто работалъ въ архивѣ надъ декабристами: и съ описью-то нужно потратить много времени только на то, чтобы оріентироваться и освоиться съ документами. Пересматривая бумаги слѣдственнаго производства по дѣлу декабристовъ, Ник. Павл., какъ это вполнѣ естественно, заинтересовался исторіей важнѣйшаго и интереснѣйшаго заговорщика и дѣятеля П. И. Пестеля и его „Русской Правдой". Результатомъ этого перваго знакомства съ процессомъ Пестеля былъ біографическій очеркъ Пестеля, появившійся въ офиціозномъ изданіи, которое выпускается на средства и подъ главной редакціей статсъ-секретаря А. А. Половцова Императорскимъ Историческимъ Обществомъ. Этотъ небольшой очеркъ Ник. Павл. имѣетъ большое значеніе въ исторіи изученія декабрьскаго движенія. Въ очеркѣ впервые въ печати излагалась и цитировалась „Русская Правда". Затруднителенъ доступъ къ занятіямъ въ Государственномъ Архивѣ вообще; еще большими затрудненіями обставлено полученіе разрѣшенія на занятія дѣлами декабристовъ; но получившій послѣднее разрѣшеніе вплоть до второй половины 1906 г. подвергался ограниченіямъ въ пользованіи „Русской Правдой", давая обязательство дѣлать изъ „Русской Правды" лишь выписки и отнюдь не снимать полной копіи. Кажется, въ сферахъ, имѣвшихъ касаніе къ этимъ разрѣшеніямъ, было убѣжденіе, что стоитъ только обнаружиться „Русской Правдѣ", какъ произойдетъ крушеніе всей Россійской имперіи. Но и условное допущеніе къ „Русской Правдѣ" стало возможно лишь въ самомъ концѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, а до этой поры смотрѣть и читать произведеніе Пестеля могъ только покойный академикъ, генералъ Н. Ф. Дубровинъ; другой же генералъ-историкъ, авторъ шеститомной „Исторіи Александра I" М. И Богдановичъ въ свое время доступа къ ней не получилъ. Значеніе статьи Ник. Павл. не только въ томъ, что, сообщая въ высшей степени новыя и интересныя данныя о Пестелѣ и его проектѣ, она увеличивала сумму нашихъ знаній, а еще и въ томъ, что, помѣщенная въ столь офиціозномъ изданіи, она открывала возможность говорить о такомъ предметѣ, который никоимъ образомъ не могъ быть допущенъ къ обсужденію въ печати, находившейся подъ тяжкимъ цензурнымъ гнетомъ. Но самый очеркъ далеко не удовлетворилъ автора. Онъ не могъ сохранить, въ виду особыхъ условій, свободы сужденій и оцѣнки. Статья подверглась весьма значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ и вышла изъ печати въ неузнаваемомъ видѣ, но она открыла путь документальному изученію декабризма.

Лишь только положеніе русской печати стало болѣе сноснымъ и утратился самый смыслъ запрета, въ серединѣ 1905 года Ник. Павл. вернулся къ декабристамъ и спеціально къ Пестелю. Эта

было въ духѣ его работъ: когда онъ приступалъ къ работѣ даже по соображеніямъ постороннимъ (по заказу, напр.), онъ по мѣрѣ углубленія въ работу начиналъ заинтересовываться; онъ излагалъ результаты первыхъ наблюденій, но интересъ къ темѣ, къ вопросу не исчезалъ, а, наоборотъ, начиналъ его мучить; онъ думалъ надъ темой и спустя нѣкоторое время опять возвращался къ ней. Такъ было и съ Пестелемъ. Пестель тоже началъ его мучить. Интересъ къ Пестелю, который въ періодъ обработки его для „Словаря" былъ чисто академическимъ, сталъ острымъ и живымъ послѣ событій 1905 года и всего пережитого имъ движенія. Пережитое расширило міросозерцаніе Ник. Павл., дало возможность шире и интимнѣе поставить самое изученіе идей и людей декабрьской эпохи и открыло просвѣтъ въ психологію этихъ дѣятелей; безъ тѣхъ переживаній, которыя принесло намъ революціонное время, быть можетъ психологія героевъ 14 декабря осталась бы для насъ за семью печатями. Въ серединѣ 1905 года Ник. Павл. проработываетъ весь архивный матеріалъ о Пестелѣ; онъ систематизируетъ его и, исходя изъ убѣжденія, что лучшую исторію движенія, лучшіе мемуары Пестель далъ въ своихъ длиннѣйшихъ показаніяхъ на слѣдствіи, даетъ на страницахъ журнала „Былое" въ 1906 году (февраль — май) систематическій сводъ показаній Пестеля подъ заглавіемъ „Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ". Этотъ сводъ былъ изданъ подъ тѣмъ же заглавіемъ отдѣльно, но для отдѣльнаго изданія Ник. Павл. произвелъ большія дополненія и кое-гдѣ измѣненія. (Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. „Русская Историческая Библіотека", № 15, изд. „Донской Рѣчи". Ростовъ на Д.) Матеріаламъ предпослано небольшое, но очень содержательное введеніе съ очень умной и тонкой характеристикой Пестеля. Анализируя его личность, Ник. Павл. устанавливаетъ основную черту—наслѣдіе вѣка—„вѣру въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣру въ силу разума". Умъ Пестеля, холодный и логическій, его воля, непреклонная и смѣлая,—создали то обаяніе, которое имѣла въ глазахъ Ник. Павл. личность Пестеля. Дѣйствительно, раціонализмъ Пестеля нужно подчеркивать еще и еще, ибо въ немъ ключъ къ пониманію самой „Русской Правды", этого необыкновеннѣйшаго проекта, предусматривавшаго государственную реформу всю сполна, отъ величины земельнаго надѣла до длины хвоста кавалерійской лошади. Недаромъ, Пестель и Аракчеевъ—современники, дѣти одного вѣка. И въ томъ и другомъ какъ бы воскресъ духъ раціонализма, занесенный съ запада, воскресъ и проявился въ творчествѣ: только одинъ создавалъ свои проекты на бумагѣ, а другой на дѣлѣ и на тѣлѣ. Такимъ образомъ, и въ изученіи духовной личности Пестеля Ник. Павл. пошелъ по вѣрному пути. Пристально изучая знаменитаго агитатора, онъ не преминулъ приложить къ нему мѣрку, созданную русской жизнью 1905—1906 года. Какъ-то въ разговорѣ Ник. Павл. съ горячностью доказывалъ, что революція XX вѣка не имѣла своего Пестеля, а будь у нея

Пестель, то, можетъ быть, не пришла бы къ процессу собственнаго разложенія.

Монографія „Пестель передъ Верховнымъ Судомъ“ ввела въ научный обиходъ массу новыхъ и важныхъ свѣдѣній и является одной изъ цѣннѣйшихъ книгъ по исторіи декабристовъ. Если цѣнить ее, какъ собраніе текстовъ, документовъ, то нужно поставить ее на первое мѣсто среди изданій, воспроизводящихъ тѣ или другіе матеріалы изъ архивовъ; по тщательному пересмотру и выбору бумагъ, по точной ихъ передачѣ ни въ какое сравненіе не можетъ итти съ работой Ник. Павл. хотя бы и самое крупное изданіе подобнаго рода, сдѣланное проф. Довнаръ-Запольскимъ и выполненное безъ того вниманія и той любви къ изучаемому предмету, которыя такъ характерны для Ник. Павл.

Но эта монографія, конечно, не положила конца мученіямъ Ник. Павл. отъ Пестеля. Спустя годъ, Ник. Павл. снова возвращается къ декабристамъ и Пестелю. Это второе возвращеніе характеризуется расширеніемъ изученій. Прежде вниманіе изслѣдователя сосредоточивалось на Пестелѣ, его идеяхъ и его проектахъ; теперь оно захватываетъ декабристовъ, среднихъ и малыхъ. Перейдя къ изученію дѣлъ тѣхъ, кто близко связанъ съ Пестелемъ, Ник. Павл. останавливается на ихъ міросозерцаніи и даетъ небольшую по объему, но обычно очень содержательную и обобщающую статью „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ“ (Былое, 1907, іюль). Чѣмъ жили декабристы, какія ихъ теоретическія убѣжденія питали ихъ дѣйственность — вотъ вопросъ, который подвергнутъ обслѣдованію въ этой статьѣ. Ник. Павл. находитъ и поднимаетъ оборванную нить матеріализма и на обычномъ и знакомомъ фонѣ идеалистическихъ и романтическихъ мотивовъ эпохи рисуетъ матеріалистическое міросозерцаніе рядовыхъ декабристовъ. Эта картина—важный вкладъ въ исторію нашего культурнаго развитія. Въ послѣднихъ строкахъ статьи Ник. Павл. осторожно, черезъ головы шеллингистовъ и гегельянцевъ, связываетъ матеріалистовъ-революціонеровъ 20 хъ годовъ съ революціонерами-нигилистами 60 хъ годовъ. Остается невысказаннымъ и лишь чувствуемымъ еще болѣе общій выводъ—о связи всей русской революціи, связи глубокой и не случайной съ матеріалистическимъ обоснованіемъ.

Послѣ этихъ обобщеній мысль Ник. Пав. переходитъ къ общимъ построеніямъ исторіи декабристовъ, и въ концѣ 1906 года Ник. Пав. и пишущій эти строки вырабатываютъ въ долгихъ спорахъ, съ колебаніями, послѣ разныхъ перемѣнъ планъ общей исторіи декабристовъ. Было предположено подвергнуть разработкѣ весь архивный матеріалъ (Госуд. Арх.), и представить въ научномъ и вѣрномъ изложеніи фактическую исторію декабризма, не изложенную до сихъ поръ, ибо единственный очеркъ Довнаръ-Запольскаго совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ научности. (Съ тонкой ироніей и не безъ злости разобралъ Ник. Пав. книгу г. Довнаръ-Запольскаго въ „Быломъ“, май 1907). Но

кромѣ изложенія фактической исторіи движенія, предполагалось освѣтить его происхожденіе—его русскіе и западные источники; выяснить вліянія западныхъ идей, западныхъ событій и западныхъ формъ революціонной борьбы—заговора, возстанія; опредѣлить вліянія не декабристовъ русской дѣйствительности, ихъ связь съ общественной жизнью, съ литературой. Предположены были особыя главы, посвященныя философіи и религіи декабристовъ, а особенному обслѣдованію должны были подвергнуться связи декабризма съ позднѣйшимъ движеніемъ и ихъ вліянія на общество и литературу. Особенностью этого трехтомнаго изданія, взятаго т-вомъ И. Д. Сытина, была художественная сторона, которой мы удѣлили особенно много вниманія. Вкусъ къ иллюстраціонной манерѣ, къ большимъ художественнымъ изданіямъ былъ присущъ Ник. Павл.; технику воспроизведенія онъ изучилъ, когда подъ его наблюденіемъ печаталась дѣйствительно изящно выполненная „Исторія министерства иностранныхъ дѣлъ". „Исторіи декабристовъ" была поставлена художественная задача—собрать весь художественный и иконографическій матеріалъ, могущій относиться къ эпохѣ двадцатыхъ годовъ и декабристамъ. Послѣ того, какъ вопросъ объ изданіи „Исторіи" былъ поставленъ на практическую почву, началась дѣятельнѣйшая работа надъ текстомъ и художественной стороной. Дѣйствительно, удалось собрать (а большей частью и воспроизвести) массу рисунковъ и портретовъ, въ большинствѣ случаевъ, очень рѣдкихъ и невоспроизводившихся. Проектировалось начать выпускъ „Исторіи" со второго тома, т. е. съ изложенія фактической стороны—исторіи тайнаго общества. На долю Ник. Павл. выпало писать исторію южнаго общества. Такимъ образомъ, ему опять пришлось заняться Пестелемъ, на этотъ разъ уже окончательно исчерпывающимъ образомъ.

Возвратившись къ изученію декабрьской эпохи въ 1906 году и поставивъ задачей выясненіе развитія Южнаго Общества, Ник Павл. еще разъ остановился со всѣмъ вниманіемъ, которое было обострено и прежними изученіями и пережитымъ за это время, на исторіи жизни и эволюціи міросозерцанія Пестеля. Онъ привлекъ къ изученію одинъ архивный источникъ, который до тѣхъ поръ не обращалъ вниманія ни его самого, ни другихъ изслѣдователей. Работавшіе по архивамъ знаютъ ту антипатію, которая вдругъ появляется по отношенію къ какой-либо невзрачной пачкѣ документовъ и какимъ то страннымъ образомъ поселяетъ увѣренность, что въ этой пачкѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего важнаго. Такъ было и съ тщательно сохраненной Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ пачкой писемъ его матери къ нему: ни самъ Ник. Пав. раньше, ни пишущій эти строки не прикасались къ ней, именно не считая ее любопытной для выводовъ. Ник. Павл. засѣлъ за нее и разобралъ: оказалось, что помимо того, что эти письма сообщаютъ не мало фактическихъ указаній для исторіи декабристовъ, они проливаютъ новый свѣтъ на личность самого

Пестеля; обнаруживаютъ, неожиданно для насъ, избытокъ душевной теплоты въ семьѣ Пестелей и рисуютъ незнакомый намъ образъ замѣчательной женщины—матери Пестеля. Въ рукописяхъ Ник. Павл. остается (быть можетъ, неотдѣланный окончательно) этюдъ о матери Пестеля. Изслѣдованіе неяснаго вопроса о роли Пестеля въ первыхъ тайныхъ обществахъ заставило Ник. Павл. проработать всѣ архивныя данныя о Союзѣ спасенія и другихъ тайныхъ обществахъ и исправить не мало неточностей, допущенныхъ и проф. Довнаръ-Запольскимъ и В. И. Семевскимъ. Эта глава также была имъ набросана. Наконецъ, онъ изложилъ исторію управъ Тульчинской и Каменской, характеризовалъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, выяснилъ роль Пестеля и довелъ исторію южнаго общества до поры энергичнаго выступленія Васильковской управы съ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ. Надъ этой же управой въ „Исторіи декабристовъ“ работалъ другой сотрудникъ. Исторія южнаго общества была изложена Ник. Павл. окончательно и написана: написанное, правда не получило окончательной разработки, но и въ этомъ видѣ оно представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго общественнаго движенія.

Надъ декабристами Ник. Пав. усиленно работалъ въ 1906 и первой половинѣ 1907 года, до тѣхъ поръ, когда тяжелыя внѣшнія условія заставили отложить выпускъ изданія, а высылка одного изъ сотрудниковъ изъ Спб. положила уже совсѣмъ серьезныя препятствія къ работѣ надъ „Исторіей“. Предполагали выждать поворота къ лучшему и тогда уже приступить къ изданію. На этомъ основаніи Ник. Павл. отошелъ отъ работъ по декабристамъ и съ головой погрузился въ изслѣдованія по феодализму. Весь 1908 годъ онъ посвятилъ имъ и закончилъ этюдомъ и новый большой трудъ объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи. Лѣтомъ нынѣшняго года онъ ѣздилъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Эта поѣздка освѣтила ему новыя стороны вопроса и укрѣпила его въ старыхъ мнѣніяхъ. Именно такъ писалъ онъ мнѣ объ этой поѣздкѣ. Но мы не увидѣли при жизни Ник. Павл. этой его книги; такъ же не увидѣли мы въ печати и работы его по декабристамъ.

Вотъ—всѣ труды и всѣ замыслы Ник. Павл. въ области изученія эпохи двадцатыхъ годовъ. Онъ не дошелъ въ нихъ до той широты воззрѣній и обобщеній, которая отличаетъ его ученую работу надъ феодализмомъ на Руси; но онъ уже былъ хозяиномъ матеріала и находился на пути къ общимъ построеніямъ, а изъ всѣхъ работниковъ въ этой области онъ былъ наиболѣе къ нимъ способенъ. Когда подумаешь, что въ моментъ смерти онъ весь былъ въ порывѣ созиданія и творческой работы, когда представишь себѣ, сколько неоконченнаго онъ оставилъ послѣ себя, то невольно содрогаешься передъ безсмысленностью этой смерти.

П. Е. Щеголевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Основныя положенія петербургской общины свободныхъ христіанъ. С.-Петербургъ. 1908 г. 14 стр. (Литографированное изданіе).

„Петербургская община свободныхъ христіанъ" являетъ собой примѣръ одной изъ первыхъ попытокъ примѣнить на практикѣ законоположенія о вѣротерпимости, провозглашенныя въ актахъ 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1905 г. На основаніи этихъ положеній собрались люди различныхъ классовъ общества, объединенные однимъ желаніемъ: „воплощать въ своей жизни, по мѣрѣ своихъ силъ, исповѣдуемое нами ученіе Іисуса Христа, сущность котораго есть любовь къ Богу и людямъ, духовная и тѣлесная чистота, послушаніе совѣсти, правдивость, незлобіе, всепрощеніе, кротость, свобода, равенство, братство и общинная жизнь по примѣру древне-христіанской общины" (§ 1 „основныхъ положеній").

Для этой цѣли прежде всего потребовалось рѣшительно отмежеваться отъ господствующей православной церкви, а потомъ объединиться въ отдѣльную общину, которая не желаетъ имѣть у себя какихъ бы то ни было „наставниковъ и духовныхъ отцовъ" (§ 6).

Исповѣдуя „любовь безъ насилія" (§ 5), члены общины „отрицаютъ всякіе догматы и авторитеты, какъ насиліе надъ нашимъ разумомъ, требующее вѣры въ то, чего онъ не признаетъ, и свободно изслѣдуютъ и критикуютъ всякія религіи и религіозныя писанія, руководясь при этомъ голосомъ своей совѣсти, любви и разума" (§ 6).

Отрицая всякіе обряды,—въ томъ числѣ и обрядъ при бракѣ или похоронахъ, -члены общины стремятся „освобождаться отъ всего того, что насилуетъ, ослабляетъ, разрушаетъ, развращаетъ, опьяняетъ и вообще одурманиваетъ наше тѣло, и главное, нашъ мозгъ, этотъ нѣжный органъ души, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее возможности надлежащимъ образомъ проявлять свои силы и служить Богу и людямъ" (§ 9).

„Особенно мы стремимся воздерживаться отъ такого насилія, какъ человѣкоубійство",—говорится въ § 10 „Основныхъ положеній". „Отвращеніе къ убійству такъ сильно въ насъ,—говорится далѣе въ этомъ же параграфѣ,—что нѣкоторые изъ насъ отрицаютъ даже убійство животныхъ и не ѣдятъ мяса".

Но члены общины „свободныхъ христіанъ", „воздерживаясь отъ всякаго насилія", не желаютъ оставаться „пассивными непротивленцами, равнодушными зрителями совершающагося вокругъ насъ зла, и ведутъ съ нимъ борьбу, но такъ, что борясь со зломъ и уничтожая его, не уничтожаютъ совершающихъ его людей и не причиняютъ имъ зла" (§ 11).

Средствами достиженія тѣхъ цѣлей,—а равно и для борьбы со зломъ,—которыя поставила себѣ община „свободныхъ христіанъ",—члены ея считаютъ „гуманное воспитаніе и образованіе (школьное и внѣшкольное), честное и чуждое злобы и браня слово (устное, писанное и печатное), наука, искусство, собранія, съѣзды, общины, союзы, братская, трезвая и трудовая жизнь и такая защита однихъ людей отъ другихъ, которая бы никому изъ нихъ не причиняла зла, но всѣхъ ихъ примиряла и объединяла" (§ 12), при чемъ всѣ средства эти должны быть „мирны и свободны отъ всякаго насилія" (§ 12).

Опредѣляя районъ своей дѣятельности г. Петербургъ и Петербургскую губернію, община „свободныхъ христіанъ" всю конструкцію своей организаціи строитъ на точномъ основаніи „Правилъ о сектантскихъ общинахъ, приложенныхъ къ высочайшему указу 17 октября 1906 г.". Очень интересно знать, разрѣшитъ-ли „особое присутствіе" эту свободную организацію, на практикѣ во всякомъ случаѣ желающую осуществить, помимо прочаго, институтъ такъ называемого „гражданскаго брака", и „гражданскихъ похоронъ", такъ какъ отрицая всякіе обряды, община желаетъ руководиться въ случаяхъ смерти, брака и рожденія только лишь регистраціей, при чемъ „книга записей рожденій, браковъ и смертей ведутся въ городахъ городскими управами или городскими старостами, а въ уѣздахъ—волостными правленіями на основаніи заявленій лицъ, причастныхъ къ этимъ актамъ" (§ 20). „Желающіе вступить въ бракъ заявляютъ объ этомъ надлежащему установленію, по мѣсту жительства, какъ жениха, такъ и невѣсты, и, по истеченіи семидневнаго срока со дня оглашенія, оба сочетающіеся лично являются въ установленіе и заявляютъ ему просьбу о внесеніи записи о бракосочетаніи въ книгу" (§ 21).

Община „Свободныхъ христіанъ" уже имѣетъ достаточное число членовъ, чтобы начать осуществлять то, къ чему она стремится.

Эта попытка построенія „петербургской общины свободныхъ христіанъ" является какъ бы продолженіемъ такъ называемыхъ „толстовскихъ колоній". Значительная же ея разница отъ прежнихъ попытокъ заключается въ томъ, что центръ общины находится въ городѣ, а не въ деревнѣ, куда всегда такъ стремились толстовцы, а также замѣтна значительная оформенность и закругленность въ организаціи.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

С. Мельгуновъ.—*Студенческія организаціи 80—90 г.г. въ Московскомъ Университетѣ (по архивнымъ даннымъ). Изд. „Свободная Россія". Ц. 50 коп. Москва, 1908 г.*

Студенческое движеніе сыграло видную и важную роль въ исторіи нашего общественнаго развитія и изученіе его судебъ представляетъ значительный интересъ. До сихъ поръ по этому вопросу сдѣлано очень мало, если не сдѣлано почти ничего. Необходимы и весьма желательны опубликованія документовъ и матеріаловъ, сырыхъ источниковъ, а наряду съ этимъ и появленіе отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій. Небольшая книга г. Мельгунова, автора работы о студенческихъ обществахъ

въ русскихъ университетахъ, даетъ интересный матеріалъ для будущаго лѣтописца университетскихъ волненій въ Россіи.

Г. Мельгуновъ на основаніи матеріала, почерпнутаго, главнымъ образомъ, изъ архива, останавливается на одномъ изъ самыхъ любопытныхъ моментовъ исторіи московскаго студенчества, именно на образованіи и дѣятельности когда-то знаменитаго „союзнаго совѣта землячествъ".

Эта сплоченная студенческая организація пользовалась въ свое время громаднымъ вліяніемъ въ средѣ учащихся, внушая слѣпую ненависть со стороны власть имущихъ. Съ какимъ-то невольнымъ почтеніемъ, смѣшаннымъ со старымъ страхомъ, вспоминаетъ о союзномъ совѣтѣ бывшій московскій попечитель гр. Капнистъ въ своихъ мемуарахъ, грязными инсинуаціями по адресу союзнаго совѣта полны воспоминанія вдовы министра Боголѣпова, признающей, однако, силу и значеніе этой организаціи. Г. Мельгуновъ подробно очерчиваетъ ходъ образованія союзнаго совѣта землячествъ, его первоначальныя задачи и функціи. Интересно, что, какъ въ самомъ началѣ (т. е. въ 1884 г.), такъ и впослѣдствіи—вплоть до наступленія большихъ общественныхъ бурь, совѣтъ землячествъ ограничивалъ сферу своей дѣятельности вопросами чисто-академическими, профессіональными, опредѣленно уклоняясь отъ политики. И даже въ большихъ безпорядкахъ 90-хъ годовъ совѣтъ стоялъ за мирную тактику и старался сдерживать студенчество; въ книжкѣ г. Мельгунова приложенъ по этому поводу любопытный фактическій матеріалъ.

Но, когда общеполитическая конъюнктура выдвинула студенчество на передовыя позиціи, и вопросы политики заняли доминирующее положеніе, союзный совѣтъ руководилъ студенчествомъ не очень долго, уступивъ мѣсто „исполнительному комитету".

Область дѣйствій союзнаго совѣта за время его процвѣтанія была весьма широка. Представительный органъ землячествъ стоялъ на стражѣ обще-академическихъ интересовъ, являясь въ то же время и цензоромъ нравовъ. Характерна чрезвычайно детальная и строго разработанная организація совѣта и различныхъ комиссій, вѣдавшихъ студенческія дѣла и ихъ отношенія съ профессорами. „Студенческое начальство" было сформировано куда лучше университетскаго начальства по уставу 1884 г. Изъ дѣйствій организаціи особенно интересно отмѣтить дѣла судебной комиссіи; союзъ землячествъ не только сурово относился къ моральнымъ проступкамъ своихъ членовъ, но и авторитетно выступалъ противъ некрасиваго поведенія представителей профессорской корпораціи (примѣры въ книгѣ Мельгунова, стр. 40—45). Много сдѣлалъ совѣтъ землячествъ и въ дѣлѣ матеріальной поддержки студенчества и въ дѣлѣ просвѣтительномъ; добросовѣстный историкъ московскаго университета (который, кстати, все еще ждетъ своего лѣтописца) не обойдетъ этого молчаніемъ.

И. Б.

Книги, поступившія въ редакцію:

1) Къ десятилѣтію рабочаго общества взаимопомощи. Харьковъ. 1908 г., ц. 10 к.

2) *Т. Ганжулевичъ.* Записки охотника И. С. Тургенева. Съ 2 портретами И. С. Тургенева и 8 иллюстраціями. Изд. Т-ва „Прогрессъ нашей жизни“. Спб., ц. 75 к.

3) *И. Катаевъ.* Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I, изд. 2-е, ц. 50 к. Вып. II, ц. 80 к. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1908 г.

Изданія Т-ва „Знаніе“:

4) *Шоломъ-Ашъ*, т. I. Разсказы. Съ еврейскаго авторизованный переводъ Анны Брумбергъ и Евг. Троповскаго. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

5) *Н. Гаринъ*, т. VII. Деревенскія панорамы. Спб. 1808, ц. 1 р.

6) *М. Григорьевъ.* Краткій курсъ химіи. Для средней общеобразовательной школы и для самообразованія. Изд. 6-е. Спб. 1908 г., ц. 80 к.

7) Избранныя произведенія русской поэзіи. Составилъ Владиміръ *Бончъ-Вруевичъ.* Изд. 5-е. Спб. 1909 г., ц. 2 р.

8) Авторское право. Докладъ Комиссіи С.-Петербургскаго Литературнаго Общества по поводу проекта закона объ авторскомъ правѣ. Спб. 1908 г., ц. 50 к.

9) Ди Штиме („Голосъ“). Сборникъ статей (на евр. языкѣ). 1908 г. Спб., книгоиздательство „Серпъ“.

10) Вечерніе общеобразовательные курсы въ г. Митавѣ. Отчетъ за $190^{7}/_{8}$ учебный годъ. Митава 1908 г.

11) Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Вып. 12, 13 и 14.

12) *Н. Н. Блиновъ.* Сарапулъ. Среднее Прикамье. Былое и современное. 2-е изд. 1908 г.

Изд. книжн. склада М. М. Стасюлевича:

13) *Ивановъ-Разумникъ.* О смыслѣ жизни. Ѳедоръ Сологубъ. Леонидъ Андреевъ. Левъ Шестовъ. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

14) *Левъ Шестовъ.* Начало и концы. Сборникъ статей. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

15) Библіотека интеллигента. *Тони Келленъ.* Газета и журналъ. Ихъ прошлое и настоящее во всѣхъ странахъ міра. Изд. Оскара Норвежскаго. Спб. 1908 г., ц. 75 к.

16) *И. К. Боянъ.* Д-ръ философіи. Религіозный индиферентизмъ 1908 г., ц. 40 к. Нагасаки. Японія.

17) *Д. И. Малининъ.* Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Опытъ литературно-критическаго указателя къ произведеніямъ русской литературы XIX в. Юрьевъ, 1906 г.

18) *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Левъ Николаевичъ Толстой. Къ 80-тилѣтію великаго писателя. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія. Спб. Изд. Т-ва „Издательское Бюро“ 1908 г., ц. 60 к.

19) *Вл. Семеновъ.* Расплата. Спб. 1908 г. Скл. изд. въ кн. маг. Т-ва Вольфъ, ц. 3 р.

20) 11-gi Sjazd Delegatoin Swiazku Zawadowego Robotnikow Cukrowni

Krollstva Polskiego-Sprowozdanie (Професс. об-во рабочихъ сахар. завод Ц. II). Варшава, 1908 г.

21) *Алексѣй Мошинъ*. Кн. 3-я. Штрихи и настроенія. Крамола и др. новые разсказы. Изд. автора. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

22) *Н. К. Кульманъ*. Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Спб. 1908 г.

23) *Габріэле д'Аннунціо*. Франческа да Римини. Перев. Вал. Брюсова и Вяч. Иванова. Спб. К-во „Пантеонъ". 1908 г., ц. 1 р. 50 к.

24) *Г. Пекаторосъ*. Діалоги искреннихъ людей. Современныя идеи и настроенія. Одесса. 1908 г., ц. 50 к.

25) Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Вып. I. Баптисты. Бѣгуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчествѣ. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты. Спб. 1908 г., ц. 2 р. Складъ при к-вѣ „Прометей".

26) Студенческій квартирный вопросъ въ Москвѣ. Изд. об-ва взаимопомощи студентовъ-юристовъ Моск. унив. М. 1908 г., ц. 25 к.

27) Литературно-художественные альманахи. Изд. „Шиповникъ". Книга шестая. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

„Всемірная библіотека" въ Одессѣ:

28) № 1. *Франкъ Ведекиндъ*. Пробужденіе весны. Трагедія дѣтской души. Ц. 10 к.

29) № 2. *Кнутъ Гамсунъ*. Мелкіе разсказы. Ц. 10 к.

30) № 3. *Кнутъ Гамсунъ*. Викторія. Исторія одной любви. Ц. 20 к.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Г—нъ Редакторъ, я приступилъ къ составленію біографіи Владимира Сергѣевича Соловьева. Главнѣйшее затрудненіе, съ которымъ пришлось здѣсь столкнуться,—это почти полное отсутствіе литературныхъ свѣдѣній о его жизни. А между тѣмъ чрезвычайно цѣнный біографическій матеріалъ разбросанъ по рукамъ его многочисленныхъ знакомыхъ.

Въ виду этого я позволяю себѣ обратиться черезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ имѣющимъ тѣ или иныя свѣдѣнія о жизни Владимира Сергѣевича Соловьева, не опубликованныя въ печати, съ нижайшей просьбой помочь моей работѣ.

Даже самыя незначительныя и случайныя свѣдѣнія будутъ приняты мною съ глубокой благодарностью. Всякаго рода письменные документы (письма, стихотворенія и проч.) по снятіи съ нихъ копіи будутъ немедленно возвращены въ цѣлости.

Первый томъ біографіи (всего предположено два тома) долженъ выйти въ свѣтъ не позже весны 1910 года (къ десятилѣтію со дня смерти); въ виду этого я убѣдительно просилъ бы откликнуться на мое обращеніе не откладывая.

Другія изданія прошу перепечатать.

Вал Свенцицкій.

Адресъ: Москва, Остоженка, д. Бѣлова.

Лично по средамъ и воскресеньямъ отъ 5—8 час. веч.

Отчетъ о суммахъ и предметахъ, поступившихъ для Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ въ теченіе сентября мѣсяца.

Черезъ редакцію газеты „Слово“: отъ М.—5 р. Читателя—50 к. Капитонова —3 р. Н. И. Соколова — 10 р. Служащихъ Товарищества Кузнецова въ Ригѣ—8 р. 1 к. Трехъ поклонниковъ—1 р. 12 к. Вѣрующаго православнаго—20 к. Бѣдняка—5 к. Н. А. Успенской—5 р. Итого 32 р. 88 к.

Черезъ редакцію газеты „Современное Слово“: Отъ М О.—5 р. Отъ служ. Ижорскаго завода—3 р. Дубровиза—5 р. А. Михайлова—2 р. И. И. Л.—1 р. Н. М. Б.—1 р. М. М. В.—1 р. П. Лысенко съ 8-ю товарищами—70 к. Отъ рабочихъ фабрики бр. Леонтьевыхъ—9 р. 55 к. М. Т.—3 р. Отъ врача Мышкина—1 р. Отъ фельдшера С. В. Шнеерова—50 к. Рабочихъ типографіи Муратова въ Боровскѣ (Калуж. губ.)—2 р. Любящихъ—2 р. 50 к. Отъ служащихъ фармацевтовъ гор. Двинска—2 р. 30 к. И. и Е. Головчинеръ—1 р. С. Мордвиновой и рабоч. Михайловскаго—3 р. Отъ группы служащихъ пар. „Москва“—1 р. 65 к. Ожинской—25 к. Комиссаровой—25 к. Гаро—25 к. Розы Левитъ—25 к. Багузъ—25 к. Гольдъ—25 к. Шерешевскій—25 к. Шельканъ—25 к. Баронъ—25 к. Отъ Х. И. Перельманъ—50 к. Слонимской—35 к. Шелькенъ Рахиль—30 к. Шамесъ Рахиль—20 к. Потрухъ—20 к. Ланде—20 к. А. В. Багно—1 р. Е. М. Панежа—1 р. Отъ статистики тяги сиб. ж. д. 6 р. 25 к. О. Н. Ваньковича—1 р. Служ. правленія товарищ. бр. Нобель—107 р. 25 к. Отъ рабочихъ металлич. завода — 2 р. 20 к. Фельдшера И. Суханова—1 р. Итого—168 р. 90 к.

Черезъ редакцію газеты „Рѣчь“: Отъ группы сибиряковъ студентовъ и курсистокъ — 15 р. Отъ Н. В. Пясецкаго изъ Балаклавы — 5 р. Дачниковъ, проживающихъ въ Финляндіи—171 р. 87 к. П. Коренева—10 р. Г. Апарина—10 р. В. Н. Зивъ—3 р. М. М. Зивъ—8 р. Н. Коноплевой—5 р. А. Черенина—1 р. М. Кузьмина—10 р. Служащихъ правл. Восточн. общ.—20 р. 35 к. В. Каченовскаго—1 р. Итого 260 р. 22 к.

Черезъ редакцію журнала „Минувшіе Годы“: Отъ политическаго ссыльнаго А. А. Юрьева изъ села Казачинскаго (Енисейской губ.)—1 р. 60 к. Ив. Александрова (Харьковъ)—1 р. В. И. Шатунова (Вят. губ.)—21 к. (почт. марками). Черезъ проф. А. К. Бороздина: NN—10 к. М. Б.—15 к. Д. Рихтеръ—1 р. Л.—30 к. П. Я.—1 р. Т.—1 р. В. Алексѣевъ—1 р. Е. М.—3 р. Болотина—1 р. Д. Н.—1 р. Абеллова—1 р. В. Субботина—1 р. А. Субботина—1 р. Н. Субботина—1 р. О. Субботина—1 р. П. Лесгафта—1 р. Собрано на Тургеневскомъ вечерѣ въ театральномъ клубѣ—22 р. Ходотова—2 р. Полякова—1 р. Х.—5 р. Плещеева—1 р. Михельсона—50 к. Калугина—2 р. Васенко—1 р. Баллевича—50 к. Деппа—1 р. Евгенія Пацевича—3 р. Розенберга—2 р. Соболева—8 р. Л. Яковлева—3 р. Н. Далманова—1 р. М. Клааса—50 к. Т. Ранена—50 к. Беренсона—50 к. Бенезе—50 к. Андерсона—50 к. Бабенкова—1 р. Е. Нюренбергъ—1 р. О. Грау—1 р. Н. Грау—1 р. Е. Принца—1 р. Евдокимова—20 к. Эйхенбаума—10 к. Судакова—10 к. Смирнова—15 к. Измайлова—20 к. Калитина—20 к. Богословскаго—15 к. Дерюжинскаго—3 р. С. К. Булича—1 р. Брауна—1 р. В. Нюренберга—1 р. Н. И. Фалѣева—1 р. Н. Мамонтова—3 р. Итого черезъ проф. Бороздина—84 р. 15 к. Отъ Н. Н. Титушкина (Крымъ)—5 р. NN.—5 р. Е.—3 р. А. Н. Максимова (Москва)—3 р. Н. К. Муравьева (Москва)—5 р. Аристовыхъ—10 р. Сочувствующихъ идеѣ дома имени Толстого, служ. въ Свят. Синодѣ—2 р. 45 к. Итого 120 р. 41 к.

Черезъ редакцію журнала „Русское Богатство“: Е. В.—3 р. Черемашанской—5 р. Итого 8 р. Всего 590 р. 41 к.

Съ прежде поступившими: **1.343 р. 80 к.** и одна финляндская марка.

Въ теченіе сентября поступили для музея слѣдующіе предметы:

Отъ издательства „Солнце“: два стереоскопа и двѣ серіи картинъ къ нимъ, изображающихъ въ разныхъ видахъ Толстого въ Ясной Полянѣ. *Отъ Издательства И. Д. Сытина*: большой портретъ Толстого, серія небольшихъ портретовъ его же, серія портретовъ его же на открытыхъ письмахъ (12), альбомъ—„Гр. Л. Н. Толстой—портретная галлерея“ и книги: Ю. Битовтъ „Гр. Толстой въ литературѣ и искусствѣ“. К. Лукашевичъ — „Школьный праздникъ въ честь Толстого“. А. Измайловъ—„Левъ Толстой для школы и дома“. С. Плаксинъ—„Гр. Толстой среди дѣтей“. П. Сергѣенко—„Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой“ (изд. 2-е). Сочиненія Толстого: „Воскресеніе“, „Три разсказа“, „Въ чемъ счастье“, „Поликушка“, „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Мысли мудрыхъ людей“. *Отъ издательства „Посредникъ“*: сочиненія Толстого: „Единственное и возможное рѣшеніе земельнаго вопроса“, „Молитва“, „За что?“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Въ чемъ счастье?“, „Вѣрьте

себѣ“, „Земля и трудъ“, „Недѣланіе“, „Письмо къ китайцу“, „Голодъ“, „Для чего люди одурманиваются“, „Исповѣдь“, „Для чего мы живемъ“, „Мысли о Богѣ“, „О жизни“, „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“, „О Шекспирѣ и драмѣ“, „О самосовершенствованіи“, „Первая ступень“, „Религія и нравственность“, „Корней Васильевъ“, „Неужели такъ надо?“, „Великій грѣхъ“, „Хозяинъ и работникъ“, „Осада Севастополя“, „Чѣмъ люди живы“, „Три старца“, „Трудъ, смерть и болѣзнь“, „Свѣчка“, „Первый винокуръ“, „Зерно съ куриное яйцо“, „Богъ правду видитъ“, „Это ты“, „Будда“, „Ассирійскій царь Ассирхидонъ“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, „Упустишь огонь—не потушишь“, „Богу или мамонѣ“, „Любовь“, „Много ли человѣку земли нужно?“, „Христіанское ученіе“, „Ягоды“, „Такъ что же намъ дѣлать?“, „Божеское и человѣческое“, „Единеніе“, „Божественная природа души“, „Кругъ чтенія“. Письмо Л. Н. Толстого къ крестьянину (о проектѣ Джорджа). Афоризмы и избранныя мысли Л. Н. Толстого. Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Собралъ Л. Н. Толстой. Чтеніе 12-ти апостоловъ. Переводъ съ греческаго Л. Н. Толстого. Гюи де Мопасанъ. Жизнь женщины. Переводъ съ франц., съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой. Біографія, т. I. Составилъ П. Бирюковъ. С. Т. Семеновъ—Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Торжество земледѣльца. Сочиненіе крестьянина Т. Бондарева, съ предисл. Л. Н. Толстого. Изъ дневника Амієля. Переводъ съ франц., съ предисл. Л. Н. Толстого. *Отъ П. И. Бирюкова*: его сочиненія (съ надписью на каждомъ—„*Для Дома-Музея имени Л. Н. Толстого отъ автора*“): 1) Л. Н. Толстой — къ 80 лѣт. юбилею (2 экз.). 2) Малеванцы. 3) Духоборцы. 4) Л. Н. Толстой. Біографія. Томы 1 и 2-ой. 5) Les idées dominantes de la philosophie de Tolstoï. (Genève). *Отъ изд. „Книга“* — Хрестоматія изъ писаній Л. Н. Толстого (2 экз.) *Отъ В. С. Лихачева*: фотографическій снимокъ съ картины „Сожженіе Толстого Побѣдоносцевымъ“ (въ рамкѣ). Юбилейное изданіе *В. Н. Яновскаго* (Кишиневъ) „Разсказы гр. Л. Н. Толстого для молдаванской деревни“ (2 экз.). Изданіе *П. Плахова* (Кіевъ) „Гр. Л. Толстой“ (2 экз.). Календарь для всѣхъ. Составилъ А. С. Зоновъ. Подъ ред. Горбунова-Посадова. *Отъ пост. ком. нар. чтеній при М. Н. П.*—брошюра „Великій писатель земли русской Л. Н. Толстой“ (2 экз.). Отъ *О. А. Вольkенштейнъ*—порт. Толстого, кот. раздавался 28 ав. въ Кишиневѣ всѣмъ абон. Киш. биб. о-ва вз. всп. приказчиковъ (2 экз.). *Отъ газеты „Новости“* (Москва)—2 оттиска телеграммы этой газеты Толстому. *Отъ Т. Я. Назарьяна* (Тифлисъ) — нѣсколько №№ армян. ежемѣсячнаго журнала „Агбюръ“ и арм. еженедѣльника „Таразъ“, въ которыхъ помѣщены переводы на армянскій языкъ нѣкоторыхъ соч. Толстого, статьи о

немъ, воззванія Толстовскаго комитета и пр. *Отъ Н. Л.*—оттискъ его статьи въ „Русской Старинѣ“—„Великая совѣсть“. *Отъ Л. Е. Галича*—рукопись статьи Георга Брандеса о Толстомъ. *Отъ редакціи Вѣстника Европы*: Подлинникъ письма Л. Н. Толстого, въ кот. онъ рекомендуетъ М. М. Стасюлевичу для напечатанія разсказъ Л. Семенова „Смертная казнь“ (былъ напеч. въ авг. кн. В. Е. за тек. годъ) и подлинникъ предисловія Толстого къ разсказу В. Морозова „За одно слово“ (нап. въ сент. кн. В. Е.). Разныя газеты со статьями о Толстомъ и о Домѣ-Музеѣ имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Изъ за границы въ теченіе сентября получены слѣдующія изданія со статьями, замѣтками или иллюстраціями, касающимися Толстого: *Изъ Англіи*: 1) Daily Mail (съ письмомъ редакціи Комитету). 2) The Daily News. 3) The Morning Post. *Изъ Германіи и Австріи*: 1) Dresdner Anzeiger. 2) Strasburger Post. 3) Allgemeine Rundschau Wochenschrift für Politik und Kultur. 4) Die Schöne Literatur. 5) Vorwärts. 6) Tägliche Rundschau. 7) Der Türmer. Monatschrift für Gemut und Geist. 8) Münchner Neuste Nachrichten. 9) Die Zeit. 10) Die Neue Zeit. 11) Zur guten Stunde. 12) Moderne Kunst. 13) Neue Freie Presse. 14) Frankfurter Zeitung. 15) Der Tag. 16) Berliner Tageblatt. 17) Sontagsbeilage (№ 36) zur Vossichen Zeitung. 18) Königlich previlegirte Berlinische Zeitung. 19) Arbeiter Zeitung. 20) Hamburger Fremdenblatt. 21) Berliner Börsen Courier. 22) Zeit im Bild. 23) Simplicissimus. 24) Aus fremden Zungen. 25) Vegetarische Warte. 26) Anwalt der Tiere. 27) Kurjer Poranny. 28) Діло (Львовъ). 29) Th. von. Galetzki.—Leo Tolstoi und der Wegetarismus. *Изъ Франціи*: 1) Les Documents du Progrès. 2) Le Figaro. *Изъ Венгріи*—Magyar Hirlap. *Изъ Италіи*—L'Unione. *Изъ Швейцаріи*—Fur's Heim. *Изъ Даніи*: 1) Aftenposten. 2) Daybladet. 3) Dagens Niheder. 4) Nationaltidende. *Изъ Голландіи*: 1) Vrede. 2) Levenskracht. 3) De vrije Mencsh. 4) Переводъ книги Сергѣенко—Hoe Tolstoy leeft en werkt. (2 экз.). *Съ острова Цейлона*—The Times of Ceilon (3 экз.). *Изъ Китая*—вырѣзка изъ газеты „Schanghai Free Press“ съ текстомъ адреса Толстому отъ жителей Шанхая. Почти всѣ эти изданія, какъ о томъ и просилъ въ своемъ обращеніи Комитетъ, присланы для музея въ двухъ экземплярахъ.

Непосредственно изъ редакцій, черезъ присылку частными лицами или покупкою Комитетъ получилъ слѣдующія, вышедшія въ предѣлахъ Россійской Имперіи 28 августа или (неежедневныя) около этого числа, газеты:

Петербургъ: 1) Рѣчь (съ отпечатанною надписью „Въ музей имени Л. Н. Толстого отъ редакціи „Рѣчи“) 2) Слово. 3) Современное Слово. 4) Бирж. Вѣд. (утр.). 5) Бирж. Вѣд. веч.) 6) Нов. Русь. 7) Нов. Время. 8) Пет. Вѣд. 9) Пет. Лист. 10) Пет.

Газ. 11) Газ. Копѣйка. 12) Рус. Инвалидъ. 13) Свѣтъ. 14) Россія. 15) Торг. Пром. Газ. 16) Вечеръ. 17) Рус. Чтеніе. 18) Голосъ Правды. 19) Правит. Вѣстн. 20) Рус. Знамя. 21) Колоколъ. 22) St. Pet. Zeitung. 23) St. Pet. Herold. 24) Деръ Фрайндъ (евр.) 25) Утро (Понедѣльникъ). *Москва*: 1) Рус. Вѣд. 2) Рус. Слово. 3) Моск. Вѣд. 4) Голосъ Москвы. 5) Ран. Утро. 6) Рус. Земля. 7) Вѣче. 8) Mosk. Deut. Zeitung. 9) Стол. Молва. 10) Руль. 11) Нов. Дня. 12) Брачная Газета. 13) Моск. Лист. *Минскъ*: 1) Мин. Кур. 2) Мин. Слово. 3) Мин. Эхо. *Могилевъ*—Мог. Вѣст. *Витебскъ*—Вит. Губ. Вѣд. *Двинскъ*—Дв. Лист. *Вильна*: 1) Вил. Вѣст. 2) Сѣв. Зап. Слово. *Ковно*—Сѣв. Зап. Тел. *Рига*: 1) Приб. Край. 2) Риж. Мысль. 3) Риж. Вѣст. *Ревель*: 1) Рев. Изв. 2) Ойгусъ (эст.) *Либава*—Вѣстн. Либавы. *Юрьевъ*—Ели (эстон.). *Петрозаводскъ*—Олон. Губ. Вѣд. *Смоленскъ*—См. Вѣстн. *Псковъ*—1) Пск. Жизнь. 2) Пск. Голосъ. *Владиміръ*—Стар. Владиміредъ. *Калуга*—Кал. Кур. *Рязань*—Ряз. Вѣст. *Воронежъ*: 1) Донъ. 2) Вор. Тел. *Новочеркасскъ*: 1) Дон. Обл. Вѣд. 2) Дон. Жизнь. *Орелъ*—Орл. Вѣст. *Пенза*—Сура. *Вологда*—Сѣверъ. *Вятка*—Вят. Рѣчь *Пермь*—Пер. Вѣд. *Екатеринбургъ*—Урал. Жизнь. *Челябинскъ* Голосъ Пріуралья. *Уральскъ* Ур. Лист. *Уфа*—Вѣстн. Уфы. *Оренбургъ*—Вактъ. *Рыбинскъ*—Вѣст. Рыб. Биржи. *Тверь*—Тв. Жизнь. *В. Волочекъ*—Вышнев. Голосъ. *Кострома*—Повол. Вѣст. *Нижній-Новгородъ*: 1) Ниж. Биржа. 2) Ниж. Лист. 3) Волгарь. 4) Судоховецъ. *Казань*: 1) Вол. Лист. 2) Каз. Тел. 3) Вол. Кам. Рѣчь. *Симбирскъ*—Симбирянинъ. 2) Народ. Вѣсти. *Самара*: 1) Гол. Самары. 2) Город. Вѣст. 3) Волж. Слово. *Саратовъ*: 1) Сар. Вѣст. 2) Сар. Лист. 3) Волга. 4) Братскій Листокъ. *Царицынъ*: 1) Цар. Вѣст. 2) Цар. Жизнь. *Астрахань*—Астр. Лист. *Харьковъ*: 1) Утро. 2) Юж. Край. 3) Хар. Вѣд. *Екатеринославъ*: 1) Придн. Край. 2) Юж. Заря. 3) Рус. Правда. *Елисаветградъ*: 1) Гол. Юга. 2) Новор. Край. *Кіевъ*: 1) Кіевл. 2) Кіев. Мысль. 3) Кіев. Вѣсти. 4) Кіев. Губ. Вѣд. *Черниговъ*—Черн. Слово. *Полтава*; 1)—Полт. В. 2) Полт. Голосъ. *Лубны*—Луб. Откл. *Симферополь*: 1) Южн. Вѣд. 2) Тавричанинъ. *Севастополь*—Крым. Вѣст. *Ялта*—Рус. Ривьера. *Ростовъ н-Д.*: 1) Пріаз. Край. 2) Юж. Тел. *Маріуполь*—Мар. Жизнь. *Таганрогъ*—Таг. Вѣст. *Николаевъ*—Ник. Газ. *Херсонъ*: Хер. Вѣст. *Одесса*: 1) Од. Обозр. 2) Од. Нов. 3) Од. Лист. 4) Рус. Рѣчь. *Кишиневъ*: 1) Бес. Жизн. 2) Другъ. *Житоміръ*: 1) Вол. Жизнь. 2) Вѣст. Волыни. *Пятигорскъ*—Пят. Эхо. *Владикавказъ*: 1) Терекъ. 2) Тер. Вѣд. *Новороссійскъ*—Черном. Побережье. *Екатеринодаръ*—Куб. Вѣд. *Ставрополь*: 1) Сѣв. Кавк. Газ. 2) Югъ. 3) Нашъ Край. *Тифлисъ*: 1) Тифл. Лист. 2) Кавказъ. 3) Гол. Кавк. 4) Закавказье. 5) Екали (груз.). *Баку*—Баку. *Асхабадъ*—Асхабадъ. *Ташкентъ*—Ташк. Кур. *Тюмень*—Сиб. Тор. Газ. *Омскъ*—Ом. Тел. *Тобольскъ*—Сиб. Лист. *Томскъ*—Сиб. Откл. *Красноярскъ*—Красноярецъ. *Иркутскъ*: 1) Сиб. Заря. 2) Сибирь. *Троицкосавскъ*—Даурскій Край. 2) *Благовѣщенскъ* 1) Амурскій Край. 2) Прилож. къ газ. „Благовѣщенскъ". *Хабаровскъ*—Пріамурье. *Николаевскъ*—Амур. Лиманъ. *Владивостокъ*: 1) Дал. Вост. 2) Дал. Окраина. *Харбинъ*: 1) Харб. Вѣст. 2) Харбинъ. 3) Девятый Валъ. *Варшава*: 1) Kur. Warsz. 2) Glos Warsz. 3) Literatura i Sztuka. 4) Slowo. 5) Nowa Gazeta. 6) Przeg. Poranny. 7) Варш. Дн. *Лодзь*—Kur. Lodzki. *Финляндія*: 1) Туб. 2) Helsingin Sanomat. 3) Snomelanen Kansa. 4) Hufundstadbladet. 5) Savon Sanomat. 6) Kåja Karjala. 7) Wakka Suomi. 8) Tam-

peren Sanomat. 9) Lounais Häme. 10) Hämetär. 11) Karjalen Sanomat. 12) Undenkaupungin Sanomat. 13) Nya Pressen. 14) Финляндская Газета.

Еженедѣльники и ежемѣсячники: 1) Гражданинъ. 2) Весна. 3) Природа и Люди. 4) Моск. Еженед. 5) Нива. 6) Дѣловая Россія. 7) Къ Свѣту (Ростовъ н-Д.) 8) Огонекъ. 9) Сарат. Жел.-Дор. Вѣст. 10) Нижег. Зем. Нед. 11) Театръ и Искус. 12) Фельдшеръ. 13) Право. 14) Труженикъ. 15) Союзъ Женщинъ. 16) Попул. литер.-мед. жур. д-ра Окса. 17) Сибир. Вопросы. 18) Сатириконъ. 16) Для нар. учителя. 20) Искры (Москва). 21) Джигитъ (Баку). 22) Юная Россія. 23) Въ Мірѣ Искусствъ. 24) Мысли Печатника. 25) Зап. Имп. Рус. Тех. Об-ва. 26) Вѣст. Воспитанія. 27) Вѣст. Европы. 28) Совр. Міръ. 29) Рус. Богатство. 30) Рус. Мысль. 31) Рус. Школа. 32) Минув. Годы. 33) Tygodnik Illustrowany (Варшава). 34) Матрахи (груз.). 34) Чвели-Квали (груз.). 35) Ди Ное Цайтъ (евр. Вильно). 36) Слово (малорос. Кіевъ). 37) Истор. Вѣст. 38) Разсвѣтъ. 39) Голосъ Деревообдѣлочника.

Большинство перечисленныхъ изданій доставлено для музея въ 2-хъ экземплярахъ, но нѣкоторыхъ изданій (преимущественно провинціальныхъ газетъ) еще не достаетъ, вслѣдствіе чего Комитетъ покорнѣйше проситъ доставить недостающія изданія по адресу: *Петербургъ. Ред. жур. „Минувшіе Годы“. Лиговка 44.*

Пожертвованія деньгами и предметами принимаются у всѣхъ членовъ Комитета (Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковскій, П. Н. Милюковъ, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ) и въ редакціяхъ газетъ „Рѣчь“, „Слово“ и „Современное Слово“ и журналовъ „Современный Міръ“, „Русское Богатство“, „Образованіе“ и „Минувшіе Годы“.

* * *

„Русское Слово“ сообщаетъ, что въ ознаменованіе юбилея Толстого коммерческій клубъ въ Ростовѣ на Дону ассигновалъ на устройство Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ—500 рублей.

* * *

Въ „Рѣчи“ напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

По порученію инициаторовъ посылки Л. Н. Толстому привѣтственной телеграммы отъ петербуржцевъ, проживавшихъ лѣтомъ въ дачныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, имѣю честь покорнѣйше просить не отказать въ напечатаніи нижеслѣдующаго краткаго отчета.

Всего поступило 1124 подписи и внесено 171 рубль 87 копѣекъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Куоккола 365 подписей на 59 руб. 01 к., Терріоки—188 на 28 руб. 75 к., Оллила—97 на

14 руб. 15 коп. Райвола—41 на 5 руб. 75 коп. и Мустамяки—37 на 5 руб. 60 к. Кромѣ того прислано было изъ С.-Петербурга—274 на 89 руб. 96 коп., изъ Гунгенбурга—88 на 12 руб. 60 коп. и изъ разныхъ мѣстъ [1])—34 на 6 руб. 05 коп.

Въ виду выраженнаго многими почитателями Льва Николаевича желанія, чтобы привѣтствія были переданы въ Ясную Поляну не по телеграфу, а внесенныя на сей предметъ деньги *были переданы въ фондъ на устройство литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого*, телеграмма со всѣми подписями была передана лично графинѣ С. А. Толстой.

Собранная сумма, въ размѣрѣ 171 руб. 87 к., передана въ редакцію газеты „Рѣчь" для присоединенія къ указанному выше фонду, а подлинныя подписи, по переплетеніи ихъ въ отдѣльную книгу, будутъ переданы въ комитетъ по устройству музея Л. Н. Толстого.

К. Неллисъ.

Куоккола, 5 (18) сентября.

* * *

Статьи, призывающія общество къ сооруженію Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ и пожертвованіямъ на это дѣло, напечатаны, сверхъ столичныхъ, и во многихъ провинціальныхъ газетахъ: Волж. Листкѣ, Вол.-Кам. Рѣчи (Казань), Вятск. Рѣчи, Баку, Асхабадѣ, Тифл. Лист. (ст. И. С. Джабадари), Утрѣ (Харьковъ), Рус. Ривьерѣ (Ялта), Амур. Краѣ (Благовѣщенскъ), Повол. Вѣстн. (Кострома; ст. П. И. Бирюкова) и др.

* * *

Комитетъ покорнѣйше проситъ газеты (особенно провинціальныя) перепечатать настоящій отчетъ, хотя бы только въ его главныхъ чертахъ.

---

[1]) Въ томъ числѣ: изъ Берлина, Варшавы, Гельсингфорса, Двинска, Житоміра, Казани, Луги, Москвы, Одессы, Оскуя (Новгор. губ.), Радзивилишекъ, Риги, Сестрорѣцка, Сиверской, Старой Руссы и Устюжны.

Digitized by Google